Отецъ Серафимъ.

ЛѢТОПИСЬ

СЕРАФИМО-ДИВѢЕВСКАГО МОНАСТЫРЯ

НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБ. АРДАТОВСКАГО УѢЗДА

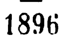
съ жизнеописаніемъ основателей ея: схимонахини Александры урожд. А. С. Мельгуновой и блаженнаго старца іеромонаха Серафима и его сотрудниковъ: Михаила Мантурова, протоіерея о. Садовскаго, блаженной Пелагеи Ивановны Серебренниковой, Николая Александровича Мотовилова, сподвижницъ обители и другихъ.

СОСТАВИЛЪ

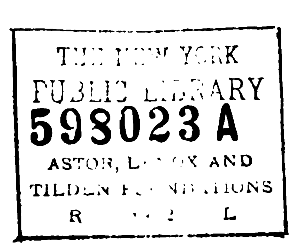
Священникъ Л. М. Чичаговъ.

Изданіе Серафимо-Дивѣевскаго монастыря.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.



1896



(1114)

Отъ Московскаго Духовно-цензурнаго Комитета печатать дозволяется Москва. Іюля 21 дня 1896 года.

Ценворъ священникъ *Григорій Дьяченко*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Стран.

Стран.

Стран.

Стран.

Стран.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Многія причины препятствовали до сихъ поръ напечатанію лѣтописи Серафимо-Дивѣевскаго монастыря, отличающемуся отъ другихъ обителей рѣдкой по интересу исторіей своего основанія и развитія; въ особенности препятствовали событія, происшедшія послѣ смерти блаженнаго старца, отца Серафима Саровскаго. Въ продолженіи 28-ми лѣтъ обитель отца Серафима безпрерывно страдала и терпѣла потрясенія, вслѣдствіе вмѣшательства въ судьбу монастыря посторонняго лица и затѣмъ въ 1861-мъ году возгорѣлась особая, нигдѣ не бывалая еще смута, потребовавшая чрезвычайнаго слѣдствія, по окончаніи котораго, естественно, благоговѣйныя сироты Серафимовы заботились лишь о водвореніи порядка, благочинія и о пріобрѣтеніи духовнаго покоя, а не о обнародованіи правдивой исторіи монастыря. Наконецъ, необходимо было дождаться напечатанія историческихъ документовъ, воспоминаній и показаній нѣкоторыхъ современниковъ и рѣшителей судебъ Серафимо-Дивѣевскаго монастыря, чтобы лѣтопись имѣла характеръ повѣствованія, основаннаго на неопровержимыхъ историческихъ фактахъ.

Нынѣ изданы—письма, мнѣнія и резолюціи въ Бозѣ почившаго Митрополита Филарета Московскаго, который по волѣ Провидѣнія положилъ предѣлъ страданіямъ дивной Серафимовой обители и теперь лѣтописцы ея могутъ основывать событія 1861 года на мудрыхъ и безошибочныхъ рѣшеніяхъ благодатнаго Святителя русской земли.

Серафимо-Дивѣевскій монастырь—есть необыкновенная обитель, какъ вслѣдствіе своего основанія, такъ и духовнаго роста. Первоосновательницею надо считать великую рабу Божію, — схимонахиню Александру, въ мірѣ—Агафью Семеновну Мельгунову, которая учредила общину не по своей волѣ, но по волѣ и указанію Самой Царицы Небесной, на мѣстности взятой Богородицею Себѣ въ четвертый удѣлъ на землѣ. Блаженный старецъ, о. Серафимъ засвидѣтельствовалъ эту истину тысячамъ народа и потому Дивѣево во многихъ печатанныхъ брошюрахъ и воспоминаніяхъ современниковъ называется „четвертымъ жребіемъ Божіей Матери на землѣ“. По кончинѣ Мельгуновой обитель была возрождена о. Серафимомъ и рядомъ со старой общиною еще учреждена другая—новая, подъ названіемъ „дѣвической“. Царица Небесная Сама назвалась Верховною Игуменіею Дивѣевской обители, передала о. Серафиму на словахъ правила и уставъ монастыря и блаженный старецъ, какъ высказалъ старшимъ сестрамъ и духовнику передъ своею кончиною и говорилъ многимъ при жизни, не переставлялъ въ Дивѣевѣ ни одного камня по своей волѣ. Предсказанія о. Серафима о будущемъ Дивѣевской обители свидѣтельствуютъ, что она можетъ быть сравниваема только съ Кіево-Печерской Лаврой, которая есть третій удѣлъ Богоматери на землѣ. Многое уже сбылось изъ предсказаній великаго старца и монашествующія твердо вѣрятъ, что обитель, по словамъ о. Серафима, будетъ впослѣдствіи единственной женской Лаврой въ мірѣ.

Источниками для составленія лѣтописи Серафимо-Дивѣевскаго монастыря служили слѣдующія рукописи, записки, документы и печатанные матеріалы:

РУКОПИСИ (монастырскій архивъ).

Тетрадь № 1: разсказы объ основателѣ нашемъ старцѣ священно-іеромонахѣ Серафимѣ (сообщенія старицъ и монахинь).

Тетрадь № 2: того же содержанія.

Тетрадь № 3: „Достовѣрныя свѣдѣнія о двухъ Дивѣевскихъ обителяхъ Н. А. Мотовилова и объ исцѣленіи его великимъ старцемъ Серафимомъ.

Тетрадь № 4: лѣтописныя сказанія Серафимо-Дивѣева монастыря, составленныя изъ записокъ протоіерея о. Василія Садовскаго и Николая Александровича Мотовилова: а) предисловіе, б) госпожа Агафія Семеновна Мельгунова въ монашествѣ матушка Александра, в) первоначальная, такъ называемая Общежительно-Богоугодная, при Казанской церкви полковницы Мельгуновой женская общинка, г) Марія Семеновна Мелюкова, въ схимонасѣхъ Марѳа, д) Елена Васильевна Мантурова.

Тетрадь № 5: описаніе женскаго общежительнаго Серафимо-Дивѣевскаго монастыря, составленное вслѣдствіе указа о томъ Преосвященнаго Модеста, Епископа Нижегородскаго и Арзамасскаго, въ 1885-мъ году и хранящееся въ Духовной Консисторіи.

Тетрадь № 6: лѣтописное сказаніе Серафимо-Дивѣева монастыря, составленное изъ записокъ протоіерея о. Василія Садовскаго и Николая Александровича Мотовилова и по разсказамъ Михаила Васильевича Мантурова: а) основаніе старцемъ Серафимомъ второй мѣльничной Дивѣевской общинки, при селѣ Дивѣевѣ, б) построеніе двухъ-поставной вѣтренной мельницы въ Серафимовомъ Дивѣевѣ, в) Михаилъ Васильевичъ Мантуровъ, г) построеніе первоначальныхъ Рождественскихъ церквей Серафимо-Дивѣева. Разсказъ протоіерея о. Василія Садовскаго, д) 81 разсказъ старицъ о предрѣченіяхъ батюшки о. Серафима.

Тетради № 7 и № 8: о блаженной Пашѣ Саровской.

Тетрадь № 9: жизнеописаніе блаж. Пелагіи Ивановны.

Тетрадь № 10: разсказы о Прасковіи и Маріи Семеновныхъ Мелюковыхъ.

Тетрадь № 11: (черновая, въ переплетѣ): а) жизнеописаніе монахини Елены, въ міру дѣвицы Е. В. Мантуровой и б) разсказы разныхъ лицъ.

Тетрадь № 12: краткое описаніе Серафимо-Дивѣевской обители.

Тетрадь № 13: свѣдѣнія о Серафимо-Дивѣевскомъ монастырѣ.

Тетради №№ 14 и 15: краткое повѣствованіе о Свято-Троицкомъ соборѣ Серафимо-Дивѣева монастыря.

Тетрадь № 16: кончина матушки Агафіи Симеоновны и основаніе батюшкой Серафимомъ мельничной обители.

Тетрадь № 17: о Прасковіи Семеновнѣ Мелюковой.

Тетрадь № 18: воспоминанія о жизни старца Антонія.

Тетрадь № 19: свѣдѣнія о блажен. Наталіи Дмитріевой.

Тетрадь № 20: тридцать разсказовъ объ исцѣленіи батюшки о. Серафима.

Тетрадь № 21: сказаніе о послѣднихъ двухъ дняхъ жизни старицы Прасковіи Семеновны Мелюковой, переданное Ѳеодорой Ерофѣевой.

Тетрадь № 22: (черновые) разсказы о батюшкѣ о. Серафимѣ, чудесахъ его и о болящихъ старицахъ, записанные В. А. Карамзиной.

Тетради №№ 23—28: лѣтопись о первыхъ первоначальницахъ общинъ и тетради (5) о цѣлительныхъ свойствахъ воды батюшки Серафима.

Тетради №№ 29—33: (черновые) разсказы о батюшкѣ о. Серафимѣ, о чудесахъ его, о Мантуровѣ и о первоначальницахъ.

Тетрадь № 34: письмо и записки исправника Павла Бетлинга.

Тетрадь № 35: древнія бумаги М. В. Мантурова о покупкѣ земли и о постройкѣ Рождественской церкви.

Тетрадь № 36: (черновыя) записи В. А. Карамзиной о чудесахъ батюшки о. Серафима.

Тетрадь № 37: нѣкоторыя замѣчанія на книгу: „сказанія о подвигахъ старца Серафима" сосѣдомъ Саровской пустыни и Дивѣевской общины.

Тетрадь № 38: свѣдѣнія о батюшкѣ о. Серафимѣ изъ Слободскаго Вятскаго монастыря, съ копіей письма Преосвящ. Агаѳангела Епископа Вятскаго.

Тетрадь № 39: письма и телеграммы, относящіяся къ юбилею игуменіи Маріи.

Тетради №№ 40—60: записки Н. А. Мотовилова.

ПЕЧАТАННЫЕ:

1) Сказанія о подвигахъ и событіяхъ жизни старца Серафима, іеромонаха, пустынника и затворника Саровской пустыни, съ присовокупленіемъ очерка жизни первоначальницы Дивѣевской женской обители Агаѳіи Симеоновны Мельгуновой. Изданіе іеромонаха Іоасафа. Спб. 1849 г.

2) Изданіе второе. Спб. 1856 г.

3) Житіе старца Серафима Саровской обители іеромонаха, пустынножителя и затворника. Спб. 1863 г. Изд. Саровской пустыни.

4) Изданіе четвертое. Муромъ. 1893 г. Изд. Саровской пустыни.

5) Общежительная Саровская пустынь и достопамятные иноки въ ней подвизавшіеся. Москва. 1884 г. Изд. 4-е.

6) Житіе и подвиги іеросхимонаха Іоанна, основателя и первоначальника Саровской пустыни. Муромъ. 1892 года.

7) Краткое жизнеописаніе старца Серафима Саровскаго и полковницы Агаѳіи Семеновны Мельгуновой основателей Серафимо-Дивѣева женскаго монастыря. Изд. Серафимо-Дивѣева монастыря. Москва. 1874 г.

8) Серафимо-Дивѣевскій общежительный женскій монастырь съ приложеніемъ жизнеописаній о. Серафима и матери Александры. Составлено Княжной Еленой Горчаковой. Москва. 1889 г.

9) Двадцатипятилѣтнее юбилейное торжество игуменіи Маріи, настоятельницы Серафимо-Дивѣевскаго монастыря. Нижній-Новгородъ. 1887 г.

10) Сказаніе о Христа ради юродивой подвижницѣ Пелагіи Ивановнѣ Серебрениковой. Тверь. 1891 г.

11) Преосвященный Антоній, Архіепископъ Воронежскій и Задонскій. Воронежъ. 1890 г.

12) Преосвященный Ѳеофанъ затворникъ Вышенскій. Москва. 1895 г.

13) Преосвященнѣйшій Іеремія, Епископъ Нижегородскій. Нижній-Новгородъ. 1886 г.

14) Схи-игуменъ Серафимъ, бывш. настоятель Павло-Обнорскаго монастыря о. Іоасафъ. Священника А. Братановскаго. Ярославль. 1885 г.

15) Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета Митрополита Московскаго и Коломенскаго т. IV и т. V (часть первая).

16) Письма Филарета Митрополита Московскаго и Коломенскаго къ Высочайшимъ особамъ и разнымъ другимъ лицамъ. Тверь. 1888 г.

17) Письма Митрополита Московскаго Филарета къ намѣстнику Свято-Троицкія Сергіевы Лавры Архимандриту Антонію. Ч. IV. Москва. 1884 г.

Леонидъ Чичаговъ.

Первоначальница Дивѣевской общины

Полковница Агафія Семеновна Мельгунова,

въ монашествѣ мать Александра.

Лѣтопись Серафимо-Дивѣевскаго монастыря.

ГЛАВА I.

Четыре удѣла Божіей Матери на землѣ: Иверія, Аѳонъ, Кіевъ и Дивѣево. Флоровскій женскій монастырь въ Кіевѣ. Полковница Агафья Семеновна Мельгунова—первоначальница обители на мѣстѣ четвертаго жребія Матери Божіей на землѣ—въ селѣ Дивѣевѣ. Общежительная Саровская пустынь; исторія ея. Іеросхимонахъ Іоаннъ.

Въ 44-мъ году по Р. Хр., когда Иродъ Агриппа началъ преслѣдовать христіанъ, обезглавилъ Іакова, брата Іоаннова и заключилъ въ темницу Петра, тогда св. апостолы, съ соизволенія Богоматери, признали за лучшее оставить Іерусалимъ и положили кинуть между собою жребій кому отправиться, въ какую сторону, для проповѣди Евангельской (Сказанія о земной жизни Пресв. Богородицы. 1869 г. Спб.). Пречистой Богоматери досталась *земля Иверская*, нынѣшняя Грузія. Съ радостію принявъ этотъ *первый удѣлъ*, Она стала готовиться къ отправленію въ Иверію, но Ангелъ, явившійся предъ Нею, возвѣстилъ Ей, что страна, доставшаяся Ей въ удѣлъ для проповѣди, просвѣтится впослѣдствіи времени; что-же касается до Нея Самой, то Она должна остаться теперь въ Іерусалимѣ, ибо Ей предназначенъ трудъ просвѣщенія другой страны, о которой воля Сына и Бога Ея выскажется въ свое время.

Тѣмъ временемъ, Лазарь, чудно воскрешенный Господомъ и впослѣдствіи рукоположенный св. апостоломъ Варнавою во епископа, проживая на о. Кипрѣ, сердечно сокрушался, что лишенъ счастія лицезрѣть Матерь Божію, а самъ

не смѣлъ пріѣхать въ Іерусалимъ, такъ какъ Іудеи искали его убить. Матерь Божія, узнавъ объ этомъ, написала къ нему утѣшительное посланіе, прося прислать за Нею корабль. Корабль былъ немедленно снаряженъ и отправленъ къ Пресвятой Дѣвѣ, Которая съ св. апостоломъ Іоанномъ и другими учениками отплыла къ о. Кипру. Плаваніе началось благополучно и корабль понесся по пучинамъ Средиземнаго моря. Уже немного оставалось пути, какъ вдругъ подулъ сильный противный вѣтеръ и корабельщики при всѣхъ усиліяхъ и искусствѣ, не могли справиться съ кораблемъ. Вѣтеръ, крѣпчая, перешелъ въ бурю и корабль, не слушаясь болѣе земнаго кормчаго, отдался указанію перста Божія и понесся въ другую сторону. Увлеченный въ Егейское море, онъ промчался между островами Архипелага и присталъ у береговъ Аѳонской горы, принадлежавшей Македоніи и переполненной идольскими капищами. Пресвятая Дѣва, видя, что въ этомъ неожиданномъ случаѣ проявляется воля Божія на предреченный Ей Ангеломъ жребій на землѣ, вышла на берегъ невѣдомой Ей страны, возвѣстила язычникамъ о тайнѣ воплощенія Господа Іисуса Христа, раскрыла силу Евангельскаго ученія. Богоматерь сотворила здѣсь много чудесъ, которыми укрѣпила вѣру новопросвѣщенныхъ, оставила на Аѳонѣ одного изъ сопутствовавшихъ Ей мужей апостольскихъ и затѣмъ отплыла къ о. Кипру. Св. гора Аѳонъ— есть *второй жребій* Богоматери на землѣ.

Въ XI-мъ вѣкѣ (1013—28 г.) въ Аѳонскомъ монастырѣ находился монахъ Антоній, уроженецъ м. Любечь, Черниговской губ., сынъ богатыхъ родителей (Патерикъ печерскій). Матерь Божія открыла игумену монастыря, что новопостриженному Антонію слѣдуетъ идти въ свою землю, въ Россію и послушный Антоній дойдя до Кіева, посѣтилъ всѣ монастыри, но ни одинъ изъ нихъ не понравился ему. Онъ поселился въ пещерѣ, выкопанной въ крутомъ берегѣ Днѣпра и вскорѣ собрались около него черноризцы. Въ то время въ Царьградъ ушли четыре мастера каменьщика, которые большею частію занимались постройкою церквей. Однажды рано утромъ, къ каждому изъ нихъ пришли какіе-то посланцы и сказали, что ихъ зоветъ Царица во Влахернскій храмъ.

Придя, они дѣйствительно нашли въ храмѣ Царицу, Которая и объявила имъ, что хочетъ Себѣ построить церковь на Руси въ Кіевѣ. При этомъ Она дала мастерамъ св. мощи, приказывая, чтобы они положили ихъ въ основаніе церкви и сказала, что церковь должна быть—„въ Мое Имя, Богородицина“... Царица подала мастерамъ небольшой образъ Успенія Божіей Матери, тотъ самый, который и теперь виситъ надъ царскими вратами въ великой лаврской церкви. Такъ основался Кіево-печерскій монастырь,—будучи *третьимъ жребіемъ* Божіей Матери на землѣ.

Въ половинѣ XVII-го столѣтія основанъ въ Кіевѣ, на Подолѣ женскій Флоровскій монастырь, при церкви свв. Флора и Лавра. Къ нему присоединенъ, согласно указа Государя Петра I-го въ 1712-мъ году другой монастырь, первоначально основанный въ 1566 году, монахомъ Кіево-печерской Лавры,—Іоанномъ Богушемъ-Гулкевичемъ, противъ св. вратъ Лавры, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ возвышается арсеналъ. Церковь Флора и Лавра была теплая, а холодный соборъ Вознесенія Господня, освященъ былъ въ 1732-мъ году Кіевскимъ митрополитомъ Рафаиломъ Заборовскимъ. Нынѣ этотъ монастырь именуется Кіево-Флоровскимъ-Вознесенскимъ I-го класса женскимъ монастыремъ.

Приблизительно около 1760 г. прибыла въ Кіево-Флоровскій монастырь нѣкая богатая помѣщица Ярославской, Владимірской и Рязанской (Переяславской) губерній, вдова полковница Агафія Семеновна Мельгунова, урожденная дворянка Нижегородской губ. Бѣлокопытова. Она владѣла 700-ми душъ крестьянъ, имѣла капиталъ и громадныя помѣстья. Свѣдѣнія о ея жизни были переданы о. Василіемъ Дертевымъ, Дивѣевскимъ священникомъ, у котораго Мельгунова впослѣдствіи жила, а также сестрами-подвижницами ея общины и протоіереемъ о. Василіемъ Садовскимъ, замѣстившимъ въ Дивѣевѣ о. Дертева, который оставилъ послѣ себя записки, хранящіяся въ Дивѣевской библіотекѣ. Показанія о. Василія Садовскаго записаны еще почитателемъ и другомъ о. Серафима Саровскаго, помѣщикомъ Дивѣевскимъ коллежскимъ совѣтникомъ Николаемъ Александровичемъ Мо-

товиловымъ, о которомъ будетъ много говорено въ историческомъ очеркѣ Дивѣевскаго монастыря.

А. С. Мельгунова лишилась мужа еще въ молодыхъ годахъ и прибыла въ Кіевъ съ своею трехлѣтнею дочерью (Саровское изд. 1893 г. Муромъ, изд. 4-е). Здѣсь она рѣшилась посвятить свою остальную жизнь Богу и приняла монашество въ Флоровскомъ монастырѣ, подъ именемъ Александры. Несомнѣнно мать Александра думала въ этомъ монастырѣ почить и отъ земныхъ трудовъ, но Господу было угодно возложить на нее обязанности первоосновательницы новаго монастыря. Подвижническая жизнь ея въ Флоровскомъ монастырѣ продолжалась не очень долго. Въ брошюрѣ Дивѣевскаго изданія 1874 года сказано, что мать Александра прибыла въ Саровскую пустынь со взрослою дочерью своей (стр. 44), но это, какъ увидимъ, несправедливо, дочь ея была тогда малолѣтнею.

„Достовѣрно одно“, свидѣтельствуютъ священники Дертевъ и Садовскій, а также Н. А. Мотовиловъ (см. записки ихъ и житіе о. Серафима изд. 1893 г. стр. 95), „что мать Александра однажды послѣ долгаго полунощнаго молитвеннаго бдѣнія, будучи то-ли въ легкой дремотѣ, то-ли въ ясномъ видѣніи, Богъ вѣсть, сподобилась видѣть Пресвятую Богородицу и слышать отъ Нея слѣдующее:

— „Это Я Госпожа и Владычица твоя, Которой ты всегда молишься, Я пришла возвѣстить тебѣ волю Мою: не здѣсь хочу Я, чтобы ты окончила жизнь твою, но такъ какъ Я раба Моего Антонія вывела изъ Аѳонскаго жребія Моего, святой горы Моей, чтобы онъ здѣсь въ Кіевѣ основалъ новый жребій Мой Лавру Кіево-печерскую, такъ тебѣ нынѣ глаголю: изыди отсюда, и иди въ землю, которую Я покажу тебѣ. Иди на сѣверъ Россіи и обходи всѣ великорусскія мѣста святыхъ обителей Моихъ, и будетъ мѣсто гдѣ Я укажу тебѣ окончить богоугодную жизнь твою, и прославлю Имя Мое тамъ, ибо въ мѣстѣ жительства твоего, Я осную такую обитель великую Мою, на которую низведу Я всѣ благословенія Божіи и Мои, со всѣхъ трехъ жребіевъ Моихъ на землѣ: съ Иверіи, Аѳона и Кіева. Иди же раба Моя въ путь твой и благодать Божія, и сила Моя и благо-

дать Моя, и милость Моя и щедроты Мои, и дарованія святыхъ всѣхъ жребіевъ Моихъ выну да будутъ съ тобою!"

„И преста видѣніе".

Очнувшись отъ этого видѣнія, мать Александра, хотя и восхитилась духомъ, но не сразу рѣшилась предаться вѣрѣ во все слышанное и ею видѣнное. Слагая все въ своемъ сердцѣ она сперва сообщила о видѣніи своему духовному отцу, затѣмъ другимъ великимъ и богодухновеннымъ отцамъ Кіево-печерской Лавры и старицамъ одновременно подвизавшимся съ нею въ Кіевѣ. Мать Александра просила ихъ разобрать, разсудить и рѣшить, что за видѣнія удостоилась она и не есть-ли это мечта, игра воображенія и прелесть? Но св. старцы и старицы, послѣ молитвъ и долгихъ размышленій единогласно рѣшили 1) что мать Александра не можетъ быть въ прелести духовной или вражьей, 2) что діаволъ не въ состояніи и не въ силахъ явиться въ образѣ Божіей Матери, потому что Она—*язва бѣсовомъ*, какъ о Ней боголѣпно отъ смысла чиста воспѣваетъ святая церковь, 3) что видѣніе Царицы небесной было истинное, на самомъ дѣлѣ, Божіе святое дѣло, какъ заступницы всѣхъ съ вѣрою и любовію къ Ней прибѣгающихъ и что мать Александра—въ виду того, что удостоилась быть избранницею, первоначальницею и первоосновательницею—*четвертаго жребія* Божіей Матери во вселенной,—блаженна и преблаженна. Старцы присовѣтовали матери Александрѣ, скрыть свое постриженіе и подъ прежнимъ именемъ полковницы Агафіи Семеновны Мельгуновой безбоязненно пуститься въ путь, указанный ей Богоматерью и ждать снова указанія Пресвятой и Пречистой Дѣвы, гдѣ и когда повелитъ Она, то творить съ полною вѣрою въ истину сказаннаго и указаннаго. (См. брошюру изд. 1874 г. Дивѣевск. изд., брошюру кн. Горчаковой, записки Мотовилова, Садовскаго и др.).

Свѣдѣнія о томъ, гдѣ и сколько времени странствовала мать Александра—утратились съ годами и нигдѣ въ запискахъ и разсказахъ не значатся. По показаніямъ старожилъ она въ 1760-мъ году шла изъ г. Мурома въ Саровскую пустынь. Не доходя 12 верстъ мать Александра остановилась на отдыхъ въ селѣ Дивѣевѣ, отстоящемъ отъ Арзамаса въ

55 верстахъ и отъ Нижегородскаго Ардатова въ 24-хъ верстахъ. Мѣстоположеніе привлекло ея взоры, такъ какъ берегъ рѣчки, на которомъ расположилось село, былъ высокъ и съ возвышенности открывался видъ на окружающую мѣстность. Потому-ли что она устрашилась разгульнаго, заводскаго народонаселенія, занимающагося добываніемъ чугунной и желѣзной руды или просто какъ подвижница—монахиня, мать Александра выбрала себѣ мѣстомъ отдыха лужайку у западной стѣны небольшой деревянной церкви, гдѣ и усѣлась на стопѣ лежавшихъ бревенъ. Усталая, она уснула сидя и въ легкой дремотѣ, снова удостоилась увидѣть Божію Матерь и сподобилась, по словамъ вышепереименованныхъ лицъ, слышать отъ Нее слѣдующее:

— „Вотъ то самое мѣсто, которое Я повелѣла тебѣ искать на сѣверѣ Россіи, когда еще въ первый разъ являлась Я тебѣ въ Кіевѣ: и вотъ здѣсь предѣлъ, который божественнымъ промысломъ положенъ тебѣ: живи и угождай здѣсь Господу Богу до конца дней твоихъ, и Я всегда буду съ тобою, и всегда буду посѣщать мѣсто это, и въ предѣлѣ твоего жительства Я оспую здѣсь такую обитель мою, равной которой не было, нѣтъ и не будетъ никогда во всемъ свѣтѣ: *это четвертый жребій Мой во вселенной*. И какъ звѣзды небесныя и какъ песокъ морской умножу Я тутъ служащихъ Господу Богу, и Меня Приснодѣву Матерь свѣта и Сына Моего Іисуса Христа величающихъ: и благодать Всесвятаго Духа Божіяго и обиліе всѣхъ благъ земныхъ и небесныхъ, съ малыми трудами человѣческими, не оскудѣютъ отъ этого мѣста Моего возлюбленнаго!“

Когда видѣніе окончилось, мать Александра проснулась, оглядѣла мѣстность, начала молиться горячими слезами и еле пришла въ себя. Она дошла до Саровской пустыни въ великой радости, такъ какъ этотъ монастырь процвѣталъ тогда святостію жизни многихъ великихъ и явныхъ подвижниковъ, постниковъ, пещерниковъ, старцевъ и затворниковъ. Они могли ей помочь совѣтами и наставленіями.

Общежительная Саровская пустынь произвела сильное впечатлѣніе на боголюбивую мать Александру своимъ мѣстоположеніемъ и величественностію. Ничего подобнаго она

не видала во всей Россіи, такъ какъ монастырь стоялъ среди дремучаго сосноваго лѣса, на горѣ, омываемый съ трехъ сторонъ рѣчками Сатисомъ и Саровкою. Это была настоящая пустынь, уединенная отъ людскихъ жилищъ, стоящая какъ величественный памятникъ Господу и Его Пречистой Матери среди необитаемой страны, успокоивающей каждаго входящаго своей тишиной, мощной природой и пѣснопѣніями славящихъ Бога птичекъ и пташекъ. Строгое благочиніе, продолжительная церковная служба, простота, убогость и суровость монашествующихъ, старинное столповое пѣніе, по чину Аѳонской горы, скудость пищи и вся обстановка восхитили душу матери Александры. Подвижники старцы служили духовнымъ украшеніемъ и подавали примѣръ твердаго упованія на помощь всемогущаго Бога. Они пребывали въ безмолвіи и вмѣстѣ въ непрестанной молитвѣ, бесѣдуя всегда мысленно съ Богомъ. При содѣйствіи благодати Божіей, эти подвижники обладали мудрымъ и тонкимъ познаніемъ сердца человѣческаго и какъ свѣтильники, озаряли чистымъ свѣтомъ ученія Христова всѣхъ приближавшихся къ нимъ, указуя всякому истинный путь, ведущій ко спасенію. (Саровская пустынь и достопамятные иноки, изд. 4-е, 1884 г. Москва).

Основаніе Саровской пустыни положено, согласно показанія основателя ея Іеросхимонаха Іоанна,—въ 1705 году (Житіе и подвиги первопачальника. 1892 г. г. Муромъ). За долго до этого были чудесныя явленія, свидѣтельствовавшія о будущемъ прославленіи Имени Божія на томъ мѣстѣ. Такъ по ночамъ сходилъ иногда съ неба свѣтъ, нерѣдко былъ слышенъ колокольный звонъ, хотя вся окрестность была покрыта густымъ, непроходимымъ лѣсомъ и нигдѣ вблизи не было деревень. Исторія повѣствуетъ, что въ древнія времена окрестности Саровской пустыни были населены народомъ Финскаго племени—мордвою, имѣвшимъ собственныхъ князей. Они вели жизнь полукочевую, занимаясь немного земледѣліемъ, а преимущественно звѣроловствомъ. Извѣстно, что край этотъ покоренъ татарами въ 1298-мъ году, подъ предводительствомъ ширинскаго князя Бахмета и на мѣстѣ Саровской пустыни былъ построенъ городъ Сараклычъ. По

сохранившимся остаткамъ валовъ и преданію, городъ этотъ раздѣлялся на четыре части. Судя по обширности города и жителей въ немъ, вѣрно, было не малое число. Но нельзя сказать, чтобы жизнь ихъ текла мирно и безмятежно. Въ землѣ монахи часто находили стрѣлы, сабли, копья и другія орудія, а также много человѣческихъ костей. Все это служитъ доказательствомъ, что Сараклычъ былъ въ осадѣ и битвы кипѣли во рвахъ. Князь Беханъ, по преданію, былъ послѣднимъ владѣтелемъ Сараклыча въ 1389-мъ году, при великомъ князѣ Дмитріѣ Іоанновичѣ и сынѣ его Василіѣ. Онъ принужденъ былъ со всѣмъ родомъ своимъ и племенемъ уйти за рѣку Макшу. Весьма долго не было на мѣстѣ города человѣческихъ поселеній, такъ что все поросло дремучимъ лѣсомъ и даже забылось кто обиталъ нѣкогда здѣсь.

Первымъ жителемъ запустѣлаго, Стараго Городища, былъ инокъ Ѳеодосій (уроженецъ села Помры, Нижегородской губ.) пришедшій сюда около 1664 г., а до того времени жившій въ монастырѣ въ г. Пензѣ. Поставивъ пустынную келлію на валу, монахъ Ѳеодосій подвизался въ ней лѣтъ пять или больше, не одинъ, но съ приходившими къ нему монахами, а потомъ опять возвратился въ монастырь, въ г. Пензу.

Не задолго до отхода изъ пустыни старца Ѳеодосія, къ нему пришелъ изъ Красной слободы, изъ Спасскаго монастыря монахъ Герасимъ, который прожилъ здѣсь одинъ болѣе десяти лѣтъ. Но по отшествіи старца Герасима мѣсто это опять опустѣло, до того времени, когда Господь благоволилъ привести уже основателя и первоначальника Саровской обители Іоанна Ѳеодорова, названнаго при постриженіи въ монахи Исаакіемъ и въ схимѣ переименованнаго Іоанномъ. Онъ родился въ 1670 году у церковнаго дьячка въ селѣ Красномъ, Арзамасскаго уѣзда. Его родители были благочестивы и добродѣтельны. Отецъ окончилъ жизнь въ Арзамасскомъ Введенскомъ монастырѣ схимонахомъ Ѳеофаномъ. Отъ чтенія житій преподобныхъ отцевъ, просіявшихъ въ монашествѣ, въ душѣ юнаго Іоанна рано возгорѣлось желаніе послѣдовать ихъ примѣру. Въ этомъ намѣреніи онъ былъ укрѣпленъ особымъ откровеніемъ свыше. Однажды онъ

увидѣлъ во снѣ икону Богородицы, стоявшую на воздухѣ, которая какъ бы нисходила на храмъ, ликомъ обращенная къ нему и призывала его къ себѣ. Это видѣніе было принято имъ какъ зовъ Господа и Пречистой Его Матери къ подвигу въ образѣ иноческомъ, но молодой человѣкъ вскорѣ забылся. Христосъ, избравшій его, не попустилъ совершенно увлечься суетой міра и вновь призвалъ Іоанна. „Время тебѣ, о душе!"—услышалъ онъ голосъ, говорящій ему,—„время тебѣ обращенія и исполненія твоего обѣщанія: Господь во всемъ благомъ будетъ тебѣ помощникъ". Страхъ и трепетъ объялъ сердце его и съ того времени онъ началъ стараться исполнить обѣщаніе. Онъ находился въ недоумѣніи куда ему обратиться, но послѣ долгой молитвы направился въ Введенскій монастырь въ Арзамасѣ, гдѣ 6-го февраля 1689 года, на 19-мъ году отъ рожденія принялъ на себя ангельскій образъ, чрезъ постриженіе отъ руки строителя того монастыря Іеромонаха Тихона.

Пробывъ нѣсколько времени въ Введенскомъ монастырѣ на послушаніи и тяготясь людскою молвою, суетою, а также частыми посѣщеніями родныхъ и знакомыхъ, юный инокъ Исаакій началъ стремиться къ достиженію безмолвія въ уединеніи. Узнавъ отъ монаха Филарета (Санаксарскаго) что въ дремучихъ Темниковскихъ лѣсахъ, между Сатисомъ и Саровомъ есть очень удобное для уединенія мѣсто, Исаакій пожелалъ непремѣнно побывать на немъ. Придя туда съ товарищемъ, они увидѣли, что мѣстность весьма удобна къ безмолвію: непроходимая глушь, суровая дикость, совершенное безлюдіе, величественная тишина этой таинственной горы какъ нельзя болѣе согласовались съ восторженнымъ настроеніемъ души юнаго инока. Помолившись и поставивъ на горѣ крестъ, они возвратились въ монастырь, съ твердымъ намѣреніемъ переселиться на „Старое Городище" для пустынножительства.

Такимъ образомъ Исаакій въ 1691 году оставилъ Введенскій монастырь и вмѣстѣ съ Филаретомъ Санаксарскимъ переселился въ Саровскую пустыню, чтобы въ тишинѣ и безмолвіи работать единому Богу. Они наскоро общими трудами поставили себѣ шалашъ—кущу и принялись готовить

лѣсъ на постройку келліи, терпя скудость во всемъ. Эти скорби скоро оказались не по силамъ Филарету и черезъ мѣсяцъ онъ собрался снова вернуться въ Санаксарскій монастырь. Глубоко опечаленный Исаакій не рѣшился остаться одинъ и вмѣстѣ съ Филаретомъ ушелъ въ Санаксарскую обитель. Тамъ Исаакій съ ревностію предался подвигамъ, умерщвляя плоть постомъ, бдѣніемъ и трудами. Богоугодная жизнь юнаго подвижника пріобрѣла ему любовь братіи и они упросили его принять священный санъ. Въ 1692 г. 2 февраля при патріархѣ Адріанѣ, Исаакій былъ рукоположенъ въ Москвѣ во іеромонаха въ Санаксарскій монастырь, митрополитомъ Сарскимъ и Подонскимъ—Евѳиміемъ.

По возвращеніи въ Санаксаръ опять возбудилось въ немъ прежнее желаніе удалиться въ Саровскую пустынь. Весною 1692 г. онъ прибылъ на „Старое Городище" съ міряниномъ Андреемъ, жившимъ въ Спасскомъ монастырѣ Арзамасскаго уѣзда. Поселившись въ прежнемъ шалашѣ, они съ усердіемъ начали рубить лѣсъ и строить келлію. Такъ прожили они вмѣстѣ нѣсколько времени и за жизненными припасами ходилъ въ селенія Андрей. Въ одно изъ такихъ путешествій случилось съ Андреемъ вѣроятно какое либо несчастіе и онъ не возвратился къ Исаакію. Такимъ образомъ послѣдній остался въ пустынѣ одинъ и началъ копать въ горѣ пещеру. Дабы ободрить и утѣшить Исаакія, Господь направилъ къ нему въ сожительство друга его—монаха Палладія. Вдвоемъ стало легче бороться съ трудностями и лишеніями пустыни. Затѣмъ прибылъ сюда же монахъ Герасимъ изъ Спасскаго монастыря. Завидуя мирной жизни пустынниковъ, исконный врагъ человѣковъ восхотѣлъ искушеніями разогнать ихъ. Орудіемъ своимъ онъ избралъ строптиваго сожителя ихъ Герасима, который поджегъ келлію Исаакія и Палладія, во время ихъ отлучки въ с. Кременки. Случилось это въ зимнее время и строить новую келлію не было возможности. Тогда Исаакій съ Палладіемъ отправились во Флорищеву пустынь, гдѣ имъ пришлось не по душѣ. Пробывъ только четыре дня, они, влекомые къ уединенію въ безмолвіи своей пустыни возвратились въ нее и ископали себѣ малую пещерку въ горѣ и поселились въ

мой. Съ наступленіемъ весны начали строить келлію, но Палладій, мучимый уныніемъ, не могъ перенести скорби и ушелъ изъ пустыни, оставивъ Исаакія одного достраивать келлію. Герасимъ жилъ отдѣльно въ своей келліи, обуреваемый различными страстями. Приходили и другіе монахи для житья въ пустынѣ, но всѣ не на долго. Исаакій страдалъ душевно, отъ борьбы со врагомъ и тѣлесно, такъ какъ тѣло его покрылось какъ-бы однимъ струпомъ. Онъ молился и плакалъ до тѣхъ поръ, пока силы совершенно изнемогали. Время шло своимъ обычнымъ чередомъ. Борьба со страстями и искушеніями, изнеможеніе и укрѣпленіе въ силахъ, исхожденіе изъ пустыни въ ближайшіе монастыри для благодатнаго укрѣпленія Св. Тайнами и бесѣдами съ опытными старцами и возвращеніе въ пустыню съ новымъ запасомъ духовныхъ силъ,—чередовались въ своей постепенности. Такъ, въ одну изъ отлучекъ Исаакія въ Санаксарскій монастырь, пришелъ въ пустыню іеродіаконъ Тимолай изъ дальнихъ монастырей Соловецкихъ, и сдѣлавъ большой сосновый крестъ, на которомъ написалъ время сооруженія онаго и свое имя, поставилъ на горѣ Саровской. Потомъ построилъ часовню на той же горѣ, въ среднемъ городѣ и пошелъ въ Синаксарскій монастырь, гдѣ встрѣтился съ Исаакіемъ, разсказалъ ему о бытности своей въ его пустынной келліи и что водрузилъ крестъ и поставилъ часовню. При этомъ высказалъ и намѣреніе свое позаботиться о построеніи церкви на томъ мѣстѣ и обители. Исаакій считалъ это невозможнымъ. Черезъ годъ, въ январѣ 1695 года, Тимолай прислалъ Исаакію образъ Св. Іоанна Предтечи написанный на жести и велѣлъ сказать, что скоро и самъ будетъ туда, хотя не пріѣхалъ.

Расколъ въ Нижегородской области, въ предѣлахъ которой подвизался Исаакій, появился съ самаго начала его возникновенія и распространился очень быстро. Обширные лѣса особенно благопріятствовали гонимымъ раскольникамъ укрываться отъ преслѣдованій. И вотъ на рѣкахъ Керженцѣ и Бѣлбожѣ стали быстро возникать раскольничьи поселенія и скиты. Между этими скитами былъ въ особенномъ уваженіи скитъ, подъ начальствомъ Іоны. У него было два именитыхъ

ученика—монахъ Филаретъ и бѣлецъ Іоаннъ Димитріевъ. Исаакій путешествовавшій иногда въ ближайшіе монастыри встрѣчался съ раскольниками и бесѣдовалъ съ ними. Заблужденія раскольниковъ возбуждали въ немъ скорбь и сожалѣніе. Долго и крѣпко боролся Исаакій съ желаніемъ идти съ проповѣдью къ заблудшимъ.

Въ 1700 году во многихъ мѣстахъ Россіи, особенно на Сѣверѣ, былъ голодъ и жители городовъ съ семействами переселялись для прокормленія въ болѣе южные города. По этой же причинѣ раскольникъ Иванъ Корелинъ, оставивъ свое житье за Волгою, бродилъ по городамъ и селамъ, прося милостыню. Случилось ему идти въ г. Темниковъ. По пути, при большой дорогѣ, на р. Сатисѣ, въ 2-хъ верстахъ отъ келліи Исаакія, стояла мельница. Иванъ Корелинъ зашелъ въ ту мельницу переночевать, да по просьбѣ хозяина остался въ ней на долгое время. Разъ Исаакій пришелъ въ построенную имъ близъ мельницы часовню, чтобы поставить на ней крестъ и зашелъ на мельницу, гдѣ и встрѣтилъ Ивана Корелина. Познакомились и разговорились. Послѣ неоднократныхъ посѣщеній и бесѣдъ Исаакій обратилъ этого злѣйшаго раскольника на истинный путь и постригъ въ монашество, давъ имя Иринея. Глубоко скорбѣлъ Ириней о прочихъ раскольникахъ, погибающихъ діавольскимъ прельщеніемъ и умолялъ Исаакія поѣхать съ нимъ за Волгу, но Исаакій рѣшительно отказался, предоставляя дѣло обращенія тѣхъ раскольниковъ волѣ Божіей. Тогда Ириней обратилъ свою дѣятельность на ближайшихъ окрестныхъ раскольниковъ.

Въ концѣ 1700 года Исаакію пришлось покинуть пустыню по усиленнымъ просьбамъ вкладчиковъ и братіи Введенскаго монастыря, которые его выбрали настоятелемъ и получили на то благословеніе патріарха Адріана. На Макарьевской ярмаркѣ онъ еще болѣе столкнулся съ раскольниками, съ самимъ Іоной и обѣщалъ пріѣхать въ его скитъ, но конечно не поѣхалъ, а ждалъ Божьей воли. Тогда раскольники явились въ Саровскую пустынь, вызвали къ себѣ Исаакія изъ Арзамаса и онъ на нихъ повліялъ также, какъ и на Корелина. Лѣтомъ 1705 года монахъ Филаретъ, уче-

никъ Іоны, перешелъ въ православную вѣру, и выстроилъ въ своемъ скиту за Волгой,—церковь. Теперь Исаакій не сталъ отказываться отъ поѣздки за Волгу и лично убѣдился, что Господь благословилъ начатое имъ святое дѣло. Всѣхъ новообращенныхъ Исаакій причастилъ Св. Таинъ въ Спасскомъ монастырѣ. Впослѣдствіи на мѣстѣ скита Филаретова учрежденъ монастырь, въ которомъ Филаретъ сдѣланъ настоятелемъ.

Съ удаленіемъ Исаакія въ Введенскій монастырь, въ Саровской пустынѣ остался одинъ Ириней, но вскорѣ начали мало по малу собираться сюда любители безмолвія и пустыннаго уединенія. Первое пустынное братство было связано взаимною любовію и единодушіемъ, но такова уже участь добродѣтели въ мірѣ: скорбь неотлучно слѣдуетъ за нею. Вскорѣ малому сему избранному стаду Христову суждено было испытать тягчайшія скорби. Ириней скончался въ 1703 году, а іеромонахъ Авраамій, изъ вдовыхъ священниковъ, сдѣлавшись настоятелемъ сталъ писать въ Москву ложные доносы на Исаакія, который будто бы сносится съ своими единомысленниками—заволжскими раскольниками. Исаакій былъ вызванъ въ Москву, гдѣ и пробылъ долгое время, пока дѣло не окончилось примиреніемъ. Это навело страхъ на пустынныхъ иноковъ. Претерпѣваемыя муки ускорили его намѣреніе опять вернуться въ пустыню. Поставивъ вмѣсто себя въ Введенскомъ монастырѣ любимаго ученика своего іеромонаха Саровскаго Аѳиногена, Исаакій немедля ушелъ въ пустынь.

Въ Саровской пустынѣ Исаакій всецѣло предался построенію церквей, что было весьма трудно, такъ какъ прежде всего слѣдовало отыскать помѣщика, который-бы закрѣпостилъ за собою землю, затѣмъ, чтобы онъ передалъ ее законнымъ порядкомъ обители и наконецъ, чтобы дали разрѣшеніе построить церковь въ пустынѣ. Послѣ долгихъ скитаній по городамъ и начальникамъ, Исаакій встрѣтилъ князя Кугушева, который взялся хлопотать о землѣ и не смотря на безчисленныя препятствія, случайности, недомолвки, искушенія и недоразумѣнія, дѣло приняло успѣшный оборотъ. 28-го апрѣля 1706 года пустынножители положили основаніе

будущему храму и своими руками срубили одинъ вѣнецъ стѣнъ. Къ 16-му мая уже была окончена кровля; оставалось отдѣлать главы и внутренность храма. Въ этотъ день положено было, по совершеніи молебнаго пѣнія, поставить на храмѣ крестъ. И вотъ, когда водруженъ былъ на верху св. крестъ, Господу Богу благоугодно было чудеснымъ знаменіемъ вновь проявить благоволеніе Свое, какъ къ избранному мѣсту, такъ и къ воздвигаемому храму. Въ ночь на 17-е число вдругъ раздался на горѣ сильный колокольный звонъ, который слышали всѣ случившіеся тогда въ пустынѣ и хорошо знавшіе, что при строившемся храмѣ и вообще въ пустынѣ не было ни одного колокола. Въ полдень 17-го числа вдругъ всѣхъ освѣтилъ необыкновенный свѣтъ и вмѣстѣ съ нимъ опять раздался сильный колокольный звонъ. 16-го іюня 1706 года совершено торжественное освященіе храма Пречистыя Богородицы Живоноснаго Ея Источника архимандритомъ Павломъ. По мановенію Божію въ пустыню собрались тысячи людей всякаго званія, чина и возраста. Безмолвствовавшая столько лѣтъ Саровская гора пробудилась отъ необычайнаго народнаго движенія. Усердствующими была привезена вся нужная для храма утварь, одѣянія, св. иконы и проч. Жители села Кременокъ пришли торжественнымъ крестнымъ ходомъ и принесли изъ своей церкви иконы, два колокола, книги, аналой и прочую церковную утварь.

Чудесное возникновеніе церкви въ дебряхъ Саровскихъ и основаніе здѣсь обители иноковъ, народная молва быстро разнесла повсюду и привлекла сюда не мало желателей пустыннаго безмолвія, искавшихъ у Исаакія руководства въ духовной жизни. Исаакій составилъ уставъ, который предложилъ обсудить братіи и затѣмъ всѣ подписались на приговорѣ обязательство держать и хранить его безотложно. Этотъ уставъ доказываетъ обширныя знанія Исаакія въ божественныхъ и отеческихъ писаніяхъ, глубокую опытность въ иноческой жизни, тонкое постиженіе сердца человѣческаго и вѣрное пониманіе духовныхъ потребностей.

Саровская пустынь была основана лишь въ видѣ особаго отдѣленія или скита Введенскаго монастыря, по прошенію вкладчиковъ и братіи того монастыря. Исаакій, какъ

настоятель названнаго монастыря, естественно являлся начальникомъ и Саровской пустыни. Но развитіе юной обители пошло столь быстрыми шагами впередъ и общество братіи въ ней настолько умножилось, что она во многомъ стала превосходить Введенскій монастырь и требовала, для своего процвѣтанія, отдѣленія отъ него и самостоятельнаго существованія. Это обстоятельство много связывало и ограничивало свободу дѣйствій Исаакія. Братія пустыни возбудила вопросъ объ отдѣленіи обители отъ Введенскаго монастыря и 5-го февраля 1709 года особою грамотою Патріаршаго приказа Исаакій утвержденъ въ должности настоятеля Саровской пустыни.

Главная забота строителя состояла въ томъ, чтобы украсить новую обитель храмами Божіими. На верху горы съ первыхъ-же лѣтъ красовались три храма. Нѣкоторые изъ братіи, ревнуя о большихъ подвигахъ къ своему спасенію, съ благословенія Исаакія, удалялись на время великаго поста въ пещеры, которыя общими трудами братіи были значительно углублены въ гору и распространены. Тамъ было устроено нѣсколько малыхъ келій для искавшихъ безмолвія и высѣчена одна большая пещера, въ которой желательно было отшельникамъ устроить церковь. Дозволеніе это было дано по особому ходатайству Царевенъ Маріи и Ѳеодосіи Алексѣевнъ, благодѣтельствовавшихъ Сарову. 30-го мая 1711 г. церковь была освящена во имя Антонія и Ѳеодосія и всѣхъ Кіевопечерскихъ чудотворцевъ.

До сего времени Господь испытывалъ Исаакія, такъ сказать, лично въ немъ самомъ, теперь-же испытанія начались въ обители, основанной его трудами. Въ 1712 году вспыхнулъ лѣсной пожаръ, который подошелъ къ обители и всю ее спалилъ. Уцѣлѣла лишь одна церковь Живоноснаго Источника, хотя потерпѣла значительныя поврежденія. Немедленно послѣ пожара Исаакій приступилъ къ возобновленію монастыря и изъ пепла воздвиглись снова зданія еще въ большемъ блескѣ и красотѣ. Народная молва распространяла слухи, что монахи нашли большой кладъ и на эти деньги строятъ монастырь и покупаютъ земли. Въ сентябрѣ 1712 года когда въ обители успокоились всѣ иноки и бого-

мольцы, пришедшіе на праздникъ Воздвиженія Креста Господня, въ темную и глухую ночь, нѣсколько человѣкъ перелѣзли чрезъ монастырскую ограду и бросились къ храму ломать двери. Стукъ разбудилъ всѣхъ и грабителей прогнали. 30-го ноября въ ночь, когда монашествующіе готовились идти къ утрени, на монастырѣ раздался крикъ и сверкнуло пламя. Выбѣжавъ, монахи очутились окруженными вооруженными людьми, которые иныхъ перевязали, иныхъ заперли въ келліи. Разведя среди монастыря костеръ, разбойники приступили къ пыткѣ монаховъ, дабы узнать, гдѣ у нихъ скрыто богатство. Не узнавъ ничего, разбойники обратились къ грабежу храмовъ и монастыря. Все увезли, что могли. По милости Божіей убитыхъ до смерти не было, но изувѣченныхъ много; особенно пострадалъ іеромонахъ Дороѳей, за отсутствіемъ Исаакія, управлявшій обителію. Второе подобное испытаніе ниспослано Господомъ 20 апрѣля 1731 года также въ отсутствіи настоятеля. Опять напали разбойники во время утрени, побили молящихся въ церкви иноковъ, одного убили, нѣкоторыхъ изувѣчили и разогнавъ монаховъ, грабители унесли и попортили много вещей. Но эти испытанія были лишь только началомъ. Покончивъ, насколько возможно было, успокоеніе и устроеніе обители, послѣ разгрома разбойниками, Исаакій опять отправился въ Москву. По прибытіи туда, вскорѣ постигла его тяжкая болѣзнь, угрожавшая смертію. Дабы лучше приготовиться къ часу смертному, Исаакій пожелалъ постриженія въ схиму и обратился съ просьбою объ этомъ къ бывшему тогда въ Москвѣ знакомому ему строителю Красногривской пустыни, іеромонаху Макарію. Послѣдній согласился исполнить желаніе Исаакія только съ тѣмъ условіемъ, если онъ приметъ на себя точное и непремѣнное исполненіе особыхъ заповѣдей, которыя дастъ ему Макарій. Не надѣясь выздоровѣть, Исаакій согласился исполнить всѣ заповѣди, какія ему угодно будетъ дать. Тогда Макарій связалъ Исаакія такою заповѣдію: „по принятіи схимы, строителемъ и ни въ какомъ начальствѣ у братіи не быть и не священнодѣйствовать и изъ монастыря не выходить, и братію въ церкви отъ писанія не учить и въ пѣніи церковномъ и за трапезою съ братіею

простою стояти и сидѣти въ послѣднихъ". Исаакій принялъ эту заповѣдь, а Макарій облекъ его въ схиму, переименовавъ прежнимъ именемъ—Іоанномъ. Между тѣмъ болѣзнь стала мало по малу ослабѣвать и схимонахъ въ состояніи былъ возвратиться въ свою обитель Саровскую и здѣсь совершенно выздоровѣлъ. За время болѣзни Іоанна въ пустынѣ многое оказалось запущеннымъ и среди братіи стали обнаруживаться безпорядки и неурядицы. Но связанный обѣтами, данными при схимѣ, Іоаннъ не могъ ни во что вмѣшаться, а братія по прежнему обращалась къ нему во всѣхъ своихъ нуждахъ. Іоаннъ обращался за совѣтами къ тому же Макарію, но послѣдній, по простотѣ своей, только наистрожайше подтверждалъ свои заповѣди. Тогда братія пустыни рѣшилася подать челобитную Государю, прося указа и архіерейскаго благословенія, чтобы по прежнему о. Іоанну быть настоятелемъ и духовникомъ. Просьба братіи была уважена и о. Іоанну прислали Государевъ указъ. Въ указѣ прописаны каноническія правила и примѣры изъ исторіи Церкви, изъ которыхъ видно, что монастырями управляли и схимонахи, какъ преп. Пафнутій Боровскій и другіе.

Теперь о. Іоаннъ занялся внѣшнимъ устройствомъ пустыни. Окрестные жители помогали Іоанну съ большимъ усердіемъ. Саровская пустынь, при своемъ основаніи, имѣла лишь около 30-ти десятинъ и очевидно такое скудное имущество не могло поддерживать существованія монастыря. Но Богъ, благоволившій воздвигнуть въ пустынѣ св. обитель, Самъ Своими дивными и непостижимыми судьбами, обезпечилъ навсегда ея существованіе. Посѣтители дѣлали вклады и о. Іоаннъ въ теченіе 17-ти лѣтъ по 1729 годъ, пріобрѣлъ земли по 63-мъ купчимъ отъ 96 владѣльцевъ, изъ которыхъ было 7 русскихъ, 16 новокрещенныхъ и 73 мурзъ и татаръ Темниковскихъ и Кадомскихъ. О. Іоаннъ вытерпѣлъ также не мало спорныхъ процессовъ съ наслѣдниками земель. Какихъ трудовъ, хлопотъ, безпокойства и непріятностей стоило строителю пріобрѣтеніе этихъ имѣній, трудно и представить въ умѣ, не только выразить словами. Процессъ съ Полочениновыми дошелъ до Сената, потребовалъ присутствія о. Іоанна въ Петербургѣ и грозилъ уничтоже-

нію обители, которую могли приказать срыть. Въ 1730-мъ году Высочайшая воля рѣшила многолѣтній споръ и навсегда утвердила и обезпечила существованіе Саровской пустыни. Такъ трудно устраиваются истинныя обители Божіи на землѣ, гдѣ властвуетъ и начальствуетъ надъ людьми, забывающими Господа—врагъ человѣчества.

Но Промыслу Божію угодно было подвергнуть вѣру старца о. Іоанна тяжелому испытанію. Въ 1733 году, по ложному доносу на Саровскую пустынь пало подозрѣніе въ сношеніи ея иноковъ съ нѣкимъ Радышевскимъ. 14-го апрѣля 1734 года о. Іоаннъ былъ арестованъ, по распоряженію страшной въ то время тайной канцеляріи, отправленъ въ Петербургъ и тамъ заключенъ въ крѣпость. Когда прибыли посланные арестовать его,—чиновникъ тайной канцеляріи и солдаты, о. Іоанна не было въ обители, такъ какъ онъ отлучился по монастырскимъ надобностямъ въ г. Темниковъ. Возвращаясь оттуда, о. Іоаннъ встрѣтилъ на дорогѣ эту военную команду. Его привели въ Саровъ, но не впустили въ обитель и не дозволили имѣть сообщеніе съ братіей. Настоятель о. Дороѳей и братія вышли за ворота монастырскія, куда вывели о. Іоанна, окруженнаго стражею и чудный старецъ простился со всѣми, сотворивъ три земныхъ поклона безъ словъ. Рыданія братіи надрывали сердца, ибо всѣ предчувствовали, что не придется имъ болѣе свидѣться въ здѣшней жизни.

Смиреннаго пустынножителя и первоначальника Саровской пустыни и ревностнаго обличителя раскола, іеросхимонаха Іоанна обвинили въ государственномъ преступленіи и въ сообщничествѣ съ немирными раскольниками. Даже знаменитый Ушаковъ съ Тайною Канцеляріей не рѣшились дѣлать ему объ этомъ вопросовъ, настолько повліяли на нихъ кроткіе отвѣты и смиренный видъ старца. Слѣдствіе по дѣлу Радышевскаго все болѣе и болѣе распространялось и захватывало множество лицъ духовныхъ и свѣтскихъ, а престарѣлый о. Іоаннъ долженъ былъ томиться въ узахъ и заключеніи. Почти четыре года продолжались его страданія. Предъ кончиною Господь сподобилъ его принять напутствіе Св. Тайнами. Онъ умолилъ духовника доставить въ Саров-

скую пустынь строителю о. Дороѳею письмо, какъ-бы свое послѣднее завѣщаніе братіи о неопустительномъ исполненіи правилъ устава общежитія, о мирѣ и любви между собою и безропотномъ несеніи послушанія. О. Іоаннъ почилъ о Господѣ 4 іюля 1737 года, на 67 году отъ рожденія. Его погребли при церкви Преображенія Господня, что въ Колтовской, по близости этой церкви къ Тайной Канцеляріи.

ГЛАВА II.

Настоятель Саровской пустыни—Дорофей. Іеромонахи Филаретъ, Маркелъ и Исаакій. Строитель іеромонахъ Ефремъ. Разнорѣчивыя печатныя показанія о пріѣздѣ А. С. Мельгуновой въ Саровъ и Дивѣево. Совѣты Саровскихъ старцевъ А. С. Мельгуновой, въ монашествѣ матери Александрѣ. Переѣздъ матери Александры на жительство въ д. Осиновку, смерть дочери и рѣшеніе ея распродать имѣнія и отпустить крестьянъ на волю. Построеніе Мельгуновой храмовъ Божіихъ и добрыя ея дѣла. Переѣздъ ея въ с. Дивѣево къ священнику о. Василію Дертеву. Построеніе въ Дивѣевѣ матерью Александрою каменнаго приходскаго храма въ честь иконы Казанской Божіей Матери. Отецъ Пахомій—духовникъ Мельгуновой. Голодные годы, въ особенности 1775-й, и чудо въ Саровской пустынѣ. Поѣздки матери Александры въ Казань и Кіевъ. Жизнь ея въ Дивѣевѣ, труды и тайныя благотворенія. Настоятель Саровской пустыни о. Пахомій, старецъ игуменъ Назарій. Іеросхимонахъ Дороѳей, схимонахъ Марко и другіе. Іеросхимонахъ Іосифъ, іеромонахи Матѳей, Питиримъ и Іоакимъ. Казначей о. Исаія. Устройство общины при Казанской церкви. Пожертвованіе земли г-жею Ждановою. Послушницы матери Александры. Отношенія матери Александры къ юному послушнику и затѣмъ іеродіакону Серафиму.

Еще въ 1731-мъ году іеросхимонахъ Іоаннъ выбралъ себѣ преемника, ближайшаго ученика своего,—*Дороѳея, въ мірѣ Димитрія*, котораго жестоко избили разбойники при нападеніи на Саровскую пустынь. Онъ былъ родомъ изъ Кадомскаго уѣзда и также духовнаго званія. По имѣющимся документамъ значится, что онъ пришелъ въ пустынь въ 1705-мъ году и постриженъ въ монашество черезъ три года. О. Дороѳей былъ въ послушаніи у первоначальника и пережилъ съ нимъ всѣ скорби и труды. Подражая

примѣру учителя, онъ служилъ для всѣхъ образомъ смиренія и ходилъ съ братіей на покосы и рыбныя ловли. Вся жизнь его была полна трогательныхъ примѣровъ терпѣнія, милосердія, благочестія, ревности къ славѣ Божіей и пламенной любви къ Богу. Какъ свидѣтельствовали современники его, о. Дороѳей училъ всѣхъ своимъ благоразуміемъ, твердостію характера, безкорыстіемъ и утверждалъ между ними порядокъ общежитія примѣрною жизнію, трудолюбіемъ, послушаніемъ и братолюбіемъ. Слухъ о его святой жизни все болѣе и болѣе собиралъ къ нему искавшихъ безмолвнаго житія. Наставленія этого опытнаго старца были необыкновенно мудры и полезны. При немъ окончательно утвердился уставъ о панагіи, принятый первоначальникомъ Іоанномъ согласно съ чиноположеніемъ древнихъ обителей. Поэтому монахи ходятъ, по отпустѣ божественной литургіи въ трапезу, неся впереди настоятеля пречистую просфору — находящуюся во время службы на горнемъ мѣстѣ, за престоломъ. За просфорой и настоятелемъ братія идутъ чинно, по два, всѣ въ мантіяхъ и поютъ 144-й псаломъ: „Вознесу Тя Боже мой". Окончивъ псаломъ, читаютъ трапезныя молитвы и настоятель глаголетъ: „Христе Боже! Благослови ястіе и питіе рабомъ Твоимъ, яко Святъ еси всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ". Потомъ настоятель отдѣляетъ двѣ части отъ просфоры, полагая ихъ на блюдо и одну, отдѣленную во имя Христово разрѣзываетъ на мелкія частицы, которыя и обносятъ сѣдящей уже за столомъ всей братіи для вкушенія. Другая, отдѣленная въ честь Божіей Матери, полагается на панагіарѣ, на приготовленномъ для сего мѣстѣ, и по окончаніи трапезы совершаютъ возвышеніе панагіи, по чину, установленному въ Слѣдованной Псалтири.

Монастырскій порядокъ былъ всегда весьма строгъ въ Саровской пустынѣ. Кромѣ занятыхъ послушаніемъ, всѣ приходятъ къ вечерней молитвѣ, которая каждодневно совершается тихо, благоговѣйно, въ точности по чину первоначальника Іоанна и по церковному уставу. Во вся дни вечерня правится съ канономъ Божіей Матери изъ Октоиха, также прочитывается канонъ и Святому. По повечеріи, не выходя изъ церкви, братія слушаетъ вечернее правило съ тремя ка-

нонами: Сладчайшему Іисусу, Пресв. Богородицѣ съ акаѳистомъ и Ангелу хранителю. Послѣ этого всѣ собираются въ общую трапезу по звону колокола. Спустя часъ ударяютъ въ колоколъ къ келейному правилу. Это правило въ нѣкоторыхъ обителяхъ каждый инокъ совершаетъ у себя келейно; но въ Саровской пустынѣ по строгости устава всѣ братіи обязаны исполнять его вмѣстѣ. Оно состоитъ изъ многочисленныхъ земныхъ поклоновъ, изъ совершенія тайной, безмолвной молитвы, изъ чтенія помянника и молитвъ на сонъ грядущій. Для удобства земныхъ поклоновъ монашествующіе надѣваютъ короткія мантіи по поясъ.

Настоятель о. Дороѳей былъ строителемъ 15 лѣтъ и въ 1746-мъ году принялъ схиму и сдалъ мѣсто іеромонаху Филарету. Переименованный Дмитріемъ, онъ пожилъ въ покоѣ короткое время и скончался 4-го октября 1746 года, 68 лѣтъ отъ роду. При немъ была построена каменная соборная церковь Успенія Богородицы, начатая въ 1736 году при первоначальникѣ и каменная больница съ церковію Преподобныхъ отецъ Зосимы и Савватія Соловецкихъ чудотворцевъ.

За о. Дмитріемъ слѣдовали нѣсколько настоятелей, которые занимали мѣсто строителя недолгое время. Такъ іеромонахъ Филаретъ, дворянинъ Смоленской губ., былъ строителемъ два года, устроилъ пустыню окончаніемъ межеванія, отразивъ неправильныя притязанія сосѣднихъ помѣщиковъ и оставилъ настоятельство, желая препроводить остатокъ дней своихъ въ безмолвіи. Но вскорѣ его заставили перейти въ Архіерейскій домъ, согласиться на посвященіе въ архимандриты и на назначеніе настоятелемъ Шартомскаго Николаевскаго монастыря, гдѣ онъ и скончался. При Филаретѣ построена въ Саровской пустынѣ каменная мѣстная церковь Пресвятыя Богородицы, Живоноснаго Ея Источника, вмѣсто первой деревянной. Преемникъ Филарета, іеромонахъ Маркелъ, желая болѣе уединеннаго житія, перевелся въ 1746-мъ году изъ Дерновской пустыни и былъ въ 1749-мъ году, съ общаго согласія братіи, избранъ въ строители, но въ 1751-мъ году снова переведенъ въ настоятели Салалейской пустыни, въ которой и покончилъ жизнь свою въ глу-

бокой старости. Пятый строитель Исаакій, сынъ священника, съ малолѣтства жилъ въ Саровской пустынѣ и подвизался вмѣстѣ съ отцемъ, сдѣлавшимся монахомъ. Онъ семь лѣтъ, до 1758 года, управлялъ обителію и затѣмъ былъ переведенъ въ Козловскій Троицкій монастырь—архимандритомъ. Скончался онъ въ Сканской пустынѣ.

А. С. Мельгунова застала въ Саровской пустынѣ уже шестаго строителя, іеромонаха *Ефрема*, который поступилъ въ пустынь при первоначальникѣ, іеросхимонахѣ Іоаннѣ. Этотъ великій монахъ былъ особенно замѣчателенъ своею строгою жизнію, терпѣніемъ, твердостію въ искушеніяхъ и незыблемою надеждою на промыслъ Божій. О. Ефремъ былъ уроженецъ г. Тулы, купеческаго званія, по имени Евдокимъ Андреевъ Короткой. Девятнадцати лѣтъ отъ роду онъ оставилъ мірскую жизнь, единственно изъ любви къ Богу и принялъ въ 1712 году 30-го ноября монашескій образъ въ одной пустынѣ Московской губ. которая прежде называлась *Марчуго*. Потомъ, по благословенію Преосвященнаго Стефана Митрополита Рязанскаго, онъ былъ посвященъ въ іеромонаха въ Москвѣ въ 1716-мъ году 16-го марта, съ назначеніемъ въ Гороховскій Знаменскій монастырь, что на Красной Гривѣ. О. Ефрема перевели въ Саровскую пустынь по прошенію первоначальника Іоанна въ 1727 году. Для первоначальника онъ былъ твердою подпорою и помощникомъ въ дѣлахъ внѣшнихъ и духовныхъ. О. Іоаннъ его употреблялъ на разныя посылки по общимъ нуждамъ, особенно по церковной службѣ, такъ какъ онъ имѣлъ природный даръ искусно пѣть, читать и служилъ живымъ правиломъ и уставомъ для братствующихъ. Его собственною рукою были написаны полууставомъ нотные ирмологіи, обиходы и праздничныя стихиры, разные канонники, псалтирь съ канонами и келейное правило, которое хранится въ обители. О. Ефремъ, какъ и его учитель, подвергся горькой участи по ложно взведенной на него винѣ, онъ былъ взятъ въ тайную канцелярію, вмѣстѣ съ первоначальникомъ, лишенъ своего сана и сосланъ въ 1738-мъ году въ Орскую крѣпость на заточеніе. Въ продолженіи 16-ти лѣтъ онъ исполнялъ пономарскую должность въ Орской крѣпости, безъ ропота на свою участь, въ терпѣніи

и благодарной преданности промыслу Вышняго. Добрые люди постарались всетаки его оправдать и въ 1755 году указомъ Святѣйшаго Синода страдалецъ Ефремъ, былъ освобожденъ изъ Орской крѣпости и возвращенъ въ Саровскую пустынь въ прежнемъ своемъ санѣ. Въ 1758-мъ году о. Ефремъ былъ вновь избранъ въ строителя Саровской пустыни. Незлобивый этотъ старецъ съ самаго поступленія своего въ обитель соблюдалъ крайнее нестяжаніе и смиренномудріе во всемъ; онъ проникалъ всѣ духовныя нужды братіи своимъ опытнымъ взоромъ и строго наблюдалъ, чтобы чтеніе и пѣніе въ церкви отправлялось благочинно и благоговѣйно; безъ его присутствія никакая церковная служба не начиналась. Тихое и миролюбивое со всѣми обращеніе заставляло всѣхъ уважать и любить его. Даже старцы, цвѣтущіе сѣдинами и украшенные добродѣтелями, были къ нему привязаны духомъ любви по Бозѣ, какъ къ смиренномудрому наставнику. Многіе изъ братіи считали себя блаженными, что находятся въ послушаніи такого отца и съ неослабнымъ усердіемъ слѣдовали его правиламъ. Какъ опытный въ духовной жизни наставникъ, старецъ Ефремъ снискалъ себѣ глубокое уваженіе и въ отдаленныхъ отъ обители краяхъ; слухъ о его святой, добродѣтельной жизни достигъ Святителя Тихона Задонскаго, который питалъ къ старцу Ефрему такую искреннюю любовь и такое глубокое уваженіе, что имѣлъ съ нимъ духовную переписку. Дѣйствительно о. Ефремъ поставилъ Саровскую обитель на степень высокаго внутренняго и внѣшняго благоустройства.

Кромѣ о. Ефрема въ обители было не мало боговдохновенныхъ старцевъ, которыхъ А. С. Мельгунова посѣтила въ теченіе своего перваго пребыванія. Вообще во всѣхъ книгахъ и брошюрахъ, не исключая Дивѣевскаго изданія,—встрѣчаются разнорѣчивыя показанія о пріѣздѣ матери Александры въ Саровъ и о остановкахъ въ Дивѣевѣ. Въ брошюрѣ 1849-го года Петербургскаго изданія о подвигахъ и событіяхъ жизни старца Серафима, съ приложеніемъ очерка жизни первоначальницы Дивѣевской обители А. С. Мельгуновой, составленной по словамъ извѣстнаго іеромонаха Іоасафа (о которомъ будетъ много говориться впослѣдствіи) повѣствуется,

что А. С. Мельгунова родилась въ г. Ярославлѣ, была замужемъ за полковникомъ Мельгуновымъ, вскорѣ овдовѣла и осталась съ 3-лѣтнею дочерью. Не смотря на всѣ выгоды, которыя свѣтъ представлялъ ей, она рѣшилась посвятить себя служенію Богу и стала разспрашивать о жившихъ тогда въ Россіи великихъ подвижникахъ. Вскорѣ она узнала, что въ Саровской пустынѣ, какъ самъ настоятель о. Пахомій— высокой жизни, такъ и много въ его обители есть благочестивыхъ старцевъ. Чтобы удостовѣриться въ слышанномъ, она сама пріѣхала въ Саровъ, видѣлась тамъ съ о. Пахоміемъ и нашла въ немъ дѣйствительно все то, чего желала найти въ будущемъ своемъ духовномъ отцѣ и наставникѣ. Сначала о. Пахомій далъ ей совѣтъ оставить все свое имѣніе, отпустить крестьянъ на волю и т. д. Со времени пріѣзда своего въ Саровъ, она жила первоначально, по благословенію о. Пахомія, у князя Шахаева, въ 8 верстахъ отъ Сарова, но когда скончалась малолѣтняя дочь ея, то развязавшись окончательно съ міромъ, она переселилась совсѣмъ въ село Дивѣево, къ священнику тамошней церкви о. Василію. Надо полагать, что составитель этой брошюры Николай Андреевскій спуталъ показанія и на скоро составилъ этотъ невѣрный разсказъ, хотя вначалѣ предупреждаетъ, что краткія свѣдѣнія заимствованы изъ свидѣтельства современниковъ и самовидцевъ жизни Агафіи Семеновны 1) отца Серафима 2) дѣвицы Евдокіи Мартыновны Вертяновской, съ юныхъ лѣтъ воспитывавшейся у Агафіи Семеновны и умершей уже въ преклонныхъ лѣтахъ въ Дивѣевской обители и 3) священника села Дивѣева, о. Василія Садовскаго. Въ 1856 году изданіе повторено въ Петербургѣ въ неисправленномъ видѣ.

Въ Саровскомъ изданіи 1863-го года (Спб.) „Житіе старца Серафима“ говорится, что основаніе Дивѣевской общины положила около 1780 г. помѣщица Владимірской губ. Переяславскаго уѣзда, вдова полковника Агаѳія Семеновна Мельгунова. Еще въ молодыхъ лѣтахъ, лишившись мужа, имѣя при себѣ одну трехлѣтнюю дочь, она, въ намѣреніи посвятить себя Богу, обошла многія святыя мѣста и въ Кіевскомъ Флоровскомъ монастырѣ приняла монашество подъ име-

немъ Александры. Странствуя изъ Кіева въ Саровскую обитель, она остановилась для отдохновенія въ 12-ти верстахъ отъ нея, въ селѣ Дивѣевѣ и, по простотѣ, сѣла на бревнахъ неподалеку отъ тогдашней Дивѣевской деревянной церкви въ честь Святителя и чудотворца Николая. Здѣсь въ немногія минуты сладкой страннической дремоты, она увидѣла Божію Матерь, Которая внушая ей остаться на этомъ мѣстѣ, поручила воздвигнуть и храмъ въ честь Казанской чудотворной иконы Ея. Воспрянувъ отъ дремоты и обозрѣвъ мѣстность, она отправилась въ Саровскую пустынь. Обитель такъ пришлась по сердцу ей, что она непремѣнно осталась-бы спасаться въ ней, если-бы то былъ женскій монастырь. Возвратившись отсюда въ село Дивѣево, она познакомилась съ тамошнимъ достойнымъ священникомъ о. Василіемъ Григорьевичемъ Дертевымъ, который впослѣдствіи, подъ именемъ Варлаама, умеръ іеромонахомъ въ Саровской пустынѣ, а на постоянное жительство поселилась въ приходскомъ къ Дивѣеву сельцѣ Осиновкѣ, въ небольшомъ домикѣ, построенномъ на небольшомъ участкѣ земли, пріобрѣтенномъ ею отъ владѣльцевъ Осиновскихъ (?). Когда-же умерла девятилѣтняя дочь Агаѳіи Семеновны и послѣдняя связь ея съ міромъ разорвалась, тогда она, продавъ свое имѣніе, переселилась на жительство къ дивѣевскому о. Василію, построила себѣ на его дворѣ отдѣльную келію и подвизалась въ ней 20-ть лѣтъ и. т. д. (Въ Саровскомъ изданіи житія о. Серафима 1893 г. (г. Муромъ) ничего не исправлено, и потому существуютъ тѣ-же ошибки.)

Въ Дивѣевской брошюрѣ 1874 года (Краткое жизнеописаніе старца Серафима Саровскаго и полковницы А. С. Мельгуновой. Москва) говорится просто, что *однажды* пріѣхала въ Саровъ Рязанской губерніи г. Переяславля богатая вдова помѣщика, полковница А. С. Мельгунова со взрослою дочерью своей. Въ 12-ти верстахъ отъ Сарова въ селѣ Дивѣевѣ онѣ остановились на нѣсколько врѐмени, такъ какъ мѣстоположеніе его чрезвычайно понравилось имъ. Побывавъ въ Саровѣ и поклонившись тамошней святынѣ, Агаѳія Семеновна на обратномъ пути должна была на время остановиться въ деревнѣ Осиновкѣ, по случаю болѣзни дочери

своей, съ которой нѣкоторое время и прожила тутъ во флигелѣ (потому и прозванномъ Мельгуновскимъ, за садомъ, гдѣ теперь скотный дворъ). Тамъ и скончалась ея дочь, которой могила хотя и неизвѣстна, но достовѣрно то, что она похоронена въ Дивѣевѣ, такъ какъ Осиновка приходъ Дивѣева. Оставшись одна одинехонька на свѣтѣ, Мельгунова, продавъ имѣнія свои, и обративъ все состояніе свое въ деньги, поѣхала въ Саровъ, который ей весьма пришелся по сердцу. Вновь проѣзжая Дивѣевымъ, она остановилась въ немъ на короткое время и, отъ усталости въ дорогѣ, сѣла на бревнахъ, возлѣ въ то время бывшей приходской церкви Святителя Николая и задремала. Въ этой краткой дремотѣ своей удостоилась божественнаго откровенія: видитъ подошедшую къ ней Божію Матерь, которая приказываетъ ей на этомъ самомъ мѣстѣ воздвигнуть Ей, въ честь иконы Ея Казанской, каменную церковь и потомъ остаться и пребывать тутъ-же. Удивленная этимъ видѣніемъ Агаѳія Семеновна, проснувшись, кругомъ оглянула всю мѣстность и отправилась въ Саровъ, который ей такъ нравился, что, будь онъ женскою обителью, она непремѣнно осталась-бы въ немъ. Прогостивъ въ Саровѣ довольно времени, сдѣлавъ тутъ большіе вклады и отдавъ строителю Пахомію весь капиталъ свой, Агаѳія Семеновна, по совѣту его и казначея Исаіи, возвратилась въ с. Дивѣево, дабы исполнить, что ей въ видѣніи приказывала Царица Небесная. Здѣсь познакомилась она съ благоговѣйнымъ тамошнимъ священникомъ о. Василіемъ. Онъ былъ Десятинникъ, по нынѣшнему Благочинный, Кадомской десятины, Рязанской епархіи; человѣкъ одинокій, только съ женою и дочерью, уже выданною замужъ. Видя расположеніе Мельгуновой къ Саровской пустынѣ и самому Дивѣеву, онъ пригласилъ ее на жительство у себя въ домѣ, доколѣ ей вздумается. Она же, принявъ то съ благодарностію, построила на дворѣ его для себя келью и въ ней прожила 20 лѣтъ и т. д.

Въ этомъ, болѣе ясномъ повѣствованіи, но также неточномъ, упоминается о двухъ посѣщеніяхъ матерью Александрой Саровской пустыни; первое послѣ отъѣзда изъ Кіевскаго монастыря и второе послѣ смерти дочери и продажи

всѣхъ имѣній. Авторы вышеупомянутыхъ повѣствованій соединили оба посѣщенія въ одно и спутали лицъ причастныхъ къ дѣйствіямъ и рѣшеніямъ матери Александры. Въ первый свой пріѣздъ въ Саровъ 1759—60 г. Агафья Семеновна застала настоятелемъ о. Ефрема, который былъ строителемъ пустыни съ 1755 г. по 1777 г. Строитель Пахомій былъ постриженъ въ монашество въ 1762-мъ году и избранъ въ настоятели въ 1777-мъ. Мать Александра также никогда не жила у князя Шахаева.

Лѣтопись, какъ историческій документъ, требуетъ болѣе точнаго и правдиваго изложенія обстоятельствъ жизни первоначальницы монастыря, хотя-бы въ общемъ смыслѣ всей исторіи и походилъ на переданный намъ вышеозначенными авторами книгъ и брошюръ. На основаніи записокъ протоіерея о. Василія Садовскаго, коллежскаго совѣтника Н. А. Мотовилова, показаній сестеръ первой общинки, описанія общежительнаго Серафимо-Дивѣевскаго монастыря составленнаго въ 1885-мъ году вслѣдствіе указа о томъ Преосвященнаго Модеста Епископа Нижегородскаго и Арзамасскаго, хранящагося въ Нижегородской Духовной Консисторіи,—обстоятельства возникновенія Дивѣевскаго монастыря представляются въ иномъ видѣ.

Послѣ видѣнія Божіей Матери, во время дремоты, у западной стѣны приходскаго Дивѣевскаго храма, мать Александра въ великой радости дошла до Саровской пустыни, процвѣтавшей тогда святостію жизни многихъ великихъ и явныхъ подвижниковъ. Познакомившись съ ними, она открыла имъ душу свою и попросила отъ нихъ, такъ же какъ и отъ Кіево-печерскихъ старцевъ, совѣта и вразумленія, какъ поступить ей въ столь удивительныхъ обстоятельствахъ. Саровскіе старцы подтвердили ей слова и поясненія рабовъ Божіихъ Кіевопечерскихъ иноковъ и также посовѣтовали всецѣло предаться волѣ Божіей и исполнять все ей указанное Царицею небесною. Насладившись бесѣдою и молитвами въ Саровѣ,—мать Александра, послушная волѣ и указанію Царицы небесной, собралась переѣхать на жительство въ Дивѣево. „Живи и угождай здѣсь Богу до конца дней своихъ!"... сказала ей Владычица...

Но разнопомѣстное и чрезполосное село Дивѣево было тогда весьма неудобно для житья монахинѣ, ищущей молитвеннаго покоя. Постоянный шумъ отъ стеченія большаго числа рабочихъ на открытыхъ здѣсь заводахъ, добывавшихъ желѣзную руду, ссоры, драки, разбои, все это давали всей мѣстности особый характеръ, непріязненный для всего мирнаго, святаго и божественнаго. Поэтому Саровскіе старцы посовѣтовали матери Александрѣ, чтобы исполнить волю Богоматери, поселиться вблизи Дивѣева, въ деревнѣ Осиновкѣ отстоящей всего на двѣ версты отъ села. Къ этому представился и случай, такъ какъ въ деревнѣ Осиновкѣ проживала нѣкая вдова Зевакина, имѣвшая свой отдѣльный флигель. Эта деревушка, Дивѣевскаго прихода, входила во владѣнія князей Шахаевыхъ. Въ запискахъ протоіерея о. Василія Садовскаго говорится, что флигель г-жи Зевакиной находился за господскимъ садомъ князей Шахаевыхъ, гдѣ теперь скотный дворъ и поэтому прозывался Мельгуновскимъ флигелемъ.

Агафья Семеновна исполнила совѣты святыхъ Саровскихъ старцевъ и поселилась въ деревнѣ Осиновкѣ у г-жи Зевакиной. Здѣсь вскорѣ заболѣла ея 9—10 лѣтняя дочь и скончалась. Мать Александра увидѣла въ смерти своей единственной дочери еще указаніе Божіе и подтвержденіе всего возвѣщеннаго ей Царицею небесною. Порвалось послѣднее звено, связывающее ее съ міромъ...

Тогда Агафья Семеновна, по благословенію Саровскихъ старцевъ рѣшила дѣйствительно отрѣшиться отъ всего своего имущества и окончательно распорядиться своими имѣніями. Для этого она покинула Осиновку, Саровъ и отправилась въ свои помѣстья. Не мало времени потребовалось ей для устройства дѣлъ: отпустивъ своихъ крестьянъ на волю за небольшую плату, и, тѣхъ которые не желали воли,— распродавъ за сходную и недорогую цѣну тѣмъ добрымъ помѣщикамъ, которыхъ они сами себѣ выбрали, она совершенно освободилась отъ всякихъ земныхъ заботъ и значительно увеличила свой безъ того большой капиталъ. Затѣмъ она часть капитала положила вкладами въ монастыри и церкви для поминовенія родителей, дочери и родныхъ, а глав-

ное поспѣшила на помощь туда, гдѣ надо было достроить или возобновить храмы Божіи. Мать Александра обезпечила не мало сиротъ, вдовъ, нищихъ и требующихъ помощи Христа ради. Современники ея указываютъ 12-ть церквей построенныхъ и возобновленныхъ Агаѳіей Семеновной.

Нигдѣ не говорится о томъ, въ которомъ году вернулась Агаѳья Семеновна въ Саровъ и Дивѣево, но надо предполагать, что нѣсколько лѣтъ потребовалось для распродажи имѣній и крестьянъ. Въ запискахъ Н. А. Мотовилова значится, что она прожила въ деревнѣ Осиновкѣ 3½ года до смерти дочери. Вѣроятно возвращеніе ея произошло около 1764—6 г. Саровскіе старцы благословили ей поселиться у приходскаго Дивѣевскаго священника о. Василія Дертева, жившаго съ одною старухою женою, извѣстнаго своею духовною жизнію и съ которымъ мать Александра была уже знакома во время своего нахожденія въ деревнѣ Осиновкѣ.

Такимъ образомъ Агаѳья Семеновна выстроила себѣ келію на дворѣ Дивѣевскаго священника о. Василія Дертева и прожила въ ней 20 лѣтъ, совершенно забывъ свое происхожденіе и нѣжное воспитаніе. По своему смиренію она упражнялась въ самыхъ трудныхъ и черныхъ работахъ, очищая хлѣвъ о. Василія, ходя за его скотиной, стирая бѣлье и проч.

Въ 1767-мъ году мать Александра приступила къ постройкѣ каменнаго храма въ Дивѣевѣ, во имя иконы Казанской Божіей Матери, взамѣнъ стараго деревяннаго и приходящаго въ ветхость храма Святителя Николая Чудотворца. Этотъ важный для нея вопросъ во всѣхъ отношеніяхъ она порѣшила, по благословенію новаго Саровскаго подвижника о. Пахомія, который отличался необыкновенными духовными дарованіями и особенно пришелся по духу матери Александрѣ.

Іеромонахъ Пахомій, въ мірѣ Борисъ Назаровъ Леоновъ, былъ родомъ изъ Курскихъ купцовъ и съ юныхъ лѣтъ посвятилъ себя на служеніе Господу. Постриженный въ 1762-мъ году въ монашество, онъ былъ точный исполнитель обѣтовъ; кротокъ, смиренномудръ, молитвенникъ и постникъ. Воздержаніе его простиралось до того, что онъ никогда не имѣлъ

въ своей кельи ни пищи, ни питья, а за общею трапезою вкушалъ мало. Вся братія его любила и уважала.

Мать Александра въ постоянной заботѣ о исполненіи ею воли Божіей, возвѣщенной Царицею небесною, и совершенно свободная отъ житейскихъ думъ и дѣлъ, съ мудрою осторожностію приступала къ созиданію общины, которая впослѣдствіи должна была разростись въ монастырь. Несомнѣнно, во время неустанной ея молитвы, Матерь Божія открыла ей, что слѣдуетъ прежде всего озаботиться о построеніи каменной приходской церкви и именно въ честь Казанской Ея иконы. Саровскіе старцы съ о. Пахоміемъ, къ которому мать Александра чувствовала особенную духовную любовь, съ своей стороны молились, получили внушеніе и благословили праведницу на построеніе церкви. Агаѳія Семеновна подала прошеніе Епархіальному начальству и когда получилось разрѣшеніе, приступила къ постройкѣ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ явилась ей Царица небесная.

Въ 1770-мъ году настоятель Саровской пустыни о. Ефремъ началъ построеніе соборной церкви во имя Успенія Божіей Матери. Вслѣдъ затѣмъ наступили голодные года, въ особенности 1775-й, задержавшіе успѣшный ходъ построекъ и причинившіе большія бѣды населенію. Строитель о. Ефремъ отличался тѣмъ, что былъ весьма милостивъ и сострадателенъ. Во время голода многіе питались древесною корою, смѣшивали съ хлѣбомъ гнилое дерево и дубовые желуди и о. Ефремъ, проникнутый чувствомъ состраданія къ бѣдствующимъ, приказалъ всѣхъ приходящихъ въ обитель кормить и поить. Семь мѣсяцевъ онъ кормилъ ежедневно по нѣсколько сотъ, а иногда и тысячъ человѣкъ. Замѣчательно, что любовь къ нищимъ восходила у о. Ефрема до степени самоотверженія. Нѣкоторые изъ братіи начали было на него втайнѣ роптать, опасаясь недостатка хлѣба для самихъ себя и услыхавъ это, о. Ефремъ созвалъ старѣйшую братію, разсказалъ имъ настоящія всеобщія нужды въ народѣ и съ глубокимъ вздохомъ произнесъ: „не знаю, какъ вы, а я расположился, доколѣ Богу будетъ угодно за наши грѣхи продолжать гладъ, лучше страдать со всѣмъ народомъ, нежели оставить ихъ гибнуть отъ глада. Какая намъ польза пережить подобныхъ

намъ людей? Изъ нихъ, можетъ быть, нѣкоторые до сего бѣдственнаго времени и сами насъ питали своими даяніями". И приказавъ кормить народъ по прежнему, присовокупилъ, что въ пищѣ недостатка не будетъ и дѣйствительно, спустя нѣсколько дней, прибылъ въ обитель обозъ съ хлѣбомъ, возовъ около 50-ти. По показанію извощиковъ, какой-то неизвѣстный нанялъ ихъ, и насыпая хлѣбъ, заплатилъ за провозъ и приказалъ отвезти въ Саровскую пустынь (Саровск. пустынь и достопамятные иноки. Москва 1884 г. стр. 53).

Протоіерей о. Василій Садовскій пишетъ въ своихъ запискахъ, что старики ему разсказывали о страшномъ голодѣ въ 1775 году и какъ матушка Агаѳья Семеновна ихъ всѣхъ собирала тогда, еще малолѣтнихъ, къ строющейся Казанской церкви и заставляла подносить кирпичи къ кладчикамъ. За это она кормила ихъ вечеромъ сухарями съ водою и платила каждому по пятаку въ день, приказывая деньги отдавать родителямъ. Такимъ образомъ Дивѣевскіе прихожане прожили голодное лѣто, при пособіи матери Александры—безъ нужды, когда окрестные крестьяне страшно нуждались и мучились съ семьями.

Когда была освящена Казанская церковь въ точности неизвѣстно, но надо предполагать, что построеніе ея окончилось, судя по св. антиминсу, чрезъ пять лѣтъ т. е. въ 1772 году. Антиминсъ главнаго престола, во имя иконы Казанской Божіей Матери священнодѣйствованъ Высокопреосвященнѣйшимъ Палладіемъ Архіепископомъ Рязанскимъ. Лѣвый придѣлъ въ память бывшей на этомъ мѣстѣ деревянной церкви Святителя Николая Чудотворца,—посвященъ имени того-же Святителя, и антиминсъ священнодѣйствованъ въ 1776-мъ году Рязанскимъ епископомъ Симономъ. Правый придѣлъ по особому чудному указанію Божіему, посвященъ имени святаго первомученика архидіакона Стефана и антиминсъ его священнодѣйствованъ въ 1779 году тѣмъ-же Симономъ епископомъ Рязанскимъ. Мать Александра недоумѣвала какому святому посвятить третій придѣлъ и поэтому однажды всю ночь молила въ своей келіи Господа указать Свою волю. Вдругъ послышался въ маленькомъ окнѣ ея стукъ и за нимъ голосъ: „Да будетъ престолъ сей перво-

мученика архидіакона Стефана!“ Съ трепетомъ и радостію бросилась мать Александра къ окну, чтобы видѣть кто ей говоритъ, но никого не было, а на подоконникѣ она обрѣла, чудно и невидимо откуда явившійся образъ св. первомученика архидіакона Стефана, написанный на простомъ, почти неотесаномъ обрубкѣ бревна. Этотъ образъ былъ всегда въ церкви и теперь перенесенъ въ келію первоначальницы Дивѣевскаго монастыря.

Мать Александра, по сооруженіи храма ѣздила въ городъ Казань, гдѣ получила вѣрнѣйшій списокъ съ чудотворной и явленной иконы Казанской Божіей Матери и въ городъ Кіевъ, для испрошенія своей церкви частицъ св. мощей. Мощи ей вложили въ серебряный и позолоченный крестъ. Изъ Москвы она привезла колоколъ въ 76½ пудовъ, и необходимую утварь (Записки о. Василія Садовскаго). Иконостасъ въ Казанскую церковь былъ отданъ изъ стараго Саровскаго собора строителемъ о. Ефремомъ, зеленаго цвѣта съ позолотой, но впослѣдствіи зеленая краска замѣнена была красною.

Великая раба Божія Агаѳія Семеновна, какъ было упомянуто, подвизалась въ своей келіи, построенной на дворѣ приходскаго священника Дертева, въ продолженіи 20 лѣтъ. Келейные ея подвиги остались неизвѣстны, но протоіерей о. Василій Садовскій записалъ все, что разсказывали ему о матери Александрѣ,—о. Серафимъ, о. Дертевъ, сестры Дивѣевской общинки, сосѣди помѣщики, почитатели ея и Дивѣевскіе крестьяне, сохранившіе воспоминаніе о ея глубокомъ смиреніи и тайныхъ благотвореніяхъ. Кромѣ исполненія самыхъ трудныхъ и черныхъ работъ у о. Дертева, мать Александра хаживала въ крестьянское поле и тамъ сжинала и связывала въ снопы хлѣбъ одинокихъ крестьянъ, а въ страдную пору, когда въ бѣдныхъ семьяхъ всѣ, даже хозяйки проводили дни на работѣ, топила въ избахъ печи, мѣсила хлѣбы, изготовляла обѣдъ, обмывала дѣтей, стирала ихъ грязное бѣлье и надѣвала на нихъ чистое, къ приходу ихъ усталыхъ матерей. Все это она дѣлала потихоньку, дабы никто не зналъ и не видалъ. Однако не смотря на всѣ старанія и укрывательства, крестьяне стали мало по малу при-

знавать благодѣтельницу. Дѣти указывали на мать Александру, а она съ удивленіемъ смотрѣла на благодарившихъ ее и отказывалась отъ своихъ поступковъ и дѣйствій. Бѣднымъ невѣстамъ Агаѳія Семеновна вышивала головные уборы—сороки и красивыя полотенца... Одинъ образчикъ ея вышиванія понынѣ сохраняется въ монастырѣ какъ святыня.

Въ теченіе 12 лѣтъ въ праздники и воскресные дни Агаѳія Семеновна никогда не уходила изъ церкви прямо домой, но по окончаніи литургіи, всегда останавливалась на церковной площади и поучала крестьянъ, говоря имъ о христіанскихъ обязанностяхъ и о достойномъ почитаніи праздничныхъ и воскресныхъ дней. Эти духовныя бесѣды Агаѳіи Семеновны съ народомъ вспоминались съ благодарностію прихожанами села Дивѣева, даже много лѣтъ спустя послѣ ея смерти.

Мать Александра провела всю свою жизнь въ такихъ великихъ трудахъ и подвигахъ, что исполнилась благодати и даровъ Духа Святаго. Къ ней стекались со всѣхъ сторонъ не только одни простые люди, но и высокопоставленныя лица, купечество и даже духовенство, чтобы послушать ея наставленія, получить благословеніе, совѣтъ и удостоиться ея привѣта. Богато одаренная рѣдкимъ природнымъ умомъ, она была чрезвычайно образована, начитана и тонко воспитана. Затѣмъ, она столь твердо изучила всѣ уставы, законы и положенія церковныя, что во всѣхъ важныхъ случаяхъ къ ней обращались за указаніями и разъясненіями. Если матушка удостоивала согласиться быть распорядительницею какого либо особо важнаго церковнаго торжества, то это считалось величайшею честію. Въ семейныхъ дѣлахъ, спорахъ и ссорахъ къ ней обращались какъ къ праведному судіи и конечно безпрекословно подчинялись ея приговорамъ и рѣшеніямъ.

Н. А. Мотовиловъ, со словъ послушницы матушки Александры, Евдокіи Мартыновны,—записалъ слѣдующее:

„Одежда Агаѳіи Семеновны была не только простая и бѣдная, но и многошвейная и притомъ зимою и лѣтомъ одна и та же; на головѣ она носила холодную, черную кругленькую, шерстяную шапочку, опушенную заячьимъ мѣхомъ, по-

тому что она часто страдала головною болью; платочки носила бумажные. На полевыя работы ходила въ лаптяхъ, а подъ конецъ своей жизни хаживала уже въ холодныхъ сапожкахъ, подаренныхъ ей Саррою Андреевной Соловцевой. На ея кроваткѣ лежалъ войлочекъ, а въ головахъ пуховыя подушечки, пожертвованныя ей духовными ея дочерьми Клеопатрой и Дарьей Чемодановыми и Анной Аргамаковой. И это уже было не за долго до кончины ея, а до того времени она ихъ не имѣла. А во время отдохновенія своего подкладывала подъ голову камень, зашитый въ холстину для того, чтобы издали казался подушечкой. Матушка Агаѳія Семеновна носила власяницу, была средняго роста, вида веселаго, лицо круглое, бѣлое, глаза сѣрые, носъ короткій луковичкою, ротикъ не большой, волосы въ молодости были свѣтлорусые, лице и ручки—полныя; въ послѣдніе дни жизни отъ многихъ слезъ, рѣсницы глазъ ея были всегда красныя".

Протоіерей о. Василій Садовскій говоритъ въ своихъ запискахъ, что когда онъ былъ благочиннымъ, то однажды запоздалъ ночью и былъ принужденъ ночевать у заштатнаго священника въ селѣ Глуховѣ (Ардатовскаго уѣзда), свояка Кременковскаго священника о. Антонія. Разговоръ коснулся Дивѣева и матери Александры. Сестра священника, старушка-дѣвица, очень утѣшила о. Василія показавъ полотенце матушкиной работы, подаренное ею самою, которое она берегла какъ святыню. Она-же между прочимъ разсказала, что знала лично мать Александру, которая была такъ умна и образована, какъ рѣдко бываютъ мущины и что она знала лучше всѣхъ духовныхъ лицъ въ окружности—всѣ уставы и положенія церковныя. Къ матери Александрѣ обращались за совѣтами и наставленіями, такъ что когда въ большомъ близъ лежащемъ селѣ Нучѣ было освященіе храма, то всѣ нарочно пріѣзжали просить мать Александру быть распорядительницею этого праздника, на что она и согласилась. Всѣмъ было на диво, какъ она прекрасно распорядилась и устроила все. Народу было такое множество, что казалось невозможно размѣстить всѣхъ, а матушка соединила дворянъ вмѣстѣ, духовенство въ другомъ отдѣленіи вмѣстѣ, купцовъ посадила съ купцами и крестьянъ отдѣльно. Всѣмъ было

удобно, хорошо и всего хватило. Матушка распоряжалась также церковною церемоніею и присутствующіе смотрѣли на нее съ особымъ уваженіемъ и благоговѣніемъ, стараясь на перерывъ другъ передъ другомъ угодить ей. Князья, бояре и духовенство считали за большее счастіе удостоиться чести вести ее подъ ручки или если она обратится къ кому съ ласковымъ и привѣтливымъ словомъ.

Милостыня матери Александры была всегда тайная; она служила всѣмъ, чѣмъ только умѣла и насколько могла. Многообразные подвиги ея, настолько умягчили сердце ея и такъ угодили Господу Богу, что она удостоилась высокаго дара благодатныхъ слезъ, яже по Бозѣ (Объ этомъ часто вспоминалъ о. Серафимъ). Въ Саровскомъ соборѣ она становилась всегда противъ чудотворной иконы Живоноснаго Источника и изъ ея глазъ текли не слезы, а источники слезъ. Смиреніе ея было неисповѣдимо и любовь ко всѣмъ—нелицемѣрная. Она носила самую простую, многошвейную одежду и опоясывалась кушачкомъ съ узелкомъ.

Въ 1777-мъ году (29-го марта) Саровскій игуменъ Ефремъ, чувствуя истощеніе своихъ силъ, собралъ братію и просилъ избрать на свое мѣсто настоятеля, потому что самъ хотѣлъ остатокъ дней своихъ провести въ безмолвіи, подобно приснопамятному отцу своему первоначальнику Іоанну. Съ общаго согласія поставленъ былъ настоятелемъ о. Пахомій. Черезъ годъ, 30-го мая 1778 года о. Ефремъ скончался, достигнувъ 86-ти лѣтъ. Монашествующіе, по благоговѣнію къ памяти строителя іеромонаха Ефрема сохранили его изображеніе, на которомъ сдѣлана слѣдующая надпись: „Не Сиринъ ты,—но Русскій ты Ефремъ; Саровской пустыни броня еси и шлемъ!“

Мать Александра помогла значительнымъ капиталомъ достроить соборъ Успенія Божіей Матери строителямъ о. Ефрему и о. Пахомію.

Старецъ Пахомій управлялъ ввѣренною ему отъ Бога обителію 18 лѣтъ. Онъ былъ истинный пастырь своего словеснаго стада, строго наблюдалъ общежительный уставъ обители и порядокъ церковныхъ службъ, которыхъ неопустительное и благочинное совершеніе доставляло слушате-

лямъ душеспасительное удовольствіе. Какъ не обремененъ онъ былъ дѣлами, но всегда присутствовалъ на келейномъ правилѣ и у церковныхъ службъ, приходилъ въ храмъ первымъ и уходилъ послѣднимъ. Братія имѣла къ нему сыновнюю любовь и уважала его благоговѣніе, постничество, скромность и добродѣтельную жизнь. Онъ былъ хорошимъ проповѣдникомъ и любилъ повторять Евангельскія слова: *„нудится царствіе Божіе и нуждницы восхищаютъ е“*. При немъ значительно умножилась братія въ пустынѣ. Въ его настоятельство были въ Саровскомъ братствѣ и такіе достойные люди, которые устроили другія обители. Нѣкоторые были вытребованы высшимъ начальствомъ въ настоятели обителей, для введенія монашескаго общежительнаго устава. Дремучій Саровскій боръ сдѣлался разсадникомъ иноковъ для разныхъ обителей. Старецъ *Назарій*, одинъ изъ великихъ свѣтильниковъ, вызванъ былъ митрополитомъ С.-Петербургскимъ Гавріиломъ для возстановленія древняго Валаама. Мѣстный епископъ Ѳеофилъ старался удержать у себя знаменитаго отшельника о. Назарія и представилъ его митрополиту малоумнымъ и неопытнымъ въ духовной жизни. Тогда Гавріилъ проникъ тайну и отвѣтилъ: „у меня много своихъ умниковъ, пришлите мнѣ вашего глупца“. И невольно пришлось отпустить смиреннаго подвижника. Когда же о. Назарій упрочилъ благосостояніе Валаама, то онъ пожелалъ уединиться снова въ Саровѣ, гдѣ и скончался. Многіе старцы отказывались отъ должностей и принятія священства, не желая разстаться съ уединенною жизнію простаго инока. Былъ случай, что одинъ Саровскій монахъ уклонился отъ епископскаго сана по своему великому смиренію. Таковы были подвижники во дни о. Пахомія, которымъ соревновалъ или даже предшествовалъ онъ въ подвигахъ до глубокой старости. За строгую и благочестивую жизнь старецъ Пахомій былъ уважаемъ и любимъ не только своимъ братствомъ, но и посторонними лицами всякаго званія. Митрополитъ Новгородскій Гавріилъ писалъ о. Пахомію и просилъ его избрать кого-либо изъ старцевъ настоятелемъ Югской пустыни. Отовсюду пріѣзжали за духовнымъ наставленіемъ къ о. Пахомію и явились значительные благотворители

Нѣкоторые изъ постриженниковъ Пахомія, ревнуя подвигамъ святости своего игумена, сами удалялись въ необитаемыя мѣста; тамъ въ уединенныхъ келіяхъ отшельники подвизались въ благочестіи. Такъ при немъ поселились въ хижинахъ въ глубинѣ монастырскаго лѣса извѣстные пустынники: игуменъ Назарій, іеросхимонахъ Дороѳей, схимонахъ Марко, іеромонахъ Серафимъ.

Въ 1785-мъ году скончался въ Саровской пустынѣ достопамятный казначей іеросхимонахъ Іосифъ, твердый столпъ благочестія, служившій подпорою обители. Братія хотѣла его избрать на мѣсто престарѣлаго строителя о. Ефрема, ибо онъ былъ удивительно чистаго и строгаго житія, ревнитель по Бозѣ и подвижникъ духовный, но онъ впалъ въ болѣзнь и совершенно изнемогъ.

Строителю Пахомію помогалъ также іеромонахъ Матѳій, мужъ совѣта, чрезвычайно благочестивый и добродѣтельный. Онъ велъ жизнь въ высшей степени подвижническую и отличался строгимъ постомъ.

Къ выдающимся лицамъ въ обители должны были причислить также іеромонаха *Питирима*, въ мірѣ Петра Ивановича Дружинина, родомъ изъ Курскихъ купцовъ, отличавшагося мудростію и простотою нрава, усердіемъ въ послушаніяхъ, строгимъ храненіемъ совѣсти по обѣтамъ монашескимъ и своею ревностію къ славѣ Божіей. Высокою подвижническою жизнію старецъ стяжалъ себѣ признательность и уваженіе. Господь удостоилъ его чудесныхъ видѣній; такъ однажды онъ шелъ къ заутрени изъ своей келіи, и внезапно увидѣлъ на небѣ сіяющій изъ облаковъ свѣтъ, съ простертою, благословляющею десницею.

Іеромонахъ Іоакимъ также изъ Курскихъ купцовъ поступилъ въ монашество съ юныхъ лѣтъ и былъ весьма кроткій и молчаливый. По вдохновенной мудрости и по начитанности священнаго писанія и книгъ св. отецъ, онъ былъ духовною утѣхою для братіи и обращавшихся къ нему; въ особенности для новоначальныхъ, требующихъ подкрѣпленія и назиданія, онъ былъ утѣшительный собесѣдникъ и искусный наставникъ. При глубоко внимательной своей жизни имѣлъ даръ умиленія. Именно его и желали сдѣлать еписко-

помъ и начальникомъ миссіи въ Сѣверной Америкѣ, но о. Іоакимъ изъ смиренія, считая себя недостойнымъ такого сана, притворился юродивымъ.

Духовниками великой старицы матери Александры были о. Пахомій и казначей о. Исаія.

Іеромонахъ Исаія былъ родомъ изъ г. Суздаля, купеческаго сословія, изъ фамиліи Зубковыхъ. На 22-мъ году отъ рожденія онъ оставилъ міръ и поступилъ въ началѣ въ Кіевопечерскую Лавру. Въ 1770 году возвращаясь по своимъ дѣламъ на родину, онъ узналъ, что въ Саровской обители находится много великихъ старцевъ и отшельниковъ и возгорѣлся духомъ поступить въ эту пустынь. Въ 1772-мъ году его постригли въ монашество и въ 1777-мъ рукоположили въ іеромонаха. Онъ отличался: страхомъ Божіимъ, смиреніемъ, кротостію, терпѣніемъ, незлобіемъ, нищелюбіемъ и братолюбіемъ въ истинно евангельскомъ духѣ. Прославляя Господа своею жизнію, онъ пріобрѣлъ всеобщую любовь.

Всѣ вышеупомянутые великіе старцы и подвижники, были близкими друзьями матери Александры и усердно ей помогали молитвами и совѣтами. По освященіи всѣхъ трехъ придѣловъ Казанской церкви, Агаѳія Семеновна, не задолго до своей кончины рѣшилась устроить общину, чтобы вполнѣ выполнить все приказанное Божіей Матерью. Къ этому представился особый случай. За 6 мѣсяцевъ до ея кончины въ 1788-мъ году, одна изъ помѣщицъ села Дивѣева, г-жа Жданова, наслышавшись объ обѣтованной Агаѳіи Семеновнѣ Матеріею Божіею обители, которая должна завестись въ селѣ Дивѣевѣ и желая поусердствовать осуществленію этого дѣла, пожертвовала матери Александрѣ 1300 кв. саж. усадебной, господской земли своей, рядомъ съ церковію. По совѣту Саровскихъ старцевъ и съ разрѣшенія епархіальнаго начальства, мать Александра построила на этой землѣ три келіи съ надворнымъ строеніемъ и оградила пространство деревянною оградою; одну келію заняла сама, другую предназначила для приглашенныхъ жить трехъ послушницъ и третью—предоставила для отдыха странникамъ, во множествѣ идущимъ чрезъ Дивѣево въ Саровъ. При матушкѣ

находилась крестница о. Дертева, круглая сирота, дѣвица Евдокія Мартынова изъ д. Вертьянова, затѣмъ еще три послушницы: вотчины г-на Баташева крестьянская вдова Анастасія Кириллова, села Сарминскаго—Майдола крестьянская дѣвица Ульяна Григорьевна и деревни Осиновки крестьянская-же вдова Ѳекла Кондратьева. Такъ жила мать Александра до конца своихъ дней, ведя жизнь богоугодную, подвижническую, крайне суровую, въ постоянномъ трудѣ и въ молитвѣ. Строго исполняя всѣ трудности Саровскаго устава она во всемъ руководилась совѣтами отца игумена Пахомія. Она и сестры кромѣ того шили свитки, вязали чулки и работали все нужное изъ рукодѣлья для Саровской братіи. О. Пахомій въ свою очередь выдавалъ малой общинѣ все необходимое для ихъ земнаго существованія; такъ что даже пищу привозили сестрамъ разъ въ сутки съ Саровской трапезы. Общинка матери Александры была какъ-бы плоть отъ плоти и кость отъ костей Саровской пустыни. Жизнь матери Александры и ея сестеръ вполнѣ соотвѣтствовала идеѣ нищенства, работающаго на насущное пропитаніе. Всѣ свои остальныя средства Агаѳія Семеновна передала о. Пахомію и каждая изъ живущихъ въ общинѣ заработывала себѣ пропитаніе отъ Саровской братіи.

Не взирая на свою праведность и святость, великая старица мать Александра съ особеннымъ уваженіемъ обращалась къ батюшкѣ отцу Серафиму, еще юному въ то время послушнику-монаху и затѣмъ іеродіакону, какъ-бы провидя въ немъ исполнителя начатаго ею Божія дѣла, при долженствующей въ немъ явиться міру великой благодати. Въ своихъ духовныхъ нуждахъ она просила о. Серафима дать ей полезный совѣтъ, основанный на его богомудрой, хотя и ранней, опытности юнаго подвижника Христова.

ГЛАВА III.

Жизнеописаніе о. Серафима отъ рожденія до поступленія въ монастырь. Прибытіе въ Саровскую пустынь, прохожденіе послушаній, духовные подвиги и любовь къ нему начальниковъ. Болѣзнь юнаго Прохора и исцѣленіе его Божіею Матерью. Посылка послушника Прохора за сборомъ въ города. Посѣщеніе имъ родины, г. Курска. Постриженіе въ монашество въ 1786-мъ году и въ санъ іеродіакона въ 1787 году. Безпрерывное служеніе Серафима почти шесть лѣтъ. Поѣздка на похороны помѣщика Соловцева въ 1789-мъ году, первое и единственное посѣщеніе Дивѣева, матери Александры Мельгуновой. Просьба матери Александры къ о. Пахомію и къ іеродіакону Серафиму. Кончина и погребеніе А. С. Мельгуновой.

Батюшка о. Серафимъ поступилъ въ Саровскую пустынь въ 1778-мъ году 20-го ноября, наканунѣ Введенія Пресвятыя Богородицы во храмъ и порученъ былъ въ послушаніе старцу іеромонаху Іосифу (См. изданіе 1893 г. г. Муромъ).

Родиной его былъ губернскій городъ Курскъ, гдѣ отецъ его Исидоръ Мошнинъ имѣлъ кирпичные заводы и занимался въ качествѣ подрядчика постройками каменныхъ зданій, церквей и домовъ. Исидоръ Мошнинъ слылъ за чрезвычайно честнаго человѣка, усерднаго къ храмамъ Божіимъ и богатаго, именитаго купца. За десять лѣтъ до смерти своей онъ взялся построить въ Курскѣ новый храмъ во имя преподобнаго Сергія, по плану знаменитаго архитектора Растрели. Впослѣдствіи, въ 1833 году этотъ храмъ сдѣланъ былъ каѳедральнымъ соборомъ. Въ 1752-мъ году состоялась закладка храма и когда нижняя церковь, съ престоломъ во имя преподобнаго Сергія, была готова въ 1762-мъ году, благочестивый

строитель, отецъ великаго старца Серафима, основателя Дивѣевскаго монастыря, скончался. Передавъ все состояніе свое доброй и умной женѣ—Агаѳіи, онъ поручилъ ей довести дѣло построенія храма до конца. Мать о. Серафима была еще благочестивѣе и милостивѣе отца; она много помогала бѣднымъ, въ особенности сиротамъ и неимущимъ невѣстамъ.

Агаѳія Мошнина въ теченіе многихъ лѣтъ продолжала постройку Сергіевской церкви и лично наблюдала за рабочими. Въ 1778-мъ г. храмъ былъ окончательно отдѣланъ и исполненіе работъ было такъ хорошо и добросовѣстно, что семейство Мошниныхъ пріобрѣло особое уваженіе между жителями Курска.

Отецъ Серафимъ родился въ 1759-мъ году 19-го іюля и нареченъ Прохоромъ, въ честь св. Прохора, единаго отъ семидесяти апостоловъ и семи діаконовъ первенствующей Церкви, память котораго ублажается въ томъ же мѣсяцѣ 28 числа. У него былъ старшій братъ Алексѣй, потомство котораго и нынѣ живетъ въ Курскѣ. При смерти отца, Прохору было не болѣе трехъ лѣтъ отъ рожденія, слѣдовательно его всецѣло воспитала боголюбивая, добрая и умная матушка, которая учила его болѣе примѣромъ своей жизни, проходившей въ молитвѣ, посѣщеніи храмовъ и въ помощи бѣднымъ. Что Прохоръ былъ избранникомъ Божіимъ отъ рожденія своего,—это видѣли всѣ духовно-развитые люди и не могла не почувствовать благочестивая его мать. Такъ однажды осматривая строеніе Сергіевской церкви, Агаѳія Мошнина ходила вмѣстѣ съ своимъ семи-лѣтнимъ Прохоромъ и незамѣтно дошла до самаго верха, строившейся тогда колокольни. Отойдя вдругъ отъ матери, быстрый мальчикъ перевѣсился за перила, чтобы посмотрѣть внизъ и по неосторожности упалъ на землю. Испуганная мать въ ужасномъ видѣ, сбѣжала съ колокольни, воображая найти своего сына разбитымъ до смерти, но къ несказанной радости и величайшему удивленію, увидѣла его цѣлымъ и невредимымъ. Дитя стояло на ногахъ. Мать слезно возблагодарила Бога за спасеніе сына и поняла, что сынъ Прохоръ охраняется особымъ Промысломъ Божіимъ.

Чрезъ три года новое событіе обнаружило яснымъ образомъ покровительство Божіе надъ Прохоромъ. Ему исполнилось десять лѣтъ и онъ отличался крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, остротой ума, быстрою памятью и одновременно кротостію и смиреніемъ. Его начали учить церковной грамотѣ и Прохоръ взялся за дѣло съ охотою, но вдругъ сильно заболѣлъ и даже домашніе не надѣялись на его выздоровленіе. Въ самое трудное время болѣзни, въ сонномъ видѣніи, Прохоръ увидѣлъ Пресвятую Богородицу, Которая обѣщала посѣтить его и исцѣлить отъ болѣзни. Проснувшись, онъ разсказалъ это видѣніе своей матери. Дѣйствительно, вскорѣ въ одномъ изъ крестныхъ ходовъ несли по городу Курску чудотворную икону Знаменія Божіей Матери по той улицѣ, гдѣ былъ домъ Мошниной. Пошелъ сильный дождь. Чтобы перейти на другую улицу, крестный ходъ, вѣроятно, для сокращенія пути и избѣжанія грязи, направился чрезъ дворъ Мошниной. Пользуясь этимъ случаемъ, Агаѳья вынесла больнаго сына на дворъ, приложила къ чудотворной иконѣ и поднесла подъ ея осѣненіе. Замѣтили, что съ этого времени Прохоръ началъ поправляться въ здоровьѣ и скоро совсѣмъ выздоровѣлъ. Такъ исполнилось обѣщаніе Царицы небесной посѣтить отрока и исцѣлить его. Съ возстановленіемъ здоровья Прохоръ продолжалъ успѣшно свое ученіе, изучалъ Часословъ, Псалтирь, выучился писать и полюбилъ чтеніе Библіи и духовныхъ книгъ.

Старшій братъ Прохора,—Алексѣй занимался торговлею и имѣлъ свою лавку въ Курскѣ, такъ что малолѣтняго Прохора заставляли пріучаться къ торговлѣ въ этой лавкѣ. Впослѣдствіи онъ разсказывалъ въ Саровѣ Н. А. Мотовилову: „я родомъ изъ Курскихъ купцовъ и когда не былъ въ монастырѣ, мы, бывало, торговали такимъ товаромъ, который больше барыша даетъ“. Предметомъ торговли были вещи, необходимыя въ крестьянскомъ быту, какъ-то: ремни, деготь, бичевки, дуги, шлеи, лапти, желѣзо и т. п., но къ торговлѣ и барышамъ не лежало его сердце. Молодой Прохоръ не опускалъ почти ни одного дня безъ того, чтобы не посѣтить храма Божія и за невозможностью быть у поздней

литургіи и вечерни, по случаю занятій въ лавкѣ, онъ вставалъ ранѣе другихъ и спѣшилъ къ утрени и ранней обѣднѣ. Въ то время въ г. Курскѣ жилъ какой-то Христа ради юродивый, котораго имя теперь забыто, но тогда всѣ чтили. Прохоръ съ нимъ познакомился и всѣмъ сердцемъ прилѣпился къ юродивому; послѣдній въ свою очередь возлюбилъ Прохора и своимъ вліяніемъ еще больше расположилъ душу его къ благочестію и уединенной жизни. Умная мать его все примѣчала и душевно радовалась, что ея сынъ такъ близокъ къ Господу. Рѣдкое счастіе выпало и Прохору имѣть такую мать и воспитательницу, которая не мѣшала, но способствовала его желанію выбрать себѣ духовную жизнь.

Черезъ нѣсколько лѣтъ Прохоръ сталъ заговаривать о монашествѣ и осторожно вызнавалъ будетъ-ли мать его противъ того, чтобы ему пойти въ монастырь. Онъ конечно замѣтилъ, что добрая его воспитательница не противорѣчитъ его желанію и охотнѣе хотѣла-бы отпустить его, чѣмъ удержать въ мірѣ; отъ этого въ его сердцѣ еще сильнѣе разгоралось желаніе монашеской жизни. Тогда Прохоръ началъ говорить о монашествѣ съ знакомыми людьми и во многихъ онъ нашелъ сочувствіе и одобреніе. Такъ купцы Иванъ Дружининъ, Иванъ Безходарный, Алексѣй Меленинъ и еще двое выражали надежду идти вмѣстѣ съ нимъ въ обитель.

На семнадцатомъ году жизни намѣреніе оставить міръ и вступить на путь иноческой жизни, окончательно созрѣло въ Прохорѣ. И въ сердцѣ матери образовалась рѣшимость отпустить его на служеніе Богу. Слѣдуя церковно-гражданскимъ установленіямъ духовнаго регламента, онъ взялъ себѣ увольненіе отъ Курскаго городскаго общества (Монастырск. архивъ отд. XV, № 13). Трогательно было его прощаніе съ матерью! Собравшись совсѣмъ, они посидѣли немного, по русскому обычаю, потомъ Прохоръ всталъ, помолился Богу, поклонился матери въ ноги и спросилъ ея родительскаго благословенія. Агаѳія дала ему приложиться къ иконамъ Спасителя и Божіей Матери, потомъ благословила его мѣднымъ крестомъ. Взявъ съ собою этотъ крестъ, онъ до конца жизни носилъ его всегда открыто на груди своей.

Немаловажный вопросъ предстояло рѣшить Прохору: куда и въ какой монастырь идти ему. Слава подвижнической жизни иноковъ Саровской пустыни, гдѣ были уже многіе изъ Курскихъ жителей и настоятельствовалъ о. Пахомій, Курскій уроженецъ, склоняла его идти къ нимъ, но ему хотѣлось предварительно быть въ Кіевѣ, чтобы посмотрѣть на труды Кіевопечерскихъ иноковъ, испросить наставленіе и совѣты отъ старцевъ, познать чрезъ нихъ волю Божію, утвердиться въ своихъ мысляхъ, получить благословеніе отъ какого нибудь подвижника и наконецъ помолиться и благословиться у св. мощей преп. Антонія и Θеодосія, первоначальниковъ иночества. Прохоръ отправился пѣшкомъ, съ посохомъ въ рукѣ и съ нимъ шли еще пять человѣкъ Курскихъ купцовъ. Въ Кіевѣ, обходя тамошнихъ подвижниковъ, онъ прослышалъ, что не далеко отъ св. лавры Печерской, въ Китаевской обители спасается затворникъ, по имени Досиѳей, имѣющій даръ прозорливости. Придя къ нему, Прохоръ упалъ къ ногамъ его, цѣловалъ ихъ, раскрылъ предъ нимъ всю свою душу и просилъ наставленій и благословенія. Прозорливый Досиѳей, видя въ немъ благодать Божію, уразумѣвъ его намѣренія и провидя въ немъ добраго подвижника Христова, благословилъ его идти въ Саровскую пустынь и сказалъ въ заключеніе: (Краткое жизнеописаніе старца Серафима, изд. Дивѣевскаго монастыря 1874 г. стр. 7).

— „Гряди, чадо Божіе, и пребуди тамо. Мѣсто сіе тебѣ будетъ во спасеніе, съ помощью Господа. Тутъ скончаешь ты и земное странствіе твое. Только старайся стяжать непрестанную память о Богѣ чрезъ непрестанное призываніе имени Божія такъ: Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго! Въ этомъ да будетъ все твое вниманіе и обученіе: ходя и сидя, дѣлая и въ церквѣ стоя, вездѣ, на всякомъ мѣстѣ, входя и исходя, сіе непрестанное вопіяніе да будетъ и въ устахъ и въ сердцѣ твоемъ; съ нимъ найдешь покой, пріобрѣтешь чистоту духовную и тѣлесную, и вселится въ тебя Духъ Святый, источникъ всякихъ благъ, и управитъ жизнь твою во святынѣ, во всякомъ благочестіи и чистотѣ. Въ Саровѣ и настоятель Па-

хомій богоугодной жизни; онъ послѣдователь нашихъ Антонія и Ѳеодосія“!

Бесѣда блаженнаго старца Досиѳея окончательно утвердила юношу въ добрыхъ намѣреніяхъ. Отговѣвши, исповѣдавшись и причастившись св. Таинъ, поклонившись еще разъ св. угодникамъ Кіево-печерскимъ, онъ направилъ стопы свои на путь и, охраняемый покровомъ Божіимъ, благополучно прибылъ опять въ Курскъ, въ домъ своей матери. Здѣсь онъ прожилъ еще нѣсколько мѣсяцевъ, даже ходилъ въ лавку, но торговлей уже не занимался, а читалъ душеспасительныя книги въ назиданіе себѣ и другимъ, которые приходили поговорить съ нимъ, разспросить о св. мѣстахъ и послушать чтенія. Это время было — его прощаніемъ съ родиной и родными.

Какъ уже сказано, Прохоръ вступилъ въ Саровскую обитель 20-го ноября 1778-го года, наканунѣ праздника Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы. Стоя въ церкви на всенощномъ бдѣніи, видя благочинное совершеніе службы, замѣчая, какъ всѣ отъ настоятеля до послѣдняго послушника усердно молятся, онъ восхитился духомъ и порадовался, что Господь здѣсь указалъ ему мѣсто для спасенія души. О. Пахомій съ малолѣтства зналъ родителей Прохора и потому съ любовію принялъ юношу, въ которомъ видѣлъ истинное стремленіе къ иночеству. Онъ опредѣлилъ его въ число послушниковъ къ казначею іеромонаху Іосифу, мудрому и любвеобильному старцу. Сперва Прохоръ находился въ келейномъ послушаніи старца и съ точностію исполнялъ всѣ монашескія правила и уставы по его указанію; въ келіи онъ служилъ не только безропотно, но и всегда съ усердіемъ. Такое поведеніе обратило на него вниманіе всѣхъ и пріобрѣло ему расположеніе старцевъ Іосифа и Пахомія. Тогда ему стали назначать, кромѣ келейнаго еще послушанія по порядку: въ хлѣбнѣ, въ просфорнѣ, въ столярнѣ. Въ послѣдней онъ былъ будильщикомъ и исполнялъ довольно долго это послушаніе. Затѣмъ, онъ исполнялъ пономарскія обязанности. Вообще юный Прохоръ, бодрый силами, проходилъ всѣ монастырскія послушанія съ великою ревностію, но конечно не избѣгъ многихъ иску-

шеній, какъ печали, скуки, унынія, которыя дѣйствовали на него сильно. „Съ духомъ печали, говорилъ онъ впослѣдствіи,—неразлучно дѣйствуетъ и скука. Скука, по замѣчанію отцевъ, нападаетъ на монаха около полудня и производитъ въ немъ такое страшное безпокойство, что несносны ему становятся и мѣстожительство и живущіе съ нимъ братія, а при чтеніи возбуждается какое-то отвращеніе и частая зѣвота и сильная алчба. По насыщеніи чрева, демонъ скуки внушаетъ монаху помыслы выйти изъ келіи и съ кѣмъ нибудь поговорить, представляя, что не иначе можно избавиться отъ скуки, какъ непрестанно бесѣдуя съ другими. И монахъ, одолѣваемый скукою, подобенъ пустынному хворосту, который то немного остановится, то опять несется по вѣтру. Онъ, какъ безводное облако, гонится вѣтромъ. Сей демонъ, если не можетъ извлечь монаха изъ келіи, то начинаетъ развлекать умъ его во время молитвы и чтенія. Это,—говоритъ ему помыслъ,—лежитъ не такъ, а это не тутъ: надобно привести въ порядокъ, и это все дѣлаетъ для того, чтобы умъ сдѣлать праздныиъ и безплоднымъ".

„Болѣзнь сія врачуется" говоритъ онъ по собственному опыту,—„молитвою, воздержаніемъ отъ празднословія, посильнымъ рукодѣліемъ, чтеніемъ слова Божія и терпѣніемъ, потому что и рождается она отъ малодушія и праздности и празднословія".

Жизнь юнаго Прохора, до постриженія въ монашество, ежедневно распредѣлялась такъ: въ опредѣленные часы онъ былъ въ церкви на богослуженіи и правилахъ. Подражая старцу Пахомію, онъ являлся какъ можно ранѣе на церковныя молитвы, выстаивалъ неподвижно все богослуженіе, какъ бы продолжительно оно не было и никогда не выходилъ прежде совершеннаго окончанія службы. Въ часы молитвы всегда стоялъ на одномъ опредѣленномъ мѣстѣ. Для предохраненія отъ развлеченія и мечтательности, имѣя глаза опущенными долу, онъ съ напряженною внимательностію и благоговѣніемъ слушалъ пѣніе и чтеніе, сопровождая ихъ молитвою.

Далѣе Саровскіе монахи пишутъ (стр. 13), что Прохоръ любилъ уединяться въ своей келіи, гдѣ у него кромѣ

молитвы были занятія двухъ родовъ: чтеніе и тѣлесный трудъ. Псалмы онъ читалъ и сидя, говоря, что утружденному это позволительно, а св. Евангеліе и посланія Апостоловъ всегда стоя предъ св. иконами, въ молитвенномъ положеніи и это называлъ бдѣніемъ (бодрствованіемъ). Постоянно онъ читалъ творенія св. отцевъ, напр. Шестодневъ св. Василія великаго, бесѣды св. Макарія великаго, Лѣствица преп. Іоанна, Добротолюбіе и проч. Въ часы отдохновенія онъ предавался тѣлесному труду, вырѣзывалъ кресты изъ кипариснаго дерева для благословенія богомольцамъ. Когда Прохоръ проходилъ столярное послушаніе, то отличался большимъ усердіемъ, искусствомъ и успѣхами, такъ что въ росписаніи онъ одинъ изъ всѣхъ названъ Прохоромъ—столяромъ. Онъ также ходилъ на общіе для всей братіи труды: сплавлять лѣсъ, приготовлять дрова и т. п. Какъ онъ проводилъ ночи, а также принималъ пищу,— извѣстно изъ его личнаго свидѣтельства. Онъ говорилъ наставляя другихъ: „сидя за трапезой, не смотри и не осуждай, кто сколько ѣстъ, но внимай себѣ, питая душу молитвою. За обѣдомъ ѣшь довольно, за ужиномъповоздержись. Въ среду и пятокъ, аще можешь, вкушай по однажды. Каждый день непремѣнно въ нощи спи три часа: десятый, одинадцатый и двѣнадцатый часъ до полунощи. Аще изнеможешь, можно въ добавокъ днемъ спать. Сіе держи несумнѣнно до кончины жизни: ибо оно нужно для успокоенія головы твоей. *И я съ молодыхъ лѣтъ держалъ таковый путь*. Мы и Господа Бога всегда просимъ объ упокоеніи себя въ нощное время. Аще тако будешь хранить себя, то не будешь унылъ, но здравъ и веселъ“. Съ теченіемъ времени отъ слишкомъ напряженнаго состоянія, отъ недостатка въ ночномъ отдыхѣ о. Серафимъ, какъ самъ неоднократно сказывалъ, получилъ сильную головную боль. Болѣзнь эта разрѣшилась сама собою, когда онъ началъ нѣсколькими часами болѣе давать себѣ отдыхъ во время ночи. Послѣ этого о. Серафимъ, на основаніи собственнаго опыта, совѣтовалъ немощнымъ спать 6-ть часовъ въ сутки, а болѣе сильнымъ тѣломъ и крѣпкимъ душою—пять часовъ, повто-

ряя при этомъ наставленіе отцевъ—пустынниковъ, что мы не тѣло, а страсти умерщвлять научаемся.

Видя примѣры пустынножительства о. игумена Назарія, іеромонаха Дороѳея, схимонаха Марка, юный Прохоръ стремился духомъ къ большему уединенію и подвижничеству, а потому испросилъ благословеніе своего старца о. Іосифа оставлять монастырь въ свободные часы и уходить въ лѣсъ. Тамъ онъ нашелъ уединенное мѣсто, устроилъ сокровенную кущу и въ ней совершенно одинъ предавался богоразмышленію и молитвѣ. Если, говорилъ о. Серафимъ, не всегда можно пребывать въ уединеніи и молчаніи, живя въ монастырѣ и занимаясь возложенными отъ настоятеля послушаніями, то хотя нѣкоторое время, остающееся отъ послушанія, должно посвящать на уединеніе и молчаніе; и за это малое, Господь Богъ не оставитъ ниспослать на тебя богатую Свою милость. Такое правило теперь исполнялъ самъ Прохоръ, удаляясь въ пустынную кущу. Созерцаніе дивной природы возвышало его къ Богу и по словамъ человѣка, бывшаго впослѣдствіи близкимъ къ старцу Серафиму, онъ здѣсь совершалъ *правило, еже даде Ангелъ Господенъ великому Пахомію*, учредителю иноческаго общежитія. Это правило совершается въ слѣдующемъ порядкѣ: Трисвятое, и по Отче нашъ: Господи помилуй 12. Слава и нынѣ: пріидите поклонимся—трижды. Псаломъ 50: Помилуй мя Боже. Вѣрую во единаго Бога... Сто молитвъ: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго и по семъ: Достойно есть и отпустъ. Это составляло одно моленіе, но такихъ молитвъ надлежало совершить, по числу суточныхъ часовъ, двѣнадцать днемъ и двѣнадцать ночью. Это правило, принятое въ Саровской пустынѣ, Прохоръ исполнялъ, по наставленію старца Іосифа, съ самаго поступленія въ монастырь. Но въ кущѣ, среди природы, наединѣ съ Богомъ, онъ сосредоточеннѣе и съ большимъ умиленіемъ предавался молитвенному подвигу. Съ молитвою онъ соединялъ воздержаніе и постъ: въ среду и пятницу не вкушалъ ни какой пищи, а въ другіе дни недѣли принималъ ее только одинъ разъ. Всѣмъ видимо стало, что Прохоръ ставитъ себя твердо на пути иноческаго житія и поэтому его любили и уважали

во времена игуменства Пахомія, какъ необыкновеннаго подвижника. Подобный Прохору былъ въ то время 25-ти лѣтній послушникъ Василій, вступившій въ пустынь въ 1787 году изъ мѣщанъ г. Темникова и предназначенный Господомъ въ будущемъ въ строители Саровской пустыни, подъ именемъ Нифонта.

Въ 1780-мъ году Прохоръ тяжко заболѣлъ и все тѣло его распухло. Ни одинъ врачъ не могъ опредѣлить вида его болѣзни, но предполагали, что это сдѣлалась водяная болѣзнь. Недугъ длился въ продолженіи трехъ лѣтъ, изъ которыхъ не менѣе половины Прохоръ провелъ въ постели. Строитель о. Пахомій и старецъ о. Исаія попеременно ходили за нимъ и почти неотлучно находились при немъ. Тутъ-то и открылось, какъ всѣ и прежде другихъ—начальники, уважали, любили и жалѣли Прохора, бывшаго тогда еще простымъ послушникомъ. Наконецъ стали опасаться за жизнь больнаго и о. Пахомій настоятельно предлагалъ пригласить врача или, по крайней мѣрѣ, открыть кровь. Тогда смиренный Прохоръ позволилъ себѣ сказать игумену: „Я предалъ себя, отче святый, истинному врачу душъ и тѣлесъ, Господу нашему Іисусу Христу и Пречистой Его Матери, если-же любовь ваша разсудитъ, снабдите меня, убогаго, Господа ради, небеснымъ врачевствомъ,—причастіемъ св. Таинъ“. Старецъ Іосифъ, по просьбѣ Прохора и собственному усердію, особо отслужилъ *о здравіи* больнаго всенощное бдѣніе и литургію. Прохоръ былъ исповѣданъ и причащенъ. Въ скоромъ времени онъ выздоровѣлъ, что весьма удивило всѣхъ. Никто не понималъ, какъ могъ онъ столь скоро оправиться и только впослѣдствіи о. Серафимъ открылъ тайну нѣкоторымъ и въ томъ числѣ любимой сестрѣ Дивѣевской общины, церковницѣ Ксеніи Васильевнѣ (монахинѣ Капитолинѣ) по нынѣ передающей подлинныя слова батюшки. Послѣ причащенія св. Таинъ, ему явилась Пресвятая Дѣва Марія, въ несказанномъ свѣтѣ, съ апостолами Іоанномъ Богословомъ и Петромъ и обратясь къ Іоанну лицемъ и указывая перстомъ на Прохора, Владычица сказала: *„этотъ нашего рода!“* (Житіе старца Серафима изд. 1893 года г. Муромъ, стр. 18). „Правую-то ручку, радость моя“ говорилъ

о. Серафимъ церковницѣ Ксеніи,—„положила мнѣ на голову, а въ лѣвой то ручкѣ держала жезлъ и этимъ то жезломъ, радость моя, и коснулась убогаго Серафима; у меня на томъ мѣстѣ на правомъ бедрѣ то и сдѣлалось углубленіе, матушка; вода-то вся въ него и вытекла, и спасла Царица небесная убогаго Серафима; а рана пребольшая была, и до сихъ поръ яма-то цѣла, матушка, погляди-ка, дай ручку!“ и батюшка самъ бывало возметъ, да и вложитъ мою руку въ яму, прибавляетъ матушка Ксенія, нынѣ Капитолина,— и велика же она была у него, такъ вотъ весь кулакъ и взойдетъ! (Краткое жизнеоп. о. Серафима, Дивѣевскаго изд. 1874 г. г. Москва, стр. 10). Много душевной пользы принесла Прохору эта болѣзнь: духъ его окрѣпъ въ вѣрѣ, любви и надеждѣ на Бога.

Въ періодъ послушничества Прохора, при настоятелѣ о. Пахоміи, предприняты были въ Саровской пустынѣ многія нужныя постройки. Въ числѣ ихъ на мѣстѣ кельи, въ которой болѣлъ Прохоръ, строилась больница для леченія недужныхъ и успокоенія престарѣлыхъ, и при больницѣ церковь о двухъ этажахъ съ престолами, въ нижнемъ—во имя св. Зосимы и Савватія, чудотворцевъ Соловецкихъ, въ верхнемъ—во славу Преображенія Спасителя. Прохоръ, послѣ болѣзни молодой еще послушникъ, былъ посылаемъ за сборомъ денегъ въ разныя мѣста, на сооруженіе церкви. Благодарный за свое исцѣленіе и попеченіе начальства, онъ съ охотою понесъ трудный подвигъ сборщика. Странствуя по ближайшимъ къ Сарову городамъ, Прохоръ былъ и въ Курскѣ, на мѣстѣ своей родины, но не засталъ уже матери своей въ живыхъ. Братъ Алексѣй съ своей стороны оказалъ Прохору не малую помощь для построенія церкви. Вернувшись домой, Прохоръ какъ искусный столяръ, построилъ собственными руками престолъ изъ кипар染снаго дерева для нижней больничной церкви, въ честь преподобныхъ Зосимы и Савватія.

Въ теченіе восьми лѣтъ юный Прохоръ былъ послушникомъ. Наружный видъ его къ этому времени измѣнился; будучи высокаго роста, около 2 арш. и 8-ми вершковъ, несмотря на строгое воздержаніе и подвиги, онъ имѣлъ

полное, покрытое пріятной бѣлизной лице, прямой и острый носъ, свѣтло-голубые глаза, весьма выразительные и проницательные, густыя брови и свѣтло-русые волосы на головѣ. Лицо его окаймлялось густою окладистою бородою, съ которою на оконечностяхъ рта, соединялись длинные и густые усы. Онъ имѣлъ мужественное сложеніе, обладалъ большими физическими силами, увлекательный даръ слова и счастливую память. Теперь онъ прошелъ уже всѣ степени монастырскаго искуса и былъ способенъ и готовъ принять монашескіе обѣты.

13-го августа 1786 года, съ соизволенія Св. Синода, о. Пахомій постригъ послушника Прохора въ санъ инока. Воспріемными отцами его при постриженіи были о. Іосифъ и о. Исаія. При посвященіи ему было дано имя *Серафима* (пламенный) и въ братскихъ вѣдомостяхъ сказано, что онъ былъ постриженъ въ монахи, на вакантное мѣсто въ Гороховскій Николаевскій монастырь, въ которомъ и числился значительное время, хотя никогда въ немъ не жилъ. Черезъ годъ съ небольшимъ, въ декабрѣ 1787-го года, монахъ Серафимъ, по ходатайству о. Пахомія, былъ посвященъ преосвященнымъ Викторомъ, епископомъ Владимірскимъ и Муромскимъ, въ санъ іеродіакона. Онъ вполнѣ предался новому своему, по истинѣ уже ангельскому служенію. Со дня возведенія въ санъ іеродіакона, онъ, храня чистоту души и тѣла, въ теченіе пяти лѣтъ и 9-ти мѣсяцевъ, почти безпрерывно находился въ служеніи. Всѣ ночи на воскресные и праздничные дни проводилъ въ бодрствованіи и молитвѣ, неподвижно стоя до самой литургіи. По окончаніи же каждой Божественной службы, оставаясь еще надолго во храмѣ, онъ, по обязанности священно-діакона, приводилъ въ порядокъ утварь и заботился о чистотѣ алтаря Господня. Господь, видя ревность и усердіе къ подвигамъ, даровалъ о. Серафиму силу и крѣпость, такъ что онъ не чувствовалъ утомленія, не нуждался въ отдыхѣ, часто забывалъ о пищѣ и питьѣ и ложась спать жалѣлъ, что человѣкъ, подобно ангеламъ, не можетъ безпрерывно служить Богу. Строитель о. Пахомій теперь еще болѣе прежняго привязался сердцемъ къ о. Серафиму и безъ него не совершалъ почти ни одной

службы. Когда онъ выѣзжалъ по дѣламъ монастыря или для служенія одинъ или съ другими старцами, то часто бралъ съ собою о. Серафима. Такъ въ 1789-мъ году въ первой половинѣ іюня мѣсяца, о. Пахомій, съ казначеемъ о. Исаіемъ и іеродіакономъ о. Серафимомъ отправились, по приглашенію, въ село Леметь, находящееся въ 6-ти верстахъ отъ нынѣшняго города Ардатова, Нижегородской губ., на похороны богатаго благодѣтеля своего помѣщика Александра Соловцева и заѣхали по дорогѣ въ Дивѣево навѣстить Агаѳію Семеновну Мельгунову, высокочтимую всѣми старицу и также благодѣтельницу свою. Мать Александра была больна и получивъ отъ Господа извѣщеніе о скорой кончинѣ своей, просила отцевъ-подвижниковъ, ради любви Христовой особоровать ее. О. Пахомій сперва предлагалъ отложить елеосвященіе до возвращенія ихъ изъ Леметн, но святая старица повторила свою просьбу и сказала, что они ее не застанутъ уже въ живыхъ на обратномъ пути. Великіе старцы съ любовію совершили надъ нею таинство елеосвященія. Затѣмъ, прощаясь съ ними мать Александра отдала о. Пахомію послѣднее, что имѣла и накопила за года подвижнической жизни въ Дивѣевѣ. По свидѣтельству жившей съ нею дѣвицы Евдокіи Мартыновой своему духовнику протоіерею о. Василію Садовскому, матушка Агаѳья Семеновна передала строителю о. Пахомію мѣшечекъ—золотомъ, мѣшечекъ серебромъ и два мѣшка мѣди, суммою въ 40 тысячъ, прося выдавать ея сестрамъ все потребное въ жизни, такъ какъ они сами не съумѣютъ распорядиться. Матушка Александра умоляла о. Пахомія поминать ее въ Саровѣ за упокой, не оставлять и не покидать неопытныхъ послушницъ ея, а также попещись въ свое время о обители, обѣтованной ей Царицею небесною. На это старецъ о. Пахомій отвѣтилъ:

„Матушка! послужить по силѣ моей и по твоему завѣщанію Царицѣ небесной и попеченіемъ о твоихъ послушницахъ не отрекаюсь, также и молиться за тебя не только я до смерти моей буду, но и обитель вся наша никогда благодѣяній твоихъ не забудетъ, а впрочемъ не даю тебѣ слово, ибо я старъ и слабъ, но какъ-же и браться за то, не зная

доживу-ли до этого времени. А вотъ іеродіаконъ Серафимъ, духовность его тебѣ извѣстна и онъ молодъ, доживетъ до этого; ему и поручи это великое дѣло" (Записки о. В. Садовскаго и Н. А. Мотовилова).

Матушка Агафья Семеновна начала просить о. Серафима не оставлять ея обители, какъ Царица небесная Сама тогда наставить его на то изволитъ.

Старцы простились, уѣхали, а дивная старица Агаѳья Семеновна скончалась 13-го іюня въ день св. мученицы Акилины. О. Пахомій съ братіей на обратномъ пути какъ разъ поспѣлъ къ погребенію матушки Александры. Отслуживъ литургію и отпѣваніе соборно, великіе старцы похоронили первоначальницу Дивѣевской общины противъ алтаря Казанской церкви. Весь день 13-го іюня шелъ такой проливной дождь, что ни на комъ не осталось сухой нитки, но о. Серафимъ по своему цѣломудрію не остался даже обѣдать въ женской обители и тотчасъ послѣ погребенія ушелъ пѣшкомъ въ Саровъ.

Н. А. Мотовиловъ пишетъ, что мать Александра передъ смертію говорила послушницѣ Евдокіи: „Молись Богу, Господь не оставитъ тебя, я ужъ скоро отойду отъ сего свѣта, а ты еще долго проживешь и то, что сбудутся слова мои т. е. что соберется на мѣстѣ ее большая обитель, увидишь на дѣлѣ, будетъ большое смятеніе; ты и до него доживешь". Предчувствуя приближеніе своей кончины, мать Александра пожелала воспріять на себя ангельскій образъ и посылала она Евдокію Мартыновну, съ другой какой-то дѣвушкой въ Саровъ и о. Исаія, бывшій тогда казначеемъ сей обители, прибывъ въ Дивѣево постригъ ее во время вечерни въ великій ангельскій образъ и нарекъ ей имя Александры. Постриженіе это было за недѣлю или за двѣ до кончины, въ Петровскій постъ. А въ день кончины пріобщалась св. Таинъ, которыя она принимала за нѣсколько времени—каждодневно и лишь только священникъ ушелъ изъ келіи, то она и скончалась въ самую полунощь. При кончинѣ матушки была только Евдокія Мартыновна и еще другая старушка Ѳекла.

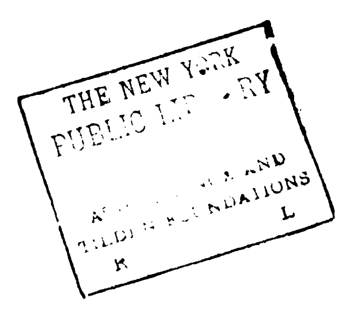
Предъ кончиною своею матушка изволила говорить Евдокіи Мартыновнѣ: „а ты Евдокіюшка, какъ я буду отходить, возьми образъ Пресв. Богородицы—Казанскія, да и положи его мнѣ на грудь, чтобы Царица небесная была при мнѣ во время отхода моего, а предъ образомъ свѣчку затепли“. Матушка скончалась въ одной рубашечкѣ и платочекъ былъ на головѣ.

ГЛАВА IV.

Видѣнія іеродіакону Серафиму во время богослуженій. Рукоположеніе его въ 1793 году въ санъ іеромонаха. Голодъ въ Саровской пустынѣ и чудеса. Страданія о. Серафима отъ болѣзни ногъ и стремленіе къ пустынножительству. Обѣщаніе о. Пахомію заботиться о Дивѣевской общинѣ. Кончина о. Пахомія и удаленіе о. Серафима въ пустынную келію. Молитва его о запрещеніи женамъ восходить на его гору и знаменіе свыше. Затворничество, подвижничество, обстановка его жизни, труды и письменныя наставленія. Келейное правило отца Серафима. Постничество его и кормленіе животныхъ. Неимѣніе о. Серафимомъ учениковъ въ продолженіи всей жизни. Посѣщеніе его другими подвижниками и братіей обители. Непрестанная молитва о. Серафима. Подвижникъ іеромонахъ Тимонъ. Страхованія въ пустынѣ отъ врага; видѣнія, искушенія и нападенія его. Стремленіе духовнаго начальства назначить о. Серафима настоятелемъ одного изъ монастырей, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита. Новый и высшій молитвенный подвигъ— стояніе тысячи ночей на камнѣ. Нападеніе трехъ крестьянъ на о. Серафима и его келію съ цѣлію грабежа. Страданіе о. Серафима, возвращеніе въ монастырь по болѣзни и исцѣленіе его Божіею Матеріею. Переселеніе его вновь въ пустыню и взглядъ о. Серафима на удаленіе отъ братіи монастыря. Даръ прозорливости.

Въ запискахъ, напечатанныхъ въ „Маякѣ“ 1844 г. (кн. 32) говорится, что о. Серафимъ въ санѣ іеродіакона, по временамъ видалъ при церковныхъ службахъ св. ангеловъ, сослужащихъ и поющихъ съ братіею. Они принимали образы молніеобразныхъ юношей, облеченныхъ въ бѣлыя златотканныя одежды; но пѣніе ихъ нельзя уподобить никакой гармоніи на землѣ. Дивное впечатлѣніе производили на его душу эти видѣнія! „*Бысть сердце мое,*—говорилъ о.

Отецъ Серафимъ.


THE NEW YORK
PUBLIC LIB RY

Серафимъ,—*яко воскъ тая отъ неизреченной радости*"! И не помнилъ я ничего отъ такой радости; помнилъ только, какъ входилъ въ св. церковь, да выходилъ изъ нея.

Въ жизнеописаніи о. Серафима Дивѣевскаго изданія 1874-го года говорится (стр. 12), что онъ весь осіянный благодатію Божіею уже во время іеродіаконства своего удостоивался разныхъ видѣній. Такъ онъ видѣлъ Ангеловъ, сослужащихъ и поющихъ во время богослуженій. Видъ ихъ, какъ говорилъ о. Серафимъ, былъ молніезраченъ, одежда бѣлая, какъ снѣгъ, или златотканная, пѣніе-же ихъ и передать невозможно. При этомъ обыкновенно о. Серафимъ измѣнялся въ лицѣ, которое то свѣтлѣло, то блѣднѣло, то покрывалось румянцемъ и говаривалъ старецъ: „бысть сердце мое, яко воскъ, тая отъ неизреченныя радости"! или „не могу сказать въ тѣлѣ или кромѣ тѣла былъ я; но только упомнить могъ, что выходилъ изъ церкви, да еще помнилъ, что я входилъ въ нее!" Однажды въ Великій Четвертокъ строитель о. Пахомій, не служившій никогда безъ о. Серафима, началъ Божественную литургію въ 2 часа пополудни вечернею и послѣ малаго выхода и паремій возгласилъ іеродіаконъ Серафимъ: Господи, спаси благочестивыя и услыши ны! но едва, обратясь къ народу, навелъ на предстоящихъ орарем, возглашая: и во вѣки вѣковъ, какъ вдругъ такъ измѣнился видомъ, что не могъ ни сойдти съ мѣста, ни проговорить слова. Всѣ это замѣтили и поняли, что съ нимъ Божіе посѣщеніе. Два іеродіакона взяли его подъ руки, ввели въ алтарь и оставили въ сторонѣ, гдѣ простоялъ онъ три часа, мѣняясь безпрерывно видомъ и послѣ, уже прійдя въ себя, наединѣ повѣдалъ строителю и казначею свое видѣніе. „Только что провозгласилъ я убогій: Господи, спаси благочестивыя и услыши ны! и наведя ораремъ на народъ окончилъ: и во вѣки вѣковъ, вдругъ меня озарилъ лучъ, какъ-бы солнечнаго свѣта; взглянувъ на это сіяніе, увидѣлъ я Господа и Бога нашего Іисуса Христа, во образѣ Сына человѣческаго, во славѣ и неизреченнымъ свѣтомъ сіяющаго, окруженнаго небесными силами, Ангелами, Архангелами, Херувимами и Серафимами, какъ-бы роемъ пчелинымъ и отъ западныхъ церковныхъ вратъ грядущаго на воздухѣ; при-

близясь въ такомъ видѣ до амвона, и воздвигнувъ пречистыя свои руки, Господь благословилъ служащихъ и предстоящихъ; по семъ вступивъ во Св. мѣстный образъ свой, что по правую сторону царскихъ вратъ, преобразился окружаемый Ангельскими ликами, сіявшими неизреченнымъ свѣтомъ во всю церковь. Я-же, земля и пепелъ, срѣтая тогда Господа Іисуса на воздухѣ, удостоился особеннаго отъ Него благословенія; сердце мое возрадовалось чисто, просвѣщенно, въ сладости любви ко Господу!“

Авторъ записокъ „въ Маякѣ 1844 г.“ повидимому былъ Саровскій инокъ, которому о. Серафимъ лично разсказалъ объ этомъ видѣніи. Показанія сходятся. Весьма важно для насъ, что видѣніе это совпало со входомъ священно-служителей въ алтарь, когда онъ изображаетъ вшествіе ихъ какъ-бы въ самое небо и священникъ проситъ Господа: сотвори со входомъ нашимъ входу св. ангеловъ быти сослужащихъ намъ и сославословящихъ Твою благость. Это видѣніе показало, что мы не напрасно вѣруемъ, что силы небесныя съ нами невидимо служатъ во время литургіи.

Іеродіаконъ Серафимъ проводилъ дни съ утра до вечера въ монастырѣ, совершая службы, исполняя монастырскія правила и послушанія, а вечеромъ, по прежнему, удалялся въ пустынную келью и тамъ проводилъ ночь въ молитвѣ; рано утромъ онъ опять являлся въ монастырь для исполненія своихъ обязанностей.

Въ 1793-мъ году о. Серафиму исполнилось 34 года и начальство, видя, что онъ по своимъ подвигамъ сталъ выше другихъ братій и заслуживаетъ преимущество предъ многими, ходатайствовало о возведеніи его въ санъ іеромонаха. Такъ какъ въ этомъ же году Саровская обитель, по новому росписанію, перешла изъ Владимірской епархіи въ Тамбовскую, то о. Серафима вызвали въ Тамбовъ и 2-го сентября епископъ Θеофилъ рукоположилъ его во іеромонаха. Съ полученіемъ высшей благодати священства, о. Серафимъ сталъ подвизаться въ духовной жизни съ вящшею ревностію и удвоенною любовію. Въ теченіе долгаго времени онъ продолжалъ непрерывное служеніе, ежедневно пріобщаясь съ горячею любовію, вѣрою и благоговѣніемъ.

Въ настоятельство о. Пахомія въ окрестностяхъ Сарова былъ нѣсколько разъ голодъ, но обитель не терпѣла недостатка въ хлѣбѣ и съ изобиліемъ надѣляла нуждавшихся. Одно лѣто въ особенности былъ продолжительный голодъ и вдругъ случилось такъ, что и для иноковъ обители не осталось муки, ни жита, такъ какъ ежедневно кормили тысячи голодающихъ. Вся братія собралась въ церковь и строитель Пахомій соборне отслужилъ молебенъ Божіей Матери и всенощное бдѣніе. Братія молилась, какъ-бы передъ смертію, не теряя однако же упованія на Господа и Его Пречистую Матерь. Утромъ на другой день, о. Серафимъ, по особому довѣрію строителя Пахомія, пошелъ въ житницу и нашелъ, что всѣ закромы наполнены разнымъ хлѣбомъ и житомъ. Съ той поры, во все продолженіе голода по окрестностямъ, въ обители не было оскудѣнія: сколько ни раздавали нуждающимся, житницы снова наполнялись. Эти событія способствовали къ утвержденію сердца о. Серафима въ непоколебимомъ упованіи на промыслъ Божій и покровительство Богородицы.

Сдѣлавшись іеромонахомъ о. Серафимъ возъимѣлъ намѣреніе совсѣмъ поселиться въ пустынѣ, такъ какъ пустынническая жизнь была его призваніемъ и назначеніемъ свыше. Къ тому-же отъ непрестаннаго келейнаго бдѣнія, отъ постояннаго стоянія въ церкви на ногахъ, съ небольшимъ отдыхомъ во время ночи, о. Серафимъ впалъ въ недугъ: у него распухли ноги и на нихъ открылись раны, такъ что нѣкоторое время онъ лишился способности священнодѣйствовать. Болѣзнь эта была не малымъ побужденіемъ къ избранію пустыннической жизни, хотя для отдыха слѣдовало ему просить у настоятеля о. Пахомія благословенія удалиться въ больничныя келіи, а не въ пустыню т. е. отъ меньшихъ трудовъ—къ большимъ и тягчайшимъ. Великій старецъ Пахомій благословилъ его. Это было послѣднее благословеніе, полученное о. Серафимомъ отъ мудраго, добродѣтельнаго и почтеннаго старца, въ виду болѣзни его и приближенія смерти. О. Серафимъ, хорошо помня, какъ во время его болѣзни ходилъ за нимъ о. Пахомій, теперь самъ служилъ ему съ самоотверженіемъ. Разъ о. Серафимъ замѣтилъ, что

къ болѣзни о. Пахомія присоединилась еще какая-то душевная забота и печаль.

— „О чемъ, отче святый, такъ печалишься ты?“ спросилъ его о. Серафимъ.

— „Я скорблю о сестрахъ Дивѣевской общины, отвѣтилъ старецъ Пахомій,—„кто ихъ будетъ назирать послѣ меня?“

О. Серафимъ, желая успокоить старца въ предсмертныя минуты, обѣщался самъ назирать ихъ и поддерживать все такъ же послѣ смерти его, какъ было при немъ. Это обѣщаніе успокоило и обрадовало отходящаго ко Господу о. Пахомія. Онъ поцѣловалъ о. Серафима и затѣмъ вскорѣ опочилъ мирнымъ сномъ праведника. О. Серафимъ горько оплакалъ потерю старца Пахомія и съ благословенія новаго настоятеля о. Исаіи, также горячо любимаго, удалился въ пустынную келію (20-го ноября 1794-го года), въ день прихода въ Саровскую пустынь.

Келія или такъ называемая пустынка о. Серафима, въ которой онъ спасался, находилась въ дремучемъ сосновомъ лѣсу, на берегу рѣки Саровки, на холмѣ, въ пяти или шести верстахъ отъ монастыря, на восходъ зимняго солнца. Она состояла изъ одной хаты съ печкою и имѣла крылечко съ сѣнями. Вокругъ пустынки о. Серафимъ устроилъ себѣ небольшой огородъ и обнесъ все занимаемое имъ пространство заборомъ. Одно время онъ имѣлъ даже пчельникъ, дававшій ему весьма вкусный медъ. На половинѣ пути отъ пустынки къ монастырю жили другіе отшельники въ уединенныхъ избушкахъ: игуменъ Назарій, іеромонахъ Дороѳей, схимонахъ Маркъ. Вся эта обстановка не много напоминала собою Аѳонскую гору, состоящую изъ разныхъ возвышеній, усѣянную лѣсомъ, монастырями и келіями пустынножителей; поэтому о. Серафимъ прозвалъ свой пустынный холмъ—Аѳономъ, а другія уединенныя мѣста въ лѣсу онъ прозвалъ въ духовномъ смыслѣ именами разныхъ святыхъ мѣстъ, какъ Назаретъ, Іерусалимъ, Виѳлеемъ, Ѳаворъ, Кедрскій потокъ, рѣка Іорданъ и т. д.

Не смотря на удаленіе о. Серафима въ пустынку, народъ сталъ безпокоить его тамъ. Приходили и женщины.

Авторъ жизнеописанія о. Серафима (изд. 4-е. 1893 г. стр. 33) повѣствуетъ, что великій подвижникъ, начиная строгую пустынническую жизнь, считалъ для себя неудобнымъ посѣщеніе женскаго пола, такъ какъ это могло соблазнить и монашествующихъ и мірянъ, склонныхъ къ осужденію. Но съ другой стороны лишить женщинъ назиданія, ради котораго онѣ приходили къ пустыннику, могло быть дѣломъ неугоднымъ Богу. Онъ сталъ просить Господа и Пресв. Богородицу о исполненіи его желанія и чтобы Всевышній, если это не противно Его волѣ, далъ ему знаменіе на то преклоненіемъ вѣтвей, вблизи стоявшихъ деревъ. Въ преданіяхъ, записанныхъ въ свое время, есть сказаніе, что Господь Богъ дѣйствительно далъ ему знаменіе Своего изволенія. Наступилъ праздникъ Рождества Христова; о. Серафимъ пришелъ въ монастырь къ поздней обѣднѣ въ храмъ Живоноснаго Источника и причастился св. Христовыхъ Таинъ. Послѣ обѣда въ своей монастырской келіи, онъ вернулся на ночь въ пустыню. На слѣдующій день 26-го декабря, празднуемый по положенію (Соборъ Пресвятой Богородицы), о. Серафимъ вернулся ночью въ обитель. Проходя свой холмъ, гдѣ онъ спускается внизъ долу, отчего гора и названа была о. Серафимомъ Аѳонскою, онъ увидѣлъ, что съ обѣихъ сторонъ тропинки, огромные сучья вѣковыхъ сосенъ склонились и завалили дорожку; вечеромъ ничего этого не было. О. Серафимъ упалъ на колѣни и поблагодарилъ Бога за данное, по молитвѣ его знаменіе. Теперь онъ зналъ, что Господу Богу угодно, дабы жены не входили на его гору. Кое-какъ пройдя сквозь сучья, завалившіе тропу, онъ пришелъ въ обитель, поспѣлъ къ самой литургіи и пошелъ въ церковь Живоноснаго Источника. Въ тотъ день строитель о. Исаія служилъ литургію соборне. О. Серафимъ сталъ въ алтарѣ. По перенесеніи св. Даровъ на престолъ, когда была пропѣта вторая половина Херувимской пѣсни, о. Серафимъ, приблизившись благоговѣйно къ престолу, сказалъ отцу Исаіи:

„Батюшка, отецъ строитель! благослови, чтобы на мою гору, на которой живу теперь, женамъ не было входа.“

Строитель, намѣреваясь читать молитву предложенія, по перенесеніи св. Даровъ на престолъ, отвѣтилъ на это съ нѣкоторымъ раздраженіемъ:

„Въ какое время и съ какимъ вопросомъ подошелъ ты, отецъ Серафимъ!“

„*Теперь-то* и благослови, батюшка“, просилъ о. Серафимъ.

„Какъ-же я могу“ сказалъ строитель, „за пять верстъ смотрѣть, чтобы женамъ не было входа?“

„Вы только благословите, батюшка“ сказалъ о. Серафимъ, „и уже никто изъ нихъ не взойдетъ на мою гору“.

Нечего дѣлать; подали образъ Пресв. Богородицы: *Блаженное чрево* и старецъ Исаія, благословляя о. Серафима св. иконою сказалъ:

— „Благословляю, чтобы не было женамъ входа на твою гору, а ты самъ охраняй!“

Приложившись къ св. иконѣ, о. Серафимъ отошелъ на свое мѣсто и затѣмъ въ обычное время причастился св. Таинъ. Послѣ обѣда, возблагодаривъ старца Исаію за данное благословеніе, на ночь опять возвратился въ свою пустынную келью.

Существуютъ разные варіанты этого разсказа, не измѣняющіе сущности дѣла и потому разнорѣчія не имѣютъ историческаго значенія. Такъ нѣкоторые, лично знавшіе о. Серафима передаютъ, что разговоръ съ старцемъ Исаіею происходилъ не во второй день Рождества Христова, а на пятой недѣлѣ Великаго поста въ субботу, въ день Похвалы Пресв. Богородицы, и что послѣ благословенія о. Исаіи, чрезъ недѣлю, о. Серафимъ увидѣлъ преклонившіяся вѣтви деревъ. Несомнѣнно, что о. Серафимъ молилъ Бога и Пресв. Богородицу о запрещеніи женщинамъ восходить на его гору, ему было дано знаменіе свыше, благословеніе настоятеля и послѣ этого онъ самъ завалилъ колодами тропинку къ себѣ и не только женщинамъ, но и вообще стороннимъ людямъ входъ къ нему былъ совершенно закрытъ.

Свѣдѣнія о жизни великаго Серафима въ дальней пустынкѣ получились значительно позже, частію изъ разсказовъ самаго подвижника и его наставленій, частію изъ повѣствованій другихъ пустынножителей, посѣщавшихъ его,

а также изъ свидѣтельствъ самой мѣстности его уединенія и обстановки убогой хижины.

Въ продолженіе всего подвижничества о. Серафимъ носилъ постоянно одну и туже убогую одежду: бѣлый полотняный балахонъ, кожанныя рукавицы, кожанныя бахилы— въ родѣ чулокъ, поверхъ которыхъ надѣвалъ лапти и поношенная камилавка. На балахонѣ висѣлъ крестъ, тотъ самый, которымъ благословила его родная мать, отпуская изъ дома, а за плечами висѣла сумка, въ которой онъ носилъ при себѣ св. Евангеліе. Ношеніе креста и Евангелія имѣло конечно глубокій смыслъ. Въ жизнеописаніи Дивѣевскаго изданія сказано (стр. 16), что по подражанію древнимъ святымъ о. Серафимъ носилъ вериги на обоихъ плечахъ и къ нимъ были привѣшаны кресты, одни спереди въ 20 ф., другіе сзади въ 8 ф. каждый и еще желѣзный поясъ. И эту тяжесть старецъ носилъ во все время своего пустынножительства. Въ морозы онъ накладывалъ на грудь чулокъ или тряпку, а въ баню никогда не ходилъ. Видимые его подвиги состояли изъ молитвословій, чтенія книгъ, тѣлесныхъ трудовъ, соблюденія правилъ великаго Пахомія и т. д. Въ холодную пору онъ топилъ келью, кололъ и рубилъ дрова, но иногда добровольно переносилъ холодъ и морозъ. Лѣтомъ онъ воздѣлывалъ гряды на своемъ огородѣ и удабривалъ землю, собиралъ мохъ съ болотъ. Во время подобной работы онъ ходилъ иногда безъ одежды, перепоясавъ лишь чресла свои, и насѣкомыя жестоко уязвляли тѣло его, отчего оно опухало, синѣло по мѣстамъ и запекалось кровію. Старецъ добровольно терпѣлъ эти язвы, Господа ради, руководствуясь примѣрами подвижниковъ древняго времени. На грядахъ, удобренныхъ мхомъ, о. Серафимъ сажалъ сѣменами лукъ и другія овощи, которыми онъ питался лѣтомъ. Тѣлесный трудъ пораждалъ въ немъ благодушное состояніе и о. Серафимъ работалъ съ пѣніемъ молитвъ, тропарей и каноновъ. Владѣя счастливою памятью, онъ зналъ наизустъ множество церковныхъ пѣсней, которыми и услаждалъ свой духъ. Такъ онъ пѣвалъ напр. *Всемірную славу* въ честь Пресвятыя Богородицы, считая Ее покровительницею своей пустыни; чудный антифонъ: *Пустыннымъ непрестанное Бо-*

жественное желаніе бываетъ, представляющій пустынную жизнь; пѣснь, возносящая душу къ великому дѣлу любви Божіей, творенію міра и человѣка: *Иже отъ несущихъ вся приведый, Словомъ созидаемая, совершаемая Духомъ*, и т. п. О. Серафимъ завелъ въ одно время и пчельникъ. Замѣчались иногда явленія такого рода: во время занятій въ огородѣ, или въ пчельникѣ, или въ лѣсу, онъ вдругъ на нѣкоторый срокъ прерывалъ работу, руки опускались, топоръ, ножъ или лапата вываливались, глаза закрывались и старецъ всею душою погружался въ самаго себя, уходилъ умомъ и сердцемъ на небо и виталъ въ богосозерцаніи. Если кто нибудь былъ при немъ въ это время, то, не нарушая сладкой его тишины, каждый съ благоговѣніемъ взиралъ на старца и старался отойти. О. Серафимъ читалъ много книгъ. Постояннымъ правиломъ его въ пустынѣ было ежедневно прочитывать съ изъясненіемъ для себя по нѣскольку зачалъ изъ Евангелія и Апостола, что онъ считалъ дѣломъ весьма важнымъ въ духовномъ совершенствованіи христіанина, въ его восхожденіи къ небу и соединеніи съ Богомъ. Это онъ называлъ *снабденіемъ души* и свои мысли о томъ изложилъ письменно *(Чѣмъ должно снабдѣвать душу?)*.

„Если хочешь устроить домъ души своей“ писалъ о. Серафимъ, согласно наставленію великаго и препод. Варсонофія,—„то прежде приготовь вещество и все потребное, чтобы художнику оставалось придти и устроить. Потребное для таковаго зданія суть твердая вѣра для устроенія стѣнъ; деревянныя окончены, вводящія свѣтъ солнечный, который бы освѣщалъ домъ, чтобы не было въ немъ ни малѣйшей темноты. Оконца деревянныя суть пять чувствъ, честнымъ Крестомъ Христовымъ утвержденныя, вводящія свѣтъ мысленнаго солнца правды и не позволяющія оставаться въ дому твоемъ ни малѣйшей темнотѣ врага и добро-ненавистника твоего. Потомъ требуется покровъ, да ни *во дни солнце не ожжетъ тебе, ниже луна нощію* (Псал. 120, 6). Покровъ скрѣпляется любовію къ Богу, которая бы, покрывая домъ, никогда не падала и не позволяла *заходить солнцу во гнѣвѣ твоемъ*, дабы не увидѣть его обличающимъ тебя въ день судный и жгучимъ въ огнѣ геенскомъ, и луну сви-

дѣтельствующую о нощномъ нашемъ унынiи и лѣности. Наконецъ требуется дверь, вводящая въ домъ и хранящая живущаго въ немъ. Разумѣй мысленную дверь—Сына Божiя, Который говоритъ: *Азъ есмь дверь.* Если такъ устроишь домъ души своей и въ немъ не будетъ ничего неприличнаго и неугоднаго Богу, то Онъ прiидетъ съ благословеннымъ Отцемъ и Духомъ Святымъ, и обитель у тебя сотворитъ и научитъ тебя, что такое миръ души, просвѣтитъ сердце твое радостiю неизглаголанною (Отв. 171). Душу снабдѣвать надобно словомъ Божiимъ: ибо слово Божiе, какъ говоритъ Григорiй Богословъ, есть хлѣбъ Ангельскiй, имъ же питаются души, Бога алчущiя. Всего же болѣе должно упражняться въ чтенiи Новаго Завѣта и Псалтири; Евангелiе и посланiя Апостоловъ должно читать *стоя* предъ св. иконами, а псалмы можно читать сидя. Отъ чтенiя св. Писанiя бываетъ просвѣщенiе въ разумѣ, который отъ того измѣняется измѣненiемъ божественнымъ. Надобно такъ обучить себя, чтобы умъ какъ бы плавалъ въ Законѣ Господнемъ, по руководству котораго должно устроять и жизнь свою.

Очень полезно заниматься чтенiемъ слова Божiя въ уединенiи и прочитать всю Библiю разумно. За одно таковое упражненiе, кромѣ другихъ добрыхъ дѣлъ, Господь не оставитъ человѣка Своею милостiю, но исполнитъ его дара разумѣнiя.

Когда же человѣкъ снабдитъ душу свою словомъ Божiимъ, тогда исполняется разумѣнiемъ того, что есть добро, и что есть зло.

Чтенiе слова Божiя должно быть производимо въ уединенiи для того, чтобы весь умъ читающаго углубленъ былъ въ истины Священнаго Писанiя, и принималъ отъ Бога въ себя теплоту, которая въ уединенiи производитъ слезы; отъ нихъ человѣкъ согрѣвается весь и исполняется духовныхъ дарованiй, услаждающихъ умъ и сердце паче всякаго слова.

Тѣлесный трудъ и упражненiе въ божественныхъ Писанiяхъ, учитъ преподобный Исаакъ Сиринъ, охраняютъ чистоту, а трудъ подкрѣпляется надеждою и страхомъ. Надежду же и страхъ производятъ въ умѣ удаленiе отъ людей и непрестанная молитва. Пока не прiиметъ Утѣшителя, человѣкъ

имѣетъ нужду въ божественныхъ Писаніяхъ, чтобы воспоминаніе о благахъ напечатлѣвалось въ умѣ его и отъ непрестаннаго чтенія обновлялось въ немъ стремленіе ко благу и охраняло душу его отъ тонкихъ путей грѣха,—имѣетъ нужду потому, что не пріобрѣлъ еще силы Духа, которая удаляетъ заблужденіе, беретъ въ плѣнъ душеполезныя припоминанія, и приближается къ той холодности, какая бываетъ при разсѣянности ума. Ибо когда сила Духа низойдетъ на душевную силу, дѣйствующую въ немъ, тогда вмѣсто закона Писаній укореняются въ сердцѣ заповѣди Духа; и тогда онъ втайнѣ бываетъ наставляемъ Духомъ и не имѣетъ нужды въ помощи чего либо чувственнаго. А пока сердце учится чрезъ вещественное, вслѣдъ за ученіемъ идетъ заблужденіе и забвеніе. А когда ученіе будетъ отъ Духа, тогда память соблюдается невредимою (Исаак. Сир. Сл. 58).

Слѣдуетъ также снабдѣвать душу и познаніями о Церкви, какъ она отъ начала доселѣ сохраняется, и что терпѣла она въ то и другое время,—знать же сіе не для того, чтобъ желать управлять людьми, но на случай могущихъ встрѣтиться вопрошеній, также для убѣжденія и утѣшенія своего духа. Болѣе же всего дѣлать это должно собственно для себя, чтобъ пріобрѣсти миръ душевный, по ученію Псаломника: *миръ многъ любящимъ законъ Твой, Господи* (118, 165)".

Съ о. Серафимомъ находилась Псалтирь съ возслѣдованіями. Подвижникъ совершалъ по ней ежедневно монашеское правило по чину первыхъ, строгихъ пустынножителей. Такъ около полуночи, вставши отъ сна, онъ совершалъ правило Пахомія великаго, читалъ утреннія молитвы, пѣлъ полунощницу, утреню и читалъ первый часъ. При наступленіи девятаго часа, онъ читалъ часы третій, шестый, девятый, и проходилъ чинъ изобразительныхъ. По вечеру онъ читалъ вечерню и малое повечеріе. При наступленіи ночи творилъ монастырское правило съ молитвами на сонъ грядущимъ. Часто также вмѣсто вечерняго правила, полагалъ по тысячѣ поклоновъ за одинъ разъ. Сонъ его во время ночи былъ непродолжительный. Сверхъ того, онъ занимался

псалмопѣніемъ сперва по уставу св. Пахомія великаго, а потомъ, примѣнительно къ сему уставу, составилъ свое чинопослѣдованіе, которое извѣстно подъ именемъ *келейнаго правила*.

Келейное правило отца Серафима.

ПРЕЖДЕ НАЧАТІЯ ПСАЛТИРИ ЧИТАЙ СІЕ:

Боже, очисти мя грѣшнаго, и помилуй мя. *Поклонъ.*

Создавый мя Господи, помилуй мя. *Поклонъ.*

Безъ числа согрѣшихъ, Господи, прости мя. *Поклонъ.*

Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному. *Поклонъ.*

Боже, прости мнѣ беззаконія и согрѣшенія. *Поклонъ.*

Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресеніе Твое славимъ. *Поклонъ.*

Господи, аще словомъ или дѣломъ согрѣшихъ во всей жизни моей, помилуй мя, и прости ми грѣшному, милости Твоея ради.

Достойно есть. Слава и нынѣ. Господи помилуй. *Трижды.* Благослови.

Молитвами святыхъ Отецъ нашихъ, Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго. Слава Тебѣ Боже нашъ, слава Тебѣ. *Трисвятое:* По Отче нашъ:

На Славахъ:

Слава, и нынѣ. Аллилуіа, *трижды.* Господи помилуй, *трижды.* Посемъ: Спаси Господи и помилуй всѣхъ православныхъ Христіанъ и на всякомъ мѣстѣ владычествія Твоего православно живущія: подаждь имъ, Господи, душевный миръ и тѣлесное здравіе, и прости имъ всякое согрѣшеніе, вольное же и невольное: и ихъ святыми молитвами и меня окаяннаго помилуй.

Упокой, Господи, души усопшихъ рабъ Твоихъ, праотецъ, отецъ и братій нашихъ, здѣ лежащихъ и повсюду православныхъ Христіанъ преставльшихся: подаждь имъ, Господи, царствіе и причастіе Твоея безконечныя и блаженныя жизни, и прости имъ, Господи, всякое согрѣшеніе, вольное же и невольное.

По окончаніи каѳисмы читай:

Тропари и кондаки.

Въ беззаконіяхъ зачався азъ блудный, не дерзаю взирати на высоту небесную; но, дерзая на человѣколюбіе Твое, зову: Боже, очисти мя грѣшнаго и помилуй мя.

Аще праведникъ едва спасается, азъ гдѣ явлюся грѣшный? Тяготы и зноя дневнаго не понесохъ; но поне съ наемниками единонадесятаго часа сопричти мя, Боже, и спаси мя.

Объятія Отча отверсти ми потщися: блудно мое иждихъ житіе, на богатство неиждиваемое взираяй щедротъ Твоихъ, Спасе: нынѣ обнищавшее мое да не презриши сердце; Тебѣ бо, Господи, во умиленіи зову: согрѣшихъ на небо и предъ Тобою.

Достойно есть яко воистинну, *до конца.*

Согрѣшихъ къ Тебѣ, Спасе, яко блудный сынъ: пріими мя Отче кающагося, и помилуй мя, Боже.

Зову къ Тебѣ, Христе Спасе, мытаревымъ гласомъ: очисти мя, якоже онаго, и помилуй мя, Боже.

Милосердія сущи источникъ, милости сподоби насъ, Богородице; призри на люди согрѣшившія, яви яко присно силу Твою: на Тя бо уповающе, Радуйся, вопіемъ Ти, якоже Гавріилъ, безплотныхъ Архистратигъ.

Вся паче смысла, вся преславная Твоя Богородице, таинства! Чистотѣ запечатанной и дѣвству храниму, Мати познался еси неложна, Бога рождши истиннаго: Того моли спастися душамъ нашимъ.

Пречистому Твоему Образу поклоняемся, Благій, просяще прощенія прегрѣшеній нашихъ, Христе Боже: волею бо благоволилъ еси плотію взыти на крестъ, да избавиши, яже создалъ еси, отъ работы вражія. Тѣмъ благодарственно вопіемъ Ти: радости исполнилъ еси вся, Спасе нашъ, пришедый спасти міръ.

Спаси Господи люди Твоя и благослови достояніе Твое, побѣды благовѣрному Императору нашему Николаю Александровичу на сопротивныя даруя и Твое сохраняя Крестомъ Твоимъ жительство.

Небесныхъ воинствъ Архистратизи, молимъ васъ присно мы недостойніи, да вашими молитвами оградите насъ кровомъ крилъ невещественныя вашея славы, сохраняюще ны припадающія прилежно и вопіющія: отъ бѣдъ избавите ны, яко чиноначальницы вышнихъ Силъ.

Боже Отецъ нашихъ, творяй присно съ нами по Твоей кротости, не отстави милости Твоея отъ насъ: но молитвами ихъ въ мирѣ управи животъ нашъ.

Глубиною мудрости человѣколюбно вся строяй и полезное всѣмъ подаваяй, едине Содѣтелю, упокой Господи души рабъ Твоихъ; на Тя бо упованіе возложиша, Творца и Зиждителя и Бога нашего.

Со святыми упокой Христе души рабъ Твоихъ, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная.

Упованіе Христіанъ, Пресвятая Дѣво, Его же родила еси Бога паче ума же и слова, непрестанно моли съ горними Силами, дати оставленіе грѣховъ намъ всѣмъ, и исправленіе житія, вѣрою и любовію присно Тя чтущимъ.

Господи помилуй. *Сорокъ.* И молитву Святаго Ефрема:

Господи и Владыко живота моего, духъ праздности, унынія, любоначалія и празднословія не даждь ми. *Поклонъ.*

Духъ же цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія и любве даруй ми рабу Твоему. *Поклонъ.*

Ей Господи, Царю, даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія и не осуждати брата моего: яко благословенъ еси во вѣки вѣковъ, аминь. *Поклонъ. Таже малыхъ дванадесять поклоновъ, глаголюще на кійждо поклонъ:* Боже очисти мя грѣшнаго и помилуй мя. *И паки послѣди молитву всю:* Господи и Владыко.

По окончаніи трехъ каѳисмъ глаголи:

Создавый мя Господи, помилуй мя.

Безъ числа согрѣшихъ, Господи, прости мя.

Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному.

Боже, прости моя беззаконія и согрѣшенія.

Кресту Твоему покланяемся Владыко, и святое Воскресеніе Твое славимъ.

Господи, аще словомъ, или дѣломъ, или помышленіемъ согрѣшихъ во всей жизни моей, помилуй мя и прости ми грѣшному, милости Твоея ради.

Достойно есть: Слава, и нынѣ. Господи помилуй, *трижды*. Благослови. Молитвами святыхъ отецъ нашихъ.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Слава Тебѣ Боже нашъ, слава Тебѣ: Царю небесный: Трисвятое: *По* Отче нашъ: Господи помилуй, *дванадесять*. Пріидите поклонимся, *трижды*. И псаломъ пятидесятый; и: Вѣрую во единаго Бога Отца:

Упованіе мое Отецъ, прибѣжище мое Сынъ, покровъ мой Духъ Святый: Троице Святая, слава Тебѣ.

Отче нашъ, *и проч*.

Богородице Дѣво, радуйся, *и проч*.

Кресту Твоему, *и проч*.

Возбранный Воеводо и Господи, *и проч*.

Взбранной Воеводѣ побѣдительная, *и проч*.

Преславная Присно-Дѣво, *и проч*.

Все упованіе мое, *и проч*.

Богородице Дѣво, не презри мене грѣшнаго, *и проч*.

Упованіе мое Отецъ, *и проч*.

Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго; и прости моя беззаконія и согрѣшенія.

Всемилостивая Владычице моя, Пресвятая Госпоже, Пречистая Дѣво, Богородице Маріе, Мати Божія, спаси мя грѣшнаго.

Святіи Архангели и Ангели, Херувими, Серафими и вся Силы небесныя, помилуйте мя и молитеся ко Господу Богу о мнѣ грѣшномъ.

Святый Ангеле Господень, Хранителю мой Святый, помилуй мя и молися ко Господу Богу и мнѣ грѣшномъ.

Вси Святіи, помилуйте мя и молитеся ко Господу Богу о мнѣ грѣшномъ.

Богородице Дѣво радуйся, *и проч*.

Спаси Господи и помилуй отца нашего строителя іеромонаха (имя рекъ), со всею о Христѣ братіею: подаждь имъ Господи душевный миръ и тѣлесное здравіе, и прости имъ,

Господи, всякое согрѣшеніе, вольное же и невольное, и ихъ святыми молитвами и меня окаяннаго помилуй.

Спаси Господи и помилуй всѣхъ православныхъ Христіанъ на всякомъ мѣстѣ владычествія Твоего, и подаждь имъ, Господи, душевный миръ и тѣлесное здравіе, и прости имъ, Господи, всякое согрѣшеніе, вольное же и невольное, и ихъ святыми молитвами меня окаяннаго помилуй.

Упокой Господи души усопшихъ рабъ Твоихъ, праотецъ, отецъ и братій нашихъ, здѣ лежащихъ и повсюду православныхъ Христіанъ преставльшихся, и подаждь имъ, Господи, причастіе Твоея безконечныя и блаженныя жизни, и прости имъ, Господи, всякое согрѣшеніе, вольное же и невольное.

Слава, и нынѣ. Аллилуіа, *трижды*. Слава. Спаси Господи и помилуй всѣхъ православныхъ.

И нынѣ. Упокой Господи души усопшихъ, *и проч. Посемъ*. О Тебѣ радуется: Слава, и нынѣ. Господи помилуй. *Трижды*. Благослови. Молитвами Святыхъ Отецъ нашихъ:

Ослаби, остави, прости, Боже, прегрѣшенія наша, вольная и невольная, яже въ словѣ и дѣлѣ, яже въ вѣдѣніи и не въ вѣдѣніи, яже во дни и въ нощи, яже въ умѣ и въ помышленіи, вся намъ прости, яко благъ и человѣколюбецъ.

Ненавидящихъ и обидящихъ мя прости, Господи, человѣколюбче, *и проч*. Молит.

Богородице Дѣво радуйся, *и проч*.

Свѣтися, свѣтися новый Іерусалиме, слава бо Господня на тебѣ возсія: ликуй нынѣ и веселися Сіоне: Ты же Чистая, красуйся Богородице о востаніи Рождества Твоего.

Воистинну Богородицу Тя исповѣдуемъ спасенніи Тобою, Дѣво, чистая, съ безплотными лики Тя величающе.

Достойно есть, *и проч*.

Радуйся дѣвственное похвало, радуйся Мати Пречистая, Юже вся тварь божественными пѣсньми величаетъ.

Предстательство Христіанъ непостыдное, ходатайство ко Творцу непреложное, не презри грѣшныхъ моленій гласы, но предвари яко Благая на помощь насъ, вѣрно зовущихъ Ти: ускори на молитву и потщися на умоленіе, предстательствующи присно Богородице чтущихъ Тя.

Милосердія двери отверзи намъ, *и проч.*

Нескверная, неблазная, нетлѣнная, *и проч.*

Молитва на повеч.

Слава; и нынѣ. Господи помилуй. *Трижды.*

Благослови. Молитвами святыхъ Отецъ нашихъ, Господи Іисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ. Аминь.

Авторъ жизнеописанія о. Серафима (Саровскаго изд. 1893 г. стр. 41—62) такъ продолжаетъ свое повѣствованіе:

Провождая жизнь въ уединеніи, трудахъ, чтеніи и молитвѣ о. Серафимъ соединялъ съ этимъ постъ и строжайшее воздержаніе. По началу своего поселенія въ пустынѣ онъ питался хлѣбомъ, болѣе всего черствымъ и сухимъ; хлѣбъ, обыкновенно, онъ бралъ съ собою по воскресеньямъ на цѣлую недѣлю. Есть сказаніе, что изъ этой недѣльной порціи хлѣба часть удѣлялъ онъ пустыннымъ животнымъ и птицамъ, которыя были приласканы старцемъ, очень любили его и посѣщали мѣсто его молитвословій. Также онъ употреблялъ овощи, добываемые трудами рукъ его въ пустынномъ огородѣ. Съ тѣмъ и устроенъ былъ огородъ сей, чтобы ему не обремѣнить *ничимъ же* обители и, по примѣру великаго подвижника ап. Павла, питаться, *дѣлающе своими руками* (4, 12). Впослѣдствіи времени онъ пріучилъ свое тѣло къ такому воздержанію, что не сталъ вкушать и хлѣба *насущнаго*, а, по благословенію настоятеля Исаіи, питался одними овощами своего огорода. Это были картофель, свекла, лукъ и трава, называемая снить. Въ теченіе-же первой недѣли Великаго поста онъ вовсе не принималъ пищи до причащенія св. Таинъ въ субботу. Еще чрезъ нѣсколько времени воздержаніе и постничество о. Серафима дошли до неимовѣрной степени. Совсѣмъ переставши брать хлѣбъ изъ обители, онъ жилъ безъ всякаго содержанія отъ ней въ теченіе болѣе двухъ лѣтъ съ половиною. Братія, удивляясь, недоумѣвали, чѣмъ могъ питаться старецъ во все это время, не только лѣтомъ, но и зимою. Онъ же тщательно укрывалъ свои подвиги отъ воззрѣнія людей. Но предъ смертію, въ разговорѣ отъ 20 мая 1832 года съ одною довѣренною осо-

бой, которая тогда же и записала свою бесѣду, о. Серафимъ открылъ это, начавши такъ:

„Ты знаешь снитку? Я рвалъ ее, да въ горшечекъ клалъ; не много вольешь, бывало, въ него водицы и поставишь въ печку—славное выходило кушанье?“

— Я спросила его о сниткѣ, что это значитъ? За притчу ли это принять, или что дѣйствительное? Онъ отвѣчалъ: „экая ты какая! развѣ не знаешь, *травы* снить? Я это тебѣ говорю о самомъ себѣ. Я самъ это себѣ готовилъ кушанье изъ снитки.“

Я спросила его, какъ зиму онъ ее кушалъ и гдѣ бралъ?

Онъ отвѣчалъ: „экая ты какая! на зиму я снитку сушилъ, и этимъ однимъ питался, а братія удивлялись, чѣмъ я питался! А я снитку ѣлъ... И о семъ я братіи не открывалъ, а тебѣ сказалъ.“

Я спросила: а долгое ли время онъ кушалъ ее?

Онъ далъ мнѣ точный отвѣтъ и на это. Но я забыла, безъ сколькихъ именно дней онъ вкушалъ тысячу дней одну снитку. Только помню, что болѣе двухъ съ половиною лѣтъ, невступно три года, онъ питался одною сею травою.“

По буднямъ, спасаясь въ пустынѣ, о. Серафимъ наканунѣ праздниковъ и дней воскресныхъ являлся въ обитель, слушалъ вечерню, всенощное бдѣніе и за раннею литургіею въ больничной церкви св. Зосимы и Савватія причащался св. Христовыхъ Таинъ. Затѣмъ до вечерни онъ принималъ въ монастырской кельи приходившихъ къ нему, по нуждамъ духовнымъ, изъ монастырской братіи. Во время вечерни, когда братія оставляли его, онъ, взявъ съ собою хлѣба на недѣлю, удалялся въ свою пустыню. Всю первую недѣлю Великаго поста онъ проводилъ въ обители. Въ эти дни онъ говѣлъ, исповѣдывался и причащался св. Таинъ. Духовникомъ его съ давняго времени былъ строитель—старецъ Исаія.

Такъ проводилъ старецъ дни свои въ пустынѣ. Другіе пустынножители, имена которыхъ мы упоминали уже, имѣли при себѣ по одному ученику, которые и служили имъ. О. Серафимъ жилъ въ совершенномъ одиночествѣ. Нѣкоторые изъ Саровской братіи пытались сожительствовать съ о. Серафимомъ въ пустынѣ и были приняты имъ; но ни одинъ

изъ нихъ не могъ вынести трудностей пустынническаго житія; ни въ комъ не нашлось столько нравственной крѣпости, чтобы явиться, въ качествѣ ученика, подражателемъ подвиговъ о. Серафима. Благочестивыя попытки ихъ, принося пользу душѣ, не увѣнчались успѣхомъ; и тѣ, которые поселялись было съ о. Серафимомъ, возвращались опять въ обитель. Посему, хотя послѣ кончины о. Серафима, нашлись нѣкоторые люди, *дерзновенно объявлявшіе себя его учениками, но, при его жизни, они въ строгомъ смыслѣ учениками не были, и названіе: Серафимовъ ученикъ въ то время не существовало.* „Въ пребываніе его въ пустынѣ—говорили тогдашніе Саровскіе старцы—вся братія была его учениками".

Также многіе изъ Саровской братіи временно приходили къ нему въ пустыню. Одни просто посѣщали его, а другіе являлись по нуждѣ въ совѣтахъ и наставленіяхъ. Старецъ хорошо различалъ людей. Отъ нѣкоторыхъ онъ удалялся, желая сохранить молчаніе, а имѣющимъ нужды до него не отказывалъ въ духовной пищѣ, съ любовію руководствуя ихъ къ истинѣ, добродѣтели и благоустроенію жизни. Изъ постоянныхъ посѣтителей о. Серафима извѣстны схимонахъ Маркъ и іеродіаконъ Александръ, также спасавшійся въ пустынѣ. Первый бывалъ у него два раза въ мѣсяцъ, а послѣдній—однажды. О. Серафимъ охотно бесѣдовалъ съ ними о разныхъ душеспасительныхъ предметахъ. На сердцѣ ихъ съ особенною глубиною напечатлѣлась бесѣда его о непрестанной внутренней или умной молитвѣ, ея силѣ и значеніи,—ученіе, которое извѣстно стало о. Серафиму не изъ книгъ, а изъ собственнаго опыта жизни. Краткій образчикъ этой бесѣды мы находимъ въ слѣдующемъ наставленіи о. Серафима *о молитвѣ.*

„Истинно рѣшившіеся служить Господу Богу должны упражняться въ памяти Божіей и непрестанной молитвѣ ко Іисусу Христу, говоря умомъ: *Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго;* въ часы же послѣобѣденные можно говорить сію молитву такъ: *Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, молитвами Богородицы помилуй мя грѣшнаго;* или же прибѣгать собственно къ Пресвятой Богородицѣ, моляся: *Пресвятая Богородице спаси насъ;* или говорить

поздравленіе Ангельское: *Богородице Дѣво, радуйся!* Таковымъ упражненіемъ, при охраненіи себя отъ разсѣянія и при соблюденіи мира совѣсти, можно приблизиться къ Богу и соединиться съ нимъ. Ибо, по словамъ св. Исаака Сирина, кромѣ непрестанныя молитвы, мы приблизиться къ Богу не можемъ (Сл. 69, лис. 142).

„Виды молитвы весьма хорошо изъяснилъ св. Сѵмеонъ, новый Богословъ (Добротол. часть I. листъ 61. Слово о тріехъ образѣхъ молитвы).

„Достоинство же молитвы ясно опредѣлилъ св. Златоустъ: веліе—говоритъ онъ—есть оружіе молитва, сокровище неоскудно, богатство никогда же иждиваемо, пристанище не бурное, причина тишины и множеству благихъ дѣлъ корень, источникъ и мати есть“ (Маргар. сл. 5 о непостижимомъ).

„Въ церкви на молитвѣ стоять полезно съ закрытыми очами, во внутреннемъ вниманіи; открывать же очи развѣ тогда, когда унывешь, или сонъ будетъ отягощать тебя и склонять къ дреманію; тогда очи обращать должно на образъ и на горящую передъ нимъ свѣчу.

„Если въ молитвѣ случится плѣниться умомъ въ расхищеніе мыслей, то должно смириться предъ Господомъ Богомъ и просить прощенія, говоря: согрѣшихъ, Господи, словомъ, дѣломъ, помышленіемъ и всѣми моими чувствы.

„Посему всегда должно стараться, чтобъ не предавать себя разсѣянію мыслей; ибо чрезъ сіе уклоняется душа отъ памяти Божіей и любви Его, по дѣйствію діавола, какъ говоритъ св. Макарій: все супостата нашего тщаніе есть, да мысль нашу отъ памятованія о Богѣ и страха и любви отвратить (Сл. 2, гл. 15).

„Когда же умъ и сердце соединены будутъ въ молитвѣ и помыслы души не разсѣяны, тогда сердце согрѣвается теплотою духовною, въ которой возсіяваетъ свѣтъ Христовъ, исполняя мира и радости всего внутренняго человѣка.

„О всемъ мы должны благодарить Господа и предавать себя Его волѣ; должны также представлять Ему всѣ свои мысли, слова и дѣянія, и стараться, чтобы все служило только къ Его благоугожденію“.

Не смотря на рѣдкость посѣщеній, пустынножителямъ Марку и Александру приходилось находить о. Серафима совершенно погруженнымъ въ богомысліе. Въ такомъ случаѣ, не рѣшаясь нарушать его духовныхъ занятій, они ожидали, невѣдомо для старца, окончанія ихъ. Случалось и такъ, что, пождавъ около часа, они не получали свиданія съ нимъ, уходили въ свои мѣста, и, имѣя такой живой урокъ подвижничества предъ собою, сами съ вящшимъ усердіемъ предавались духовнымъ подвигамъ.

Изъ постороннихъ посѣтителей о. Серафима въ это время особенно извѣстенъ одинъ Нижегородской губерніи, діаконъ, впослѣдствіи іеромонахъ и подвижникъ Тимонъ. Онъ происходилъ изъ духовнаго званія, окончилъ полный курсъ ученія въ Нижегородской семинаріи и былъ человѣкъ образованный. Вліяніе духовной науки развило въ немъ, кромѣ умственныхъ дарованій, чувство благочестія съ характеромъ аскетическимъ. Однако же обстоятельства понудили его жениться, хотя и сверхъ его желаній. Потомъ онъ хиротонисанъ былъ во діакона. Но въ скоромъ времени, Господь разрѣшилъ его отъ узъ брачныхъ: немного поживши, супруга его скончалась. Оставшись свободнымъ, этотъ о. діаконъ часто ходилъ въ Саровскую пустынь. Тутъ онъ сблизился съ пустынножителями о. Серафимомъ и Маркомъ. Старцы, видя его искреннее усердіе къ богоугодному житію, охотно приняли его въ свое руководство и были его наставниками и учителями. Слова ихъ падали на добрую землю. О. діаконъ поступилъ въ монашество и въ санѣ іеродіакона былъ экономомъ при архіерейскомъ домѣ. Нижегородскій преосвященный желалъ посвятить его въ іеромонаха. Но „азъ—говорилъ о себѣ Тимонъ—никакъ не соглашался, потому что все желаніе мое было въ пустынѣ жить одному, съ единымъ Богомъ“. Спустя много лѣтъ, преосвященный послалъ его въ городской монастырь строителемъ. Однажды, пріѣхавши въ монастырь для служенія, архіерей сказалъ, что неприлично быть іеродіакону строителемъ, и хиротонисалъ его во іеромонаха, хотя онъ и не искалъ этого. „Азъ же—говорилъ о. Тимонъ—пожелалъ на покой въ Костромскую епархію, въ Кривозерскій монастырь, который и прежде зналъ“.

Святѣйшій Сунодъ его уволилъ отъ монастыря, а игуменъ Кривозерскій благословилъ ему поселиться во внутренней пустынѣ, гдѣ онъ прожилъ одинъ почти двадцать лѣтъ. Близъ того мѣста, гдѣ была внутренняя пустынь о. Тимона, стоялъ монастырскій хуторъ и небольшая старая церковь. Съ хутора доставляли пустыннику пищу. Потомъ, „грѣхъ моихъ ради великихъ—повѣствовалъ о. Тимонъ—повелѣлъ Господь мнѣ изъ пустыни выйти на хуторъ, жить тамъ и основать монастырь. Но азъ никакъ не хотѣлъ разлучиться съ пустыней и непротивился Господу своему. За то меня Господь наказалъ: разбилъ меня параличъ, и азъ лежалъ какъ мертвый. Пріѣхали монастырскіе работники за лѣсомъ и, привезши мнѣ пищи, нашли меня безъ памяти и безъ языка, и всего разбитаго, и взяли меня и привезли на хуторъ. Но Господь Богъ мой чудесно меня исцѣлилъ въ скоромъ времени, яко николи же былъ боленъ. И азъ благодарилъ Господа Бога моего и болѣе противиться волѣ Божіей не сталъ и остался на томъ мѣстѣ жить и Господь благословилъ мѣсто сіе. И азъ, съ помощію Божіею, въ скоромъ времени устроилъ сію обитель“. Обитель эта называется нынѣ Надѣевскою пустынею и состоитъ въ Костромской епархіи *).

---

*) Объ этомъ старцѣ Тимонѣ, іеромонахъ Парѳеній, строитель Гуслицкаго монастыря, въ извѣстномъ сказаніи о своихъ странствіяхъ (Москва, 1855 г., въ 4 частяхъ), разсказываетъ слѣдующее:

«Однажды, избравъ удобное время, я отправился къ старцу Тимону и отправился въ путь. Въ то время я былъ такъ глухъ, что 300 пудоваго колокола звону не могъ слышать, а разговаривалъ маніемъ или на письмѣ. Но когда началъ подъѣзжать къ Надѣевской пустынѣ, то открылись мои уши, хотя и не совершенно, и сталъ слышать человѣческій разговоръ и церковное пѣніе. Егда же пріѣхавши въ пустынь, увидѣлъ блаженнаго старца іеромонаха отца Тимона и святолѣпныя его сѣдины, премного возрадовася душа моя и вострепета сердце мое. Онъ же меня благословилъ и ввелъ въ келію свою, разверзъ медоточивая своя уста и началъ мене поить отъ изобильныхъ своихъ источниковъ живою водою, и съ малыхъ словъ растопилъ мое сердце, яко воскъ, и сдѣлалъ меня такимъ, что яко бы никогда я не бывалъ раскольникомъ и въ то же время прекрестилъ я лице свое въ три перста во имя св. Троицы, и болѣе уже не творилъ крестнаго знаменія двумя перстами, даже до сего дня. Воистину данъ сему старцу отъ Господа Бога такой даръ премудрости, что ему никто не могъ противиться

Если же внѣ пустынной келіи своей старецъ неожиданно встрѣчалъ кого-либо въ Саровскомъ лѣсу, то, обыкновенно, не вступая въ бесѣду, со смиреніемъ кланялся ему и удалялся прочь: „отъ молчанія никто никогда не раскаявался,“ говорилъ онъ впослѣдствіи въ своихъ наставленіяхъ. На людей, лично незнавшихъ о. Серафима, такая внезапная встрѣча съ нимъ въ пустынной мѣстности, при его костюмѣ, производила чудное впечатлѣніе, никогда неизгладимое и нерѣдко поучала ихъ добродѣтели, не менѣе самой его бесѣды. Строгости его жизни и отношеній къ другимъ соотвѣтствовали и первые опыты его ученія въ духѣ подвижническомъ, отличающіеся вѣрностію мысли, краткостію и силою выраженія:

„Совершенная любовь къ Богу—училъ онъ—соединяетъ любящихъ съ Богомъ, и между собою взаимно; умъ, стяжавшій духовную любовь, ничего несогласнаго съ любовію не мыслитъ.

„Уединеніе, молитва, любовь и воздержаніе суть четырехсоставная колесница, возносящая духъ на небо.

„Истощай тѣло свое постомъ и бдѣніемъ—и отразишь мучительный помыслъ сладострастія.

„Какъ дѣло Божіе править міромъ; такъ дѣло души—управлять тѣломъ.

„Похоть истребляется страданіемъ и скорбію, или произвольною, или посылаемою Промысломъ.

„Какою мѣрою мѣришь своему тѣлу, въ такой же мѣрѣ воздастъ тебѣ Богъ праведное воздаяніе ожидаемыхъ благъ.

„Богъ есть неложный обѣщатель будущихъ благъ; вѣруя Ему подвижникъ желаетъ будущаго, какъ бы уже настоящаго.

и во всемъ моемъ многолѣтнемъ странствіи подобнаго ему въ словесномъ дарѣ не видалъ. Потомъ азъ много его благодарилъ и просилъ его святыхъ молитвъ, чтобы до кончины живота моего не оскудѣла вѣра моя въ Господа Бога моего Іисуса Христа и во святую Его Церковь (часть I, стр. 193—195).

„Если умъ, совершенно забывая здѣшнее, болѣе и болѣе старается узнать будущее, это знакъ, что онъ живетъ въ благихъ ожиданіяхъ.

„Хорошо безстрастіе: самъ Богъ даетъ и утверждаетъ это состояніе въ душахъ боголюбивыхъ.

„Не будь нерадивъ въ дѣятельной жизни—и просвѣтится умъ твой; самъ Богъ обѣщаетъ это: *сокровища невидимая, сокровенная отверзу тебѣ* (Исаіи 45).

„Уединеніе и молитва—великія средства къ добродѣтели: очищая умъ, они дѣлаютъ его прозорливымъ.

„Подвижничество требуетъ терпѣнія и великодушія: ибо міролюбіе искореняется только долговременнымъ трудолюбіемъ.

„Кто переноситъ съ молитвою удары невольныхъ искушеній, тотъ дѣлается смиреннымъ, благонадежнымъ и опытнымъ.

„Терпѣніе есть трудолюбіе души, а трудолюбіе состоитъ и въ добровольныхъ трудахъ и въ перенесеніи невольныхъ искушеній. Умъ, получившій нѣкоторую часть безстрастія, иногда бываетъ непоколебимъ, но безъ дѣлъ неопытенъ.

„Кому дана вѣра, отъ того требуется воздержаніе, которое, укоренясь, рождаетъ терпѣніе—навыкъ многотрудный. Знакомъ терпѣнія служитъ любовь къ трудамъ; опираясь на нихъ, умъ надѣется получить обѣтованіе будущихъ благъ.

„Обѣщаніе будущихъ благъ привязываетъ умъ къ ожидаемому, такъ что мы забываемъ и отвергаемъ настоящее“.

Видя столь искреннее, усердное и, поистинѣ, высокое подвижничество старца о. Серафима, діаволъ, исконный врагъ всякаго добра, вооружился противъ него разными искушеніями. По своей хитрости, начиная съ легчайшихъ, онъ сперва наводилъ на подвижника разныя *страхованія*. Такъ, по сказанію одного почтеннаго лѣтами іеромонаха Саровской пустыни, однажды во время молитвы онъ услышалъ вдругъ за стѣнами келіи вой звѣря; потомъ, точно скопище народа, начали ломать дверь келіи, выбили у двери косяки и бросили къ ногамъ молящагося старца претолстый кряжъ (отрубокъ) дерева, который восемью человѣками съ трудомъ былъ вынесенъ изъ келіи. Въ другіе разы, и днемъ, особенно же

ночью, во время стоянія на молитвѣ, ему *видимо* вдругъ представлялось, что келія его разваливается на четыре стороны и что къ нему со всѣхъ сторонъ рвутся страшные звѣри съ дикимъ и яростнымъ ревомъ и крикомъ. Иногда вдругъ являлся предъ нимъ открытый гробъ, изъ котораго вставалъ мертвецъ.

Такъ какъ старецъ не поддавался страхованіямъ, діаволъ воздвигалъ на него жесточайшія нападенія. Такъ онъ, по Божію попущенію, поднималъ его на воздухъ и оттуда съ такою силою ударялъ объ полъ, что, если бы не Ангелъ-хранитель, самыя кости отъ такихъ ударовъ могли бы сокрушиться. Но и этимъ не одолѣлъ старца. Вѣроятно, при искушеніяхъ, онъ духовнымъ окомъ своимъ, проникавшимъ въ горній міръ, видѣлъ самыхъ злыхъ духовъ. Можетъ быть, духи злобы и сами видимо въ тѣлесныхъ образахъ являлись ему, какъ и другимъ подвижникамъ.... По крайней мѣрѣ замѣтно, что старецъ точно видалъ злыхъ духовъ. Ибо одинъ мірянинъ въ простотѣ сердца спрашивалъ его:

„Батюшка! видали-ль вы злыхъ духовъ?“

Старецъ съ улыбкою отвѣчалъ:

„Они гнусны... какъ на свѣтъ Ангела взглянуть грѣшному не возможно, такъ и бѣсовъ видѣть ужасно: потому что они гнусны“.

Всѣ видѣнія, искушенія и нападенія врага старецъ побѣждалъ силою крестнаго знаменія и молитвами. Послѣ нихъ долгое время онъ пребывалъ мирно въ своей пустынѣ, благодаря Господа за сей миръ и спокойствіе.

Духовное начальство знало о. Серафима и понимало, какъ полезно было бы для многихъ сдѣлать такого старца *аввою*, настоятелемъ гдѣ нибудь въ обители. Открылось мѣсто архимандрита въ городѣ Алатырѣ. О. Серафима предназначили было туда настоятелемъ монастыря, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита. Въ прошломъ и въ текущемъ столѣтіяхъ Саровская пустынь не разъ давала изъ своей братіи хорошихъ настоятелей въ другія обители. Но старецъ Серафимъ убѣдительнѣйше просилъ тогдашняго Саровскаго настоятеля Исаію отклонить отъ него это назначеніе. Строителю Исаіи и братіи Саровской жаль было отпустить отъ себя

старца Серафима, усерднаго молитвенника и мудраго наставника. Желанія обѣихъ сторонъ сошлись вмѣстѣ: всѣ стали просить другаго іеромонаха изъ Сарова же, старца Авраамія, принять на себя званіе архимандрита въ Алатырскій монастырь, и братъ, единственно изъ повиновенія, принялъ на себя это званіе. Въ другой разъ о. Серафима предназначили строителемъ въ Краснослободскій Спасскій монастырь. Но и въ настоящемъ случаѣ, по просьбѣ о. Серафима, по взаимной любви и согласію братіи, его замѣнилъ іеромонахъ Іеронимъ.

Видя смиренномудріе старца Серафима, діаволъ воздвигъ на него большое гоненіе, поднялъ въ его душѣ мысленную брань и поддерживалъ борьбу эту съ такимъ натискомъ и силою, отъ которыхъ палъ нѣкогда великій во отцехъ Θеофилъ, экономъ Аданской церкви (см. Четьи-мин. 23 іюля). Въ тяжкомъ душевномъ обстояніи старецъ Серафимъ обратился къ Господу подвигоположнику нашего спасенія Іисусу Христу и Пречистой Его Матери, а самъ рѣшился усилить свои иноческіе труды, чтобы, при помощи свыше, разрушить страшныя козни діавола, повергавшія его въ уныніе. Благословясь, онъ принялъ на себя новый высшій молитвенный подвигъ.

Въ глухомъ лѣсу, на половинѣ пути отъ келіи, къ монастырю, лежалъ необыкновенной величины гранитный камень. Вспомнивъ о трудномъ подвигѣ св. столпниковъ, о. Серафимъ рѣшился принять участіе въ подвижничествѣ сего рода. Для сего онъ восходилъ, чтобы не быть ни отъ кого видимымъ, въ *ночное* время на этотъ камень для усиленія молитвеннаго подвига. Молился онъ, обыкновенно, или на ногахъ, или стоя на колѣняхъ, съ воздѣтыми вверхъ, подобно св. Пахомію, руками, взывая мытаревымъ гласомъ: *Боже, милостивъ буди ми грѣшному*. Чтобы уравнять ночные подвиги дневнымъ, о. Серафимъ и въ келіи имѣлъ камень. На немъ онъ молился *во время дня* съ утра до вечера, оставляя камень только для отдохновенія отъ изнеможенія силъ и для подкрѣпленія себя пищею. Такого рода молитвенный подвигъ онъ несъ по временамъ въ теченіе тысячи сутокъ. „Намъ все стараніе должно имѣть о душѣ—гово-

рилъ о. Серафимъ въ наставленіяхъ—тѣло же подкрѣплять для того только, чтобы оно способствовало къ подкрѣпленію духа. Если самовольно изнуримъ свое тѣло до того, что изнурится и духъ, то такое удрученіе будетъ безразсудное, хотя бы сіе дѣлалось для снисканія добродѣтели". От стоянія на камняхъ, отъ трудности этого молитвеннаго подвига тѣло его очень замѣтно измѣнилось, въ ногахъ возобновилась болѣзнь, которая съ этого времени до кончины дней не переставала мучить его. Отецъ Серафимъ понялъ, что продолженіе такихъ подвиговъ повело бы къ изнуренію силъ духа и тѣла, и оставилъ моленіе на камняхъ. Подвиги сіи онъ проходилъ въ такой тайнѣ, что ни одна душа человѣческая не вѣдала о нихъ и не догадывалась. Къ бывшему послѣ Исаіи игумену Нифонту былъ тайный запросъ объ о. Серафимѣ отъ епископа тамбовскаго. Въ бумагахъ обители сохранился *черновой* отзывъ Нифонта, въ которомъ настоятель отвѣчалъ: „о подвигахъ и жизни о. Серафима мы знаемъ; о тайныхъ же дѣйствіяхъ какихъ, также и о стояніи 1000 дней и ночей на камнѣ, никому не было извѣстно". При кончинѣ дней своихъ, чтобы не остаться загадкой для людей, по подобію другихъ подвижниковъ, въ числѣ прочихъ явленій своей жизни, онъ, въ назиданіе слушателямъ, разсказалъ и о семъ подвигѣ нѣкоторымъ изъ братій.

Одинъ изъ слушателей этого разсказа, будучи подвигнутъ удивленіемъ къ подвигамъ моленія на камняхъ, замѣтилъ, что это свыше силъ человѣческихъ.

Подвижникъ въ объясненіе совершенной возможности дѣла, замѣтилъ со смиреніемъ: „св. Симеонъ Столпникъ сорокъ семь лѣтъ стоялъ на столпѣ; а мои труды похожи ли на его подвигъ?"

Собесѣдникъ же съ своей стороны прибавилъ: „въ этомъ подвигѣ, конечно, для тебя ощутительна была помощь благодати укрѣпляющей?"

„Да, отвѣчалъ старецъ: иначе силъ человѣческихъ не достало бы... Внутренно подкрѣплялся и утѣшался я этимъ небеснымъ даромъ, нисходящимъ свыше отъ Отца свѣтовъ..."

Потомъ, немного помолчавъ, прибавилъ: „когда въ сердцѣ есть умиленіе, то и Богъ бываетъ съ нами".

Въ послѣднихъ словахъ, противъ воли старца, высказался духъ его моленія. Онъ молился съ *умиленіемъ* и молитвы его были такъ близки къ Богу, что онъ ощущалъ въ себѣ присутствіе Божіе и укрѣплялся благодатнымъ даромъ сего чувства.

Во всѣхъ искушеніяхъ и нападеніяхъ на о. Серафима діаволъ имѣлъ цѣлію удалить его изъ пустыни. Однако же всѣ усилія врага остались безуспѣшны: онъ былъ побѣжденъ, отступилъ со стыдомъ отъ своего побѣдителя, но въ покоѣ его не оставилъ. Изыскивая новыя мѣры къ удаленію старца изъ пустыни, злой духъ началъ воевать противъ него чрезъ злыхъ людей. 12-го сентября 1804 года подошли къ старцу три неизвѣстные ему человѣка, одѣтые по-крестьянски. Отецъ Серафимъ въ это время рубилъ дрова въ лѣсу. Крестьяне, нагло приступивъ къ нему, требовали денегъ, говоря, что „къ тебѣ ходятъ мірскіе люди и деньги носятъ". Старецъ сказалъ: „я ни отъ кого ничего не беру". Но они не повѣрили. Тогда одинъ изъ пришедшихъ кинулся на него сзади, хотѣлъ свалить его на землю, но вмѣсто того самъ упалъ. Отъ этой неловкости злодѣи нѣсколько оробѣли, однако же не хотѣли отступить отъ своего намѣренія. О. Серафимъ имѣлъ большую физическую силу и, вооруженный топоромъ, могъ бы не безъ надежды обороняться. Эта мысль и мелькнула было мгновенно въ его умѣ. Но онъ вспомнилъ при семъ слова Спасителя: *вси пріемшіи ножъ, ножемъ погибнутъ* (Матѳ. XXVI, 52), не захотѣлъ сопротивляться, спокойно опустилъ на землю топоръ и сказалъ кротко, сложивши крестообразно руки на груди: „дѣлайте, что вамъ надобно". Онъ рѣшился претерпѣть все безвинно Господа ради. Тогда одинъ изъ крестьянъ, поднявши съ земли топоръ, обухомъ такъ крѣпко ударилъ о. Серафима въ голову, что у него изо рта и ушей хлынула кровь. Старецъ упалъ на землю и пришелъ въ безпамятство. Злодѣи тащили его къ сѣнямъ келіи по дорогѣ, яростно продолжая бить, какъ звѣроловную добычу, кто обухомъ, кто деревомъ, кто своими руками и ногами, даже поговаривали и о томъ, не бросить ли старца въ рѣку?... А какъ увидѣли, что онъ уже былъ точно мертвый, то веревками

связали ему руки и ноги и, положивъ въ сѣняхъ, сами бросились въ келію, воображая найти въ ней несмѣтныя богатства. Въ убогомъ жилищѣ они очень скоро все перебрали, пересмотрѣли, разломали печь, полъ разобрали, искали, искали, и ничего для себя не нашли: видѣли только у него св. икону, да попалось нѣсколько картофелю. Тогда совѣсть сильно заговорила у злодѣевъ, въ сердцѣ ихъ пробудилось раскаяніе, что напрасно, безъ всякой пользы даже для себя, избили благочестиваго человѣка, какой-то страхъ напалъ на нихъ и они въ ужасѣ убѣжали. Между тѣмъ о. Серафимъ отъ жестокихъ смертныхъ ударовъ едва могъ придти въ чувство, кое какъ развязалъ себя, поблагодарилъ Господа, что сподобился ради Его понести раны безвинно, помолился чтобы Богъ простилъ убійцъ и, проведши ночь въ келіи въ страданіяхъ, на другой день съ большимъ трудомъ, однако же самъ пришелъ въ обитель во время самой литургіи. Видъ его былъ ужасенъ! Волосы на бородѣ и головѣ были смочены кровью, сияты, спутаны, покрыты пылью и соромъ; лице и руки избиты; вышибено нѣсколько зубовъ; уши и уста запеклись кровью; одежды измятыя, окровавленныя, засохли и по мѣстамъ пристали къ ранамъ. Братія, увидѣвъ его въ такомъ положеніи, ужаснулись и спрашивали: что съ нимъ такое случилось? Ни слова не отвѣчая, о. Серафимъ просилъ пригласить къ себѣ настоятеля о. Исаію и монастырскаго духовника, которымъ въ подробности и разсказалъ все случившееся. И настоятель и братія глубоко опечалены были страданіями старца. Такимъ несчастіемъ о. Серафимъ вынужденъ былъ остаться въ монастырѣ для поправленія здоровья. Діаволъ, воздвигшій злодѣевъ, повидимому, торжествовалъ теперь побѣду надъ старцемъ, воображая, что навсегда изгналъ его изъ пустыни. Первыя восемь сутокъ были для больнаго очень тяжки: не принимая ни пищи, ни воды, онъ не имѣлъ и сна отъ нестерпимой боли. Въ монастырѣ не надѣялись, чтобы онъ пережилъ свои страданія. Настоятель, старецъ Исаія, на седьмой день болѣзни, не видя перелома къ лучшему, послалъ въ Арзамасъ за врачами. Освидѣтельствовавши старца, врачи нашли болѣзнь его въ слѣдующемъ состояніи: голова у него была пролом-

лена, ребра перебиты, грудь оттоптана, все тѣло по разнымъ мѣстамъ покрыто смертельными ранами. Удивлялись они, какъ это старецъ могъ остаться въ живыхъ послѣ такихъ побоевъ. По старинной методѣ леченія, врачи считали необходимымъ открыть кровь больному. Настоятель, зная, что больной и безъ того много потерялъ ее отъ ранъ, не соглашался на эту мѣру, но, по настоятельному убѣжденію консиліума врачей, рѣшился предложить о томъ о. Серафиму. Консиліумъ опять собрался въ келіи о. Серафима; онъ состоялъ изъ трехъ врачей; съ ними было три подлекаря. Въ ожиданіи настоятеля они опять осмотрѣли больнаго, долго на латинскомъ языкѣ разсуждали между собою и положили: пустить кровь, обмыть больнаго, къ ранамъ приложить пластырь, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ употребить спиртъ. Согласились также на счетъ того, что помощь необходимо подать какъ можно скорѣе. О. Серафимъ съ глубокою признательностію въ сердцѣ примѣчалъ ихъ внимательность и попеченіе о себѣ. Когда все это происходило, кто-то вдругъ крикнулъ: „отецъ настоятель идетъ, идетъ отецъ настоятель!“ Въ эту минуту о. Серафимъ уснулъ: сонъ его былъ краткій, тонкій и пріятный. Во снѣ увидѣлъ онъ дивное видѣніе. Подходитъ къ нему съ правой стороны постели Пресв. Богородица, въ царской порфирѣ, окруженная славою. За нею слѣдовали свв. Апостолы Петръ и Іоаннъ Богословъ. Остановясь у одра Пресв. Дѣва перстомъ правой руки показала на больнаго и, обратясь пречистымъ ликомъ своимъ въ ту сторону, гдѣ стояли врачи, произнесла: „что вы трудитесь?“ Потомъ опять, обратясь лицомъ къ старцу, сказала: *сей отъ рода нашего* и кончилось видѣніе, котораго присутствующіе не подозрѣвали. Когда вошелъ настоятель, больной опять пришелъ въ сознаніе. Отецъ Исаія съ чувствомъ глубокой любви и участія предложилъ ему воспользоваться совѣтами и помощію врачей. Но больной, послѣ столькихъ заботъ о немъ, при отчаянномъ состояніи здоровья своего, къ удивленію всѣхъ, отвѣчалъ, что онъ не желаетъ теперь пособія отъ людей, прося отца настоятеля предоставить жизнь его Богу и Пресв. Богородицѣ, истиннымъ и вѣрнымъ врачамъ душъ и тѣлесъ. Нечего было дѣлать, оставили старца въ

покоѣ, уважая его терпѣніе и удивляясь силѣ и крѣпости вѣры. Онъ же отъ дивнаго посѣщенія исполнился неизрѣченной радости и сія радость небесная продолжалась часа четыре. Потомъ старецъ успокоился, вошелъ въ обыкновенное состояніе, почувствовавъ облегченіе отъ болѣзни, сила и крѣпость стали возвращаться къ нему; всталъ онъ съ постели, началъ немного ходить по келіи и вечеромъ въ девятомъ часу подкрѣпился пищею, вкусилъ немного хлѣба и бѣлой квашенной капусты. Съ того же дня онъ опять сталъ по немногу предаваться духовнымъ подвигамъ.

Еще въ прежнее время о. Серафимъ, занимаясь однажды работами въ лѣсу, при порубѣ дерева былъ придавленъ имъ и отъ этого обстоятельства потерялъ свою естественную прямоту и стройность, сдѣлался согбеннымъ. Послѣ нападенія разбойниковъ, отъ побоевъ, ранъ и болѣзни согбенность еще больше увеличилась. Съ этого времени онъ началъ ходить подкрѣпляясь топорикомъ, мотыкою или палкою. Такъ эта согбенность, это уязвленіе въ пяту служили всю жизнь вѣнцемъ побѣды великаго подвижника надъ діаволомъ.

Со дня болѣзни старецъ Серафимъ провелъ въ монастырѣ, не видя своей пустыни, около пяти мѣсяцевъ. Когда здоровье возвратилось къ нему, когда онъ почувствовалъ себя опять крѣпкимъ къ прохожденію пустыннической жизни, то просилъ настоятеля Исаію снова отпустить его изъ монастыря въ пустынь. Настоятель же, по внушенію братіи, и самъ искренно жалѣя старца, упрашивалъ было его остаться навсегда въ монастырѣ, представляя возможнымъ повтореніе подобныхъ крайне несчастныхъ случаевъ. Отецъ Серафимъ отвѣчалъ, что ни во что вмѣняетъ такія нападенія и готовъ — подражая св. мученикамъ, страдавшимъ за имя Господне — даже до смерти перенести всякія оскорбленія, какія бы ни случились. Онъ боялся только душевныхъ разбойниковъ, твердо помня слово Спасителя: *не убойтеся отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убити, убойтеся же паче могущаго и души и тѣло погубити въ геннѣ* (Мѳ. 10, 28). Уступая христіанской неустрашимости духа и любви къ пустынно-

жительству, о. Исаія благословилъ желаніе старца и старецъ Серафимъ снова возвратился въ свою пустынную келію.

Съ новымъ поселеніемъ старца въ пустынѣ, діаволъ претерпѣлъ совершеннѣйшее пораженіе. Крестьяне, избившіе старца были найдены; они оказались крѣпостными людьми помѣщика Татищева, Ардатовскаго уѣзда изъ села Кременокъ. Но о. Серафимъ не только простилъ ихъ самихъ, но и упрашивалъ настоятеля обители не взыскивать съ нихъ, а затѣмъ такую-же просьбу написалъ помѣщику. Всѣ были до такой степени возмущены поступкомъ этихъ крестьянъ, что казалось невозможнымъ простить ихъ, а о. Серафимъ настаивалъ на своемъ. „Въ противномъ случаѣ“, говорилъ старецъ, „я оставлю Саровскую обитель и удалюсь въ другое мѣсто“. Строителю же о. Исаію, своему духовнику онъ говорилъ, что лучше его удалили-бы изъ обители нежели нанесли крестьянамъ какое-либо наказаніе. О. Серафимъ представилъ отомщеніе Господу Богу. Гнѣвъ Божій дѣйствительно настигъ этихъ крестьянъ; въ непродолжительномъ времени пожаръ истребилъ жилища ихъ. Тогда они пришли сами просить у о. Серафима, со слезами раскаянія, прощенія и св. его молитвъ. (Жизнеоп. Саровскаго изд. 1893 г.).

Изъ своей продолжительной и разнообразной борьбы съ діаволомъ, о. Серафимъ вынесъ основательный и вѣрный взглядъ на жизнь и труды пустынножителя, которыми приносилъ большую пользу другимъ во спасеніе души. Такъ одинъ инокъ, намѣреваясь поселиться въ совершенномъ уединеніи, пришелъ къ о. Серафиму въ пустынь и, волнуемый разными мыслями на счетъ пустынножительства, спросилъ его:

„Отче! говорятъ нѣкоторые, что удаленіе отъ общежительства въ пустыню есть фарисейство; что премѣненіемъ оказывается пренебреженіе братіи, или еще, бросается на нее осужденіе. Какъ ты думаешь“?

Старецъ отвѣчалъ:

„Не наше дѣло судить другихъ. А удаляемся мы изъ общества братства не изъ ненависти къ нему, а болѣе для того, что мы приняли и носимъ на себѣ чинъ ангельскій, которому невмѣстительно быть тамъ, гдѣ словомъ и дѣломъ

прогнѣвляется Господь Богъ. И потому мы, отлучаясь отъ братства, удаляемся только отъ слышанія и видѣнія того, что противно заповѣдямъ Божіимъ, какъ это случается неизбѣжно при множествѣ братіи. Мы избѣгаемъ не людей, которые одного съ нами естества и носятъ одно и то же имя Христово, но пороковъ, ими творимыхъ, какъ и великому Арсенію сказано было: *бѣгай людей и спасешься* (Четьи-Мин. 8 мая)".

Другому иноку, послѣ тщательнаго испытанія, было дано настоятелемъ благословеніе начать пустынническую жизнь. Настоятель писалъ и письмо къ отцу Серафиму, прося его принять къ себѣ этого инока и наставить на путь пустынной жизни. О. Серафимъ весьма ласково принялъ его и благословилъ ему построить себѣ пустынную келію неподалеку отъ своей. Когда инокъ сталъ еще прежде сего просить у него наставленій касательно пустыножительства, то старецъ, по глубочайшему смиренію, а еще скорѣе по великому благоразумію и опытности въ этомъ дѣлѣ, отвѣтствовалъ: „я самъ ничего не знаю". Потомъ, какъ бы желая удовлетворить любознанію инока, присовокупилъ: „Спаситель сказалъ: *научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ: и обрящете покой душамъ вашимъ* (Мѳ. 11. 29). По разуму св. Іоанна Лѣствичника, не отъ Ангела или человѣка, но отъ самого Господа мы должны научаться".

Вообще, онъ неохотно совѣтывалъ другимъ поселяться въ пустынѣ и въ предостереженіе объяснилъ, что живущій въ пустынѣ долженъ быть какъ-бы распятымъ на крестѣ; что въ монастырѣ иноки борются съ противными силами, какъ съ голубями, а въ пустынѣ—точно какъ со львами и леопардами. А потому, если и склонялся въ сторону пустынножительства, то никому не благословлялъ уединяться одному, а совѣтывалъ отходить на пустынные подвиги двумъ или даже тремъ одновременно. Въ доказательство онъ приводилъ всегда слѣдующія слова изъ Писанія: блази два паче единаго, имъ же есть мзда блага въ трудѣ ихъ: яко аще

падется единъ отъ нихъ, воздвигнетъ другій причастника своего: и горе тому единому, егда падетъ, и не будетъ втораго воздвигнути его: и вервь переплетена не скоро расторгнется (Екк. 4, 9—12). Братъ отъ брата помогаемъ, яко градъ твердъ и высокъ, укрѣпляется же, яко же основанное царство (Притч. 18, 19).

Лучшимъ свидѣтельствомъ вѣрности и основательности взглядовъ о. Серафима на жизнь иноческую и пустынную служатъ его аскетическія статьи.

Господь Богъ въ награду за подвиги и побѣду надъ діаволомъ ниспослалъ на о. Серафима даръ прозорливости, дѣйствія котораго обнаружились въ первый разъ именно здѣсь, въ дальней пустыни. Такъ Саровскіе иноки свидѣтельствуютъ слѣдующее: (стр. 50) одинъ боголюбивый посѣтитель Саровской обители, положилъ въ душѣ своей непремѣнно вступить въ нее для спасенія себя въ званіи иноческомъ; но, возвратясь домой, онъ увлекся мірскою жизнію, потомъ вступилъ въ бракъ и имѣлъ двухъ дѣтей. Совѣсть, однако же, напомнила ему обѣты сердца, и онъ, прибывъ снова въ Саровъ, какъ грѣшникъ, кланялся въ ноги Саровскимъ старцамъ въ церквѣ послѣ богослуженія, прося ихъ обсудить его вину, дать совѣтъ и благословеніе на поступленіе въ обитель. Одинъ изъ старцевъ присовѣтовалъ ему обратиться къ о. Серафиму. Увидавъ о. Серафима, выходящаго изъ келіи, съ заступомъ въ рукахъ, такъ какъ это былъ праздничный день, когда старецъ являлся къ литургіи, этотъ пріѣзжій бросился къ нему въ ноги, умоляя дать совѣтъ въ его душевномъ разстройствѣ и помолиться Господу, чтобы Онъ принялъ его на желанный путь иноческій. О. Серафимъ выслушавъ его безмолвно, спросилъ: „исполнишь-ли ты по обѣту всѣ иноческія правила“? Когда-же онъ, забывъ о женѣ и дѣтяхъ, клялся быть до смерти вѣрнымъ исполнителемъ монастырскихъ правилъ, изъявляя готовность и усердіе понести какую нибудь эпитимію, то старецъ Серафимъ, провидя возможность исполненія его обѣщанія, сказалъ: „если ты точно по обѣту своему исполнишь всѣ ино-

ческія правила, то гряди съ миромъ въ путь твой“! Затѣмъ, онъ благословилъ этого человѣка и отпустилъ отъ себя. Вскорѣ дѣйствительно умерла жена, а за нею и дѣти его, такъ что онъ, не связанный болѣе съ міромъ никакими житейскими узами, пришелъ въ Саровскую пустынь, былъ въ ней постриженъ въ монашество и умеръ истиннымъ инокомъ.

ГЛАВА V.

Настоятель Саровской пустыни, іеромонахъ Исаія. Избраніе послѣ него въ настоятели о. Серафима и отказъ послѣдняго. Смерть о. Исаіи и духовное сиротство Серафима. Игуменъ Нифонтъ. Дивѣевская общинка по смерти матери Александры. Избраніе въ начальницы Анастасіи Кирилловны и увеличеніе числа сестеръ до 52-хъ. Смерть Анастасіи Кирилловны въ 1796 году и избраніе Ксеніи Михайловны Кочеуловой. Характеристика послѣдней, строгость и выбытіе изъ общины 40 сестеръ. Пожертвованіе графинею Толстою 32-хъ десятинъ на огородъ. Разсказы сестеръ о Ксеніи Михайловнѣ. Молчальничество о. Серафима послѣ смерти игумена Исаіи. Вопросъ о причащеніи о. Серафима Христовыхъ Таинъ во время молчальничества. Совѣтъ и предложеніе братіи вернуться о. Серафиму въ монастырь. Затворничество въ монастырѣ и причащеніе въ келіи. Постановленіе дубоваго гроба въ сѣняхъ келіи. Посѣщеніе о. Серафима Тамбовскимъ епископомъ Іоною и губернаторомъ А. М. Безобразовымъ. Инокъ Гавріилъ, любимый о. Серафимомъ. Наставленія о. Серафима инокамъ Саровской пустыни.

Восьмой строитель Саровской пустыни іеромонахъ Исаія, какъ было упомянуто, принадлежалъ къ купечеству города Суздаля по фамиліи Зубковъ и на 22-мъ году отъ рожденія своего оставилъ міръ и поступилъ въ Кіевопечерскую Лавру, гдѣ трудился въ послушаніи 7 лѣтъ. Въ 1770-мъ году онъ возвращался по своимъ надобностямъ на родину въ Суздаль и узнавъ о уединенности Саровской обители и о нахожденіи въ ней многихъ великихъ старцевъ, возгорѣлся духомъ и пришелъ въ пустынь. Въ 1772-мъ году онъ былъ постриженъ въ монашество и рукоположенъ въ іеродіакона и въ 1777-мъ—въ іеромонаха и въ 1785 году избранъ въ казначея по общему согласію. Мы видѣли насколько его любилъ

и цѣнилъ о. Пахомій. По смерти послѣдняго въ 1794-мъ году о. Исаія назначенъ настоятелемъ Саровской пустыни.

Строгій монахъ-подвижникъ о. Исаія поощрялъ братію къ иноческимъ подвигамъ и тѣмъ пріобрѣлъ довѣренность и расположеніе къ себѣ братства. Слава о его добродѣтеляхъ скоро достигла отдаленнѣйшихъ мѣстъ и привлекла къ нему не малое число иноковъ и мірскихъ людей, ищущихъ своего спасенія. О. Исаія заботился также о приведеніи пустыни въ большее благоустройство и о сохраненіи порядка утвержденнаго покойнымъ настоятелемъ о. Пахоміемъ. Саровская обитель, за соблюденіе строгихъ правилъ монашескихъ была уважаема и іерархами, которые славились въ свое время особеннымъ даромъ учительства и добродѣтельною жизнію. Такъ Никифоръ архіепископъ Астраханскій имѣлъ переписку съ о. Исаіей. Послѣдній былъ также сострадателенъ къ нищимъ и убогимъ и строго наблюдалъ, чтобы на нихъ были, по древнему обыкновенію, употребляемы избытки монастырскихъ доходовъ. Издревле была заведена въ Саровѣ раздача 1-го октября, въ праздникъ Покрова Пресв. Богородицы, одежды, платья, полушубковъ, кафтановъ, сапогъ и рукавицъ. Оттого къ этому дню приходило множество бѣдныхъ. По окончаніи литургіи ихъ собирали въ ограду на гостинный дворъ и надѣляли платьемъ, смотря по нуждамъ.

Старецъ о. Исаія очень почиталъ и любилъ о. Серафима, а также дорожилъ его бесѣдами, поэтому онъ, когда былъ свѣжъ, бодръ и наслаждался здоровьемъ, нерѣдко самъ ходилъ въ пустынь къ о. Серафиму. Въ 1806 году, Исаія, по старости лѣтъ и отъ трудовъ, понесенныхъ для спасенія себя и братіи, сдѣлался особенно слабъ здоровьемъ и, по собственному прошенію, уволился отъ обязанности и званія настоятеля. Жребій занять его мѣсто въ обители, по общему желанію братіи, палъ на о. Серафима. Вотъ уже третій разъ старецъ избирается на начальственныя должности по монастырямъ, но и на этотъ разъ, по своему смиренію и изъ крайней любви къ пустынѣ, онъ отказался отъ предлагаемой почести. Тогда голосомъ всей братіи настоятелемъ избранъ былъ старецъ Нифонтъ, исполнявшій до того времени

послушаніе казначея. Поступивши въ число братіи, бывшій настоятель о. Исаія еще годъ прожилъ и все время болѣлъ. Не будучи въ силахъ ходить въ пустынь къ о. Серафиму онъ никакъ не хотѣлъ, однако-же, лишиться утѣшенія бесѣдовать съ нимъ, а потому братія, по усердію возили въ телѣжкѣ бывшаго своего настоятеля, больнаго старца, въ пустынь и о. Серафимъ успокаивалъ своею бесѣдою духовнаго отца и услаждалъ послѣднія минуты его жизни. 4-го декабря 1807 года на 67-мъ году отъ рожденія, опочилъ доблестный старецъ, оставивъ по себѣ во всѣхъ добрую память. Потеря такого собесѣдника, духовнаго отца и начальника поразила глубокою скорбію любвеобильное и нѣжное сердце о. Серафима. Мысли о тлѣнности настоящей жизни, о неизбѣжности и нечаянности смертнаго часа, о страшномъ судѣ Божіемъ, еще живѣе представились сердцу о. Серафима въ образѣ почившаго старца и духовнаго друга. Теперь уже не было въ живыхъ самыхъ близкихъ и лучшихъ друзей и руководителей старца. Кости Іосифа, который училъ его отеческому пути, давно почивали въ могилѣ. Праведная душа старца Пахомія, котораго о. Серафимъ считалъ не только благодѣтелемъ, но и духовнымъ другомъ своимъ, тоже витала въ загробномъ мірѣ. Умеръ и старецъ Исаія, любившій о. Серафима, какъ свое духовное чадо и почитавшій въ немъ высокаго подвижника и мудраго собесѣдника. Всякій разъ, проходя мимо кладбища, онъ считалъ обязанностію зайти на могилы ихъ, преклонить колѣна у священнаго праха и вознести молитву о нихъ Господу. Однажды въ бесѣдѣ съ начальницею Ардатовской общины, матеріи Евдокіею, онъ далъ ей слѣдующее наставленіе: „когда идешь ко мнѣ, зайди на могилки, положи три поклона, прося у Бога чтобы Онъ упокоилъ души рабовъ своихъ: Исаіи, Пахомія, Іосифа, Марка и проч. и потомъ припади ко гробу, говоря про себя: простите отцы святіи и помолитесь обо мнѣ!“ Такъ онъ внушалъ вообще молиться о Саровскихъ подвижникахъ, называя ихъ, по высотѣ и горячности молитвъ: *огненными столпами отъ земли до небесъ*. Въ смерти строителя Исаіи о. Серафимъ утѣшался мыслію, что его мѣсто занялъ старецъ *Нифонтъ*, человѣкъ рѣдкихъ свойствъ,

цѣнившій и любившій его. Тѣмъ не менѣе, со смертію Исаіи, послѣдующая жизнь о. Серафима приняла новое, въ аскетическомъ смыслѣ, высшее духовное направленіе.

Девятый настоятель Саровской пустыни, игуменъ Нифонтъ былъ изъ мѣщанъ города Темникова. Еще въ отроческомъ возрастѣ онъ горѣлъ желаніемъ посвятить себя на жительство въ Саровской пустынѣ, куда убѣдительно и просился, но не былъ принятъ за несовершеннолѣтіемъ, по правиламъ обители, возбраняющимъ принимать въ монастырь отроковъ. По достиженіи же 25-ти лѣтняго возраста, онъ оставилъ міръ и пришелъ въ Саровскую пустынь въ 1787-мъ году при строителѣ Пахоміи. Съ перваго шага онъ выказалъ твердое рѣшеніе отказаться отъ своей воли и все свое достояніе положилъ къ ногамъ о. Пахомія, отдавая усердно съ тѣмъ вмѣстѣ и себя въ послушаніе ему. Это удивило старца строителя и поэтому онъ внимательно слѣдилъ за нимъ. Василій, какъ его звали въ міру, надѣвъ монастырское одѣяніе, исполнялъ съ усердіемъ и смиреніемъ клиросное и келарное послушаніе и черезъ 5 лѣтъ въ 1792-мъ году (14-го іюня) постриженъ въ монашество съ переименованіемъ въ Нифонта. Добродѣтели и иноческіе подвиги его заставили о. Пахомія просить о посвященіи Нифонта въ 1793-мъ году въ іеродіакона, а въ 1796-мъ его посвятили въ іеромонаха и опредѣлили общимъ духовникомъ братіи. Въ 1805 г. онъ былъ сдѣланъ казначеемъ.

Управляя обителію игуменъ Нифонтъ особенно заботился о поддержаніи монашескихъ правилъ, преподанныхъ первоначальникомъ и ни одна служба безъ него не отправлялась. Усердіе его къ богослуженію служило примѣромъ для всѣхъ въ обители, такъ какъ онъ превозмогалъ усталость, не смотря на свою старость и слабость тѣлесныхъ силъ. Онъ слѣдилъ, чтобы не начали часы предъ литургіей, пока не прочтутся всѣ тетрадки поминальныя. Съ другой стороны въ его управленіе обителью, пріобрѣтено много украшеній и возведено нѣсколько строеній. Истинные сыны обители всегда находили въ немъ отца и благодѣтеля. О. Нифонтъ любилъ монашескій тѣсный и прискорбный путь, предпочиталъ нищету и былъ образчикомъ трудолюбія, сми-

ренія и особенно нестяжательности и цѣломудрія. Онъ изнурялъ свою плоть тяжкими подвигами, и слабое здоровье его, разстроенное безпрерывными трудами и борьбой съ обстоятельствами постепенно угасало. Простота, соединенная съ духовною мудростію, радушіе и привѣтливость вселяли къ нему невольное уваженіе. Изъ посѣтителей обители онъ никого не отпускалъ безъ того, чтобы не поселить въ сердцѣ его памяти о добромъ ея настоятелѣ. Какъ любитель безмолвной, пустынной жизни, для большаго успѣха въ подвигахъ духовныхъ, онъ наблюдалъ строгій постъ и непрестанно молился. Особенно любилъ и уважалъ о. Нифонта знаменитый настоятель Новгородскаго Юрьева монастыря Архимандритъ Фотій, который и былъ съ нимъ въ перепискѣ. Любя Саровскую обитель, Тамбовскіе Преосвященные почитали утѣшеніемъ для себя посѣщать ее.

По смерти первоначальницы Дивѣевской общинки, матери Александры, осталось три послушницы, а именно: двѣ дѣвицы: Евдокія Мартыновна и Анастасія Кирилловна и третья—вдовица Ѳекла Кондратьевна, изъ села Дивѣева. Выбирая между собою старшую, они поставили на мѣсто первоначальницы *Анастасію Кирилловну*, которая въ продолженіи семи лѣтъ собрала въ общинку до 52-хъ сестеръ. Управленіе ея ничѣмъ особеннымъ не отличалось, но прошло прекрасно, тихо, съ соблюденіемъ установленій матери Александры. Ничего такъ не боялась Анастасія Кирилловна, какъ малѣйшаго нарушенія Саровскаго устава и поэтому она относилась, согласно свидѣтельству Евдокіи Мартыновны, невозможно строго къ исполненію молитвенныхъ правилъ и Саровскаго устава. Во всемъ она благословлялась у духовника общинки, настоятеля пустыни о. Пахомія, который до послѣдняго дня своей жизни продолжалъ отечески заботиться о послушницахъ Дивѣевской общинки. Пища привозилась по прежнему разъ въ день съ Саровской трапезы, а сестры работали шитьемъ и вязаньемъ для братіи обители. Съ кончиною о. Пахомія—общинка потеряла своего заботливаго отца. Игуменъ Исаія сдѣлался духовнымъ отцемъ Дивѣевскихъ сестеръ, но уже не занимался ими, какъ о. Пахомій.

Въ числѣ вновь поступившихъ послушницъ была изъ г. Тулы вдова оружейнаго мастера Ксенія Михайловна Милованова, по мужу Кочеулова, съ малолѣтнею дочерью Ириною Прокопьевною. До чего матушка Анастасія Кирилловна была исполнительна и строга, можно судить по ничтожному эпизоду, переданному сестрами. Однажды она увидала вдову Ксенію Михайловну, собирающую сухія корки каши отъ трапезы для своей малолѣтней дочери Ирины; Ксенія хотѣла ихъ размочить водою и дать лишній разъ голодавшей дѣвочкѣ, но матушка Анастасія Кирилловна сурово выговорила ей и даже опредѣлила наказаніе, запретивъ наистрожайше разъ навсегда, ни даже ради дѣтей, не нарушать заведенный уставъ ихъ: однажды только въ день вкушать пищу и въ назначенный, безъ исключенія, для всѣхъ равно, часъ общей трапезы.

Въ 1796-мъ году скончалась Анастасія Кирилловна и ее похоронили на кладбищѣ Казанской церкви, вблизи первоначальницы матери Александры.

Начальницею общинки, по выбору сестеръ, была поставлена *Ксенія Михайловна Кочеулова*. Маленькая, сухая, крайне подвижная и дѣятельная, но плохенькая на видъ, она проводила жизнь настолько сурово, неся подвиги, посильные только монахамъ, что о ея правленіи сохранилось воспоминаніе, какъ о времени невыносимо трудномъ, подвижническомъ, но которое выработало великихъ старицъ для будущаго Дивѣевскаго монастыря и наставницъ истинной духовной жизни. Не допуская никакого исключенія, снисхожденія и малодушія, она даже казалась нѣкоторымъ жестокой. Совершенно равная ко всѣмъ сестрамъ, она не жалѣла и своей слабой и хилой дочери Ирины Прокопьевны. Такъ напримѣръ, однажды, кто-то подарилъ Иринѣ Прокопьевнѣ чайникъ и чашечку, зная, что она подъ названіемъ чая любитъ пить вообще горячее, какъ-то цѣлебную травку или сухую малину. Узнала это матушка Ксенія Михайловна и страшно огорчилась; запретила наистрожайше употреблять этотъ чайникъ и чашку. Ирина Прокопьевна обѣщалась не дотрогиваться до нихъ, но Ксенія Михайловна не успокоивалась и съ истиннымъ сердечнымъ огорченіемъ и крайнимъ

сокрушеніемъ сказала: „что ты, что ты! Изъ нихъ хотя пить то не будешь Оря, все же я непокойна, соблазнъ-то какой! Утѣшь ты меня старуху—Орюшка, разбей ты ихъ матушка, да отъ соблазну то и черепки ихъ въ землю зарой! Можно вѣдь пить и изъ деревянной или чугунной посудки, а то глядико-сь грѣхъ-то какой! Какое малодушіе!" Только тогда она успокоилась, когда дочь ея, уже старица также, за святое послушаніе начальницы-матери, разбила чайникъ и чашку и зарыла глубоко въ землю всѣ черепки.

Чрезмѣрно суровая строгость Ксеніи Михайловны на столько не понравилась сестрамъ, собраннымъ покойною Анастасіею Кирилловною, что изъ 52-хъ выбыло, въ первый годъ ея управленія 40; тогда всего въ общинкѣ осталось 12 сестеръ, но затѣмъ стали прибывать новыя, такъ что къ 1825-му году, когда батюшка о. Серафимъ окончивъ всѣ свои внутреннія, духовныя благоустроенія, достигъ совершенства и могъ, по заповѣди матушки Александры обратить все свое вниманіе на устройство Дивѣевской обители, обѣтованной Божіею Матерью, въ названной общинкѣ снова собралось до 50-ти сестеръ. Стало не хватать земли для общины и сосѣдка-помѣщица графиня Толстая поэтому пожертвовала на огородъ 32 десятины.

Матушка Ксенія Михайловна, при своей строго-подвижнической жизни отличалась особо сильною любовію и жалостію ко всякой вообще Божіей твари. Такъ однажды на единственную, имѣвшуюся въ то время въ общинѣ лошадку, сестры наложили слишкомъ много дровъ и она поэтому стала. Увидѣвъ это, Ксенія Михайловна разогорчилась и закричала послушницамъ: „Ахъ, ахъ какія вы безжалостныя! Ну, что лошадь то какъ мучаете! Развѣ не знаете, что блаженъ тотъ аще и скоты милуетъ, сказалъ Господь!" Тутъ-же Ксенія Михайловна приказала сестрамъ поклониться лошадкѣ въ ноги и просить у нее прощенія"!

Разсказываютъ еще такой случай. Въ деревнѣ Дивѣевѣ, рядомъ съ общинкой, сдѣлался пожаръ. Сестры начали выносить свое имущество и убирать, а больше всѣхъ хлопотала сама Ксенія Михайловна. Наконецъ старица вручила послушницамъ тщательно закрытый и завернутый коробъ,

въ родѣ лукошка и строго сказала: „смотрите, какъ можно дальше унесите отъ пожара этотъ коробъ, да оберегите пока горитъ-то, тутъ все нужное!" Сестры понесли, но вдругъ что-то зашевелилось въ коробѣ и съ испуга они поставили коробъ на землю. Открыть не смѣютъ, боятся, но и ничего не могутъ понять... Смотрятъ, а изъ него начали выпрыгивать разныя кошки... Расхохотались сестры, но вновь испугались, такъ какъ устрашились строгой матушки; какъ ей сказать, а не сказать то-же нельзя. Наконецъ пошли и признались. „Глупыя, вы глупыя!" отвѣтила Ксенія Михайловна,—„вѣдь сказала я вамъ, что блаженъ аще и скоты милуетъ! Что скотъ-то,—ничто, и весь токмо отъ единаго человѣка зависитъ! Вѣдь если-бы не я, бѣдныя сгорѣли-бы! Кто-жъ станетъ на скота глядѣть, заботиться, спасать, да тварь оберегать, а она хоть тварь, но все то-жъ твореніе Божіе! Вотъ и дала я вамъ, не сказавъ что даю, зная вашу безжалостность!"

Монахиня Ерміонія, старица, опредѣленная въ обитель самимъ о. Серафимомъ и по нынѣ живущая къ радости и душевной пользѣ Дивѣевскихъ сестеръ, разсказываетъ, что когда она пришла къ о. Серафиму, то посылая ее жить въ Дивѣево къ родной теткѣ, послушницѣ Евдокіи Ефремовнѣ, (впослѣдствіи монахинѣ Евпраксіи, удостоенной въ день Благовѣщенія видѣнія Божіей Матери въ Серафимовой кельѣ), батюшка сказалъ послѣдней, держащей ее за руку и приведшей на благословеніе: „отведи ее къ матушкѣ Ксеніи Михайловнѣ".—„Во, матушка! сказалъ старецъ, обращаясь къ отроковицѣ, „Ксенія-то Михайловна жизни высокой, бичъ духовный матушка!" „И дѣйствительно", разсказываетъ монахиня Ерміонія, „и въ правду она была строга; станетъ выговаривать, думаешь вотъ, вотъ убьетъ, сейчасъ тутъ умрешь, а кончитъ,—сдѣлается прещедрая; скажетъ бывало: „Ну-ка, ну-ка Оря (такъ звали ее дочь), прочти-ка вотъ ей такое-то житіе! Она сама была неграмотная. И прочтетъ Ирина Прокофьевна, что велитъ матушка. „Вотъ видишь-ли Евдокіюшка" скажетъ Ксенія Михайловна, какъ трудно идти-то въ царствіе небесное, вѣдь отъ того такъ-то я и выговариваю. Ну, матушка иди! Погляди-ка Оря, нѣтъ-ли

тутъ у насъ чего, не принесъ-ли кто чего нибудь, дай ей!" И мнѣ же бывало чего сунувъ отпуститъ,—говорила Евдокія Ефремовна. Послѣдняя жила одно время у Ксеніи Михайловны келейной и у нее были двѣ красненькія тесемочки; разъ подпоясалась она ими. Увидала это матушка... „Что это говоритъ, вражью-то силу ты на себя надѣла!" взяла Ксенія Михайловна сняла тесемочки съ нея и сожгла ихъ въ печкѣ. Не терпѣла она, чтобы носили хорошую одежду. Было это съ Евдокіей, повѣствуетъ монахиня Ермiонія. Разъ какъ сшили ей первую ряску, матушка ее не видала. Пришла она въ церковь, стоитъ, а она, наша голубушка, своею клюшкою то и достаетъ. „Кто это? кто это?—спрашиваетъ Ксенія Михайловна. „Ахъ! это всечестная Евдокія! Что это ты дѣлаешь матушка; на что это ты восемь-то бѣсовъ себѣ посадила! (т. е. восемь клиньевъ). Выпори, выпори, говоритъ матушка, четыре-то бѣса! Въ другой разъ идетъ тетка Евдокія дворомъ, надѣвъ сарафанъ изъ посконнаго холста только что выкрашенный, новый. Увидала матушка, кричитъ: Стой! стой! Подошла она. „Ай, ай матушка, говоритъ она,— Бога ты не боишься, Евдокіюшка всечестная! Что надѣла плисовый-то сарафанъ! Подбери, подбери все кругомъ, матушка, подрѣжь, чтобы рубашка была-бы видна, чтобъ не дополу было! Такъ была строга матушка Ксенія Михайловна."

Всѣ начальницы и сестры Дивѣевской общины ходили въ трудные часы испытаній, горей и борьбы духовной подкрѣпляться молитвой на могилку незабвенной и великой старицы матери Александры. По свидѣтельству сестеръ первой общинки, переданному протоіерею о. Василію Садовскому и также согласно показаніямъ священника обители о. Александра Филиксова, всѣ жившіе при Казанской церкви священнослужители и многіе другіе видѣли по ночамъ на могилѣ матери Александры огонь и горящія свѣчи, повременамъ слышали необычайный звонъ, а нѣкоторые ощущали необыкновенное благоуханіе, исходящее изъ могилы ея. Затѣмъ въ могилѣ слышалось какое-то журчаніе и поэтому сложилось повѣріе въ народѣ, что источникъ, открывшійся подъ горою, исходитъ изъ могилы матери Александры. Такъ на-

зываемый дальній источникъ матери Александры, великая старица сама вырыла, когда для созидаемой ею Казанской церкви, ломали камень для извести. Она приходила носить камни и для утоленія жажды рабочихъ и прохлажденія отъ трудовъ и жары,—вырыла этотъ колодезь. Народъ считаетъ этотъ источникъ цѣлебнымъ и приноситъ купать въ немъ больныхъ дѣтей.

Какъ было уже сказано, старецъ о. Серафимъ послѣ смерти строителя Исаіи не измѣнилъ прежняго рода жизни и остался жить въ пустынкѣ. Онъ только принялъ на себя еще большій трудъ, а именно *молчальничество*. „Паче всего должно украшать себя молчаніемъ, говорилъ онъ, ибо св. Амвросій Медіоланскій говоритъ, что молчаніемъ многихъ видѣлъ я спасающихся, многоглаголаніемъ же ни единаго. И паки нѣкто изъ старцевъ говоритъ: молчаніе есть таинство будущаго вѣка, словеса-же—орудія суть міра сего. О. Серафимъ сталъ руководиться дѣяніями двухъ древнихъ подвижниковъ, — Арсенія великаго и Іоанна молчальника и пустынника. Къ посѣтителямъ онъ болѣе не выходилъ. Если ему самому случалось неожиданно встрѣтить кого въ лѣсу, старецъ падалъ ницъ лицомъ и до тѣхъ поръ не поднималъ глазъ, пока встрѣтившійся не проходилъ мимо. Такимъ образомъ онъ безмолвствовалъ въ продолженіе трехъ лѣтъ и нѣкоторое время пересталъ посѣщать обитель по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Одинъ изъ послушниковъ носилъ ему и пищу въ пустынь, особенно въ зимнее время, когда у о. Серафима не было своихъ овощей. Пища приносилась однажды въ недѣлю, въ день воскресный. Трудно было назначенному иноку совершать это послушаніе въ зимнее время, такъ какъ въ пустынку о. Серафима дороги не было. Бывало, бредетъ онъ во время вьюги по снѣгу, утопая въ немъ по колѣна, съ недѣльнымъ запасомъ въ рукахъ для старца—молчальника. Вошедши въ сѣни, онъ произносилъ молитву, а старецъ, сказавши про себя: *аминь*, отворялъ дверь изъ келіи въ сѣни. Сложивъ руки на груди крестообразно, онъ становился у дверей, потупивъ лице долу на землю: самъ ни благословитъ брата, ни даже взглянетъ на него. А пришедшій братъ, помолившись, по обычаю, и покло-

нившись старцу въ ноги, полагалъ пищу на лоточекъ, лежавшій на столѣ въ сѣняхъ. Съ своей стороны о. Серафимъ клалъ на лоточекъ же или малую частицу хлѣба или немного капусты. Пришедшій братъ внимательно замѣчалъ это. Этими знаками старецъ безмолвно давалъ знать, чего принести ему въ будущее воскресеніе: хлѣба или капусты. И опять, принесшій братъ, сотворивъ молитву, кланялся старцу въ ноги и, попросивъ молитвъ его о себѣ, возвращался въ обитель, но услыхавъ отъ о. Серафима ни единаго слова. Все это были только видимыя, наружныя знаменія молчальничества. Сущность же подвига состояла не въ наружномъ удаленіи отъ общительности, но въ безмолвіи ума, въ отреченіи отъ всякихъ житейскихъ помысловъ для чистѣйшаго посвященія себя Господу. Такое молчальничество, по описанію самого старца, имѣло многіе плоды. Оно рѣшительно обезоруживало діавола для борьбы съ пустынножителемъ. „Когда мы въ молчаніи пребываемъ—говорилъ о. Серафимъ,—тогда врагъ, діаволъ, ничего не успѣетъ относительно къ потаенному сердца человѣку: сіе же должно разумѣть о молчаніи въ разумѣ. Оно рождаетъ въ душѣ молчальника разные плоды духа. Отъ уединенія и молчанія—говорилъ онъ—рождаются умиленіе и кротость: дѣйствіе сей послѣдней въ сердцѣ человѣческомъ можно уподобить тихой водѣ Силоамской, которая течетъ безъ шума и звука, какъ говоритъ о ней пророкъ Исаія: *воды Силоамли текущія тисѣ* (тихо) (Исаіи 8, 6). Въ соединеніи съ другими занятіями духа молчальничество возводитъ человѣка къ благочестію. Пребываніе въ келіи въ молчаніи, въ упражненіи, въ молитвѣ и поученіи день и ночь закону Божію дѣлаетъ человѣка благочестивымъ; ибо, по словамъ св. отцевъ, келія инока есть пещь Вавилонская, въ которой тріе отроцы Сына Божія обрѣтоша. Молчаніе приближаетъ человѣка къ Богу и дѣлаетъ его какъ бы земнымъ ангеломъ. Ты только сиди въ келіи своей во вниманіи и молчаніи, и всѣми мѣрами старайся приблизить себя къ Господу: а Господь готовъ сдѣлать тебя изъ человѣка Ангеломъ: *на кого бо*, говоритъ Онъ, *воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словесъ Моихъ* (Исаіи 66, 2). Плодомъ молчанія, кромѣ другихъ

духовныхъ пріобрѣтеній, бываетъ миръ души. Молчаніе учитъ безмолвію и постоянной молитвѣ, а воздержаніе дѣлаетъ помыслъ не развлекаемымъ. Наконецъ пріобрѣтшаго сіе ожидаетъ мирное состояніе". Вотъ какъ старецъ Серафимъ проходилъ подвигъ молчальничества! Вотъ чего хотѣлъ онъ достигнуть путемъ симъ, *возложивъ всю печаль свою на Господа* (1 Петр. 5, 7). (Жизнеопис. 1893 г. Саровскаго изданія).

Многіе изъ братіи очень жалѣли объ удаленіи старца отъ общежитія съ ними. Съ возложеніемъ на себя молчанія, онъ лишалъ ихъ своихъ совѣтовъ и руководства. Ближайшіе къ нему даже спрашивали его: „зачѣмъ онъ уединяется, когда бы, пребывая въ близкомъ общеніи съ братіею, могъ назидать ихъ словомъ и примѣромъ, не терпя ущерба и въ благоустроеніи души своей?" Старецъ отвѣчалъ, говоря словами св. отецъ: „возлюби праздность безмолвія предпочтительно насыщенію алчущихъ въ мірѣ, сказалъ св. Исаакъ Сиринъ. И св. Григорій Богословъ рекъ: прекрасно богословствовать для Бога, но лучше сего, если человѣкъ себя очищаетъ для Бога".

Молчальничество не было однако же такимъ подвигомъ, на которомъ старецъ Серафимъ рѣшился бы покончить жизнь свою. Чрезъ него, какъ бы лѣстницею, (получивъ большее совершенство, онъ перешелъ къ высшему подвижничеству, называемому *затворомъ*. Поводомъ къ этому, какъ сказано въ жизнеописаніи Саровскаго изд. 1893 г. (стр. 60—72) послужило слѣдующее обстоятельство. Въ описываемое время настоятелемъ былъ, какъ уже извѣстно, о. Нифонтъ, мужъ богобоязненный, добродѣтельный, отечески любившій братію, входившій во всѣ потребности и нужды каждаго брата, ревнитель устава и порядковъ церковныхъ. Отецъ же Серафимъ со времени смерти старца Исаіи, наложивъ на себя трудъ молчанія, жилъ въ пустынѣ своей безвыходно, точно какъ въ затворѣ. Прежде онъ хаживалъ по воскресеньямъ и праздникамъ въ обитель причащаться св. Таинъ. Теперь, со времени стоянія на камняхъ, у него болѣли ноги; ходить онъ не могъ. Было неизвѣстно, кто его причащаетъ св.

Таинъ, (хотя ни на минуту не сомнѣвались, что онъ безъ вкушенія Тѣла и Крови Христовой не оставался.) Строитель созвалъ монастырскій соборъ изъ старшихъ іеромонаховъ и вопросъ о причащеніи о. Серафима предложилъ на разсужденіе. Рѣшили же дѣло такъ: предложить о. Серафиму, чтобы онъ или ходилъ, буде здоровъ и крѣпокъ ногами, попрежнему, въ обитель по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ для причащенія св. Таинъ, или же, если ноги не служатъ, перешелъ бы навсегда жительствовать въ монастырскую келію. Общимъ совѣтомъ присудили спросить чрезъ брата, носившаго пищу по воскресеньямъ, что изберетъ о. Серафимъ. Братъ въ первый же приходъ къ старцу исполнилъ рѣшеніе Саровскаго собора, но о. Серафимъ, выслушавъ безмолвно предложеніе собора, отпустилъ брата, не сказавъ ни слова. Братъ, какъ дѣло было, передалъ строителю, а строитель велѣлъ ему повторить соборное предложеніе въ слѣдующее воскресенье. Принесши пищу на будущую недѣлю, братъ повторилъ предложеніе... Тогда старецъ Серафимъ, благословивъ брата, вмѣстѣ же съ нимъ отправился пѣшкомъ въ обитель. Принявъ второе предложеніе собора, старецъ показалъ, что онъ не въ силахъ былъ, по болѣзни, ходить, какъ прежде, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ обитель. Это было весною 8 мая 1810 года. Вступивъ въ монастырскія врата, послѣ 15-ти лѣтняго пребыванія въ пустынѣ, о. Серафимъ, не заходя въ свою келію, отправился прямо въ больницу. Это было днемъ до наступленія всенощной службы. Когда ударили въ колоколъ, о. Серафимъ явился на всенощное бдѣніе въ храмъ Успенія Богородицы. Столько лѣтъ уже не бывалъ старецъ въ обители! Братія удивились, когда мгновенно разнесся слухъ, что о. Серафимъ рѣшился жительствовать въ обители. Но удивленіе ихъ возросло еще болѣе, когда произошли слѣдующія обстоятельства. На другой день, 9-го мая, въ день Святителя и Чудотворца Николая, о. Серафимъ пришелъ, по обычаю, въ больничную церковь къ ранней литургіи и причастился св. Христовыхъ Таинъ. По выходѣ же изъ церкви, онъ направилъ стопы свои въ келію строителя Нифонта,

и, принявши отъ него благословеніе, водворился въ прежней своей монастырской келіи; къ себѣ никого не принималъ, самъ никуда не выходилъ и не говорилъ ни съ кѣмъ ни слова, то есть, онъ принялъ на себя новый, труднѣйшій подвигъ затворничества. Молчаніе о. Серафима было видимо переходомъ къ затвору. Въ келіи монастырской о. Серафимъ, продолжалъ то, что уже начато года съ три тому назадъ въ пустынѣ, съ которою, быть можетъ, онъ и соединилъ бы затворъ, если бы не повстрѣчались указанныя обстоятельства.

О подвигахъ о. Серафима въ затворѣ извѣстно еще менѣе, чѣмъ о его пустынножительствѣ. Въ келіи своей онъ не хотѣлъ имѣть, для отсѣченія своеволія, ничего, даже самыхъ необходимыхъ вещей. Икона, предъ которой горѣла лампада, и отрубокъ пня, служившій въ замѣнъ стула, составляли все. Для себя же онъ не употреблялъ даже огня. По словамъ Саровскихъ старцевъ въ это время, для умерщвленія плоти, *да духъ спасется*, онъ носилъ на плечахъ своихъ подъ рубашкою на веревкахъ большой пятивершковый желѣзный крестъ, который, вѣроятно, и названъ веригами въ прежнихъ его жизнеописаніяхъ. Но собственно веригъ и власяницы о. Серафимъ не носилъ и другимъ не совѣтовалъ надѣвать ихъ. „Кто насъ оскорбитъ словомъ или дѣломъ, и если мы переносимъ обиды по-евангельски—вотъ и вериги наши, вотъ и власяница! Эти духовныя вериги и власяница выше желѣзныхъ, которыя надѣваютъ на себя нынѣшніе люди. Въ Дивѣевскомъ жизнеописаніи о. Серафима наоборотъ говорится о веригахъ и поясѣ, которые и до нынѣ хранятся въ церкви Преображенія.

Послушникъ Иванъ Тихоновъ разсказываетъ (Сказаніе о подвигахъ и событіяхъ жизни старца Серафима, стр. 37), что поступивъ въ Саровскую пустынь 18-ти лѣтъ и читая житія св. отцевъ, рѣшился онъ непремѣнно, Господа ради, возложить на себя что нибудь для умерщвленія тѣла. Поэтому онъ въ теченіе трехъ лѣтъ домогался получить чрезъ какихъ либо духовныхъ особъ желаемыя вериги или власяницу и когда онъ добылъ вериги, то „восхитился тщеславною мыслію, которая непримѣтно закралась въ глубину

его сердца“. Когда онъ пришелъ къ о. Серафиму, то великій старецъ сказалъ ему улыбаясь: „вотъ, что я скажу тебѣ: приходятъ ко мнѣ Дивѣевскіе младенцы и просятъ моего совѣта и благословенія. одинъ носитъ вериги, а другіе власяницы, то какъ ты думаешь: по дорогѣ-ли ихъ дорогато? скажи мнѣ“. Ничего не понимая, Иванъ Тихоновъ отвѣтилъ: „я, батюшка, не знаю“. Когда же батюшка Серафимъ повторилъ вопросъ, то Иванъ Тихоновъ, какъ увѣряетъ, вдругъ вспомнилъ, что вѣдь и онъ пришелъ къ старцу за благословеніемъ носить вериги, а потому высказалъ о. Серафиму свою просьбу. „Какъ-же ты не понимаешь? вѣдь я тебѣ объ этомъ-то и говорю“! сказалъ о. Серафимъ. Затѣмъ старецъ началъ объяснять ему все безуміе его подвига. „Многіе изъ св. отцевъ носили вериги и власяницу“ говорилъ о. Серафимъ, но они были мужи мудрые и совершенные; и все это дѣлали изъ любви Божіей, для совершеннаго умерщвлѣнія плоти и страстей и покоренія ихъ духу, но младенцы, у которыхъ царствуютъ въ тѣлѣ страсти, противящіяся волѣ и закону Божію, не могутъ этого дѣлать. Что въ томъ, что надѣнемъ и вериги, и власяницу, а будемъ спать, и пить, и ѣсть столько, сколько намъ хочется“? Затѣмъ намекая на недостатки Ивана Тихонова, о. Серафимъ продолжалъ: „Мы не можетъ и самомалѣйшаго оскорбленія отъ брата перенести великодушно. Отъ начальническаго же слова и выговора впадаемъ въ совершенное уныніе и отчаяніе, такъ что и въ другой монастырь выходимъ мыслію, и, съ завистью указывая на другихъ изъ своихъ собратій, которые въ милости и довѣренности у начальника, принимаемъ всѣ его распоряженія за обиду, за невниманіе и недоброжелательство къ себѣ. Изъ этого разсуди самъ, какъ мало, или вовсе нѣтъ въ насъ никакого фундамента къ монашеской жизни; и это все отъ того, что мы мало о ней разсуждаемъ и внимаемъ ей“.

Одежда о. Серафима теперь была та же самая, что и въ пустынѣ. Питіемъ его была одна вода, а въ пищу онъ употреблялъ только толокно да бѣлую рубленую капусту. Воду и пищу доставлялъ ему братъ, отецъ Павелъ, вблизи живущій, подошедши къ келіи, сотворивъ молитву, ста-

вилъ пищу у дверей. Затворникъ, чтобы никто не видалъ его, накрывалъ себя большимъ полотномъ и, взявши блюдо стоя на колѣняхъ, какъ-бы принималъ пищу изъ рукъ Божіихъ, уносилъ ее въ келію. Тамъ, подкрѣпивши себя пищею, посуду ставилъ на прежнее мѣсто, опять скрывая лице свое подъ полотномъ. Покровъ, набрасываемый на лице, объясняется примѣрами древнѣйшихъ пустынножителей, которые кукулемъ скрывали видъ свой, *во еже не видѣти суеты*. Случалось и такъ, что старецъ вовсе не являлся брату, и носившій пищу опять уносилъ все, что было предложено: старецъ оставлялъ себя безъ вкушенія пищи.

Молитвенные труды его въ затворѣ по свидѣтельству Саровскихъ иноковъ, были велики и разнообразны. Какъ и въ пустынѣ, онъ совершалъ теперь *свое* правило и всѣ ежедневныя службы, кромѣ божественной литургіи. Сверхъ того, онъ предавался подвигу умной молитвы, читая въ сердцѣ поперемѣнно то молитву Іисусову, то Богородичну. Иногда, стоя на молитвѣ, старецъ погружался въ продолжительное умное созерцаніе Бога: онъ стоялъ предъ св. иконою не читая никакой молитвы и не кладя поклоновъ.

Въ теченіе недѣли онъ прочитывалъ весь Новый завѣтъ по порядку: въ понедѣльникъ — Евангеліе отъ Матѳея, во вторникъ—отъ Марка, въ среду—отъ Луки, въ четвергъ—отъ Іоанна, въ остальные дни—Дѣянія и посланія св. Апостоловъ. Въ сѣняхъ, сквозь дверь, иногда слышно было, какъ онъ, читая, толковалъ про себя Евангеліе и Дѣянія св. Апостолъ. Дѣянія св. Апостолъ онъ толковалъ вслухъ, довольно продолжительное время. Многіе приходили и слушали его слово въ сладость, утѣшеніе и назиданіе. Иной же разъ онъ сидѣлъ надъ книгой, не перебирая листовъ, будучи весь погруженъ въ созерцаніе чистой возвышенной мысли Св. Духа. Ни одинъ органъ тѣла его не шевелился: очи неподвижно устремлены были на одинъ предметъ.

Въ теченіе всѣхъ лѣтъ затвора старецъ во всѣ воскресные и праздничные дни причащался св. Тѣла и Крови Христовой. Для сохраненія во всей чистотѣ затвора и молчальничества, пренебесныя Тайны, по благословенію строителя

Нифонта, приносили ему изъ больничной церкви въ келію послѣ ранней литургіи.

Чтобы никогда не забывать о часѣ смертномъ, чтобы яснѣе представить и ближе видѣть его предъ собою, о. Серафимъ упросилъ сдѣлать для себя гробъ и поставить его въ сѣняхъ затворнической келіи. По его желанію, гробъ былъ приготовленъ; его выдолбили, а также и крышку къ нему отъ цѣльнаго дуба, и онъ, некрашеный, всегда стоялъ въ сѣняхъ. Здѣсь старецъ часто молился, готовясь къ исходу отъ настоящей жизни. О. Серафимъ, въ бесѣдахъ съ Саровскими братіями, часто говорилъ на счетъ этого гроба: „когда я умру, умоляю васъ, братія, положите меня въ моемъ гробѣ“ *).

Изъ сокровенныхъ подвиговъ этого времени нечаянно сдѣлался извѣстенъ одинъ, въ которомъ съ духовнымъ дѣланіемъ старецъ соединялъ тѣлесный трудъ, освѣжая грудь свою чистымъ воздухомъ. Это открылъ случайно братъ, исполнявшій въ монастырѣ послушаніе будильщика. Однажды утромъ, вставши ранѣе обыкновеннаго, послушникъ отправился на кладбище близь соборнаго храма, гдѣ почиваютъ достоблаженные и приснопамятные пустынники. Находясь среди памятниковъ, братъ примѣтилъ у келіи о. Серафима человѣка, который двигался быстро взадъ и впередъ. Воображеніе инока встрепенулось. Онъ оградилъ себя крестнымъ знаменіемъ и съ молитвою сталъ всматриваться въ ночное видѣніе. Оказалось, это былъ самъ подвижникъ, старецъ Серафимъ. Читая чуть слышно молитву Іисусову, онъ переносилъ тихонько небольшую полѣнницу дровъ съ одного на другое ближайшее къ келіи мѣсто. Обрадованный видѣніемъ

*) Въ Дивѣевскомъ жизнеописаніи о. Серафима (Москва. 1874 г., стр. 22) говорится, что гробъ этотъ онъ изготовилъ своими руками. Надо полагать, что это показаніе справедливѣе, ибо о. Серафимъ никогда не просилъ другихъ дѣлать что либо для себя, а во вторыхъ былъ самъ превосходный плотникъ и столяръ, какъ мы видѣли изъ описанія его послушаній до постриженія въ монашество.

затворника, который давно никому не являлся, будильщикъ бросился къ нему въ ноги и, цѣлуя ихъ, просилъ его благословенія. Старецъ благословивъ его, сказалъ: „оградись молчаніемъ и внимай себѣ“.

Старецъ провелъ въ затворѣ около пяти лѣтъ, потомъ нѣсколько ослабилъ внѣшній видъ его. Келейная дверь у него была открыта: всякій могъ придти къ нему, видѣть его: старецъ не стѣснялся присутствіемъ другихъ въ своихъ духовныхъ занятіяхъ. Нѣкоторые, вступивъ въ келію, предлагали разные вопросы, имѣя нужду въ совѣтахъ и наставленіяхъ старца; но, принявши на себя обѣтъ молчанія предъ Богомъ, старецъ на вопросы не давалъ отвѣтовъ, продолжая обычныя занятія.

Тамбовскіе архіереи, любя Саровскую пустынь, съ усердіемъ посѣщали ее, обыкновенно, разъ въ годъ въ августѣ мѣсяцѣ на храмовой праздникъ Успенія Богородицы. Въ одно изъ такихъ посѣщеній епископъ Іона (впослѣдствіи экзархъ Грузіи), желая видѣть о. Серафима, пришелъ было къ его келіи; но старецъ, твердо исполняя свои обѣты предъ Богомъ и опасаясь человѣкоугодничества, не нарушилъ своего молчанія и затвора. О. Серафимъ въ настоящемъ обстоятельствѣ могъ руководствоваться еще примѣромъ Арсенія великаго, которому подражалъ въ подвигахъ затвора и молчанія. Өеофилъ, архіепископъ Александрійскій, желая придти къ Арсенію, послалъ напередъ узнать, отворитъ ли онъ ему двери? Арсеній отвѣчалъ: „если для тебя отворю, то и для всѣхъ отворю“. Өеофилъ сказалъ: „лучше мнѣ не ходить къ нему“. Такъ и о. Серафиму еще не наступило время—хотя и недалеко уже оно было—оставить затворъ. Игуменъ Нифонтъ предлагалъ было снять двери съ крюковъ, думая, вѣроятно, не отошелъ ли старецъ уже ко Господу; но преосвященный Іона не согласился на это, говоря: „какъ бы не погрѣшить намъ.“ Оставивъ старца, онъ удалился въ мирѣ изъ обители. Черезъ недѣлю послѣ этого случая прибылъ въ Саровъ тогдашній Тамбовскій губернаторъ Александръ Михайловичъ Безобразовъ; съ нимъ была жена его, и оба они пожелали принять благословеніе о. Серафима.

Въ это время, видно, окончился срокъ строгаго затворничества и молчанія, положенный на сердцѣ о. Серафимомъ. Когда губернаторъ съ женою подошли къ келіи, старецъ самъ отворилъ первымъ имъ двери своего затвора и благословилъ ихъ. Это было черезъ десять лѣтъ послѣ начала затвора. Съ этого времени начали приходить къ нему многіе изъ братіи, съ которыми онъ сталъ уже вступать въ бесѣду.

Такъ изъ братіи нерѣдко бывалъ у о. Серафима инокъ Гавріилъ. Вступивши въ обитель, онъ два года не видалъ о. Серафима и послѣ очень жалѣлъ объ этомъ: но когда пришелъ къ отцу Серафиму, старецъ съ перваго же раза привлекъ къ себѣ его сердце. Съ своей стороны и Гавріилъ полюбился старцу; ибо онъ имѣлъ сердце чистое, прямое, со всѣми обращался какъ передъ Богомъ, удаляясь всякой скрытности. Послѣ сего этотъ Гавріилъ пять лѣтъ находился подъ руководствомъ чуднаго старца, переживъ въ обители и его кончину. Если что смущало молодаго инока, располагало къ искушеніямъ, онъ шелъ къ старцу Серафиму, тревожимый страхомъ, но послѣ бесѣды съ нимъ возвращался въ свою келію въ мирѣ и восхищеніи духовномъ. И во всемъ простосердечный Гавріилъ поступалъ такъ, какъ руководствовалъ его батюшка о. Серафимъ. Много сказано было ему на пользу впередъ. Не скрылъ батюшка Серафимъ и того, какъ много горестнаго предстоитъ молодому иноку на пути жизни. По переселеніи о. Серафима въ вѣчность, Гавріилъ съ восхищеніемъ вспоминалъ о его жизни и своихъ бесѣдахъ съ нимъ, и съ глубокою горестію говорилъ о важности сей потери для него. Въ отраду же сердца и жизни онъ взялъ и всегда имѣлъ при себѣ портретъ старца Серафима.

Здѣсь представимъ въ общихъ чертахъ тѣ наставленія, какія дѣлалъ старецъ приходящимъ къ нему инокамъ Саровской обители. Все было направлено къ утвержденію ихъ въ соблюденіи правилъ иночества. Онъ внушалъ братіи, какъ пишутъ они въ изд. 1893 г., совершать церковное богослуженіе неопустительно по церковному уставу, и присутствуя

въ храмѣ, самъ слѣдилъ за этимъ дѣломъ, совѣтовалъ всѣмъ ходить на церковныя службы, на молитвѣ въ церкви стоять съ закрытыми очами, во внутреннемъ вниманіи; открывать же развѣ тогда, какъ унышь или сонъ отягощать станетъ; обращать въ такомъ случаѣ глаза на образъ или на горящую свѣчу! Развивая эту мысль подробнѣе, о. Серафимъ училъ такъ: „на жизнь нашу смотрѣть надобно, какъ на свѣчу, дѣлаемую, обыкновенно, изъ воска и свѣтильни, и горящую огнемъ. Воскъ — это наша вѣра, свѣтильня—надежда, а огонь—любовь, которая все соединяетъ вмѣстѣ, и вѣру и надежду, подобно тому, какъ воскъ и свѣтильня горятъ вмѣстѣ при дѣйствіи огня. Свѣча дурнаго качества издаетъ смрадъ при горѣніи своемъ и угасая—такъ смрадна въ духовномъ смыслѣ и жизнь грѣшника предъ Богомъ. А потому, глядя на горящую свѣчу, особенно когда стоимъ въ Божіемъ храмѣ, да воспоминаемъ начало, теченіе и конецъ нашей жизни; ибо какъ таетъ свѣча, зажженная предъ ликомъ Божіимъ, такъ съ каждою минутою, умаляется и жизнь наша, приближая насъ къ концу. Эта мысль поможетъ намъ менѣе развлекаться въ храмѣ, усерднѣе молиться и стараться, чтобъ жизнь наша предъ Богомъ похожа была на свѣчу изъ чистаго воска, неиздающую смрада". О. Серафимъ внушалъ непрестанно заниматься умною молитвою, каждому проходить неопустительно и усердно свое послушаніе, не вкушать пищи до времени, опредѣленнаго уставомъ: за трапезу непремѣнно ходить, хотя бы и не хотѣлъ кто кушать, чтобы отсутствіемъ не соблазнялъ братіи; за трапезою сидѣть съ благоговѣніемъ и страхомъ Божіимъ, съ благодарностію вкушать предлагаемое; безъ уважительной причины и благословенія не выходить за ворота монастыря, а тѣмъ болѣе не покидать совсѣмъ иноческаго пути, удерживаться отъ своеволія, гибельныя послѣдствія котораго неисчислимы; терпѣливо сносить всѣ искушенія для спасенія души (Мѳ. 10, 22), хранить взаимный миръ. Богъ обитаетъ только въ жилищѣ мира, какъ сказано *въ мирѣ мѣсто Его* (Псал. 75, 3).

На инокѣ, который исправлялъ въ больничной церкви пономарскую должность, лежало послушаніе ежедневно, послѣ

каждой литургіи, носить къ о. Серафиму часть св. антидора, собственно для него отдѣляемую. Затворникъ иногда самъ принималъ этотъ даръ, а иногда не являлся къ принесшему брату. Послѣдній полагалъ въ такомъ случаѣ часть антидора въ чистую сумочку, для сего повѣшенную у двери, и, сотворивъ молитву, якоже обычно, удалялся во свояси. Изъ больничной же церкви по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ ему носили въ келію св. Дары для причащенія.

ГЛАВА VI.

Письменныя наставленія отца Серафима (См. изд. 1893 г., г. Муромъ— приложенія).

1. О Богѣ.

Богъ есть огнь, согрѣвающій и воспламеняющій сердца и утробы. Итакъ, если мы ощутимъ въ сердцахъ своихъ холодъ, который отъ діавола, ибо діаволъ хладенъ, то призовемъ Господа: Онъ пришедъ согрѣетъ наше сердце совершенною любовію не только къ Нему, но и къ ближнимъ. И отъ лица теплоты убѣжитъ хладъ доброненавистника.

Отцы написали, когда ихъ спрашивали: ищи Господа, но не испытуй, гдѣ Онъ живетъ.

Гдѣ Богъ, тамъ нѣтъ зла. Все происходящее отъ Бога, мирно и полезно, и приводитъ человѣка къ самоосужденію и смиренію.

Богъ являетъ намъ Свое человѣколюбіе не только въ тѣхъ случаяхъ, когда мы добро дѣлаемъ, но и тогда, когда оскорбляемъ грѣхами и прогнѣвляемъ Его. Какъ долготерпѣливо сноситъ Онъ наши беззаконія! И когда наказываетъ, какъ милостиво наказываетъ!

Не называй Бога правосуднымъ, говоритъ преподобный Исаакъ; ибо въ дѣлахъ твоихъ не видно Его правосудія. Правда, Давидъ называлъ Его и правосуднымъ и правымъ; но Сынъ Его показалъ намъ, что Богъ болѣе благъ и милостивъ. Гдѣ Его правосудіе? Мы были грѣшники, и Христосъ умеръ за насъ (Исаак. Сир. Сл. 90, л. 171 на обор.).

Поколику человѣкъ совершенствуется здѣсь предъ Богомъ, потолику ходитъ вслѣдъ Его; въ истинномъ же вѣкѣ Богъ явитъ ему лице Свое. Ибо праведные, входя здѣсь на землѣ въ созерцаніе Его, видятъ образъ Его какъ въ зерцалѣ, а тамъ удостоятся зрѣть явленіе истины.

Если ты не знаешь Бога, то невозможно, чтобы явилась въ тебѣ и любовь къ Нему. Ты не можешь любить Бога, если не увидишь Его. Видѣніе же Бога бываетъ отъ познанія Его: ибо созерцаніе не предшествуетъ Богопознанію.

О дѣлахъ Божіихъ не разсуждай по насыщеніи своего чрева: при наполненномъ чревѣ какое можетъ быть вѣдѣніе таинъ Божіихъ?

2. О вѣрѣ.

Прежде всего должно вѣровать въ Бога, *яко есть, и взыскающимъ Его мздовоздаятель бываетъ* (Евр. XI. 6).

Вѣра, по ученію преподобнаго Антіоха, есть начало нашего соединенія съ Богомъ: истинно вѣрующій есть камень храма Божія, уготованный для зданія Бога Отца, вознесенный на высоту силою Іисуса Христа, т. е. крестомъ, помощію вервія т. е. благодати Духа Святаго.

Вѣра безъ дѣлъ мертва есть (Іак. 2, 26); а дѣла вѣры суть: любовь, миръ, долготерпѣніе, милость, смиреніе, несеніе креста и жизнь по духу. Лишь такая вѣра вмѣняется въ правду. Истинная вѣра не можетъ оставаться безъ дѣлъ; кто истинно вѣруетъ, тотъ непремѣнно творитъ и добрыя дѣла.

3. О надеждѣ.

Всѣ, имѣющіе твердую надежду на Бога, возводятся къ Нему и просвѣщаются сіяніемъ вѣчнаго свѣта.

Если человѣкъ не имѣетъ излишняго попеченія о себѣ изъ любви къ Богу и для дѣлъ добродѣтели, зная, что Богъ печется о немъ: то таковая надежда есть истинная и мудрая. А если человѣкъ все упованіе свое возлагаетъ на свои дѣла, къ Богу же обращается съ молитвою лишь тогда, когда его постигаютъ непредвидѣнныя бѣды, и онъ, не видя въ собственныхъ силахъ средствъ къ отвращенію ихъ, начинаетъ надѣяться на помощь Божію,—то такая надежда суетна и

ложна. Истинная надежда ищетъ единаго царствія Божія, и увѣрена, что все земное, потребное для жизни временной несомнѣнно дано будетъ.

Сердце не можетъ имѣть и мира, пока не пріобрѣтетъ такой надежды. Она-то вполнѣ умиротворяетъ его и вноситъ радость въ него. О сей-то надеждѣ сказали святѣйшія уста Спасителя: *Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Матѳ. 11. 28), т. е. надѣйся на Меня, и утѣшишься отъ труда и страха.

Въ Евангеліи св. Луки сказано о Сѵмеонѣ: *и бѣ ему обѣщано Духомъ Святымъ не видѣти смерти, прежде даже не видитъ Христа Господня* (Лук. 2. 26). И Сѵмеонъ праведный не умертвилъ надежды своей, но ждалъ вожделеннаго Спасителя міру и, съ радостію принявъ Его на свои руки, сказалъ: теперь Ты отпущаешь меня, Владыко, въ Твое вожделенное для меня царство: ибо я увидѣлъ надежду мою—Христа Господня.

4. О любви къ Богу.

Стяжавшій совершенную любовь къ Богу существуетъ въ жизни сей такъ, какъ бы не существовалъ. Ибо считаетъ себя чужимъ для видимаго, съ терпѣніемъ ожидая невидимаго. Онъ весь измѣнился въ любовь къ Богу и оставилъ всѣ другія привязанности.

Кто себя любитъ, тотъ любить Бога не можетъ. А кто не любитъ себя ради любви къ Богу, тотъ любитъ Бога.

Истинно любящій Бога считаетъ себя странникомъ и пришельцемъ на землѣ сей; ибо въ своемъ стремленіи къ Богу душею и умомъ созерцаетъ только Его одного.

Душа, исполненная любви къ Богу, и во время исхода своего изъ тѣла, не убоится князя воздушнаго, но съ Ангелами возлетитъ, какъ бы отъ чужой страны, на родину.

5. О страхѣ Божіемъ.

Человѣкъ, рѣшившійся проходить путь внутренняго вниманія, прежде всего долженъ имѣть страхъ Божій, который есть начало премудрости.

Пусть будутъ въ умѣ его всегда напечатлѣны сіи пророческія слова: *работайте Господеви со страхомъ и радуйтеся ему съ трепетомъ* (Пс. 2, 11).

Онъ долженъ проходить путь свой съ крайнею осторожностію и благоговѣніемъ ко всему священному, а не небрежно. Въ противномъ случаѣ нужно опасаться, чтобъ не отнеслось къ нему сіе страшное опредѣленіе Божіе: *проклятъ человѣкъ, творяй дѣло Господне съ небреженіемъ* (Iерем. 48, 10).

Благоговѣйная осторожность здѣсь нужна потому, что сіе море (т. е. сердце съ своими помыслами и желаніями, которое должно очистить посредствомъ вниманія) велико и пространно: *тамо гади, имже нѣсть числа*, т. е. въ немъ гнѣздятся многіе помыслы суетные, неправые и нечистые,— порожденія злыхъ духовъ.

Бойся Бога, говоритъ Премудрый, *и заповѣди Его храни* (Еккл. 12. 13). А соблюдая заповѣди, ты будешь силенъ во всякомъ дѣлѣ, и дѣло твое будетъ всегда хорошо. Ибо, боясь Бога, ты изъ любви къ Нему все дѣлать будешь хорошо. А діавола не бойся; кто боится Бога, тотъ одолѣетъ діавола: для того діаволъ безсиленъ.

Два вида страха: если не хочешь дѣлать зла, то бойся Господа, и не дѣлай; а если хочешь дѣлать добро, то бойся Господа и дѣлай.

Но никто не можетъ стяжать страха Божія, доколѣ не освободится отъ всѣхъ заботъ житейскихъ. Когда умъ будетъ безпопечителенъ, тогда движетъ его страхъ Божій и влечетъ къ любви благости Божіей.

6. Объ отреченіи отъ міра.

Страхъ Божій пріобрѣтается тогда, когда человѣкъ, отрекшись отъ всего, что въ мірѣ, соберетъ всѣ свои мысли и чувства и весь погрузится въ созерцаніе Бога и въ чувство обѣщаннаго святымъ блаженства.

Нельзя вполнѣ отречься отъ міра и придти въ состояніе духовнаго созерцанія, оставаясь въ мірѣ. Ибо доколѣ страсти не утишатся, нельзя стяжать мира душевнаго. Но страсти не утишаются, доколѣ насъ окружаютъ предметы, возбуждающіе страсти. Чтобы придти въ совершенное без-

страстіе и достигнуть совершеннаго безмолвія души, нужно много подвизаться въ духовномъ размышленіи и молитвѣ. Но какъ же возможно всецѣло и спокойно предаваться созерцанію Бога, поучаться въ законѣ Его и всею душою возноситься къ нему въ пламенной молитвѣ, оставаясь среди непрестающаго шума страстей, воюющихъ въ мірѣ? Міръ во злѣ лежитъ.

Не освободясь отъ міра, душа не можетъ любить Бога искренно. Ибо житейское, по словамъ преп. Антіоха, для нея есть какъ бы покрывало.

Если мы, говоритъ онъ же, живемъ въ чужомъ градѣ и нашъ градъ далеко отъ града сего, и если мы знаемъ градъ нашъ: то для чего мы медлимъ въ чужомъ градѣ и въ немъ уготовляемъ себѣ поля и жилища! И како воспоемъ пѣснь Господню на земли чуждей? Міръ сей есть область инаго, т. е. князя вѣка сего (Сл. 15).

7. О безмолвіи.

Преподобный Варсонофій учитъ: доколѣ на морѣ—корабль терпитъ бѣды и приражненія вѣтровъ; а когда достигнетъ пристанища тихаго и мирнаго, уже не боится бѣдъ и скорбей и приражненія вѣтровъ, но остается въ тиши. Такъ и ты, монахъ, доколѣ остаешься съ людьми, ожидай скорбей и бѣдъ и приражненій мысленныхъ вѣтровъ; а когда въ безмолвіе вступишь, бояться тебѣ нечего (Варс. Отв. 8, 9).

Совершенное безмолвіе есть крестъ, на которомъ долженъ человѣкъ распять себя со всѣми страстьми и похотьми. Но подумай, Владыка нашъ Христосъ сколько напередъ претерпѣлъ поношеній и оскорбленій, и потомъ уже восшелъ на крестъ. Такъ и намъ нельзя придти въ совершенное безмолвіе и надѣяться святаго совершенства, если не пострадемъ со Христомъ. Ибо, говоритъ Апостолъ, *аще съ Нимъ страждемъ, съ нимъ и прославимся*. Другаго пути нѣтъ (Варс. Отв. 346).

Пришедшій въ безмолвіе долженъ непрестанно помнить, за чѣмъ пришелъ, чтобы не уклонилось сердце его къ чему либо другому.

8. О вниманіи къ самому себѣ.

Проходящій путь вниманія не долженъ вѣрить одному только сердцу своему, но сердечныя свои дѣйствія и самую жизнь повѣрять съ закономъ Божіимъ и съ дѣятельною жизнію подвижниковъ благочестія, такой же подвигъ проходившихъ. Симъ средствомъ удобнѣе можно и отъ лукаваго избавиться и истину узрѣть яснѣе.

Умъ внимательнаго человѣка есть какъ бы поставленный стражъ, или неусыпный хранитель внутренняго Іерусалима. Стоя на высотѣ духовнаго созерцанія, онъ смотритъ окомъ чистоты на обходящія и приражающіяся къ душѣ его противныя силы, по словамъ Псалмопѣвца: *и на враги моя воззрѣ око мое* (53, 9).

Отъ ока его не скрытъ діаволъ, *яко левъ рыкающій, искій кого поглотити* (1 Петр. 5, 8), и тѣ которые напрягаютъ *лукъ свой сострѣляти во мрацѣ правыя сердцемъ* (Псал. 10, 2).

По ученію св. отцевъ, при каждомъ человѣкѣ находятся два ангела: одинъ добрый, другой злый. Ангелъ добрый тихъ, кротокъ и безмолвенъ. Когда онъ войдетъ въ сердце человѣка, то говоритъ съ нимъ о правдѣ, чистотѣ, честности, спокойствіи, о всякомъ благомъ дѣлѣ и о всякой добродѣтели. Когда почувствуешь это въ сердцѣ твоемъ, очевидно, въ тебѣ находится Ангелъ правды. А духъ лукавый острожелченъ, жестокъ и безуменъ. Когда онъ войдетъ въ сердце твое, то узнавай это по дѣламъ его (Ант. Сл. 61).

Внимай себѣ, возлюбленный, говоритъ Исаакъ Сиринъ, и, при непрестанномъ дѣланіи, имѣй предъ глазами и приключающіяся тебѣ скорби, и мѣсто пустыни, въ которой живешь и тонкость ума своего вмѣстѣ съ грубостію своего познанія, и продолжительность безмолвія вмѣстѣ со многими врачевствами, т. е. искушеніями, какія наводятся на тебя то истиннымъ Врачемъ ко здравію внутренняго человѣка, то иногда и бѣсами, и состоятъ иногда въ болѣзняхъ и трудахъ тѣлесныхъ, иногда въ ужасающихъ помышленіяхъ души твоей, и въ страшныхъ напоминаніяхъ о томъ, что будетъ при концѣ; иногда прививаются и обвязываются благодатная

теплота и сладкія слезы и духовная радость и подобное. И теперь, во всѣхъ ли этихъ обстоятельствахъ совершенно видишь, что язва твоя начала поджививать и закрываться, т. е. страсти стали ослабѣвать? Положи примѣту, и непрестанно входи самъ въ себя, и смотри, какія страсти, по твоему замѣчанію, изнемогли предъ тобой, какія истребились, и совершенно оставили тебя, какія начали умолкать вслѣдствіе выздоравливанія души твоей, а не удаленія только того, что возбуждало ихъ, и какія научился ты одолѣвать разумомъ своимъ, а не однимъ лишеніемъ себя причинъ страсти. И еще внимай, совершенно ли видишь, что въ гніющей язвѣ твоей начала наростать живая плоть, т. е. миръ душевный; и какія страсти преслѣдуютъ тебя одна за другою послѣдовательно и стремительно, и чрезъ какой промежутокъ времени; тѣлесныя ли или душевныя это страсти или сложныя и смѣшанныя и проходятъ ли въ памяти только какъ слабыя, или сильно возстаютъ на душу—и какъ возстаютъ—властительски, или, яко тать; какъ смотритъ на нихъ царь-умъ, этотъ властитель чувствъ: вступаетъ ли съ ними въ брань, когда выступятъ впередъ и объявятъ войну, и доводитъ ли ихъ до безсилія своею крѣпостью, или, и видя не видитъ ихъ и вовсе и не занимается ими; и какія остались изъ старыхъ страстей, и какія вновь образовались; притомъ, возникаютъ ли страсти въ живыхъ образахъ, или въ чувствѣ — безъ живыхъ образовъ, и въ памяти — безъ страстнаго движенія, безъ размышленія о нихъ и безъ раздраженія. И по этому можно узнавать мѣру душевнаго здравія (Исаак. Сир. сл. 45, лист. 76 на обор.).

А потому таковый человѣкъ, слѣдуя ученію божественнаго Павла, *принимаетъ вся оружія Божія, да возможетъ противитися въ день лютъ* (Ефес. 6, 13), и сими оружіями, при содѣйствіи благодати Божіей, отражаетъ видимыя приращенія и побѣждаетъ невидимыхъ ратниковъ. Мы видимъ примѣръ таковаго духовнаго бодрствованія въ Іовѣ многострадальномъ, о коемъ св. Церковь воспѣваетъ такъ: *„богатство видѣвъ добродѣтелей Іовлихъ, украсти козниствоваше праведныхъ врагъ, и растерзавъ столбъ тѣлесе, сокровище не украде*

духа: обрѣте бо вооруженну непорочнаго душу“ (Тропарь мая 6-го).

Проходящій путь сей не долженъ внимать посторонним слухамъ, отъ которыхъ голова можетъ быть наполнена праздными и суетными помыслами и воспоминаніями; но долженъ быть внимателенъ къ себѣ.

Особенно на семъ пути наблюдать должно, чтобъ не обращаться на чужія дѣла, не мыслить и не говорить о нихъ, по Псаломнику: *не возглаголютъ уста мои дѣлъ человѣческихъ* (16, 4); а молить Господа: *отъ тайныхъ моихъ очисти мя, и отъ чуждихъ пощади раба Твоего* (Псал. 18, 13, 14).

Чтобъ сохранить вниманіе, надобно уединяться въ себя, по глаголу Господню: *никогоже на пути цѣлуйте* (Лук. 10, 4), т. е. безъ нужды не говорить, развѣ бѣжитъ кто за тобою, чтобъ услышать полезное.

Встрѣчающихся старцевъ или братій поклонами почитать должно, имѣя очи всегда заключенныя.

9. О попеченіи о душѣ.

Человѣкъ по тѣлу подобенъ зажженной свѣчѣ. Свѣча должна сгорѣть, и человѣкъ долженъ умереть. Но душа его безсмертна; потому и попеченіе наше должно относиться болѣе къ душѣ, нежели къ тѣлу: *кая бо польза человѣку, аще міръ весь пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ? или что дастъ человѣкъ измѣну за душу свою* (Матѳ. 16, 26), за которую, какъ извѣстно, ничто въ мірѣ не можетъ быть выкупомъ? Если одна душа сама по себѣ драгоцѣннѣе всего міра и царства мірскаго, то несравненно дороже царство небесное. Душу же почитаемъ драгоцѣннѣе всего по той причинѣ, какъ говоритъ Макарій Великій, что Богъ ни съ чѣмъ не благоволилъ сообщиться и соединиться своимъ духовнымъ естествомъ, ни съ какимъ видимымъ созданіемъ, но съ однимъ человѣкомъ, котораго возлюбилъ болѣе всѣхъ тварей Своихъ (Макар. Велик. Сл. о свободѣ ума. Гл. 32).

Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Кириллъ Александрійскій, Амвросій Медіоланскій и прочіе отъ юности до конца жизни были дѣвственники; вся ихъ жизнь была обращена на попеченіе о душѣ, а не о

тѣлѣ. Такъ и намъ все стараніе должно имѣть о душѣ, тѣло же подкрѣплять для того только, чтобъ оно способствовало къ подкрѣпленію духа.

Если самовольно изнуримъ свое тѣло до того, что изнурится и духъ, то таковое удрученіе будетъ безразсудное, хотя бы сіе дѣлалось для снисканія добродѣтели.

Буде же Господу Богу угодно будетъ, чтобы человѣкъ испыталъ на себѣ болѣзни, то Онъ же подастъ ему и силу терпѣнія.

Итакъ пусть будутъ болѣзни не отъ насъ самихъ, но отъ Бога!

10. О мирѣ душевномъ.

Миръ душевный пріобрѣтается скорбями. Писаніе говоритъ: *проидохомъ сквозь огнь и воду, и извелъ еси ны въ покой* (Псал. 65, 12). Хотящимъ угодить Богу путь лежитъ сквозь многія скорби. Какъ ублажать намъ святыхъ мучениковъ за страданія, которыя претерпѣли они ради Бога, когда мы не можемъ стерпѣть и огневицы?

Ничто такъ не содѣйствуетъ стяжанію внутренняго мира, какъ молчаніе и, сколько возможно, непрестанная бесѣда съ собою и рѣдкая—съ другими.

Ничто же лучше есть во Христѣ мира, въ немъ же разрушается всякая брань воздушныхъ и земныхъ духовъ. Ибо *нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ и ко властемъ и къ міродержителемъ тмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ* (Ефес. 6, 12).

Признакъ духовной жизни есть погруженіе человѣка внутрь себя и сокровенное дѣланіе въ сердцѣ своемъ.

Благодать Божія пріосѣняетъ такого человѣка и онъ бываетъ сперва въ мирномъ устроеніи, а путемъ сего переходитъ и въ премірное: въ мирномъ, то есть, съ совѣстію благою; въ премірномъ же, когда его умъ созерцаетъ въ себѣ благодать Святаго Духа, по слову Божію: *въ мирѣ мѣсто Его* (Псал. 75, 3).

Можно ли, видя солнце чувственными очами, не радоваться? Но сколько радостнѣе бываетъ, когда умъ видитъ внутреннимъ окомъ Солнце правды—Христа? Тогда воистину

радуется онъ радостію Ангельскою. О семъ-то и Апостолъ сказалъ: *наше житіе на небесѣхъ есть* (Филип. 3, 20).

Кто въ мирномъ устроеніи неуклонно ходитъ, тотъ, какъ бы лжицею, черпаетъ духовные дары.

Святые отцы, имѣя мирное устроеніе, и будучи осѣняемы благодатію Божіею, жили долго.

Когда человѣкъ придетъ въ мирное устроеніе, тогда онъ можетъ отъ себя и на другихъ изливать свѣтъ просвѣщенія разума. Прежде сего человѣку надобно повторять сіи слова Анны пророчицы: *да не изыдетъ велерѣчіе изъ устъ вашихъ* (I Цар. 2, 3.), и слова Господни: *лицемѣре, изми первѣе бервно изъ очесе твоего, и тогда узриши изъяти сучецъ изъ очесе брата твоего* (Матѳ. 7. 5).

Сей миръ, какъ нѣкое безцѣнное сокровище, оставилъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ ученикамъ своимъ предъ смертію Своею, глаголя: *миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ* (Іоан. 14, 27). О немъ также говоритъ и Апостолъ: *и миръ Божій превосходяй всякъ умъ да соблюдетъ сердца ваша и разумѣнія ваша о Христѣ Іисусѣ* (Филип. 4, 7); *миръ имѣйте и святыню со всѣми, ихъ же кромѣ никтоже узритъ Господа* (Евр. 12, 14).

Итакъ мы должны всѣ свои мысли, желанія и дѣйствія сосредоточивать къ тому, чтобы получить миръ Божій, и съ Церковію всегда взывать: *Господи, Боже нашъ, миръ даждь намъ* (Ис. 26, 12).

11. О храненіи мира душевнаго.

Надобно всѣми мѣрами стараться, чтобы сохранить душевный миръ и не возмущаться оскорбленіями отъ другихъ; для сего нужно всячески удерживаться отъ гнѣва, и посредствомъ вниманія оберегать умъ и сердце отъ непристойныхъ колебаній.

Оскорбленія отъ другихъ должно переносить равнодушно и пріобучаться къ такому расположенію, какъ бы онѣ не до насъ касались.

Такое упражненіе можетъ доставить нашему сердцу тишину и содѣлать его обителію Самого Бога.

Образъ такого незлобія мы видимъ въ жизни св. Григорія Чудотворца, отъ котораго нѣкая жена блудница всенародно требовала мзды, акибы за грѣхъ съ нею содѣянный; а онъ ни мало не разгнѣвавшись на нее, кротко сказалъ нѣкоему другу своему: *даждь* скоро ей цѣну, колико требуетъ. Жена, только что пріяла неправедную мзду, подверглась нападенію бѣса: Святитель же изгналъ изъ нея и бѣса молитвою (Чет. мин. Ноябр. 17).

Если же невозможно, чтобъ не возмутиться, то по крайней мѣрѣ надобно удерживать языкъ по глаголу Псалмопѣвца: *смятохся и не глаголахъ* (76, 5).

Въ семъ случаѣ мы можемъ взять въ образецъ себѣ св. Спиридона Тримифунтскаго и препод. Ефрема Сирина. Первый (Чет. мин. Декаб. 12) такъ перенесъ оскорбленіе: когда, по требованію греческаго царя, входилъ онъ во дворецъ, то одинъ изъ слугъ, бывшихъ въ палатѣ царской, сочтя его за нищаго, смѣялся надъ нимъ, не пускалъ въ палату, и даже ударилъ его въ ланиту. Св. Спиридонъ, будучи незлобивъ, обратилъ ему по слову Господню и другую (Матѳ. 5, 39).—Преподобный Ефремъ (Чет. мин. Янв. 28), постясь въ пустынѣ, разъ лишенъ былъ пищи такимъ образомъ: ученикъ его, неся пищу, нечаянно разбилъ по дорогѣ сосудъ. Преподобный, увидѣвъ ученика печальнымъ, сказалъ ему: „не скорби, брате; аще бо не восхотѣ пріити къ намъ пища, то мы пойдемъ къ ней“. Итакъ преподобный пошелъ, сѣлъ при сокрушенномъ сосудѣ и, собирая снѣдь, вкушалъ ее. Такъ-то онъ былъ безгнѣвенъ.

А какъ побѣждать гнѣвъ, сему можно поучиться изъ житія Паисія Великаго (Чет. мин. Іюня 19), который просилъ Господа Іисуса Христа, явившагося ему, чтобы Онъ освободилъ его отъ гнѣва. И Спаситель сказалъ ему: *аще хощеши побѣдити гнѣвъ и ярость купно, ничесоже возжелай, ни возненавиди кого, ни уничижи.*

Чтобы сохранить душевный миръ, должно отгонять отъ себя уныніе, и стараться имѣть духъ радостный; по слову премудраго Сираха, *многи печаль уби, и нѣсть пользы въ ней* (Сир. 30, 25).

Для сохраненія мира душевнаго также всячески должно избѣгать осужденія другихъ. Снисхожденіемъ къ брату и молчаніемъ сохраняется миръ душевный. Когда въ такомъ устроеніи бываетъ человѣкъ, то получаетъ божественныя откровенія.

Чтобы не впадать въ осужденія ближнихъ, должно внимать себѣ, ни отъ кого не принимать худыхъ вѣстей и быть ко всему мертвымъ.

Къ сохраненію душевнаго мира надобно чаще входить въ себя и спрашивать: гдѣ я?

При семъ должно наблюдать, чтобы тѣлесныя чувства, особенно зрѣніе, служили внутреннему человѣку, и не развлекали душу чувственными предметами: ибо благодатныя дарованія получаютъ только тѣ, которые имѣютъ внутреннее дѣланіе и бдятъ о душахъ своихъ.

12. О подвигахъ.

Не должно предпринимать подвиговъ сверхъ мѣры, а стараться, чтобы другъ—плоть наша—былъ вѣренъ и способенъ къ творенію добродѣтелей.

Надобно идти среднимъ путемъ, *не уклоняясь ни на десно, ни на шуе* (Притч. 4, 27): духу давать духовное, а тѣлу тѣлесное, потребное для поддержанія временной жизни. Не должно также и общественной жизни отказывать въ томъ, чего она законно требуетъ отъ насъ, по словамъ Писанія: *воздадите Кесарево Кесареви, и Божія Богови* (Матѳ. 22, 21).

Должно снисходить и душѣ своей въ ея немощахъ и несовершенствахъ, и терпѣть свои недостатки, какъ терпимъ недостатки ближнихъ, но не облѣниться и непрестанно побуждать себя къ лучшему.

Употребилъ ли ты много пищи, или сдѣлалъ другое что, сродное слабости человѣческой, не возмущайся, не прибавляй вреда ко вреду; но мужественно подвигнувъ себя къ исправленію, старайся сохранить миръ душевный, по слову Апостола: *блаженъ не осуждаяй себе, о немъ же искушается* (Римл. 14, 22). Тотъ же смыслъ заключаютъ въ себѣ и слова Спасителя: *аще не обратитеся, и будите яко дѣти, не внидете въ царство небесное* (Матѳ. 18, 3).

Тѣло, изможденное трудомъ или болѣзнями, должно подкрѣплять умѣреннымъ сномъ, пищею и питіемъ, не наблюдая даже и времени. Іисусъ Христосъ, тотчасъ по воскресеніи дщери Іаировой отъ смерти, *повелѣлъ дати ей ясти* (Лук. 8, 55).

Всякій успѣхъ въ чемъ либо мы должны относить ко Господу и говорить съ пророкомъ: *не намъ, Господи, не намъ, но имени Твоему даждь славу* (Псал. 113, 9).

Лѣтъ до тридцати пяти, то есть, до преполовенія земной жизни, великъ подвигъ бываетъ человѣку въ сохраненіи себя и многіе въ сіи лѣта не устаиваютъ въ добродѣтели, но совращаются съ праваго пути къ собственнымъ пожеланіямъ, какъ о семъ Св. Василій Великій свидѣтельствуетъ (Бесѣд. на начал. Притч. стр. 305): многіе много собрали въ юности, но посредѣ житія бывши, воставшимъ на нихъ искушеніямъ отъ духовъ лукавствія, не стерпѣли волненія, и всего того лишились.

Чтобы не испытать такого превращенія, надобно поставить себя какъ на мѣрилѣ испытанія и внимательно наблюдать всю жизнь за собою, по ученію св. Исаака Сирина: якоже на мѣрилѣ приличествуетъ извѣсити коемуждо жительство свое (Сл. 40).

13. О свѣтѣ Христовомъ.

Дабы принять и ощутить въ сердцѣ своемъ свѣтъ Христовъ, надобно, сколько можно, отвлечь себя отъ видимыхъ предметовъ. Предочистивъ душу покаяніемъ и добрыми дѣлами, при искренней вѣрѣ въ Распятаго, закрывъ тѣлесныя очи, должно погрузить умъ внутрь сердца и вопіять, непрестанно призывая имя Господа нашего Іисуса Христа. Тогда, по мѣрѣ усердія и горячности духа къ возлюбленному (Лук. 3, 22), человѣкъ въ призываемомъ имени находитъ услажденіе, которое возбуждаетъ желаніе искать высшаго просвѣщенія.

Когда умъ съ такимъ упражненіемъ долго пребудетъ, укоснитъ сердце, тогда возсіяетъ свѣтъ Христовъ, освѣщая храмину души божественнымъ сіяніемъ, какъ говоритъ отъ лица Бога св. пророкъ Малахія: *и возсіяетъ вамъ, боящимся*

имени Моего солнце правды (4, 2). Сей свѣтъ есть купно и жизнь, по Евангельскому слову: *въ Томъ животъ бѣ, и животъ бѣ свѣтъ человѣкомъ* (Іоан. 1, 4).

Когда человѣкъ созерцаетъ внутренно свѣтъ вѣчный, тогда умъ его бываетъ чистъ и не имѣетъ въ себѣ никакихъ чувственныхъ представленій, но, весь будучи углубленъ въ созерцаніе несозданной доброты, забываетъ все чувственное, не хочетъ зрѣть и себя, но желаетъ скрыться въ сердцѣ земли, только бы не лишиться сего истиннаго блага—Бога.

14. О слезахъ.

Всѣ святые и міра отрекшіеся иноки всю жизнь свою плакали, въ чаяніи вѣчнаго утѣшенія, по увѣренію Спасителя міра: *блажени плачущіи, яко тіи утѣшатся* (Матѳ. 5, 4).

Такъ и мы должны плакать объ оставленіи грѣховъ своихъ. Къ сему да убѣдятъ насъ слова порфироноснаго Пророка: *ходящіи хождаху и плакахуся, метающе сѣмена своя: грядуще же пріидутъ радостію, вземлюще рукояти своя* (Псал. 125, 6); и слова Исаака Сирина: умочи ланитѣ твои плачемъ очію твоею, да почіетъ на тебѣ Святый Духъ, и омыетъ тя отъ скверны злобы твоея. Умилостиви Господа твоего слезами, да пріидетъ къ тебѣ (Сл. 68, объ отреченіи отъ мира).

Когда мы плачемъ въ молитвѣ, и къ слезамъ примѣшивается смѣхъ, то это—отъ діавольской хитрости. Трудно постигнуть тайныя и тонкія дѣйствія врага нашего.

У кого текутъ слезы умиленія, у того сердце озаряется лучами Солнца правды—Христа Бога.

15. О покаяніи.

Желающему спастися всегда должно имѣть сердце расположенное къ покаянію и сокрушенное: *жертва Богу духъ сокрушенъ, сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ* (Псал. 50, 19).

Въ такомъ сокрушеніи духа человѣкъ съ легкостію можетъ безбѣдно проходить хитрыя козни діавола, коего всѣ силы направлены къ тому, чтобы возмутить духъ человѣка и въ возмущеніи посѣять свои плевелы, по словеси Еван-

гельскому: *Господи, не доброе ли сѣмя сѣялъ еси на селѣ Твоемъ? откуду убо плевелы? Онъ же речь: врагъ человѣкъ сіе сотвори* (Матѳ. 13, 28).

Когда же человѣкъ старается имѣть сердце смиренное и мысль сохранить въ мирѣ, тогда всѣ козни вражіи бываютъ бездѣйственны; ибо гдѣ миръ помысловъ, тамъ почиваетъ Самъ Богъ: *въ мирѣ*, сказано, *мѣсто Его* (Псал. 75. 3).

Начало покаянія зараждается отъ страха Божія и вниманія къ себѣ, какъ говоритъ св. мученикъ Вонифатій (Чет. мин. Дек. 19): страхъ Божій есть отецъ вниманія, а вниманіе—матерь внутренняго покоя. Страхъ Господень пробуждаетъ спящую совѣсть, которая дѣлаетъ то, что душа, какъ въ нѣкоей водѣ чистой и невозмущенной, видитъ свою некрасоту, и такъ рождаются начатки и разрастаются корни покаянія.

Мы всю жизнь грѣхопаденіями своими оскорбляемъ величество Божіе; а потому и должны всегда со смиреніемъ просить у Господа оставленія долговъ нашихъ.

Можно ли облагодатствованному человѣку по паденіи возстать чрезъ покаяніе?

Можно, по Псаломнику: *превратихся пасти и Господь пріятъ мя* (Псал. 117, 13). Когда св. пророкъ Нафанъ обличилъ Давида въ грѣхѣ его, то онъ покаявшись тутъ же получилъ прощеніе (2 Цар. 12, 13).

Къ сему примѣромъ служитъ и одинъ пустынникъ, который, пошедши за водой, при источникѣ палъ въ грѣхъ. Но возвратившись въ келію, онъ созналь свое согрѣшеніе, и паки началъ проводить жизнь подвижническую, какъ прежде. Врагъ смущалъ его, представляя ему тяжесть грѣха, отрицая возможность прощенія и стараясь отвлечь его отъ подвижнической жизни. Но воинъ Христовъ устоялъ на своемъ пути. О семъ случаѣ Богъ открылъ нѣкоему блаженному отцу, и велѣлъ брата падшаго въ грѣхъ ублажить за таковую побѣду надъ діаволомъ.

Когда мы искренно каемся во грѣхахъ нашихъ и обращаемся ко Господу нашему Іисусу Христу всѣмъ сердцемъ нашимъ, Онъ радуется намъ, учреждаетъ праздникъ и созы-

ваетъ на него любезныя Ему Силы, показывая имъ драхму, которую Онъ обрѣлъ паки, т. е. царскій образъ Свой и подобіе. Возложивъ на рамена заблудшую овцу, Онъ приводитъ ее ко Отцу Своему. Въ жилищѣ всѣхъ веселящихся Богъ водворяетъ и душу покаявшагося вмѣстѣ съ тѣми, которые не отбѣгали отъ Него.

Итакъ, не вознерадимъ обращаться къ благоутробному Владыкѣ нашему скоро, и не предадимся безпечности и отчаянію, ради тяжкихъ и безчисленныхъ грѣховъ нашихъ. Отчаяніе есть совершеннѣйшая радость діаволу. Оно есть грѣхъ къ смерти, какъ гласитъ Писаніе (1 Іоан. 5, 16. Ант. Сл. 77). „Аще не предашься унынію и нерадѣнію, говоритъ Варсонофій, то имаши почудитися и прославити Бога какъ Онъ примѣняетъ тя отъ еже небыти воеже быти (т. е. изъ грѣшника въ праведника, отв. 114).

Покаяніе во грѣхѣ между прочимъ состоитъ въ томъ, чтобы не дѣлать его опять.

Какъ всякой болѣзни есть врачеваніе, такъ и всякому грѣху есть покаяніе.

И такъ несомнѣнно приступай къ покаянію,—и оно будетъ ходатайствовать за тебя предъ Богомъ. Непрестанно твори сію молитву преп. Антіоха: *Дерзая, Владыко, на бездну благоутробія Твоего, приношу Тебѣ отъ скверныхъ устъ и нечистыхъ устенъ молитву сію: помяни, яко призвася на мнѣ имя святое Твое, и искупилъ мя еси цѣною крове Твоея, яко запечатлѣлъ мя еси обрученіемъ Св. Духа Твоего, и возвелъ мя еси отъ глубины беззаконій моихъ, да не похититъ мя врагъ. Іисусе Христе, заступи мя и буди ми помощникъ крѣпкій въ брани, яко рабъ есмь похоти и воюемъ отъ нея. Но Ты, Господи, не остави мя на земли повержена во осужденіи дѣлъ моихъ: свободи мя, Владыко, лукаваго рабства міродержителя и усвой мя въ заповѣдехъ Твоихъ. Путь живота моего, Христе мой, и свѣтъ очей моихъ— лице Твое. Боже, Владыко и Господи, возношенія очей моихъ не даждь ми, и похоть злую отстави отъ мене; заступи мя рукою Твоею святою. Пожеланія и похотствованія да не обымутъ мя, и души безстуднѣй не предаждь мене. Просвѣти во мнѣ свѣтъ лица Твоего, Господи, да не обыметъ мене тма, и ходящіи въ ней да не похитятъ мя. Не предаждь, Господи, звѣремъ неви-*

димымъ душу исповѣдающуюся Тебѣ. Не попусти, Господи, уязвитися рабу Твоему отъ псовъ чуждихъ. Пріятелище Святаго Духа Твоего быти мя сподоби, и домъ Христа Твоего, Отче Святый, созижди мя. Путеводителю заблуждшихъ, путеводствуй мя, да не уклонюся въ шуяя. Лице Твое, Господи, видѣти вождѣлѣхъ. Боже, свѣтомъ лица Твоего путеводи мя. Источникъ слезъ даруй ми, рабу Твоему, и росу Святаго Твоего Духа даждь созданію Твоему, да не изсохну яко смоковница, юже Ты проклялъ еси: и да будутъ слезы питіемъ моимъ, и молитва моя пищею. Обрати, Господи, плачъ мой въ радость мнѣ, и пріими мя въ вѣчныя Твоя скиніи. Да постигнетъ мя милость Твоя, Господи, и щедроты Твоя да объимутъ мя, и отпусти вся грѣхи моя. Ты бо еси Богъ истинный, отпущаяй беззаконія. И не попусти, Господи, посрамитися дѣлу рукъ Твоихъ по множеству беззаконій моихъ, но воззови мя, Владыко, единороднымъ Твоимъ Сыномъ, Спасителемъ нашимъ. И воздвигни мя лежащаго, яко Левію мытаря, и оживотвори мя грѣхми умерщвленнаго, яко сына вдовицы. Ты бо единъ еси воскресеніе мертвыхъ, и Тебѣ слава подобаетъ во вѣки. Аминь. (Ант. Сл. 77).

16. О постѣ.

Постъ состоитъ не въ томъ только, чтобы ѣсть рѣдко, но въ томъ, чтобы ѣсть мало; и не въ томъ, чтобы ѣсть однажды, но въ томъ, чтобы не ѣсть много. Неразуменъ тотъ постникъ, который дожидается опредѣленнаго часа, а въ часъ трапезы весь предается ненасытному вкушенію и тѣломъ и умомъ.

Въ разсужденіи пищи должно наблюдать и то, чтобы не разбирать между снѣдями вкусными и невкусными. Это дѣло свойственное животнымъ, въ разумномъ человѣкѣ недостойно похвалъ. Отказываемся же мы отъ пріятной пищи для того, чтобы усмирить воюющія члены плоти и дать свободу дѣйствіямъ духа.

Истинный постъ состоитъ не въ одномъ изнуреніи плоти, но и въ томъ, чтобы ту часть хлѣба, которую ты самъ хотѣлъ бы съѣсть, отдать алчущему. *Блажени алчущіи, яко тіи насытятся* (Матѳ. 5, 6).

Подвигоположникъ и Спаситель нашъ Господь Іисусъ Христосъ, предъ выступленіемъ на подвигъ искупленія рода человѣческаго, укрѣпилъ Себя продолжительнымъ постомъ. И всѣ подвижники, начиная работать Господу, вооружали себя постомъ и не иначе вступали на путь крестный, какъ въ подвигѣ—поста. Самые успѣхи въ подвижничествѣ измѣряли они успѣхами въ постѣ.

Къ строгому посту святые люди приступали не вдругъ, дѣлаясь постепенно и мало по малу способными довольствоваться самою скудною пищею. Преподобный Дороѳей, пріучая ученика своего Досиѳея къ посту, постепенно отнималъ отъ стола его по малой части, такъ что отъ четырехъ фунтовъ мѣру его ежедневной пищи низвелъ наконецъ до восьми лотовъ хлѣба.

При всемъ томъ святые постники, къ удивленію другихъ, не знали разслабленія, но всегда были бодры, сильны и готовы къ дѣлу. Болѣзни между ними были рѣдки и жизнь ихъ текла чрезвычайно продолжительно.

Въ той мѣрѣ, какъ плоть постящагося становится тонкою и легкою, духовная жизнь приходитъ въ совершенство и открываетъ себя чудными явленіями. Тогда духъ совершаетъ свои дѣйствія какъ бы въ безтѣлесномъ тѣлѣ. Внѣшнія чувства точно закрываются и умъ, отрѣшаясь отъ земли, возносится къ небу и всецѣло погружается въ созерцаніе міра духовнаго.

Однакожъ не всякій сможетъ наложить на себя строгое правило воздержанія во всемъ, или лишить себя всего, что можетъ служить къ облегченію немощей. *Могій же вмѣстити да вмѣститъ* (Матѳ. 19, 12).

Пищи употреблять должно каждый день столько, чтобы тѣло, укрѣпясь, было другомъ и помощникомъ душѣ въ совершеніи добродѣтели: иначе можетъ быть и то, что при изнеможеніи тѣла, и душа ослабѣетъ. По пятницамъ и средамъ, особенно же въ четыре поста, пищу, по примѣру отцевъ, употребляй одинъ разъ въ день,—и Ангелъ Господень прилѣпится къ тебѣ.

17. О храненіи сердца.

Мы непрестанно должны хранить сердце свое отъ непристойныхъ помысловъ и впечатлѣній, по слову Приточника: *всяцѣмъ храненіемъ блюди сердце твое: отъ сихъ бо исходища живота* (4, 23).

Отъ бдительнаго храненія сердца раждается въ немъ чистота, для которой доступно видѣніе Господа, по увѣренію вѣчной Истины: *блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ* (Матѳ. 5, 8).

Что есть лучшаго въ сердцѣ, того мы безъ надобности не должны обнаруживать; ибо тогда только собранное остается въ безопасности отъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ, когда оно какъ сокровище хранится во внутренности сердца. Не всѣмъ открывай тайны сердца твоего.

18. О многословіи.

Одного многословія съ тѣми, которые противныхъ съ нами нравовъ, довольно разстоить внутренность внимательнаго человѣка.

Но всего жалостнѣе то, что отъ сего можетъ погаснуть тотъ огонь, который Господь нашъ Іисусъ Христосъ пришелъ вовреци на землю сердецъ человѣческихъ: ибо ничтоже тако устужаетъ огнь, отъ Св. Духа вдыхаемый въ сердце инока къ освященію души, якоже сообращеніе и многословіе и собесѣдованіе, кромѣ онаго, еже со чады таинъ Божіихъ, еже къ возвращенію разума Его и приближенію (Ис. Сир. Сл. 8).

Особенно же должно хранить себя отъ обращенія съ женскимъ поломъ: ибо, какъ восковая свѣча, хотя и незажженная, но поставленная между зажженными, растаеваетъ, такъ и сердце инока отъ собесѣдованія съ женскимъ поломъ непримѣтно разслабѣваетъ,—о чемъ и св. Исидоръ Пелусіотъ говоритъ такъ: аще (глаголющу Писанію) кія бесѣды злыя тлятъ обычаи благи: то бесѣда съ женами, аще и добра будетъ, обаче сильна есть растлити внутренняго человѣка тайно помыслы скверными, и чисту сущу тѣлу, пребудетъ душа осквернена: что бо твердѣе есть камене; что же воды

мягчае; обаче всегдашнее прилежаніе и естество побѣждаетъ: аще убо естество, едва подвижимое, подвизается, и отъ тоя вещи, юже имать ни во чтоже, страждетъ и умаляется: то како воля человѣческая, яже есть удобь колеблема, отъ обыкновенія долгаго не будетъ побѣждена и превращена (Исидоръ Пелус. письм. 284, и Чет. мин. въ жит. его Февр. 4 дня)?

А потому для сохраненія внутренняго человѣка надобно удержать языкъ отъ многоглаголанія: *мужъ бо мудръ безмолвіе водитъ* (Притч. 11, 12): и *иже хранитъ своя уста, соблюдаетъ свою душу* (13, 3); и помнить слова Іова: *завѣтъ положихъ очима моима, да не помыслю на дѣвицу* (31, 1), и слова Господа Іисуса Христа: *всякъ, иже воззритъ на жену, ко еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ* (Матѳ. 5, 28).

Не выслушавъ прежде другаго отвѣчать не должно: *иже бо отвѣщаетъ слово прежде слышанія, безуміе ему есть и поношеніе* (Притч. 18, 13).

19. О распознаваніи дѣйствій сердечныхъ.

Когда человѣкъ пріиметъ что либо божественное, то радуется въ сердцѣ; а когда діавольское, то входитъ въ смущеніе.

Сердце Христіанское, принявъ что либо Божественное, не требуетъ сторонняго убѣжденія въ томъ, что сіе отъ Господа, но самымъ тѣмъ дѣйствіемъ убѣждается, что воспріятіе его есть небесное; ибо ощущаетъ въ себѣ плоды духовные: *любы*, *радость*, *миръ*, *долготерпѣніе*, *благость*, *милосердіе*, *вѣру*, *кротость*, *воздержаніе* (Галат. 5, 42).

А діаволъ хотя бы преобразился *и въ Ангела свѣтла* (2 Кор. 11, 14), или представлялъ мысли самыя благовидныя, сердце все будетъ чувствовать какую-то неясность, волненіе въ мысляхъ и смятеніе чувствъ. Объясняя сіе, св. Макарій Египетскій говоритъ: „хотя бы (сатана) и свѣтлыя видѣнія представлялъ, благаго обаче дѣйствія подати отнюдь не возможетъ: чрезъ что и извѣстный знакъ его дѣлъ бываетъ (Сл. 4. гл. 13)“.

Итакъ, по разнообразнымъ дѣйствіямъ сердечнымъ человѣкъ можетъ познать, что есть Божественное, и что діавольское, какъ о семъ пишетъ св. Григорій Синаитъ: „отъ дѣйства убо возможешь познать возсіявый свѣтъ въ душѣ твоей, Божій ли есть, или сатанинъ (Доброт. ч. I. л. 96 на обор. О безмолвіи)“.

20. О болѣзняхъ.

Тѣло есть рабъ души, а душа—царица; а потому часто милосердіемъ Божіимъ бываетъ и то, когда тѣло изнуряется болѣзнями: отъ сего ослабѣваютъ страсти и человѣкъ приходитъ въ себя: да и самая болѣзнь тѣлесная раждается иногда отъ страстей.

Отними грѣхъ, и болѣзней не будетъ; ибо онѣ бываютъ въ насъ отъ грѣха, какъ сіе утверждаетъ св. Василій Великій: „откуда недуги? откуда поврежденія тѣлесныя? Господь создалъ тѣло, а не недугъ; душу, а не грѣхъ. Что же паче всего полезно и нужно? Соединеніе съ Богомъ и общеніе съ Нимъ посредствомъ любви. Теряя любовь сію, мы отпадаемъ отъ Него, а отпадая, подвергаемся различнымъ и многообразнымъ недугамъ. (О томъ, что Богъ не есть причина зла, стр. 213)“.

Кто переноситъ болѣзнь съ терпѣніемъ и благодареніемъ, тому вмѣняется она вмѣсто подвига, или даже болѣе.

Одинъ старецъ, страдавшій водяною болѣзнію, говорилъ братіямъ, которые приходили къ нему съ желаніемъ лечить его: „отцы, молитесь, чтобы не подвергся подобной болѣзни мой внутренній человѣкъ: а что касается до настоящей болѣзни, то я прошу Бога о томъ, чтобы Онъ не вдругъ освободилъ меня отъ нея; ибо, поколику *внѣшній нашъ человѣкъ тлѣетъ*, потолику *внутренній обновляется* (2 Кор. 4. 16)“.

21. О милостыни.

Должно быть милостиву къ убогимъ и страннымъ; о семъ много пеклись великіе свѣтильники и отцы Церкви.

Въ отношеніи къ сей добродѣтели мы должны всѣми мѣрами стараться исполнять слѣдующую заповѣдь Божію:

будите милосерди, якоже и Отецъ вашъ милосердъ есть (Лук. 6, 36), также: *милости хощу, а не жертвы* (Матѳ. 9, 13).

Симъ спасительнымъ словамъ мудрые внимаютъ, а неразумные не внимаютъ; оттого и награда будетъ неодинакова, какъ сказано: *сѣющіи скудостію, скудостію и пожнутъ; сѣющіи же о благословеніи, о благословеніи и пожнутъ* (2 Кор. 9, 6).

Примѣръ Петра Хлѣбодара (Чет. мин. Сент. 22), который за кусокъ хлѣба, поданный нищему, получилъ прощеніе во всѣхъ его грѣхахъ, какъ это было показано ему въ видѣніи,—да подвигнетъ насъ къ тому, чтобы и мы были милостивы къ ближнимъ: ибо и малая милостыня много способствуетъ къ полученію царства небеснаго.

Творить милостыню мы должны съ душевнымъ благорасположеніемъ, по ученію св. Исаака Сирина: „аще даси что требующему, да предваритъ даяніе твое веселіе лица твоего, и словесы благими утѣшай скорбь его (Сл. 89)“.

22. О помыслахъ и плотскихъ движеніяхъ.

Мы должны стараться быть свободными отъ помысловъ нечистыхъ, особенно, когда приносимъ молитву Богу. Ибо нѣтъ единенія между смрадомъ и благовоніемъ.

Для сего нужно отражать первое нападеніе грѣховныхъ помысловъ и движеній и разсѣвать ихъ отъ земли сердца нашего. Пока дѣти Вавилонскія, т. е. движенія и помыслы злые еще младенцы, должно разбивать и сокрушать ихъ о камень, который есть Христосъ; особенно же нужно сокрушать слѣдующія три страсти:—чревоугодіе, сребролюбіе и тщеславіе, которыми ухищрялся діаволъ искусить даже Самого Господа нашего Іисуса Христа въ концѣ подвиговъ Его въ пустынѣ.

Діаволъ, какъ левъ, скрываясь въ оградѣ своей (Пс. 9, 30), тайно разставляетъ намъ сѣти нечистыхъ и нечестивыхъ помысловъ. И такъ немедленно, какъ только увидимъ, надобно растрогать ихъ посредствомъ благочестиваго размышленія и молитвы.

Требуется подвигъ и великая бдительность, чтобы во время псалмопѣнія умъ нашъ согласовался съ сердцемъ и устами, дабы въ молитвѣ нашей къ ѳѵміаму не примѣшивалось зловоніе. Ибо Господь гнушается сердцемъ съ нечистыми помыслами. Законъ говоритъ: *не ори юнцемъ и ослятемъ* (Второз. 22, 10), т. е. съ помысломъ чистымъ и нечистымъ не приноси молитвы.

Будемъ подражать Давиду, который говоритъ: *во утрія избивахъ вся грѣшныя земли, еже потребити отъ града Господня вся дѣлающая беззаконіе* (Пс. 100, 8). Закономъ запрещено было нечистому входить въ домъ Господа. Домъ сей—мы, и Іерусалимъ внутрь насъ. Грѣшные земли суть кроющіеся въ сердцѣ нашемъ зміевидные помыслы. Будемъ и мы съ нимъ взывать ко Господу: *устрой душу мою отъ злодѣйства ихъ* (Пс. 34, 17); *расточи языки, хотящыя бранемъ* (Псал. 67, 31), дабы и намъ услышать: *въ скорби призвалъ Мя еси, и избавихъ тя* (Псал. 80, 8).

Будемъ непрестанно, день и ночь, со слезами повергать себя предъ лицемъ благости Божіей, да очиститъ Онъ сердца наши отъ всякаго злаго помышленія, чтобы мы достойно могли проходить путь званія нашего и чистыми руками приносить Ему дары служенія нашего.

Ежели мы не согласны со влагаемыми отъ діавола злыми помышленіями, то мы добро творимъ.

Нечистый духъ только на страстныхъ имѣетъ сильное вліяніе; а къ очистившимся отъ страстей приражается лишь со стороны, или внѣшно.

Человѣку въ молодыхъ лѣтахъ не можно не возмущаться отъ плотскихъ помысловъ. Но должно молиться Господу Богу, да потухнетъ искра порочныхъ страстей при самомъ началѣ. Тогда не усилится пламень.

23. О терпѣніи и смиреніи.

Надобно всегда терпѣть и все, чтобы ни случилось, Бога ради, съ благодарностію.

Наша жизнь—одна минута въ сравненіи съ вѣчностію; и потому *недостойны*, по Апостолу, *страсти нынѣшняго времене къ хотящей славѣ явитися въ насъ* (Римл. 8, 18).

Въ молчаніи переноси, когда оскорбляетъ тебя врагъ, и единому Господу открывай тогда свое сердце.

Кто унижаетъ или отнимаетъ твою честь, всѣми мѣрами старайся простить ему, по слову Евангелія: *отъ взимающаго твоя, не истязуй* (Лук. 6, 30).

Когда люди поносятъ насъ, то мы должны считать себя недостойными похвалы, представляя, что ежели бы мы были достойны, то всѣ кланялись бы намъ.

Мы всегда и предъ всѣми должны уничижать себя, слѣдуя ученію св. Исаака Сирина: „уничижи себе, и узришь славу Божію въ себѣ (Слово 57)“.

Итакъ, возлюбимъ смиреніе, узримъ славу Божію; идѣже бо истекаетъ смиреніе, тамо слава Божія источается.

Несущу свѣту, вся мрачна: такъ и безъ смиренія ничего нѣтъ въ человѣкѣ, какъ только одна тма.

Какъ воскъ, не разогрѣтый и не размягченный, не можетъ принять налагаемой на него печати, такъ и душа, не искушенная трудами и немощами, не можетъ принять на себя печати добродѣтели Божіей. Когда діаволъ оставилъ Господа, тогда приступили Ангелы и служили Ему (Матѳ. 4, 11). Такъ, если во время искушеній нѣсколько отходятъ отъ насъ Ангелы Божіи, то не далеко, и скоро приступаютъ и служатъ намъ Божественными помышленіями, умиленіемъ, услажденіемъ, терпѣніемъ. Душа, потрудившись, стяжаваетъ и прочія совершенства. Почему св. пр. Исаія говоритъ: *терпящіи Господа измѣнятъ крѣпость, окрылатѣютъ, аки орли, потекутъ и не утрудятся, пойдутъ, и не взалчутъ* (Ис. 40, 31).

Такъ терпѣлъ и кротчайшій Давидъ: ибо, когда Семей поносилъ его и металъ на него камни, говоря: *изыди мужу беззаконный*,—онъ не сердился; и когда Авесса вознегодовавъ на сіе, сказалъ ему: *почто проклинаетъ песъ умершій сей Господина моего Царя?* онъ запретилъ ему, говоря: *оставите его, и тако да проклинаетъ мя*, ибо Господь увидитъ и воздастъ мнѣ благое (2 Цар. 16, 7—12). Почему послѣ и воспѣлъ: *терпя потерпѣхъ Господа, и внятъ ми, и услыша молитву мою* (Псал. 39, 2).

Сосуды скудельничи искушаетъ пещь: и искушеніе человѣческое въ помышленіяхъ его (Сир. 27, 5). *Но горе вамъ погубльшимъ терпѣніе! и что сотворите, егда посѣтитъ Господь* (2, 14)?

Какъ чадолюбивый отецъ, когда видитъ, что сынъ его живетъ безпорядочно, наказываетъ его; а когда увидитъ, что онъ малодушенъ, и наказаніе сноситъ съ трудомъ, тогда утѣшаетъ: такъ поступаетъ съ нами и благій Господь и Отецъ нашъ, употребляя все для нашей пользы, какъ утѣшенія, такъ и наказанія, по своему человѣколюбію. И потому мы, находясь въ скорбяхъ, какъ дѣти благопокорливыя, должны благодарить Бога. Ибо если станемъ благодарить Его только въ благополучіи, то подобны будемъ неблагодарнымъ іудеямъ, которые, насытившись чудной трапезы въ пустынѣ, говорили, что Христосъ воистину есть Пророкъ, хотѣли взять его и сдѣлать царемъ; а когда Онъ сказалъ имъ: *дѣлайте не брашно гиблющее, но брашно пребывающее въ животъ вѣчный*, тогда говорили Ему: *кое убо Ты твориши знаменіе? Отцы наши ядоша манну въ пустыни* (Іоан. 6, 31). Прямо на такихъ падаетъ слово: *исповѣстся Тебѣ, егда благо сотвориши ему*,—и таковый *даже до вѣка не узритъ свѣта* (Пс. 48, 19, 20).

Посему Апостолъ Іаковъ учитъ насъ: *всяку радость имѣйте, братія моя, егда во искушенія впадаете различна, вѣдяще, яко искушеніе вашея вѣры содѣлываетъ терпѣніе: терпѣніе же дѣло совершенно да иматъ*, и прибавляетъ: *блаженъ мужъ, иже претерпитъ искушеніе: зане искусенъ бывъ пріиметъ вѣнецъ жизни* (Іак. I, 2—4, 12).

24. О должностяхъ и любви къ ближнимъ.

Съ ближними надобно обходиться ласково, не дѣлая даже и видовъ оскорбленія.

Когда мы отвращаемся отъ человѣка, или оскорбляемъ его, тогда на сердцѣ нашемъ какъ бы камень ложится.

Духъ смущеннаго или унывающаго человѣка надобно стараться ободрить словомъ любви.

Брату грѣшащу, покрой его, какъ совѣтуетъ св. Исаакъ Сиринъ (Сл. 89): „простри ризу твою надъ согрѣшающимъ и покрой его“.

Всѣ мы требуемъ милости Божіей, какъ Церковь поетъ: *аще не Господь бы былъ въ насъ, кто доволенъ цѣлъ сохраненъ быти отъ врага, купно и человѣкоубійцы!*

Мы, въ отношеніи къ ближнимъ, должны быть, какъ словомъ, такъ и мыслію, чисты и ко всѣмъ равны; иначе жизнь нашу сдѣлаемъ безполезною.

Мы должны любить ближняго не менѣе, какъ самихъ себя, по заповѣди Господней: *возлюбиши ближняго твоего, яко самъ себѣ* (Лук. 10, 27). Но не такъ, чтобъ любовь къ ближнимъ, выходя изъ границъ умѣренности, отвлекала насъ отъ исполненія первой и главной заповѣди, т. е. любви Божіей, какъ о семъ поучаетъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ: *иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣстъ Мене достоинъ: и иже любитъ сына или дщерь паче Мене нѣстъ Мене достоинъ* (Матѳ. 10, 37). О семъ предметѣ весьма хорошо разсуждаетъ св. Димитрій Ростовскій (Част. 2. поуч. 2. лист. 165): „тамъ видна неправдивая къ Богу въ Христіанскомъ человѣкѣ любовь, гдѣ тварь съ Творцемъ сравнивается: а тамъ видна правдивая любовь, гдѣ одинъ Создатель паче всего созданія любится и предпочитается.

25. О неосужденіи ближняго и о прощеніи обидъ.

Не должно судить никого, хотя бы собственными очами видѣлъ кого согрѣшающимъ, или коснѣющимъ въ преступленіи заповѣдей Божіихъ, по слову Божію: *не судите, да не судимы будете* (Матѳ. 7, 1); *ты кто еси, судяй чуждему рабу? своему Господеви стоитъ или падаетъ, станетъ же: силенъ бо есть Богъ поставити его.* (Рим. 14. 4).

Гораздо лучше всегда приводить себѣ на память сіи Апостольскія слова: *мняйся стояти, да блюдется, да не падетъ* (I Кор. 10, 12).

Ибо неизвѣстно, сколько времени мы можемъ пребывать въ добродѣтели, какъ говоритъ пророкъ, опытомъ сіе дознавшій: *рѣхъ въ обиліи моемъ: не подвижуся во вѣкъ.*

Отвратилъ же еси лице Твое, и быхъ смущенъ (Псал. 29, 7, 8).

За обиду, какова бы она ни была, не должно отмщать, но напротивъ прощать обидчика отъ сердца, хотя бы оно и противилось сему, и склонять его убѣжденіемъ слова Божія: *аще не отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ небесный отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ* (Матѳ. 6, 15); *молитеся за творящихъ вамъ напасть* (Матѳ. 5, 44).

Не должно питать въ сердцѣ злобы или ненависти къ ближнему—враждующему, но должно любить его, и, сколько можно, творить ему добро, слѣдуя ученію Господа нашего Іисуса Христа: *любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ* (Матѳ. 5, 44).

Итакъ, если мы будемъ, сколько есть силъ, стараться все сіе исполнять, то можемъ надѣяться, что въ сердцахъ нашихъ возсіяетъ свѣтъ Божественный, озаряющій намъ путь къ горнему Іерусалиму.

Поревнуемъ возлюбленнымъ Божіимъ: поревнуемъ кротости Давида, о которомъ преблагій и любоблагій Господь сказалъ: *нашелъ Я мужа по сердцу Моему, который исполнитъ всѣ хотѣнія Мои*. Такъ Онъ говоритъ о Давидѣ незлопамятномъ и добромъ ко врагамъ своимъ. И мы не будемъ дѣлать ничего въ отмщеніе брату нашему, дабы какъ говоритъ преп. Антіохъ, не было остановки во время молитвы. Законъ велитъ заботиться объ ослѣ врага (Исх. 23, 5). Объ Іовѣ свидѣтельствовалъ Богъ, какъ о человѣкѣ незлобивомъ (Іов. 2, 3); Іосифъ не мстилъ братіямъ, которые умыслили на него зло; Авель въ простотѣ и безъ подозрѣнія пошелъ съ братомъ своимъ Каиномъ. По свидѣтельству слова Божія, святые всѣ жили въ незлобіи. Іеремія, бесѣдуя съ Богомъ (Іер. 18. 20), говоритъ о гнавшемъ его Израилѣ: *егда воздаются злая за благая? Помяни стоящаго мя предъ Тобою, еже глаголати за нихъ благая* (Ант. сл. 52).

Богъ заповѣдалъ намъ вражду только противъ змія, т. е. противъ того, кто изначала обольстилъ человѣка и изгналъ изъ рая—противъ человѣкоубійцы—діавола. Повелѣно намъ враждовать и противъ Мадіанитянъ, т. е. противъ нечистыхъ

духовъ блуда и студодѣянія, которые сѣютъ въ сердцѣ нечистые и скверные помыслы.

Предѣлъ добродѣтели и мудрости есть безхитростное дѣйствіе съ разумомъ.

Отчего мы осуждаемъ братій своихъ? Отъ того, что не стараемся познать самихъ себя. Кто занятъ познаніемъ самого себя, тому некогда замѣчать за другими. Осуждай себя, и перестанешь осуждать другихъ.

Осуждай дурное дѣло, а самого дѣлающаго не осуждай.

Самихъ себя должно намъ считать грѣшнѣйшими всѣхъ, и всякое дурное дѣло прощать ближнему, а ненавидѣть только діавола, который прельстилъ его. Случается же, что намъ кажется, другой дѣлаетъ худо, а въ самомъ дѣлѣ, по благому намѣренію дѣлающаго, это хорошо. Притомъ дверь покаянія всѣмъ отверста, и неизвѣстно, кто прежде войдетъ въ нее—ты ли осуждающій, или осуждаемый тобою.

Если осуждаешь ближняго, учитъ преп. Антіохъ, то вмѣстѣ съ нимъ и ты осуждаешься въ томъ же, въ чемъ его осуждаешь. Судить или осуждать не намъ надлежитъ, но единому Богу и Великому Судіѣ, вѣдущему сердца наша и сокровенныя страсти естества (Ант. Сл. 49).

Итакъ, возлюбленные, не будемъ наблюдать за чужими грѣхами и осуждать другихъ, чтобы не услышать: *сынове человѣчестіи, зубы ихъ оружія и стрѣлы, и языкъ ихъ мечъ остръ* (Псал. 56, 5).

Ибо когда Господь оставитъ человѣка самому себѣ, тогда діаволъ готовъ стереть его, яко мельничный жерновъ зерно пшеничное.

26. Противъ излишней попечительности.

Излишнее попеченіе о вещахъ житейскихъ свойственно человѣку невѣрующему и малодушному. И горе намъ, если мы, заботясь сами о себѣ, не утверждаемся надеждою нашею въ Богѣ, пекущемся о насъ! Если видимыхъ благъ, которыми въ настоящемъ вѣкѣ пользуемся, не относимъ къ Нему, то какъ можемъ ожидать отъ Него тѣхъ благъ, которыя обѣщаны въ будущемъ? Не будемъ такими маловѣрными, а

лучше будемъ *искать прежде царствія Божія, и сія вся приложатся намъ*, по слову Спасителя (Матѳ. 6, 33).

Лучше для насъ презирать то, что не наше, т. е. временное и преходящее и желать нашего, т. е. нетлѣнія и безсмертія. Ибо когда будемъ нетлѣнны и безсмертны, тогда удостоимся видимаго богосозерцанія, подобно Апостоламъ при божественнѣйшемъ Преображеніи, и пріобщимся превыше-умнаго единенія съ Богомъ подобно небеснымъ умамъ. *Ибо будемъ подобны Ангеламъ, и сынами Божіими, воскресенія сынове суще* (Лук. 20, 36).

Есть недугъ, говоритъ Екклесіастъ, *егоже видѣхъ подъ солнцемъ, богатство хранимъ отъ стяжателя въ зло ему: и погибнетъ богатство оно въ попеченіи лукавнѣ: вси дніе его во тмѣ, и плачи, и въ ярости мнозѣ, и въ недузѣ, и въ гнѣвѣ* (Еккл. 5, 12, 16).

27. О печали.

Когда злой духъ печали овладѣетъ душею, тогда, наполнивъ ее горестію и непріятностію, не даетъ ей совершать молитву съ должнымъ усердіемъ, мѣшаетъ заниматься чтеніемъ писаній съ надлежащимъ вниманіемъ, лишаетъ ее кротости и благодушія въ обращеніи съ братіями и раждаетъ отвращеніе отъ всякаго собесѣдованія. Ибо душа, исполненная печали, дѣлаясь какъ бы безумною и изступленною, не можетъ спокойно ни принимать благаго совѣта, ни кротко отвѣчать на предлагаемые вопросы. Она убѣгаетъ людей, какъ бы виновниковъ ея смущенія, не понимая, что причина болѣзни внутри ея. Печаль есть червь сердца, грызущій раждающую его мать.

Печальный монахъ не движетъ ума къ созерцанію и никогда не можетъ совершать чистой молитвы.

Кто побѣдилъ страсти, тотъ побѣдилъ и печаль. А побѣжденный страстями не избѣжитъ оковъ печали. Какъ больной видѣнъ по цвѣту лица, такъ обладаемый страстію обличается отъ печали.

Кто любитъ міръ, тому не возможно не печалиться. А презрѣвшій міръ всегда веселъ.

Какъ огонь очищаетъ золото, такъ печаль по Бозѣ очищаетъ грѣховное сердце (Ант. сл. 25).

28. Объ отчаяніи.

Отчаяніе, по ученію св. Іоанна Лѣствичника, раждается или отъ сознанія множества грѣховъ, отчаянія совѣсти и несносной печали, когда душа, множествомъ язвъ покрытая, отъ невыносимой ихъ боли погружается во глубину отчаянія, или отъ гордости и надмѣнія, когда кто почитаетъ себя не заслуживающимъ того грѣха, въ который впалъ. Перваго рода отчаяніе влечетъ человѣка во всѣ пороки безъ разбора, а при отчаяніи втораго рода человѣкъ держится еще своего подвига, что, по словамъ Іоанна Лѣствичника, и не совмѣстно разуму. Первое врачуется воздержаніемъ и благою надеждою, а второе смиреніемъ и неосужденіемъ ближняго (Лѣст. лист. 102, степень 26).

Господь печется о нашемъ спасеніи. Но человѣкоубійца діаволъ старается привести человѣка въ отчаяніе.

Душа высокая и твердая не отчаявается при несчастіяхъ, каковы бы они ни были. Іуда предатель былъ малодушенъ и не искусенъ въ брани, и потому врагъ, видя его отчаяніе, напалъ на него и обольстилъ его удавиться: но Петръ— твердый камень, когда впалъ въ грѣхъ, какъ искусный въ брани, не отчаялся и не потерялъ духа, но пролилъ горькія слезы отъ горячаго сердца, и врагъ, увидя ихъ, какъ огнемъ палимый въ глаза, далеко убѣжалъ отъ него съ болѣзненнымъ воплемъ.

Итакъ, братія, учитъ пр. Антіохъ, когда отчаяніе будетъ нападать на насъ, не покоримся ему, но, укрѣпляясь и ограждаясь свѣтомъ вѣры, съ великимъ мужествомъ скажемъ лукавому духу: „что намъ и тебѣ, отчужденный отъ Бога, бѣглецъ съ небесъ и рабъ лукавый? Ты не смѣешь сдѣлать намъ ничего. Христосъ, Сынъ Божій, власть имѣетъ и надъ нами и надъ всѣмъ. Ему согрѣшили мы, Ему и оправдаемся. А ты, пагубный, удались отъ насъ. Укрѣпляемые честнымъ Его крестомъ, мы попираемъ твою зміиную главу

(Ант. сл. 27). И съ умиленіемъ будемъ молиться ко Господу: *Владыко Господи небесе и земли, Царю вѣковъ! благоволи отверсти мнѣ дверь покаянія, ибо я въ болѣзни сердца молю Тебя истиннаго Бога, Отца Господа нашего Іисуса Христа, свѣта міру, призри многимъ Твоимъ благоутробіемъ и пріими моленіе мое; не отврати его, но прости мнѣ, впадшему во многія прегрѣшенія. Приклони ухо Твое къ моленію моему, и прости мнѣ все злое, которое содѣлалъ я, побѣжденный моимъ произволеніемъ. Ибо ищу покоя, и не обрѣтаю, потому что совѣсть моя не прощаетъ меня. Жду мира, и нѣтъ во мнѣ мира, по причинѣ глубокаго множества беззаконій моихъ. Услыши Господи, сердце вопіющее къ Тебѣ, не посмотри на мои злыя дѣла, но призри на болѣзнь души моей и поспѣши уврачевать меня, жестоко уязвленнаго. Дай мнѣ время покаянія ради благодати человѣколюбія Твоего и избавь меня отъ безчестныхъ дѣлъ, и не возмѣрь мнѣ по правдѣ Твоей и не воздай мнѣ достойное по дѣламъ моимъ, чтобы мнѣ не погибнуть совершенно. Услыши, Господи, меня, въ отчаяніи находящагося. Ибо я, лишенный всякой готовности и всякой мысли ко исправленію себя, припадаю къ щедротамъ Твоимъ: помилуй меня, поверженнаго на землю и осужденнаго за грѣхи мои. Воззови меня, Владыко, плѣненнаго и содержимаго моими злыми дѣяніями и какъ бы цѣпями связаннаго. Ибо Ты Единъ вѣдаешь разрѣшать узниковъ, врачевать раны, никому не извѣстныя, которыя знаешь только Ты, вѣдущій сокровенное. И потому во всѣхъ моихъ злыхъ болѣзняхъ призываю только Тебя—врача всѣхъ страждущихъ, дверь рыдающихъ внѣ, путь заблудившихся, свѣтъ омраченныхъ, искупителя заключенныхъ, всегда сокращающаго десницу Свою и удерживающаго гнѣвъ Свой, уготованный на грѣшниковъ, но ради великаго человѣколюбія, дающаго время покаянію. Возсіяй мнѣ свѣтъ лица Твоего, Владыко, тяжко падшему, скорый въ милости и медленный въ наказаніи. И твоимъ благоутробіемъ простри мнѣ руку и возставь меня изъ рова беззаконій моихъ. Ибо Ты Единъ Богъ нашъ, не веселящійся о погибели грѣшниковъ и не отвращающій лица Своего отъ молящагося къ Тебѣ со слезами. Услыши, Господи, гласъ раба Твоего, вопіющаго къ Тебѣ, и яви свѣтъ Твой на мнѣ, лишенномъ свѣта, и даруй мнѣ благодать, чтобы я, не имѣющій никакой надежды, всегда надѣялся на помощь и силу*

Твою. Обрати, Господи, плачь мой въ радость мнѣ, расторгни вретище и препояшь мене веселіемъ (Псал. 29, 12). *И благоволи, да успокоюсь отъ вечернихъ дѣлъ моихъ, и да получу успокоеніе утреннее, какъ избранные Твои, Господи, отъ которыхъ отбѣжала болѣзнь, печаль и воздыханіе, и да отверзется мнѣ дверь царствія Твоего, дабы, вошедши съ наслаждающимися свѣтомъ лица Твоего, Господи, получить мнѣ жизнь вѣчную во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ. Аминь.*

29. О причинахъ пришествія въ міръ Іисуса Христа.

Причины пришествія въ міръ Іисуса Христа Сына Божія суть:

1. Любовь Божія къ роду человѣческому: *тако бо возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего единороднаго далъ есть* (Іоан. 3, 16).

2. Возстановленіе въ падшемъ человѣкѣ образа и подобія Божія, какъ о семъ воспѣваетъ Св. Церковь (1-й канонъ на Рожд. Госп. пѣснь 1-я): *истлѣвша преступленіемъ, по образу Божію бывшаго, всего тлѣнія суща, лучшія отпадша Божественныя жизни, паки обновляетъ мудрый Содѣтель.*

3. Спасеніе душъ человѣческихъ: *не посла бо Богъ Сына Своего въ міръ, да судитъ мірови, но да спасется Имъ міръ* (Іоан. 3, 17).

Итакъ, мы, слѣдуя цѣли Искупителя нашего Господа Іисуса Христа, должны жизнь свою препровождать согласно его Божественному ученію, дабы чрезъ сіе получить спасеніе душамъ нашимъ.

30. О жизни дѣятельной и умозрительной.

Человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла, а потому и путь жизни его долженъ состоять изъ дѣйствій тѣлесныхъ и душевныхъ—изъ дѣянія и умосозерцанія.

Путь дѣятельной жизни составляютъ: постъ, воздержаніе, бдѣніе, колѣнопреклоненіе, молитва и прочіе тѣлесные подвиги, составляющіе тѣсный путь и прискорбный, который, по слову Божію, *вводитъ въ животъ вѣчный* (Матѳ. 7, 14).

Путь умосозерцательной жизни состоитъ въ возвышеніи ума ко Господу Богу, въ сердечномъ вниманіи, умной молитвѣ и созерцаніи чрезъ таковыя упражненія вещей духовныхъ.

Всякому, желающему проходить жизнь духовную, должно начинать отъ дѣятельной жизни, а потомъ уже приходить и въ умосозерцательную: ибо безъ дѣятельной жизни въ умосозерцательную придти не возможно.

Дѣятельная жизнь служитъ ко очищенію насъ отъ грѣховныхъ страстей, и возводитъ насъ на степень дѣятельнаго совершенства; а тѣмъ самымъ пролагаетъ намъ путь къ умосозерцательной жизни. Ибо одни токмо очистившіеся отъ страстей и совершенные къ оной жизни приступать могутъ, какъ сіе видѣть можно изъ словъ Священнаго Писанія: *блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ* (Матѳ. 5, 8), и изъ словъ св. Григорія Богослова (въ словѣ на Св. Пасху): къ созерцанію могутъ безопасно приступать только совершеннѣйшіе по своей опытности.

Такъ и Церковь, ублажая святителя Николая, воспѣваетъ: молчаньми прежде и бореньми съ помыслы, дѣянію Богомысліе приложилъ еси, Богомысліемъ же разумъ совершенъ стяжалъ еси, имже дерзновенно съ Богомъ и Ангелы бесѣдовалъ еси (Акаѳ. св. Николаю. Конд. 10).

Къ умозрительной жизни приступать должно со страхомъ и трепетомъ, съ сокрушеніемъ сердца и смиреніемъ, со многимъ испытаніемъ Святыхъ Писаній и, если можно найти, подъ руководствомъ какого-либо искуснаго старца, а не съ дерзостію и самочиніемъ: дерзый бо и презорливый, по словамъ Григорія Синаита (О прелести и о иныхъ многихъ предлогахъ. Доброт. Част. I, лист. 951, и на обор.), паче достоинства своего взыскавъ, съ киченіемъ понуждается до того прежде времени доспѣти. И паки: аще мечтаетъ кто мнѣніемъ высокая достигнути, желаніе сатанино, а не истину стяжавъ,—сего діаволъ своими мрежами удобь уловляетъ, яко своего слугу.

Если же не можно найти наставника, могущаго руководствовать къ умосозерцательной жизни: то въ такомъ случаѣ должно руководствоваться Священнымъ Писаніемъ, ибо

Самъ Господь повелѣваетъ намъ учиться отъ Священнаго Писанія, глаголя: *испытайте Писанія, яко вы мните въ нихъ имѣти животъ вѣчный* (Іоан. 5, 39).

Также должно тщательно прочитывать отеческія писанія, и стараться, сколько можно, по силѣ исполнять то чему научаютъ оныя, и такимъ образомъ, мало по малу отъ дѣятельной жизни восходить къ совершенству умосозерцательной.

Ибо, по словамъ св. Григорія Богослова (Слово на Св. Пасху), самое лучшее дѣло, когда мы каждый самъ собою достигаемъ совершенства и приносимъ призывающему насъ Богу жертву живую, святую и всегда и во всемъ освящаемую.

Не должно оставлять дѣятельную жизнь и тогда, когда бы въ ней человѣкъ имѣлъ преспѣяніе и пришелъ бы уже въ умосозерцательную; ибо она содѣйствуетъ умосозерцательной жизни и ее возвышаетъ.

Проходя путь внутренней и умосозерцательной жизни, не должно ослабѣвать и оставлять онаго потому, что люди, прилѣпившіеся ко внѣшности и чувственности, поражаютъ насъ противностію своихъ мнѣній въ самое чувство сердечное, и всячески стараются отвлечь насъ отъ прохожденія внутренняго пути, поставляя намъ на ономъ различныя препятствія: ибо, по мнѣнію Учителей Церковныхъ (Блаж. Ѳеодорита толков. на Пѣснь пѣсней, лист. 84 на обор.), умосозерцаніе вещей духовныхъ предпочитается познанію вещей чувственныхъ.

А потому никакими противностями въ прохожденіи сего пути колебаться не должно, утверждаясь въ семъ случаѣ на словѣ Божіемъ: *страха же ихъ не убоимся, ниже смутимся, яко съ нами Богъ. Господа Бога нашего освятимъ* въ сердечной памяти Его Божественнаго имени, *и Той будетъ намъ въ страхъ* (Ис. 8, 12, 13).

ГЛАВА VII.

Явленіе Божіей Матери о. Серафиму въ 1815-мъ году и окончаніе затвора. Описаніе его келіи. Бесѣды съ приходящими. Посѣщеніе о. Серафима Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ. Примѣры прозорливости. Михаилъ Васильевичъ и Елена Васильевна Мантуровы. Первое исцѣленіе болящаго. Возложеніе о. Серафимомъ подвига самопроизвольной нищеты на М. В. Мантурова. Покупка Мантуровымъ 15-ти десятинъ земли въ Дивѣевѣ по заповѣди о. Серафима. Анна Михайловна—жена Мантурова и страданіе ихъ. Близость Мантурова къ о. Серафиму. Труды Михаила Васильевича въ Дивѣевѣ. Разсказы Анны Михайловны Мантуровой о жизни ихъ въ Дивѣевѣ. Столкновеніе начальницы общинки Ксеніи Михайловны съ Московскимъ Генералъ-губернаторомъ графомъ Закревскимъ и вмѣшательство о. Серафима. Загадочныя порученія, даваемыя батюшкой Михаилу Васильевичу. Странная судьба Елены Васильевны Мантуровой; поѣздка на похороны дѣда, видѣніе въ г. Княжнинѣ и перемѣна въ образѣ ея жизни. Подготовленіе ея о. Серафимомъ къ монашеской жизни; борьба, молитвы и подвиги Елены Васильевны. Переѣздъ ея въ Дивѣево и наставленія о. Серафима. Семейство Мелюковыхъ. Дивный отрокъ Марія Семеновна. Прасковья Семеновна—славная раба Божія и племянница ея Елена Ивановна. Иванъ Семеновичъ Мелюковъ и разсказъ его о батюшкѣ о. Серафимѣ. Ксенія Васильевна Путкова. Священникъ отецъ Василій Никитичъ Садовскій.

Въ 1815 году Господь по новому явленію о. Серафиму Пречистой Матери Своей, повелѣлъ ему не скрывать своего свѣтильника подъ спудомъ и отворивъ двери затвора, быть доступнымъ и видимымъ для каждаго (Изд. Дивѣевск. мон. 1874 г. стр. 22). Поставя себѣ въ примѣръ великаго Илларіона, онъ сталъ принимать всѣхъ безъ исключенія, бесѣдуя и поучая спасенію. Маленькая келья его, освѣщалась всегда

одной только лампадой и возженными у иконъ свѣчами. Она не отапливалась никогда печкой, имѣла два маленькихъ оконца и была всегда завалена мѣшками съ пескомъ и каменьями, служившими ему вмѣсто постели, обрубокъ дерева употреблялся вмѣсто стула, и въ сѣняхъ дубовый гробъ, изготовленный его-же руками. Келія растворялась для всѣхъ братій монастыря во всякое время, для сторонниxъ послѣ ранней обѣдни до 8 ч. вечера.

Теперь жизнь старца приняла новое христіански-общественное направленіе. До сихъ поръ онъ видимо заботился объ одномъ себѣ и о спасеніи души своей. Дѣятельность его о спасеніи ближнихъ исключительно состояла въ моленіи о всемъ мірѣ, о живыхъ и усопшихъ православныхъ христіанахъ. По свойству пустынножительства и затвора, практическая польза и руководство ближнихъ еще не входили въ разрядъ его дѣйствій. До сихъ поръ, духовно работая надъ собою, онъ только готовился выдти на поле общественнаго служенія. Теперь, говоритъ авторъ жизнеописанія Саровскаго изданія, настало такое время, съ котораго о. Серафимъ, ставши въ духовной жизни выше множества христіанъ и чувствуя подкрѣпленіе со стороны благодати Божіей, посвятилъ себя подвигамъ вѣры и душеспасительнаго назиданія и руководства ближнихъ.

Старецъ принималъ къ себѣ всѣхъ охотно, давалъ благословеніе, и каждому, смотря по душевнымъ потребностямъ, дѣлалъ различнаго рода краткія наставленія. Приходящихъ старецъ принималъ такъ: онъ одѣтъ былъ въ обыкновенный бѣлый балахонъ и полумантію; на шеѣ имѣлъ епитрахиль и на рукахъ поручи. Епитрахиль и поручи онъ носилъ на себѣ не всегда при пріемѣ посѣтителей, а въ тѣ лишь дни, когда причащался св. Таинъ, слѣдовательно по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Въ комъ видѣлъ онъ искреннее раскаяніе во грѣхахъ, кто являлъ въ себѣ горячее усердіе къ христіанскому житію, тѣхъ принималъ съ особеннымъ усердіемъ и радостію. Послѣ беседы съ ними, онъ, заставивъ ихъ наклонить голову, возлагалъ на нее конецъ епитрахили и правую руку свою, предлагая произносить за собою слѣдующую покаянную молитву: *„согрѣшилъ я, Господи, согрѣ-*

шилъ душею и тѣломъ, словомъ, дѣломъ, умомъ и помышленіемъ и всѣми моими чувствами: зрѣніемъ, слухомъ, обонянiемъ, вкусомъ, осязаніемъ, волею или неволею, вѣдѣніемъ или невѣдѣніемъ". Самъ затѣмъ произносилъ молитву разрѣшенія отъ грѣховъ: *„Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ, благодатію и щедротами человѣколюбія Своего, да проститъ ти, чадо* (имя его), *вся согрѣшенія твоя: и азъ, недостойный іеромонахъ Серафимъ, властію Его мнѣ данною, прощаю и разрѣшаю тя отъ всѣхъ грѣховъ твоихъ, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь*". При послѣднихъ словахъ онъ благословлялъ наклоненную голову пришедшаго. Старецъ дѣлалъ это по обычаю, доселѣ существующему на Востокѣ между освященными, т. е. имѣющими степень священства, аввами. Получившіе разрѣшеніе чувствовали облегченіе совѣсти и вкушали, несродное земнымъ благамъ, духовное удовольствіе. По окончаніи такого дѣйствія, онъ помазывалъ крестообразно чело пришедшаго елеемъ отъ св. иконы, и если это было ранѣе полудня, слѣдовательно до принятія пищи, давалъ вкушать изъ чаши *великой агіасмы*, т. е. св. богоявленской воды, благословлялъ частицею антидора, либо св. хлѣба, освящаемаго на всенощномъ богослуженіи. Потомъ, цѣлуя пришедшаго въ уста, говорилъ во всякое время: *Христосъ воскресе* и давалъ прикладываться къ образу Божіей Матери или ко кресту, висѣвшему у него на груди. Иногда же, особенно знатнымъ особамъ, онъ совѣтовалъ зайти въ храмъ помолиться Матери Божіей предъ св. иконою Ея успенія или Живоноснаго источника.

Если пришедшій не имѣлъ нужды въ особенныхъ наставленіяхъ, то старецъ дѣлалъ общехристіанское назиданіе. Въ особенности онъ совѣтовалъ всегда имѣть память о Богѣ и для сего непрестанно призывать въ сердцѣ имя Божіе, повторяя молитву Іисусову: *Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго*. „Въ этомъ да будетъ—говорилъ онъ—все твое вниманіе и обученіе! Ходя и сидя, дѣлая и въ церкви до начала богослуженія стоя, входя и исходя, сіе непрестанно содержи на устахъ и въ сердцѣ твоемъ. Съ призываніемъ, такимъ образомъ, имени Божія, ты найдешь покой, достигнешь чистоты духовной и тѣлесной и

вселится въ тебя св. Духъ, источникъ всѣхъ благъ, и управитъ Онъ тебя во святынѣ, во всякомъ благочестіи и чистотѣ".

Изъ частыхъ наставленій отца Серафима было еще: „ради будущаго блаженства стяжите цѣломудріе, храните дѣвство. Дѣва, хранящая свое дѣвство ради любви Христовой, имать честь со Ангелами и есть невѣста Христу: Христосъ есть женихъ ей, вводящій ю въ свой чертогъ небесный. Всякая человѣческая душа есть дѣва; душа же, во грѣхахъ пребывающая, вдова нерадивая, въ сластолюбіи заживо умершая".

Многіе, приходя къ о. Серафиму, жаловались, что они мало молятся Богу, даже оставляютъ необходимыя дневныя молитвы. Иные говорили, что дѣлаютъ это по безграмотству, другіе—по недосугу. О. Серафимъ завѣщавалъ такимъ людямъ слѣдующее молитвенное правило:

„Вставши отъ сна, всякій христіанинъ, ставъ предъ св. иконами, пусть прочитаетъ молитву Господню: *Отче нашъ* трижды; въ честь Пресв. Троицы, потомъ пѣснь Богородицѣ: *Богородице Дѣво радуйся*—также трижды, и наконецъ символъ вѣры: *Вѣрую во единаго Бога*—единожды.

„Совершивъ это правило, всякій христіанинъ пусть занимается своимъ дѣломъ, на которое поставленъ или призванъ. Во время же работы дома, или на пути куда нибудь, пусть читаетъ тихо: *Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго, или грѣшную*; а если окружаютъ его другіе, то, занимаясь дѣломъ, пусть говоритъ умомъ только это: *Господи помилуй* и продолжай до обѣда.

„Предъ самымъ же обѣдомъ пусть совершаетъ вышепоказанное утреннее правило.

„Послѣ обѣда, исполняя свое дѣло, всякій христіанинъ пусть читаетъ также тихо: *Пресвятая Богородице спаси мя грѣшнаго*, и это пусть продолжаетъ до самаго сна.

„Когда случится ему проводить время въ уединеніи, то пусть читаетъ онъ: *Господи Іисусе Христе, Богородицею помилуй мя грѣшнаго, или грѣшную*".

„Отходя же ко сну, всякій христіанинъ пусть опять прочитаетъ вышепоказанное утреннее правило, т. е. трижды *Отче нашъ*, трижды *Богородице* и однажды *Символъ вѣры*.

Послѣ того пусть засыпаетъ, оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ".

Относительно достоинства этого малаго правила о. Серафимъ толковалъ, что, держась его, можно достигнуть мѣры христіанскаго совершенства; ибо означенныя три молитвы—основаніе христіанства: первая—какъ молитва, данная самимъ Господомъ, есть образецъ всѣхъ молитвъ; вторая—принесена съ неба Архангеломъ въ привѣтствіе Дѣвѣ Маріи, Матери Господа. Сѵмволъ же вкратцѣ содержитъ въ себѣ всѣ спасительные догматы Христіанской вѣры".

Если кому невозможно выполнить, какъ бы слѣдовало, и этого малаго правила по обстоятельствамъ благословнымъ, то старецъ совѣтовалъ читать его во всякомъ положеніи: и во время занятій, и на ходьбѣ, и даже на постели, помня слова Господа: всякій, кто только призываетъ имя Господне, *спасется* (Іоил. 2, 32; Римл. 10, 13).

А кто располагаетъ временемъ больше, чѣмъ какое требуется на это правило и, вдобавокъ, онъ человѣкъ грамотный, тотъ пусть къ этому присоединяетъ и другія душеполезныя молитвословія и чтенія, какъ-то: чтеніе нѣсколькихъ зачалъ изъ св. Евангелія и Апостоловъ, чтеніе каноновъ, акаѳистовъ, псалмовъ, и разныхъ другихъ молитвъ. Читая же, пусть благодаритъ онъ Господа со всякимъ смиреніемъ и за то, что имѣлъ время принести Ему въ жертву и еще нѣчто изъ священныхъ плодовъ. Такимъ путемъ христіанинъ мало по малу можетъ подниматься на верхъ христіанскихъ добродѣтелей.

Въ качествѣ посѣтителей къ нему являлись и знатные государственные люди. О. Серафимъ относился къ нимъ съ должною честію и съ христіанскою любовію и, бесѣдуя съ ними въ такомъ духѣ, обращалъ вниманіе на важность ихъ сана, поучая ихъ отсюда быть вѣрными св. Православной церкви, своему природному государю и отечеству. Указывая на знаки отличія, украшающіе грудь ихъ, онъ напоминалъ имъ о Христѣ Іисусѣ, ради спасенія нашего распятомъ на крестѣ, и говорилъ, что знаки сіи должны служить имъ живою проповѣдію о ихъ обязанности: быть всегда готовыми жертвовать всѣмъ, даже, если нужно, самою жизнію для

блага родины и Церкви. Болѣе же всего, по нуждамъ того времени, онъ умолялъ ихъ охранять великую, святую, православную, каѳолическую Церковь, сильно колеблемую и внѣшними бѣдствіями и суетными мудрованіями вѣка. „Этого—говорилъ онъ—ждетъ отъ васъ народъ русскій, къ тому должна побуждать васъ совѣсть, для сего избралъ васъ и возвеличилъ государь, къ этому обязываетъ св. Церковь и Самъ Господь Богъ, ея основатель и хранитель“.

Въ 1825 или 1826 году великій князь Михаилъ Павловичъ, посѣтивъ (инкогнито) Саровскую обитель, въ проѣздъ черезъ Тамбовъ и Пензу, также заходилъ къ старцу Серафиму и принялъ отъ него благословеніе.

Еще гораздо болѣе являлось къ нему простыхъ людей, которые требовали не однихъ совѣтовъ, но подчасъ и помощи. Такъ однажды прибѣжалъ въ обитель простой крестьянинъ съ шапкою въ рукѣ, съ растрепанными волосами, спрашивая, въ отчаяніи, у перваго встрѣчнаго инока: „батюшка! ты, что ли, о. Серафимъ?“ Ему указали о. Серафима. Бросившись туда онъ упалъ къ нему въ ноги и убѣдительно говорилъ: „батюшка! у меня украли лошадь, и я теперь безъ нея совсѣмъ нищій; не знаю чѣмъ кормить буду семью. А говорятъ, ты угадываешь“. О. Серафимъ, ласково взявъ его за голову и приложивъ къ своей, сказалъ: „огради себя молчаніемъ и поспѣши въ *такое-то* (онъ назвалъ его) село. Когда будешь подходить къ нему, свороти съ дороги вправо и пройди задами четыре дома: тамъ ты увидишь калиточку; войди въ нее, отвяжи свою лошадь отъ колоды и выведи молча“. Крестьянинъ тотчасъ съ вѣрою и радостію побѣжалъ обратно, нигдѣ не останавливаясь. Послѣ въ Саровѣ былъ слухъ, что онъ дѣйствительно отыскалъ лошадь въ показанномъ мѣстѣ (Изд. Саровской пус. 1893 г.).

Другой, подобный сему, случай разсказывалъ о. Павелъ, инокъ Саровскій.

„Однажды привелъ я—говорилъ онъ—къ о. Серафиму молодаго крестьянина съ уздою въ рукахъ, плакавшаго о потерѣ своихъ лошадей, и оставилъ ихъ однихъ. Чрезъ нѣсколько же времени, встрѣтивъ опять этого крестьянина,

я спросилъ у него: „ну, что? отыскалъ ли ты своихъ лошадей?“

„Какъ же, батюшка, отыскалъ—отвѣчалъ крестьянинъ.

„Гдѣ и какъ?“ спросилъ я еще его.

А онъ отвѣчалъ: „о. Серафимъ сказалъ мнѣ, чтобы я шелъ на торгъ и тамъ увижу ихъ. Я и вышелъ, и какъ разъ увидалъ и взялъ къ себѣ моихъ лошадокъ“.

Жена управляющаго селомъ Елизарьевымъ, находящимся въ Ардатовскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи, А. И. М. разсказывала слѣдующій случай прозорливости о. Серафима, принадлежащій настоящему времени:

Мужъ мой Н. К. М., лишившись мѣста управляющаго въ селѣ Елизарьевѣ, вскорѣ получилъ такое же мѣсто въ селѣ Череватовѣ, Ардатовскаго же уѣзда, и здѣсь жестоко занемогъ; это было въ 1822 году. Зная мою преданность къ о. Серафиму и его ко мнѣ благоволеніе, онъ послалъ меня къ нему попросить его св. молитвъ и благословенія, и спросить: можетъ ли онъ надѣяться на выздоровленіе или нѣтъ?

Я отправилась въ Саровъ и, по прибытіи моемъ туда, нашла, что о. Серафимъ затворился и никого къ себѣ не принималъ. Не смотря на то, я пробралась, сквозь множество народа, ожидавшаго выхода о. Серафима, къ его кельѣ; и вдругъ старецъ Божій, какъ бы провидя мою крайнюю нужду видѣть его, показался въ дверяхъ своей кельи и, не обращая вниманія на остальной народъ, обратился ко мнѣ и сказалъ: „дочь Агрипина, подойди ко мнѣ скорѣе, потому что тебѣ нужно поспѣшить домой“. Когда я подошла къ нему, онъ, предупреждая слова мои, далъ мнѣ св. воды, антидора, краснаго вина и нѣсколько сухарей и сказалъ: „вотъ, скорѣе вези это къ своему мужу“. Потомъ, взявъ мою руку, онъ положилъ ее къ себѣ на плечо, и давъ осязать бывшій на немъ большой желѣзный крестъ, сказалъ: „вотъ, дочь моя, сперва мнѣ было тяжело носить это, но нынѣ весьма пріятно. Спѣши-же теперь и помни мою тяжесть. Прощай“. Съ этими словами онъ благословилъ меня и ушелъ опять въ свою келью, гдѣ снова затворился и никого къ себѣ не принималъ. По пріѣздѣ домой, я нашла своего мужа при послѣднихъ минутахъ жизни; у него уже отнялся языкъ.

Тогда я вспомнила о крестѣ старца и поняла, что онъ предсказывалъ мнѣ о траурѣ. Едва дала я, по приказанію о. Серафима, больному краснаго вина съ антидоромъ и потомъ св. воды—больной снова заговорилъ и сказалъ: прости меня, св. отецъ, въ послѣдній разъ получаю отъ тебя благословеніе. Послѣ этихъ словъ онъ благословилъ еще дѣтей нашихъ, простился со мною и сказалъ: „велики дѣла о. Серафима“! легъ снова и мирно отошелъ къ Господу“.

Нижегородской губерніи Ардатовскаго уѣзда, въ родовомъ своемъ имѣніи село Нуча, жили сироты братъ съ сестрою, дворяне-помѣщики Михаилъ Васильевичъ и Елена Васильевна Мантуровы. Михаилъ Васильевичъ много лѣтъ служилъ въ Лифляндіи въ военной службѣ и женился тамъ на Лифляндской уроженкѣ Аннѣ Михайловнѣ Эрнцъ, но затѣмъ так сильно заболѣлъ, что принужденъ былъ оставить службу и переѣхать на жительство въ свое имѣніе, село Нуча. Елена Васильевна, гораздо моложе своего брата по годамъ, была веселаго характера и мечтала только о свѣтской жизни и скорѣйшемъ замужествѣ.

Болѣзнь Михаила Васильевича Мантурова имѣла рѣшающее вліяніе на всю жизнь его и самые лучшіе доктора затруднялись опредѣлить ея причину и свойства. Такимъ образомъ, всякая надежда на медицинскую помощь была потеряна и оставалось обратиться за исцѣленіемъ къ Господу и Его святой церкви. Молва о святой жизни батюшки о. Серафима, обѣжавшая уже всю Россію, конечно достигла и села Нучи, лежавшаго всего въ 40 верстахъ отъ Сарова. Когда болѣзнь приняла угрожающіе размѣры, такъ что у Михаила Васильевича выпадали кусочки кости изъ ногъ, онъ рѣшился ѣхать, по совѣту близкихъ и знакомыхъ въ Саровъ къ о. Серафиму. Съ большимъ трудомъ онъ былъ приведенъ крѣпостными людьми своими въ сѣни келіи старца затворника. Когда Михайло Васильевичъ, по обычаю, сотворилъ молитву, батюшка о. Серафимъ вышелъ и милостиво спросилъ его:

— „Что пожаловалъ, посмотрѣть на убогаго Серафима?“ Мантуровъ упалъ ему въ ноги и сталъ слезно просить старца

исцѣлить его отъ ужаснаго недуга. Тогда съ живѣйшимъ участіемъ и отеческою любовію трижды спросилъ его о. Серафимъ: „Вѣруешь ли ты Богу“? И получивъ также трижды въ отвѣтъ самое искреннее, сильное, горячее увѣреніе въ безусловной вѣрѣ въ Бога, великій старецъ сказалъ ему: „Радость моя! если ты такъ вѣруешь, то вѣрь-же и въ то, что вѣрующему все возможно отъ Бога, а потому вѣруй, что и тебя исцѣлитъ Господь, а я убогій Серафимъ—помолюсь.“ Затѣмъ о. Серафимъ посадилъ Михаила Васильевича близъ гроба, стоящаго въ сѣняхъ, а самъ удалился въ келію, откуда спустя немного времени вышелъ, неся съ собою святаго елея. Онъ приказалъ Мантурову раздѣться, обнажить ноги и приготовившись потереть ихъ принесеннымъ святымъ елеемъ, произнесъ: „По данной мнѣ отъ Господа благодати, я перваго тебя врачую!“ О. Серафимъ помазалъ ноги Михаилу Васильевичу и надѣлъ на нихъ чулки изъ посконнаго холста. Послѣ того старецъ вынесъ изъ келіи большое количество сухарей, всыпалъ ему ихъ въ фалды сюртука и приказалъ такъ и идти съ ношею въ монастырскую гостинницу. Михаилъ Васильевичъ вначалѣ исполнилъ приказаніе батюшки не безъ страха, но затѣмъ удостовѣрившись въ совершенномъ съ нимъ чудѣ пришелъ въ невыразимую радость и какой то благоговѣйный ужасъ. Нѣсколько минутъ тому назадъ онъ не былъ въ состояніи взойти въ сѣни къ о. Серафиму безъ посторонней помощи, а тутъ вдругъ по слову святаго старца несъ уже цѣлую груду сухарей, чувствуя себя совершенно здоровымъ, крѣпкимъ и какъ-бы никогда не болѣвшимъ. Въ радости онъ бросился въ ноги о. Серафиму, лобызая ихъ и благодаря за исцѣленіе, но великій старецъ приподнялъ Михаила Васильевича и строго сказалъ: „Развѣ Серафимово дѣло мертвить и живить, низводить во адъ и возводить? что ты батюшка! Это дѣло единаго Господа, Который творитъ волю боящихся Его и молитву ихъ слушаетъ! Господу всемогущему, да Пречистой Его Матери даждь благодареніе!“ Затѣмъ о. Серафимъ отпустилъ Мантурова. (См. записки Мантурова, о. протоіерея Садовскаго и Н. А. Мотовилова).

Прошло нѣкоторое время. Вдругъ Михаилъ Васильевичъ съ ужасомъ вспомнилъ про прошедшую болѣзнь свою, которую онъ уже началъ совершенно забывать и рѣшилъ еще разъ съѣздить къ о. Серафиму, принять его благословеніе. Дорогою Мантуровъ размышлялъ: вѣдь долженъ-же я, какъ сказалъ батюшка, поблагодарить Господа... И только онъ пріѣхалъ въ Саровъ и вошелъ къ о. Серафиму, какъ великій старецъ встрѣтилъ его словами: „Радость моя! а вѣдь мы обѣщались поблагодарить Господа, что Онъ возвратилъ намъ жизнь-то!“ Удивясь прозорливости старца, Михаилъ Васильевичъ отвѣтилъ: „Я не знаю батюшка чѣмъ и какъ; что-же вы прикажете?!“ Тогда о. Серафимъ, взглянувъ на него особеннымъ образомъ, весело сказалъ: „Вотъ, радость моя, все что ни имѣешь отдай Господу и возьми на себя самопроизвольную нищету!“ Смутился Мантуровъ; тысяча мыслей пробѣжали у него въ головѣ въ одинъ мигъ, ибо онъ никакъ не ожидалъ такого предложенія со стороны великаго старца. Ему вспомнился Евангельскій юноша, которому Христосъ предложилъ также добровольную нищету для совершеннаго пути въ Царство небесное... Ему вспомнилось, что онъ не одинъ, имѣетъ молодую жену и что отдавъ все, нечѣмъ будетъ жить... Но прозорливый старецъ, уразумѣвъ мысли его, продолжалъ: „Оставь все и не пекись о томъ, о чемъ ты думаешь; Господь тебя не оставитъ ни въ сей жизни, ни въ будущей; богатъ не будешь, хлѣбъ же насущный все будешь имѣть.“ Горячій, впечатлительный, любящій и готовый, по чистотѣ своей души, исполнить каждую мысль, каждое требованіе столь великаго и святаго старца, котораго онъ видѣлъ всего второй разъ, но любилъ уже безъ сомнѣнія больше всего на свѣтѣ, Михаилъ Васильевичъ тотчасъ отвѣтилъ: „согласенъ, батюшка! Что-же благословите мнѣ сдѣлать?“ Но великій и мудрый старецъ, желая испытать пылкаго Михаила Васильевича отвѣтилъ: „А вотъ, радость моя, помолимся и я укажу тебѣ какъ вразумитъ меня Богъ!“ Послѣ этого они разстались, какъ будущіе друзья и самые вѣрные слуги Дивѣевской обители, избранной Царицею небесною Себѣ въ земной жребій.

По благословенію батюшки о. Серафима Михаилъ Васильевичъ Мантуровъ продалъ свое имѣніе, отпустилъ на свободу крѣпостныхъ людей своихъ и сохранивъ до времени деньги, купилъ только въ селѣ Дивѣевѣ 15-ть десятинъ земли, на указанномъ ему о. Серафимомъ мѣстѣ, съ строжайшею заповѣдію: хранить эту землю, никогда не продавать, никому не отдавать ее, и завѣщать послѣ смерти своей Серафимовой обители. На этой землѣ Михаилъ Васильевичъ поселился съ женою и сталъ терпѣть недостатки. Онъ претерпѣвалъ множество насмѣшекъ отъ знакомыхъ и друзей, а также упрековъ отъ своей жены Анны Михайловны, лютеранки, вовсе не подготовленной къ духовнымъ подвигамъ, молодой женщины, не терпящей бѣдности, весьма нетерпѣливаго и горячаго характера, хотя въ общемъ хорошей и честной особы. Всю жизнь свою, чудесный Михаилъ Васильевичъ Мантуровъ, истинный ученикъ Христовъ, терпѣлъ униженія, за свой евангельскій поступокъ. Но онъ переносилъ все безропотно, молча, терпѣливо, смиренно, кротко, съ благодушіемъ по любви и необычайной вѣрѣ своей къ святому старцу, во всемъ безпрекословно его слушаясь, не дѣлая шага безъ его благословенія, какъ-бы предавъ всего себя и всю жизнь свою въ руки о. Серафима. Неудивительно, что Михаилъ Васильевичъ сталъ наивѣрнѣйшимъ ученикомъ о. Серафима и наиближайшимъ, любимѣйшимъ его другомъ. Батюшка о. Серафимъ говоря о немъ, съ кѣмъ-бы то ни было, не иначе называлъ его, какъ „Мишенька“ и все, все касающееся устройства Дивѣева, поручалъ только ему одному, вслѣдствіе чего всѣ знали это и свято чтили Мантурова, повинуясь ему во всемъ безпрекословно, какъ-бы распорядителю самаго батюшки.

До какой степени доходила нужда и что переживали Мантуровы, неся крестъ добровольной нищеты, можно судить по записанному разсказу самой Анны Михайловны, когда она жила въ Дивѣевѣ вдовою и тайною монахинею. „Часто и почти непрестанно,“ говорила Анна Михайловна, „я роптала и негодовала на покойнаго мужа за произвольную нищету его. Говорю я бывало: ну можно почитать старца, можно любить его и вѣрить ему, да уже не до такой степени...

Михаилъ Васильевичъ все бывало слушаетъ, вздыхаетъ и молчитъ. Меня это еще болѣе раздражало. Такъ вотъ разъ, когда мы до того уже дошли зимою, что не было чѣмъ освѣтить комнату, а вечера длинные, тоскливые, темные, я раздосадовалась, разворчалась, расплакалась безъ удержу, сперва вознегодовала на Михаила Васильевича, потомъ на самого батюшку о. Серафима, начала роптать и жаловаться на горькую судьбу мою. А Михаилъ Васильевичъ все молчитъ, да вздыхаетъ... Вдругъ слышу какой-то трескъ... Смотрю, Господи, страхъ и ужасъ напалъ на меня. Боюсь смотрѣть и глазамъ своимъ не вѣрю... Пустая, безъ масла лампада у образовъ вдругъ освѣтилась бѣлымъ огонькомъ и оказалась полною елея. Тогда я залилась слезами, рыдая и все повторяя: батюшка Серафимъ, угодникъ Божій, прости меня, Христа ради, окаянную, роптунью, недостойную, никогда болѣе не буду! И теперь безъ страха не могу вспомнить этого. Съ тѣхъ поръ я никогда не позволяла себѣ роптать и какъ не трудно бывало, а все терпѣла." (Записки Н. А. Мотовилова и тетрадь № 1 разсказовъ, записанныхъ за монахинями).

О. Серафимъ послѣ исцѣленія М. В. Мантурова, началъ принимать другихъ посѣтителей и вѣрный обѣщанію, данному о. Пахомію не забывалъ Дивѣевской общины. Онъ посылалъ нѣкоторыхъ послушницъ къ начальницѣ Ксеніи Михайловнѣ и ежедневно молясь о нихъ,—получалъ откровенія о будущемъ этой общины, что видно изъ порученій, даваемыхъ имъ Михаилу Васильевичу Мантурову. Послѣдній довольно часто уже ѣздилъ въ Дивѣево. Вскорѣ произошелъ весьма непріятный эпизодъ изъ за наговоровъ управляющаго мѣстнаго помѣщика, знаменитаго генералъ-губернатора г. Москвы, графа Закревскаго. По пріѣздѣ послѣдняго въ свои имѣнія, почему-то управляющему его потребовалось доложить, что Дивѣевская общинка, есть ничто иное, какъ скопище развратныхъ бѣглыхъ дѣвокъ. Графъ Закревскій потребовалъ къ себѣ въ контору почтенную старицу Ксенію Михайловну и не разобравъ ничего, при всѣхъ неслыханно грубо оскорбилъ ее. Михаилъ Васильевичъ въ негодованіи поспѣшилъ разсказать все произошедшее батюшкѣ о. Серафиму. Ста-

рецъ-же поручилъ Михаилу Васильевичу не горячась, и не оскорбляя, кротко объяснить всесильному графу его ошибку, заключающуюся въ превратномъ пониманіи новоустрояющейся во славу Божію общины и выразить ему, что онъ совершенно напрасно оскорбилъ ничѣмъ неповинную Божію старицу; затѣмъ, низко кланяясь графу смиреннѣйше благодарить его за имъ содѣлываемое благодѣяніе этой-же общинкѣ. Всегда буквально и безпрекословно послушный Михаилъ Васильевичъ, дождался пріѣзда вельможи въ Саровъ и по выходѣ его изъ храма, громко при всѣхъ, не боясь силы и славы графа Закревскаго, выразилъ ему все, что приказалъ старецъ и на непозволительно грубыя за то ругательства и угрозы разсерженнаго, всесильнаго генералъ-губернатора, смирилъ себя, подавилъ свое негодованіе, перенесъ молча оскорбленія своего достоинства и всеусерднѣйше кланяясь, благодарилъ его за содѣлываемое имъ благодѣяніе этой-же общинкѣ. Впослѣдствіи подтвердилось и объяснилось предсказаніе о. Серафима. Пріѣхавъ въ Москву графъ Закревскій поднялъ большой шумъ, выразилъ свое негодованіе, по которому было немедленно наряжено два слѣдствія объ общинкѣ: свѣтское и духовное, которыя окончились полнымъ оправданіемъ ея и оффиціальнымъ признаніемъ ея общинкой при Казанской церкви. Хотя она и не получила вполнѣ документальное утвержденіе отъ Епархіи, тѣмъ не менѣе какъ-бы пріобрѣла чрезъ это, законное дозволеніе на свое существованіе.

Протоіерей о. Василій Садовскій пишетъ въ своихъ запискахъ по этому поводу слѣдующее: „матушка Ксенія Михайловна правила 60-ю сестрами цѣлые 43 года. Когда графиня Толстая, проѣздомъ въ свои имѣнія, посѣтила общинку и убѣдилась въ богоугодномъ житіи сестеръ, то, соболѣзнуя убогому ихъ положенію, подарила имъ небольшую полосу своей земли, прилегающую къ землѣ общинки. За это врагъ, нетерпящій богоугоднаго житія сестеръ и водворенія здѣсь обители, воздвигнулъ, по попущенію Божіему, великую на нихъ скорбь и смуту. Ксеніи Михайловнѣ даровано было претерпѣть и понести униженіе, клевету, ради общинки. Вотъ какъ это было: узнавъ о подаренной графи-

нею полосѣ земли, недовольный за то управляющій зятя ея, тогда Московскаго генералъ-губернатора графа Закревскаго, немедля донесъ о томъ своему господину, елико возможно грязно и черно оклеветавъ собраніе сестеръ въ с. Дивѣевѣ и все выставилъ въ совершенно превратномъ видѣ. Почему вѣрующій правдивости его словъ графъ, проѣздомъ въ свои имѣнія, при видѣ ничего не значущей и подошедшей къ нему съ просьбою старицы Ксеніи Михайловны, вскипѣлъ негодованіемъ до самозабвенія и грозно закричалъ: „Ахъ ты старая развратница!“ Осыпавъ ее потокомъ ругательныхъ словъ, графъ велѣлъ вытолкать старицу вонъ, но она, не будучи въ состояніи даже что либо вымолвить, зашаталась и тутъ-же упала замертво, такъ что долго не могли ее привести въ сознаніе...“

„Зная батюшку Серафима за раба Божія и великаго прозорливца, матушка Ксенія Михайловна послѣ этого случая, стала еще строже, суровѣе и часто говорила: „Дитятки, дитятки! Живите вы посмирнѣе; вѣдь батюшка-то Серафимъ сказалъ мнѣ: никакъ тебѣ не обойтись, матушка, хотя и передъ концемъ твоей жизни, а непремѣнно, какъ хочешь, должна будешь ты посидѣть въ темницѣ! Вотъ такъ я и гляжу,—*накличите* вы чего, и засадятъ меня изъ за васъ въ темницу!“

Въ 1823 году однажды потребовалъ къ себѣ батюшка о. Серафимъ Михаила Васильевича и взявъ колышекъ, перекрестился, поцѣловалъ его, то-же самое велѣлъ сдѣлать Мантурову, потомъ поклонился своему Мишенькѣ въ ноги и сказалъ: „ступай ты, батюшка, въ Дивѣево; какъ придешь, стань тамъ напротивъ самаго средняго алтарнаго окна Казанской церкви, отсчитай столько-то шаговъ (число забыто) и какъ отсчитаешь ихъ, батюшка, тутъ будетъ межка; вотъ отъ нее ты еще, батюшка, отсчитай столько-то шаговъ (число забыто) и придетъ пахатная земля; потомъ отсчитай еще столько-то шаговъ (забыто число) и придетъ луговина; тутъ какъ придешь по глазомѣру разсчитай, батюшка, гдѣ придется самая срединка, да въ срединкѣ-то самой, этотъ колышекъ и вбей, чтобы хоть немного, а видно бы его было; вотъ, батюшка, что прошу тебя, сдѣлай это!“ Поѣхалъ Михаилъ

Васильевичъ въ Дивѣево и очутившись на указанномъ батюшкой заглазно мѣстѣ, пришелъ просто въ ужасъ отъ удивленія. Это было только поле и всѣ его шаги сошлись съ батюшкиными размѣрами. Мантуровъ исполнилъ все въ точности и вбилъ колышекъ въ назначенномъ мѣстѣ. Когда Михаилъ Васильевичъ вернулся съ докладомъ къ батюшкѣ, то о. Серафимъ опять молча поклонился ему въ ноги и былъ необыкновенно радостенъ и веселъ. Цѣлый годъ о. Серафимъ ничего не вспоминалъ о колышкѣ и отмѣренномъ полѣ въ Дивѣевѣ, такъ что Михаилъ Васильевичъ ровно ничего не зная и не понимая въ притчѣ великаго старца, порѣшилъ, что о. Серафимъ забылъ уже это. Но вдругъ, батюшка, потребовавъ Михаила Васильевича къ себѣ, далъ ему на этотъ разъ уже четыре небольшихъ колышка, перекрестившись, поцѣловавъ ихъ и заставивъ Мантурова сдѣлать тоже, поклонился ему въ ноги и сказалъ: „теперь, батюшка, сходи опять туда-же въ Дивѣево, на то мѣсто, гдѣ помнишь ты въ прошлый годъ вбилъ колышекъ и тамъ, по равному-же размѣру, по четыремъ угламъ, около большаго-то колышка и вбей эти четыре; а что-бы какъ либо не затерялись они, батюшка, ты возьми камешковъ, да и положи на нихъ по кучкѣ, что-бы послѣ не спутаться, а замѣтно-бы мѣсто ихъ было!“ Исполнивъ въ точности, Мантуровъ вернулся съ докладомъ къ батюшкѣ. О. Серафимъ опять молча, но весело и радостно встрѣтилъ его и поклонился ему въ ноги. Терялся Михаилъ Васильевичъ въ догадкахъ, что это все значило и что должно совершиться, а спросить не осмѣливался. Наконецъ въ 1826-мъ году на этомъ самомъ мѣстѣ возникла мельница питательница Дивѣевскихъ сиротъ.

Сестрѣ Михаила Васильевича, Еленѣ Васильевнѣ въ 1822-мъ году едва минуло 17 лѣтъ и она сдѣлалась невѣстою. Успокоенный съ этой стороны Михаилъ Васильевичъ, не видѣлъ препятствія удалиться отъ міра и служить всецѣло Господу и о. Серафиму. Но жизнь Елены Васильевны какъ-то вдругъ, непонятно-странно измѣнилась. Искренно и горячо любя жениха своего, который ей чрезвычайно нравился, она неожиданно отвергла сама того не понимая: „Не знаю почему, не могу понять“ говорила она брату—

„онъ мнѣ не далъ повода разлюбить себя, но, однако, страшно мнѣ опротивѣлъ!“ Свадьба разстроилась и крайне веселый характеръ ея, любовь къ свѣтской, общественной жизни, молодость, стремленіе къ веселію и забавамъ,—пугало родныхъ и не предвѣщало хорошаго, при семейной ея обстановкѣ. О духовномъ она конечно не имѣла ни малѣйшаго понятія.

Вскорѣ скончался единственный богатый родственникъ Мантуровыхъ, давно изъ виду потерянный, отецъ ихъ матери. Находясь при смерти, дѣдушка чрезъ газеты вызывалъ ихъ къ себѣ, дабы передать имъ свое состояніе. Михаила Васильевича въ то время не было дома, а потому чтобы не замедлить, Еленѣ Васильевнѣ пришлось ѣхать одной съ дворовыми людьми. Не долго думая, она отправилась, но уже не застала дѣда въ живыхъ и присутствовала только на похоронахъ. Потрясенная этимъ несчастіемъ, она заболѣла горячкой и какъ только немного окрѣпла пустилась въ обратный путь. Въ уѣздномъ городѣ Княгининѣ Нижегородской губерніи пришлось остановиться на почтовой станціи и Елена Васильевна вздумала напиться въ ней чаю, для чего послала людей распорядиться, а сама, осталась сидѣть въ каретѣ. Хотя человѣкъ отговаривалъ свою барышню и настаивалъ, чтобы она отдохнула въ почтовой комнатѣ, но Елена Васильевна уступила только, обѣщавъ пить чай на станціи, а пока его приготавливаютъ, осталась сидѣть въ каретѣ. Не смѣя далѣе прекословить своей госпожѣ, люди поспѣшно занялись приготовленіемъ чая и когда пришло время, горничная выслала лакея просить барышню кушать. Едва успѣлъ лакей спуститься по лѣстницѣ на подъѣздъ станціи, какъ вскрикнулъ при видѣ Елены Васильевны и замеръ на мѣстѣ. Она стояла во весь ростъ, совершенно опрокинувшись назадъ, едва держалась конвульсивно за дверцу полуоткрытой кареты и на лицѣ выражался такой ужасъ и страхъ, что немыслимо передать его словами. Нѣмая, съ сильно увеличенными глазами, блѣдная какъ смерть, она уже не могла держаться на ногахъ, казалось еще моментъ, и она упадетъ на землю замертво. Лакей и всѣ сбѣжавшіеся на его крикъ люди, кинулись на помощь

къ Еленѣ Васильевнѣ, бережно взяли ее и внесли въ комнату. Пробовали узнать въ чемъ дѣло, спрашивали ее, но Елена Васильевна лишилась языка и оставалась въ безсознательномъ положеніи или вѣрнѣе въ оцѣпенѣніи отъ охватившаго ее ужаса. Горничная предполагая, что барышня умираетъ, сказала: „не позвать-ли вамъ священника, барышня?“ Послѣ того, какъ она нѣсколько разъ повторила этотъ вопросъ, Елена Васильевна точно начала приходить въ себя и даже съ радостной улыбкой, уцѣпившись за дѣвушку и какъ-бы боясь ее отпустить, прошептала: „да... да...“ Когда явился священникъ, Елена Васильевна была уже въ сознаніи и языкъ и разсудокъ дѣйствовали по прежнему; она исповѣдовалась и причастилась св. Таинъ. Затѣмъ цѣлый день не отпускала отъ себя священника и все еще въ страхѣ держалась за его одежду. Пробывъ такимъ образомъ въ Княгининѣ и успокоясь отъ всего происшедшаго съ нею, Елена Васильевна поѣхала домой, гдѣ и разсказала брату и невѣсткѣ слѣдующее:

— „Оставаясь одна въ каретѣ, я немного вздремнула, и когда открыла глаза, то никого не было по прежнему около меня. Наконецъ вздумала выйти и сама открыла дверцу кареты, но лишь ступила на подножку, невольно почему то взглянула вверхъ и увидѣла я надъ своей головой огромнаго, страшнаго змія. Онъ былъ черенъ и страшно безобразенъ, изъ пасти его выходило пламя и пасть эта казалась такою большою, что я чувствовала, что змій совершенно поглотитъ меня. Видя какъ онъ надо мною вьется и все спускается ниже и ниже, даже ощущая уже дыханіе его, я въ ужасѣ не имѣла силъ позвать на помощь, но наконецъ вырвалась изъ охватившаго меня оцѣпенѣнія и закричала: Царица-небесная спаси! Даю Тебѣ клятву никогда не выходить замужъ и пойти въ монастырь! Страшный змій въ одну секунду взвился вверхъ и исчезъ,... но я не могла прійти въ себя отъ ужаса!...“

Михаилъ Васильевичъ долго не могъ опомниться отъ случившагося съ его сестрою, а Елена Васильевна, какъ-бы чудно спасенная отъ врага человѣчества, совершенно измѣнилась въ характерѣ. Она сдѣлалась серьезная, духовно

настроенная и стала читать священныя книги. Мірская жизнь стала ей невыносима и она жаждала поскорѣе уйти въ монастырь и совсѣмъ затвориться въ немъ, страшась гнѣва Матери Божіей за неисполненіе даннаго ею обѣта.

Вскорѣ Елена Васильевна поѣхала въ Саровъ къ о. Серафиму просить его благословенія на поступленіе въ монастырь. Батюшка крайне удивилъ ее, сказавъ: „нѣтъ, матушка, что ты это задумала! Въ монастырь,—нѣтъ, радость моя, ты выйдешь замужъ!“ Что это вы батюшка!! — испуганно сказала Елена Васильевна, — „ни за что не пойду замужъ, я не могу, дала обѣщаніе Царицѣ-небесной идти въ монастырь и Она накажетъ меня!“—„Нѣтъ, радость моя“ продолжалъ старецъ, „отъ чего-же тебѣ не выйти замужъ! Женихъ у тебя будетъ хорошій, благочестивый, матушка, и всѣ тебѣ завидовать будутъ! Нѣтъ, ты и не думай, матушка, ты непремѣнно выйдешь замужъ, радость моя!“ „Что это вы говорите, батюшка, да я не могу, не хочу я замужъ!“ возражала Елена Васильевна. Но старецъ стоялъ на своемъ и твердилъ одно: „нѣтъ, нѣтъ, радость моя, тебѣ уже никакъ нельзя, ты должна и непремѣнно выйдешь замужъ, матушка!“ Елена Васильевна уѣхала недовольная, разогорченная и вернувшись домой много молилась, плакала, просила у Царицы-небесной помощи и вразумленія. Еще съ большимъ рвеніемъ принялась она за чтеніе твореній св. отецъ. Чѣмъ больше она плакала и молилась, тѣмъ сильнѣе разгоралось въ ней желаніе посвятить себя Богу. Много разъ провѣряла она себя и все болѣе и болѣе убѣждалась, что все свѣтское, мірское ей не по духу и она совершенно измѣнилась. Нѣсколько разъ Елена Васильевна ѣздила къ о. Серафиму и онъ все твердилъ одно, что она должна выйти замужъ, а не идти въ монастырь. Такъ цѣлыхъ три года готовилъ ее батюшка о. Серафимъ къ предстоящей перемѣнѣ въ ея жизни и къ поступленію въ Серафимову общину, которую онъ началъ устраивать въ 1825-мъ году и заставлялъ работать надъ собою, упражняться въ молитвѣ и пріобрѣтать необходимое терпѣніе. Она конечно это не понимала и не взирая на просьбы, желаніе и мольбы Елены Васильевны, о. Серафимъ однажды сказалъ ей въ духов-

номъ смыслѣ слѣдующее: „и даже вотъ что еще скажу тебѣ, радость моя! Когда ты будешь въ тягостяхъ-то, такъ не будь слишкомъ на все скора; ты слишкомъ скора радость моя; а это не годится, будь тогда ты потише. Вотъ какъ ходить-то будешь, не шагай такъ то, большими шагами, а все потихоньку, да потихоньку! Если такъ то пойдешь, благополучно и снесешь!“ и показавъ при этомъ видимымъ примѣромъ какъ должно ходить осторожно, продолжалъ: „Во, радость моя! Также и поднимать, если тебѣ что случится, не надо такъ, вдругъ, скоро и сразу, а во такъ, сперва понемногу нагибаться, а потомъ, точно также, все по немногу-же и разгибаться.“ Снова видимымъ примѣромъ показалъ о. Серафимъ и прибавилъ: „тогда благополучно снесешь!“ Этими словами старецъ довелъ Елену Васильевну до отчаянія. Сильно негодуя на него, она рѣшилась не обращаться къ нему и съѣздить въ Муромъ въ женскій монастырь. Тамъ ей игуменія конечно сказала только пріятное и Елена Васильевна тотчасъ купила себѣ въ Муромскомъ монастырѣ келью. По возвращеніи домой она стала совсѣмъ уже собираться, прощаться, но передъ окончательнымъ отъѣздомъ все таки не вытерпѣла и отправилась въ Саровъ проститься со старцемъ о. Серафимомъ. Каково-же было ее удивленіе и каковъ ужасъ, когда вышедшій къ ней на встрѣчу о. Серафимъ, ничего не спрашивая, прямо и строго сказалъ ей: „нѣтъ тебѣ дороги въ Муромъ, матушка, никакой нѣтъ дороги и нѣтъ тебѣ и моего благословенія! И что это ты? Ты должна замужъ выйти и у тебя преблагочестивѣйшій женихъ будетъ, радость моя!“ Прозорливость старца, доказавшая его святость, обезоруживала каждаго приходящаго къ нему и дѣйствовавшаго по своей волѣ. Сердце невольно привязывалось къ такому праведнику и Елена Васильевна почувствовала, что безъ о. Серафима все таки нельзя ей жить, тѣмъ болѣе что въ Муромѣ—не у кого будетъ и спрашивать наставленія и совѣта. О. Серафимъ приказалъ ей пожертвовать Муромскому монастырю данныя за келью деньги и не ѣздить больше туда. Но Елена Васильевна на этотъ разъ не почувствовала отчаянія, а напротивъ вполнѣ смирилась и возвратилась домой, заливаясь слезами. Она

опять заперлась въ свою комнату, изъ которой почти не выходила уже цѣлые три года, проводя въ ней жизнь — отшельника, отрѣшенная отъ всего и всѣхъ. Что она дѣлала въ своей комнатѣ и какъ молилась, никому не было извѣстно, но неожиданный случай убѣдилъ Михаила Васильевича и всѣхъ живущихъ въ домѣ на сколько она трудилась уже на пути духовнаго совершенства. Разразилась страшная гроза вблизи дома, въ которомъ жили Мантуровы; раскаты и удары молніи были ужасны, такъ что всѣ рѣшительно собрались въ комнату Елены Васильевны, гдѣ теплилась лампада, горѣли свѣчи и она покойно молилась. Во время одного изъ страшныхъ ударовъ со стороны двора, вдругъ въ углу, подъ поломъ и подъ образами раздался совершенно неестественный и отвратительный крикъ, какъ бы кошки. Но крикъ этотъ былъ на столько силенъ, неожиданъ и непріятенъ, что Михаилъ Васильевичъ, жена его и всѣ, бросились невольно къ кіотѣ, предъ которой молилась Елена Васильевна. —„Не бойтесь, братецъ!“ сказала она покойно. „Чего испугалась сестрица; вѣдь это діаволъ! Вотъ, прибавила она, сотворивъ знаменіе креста на томъ самомъ мѣстѣ, откуда былъ слышенъ крикъ, „вотъ и нѣтъ его; развѣ онъ что-либо можетъ!“ Дѣйствительно тотчасъ водворилась полная тишина.

Черезъ полгода, послѣ послѣдняго свиданія съ о. Серафимомъ, Елена Васильевна, опять поѣхала въ Саровъ. Она стала неотступно, но смиренно просить старца благословить ее на подвигъ монашества. На этотъ разъ о. Серафимъ сказалъ ей: „ну чтожъ, если ужъ тебѣ такъ хочется, то пойди вотъ за 12-ть верстъ отсюда есть маленькая общинка матушки Агафьи Семеновны, полковницы Мельгуновой, погости тамъ, радость моя, и испытай себя!“ Елена Васильевна въ неизреченной радости и неописанномъ восторгѣ поѣхала изъ Сарова прямо къ матушкѣ Ксеніи Михайловнѣ и совсѣмъ поселилась въ Дивѣевѣ. За тѣснотой помѣщенія, Елена Васильевна заняла крошечный чуланчикъ около маленькой келіи, которая выходила крылечкомъ къ западной стѣнѣ Казанской церкви. Часто, на этомъ крылечкѣ сиживала по долгу молча Елена Васильевна, погру-

женная будто въ думу и въ нѣмомъ созерцаніи храма Божія и премудро-созданной, окружающей природы; не переставая умомъ и сердцемъ упражняться въ Іисусовой молитвѣ. Ей было тогда 20-ть лѣтъ отъ роду (въ 1825-мъ году).

Черезъ мѣсяцъ послѣ переѣзда Елены Васильевны въ Дивѣево, ее потребовалъ къ себѣ батюшка о. Серафимъ и сказалъ: „теперь, радость моя, пора уже тебѣ и съ женихомъ обручиться!“ Елена Васильевна испуганная—зарыдала и воскликнула: „не хочу я замужъ, батюшка!“ Но о. Серафимъ успокоилъ ее, говоря: „ты все еще не понимаешь меня, матушка! Ты только скажи начальницѣ-то Ксеніи Михайловнѣ, что о. Серафимъ приказалъ съ Женихомъ тебѣ обручиться, въ черненькую одежку одѣться... Вѣдь вотъ какъ замужъ-то выйти, матушка! Вѣдь вотъ какой женихъ-то, радость моя!“ Много и усладительно бесѣдовалъ съ ней о. Серафимъ, говоря: „Матушка! Видѣнъ мнѣ весь путь твой боголюбивый! Тутъ тебѣ и назначено жить, лучше этого мѣста нигдѣ нѣтъ для спасенія; тутъ матушка Агафья Семеновна въ мощахъ почиваетъ; ты ходи къ ней каждый вечеръ, она тутъ каждый день ходила и ты подражай ей также, потому что тебѣ этимъ-же путемъ надо идти, а если не будешь идти имъ, то и не можешь спастись. Ежели быть львомъ, радость моя, то трудно и мудрено, я на себя возьму; но будь голубемъ и всѣ между собою будьте какъ голубки. Вотъ и поживи-ка ты тутъ три-то года голубемъ; я тебѣ помогу, вотъ тебѣ на то и мое наставленіе: за послушаніе читай всегда Акаѳистъ, Псалтирь, Псалмы и Правила съ утренею отправляй. Сиди, да пряди, а пусть другая сестра тебѣ все приготовляетъ, треплетъ ленъ, мыкаетъ мочки, а ты только пряди и будешь учиться ткать; пусть сестра сидитъ возлѣ тебя, да указываетъ. Всегда будь въ молчаніи, ни съ кѣмъ не говори, отвѣчая только на самые наинужнѣйшіе вопросы и то „аки съ трудомъ“, а станутъ много спрашивать отвѣчай: я не знаю! Если случайно услышишь, что кто не полезное между собою говоритъ, скорѣе уходи, „дабы не внити во искушеніе“. Никогда не будь въ праздности; оберегай себя, чтобы не пришла какая мысль; всегда будь въ занятіи. Чтобы не впадать въ сонъ, употребляй мало

пищи. Въ среду и пятокъ вкушай только разъ. Отъ пробужденія до обѣда читай: Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй меня грѣшную! а отъ обѣда до сна: Пресвятая Богородица, спаси насъ! Вечеромъ выйди на дворъ и молись 100 разъ Іисусу, 100 разъ Владычицѣ и никому не сказывай, а такъ молись, чтобы никто того не видалъ, даже бы и не подумалъ и будешь ты аки Ангелъ! И пока Женихъ твой въ отсутствіи, ты не унывай, а крѣпись лишь и больше нужайся; такъ молитвою, вѣчно-неразлучною молитвою и приготовляй все, Онъ и придетъ ночью тихонько и принесетъ тебѣ кольцо, перстенекъ, какъ Екатеринѣ-то великомученицѣ матушкѣ. Такъ вотъ три года и приготовляйся, радость моя, чтобы въ три года все у тебя готово-бы было. О... какая неизреченная радость-то тогда будетъ, матушка! Это я о постриженіи тебѣ говорю, матушка; чрезъ три года постригайся, пріуготовивъ себя, ранѣе не нужно; а какъ пострижешься-то, то будетъ у тебя въ груди благодать воздыматься все болѣе и болѣе, а каково будетъ тогда! Когда Архангелъ Гавріилъ, представъ предъ Божіей Матерью, благовѣстилъ Ей, то Она немного смутилась и тутъ-же сказала: „Се раба Господня! буди мнѣ по глаголу Твоему!“ Тогда вотъ и ты скажи также: „Буди ми по глаголу Твоему!“ Вотъ о какомъ бракѣ и Женихѣ я тебѣ толкую, матушка; ты слушай меня и никому до времени того не говори, но вѣрь, что все мною рѣченное тебѣ, сбудется, радость моя!“ (Записки протоіерея о. Василія Садовскаго и записки Н. А. Мотовилова).

Не помня себя отъ радости, Елена Васильевна возвратилась домой, въ Дивѣево и надѣвъ все монашеское, простое, начала съ живѣйшею любовію нести прежніе свои подвиги, пребывая въ непрестанной молитвѣ, въ постоянномъ созерцаніи и совершенномъ молчаніи. Такъ какъ маленькая келья ея была безпокойна, переполнена сестрами, то батюшка о. Серафимъ благословилъ Михаила Васильевича Мантурова построить ей другую, также небольшую келью, въ которой она и поселилась съ своей крѣпостной дѣвушкою Устиньей, чрезвычайно любившей ее. Послѣ

смерти Устиньи, съ Еленой Васильевной жили двѣ послушницы Агафія и Ксенія Васильевна.

Къ о. Серафиму было еще весьма близко семейство крестьянъ Нижегородской губ. Ардатовскаго уѣзда, деревни Погибловой—Мелюковы. Это праведное семейство состояло изъ брата Ивана Семеновича Мелюкова, и двухъ сестеръ Прасковьи Семеновны и Маріи Семеновны. Прасковья Семеновна поступила въ общину матери Александры по благословенію батюшки о. Серафима и была высокой жизни. Въ 1823 году 21 ноября, въ день Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, она пришла къ о. Серафиму съ своею 13-ти лѣтнею сестрою Маріею Семеновной, которая какъ разсказывала Прасковья Семеновна и за нею записано въ документахъ, хранящихся въ Дивѣевѣ,—„увязалась за нею“. Великій старецъ провидѣвъ, что дѣвочка Марія — есть избранный сосудъ благодати Божіей, не позволилъ ей возвратиться домой, а приказалъ оставаться въ общинѣ. Такимъ образомъ 13-ти лѣтняя Марія Семеновна поступила въ число избранныхъ Серафимовскихъ сиротъ. Это была необыкновенная, не виданная доселѣ отроковица, ни съ чѣмъ не сравненная, ангелоподобная, дитя Божіе. Избранница и раба Божія съ такихъ лѣтъ вела подвижническую жизнь, превосходя по суровости даже сестеръ общины, отличавшихся строгостію жизни, начиная съ самой начальницы Ксеніи Михайловны. Непрестанная молитва была ея пищею и только на необходимѣйшіе вопросы она отвѣчала съ небесною кротостію. Она была почти молчальница и батюшка о. Серафимъ особенно нѣжно и исключительно любилъ ее, посвящая во всѣ откровенія свои, будущую славу обители и разныя тайны, заповѣдуя не говорить о томъ до времени, что и выполнила она свято, не взирая на просьбы и мольбы окружающихъ сестеръ и родныхъ. Когда она возвращалась отъ батюшки о. Серафима, то вся сіяла неземною радостію. Какъ увидимъ вскорѣ, Марія Семеновна только шесть лѣтъ прожила въ общинѣ и 19-ти лѣтъ отошла ко Господу, какъ-бы мирно и тихо уснула.

По сестрѣ своей Прасковьѣ Семеновнѣ, удостоенной отъ Господа дара прозорливости, братъ ея Иванъ Семено-

вичѣ сталъ близокъ къ о. Серафиму. Онъ ходилъ работать къ батюшкѣ и впослѣдствіи его дѣти — три дочери поступили въ Дивѣевскую общину, а самъ онъ кончилъ жизнь монахомъ въ Саровской пустынѣ. Дочь его Елена Ивановна съ 5-ти лѣтняго возраста жила у тетки Прасковьи Семеновны и изрѣдка бывала у батюшки о. Серафима, который занимался ею, ласкалъ, заигрывалъ и пророчески сказалъ, что она будетъ „великая госпожа", благодѣтельница Дивѣева. Приходившимъ съ нею сестрамъ о. Серафимъ приказывалъ кланяться малюткѣ и благодарить за будущія благодѣянія ея для обители. (Дѣйствительно, выйдя замужъ за друга и горячаго почитателя о. Серафима, Николая Александровича Мотовилова, она до сихъ поръ продолжаетъ оказывать помощь монастырю и живя нынѣ въ Дивѣевѣ, по смерти мужа, — напоминаетъ собою блаженныя, прошлыя времена управленія Ксеніи Михайловны, возрожденіе обители при о. Серафимѣ, святые дни наставничества великаго старца, любовь къ Дивѣеву—искренняго и любвеобильнаго Николая Александровича Мотовилова и наконецъ дополняетъ личными духовными качествами и добродѣтелями чудный рядъ сиротъ-молитвенницъ о. Серафима). За покойнымъ старцемъ Саровской пустыни Иваномъ Семеновичемъ Милюковымъ, имѣвшимъ послушаніе привратника, записанъ былъ слѣдующій разсказъ (№ 78). „Будучи еще мірскимъ крестьяниномъ, говорилъ онъ, я часто работалъ у батюшки Серафима, и много, много чуднаго онъ мнѣ предсказывалъ о Дивѣевѣ и всегда говорилъ: „если кто моихъ сиротъ дѣвушекъ обидитъ, тотъ веліе получитъ отъ Господа наказаніе; а кто заступитъ за нихъ и въ нуждѣ защититъ и поможетъ, изольется на того велія милость Божія свыше. Кто даже сердцемъ воздохнетъ, да пожалѣетъ ихъ, и того Господь наградитъ. И скажу тебѣ, батюшка, помни: счастливъ всякъ, кто у убогаго Серафима въ Дивѣевѣ пробудетъ сутки, отъ утра и до утра, ибо Матерь Божія, Царица небесная, каждые сутки посѣщаетъ Дивѣево! „Помня заповѣдь батюшкину, я всегда это говорилъ и всѣмъ говорю".

Кромѣ Мелюковыхъ была очень близка къ батюшкѣ

о. Серафиму и любима имъ — сестра Ксенія Васильевна Путкова, постриженная въ монашество подъ именемъ Капитолины и живущая, милостію Божіею, до сихъ поръ въ Дивѣевскомъ монастырѣ, на радость и руководство сестрамъ и на отраду всѣмъ приходящимъ къ ней слушать разсказы ея объ отцѣ Серафимѣ. Эта славная молитвенница, по болѣзни,—лежитъ нынѣ больше въ постели. Она ходила къ о. Серафиму часто, еще будучи крестьянскою дѣвушкою и осталась въ Дивѣевѣ „почти насильно", какъ выражается она, полагаясь на слова батюшки. Однажды о. Серафимъ сталъ уговаривать ее поселиться въ Дивѣевской общинѣ. Молодая и красивая Ксенія никакъ не ожидала себѣ такой судьбы, такъ какъ жила въ родительскомъ домѣ въ довольствѣ и мать сильно любила ее. У Ксеніи былъ кромѣ того женихъ, которому она платила взаимною любовію. Съ другой стороны, Дивѣевская община еще не устроенная, безъ церкви и безъ земли не нравилась ей. Ксеніи не хотѣлось промѣнять домашній покой и удобства на суровость и нужду обители. „Нѣтъ, батюшка, не хочу! Не смогу никакъ!" отвѣтила ему Ксенія. „Послушай, радость моя! продолжалъ о. Серафимъ („да такъ-то сладостно, хорошо", прибавляла Ксенія) „я тебѣ открою тайну, только смотри, умолчи ее до времени. Сама Божія Матерь вѣдь избрала это мѣсто! А чего Царица-то Небесная не возможетъ; все будетъ у Ней! Вотъ она приказала мнѣ, убогому Серафиму поставить мельницу для дѣвушекъ въ два постава, чтобы она вѣчно кормила бы ихъ. Потомъ благословила Матерь-то Божія и церковь имъ свою выстроить, матушка! Во радость моя; благодать-то у насъ какая: и мельница, и церковь и земля и все, все свое у насъ будетъ! Это я тебѣ только говорю, а ты умолчи до время". Ксенія хотя и слушала батюшку, но странно показалось ей, какъ все это можетъ возникнуть, когда ничего нѣтъ у обители и сама земля — чужая кругомъ. Тогда о. Серафимъ, провидя ея мысли, взялъ за руку, потрясая ее и произнесъ: „Вѣдь вотъ ты какая! Говоришь, что любишь меня, а усумнилаеь и не вѣришь убогому Серафиму! Повѣрь, повѣрь мнѣ матушка, все это совершится!" Видъ о. Серафима при этомъ былъ

чудесенъ, привлекателенъ и весьма вдругъ просвѣтлѣлъ... Ксенія не могла болѣе колебаться, смотря на чуднаго старца, и согласилась поступить въ общину. Чтобы не огорчить жениха и родителей совершеннымъ отказомъ, она стала жаловаться на нездоровье, затѣмъ просила отсрочить свадьбу на годъ, а сама все чаще и чаще отпрашивалась къ батюшкѣ о. Серафиму. По его молитвамъ совершилось такъ, что родители согласились отдать Ксенію въ общинку къ начальницѣ Ксеніи Михайловнѣ.

Вѣра ея въ силу молитвъ батюшки укрѣпилась послѣ слѣдующаго случая (тетрадь № 1, ея разсказъ № 15). Черезъ годъ, пришла она однажды съ другою сестрою вечеромъ къ батюшкѣ о. Серафиму за приказаніемъ. Отпуская ихъ до утра въ гостинницу, онъ сказалъ имъ вслѣдъ: „кто-бы къ вамъ ночью не взошелъ, не вставайте, не откликайтесь и не говорите, и не пускайте никого!“ Онѣ обѣщались и ушли. Въ гостинницу, когда сестра заснула, а Ксенія еще только собиралась заснуть, дѣйствительно, вдругъ взошелъ незнакомый монахъ и спросилъ: кто тутъ? Ксенія отвѣтила, что Дивѣевскіе, но такъ какъ она ходила еще въ мірскомъ платьѣ, то онъ полюбопытствовалъ, кто она такая. Онъ оказался землякомъ Ксеніи и она заслушалась его, забывая приказаніе батюшки. Увлекаясь въ разговорѣ она однако вспомнила о. Серафима. Когда монахъ ушелъ, она начала горько плакать и отъ страха, что ей придется отвѣчать батюшкѣ, она не спала всю ночь. Утромъ у батюшки застала того самого монаха и о. Серафимъ разговаривалъ съ нимъ очень любезно. Ксенія отвернулась, а когда ушелъ монахъ, то упала батюшкѣ въ ноги и стала просить прощенія. „То-то вотъ, сказалъ о. Серафимъ, не послушала меня, а знаешь ли, что я нынѣ всю ночь только за тебя одну молился и если-бы не молитва моя, пропала-бы ты; вотъ какъ надо быть осторожною и хранить себя, потому вѣдь вы глупыя сами не видите и не знаете, какъ погибаете. Вѣдь секунда одна... ну да полно, полно, радость моя, встань, Господь тебя проститъ; вѣдь теперь ты еще больше моя, ибо я тебя нынѣ ночью „аки добычу у льва изъ зубъ вырвалъ!“

Не менѣе близокъ къ о. Серафиму былъ второй священникъ Казанской церкви о. Василій Никитичъ Садовскій, который съ годами достигъ высшей духовности и сдѣлался истиннымъ отцемъ и другомъ Серафимовыхъ сиротъ. Родившись въ 1800 году, онъ опредѣлился по окончаніи воспитанія въ Нижегородской семинаріи около 1825 года въ Казанскую церковь и 28 лѣтъ состоялъ приходскимъ священникомъ, а затѣмъ переведенъ въ Дивѣевскій монастырь. 30 лѣтъ онъ былъ благочиннымъ. Н. А. Мотовиловъ много говоритъ о немъ въ своихъ запискахъ и называетъ его высоко-добродѣтельнымъ человѣкомъ, несомнѣнной чистѣйшей совѣсти, исполненнымъ крѣпчайшей вѣры и Евангельской правды, глубоко уважаемымъ всѣми, извѣстнымъ батюшкѣ о. Серафиму, котораго святой старецъ всегда лично руководилъ.

ГЛАВА VIII.

Окончаніе затвора о. Серафима, по благословенію Божіей Матери въ 1825 г. Желаніе о. Серафима измѣнить уставъ Дивѣевской общинки, объясненіе съ начальницей Ксеніей Михайловной и отказъ послѣдней. Богословскій родникъ и келія іеромонаха Дороѳея. Ночныя прогулки о. Серафима и обозначеніе имъ мѣста своей, будущей могилы. Явленіе Божіей Матери о. Серафиму 25-го ноября 1825 года близъ Богословскаго родника, съ св. апостолами Петромъ и Іоанномъ и дарованіе цѣлебнаго источника. Посѣщеніе сестрами Прасковьей Степановной и Маріей Семеновной о. Серафима и молитва ихъ троихъ въ дальней пустынкѣ. Труды о. Серафима по приготовленію лѣса для будущей Дивѣевской мельницы. Отсутствіе земли подъ постройку мельницы, пятнадцать безуспѣшныхъ поѣздокъ сестеръ въ контору Баташева съ просьбою пожертвовать землю и пріѣздъ къ о. Серафиму генеральши Постниковой, урожденной Баташевой. Пожертвованіе трехъ десятинъ генеральшей Постниковой. Покупка о. Серафимомъ Саровскаго лѣса на свои деньги и непріятности съ братіей обители. Порученія даваемыя о. Серафимомъ Ксеніи Васильевнѣ и Михаилу Васильевичу Мантурову. Первое свиданіе о. Василія Садовскаго съ о. Серафимомъ. Отзывы о. Серафима о покойной первоначальницѣ матери Александрѣ. Предсказанія о будущемъ Дивѣевской общины. Желаніе назначить начальницею мельничной обители Елену Васильевну Мантурову и ея отказъ. Ближайшая пустынка о. Серафима, огородъ и обстановка келіи. Жизнь о. Серафима въ монастырѣ, многочисленность посѣтителей и душеспасительныя бесѣды его. Необыкновенная память о. Серафима, смиреніе, любовь, терпѣніе и братское, кроткое обхожденіе со всѣми приходящими къ нему. Посѣщеніе о. Серафима генералъ-лейтенантомъ Л. Исцѣленіе болящихъ.

Принимая посѣтителей къ себѣ въ монастырскую келію въ теченіе 15 лѣтъ, о. Серафимъ все таки не оставилъ затвора и никуда не выходилъ. Но въ 1825 году онъ началъ просить Господа о благословеніи его на окончаніе затвора. Въ жизнеописаніи Саровскаго изданія (1893 г., стр. 23)

сказано, что 25-го ноября 1825 года, на день памяти святителя Климента, папы Римскаго и Петра Александрійскаго, въ сонномъ видѣніи, Матерь Божія, въ сопровожденіи этихъ святыхъ явилась о. Серафиму и разрѣшила ему выйти изъ затвора и посѣщать пустынь.

Какъ извѣстно съ 1825 года къ о. Серафиму начали ходить за благословеніемъ сперва сестры, а потомъ и сама добродѣтельная начальница Дивѣевской общины, Ксенія Михайловна, которую батюшка называлъ: *„огненный столбъ отъ земли до неба“* и *„терпугъ духовный.“* Конечно старица Ксенія Михайловна глубоко уважала и высоко почитала о. Серафима, но однако она не согласилась измѣнить уставъ своей общины, который казался тяжелымъ какъ о. Серафиму, такъ и всѣмъ спасавшимся въ общинѣ сестрамъ. Число сестеръ на столько увеличилось въ общинкѣ, что требовалось распространить ихъ владѣнія, но это было невозможно, ни въ ту, ни въ другую сторону. Батюшка о. Серафимъ призвавъ къ себѣ Ксенію Михайловну сталъ уговаривать ее замѣнить тяжелый Саровскій уставъ болѣе легкимъ, но она и слышать не хотѣла. „Послушайся меня, радость моя!“ говорилъ о. Серафимъ, но непоколебимая старица наконецъ отвѣтила ему: „нѣтъ батюшка, пусть будетъ по старому, насъ уже устроилъ отецъ строитель Пахомій!“ Тогда о. Серафимъ отпустилъ начальницу Дивѣевской общинки, успокоенный, что заповѣданное ему великою старицею матерію Александрою болѣе не лежитъ на его совѣсти или же, что не пришелъ тому еще часъ воли Божіей. Временно о. Серафимъ не входилъ въ дѣла общинки и только, по дару предвѣдѣнія, посылалъ избранныхъ Божіею Матерію сестеръ на жительство въ Дивѣево, говоря: „Гряди чадо въ общинку, здѣсь по близости матушки-то полковницы Агаѳіи Семеновны Мельгуновой, къ великой рабѣ Божіей и столпу, матушкѣ Ксеніи Михайловнѣ, она всему тебя научитъ!“

Выйдя изъ затвора о. Серафимъ сталъ ходить къ роднику и келіи затворника іеромонаха Дороѳея. Родникъ этотъ находился верстахъ въ двухъ отъ монастыря и въ Саровской обители не знаютъ, кѣмъ онъ былъ первоначально вырытъ. Теперь онъ былъ покрытъ накатомъ изъ бревенъ и

засыпанъ землею; вода вытекала изъ него чрезъ трубу. Вблизи родника, на столбикѣ, повидимому нарочно устроенномъ, стояла икона св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова. Поэтому обстоятельству родникъ называли *богословскимъ*. Когда о. Серафимъ жилъ еще въ дальней пустынкѣ, то хаживалъ къ этому мѣсту, которое ему очень нравилось и здѣсь упражнялся въ тѣлесныхъ трудахъ. На разстояніи четверти версты отъ богословскаго родника, на горкѣ, стояла келія, въ которой спасался инокъ, іеромонахъ Дороѳей. Въ половинѣ сентября 1825-го года благочестивый отшельникъ переселился въ иной, лучшій, небесный міръ, къ которому всю жизнь стремилась душа его. Между тѣмъ старецъ Серафимъ отъ долговременныхъ подвиговъ пришелъ въ крайнее изнеможеніе: со времени стоянія на камняхъ у него не переставали болѣть ноги, а къ ногамъ присоединилось еще ощущеніе сильной боли въ головѣ. Ему совѣтовали, для поддержанія здоровья, имѣть движеніе и пользоваться свѣжимъ воздухомъ. Чувствуя дѣйствительную необходимость, онъ началъ еще съ весны 1825-го года выходить изъ своей келіи по ночамъ. Это открылъ инокъ Филаретъ. Наступилъ Великій постъ,—время особыхъ подвиговъ для иноковъ Саровскихъ. Однажды Филаретъ вставъ очень рано утромъ и совершивъ свое домашнее правило, вышелъ изъ келіи въ ограду монастыря. Вдругъ видитъ онъ вдали человѣка, во мракѣ, который несетъ на рукахъ какую-то тяжесть. Филаретъ сотворилъ молитву и крикнулъ: „кто тутъ?“

— „Убогій Серафимъ, Серафимъ убогій, было отвѣтомъ. Умолчи радость моя!“ Тогда Филаретъ подошелъ къ старцу и, по обычаю, принялъ отъ него благословеніе. Тутъ онъ увидѣлъ, что о. Серафимъ несъ на рукахъ своихъ значительной величины камень. Онъ взялъ его внѣ монастыря изъ подъ горы, у того мѣста, гдѣ церковь св. Іоанна Предтечи, а Филаретъ прослѣдилъ, что старецъ положилъ его возлѣ алтаря соборнаго храма (гдѣ нынѣ онъ похороненъ).

Получивъ во снѣ отъ Божіей Матери разрѣшеніе выйти изъ затвора, о. Серафимъ проснулся, сотворилъ обычное правило и пошелъ къ игумену Нифонту просить благословеніе на безпрепятственный выходъ, по болѣзни ногъ и го-

ловы, на день въ пустынную келію іеромонаха Дороѳея. 25 ноября было первымъ днемъ, въ который старецъ пошелъ въ лѣсъ.

Надо замѣтить, что въ то время батюшка о. Серафимъ не имѣлъ въ Саровской обители такихъ друзей, какими были ему духовникъ о. Іосифъ, о. Пахомій, затѣмъ отчасти о. Исаія. Игуменъ о. Нифонтъ ходилъ къ о. Серафиму, бесѣдовалъ съ нимъ, наслаждался духовнымъ совершенствомъ старца, но съ прежней откровенностію о. Серафимъ не относился ни къ кому. Теперь скорѣе отроковица Марія Семеновна и Михаилъ Васильевичъ Мантуровъ — слышали о бывшихъ о. Серафиму откровеніяхъ и даваемыхъ ему порученіяхъ Божіею Матеріею, чѣмъ Саровскіе иноки. Съ другой стороны, это и понятно, потому что о. Іосифъ и о. Пахомій были наставниками и духовниками о. Серафима, который въ упоминаемое время уже самъ достигъ старческихъ лѣтъ. Поэтому при составленіи жизнеописанія о. Серафима авторы пользовались болѣе матеріалами частными, какъ показанія М. В. Мантурова, протоіерея о. Василія Садовскаго и Н. А. Мотовилова, чѣмъ разсказами Саровскихъ иноковъ, которые имѣли предъ глазами жизнь нѣсколькихъ подвижниковъ и затворниковъ. М. В. Мантуровъ не оставилъ своихъ записокъ, но несомнѣнно, живя въ Дивѣевѣ, послѣ кончины батюшки съ о. Василіемъ и Н. А. Мотовиловымъ, онъ и два друга вмѣстѣ записывали прошлое, извѣстное имъ со словъ старца Серафима. Такимъ образомъ вѣрнѣе, что записки Н. А. Мотовилова писаны ими всѣми вмѣстѣ.

Въ запискахъ Н. А. Мотовилова объ основаніи мельничной обители о. Серафима, говорится: (тетрадь № 6).

„Когда 1825-го года 25-го ноября на день святыхъ угодниковъ Божіихъ Климента папы Римскаго и Петра Александрійскаго, какъ то самъ батюшка Серафимъ лично мнѣ, а также и многимъ постоянно говаривалъ, пробираясь по обычаю сквозь чащи лѣса по берегу рѣки Саровки къ своей дальней пустынкѣ, увидалъ онъ ниже того мѣста гдѣ былъ нѣкогда богословскій колодезь и почти близъ берега рѣки Саровки, Божію Матерь, явившуюся ему тутъ (гдѣ нынѣ колодезь его; и гдѣ тогда была лишь трясина), а дальше

и позади Ея на пригоркѣ двухъ апостоловъ: Петра Верховнаго и Апостола Евангелиста Іоанна Богослова. И Божія Матерь, ударивъ землю жезломъ такъ, что искипѣлъ изъ земли источникъ фонтаномъ свѣтлой воды, сказала ему: „Зачѣмъ ты хочешь оставить заповѣдь рабы Моей Агаѳіи—монахини Александры? Ксенію съ сестрами ея оставь, а заповѣдь сей рабы Моей не только не оставляй, но и потщись вполнѣ исполнить ее: ибо по волѣ Моей, она дала тебѣ оную. А Я укажу тебѣ другое мѣсто тоже въ селѣ Дивѣевѣ: и на немъ устрой эту обѣтованную Мною обитель Мою. А въ память обѣтованія ей даннаго Мною, возьми съ мѣста кончины ея изъ общины Ксеніи восемь сестеръ“. И сказала ему по именамъ, которыхъ именно взять: а мѣсто указала на востокѣ, на задахъ села Дивѣева, противъ алтаря церкви Казанскаго явленія своего, устроеннаго монахинею Александрою. И указала какъ обнести это мѣсто канавою и валомъ: и съ сихъ восьми сестеръ повелѣла ему начать обитель сію, Ея четвертаго вселенскаго жребія на землѣ: для которой приказала сначала изъ Саровскаго лѣса ему срубить двухъ поставную вѣтреную мельницу и келіи первыя, а потомъ по времени соорудить въ честь Рождества Ея и Сына Ея Единороднаго, двухъ-престольную церковь для сей обители, приложивъ оную къ паперти церкви Казанскаго явленія Своего Дивѣевской монахинѣ Александрѣ. И Сама дала ему для сей обители уставъ новый, и нигдѣ до того времени ни въ какой обители еще не существовавшій. И за непремѣнное правило поставила заповѣдь, чтобы въ сію обитель не дерзала быть принимаема ни одна вдовица, а принималъ бы и онъ и потомъ навсегда принимались-бы лишь одни дѣвицы: на пріемъ которыхъ Сама Она изъявитъ Свое благоволеніе и обѣщалась Сама быть всегдашнею Игуменіею сей обители Своей. Изливая на нее всѣ милости свои, и всѣхъ благодатей Божіихъ: благословенія со всѣхъ Своихъ трехъ прежнихъ жребіевъ: Иверіи, Аѳона и Кіева. Мѣсто же гдѣ стояли Пречистыя стопы Ногъ Ея и гдѣ отъ удареніи жезломъ Ея искипѣлъ изъ земли источникъ, и принялъ цѣлебность на память будущихъ родовъ выкопаньемъ тутъ

колодца, обѣщала дать водамъ онаго большее благословеніе Свое, чѣмъ нѣкогда имѣли воды Виѳезды Іерусалимскія".

Далѣе Н. А. Мотовиловъ пишетъ, что „батюшка о. Серафимъ основалъ обитель не по простой, своей человѣческой мысли и по примѣру, гдѣ-либо до него существовавшему, но рѣшительно лишь по одному „особенно нарочито на счетъ этой обители его, бывшему ему личному явленію Самой Божіей Матери; и не только уставъ сей обители и молебны правило, и житейское законоположеніе для оной, опять-таки не самъ придумалъ, а все по единственной воли Ея, изъ устъ въ уста возвѣщенной ему, установилъ; но даже и не одной дѣвицы въ оную по своему личному желанію, избранію или усмотрѣнію не принялъ, а хотя и принялъ иныхъ, но когда Матерь Божія не одобряла его выбора, возбраняла ему въ томъ, то онъ уже не держалъ ихъ болѣе тутъ, а отсылалъ въ другую общину къ Ксеніи Михайловнѣ, чѣмъ самымъ и мнѣ объяснены и явственны различіе между ими и ихъ несмѣтную раздѣльность и полную другъ отъ друга независимость и всецѣлую каждой изъ этихъ общинъ фундаментальную самостоятельность".

Нынѣ на мѣстѣ явленія Божіей Матери отцу Серафиму 25 ноября 1825 г. устроенъ колодезь, отличающійся чудотворною силою и ниже, вблизи его существуетъ прежній богословскій колодезь.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого явленія Матери Божіей, а именно 9-го декабря пришли къ о. Серафиму двѣ любимыя имъ Дивѣевскія сестры Параскева Степановна и отроковица Марія Семеновна. Не безъ устроенія Божія и воли Богоматери явились именно онѣ въ этотъ день. О. Серафимъ объявилъ имъ, что онѣ должны съ нимъ идти въ дальную пустыньку. И вотъ, какъ записано (въ тетради № 6) за разсказывавшей Параскевой Степановной, они втроемъ вышли изъ Сарова, какъ только ударили къ утрени и пришли къ источнику Матери Божіей когда заблаговѣстили къ поздней обѣднѣ. Дорогою батюшка упоминалъ о томъ, что уже 12 лѣтъ, какъ онъ вышелъ изъ своего затвора (т. е. открылъ дверь келіи для приходящихъ) и не ходилъ этими мѣстами. Подойдя къ источнику, онъ объяснилъ,

что колодезь и столбики сдѣланы имъ самимъ. Изъ этого можно заключить, что съ 25 ноября, по 9-е декабря о. Серафимъ работалъ у источника этого, вырывалъ колодезь, обкладывалъ срубомъ и т. д. Тутъ же о. Серафимъ совершилъ чудо цѣлебною водою источника. Какъ разсказывала Прасковья Степановна, она давно, постоянно кашляла и батюшка, видя это, обратился къ ней со словами: „зачѣмъ ты кашляешь, брось, не надо!“ „Не могу, батюшка!“ отвѣтила больная. Тогда о. Серафимъ почерпнулъ воды изъ источника своей рукавичкой и напоилъ Прасковью Степановну, которая немедленно перестала кашлять и навсегда излѣчилась отъ этой надоѣдливой болѣзни. Отъ источника они прошли въ лѣсъ и къ дальней пустынкѣ. Когда они вошли въ хижину, то о. Серафимъ подалъ имъ двѣ зажженныя восковыя свѣчи, изъ взятыхъ съ собою, по его приказанію, вмѣстѣ съ елеемъ и сухарями и велѣлъ стать Маріи Семеновнѣ съ правой стороны распятія, висѣвшаго на стѣнѣ, а Прасковьѣ Степановнѣ — съ лѣвой. Такъ они стояли болѣе часа съ зажженными свѣчами, а о. Серафимъ все время молился, стоя по серединѣ. Помолясь онъ приложился къ распятію и имъ велѣлъ помолиться и приложиться. Послѣ этого сестры цѣлый день чистили вмѣстѣ съ батюшкою погребъ возлѣ пустынки и вечеромъ пошли обратно въ Сарово.

Нѣкоторые полагали, что въ этотъ знаменательный день перваго выхода въ дальнюю пустыню, о. Серафимъ молился о Дивѣевской общинѣ и здѣсь получилъ *первую мысль* объ устройствѣ для нея мельницы (см. Саровское изд. 1893 г. стр. 84), но это ошибочное мнѣніе. Мы видѣли, что о. Серафимъ не допускалъ имѣть *своей мысли* и въ такомъ важномъ и необыкновенномъ дѣлѣ, какъ основаніе обители и руководствовался лишь приказаніями Пресвятой Игуменіи, Матери Божіей. Намъ думается, что о. Серафимъ предъ началомъ построенія мельницы и основаніи новой общины хотѣлъ гдѣ-нибудь наединѣ помолиться съ такими сестрами, которыхъ Матерь Божія избрала на особое служеніе Ей и обители. Какъ извѣстно Прасковья Степановна была назначена первою старшею мельничихой Дивѣевской обители, а

Марья Семеновна, вскорѣ какъ 19-ти лѣтняя схимонахиня Марѳа, представившаяся предъ Господа, была назначена, по словамъ о. Серафима, начальницею надъ Дивѣевскими сиротами въ царствіи небесномъ, въ обители Божіей Матери. Позволяемъ себѣ думать, что во взаимной молитвѣ— основателя обители и двухъ ея начальницъ, на землѣ и на небѣ, былъ великій и сокрытый въ то время смыслъ, понятный лишь одному святому старцу.

Начиная съ этого дня (т. е. 9-го декабря) разсказывала Прасковья Степановна, батюшка весь годъ самъ трудился, готовилъ столбы и лѣсъ для мельницы и Дивѣевскія сестры работали у него, для чего въ своей дальней пустынкѣ онъ сложилъ печь, чтобы онѣ здѣсь отдыхали послѣ трудовъ.

Въ 1826 году въ тотъ же день 9-го декабря, Зачатія Божіей Матери, были привезены въ Дивѣево на Саровскихъ лошадяхъ столбы и бревна къ мѣсту, предъизбранному для новаго поселенія сестеръ. Весь матеріалъ былъ приготовленъ о. Серафимомъ, а затѣмъ и самимъ сестрамъ дано благословеніе вывозить Саровскій лѣсъ для мельницы. Такъ какъ земля, предназначенная для постройки мельницы принадлежала г-ну Баташеву, то о. Серафимъ посылалъ Прасковью Степановну на Илевскій заводъ къ его приказчику. Прасковья Степановна разсказывала, что она пятнадцать разъ ѣздила на заводъ съ сестрою Марьею Семеновною, но не могла добиться милости. Царица небесная устроила такъ, что генеральша Вѣра Андреевна Постникова, урожденная Баташева, пріѣхала въ Саровъ къ о. Серафиму. Старецъ сталъ просить у нея эту землю и Вѣра Андреевна съ любовію обѣщала уступить ее, взявъ этотъ участокъ на свою долю, но, однако, позабыла заявить о томъ главной конторѣ, въ вѣдѣніи которой была земля. Тогда батюшка просилъ изъ конторы отнестись къ генеральшѣ Постниковой и вскорѣ получилось письменное заявленіе Вѣры Андреевны о пожертвованіи ею одной десятины земли. Затѣмъ впослѣдствіи генеральша Постникова вмѣсто одной десятины— подарила три. О. Серафимъ несказанно утѣшился такимъ милосердіемъ Божіимъ и приказалъ сестрѣ Еленѣ Васильевнѣ Мантуровой написать ей отъ него благодарственное письмо и

послалъ въ благословеніе сухариковъ. Только зимою 1829 г. была отмежована эта земля и тогда, весною о. Серафимъ приказалъ сестрамъ этотъ участокъ земли обрыть канавкою.

О радости батюшки о. Серафима, когда онъ получилъ въ подарокъ три десятины земли, свидѣтельствуетъ намъ и любимая батюшкой сестра Ксенія Васильевна. Когда она пришла къ о. Серафиму, онъ весь сіяющій воскликнулъ: „Видишь-ли матушка, какъ Сама Царица Небесная, схлопотала намъ землицы, вотъ мы тутъ мельницу-то и поставимъ!“

Въ Саровскомъ жизнеописаніи о. Серафима (1893 г. стр. 101) говорится, что отъ настоятеля о. Нифонта было позволено воспользоваться для сего дѣла Саровскимъ лѣсомъ и дано благословеніе сестрамъ вывозить лѣсъ для мельницы. Изъ этого можно заключить, что Саровскіе иноки подарили лѣсъ о. Серафиму и Дивѣевской общинѣ, основанной Агафьей Семеновной Мельгуновой, которая столько пожертвовала денегъ на холодный Саровскій соборъ и дала при смерти еще 40 тысячъ о. Пахомію. Но истина совершенно иная. Лѣсъ на мельницу былъ проданъ о. Нифонтомъ — о. Серафиму, который пріобрѣлъ его на свои деньги. Мало того, нынѣ живущая любимица о. Серафима монахиня Капиталина (Ксенія Васильевна) свидѣтельствуетъ слѣдующее: — „Много терпѣлъ за насъ батюшка, разсказываетъ старица, много родименькій принялъ за насъ, много перенесъ терпѣнія и гоненія! Какъ въ первые-то прислалъ нашъ батюшка на мельницу-то два столбика, да вовсе такъ и не значущіе, привезли ихъ къ намъ, да такъ у воротецъ-то и сложили, даже класть-то еще негдѣ было у насъ. Вдругъ глядимъ пріѣзжаютъ къ намъ изъ Сарова слѣдователи-монахи, обыскивать насъ. Бранятся: „вашъ Серафимъ все таскаетъ, говорятъ они, кряжи увезъ! Показывайте сейчасъ, гдѣ они у васъ запрятаны!“ Чудеса! Показали мы, лежащіе у воротъ столбики. Вотъ, говоримъ мы, что прислалъ намъ батюшка, глядите! И вѣрить не хотятъ, бранятся; „такія и сякіе, все попрятали! Куда намъ было и прятать-то, кельюшка была такъ, вовсе махонькая, а земля кругомъ,—вся чужая! Прихожу я послѣ къ батюшкѣ-то, а онъ меня и встрѣчаетъ: „Во говоритъ, радость моя! Суды заводятъ,

кряжи увезъ я Ксенья! Судить хотятъ убогаго-то Серафима, зачѣмъ слушаетъ Матерь-то Божію, что велитъ Она убогому, зачѣмъ Матерь-то Божію слушаетъ; зачѣмъ дѣвушекъ Дивѣевскихъ не оставляетъ! Прогнѣвались, матушка, прогнѣвались на убогаго Серафима! Скоро на Царицу Небесную подадутъ въ судъ!“ Въ виду этого разсказа нельзя сомнѣваться, что записи Дивѣевскаго монастыря справедливы и лѣсъ для мельницы купленъ о. Серафимомъ на свои деньги.

Только-что повѣствовавшую намъ сестру Ксенію Васильевну, весьма молодую въ то время, о. Серафимъ послалъ въ городъ Арзамасъ купить жерновые камни для мельницы. Боялась неопытная дѣвушка браться за такое непосильное порученіе, но о. Серафимъ пріободрилъ ее, впередъ разсказалъ, какъ ей слѣдуетъ ѣхать, кто встрѣтится, къ кому придется обратиться и т. д. Сознавая, что онѣ живутъ постоянными чудесами, Ксенія Васильевна рѣшилась поѣхать и исполнила приказаніе святаго отца. Но только она вернулась, какъ батюшка объявилъ ей, что Царица Небесная приказала имѣть два постава на мельницѣ, одинъ во имя Господа Іисуса Христа, а другой въ Свое имя, а потому ей слѣдуетъ отпратиться въ село Хохлово, къ знакомому ему торговцу, чтобы тамъ купить по случаю большаго размѣра камни. Ксенія опять смутилась, ибо не знала дороги въ село Хохлово, проходящей все время по лѣсу и никогда не встрѣчала у батюшки этого торговца, но послушная слову старца, она со страхомъ направилась къ означенной деревнѣ. Дорогой, никого не встрѣчая, Ксенія сомнѣвалась такъ ли идетъ она, но затѣмъ замѣтила, что предъ нею летало нѣсколько желтыхъ птичекъ, которыя отлетятъ и сядутъ, а когда она подойдетъ къ нимъ, снова вспорхнутъ и сядутъ на извѣстномъ разстояніи по дорогѣ. Тутъ она поняла, что птички посланы ей указывать путь и продолжала идти уже весело и радостно. Придя въ село Хохлово, она обратилась съ вопросомъ къ крестьянину, который смазывалъ свою телѣгу и приготовлялся въ путь. Оказалось, что передъ ней стоитъ именно тотъ торговецъ, къ которому

послалъ ее батюшка. Такъ исполнила Ксенія и второе порученіе.

Михаилу Васильевичу Мантурову о. Серафимъ приказалъ вѣдать всѣми работами. Съ 1825 г. сталъ посѣщать батюшку и о. Василій Садовскій, котораго великій старецъ очень полюбилъ и затѣмъ постепенно велъ по пути духовнаго совершенства. Въ своихъ запискахъ о. Василій разсказываетъ, что когда онъ въ первый разъ пришелъ къ о. Серафиму, то старецъ началъ поучать его, какъ слѣдуетъ руководить духовныхъ дѣтей и сестеръ обители, а затѣмъ, прося его въ свою очередь ихъ не оставить, сказалъ восторженно: „Какъ намъ оставить великое это Божіе дѣло и тѣхъ, о коихъ просила меня убогаго Серафима, матушка Агафья Семеновна! Вѣдь она была великая жена, святая, смиреніе ее было неисповѣдимо, слезъ источникъ непрестанный, молитва къ Богу чистѣйшая, любовь ко всѣмъ нелицемѣрная! Одежду носила самую простую и то многошвейную, и опоясывалась кушачкомъ съ узелкомъ; а какъ идетъ бывало, то госпожи великія ее ведутъ подъ ручки, столь за жизнь свою была всѣми уважаема! Такъ какъ же намъ презрѣть ея прошенія! Я вѣдь теперь одинъ остался изъ тѣхъ старцевъ (разумѣвая строителя Пахомія и казначея Исаію), коихъ просила она о заведенной ею общинкѣ. Такъ-то и я прошу тебя, батюшка, что отъ тебя зависитъ, и ты не оставь ихъ!“

О. Серафимъ, въ духовно-назидательныхъ бесѣдахъ своихъ съ приходящими, часто говорилъ: „Матушка Агафья Семеновна великая жена и всѣмъ намъ благотворительница была и столь изобиловала благодатію Божіею, скажу вамъ, что удостоилась дара духовнаго, имѣя слезъ источникъ непрестанный такой, что въ бытность ея здѣсь въ Саровѣ, во время службъ церковныхъ, становясь въ тепломъ соборѣ, противъ чудотворной иконы Живоноснаго Источника, изъ глазъ ея текли не слезы, а источники слезъ, точно она сама содѣлывалась тогда благодатнымъ источникомъ этихъ слезъ! Великая и святая жена была она, матушка Агафья Семеновна, вельми великая и святая!“

Сестра обители Дарья Зиновьевна свидѣтельствовала (Лѣтопись, тетрадь № 4), что о. Серафимъ говорилъ ей лично, въ присутствіи старицы Анны Алексѣевны и о. Павла, сосѣда своего по келіи въ монастырѣ, передавая два большихъ пука свѣчъ, бѣлыхъ и желтыхъ: „вотъ, батюшка, смотри,—я имъ даю свѣчъ въ воспоминаніе матушки Александры! Она святая была! Я и самъ донынѣ ея стопы лобызаю! Теперь пока ничего у васъ нѣтъ, а какъ Богъ благословитъ въ мощахъ она у васъ будетъ, тогда все у васъ явится; какъ источникъ потечетъ со всѣхъ сторонъ! Народъ будетъ смотрѣть и удивлятся, откуда что возьмется!“

О. Серафимъ, по свидѣтельству многихъ лицъ,—говорилъ о будущемъ Дивѣева, заповѣдуя всегда ходить и служить Казанской церкви и никогда не называть ее приходскою, такъ какъ со временемъ она присоединится къ монастырю и будетъ теплымъ, зимнимъ соборомъ обители. Онъ положительно предрѣкалъ, что со временемъ, по Божіему изволенію, должны въ обители почивать открытыми святыя мощи матери Александры и приказывалъ всѣмъ, каждый день утромъ и вечеромъ ходить кланяться ея могилѣ, произнося при этомъ: „Госпожа наша и мать, прости меня и благослови! Помолись, чтобы и мнѣ было прощено, какъ ты прощена и помяни меня у престола Божія!“

Извѣстно, что о. Серафимъ говорилъ также Еленѣ Васильевнѣ Мантуровой, Маріи Семеновнѣ Мелюковой, Дарьѣ Зиновьевнѣ, Екатеринѣ Егоровнѣ о томъ, что матушка Александра почиваетъ въ мощахъ, нынѣ-же мы имѣемъ обратное свидѣтельство лишь отъ престарѣлой Ксеніи Васильевны Прутковой т. е. монахини Капитолины, которая не подтверждаетъ показаній покойныхъ сестеръ и въ свою очередь свидѣтельствуетъ, будто о. Серафимъ ей говорилъ, что мать Александра достигла великаго и находится вблизи Св. Троицы, но не почіетъ въ мощахъ. Будущее покажетъ чьи слова были справедливы.

Старица Екатерина Егоровна, впослѣдствіи монахиня Евдокія, разсказывала (Лѣтопись, тетрадь № 4), что о. Серафимъ на слова ея „что гробъ матери Александры у приходской церкви“ такъ замѣтилъ ей: „Что это ты, матушка,

говоришь, чего выдумала, какая тамъ приходская церковь?! Нѣтъ у насъ приходской церкви и никогда не моги такъ говорить матушка! Церковь Казанская наша церковь, намъ матушка Александра и созиждила она и мощами своими тутъ почивать будетъ; и никогда такъ не могите называть ее— приходскою!"

Старица Прасковья Ивановна, впослѣдствіи монахиня Серафима, показала, что о. Серафимъ не задолго до своей кончины говорилъ ей: (Лѣтопись, тетрадь № 4): „у васъ, матушка, первоначальница-то мать Александра большихъ и высокихъ лицъ была! Я и по днесь ея стопы лобызаю! Вотъ она обитель заводила, а я возобновлю! Она почивать въ мощахъ у васъ будетъ, матушка!"

Старицѣ Устиньи Ивановнѣ, впослѣдствіи монахинѣ Иларіи, о. Серафимъ говорилъ: (Лѣтопись, тетрадь № 4): „если-бы ты знала только, матушка, какая великая раба Божія заводила мѣсто это и покоится у васъ въ обители, ты-бы не скучала! Одежда ея была многошвейная, платъ ветхій, и зеницы ее, не просыхали отъ слезъ! Я самъ и до нынѣ стопы ея лобызаю! Каждодневно ходи на ея могилу и проси ее помянуть тебя у престола Божія!"

Старицѣ Евдокіи Ефремовнѣ, впослѣдствіи монахинѣ Евпраксіи, удостоившейся съ о. Серафимомъ посѣщенія и видѣнія Матери Божіей въ день Благовѣщенія (см. Саровское изд. 1863 г. стр. 268) батюшка такъ говорилъ: (Лѣтопись, тетрадь № 4): „теперь будете скорбѣть, да скорбѣть, никакой отрады, а послѣ за то, какъ Господь мощи-то откроетъ, радость будетъ великая!

Мы привели здѣсь всѣ эти показанія покойныхъ сестеръ въ виду существующаго разногласія о предсказаніяхъ о. Серафима насчетъ открытія мощей матери Александры и чтобы охарактеризовать этотъ почему-то спорный вопросъ.

Изъ бесѣды о. Серафима съ о. Василіемъ Садовскимъ въ 1826 году, находящейся въ запискахъ послѣдняго, явствуетъ, что батюшка лично желалъ назначить начальницею своей мельничной обители Елену Васильевну Манту-

рову. Такъ предъ постройкою своимъ дѣвушкамъ „Мельницы-питательницы,“ какъ всегда выражался старецъ, призвалъ онъ священника о. Василія, который засталъ о. Серафима сидящимъ у своего источника грустнымъ, скорбнымъ. Вздыхая, батюшка произнесъ: „Старушка-то (т. е. матушка Ксенія Михайловна) у насъ плоха! Кого-бы намъ вмѣсто ее-то, батюшка?!“—„Кого уже вы благословите...“ отвѣтилъ недоумѣвающій о. Василій.—„Нѣтъ, ты какъ думаешь?!“ переспросилъ старецъ—„кого? Елену Васильевну или Ирину Прокопьевну?“ Но о. Василій и на этотъ вторичный вопросъ батюшки отвѣтилъ: „Какъ вы благословите, батюшка“. „Вотъ то-то, я и думаю Елену-то Васильевну, батюшка; она вѣдь словесная! Вотъ потому я и призвалъ тебя. Такъ ступай-ка ты, да и присылай ее ко мнѣ“, сказалъ о. Серафимъ.

Когда къ нему пришла Елена Васильевна, батюшка въ восторгѣ объявилъ ей, что она должна быть начальницею его обители. „Радость моя!“ сказалъ о. Серафимъ, „когда тебя сдѣлаютъ начальницей, то тогда, матушка, праздникъ будетъ великій и радость у васъ будетъ велія! Царская Фамилія васъ посѣтитъ матушка!“ Елена Васильевна страшно смутилась. „Нѣтъ, не могу, не могу я этого, батюшка!“ отвѣтила она прямо, „всегда и во всемъ слушалась я васъ, но въ этомъ не могу! Лучше прикажите мнѣ умереть, вотъ здѣсь, сейчасъ, у ногъ вашихъ, но начальницею—не желаю, и не могу я быть, батюшка!“

Не смотря на это о. Серафимъ впослѣдствіи, когда устроилась мельница и перевелъ въ нее семь первыхъ дѣвушекъ, приказалъ во всемъ имъ благословляться и относиться къ Еленѣ Васильевнѣ,—начальницѣ ихъ, хотя она такъ и осталась до самой смерти своей жить въ Казанско-церковной общинкѣ. Это до такой степени смущало юную подвижницу, что даже и передъ смертью своей, она твердила, какъ-бы въ испугѣ: „нѣтъ, нѣтъ, какъ угодно батюшкѣ, а въ этомъ не могу я его слушаться; что я за начальница! Не знаю, какъ буду отвѣчать за свою душу, а тутъ еще отвѣчать за другія! Нѣтъ, нѣтъ, да проститъ мнѣ ба-

тюшка, и послушать его въ этомъ никакъ не могу!“ Однако о. Серафимъ все время поручалъ ей всѣхъ присылаемыхъ имъ сестеръ и говоря о ней, называлъ всегда „Госпожа ваша!—Начальница!“ Вообще начальствованіе Елены Васильевны было и осталось загадочнымъ и непонятнымъ, такъ какъ вскорѣ она чудесно скончалась.

Теперь вернемся къ ближайшей пустынкѣ великаго старца. Авторъ Жизнеописанія о. Серафима Саровскаго изд. 1893 года (стр. 85—94) разсказываетъ, что лѣтомъ 1826 года, по желанію старца, богословскій родникъ былъ возобновленъ. Накатъ, закрывавшій бассейнъ, снятъ; сдѣланъ новый срубъ съ трубою для истока воды. Около бассейна старецъ сталъ теперь заниматься тѣлесными трудами. Собирая въ рѣкѣ Саровкѣ камешки, онъ выкидывалъ ихъ на берегъ и ими унизывалъ бассейнъ родника. Устроилъ здѣсь для себя гряды, удобривалъ ихъ мохомъ, садилъ лукъ и картофель. Старецъ избралъ себѣ это мѣсто потому, что, по болѣзни, не могъ ходить въ прежнюю свою келію за шесть верстъ отъ монастыря. Даже затруднительно становилось ему послѣ утреннихъ трудовъ на ногахъ посѣщать для отдохновенія въ полуденное время келію о. Дороѳея, которая стояла отъ родника всего на четверть версты. Для о. Серафима устроенъ былъ на берегу горы, подлѣ родника, новый небольшой срубъ, вышиною въ три аршина, длиною въ три и шириною въ два. Сверху его накрывалъ скатъ на одну сторону. Не было въ немъ ни оконъ, ни двери. Входъ же въ этотъ срубецъ открытъ былъ земляной со стороны горы, подъ стѣнкой. Подлѣзши подъ стѣнку, старецъ отдыхалъ въ этомъ убѣжищѣ послѣ трудовъ, скрываясь отъ полуденнаго зноя. Потомъ въ 1827 году здѣсь же, на горкѣ около родника, ему поставили новую келію съ дверями, но безъ оконъ; внутри ея была печь, совнѣ сколочены сѣнцы изъ досокъ. Въ теченіе 1825 — 1826 годовъ старецъ ежедневно хаживалъ къ этому мѣсту. А когда устроили ему келію, онъ началъ уже постоянно проводить всѣ дни здѣсь, въ пустынѣ; вечеромъ возвращался въ обитель. Идя въ обитель и изъ обители въ обыкновенномъ бѣломъ ветхомъ холщевомъ балахонѣ, въ убогой камилавкѣ, съ топоромъ или

мотыкою въ рукахъ, онъ носилъ за плечами суму, грузно наполненную камнями и пескомъ, въ которой лежало и св. Евангеліе. Нѣкоторые спрашивали: „для чего онъ это дѣлаетъ?“ Онъ отвѣчалъ словами св. Ефрема Сирина: „я томлю томящаго мя“. Мѣсто это извѣстно съ тѣхъ поръ подъ именемъ *ближней* пустыни о. Серафима, а родникъ стали называть *колодцемъ о. Серафима*.

Ксенія Васильевна Путкова разсказываетъ слѣдующее объ этой пустынкѣ (тетрадь № 6, разсказъ № 32): „и вотъ еще какъ задолго предсказалъ мнѣ нашъ родименькій батюшка, что пустынка-то его, наша будетъ, къ намъ отойдетъ! Пришла я къ нему въ Саровъ и въ самое то время, какъ усердіемъ вѣрующихъ ему строилась эта вотъ пустынка его. Посадилъ онъ меня возлѣ и самъ сѣлъ, и много, много говорилъ мнѣ назидательно о кротости, смиреніи и любви; какъ должны мы любить его и кто такъ будетъ поступать, тотъ всегда съ нимъ будетъ; потомъ и говоритъ: „я тебя къ себѣ возьму! Вотъ смотри-ка радость моя, вѣдь эта вотъ пустынка намъ съ тобою строится: вѣдь она у васъ будетъ пустынка-то и будемъ мы жить какъ Авраамъ и Марія!“ А я по молодости лѣтъ не понимая ничего, смѣючись просто говорю батюшкѣ: „а я возьму да и уйду отъ васъ, какъ Марія-то отъ Авраамія.“ „Нѣтъ, отвѣчаетъ, радость моя, нѣтъ тебѣ дороги уйти-то; Авраамъ да Марія жили во притворѣ, а я тебя внутрь себя возьму! Ты и не уйдешь матушка!“ Ужь много лѣтъ послѣ, когда привезли намъ пустынку, уразумѣла я слова батюшки; вѣдь всегда я была съ нимъ духомъ и не могла уже уйти изъ обители“.

Со времени построенія новой келіи, въ 1827 году, дѣятельность и труды о. Серафима постоянно раздѣлены были между двумя мѣстностями: обитель и ближняя пустынь были попеременно его поприщемъ.

Въ монастырѣ онъ оставался по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, причащаясь за раннею литургіею въ больничной церкви св. Таинъ. Въ будни же онъ почти ежедневно ходилъ въ лѣсъ въ ближнюю пустыню. Въ монастырѣ онъ проводилъ ночи. На день же, съ четырехъ, даже съ

двухъ часовъ ночи удалялся въ ближнюю пустыню, проведя въ ней время до семи или восьми часовъ пополудни. Число посѣтителей его весьма увеличилось. Одни дожидались его въ монастырѣ, желая увидѣть его, принять благословеніе и услышать слово назиданія; другіе приходили къ нему въ пустынную келію. Старцу, ослабѣвшему въ силахъ, было тяжело простирать дѣятельность свою на огромную массу людей. Чтобы сократить число посѣтителей, не развлекаться, отъ собесѣдованія, о. Серафимъ въ началѣ поселенія въ ближней пустынѣ причащался св. Таинъ, какъ и во время затвора, въ своей келіи. Нѣкоторыхъ стало соблазнять это обстоятельство. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, старецъ ходитъ въ пустынь за двѣ слишкомъ версты отъ монастыря, а св. Таинъ причащается въ келіи? Но соблазняться было нечѣмъ... Старецъ продолжалъ причащаться въ келіи потому собственно, чтобы избѣгнуть многочисленныхъ посѣтителей, которыхъ еще не въ силахъ былъ принимать къ себѣ. Однако же, для предотвращенія соблазна немощныхъ въ совѣсти, отъ епископа Тамбовскаго послѣдовало предложеніе, чтобы старецъ Серафимъ самъ приходилъ въ церковь для причащенія св. Таинъ. Услышавши о такомъ распоряженіи, онъ сказалъ, что не оставитъ причащаться св. Таинъ, хотя бы пришлось для этого ходить на колѣняхъ, и распоряженіе архіерея принялъ со смиреніемъ. Но, кажется, это было распоряженіемъ свыше земной власти съ цѣлію—короче сблизить старца съ нуждами вѣрующихъ. Ибо когда о. Серафимъ сталъ ходить въ больничную церковь къ ранней литургіи, то число усердствующихъ къ нему возрасло до огромной цифры. Старецъ почти не имѣлъ покоя ни въ пустынѣ, ни на дорогѣ, ни въ монастырѣ. Строитель Нифонтъ, любившій старца Серафима, о множествѣ посѣтителей говаривалъ, бывало, такъ: „когда о. Серафимъ жилъ въ пустынѣ (первой и дальней), то закрылъ всѣ входы къ себѣ деревьями, чтобы народъ не ходилъ; а теперь сталъ принимать къ себѣ всѣхъ, такъ что мнѣ до полуночи нѣтъ возможности закрыть воротъ монастырскихъ“.

Умилительно было видѣть, какъ старецъ, послѣ причастія св. Таинъ, возвращался изъ церкви въ свою келію...

Онъ шелъ въ мантіи, епитрахили и поручахъ, какъ обыкновенно приступалъ къ таинству. Шествіе его было медленно отъ множества толпившагося народа, изъ среды котораго всякій силился, хотя слегка, взглянуть на старца. Но онъ въ это время ни съ кѣмъ не говорилъ, никого не благословлялъ и какъ бы ни души не видалъ вокругъ себя: взоръ его былъ потупленъ долу, а умъ погруженъ внутрь себя. Въ эти минуты онъ входилъ своею душею въ размышленіе о великихъ благодѣяніяхъ Божіихъ, явленныхъ людямъ таинствомъ св. Причащенія. И благоговѣя къ чудному старцу, никто не смѣлъ даже прикоснуться къ нему. Пришедши въ свою келію, онъ уже всѣхъ усердствующихъ принималъ къ себѣ, благословлялъ, а желающимъ предлагалъ и душеспасительное слово.

Не менѣе умилительно было видѣть этого смиреннаго, сѣдовласаго, сгорбленнаго старца, подпиравшагося мотыкою, или топоромъ, въ пустынѣ за рубкою дровъ, воздѣлываніемъ грядъ, въ убогой камилавкѣ, въ бѣломъ балахонѣ, съ извѣстною уже намъ сумою за плечами.

Но всего болѣе усладительна была его бесѣда. Умъ у о. Серафима былъ свѣтлый, память твердая, взглядъ истинно-христіанскій, сердце для всѣхъ доступное, воля непреклонная, даръ слова живой и обильный. Рѣчь его была столь дѣйственна, что слушатель получалъ отъ нея душевную пользу. Бесѣды его были исполнены духомъ смиренія, согрѣвали сердце, снимали съ очей какъ бы нѣкоторую завѣсу, озаряли умы собесѣдниковъ свѣтомъ духовнаго разумѣнія, приводили ихъ въ чувство раскаянія и возбуждали рѣшительную перемѣну къ лучшему, невольно покоряли себѣ волю и сердце другихъ, разливали въ нихъ миръ и тишину. Какъ собственныя дѣйствія свои, такъ и свои слова старецъ Серафимъ основывалъ на словѣ Божіемъ, подтверждая ихъ наиболѣе мѣстами Новаго Завѣта, на писаніяхъ св. Отцевъ, и на примѣрахъ святыхъ, Богу благоугодившихъ. Все сіе потому еще имѣло особенную силу, что прямо прилагалось къ потребностямъ слушателей. По чистотѣ духа своего онъ

имѣлъ даръ прозорливости; инымъ, прежде раскрытія обстоятельствъ, давалъ наставленія, относившіяся прямо ко внутреннимъ ихъ чувствамъ и мыслямъ сердечнымъ.

Впрочемъ, старецъ, украшенный высокою духовною опытностію, наблюдалъ извѣстныя правила въ раскрытіи предъ другими своихъ благодатныхъ дарованій. Правила сіи изложены имъ въ наставленіи: *о храненіи познанныхъ истинъ*.

„Не должно—говорилъ онъ—безъ нужды другому открывать сердца своего; изъ тысячи найти можно только одного, который бы сохранилъ твою тайну. Когда мы сами не сохранимъ ее въ себѣ, какъ можемъ надѣяться, что она можетъ быть сохранена другимъ?

„Съ человѣкомъ душевнымъ надобно говорить о человѣческихъ вещахъ; съ человѣкомъ же, имѣющимъ разумъ духовный, надобно говорить о небесныхъ.

„Исполненные духовною мудростію, люди разсуждаютъ о духѣ какого либо человѣка по священному Писанію, смотря, сообразны ли слова его съ волею Божіею, и потому дѣлаютъ о немъ заключеніе.

„Когда случится быть среди людей въ мірѣ, о духовныхъ вещахъ говорить не должно, особенно когда въ нихъ не примѣчается и желанія къ слушанію.

„Надобно въ семъ случаѣ слѣдовать ученію св. Діонисія Ареопагита (о небесн. іерар. гл. 2): содѣлавшися самъ божественъ, божественныхъ вещей познаніемъ и въ тайнѣ ума сокрывъ святая отъ неосвященнаго народа, яко единообразная храни: не бо праведна есть, яко же Писаніе глаголетъ, повергнути въ свинія умныхъ маргаритовъ—чистое, свѣтовидное и драгоцѣнное благоукрашеніе. Надобно содержать въ памяти слово Господне: *не пометайте бисеръ вашихъ предъ свиніями, да не попрутъ ихъ ногами своими, и вращшеся расторгнутъ вы* (Мѳ. 7, 6).

„А потому всѣми мѣрами должно стараться скрывать въ себѣ сокровище дарованій: въ противномъ случаѣ потеряешь и не найдешь. Ибо, по опытному изреченію св. Исаака Сирина, лучше есть помощь, яже отъ храненія, паче помощи, яже отъ дѣлъ (Сл. 89).

„Когда же надобность потребуетъ или дѣло дойдетъ, то откровенно въ славу Божію дѣйствовать должно, по глаголу: *Азъ прославляющія Мя прославлю* (1 Цар. 2, 30), потому что путь уже открылся“.

Такими-то правилами духовнаго разсужденія руководствовался о. Серафимъ въ своемъ обхожденіи съ другими.

Особенную любовь и почтеніе о. Серафимъ имѣлъ къ тѣмъ святителямъ, которые были ревнителями *Православной* вѣры Христовой; какъ-то: Клименту папѣ римскому, Іоанну Златоусту, Василію Великому, Григорію Богослову, Аѳанасію Александрійскому, Кириллу Іерусалимскому, Епифанію Кипрскому, Амвросію Медіоланскому и имъ подобнымъ, называя ихъ столпами церкви. Жизнь и подвиги ихъ онъ приводилъ въ примѣръ твердости и непоколебимости въ вѣрѣ. Убѣждалъ твердо стоять за истину догматовъ Православной церкви, приводя въ примѣръ блаженнаго Марка ефесскаго, явившаго непоколебимую ревность въ защитѣ Восточно-каѳолической вѣры на соборѣ во Флоренціи. Самъ предлагалъ разныя наставленія о православіи, изъясняя, въ чемъ оно состоитъ, что оно одно содержитъ въ себѣ истину Христовой вѣры въ цѣлости и чистотѣ, и какъ надобно защищать его. Любилъ говорить о святителяхъ отечественной церкви— Петрѣ, Алексіѣ, Іонѣ, Филиппѣ, Димитріѣ Ростовскомъ, Стефанѣ Пермскомъ, преподобномъ Сергіѣ Радонежскомъ и другихъ россійскихъ угодникахъ Божіихъ, поставляя жизнь ихъ правиломъ на пути ко спасенію. Житія святыхъ, описанныя въ Четьи-Минеи, творенія многихъ отцевъ Церкви, такъ твердо зналъ, что на память пересказывалъ изъ нихъ цѣлыя отдѣленія, совѣтуя подражать жизни угодниковъ Божіихъ и слѣдовать ихъ ученію.

Особеннымъ свойствомъ его обхожденія и бесѣдъ были любовь и смиренномудріе. Кто бы ни былъ приходившій къ нему, бѣднякъ ли въ рубищѣ, или богачъ въ свѣтлой одеждѣ, съ какими бы кто ни приходилъ нуждами, въ какомъ бы грѣховномъ состояніи ни находилась его совѣсть, онъ всѣхъ лобызалъ съ любовію, всѣмъ кланялся до земли и, благословляя, самъ цѣловалъ руки даже не у посвященныхъ людей. Никого не поражалъ онъ жестокими укориз-

нами или строгими выговорами; ни на кого не возлагалъ тяжкаго бремени, самъ нося крестъ Христовъ со всѣми скорбями. Говорилъ онъ иныхъ и обличенія, но кротко, растворяя слово свое смиреніемъ и любовію. Старался возбудить голосъ совѣсти совѣтами, указывалъ пути спасенія и часто такъ, что слушатель его на первый разъ и не понималъ, что дѣло идетъ о душѣ его. Послѣ же сила слова, осоленнаго благодатію, непремѣнно производила свое дѣйствіе. Не выходили отъ него безъ дѣйствительнаго наставленія ни богатые, ни бѣдные, ни простые, ни ученые, ни вельможи, ни простолюдины; для всѣхъ было довольно живой воды, текущей изъ устъ прежняго молчальника, смиреннаго и убогаго старца. Народу, особенно въ послѣдніе десять лѣтъ его жизни, къ нему стекалось ежедневно цѣлыя тысячи. Ежедневно при многочисленномъ собраніи пришельцевъ въ Саровъ, у него бывало въ келіи около 2000 человѣкъ и болѣе. Онъ не тяготился и со всякимъ находилъ время побесѣдовать на пользу души. Въ краткихъ словахъ онъ объяснялъ каждому то, что ему именно было благопотребно, открывая часто самые сокровенные помыслы обращавшихся къ нему. Всѣ ощущали его благопривѣтливую истинно-родственную любовь и ея силу, и потоки слезъ иногда вырывались и у такихъ людей, которые имѣли твердое и окаменѣлое сердце.

Пріѣхалъ однажды въ Саровъ заслуженный генералъ-лейтенантъ Л. Цѣлію пріѣзда его было любопытство. И такъ, поосмотрѣвъ монастырскія зданія, онъ хотѣлъ уже и проститься съ монастыремъ, не получивъ для души своей никакого духовнаго дара, но, неожиданно, встрѣтилъ здѣсь помѣщика Алексѣя Неофитовича Прокудина и разговорился съ нимъ. Собесѣдникъ предложилъ генералу зайти къ затворнику старцу Серафиму, но генералъ, только съ трудомъ уступилъ убѣжденіямъ Прокудина. Какъ только вступили они въ келію, старецъ Серафимъ, идя къ нимъ на встрѣчу, поклонился генералу въ ноги. Такое смиреніе поразило гордость Л. Прокудинъ, замѣтивъ, что ему не слѣдуетъ оставаться въ келіи, вышелъ въ сѣни, и генералъ, украшенный орденами,

около получаса бесѣдовалъ съ затворникомъ. Чрезъ нѣсколько минутъ послышался изъ келіи старца плачъ: то плакалъ генералъ, точно дитя малое. Чрезъ полчаса раскрылась дверь и о. Серафимъ вывелъ генерала подъ руки; онъ продолжалъ плакать, закрывъ лице руками. Ордена и фуражка были забыты имъ отъ горести у о. Серафима. Преданіе говоритъ, будто ордена свалились у него во время бесѣды сами собою. О. Серафимъ вынесъ все это и ордена надѣлъ на фуражку. Впослѣдствіи генералъ этотъ говорилъ, что онъ прошелъ всю Европу, знаетъ множество людей разнаго рода, но въ первый разъ въ жизни увидѣлъ такое смиреніе, съ какимъ встрѣтилъ его Саровскій затворникъ, и еще никогда не зналъ о той прозорливости, по которой старецъ раскрылъ предъ нимъ всю его жизнь до тайныхъ подробностей. Между прочимъ, когда кресты свалились у него, о. Серафимъ сказалъ: „это потому, что ты получилъ ихъ незаслуженно“.

Съ особеннымъ усердіемъ заботился старецъ Серафимъ о тѣхъ, у кого видѣлъ расположеніе къ добру; на пути блага онъ старался утвердить ихъ всѣми духовно-христіанскими средствами и силами. Впрочемъ, не смотря на любовь ко всѣмъ, о. Серафимъ къ нѣкоторымъ былъ строгъ. Но и съ нелюбящими его онъ былъ *миренъ*, обходился кротко и любовно. Не было замѣчено, чтобы онъ какое-либо дѣло отнесъ къ себѣ или хвалилъ себя, но всегда благословляя Господа Бога, говорилъ: *не намъ, Господи, не намъ, но имени Твоему даждь славу* (Псал. 113, 9). Когда же видѣлъ, что приходившіе къ нему внимали его совѣтамъ, слѣдовали его наставленіямъ, то не восхищался симъ, какъ бы плодомъ своего дѣла. „Мы—говорилъ онъ—должны всякую радость земную отъ себя удалять, слѣдуя ученію Іисуса Христа, Который сказалъ: *о семъ не радуйтесь, яко дуси вамъ повинуются: радуйтеся же, яко имена ваша написана суть на небесѣхъ*“ (Лук. 10, 20).

Кромѣ дара прозорливости, Господь Богъ продолжалъ являть въ старцѣ Серафимѣ благодать исцѣленія недуговъ и болѣзней тѣлесныхъ. Такъ 11-го іюня 1827 года исцѣлена была Александра, жена, Нижегородской губерніи, Ардатовскаго уѣзда, села Елизарьева двороваго человѣка Вар-

ѳоломея Тимофеева Лебедева. Въ то время этой женщинѣ было 22 года, и она имѣла двухъ дѣтей. 6-го апрѣля 1826 года, въ день сельскаго праздника, она, возвратившись послѣ литургіи изъ церкви, пообѣдала и потомъ вышла за ворота прогуляться съ мужемъ. Вдругъ, Богъ знаетъ съ чего, съ нею сдѣлалась дурнота, головокруженіе; мужъ едва могъ довести ее до сѣней. Здѣсь она упала на полъ. Съ нею началась рвота и ужасныя судороги; больная помертвѣла и впала въ совершенное безпамятство. Чрезъ полчаса, какъ бы пришедши въ себя, она начала скрежетать зубами, грызть все, что попадалось и наконецъ уснула. Спустя мѣсяцъ эти болѣзненные припадки стали повторяться съ нею ежедневно, хотя не всякій разъ въ одинаково сильной степени.

Сначала больную лечилъ домашній сельскій лекарь Афанасій Яковлевъ, но предпринимаемыя имъ средства не имѣли никакого успѣха. Потомъ возили Александру на Илевскій и Вознесенскій желѣзные заводы: тамъ былъ иностранный докторъ; онъ взялся лечить ее, давалъ разные медикаменты, но, не видя успѣха, отказался отъ дальнѣйшаго леченія и совѣтовалъ еще съѣздить въ Выксу, на чугунные заводы. „Въ Выксѣ же, по описанію мужа больной, докторъ былъ иностранецъ *съ большою привилегіею*“. По доброму согласію съ управляющимъ, который принималъ участіе въ больной, выксинскій докторъ истощилъ все свое вниманіе, познанія и искусство и наконецъ далъ такой совѣтъ: „теперь вы положитесь на волю Всевышняго, и просите у Него помощи и защиты; изъ людей же никто васъ вылечить не можетъ.“ Такой конецъ леченія очень опечалилъ всѣхъ и больную повергъ въ отчаяніе.

Въ ночь на 11-е іюня 1827 года больная увидѣла сонъ. Явилась ей незнакомая женщина, весьма старая, со впалыми глазами и сказала: „что ты страждешь и не ищешь себѣ врача?“ Больная испугалась и, положивши на себя крестное знаменіе, начала читать молитву св. Кресту: *Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его.* Явившаяся отвѣчала ей: „не убойся меня: я такой же человѣкъ, только теперь не сего свѣта, а изъ царства мертвыхъ. Встань съ одра своего и поспѣши скорѣе въ Саровскую обитель къ

о. Серафиму: онъ тебя ожидаетъ къ себѣ завтра и исцѣлитъ тебя.“ Больная осмѣлилась спросить ее: „Кто ты такая и откуда?“ Явившаяся отвѣчала: „Я изъ Дивѣевской общины, первая тамошняя настоятельница Агаѳія“. На другой день утромъ родные запрягли пару господскихъ лошадей и поѣхали въ Саровъ. Только больную невозможно было везти шибко: безпрестанно дѣлались съ нею обмороки и судороги. Сарова достигла больная уже послѣ поздней литургіи, во время трапезы братіи. Отецъ Серафимъ затворился и никого не принималъ; но больная, приблизившись къ его келіи, едва успѣла сотворить молитву, какъ о. Серафимъ вышелъ къ ней, взялъ ее за руки и ввелъ въ свою келію. Тамъ онъ накрылъ ее епитрахилью и тихо произнесъ молитвы ко Господу и Пресвятой Богородицѣ; потомъ онъ напоилъ больную св. богоявленскою водою, далъ ей частицу св. антидора, да три сухарика и сказалъ: „каждыя сутки принимай по сухарю со св. водою да еще: сходи въ Дивѣево на могилу рабы Божіей Агаѳіи, возьми себѣ земли и сотвори на семъ мѣстѣ, сколько можешь, поклоновъ: она (Агаѳія) о тебѣ сожалѣетъ и желаетъ тебѣ исцѣленія“. Потомъ прибавилъ: „когда тебѣ будетъ скучно, ты помолись Богу и скажи: „отче Серафиме! помяни меня на молитвѣ и помолися обо мнѣ грѣшной, чтобы не впасть мнѣ опять въ сію болѣзнь отъ супостата и врага Божія“. Тогда отъ болящей недугъ отошелъ ощутительно съ великимъ шумомъ: она была здорова во все послѣдующее время и невредима. Послѣ этого недуга она родила еще четырехъ сыновъ и пять дочерей. Собственноручная запись о семъ мужа исцѣленной оканчивается слѣдующимъ послѣсловіемъ: „имя о. Серафима мы и поднесь въ нашемъ сердцѣ глубоко сохраняемъ и на каждой панихидѣ поминаемъ его со своими родными“.

ГЛАВА IX.

Закладка мельницы Дивѣевской обители въ 1827 году. Хлопоты М. В. Мантурова по заготовленію матеріаловъ для постройки церкви. Построеніе мельницы и распоряженія о. Серафима по устройству новой своей обители. Первыя двѣнадцать сестеръ Серафимовой пустыни. Уставъ мельничной обители и батюшкино «правильце». Разсказы сестеръ о первоначальной ихъ жизни въ новой обители. Предсказанія о. Серафима о будущемъ обители. Повѣствованія сестеръ о бесѣдахъ съ о. Серафимомъ. Построеніе корпуса для Великой Госпожи. Вѣра сестеръ Дивѣевской обители въ батюшку Серафима.

9-го декабря 1826 года состоялась закладка мельницы, на чужой тогда землѣ г-на Ваташева, обѣщанной о. Серафиму сестрою помѣщика г-жею Постниковой.

„Въ зачатіе матери Анны и я хочу зачать обитель!“ торжественно и восторженно объявилъ святой старецъ, основатель будущей великой обители. Сестрѣ Ксеніи Васильевнѣ батюшка далъ ниточку, по размѣру которой и приказалъ сдѣлать закладку мельницы. Затѣмъ, ближайшій помѣщикъ А. Н. Прокудинъ, имѣвшій вѣру и уваженіе къ о. Серафиму, прислалъ мельничнаго мастера и 12 человѣкъ плотниковъ, которыми мельница построена въ скорое время.

Въ брошюрѣ изд. 1849-го года (стр. 64) о подвигахъ о. Серафима говорится, что „старецъ приказалъ одному Лихачевскому крестьянину Ефиму Васильеву, искусному въ плотнической работѣ и въ то время, горящему къ нему любовію и вѣрою, чтобы онъ на избранномъ имъ мѣстѣ, на небольшомъ лугу, сначала набилъ колья, а потомъ мало по

малу построилъ-бы изъ Саровскаго лѣса и самую мельницу о двухъ поставахъ. Посланный крестьянинъ немедленно началъ исполнять въ точности приказанія старца, по его благословенію. Когда же его останавливали и препятствовали его самовольной, по видимому работѣ (на чужой землѣ), потому что онъ началъ ее безъ позволенія господъ, Ефимъ Васильевъ терпѣливо сносилъ всѣ оскорбленія и отвѣчалъ мѣшавшимъ просто, что о. Серафимъ приказалъ ему это дѣлать, и тѣмъ заставлялъ отступаться отъ себя.“ По показаніямъ современниковъ, дѣйствительно всѣ постройки въ Дивѣевѣ батюшка о. Серафимъ поручилъ Ефиму Васильеву, и впослѣдствіи былъ нерасположенъ къ помѣщику Прокудину, который много обѣщалъ, но ничего не исполнялъ.

Весною 1827 г. начали строить мельницу, а лѣтомъ 7 іюля, наканунѣ праздника Казанской Божіей Матери, она замолола.

Въ этомъ-же 1827-мъ году о. Серафимъ сказалъ постоянно приходившему къ нему за приказаніями и распоряженіями Михаилу Васильевичу Мантурову: „Радость моя! бѣдная-то общинка наша въ Дивѣевѣ, своей церкви не имѣетъ, а ходить-то имъ въ приходскую, гдѣ крестины, да свадьбы не приходится, вѣдь онѣ дѣвушки; Царицѣ Небесной угодно, чтобы была у нихъ своя церковь къ паперти-же Казанской церкви пристроена, такъ какъ паперть эта, достойна алтаря, батюшка! Вѣдь матушка Агаѳья Семеновна, стоя на молитвѣ всю токами слезъ своего смиренія омыла ее; вотъ, радость моя и выстрой ты храмъ этотъ Рождеству Сына Ея Единороднаго, сиротамъ моимъ!“ У Михаила Васильевича Мантурова хранились въ неприкосновенности деньги отъ продажи имѣнія, которыя батюшка приказалъ спрятать до времени. Теперь насталъ часъ Михаилу Васильевичу отдать все свое достояніе Господу и такія деньги, были несомнѣнно угодны Спасителю міра. Слѣдовательно, церковь Рождества Христова создалась на средства человѣка, принявшаго на себя добровольно подвигъ нищенства.

— „Благословите батюшка!“ отвѣтилъ Михаилъ Васильевичъ и тотчасъ приступилъ къ хлопотамъ о разрѣшеніи постройки и по приготовленію матеріаловъ, на что требовалось въ такой глухой мѣстности много времени.

О. Серафиму предлагали нѣсколько разъ выстроить Дивѣевскимъ сестрамъ храмъ, но онъ отвергалъ приносимыя деньги, какъ „не чистыя и не угодныя Царицѣ Небесной". Такъ сестра Ксенія Васильевна свидѣтельствуетъ: (Лѣтопись, тетрадь № 6, разсказъ ея подъ № 26), что она однажды, не называя личности, радостно сказала батюшкѣ, будто имъ обѣщаютъ выстроить церковь, но о. Серафимъ отвѣтилъ: „а вы не слишкомъ-то радуйтесь, да не очень-то на благодѣтелей надѣйтесь! Вотъ что я разскажу тебѣ, радость моя! Разъ поусердствовали два помѣщика и говорятъ мнѣ: „благословите, батюшка, мы на могилѣ матушки Александры чугунный памятникъ поставимъ. А я имъ отвѣчаю: что въ немъ пользы?! Нѣтъ никакой пользы, батюшки; а вотъ лучше вы намъ прикладецъ сдѣлайте на новую церковь-то, что тамъ строиться будетъ! Услыхавъ это они такъ и запасмурились: нѣтъ, говорятъ, это намъ не подручно и далеко! Ничего, отвѣчаю я, найдемъ на то человѣка. Хорошо! говорятъ. Вотъ мы съ Мишенькой-то (Мантуровымъ) все и ждемъ. Пождемъ, да такъ, матушка, и до сихъ то вотъ поръ все ждемъ!, а ихъ все нѣтъ, какъ нѣтъ! Вотъ уже и разрѣшеніе то пришло (т. е. на построеніе храма), а мы получили отказъ отъ благодѣтелей-то, матушка! Нечего на благодѣтелей-то надѣяться; никогда не надо!" Затѣмъ, подождавъ немного, о. Серафимъ спросилъ Ксенію: „а кто-же это обѣщалъ-то тебѣ радость моя?"—„Да, Прокудинъ," отвѣтила Ксенія. „Это онъ-то! воскликнулъ о. Серафимъ, „и не моги и не моги брать матушка, и не надо! Онъ уже мнѣ и Мишенькѣ говорилъ, да я не приказалъ, матушка! Запомни разъ навсегда: не всякія деньги угодны Господу и Его Пречистой Матери! И не всякія деньги попадутъ въ обитель мою, матушка! Мало-ли что, другіе-бы и рады дать, только возьми, да не всякія то деньги приметъ Царица Небесная. Смотря какія деньги; бываютъ деньги обидъ, слезъ и крови! Намъ такія не нужны, мы не должны принимать ихъ, матушка!"

Построивъ мельницу-питательницу сиротъ своихъ, какъ батюшка о. Серафимъ называлъ ее, онъ перевелъ въ нее, по приказанію Божіей Матери семь сестеръ изъ общины

матери Александры. Восьмой батюшка считалъ Елену Васильевну, какъ сказано въ прошлой главѣ. До глубокой осени жили эти семь сестеръ на мельницѣ, не имѣя еще келiи. Вотъ списокъ этихъ семи сестеръ: первая—Прасковья Степановна Шаблыгина, съ которой молился о. Серафимъ 1-го декабря 1825-го года въ дальней пустынкѣ. Она была дѣвушка изъ крестьянъ деревни Вертьяново (впослѣдствiи монахиня Пелагея); вторая—Евдокiя Ефремовна, дѣвица изъ крестьянъ села Алямасова (впослѣдствiи монахиня Евпраксiя) высокой жизни, удостоившаяся быть въ 1831-мъ году въ день Благовѣщенiя при посѣщенiи о. Серафима Царицей небесною, со святыми (см. изд. 1863 г.); третья—Ксенiя Ильинична Потѣхина, крестьянская дѣвица деревни Вилейки (впослѣдствiи послѣдняя начальница мельничной общинки и благочинная Дивѣевскаго монастыря, монахиня Клавдiя); четвертая—Ксенiя Павловна; пятая—Прасковья Ивановна (впослѣдствiи монахиня Серафима); шестая—Дарья Зиновьевна и седьмая Анна Алексѣевна. Для духовнаго руководства о. Серафимъ поручилъ ихъ всѣхъ новому Дивѣевскому священнику о. Василiю Садовскому, котораго назначилъ быть и духовникомъ для нихъ, говоря, что на это есть воля Божiя, Царицы Небесной и его благословенiе. Избранныя сестры были изъ числа тѣхъ дѣвъ, которыя въ прежнее время самимъ старцемъ опредѣлены въ общину Агафiи Семеновны Мельгуновой. Не имѣя еще келiи, сестры до глубокой осени жили на самой мельницѣ и занимались работами. Въ концѣ же октября построили свою келiю, въ которой одной и помѣстились всѣ. Черезъ непродолжительное время о. Серафимъ прiобрѣлъ для нихъ житницу и поставили ее противъ келiи. Послѣ сего онъ благословилъ имъ строить и другiя келiи для вновь приходящихъ сестеръ. Строенiя о. Серафимъ распорядился вести въ двѣ линiи, такъ, чтобы мельница приходилась въ срединѣ или противъ промежутка. Около года, по заведенiи мельничной общины, сестры ходили за трапезу въ прежнюю обитель и не мало имъ было скорби отъ такихъ странствованiй. Потомъ о. Серафимъ благословилъ имъ печь хлѣбъ и варить квасъ у себя, отдѣльно отъ Дивѣевскихъ, и самъ пробовалъ ихъ

столъ, который изрѣдка приносили ему, по его желанію. Разъ сестра Параскева Ивановна, послѣ трудовъ въ лѣсу, вкушала вмѣстѣ съ о. Серафимомъ въ обѣденное время сухой хлѣбъ съ водою. Старецъ замѣтилъ: „это еще, матушка, хлѣбъ насущный; а когда я былъ въ затворѣ, то питался зеліемъ: траву снить обливалъ горячею водою, такъ и вкушалъ. Это пустынная пища и вы ее вкушайте." Съ тѣхъ поръ по благословенію старца, въ общинѣ стали готовить снить, отваривая ее въ водѣ съ солью. Сверхъ того, когда сестры бывали у него, онъ, послѣ духовнаго утѣшенія, отпускалъ ихъ обратно не иначе, какъ съ ношею сухарей или толокна. Одна изъ сестеръ, имя ей Марія Ивановна, назначена была для приготовленія трапезы.

Вскорѣ одна изъ семи мельничныхъ сестеръ Ксенія Павловна скончалась и о. Серафимъ чрезъ три года началъ присылать въ свою обитель новыхъ сестеръ, но не иначе какъ дѣвицъ. Н. А. Мотовиловъ свидѣтельствуетъ въ своихъ запискахъ, что о. Серафимъ ему объяснилъ это установленное имъ правило поступленія въ мельничную обитель такъ: „какъ я и самъ—дѣвственникъ, батюшка, то Царица небесная благословила, чтобы въ обители моей были бы только одни дѣвушки!" Вдовицъ, желающихъ поступить въ обитель, о. Серафимъ посылалъ къ начальницѣ Ксеніи Михайловнѣ. Въ то-же время батюшка о. Серафимъ, считавшій начальницею мельничной обители Елену Васильевну Мантурову, добавилъ сестеръ до 12-ти; такъ, восьмою опредѣлилъ Прасковью Семеновну Мелюкову, крестьянскую дѣвицу деревни Погибловой, старшую сестру Маріи Семеновны; девятой—любимицу свою Ксенію Васильевну Путкову (впослѣдствіи монахиня Капитолина); десятой—Анисью Семеновну; одинадцатой—Агафію Ивлевну и двѣнадцатой Екатерину Егоровну. „Вино новое—вливаю въ мѣхи новые!" сказалъ о. Серафимъ (записки Н. А. Мотовилова) и повелъ жизнь своихъ мельничныхъ сестеръ на новыхъ началахъ, по уставу данному Самой Царицей Небесной. Сестры должны были вести строгую жизнь и заниматься кромѣ духовныхъ подвиговъ физическими трудами. Для работъ, непосильныхъ дѣвицѣ, при мельницѣ находился еще старецъ работникъ.

Найдя правило Саровскихъ иноковъ, котораго со всею строгостію держались въ общинкѣ матери Александры,—непосильнымъ, труднымъ, о. Серафимъ далъ повседневное правило, преподанное ему Богородицею. Вставъ утромъ, слѣдовало прочесть: одинъ разъ Достойно, трижды—Отче нашъ, трижды—Богородице Дѣво радуйся, Символъ вѣры, потомъ два поясныхъ поклона съ молитвою: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій помилуй мя грѣшную!, поклонъ поясной съ молитвою: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ грѣшныхъ!; послѣ сего два поясныхъ поклона съ молитвою: Господи Іисусе Христе Сыне Божій, Госпожею Дѣвою Маріею, Богородицею помилуй мя грѣшную! и поясной же поклонъ съ молитвою: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, Госпожею Дѣвою Маріею Богородицею помилуй насъ грѣшныхъ! Въ заключеніе этого правильца: стоя на колѣнахъ двѣнадцать поясныхъ поклоновъ съ молитвою: Господи Іисусе Христе Боже нашъ помилуй насъ грѣшныхъ! и точно также на колѣнахъ двѣнадцать поясныхъ поклоновъ съ молитвою: Владычица моя Пресвятая Богородице, спаси насъ грѣшныхъ! Затѣмъ, читать утреннія молитвы. Для трудящихся сестеръ можно прочитывать все это даже на ходу, въ работѣ.

До обѣда постоянно читать про себя молитву Іисусову, а послѣ обѣда—до ночи: Владычица моя Пресвятая Богородице, спаси насъ!

Вечернее правило: прочитать 12-ть избранныхъ (изобразительныхъ) пустынными отцами псалмовъ, потомъ помянникъ, поученіе и 100 поясныхъ поклоновъ съ молитвою: Господи Іисусе Христе Сыне Божій помилуй насъ грѣшныхъ! и сто же поясныхъ поклоновъ съ молитвою: Владычица наша Пресвятая Богородице, спаси насъ грѣшныхъ! Затѣмъ повторить утреннее правильце.

На ночь должны читать опять это же правильце съ молитвами на сонъ грядущій.

Божія Матерь запретила о. Серафиму дѣлать обязательнымъ чтеніе акафиста, дабы этимъ самымъ не наложить тяжести и лишняго грѣха на чью-либо душу.

Въ Воскресенье дана заповѣдь о. Серафимомъ служить предъ литургіей *неопустительно* Параклисъ Божіей Матери, весь на распѣвъ, по нотамъ.

Затѣмъ о. Серафимъ приказалъ неопустительно исповѣдываться и пріобщаться во всѣ посты и кромѣ того Двунадесятые праздники, не мучая себя мыслію, что недостоинъ, „такъ какъ не слѣдуетъ пропускать случая, какъ можно чаще пользоваться благодатію, даруемой пріобщеніемъ св. Христовыхъ Таинъ. Стараясь, по возможности, сосредоточиться въ смиренномъ сознаніи всецѣлой грѣховности своей, съ упованіемъ и твердою вѣрою въ неизреченное Божіе милосердіе слѣдуетъ приступить къ искупляющему все и всѣхъ св. Таинству“.

На всѣ начальническія послушанія о. Серафимъ приказалъ назначать только дѣвицъ и никоимъ образомъ ни вдовъ; также и въ церковныя должности, которыя обязательно должны всѣ быть исправляемы сестрами мельничной обители.

Въ заключеніе о. Серафимъ еще повелѣлъ, чтобы сестры кушали не стѣсняясь, когда и сколько угодно, хотя бы даже и ночью, но никогда не жили въ одиночку, не были однѣ ни въ келіи, ни въ дорогѣ.

Этотъ уставъ цѣликомъ помѣщенъ въ запискѣ Н. А. Мотовилова, который несомнѣнно и самъ его исполнялъ, по любви къ о. Серафиму и привязанности къ Дивѣевской обители, но въ саровскихъ изданіяхъ жизнеописанія о. Серафима, онъ изложенъ кратко, неправильно и ровно ничего не выясняетъ (1843 г. стр. 109).

Для еще большаго начертанія этой великой, начальной обители старца о. Серафима слѣдуетъ обратиться къ простымъ и истиннымъ разсказамъ любвеобильныхъ сиротъ Серафимовыхъ, которые въ свое время были записаны и хранятся нынѣ въ монастырской библіотекѣ.

Старшая сестра Прасковья Степановна Шаблыгина (но не начальница, ибо начальницей считалась Елена Васильевна), повѣствуетъ (Лѣтопись № 6, разсказъ № 1): „въ продолженіе года выстроилась у насъ мельница и возлѣ нее маленькая келейка. Въ эту-то келію перевелъ насъ батюшка

жить семь человѣкъ, да одна тутъ-же и скончалась, а меня грѣшную сдѣлалъ надъ ними старшею. Такъ жили мы тутъ три года и батюшка никого еще не присылалъ къ намъ. Потомъ купилъ онъ намъ житницу, приказавъ строить келіи и сталъ уже присылать жить къ намъ сестеръ, которыхъ къ кончинѣ его собралось уже 73.

Старица Ксенія Ильинична Потѣхина (впослѣдствіи старшая въ мельничной обители и благочинная въ монастырѣ монахиня Клавдія) разсказывала: „по поступленіи жила я въ обители матушки Александры, но когда была готова мельница, въ число переведенныхъ туда семи сестеръ, включилъ батюшка Серафимъ и меня грѣшницу. Тутъ жили мы до глубокой осени и спали на камняхъ мельничныхъ, которыхъ было два и пѣть на нихъ же учились и читать какъ бы на двухъ клиросахъ; только въ концѣ октября благословилъ нашъ батюшка выстроить келейку, хотя къ трапезѣ мы всѣ ходили въ старую обитель, почему много, премного было намъ всякой скорби; такъ прожили мы цѣлый годъ, послѣ котораго благословилъ уже намъ батюшка, печь свой хлѣбъ и варить свой квасъ, все отдѣльно и все по его приказанію, носили мы ему пробовать (Лѣтопись, тетр. № 6).

Старица Екатерина Егоровна (монахиня Евдокія) передала, что разъ привела она къ батюшкѣ свою маленькую сестру и онъ благословилъ ее въ монашество, потомъ спросилъ: „куда же намъ матушка, помѣстить-то ее, въ прежнюю что-ли обитель, или къ Прасковьѣ Степановнѣ на мельницу?“ „Это, отвѣтила сестра Екатерина, какъ угодно вамъ, батюшка!“ „Нѣтъ,—продолжалъ о. Серафимъ, возьми ты ее теперь въ прежнюю-то обитель, а придетъ время, будете вы всѣ вмѣстѣ, какъ единая семья!“ (О. Серафимъ предсказалъ соединеніе общинъ въ одинъ монастырь, которое состоялось въ 1842 году). (Лѣтопись, тетрадь № 6).

Старица Евдокія Ефремовна Аламасовская (монахиня Евпраксія) удостоившаяся вмѣстѣ съ о. Серафимомъ въ день Благовѣщенія видѣнія Богоматери, разсказала слѣдующее (Лѣтопись № 6): „по благословенію батюшки мое послушаніе было молоть на мельницѣ; насъ всегда было въ чередѣ по двѣ сестры и одинъ работникъ. Разъ прихожу я

на мельницу, работникъ спрашиваетъ: съ кѣмъ ты пришла? Одна, говорю. Я съ тобою не буду молоть, говоритъ онъ, и ушелъ отъ меня въ Вертьяново. Оставаясь одна, я горько заплакала и говорю громко: батюшка Серафимъ, ты не спастись привелъ меня сюда!... Вѣтеръ былъ страшный, мельница молола на два постава и наконецъ сдѣлалась буря. Я заплакала во весь голосъ, потому что не поспѣвала засыпать жита и вдругъ въ отчаяніи легла подъ камни, чтобы они меня задавили! Но камни тотчасъ остановились и явно предо мною сталъ батюшка Серафимъ. „Что ты чадо вопіешь ко мнѣ? спросилъ онъ, я пришелъ къ тебѣ! Я всегда съ тѣми, кто меня на помощь призываетъ! Спи на камушкахъ зиму и лѣто, не думай, что они тебя задавятъ! Я вотъ, матушка, просилъ барышень, но онѣ отказались, что груба пища, да бѣдна община! Я упросилъ Царицу Небесную, Она и благословила мнѣ набрать простыхъ дѣвушекъ, вотъ, матушка, я и собралъ васъ и прошу послужить мнѣ и моей старости, а послѣ буду я присылать къ вамъ всякаго рода и изъ дворянъ, купечества, духовнаго званія и высокихъ родовъ! Звалъ я многихъ, высокаго-то званія, не пошли; въ началѣ-то трудно было бы жить, вотъ и призвалъ васъ; вы теперь послужите, а кто придетъ послѣ, послужитъ и вамъ“.

Ксенія Васильевна Путкова (мать Капитолина) повѣствуетъ слѣдующее (Лѣтопись, тетрадь № 6, разсказъ 27):

„Говоря вообще о будущемъ и о всеобщей слабости къ концу рода человѣческаго, особенно же о нашей женской-то немощи, не приказывалъ батюшка изнурять себя непосильными нынѣ подвигами поста, по древнему обычаю; батюшка велѣлъ болѣе всего бояться, бѣгать какъ отъ огня, и храниться отъ главнѣйшаго—унынія. „Нѣтъ хуже грѣха, матушка и ничего нѣтъ ужаснѣе и пагубнѣе духа унынія!“ говорилъ батюшка Серафимъ, почему и приказывалъ всегда быть не только сытой и кушать въ волю, но и на труды брать съ собой хлѣба. „Въ кармашекъ-то свой и положи кусочекъ,—говорилъ онъ,—устанешь, умаешься,—не унывай, а хлѣбца-то и покушай, да опять за труды!“ Даже на ночь подъ подушку приказывалъ онъ класть хлѣба. „Най-

деть на тебя уныніе, да раздумье, матушка,—говорилъ о. Серафимъ, а вы хлѣбушка-то выньте, да и кушайте, уныніе-то и пройдетъ, хлѣбушекъ-то и погонитъ его, и сонъ послѣ труда вамъ хорошій дастъ онъ, матушка!“ Поэтому батюшка строго воспрещалъ когда-либо и кому-либо отказывать въ хлѣбѣ. Вотъ и случилось слѣдующее. У насъ въ трапезѣ была стряпухой строгая престрогая сестра; и всѣмъ она была хорошая сестра, да какъ еще то было при матушкѣ Ксеніи Михайловнѣ въ старой обители, а матушка-то Ксенія Михайловна не тѣмъ будь помянута, была очень скупенька, то всегда и бранила и выговаривала ей, что все скоро выходитъ, что всего много надо, такъ бывало и не было того, какъ впослѣдствіи у насъ, чтобы послѣ трапезы да кому дать кусочекъ и Боже упаси! Такъ строго заведено было, что по правдѣ, частенько сестры-то другъ у друга хлѣбецъ тихонько брали. Вотъ и узналъ это батюшка Серафимъ, да и потребовалъ ее къ себѣ. Пришла она и я въ то время была у батюшки. О. Серафимъ разгнѣвался на нее и такъ страшно, строго и грозно ей выговаривалъ, что страхъ и ужасъ охватилъ меня. „Что это матушка,— говорилъ онъ, я слышу ты въ волю поѣсть не даешь сиротамъ!“ и пошелъ..., а она-то, такъ и сякъ оправдывалась передъ нимъ, объясняя, что-де начальница не велитъ и строго съ нее спрашиваетъ! А батюшка все свое: „Нѣтъ, говоритъ, нѣтъ матушка, нѣтъ тебѣ отъ меня прощенія! Такъ что-жь, что начальница, не она моихъ сироточекъ-то кормитъ, а я ихъ кормлю! Пусть начальница-то говоритъ, а ты-бы потихонько давала, да не запирала, тѣмъ бы и спаслась! Нѣтъ, матушка, нѣтъ тебѣ моего прощенія! Чтобъ сиротамъ моимъ, какъ хочешь, а всегда-бы хлѣбушко былъ и кушали бы онѣ въ волю! И дѣлать того не моги!“ Бѣдная сестра такъ и ползала на колѣнкахъ у ногъ батюшки, но онъ со скорбію грозно говорилъ: „Сиротамъ хлѣба не давать! — нѣтъ, матушка, нѣтъ тебѣ отъ меня прощенія!“ Съ тѣмъ и ушелъ батюшка, не благословивъ сестру. Выговоръ этотъ, видно такъ запалъ ей въ душу, что какъ пришла она бѣдная домой, вскорѣ начала хворать, зачахла и потомъ умерла.

„А какъ батюшка Серафимъ не терпѣлъ, чтобы кто трогалъ, либо обижалъ кого изъ Дивѣевскихъ, говорила сестра Ксенія Васильевна (разсказъ № 28). Какъ сейчасъ помню былъ въ Саровѣ монахъ Нафанаилъ, лучшій іеродіаконъ. Келью онъ имѣлъ въ монастырѣ возлѣ самой батюшкиной кельи. Часто требовалъ къ себѣ Дивѣевскихъ-то, батюшка; не разбирая бывало ни дня, ни ночи, только и знаемъ мы, то къ батюшкѣ, то отъ него ходимъ въ Саровъ или въ Дивѣево. Придешь бывало къ нему утромъ, да и стоишь ждешь, дверь-то заперта, а Нафанаилъ-то увидитъ, выйдетъ и скажетъ: „Что старикъ-то моритъ, да морозитъ васъ! Чего стоять-то, когда еще дождешься, зайдите-ка вотъ ко мнѣ, да обогрѣйтесь! Ну иныя, по простотѣ-то и ходили было, слушая его уговоры. И дошло это до батюшки и растревожился-же онъ и страшно разгнѣвался! „Какъ, говоритъ, какъ онъ хочетъ сироточкамъ моимъ вредить! Не діаконъ-же онъ послѣ этого нашей обители. Нѣтъ, нѣтъ, отъ сего времени онъ не діаконъ нашей обители!“ Долго повторялъ батюшка, растревоженный, какимъ я его никогда еще и не видала, ходя по своей келейкѣ. И что-же, вѣдь чудо-то какое! сталъ вдругъ съ этого времени пить іеродіаконъ Нафанаилъ, да все больше и больше; недѣли черезъ три и выслали его, отдали подъ начало, да такъ и пропалъ совсѣмъ. Вотъ сколько, сколько разъ, за долгую жизнь мою вспоминаю я всегда батюшку; какъ только кто тронетъ-ли Дивѣево или кого-нибудь изъ насъ Дивѣевскихъ, то не минуетъ того, непремѣнно кончитъ больно дурно и въ бѣду попадетъ“.

Эти факты только подтверждаютъ, что о. Серафимъ защищалъ обитель Самой Царицы Небесной, въ которой Она считается Владычной Игуменіей. За оскорбленіе Самой Царицы Небесной или Ея избранныхъ—люди должны быть наказуемы; того требуетъ правда и справедливость Божія.

Старица Домна Ѳоминишна (впослѣдствіи монахиня Дороѳея) сообщила слѣдующее (Лѣтопись № 6, разсказъ № 38): „я пришла, говорила она, по благословенію батюшки Серафима въ Дивѣевъ на мельницу. Старшая Пра-

сковья Степановна приняла меня; тутъ было уже 12 сестеръ, я—тринадцатая. Ничего еще не имѣя, жили мы всѣ въ одной келійкѣ; потомъ постепенно выстроилъ намъ батюшка еще келію, подъ названіемъ больничной; послѣ еще двѣ келіи, а сестры-то все поступали, да прибывали и приказалъ намъ батюшка кромѣ этихъ четырехъ, еще выстроить большую келію, сказавъ: „въ ней госпожа будетъ жить!“ Мы всѣ такъ и думали, что въ нее пріѣдетъ къ намъ жить какая-либо высокородная госпожа-барыня, но все нѣтъ, да нѣтъ никого. Такъ наконецъ и скончался нашъ батюшка, а по кончинѣ его, принесли къ намъ по завѣту батюшки и прямо въ эту келію и поставили чудотворную икону его— Умиленія Божіей Матери; „всѣхъ радостей радость“, какъ онъ ее всегда называлъ, предъ которой на колѣночкахъ во время молитвы и отошелъ, словно будто и не умеръ. Сталъ этотъ корпусъ нашъ — трапезою и тутъ только поняли мы всѣ, о какой Высокой Госпожѣ предрѣкалъ нашъ батюшка! И всѣ служили мы Ей, потому что предъ Нею всегда, непереставая читались акаѳисты! Такъ-то вотъ все, все зналъ батюшка, все было ему открыто и по вѣрѣ къ нему собирались мы жить все равно, *что на нѣтъ — ничего;* было одно лишь голое поле, да и то чужое, а къ смерти-то батюшкиной, явились у насъ и келіи, и корпуса, и церковь, и канавка, и земля своя, а по кончинѣ-то его, пришла Сама Матерь Божія и поселилась жить у насъ! Теперь вотъ 1887 годъ, и дожила я какъ предрѣкалъ батюшка, и все совершилось и чего, чего только нѣтъ-то у насъ! И во снѣ тогда никому бы того не приснилось!“

Прозорливость о. Серафима излѣчивала сестеръ отъ посылаемыхъ искушеній, а пророчества старца заставляли ихъ терпѣть нужды, неустройство обители и надѣяться на хорошее будущее. Такъ свидѣтельствуетъ старица Ирина Семеновна (Лѣтопись № 6, разсказъ 53-й), что однажды она съ сестрою (Евдокія Трофимовна или монахиня Евстолія) работала у батюшки о. Серафима и вечеромъ, послѣ работы, онъ отпустилъ ихъ домой, съ приказаніемъ возвратиться на утро; слѣдовательно имъ пришлось, усталымъ, еще пройти 24 версты. Одна изъ сестеръ возроптала на батюшку и

сказала: „Что это онъ насъ гоняетъ. Это нестерпимо, уйду я въ другой монастырь!“ Другая сестра, заразясь ея примѣромъ такъ-же сказала: „И я съ тобою уйду!“ Но несмотря на это смущеніе сестры побоялись ослушаться батюшки и на утро возвратились къ нему. Приходятъ, а онъ на берегу рѣчки Саровки, сажалъ картофель въ грядки; благословилъ ихъ и сѣлъ на колоду. „Вотъ, матушка, началъ о. Серафимъ, что я вамъ скажу: шелъ старецъ съ послушникомъ, самъ смутился, да и молодого послушника смутилъ!“ Сестры, пораженныя его прозорливостью и обличаемыя своею совѣстію, упали ему въ ноги, со слезами признались ему во всемъ и просили прощенія. Съ отеческою любовію простилъ ихъ батюшка и посадивъ возлѣ себя на колоду, продолжалъ свою бесѣду. „Вотъ матушка, говорилъ онъ, когда у насъ будетъ соборъ, тогда Московскій колоколъ Иванъ Великій самъ къ намъ придетъ! Когда его повѣсятъ, да въ первый-то разъ ударятъ въ него и онъ загудитъ... и батюшка изобразилъ голосомъ, тогда мы съ вами проснемся! О! во, матушки вы мои, какая будетъ радость! Среди лѣта запоютъ Пасху! А народу-то, народу-то, со всѣхъ сторонъ, со всѣхъ сторонъ!“ Помолчавъ немного, продолжалъ батюшка: „но эта радость будетъ на самое короткое время; что далѣе матушки будетъ,... такая скорбь, чего отъ начала міра не было!“ и свѣтлое лицо батюшки вдругъ измѣнилось, померкло и приняло скорбное выраженіе. Опустя головку онъ поникъ долу и слезы струями полились по щекамъ“.

Великій прозорливецъ все-таки утѣшилъ сестеръ, бѣдствующихъ въ мельничной обители тѣмъ, что у нихъ будетъ соборъ и придалъ имъ силы. Остальное пророчество касалось состоянія обители къ концу міра и много разъ повторялъ онъ его сестрамъ, еще съ большими подробностями въ послѣдніе два года своей жизни.

„Батюшка Серафимъ насильно уговаривалъ меня остаться въ обители, разсказывала старица Екатерина Матвѣевна Пучинская (Лѣтопись № 6, разсказъ 54), я все отговаривалась болѣзнію, но не взирая на то, отправилъ меня батюшка къ своимъ дѣвушкамъ на мельницу. Привезли меня къ нимъ, а кельеночка-то у нихъ одна, да такая темная,

окошечки-то маленькія. Я и не осталась у нихъ, говорю: я тутъ съ ума сойду отъ скуки! И отвели меня въ обитель матушки Александры къ Ксеніи Михайловнѣ. Она привѣтливо меня приняла и хотя отговаривалась я, что больна, болятъ у меня ноги и не могу нести послушаніе, но она сказала: „ничего матушка, если ужъ тебя батюшка Серафимъ сюда благословилъ, такъ ужъ живи у насъ, хоть только лежи и ничего не дѣлай!“ Такъ почитала она батюшку. Нечего дѣлать, осталась я, а все скучно; когда пришли лѣсомъ съ нашей стороны дѣвушки, смутили меня совсѣмъ, забрала я все свое, да и ушла съ ними. Только что вышли мы изъ обители, на меня вдругъ напала такая тоска, что и разсказать не умѣю. Не дойдя до села Елизарьева бросила я ихъ, да бѣгомъ пустилась въ обитель уже со страхомъ, что, пожалуй, матушка Ксенія Михайловна прогнѣвалась и не приметъ меня. Но она ни слова мнѣ не сказала и приняла меня. Когда барышня наша Елена Васильевна (Мантурова) пошла къ батюшкѣ Серафиму, то взяла меня съ собою. Насъ принялъ въ монастырѣ о. Павелъ, сосѣдъ батюшкинъ (котораго поэтому привыкли сестры ошибочно называть келейникомъ батюшкинымъ), такъ какъ о. Серафимъ былъ въ пустынкѣ. Вскорѣ пришелъ батюшка, сурово взглянулъ на меня, даже отвернулся и говоритъ Еленѣ Васильевнѣ про меня: „Радость моя! что сдѣлала у насъ Екатерина-то Пучинская, забрала всѣ пожитки свои да и ушла было отъ насъ! А вѣдь скажу тебѣ, радость моя, никакой дороги ей нѣтъ уходить отъ насъ, вѣдь ей назначено здѣсь жить!“ Я заплакала, упала къ его ногамъ и призналась во всемъ, какъ скучала и скучаю, какъ ушла было совсѣмъ... Онъ поднялъ меня и говоритъ мнѣ: „Во радость моя! Что намъ скучать то! Теперь у насъ нѣтъ ничего, а будетъ-то у насъ монастырь, матушка, да какой еще великій-то! Триста монахинь, да пять сотъ бѣлицъ!“ Ну не прозорливъ-ли батюшка-то; кто-бы могъ подумать тогда, а вѣдь вотъ и въ правду дожила я до того, что уже восемь сотъ человѣкъ стало у насъ сестеръ-то. Послѣ этого, обратясь къ Еленѣ Васильевнѣ, батюшка меня ей и препоручилъ, прося: „Радость моя! Прошу тебя не

оставь, поддержи!“ Помня батюшкину просьбу она меня никогда не оставляла. Она была высокой жизни и такая добрая! И часто послѣ говаривалъ мнѣ батюшка, какъ только увидитъ меня: „Радость моя! Что намъ унывать! Ты гляди какой у насъ соборъ-то будетъ!“ При этомъ, бывало, подниметъ ручки, да и скажетъ: „Во, во, матушка, чудный соборъ! Вельми, матушка, чудный! И сдѣлается при этомъ личико у него необыкновенно свѣтлое, благодатное и станетъ онъ такой веселый и радостный, точно весь уйдетъ въ небеса! Даже жутко станетъ глядѣть на него“.

Монахиня Каллиста, называвшаяся до постриженія Ксеніей Ивановной (разсказъ № 55) передала слѣдующее воспоминаніе. Батюшка посылалъ сестеръ за брусникой для трапезы и Ксенія Ивановна всегда ходила за старшую. Однажды о. Серафимъ и говоритъ ей: „Радость моя, вы ничего не бойтесь, васъ никто не можетъ обидѣть; кто-же обидитъ, самъ всегда будетъ наказанъ!“ Благословилъ ихъ батюшка и онѣ какъ всегда съ полною вѣрою въ его молитвы ушли въ лѣсъ на нѣсколько дней за ягодами. Занимаясь сборомъ, вдругъ видятъ онѣ, что кто-то на нихъ скачетъ и кричитъ; вѣроятно полѣсовщикъ, подумали онѣ. „Что вы тутъ шляетесь!“ кричалъ онъ, „чтобы духа вашего тутъ не было!“ Сестры стали собирать корзины, чтобы уходить, но удивило ихъ, что онъ быстро уѣхалъ и скрылся изъ вида. Остановили сборы и начали снова искать ягоды. Вскорѣ видятъ, опять скачетъ полѣсовщикъ и еще сильнѣе кричитъ на нихъ: „вѣдь сказано вамъ убираться отсюда!“ и съ этими словами онъ размахнулся громадной плетью на Ксенію Ивановну. Но лишь только взмахнулъ онъ, неизвѣстно какъ вырвалась плеть изъ руки и онъ соскочилъ съ сѣдла за нею. Смотритъ, нигдѣ нѣтъ плети; искалъ, искалъ, но нигдѣ не находитъ. „Странно!“ сказалъ онъ въ раздумьи и затѣмъ какъ-бы испуганный этимъ,—совершенно смирился. „Помогите“ обратился онъ кротко къ сестрамъ,—„не могу найти плеть, а она хозяйская и мнѣ необходима!“ Сестры съ радостью бросились искать, но никто не могъ найти плети. Такъ полѣсовщикъ изумленный и уѣхалъ. Всѣ дивились такому чуду, чтобы громадная плеть могла скрыться, какъ иголка,

а затѣмъ исполнивъ послушаніе и набравъ вдоволь брусники, возвратились сестры къ батюшкѣ. „Ну что радости мои, спрашиваетъ о. Серафимъ, благополучно-ли вы подвизались?“ Онѣ разсказали ему все. „Во, радость моя, отвѣтилъ батюшка весело улыбаясь, гдѣ-же плеть-то найти, вѣдь она въ землю ушла!“ Тутъ только поняли сестры, что батюшка охранялъ ихъ своими молитвами и поблагодарили его.

Болящей старицѣ Маріи Иларіоновнѣ (впослѣдствіи монахинѣ Мелетинѣ) о. Серафимъ объяснилъ, почему онъ отдѣлилъ свою дѣвичью обитель отъ общинки матери Александры. (разсказъ № 57). „А вотъ, матушка, сказалъ онъ, я тебѣ что скажу: жены и вдовы спасутся, но вотъ какое различіе между ими и дѣвами. Когда жена или вдова молится, углубится въ молитву, то не мѣшай ей, она все будетъ продолжать свою молитву; а попробуй-ка заставить ее молиться, сейчасъ по своему и по своей волѣ творитъ, такое у нихъ свойство. А дѣвы-то, матушка, напротивъ; готовы на всѣ стороны, куда вѣтеръ подулъ и онѣ туда!“ Подошелъ батюшка къ березкѣ и сталъ гнуть ее. „Вотъ видишь-ли, матушка, такъ-то и дѣвы преклоняютъ свои головы!“ Потомъ батюшка приподнялъ и стряхнулъ березку, продолжая говорить: „вотъ такъ и онѣ головки свои поднимутъ; которая-же совершаетъ грѣхъ,—оплакиваетъ его, а потомъ и вспять, а жены—готовы и способны на все! Однако по милости Божіей, матушка, всѣ спасутся, какъ дѣвы, такъ и жены“.

Кромѣ того о. Серафимъ находилъ, что жены, проведшія нѣсколько лѣтъ пріятной жизни въ замужествѣ, могли передавать о томъ дѣвицамъ, дѣйствуя разрушительно на мирное состояніе духа, столь необходимое для точнаго соблюденія духовныхъ обѣтовъ. Другая могла быть въ замужествѣ несчастною, и своими разсказами о бѣдствіяхъ бросала-бы несправедливо мрачную тѣнь на богоучрежденное въ человѣческомъ родѣ состояніе брачное. Старецъ замѣчалъ еще, что въ супружеской жизни женщина часто пріобрѣтаетъ такую настойчивость въ характерѣ, упрямство, которую трудно послѣ исцѣлить. Это могло-бы, естественно, при

взаимномъ общенiи передаваться и дѣвицамъ, поставляя ихъ на пути, противоположномъ отреченiю собственной воли, требуемомъ въ Дивѣевѣ. „Въ общежительной обители, говорилъ онъ,—легче справиться съ семью дѣвами, чѣмъ съ одной вдовою".

Сестра изъ дворянъ Ольга Михайловна Климова разсказывала (№ 60), что имѣя послушанiе быть „лошадницею", она возила лѣсъ и дрова. Однажды о. Серафимъ далъ ей тысячу рублей денегъ, говоря:—„Это, матушка на устройство и обзаведенiе у васъ большой келiи, для Высокой Госпожи, которая жить будетъ у васъ! Надо все приготовить для Нее; ты вотъ и смотри, матушка, чтобъ у васъ все было готово. А когда прибудетъ Она, то вы всѣ и служите Ей, а Глафира Васильевна пусть за Ней и походитъ". Глафира Васильевна родомъ колмычка была высоко-подвижнической жизни. Ольга Михайловна закупила лѣсъ и стала сама его перевозить. Разъ лошадь ея не пошла въ гору. Что дѣлать? Пришлось попросить кого-то помочь и отдать за то 20 коп. Когда она пришла къ батюшкѣ, онъ и спрашиваетъ: „Что, матушка, ладно-ли все возится-то у тебя тамъ?" Ничего, отвѣтила она, за вашими молитвами батюшка все ладится слава Богу, да только вотъ лѣсъ-то, лошади не берутъ въ гору!" То-то, матушка", перебилъ ее о. Серафимъ, — „я вѣдь знаю, ты свои 20 коп. отдала, вотъ на-ка возьми!" и отдалъ ей двугривенный. „Что это, батюшка, зачѣмъ мнѣ?" говорила Ольга Михайловна. „Нѣтъ, нѣтъ, настаивалъ о. Серафимъ, никакъ нельзя, бери, бери, мнѣ должно свои деньги для Госпожи-то платить, что все тамъ мое готово-бы было". Такъ выстроился корпусъ, который былъ впослѣдствiи трапезой. Далѣе Ольга Михайловна прибавила: „и мнѣ было чудно, какая-же это Госпожа Великая поселится въ немъ съ нами! Скончался батюшка и покойный Игуменъ Нифонтъ призвалъ къ себѣ отца Павла, келейника батюшки, отдалъ ему икону чудотворную Царицы Небесной Умиленiя, передъ которой о. Серафимъ всегда молился и приказалъ отдать ее мельничнымъ. „Она туда имъ надлежитъ!" сказалъ игуменъ. Тогда разъяснились слова батюшки, когда принесли въ новую, приготовленную для Госпожи Вы-

сокой келію, Владычицу нашу. Всѣ служили ей, а Глафира Васильевна, какъ сказалъ батюшка, дѣйствительно ходила за Нею. На иконѣ не было ризы въ то время, а такъ любила Глафира Васильевна Царицу Небесную, что бывало нечѣмъ украсить, то цвѣтовъ полевыхъ нарветъ, сплететъ съ молитвой вѣнки, да и украситъ. Всѣ ночи на молитвѣ предъ Ней стояла, читая по тысячѣ молитвъ къ Богородицѣ и болѣе".

Это показаніе Ольги Михайловны очень важно, ибо никто не знаетъ и не помнитъ, какъ образъ Умиленія Божіей Матери оказался въ Дивѣевѣ; нѣкоторые предполагали, что онъ невидимо перенесся самъ и оказался на окнѣ трапезной.

Съ какою нѣжною любовію говорилъ о. Серафимъ о своихъ Дивѣевскихъ сиротахъ, намъ свидѣтельствуетъ умилительный разсказъ старицы Маріи Васильевны Никашиной. „Бывъ замужемъ, еще мірскою, говорила она, съ мужемъ бывали мы у батюшки Серафима. Разъ спрашиваетъ онъ: „Видала-ли ты Дивѣево и моихъ тамъ дѣвушекъ, матушка?" „Видала, говорю, батюшка". „А видала-ли ты пчелокъ, матушка?" опять соросилъ онъ. „Какъ, говорю, не видать, видала батюшка". „Ну вотъ, говоритъ, матушка, вѣдь пчелки-то все кругомъ матки вьются, а матка отъ нихъ никуда; такъ вотъ точно и Дивѣевскія мои дѣвушки, ровно какъ пчелки всегда съ Божіей Матерью будутъ!" „Ахъ! воскликнула я, какъ хорошо такъ-то всегда быть, батюшка!—да и думаю: зачѣмъ это я замужъ-то вышла". „Нѣтъ, матушка, не думай такъ, что ты думаешь", тутъ-же на мои мысли и отвѣчаетъ онъ. „Моимъ дѣвушкамъ не завидуй, не хорошо, зачѣмъ завидовать имъ; вѣдь и вдовымъ то тамъ хорошо-же, матушка! И вдовымъ хорошо! Вѣдь и онѣ тамъ-же будутъ! Анну-то пророчицу знаешь, читала? Вѣдь вотъ вдова была, а какая матушка!" О. Серафимъ этимъ предсказалъ, что она овдовѣетъ и будетъ въ Дивѣевѣ-же.

Седьмой сестрой о. Серафимъ опредѣлилъ на мельницу Анну Алексѣевну и она оставила монастырю, на память о батюшкѣ, нѣсколько своихъ разсказовъ (тетрадь № 1). „Батюшка Серафимъ, кормилецъ нашъ" повѣствуетъ уже 80-ти

лѣтняя старица, „такъ заповѣдовалъ всѣмъ намъ: „Радость моя! первая у васъ молитва должна быть за начальниковъ и какъ вступишь въ монастырь должно отрѣчься отъ своей воли и всю себя вручить начальникамъ и творить ихъ волю, какъ волю Божію!" Затѣмъ Анна Алексѣевна вспоминаетъ о случаяхъ прозорливости о. Серафима. Напримѣръ, когда къ ней пришла жить больная сестра ея Варинька, страдавшая падучей болѣзнью, то о. Серафимъ поручилъ ее сестрѣ Евфиміи Гавриловнѣ. Но послѣдняя тяготилась настолько этимъ послушаніемъ, которое требовало смиренія и милосердія, что больной сестрѣ Варварѣ пришлось проситься перейти къ сестрѣ Аннѣ Алексѣевнѣ. Евфимія Гавриловна также отказалась держать у себя падучую больную. Доложили батюшкѣ и онъ приказалъ въ прихожей Евфиміи Гавриловны *помѣстить жеребенка*. Всѣ дивились, къ чему о. Серафимъ сдѣлалъ это. Прошло много лѣтъ и Евфимія Гавриловна, несшая послушаніе сборщицы отъ обители, была выслана и исключена изъ числа сестеръ. Дома, у своихъ родныхъ ее убила до смерти лошадь. Батюшка любилъ болѣзненную Вариньку и она часто къ нему ходила съ сестрой. Проживъ въ обители 20 лѣтъ она скончалась и, умирая говорила сестрѣ Аннѣ Алексѣевнѣ: „сейчасъ былъ у меня батюшка и благословилъ!" Кромѣ того старица была свидѣтельницею многихъ чудесъ. Однажды Анна Алексѣевна съ тремя сестрами пришла къ батюшкѣ въ монастырь. Онъ пошелъ съ ними въ пустынку и двигаясь тихо за нимъ, сестры говорили между собою въ полъ-голоса: „глядите-ка, чулочки-то у батюшки спустились, а ножки-то какія бѣлыя!" Остановившись вдругъ, о. Серафимъ приказалъ имъ идти впередъ, а самъ пошелъ сзади". Идемъ это мы лугомъ", говорила Анна Алексѣевна, „трава зеленая, да высокая такая...., оглянулись, глядимъ, а батюшка-то и идетъ на аршинъ выше земли, даже не касаясь травы. Перепугались мы, заплакали и упали ему въ ножки, а онъ и говоритъ намъ: „Радости мои! никому о семъ не повѣдайте, пока я живъ, а послѣ моего отшествія отъ васъ, пожалуй и скажите!" Однажды о. Серафимъ далъ сестрамъ, работавшимъ у него, посадить луковицы, на приготовленныя

грядки, что онѣ и исполнили поздно вечеромъ. На утро батюшка посылаетъ ихъ уже срѣзать лукъ. Сестры улыбнулись и подумали: искушаетъ ихъ батюшка. Наконецъ рѣшились сказать ему: „что это вы батюшка; вѣдь только вчера вечеромъ посадили мы лукъ!“ А онъ отвѣчаетъ: „а вы подите-ка, подите!“ Приходятъ и глазамъ не вѣрятъ; лукъ въ одну ночь выросъ болѣе на четверть. Срѣзали, принесли лукъ батюшкѣ и онъ приказалъ отнести его въ обитель на трапезу. Далѣе свидѣтельствуетъ Анна Алексѣевна, что разъ сестра обители была у батюшки въ келіи и удостоилась съ нимъ вмѣстѣ молиться. Вдругъ въ келіи сдѣлалась такая тьма, что она страшно напугалась и пала ницъ на землю. Когда же опомнилась, то батюшка приказалъ ей встать. „Знаешь-ли, радость моя, сказалъ ей о. Серафимъ, отъ чего въ такой ясный день, сдѣлалась вдругъ такая ужасная тьма?! Это отъ того, что я молился за одну грѣшную, умершую душу и вырвалъ ее изъ рукъ самаго сатаны; онъ за то такъ и обозлился на меня, самъ сюда влетѣлъ; отъ того-то такая здѣсь тьма! Анна Алексѣевна оканчиваетъ свой разсказъ словами: „вотъ какъ еще на землѣ-то сильна была молитва его, а теперь-же на небѣ у Господа, все что не попроситъ,—можетъ!“

Велика была вѣра сестеръ въ силу молитвъ батюшки о. Серафима и многихъ современниковъ его она удивляла. Больная мать Каллиста (тетрадь № 1) разсказывала такой случай. Однажды ѣхали онѣ на Саровскую мельницу и вдругъ лошадка споткнулась, упала и ногу свихнула такъ, что не могла уже встать. Сестры напугались, не знали что дѣлать съ возомъ и какъ домой вернуться, заплакали и закричали: „батюшка Серафимъ, помоги намъ!“ На этотъ крикъ и плачъ подошли монахи и одинъ изъ нихъ, какъ ударилъ лошадку, она вскочила, нога у нея хруснула и суставъ всталъ на мѣсто, такъ что въ одну секунду все прошло. Другой монахъ, смотря на случившееся, произнесъ: „ну, братья, у насъ нѣтъ такой вѣры, какъ у монашенокъ. Какъ онѣ закричали: батюшка Серафимъ, помоги намъ!“—Вотъ онъ и сотворилъ чудо, помогъ имъ, по вѣрѣ ихъ“. Сестры не знали что дѣлать отъ радости и все благодарили заочно батюшку.

Старица Ксенія Кузминишна жила при о. Серафимѣ и разсказывала (тетрадь № 1), что поступивъ въ обитель, она все смущалась скудостію и неустройствомъ ея, такъ какъ въ міру жила въ довольствѣ. Собралась она уйти, а сестра Прасковья Θеодоровна Наровчацкая и говоритъ: „пойдемъ въ Саровъ къ батюшкѣ Серафиму, благословимся у него домой къ роднымъ, да и не придемъ уже сюда... Посмотримъ, узнаетъ-ли онъ?“ Пошли онѣ въ Саровъ. Ксенія Кузминична все таки не могла рѣшиться обманомъ спросить благословеніе у батюшки и все думала дорогой:—„нѣтъ, не вернусь въ обитель“, а то „нѣтъ, я не пойду домой, а останусь лучше у батюшки рубить дрова“. Пришли онѣ къ о. Серафиму. Батюшка приказалъ сестрѣ Прасковьѣ собирать мохъ, а Ксеніи рубить дрова. Первая и говоритъ: „а мы, батюшка, къ вамъ пришли проситься къ роднымъ!“ „Нѣтъ, нѣтъ радость моя“, отвѣтилъ о. Серафимъ,—„и вамъ нѣтъ никакой дороги уходить! Она будетъ у меня дрова рубить!“ Сестра Ксенія, пораженная прозорливостію батюшки, болѣе не смущалась неустройствомъ обители и осталась навсегда въ Дивѣевѣ.

ГЛАВА X.

Исцѣленіе Дивѣевскихъ сестеръ о. Серафимомъ, разговоры съ ними и объясненіе нѣкоторыхъ тайнъ. Работы сестеръ въ Саровѣ у батюшки Серафима и присылка съ ними продовольствія на обитель. Откровенія о. Серафима отроковицѣ Маріи Семеновнѣ и другимъ сестрамъ. Отеческая заботливость о. Серафима и простодушіе Дивѣевскихъ сестеръ. Гоненія на о. Серафима за заботы его о Дивѣевскихъ дѣвушкахъ.

Батюшка о. Серафимъ постоянно исцѣлялъ своихъ сиротъ отъ разныхъ болѣзней. Разъ сестра Ксенія Кузминична (тетрадь № 1) страдала зубной болью, отъ которой не спала ночи, ничего не ѣла и изнемогла, такъ какъ приходилось днемъ работать. Сказали о ней старшей сестрѣ Прасковьѣ Семеновнѣ; она послала Ксенію къ батюшкѣ. „Какъ только онъ меня увидѣлъ, разсказывала Ксенія, то и говоритъ: Что это ты, радость моя, давно ко мнѣ не пришла! Пойди къ отцу Павлу, онъ тебя исцѣлитъ. А я подумала, что это, развѣ онъ самъ не можетъ меня исцѣлить? Но возражать не смѣла. Я отыскала отца Павла и сказала ему, что меня послалъ къ нему батюшка. Онъ туго, натуго сжалъ мнѣ лицо обѣими руками и нѣсколько разъ провелъ по щекамъ. И зубы затихли, какъ рукой сняло.“

Сестра Евдокія Назарова также разсказывала (тетрадь № 1), что будучи молодой дѣвицей она страдала два года параличемъ рукъ и ногъ и ее привезли къ батюшкѣ о. Серафиму, который увидавъ ее сталъ манить къ себѣ. Ее съ большимъ трудомъ подвели къ батюшкѣ, но онъ далъ ей въ руки грабли и велѣлъ гресть сѣно. Тутъ почувствовала

она, что съ нея что то спало и она начала гресть, какъ здоровая. Одновременно работали у батюшки Прасковья Ивановна и Ирина Васильевна. Послѣднія стали выговаривать ей, зачѣмъ она такая больная пришла съ ними трудиться, но батюшка, уразумѣвъ духомъ мысли ихъ, сказалъ имъ: „примите ее къ себѣ въ Дивѣево, она будетъ вамъ прясть и ткать.“ Такъ трудилась она до вечерни. Батюшка накормилъ ее обѣдомъ и затѣмъ она дошла до дома совершенно здоровою.

Старица Варвара Ильинична также свидѣтельствовала о излѣченіи ея отцемъ Серафимомъ (тетрадь № 1). „Онъ, кормилецъ мой, два раза исцѣлялъ меня, говорила она. Въ первый-то, я словно порченая была, а потомъ у меня очень болѣли зубы, весь ротъ былъ въ нарывахъ. Я пришла къ нему, онъ меня поставилъ поодаль отъ себя, а мнѣ велѣлъ ротъ открыть: сильно дунулъ на меня, завязалъ платочкомъ мнѣ все лицо, да тутъ же велѣлъ идти домой, а солнце то было уже на закатѣ. Я ничего не убоялась за его святою молитвою, ночью же пришла домой, а боль, какъ рукой сняло. У батюшки я часто бывала. Онъ мнѣ говаривалъ: „Радость моя! Ты будешь забвенная у всѣхъ.“ И доподлинно, бывало приду къ матушкѣ Ксеніи Михайловнѣ просить чего, или изъ обуви или одежи, а она скажетъ: „ты-бы во время приходила и просила; ступай на поклоны.“ Всѣмъ даетъ, а мнѣ нѣтъ. Разъ Татьяна Григорьевна что-то на меня оскорбилась и говоритъ: „Ахъ ты забвенная!“ а я вспомнила это слово батюшки, да какъ закричу, заплачу. Такъ и сбылось слово батюшки, всю свою жизнь я была у всѣхъ „забвенной.“ Разъ мы съ Акулиной Васильевной пришли къ батюшкѣ, долго что-то онъ говорилъ ей наединѣ, все въ чемъ-то убѣждалъ, но видно она послушалась. Онъ вышелъ и говоритъ: „вынь изъ моего ковчега (такъ называлъ свой гробикъ) сухарей.“ Навязалъ ихъ цѣлый узелъ, отдалъ Акулинѣ, а другой узелъ мнѣ; потомъ насыпалъ цѣлый мѣшокъ сухарей, да и началъ его бить палкою, а мы смѣемся, такъ и катаемся со смѣху. Батюшка взглянетъ на насъ, да еще пуще его бьетъ, а мы, знать, ничего не понимаемъ. Потомъ завязалъ батюшка, да и повѣсилъ на шею Аграфенѣ и велѣлъ намъ

идти въ обитель. Послѣ уже поняли, какъ эта сестра Акулина Васильевна вышла изъ обители и въ мiру терпѣла страшные побои. Она потомъ опять поступила къ намъ и скончалась въ Дивѣевѣ. Я какъ возвратилась въ обитель, прямо пришла къ матушкѣ Ксенiи Михайловнѣ, да сказала, что мы три ночи ночевали въ Саровѣ. Она строго мнѣ выговорила: „Ахъ ты самовольница! Какъ безъ благословенiя столько жила!“ Я прошу прощенiе, говорю: батюшка насъ задержалъ, и подаю ей сухари, что принесла. Она отвѣчаетъ: „коли батюшка оставилъ, такъ Богъ проститъ. Только онъ далъ ихъ тебѣ къ терпѣнiю.“ Такъ вскорѣ и вышло: на меня много наговорили матушкѣ и она меня выслала. Я все плакала, да и пошла къ батюшкѣ Серафиму, все ему разсказала, сама плачу, стою предъ нимъ на колѣняхъ, а онъ смѣется, да такъ ручками сшибается. Сталъ молиться и приказалъ мнѣ идти къ своимъ дѣвушкамъ на мельницу, къ начальницѣ Прасковьѣ Степановнѣ. Она по его благословенiю и оставила меня у себя. Разъ я прихожу къ батюшкѣ Серафиму въ пустынку, а у него на лицѣ мухи, а кровь ручьями бѣжитъ по щекамъ. Мнѣ жаль его стало, хотѣла смахнуть ихъ, а онъ говоритъ: „Не тронь ихъ, радость моя, всякое дыханiе, да хвалитъ Господа!“ Такой онъ терпѣливецъ.“

Старица Матрена Петровна передала также нѣсколько разсказовъ о батюшкѣ о. Серафимѣ (тетрадь № 1). Она поступила въ Дивѣевскую обитель 16-ти лѣтъ и ходила къ о. Серафиму еще ребенкомъ. Имѣя въ обители тетку (впослѣдствiи монахиню Алевтину) она бывала съ нею въ Саровѣ. Однажды батюшка ее облилъ всю святою водою съ церковнымъ виномъ и приказалъ идти къ своимъ дѣвушкамъ въ обитель. Матрена Петровна желала поступить къ Ксенiи Михайловнѣ, а не на мельницу, такъ какъ будучи бѣдная, она ходила въ лохмотьяхъ и скорѣе соотвѣтствовала убогимъ сестрамъ Ксенiи Михайловны, чѣмъ хорошо одѣтымъ сестрамъ мельничной обители. Но этого она не сказала батюшкѣ и просто не пошла къ Прасковьѣ Степановнѣ. О. Серафимъ провидѣвъ поступокъ дѣвочки и сказалъ Прасковьѣ Степановнѣ: „скажи, радость моя, красненькой (она была румяная) дѣвушкѣ, Матренѣ Вертьяновской, что ей нѣтъ дороги идти

къ Ксеніи Михайловнѣ, а возьми ее къ себѣ.“ Прасковья Степановна пришла сама къ Матренѣ и передала слова батюшки, но дѣвочка опять не исполнила приказанія. Тогда батюшка послалъ къ ней Елену Васильевну Мантурову, которая сдѣлала выговоръ Матренѣ за ослушаніе. Не рѣшаясь, по застѣнчивости поступить въ мельничную обитель, она уговорила своего отца пойти съ нею въ Саровъ. Батюшка спросилъ отца: „вручаешь-ли мнѣ свою дочь?“ „Я не препятствую ей идти въ монастырь, поручаю ее вамъ, батюшка,“ отвѣтилъ отецъ. Тогда о. Серафимъ взялъ ее за руку, положилъ въ руку отца и сказалъ: „Ей нѣтъ дороги къ Ксеніи Михайловнѣ, а къ моимъ дѣвушкамъ пусть идетъ“. „Я уже этого не знаю, а какъ она сама хочетъ...“, отвѣтилъ отецъ по своему непониманію. Съ этого дня Матрена поступила къ Прасковьѣ Степановнѣ и батюшка сказалъ старшей сестрѣ: „приставь ее къ лошадкамъ, она намъ годится; какъ соборъ-то будутъ класть, она нужна будетъ, при работахъ.“ (Пророчество это сбылось, такъ какъ Матрена принимала и отмѣчала кирничъ при постройкѣ собора въ шестидесятыхъ годахъ). Какъ только поступила Матрена Вертьяновская въ обитель, то вскорѣ захворала лихорадкой. Пять мѣсяцевъ она била ее и наконецъ совершенно изнурила. Батюшка Серафимъ приказалъ ее отвезти къ родителямъ и тамъ выкупать въ рѣкѣ, что и сдѣлали. Послѣ этого лихорадка била ее три дня безъ отдыха и сразу пропала. Черезъ нѣкоторое время однако лихорадка вернулась и батюшка приказалъ тогда привезти ее, какъ не была она слаба, въ телѣгѣ въ Саровъ и выкупать на источникѣ. Здѣсь уже она окончательно выздоровѣла.

Болящая монахиня Мелетина свидѣтельствовала, что посылая ее въ обитель, о. Серафимъ говорилъ: (тетрадь № 1): „знаешь оржаное зерно? Будемъ по зернышку учиться, а тамъ матушка, всему научимся и спасемся; земля же подъ нами вся святая, и всѣ живущіе на ней и по окрестностямъ всѣ спасутся, а кто мое имя будетъ поминать, не оставлю и я въ молитвахъ моихъ. Ты не жалуйся на меня, убогаго Серафима за то, что противъ твоего желанія призвалъ въ мою обитель; не я, а самъ Господь и Божія Матерь тебя

привели, а я только постарался о тебѣ. Вы знаете, какое здѣсь было вражье жилище, но милосердый Господь по своему человѣколюбію и благости дозволилъ мнѣ прогнать все сатанинское полчище!“

Мы упоминали о томъ раньше, что мѣстность деревень Дивѣева и Вертьянова была полна заводскаго населенія, разврата, пьянства и какъ принадлежавшая множеству помѣщиковъ черезъполосно, отличалась трудностью для управленія. Теперь изъ вышеприведенныхъ словъ о. Серафима еще яснѣе обрисовывается бывшее духовное состояніе въ сей мѣстности.

Насколько часто сестры Дивѣевскія должны были первое время ходить къ о. Серафиму работать и за продовольствіемъ, которое онъ посылалъ имъ отъ себя изъ Сарова, видно напр. изъ повѣствованія сестры Прасковьи Ивановны, впослѣдствіи монахини Серафимы (тетрадь № 1). Вновь поступающихъ онъ еще заставлялъ чаще приходить другихъ, чтобы преподать имъ духовное назиданіе. Въ праздникъ Срѣтенія 1828—29 г.г. онъ приказалъ сестрѣ Прасковьѣ Ивановнѣ, какъ только что поступившей въ обитель, дважды успѣть прійти къ нему и возвратиться. Слѣдовательно ей надо было пройти 50 верстъ и еще провести время въ Саровѣ. Она смутилась и сказала: „не успѣю такъ, батюшка!“ „Что ты, что ты, матушка“ отвѣтилъ о. Серафимъ, вѣдь день теперь продолжается 10 часовъ“. „Хорошо, батюшка“, сказала Прасковья съ любовію. Первый разъ она пришла въ келію къ батюшкѣ въ монастырь, когда шла ранняя обѣдня. Батюшка отворилъ дверь и весело встрѣтилъ ее, назвавъ: радость моя! Посадилъ отдохнуть, накормилъ частичками просфоры со святою водою и потомъ далъ нести въ обитель къ себѣ большой мѣшокъ съ толокномъ и сухарями. Въ Дивѣевѣ она немного отдохнула и опять пошла въ Саровъ. Служили вечерню, когда она вошла къ батюшкѣ, который въ восторгѣ привѣтствовалъ ее, говоря: „Гряди, гряди, радость моя!“ Вотъ я накормлю тебя своею пищею. Посадилъ Прасковью и поставилъ предъ нею большое блюдо пареной капусты съ сокомъ. „Это все твое,“ сказалъ батюшка. Она начала ѣсть и ощутила такой вкусъ, который ее несказанно удивилъ. Потомъ

изъ разспросовъ она узнала, что за трапезой не бываетъ этой пищи и она была хороша, потому что батюшка самъ по молитвѣ своей приготовлялъ такую необыкновенную пищу. Однажды батюшка ей приказалъ работать въ лѣсу, собирать дрова и припасъ ей пищи. Часу въ третьемъ дня онъ самъ захотѣлъ поѣсть и говоритъ: „поди-ка, матушка, въ пустыньку, тамъ у меня на веревочкѣ виситъ кусочекъ хлѣба, принеси его.“ Сестра Прасковья принесла. Батюшка посолилъ черствый хлѣбъ, помочилъ его въ холодной водѣ и началъ кушать. Частицу онъ отдѣлилъ Прасковьѣ, но она не могла даже разжевать, такъ засохъ хлѣбъ и подумала: вотъ какое терпитъ лишеніе батюшка. Отвѣчая ей на мысль о. Серафимъ сказалъ: „Это матушка, еще хлѣбъ насущный! А когда я былъ въ затворѣ, то питался зеліемъ, траву снить обливалъ горячею водою, такъ и вкушалъ; это пустынная пища и вы ее вкушайте.“ Въ другой разъ сестра Прасковья Ивановна впала въ искушеніе, начала малодушествовать, скучать, тосковать и задумала уйти изъ обители, но не знала, открыться-ли батюшкѣ? Вдругъ онъ присылаетъ за ней. Она входитъ смущенная и робкая. Батюшка началъ разсказывать о себѣ и о своей жизни въ монастырѣ, а затѣмъ прибавилъ: „я, матушка, всю монастырскую жизнь прошелъ и никогда, ниже мыслію не выходилъ изъ монастыря.“ Повторяя еще нѣсколько разъ это и приводя примѣры изъ своего прошлаго, онъ совершенно исцѣлилъ ее, такъ что Прасковья Ивановна свидѣтельствуетъ въ своемъ повѣствованіи, что въ продолженіе разсказа, всѣ мои мысли понемногу успокоились, а когда кончилъ батюшка, такъ я почувствовала такое утѣшеніе, какъ будто больной членъ отрѣзанъ прочь ножемъ.“ Въ бытность Прасковьи Ивановны при батюшкѣ въ ближней пустынькѣ, къ нему подошли курскіе купцы, заѣхавшіе въ Саровъ съ Нижегородской ярмарки. Передъ прощаніемъ они спросили батюшку: „что прикажете сказать вашему братцу?“ О. Серафимъ отвѣтилъ: „скажите ему, что я молю о немъ Господа и Пречистую Его Матерь день и нощь.“ Они отошли, а батюшка, воздѣвши руки, съ восторгомъ нѣсколько разъ повторилъ: „нѣтъ лучше монашескаго житья, нѣтъ лучше!“ Однажды, когда Прасковья Ивановна работала у источника,

къ ней батюшка вышелъ съ свѣтлымъ, сіяющимъ лицемъ и въ новомъ, бѣломъ балахончикѣ. Еще издали воскликнулъ онъ: „Что я тебѣ, матушка, принесъ!“ и подошелъ къ ней, держа въ рукахъ зеленую вѣточку съ фруктами. Сорвавъ одинъ, онъ вложилъ ей въ уста и вкусъ его былъ невыразимо пріятенъ и сладокъ. Затѣмъ вкладывая въ уста еще такой же фруктъ, онъ произнесъ: „вкуси, матушка, это райская пища!“ Въ то время года еще не могли созрѣть никакіе фрукты.

Старшая сестра въ мельничной обители о. Серафима Прасковья Семеновна свидѣтельствовала много о батюшкиныхъ милостяхъ къ сестрамъ и между прочимъ разсказала, какъ страшно было ослушаться его. (Тетрадь № 1). Однажды батюшка приказалъ ей, чтобы она пріѣхала съ отроковицей Маріей Семеновной на двухъ лошадяхъ за бревнами. Онѣ поѣхали прямо къ батюшкѣ въ лѣсъ, гдѣ онъ ихъ уже дожидался и приготовилъ на каждую лошадь по два тоненькихъ бревнышка. Думая, что всѣ четыре бревна можетъ свезти одна лошадь, сестры переложили дорогою эти бревнышка на одну, а на другую лошадь взволили большое, толстое бревно. Но лишь тронулись онѣ съ мѣста, какъ лошадь эта упала, захрипѣла, начала околѣвать. Сознавая себя виновными, что онѣ поступили противъ благословенія батюшки, онѣ упавъ на колѣни тутъ-же въ слезахъ заочно начали просить прощеніе, а затѣмъ скинули толстое бревно и разложили бревнышки по прежнему. Лошадь сама вскочила и такъ скоро побѣжала, что онѣ едва, едва могли догнать ее.

Старица Евдокія Ефремовна еще свидѣтельствовала (тетрадь № 1), что батюшка ей сказалъ: „что у Господа 12-ть Апостоловъ, у Царицы Небесной 12-ть дѣвъ, такъ васъ 12-ть у меня. Какъ Господь избралъ Екатерину мученицу себѣ въ невѣсты, такъ и я изъ 12-ти дѣвъ избралъ себѣ въ невѣсты въ будущемъ,—Марію. И тамъ она надъ вами будетъ старшею! Теперь я избираю васъ въ сестры себѣ, а которыя будутъ послѣ меня поступать въ обитель,—тѣ дочки мои“.

„Была у меня въ селѣ Аламасовѣ", продолжала старица Евдокія Ефремовна, „на разстояніи отъ нашей обители 17 верстъ, родная сестра. Она сдѣлалась больна и мнѣ должно было навѣстить ее. Благословившись у старшей Прасковьи Степановны, я пошла въ Аламасово. Дорога идетъ лѣсомъ; дошедши до мѣста, гдѣ она поворачиваетъ на Саровъ, припала я къ землѣ, какъ-бы поклонясь батюшкѣ Серафиму въ ножки, потомъ мысленно цѣловала ихъ, а также крестъ мѣдный, Распятіе Господне, которое онъ всегда на себѣ носилъ, взяла въ ротъ снѣгу и проглотила его, вмѣсто частей изъ просфоръ, которыя батюшка раздавалъ всѣмъ. Сдѣлавши все это я стала покойна, точно лично побывала у него. На другой день послѣ того, приходитъ къ батюшкѣ сестра нашей обители Екатерина Егоровна, онъ говоритъ ей: „вчера была у меня Евдокія—глухенькая (такъ прозывалась я), благословилась въ с. Аламасово къ больной своей сестрѣ, цѣловала ноги мои, руки и крестъ и части просфорныя ѣла. Я благословилъ ее идти". Черезъ двѣ недѣли я возвратилась въ обитель. Сестра Екатерина спрашиваетъ меня: „ты была у батюшки Серафима?" Говорю нѣтъ. Она мнѣ разсказала все, что говорилъ ей о мнѣ батюшка. Въ другой разъ прихожу къ нему, батюшка роетъ картофель. Онъ приказалъ идти къ нему въ пустынку, потому что тамъ есть у него вареный картофель. „Поди матушка, сказалъ онъ, приготовь его, а я тебѣ пришлю Тульскихъ монахинь; ты имъ предложи эту пищу, но только, чтобы онѣ кушали картофель *съ кожурою*". Спустя немного времени приходятъ монахини. Я предложила имъ вареный картофель и хлѣбъ, передавъ приказаніе батюшки кушать картофель не очищеннымъ. Монахини услыхавъ это очень оскорбились и начали роптать на меня и на батюшку, а онъ въ самое это время входитъ и говоритъ со скорбію: „вотъ то-то, матушки, однѣ Серафимовы дочки должны все терпѣть, а другимъ-то вотъ все трудно исполнить". И выслалъ ихъ изъ своей пустынки".

Въ виду важности слѣдующаго разсказа, приведемъ еще подлинныя выраженія старицы Устиньи Ивановны. (Тетрадь № 1). „Однажды сестра обители нашей, Марія Семе-

новна говоритъ мнѣ," начала она, „что батюшка Серафимъ многое предсказывалъ о нашей обители, что случится въ послѣдствіи времени. Предвидя раннюю ея кончину, онъ приказывалъ, слышанное отъ него передать мнѣ. Очень много чуднаго, утѣшительнаго въ устройствѣ обители говорилъ ей батюшка въ то время, когда только сдѣлано было основаніе ея—мельница и одна келія поставлены. Марія Семеновна разсказывала мнѣ такъ, какъ приняла это отъ батюшки Серафима, но по моей плохой памяти и давно прошедшемъ времени (25 лѣтъ), я не могу все разсказать, а вотъ, что хорошо помню: въ одинъ лѣтній день Марія Семеновна привела меня къ Казанской церкви, тутъ стояли и другія сестры, и показывая на все это мѣсто сказала: „вотъ помните, церковь эта будетъ наша, приходская-же церковь будетъ выстроена на другомъ мѣстѣ; при ней построится и духовенство прихожанъ. Здѣсь-же, говорилъ батюшка Серафимъ будетъ Лавра, а гдѣ канавка—тамъ киновія. Церковь ваша кладбищенская будетъ во имя Преображенія Господня. Я, говоритъ Марія Семеновна, сказала: батюшка, кажется на кладбищахъ болѣе бываютъ церкви во имя всѣхъ Святыхъ?" А батюшка отвѣтилъ: „престолъ Всѣхъ Святыхъ будетъ ранѣе этого устроенъ".

Еще батюшка сказалъ Маріи Семеновнѣ: „убогій Серафимъ могъ-бы обогатить васъ, но это не полезно вамъ, могъ-бы и золу превратить въ злато, но не хочу. У васъ многое не умножится, а малое не умалится. Въ послѣднее же время, будетъ у васъ изобиліе во всемъ, но тогда уже будетъ всему конецъ.

Въ настоящее время мы можемъ перекрестясь сказать: половина предсказаній уже исполнилась! Но въ то время было трудно работать сестрамъ, хотя батюшка оживлялъ, подкрѣплялъ ихъ и отъ всего спасалъ благодатію Божіею. Старица Домна Ѳоминична разсказывала, что неся послушаніе возить дрова изъ Саровскаго лѣса отъ дальней пустынки, она однажды зимою, съ сестрою Акулиною Васильевной сильно прозябли и, какъ малодушныя, расплака-

лись. Пошли онѣ къ батюшкѣ въ ближнюю пустыньку, не зная тутъ-ли онъ, и плача встали около нея. Батюшка позналь духомъ, что онѣ пришли и три раза постучалъ имъ изъ нутра въ стѣну, но онѣ не слыхали отъ слезъ. Тогда батюшка отворилъ дверь, принялъ ихъ какъ нѣжный отецъ и такъ утѣшилъ, что онѣ совершенно забыли свою усталость, холодъ и поспѣшили ѣхать домой.

Безхитростные и простодушные разсказы сиротъ Серафимовыхъ дороги тѣмъ, что они какъ нельзя лучше, яснѣе и ярче обрисовываютъ святую жизнь сестеръ Дивѣевской обители, принявшихъ, по молитвамъ великаго подвижника и старца Серафима, царствіе небесное внутрь себя—съ дѣтскою простотою.

„Меня въ ту пору, какъ пришла я къ батюшкѣ-то въ первый разъ все замужъ сватали", разсказываетъ старица Акулина Ивановна Малышева. „Прихожу это я къ батюшкѣ, а онъ и говоритъ: „Что, матушка, лучше, рожь или пшеница?" „Какъ можно; за бѣлый-то хлѣбъ скорѣе хватишься!" отвѣчаю я. „То-то, то-то, матушка, ну и что лучше: земной или вѣчный?" „Вѣчный, батюшка, лучше"—говорю. „То-то вотъ, матушка, такъ и ступай-ка ты къ старицѣ Ксеніи Михайловнѣ, она отъ земли до небесъ—огненный столбъ, матушка!" И это батюшка три раза повторилъ: „Она отъ земли до неба огненный столбъ, матушка!" Вотъ и пошла я къ Ксеніи Михайловнѣ, да только лишь пришла, приходитъ слѣдомъ сестра изъ Сарова: батюшка наказываетъ, говоритъ, тѣми-же слѣдами сейчасъ Акулинѣ съ Стефанидой придти, а мы ужъ ужинали. Что-жъ, батюшка велитъ— и пошли. Приходимъ, чуть чуть брезжется, а батюшка топитъ, огонекъ высѣкаетъ. „Какъ съ яблонки яблоко подкатилось, восклицаетъ батюшка, такъ и ты Акулинушка!" „За вашими молитвами, благословите, батюшка!" отвѣчаю я. Вотъ на-ка Акулинушка, печку-то мнѣ истопи, да мотыжку-то вотъ эту маленько обожги, матушка, вотъ тебѣ и голицы, да какъ мотыжка-то обгоритъ, то ты ее тряпочкой вынь-то, у меня здѣсь есть тряпочка на то, а не голицами;

голицы-то спалишь.“ И ушелъ на источникъ, батюшка. Истопила я печку, обожгла матыжку, да какъ пришло время вынимать и думаю, гдѣ буду еще искать тряпку-то, боялась долго не найду, а вынуть-то всего минута, что голицамъ сдѣлается!... Голицами-то и вынула, а онѣ хоть чуточку, а подпалились... Господи! думаю я, что мнѣ отъ батюшки-то будетъ? да и пустилась бѣгомъ къ источнику-то. „Батюшка! кричу, кормилецъ, прости Христа ради!“ А онъ не далъ мнѣ договорить-то, да и сказалъ: „то-то, то-то, матушка, вѣдь я тебѣ не велѣлъ!“ А я голицъ-то ему и не показывала, вотъ какъ все зналъ-то батюшка. И заставилъ онъ насъ пять грядочекъ сработать, а какъ сдѣлали грядки-то, послалъ: подкрѣпитесь, говоритъ, вамъ подкрѣпиться матушки надо, у меня тамъ и пища есть, тамъ найдете!“ Вотъ пошли мы и нашли горнушку, а въ ней и пищу, и что это только была за батюшкина пища какая, въ одной посудкѣ, а было 7 пищей: и уха, и щи, и похлебка, и рыба свѣжая и соленая и все, все вмѣстѣ. Вотъ и поѣли мы и подкрѣпились батюшкиной пищей. Батюшка-то и приходитъ. „Ну теперь, матушка, говоритъ, подкрѣпились, надо картошку доставать, полѣзай-ты, Акулинушка, въ погребъ, тебѣ картошку доставать“. „Благословите, говорю, батюшка, за вашими молитвами полѣзу“. А у самой въ мысляхъ-то: Господи, ни зги не видать, темень, а у него-то тутъ чай и мыши, и крысы, да какъ я наступлю на крысу-то.... А батюшка-то сверху и говоритъ: „влѣво-то, влѣво-то, иди матушка, не бойся, нѣту ничего, ничего нѣтъ матушка! Опираюсь я о стѣнку рукой-то, да иду, дошла до угла.... „Въ уголъ-то, нагнись, тутъ и картошка лежитъ!“ говоритъ батюшка... А я все свое думаю: Господи, ну какъ я нагнусь, а у него тутъ мышаты и крысы и схвачу я мышь или крысу вмѣсто картошки... А батюшка-то опять сверху: „не убойся ничего, матушка, бери, не бойся ничего; вѣдь тамъ ни крысъ, ни мышей матушка нѣтъ, онѣ не живутъ тамъ, матушка!“ Вотъ какъ батюшка и мысли то даже наши всѣ зналъ кормилецъ! Достали картофель, а батюшка-то опять и ушелъ. Ждемъ, ждемъ, а его все нѣтъ, да нѣтъ; ужъ къ вечерни, къ правилу отзвонили, смеркаться стало, а батюшки все нѣтъ;

наконецъ-то пришелъ ужъ темнехонько стало. „Что-же мнѣ съ вами дѣлать-то теперь, а? говоритъ онъ. Куда мнѣ васъ дѣвать? Здѣсь что-ли оставить, или въ Саровъ послать? Нѣтъ, въ Саровъ не надо, еще скажутъ шатающія какія, а вотъ что пойдемъ-ка я тебѣ мохъ покажу Акулинушка; завтра поутру-то встанете и будете щипать. И повелъ онъ меня лѣсомъ, мимо своего камня и того мѣста гдѣ жилъ Марка—пустынникъ и разсказывалъ все, какъ его тутъ враги искушали, какъ онъ съ ними боролся-то тутъ. Вотъ пришли и показалъ онъ мнѣ мохъ превысокій. „Вотъ, говоритъ, умѣешь брать ленъ? „Умѣю, говорю, батюшка“. „Ну такъ мохъ-то все равно, какъ ленъ брать надо, да все въ кучку-то на грядки-то и класть, онъ будетъ гноиться, картошку-то посадимъ, она хорошая и выростетъ“. Вернулись назадъ, только лишь взошли, батюшка-то опять и говоритъ: „вотъ что, матушка, дамъ я тебѣ мѣру картошки и грядите домой!“ А ночь хоть глаза выколи, даже зги не видать. „Благословите, говорю, батюшка, за вашими молитвами пойдемъ“. „Грядите, грядите, матушка, да прямо на Маслиху, да тропкой-то мимо Маслихи не ходите, матушки, а прямо въ ворота“. А Маслихой-то назывался лѣсъ престрашнѣющій, а у Саровскихъ-то скотный дворъ тутъ. „Матушкѣ-то Ксеніи Михайловнѣ, что сказать велишь батюшка?“ спросила я. „А вотъ картошки-то матушка, это ей ты подашь, да и скажешь: отъ отца Серафима, убогаго, вотъ я тебѣ картошку-то принесла, ты ее прими и меня съ ней прими!“ Три раза повторилъ все эти-же слова батюшка. „Вотъ она тебя приметъ, ты у ней-то и оставайся, матушка, а она вѣдь столбъ огненный отъ земли до неба, матушка!“—Опять три раза повторилъ батюшка, благословилъ насъ и мы пошли. Идемъ это мы, а Стефанида-то Аникѣева и говоритъ: „ну вотъ я пойду тропой, мы тутъ прошлый годъ все ягоды рвали.“ „Не ходи, говорю я, не ходи, какъ можно, вѣдь ты батюшку оскорбишь, онъ вѣдь не велѣлъ“. „Нѣтъ, пойду“ заупрямилась она. „Ну, какъ хочешь“ сказала я, а я батюшкино-то приказаніе не преступлю, иди одна, если батюшку оскорблять хочешь“. Только, что я сказала такъ-то и пошла дорогой, а она-то всторону, да какъ вскрикнетъ,

я такъ къ ней и бросилась, а она въ водѣ по шею! Рѣка Сатисъ, знаешь тутъ протекаетъ, ну она, какъ пошла ночью-то, ничего не видно, да въ воду-то и ухнула. Вотъ что значитъ преступать-то батюшкино приказаніе. Ну вытащила я ее, да въ ворота. Монахъ отворилъ намъ, да и говоритъ: „ну куда вы куры-то, утопитесь, да заплутаетесь еще, оставайтесь ночевать!“ „Нѣтъ, нѣтъ, говоримъ, батюшка домой приказалъ намъ идти!“ „Ну такъ поужинайте, ступайте я васъ накормлю, чай голодныя, у старика вѣдь и поѣсть-то нечего, что у него за пища“, говоритъ монахъ. „Нѣтъ, нѣтъ, батюшка, отвѣчаемъ мы, благодаримъ и сыты и пища была прекрасная!“ Такъ мы и ушли, да за Балыковомъ (половина пути) на дорогѣ подложа мѣшки съ картошкой подъ головы, еще заснули съ часокъ. Пришли домой; явилась я къ Ксеніи Михайловнѣ-то, отдаю ей мѣшокъ, да какъ батюшка-то приказалъ и говорю. „Какъ говоритъ, это стало быть, онъ тебя ко мнѣ вернулъ, батюшка-то?“ спросила Ксенія Михайловна. „Нѣтъ, нѣтъ не вѣрю, позови-ка сестру Марьюшку-то, я еще васъ спосылаю! Ступайте обратно къ нему“. „Благословите, говорю, матушка!“ Позвала сестру. Ксенія Михайловна поговорила съ ней и мы пошли. Приходимъ, а у батюшки-то народу видимо-невидимо, туча тучей стоитъ; а самъ-то онъ и видимъ, сидитъ на обрубочкѣ съ какимъ-то изъ купечества и тотъ изъ себя бѣлый, разбѣлый такой, а батюшка-то въ рукахъ держитъ вѣточку, да его вѣточкой-то этой все обмахиваетъ, а у самаго-то у кормильца точно гвозди на всемъ личикѣ-то, источники крови бѣгутъ. Вотъ проводилъ онъ купца-то, да вдругъ и исчезъ. Народъ видитъ—нѣтъ его, да и разошелся, а мы-то ждали, ждали до самой до вечерни, всѣ мѣста обошли, а все его нѣтъ; тутъ уже слышимъ, какъ онъ стукнулъ топорикомъ-то въ келіи, входимъ, а онъ и лежитъ-то, батюшка-то, весь какъ есть кругомъ обложенъ большущими камнями. „Больно меня комары-то одолѣли, матушка, ужъ такъ одолѣли, а я думалъ, думалъ, куда-бы мнѣ дѣться отъ нихъ, да вотъ въ погребъ-то за камни и скрылся матушка; ну Акулинушка откинь-ка ихъ, матушка“, сказалъ батюшка Серафимъ. „Благословите, батюшка“, отвѣчаю и такъ это

легохонько я ихъ, не надивлюсь, а камни-то. большущіе, пребольшущіе! а это у него въ сѣнкахъ, и какъ тамъ очутились вдругъ эти большущіе камни, Господь знаетъ! „Посторонитесь, посторонитесь, матушки!“ вдругъ заговорилъ батюшка. „Ко мнѣ много господъ идутъ!“ А вовсе никого нѣтъ, и не видно, ну да вѣдь ему-то издали все было видненько, потому что чуть-чуть прошло времячко, минутъ нѣсколько, а и впрямь много господъ-то идетъ. Мы отошли къ сторонѣ и слышимъ.... „Вотъ это, батюшка, моя дочь“, говоритъ одна. „А это мой сынъ“, говоритъ другой“. Благословите ему взять ее дочь-то за себя?“ „Нѣтъ, нѣтъ“, отвѣчаетъ батюшка. „Онъ долженъ за себя взять ту, что осталась тамъ, а она выйдетъ за того, что возлѣ васъ вотъ тутъ живетъ“. И все это, батюшка, по названьямъ-то называлъ, ужъ не запомню я мѣстовъ-то. И какъ это онъ все зналъ, впередъ и про всѣхъ, истинно диво, да и только! Вотъ отпустилъ ихъ и говоритъ намъ: „Что пришла, что надо-то Акулинушка? Ксенья-то не беретъ, ну ничего возьметъ! Сходи-ка Марьюшка, почерпни-ка, да принеси ты мнѣ водицы изъ источника-то“. Сестра принесла, онъ сердечный насъ этой водой-то изъ своихъ устъ спрыснулъ, да и говоритъ: „Видишь, Марьюшка, Акулинушка-то намъ нужна будетъ, ея начало земля, землю пахать будетъ“. „Батюшка, говоритъ сестра, да у насъ вѣдь и безъ того дьячекъ Ефимъ уже пашетъ“. А батюшка-то: „глупенькая, глупенькая“ говоритъ, „да это что у васъ за земля; у васъ развѣ столько земли-то будетъ, да все своя земля-то, матушка! Этой земли начало—Акулинушка, а конецъ казакамъ; послѣ нея казаки будутъ!“ (Дѣйствительно, первые хлѣба засѣвала и пахала Акулина Ивановна, а съ 1855-го года пашня идетъ волами, которыми и правятъ сестры—казачки). Стали меня сестры просить у батюшки къ себѣ въ хлѣбную. Батюшка-то и задумался; потомъ поднялъ голову-то: „Что-жъ не надолго вѣдь“ говоритъ, „возьми ее до Успенья-то“. Мы думали, что это онъ объ Успеньевомъ днѣ говоритъ, да ужъ больно будто коротко до Успеньева-то дня, а сестра-то у меня и умерла черезъ три года, вотъ онъ объ какомъ успеньи-то толковалъ, мы ужъ послѣ вспомнили. Слѣдомъ почти за ея смертью-

то, батюшка меня позвалъ и говоритъ: „ну теперь пора межевать, матушка, пріѣдетъ межевой, приведутъ ему девять дѣвушекъ и поставятъ ширинушкой, а тебя, матушка, какъ зовутъ?"—вдругъ спросилъ онъ меня, я удивилась, да и говорю: Акулиной. А по батюшкѣ-то? Ивановной! говорю, батюшка. „А Акулину Ивановну подъ цѣпь! такъ, такъ матушка". Прихожу домой-то, а вечеромъ и приходитъ Михаилъ-то Васильевичъ—покойникъ къ Ксеніи-то Михайловнѣ и говоритъ: „Межевой здѣсь, землю смежевать надо, давай дѣвушекъ, да мнѣ Акулину Ивановну подай!" Вотъ на завтра то и выслали насъ девять дѣвушекъ къ батюшкѣ Василью; вотъ и пошли мы-то девять, да ихъ трое: Михаилъ-то Васильевичъ, батюшка Василій, да межевой-то. Пришли. „Ну сестры, читайте Достойно и батюшкино правильце", говоритъ батюшка Василій. Прочли. „Ну теперь начинать!" Поставили насъ и вправду ширинушкой. И что-же? Диковинное это дѣло право; прямо подходитъ ко мнѣ межевой. „Тебя какъ зовутъ?" спрашиваетъ. „Акулиной Ивановной, батюшка". „Сестра Акулина Ивановна" говоритъ онъ, „подъ цѣпь!" Такъ и вспомнились мнѣ батюшкины-то слова, какъ онъ мнѣ наканунѣ говорилъ-то. Ну и взяла я цѣпь-то и три недѣли цѣлыхъ мы промежевали".

„А я прихожу къ нему, къ батюшкѣ Серафиму" разсказываетъ старица Агафія Григорьевна,—„да и думаю, смущенная духомъ, что по кончинѣ не будетъ уже никому и никакой награды. Батюшка былъ въ своей кельѣ, въ сѣночкахъ, положилъ головку на грѣшное плечо мое и сказалъ: „не унывай, не унывай матушка, мы въ царствіи-то небесномъ будемъ съ тобою ликовать!" и всплеснулъ онъ ручками и лице его какъ свѣтъ просвѣтилось и до трехъ разъ повторялъ онъ все эти же сладостныя слова: „не унывай, не унывай, мы съ тобою въ царствіи небесномъ будемъ ликовать!" и прибавилъ: „матушка, чтобъ умная молитва навсегда бы при тебѣ была". А я грѣшница изнемогала въ малодушіи. „Не слушай, говоритъ, матушка, куда тебя мысли-то посылаютъ, а молись такъ матушка: „помяни мя Господи, егда пріидеши во царствіе Твое" и сначала до конца. О всепѣтая Мати.... потомъ: помяни Господи отца нашего

Іеромонаха Серафима и свое-то имя помяни, вотъ матушка, мои грѣхи проститъ Господь и твои, такъ и спасемся!“

Ирина Семеновна посадила картофель у батюшки, но когда онъ приказалъ его уже вырыть, то она заставила сестеръ работать, а сама ушла въ Дивѣево. На грядахъ, снаружи вовсе не было травы отъ картофеля, а когда стали рыть въ землѣ, то нашли новый картофель съ голубиное яйцо. Ирина Семеновна возвратясь изъ Дивѣева поразилась чудомъ и говоритъ сестрамъ: „спрячемъ этотъ картофель и покормимъ батюшку.“ Наконецъ батюшка пришелъ изъ лѣса и Ирина Семеновна показала ему картофель. Батюшка сильно разбранилъ сестеръ: „зачѣмъ вырыли! зачѣмъ вырыли!“ восклицалъ онъ. Тогда сестры горько заплакали и долго просили прощеніе. Батюшка простилъ и сказалъ улыбаясь: „Во, матушка, если этотъ картофель кто будетъ кушать, то и исцѣленіе получитъ. Весь бѣлый свѣтъ изойти, такого картофеля не найдешь, въ землѣ былъ и неистлѣлъ и плодъ пустилъ.“ (Тетрадь № 2).

Старица монахиня Ерміонія въ свою очередь разсказываетъ: (тетрадь № 2) „пошли мы съ крестной въ Саровъ на Ильинъ день, народу множество. Крестная моя Евдокія, которая удостоилась у батюшки присутствовать при явленіи Божіей Матери въ день Благовѣщенія. Послѣ ранней пошли мы къ батюшкѣ Серафиму, а сѣнки полны господъ; онъ не отворилъ дверь и заслонившись ручкой сталъ смотрѣть и прямо звать насъ. „Мароа, Евдокія, пойдите ко мнѣ!“ Насъ сейчасъ-же пропустили. Батюшка затворилъ за нами дверь и сталъ спрашивать: знаемъ-ли мы молитвы. Знаемъ, говоримъ мы. „Богородицу“, „Отче“ и „Вѣрую“ заставилъ за собою читать, потомъ и говоритъ крестной: „Евдокіюшка, да она вѣдь прямо въ монастырь готова, все знаетъ.“ Я говорю: „батюшка, меня отецъ не пускаетъ.“ „Да что ему за дорога?! Ему нѣтъ дороги, если Матерь Божія избираетъ.“ говоритъ батюшка. Ну и пошли мы въ монастырь и родные уговаривали, да мы не послушали. Сойдемся въ монастырѣ, да толкуемъ: все хорошо и не скучно намъ, да только голодно, мясца нѣтъ. Вотъ батюшка и провидѣлъ и приказалъ намъ на Рождество Христово, чтобы пришли, ну и

пришли мы, онъ насъ накормилъ сухариками и сухарей на дорогу насыпалъ по узелку. „Это вамъ на дорогу, а теперь не ѣшьте, а придете домой, то все, что въ мірѣ не есть, кушайте, Богъ благословитъ“, сказалъ батюшка. Ну мы и рады; пришли домой, не знаютъ чѣмъ насъ подчивать, ну мы и говоримъ, что все батюшка благословилъ ѣсть, ну и стали ѣсть-то только кусочекъ мясца я съѣла, меня и начало рвать, и такъ-то рвало, что уже послѣ я не могла и духу-то просто его слышать. А то стали мы скучать и онъ присылаетъ намъ что-то мягкое и душистое въ родѣ тѣста, и какъ мы поѣли, такъ у насъ тоска и пропала и все сердце точно загорѣлось въ насъ. Родитель мой работалъ, по просьбѣ батюшки въ Дивѣевѣ. Батюшка говаривалъ ему: „поработай на сироточекъ на моихъ теперь, тебѣ денегъ-то не нужно, а придетъ время, все тебѣ разомъ заплачу.“ Родительница моя была больна полтора года, лечили ее, но ничто не помогало; когда привезли ее къ батюшкѣ Серафиму, онъ далъ ей пить водички, да сухариковъ, она сразу и исцѣлилась“.

Нѣкоторыхъ же о. Серафимъ, по своей прозорливости, съ малолѣтства ихъ предназначалъ, и въ духѣ сего предназначенія руководствовалъ къ поступленію въ Дивѣевскую обитель. Изъ числа такихъ была сестра Анастасія Протасова. „Въ первый разъ была я—разсказывала она впослѣдствіи—у старца Серафима еще малолѣтнею, вмѣстѣ съ моими родителями и съ начальницею Дивѣевской общины Ксеніею Михайловною. Мать моя давно уже желала видѣть о. Серафима, и мы всѣ шли къ нему съ полною вѣрою. Когда подошли къ его кельѣ, народа еще не было, и сотворили по обыкновенію молитву Іисусову. Батюшка тотчасъ отворилъ намъ дверь. Онъ одѣтъ былъ въ бѣлый балахончикъ, и лицо его казалось необыкновенно свѣтлымъ. Онъ сказалъ намъ: „пожалуйте сюда!“ и велѣлъ приложиться къ образу Божіей Матери, стоявшему на столѣ. Потомъ мы всѣ поклонились ему въ ноги и онъ, благословивъ насъ и давъ приложиться къ Распятію, которое висѣло на груди его, сказалъ намъ: „Господь, иже вездѣ сый и вся исполняяй, и васъ милостіею своею не оставитъ. Пророкъ сказалъ: не

видѣхъ праведника оставленна, ниже сѣмени его, просяща хлѣба". Послѣ того далъ намъ самъ по частицѣ антидора съ церковнымъ виномъ и положилъ матушкѣ въ платокъ нѣсколько сухариковъ. Наконецъ еще разъ благословилъ и сказалъ: „грядите съ миромъ".

„Во второй разъ я была у него, семи лѣтъ отъ роду, съ матерью и Дивѣевскою Ириною Прокопьевной.

„Онъ также благословилъ насъ всѣхъ и приказалъ приложиться къ образу Божіей Матери; а какъ я не могла достать образа, стоявшаго на столѣ, то онъ самъ поднялъ меня и далъ приложиться къ Царицѣ Небесной; а затѣмъ взялъ мою руку, вложилъ ее въ руку Ирины Прокопьевны и началъ матери моей говорить о пророкѣ Самуилѣ и другія притчи, и спросилъ ее: „понимаете ли вы, матушка?" Она отвѣчала: „Не могу, батюшка, понять". Тогда онъ благословилъ насъ всѣхъ и отпустилъ домой. Мать моя, возвратясь въ квартиру, подумала, что все это клонится къ близкой моей смерти и проплакала всю ночь. Поутру же она опять отправилась со мной къ о. Серафиму, не рѣшаясь уѣхать не простившись съ нимъ. Едва только онъ отворилъ намъ дверь и мы поклонились ему, какъ, еще не благословляя насъ, положилъ на уста матери моей свою ручку и сказалъ: „не къ тому, не къ тому, матушка, не унывай." И тутъ же далъ ей приложиться ко Кресту, бывшему на немъ. Послѣ того мать моя совершенно успокоилась.

„Когда же мнѣ наступилъ 12-й годъ и мы пришли опять къ о. Серафиму, онъ спросилъ мать мою, указывая на меня: „много ли ей лѣтъ?" Та отвѣчала: „двѣнадцатый годъ, батюшка." Тогда онъ сказалъ ей: „пора намъ, матушка, обручить ее жениху." Мать возразила на это, что она еще молода; а Серафимъ отвѣчалъ ей: „ты, матушка, поищи вдову и поклонись ей, чтобы она взяла ее за сына; она ее и возьметъ." Маменька улыбнулася и подумала, что онъ дѣйствительно прямо говоритъ ей про будущаго моего жениха. А онъ продолжалъ: „по дванадесятымъ-то праздникамъ шей ей, матушка, обновки: бѣлое платьице и красненькіе башмачки, а въ полуночный-то часъ вставай сама молиться, и мужа-то возбуждай, а ее не возбуждай. Когда она возму-

жаетъ и укрѣпится силою и духомъ, тогда будетъ и сама мужественна къ подвигу.“ И съ тѣхъ поръ всегда, когда бы мы ни приходили къ нему, онъ все поминалъ о вдовѣ.

„Когда же исполнилось мнѣ 16 лѣтъ отъ роду, тогда онъ прямо сказалъ родителямъ моимъ обо мнѣ, что „ей дорога въ Дивѣево, въ мою обитель, къ сиротамъ“, и два года сряду послѣ того посылалъ за мною изъ обители сестру Анну Петровну, и каждый разъ, какъ мы бывали у него (что случалось раза три въ годъ), онъ все говорилъ мнѣ: „Успеніе тебя ждетъ, и тебѣ нѣтъ дороги, матушка, жить у родителей: тебя Божія Матерь семи лѣтъ избрала, а они держатъ тебя у себя,“ — это говорилъ онъ о родителяхъ моихъ. Отца моего также просилъ, чтобы мы непремѣнно поставили себѣ келью на каменномъ фундаментѣ и чтобы намъ жить въ ней только четыремъ человѣкамъ, неболѣе; „а крышу-то—говорилъ онъ, обращаясь ко мнѣ—ты сама, матушка, накрой и крѣпко приколоти гвоздями.“ Разъ я сказала ему, что мнѣ жалко разстаться съ сестрою; а онъ отвѣчалъ: „такъ мы и ее возьмемъ сюда“. Тогда я начала жалѣть родителей, что имъ безъ насъ обѣихъ еще больше будетъ печали. И вотъ, когда я была у него въ другой разъ, онъ, между прочимъ, сказалъ: „а про сестру-то, что мы говорили? мнится мнѣ, лучше оставимъ ее покуда у родителей: пусть поживетъ въ утѣшеніе ихъ“, и подавая мнѣ просфору для передачи ей, прибавилъ: „скажи ей, матушка, что это тебѣ прислалъ убогій Серафимъ.“ Съ тѣхъ поръ мы не такъ уже стали жалѣть другъ друга, какъ это бывало прежде. Когда же принесли къ нему трехлѣтняго брата моего, Ивана, онъ взялъ его изъ рукъ няньки и, подавая мнѣ, спросилъ: „у васъ есть садъ?“ Я отвѣчала ему: „есть“. Тогда онъ сказалъ: „ты, матушка, носи его по саду и говори все: *Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй!* онъ возмужаетъ и будетъ сокровище наше вожделѣнное; а корми-то его сама, изъ своихъ рукъ.“

„Однажды, когда я была у него въ пустынкѣ, онъ послалъ меня къ источнику съ тѣмъ, чтобы я напилась и умылась изъ него, говоря, что этотъ источникъ исцѣляетъ болѣзни; потомъ, показывая на окрестную землю, въ ту сто-

рону, гдѣ Дивѣево, сказалъ: „это мѣсто выбрала вамъ Сама Царица Небесная и никто не можетъ отнять его у васъ. Вотъ я вамъ сдѣлаю шалашикъ, а вы будете ходить около него, да сѣно убирать, да тутъ и отдыхать. И хлѣба-то, и картофеля-то будетъ у васъ много, и церкви-то свои будутъ, и уставъ-то церковный будетъ такъ, какъ и въ Саровѣ, какъ передали его вамъ святые Отцы. Царица Небесная вамъ во всемъ поможетъ, и я, убогій Серафимъ, всегда за васъ колѣни преклоняю и за родителей и сродниковъ вашихъ."

„Наконецъ, когда онъ сталъ рѣшительно просить мать мою, чтобы скорѣе поставили мнѣ келью и отпустили меня въ Дивѣево, мать заплакала и сказала: „теперь мы ее отпустимъ, батюшка, съ надеждою на васъ; а если васъ не будетъ, то, можетъ быть, онѣ всѣ разойдутся". На это онъ отвѣчалъ ей: „нѣтъ, матушка, и до меня были отецъ Пахомій и отецъ Исаія, которые пеклись о нихъ: теперь я, убогій, пекусь, а послѣ меня Царица Небесная о нихъ попечется".

Посылая меня въ обитель, онъ разсказалъ мнѣ, между прочимъ, житіе преподобныя Макрины и прибавилъ: „вотъ, матушка, она сама пошла въ монастырь и брата своего, Василія, увѣщевала. Онъ былъ столпъ Церкви; а когда былъ въ ученіи и возгордился противъ сестры Макрины, она своимъ цѣломудріемъ привела его въ смиреніе".

Было-бы несправедливо и исторически не вѣрно, если-бы мы промолчали о гоненіяхъ, которыя претерпѣвалъ о. Серафимъ за заботы его о Дивѣевскихъ сиротахъ. Законы земли не могли измѣниться тамъ, гдѣ жилъ такой великій и святой старецъ; наоборотъ врагъ человѣчества всегда возбуждаетъ вражду окружающихъ противъ праведника съ наибольшей силою.

„И всякій человѣкъ, живущій, терпи на земли!" восклицала старица Ксенія Кузминична, начиная свой разсказъ о страданіяхъ батюшки Серафима. „Ужъ на что былъ святъ батюшка-то Серафимъ, угодникъ Божій, и на него гоненія были! Разъ пришло насъ семь сестеръ къ батюшкѣ, работали у него цѣлый день, устали и остались ночевать въ

пустынкѣ. Часу эдакъ въ десятомъ, увидала наша старшая изъ окна, что идутъ по дорогѣ съ тремя фонарями и прямо къ намъ. Догадались мы, что это казначей Исаія и поскорѣе на встрѣчу имъ отперли мы дверь-то. Вошли они, не бранили, ничего, оглядѣли только насъ зорко и молча чего-то все искали и приказали намъ тутъ-же одѣться скорѣе и немедленно идти прочь. Мы пошли прямо на Маслиху, да ночь была темная, забоялись мы, на гостинницу и вернулись. Хозяиномъ тогда былъ Иванъ Александровичъ (впослѣдствіи затворникъ). Увидавъ насъ такими напуганными, да смущенными, привѣтилъ онъ насъ ласкою, принесъ поскорѣе намъ рыбы, накормилъ и уложилъ спать. Какъ въ два часа ударили къ утрени, наша старшая и пошла къ батюшкѣ въ келію, все ему и разсказала. Батюшка все хорошо зналъ, но и виду даже не подалъ, а еще какъ будто на насъ-же оскорбился. „Это, говоритъ, отъ того, что дурно вы себя держите!“ и тутъ-же отослалъ насъ въ обитель. И вотъ такъ-то, какъ не покрывалъ ихъ батюшка, а знали всѣ, что много, много претерпѣвалъ онъ ото всѣхъ, за то, что насъ привѣчалъ“. (Тетрадь № 6).

Великая старица, высокой жизни, Евдокія Ефремовна (монахиня Евпраксія) такъ говорила о гоненіяхъ, которыя претерпѣвалъ о. Серафимъ:

„То всѣмъ ужъ извѣстно, какъ не любили Саровцы за насъ батюшку о. Серафима; даже гнали и преслѣдовали его за насъ постоянно, много, много, дѣлая ему огорченія и скорби! А онъ, родной нашъ, все переносилъ благодушно, даже смѣялся и часто самъ, зная это, шутилъ надъ нами. Прихожу я къ батюшкѣ-то, а онъ всѣмъ вѣдь при жизни-то своей самъ питалъ и снабжалъ насъ всегда съ отеческою заботою, спрашивая: есть-ли все? Не надо-ли чего? Со мною бывало, да вотъ съ Ксеніей Васильевной и посылывалъ, больше меду, холста, елею, свѣчей, ладону и вина краснаго для службы. Такъ-то и тутъ, пришла я, наложилъ онъ мнѣ, по обыкновенію, большую суму—ношу, такъ что насилу самъ ее съ гробика-то поднялъ, индо крякнулъ, и говоритъ: „Во, неси матушка и прямо иди во святыя ворота, никого не бойся!“ Что это думаю, батюшка-то, всегда бывало самъ

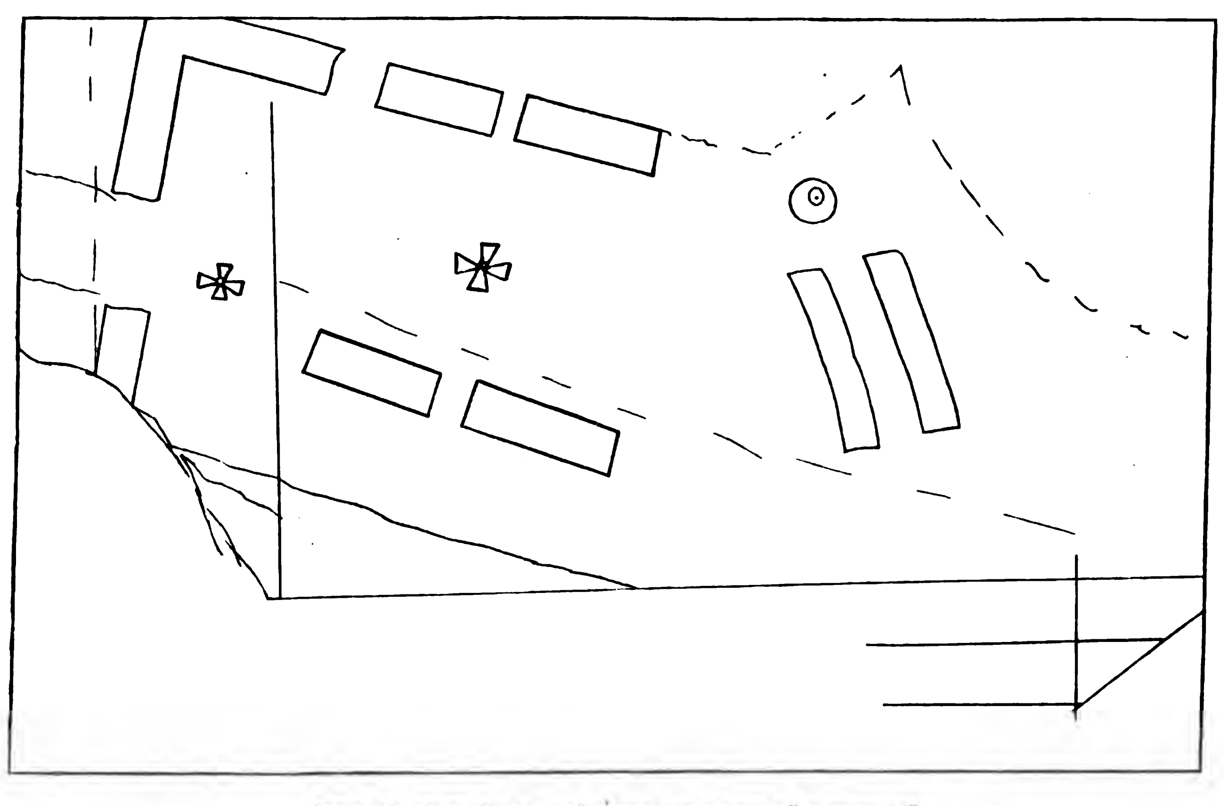
посылаетъ меня мимо коннаго двора задними воротами, а тутъ вдругъ прямо на терпѣніе, да на скорбь-то, святыми воротами посылаетъ! А въ ту пору въ Саровѣ-то стояли солдаты и всегда у воротъ на часахъ были. Саровскіе Игуменъ и Казначей съ братіею больно скорбѣли на батюшку, что все даетъ де намъ, посылаетъ и приказали солдатамъ-то всегда караулить, да ловить насъ, особенно-же меня имъ указали. Ослушаться батюшку я не смѣла и пошла сама не своя, такъ и тряслась вся, потому что не знала, чего мнѣ такъ много наложилъ батюшка. Только подошла я это къ воротамъ, читаю молитву, солдаты-то двое, сейчасъ тутъ-же меня за шиворотъ и арестовали. „Иди, говоритъ, къ Игумену!" Я и молю-то ихъ и дрожу вся; не тутъ-то было. „Иди, говоритъ, да и только!" Притащили меня къ Игумену въ сѣнки. Его звали Нифонтомъ; онъ былъ строгій, батюшку Серафима не любилъ, а насъ еще пуще. Приказалъ онъ мнѣ, такъ сурово, развязать суму. Я развязываю, а руки-то у меня трясутся, такъ ходуномъ и ходятъ, а онъ глядитъ. Развязала, вынимаю все...., а тамъ: старыя лапти, корочки сломанныя, отрубки, да камни разныя и все-то крѣпко такъ упихано. „Ахъ, Серафимъ, Серафимъ! воскликнулъ Нифонтъ, глядите-ка вотъ вѣдь какой, самъ-то мучается, да и Дивѣевскихъ-то мучаетъ" и отпустилъ меня. Такъ вотъ и въ другой разъ пришла я къ батюшкѣ, а онъ мнѣ сумочку даетъ-же. „Ступай, говоритъ, прямо къ святымъ воротамъ!" Пошла, остановили-же меня и опять взяли да повели къ Игумену. Развязали суму, а въ ней песокъ, да камни! Игуменъ ахалъ, ахалъ, да отпустилъ меня. Прихожу, разсказала я батюшкѣ, а онъ и говоритъ мнѣ: „Ну, матушка, ужъ теперь въ послѣдній разъ, ходи и не бойся! Ужъ больше трогать васъ не будутъ!" И воистину бывало идешь и въ святыхъ воротахъ только спросятъ: чего несешь? Не знаю, кормилецъ, отвѣтишь имъ, батюшка послалъ. Тутъ-же пропустятъ".

ГЛАВА XI.

Построеніе церкви во имя Рождества Христова въ Дивѣевѣ. Оффиціальное увѣдомленіе о пожертвованіи трехъ десятинъ земли генеральшею Постниковой и праздникъ по этому случаю въ Дивѣевѣ. Отмежеваніе земли зимою и опахиваніе ея весною. Приказаніе вырыть канавку и объясненіе отцемъ Серафимомъ значенія ея. Цѣлебный лукъ. Обученіе отцемъ Серафимомъ Анны Михайловны Мантуровой чтенію славянскаго письма. Чудо съ лампадами въ келіи о. Серафима. Планъ будущихъ построекъ въ Дивѣевѣ, начерченный самимъ о. Серафимомъ и предсказанія по немъ. Приготовленія къ освященію храма; поѣздка М. В. Мантурова въ Нижній-Новгородъ. Освященіе церкви Рождества Христова 6-го августа 1829 г. Желаніе о. Серафима выстроить внизу этой церкви—другую, во имя Рождества Богородицы и переговоры о томъ. Жизнь, кончина и погребеніе Маріи Семеновны Мелюковой—схимонахини Мареы. Поѣздка о. Василія Садовскаго и Е. В. Мантуровой въ Нижній-Новгородъ въ 1830 г. за разрѣшеніемъ освятить церковь Рождества Богородицы. Освященіе церкви Рождества Богородицы 8-го сентября 1830 года.

Все что касается построенія и освященія церквей Дивѣевской обители во имя Рождества Христова и Рождества Богоматери, намъ извѣстно изъ записокъ духовника обители протоіерея о. Василія Садовскаго и отчасти изъ разсказовъ, записанныхъ за старицами того времени.

„Зиждителемъ церкви, пишетъ о. Василій, съ благословенія батюшки Серафима, былъ Михаилъ Васильевичъ Мантуровъ, мужъ богобоязненный и боголюбивый, весь горѣвшій къ Царицѣ Небесной любовію. Исцѣливъ его отъ смертельной болѣзни, въ отблагодареніе за то Богу, приказалъ ему



Планъ Серафимо-Дивѣевской лавры, составленный и писанный
самимъ старцемъ Серафимомъ.

батюшка, взявъ на себя самопроизвольную нищету, продать все имѣніе свое и на полученныя за то деньги, выстроить церковь для мельнично-дѣвической общины. Тутъ же и занялся этимъ дѣломъ Михаилъ Васильевичъ; а такъ какъ въ то время, еще и мѣста на заготовленіе всего для того нужнаго въ Дивѣевѣ не было, то и кирпичи и всѣ припасы для постройки церкви привозились и складывались въ моемъ домѣ".

Лѣтомъ 1829 г. церковь во имя Рождества Христова должна была окончиться постройкой, такъ какъ закладка состоялась, по благословенію преосвященнаго Аѳанасія, епископа Нижегородскаго въ 1828 г. Храмъ этотъ строился въ связи съ колокольнею Казанской церкви съ западной стороны и предполагался сперва одноэтажный, на высокомъ фундаментѣ.

Въ посту 1829 г. наконецъ пришло оффиціальное распоряженіе Баташевской конторы о жертвѣ трехъ десятинъ земли, по просьбѣ батюшки Серафима и обѣщанію генеральши Постниковой Дивѣевской обители. О. Василій свидѣтельствуетъ, что о. Серафимъ былъ въ такомъ восхищеніи и въ такой радости, что и сказать нельзя. Михаилу Васильевичу Мантурову, бывшему тогда въ Саровѣ, онъ далъ кадочку меда и приказалъ, чтобы всѣ сестры собрались и когда обойдутъ эту землю, то скушали бы медъ съ мягкимъ хлѣбомъ. Когда же начнутъ обходить эту землю, то въ виду глубокаго снѣга, запастись камешками и класть ихъ между колышками, разставляемыми землемѣромъ. О. Серафимъ говорилъ, что когда растаетъ снѣгъ, колышки упадутъ и нѣкоторые затеряются или на другое мѣсто вода снесетъ, а камешки останутся на своемъ мѣстѣ. Приказаніе его было разумѣется исполнено въ точности. На торжествѣ присутствовали начальница церковно-Казанской обители Ксенія Михайловна, М. В. Мантуровъ, о. Василій и Саровскій послушникъ Іоаннъ Тихоновъ.

Въ XIV-й главѣ лѣтописи мы ознакомимся съ послушникомъ Іоанномъ Тихоновымъ, выдававшимъ себя въ послѣдствіи за келейника и ученика батюшки Серафима, ко-

торый никогда не имѣлъ ни келейниковъ, ни учениковъ, но пока приведемъ подлинныя слова о. Василія о немъ:

„Саровскій послушникъ Іоаннъ Тихоновъ, когда узналъ о семъ торжествѣ, попросилъ М. В. Мантурова, дабы онъ попросилъ отца игумена Нифонта объ увольненіи его въ Дивѣево, ибо у него въ общинѣ при мельницѣ была двоюродная сестра, какъ-бы для свиданія съ нею, а не то, чтобы собственно на торжество отвода земли, какъ-то неправильно имъ печатается.“

Послѣ этого о. Серафимъ приказалъ сестрѣ обители Еленѣ Васильевнѣ Мантуровой, отъ имени его и Дивѣевской общины, написать письмо генеральшѣ Постниковой и поблагодарить. Батюшка послалъ ей отъ себя въ благословеніе сухариковъ. Весною о. Серафимъ велѣлъ опахать эту землю сохою, по одной бороздѣ, три раза, при чемъ должны были присутствовать Михаилъ Васильевичъ Мантуровъ, о. Василій и старшія сестры. Землю опахивали по положеннымъ по межѣ камешкамъ, такъ какъ многіе колышки дѣйствительно затерялись или оказались на другихъ мѣстахъ. Когда же земля высохла совершенно, то о. Серафимъ приказалъ обрыть ее канавкою въ три аршина глубины и вынимаемую землю бросать во внутрь обители, чтобы образовался валъ также въ три аршина. Для укрѣпленія вала онъ велѣлъ на немъ насадить крыжевникъ. „Когда такъ сдѣлаете, говорилъ батюшка, никто чрезъ канавку эту не перескочитъ.“

Далѣе о. Василій Садовскій говоритъ въ своихъ запискахъ: „много чуднаго говорилъ батюшка Серафимъ объ этой канавкѣ. Такъ, что канавка эта—стопочки Божіей Матери! Тутъ ее обошла Сама Царица Небесная! Эта канавка до небесъ высока! Землю эту взяла въ удѣлъ Сама Госпожа Пречистая Богородица! Тутъ у меня, батюшка и Аѳонъ и Кіевъ и Іерусалимъ! И какъ Антихристъ придетъ, вездѣ пройдетъ, и канавки этой не перескочитъ! Рыли сестры эту канавку до самой кончины батюшкиной; къ концу его жизни, по приказанію его и зимою рыть не переставали; огонь брызгалъ отъ земли, когда топорами ее рубили, но батюшка Серафимъ переставать не велѣлъ. Когда дѣло не шло на

ладъ, то приказалъ хоть на одинъ аршинъ или хотя бы и на полъаршина рыть, только бы починъ сдѣлали, а тамъ послѣ дороютъ!“

Первая старшая мельничной обители Прасковья Степановна свидѣтельствуетъ (тетрадь № 6), что много чуднаго про эту канавку говорилъ батюшка Серафимъ. „Вотъ матушка, говорилъ онъ мнѣ, знаете, что мѣсто это сама Царица Небесная избрала для прославленія имени своего. Она всегда, во вѣки будетъ вамъ стѣна и защита и Антихристъ не сможетъ перейти ее!“

Старица Анна Алексѣевна, одна изъ первыхъ двѣнадцати сестеръ, разсказываетъ (тетрадь № 6): „шесть лѣтъ жила я на мельницѣ куда насъ семерыхъ избралъ батюшка Серафимъ, гдѣ и помѣстилъ жить насъ. Тутъ была я самовидицею слѣдующаго чуда. Самое это мѣсто, гдѣ теперь канавка, ровное и хорошее было мѣсто и на немъ-то и приказывалъ батюшка вырыть канавку, дабы незабвенна была во вѣки вѣковъ для всѣхъ тропа, коею прошла Матерь Божія Царица Небесная въ удѣлъ Свой взявъ Дивѣево! Слушать-то сестры все это слушали, да все и откладывали исполнить приказаніе батюшкино и не зарывали канавку. Разъ одна изъ насъ, чередная, по имени Марія, родная сестра покойной Акулины Ивановны Малышевой, ночью, убираясь вышла зачѣмъ-то изъ келіи и видитъ, батюшка Серафимъ въ бѣломъ своемъ балахончикѣ самъ началъ капать канавку. Въ испугѣ, а вмѣстѣ и радости, не помня себя, вбѣгаетъ она въ келію и всѣмъ намъ это сказываетъ. Всѣ мы, кто въ чемъ только былъ, въ неописанной радости бросились на то мѣсто и увидавъ батюшку прямо упали ему въ ноги, но поднявшись, не нашли уже его, лишь лопата и мотыжка лежитъ передъ нами на вскопанной землѣ. Съ аршинъ была уже она на томъ самомъ мѣстѣ вырыта; поэтому-то самому и называется это *началомъ канавки,* такъ самъ батюшка, видя нерадѣніе и небреженіе наше къ исполненію заповѣди его, началъ и закопалъ ее. Тутъ уже всѣ приложили стараніе и такъ какъ очень торопилъ этимъ дѣломъ батюшка, то даже и лютой зимой, рубя землю топорами всю своими руками, какъ приказывалъ онъ, выкопали

сестры эту святую, заповѣдную намъ канавку; и лишь только окончили, скончался тутъ-же и родимый нашъ батюшка, точно будто только и ждалъ онъ этого.

„Была я у батюшки, разсказываетъ Екатерина Егоровна (монахиня Евдокія), одна изъ двѣнадцати первыхъ сестеръ, и поработавъ, ночевала въ пустынкѣ, не пустилъ онъ меня, а на утро-то, чуть свѣтъ и посылаетъ: „Гряди, гряди, говоритъ, матушка, скажи дѣвушкамъ, пусть сегодня начинаютъ канавку рыть; я былъ тамъ и самъ началъ ее! Иду дорогой, да думаю: какже это батюшка-то говоритъ, что былъ? Должно быть ночью ходилъ. Прихожу и разсказать-то еще не успѣла, а сестры встрѣчаютъ меня, разсказываютъ другъ дружкѣ, какъ на зарѣ видѣли батюшку-то, какъ обрадовавшись бросились было къ нему, а онъ и пропалъ, вдругъ сталъ невидимъ! А я-то свое разсказываю имъ. Мы съ канавкой-то все медлили, а тутъ уже дивясь всѣ такому чуду уразумѣли, что самъ батюшка назначилъ этотъ день, потому самъ и началъ. И уже не откладывая болѣе, тутъ-же принялись всѣ рыть заповѣдную канавку.“

Старица Прасковья Ивановна (монахиня Серафима) подтверждаетъ вышеприведенный разсказъ. „Въ числѣ семи, переведенныхъ изъ старой обители матушки Александры, что при Казанской церкви, на мельницу сестеръ, повѣствуетъ старица, была батюшкой Серафимомъ переведена и я грѣшная. Жили мы всѣ въ маленькой, при мельницѣ батюшкой-же построенной келейкѣ. Рано утромъ чередная, оставшаяся приготовлять пищу сестра Марья Ивановна Малышева, пошла въ погребъ и увидавъ позади нашей келіи стоявшую и горѣвшую свѣчу, съ испугомъ разбудила она насъ спящихъ. Мы скоро вышли и пошли вмѣстѣ къ тому мѣсту, гдѣ огонь видѣлся. Подходимъ ближе, да къ величайшей радости нашей и видимъ батюшку Серафима; стоитъ онъ у горящей свѣчи съ лопаточкой въ рукахъ и взмотыживаетъ землю. Внѣ себя отъ восторга, думая, что пришелъ самъ батюшка навѣстить насъ, мы съ крикомъ всѣ ему бросились въ ноги, чтобы принять благословеніе, но поднявшись къ удивленію нашему батюшка сталъ невидимъ и только вскопанная земля подтвердила намъ его видѣніе!

Это было въ тотъ самый день, въ который благословилъ онъ намъ начать рыть канавку передъ самымъ днемъ праздника Святыя Троицы и самъ такимъ образомъ освятилъ почниъ этого дѣла“ (тетрадь № 6).

„О канавкѣ говорилъ мнѣ батюшка, говоритъ сестра Ксенія Васильевна (монахиня Капитолина) (тетрадь № 6, разсказъ № 33), „да и всѣмъ говаривалъ, что потому она такъ вырыта, что это самая тропа, гдѣ прошла Царица Небесная, взявъ въ удѣлъ Себѣ обитель. Тутъ стопочки Царицы Небесной прошли! „Стопочки Царицы Небесной, матушка!“ такъ бывало и задрожитъ весь, какъ это говоритъ-то. „Она, Матерь-то Божія, все это мѣсто обошла, матушка! Вы и землю-то когда роете, не кидайте такъ и никому не давайте, а къ себѣ-же въ обитель, въ канавку-то и складывайте!“

Старица Домна Ѳоминишна (монахиня Дороѳея, тетрадь № 6, разсказъ № 35) говоритъ, что еще мірскою она была на Пасху въ Саровѣ у батюшки. Благословивъ ее, онъ послалъ жить къ своимъ Дивѣевскимъ дѣвушкамъ на мельницу, говоря: „Во, матушка, скажу я тебѣ какая будетъ у насъ тамъ радость! Земля будетъ у насъ своя и канавку оброемъ мы кругомъ обители! А когда мы ее оброемъ, будутъ къ намъ пріѣзжать посѣтители, глинку-то съ нее брать будутъ у васъ на исцѣленіе и будетъ намъ она вмѣсто золота! Потому радость то такая, что эту самую землю-то матушка, вѣдь Сама Царица Небесная избрала и намъ исходатайствовала! Въ обитель мою много отослалъ я разныхъ сѣмянъ моимъ дѣвушкамъ, такъ-же и много цвѣтовъ; посѣютъ онѣ ихъ и будутъ питать тѣ сѣмена, а цвѣты утѣшать и не о чемъ унывать вамъ будетъ!“

Старица Ѳеодосія Васильевна сообщила слѣдующее (тетрадь № 6, разсказъ № 56): „Страдая падучею болѣзнію пришла я къ батюшкѣ Серафиму, онъ и говоритъ мнѣ: ступай радость моя въ Дивѣево рыть канавку; эту канавку Сама Царица Небесная Своимъ пояскомъ измѣрила такъ, что когда и Антихристъ-то придетъ, то канавка эта не допуститъ его туда! Батюшка, говорю я ему, я вѣдь больна вотъ такъ-то и такъ-то! Выслушавъ взялъ онъ меня за плечи и нагнувъ главу мою прочиталъ молитву. Тутъ же почувство-

вавъ себя совершенно здоровою, я поступила въ обитель и болѣзнь не возвращалась ко мнѣ уже болѣе никогда“.

Евдокія Ефремовна (монахиня Евпраксія) подтверждаетъ разсказъ о томъ, какъ о. Серафимъ самъ ночью началъ рыть канавку (тетрадь № 1).

Елена Васильевна Мантурова не смотря на то, что считалась начальницею мельничной обители, трудилась наравнѣ съ прочими и рыла канавку. О. Серафимъ говорилъ приходящимъ къ нему сестрамъ, указывая на стараніе и труды ея: „Во, матушка, начальница-то, госпожа-то ваша какъ трудится, а вы, радости мои, поставьте ей шалашикъ, палатку изъ холста, чтобъ отдохнула въ ней госпожа-то ваша отъ трудовъ!“

Михаилъ Васильевичъ Мантуровъ, строя для обители Рождественскій храмъ, никогда ничего безъ благословенія батюшки отца Серафима не дѣлалъ. Такъ однажды нужно ему было о чемъ-то спросить о. Серафима и онъ, собравшись въ Саровъ, зашелъ за о. Василіемъ Садовскимъ, чтобы позвать его идти вмѣстѣ. Было это во время Петровскаго поста. „Придя въ Саровъ, пишетъ о. Василій, и узнавъ что батюшка находится въ ближней пустынкѣ, что близъ его источника, мы отправились сейчасъ-же туда. Онъ насъ встрѣтилъ у самаго источника и Михаилъ Васильевичъ принявъ благословеніе, спросилъ о чемъ было нужно. Шагахъ въ 6-ти отъ источника виднѣлась грядка недлинная, но широкая въ полъаршина вышины, съ зеленымъ лукомъ. Батюшка и говоритъ: „этотъ лукъ уже поспѣлъ, вырвите его! Мы оба начали рвать, но батюшка, видя, что мы рвемъ съ осторожностью, дабы не запачкаться, такъ какъ земля была сыровата, зашелъ въ середину и сталъ между нами на колѣночки, началъ вырывать обѣими ручками лукъ, приговаривая: „вотъ какъ надо, батюшка!“ И такъ серединой грядки проползъ до конца, вырывая лукъ обѣими руками, съ обѣихъ сторонъ, и по краямъ, сколько его на грядкѣ не было. Потомъ заставилъ омыть луковки, находившіяся въ землѣ, у жолоба изъ котораго текла вода и когда это было сдѣлано, то навязавъ намъ обоимъ этого луку по немалой ношѣ, приказалъ отнести въ Дивѣевскую обитель сестрамъ на трапезу,

прибавивъ, чтобы и сами кушали сколько угодно, такъ какъ этотъ лукъ цѣлебный. Что-же? По приходѣ домой узналъ отъ сестры Евдокіи Трофимовны, что на эту грядку прошлый день они съ батюшкой кузовами носили мохъ, лишь за нѣсколько часовъ до насъ, а по утру на ней увидали уже мохъ и мы вырывали этотъ лукъ во время вечерни. Какого онъ былъ вкуса, объ этомъ и сказать невозможно; не теряя вкуса лука и душистъ онъ, и сладокъ, и пріятенъ необыкновенно; чудный во всѣхъ отношеніяхъ лукъ и цѣлебный, какъ оказалось это на женѣ моей, которую вернувшись нашелъ крайне больную и давъ ей кстати принесеннаго лука сказалъ: „батюшка говоритъ, что это цѣлебный лукъ, на-ка поѣшь-ка!“ Какъ только она вкусила этого, за одну ночь выросшаго лекарства, такъ и стала здорова.“

Анна Михайловна Мантурова, жена Михаила Васильевича, сообщила много фактовъ изъ жизни о. Серафима и своего мужа. Между прочимъ она разсказываетъ (тетрадь № 1), какъ батюшка научилъ ее читать по славянски. „Почти каждый разъ, говорила она, какъ я бывала у батюшки, онъ мнѣ говаривалъ: „матушка, читай жизнь преподобной Матроны и подражай ей!“—„Батюшка, бывало отвѣчу я, да вѣдь я не умѣю читать по славянски“, а онъ все свое, да свое, не внимая моимъ словамъ. „Читай, матушка, читай преподобную Матрону.“ И это до тѣхъ поръ твердилъ мнѣ батюшка, пока я разъ думаю себѣ, да надо же посмотрѣть-то хотя кой-какъ, что это за преподобная Матрона, что все толкуетъ батюшка. Вотъ, доставъ книгу, я сѣла читать. Диковинное дѣло, я нѣмка природой, по русски-то плохо читаю, по славянски-же никогда не читала, стала читать, да притомъ какъ легко, точно ученая, сама собою, не иначе какъ батюшкиными молитвами, потому что и теперь еще помню, что нибудь бывало, въ какомъ нибудь сокращеніи, и потомъ не знаю почему вдругъ мнѣ покажется, что это не такъ я читаю, или выговариваю, а вотъ какъ надо, поправлюсь сама собою, скажу и выйдетъ дѣйствительно такъ. Вотъ такимъ-то образомъ и выучилъ меня читать батюшка по славянски, а безъ него я бы, можетъ быть и теперь еще не знала бы читать.“

„Разъ разсказывалъ мнѣ Михаилъ Васильевичъ, бывъ у батюшки Серафима, они долго бесѣдовали съ нимъ и во время бесѣды-то этой Михаилъ Васильевичъ вдругъ видитъ, что сперва одна лампадка передъ образомъ у батюшки сама собою зажглась, а потомъ и другая, и обѣ свѣтло сами собою затеплились. Михаилъ Васильевичъ не могъ въ себя прійти отъ удивленія и даже нѣсколько испугался, что прозрѣлъ въ немъ батюшка. „Что ты видишь батюшка, ты не дивись тому и не бойся, то такъ должно быть,“ сказалъ о. Серафимъ.

О дальнѣйшей судьбѣ Дивѣева батюшка о. Серафимъ говорилъ во время построенія Рождественскаго храма слѣдующее—Еленѣ Васильевнѣ, Михаилу Васильевичу и Аннѣ Михайловнѣ Мантуровымъ, протоіерею о. Василію Садовскому и еще многимъ старицамъ:

„Еще не было и нѣтъ примѣровъ, чтобы были женскія Лавры, а у меня убогаго Серафима будетъ въ Дивѣевѣ Лавра, сказалъ батюшка. Лавра-то будетъ кругомъ т. е. за канавкою, въ обители матушки Александры, потому что, какъ она была вдова, то у ней могутъ жить въ обители и вдовы, и жены, и дѣвицы, а киновія будетъ только въ канавкѣ и такъ какъ я убогій Серафимъ былъ дѣвственникъ, то и въ обители моей будутъ однѣ лишь дѣвицы. Выстроится большой, холодный соборъ и будетъ и теплый. Эта Казанская церковь и мѣсто все будетъ монастырское, прихожанамъ дадутъ другое мѣсто, а такъ Казанская церковь, какъ есть и Рождественская, какъ есть, останутся какъ-бы въ центрѣ, а кругомъ ея еще много мѣста захватятъ придѣлами другими, и изъ нея большой, теплый, соборъ выйдетъ и большая это будетъ пристройка на подобіе Іерусалимскаго храма. Съ лѣвой стороны Рождественской церкви будетъ непремѣнно придѣлъ во имя Михаила Архангела. Каменная ограда, какъ есть, такъ и останется, только Казанская церковь войдетъ въ ограду и стѣна продолжится вплоть до берега, гдѣ, пройдя немного берегомъ, пойдетъ къ западу и тутъ, какъ разъ, противъ дома Мишеньки (Михаила Васильевича Мантурова) выстроится колокольня и

будутъ подъ ней святыя ворота. Кругомъ обоихъ соборовъ будутъ каменные корпуса въ слѣдующемъ порядкѣ."

Батюшка даже набросалъ первоначальный планъ, который, сохраненный въ подлинникѣ, вставленъ въ рамку и хранится у игуменіи Маріи. Этотъ планъ батюшка писалъ въ своей келіи, на обрубкѣ, что служилъ ему стуломъ; писалъ съ Михаиломъ Васильевичемъ Мантуровымъ, стоя на колѣнкахъ.

„Съ юга, противъ собора Св. Троицы, говоритъ старецъ,—будетъ корпусъ треугольникомъ; въ этомъ корпусѣ одна изъ царскаго роду жить будетъ, батюшка. Съ сѣвера собора Св. Троицы, напротивъ его точно такой-же треугольникомъ корпусъ, долженъ быть трапезой. Возлѣ жилаго треугольнаго корпуса съ юга же корпусъ начальническій, правильнымъ, продолговатымъ четыреугольникомъ. Напротивъ его съ сѣвера точно такимъ-же правильнымъ, продольнымъ четыреугольникомъ долженъ быть корпусъ клиросный. Съ юга противъ Казанскаго собора, рядомъ съ начальническимъ корпусомъ такой-же продольный четыреугольный корпусъ—просто жилой. Съ сѣвера противъ Казанскаго собора и напротивъ жилаго, такой-же точно продольный четыреугольный корпусъ и тоже просто жилой. Опять съ одной стороны корпусъ правильнымъ треугольникомъ, котораго половина будетъ окнами въ ограду; это будетъ жилая монастырская половина, а другая отдѣленная стѣной, окнами наружу, за ограду, будетъ служить гостинницей. Съ другой стороны напротивъ, точно такой-же треугольный корпусъ, раздѣленный на двое и для того-же употребленія. Вотъ такъ то у насъ все и устроится, батюшка, и Лавра и киновія у убогаго Серафима въ обители то и будетъ!"

Вернемся теперь къ запискамъ протоіерея о. Василія Садовскаго о построеніи Рождественской церкви.

„Въ 1829-мъ году церковь эта была уже готова, пишетъ о. Василій, „что по истинѣ замѣчательно! Церковь во имя Рождества Христова, а освящалась въ день Преображенія Господня! Такъ пожелалъ батюшка Серафимъ, которому представили мы всѣ препятствія къ выполненію этого желанія, такъ какъ: а) нѣтъ того положенія, а потому и

не знаемъ, неизвѣстно, какъ сочетать три службы—двухъ Двунадесятыхъ праздниковъ и обновленія храма; б) что въ церкви нѣтъ еще ни одного образа и входа еще даже не сдѣлано. На все это батюшка только отвѣтствовалъ: „Если церковь не будетъ освящена въ этотъ день, то такъ и останется не освященною вплоть до будущаго года и опять-же до праздника Преображенія Господня, въ который должна она быть освящена, потому что Господу такъ угодно, батюшка! А ты знаешь, что человѣку невозможно, то Господу всегда и во всемъ!“ И приказалъ батюшка отъ его-же имени ѣхать Михаилу Васильевичу въ Нижній, прося тамъ Благовѣщенскаго монастыря Архимандрита Іоакима пріѣхать и непремѣнно въ этотъ день Преображенія Господня освятить храмъ. „Скажи ему батюшка моимъ именемъ, говоритъ убогій Серафимъ, что такъ Господу угодно, батюшка! Михаилъ Васильевичъ поѣхалъ и что-же? Какъ-же то не чудо! Вѣдь зналъ дивный батюшка Серафимъ кому и поручить столь затруднительное дѣло. Архимандритъ Іоакимъ былъ первый что называется уставщикъ, а потому и нашелъ дѣйствительно возможнымъ все исполнить по батюшкину желанію т. е. совокупивъ всѣ три службы вмѣстѣ, освятить храмъ въ положенный на то батюшкой день и такъ какъ устава на такой случай не было, онъ самъ написалъ и составилъ его на эти службы, дабы соединить стихиры двухъ двунадесятыхъ праздниковъ вмѣстѣ и съ обновленіемъ храма. Михаилъ Васильевичъ, по благословенію батюшки Серафима, выхлопотавъ разрѣшеніе у Нижегородскаго Преосвященнаго Аѳанасія, возвратился доложить батюшкѣ. Пріѣхалъ и о. Архимандритъ, а въ храмѣ-то нѣтъ ни иконостаса, ни даже входа!.. Какъ быть? Привезли уже наскоро два мѣстныхъ образа изъ села Лемети, кое-какъ придѣлали входъ въ храмъ, по приставленной лѣсенкѣ, а батюшки Серафима желаніе и приказаніе было исполнено. Храмъ освятили Рождеству Христову и въ самый день Преображенія Господня! Таково было основаніе и сооруженіе верхней Рождественской церкви, по благословенію Нижегородскаго Преосвященнаго епископа Аѳанасія и по опробованному плану строительнаго комитета, въ связи съ колокольнею Казанскаго храма. Планъ

этотъ находится въ монастырскомъ архивѣ. Но этимъ храмомъ еще не всѣ чудеса батюшки Серафима кончились; нѣтъ, вотъ что дальше было. Почти тутъ-же, только уѣхалъ о. Архимандритъ, потребовалъ батюшка Серафимъ къ себѣ Михаила Васильевича Мантурова и говоритъ ему: „Худо мы, батюшка, съ тобой сдѣлали; вѣдь мы храмъ-то во имя Рождества Спасителя выстроили, а во имя Богородицы церкви-то у насъ съ тобой и нѣтъ! А Царица-то Небесная, батюшка, прогнѣвалась на меня убогаго Серафима и говоритъ: „Сына Моего почтилъ, а Меня позабылъ!“ Такъ вотъ что и удумалъ я, батюшка, нельзя-ли намъ это исправить; нельзя-ли внизу-то намъ съ тобою подъ церковію, еще церковь сдѣлать?“—„Ужъ и не знаю какъ?!—отвѣчалъ совершенно озадаченный Михаилъ Васильевичъ... „Къ тому и мѣста мало, да и ходъ туда, подъ крыльцо, какъ лазейка!.. Развѣ подкопать землю?“—„Во, во батюшка!“ воскликнулъ радостно о. Серафимъ. „Какъ ты хорошо удумалъ! Схлопочи-ка, батюшка, и будутъ у насъ двѣ церкви съ тобою и Царица-то Небесная не прогнѣвается на насъ; да вотъ возьми-ка я тебѣ и мѣру приготовилъ!“ Батюшка Серафимъ подалъ ему нитку. „Если мѣсто какъ разъ по ней выйдетъ, батюшка, то можно будетъ устроить придѣлъ и Царицѣ Небесной!“ Перетолковавъ вмѣстѣ съ батюшкой обо всемъ, уѣхалъ Михаилъ Васильевичъ. Мы съ рабочими дивились только батюшкѣ Серафиму, но видя, что иначе нельзя ничего сдѣлать какъ подкопать землю подъ церковію, Михаилъ Васильевичъ приказалъ копать. Когда же былъ готовъ подкопъ и Михаилъ Васильевичъ сталъ по мѣркѣ, данной батюшкою Серафимомъ, вымѣривать подкопъ, то онъ пришелся какъ разъ въ разъ по этой мѣркѣ. Мантуровъ поѣхалъ о томъ доложить батюшкѣ. Радостно, въ восхищеніи благодарилъ его старецъ и благословилъ строить эту новую церковь. Но такъ какъ сводъ потолка былъ очень пологъ и низокъ, то всѣ увидали, что ему иначе нельзя держаться будетъ, какъ поставивъ четыре четыреугольныхъ же здоровыхъ, каменныхъ столба, которые своею массивностью весьма утѣснятъ церковь и безъ того маленькую, низенькую, почти что въ землѣ вырытую. Михаилъ Васильевичъ по-

ѣхалъ въ Саровъ объяснить это батюшкѣ Серафиму, а батюшка, какъ услыхалъ это, преисполнился весь радостью неизрѣченною и въ духовномъ восторгѣ воскликнулъ: „Во, во радость моя! Четыре столба — четверо мощей! Четыре столба—четверо мощей! Радость-то намъ какая батюшка! Четыре столба—вѣдь это значитъ четверо мощей у насъ тутъ почивать будутъ! И это усыпальница мощей будетъ у насъ, батюшка! Во радость-то намъ какая! Радость-то какая!“ И съ неизъяснимою, неземною радостію и мнѣ грѣшному и всѣмъ, кто лишь не приходилъ къ нему, восклицалъ батюшка угодникъ Божій: „Четыре столба — четверо мощей!“

21-го августа 1829 года Дивѣевская обитель лишилась чудной, святой жизни отроковицы Маріи Семеновны Мелюковой. (См. записки протоіерея о. Садовскаго, М. В. Мантурова, Н. А. Мотовилова и разсказы старицъ).

Мы говорили уже, что о. Серафимъ передавалъ этому, своему духовному другу всѣ тайны, касающіяся будущей славы обители и даже откровенія, получаемыя имъ отъ Царицы Небесной съ строгимъ заповѣданіемъ молчанія. Эта чудная отроковица была всегда погружена въ ничѣмъ не разсѣвающуюся молитву и во всемъ была руководствуема самимъ о. Серафимомъ. Какъ примѣры ея безусловнаго послушанія разсказывали, что разъ при вопросѣ родной сестры ея Прасковьи Семеновны о какомъ-то Саровскомъ монахѣ, она удивленно и ребячески-невинно спросила: „А какіе видомъ-то монахи, Параша, на батюшку что-ли похожи?“ Удивленная въ свою очередь вопросомъ сестры, Прасковья Семеновна отвѣтила ей: „вѣдь ты такъ часто ходишь въ Саровъ, развѣ не видала, что спрашиваешь?“ „Нѣтъ Парашенька, сказала смиренно Марія Семеновна, вѣдь я ничего не вижу и не знаю; батюшка Серафимъ мнѣ приказывалъ никогда не глядѣть на нихъ и я такъ повязываю платокъ на глаза, чтобы только видѣть у себя подъ ногами дорогу.“

Вотъ какова была этотъ ребенокъ-подвижникъ, прожившій всего 6 лѣтъ въ обители и 19-ти лѣтъ отъ рожденія мирно и тихо отошедшая ко Господу. Предузнавъ ду-

хомъ часъ кончины ея, старецъ о. Серафимъ вдругъ заплакалъ и съ величайшею скорбію сказалъ о. Павлу, своему сосѣду по келіи и пріятелю: „Павелъ! А вѣдь Марія-то отошла и такъ мнѣ ее жаль, такъ жаль, что видишь все плачу!“

Батюшка о. Серафимъ пожелалъ ей дать отъ себя гробъ, дубовый, круглый, выдолбленный. За нимъ поѣхала Прасковья Семеновна съ Акулиною Васильевною. Сестра Прасковья Семеновна была сильно огорчена и батюшка принялъ ее отечески, обласкалъ и пріободрилъ. Затѣмъ сложивъ вмѣстѣ руки Прасковьи Семеновны и Акулины Васильевны, онъ имъ сказалъ: „Вы будете теперь родныя сестры, а я вамъ отецъ, духомъ васъ породилъ! Марія-же схимонахиня Марѳа, я ее посхимилъ! У нее все есть: схима и мантія и камилавочка моя, во всемъ этомъ ее и положите! А вы не унывайте матушка, произнесъ о. Серафимъ, обратясь къ Прасковьѣ Семеновнѣ, „ея душа въ царствіи небесномъ и близъ Святыя Троицы у Престола Божія и весь родъ вашъ по ней спасенъ будетъ!“

Кромѣ того батюшка о. Серафимъ далъ 25 рублей на расходы по похоронамъ и 25 рублей мѣди для того, чтобы одѣлить всѣхъ сестеръ и мірскихъ, кто-бы не находился при погребеніи ея, по 3 коп. каждому. Далъ также два полотенца за престолъ, колотокъ желтыхъ свѣчъ на сорокоустъ, чтобы день и ночь горѣли-бы въ церкви, а ко гробу рублевую желтую свѣчу и на похороны бѣлыхъ 20-ти копѣечныхъ свѣчъ съ полпуда.

Такимъ образомъ, по благословенію о. Серафима положили Марію Семеновну, схимонахиню Марѳу въ гробъ: въ двухъ свиткахъ (рубашкахъ), въ бумажномъ подрясникѣ, подпоясанную шерстяною черною покромкою, сверхъ сего въ черной съ бѣлыми крестами схимѣ и длинной мантіи. На головку надѣли зеленую, бархатную, вышитую золотомъ шапочку, сверхъ ее камилавку батюшки Серафима и наконецъ еще повязали большимъ драдедамовымъ темно-синимъ платкомъ съ кисточками. Въ рукахъ она держала кожанныя четочки. Всѣ эти вещи далъ ей о. Серафимъ изъ своихъ рукъ, приказавъ всегда въ нихъ ходить къ причастію Св. Таинъ,

что въ точности и исполнялось Маріею Семеновною каждый двунадесятый праздникъ и всѣ четыре поста.

О. Серафимъ всѣхъ, кто только приходилъ въ эти дни къ нему посылалъ въ Дивѣевъ на похороны Маріи Семеновны. Такъ ничего не знавшимъ о томъ сестрамъ, работавшимъ на Сатисѣ (лѣсистая мѣстность на берегу р. Сатисъ), Варварѣ Ильинишнѣ съ прочими старецъ сказалъ: „Радости вы мои! Скорѣе, скорѣе грядите въ Дивѣевъ; тамъ отошла ко Господу великая раба Божія,—Марія!“ Сестры не могли понять, какая Марія могла скончаться и удивились найдя Марію Семеновну во гробу. Даже Саровскихъ монаховъ и цѣлую толпу народа, шедшую къ нему о. Серафимъ посылалъ на погребеніе, приказывая мірскимъ дѣвицамъ и сестрамъ пріодѣться, разчесать волосы свои и припасть ко гробу ея!

Затѣмъ прибылъ къ батюшкѣ родной братъ Маріи Семеновны,—Иванъ, который также ѣздилъ на похороны сестры и спросилъ: выздоровѣетъ-ли заболѣвшая послѣ видѣнія, — Прасковья Семеновна? Зорко осмотрѣвъ знакомаго ему Ивана Семеновича, батюшка вдругъ сказалъ: „Да развѣ ты братъ Маріи?“ „Да, батюшка“ отвѣтилъ онъ. И еще вторично глядя на него, спросилъ батюшка: „Ты родной братъ Маріи?“ „Да, батюшка,“ опять отвѣтилъ Иванъ Семеновичъ. Послѣ этого, старецъ долго, долго думалъ и еще пристально взглянувъ на стоящаго предъ нимъ Ивана, вдругъ сдѣлался такъ радостенъ и свѣтелъ, что отъ лица его какъ-бы исходили лучи солнечные и Иванъ долженъ былъ закрыться отъ о. Серафима, не будучи въ состояніи смотрѣть на него. Затѣмъ батюшка воскликнулъ: „Вотъ радость моя! Какой она милости сподобилась отъ Господа! Въ Царствіи небесномъ у престола Божія, близъ Царицы Небесной со святыми дѣвами предстоитъ! Она за весь вашъ родъ молитвенница! она схимонахиня Мароа, я ее постригъ. Бывая въ Дивѣевѣ, никогда не проходи мимо, а припадай къ могилкѣ, говоря: „госпоже и мати наша Мароо, помяни насъ у престола Божія во царствіи небесномъ!“ О. Серафимъ такъ пробесѣдовалъ часа три съ Иваномъ Семеновичемъ.

Послѣ этого о. Серафимъ вызвалъ къ себѣ церковницу; сестру Ксенію Васильевну Путкову (монахиня Капитолина), которой онъ всегда приказывалъ записывать разныя имена для поминовенія и сказалъ ей: „Во матушка, запиши ты ее Марію-то, монахинею, потому что она своими дѣлами и молитвами убогаго Серафима, тамъ удостоилась схимы! Молитесь же и вы всѣ о ней, какъ о схимонахинѣ Марѳѣ!“

По свидѣтельству сестеръ и лицъ близкихъ Дивѣеву, Марія Семеновна была высокаго роста и привлекательной наружности; продолговатое, бѣлое и свѣжее лицо, голубые глаза, густыя, свѣтлорусыя брови и такіе-же волосы. Ее похоронили съ распущенными волосами. Она покоится по лѣвую сторону матушки Александры, первоначальницы Казанской общинки.

Изъ разсказовъ старицъ о Маріи Семеновнѣ сохранилось немного. Такъ Марія Илларіоновна (монахиня Мелетина) свидѣтельствуетъ слѣдующее: „живя въ міру и слыша отъ всѣхъ о батюшкѣ Серафимѣ“, повѣствуетъ она, „я пожелала быть въ Саровѣ и принять его благословеніе. Первымъ дѣломъ, какъ пришла въ Саровъ, пошла я къ батюшкѣ въ его пустынку; онъ самъ вышелъ ко мнѣ на встрѣчу, благословилъ и съ улыбкой говоритъ: „Ты, матушка, знаешь-ли Марію Семеновну?“ „Знаю, говорю, батюшка; она черезъ три двора живетъ отъ насъ.“ „Вотъ, матушка, продолжалъ батюшка, я тебѣ про нее скажу, какъ она ревнива была къ трудамъ. Когда въ Дивѣевѣ строили церковь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, то дѣвушки сами носили камушки, кто по два, кто по три, а она-то, матушка, наберетъ пять или шесть камешковъ-то и съ молитвою на устахъ, молча возносила свой горящій духъ ко Господу! Скоро съ больнымъ животикомъ и представилась Богу!“ Сказавъ это пристально посмотрѣлъ на меня батюшка и сказалъ: „Матушка, вѣдь это я тебѣ говорю! Какъ у насъ заболитъ животикъ, никто не радъ намъ будетъ!“ Мать Мелетина и была впослѣдствіи долго больна (тетрадь № 1).

Старица Устинья Ивановна (впослѣдствіи монахиня Иларія) говоритъ (тетрадь № 1), что „покойную сестру нашу

Марію Семеновну, высокой жизни, особо противъ всѣхъ любилъ батюшка Серафимъ. Онъ говорилъ и предсказывалъ ей объ обители многое, по большей части запрещая кому либо разсказывать, но нѣкоторые завѣщалъ ей помнить и передать мнѣ грѣшницѣ. Изъ того вотъ, что я помню. Разъ выведя меня къ Казанской церкви и показывая на все это мѣсто кругомъ, сказала она мнѣ и тутъ-же бывшимъ сестрамъ: вотъ помните, церковь эта будетъ наша и священники тутъ жить не будутъ; приходская-же церковь выстроена будетъ въ другомъ мѣстѣ, тамъ будутъ при ней жить и священники, тутъ же будетъ Лавра; а гдѣ канавка, тамъ будетъ киновія! И еще, по благословенію-же батюшки Серафима, говорила она мнѣ: „батюшка Серафимъ сказалъ, что кладбищенская церковь у насъ будетъ во имя Преображенія Господня, запомни! „А я на это возразилъ ей, что вѣдь на кладбищахъ кажется всегда строятся церкви всѣмъ святымъ". Такъ, отвѣтила она, но батюшка Серафимъ сказалъ, что престолъ всѣхъ святыхъ будетъ еще ранѣе устроенъ. (Предсказаніе сбылось, ибо въ 1847 году выстроена была нынѣ теплая церковь Божіей Матери Тихвинской и въ ней придѣлъ съ лѣвой стороны всѣхъ святыхъ, а кладбищенская церковь построилась уже послѣ въ 1855 году во имя Преображенія Господня). А о стѣсненныхъ средствахъ обители всегда ей говаривалъ батюшка: „убогій Серафимъ могъ бы обогатить васъ, но это не полезно; я могъ-бы и золу превратить въ злато, но не хочу; у васъ многое не умножится, а малое — не умалится! Въ послѣднее время будетъ у васъ и изобиліе во всемъ, но тогда уже будетъ и конецъ всему!"

Говорилось уже о томъ, что церковь во имя Рождества Богородицы была окончена постройкой лѣтомъ 1830-го года. Поэтому, о. Серафимъ поручилъ Еленѣ Васильевнѣ Мантуровой и священнику о. Василію съѣздить въ Нижній-Новгородъ для полученія разрѣшенія отъ Архіерея освятить новый храмъ Рождества Богородицы. Объ этомъ пишетъ о. Василій въ своихъ запискахъ:

„И чуднóй только былъ батюшка! Годъ былъ холерный, ну куда и какъ мы поѣдемъ... Богъ вѣсть! А ослу-

шаться его не смѣли. Еленѣ Васильевнѣ положивъ просфоръ и приказавъ изготовить прошеніе, сказалъ: „поклонитесь Владыкѣ въ ножки и просфоры отъ меня отдайте; онъ вамъ все и сдѣлаетъ!“ Мнѣ-же наказывалъ такъ: „Ты, батюшка, пріѣхавъ закажи теплый хлѣбъ въ булочной, да такъ, чтобы онъ у тебя былъ горячій, отъ меня и подай ему, онъ вамъ все сдѣлаетъ!“ Дѣлать нечего, заложили мы свою лошадку и потихонько въ повозочкѣ поѣхали въ Нижній. Какъ пріѣхали остановились въ Крестовоздвиженскомъ женскомъ монастырѣ и разсказали свое дѣло. Бывшая въ то время игуменія мать Дороѳея, выслушала насъ съ сердечнымъ прискорбіемъ, объявила и объяснила намъ совершенную невозможность исполнить все желаемое, такъ какъ Владыка, по случаю холеры (то была первая холера) никого не принималъ, о чемъ далъ даже Указъ изъ Консисторіи. Выслушавъ мы говоримъ, что все это такъ, да батюшка Серафимъ послалъ и приказалъ, а ослушаться его мы не смѣемъ. Подумавъ, игуменія мать Дороѳея написала и послала Владыкѣ письмо, прося разрѣшенія по весьма важному дѣлу видѣть его, но Владыка прислалъ отвѣтъ: „чтобы старица не безпокоилась, я самъ у нее буду!“ Этотъ отвѣтъ поставилъ игуменію еще въ большее затрудненіе. Прошло нѣсколько дней, а Владыка не ѣхалъ и какъ не жалѣла насъ матушка Дороѳея, но сама ѣхать послѣ отвѣта Владыки не осмѣливалась и писать ему уже не рѣшалась. Какъ быть?! Посовѣтовавшись съ Еленой Васильевной, не взирая на предостереженія, но помня слова батюшки: „поклонитесь Владыкѣ въ ножки, онъ вамъ все сдѣлаетъ!“, что значило, чтобы мы лично были у Архіерея, а батюшкѣ-же Серафиму все хорошо было извѣстно, мы перекрестясь, рѣшились съ Еленой Васильевной прямо сами идти къ Владыкѣ. Будь что будетъ! Всѣ насъ уговаривали, останавливали и въ страхѣ и трепетѣ за насъ были. Елена Васильевна, взяла просфоры батюшкой присланныя и прошеніе, я изъ булочной горячій, только что испеченный хлѣбъ, какъ приказалъ мнѣ батюшка, который держалъ подъ полою и также прошеніе о перемѣнѣ обветшалаго антиминса. Что-же, какъ батюшкѣ угодно было,

все такъ и случилось! Пришли въ домъ Архіерея, безпрепятственно вошли и стали въ прихожей. Рѣшительно никого не было, пустой домъ и вездѣ на окнахъ хлоръ. Стояли мы болѣе получаса, нарочно кашляли, авось кто-либо услышитъ и выйдетъ; но никого не было въ этомъ мертвомъ домѣ. Мы было уже хотѣли уходить, да вдругъ заслышали какой-то шорохъ; остановились, опять нарочно закашляли... Отворилась дверь и къ намъ вышелъ самъ преосвященный Аѳанасій. Мы ему поклонились въ ноги. „Это что, говоритъ, какимъ образомъ, что за люди?“ Я весь дрожа объяснилъ ему въ чемъ дѣло, а Елена Васильевна подала прошеніе и просфоры. Владыка ласково выслушавъ и принялъ все, но взявъ отъ меня хлѣбъ и чувствуя, что онъ горячій, невольно улыбаясь воскликнулъ: „Просфоры-то такъ, а ужъ хлѣбъ-то никакъ не изъ Сарова, а здѣшній, ибо теплый!“ Тогда совсѣмъ ободрившись, я осмѣлился объяснить Архіерею, что хлѣбъ этотъ дѣйствительно здѣсь печенъ и только что мною взятъ изъ булочной, но что такъ приказано мнѣ самимъ батюшкой Серафимомъ, который безъ того не велѣлъ и являться къ Владыкѣ. „А теперь понимаю, это по Златоустовски!“ воскликнулъ восхищенный Преосвященный. И написавъ тутъ-же резолюцію на прошеніе объ освященіи храма, онъ послалъ свѣчей для молитвы батюшкѣ Серафиму, благословилъ насъ и отпустилъ говоря: „на счетъ всего этого обратитесь къ архимандриту Іоакиму въ Консисторію, онъ уже вамъ все это устроитъ!“ Возвратясь такимъ образомъ въ женскій монастырь, гдѣ въ трепетѣ и страхѣ ожидали насъ, никто не хотѣлъ вѣрить намъ, зная строгость вообще преосвященнаго Аѳанасія и всѣ дивились, явно уразумѣвая въ этомъ единое лишь чудо угодника Божія, батюшка Серафима! Когда-же я на другой день отправился на счетъ всего этого къ о. архимандриту Іоакиму, представляя ему указъ о новомъ освященіи, онъ въ удивленіи меня спросилъ: „Да вѣдь я недавно освятилъ вамъ церковь, гдѣ-же еще-то освящать?“ „Тутъ-же и другую!“ сказалъ я. „Какъ-же! воскликнулъ онъ, „что вы батюшка, гдѣ-же тутъ-то?“ Когда-же я объяснилъ ему, чудное устройство этой новой церкви, по же-

ланію батюшки Серафима, то дивяся и всплеснувъ руками о. архимандритъ воскликнулъ: „О Серафимъ, Серафимъ! Сколь дивенъ ты въ дѣлахъ твоихъ, старецъ Божій!“ Въ это самое время прибѣжали сказать о. архимандриту, что Владыко его немедленно требуетъ. „Погодите, сказалъ онъ мнѣ, что такое, погодите-ка меня здѣсь, не по вашему-ли дѣлу зоветъ... Кстати, продолжалъ онъ, я скажу вамъ, отпуститъ-ли меня Владыко освящать церковь-то, какъ батюшка Серафимъ того желаетъ, и какъ вы мнѣ передали!“ Я остался, а архимандритъ уѣхалъ. Возвратясь, еще при входѣ произнесъ архимандритъ: „Ну ужъ Серафимъ! Дивный Серафимъ! Вотъ судите сами, что надѣлалъ-то. Прихожу я къ Владыкѣ, а онъ меня спрашиваетъ: что-же говоритъ, какъ-же я резолюцію-то сдалъ? Гдѣ-же церковь и что за храмъ?! Хорошо, что вы уже у меня побывали, да все объяснили; ну и успокоилъ я Владыку, все передалъ ему. Скажите дивному Серафиму, что какъ желаетъ, такъ и пріѣду; разрѣшилъ Владыка. Ну, дивный-же, дивный Серафимъ!“ Такъ я и ушелъ. Стали мы собираться домой, и надо замѣтить, что по случаю страшной въ то время холеры въ Нижнемъ былъ карантинъ и весь городъ былъ оцѣпленъ войскомъ, такъ что ни почта, ни что, ниже никто, непропускался безъ выдержки карантина. Вотъ и думаемъ: какъ-то поѣдимъ мы; вдругъ не пропустятъ! Но какъ не останавливали и не уговаривали всѣ,—мы помолившись и заложивъ свою лошадку, потихоньку поѣхали... Ѣдимъ мимо караульныхъ солдатъ и никто не остановилъ и не опросилъ даже насъ, точно будто и не видалъ никто. Такъ и пріѣхали мы домой и не взирая на страшную холеру, пользуясь тѣмъ, что всѣ фрукты поэтому были необыкновенно дешевы, покупали ихъ много и кушали не разбирая, а за молитвы батюшки Серафима возвратились цѣлы и здоровы и ничѣмъ невредимы! Къ этому же кстати скажу, батюшка Серафимъ говорилъ, что въ обители никогда не будетъ холеры, что современемъ и оправдалось потому, что когда была эта эпидемія повсемѣстно въ окружности, даже въ д. Вертьяновѣ и селѣ Дивѣевѣ, въ монастырѣ ея не было, такъ что даже кто изъ мірскихъ заболѣвалъ и при-

носили въ обитель, тотъ выздоравливалъ и выхаживался, а кто изъ обители, безъ благословенія выходилъ въ міръ, даже и сестры, напротивъ заболѣвали и умирали. Пріѣхавъ домой, явились мы къ батюшкѣ дать отчетъ во всемъ нами, по его приказанію, сдѣланномъ; батюшка былъ радъ, благодарилъ и тутъ же приказалъ, чтобы церковь новая во имя Рождества Богородицы была бы и освящена 8-го Сентября. Въ этотъ день и было въ 1830-мъ году совершено освященіе Благовѣщенскимъ архимандритомъ о. Іоакимомъ, по желанію батюшки Серафима".

„Послѣ освященія церкви о. архимандритъ, Михаилъ Васильевичъ и я, по приглашенію батюшки, отправились всѣ къ нему въ Саровъ и не найдя его въ монастырѣ, пошли въ дальнюю пустынку его. Батюшка, увидя насъ, былъ чрезвычайно намъ радъ, и много благодарилъ отца архимандрита.

ГЛАВА XII.

Дѣятельность Елены Васильевны Мантуровой. Назначеніе ея церковницей и ризничей. Постриженіе въ рясофоръ. Заповѣдь о. Серафима о церковномъ порядкѣ. Заботы о. Серафима о церкви и разсказы сестеръ, касающіяся церковныхъ послушаній. Распоряженія о. Серафима по пріобрѣтенію земли подъ будущій соборъ и посылка Е. В. Мантуровой къ владѣльцу земли г-ну Жданову. Покупка земли подъ соборъ самимъ о. Серафимомъ на свои деньги Просьба его къ М. В. Мантурову о сохраненіи этой земли. Предсказанія о. Серафима о соборѣ. Отъѣздъ М. В. Мантурова въ имѣнія генерала Купріанова. Подвиги Е. В. Мантуровой въ Дивѣевѣ. Польза принесенная М. В. Мантуровымъ—крестьянамъ генерала Купріанова. Пелагея Ивановна Серебренникова. Архіепископъ Воронежскій Антоній.

Елена Васильевна Мантурова исполняла всѣ трудныя порученія о. Серафима, какъ образованная особа, но не занимала должности начальницы. Необыкновенно добрая отъ природы, она явно, или видимо ничего не дѣлала, но за то, насколько лишь умѣла и могла, творила добро тайно, непрестанно и много. Такъ, напримѣръ, зная нужду многихъ бѣдныхъ сестеръ, а также нищихъ, она раздавала имъ все что имѣла и что получала отъ другихъ, но невидимымъ образомъ. Бывало идетъ мимо или въ церкви и дастъ кому нибудь, говоря: „вотъ матушка, такая-то просила меня передать тебѣ!“ Вся пища ея заключалась, обыкновенно, въ печеномъ картофелѣ, да лепешкахъ, которыя такъ и висѣли у нее на крылечкѣ въ мѣшечкѣ. Сколько ихъ ни пекли, всегда не хватало. Что за диво! говорила бывало ей сестра

стряпуха; „что это, матушка, вѣдь я смотри ка сколько лепешекъ тебѣ наложила, куда-же дѣвались онѣ? Вѣдь эдакъ-то и не наготовишься!" „Ахъ родная, кротко отвѣтитъ ей Елена Васильевна, „ты уже прости меня Христа ради, матушка, да не скорби на меня; что-же дѣлать, слабость моя, ужъ очень я люблю ихъ, вотъ всѣ и поѣла!" Спала она на камнѣ, прикрытомъ лишь плохимъ коврицкомъ.

Со времени освященія храмовъ, пристроенныхъ къ Казанской церкви, батюшка о. Серафимъ назначилъ Елену Васильевну церковницей и ризничей, для этого онъ попросилъ Саровскаго іеромонаха отца Иларіона постричь Елену Васильевну въ рясофоръ, что и было исполнено. О. Серафимъ надѣлъ ей подъ камилавочку шапочку, сшитую изъ его поручей. Затѣмъ, призвавъ духовника обители о. Василія, Елену Васильевну и послушницу ея Ксенію Васильевну, батюшка о. Серафимъ строго заповѣдывалъ имъ слѣдующій церковный порядокъ: (см. записки этихъ лицъ).

1) Чтобы въ обители всѣ, какъ ризническія, пономарскія, дьяческія и церковницъ должности, также клиросы, навсегда исправлялись-бы только однѣми сестрами, но непремѣнно дѣвицами. „Такъ Царицѣ Небесной угодно! Помните это и свято сохраняйте, передавъ и другимъ" сказалъ батюшка.

2) Пономарки и церковницы должны неопустительно, сколь возможно чаще, пріобщаться во всѣ четыре поста и всѣ двунадесятые праздники, не смущаясь мыслію, что недостойны; не пропускать случая сколь возможно болѣе пользоваться благодатію, даруемою пріобщеніемъ св. Христовыхъ Таинъ, стараясь лишь по возможности, сосредоточившись въ смиренномъ сознаніи всецѣлой грѣховности своей, съ упованіемъ и твердою вѣрою въ неизрѣченное Божіе милосердіе, умственно говоря: согрѣшила Господи душею, сердцемъ, словомъ, помышленіемъ и всѣми моими чувствами! приступить къ святому, всѣхъ искупляющему Таинству.

3) Какъ предъ службою, такъ и по службѣ, пономарящія должны, взойдя въ алтарь, испросить благословеніе служащаго священника. Никогда и ни въ чемъ, не прекосло-

вить въ храмѣ служащему священнику. Онъ, служитель есть Самого Господа, кромѣ развѣ исключительно чего либо могущаго случиться, особо недолжнаго. И даже, какъ-бы незаслуженно не оскорбилъ священникъ, все перенесть молча, смиренно, лишь поклонившись ему.

4) Никогда, при какой либо купли, не должно торговаться изъ церковныхъ вещей: „Скажи лишь матушка за сколько хотѣлось-бы тебѣ что купить! Дадутъ тебѣ,—благодари; не дадутъ, никогда не настаивай и не торгуйся; безъ торгу отдай все, ибо все лишнее отъ церкви, никогда не пропадетъ. „Самъ Господь видитъ и знаетъ, и все возвратитъ!“

5) Зная кто изъ сестеръ постриженъ или не постриженъ, въ случаѣ какой либо особой нужды, никакъ и никогда не дозволять входить въ алтарь не постриженнымъ сестрамъ.

6) Никогда, Боже упаси, ни ради чего, ни ради кого-бы то ни было, кромѣ молчаливаго знака согласія или отреченія, не разговаривать въ алтарѣ, какъ мѣстѣ присутствованія всегда Самого Господа и Силъ Его; не дозволяя того и другимъ, кто-бы то ни былъ, если-бы даже пришлось и потерпѣть за то. „Самъ Господь тутъ присутствуетъ! и трепеща, во страхѣ предстоятъ Ему всѣ Херувимы и Серафимы и вся Сила Божія! Кто же возглаголетъ предъ лицемъ Его!“ говорилъ батюшка.

7) Ни подъ какимъ видомъ, предлогомъ, либо дѣломъ, ниже щетки, ниже ничего, никогда не брать церковнаго, боясь за то прещенія Божія, ибо во храмѣ все наималѣйшее принадлежитъ токмо Единому Богу! И все, хотя и малое, взятое оттуда, есть какъ-бы износимый огнь все и вся попаляющій!

8) Не смущаться и не огорчаться малымъ моленіемъ или невозможностію исполнить все монашеству положенное по дѣйствительно крайнемъ недосугѣ церковной уборки и дѣла; стараясь лишь непремѣнно и на ходу, никогда не прерывая умственной молитвы, прочитывать утромъ, среди дня

и на ночь имъ данное правильце, да если возможно, всѣмъ положенное общее правило, а если ужъ нельзя, то какъ Господь поможетъ! Но 200 поясныхъ поклоновъ Спасителю Богоматери, какъ-бы то ни было каждодневно исполнять обязательно.

10) При освященіи храмовъ, неопустительно всегда 40 дней (6 недѣль) служить въ немъ всѣ службы.

11) Вытирая пыль и выметая соръ изъ храма Божія, ниже никогда не бросать его такъ, съ небреженіемъ „токмо прахъ Храма Божія, святъ уже есть!", а бережно собравъ его, сжигать въ пещи или бросить въ рѣку проточной воды, или же откидывать въ какое либо особое, а не общее—проходное, либо сорное мѣсто; точно также поступая и при мытіи чего-либо церковнаго, мыть токмо въ проточной-же водѣ, или же въ особой, нарочито только для сего держимой и свято хранящейся посудѣ; и воду эту сливать тоже въ особо на то чистое или уготованное мѣсто.

О. Серафимъ говорилъ имъ: „нѣтъ паче послушанія, какъ послушаніе церкви! и если токмо тряпочкою притереть полъ во дому Господнемъ, превыше всякаго другаго дѣла поставится у Бога! Нѣтъ послушанія выше церкви! И все, что не творите въ ней и какъ входите и исходите, все должно творить со страхомъ и трепетомъ и никогда непрестающею молитвою и никогда въ церкви, кромѣ необходимо должнаго же церковнаго и о церкви ничего не должно говориться въ ней! И что-же краше, превыше и преслаще церкви! И кого-бо токмо убоимся въ ней и гдѣ-же и возрадуемся духомъ, сердцемъ и всѣмъ помышленіемъ нашимъ, какъ не въ ней, гдѣ Самъ Владыко Господь нашъ, съ нами всегда соприсутствуетъ!" Говоря это, батюшка сіялъ отъ восторга неземною радостію.

Тогда же далъ онъ заповѣдь насчетъ Рождественскихъ церквей. „Въ верхней церкви Рождества Христова постоянно, денно и нощно горѣть неугасимой свѣчѣ у мѣстной иконы Спасителя, а въ нижней Рождества Богоматери церкви неугасимо же денно и нощно теплиться лампадѣ у храмовой иконы Рождества Богоматери. Денно и нощно читать Псалтырь, начиная съ Царской Фамиліи, за всѣхъ благо-

творящихъ обители въ этой-же самой нижней церкви, 12-ю на то, нарочито опредѣленными и перемѣняющимися по часу сестрами, а въ воскресеніе неопустительно всегда передъ литургіей, служить Параклисъ Божіей Матери весь на распѣвъ, по нотѣ." И сказалъ о. Серафимъ: „Она вѣчно будетъ питать васъ! И если эту заповѣдь мою исполните, то все хорошо у васъ будетъ и Царица Небесная никогда не оставитъ васъ. Если же не исполните, то безъ бѣды бѣду наживете!"

Свѣдѣнія о построеніи церквей, и о заботахъ отца Серафима дополняются разсказами Ксеніи Васильевны, послушницы Елены Васильевны Мантуровой. Такъ она свидѣтельствуетъ: (тетрадь № 1).

„При жизни батюшки мы не знали, что такое покупать свѣчъ", говоритъ монахиня Капитолина, „потому ему много всего приносили, а онъ-то родименькій бывало и блюдетъ все для своего Дивѣева, такъ что даже и по смерти его у насъ еще много осталось запаснаго елею и цѣлые три сундука свѣчъ, что онъ подавалъ. Много также заботился о Рождественской церкви, много жертвовалъ для нея; самъ посылалъ купить колокола на нее и диво, да и только: колокола-то маленькія,— маленькія, вовсе маленькія, а зазвонятъ-то, такъ звонко, точно музыка будто подобранная и весело на душѣ какъ подымется этотъ сладкій, серебряный звонъ ихъ. И образовъ много въ церкви батюшкиныхъ; есть и сосуды; все это батюшка намъ надавалъ и много кой-чего въ ризницѣ. И все бывало придешь къ нему, особенно за послѣднее время, а онъ только говоритъ и заботится о своей церкви: „да все-ли у насъ есть-то, матушка, все-ли есть-то, не надо-ли чего?" Все, батюшка, бывало отвѣтишь ему. „Ну и слава Богу, радость моя, возблагодаримъ Господа!" заговоритъ онъ, крестясь торопливо. А послѣ смерти-то батюшки много то-же кой-чего осталось у насъ послѣ него, родимаго; вся одежда, что была, намъ досталась: эпитрахили двѣ, нарукавники, шуба, кафтанъ, камилавка, шапочка, вотъ больнымъ-то и надѣваютъ на голову, ну и проходитъ боль-то, полумантія, сапоги, башмаки, лапти, рукавицы и топоръ и все, все послѣ батюшки.

Есть у насъ также четки имъ самимъ сдѣланныя изъ дерева, такъ вотъ мы все на бѣсноватыхъ-то ихъ надѣваемъ и много разъ случалось, какъ надѣнутъ ихъ на нихъ-то, они и не смогутъ выносить ихъ, такъ и разорвутъ и бросятъ, а потомъ и выздоровѣютъ; отъ того вотъ много изъ нихъ потеряно, а ужъ какъ бережемъ. А какъ разъ батюшка на меня разсердился, вотъ я разскажу. Послали меня къ нему за деньгами; я прихожу, да и говорю: „батюшка, пожалуйте намъ денегъ, больно нужно!“ „На что это?“ спрашиваетъ. „Да вотъ, говорю, нужда была, такъ заняли, отдавать надо, батюшка!“ Вотъ онъ и далъ, что нужно, а я-то и говорю: „еще, батюшка, пожалуйте!“ Вотъ какъ онъ родименькій-то услыхалъ, да какъ глянетъ на меня-то, да такъ это серьезно: „да что ужъ это ты говоришь, посмотри-ка сколько!“ и такъ это горячо сказалъ. „Да вѣдь нужно“ говорю, „батюшка; ибо всего ужъ и такъ вамъ не говоримъ, а вотъ нужда-то была, такъ изъ церковныхъ брали, гдѣ-жь взять-то, батюшка, взять-то вѣдь негдѣ!“ „Нѣтъ, нѣтъ, радость моя, сказалъ батюшка заботливо и мягко — „не надо брать, что дадено въ церковь, не подобаетъ брать, матушка, не подобаетъ, не надо!“ и сейчасъ-же далъ мнѣ денегъ, приказывая отдать все, что изъ церковныхъ взято. Разъ стала я жаловаться сама на себя, на мой горячій, вспыльчивый характеръ, а батюшка и говоритъ: „ахъ что ты, что ты говоришь, матушка, у тебя самый прекрасный, тихій характеръ, матушка, самый прекрасный, смирный, кроткій характеръ!“ Говорилъ-то онъ это съ такимъ яснымъ видомъ и такъ-то смиренно, что мнѣ это его слово: тихій-то, да кроткій, пуще всякой брани было и стыдно мнѣ стало такъ, что не знала куда-бы дѣваться-то и стала я смирять свою горячность-то все понемногу. А какъ батюшка-то любилъ насъ, просто ужасъ, да и только и разсказать-то ужъ я не умѣю. Бывало придешь это къ нему, а я знаешь всегда эдакая суровая, серьезная была, ну вотъ и приду, а онъ уставится на меня, да и скажетъ: „Что это, матушка, къ кому это ты пришла-то?“ „Къ вамъ, батюшка“ отвѣчу я. „Ко мнѣ, скажетъ онъ, да и стоишь, какъ чужая, ко мнѣ-то,

къ отцу-то, что ты, что ты, матушка!“ „Да какъ-же батюшка, бывало скажу я, какъ-же“ „А ты приди, да обними“, да поцѣлуй меня, да не одинъ, а десять разъ поцѣлуй-то, матушка!“ отвѣтитъ онъ. Бывало и скажешь: „ахъ, да какъ же это, батюшка, да развѣ я смѣю!“ „Да какъ-же не смѣешь-то; вѣдь не къ чужому, ко мнѣ пришла, радость моя, эдакъ къ родному не ходятъ, да гдѣ бы это не было, да при комъ-бы не было, хотя-бы тысяча тутъ была, должна придти и поцѣловать, а то что стоишь, какъ чужая!“ А еще разъ наказывалъ намъ батюшка, чтобы всѣмъ ты, а не вы говорить. „Что это за вы, матушка, это все нынѣшній-то вѣкъ, нынѣшніе-то люди придумали, а надо всѣмъ ты говорить, вотъ и вы, матушка, всѣмъ безъ различія ты говорите, такъ самъ Господь указалъ намъ“, сказалъ батюшка. „Кто паче Бога и выше Его, а и Господу ты говоримъ и кольми паче такъ-же должны говорить и человѣку!“ Батюшка запрещалъ мнѣ быть слишкомъ строгою съ молодыми; напротивъ еще приказывалъ бодрить ихъ. Не дозволяя сквернословіе или что-либо дурное, онъ никогда, никому не запрещалъ веселости. Вотъ бывало спроситъ: „Что, матушка, ты съ сестрами-то завтракаешь, когда онѣ кушаютъ?“ „Нѣтъ, батюшка“, скажешь. „Что-же такъ, матушка; нѣтъ ты радость моя, не хочется кушать, не кушай, а садись всегда за столъ съ ними, онѣ, знаешь, придутъ усталыя, унылыя, а какъ увидятъ, что ты сама сѣла и ласкова, и весела съ ними и бодра духомъ, ну и онѣ пріободрятся и возвеселятся, и покушаютъ то болѣе съ веліею радостью; вѣдь веселость не грѣхъ, матушка, она отгоняетъ усталость и отъ усталости вѣдь уныніе бываетъ и хуже его нѣтъ, оно все приводитъ съ собою. Вотъ и я, какъ поступилъ въ монастырь-то, матушка, на клиросѣ тоже былъ и какой веселый-то былъ, радость моя, бывало, какъ не приду на клиросъ-то, братья устанутъ, ну и унынье нападаетъ на нихъ и поютъ-то ужъ не такъ, а иные и вовсе не придутъ. Всѣ соберутся, я и веселю ихъ, они и усталости не чувствуютъ, вѣдь дурное, что говорить-ли, дѣлать-ли не хорошо и въ храмѣ Божіемъ не подобаетъ, а сказать слово ласковое, привѣтливое, да веселое, чтобы у всѣхъ передъ

лицемъ Господа, духъ всегда веселъ, а не унылъ былъ,— вовсе не грѣшно, матушка", говорилъ такъ батюшка Серафимъ. „Молишься-ли ты, радость моя?" разъ спросилъ меня батюшка. „Ахъ, батюшка, ужъ какая молитва-то, грѣшница иной разъ и время-то нѣтъ!" отвѣтила я. „Это ничего, сказалъ батюшка, я вотъ и хотѣлъ сказать тебѣ, ты не огорчайся этимъ, есть время, такъ въ праздности не будь, исполняй все и молися, а если нѣтъ времени, такъ ты, радость моя, только правильце-то мое прочти утромъ, среди дня, да на ночь хоть и ходя на работѣ-то, да еще вотъ правило-то, если можно, а ужъ если нельзя, ну такъ какъ Господь тебѣ поможетъ, только вотъ поклоны-то Спасителю и Божіей Матери ужъ хоть какъ нибудь, а исполняй, непремѣнно исполняй, матушка!"

Старшая въ мельничной обители о. Серафима Прасковья Степановна говоритъ (тетрадь № 1), что ей сообщилъ сосѣдъ по келіи съ батюшкой о. Павелъ, будто онъ звалъ о. Серафима на освященіе Рождественской церкви, которую Михаилъ Васильевичъ выстроилъ на свои деньги, а батюшка отвѣтилъ ему: „Нѣтъ, зачѣмъ ихъ смущать, не пойду! И ты не ходи. Имъ лучше дать, что нужно, онѣ сами все сдѣлаютъ и распорядятся всѣмъ, какъ слѣдуетъ, а ходить намъ къ нимъ не надобно".

Въ жизнеописаніи о. Серафима (Саровское изд. 1893 г. стр. 112) говорится, что за колоколами для Рождественской церкви о. Серафимъ посылалъ нарочно на нижегородскую ярмарку, а за священными сосудами — въ Москву, давъ на нихъ свои деньги. Другой приборъ онъ далъ церковницѣ Ксеніи Васильевнѣ изъ своихъ рукъ, третій прислала изъ Москвы княгиня Голицына, еще до освященія церкви. Нѣкоторыя вещи изъ облаченія о. Серафимъ передалъ чрезъ о. Василія Садовскаго. Кромѣ того, въ разное время присланы были отъ него въ благословеніе обители слѣдующія иконы: 1) небольшой образъ Казанскія Божіей Матери, 2) средней величины образъ преподобнаго Сергія, радонежскаго чудотворца, 3) образъ преп. Кирилла и Маріи и 4) складни въ серебряной ризѣ, съ изображеніемъ Спасителя, Божіей Матери, св. Іоанна Предтечи и нѣкоторыхъ другихъ угод-

никовъ Божіихъ. Всѣ сіи иконы сохраняются въ обители до сего дня въ Рождественской церкви.

Старица Устинья Ивановна повѣствуетъ такъ (тетрадь № 1): „Съ моего поступленія батюшка благословилъ мнѣ послушаніе пѣть на клиросѣ и чтобы я твердо знала весь уставъ церковный и его святыми молитвами я успѣла въ этомъ. Пѣнію учили насъ всѣхъ Саровскіе іеромонахи о. Назарій и о. Корнилій. Параклисъ Божіей Матери то-же они учили и батюшка приказывалъ мнѣ, чтобы у насъ также, какъ въ Саровѣ пѣли попеременно оба канона, а обиходной нотѣ училъ насъ священникъ о. Василій. Труды, нужды и скорби приводили меня въ уныніе, хотѣла уже выйти изъ обители. Вся въ духѣ разстроенная прихожу однажды къ батюшкѣ о. Серафиму и призналась откровенно, что у меня въ мысляхъ. Онъ не соизволилъ нетерпѣнію моему и сказалъ: „никакой нѣтъ дороги тебѣ оставлять обитель, это твой единый путь. Если-бы ты знала, матушка, какая раба Божія заводила то мѣсто: одежда ея была многошвейная, платъ ветхій, а зеницы не пересыхали отъ слезъ; и до нынѣ я стопы ея лобызаю. Ходи, матушка, на ея гробъ каждый день и поклонившись, говори: „Госпожа наша и мать, прости меня и помолися о мнѣ, какъ ты прощена отъ Господа, такъ-бы и мнѣ быть прощенной и помяни меня у престола Божія“.

Старица Екатерина Егоровна (впослѣдствіи монахиня Евдокія) говоритъ (тетрадь № 1), что начальница въ Казанской общинкѣ Ксенія Михайловна назначила ее печь просфоры для Рождественской церкви. „Я пошла къ батюшкѣ просить на это его благословенія“, повѣствуетъ она. „Батюшка отвѣтилъ мнѣ: „давно-бы такъ, матушка! Я говорилъ Ксеніи Михайловнѣ, что просфорня у меня готова“. И началъ мнѣ пѣть громко на ухо тропарь Введенію во храмъ Пресвятыя Богородицы. „Такъ-то и ты“, продолжалъ батюшка, „прилѣпись всѣмъ сердцемъ къ церкви Божіей, служи ей съ любовію, всѣми своими силами, а для черныхъ работъ у насъ много будетъ сестеръ“. Съ тѣхъ поръ и до нынѣ молитвами батюшки прохожу я это послушаніе“.

Всѣ эти уставы и завѣщанія о. Серафима свято исполняли начальницы и сестры Дивѣевской общины. Уклоненія же отъ нихъ влекли за собою весьма непріятныя послѣдствія для обители. Такъ мы знаемъ уже завѣщаніе о. Серафима, чтобы въ созданномъ имъ храмѣ Рождества Христова читался всегда псалтирь, по обычаю обители неусыпаемая, предъ иконою Спасителя горѣла неугасимая свѣча, а предъ образомъ Матери Божіей—лампада, и что если это будетъ въ точности исполняться, община не потерпитъ ни нужды, ни бѣды, и масло на эту потребность никогда не оскудѣетъ. И точно, Ангелъ мира охранялъ обитель, пока соблюдалось это завѣщаніе, съ особенною силою и условіемъ данное. Но въ одинъ день церковница Ксенія Васильевна, бывшая въ послушаніи у Елены Васильевны Мантуровой, по благодати Божіей и до нынѣ пребывающая въ живыхъ, вылила, сколько было, послѣднее масло въ лампаду и откуда получить его болѣе—не предвидѣлось. Это было во время богослуженія. Когда всѣ вышли изъ храма, она, приблизившись къ иконѣ, увидѣла, что масло все выгорѣло и лампада потухла. Съ горестными чувствами она отошла отъ лампады и, вспомнивъ невольно завѣщаніе о. Серафима, подумала: „если такъ несправедливыми оказались слова о. Серафима, потому что для лампады нѣтъ теперь ни масла, ни денегъ, то, можетъ быть, и во всѣхъ другихъ случаяхъ не сбудутся его предсказанія, исполненія которыхъ мы несомнѣнно ожидали“. Тысячи сомнѣній волновали душу сестры, и вѣра въ прозорливость старца начала оставлять ее. Въ столь непріятномъ расположеніи духа, Ксенія Васильевна, закрывъ лице руками, на нѣсколько шаговъ отступила отъ иконы Спасителя. Вдругъ слышитъ трескъ... Восклонивъ голову, она увидѣла, что лампада загорѣлась; подошла ближе къ ней и замѣтила, что стаканъ лампады полонъ масла и на немъ два серебряныхъ рубля. Въ смятеніи духа она заперла церковь и спѣшила повѣдать дивное видѣніе старицѣ своей Еленѣ Васильевнѣ. На пути ее застигла одна сестра, съ которою былъ крестьянинъ, искавшій церковницу и что-то желавшій передать ей. Крестьянинъ этотъ, увидѣвши Ксенію Васильевну, спросилъ:

„Вы, матушка, здѣсь церковница?“

— Я, отвѣчала сестра Ксенія.—А что тебѣ нужно?

„Да вотъ батюшка о. Серафимъ завѣщалъ вамъ о неугасимой лампадѣ, такъ я принесъ тебѣ 300 р. ассигн. денегъ на масло для лампады, чтобы она горѣла за упокой родителей моихъ“.

При семъ онъ назвалъ имена усопшихъ родителей своихъ и подалъ деньги (изд. 1893 г. г. Муромъ).

Сомнѣнія сестры въ прозорливость старца и въ истинность его завѣщанія тотчасъ разсѣялись: она устыдилась ихъ и поскорбѣла о своемъ невѣріи.

Впослѣдствіи, когда въ Дивѣевѣ выстроенъ былъ новый храмъ, церковь о. Серафима заперли, псалтирь вынесли изъ нея, свѣча и лампада не горѣли. Обитель послѣ этого случая потерпѣла много искушеній, и между ея подвижницами существуетъ убѣжденіе, что Господь попустилъ это за несохраненіе уставовъ о. Серафима. Отступленіе это было слѣдствіемъ вмѣшательства въ управленіе Дивѣевскою обителью сторонняго лица.

По построеніи Рождественскихъ церквей въ Дивѣевѣ, о. Серафимъ занялся пріобрѣтеніемъ земли подъ будущій соборъ, о которомъ онъ столько предсказывалъ сиротамъ своимъ. Для этого онъ опять призвалъ своего вѣрнаго послушника и друга, Михаила Васильевича Мантурова и приказалъ ему вымѣрить и помѣтить землю, принадлежавшую въ чрезполосномъ владѣніи г-ну Жданову, не далеко отъ Казанской церкви. Затѣмъ далъ порученіе Еленѣ Васильевнѣ съѣздить къ г-ну Жданову и купить у него эту землю за триста рублей, которые батюшка и передалъ ей. „Святой царь Давидъ, сказалъ онъ Еленѣ Васильевнѣ, когда восхотѣлъ соорудить храмъ Господу на горѣ Моріи, то гумно Орны туне не принялъ, а заплатилъ цѣну; такъ и здѣсь. Царицѣ Небесной угодно, чтобы мѣсто подъ соборъ было пріобрѣтено покупкою, а не туне его получить. Я бы могъ выпросить земли, но это Ей не угодно! Поѣзжай въ городъ Темниковъ къ хозяину этой земли Егору Ивановичу Жданову, отдай ему эти мои деньги и привези бумажный актъ на землю!“

Елена Васильевна поѣхала въ Темниковъ со старицею Ульяною Григорьевною и отыскала тамъ г-на Жданова, которому и передала желаніе батюшки о. Серафима. „Какъ!? воскликнулъ онъ въ удивленіи“, вы хотите, чтобы я продалъ этотъ столь малый и единственно мнѣ принадлежащій клокъ земли дивному Серафиму! Полноте, матушка, вы шутите вѣроятно, берите даромъ!“ Но выслушавъ все разсказанное Еленою Васильевною и знаменательныя слова старца, Ждановъ крайне удивленный, хотя и нехотя, но безпрекословно, не смѣя ослушаться, принялъ присланныя ему деньги и выдалъ на землю купчую. (Записки о. Василія).

Тутъ произошло чудо! Самъ Егоръ Ивановичъ Ждановъ впослѣдствіи лично разсказывалъ (Игуменіи Маріи Ушаковой) слѣдующее: въ то время, послѣ смерти родителей, у него осталась большая семья, такъ что онъ былъ принужденъ, какъ старшій, выйти въ отставку, чтобы воспитать всѣхъ и добыть имъ насущный кусокъ хлѣба. Всѣ дѣла были страшно запутаны и пришлось переживать большую нужду и бѣдность. Какъ разъ въ это время пріѣхала отъ батюшки Серафима Елена Васильевна Мантурова и насильно вручила триста рублей за землю. Непонятно, сверхъестественно, начали съ этихъ денегъ устраиваться дѣла его и Богъ помогъ всѣхъ устроить. Кто вышелъ въ люди, кто женился, кого замужъ выдали и т. д.

Когда Елена Васильевна возвратилась къ о. Серафиму съ купчею, то онъ пришелъ въ неописанный восторгъ и цѣлуя бумагу, воскликнулъ: „Во, матушка, радость-то намъ какая! Соборъ-то у насъ какой будетъ, матушка! Соборъ-то какой! Диво!“ И приказалъ батюшка списать съ нея для него копію, а настоящую бумагу хранить бережно Еленѣ Васильевнѣ до ея смерти, а потомъ передать Михаилу Васильевичу. Предвидя все прозорливымъ окомъ, онъ умолялъ Михаила Васильевича всѣми силами сберечь и сохранить эту землю для постройки собора, когда придетъ тому время. „На-то она такъ и драгоцѣнна, батюшка, что въ то время намъ крайне занадобится!“ сказалъ о. Серафимъ. (Записки о. Василія).

Чудны правдивые разсказы и свидѣтельства, необыкновенно праведныхъ и простыхъ старицъ Дивѣевскихъ, такъ называемыхъ сиротъ Серафимовыхъ, съ которыми самъ великій старецъ бесѣдовалъ просто, мудро, откровенно и любовно. Старица Прасковья Ивановна (впослѣдствіи монахиня Серафима) повѣствуетъ намъ слѣдующее: (тетрадь № 6).

„Батюшка говорилъ мнѣ: „у васъ, матушка-то первоначальница, мать Александра, большихъ и высокихъ лицъ была! Я и поднесь ея стопы лобзаю! Вотъ она обитель заводила, а я ее возобновлю! Тамъ будетъ Лавра... Она почиваетъ въ мощахъ! Много-ли ихъ тамъ матушка?“ Я молчала, недоумѣвая... Склонилъ батюшка головку, минутку спустя сказалъ твердымъ голосомъ: „Тамъ?—три“. Потомъ опять спросилъ: „а что, матушка, много-ли мѣста-то отъ Казанской церкви, отъ самаго алтаря ея, до мельницы?“ „Да тутъ десятины три будетъ, батюшка,“ отвѣтила я, „но земля-то эта вѣдь чужая, только въ серединкѣ мѣсто ваше что подъ соборъ купили, а кругомъ живутъ церковники, да хлѣбъ засѣваютъ мірскіе.“ Онъ опять спросилъ: „а отъ соборнаго-то мѣста матушка, до мельницы, далеко-ли и хороша-ли тутъ земля?“ Я говорю: „земля-то хороша, батюшка, да вѣдь она не наша!“ А онъ будто и не слышитъ,—говоритъ мнѣ: „ну вотъ, матушка, по правую-то сторону будетъ трапеза....“ Я перебила его и опять говорю: „батюшка, да мѣсто-то хотя тутъ и очень большое и земля-то хороша, но вѣдь она засѣяна мірскими!“ Замолчавъ, батюшка склонилъ голову, потомъ вдругъ и сказалъ: „надобно промѣнять!“

Впослѣдствіи это сбылось; благодѣтели Дивѣева и вѣрные слуги батюшки о. Серафима: Михаилъ Васильевичъ Мантуровъ и Николай Александровичъ Мотовиловъ частью скупили чрезполосныя владѣнія и частью промѣняли ихъ.

Великая старица Евдокія Ефремовна (монахиня Евпраксія) разсказывала (тетрадь № 1, разсказъ 17), что однажды батюшка ей сказалъ: „Вотъ этотъ лѣсъ, что Горячевъ ключъ-то называется, это нашъ лѣсъ будетъ матушка (что и исполнилось въ 1869-мъ году)! Тутъ могутъ быть и пчелки у насъ, потому что хорошій пріютъ тутъ будетъ и вода близко

и всякій цвѣтъ! А воскъ-то занадобится намъ, матушка, свѣчки Богу будемъ работать. А жители-то, жители-то, всѣ вокругъ намъ служить будутъ, радость моя! И какая радость-то будетъ, но мы не доживемъ и я не доживу, какъ соборъ-то у насъ пятиглавый будетъ! Только и ты, матушка, не узришь какъ это совершится! А будетъ-то онъ въ срединѣ двухъ церквей, противъ Казанской церкви, а тутъ напротивъ ее будутъ святыя врата и какая радость-то будетъ, какая радость-то будетъ! Казанскую церковь вамъ отдадутъ, а приходскую-то на селѣ поставятъ, гдѣ Полуешкинъ-то живетъ; и священнослужителей тутъ уже не будетъ, и пойдетъ ограда каменная вплоть до рѣчки, и все наше будетъ! А на приходскомъ кладбищѣ трапеза будетъ и мостъ, съ Пречистой-то туда такъ прямо и будутъ ходить, какъ у насъ въ Саровѣ. Во, что будетъ-то матушка! Хоть ты и не доживешь, какъ соборъ-то совершится, а вѣдь какая радость-то тогда будетъ! Четверо мощей будутъ у насъ матушка! Вотъ какая радость-то будетъ матушка! Какая великая радость-то будетъ! Среди лѣта запоютъ Пасху, радость моя! Пріѣдетъ къ намъ Царь и вся Фамилія! Дивѣево-то Лавра будетъ, Вертьяново—городъ, а Арзамасъ — губернія! Станутъ всѣ приходить къ намъ матушка, запираться для отдыха-то будемъ; станутъ деньги давать, только берите; въ оградку станутъ кидать, а намъ уже не нужно, много своихъ тогда будетъ матушка!“

Другая старица Евдокія Трофимовна, впослѣдствіи монахиня Евстолія, свидѣтельствуетъ, какъ высоко ставилъ батюшка о. Серафимъ свой Дивѣевъ, избранный Царицей Небесной себѣ въ четвертый жребій на землѣ. „Я пришла еще мірскою съ товарками получить лишь благословеніе батюшкино, говорила старица, а вмѣсто того, увидавъ меня, о. Серафимъ приказалъ мнѣ прямо бросить все и идти къ его дѣвушкамъ въ Дивѣевъ. Не полюбилось мнѣ это ужасно, но не смѣя ослушаться, пошла я и такъ не понравился мнѣ Дивѣевъ, что ушла я къ себѣ домой не сказавшись. Черезъ годъ, нѣкоторые собирались идти на богомолье въ Кіевъ; пошла и я съ ними. Прежде мы зашли въ Саровъ къ батюшкѣ Серафиму. Я полагала, что батюшка позабылъ меня

совсѣмъ за годъ-то. Напротивъ, тутъ-же благословляя онъ узналъ меня сказавъ: „ступай въ Дивѣевъ, нѣтъ тебѣ другого пути! У меня въ Дивѣевѣ, матушка, и Кіевъ и Лавра и Киновія“.

Это-же о. Серафимъ говорилъ многимъ: „кто въ Дивѣевѣ у меня живетъ, не для чего ему никуда ходить, ни въ Іерусалимъ, ни въ Кіевъ, пройди по канавкѣ-то съ четочками, прочти полтораста Богородицу,—тутъ у меня Іерусалимъ и Кіевъ!“

Та-же Евдокія Трофимовна разсказывала (тетрадь № 6, разсказъ № 52), что однажды она работала съ сестрою Ириною Семеновною у батюшки въ пустынкѣ и онъ, любя ее, очень много пророчески говорилъ. „Вотъ матушка, началъ о. Серафимъ сѣвъ у источника, скажу вамъ придетъ время у насъ въ обители все будетъ устроено; какой соборъ будетъ! Какая колокольня! А келіи и ограда будутъ каменныя и во всемъ будетъ у васъ изобиліе!“ Послѣ этого о. Серафимъ вдругъ заплакалъ и сказалъ: „но тогда жизнь будетъ краткая. Ангелы едва будутъ успѣвать брать души“

„Знаешь-ли ты, матушка, гдѣ Мишенька-то (Мантуровъ) живетъ?“ спросилъ о. Серафимъ сестру Акулину Ивановну Малышеву. (Тетрадь № 6, разсказъ 61). „Знаю кормилецъ!“ отвѣтила она. „Ну вотъ, продолжалъ старецъ, мы его снесемъ на уголъ, а тутъ, гдѣ онъ теперь-то живетъ, противъ него будетъ Соборъ! Видишь-ли вотъ эдакъ будетъ порядокъ, на четыре угла, Акулинушка, а Соборъ-то у насъ въ середочкахъ! А гдѣ мірское-то кладбище, знаешь что-ли матушка?“ Знаю, говоритъ она. „Такъ вотъ это-то самое мѣсто, матушка, будетъ у насъ коренная трапеза; а это-то, что кривая у васъ, гостей принимать будетъ! А мы, матушка, какъ Соборъ-то состроимъ и балясы голубые у насъ будутъ, такъ прямо изъ Собора въ трапезу-то и пойдемъ. Вотъ какъ будетъ у насъ, Акулинушка!“

Ничего тогда въ Дивѣевѣ не было и удивлялась старица о какой такой трапезѣ говорилъ батюшка, указывая какъ-бы уже на имѣющуюся, называя ее „кривою,“ но впослѣдствіи іеромонахъ Іосафъ, выдававшій себя за ученика

Серафимова выстроилъ въ Дивѣевѣ трапезу, которая по поспѣшности постройки вышла кривая.

Протоіерей о. Василій Садовскій говоритъ въ своихъ запискахъ (тетрадь № 6, разсказъ 74), какъ онъ однажды посѣтилъ батюшку Серафима, который его спросилъ: „Какъ батюшка думаешь, хорошъ-ли Саровъ?“ „Какъ не хорошъ батюшка“, отвѣтилъ о. Василій, „чего же еще лучше!“ „Во, во батюшка!“ воскликнулъ о. Серафимъ въ восторгѣ, „вѣдь Саровъ-то только рукавъ, а Дивѣево-то, цѣлая шуба!“ И до трехъ разъ повторилъ это о. Серафимъ, а затѣмъ спросилъ: „А хорошъ-ли Соборъ-то у насъ батюшка?“ „Хорошъ, батюшка“ отвѣтилъ о. Василій. „Хорошъ батюшка, какъ не хорошъ, очень хорошъ!“ продолжалъ о. Серафимъ,— „а я тебѣ говорю, что у насъ въ Дивѣевѣ еще лучше того Соборъ будетъ! И въ моемъ-то Соборѣ у насъ-то въ Дивѣевѣ всѣ иконы, какія только ни есть на всѣмъ свѣтѣ и даже на Аѳонѣ, всѣхъ явленій Матери Божіей, у меня-то въ Соборѣ всѣ они батюшка будутъ!

Но вотъ пришло время разстаться о. Серафиму съ его любимымъ послушникомъ и другомъ Михаиломъ Васильевичемъ Мантуровымъ. Началась польская война и нѣкій генералъ Купріяновъ, пріѣхалъ въ Саровъ испросить благословеніе о. Серафима на предстоящій походъ. Онъ былъ очень богатъ, владѣлъ большими имѣніями и познакомившись у о. Серафима съ Михаиломъ Васильевичемъ, который конечно произвелъ сильное впечатлѣніе на генерала своей духовностію и самоотверженіемъ, началъ просить о. Серафима уступить ему на время похода Михаила Васильевича, а послѣдняго умолялъ принять должность его главноуправляющаго. Матеріальное положеніе Мантурова крайне тяготило его и въ особенности жену, такъ что предложеніе Купріянова представилось какъ случай заработать деньги. Михаилъ Васильевичъ отвѣтилъ Купріянову, что онъ ничего не можетъ и никогда не дѣлаетъ безъ благословенія батюшки. Не успѣлъ онъ сказать слово о. Серафиму, какъ старецъ самъ произнесъ: „а тебя, радость моя, хотятъ просить у меня! Да, да; ну что-же дѣлать, служилъ ты мнѣ вѣрно, жаль мнѣ тебя, а отказать тоже нельзя, вѣдь онъ

царю нуженъ. Поѣзжай, послужи батюшка, человѣкъ онъ ратный, а мужички бѣдные, брошены, совращены и плохо жить имъ; такъ бросить ихъ нельзя. Вотъ ты и займись ими, радость моя, обходясь кротко, да хорошенько, они тебя полюбятъ, послушаютъ, исправятся и возвратятся ко Христу! Для того-то больше я тебя и посылаю; ты и госпожу то свою жену возьми съ собою". Затѣмъ, обратясь къ Аннѣ Михайловнѣ батюшка сказалъ: „а ты матушка, будь женою разумною, вѣдь онъ горячь Мишенька-то; ты горячиться-то ему не давай и чтобы онъ тебя слушался!"

Такимъ образомъ изъ святаго послушанія къ святому старцу М. В. Мантуровъ отправился съ женою въ отдаленную губернію спасать заблуждающійся въ расколѣ народъ и управлять дѣлами генерала Купріянова.

Елена Васильевна, по освященіи Рождественскихъ церквей, поставленная о. Серафимомъ ризничею и церковницею ихъ, продолжала свою строгую и святую жизнь. Она старалась исполнить все до наималѣйшаго, заповѣданное ей о. Серафимомъ. Она безвыходно пребывала въ церкви, читала по шести часовъ кряду Псалтирь, такъ-какъ мало было грамотныхъ сестеръ и понятно поэтому ночевала въ церкви, немного отдыхая на кашмѣ, гдѣ нибудь въ сторонкѣ на кирпичномъ полу. Съ нею чередовалась въ чтеніи Псалтири послушница ея Ксенія Васильевна и когда наступала очередь Елены Васильевны, то она, боясь оставаться одна въ церкви, бывало клала у себя въ ногахъ у аналоя Ксенію, говоря ей: „не спи Ксеньюшка Бога ради, а то я боюсь, уснешь-ты, я одна и останусь!" „Не стану, матушка, не стану!" отвѣчала ей Ксенія, еще молодая, здоровая и засыпавшая очень быстро послѣ дневнаго утомленія. Увидя Ксенію спящею, Елена Васильевна пугалась, начинала бронить ее и сердиться. „Вѣдь вотъ ты какая, говорила Елена Васильевна, „какъ я тебя просила!" Боязнь возбуждалась въ Еленѣ Васильевнѣ не безъ основанія, такъ какъ врагъ человѣчества, не терпящій въ людяхъ добродѣтели, пугалъ ее. Такъ разъ она читала въ церкви, а Ксенія уснула и вдругъ съ верхней паперти кто-то пустился бѣгомъ по лѣстницѣ, прямо въ нижнюю дверь, ворвался въ церковь,

гдѣ она молилась и грохнулся изъ всей силы съ такимъ шумомъ, громомъ и трескомъ, что даже спящіе сестры вскочили. Елена Васильевна помертвѣла и упала въ обморокъ. Сестры кинулись къ ней, еле привели бѣдную въ чувство, а затѣмъ все таки съ нею сдѣлался припадокъ. Въ другой разъ Елена Васильевна лежала и дремала, а Ксенія справляла свою череду. Когда-же Ксенія окончила, то не желая ее будить, тихонько затушила свѣчу и прилегла возлѣ Елены Васильевны. Была лунная ночь. Вдругъ проснувшись, Елена Васильевна видитъ, что кто-то вышелъ изъ алтаря, съ разчесанными волосами на головѣ и сталъ молиться у ея изголовья... Видно Ксенія! подумала она, стараясь себя успокоить, но въ это время слышитъ, что возлѣ нея лежитъ Ксенія и вздохнула... Тогда Елена Васильевна вся затряслась съ испуга. Видѣніе притягивало ея взоръ и луна освѣщала молящуюся фигуру у ея изголовья. Она хотѣла подняться, вскрикнуть, но не могла и замерла... Когда проснулась Ксенія никого не было, а несчастная Елена Васильевна лежала въ обморокѣ.

Также днемъ была она разъ одна въ церкви, читала Псалтирь, предъ какимъ-то большимъ праздникомъ и услышала стукъ въ запертую дверь церкви, повторившійся нѣсколько разъ. Полагая, что это стучится, пришедшая ей на смѣну сестра, она отворила дверь и тутъ-же упала, такъ какъ передъ нею стоялъ кто-то въ саванѣ. Все это, часто повторявшееся, заставило Елену Васильевну нарочно сходить къ батюшкѣ Серафиму, разсказать ему и просить его указанія, заступленія и молитвы. О. Серафимъ утѣшилъ, ободрилъ ее и навсегда запретилъ ей оставаться одной въ церкви. Съ тѣхъ поръ ничего подобнаго не являлось уже болѣе. (Записки о. Василія и разсказы Ксеніи Васильевны и Анны Герасимовны Кременковской).

Какъ предсказалъ о. Серафимъ Михаилу Васильевичу Мантурову, такъ и случилось все, въ продолженіи его службы управляющимъ имѣніемъ генерала Купріянова. Крестьяне были раззорены дурными управителями, поэтому отличались грубостію, недовѣрчивостію, ожесточенностію и почти всѣ были вовлечены въ расколъ. Помня завѣтъ и приказаніе

батюшки, Михаилъ Васильевичъ сталъ обходиться съ ними честно, терпѣливо, ласково, снисходительно, вмѣстѣ правдиво и мало по малу пріобрѣлъ такую любовь въ нихъ, что недовѣріе и жестокость исчезли, крестьяне начали стекаться къ нему ото-всюду, какъ дѣти къ отцу, совершенно измѣнились и преобразились изъ нищихъ въ самостоятельныхъ крестьянъ. Мѣстность этого имѣнія была болотиста и подвержена злокачественной лихорадкѣ; самъ Михаилъ Васильевичъ еле остался живъ, а народъ умиралъ непрестанно. Онъ тотчасъ написалъ сестрѣ Еленѣ Васильевнѣ, прося сообщить о. Серафиму о его болѣзни и испросить указанія его, какимъ средствомъ избавиться отъ лихорадки. О. Серафимъ далъ заповѣдь Михаилу Васильевичу никогда, ничѣмъ не лѣчиться, ни къ какимъ докторамъ не обращаться и не принимать никакихъ лекарствъ. Елена Васильевна точно исполнила приказаніе брата и получивъ благословеніе батюшки, написала ему, что о. Серафимъ не приказалъ ничѣмъ лѣчиться, кромѣ какъ ѣсть мякоть теплаго, хорошо испеченнаго хлѣба. Михаилъ Васильевичъ былъ уже до того слабъ, что еле могъ, съ великимъ трудомъ, прожевать кое какъ маленькій кусочекъ мякиша, который произвелъ сильнѣйшее слабительное дѣйствіе и тѣмъ кончилась болѣзнь. Мантуровъ выздоровѣвъ, сталъ лечить такимъ-же образомъ всѣхъ больныхъ и вылѣчивалъ. Видя явное чудо, крестьяне рѣшили бросить расколъ и возвратиться въ лоно своей церкви.

Къ этому времени относится вторичное уже посѣщеніе отца Серафима Пелагеей Ивановной Серебренниковой, великой и блаженной рабы Божіей, которую онъ направилъ для жительства въ Дивѣевскую обитель, поручая ей послѣ своей смерти охранять сестеръ ея молитвами и направлять малодушныхъ и заблуждающихся. (См. сказанія о Христа ради юродивой П. И. Серебренниковой г. Тверь 1891 г. 1—20 стр.).

Пелагея Ивановна родилась въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1809-го года въ городѣ Арзамасѣ отъ купца Ивана Ивановича Сурина и жены его Прасковьи Ивановны, урожденной Бебешевой. Отецъ ея жилъ довольно богато, хорошо торговалъ,

имѣлъ свой кожевенный заводъ и былъ человѣкомъ умнымъ, добрымъ и благочестивымъ. Промыслъ Божій устроилъ такъ, что онъ вскорѣ умеръ, оставивъ жену и троихъ малолѣтнихъ сиротъ, сыновей — Андрея и Іоанна и дочь Пелагею. Затѣмъ жена его вскорѣ вышла вторично замужъ, за купца Алексѣя Никитича Королева, тоже вдовца, у котораго послѣ первой жены осталось шесть человѣкъ дѣтей. Королевъ былъ человѣкъ суровый и строгій; онъ внесъ раздоръ въ семью Суриныхъ, такъ какъ дѣти его не полюбили дѣтей Прасковьи Ивановны. Жизнь маленькой дѣвочки Пелагіи сдѣлалась невыносима въ домѣ вотчима и неудивительно, что въ ней родилось желаніе уйти отъ такихъ родныхъ. Господь необыкновенно рано призвалъ ее къ ея трудному подвигу. По разсказамъ матери ея „съ малолѣтняго еще возраста съ дочкою ея Пелагеею приключилось что-то странное: будто заболѣла дѣвочка и, пролежавши цѣлые сутки въ постели, встала не похожей сама на себя. Изъ рѣдко умнаго ребенка вдругъ сдѣлалась она какою-то точно глупенькою. Уйдетъ, бывало въ садъ; подниметъ платьице, станетъ и завертится на одной ножкѣ, точно пляшетъ. Уговаривали ее и срамили, даже и били; но ничто не помогало; такъ и бросили. Нельзя изъ этого разсказа матери не видѣть, что Пелагая Ивановна съ самыхъ раннихъ лѣтъ обнаруживала въ себѣ необыкновенное терпѣніе и твердую волю. Она выросла стройною, высокою, красивою и мать ея, какъ только минуло ей 16 лѣтъ, постаралась поскорѣе выдать замужъ — „дурочку". По старинному обычаю пришелъ на смотрины невѣсты одинъ мѣщанинъ г. Арзамаса Сергѣй Васильевичъ Серебренниковъ съ своею крестною матерью, человѣкъ молодой, но бѣдный и сирота, служившій прикащикомъ у купца Попова. По обыкновенію сѣли за чай и привели невѣсту Пелагію Ивановну, наряженную въ богатое платье. Взявши свою чашку, она, дабы оттолкнуть отъ себя жениха, не имѣя ни малѣйшаго желанія выходить замужъ, стала дурить. Напримѣръ, отхлебнетъ чаю изъ чашки, да нарочно ложкою польетъ на каждый узорный цвѣтокъ на платьѣ; польетъ, да и пальцемъ размажетъ. Видитъ мать, что дѣло плохо; замѣтятъ, что дурочка, да пожалуй и за-

мужъ не возьмутъ; самой остановить нельзя, еще будетъ замѣтнѣе; вотъ и научила она работницу: „станешь молъ, чашку-то подавать, незамѣтно ущипни ты дуру-то, чтобы она не дурила“. Работница въ точности исполнила, данное ей приказаніе, а Пелагія Ивановна нарочно и выдала свою мать. „Что это, говоритъ, маменька? Или уже вамъ больно жалко цвѣточковъ-то? Вѣдь не райскіе это цвѣты“. Все это замѣтила крестная мать жениха и совѣтовала ему, не смотря на богатство, не брать ее, глупенькую. Женихъ-же, видѣвшій ея притворство и думая, что родители въ немъ виноваты, все-таки рѣшилъ жениться и 23-го Мая 1828 года Пелагею Ивановну выдали замужъ за Сергѣя Васильевича Серебреникова. Вѣнчали ихъ въ Богословской церкви города Арзамаса. Вскорѣ послѣ брака Пелагея Ивановна поѣхала съ мужемъ и съ матерью въ Саровскую пустынь. О. Серафимъ ласково принялъ ихъ и благословивъ мать и мужа, отпустилъ ихъ въ гостинницу, а Пелагію Ивановну ввелъ въ свою келью и долго, долго бесѣдовалъ съ нею. О чемъ они бесѣдовали, это осталось тайною между ними. Между тѣмъ мужъ, ожидавшій ее на гостинницѣ, видя, что имъ пора ѣхать домой, а жены все нѣтъ какъ нѣтъ, потерялъ терпѣніе и разсерженный пошелъ вмѣстѣ съ матерью разыскивать ее. Подходятъ они къ Серафимовой кельѣ и видятъ, что старецъ, выводя Пелагію Ивановну изъ своей кельи за руку, до земли поклонился ей и съ просьбою сказалъ ей: „иди, матушка, иди не медля въ мою-то обитель, побереги моихъ сиротъ-то; многіе тобою спасутся, и будешь ты свѣтъ міру. Ахъ, и позабылъ было, прибавилъ старецъ,— вотъ четки-то тебѣ; возьми ты, матушка, возьми“. Когда Пелагея Ивановна удалилась, тогда о. Серафимъ обратился къ свидѣтелямъ событія и сказалъ: „эта женщина будетъ великій свѣтильникъ!“ Мужъ Пелагіи Ивановны, услыхавъ столь странныя рѣчи старца, да въ добавокъ еще видя четки въ рукахъ жены своей, обратился съ насмѣшкою къ тещѣ своей и говоритъ ей: „хорошъ-же Серафимъ! Вотъ такъ святой человѣкъ; нечего сказать! И гдѣ эта прозорливость его? И въ умѣ-ли онъ? На что это похоже? Дѣвка она что-ль, что въ Дивѣево-то ее посылаетъ,

да и четки далъ“. Но тайная, продолжительная духовная бесѣда съ дивнымъ старцемъ, имѣла рѣшительное вліяніе на дальнѣйшую жизнь Пелагіи Ивановны. Вскорѣ подружилась она въ Арзамасѣ съ одною купчихою, по имени Параскевою Ивановною, тоже подвизавшеюся въ подвигѣ юродства Христа ради, и подъ ея руководствомъ научилась непрерывной молитвѣ Іисусовой, которая начала въ ней благодатно дѣйствовать, и которая сдѣлалась постояннымъ ея занятіемъ на всю ея жизнь. Дома цѣлыя ночи она проводила въ молитвѣ. Одна старушка, бывшая сверстницею и подругою Пелагіи Ивановны въ молодыхъ лѣтахъ, разсказывала, что въ ночное отъ всѣхъ сокрытое время, Пелагія Ивановна почти цѣлыя ночи, стоя на колѣняхъ лицомъ къ востоку, молилась въ холодной, стеклянной, къ ихъ дому пристроенной галлереѣ. И это хорошо было извѣстно старушкѣ, потому что жила она напротивъ Серебрениковыхъ. „Ну и судите сами“, прибавляла она, въ простотѣ сердца, весело-ли было ея мужу? Понятно не нравилось. Эхъ, да что и говорить? Я вѣдь хорошо знаю весь путь-то ея; великая была она — раба Божія“. Съ молитвенными подвигами она вскорѣ стала соединять и подвигъ юродства Христа ради и какъ-бы съ каждымъ днемъ теряла болѣе и болѣе разсудокъ. Бывало надѣнетъ на себя самое дорогое платье, шаль, а голову обернетъ какою-нибудь самою грязною тряпкою; и пойдетъ или въ церковь, или куда-нибудь на гулянье, гдѣ побольше собирается народу, чтобы ее всѣ видѣли, судили и пересмѣивали. И чѣмъ болѣе пересуждали ее, тѣмъ болѣе радовали ея душу, которая искренно пренебрегала и красотою тѣлесною, и богатствомъ земнымъ, и счастіемъ семейнымъ, и всѣми благами міра сего. Но за то тѣмъ больнѣе и скорбнѣе приходилось мужу ея, непонимавшему великаго пути жены. И просилъ, и уговаривалъ ее Сергѣй Васильевичъ, но она ко всему оставалось равнодушною. Когда родился у нихъ первый сынъ Василій, то Пелагія Ивановна точно не рада была его рожденію. Многіе родственницы хвалили мальчика и говорили: „какого хорошенькаго сынка далъ вамъ Богъ!“ А она во всеуслышаніе и при мужѣ отвѣчала: „далъ-то далъ; да вотъ прошу,

чтобъ и взялъ. А то что шататься-то будетъ". Когда родился второй сынъ, то Пелагія Ивановна къ нему отнеслась одинаково. Съ этого времени мужъ пересталъ щадить ее. Вскорѣ оба мальчика умерли, конечно, по молитвѣ блаженной. Сергѣй Васильевичъ началъ ее страшно бить, вслѣдствіе чего Пелагея Ивановна, не смотря на свою здоровую и крѣпкую натуру, видимо начала чахнуть и затѣмъ порѣшила во что-бы то ни стало окончательно удалиться отъ мужа. Черезъ два года родилась у Пелагеи Ивановны дочка и какъ только Богъ послалъ ее, блаженная, не глядя на нее, принесла дитятю въ подолѣ своего платья къ матери и бросивъ на диванъ сказала: „ты отдавала; ты и няньчись теперь; я уже больше домой не приду!" Пелагея Ивановна начала ходить по улицамъ Арзамаса отъ церкви къ церкви и все, что ни давали ей жалости ради или что ни попадало ей въ руки, все уносила она съ собой и раздавала нищимъ, или ставила свѣчи въ церкви Божіей. Мужъ, бывало, поймаетъ ее, бьетъ чѣмъ ни попало, полѣномъ—такъ полѣномъ, палкою — такъ палкою; запретъ ее, моритъ голодомъ и холодомъ, а она не унимается и твердитъ одно: „оставьте; меня Серафимъ испортилъ!" Непокоряясь мужу, она старалась уклониться отъ него и выведенный изъ терпѣнія Серебрениковъ, обезумленный отъ гнѣва, переговоривъ съ матерью ея, рѣшился прибѣгнуть къ страшной мѣрѣ. Онъ притащилъ ее въ полицію и попросилъ городничаго высѣчь жену. Въ угожденіе матери и мужу, городничій велѣлъ привязать ее къ скамейкѣ и такъ жестоко наказалъ, что даже мать содрогнулась и оцѣпенѣла отъ ужаса. „Клочьями висѣло тѣло ея", разсказывала впослѣдствіи мать, „кровь залила всю комнату, а она, моя голубушка, хотя-бы охнула. Я же сама такъ обезумѣла, что и не помню, какъ подняли мы ее и въ крови, и въ клочьяхъ привели домой. Уже и просили-то мы ее, и уговаривали-то, и ласками; молчитъ себѣ, да и только". Въ слѣдующую послѣ этого ночь, городничій, столько поусердствовавшій, увидѣлъ во снѣ котелъ, наполненный страшнымъ огнемъ и услышалъ чей-то неизвѣстный голосъ, который говорилъ ему, что этотъ котелъ приготовленъ для него, за столь жестокое

истязаніе избранной рабы Христовой. Городничій въ ужасѣ проснулся отъ этого страшнаго видѣнія, разсказалъ объ немъ и запретилъ по всему ввѣренному ему городу не только обижать, но и трогать эту безумную, или какъ говорили въ городѣ, испорченную женщину. Такъ какъ все это не помогло, то Серебренниковъ началъ вѣрить, что жена его испорчена и потому поѣхалъ ее лечить въ Троице-Сергіеву лавру. Во время этой поѣздки произошла внезапная перемѣна съ Пелагіею Ивановною: она сдѣлалась кроткою, тихою и умною. Мужъ ея не помнилъ себя отъ радости и послушалъ ея добраго совѣта; вручилъ ей деньги, все прочее и одну отпустилъ ее домой, а самъ отправился въ другое мѣсто, по весьма важному и неотлагательному дѣлу. Поспѣшивъ съ дѣломъ, онъ, горя нетерпѣніемъ увидать выздоровѣвшую жену, возвращался домой, но каковъ былъ его ужасъ и гнѣвъ, когда онъ узналъ, что Пелагія Ивановна все до малѣйшей полушки и до послѣдней вещи раздала Богъ знаемъ кому, и ведетъ себя хуже прежняго, что, возвратясь въ городъ какою-то нищею, все старалась раздать и вынести изъ дому, что только могла. Тогда обезумѣвшей Сергѣй Васильевичъ заказалъ для жены, какъ для дикаго звѣря, желѣзную цѣпь съ такимъ же желѣзнымъ кольцомъ и самъ, своими руками заковалъ въ нее Пелагію Ивановну и приковалъ къ стѣнѣ, и издѣвался надъ нею, какъ ему хотѣлось. Иногда несчастная женщина, оборвавши цѣпь, вырывалась изъ своего дома, и гремя цѣпью, полураздѣтая бѣгала по улицамъ города, наводя на всѣхъ ужасъ. Каждый боялся пріютить ее, или помочь какъ нибудь, обогрѣть или накормить, или защитить отъ гоненій мужа... И вотъ несчастная снова попадала въ свою неволю и должна была терпѣть новыя и болѣе тяжкія мученья. „Вѣдь безумною-то я хотя и стала“, говорила она сама впослѣдствіи, „да за то много и страдала. Сергушка-то (мужъ) во мнѣ все ума искалъ, да мои ребра ломалъ; ума-то не сыскалъ, а ребры-то всѣ поломалъ“. Дѣйствительно, одна благодать Божія подкрѣпляла ее, какъ свыше предназначенную избранницу Божію и давала ей силу переносить все то, что съ нею тогда дѣлали. Разъ, сорвавшись съ цѣпи,

она въ страшную зимнюю стужу, полунагая пріютилась на паперти одной церкви, называемой Напольною, въ приготовленномъ по случаю эпидеміи гробѣ для умершаго солдата и здѣсь полуокоченѣлая ждала себѣ смерти. Завидя церковнаго сторожа, она бросилась къ нему, моля о помощи и такъ напугала его, что тотъ въ ужасѣ отъ этого привидѣнія забилъ страшный набатъ и встревожилъ весь городъ. Послѣ этого Серебренниковъ совершенно отрекся отъ своей жены, выгналъ ее вонъ изъ дому, притащилъ къ матери и вручилъ Пелагею Ивановну родителямъ. Въ семьѣ вотчима всѣ ненавидѣли ее, особенно меньшая дочь Королева — Евдокія, которая вымѣщала на ней всѣ свои домашнія неудачи и всю свою злобу. Евдокія вообразила себѣ, что ее не берутъ замужъ именно потому, что опасаются, какъ-бы она не сошла съ ума, подобно Пелагіи Ивановнѣ и рѣшилась погубить ее. Она подговорила одного злодѣя, хорошо умѣвшаго стрѣлять, убить ее, въ то время когда она будетъ бѣгать за городомъ и юродствовать. Несчастный согласился и дѣйствительно выстрѣлилъ, но далъ промахъ. Тогда Пелагія Ивановна, оставшись цѣлою и невредимою, предрекла ему, что онъ не въ нее стрѣлялъ, а въ самого себя. И что же?—черезъ нѣсколько мѣсяцевъ предсказаніе ея сбылось въ точности; онъ застрѣлился. Мать Пелагеи Ивановны рѣшилась отправить ее съ богомольцами по святымъ мѣстамъ, въ надеждѣ не исцѣлится-ли она. Прежде всего „дурочку“ повели въ Задонскъ къ святителю Тихону и затѣмъ въ Воронежъ къ святителю Митрофану. Прибывъ въ Воронежъ, Арзамаскія богомолицы пошли съ Пелагіей Ивановной къ преосвященному Антонію, столь извѣстному въ то время святостію жизни своей и даромъ прозорливости. (Сказаніе о Христа ради юродивой П. И. Серебренниковой. Тверь 1891 г. стр. 1—20).

Въ счастливые первые тридцать лѣтъ XIX-го столѣтія, въ Россіи еще были свѣтильники и великіе рабы Божіи, которые можетъ быть своими молитвами и спасли отечество въ тяжелые годины нашествія двунадесять языкъ и западныхъ вѣяній. Къ нимъ долженъ быть причисленъ и преосвященный Антоній, уроженецъ Полтавской губерніи, жизне-

описаніе котораго хотя и не относится къ лѣтописи Дивѣевскаго монастыря, но мы приводимъ краткія свѣдѣнія о немъ, потому что о. Серафимъ его особенно почиталъ и лица, близкія Дивѣевской обители, обращались за духовною помощію къ нему, послѣ смерти старца о. Серафима. (Жизнеописаніе. Воронежъ. 1890 года). Отецъ преосвященнаго Антонія былъ священникомъ. Родившись 29 октября 1773 года преосвященный Антоній былъ названъ при крещеніи Авраамiемъ. Еще въ младенчествѣ въ немъ обнаружилась особенная любовь къ Божію храму; онъ старался не пропускать ни одного богослуженія и не лѣнился вставать рано. Въ школѣ онъ отличался тихимъ нравомъ, смиреніемъ, за что, безъ сомнѣнія, и получилъ фамилію „Смирницкій". Такимъ-же онъ былъ и въ Кіевской академіи и монахомъ въ Лаврѣ, куда и постригся въ 1797 году. Онъ исправлялъ множество должностей въ Лаврѣ и въ 1808-мъ году іеромонахъ Антоній назначенъ былъ начальникомъ Лаврской типографіи. Почти семь лѣтъ онъ проходилъ эту трудную должность съ ревностію и пользою для св. Лавры. Въ 1814 году Антоній былъ сдѣланъ начальникомъ Антоніевыхъ, ближнихъ пещеръ и для его боголюбивой души ничего не было желаемѣе, какъ ежедневно лобызать и охранять святыя мощи угодниковъ. Но промыслъ Божій не далъ ему долго наслаждаться молитвой и покоемъ здѣсь. Въ слѣдующемъ году его назначили намѣстникомъ Кіево-Печерской Лавры и онъ былъ рѣдкимъ начальникомъ для иноковъ, велъ ихъ просто, духовно, молясь за каждаго, руководя ими по Божіему указанію и тогда уже было замѣтно, что Господь даровалъ ему даръ прозорливости. Съ пріѣзжими всѣхъ званій и сословій онъ былъ всегда ласковъ, добръ и несомнѣнно Антоній имѣлъ даръ привлекать къ себѣ сердца всѣхъ. Особенно онъ былъ сострадателенъ къ бѣднымъ, которымъ раздавалъ почти все, что имѣлъ. Въ сентябрѣ 1816 года посѣтилъ Кіевъ императоръ Александръ I-й и однажды въ полночь прибылъ въ Лавру, чтобы свидѣться съ схимонахомъ Вассіаномъ. Бесѣдуя на единѣ со старцемъ, Государь старался узнать о другихъ подвижникахъ Лавры. Говорятъ, Вассіанъ прежде всего указалъ на намѣстника Лавры, который былъ его ду-

ховнымъ сыномъ. Сближеніе Антонія съ Императоромъ повело къ награжденію его наперстнымъ крестомъ въ 12 тысячъ, затѣмъ къ производству въ архимандрита и впослѣдствіи во епископа. Вскорѣ онъ получилъ и откровеніе свыше. Вотъ какъ самъ преосвященный Антоній разсказывалъ объ этомъ: „отслуживъ утреню, пришелъ я въ келію въ Лаврѣ и началъ читать книгу. Въ 8 или 9 часовъ утра отворилась ко мнѣ дверь и взошла великолѣпно убранная въ бриліантахъ царица и подошла ко мнѣ. Я принужденъ былъ встать съ кресла, а она, посмотрѣвъ на меня, сказала мнѣ: „Отецъ Антоній! идите за мною.“ Мы вышли изъ воротъ на улицу. Вдругъ подъѣзжаетъ въ четыре лошади карета и мы сѣли. Ѣхали по полю и большой дорогѣ. Подъѣзжаемъ мы къ церкви, вошли, стали противъ аналоя и царица приказала священнику меня вѣнчать. Она взяла меня за руку и водила вокругъ аналоя. Затѣмъ вышли изъ церкви, сѣли въ карету и пріѣхали опять въ Лавру, прямо въ намѣстническій домъ, гдѣ насъ встрѣтили министры, генералы и поздравляли. Потомъ пошла царица въ другую залу и мнѣ приказала слѣдовать за нею. Взошедъ въ оную, увидали мы держащую фрейлинами большую вощанку во всю залу, которая ветха и совсѣмъ худая. Она, подошедши къ ней, сказала мнѣ: „видишь, что она худая, такъ слѣдуетъ тебѣ оную исправить заново“. По выходѣ оттуда, сѣла въ карету, уѣхала, а я остался по прежнему въ Лаврѣ. Когда очнулся въ своей келіи, вздумалъ пойти къ своему духовнику, отцу Вассіану и разсказалъ ему, какое со мною случилось происшествіе и онъ мнѣ на оное сказалъ: „это къ тебѣ приходила Царица Небесная, а что повѣнчанъ ты съ Нею бракомъ, то значитъ,—благословеніе на тебѣ Божіе и будешь ты архіереемъ т. е. владыкою и дана будетъ тебѣ худая епархія, которую ты долженъ исправить непремѣнно, что означала большая ветхая вощанка.“ Это было за полгода до назначенія его во епископа. Въ концѣ 1828 года умеръ Воронежскій епископъ Епифаній и въ слѣдующемъ году Антоній занялъ эту каѳедру. Воронежская епархія была тогда не то, что теперь; она заключала въ себѣ всю область земли Донской. Довольно невыгодное впечатлѣніе произвела

Воронежская епархія на самого преосвященнаго Антонія и пришлось ему много работать. Во время холеры 1831 года—преосвященный Антоній выказалъ свои административныя способности. Затѣмъ при немъ въ 1832 году совершилось открытіе мощей святителя Митрофана. Воронежская епархія возродилась при Антоніѣ и вся Россія пріѣзжала поклониться мощамъ святителя Митрофана, а также укрѣпиться духовно въ бесѣдѣ съ преосвященнымъ Антоніемъ. Надъ больными онъ совершалъ исцѣленія, запрещая объ этомъ разсказывать и многіе убѣждались въ его прозорливости. (Жизнеописаніе. Воронежъ 1890 г.).

Владыка Антоній ласково принялъ Пелагею Ивановну съ богомолками, благословилъ всѣхъ, а къ блаженной обратился съ слѣдующими словами: „а ты, раба Божія, останься“. Три часа бесѣдовалъ онъ съ нею наединѣ. Бывшія тогда спутницы Пелагеи Ивановны разобидѣлись, что преосвященный занялся „дурочкою,“ а не ими. Прозорливый владыка узналъ ихъ мысли и провожая Пелагею Ивановну, сказалъ ей: „ну, уже ничего не могу говорить тебѣ болѣе. Если Серафимъ началъ твой путь, то онъ же и докончитъ“. Затѣмъ обратившись къ ея спутницамъ, гордившимся, что они въ состояніи сдѣлать ему пожертвованіе, онъ сказалъ: „не земнаго богатства ищу я, а душевнаго.“ И всѣхъ отпустилъ съ миромъ. Наконецъ увидѣвъ, что и святые угодники какъ бы не помогаютъ Пелагеѣ Ивановнѣ и услышавъ, что преосвященный Антоній упомянулъ о старцѣ Серафимѣ, измученная мать Пелагеи Ивановны рѣшилась еще разъ сама съѣздить въ Саровскую пустынь. Прасковья Ивановна стала жаловаться о. Серафиму: „вотъ, батюшка, дочь-то моя, съ которою мы были у тебя,—замужняя-то, съ ума сошла; то и то дѣлаетъ; и ничѣмъ не унимается; куда-куда мы не возили ее; совсѣмъ отбилась отъ рукъ, такъ что на цѣпь посадили...“ „Какъ это можно?!—воскликнулъ старецъ; какъ это могли вы?! Пустите, пустите; пусть она на волѣ ходитъ; а не то—будете вы страшно Господомъ наказаны за нее; оставьте, не трогайте ея, оставьте!“ Напуганная мать стала было оправдываться.“ Вѣдь у насъ вонъ дѣвчонки; замужъ тоже хотятъ; ну, зазорно имъ съ дурою-то. Вѣдь и ничѣмъ

то ее не уломаешь; не слушаетъ. А больно сильна; безъ цѣпи-то держать,—съ ней и не сладишь. Возьметъ это, да съ цѣпью-то по всему городу и бѣгаетъ; срамъ да и только.“ И невольно разсмѣялся о. Серафимъ, услышавъ повидимому столь справедливыя и резонныя оправданія матери и сказалъ: „на такой путь Господь и не призываетъ малосильныхъ, матушка; избираетъ на такой подвигъ мужественныхъ и сильныхъ тѣломъ и духомъ. А на цѣпи не держите ее и не могите, а не то, Господь грозно за нее съ васъ взыщетъ.“ Благодаря этимъ словамъ великаго старца домашніе хотя нѣсколько улучшили жизнь Пелагеи Ивановны; не держали болѣе на цѣпи и дозволяли выходить изъ дому. Получивъ свободу, она почти постоянно по ночамъ находилась на паперти церкви. Здѣсь видали ее, какъ она по цѣлымъ ночамъ молилась Богу подъ открытымъ небомъ, съ воздѣтыми горѣ руками, со многими воздыханіями и слезами. А днемъ она юродствовала, бѣгала по улицамъ города, безобразно кричала, и всячески безумствовала, покрытая лохмотьями, голодная и холодная. Такъ провела она четыре года до переѣзда въ Дивѣевскій монастырь.

ГЛАВА XIII.

Саровскій духовникъ іеромонахъ Иларіонъ. Іеромонахъ Евгеній и казначей Исаія. Послушникъ Иванъ Тихановъ Толстошеевъ. Отзывы о немъ старца о. Серафима и Дивѣевскихъ сестеръ. Нападки Саровской братіи на о. Серафима за попеченіе его о Дивѣевскихъ дѣвушкахъ. Бесѣда о. Серафима съ игуменомъ Нифонтомъ. Преклоненіе дерева по молитвѣ о. Серафима. Разсказы о деревѣ Дивѣевскихъ сестеръ и игумена Георгія. Свидѣтельства игумена Георгія о предсказаніи о. Серафимомъ посягательства Ивана Тихонова на распоряженіе въ Дивѣевѣ. Еще разсказы Дивѣевскихъ сестеръ объ отзывахъ о. Серафимова о послушникѣ Иванѣ Тихоновѣ, называемомъ о. Іоанномъ. Возмущеніе источника батюшки Серафима. Явленіе Божіей Матери о. Серафиму въ 1830-мъ году. Посѣщеніе Царицей Небесной о. Серафима въ 1831-мъ году въ день Благовѣщенія. Пріѣздъ въ Саровъ Николая Александровича Мотовилова и исцѣленіе его по молитвамъ о. Серафима.

Въ предъидущихъ главахъ лѣтописи, неоднократно упоминалось имя іеромонаха Иларіона, который былъ духовникомъ Саровской обители, уважаемымъ самимъ батюшкой о. Серафимомъ. Великій старецъ всѣхъ приходящихъ къ нему направлялъ для исповѣди къ о. Иларіону и даже поручилъ послѣднему постригать въ рясофиръ Дивѣевскихъ дѣвушекъ.

Іеромонахъ Иларіонъ былъ ученикомъ игумена Назарія, о которомъ говорилось выше. Игуменъ Назарій постриженникъ Саровской пустыни, избранный въ настоятели Валаамскаго монастыря, вернулся подъ конецъ жизни опять въ Саровъ, гдѣ наставлялъ братію и приходящихъ своимъ высокимъ примѣромъ и словомъ любви. Іеромонахъ Иларіонъ, изъ С.-Петербургскихъ гражданъ, былъ постриженъ въ мо-

нашество въ Валаамскомъ монастырѣ въ 1797-мъ году. Въ Саровѣ всего онъ пробылъ 50 лѣтъ. Это былъ монахъ строгой и чистой жизни, извѣстный многимъ лицамъ, такъ какъ Саровъ посѣщался при о. Серафимѣ тысячами народа всѣхъ званій и состояній. Всѣхъ обращающихся къ нему, онъ назидалъ и утѣшалъ: Господь даровалъ ему даръ слова на пользу душъ. Вся жизнь его была посвящена подвигамъ добра, молитвамъ о спасеніи ближнихъ, милосердому врачеванію болѣзней грѣховныхъ, душеспасительнымъ наставленіямъ и вообще строжайшему благочестію. Поэтому, о. Иларіонъ не могъ прожить безъ искушеній, гоненій и страданій. Такъ онъ писалъ своему товарищу въ Троице-Сергіеву Лавру: „Я и въ Саровѣ спасительномъ живу, да худо; вѣдь мѣсто не спасетъ. Іуда и при Самомъ Христѣ не спасся. Вы совѣтуете мнѣ не унывать, а паче великодушно радоватися, помня многія о томъ апостольскія слова. Сей самый, брате, путь мой и есть. Великодушныя, доблественныя души свойства есть, въ напасти не отчаяватися; благодарнаго-же дѣло есть, не токмо въ счастіи благодарити Господа, но и въ несчастіи туюжде благодарность являти... И что можетъ быти лучше сего, какъ сносить жребій свой великодушно и безъ роптанія. Нѣтъ ничего великодушнѣе, какъ забывать нанесенныя намъ обиды. Сія и симъ подобная размышляя и самъ себѣ подкрѣпляя, самъ себѣ глаголю: „Претерпѣвай грѣшниче, скорби, въ печалѣхъ похваляй Бога. Ниже безъ труда покой, ниже безъ брани побѣда получается. А побѣждающему, глаголетъ Христосъ, дамъ ясти отъ древа животнаго, еже есть посредѣ рая Божія. И побѣждаяй наслѣдитъ вся: и буду ему въ Бога и той будетъ Мнѣ въ сына (Апок. гл. 21. Ст. 7)“ (Достопам. иноки Саровской пуст. Москва 1884 г.).

Одновременно съ отцемъ Иларіономъ подвизался въ Саровѣ Іеромонахъ Евгеній, „усердный служитель въ обители“, какъ сказано въ его жизнеописаніи (Достоп. иноки Саровскіе стр. 172). Этотъ смиренный благоговѣйный старецъ имѣлъ истинный образъ благочестія и кротости. Поэтому новоначальные, поступая въ обитель, съ особенною довѣренностію поучались отъ него трудолюбію, молитво-

словію и прочимъ иноческимъ добродѣтелямъ. Душа его, проникнутая благочестіемъ, обращала на него вниманіе нововначальныхъ послушниковъ и старческое его обращеніе заставляло ихъ уважать его и дѣятельно подражать его цѣломудрію, послушанію, кротости и смиренію. Онъ такимъ образомъ много споспѣшествовалъ ищущимъ спасенія къ преспѣянію въ духовной жизни.

Упоминалось въ предыдущихъ главахъ также о казначеѣ Исаіи, который исполнялъ должность слѣдователя, по ложнымъ наговорамъ на о. Серафима. Онъ былъ родомъ изъ Московскихъ купцовъ и поступилъ въ Саровскую пустынь въ 1805 году. Постриженный въ монашество въ 1812-мъ году, онъ въ 1822-мъ году былъ опредѣленъ въ должность казначея и впослѣдствіи избранъ настоятелемъ Саровской пустыни.

Ничего нѣтъ удивительнаго, что о. Серафимъ терпѣлъ отъ своихъ современниковъ, по наущенію врага человѣчества, различныя скорби, доносы, преслѣдованія, ибо по слову Св. Евангелія не было и никогда не будетъ чести пророку въ своемъ отечествѣ. Въ числѣ иноковъ, обращавшихся къ о. Серафиму не столько за совѣтами, ибо ихъ не исполняли, сколько за предсказаніями былъ нѣкій Иванъ Тихановъ Толстошеевъ, живописецъ по ремеслу изъ г. Тамбова. Такъ какъ характеристика этого инока, имѣвшаго столь пагубное вліяніе на Дивѣевскую обитель въ теченіи многихъ лѣтъ, должна быть выведена съ подобающею для исторіи осторожностію, то составителю лѣтописи остается обратиться къ повѣствованіямъ, разсказамъ и свидѣтельствамъ современниковъ его, представляя имъ самимъ слово. Наиболѣе рисуютъ характеръ, душевныя качества и дѣятельность Ивана Тихонова—слова самаго старца, о. Серафима, затѣмъ отзывъ о немъ впослѣдствіи приснопамятнаго Филарета митрополита Московскаго и мнѣніе Св. Синода, по указамъ 1861-го года.

Начнемъ только съ того, что Иванъ Тихановъ, вкрадчивый, способный, льстивый и тщеславный, по отзывамъ и теперь живущихъ въ Дивѣевскомъ монастырѣ дивныхъ старицъ, опредѣленныхъ туда самимъ о. Серафимомъ, по-

селилъ въ мельничную обитель свою двоюродную сестру, которой выстроилъ келію. Подъ этимъ предлогомъ онъ часто просился въ Дивѣево и какъ-бы стремился пріобрѣсти вліяніе на сестеръ. Мы упоминали о томъ, что при межеваніи земли, подаренной г-жей Постниковой, находился и инокъ Иванъ Тихоновъ. Поэтому поводу въ разсказахъ старшей сестры мельничной обители Прасковьи Степановны встрѣчается слѣдующее: (тетрадь № 1. разсказъ 3).

„Когда отводили землю" говоритъ она, „Иванъ Тихоновичъ вмѣстѣ съ г. Мантуровымъ жили у насъ въ обители цѣлую недѣлю; я грѣшная была старшею надъ сестрами и въ продолженіи этой недѣли батюшка нѣсколько разъ приказывалъ ко мнѣ, что онъ гнѣвается на меня,—зачѣмъ живетъ у насъ Иванъ Тихоновичъ (какъ звали о. Іоанна) и чтобы я его непремѣнно выслала, но я сдѣлать этого не посмѣла и послѣ, когда я пришла къ батюшкѣ, онъ строго мнѣ выговаривалъ за это".

Чудный подвижникъ и единственный вѣрный послушникъ и другъ, бывшій помѣщикъ с. Нуча, строитель Рождественскихъ храмовъ въ Дивѣевѣ, Михаилъ Васильевичъ Мантуровъ записалъ слѣдующія свои показанія о послушникѣ Иванѣ Тихоновѣ (тетрадь № 6).

„Иду я разъ къ батюшкѣ Серафиму и встрѣтилъ по дорогѣ Ивана Тихоновича, который шелъ отъ него и говоритъ мнѣ: „разскажу вамъ батюшка, какъ я сейчасъ напугался! Пришла мнѣ вражья мысль выйти изъ Сарова и очень смущался я. Пошелъ я къ батюшкѣ; застаю его у источника, сидитъ онъ, одна ножка въ лапоткѣ, а одна разута, да берестою водицу изъ источника и на головку и на ручки и на ножку поливаетъ. Я смотрю, подошелъ и остановился, а онъ не оборачиваясь и не поднимая головки, спрашиваетъ, да такъ-то сурово: „Кто тамъ?" Я испугался и говорю: „Я убогій Іоаннъ!" А батюшка-то опять еще суровѣе: „Кто тамъ?" переспрашиваетъ. „Убогій Іоаннъ, Іоаннъ убогій!" говорю я, а самъ весь растерялся, всѣ мысли вылетѣли у меня, подхожу ближе.... Батюшка мнѣ и говоритъ: „Оставь то, что ты задумалъ! Оставь то, что ты за-

думалъ!“ И такъ нѣсколько разъ повторилъ мнѣ и тутъ только вспомнилъ я съ чѣмъ шелъ я къ батюшкѣ. Не получивъ благословенія выйти изъ Сарова, я со страхомъ упалъ ему въ ноги и сталъ у него просить прощенія. „Во, батюшка, о томъ-то я тебѣ и говорю!“ отвѣчаетъ батюшка на мои мысли, „оставь то, что ты задумалъ! И вотъ я Серафимъ убогій тебѣ говорю: „если ты когда нибудь оставишь Саровъ, то ни здѣсь, ни въ будущемъ, не узришь лица Серафима!“

„Вы должны оставаться въ Саровѣ!“ сказалъ я, продолжалъ М. В. Мантуровъ,—„стало быть нѣтъ вамъ на то Божія благословенія!“ и пошелъ я своею дорогой къ батюшкѣ. Прихожу на источникъ и застаю батюшку точно въ томъ-же положеніи, какъ разсказывалъ Иванъ Тихоновичъ: съ разутою ножкой, поливающимъ берестою воду. Подхожу получить благословеніе, а онъ меня и спрашиваетъ: „Кто съ тобой по дорогѣ встрѣтился, батюшка?“ „Иванъ Тихоновичъ—живописецъ“ отвѣчаю я. „Ну вотъ, батюшка, будь ты мнѣ въ томъ свидѣтель, что я сколько не уговаривалъ его оставить, что онъ задумалъ, никакъ не могъ уговорить. Такъ вотъ батюшка, будь ты мнѣ свидѣтель, что я въ душѣ его не повиненъ! Вотъ то-то, и видишь я руки и ноги и голову-то себѣ на что поливаю... въ свидѣтели тебя беру, батюшка, что я въ душѣ его не повиненъ!“ (Разсказъ № 67).

„Бывая въ Саровѣ“ говоритъ далѣе Михаилъ Васильевичъ,—„и ничего не примѣчая еще дурнаго въ Иванѣ Тихоновичѣ, хоть никогда онъ мнѣ не нравился, я по зову его заходилъ иной разъ къ нему напиться чаю. Разъ спросилъ меня, батюшка гдѣ я былъ? „Пилъ чай у живописца Тамбовскаго!“ отвѣтилъ я. „Во, радость моя!“ воскликнулъ батюшка, „не ходи ты къ нему никогда! Это во вредъ тебѣ послужитъ, батющка! Вѣдь онъ зоветъ-то тебя не теплымъ сердцемъ, а чтобы отъ тебя чего вывѣдать!“ Съ тѣхъ поръ я пересталъ ходить къ Ивану Тихоновичу. Удивительно, какъ все зналъ и какъ берегъ насъ батюшка!“ (Разсказъ № 68).

„Одинъ разъ тоже пришелъ я къ батюшкѣ, а онъ такой скорбный: „Вотъ, говоритъ батюшка, одолѣваетъ меня Иванъ-то Тихоновичъ изъ Тамбова, все проситъ: „дай да дай мнѣ батюшка послушаніе! Ну а въ чемъ я ему дамъ послушаніе-то? Обсуди-ка самъ, въ чемъ я ему дамъ послушаніе-то? А вотъ и говорю я ему, батюшка: нѣтъ тебѣ дороги въ моихъ дѣвушекъ входить! А коль хочешь защитить ихъ отъ обидъ братіи, какъ работаютъ здѣсь, то можешь! Вотъ я тебѣ говорю, другаго я ему никакого послушанія не давалъ, батюшка!" (Разсказъ № 69).

„Передъ отъѣздомъ моимъ за послушаніе батюшки Серафима къ г. Купріянову, пришелъ я въ Саровъ съ батюшкой проститься, онъ и говоритъ мнѣ: „Во, батюшка, одолѣлъ меня Иванъ изъ Тамбова: благослови я его выйти изъ Сарова, а я сказалъ ему: „если ты не выйдешь, то со временемъ тебя во казначеи произведутъ, а если выйдешь, то ни въ этомъ, ни въ будущемъ свѣтѣ не узришь ты лица Серафима, и никогда уже въ Саровѣ не будешь!" Такъ вотъ я сказалъ ему батюшка, такъ и тебѣ это сказываю и ты это попомни!" (Разсказъ № 70).

Елисавета Алексѣевна Ушакова, нынѣшняя игуменія Марія, въ свое время сообщила разсказъ, подтверждающій повѣствованіе М. В. Мантурова. Въ тетради № 2, разсказъ № 3 говорится:

„Помню я, какъ въ 1845 году отецъ Іосафъ (Иванъ Тихоновичъ) ежедневно и постоянно повторялъ всѣмъ намъ и кто лишь хотѣлъ его слушать одинъ и тотъ-же разсказъ о батюшкѣ Серафимѣ, показывая на то изображеніе его, гдѣ батюшка представленъ у источника съ разутой ножкой, поливающимъ ковшикомъ, сдѣланнымъ изъ бересты воду себѣ на голову". Затѣмъ слѣдуетъ точный разсказъ Ивана Тихоновича, отвѣтъ Мантурова и слова батюшки о. Серафима, послѣ чего Елисавета Алексѣевна прибавляетъ: „постоянно до 1848-го года повторялось это отцемъ Іосафомъ. Въ этомъ-же 1848 году онъ совершенно отчаялся, что не находя полезнымъ, не хотятъ его производить въ Іеромонаха въ Саровѣ, чтобы онъ исполнялъ въ Дивѣевѣ должность духовнаго попечителя, и перешелъ въ Нижего-

родскій Печерскій монастырь, гдѣ получилъ постриженіе въ іеромонахи. Помня свои собственные разсказы о предсказаніи батюшки, въ случаѣ его выхода изъ Сарова и послѣ своего перехода, принявшій уже совсѣмъ иной видъ и обнаружившій настоящій свой характеръ, весьма не утѣшительный и не лестный, онъ уже съ этого времени даже не упоминаетъ о томъ, что прежде такъ охотно и постоянно, всѣмъ желающимъ его слушать разсказывалъ".

Врагъ не оставляетъ человѣка въ покоѣ до самаго гроба. Поэтому, о. Серафимъ во многихъ возбуждалъ зависть и злобу на то, что всѣхъ принималъ къ себѣ, дѣлалъ добро, не различая половъ. Какъ говорится въ жизнеописаніи его (Саровскаго изд. 1893 г. стр. 127), одинъ братъ (инокъ) рѣшился даже сказать ему: „тебя много безпокоятъ обоихъ половъ люди: и ты пускаешь къ себѣ всѣхъ безъ различія". О. Серафимъ, оправдывая себя отъ пустаго нарѣканія, привелъ въ примѣръ св. Иларіона великаго, который не велѣлъ затворять дверей ради странниковъ. „Положимъ— говорилъ онъ—что я затворю двери моей келліи. Приходящіе къ ней, нуждаясь въ словѣ утѣшенія, будутъ заклинать меня Богомъ отворить двери и, не получивъ отъ меня отвѣта, съ печалію пойдутъ домой... Какое оправданіе я могу тогда принести Богу на страшномъ судѣ Его?" Отсюда видно, что о. Серафимъ считалъ пріемъ къ себѣ всѣхъ приходящихъ дѣломъ совѣсти, обязательствомъ жизни, въ которомъ Богъ потребуетъ отъ него отчета на судѣ.

Нѣкто выразилъ ту же мысль еще рѣшительнѣе: „тобою, говорилъ, нѣкоторые соблазняются". Старецъ отвѣтствовалъ на сіе такъ: „но я не соблазняюсь ни тѣмъ, что мною одни пользуются, ни тѣмъ, что другихъ это соблазняетъ".

Гораздо чувствительнѣе для него была бесѣда игумена Саровской обители, о. Нифонта. Разъ, возвращаясь изъ пустыни въ келію, встрѣтился старецъ Серафимъ съ о. Нифонтомъ. По своему смиренномудрію, предваривши настоятеля поклономъ, онъ привѣтствовалъ его, по обычаю іерейскому, братскою любовію. Отецъ же игуменъ Нифонтъ, ублажая старца за его подвиги, вмѣстѣ съ тѣмъ передалъ

ему мысль братіи, которые, по строгости своего воззрѣнія, не ободряли, что о. Серафимъ принималъ къ себѣ людей всякаго пола и рода, хотя и для спасительнаго назиданія. „Особливо—говорилъ онъ—тѣмъ соблазняются, что ты оказываешь милостивое попеченіе сиротамъ Дивѣевскимъ". Игуменъ Нифонтъ любилъ и уважалъ старца Серафима и держалъ къ нему такую рѣчь единственно потому, что братія соблазнялись... Выслушавши слово отца игумена, старецъ снова упалъ къ нему въ ноги и далъ ему мудрый и спасительный отвѣтъ — не предаваться на будущее время ложнымъ внушеніямъ и не принимать отъ братій всякаго слова на ближняго безъ разсужденія. „Ты пастырь — говорилъ онъ,—не позволяй же всѣмъ напрасно говорить, безпокоить себя и путниковъ, идущихъ къ вѣчности. Ибо слово твое сильно, и посохъ, какъ бичъ, для всѣхъ страшенъ". Старецъ Нифонтъ выразилъ свое согласіе на то, чтобы о. Серафимъ не измѣнялъ своего направленія и попрежнему продолжалъ всѣхъ принимать къ себѣ, ради ихъ душевной пользы. Такъ повѣствуетъ составитель жизнеописанія о. Серафима.

Не менѣе соблазнялись Саровскіе монахи тѣмъ, что въ Дивѣевской обители батюшка Серафимъ приказалъ сестрамъ пономарить, читать непрестанно Псалтирь въ церквѣ и т. д. Сестра Ксенія Васильевна Путкова свидѣтельствуетъ (тетрадь № 4, біографія Елены Васильевны), что разъ придя къ батюшкѣ Серафиму, онъ сказалъ ей: „возстали радость моя, возстали на убогаго-то Серафима, укоряютъ, что говорятъ выдумалъ дѣвушкамъ въ церкви быть, Псалтирь читать, да въ церкви ночевать! Когда это слыхано, гдѣ это видано! Вотъ и приходятъ ко мнѣ матушка, и ропщутъ на убогаго Серафима, что исполняетъ приказанія Божіей-то Матери! Вотъ, матушка, я имъ и раскрылъ въ прологѣ, изъ житія-то Василія Великаго, какъ блазнились на брата его Петра, а святитель-то Василій и показалъ имъ неправду блазненія ихъ, да силу-то Божію. И говорю: а у моихъ-то дѣвушекъ въ церкви цѣлый сонмъ ангеловъ и вся силы небесныя соприсутствуютъ! Они, матушка и отступили отъ меня—посрамленные. Такъ-то вотъ,

радость моя, недовольны на убогаго-то Серафима, жалуются, зачѣмъ исполняетъ онъ приказанія Царицы Небесной! Сама она Пречистая заповѣдала мнѣ, а я вамъ заповѣдаю и да не смущается сердце ваше! Свято храните то и никого въ томъ не слушайте!“

Чтобы видимо убѣдить всѣхъ, что Господу и Царицѣ Небесной угодно, дабы о. Серафимъ занимался Дивѣевской обителью, великій старецъ выбралъ вѣковое дерево и помолился, чтобы оно преклонилось въ знакъ Божія опредѣленія. Дѣйствительно на утро это дерево оказалось выворочено съ громаднымъ корнемъ, при совершенно тихой погодѣ. Объ этомъ деревѣ имѣется множество записанныхъ повѣствованій сиротъ о. Серафима.

Такъ Анна Алексѣевна, одна изъ 12-ти первыхъ сестеръ обители, разсказываетъ (тетрадь № 6, разсказъ 7) слѣдующее: „была я тоже свидѣтелицею великаго чуда съ покойною сестрою обители Ксеніей Ильиничною Потѣхиною, впослѣдствіи недолго бывшей начальницею нашей мельничной общинки, позже благочинною монастыря нашего, монахинею Клавдіею. Приходитъ къ батюшкѣ Серафиму живописецъ Тамбовскій, Саровскій послушникъ Иванъ Тихоновичъ. Долго толковалъ съ нимъ батюшка, что напрасно блазнятся на него, что печется онъ о насъ, что это онъ дѣлаетъ не отъ себя, а по приказанію ему Самой Царицы Небесной. „Помолимся“, говоритъ батюшка Серафимъ, „мню что древу этому болѣе ста лѣтъ....“ При этомъ онъ указалъ на дерево громадныхъ размѣровъ... Простоитъ оно еще много лѣтъ.... Аще-же я творю послушаніе Царицы Небесной, приклонится древо сіе въ ихъ сторону!...“ И указалъ на насъ. „Такъ и знай, продолжалъ о. Серафимъ, что нѣтъ мнѣ дороги оставлять ихъ, хотя онѣ и дѣвушки! И если брошу я ихъ, то и до Царя пожалуй дойдетъ!“ Приходимъ мы на другой день, а батюшка-то и показываетъ намъ это самое здоровое и громадное дерево, точно бурею какою выворочённое со всѣми своими корнями. И приказалъ батюшка радостный, весь сіяющій разрубить дерево и отвезти къ намъ въ Дивѣевъ. (Корень его хра-

нится доселѣ въ кладбищенской церкви съ прочими вещами о. Серафима).

Старица Прасковья Ивановна свидѣтельствовала (тетрадь № 6, разсказъ 13)—„что остановившись и показывая ручкой на одно громадное дерево, сказалъ мнѣ батюшка: „матушка помолимся трое сутокъ, оно и преклонится!“ Я молчу, да и думаю идучи-то: это видно батюшка прикажетъ мнѣ рубить его! А онъ опять еще и еще повторилъ тѣ-же слова. Совсѣмъ о томъ позабывъ, я и не молилась о древѣ, а черезъ три дня прихожу, какъ батюшка наказалъ и застаю его у этого самаго дерева, которое уже лежало со всѣми точно страшною бурею вывороченными вверхъ корнями; бури-же никакой не было. Тутъ какъ разъ еще одна изъ нашихъ сестеръ была; батюшка-то и говоритъ намъ: „это ради васъ, матушки, это ради васъ!“ И радостно приказалъ ей рубить вѣтки и отвезти въ Дивѣевъ на дрова, а мнѣ, подавъ топорикъ свой, приказалъ отрубить вершину. Топорикъ этотъ такъ я и сберегла и въ 1852 году отдала его матушкѣ начальницѣ и хранится онъ въ батюшкиной у насъ пустынкѣ“.

„Исполняла я послушаніе при лошадяхъ“, говорила Домна Ѳоминишна (впослѣдствіи монахиня Дороѳея, тетрадь № 6, разск. № 35), и поѣхала въ Сарово за щепами, да прутьями на дрова. Прихожу къ батюшкѣ Серафиму, а онъ сидитъ на большущемъ свалившемся древѣ, обрубая его вѣтки, да и говоритъ мнѣ: „Вотъ видишь, радость моя, что я рублю-то! Это ваше, ваше матушка, чудное древо, ради васъ и для васъ преклонилось оно; вотъ прикажи сестрамъ-то, что нарублю сложить все въ одно мѣсто, а какъ подмерзнетъ, подъѣзжай на лошадкѣ, да и увози все къ себѣ“.

Настоятель Николо-Барковской пустыни, игуменъ Георгій, бывшій гостинникъ Саровской пустыни — Гурій свидѣтельствуетъ (тетрадь № 6, разсказъ № 79), что пришедши однажды къ старцу о. Серафиму въ пустынку, нашелъ его, что онъ перерубалъ сосну для дровъ, упавшую съ корнемъ. По обычномъ привѣтствіи, старецъ открылъ объ этой соснѣ, которую рубилъ, слѣдующее: „вотъ я занимаюсь Дивѣевскою общиною, вы и многіе меня за это зазирали, что для

чего я ими занимаюсь; вотъ я вчерашній день былъ здѣсь, просилъ Господа для увѣренія вашего, угодно-ли ему, что я ими занимаюсь? Если угодно Господу, то въ увѣреніе того,—чтобы это дерево преклонилось. На этомъ деревѣ, отъ корня аршина полтора вышины была замѣтка вырублена крестомъ. Я просилъ Господа сего увѣренія, вмѣстѣ съ тѣмъ, что если вы или кто о нихъ попечется, то будетъ-ли угодно это Богу. Господь исполнилъ для вашего увѣренія; вотъ дерево преклонилось. Почему я занимаюсь ими? Я о нихъ имѣю попеченіе за послушаніе старцевъ: строителя Пахомія и казначея Исаіи, моихъ покровителей; они о нихъ обѣщались пещись до кончины своей, а по кончинѣ заповѣдали они, чтобы Саровская обитель вѣчно не оставляла ихъ. А за что? Когда строился холодный соборный храмъ, денегъ не было въ обители и тогда странствовала вдова полковника, имя ей Агафья; она пришля сюда и съ ней три рабыни единомышленныя. Эта Агафья возжелавъ спастись близъ старцевъ, избрала мѣстомъ спасенія село Дивѣево, тутъ поселилась и сдѣлала пожертвованія деньгами на устройство собора; не знаю сколько тысячъ, но знаю только, что привезено было отъ нея три мѣшка денегъ, одинъ былъ съ золотыми, другой съ серебренными, а третій съ мѣдными и были они полны оными-то деньгами. Соборъ и сооруженъ ея усердіемъ; вотъ за что обѣщались о нихъ вѣчно пещись и мнѣ заповѣдывали. Вотъ и я васъ прошу имѣйте о нихъ попеченіе, вѣдь они жили тутъ двѣнадцать человѣкъ, а тринадцатая сама Агафья. Онѣ трудились для Саровской обители, шили и обмывали бѣлье, а имъ изъ обители давали на содержаніе всю пищу, какъ у насъ трапеза была и у нихъ такова-же была. Это продолжалось долго, но батюшка игуменъ Нифонтъ это прекратилъ и отдѣлилъ ихъ отъ обители, по какому случаю, не знаю! Батюшка Пахомій и Исаія пеклись о нихъ, но никогда въ ихъ распоряженіе не входили, ни Пахомій, ни Іосифъ; я и то не распоряжался ими и никому нѣтъ дороги ими распоряжаться“.

„Вотъ и ѳ. Иванъ нашъ“, продолжалъ старецъ, жалуясь на Ивана Тихонова съ негодованіемъ, „испросилъ благословеніе у батюшки Нифонта въ Дивѣевъ, по близости;

пріѣдетъ туда, говоритъ, что я его послалъ — Серафимъ; заводитъ у нихъ пѣніе партесное, вводитъ нѣкоторые обычаи, это имъ не нравится, приходятъ они ко мнѣ, жалуются со слезами; такъ не должно ему дѣлать и никому не распоряжаться ими и послѣ меня. И онъ будетъ все болѣе и болѣе къ нимъ учащать, будетъ говорить всѣмъ, что я то и то приказывалъ ему, будетъ заводить постройки, будетъ говорить, что я желаю у нихъ монастырь открыть, но вотъ я тебѣ, батюшка сказываю, что я ничего этого не говорилъ; пусть живутъ уединенно, монастыря не просятъ, а живутъ общиною, какъ Алексѣевскія въ Арзамасѣ. Изъ обители-бы не отлучались за сборами и никуда не ходили, до поры и времени, а занимались-бы хлѣбопашествомъ, да огородами; окопались-бы землянымъ рвомъ, сдѣлавъ и валъ изо рва земляной-же; и все-бы своими руками дѣлали-бы, объ стяжаніи не заботясь, имѣли-бы церковную службу; всякое воскресенье пѣть параклисъ Божіей Матери непремѣнно; непрестанно читать псалтирь. Если они эту заповѣдь сохранятъ, то Господь будетъ имъ посылать все потребное, а если нарушатъ, то не будетъ мира у нихъ и будутъ постигать ихъ всякія скорби, напасти и бѣды!“

„Въ другое свиданіе, пишетъ игуменъ Георгій, „старецъ сказалъ мнѣ о Дивѣевскихъ дѣвицахъ: „не забывай и не оставляй ихъ, чѣмъ можешь, словомъ, дѣломъ благотвори имъ; по Василію Великому добродѣтель великая—не оставлять постницъ. Они намъ по прежнему служатъ, готовятъ бѣлье для братіи; четырежды въ годъ присылаютъ бѣлье мнѣ: къ Пасхѣ сто рубахъ, къ Успенію Божіей Матери—сто рубахъ, къ Введенію Божіей Матери — сто рубахъ и къ Рождесту Христову—сто рубахъ, которыя я отдаю рухальному для раздачи оныхъ“.

Старица Дарья Ѳоминишна просила записать ее показаніе объ отношеніяхъ батюшки о. Серафима къ Ивану Тихоновичу (тетрадь № 6, разск. 40): „Разъ будучи съ сестрами у батюшки въ келіи, разсказала она, заслышали мы чьи-то шаги. Батюшка быстро затворилъ дверь и прислонясь къ ней спиною, говоритъ намъ тихонько: „Тсъ! живописецъ идетъ!“ Слышимъ подошелъ Саровскій послушникъ

Иванъ Тихоновъ Тамбовскій, — потолкался, потолкался, а мы всѣ молчимъ... Видитъ, что заперта дверь и ушелъ, а батюшка-то и говоритъ намъ: „вотъ, матушка, если онъ дождется васъ и будетъ вамъ что говорить про деньги, то вы поклонитесь лишь молча, да ничего ему и не говорите!" Пошли мы и дѣйствительно, какъ сказалъ батюшка встрѣтили Ивана Тихонова, который поджидалъ насъ и сказалъ: „Деньги 50 рублей данныя батюшкою, это мои деньги, это я далъ, такъ всѣмъ и скажите! Но мы помня приказъ батюшки, лишь поклонились ему молча и пошли своей дорогой. Въ другой разъ, когда Михаилъ Васильевичъ почему-то пригласилъ къ себѣ Ивана Тихонова, а тотъ остался уже ночевать у него, мы въ то-же время были у батюшки, а онъ и говоритъ намъ: „Во, матушка, каковъ живописецъ-то! Мишенька-то добромъ на денекъ взялъ, а уже онъ и ночь ночевалъ! Вѣдь ужъ онъ, матушка, какъ лапу-то впуститъ, такъ и не выпуститъ!"

„По вызову батюшки, разсказываетъ старшая сестра Прасковья Степановна (тетрадь № 1), однажды прихожу въ его келію, нашла батюшку очень разстроеннымъ; онъ, по обыкновенію, благословилъ меня и началъ говорить со слезами: „вотъ, матушка, приходилъ ко мнѣ Иванъ Тихоновичъ и проситъ: „батюшка, благослови мнѣ, я буду заботиться о твоихъ дѣвушкахъ", а самъ хочетъ взяться холоднымъ сердцемъ. Скажу тебѣ, матушка, во всю жизнь онъ будетъ холоденъ до васъ и сестры, которыя будутъ ему преданы, будутъ для васъ холодны. Послѣ меня вамъ отца не будетъ. Вы останетесь совершенно сиротами, а отецъ Іоаннъ (Иванъ Тих.) только всю жизнь будетъ нападать на васъ".

Благодатная старица Евдокія Ефремовна (мать Евпраксія) повѣствуетъ слѣдующее; (тетрадь № 1, разск. ея 3): Разъ я была у батюшки въ келліи, онъ бесѣдовалъ со мною шесть часовъ кряду, много говорилъ утѣшительнаго и къ концу бесѣды сказалъ: „Радость моя, я васъ духовно породилъ и во всѣхъ тѣлесныхъ нуждахъ не оставлю. А о. Іоаннъ (Иванъ Тих.) проситъ, чтобы я васъ послѣ своей смерти, отдалъ ему; нѣтъ я не отдаю! Онъ и его преданныя будутъ сердцемъ холодны къ вамъ. Онъ говоритъ: ты батюшка старъ,

отдай мнѣ своихъ дѣвушекъ, а самъ проситъ холоднымъ сердцемъ! Скажи ему матушка моимъ именемъ, что ему до васъ дѣла нѣтъ!“ Послѣ кончины батюшки, Иванъ Тихоновичъ, увидавши меня, спрашиваетъ: „не говорилъ вамъ что обо мнѣ батюшка Серафимъ?“ Я ему отвѣчала: „батюшка велѣлъ тебѣ сказать, чтобы ты въ наши дѣла не входилъ и обители не мѣшалъ.“ Онъ оскорбился и началъ говоритъ, что видѣлъ меня во адѣ, угрожалъ, чтобы я молчала. Я и молчала; видно еще не пришло время. Батюшка Серафимъ говаривалъ мнѣ: „кто противъ Господа, Царицы—небесной и противъ меня убогаго пойдетъ, не дамъ житія ни здѣсь, ни въ будущемъ. Не убойся, говори мое, когда будутъ спрашивать, не умолчи моей благодати и какъ у угодниковъ Божіихъ: Антонія, Өеодосія и Сергія Чудотворца были помощники, списали ихъ житіе, такъ и ты, что слышишь отъ меня, запиши.“

Сестра Домна Васильевна (впослѣдствіи Олимпіада) записала слѣдующій фактъ изъ жизни о Сирафима (тетрадь № 1). Ей разсказала это близкая ей по духу сестра Анна Александровна, которая по свидѣтельству и другихъ сестеръ, была особенно любима батюшкой и многимъ въ обители передала тотъ же фактъ. Однажды она стояла съ батюшкой у его источника и о. Серафимъ, облокотясь на срубъ, смотрѣлъ долго въ него. Вдругъ источникъ весь возмутился и сдѣлался совершенно грязнымъ. „Я же,“ разсказывала о себѣ Анна Александровна, „смотрѣла въ это время на батюшку, не обращая вниманія на источникъ. Вдругъ, батюшка поднялъ голову и показывая на источникъ сказалъ: „посмотри-ка, матушка, какой источникъ-то!“ Я, увидавши его совершенно грязнымъ и бушующимъ, очень испугалась и съ ужасомъ спросила батюшку: „что это значитъ?“ Въ это время сходилъ съ горы Иванъ Тихоновичъ, нынѣшній іеромонахъ Іосафъ. Батюшка, всплеснувъ руками, показалъ на него и произнесъ: „вотъ матушка, это возмутитель всему свѣту и меня убогаго Серафима возмутилъ, и потомъ опять, указывая на источникъ, прибавилъ: „такъ матушка и у насъ.“

„Вотъ какъ былъ прозорливъ батюшка Серафимъ, разсказываетъ сестра Ксенія Васильевна Пушкова (тетрадь

№ 6, разск. 29) „и какъ ему все, все было открыто Господомъ! За нѣсколько лѣтъ предсказалъ онъ о смутахъ у насъ, о преданныхъ ему сестрахъ, какъ выйдутъ они отъ насъ и не будутъ батюшкиными. Была у насъ одна сестра, Прасковьей Павловной Ерофѣевой звали. Бывъ ко мнѣ въ церковное послушаніе назначена, занималась она хорошо, да не удобно намъ было, потому что жила она въ двугой келліи. Вотъ поэтому-то случаю и пришла я къ батюшкѣ. „Благословите“, говорю, батюшка сестру-то Прасковью Павловну ко мнѣ перевести, она такъ хорошо занимается, да больно не ловко, что не со мной живетъ, а у насъ и мѣсто-то есть теперь и помѣстить ее можно; вотъ и жалко намъ ее, больно хороша она къ церкви! „Хоть и хороша, говоритъ онъ, да пусть до времени живетъ, да служитъ тамъ!“ „Да что же, говорю, къ намъ то не взять батюшка, вѣдь у насъ мѣсто-то есть, а она хорошо служитъ; такъ-то не ловко!“ Все настаиваю я; была настойчива грѣшница! „Нѣтъ, нѣтъ, говоритъ, радость моя! И не моги того сдѣлать; вѣдь она прилѣпится къ Ивановымъ сестрамъ; она вѣдь не наша, не моя, матушка; она Иванова сестра!“ Такъ я и ушла отъ него ни съ чѣмъ, ничего-то не понимая и раздосадованная пришла домой, да Прасковьѣ-то Павловнѣ все и разсказала. Услыхавъ все, она сильно закорбѣла и пришла, плача, къ батюшкѣ спрашивать: „за что онъ ее своею не считаетъ?“ А батюшка-то только и сказалъ ей: „Нѣтъ, это я такъ, живи до время, матушка, живи до время!“ А мнѣ опять строго на строго все тоже повторялъ, запретилъ брать ее въ келлію. Часто, часто она скорбѣла о томъ, вспоминая батюшкины слова и сама не понимая ихъ. Не понимала и я, а когда батюшка скончался, то ее перевели къ намъ и была она хорошею церковницею, какъ вдругъ у насъ случилась Іосафская смута! Гляжу, и глазамъ и ушамъ-то своимъ не вѣрю, вѣдь и вправду перемутилась Прасковья Павловна, врагъ попуталъ, прилѣпилось къ батюшкиному слову и Ивановымъ сестрамъ. Св. Сунодъ выслалъ ее изъ обители и вышла она Иванова сестра, какъ предсказалъ мнѣ батюшка за столько лѣтъ впередъ.

На этомъ оканчиваются свидѣтельства и показанія незабвенныхъ сиротъ Серофимовыхъ о живописцѣ Иванѣ Тихоновичѣ, желавшемъ сдѣлаться старцемъ, попечителемъ и духовникомъ Дивѣевской обители.

Въ столь трудное время для дивнаго старца о. Серафима, его одобряла и укрѣпляла Царица-Небесная, (См. изд. 1865 и 1893 г.г.). Вотъ что пишетъ по этому поводу протоіерей о. Василій Садовскій: „Однажды (1830 г.), дня три спустя послѣ праздника иконы Успенія Божіей Матери, пошелъ я къ батюшкѣ Серафиму въ Саровскую пустынь и нашелъ его въ келліи, безъ посѣтителей. Принялъ онъ меня весьма милостиво, ласково и благословившись началъ бесѣду о богоугодномъ житіи святыхъ, какъ они отъ Господа сподоблялись дарованій, чудныхъ явленій, даже посѣщеній Самой Царицы—Небесной. И довольно побесѣдовавши такимъ образомъ, онъ спросилъ меня: „если у тебя, батюшка, платочекъ? „Я отвѣтилъ, что есть. „Дай его мнѣ!“ сказалъ батюшка. Я подалъ. Онъ его разложилъ, сталъ класть изъ какой-то посудины пригоршнями сухарики въ платокъ, которые были столь необыкновенно бѣлы, что съ роду я такихъ невидывалъ. „Вотъ и у меня, батюшка, была Царица, такъ вотъ послѣ гостей-то и осталось!“ изволилъ сказать батюшка. Личико его до того сдѣлалось божественно при этомъ и весело, что и выразить невозможно! Онъ наклалъ полный платочекъ и, самъ завязавъ его крѣпко накрѣпко, сказалъ: „Ну гряди, батюшка, а придешь домой, то самыхъ этихъ сухариковъ покушай, дай своему подружью, (такъ онъ всегда звалъ жену мою), потомъ поди въ обитель и духовнымъ-то своимъ чадамъ, каждой вложи самъ въ уста по три сухарика, даже и тѣмъ, которыя и близъ обители живутъ въ келіяхъ; онѣ всѣ наши будутъ! Дѣйствительно, впослѣдствіи всѣ поступили въ обитель. По молодости лѣтъ, я и не понялъ, что Царица—Небесная посѣтила его, а просто думалъ, не какая-ли земная царица инкогнито была у батюшки, а спросить его не посмѣлъ, но потомъ самъ угодникъ Божій уже разъяснилъ мнѣ это, говоря: „Небесная—Царица, батюшка, Сама Царица—Небесная посѣтила убогаго Серафима и во, радость-то намъ какая ба-

тюшка! Матерь-то Божія неизъяснимою благостію покрыла убогаго Серафима. „Любимиче мой!“ рекла Преблагословенная Владычица, Пречистая Дѣва, „проси отъ Меня чего хощеши!“ Слышишь-ли батюшка? Какую намъ милость то явила Царица Небесная!“ И угодникъ Божій, весь самъ такъ и просвѣтлѣлъ, такъ и сіялъ отъ восторга. „А убогій то Серафимъ, продолжалъ батюшка, Серафимъ-то убогій и умолилъ матерь-то Божію о сиротахъ своихъ батюшка! И просилъ, чтобы всѣ, всѣ въ Серафимовой то пустынѣ спаслись-бы сироточки, батюшка! И обѣщала Матерь Божія убогому Серафиму сію неизрѣченную радость, батюшка! Только тремъ не дано, три погибнутъ, рекла Матерь Божія! „при этомъ свѣтлый ликъ старца затуманился“... одна сгоритъ, одну мельница смѣлитъ, а третья... (сколько не старался я вспомнить, никакъ не могу, видно ужъ такъ надо). (См. изд. 1893 г.).

Благодатная сестра Евдокія Ефремовна, удостоившаяся быть при слѣдующемъ посѣщеніи Царицы Небесной о. Серафима въ 1831-мъ году, сообщила свой разговоръ съ батюшкой о томъ же посѣщеніи, которое только что передалъ о. Василій. (тетр. № 6, разск. 21).

„Вотъ, матушка, сказалъ мнѣ батюшка Серафимъ, во обитель-то мою до тысячи человѣкъ соберется и всѣ, матушка, всѣ спасутся, я упросилъ, убогій, Матерь Божію и соизволила Царица Небесная на смиренную просьбу убогаго Серафима; и кромѣ трехъ, всѣхъ обѣщала Милосердая Владычица спасти, всѣхъ радость моя! Только тамъ матушка, (продолжалъ немного помолчавъ батюшка), тамъ-то, въ будущемъ всѣ раздѣлятся на три разряда: *сочетанныя*, которая чистотою своею, непрестанною молитвою и дѣлами своими, чрезъ то и всѣмъ существомъ своимъ, сочетованны Господу; вся жизнь и дыханіе ихъ въ Богѣ и вѣчно они съ нимъ будутъ! *Избранныя*, которыя мои дѣла будутъ дѣлать, матушка, и со мной же и будутъ въ обители моей. И *званныя*, которыя лишь временно будутъ нашъ хлѣбъ только кушать; которымъ темное мѣсто. Дастся имъ только коечка, въ однихъ рубашечкахъ будутъ, да всегда тосковать станутъ! Это нерадивыя и лѣнивыя, матушка, а которыя общее-то дѣло, да послушаніе не берегутъ и заняты только

своими дѣлами, куда какъ мрачно и тяжело будетъ имъ; будутъ сидѣть все качаясь изъ стороны въ сторону на одномъ мѣстѣ!“ И взявъ меня за руку, батюшка горько заплакалъ. „Послушаніе матушка, послушаніе превыше поста и молитвы!“ продолжалъ батюшка. „Говорю тебѣ, ничего нѣтъ выше послушанія, матушка и ты такъ сказывай всѣмъ!“ Затѣмъ, благословивъ, отпустилъ меня.“ (См. изд. 1893 г.).

Ксеніи Васильевнѣ о. Серафимъ такъ разсказалъ (тетрадь № 6, разсказъ 30): „скажу тебѣ, посѣтила Царица-то Небесная убогаго Серафима и вотъ что скажу тебѣ, радость моя, рекла Матерь Божія: „Любимиче мой!. Проси у меня чего хощеши!“ Слышишь-ли матушка, какъ возрадовала Матерь-то Божія убогаго Серафима, какъ неизрѣченно возрадовала! А я-то убогій молилъ Владычицу, да спасутся всѣ, кто въ обители моей будутъ! И задумалась Царица-то Небесная, матушка и излила всю благодать Своей милости на убогаго Серафима! И всѣ спасутся, матушка, обѣщала намъ Сама Пречистая Владычица; только три погибнутъ: одна сгоритъ огнемъ, другую мельница смѣлетъ, а третью (забыла; странно, видно не нужно намъ помнить!) Еще говорилъ мнѣ батюшка Серафимъ, что будутъ въ обители его три разряда сестеръ: *сочетанныя*, что паче всѣхъ возлюбили Господа и такъ Ему угодили, что и здѣсь всегда съ Господомъ только были и тамъ вѣчно же въ блаженствѣ съ Господомъ будутъ! *Избранныя*, которыхъ батюшка избралъ и они его чтутъ, всѣ его дѣла дѣлаютъ и заповѣди его сохраняютъ и всегда исполняютъ; за то съ нимъ въ его обители всегда-же и будутъ. *Званныя*—всѣ прочія, разнаго рода живущія такъ себѣ, нерадиво, непослушливо, лишь-бы прожить. „Намъ до нихъ дѣлъ нѣтъ, матушка, пусть до времени хлѣбъ нашъ ѣдятъ!“ сказалъ о. Серафимъ“.

За годъ и 9-ть мѣсяцевъ до своей кончины о. Серафимъ сподобился еще посѣщенія Богоматери. Посѣщеніе было раннимъ утромъ въ день Благовѣщенія 25-го марта 1831 года (см. жизнеописаніе о. Серафима, изд. Саровской пустыни, Муромъ 1893 г., стр. 193). Записала его и подробно сообщила дивная старица Евдокія Ефремовна (впослѣдствіи мать Евпраксія).

„Въ послѣдній годъ жизни батюшки Серафима я прихожу къ нему вечеромъ, по его приказанію, наканунѣ праздника Благовѣщенія Божіей Матери. Батюшка встрѣтилъ и говоритъ: „Ахъ, радость моя, я тебя давно ожидалъ! Какая намъ съ тобою милость и благодать отъ Божіей Матери готовится въ настоящій праздникъ! Великъ этотъ день будетъ для насъ!" „Достойна-ли я, батюшка, получать благодать по грѣхамъ моимъ", отвѣчаю я. Но батюшка приказалъ: „повторяй, матушка, нѣсколько разъ сряду: „Радуйся Невѣсто-Неневѣстая! Аллилуіа!" Потомъ началъ говорить: и слышать-то никогда не случалось, какой праздникъ насъ съ тобою ожидаетъ! „Я начала было плакать.... Говорю, что я недостойна, а батюшка не приказалъ, сталъ утѣшать меня, говоря: „хотя и недостойна ты, но я о тебѣ упросилъ Господа и Божію Матерь, чтобъ видѣть тебѣ эту радость! Давай молиться." И снявъ съ себя мантію, надѣлъ ее на меня и началъ читать акаѳисты: Господу Іисусу, Божіей Матери, Святителю Николаю, Іоанну Крестителю; каноны: Ангелу Хранителю, всѣмъ святымъ. Прочитавъ все это, говоритъ мнѣ: „не убойся, не устрашись, благодать Божія къ намъ является! Держись за меня крѣпко!" И вдругъ сдѣлался шумъ, подобно вѣтру, явился блистающій свѣтъ, послышалось пѣніе. Я не могла все это видѣть и слышать безъ трепета. Батюшка упалъ на колѣни и воздѣвъ руки къ небу возвалъ: „О преблагословенная, Пречистая Дѣво, Владычице Богородица!" И вижу, какъ впереди идутъ два Ангела съ вѣтвями въ рукахъ, а за ними сама Владычица наша. За Богородицей шли 12-ть дѣвъ, потомъ еще св. Іоаннъ Предтеча и св. Іоаннъ Богословъ. Я упала отъ страха—замертво на землю и не знаю долго-ли я была въ такомъ состояніи и что изволила говорить Царица Небесная съ батюшкой Серафимомъ. Я ничего не слышала также о чемъ батюшка просилъ Владычицу. Передъ концомъ видѣнія, услышала я, лежа на полу, что Матерь Божія изволила спрашивать батюшку Серафима: „кто это у тебя лежитъ на землѣ?" Батюшка отвѣтилъ: „это та самая старица, о которой я просилъ тебя Владычица быть ей при явленіи Твоемъ!" Тогда Пречистая изволила взять меня недостойную за правую руку,

и батюшка за лѣвую и черезъ батюшку приказала мнѣ подойти къ дѣвамъ, пришедшимъ съ Нею и спросить какъ ихъ имена и какая жизнь была ихъ на землѣ. Я и пошла по ряду спрашивать. Во первыхъ, подхожу къ Ангеламъ, спрашиваю: кто вы? Они отвѣчаютъ: мы Ангелы Божіи. Потомъ подошла къ св. Іоанну Крестителю; онъ также сказалъ мнѣ имя свое и жизнь вкратцѣ; точно также св. Іоаннъ Богословъ. Подошла къ дѣвамъ и ихъ спросила каждую о имени; они разсказали мнѣ свою жизнь. Святыя дѣвы по именамъ было: великомученицы Варвара и Екатерина, св. первомученица Ѳекла, св. великомученица Марина, св. великомученица и царица Ирина, преподобная Евпраксія, св. великомученицы Пелагея и Дороѳея, преподобная Макрина, мученица Іустина, св. великомученица Іуліанія и мученица Анисія. Когда я спросила ихъ всѣхъ, то подумала—пойду, упаду къ ножкамъ Царицы — Небесной и буду просить прощеніе въ грѣхахъ моихъ, но вдругъ все стало невидимо. Послѣ батюшка говоритъ: что это явленіе продолжалось четыре часа. Когда мы остались одни съ батюшкой, я говорю ему: „Ахъ, батюшка, я думала, что умру отъ страха и не успѣла попросить Царицу Небесную объ отпущеніи грѣховъ моихъ, но батюшка отвѣчалъ мнѣ: „я убогій, просилъ объ васъ Божію Матерь и не только о васъ, но по всѣхъ любящихъ меня и о тѣхъ, кто служилъ мнѣ и мое слово исполнялъ, кто трудился для меня, кто обитель мою любитъ, а коль-ми паче васъ не оставлю и не забуду. Я отецъ вашъ, попекусь о васъ и въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ и кто въ моей пустынѣ жить будетъ, всѣхъ не оставлю и роды ваши не оставлены будутъ. Вотъ какой радости Господь сподобилъ насъ, зачѣмъ намъ унывать!“ Тогда я стала просить батюшку, чтобы онъ научилъ меня какъ жить и молиться. Онъ отвѣтилъ: „вотъ какъ молитесь: Господи сподоби мнѣ умереть христіанскою кончиною, не остави меня Господи на страшномъ судѣ Твоемъ, не лиши Царствія Небеснаго! Царица Небесная не остави меня! Послѣ всего я поклонилась въ ножки батюшкѣ, а онъ, благословивши меня, сказалъ: „гряди чадо съ миромъ въ Серафимову пустынь!“

Въ другомъ разсказѣ старицы Евдокіи Ефремовны (тетрадь №6, разсказъ №23) встрѣчаются еще большія подробности. (См. изд. 1893 г.). Такъ она говоритъ: „впереди шли два Ангела, держа—одинъ въ правой, а другой въ лѣвой рукѣ по вѣткѣ, усаженной только что разцвѣтшими цвѣтами. Волосы ихъ похожіе на золотисто-желтый ленъ, лежали распущенными на плечахъ. Одежда Іоанна Предтечи и Апостола Іоанна Богослова была бѣлая, блестящая отъ чистоты. Царица Небесная имѣла на себѣ мантію, подобно той, какъ пишется на образѣ Скорбящей Божьей Матери, блестящую, но какого цвѣта—сказать не могу, несказанной красоты, застегнутую подъ шеею большою, круглою пряжкою, застежкою, убранной крестами, разнообразно разукрашенными, но чѣмъ—не знаю, а помню только, что она сіяла необыкновеннымъ свѣтомъ. Платье, сверхъ коего была мантія, зеленое, перепоясанное высокимъ поясомъ. Сверхъ мантіи была какъ-бы епитрахиль, а на рукахъ поручи, которые равно какъ и эпитрахиль, были убраны крестами. Владычица казалась ростомъ выше всѣхъ дѣвъ; на головѣ Ея была возвышенная корона, украшенная разнообразными крестами, прекрасная, чудная, сіявшая такимъ свѣтомъ, что нельзя было смотрѣть глазами, равно какъ и на пряжку, застежку и на самое лице Царицы Небесной. Волосы Ея были распущены, лежали на плечахъ и были длиннѣе и прекраснѣе Ангельскихъ. Дѣвы шли за Нею по парно, въ вѣнцахъ, въ одеждахъ разнаго цвѣта и съ распущенными волосами; онѣ стали кругомъ всѣхъ насъ. Царица Небесная была въ серединѣ. Келія батюшки сдѣлалась просторная и весь верхъ исполнился огней, какъ-бы горящихъ свѣчь. Свѣтъ былъ особый, непохожій на дневной свѣтъ и свѣтлѣе солнечнаго.

„Взявъ меня за правую руку, Царица Небесная изволила сказать: „Встань, дѣвица, и не убойся насъ. Такія-же дѣвы, какъ ты, пришли сюда со мною. Я не почувствовала какъ встала. Царица Небесная изволила повторить: „Не убойся, мы пришли посѣтить васъ. Батюшка Серафимъ стоялъ уже не на колѣняхъ, а на ногахъ предъ Пресвятою Богородицею и она говорила столь милостиво, какъ-бы съ роднымъ человѣкомъ. Объятая великою радостію спросила я

батюшку Серафима: гдѣ мы? Я думала, что я уже не живая; потомъ когда спросила его: кто это? то Пречистая Богородица приказала мнѣ подойти ко всѣмъ самой и спросить ихъ и т. д.".

„Дѣвы всѣ говорили: „не такъ Богъ даровалъ намъ эту славу, а за страданіе и за поношеніе; и ты пострадаешь!" Пресвятая Богородица много говорила батюшкѣ Серафиму, но всего не могла я разслышать, а вотъ что слышала хорошо: „не оставь дѣвъ моихъ Дивѣевскихъ!" Отецъ Серафимъ отвѣчалъ: „О Владычица! Я собираю ихъ, но самъ собою не могу ихъ управить!" На это Царица Небесная отвѣтила: „Я тебѣ, любимиче мой, во всемъ помогу! Возложи на нихъ послушаніе, если исправятъ, то будутъ съ тобою и близъ Меня, и если потеряютъ мудрость, то лишатся участи сихъ ближнихъ дѣвъ моихъ; ни мѣста, ни вѣнца такого не будетъ. Кто обидитъ ихъ, тотъ пораженъ будетъ отъ меня; кто послужитъ имъ ради Господа, тотъ помилованъ будетъ предъ Богомъ!" Потомъ обратясь ко мнѣ сказала: „вотъ посмотри на сихъ дѣвъ Моихъ и на вѣнцы ихъ; иные изъ нихъ оставили земное царство и богатство, возжелавъ царства вѣчнаго и небеснаго, возлюбиши нищету самоизвольную, возлюбиши Единаго Господа и за то, видишь, какой славы и почести сподобились. Какъ было прежде, такъ и нынѣ. Только прежнія мученицы страдали явно, а нынѣшнія—тайно, сердечными скорбями и мзда имъ будетъ такая-же." Видѣніе кончилось тѣмъ, что Пресвятая Богородица сказала о. Серафиму: „скоро, любимиче мой, будешь съ нами!" и благословила его. Простились съ нимъ и всѣ святые: дѣвы цѣловались съ нимъ рука въ руку. Мнѣ сказано было: „это видѣніе тебѣ дано ради молитвъ о. Серафима, Марка, Назарія и Пахомія. Батюшка, обратясь послѣ этого ко мнѣ, сказалъ: „вотъ, матушка, какой благодати сподобилъ Господь насъ убогихъ! Мнѣ такимъ образомъ уже двѣнадцатый разъ было явленіе отъ Бога и тебя Господь сподобилъ; вотъ какой радости достигли! Есть намъ почему вѣру и надежду имѣть ко Господу. Побѣждай врага—діавола и противу его будь во всемъ мудра; Господь тебѣ во всемъ поможетъ! и т. д.".

Всѣ эти подробности вошли въ жизнеописаніе о. Серафима изд. 1893 г. Муромъ (Саровское изд.), стр. 194—95.

Въ сентябрѣ 1831-го года прибылъ въ Саровъ нѣкій помѣщикъ Симбирской и Нижегородской губерній Колежскій Совѣтникъ Николай Александровичъ Мотовиловъ, совершенно больной, о которомъ неоднократно упоминалось въ предъидущихъ главахъ Лѣтописи. Родившись въ 1809 мъ году въ Симбирскомъ имѣніи, онъ воспитывался въ Казанскомъ Университетѣ, по филологическому факультету и затѣмъ былъ совѣстнымъ судьею и почетнымъ смотрителемъ уѣздныхъ училищъ въ Корсунскомъ уѣздѣ. Въ запискѣ своей, подъ заглавіемъ: „Достовѣрныя свѣдѣнія о двухъ Дивѣевскихъ обителяхъ" онъ пишетъ и о своемъ исцѣленіи по молитвамъ отца Серафима.

„За годъ до пожалованія мнѣ заповѣди, о служеніи Божіей Матери, при Дивѣевской обители, великій старецъ Серафимъ исцѣлилъ меня отъ тяжкихъ и неимовѣрныхъ, великихъ ревматическихъ и другихъ болѣзней, съ разслабленіемъ всего тѣла и отнятіемъ ногъ, скорченныхъ и въ колѣнкахъ распухшихъ и съ язвами пролежней на спинѣ и бокахъ, коими страдалъ неизцѣльно болѣе трехъ лѣтъ. 1831 года 9 сентября батюшка о. Серафимъ однимъ словомъ исцѣлилъ меня отъ всѣхъ болѣзней моихъ. И исцѣленіе это было слѣдующимъ образомъ. Велѣлъ я везти себя, тяжко больнаго изъ сельца Бритвина Нижегородскаго Лукояновскаго имѣнія моего, къ батюшкѣ о. Серафиму. 5-го сентября 1831 года я былъ привезенъ въ Саровскую пустынь; 7-го сентября и 8-го на день Рождества Божіей Матери удостоился имѣть я двѣ бесѣды, первыя съ батюшкой о. Серафимомъ до обѣда и послѣ обѣда въ монастырской келліи его, но исцѣленія еще не получалъ. А когда на другой день 9-го сентября привезенъ былъ я къ нему въ ближнюю его пустынку, близь его колодца, и четверо человѣкъ носившіе меня на своихъ рукахъ, а пятый поддерживавшій мнѣ голову, принесли меня къ нему, находящемуся въ бесѣдѣ съ народомъ, во множествѣ приходившемъ къ нему, тогда, возлѣ большой и очень толстой сосны и до сего времени на берегу рѣки Саровки существующей, на его сѣнокосной пажнинкѣ,

меня посадили. На просьбу мою помочь мнѣ и исцѣлить меня, онъ сказалъ: „Да вѣдь я не докторъ, къ докторамъ надобно относиться, когда хотятъ лѣчиться отъ болѣзней какихъ нибудь.“ Я подробно разсказалъ ему бѣдствія мои и что я всѣ три главныхъ способа лѣченій испыталъ, а именно: аллопатіей—лѣчился у знаменитыхъ въ Казани докторовъ—Василія Леонтьевича Телье и ректора Императорскаго Казанскаго Университета Карла Федоровича Фукса, по знанію и практикѣ своей, не только въ Казани и Россіи, но и за границей довольно извѣстнаго медика хирурга, гидропатіей на Сергіевскихъ минеральныхъ сѣрныхъ водахъ, нынѣ Самарской губ., взялъ цѣлый полный курсъ лѣченія и гомеопатіей у самаго основателя и изобрѣтателя сего способа Ганнемана, чрезъ ученика его Пензенскаго доктора Питерсона, но ни отъ одного способа не получилъ исцѣленія болѣзней моихъ и затѣмъ ни въ чемъ уже не полагаю себѣ спасенія и не имѣю другой надежды получить исцѣленія отъ недуговъ, кромѣ какъ только лишь благодатіею Божіею. Но будучи грѣшенъ и не имѣючи дерзновенія самъ ко Господу Богу, прошу его святыхъ молитвъ, чтобъ Господь исцѣлилъ меня. И онъ сдѣлалъ мнѣ вопросъ: „А вѣруете-ли вы въ Господа Іисуса Христа, что Онъ есть Богочеловѣкъ и въ Пречистую Его Божію Матерь, что Она есть Приснодѣва? Я отвѣчалъ: „Вѣрую!“ А вѣруешь ли, продолжалъ онъ меня спрашивать; что Господь, какъ прежде исцѣлялъ мгновенно и однимъ словомъ своимъ или прикосновеніемъ своимъ всѣ недуги, бывшія въ людяхъ, такъ и нынѣ также легко и мгновенно можетъ попрежнему исцѣлять требующихъ помощи, однимъ же словомъ своимъ и что ходатайство къ Нему Божіей Матери за насъ всемогуще и что по сему Ея ходатайству Господь Іисусъ Христосъ и нынѣ также мгновенно и однимъ словомъ, можетъ всецѣло исцѣлить Васъ?“ Я отвѣчалъ, что „истинно всему этому всею душею моею и сердцемъ моимъ вѣрую, и если бы не вѣровалъ, то не велѣлъ-бы везти себя къ Вамъ!“ „А если вѣруете“, заключилъ онъ,—„то вы здоровы уже!“ „Какъ здоровъ?“ спросилъ я, „когда люди мои и Вы держите меня на рукахъ!“ „Нѣтъ!“ сказалъ онъ мнѣ, — „вы совершенно

всѣмъ тѣломъ вашимъ теперь уже здравы въ конецъ!“ И онъ приказалъ державшимъ меня на рукахъ своихъ людямъ моимъ отойти отъ меня, а самъ взявши меня за плечи, приподнялъ отъ земли и поставивъ на ноги мои, сказалъ мнѣ: „Крѣпче стойте, тверже утверждайтесь ими на землѣ, вотъ такъ; не робѣйте, вы совершенно здравы теперь.“ И потомъ прибавилъ, радостно смотря на меня: „вотъ, видите-ли какъ вы хорошо теперь стоите.“ Я отвѣчалъ: „поневолѣ хорошо стою, потому что Вы хорошо и крѣпко держите меня.“ И онъ отнявъ руки свои отъ меня, сказалъ: „Ну вотъ уже и я теперь не держу васъ, а вы и безъ меня все крѣпко же стоите; идите же смѣло, батюшка мой, Господь исцѣлилъ васъ, идите же и трогайтесь съ мѣста.“ Взявъ меня за руку одною рукою своею, а другою въ плечи мои немного поталкивая, повелъ меня по травѣ и по неровной землѣ, около большой сосны, говоря: „Вотъ ваше боголюбіе, какъ вы хорошо пошли!“ Я отвѣчалъ: „да, потому что вы хорошо меня вести изволите!“ „Нѣтъ, сказалъ онъ мнѣ, отнявъ отъ меня руку свою: „самъ Господь совершенно исцѣлить васъ изволилъ, и Сама Божія Матерь о томъ Его упросила, вы и безъ меня теперь пойдете и всегда хорошо ходить будете; идите же...“ и сталъ толкать меня, чтобы я шелъ. „Да эдакъ упаду я и ушибусь...“ сказалъ я. „Нѣтъ,“ противорѣчилъ онъ мнѣ „не ушибетесь, а твердо пойдете...“ И когда я почувствовалъ въ себѣ, какую-то свыше осѣнившую тутъ меня силу, пріободрился немного и твердо пошелъ, то онъ вдругъ остановилъ меня и сказалъ: „довольно уже,“ и спросилъ: „Что теперь удостовѣрились ли вы, что Господь васъ дѣйствительно исцѣлилъ во всемъ и во всемъ совершенно?“ Отъялъ Господь беззаконія ваша и грѣхи ваши очистилъ есть Господь. Видите-ли какое чудо Господь сотворилъ съ вами нынѣ; вѣруйте-же всегда несомнѣнно въ Него, Христа Спасителя нашего и крѣпко надѣйтесь на благоутробіе Его къ вамъ, всѣмъ сердцемъ возлюбите Его и прилѣпитесь къ Нему всею душею вашею и всегда, крѣпко надѣйтесь на Него и благодарите Царицу Небесную за ея къ вамъ великія милости. Но такъ какъ трехъ-лѣтнее страданіе ваше тяжко изнурило васъ, то вы теперь не вдругъ по многу ходите, а по-

степенно: мало по малу пріучайтесь къ хожденію и берегите здоровье ваше, какъ драгоцѣнный даръ Божій...» И довольно потомъ еще побесѣдовавъ со мною отпустилъ меня на гостинницу совершенро здоровымъ. И такъ люди мои пошли одни изъ лѣса и ближней пустынки до монастыря благодаря Бога и дивныя милости Его ко мнѣ явленныя въ собственныхъ глазахъ ихъ, а я самъ одинъ сѣлъ съ гостинникомъ отцемъ Гуріемъ, твердо безъ поддержки, людской, сидя въ экипажѣ возвратился въ гостинницу Саровской пустыни. А такъ какъ многія богомольцы были со мною при исцѣленіи моемъ, то прежде меня возвратились въ монастырь, всѣмъ возвѣщая о великомъ чудѣ этомъ. Лишь только пріѣхалъ я, игуменъ Нифонтъ и казначей іеромонахъ Исаія, съ 24 старцами іеромонахами Саровскими, встрѣтили меня на крыльцѣ гостинницы, поздравляя меня съ милостію Божіею, чрезъ великаго старца Серафима мнѣ во дни ихъ дарованную. И симъ благодатнымъ здоровьемъ пользовался я восемь мѣсяцевъ настолько, что никогда подобнаго сему здоровья и силы не чувствовалъ въ себѣ до тѣхъ поръ во всю мою жизнь. Часто въ теченіи сего времени и по долгу бывалъ я въ Саровѣ и неоднократно бесѣдовалъ съ симъ великимъ старцемъ Серафимомъ, и въ одну изъ бесѣдъ его въ концѣ ноября 1831 года, имѣлъ счастіе видѣть его свѣтлѣе солнца въ благодатномъ состояніи и слышать тогда бесѣду эту его, а потомъ и многія тайны о будущемъ состояніи Россіи открылъ онъ мнѣ.“

ГЛАВА XIV.

Бесѣды отца Серафима съ монашествующими и мірянами.

Къ отцу Серафиму лично обращалось монашествующіе изъ мужскихъ и женскихъ обителей; въ числѣ ихъ являлись къ нему настоятели монастырей. Онъ излагалъ предъ ними свои мысли объ обязанностяхъ настоятеля. (Изд. 1893 г. стр. 133—152).

„Настоятель—говорилъ онъ—долженъ быть совершенъ во всякой добродѣтели и душевныя свои чувства имѣть обучена долгимъ ученіемъ въ разсужденіи добра и зла (Евр. 5, 16).

„Настоятель долженъ быть искусенъ въ священномъ Писаніи: онъ день и нощь долженъ поучаться въ законѣ Господнемъ; чрезъ таковыя упражненія можетъ онъ снискать себѣ даръ разсужденія добра и зла.

„Истинное познаніе добра и зла можно имѣть только тогда, когда подвижникъ благочестія придетъ въ сочувствіе будущаго осужденія и предвкушеніе вѣчнаго блаженства, что совершается въ душѣ благочестивой еще въ здѣшней, земной жизни, таинственнымъ и духовнымъ образомъ.

„Прежде разсужденія добра и зла человѣкъ не способенъ пасти словесныхъ овецъ, но развѣ безсловесныхъ; потому что безъ познанія добра и зла мы дѣйствій лукаваго постигать не можемъ.

„А потому настоятель, яко пастырь словесныхъ овецъ, и долженъ имѣть даръ разсужденія, дабы во всякомъ слу-

чаѣ могъ подавать полезные совѣты каждому, требующему его наставленія; ибо, какъ говоритъ Петръ Дамаскинъ (въ Добротол. о назиданіи души добродѣтельми. Част. III, листъ 52), нѣсть всякій человѣкъ вѣренъ дати совѣтъ ищущимъ; но кто отъ Бога пріемъ даръ разсужденія и отъ многаго пребыванія въ подвижничествѣ стяжа умъ прозрителенъ.

„Настоятелю должно имѣть также даръ проницательности, дабы изъ соображенія вещей настоящихъ и прошедшихъ могъ онъ предусматривать и будущія, и проразумѣвать козни вражіи.

„Отличительнымъ характеромъ настоятеля должна быть любовь его къ подчиненнымъ: истиннаго бо пастыря, по словамъ Іоанна Лѣствичника, показуетъ любовь его къ своему стаду. Ибо любовь принудила распяться на крестѣ Верховнаго Пастыря (въ книгѣ къ Пастырю, гл. 5, лист. 178 на обор.)“.

Другіе изъ настоятелей, заботясь о спасеніи порученныхъ ихъ руководству братій, спрашивали о. Серафима о томъ, какъ управлять братіею. На такой вопросъ одного изъ нихъ о. Серафимъ далъ слѣдующее наставленіе:

„Всякій настоятель да сдѣлается и да пребудетъ всегда въ отношеніи къ подчиненнымъ благоразумною матерью.

„Чадолюбивая матерь не въ свое угожденіе живетъ, но въ угожденіе дѣтей. Немощи немощныхъ чадъ сноситъ съ любовію; въ нечистоту впадшихъ очищаетъ, омываетъ тихо, мирно, облачаетъ въ ризы бѣлыя и новыя, обуваетъ, согрѣваетъ, питаетъ, промышляетъ, утѣшаетъ и со всѣхъ сторонъ старается духъ ихъ покоить такъ, чтобъ никогда не слышать ей малѣйшаго ихъ вопля, и таковыя чада бываютъ благорасположены къ матери своей. Такъ всякій настоятель долженъ жить не въ свое угожденіе, но во угожденіе подчиненныхъ: долженъ къ слабостямъ ихъ быть снисходителенъ, немощи немощныхъ несть съ любовію, болѣзни грѣховныя врачевать пластыремъ милосердія, падшихъ преступленіями подымать съ кротостію, замаравшихся скверною какого либо порока очищать тихо и омывать возложеніемъ на нихъ поста и молитвъ, сверхъ опредѣленныхъ обще для всѣхъ; одѣвать ученіемъ и примѣрною жизнію своею въ одежды добродѣте-

лей; непрестанно бдѣть о нихъ, всѣми способами утѣшать ихъ и со всѣхъ сторонъ ограждать миръ ихъ и покой такъ, чтобы никогда не было слышно ни малѣйшаго ихъ вопля, ниже ропота—и тогда они съ ревностію будутъ стремиться, чтобы доставить миръ и покой настоятелю".

1830 года, одинъ іеромонахъ, вызываемый изъ Саровской пустыни настоятелемъ въ Казанскую епархію, пришелъ къ о. Серафиму принять благословеніе. Онъ нашелъ старца въ лѣсу въ трудахъ надъ грядами и подходилъ къ нему молча, не говоря ни слова. О. Серафимъ, увидѣвъ издали идущаго къ себѣ брата, запѣлъ и довелъ до конца *свѣтиленъ св. Кресту: Крестъ Хранитель...* Потомъ о. Серафимъ спросилъ пришедшаго: „ты куда ѣдешь, братъ!"

— Въ Казань вызываютъ, отвѣчалъ пришедшій.

„Съ тобою обманъ, батюшка, идетъ", сказалъ о. Серафимъ и прибавилъ: „не ходи въ Макарьевскую пустынь". А Макарьевская пустынь лежитъ въ полугорѣ близь города Свіяжска, и называется Подгорною.

— Меня, батюшка о. Серафимъ, вызываютъ не въ Макарьевскую, а въ Раифскую пустынь игуменомъ, сказалъ пришедшій братъ, имѣя въ виду поправить ошибку старца.

А о. Серафимъ продолжалъ свое: „я тебѣ говорю: не ходи въ Макарьевскую". Подумавши же еще немного примолвилъ: „ну, поживи внѣ Сарова нѣсколько... Опять къ намъ пріѣдешь и умремъ здѣсь въ богоспасаемой Саровской пустынѣ". Потомъ, благословивъ брата, старецъ отпустилъ его съ миромъ.

Братъ отправился. Прибывши въ Казань онъ узналъ, что дѣйствительно былъ опредѣленъ указомъ не въ Раифскую, а въ Макарьевскую пустынь. Вспомнивъ слова о. Серафима, убѣдительно говорившаго: „не ходи въ Макарьевскую", онъ отказался отъ этого назначенія и былъ посланъ строителемъ въ Цивильскій Тихвинскій монастырь.

Г-жа П. И. Шкарина, пользовавшаяся съ 1827 года особеннымъ довѣріемъ о. Серафима, свидѣтельствуетъ, что онъ, еще за годъ до первой холеры, что была въ 1830 и 1831 году, говорилъ: „грядетъ гнѣвъ Божій на Россію, приближается смертоносная холера. Бодрствуйте, говорилъ онъ

ей, бодрствуйте и молитесь, да не найдетъ на вы внезапно часъ смертный.

„Холера, открывшись въ Россіи, посѣтила монастырь Тихвинскій, въ которомъ строительствовалъ Саровскій братъ. Болѣзнь заставила его выпросить у начальства увольненіе отъ монастыря. Онъ возвратился опять въ Саровскую пустынь.

Не мало являлось въ это время къ о. Серафиму и такихъ людей, которые, желая поступить въ монастырь, спрашивали у него совѣтовъ и наставленій. Старецъ, по своей прозорливости, дарованной отъ Господа, сдѣлалъ полезные совѣты и нерѣдко предуказывалъ будущее.

Такъ въ 1830 году одинъ послушникъ Глинской пустыни нарочно прибылъ въ Саровскую обитель спросилъ у о. Серафима: „есть ли ему благословеніе Божіе поступить въ монашество?“ Молодой человѣкъ, не зная еще хорошо себя самого, не усвоивши мысли о своемъ призваніи, колебался между міромъ и монастыремъ: некому было повѣрить ему своихъ думъ; не было вблизи человѣка, который бы рѣшилъ его пожизненный вопросъ. Вотъ приходитъ Глинскій послушникъ къ о. Серафиму, падаетъ ему въ ноги, проситъ развязать душу отъ вихря сомнѣній. Спрашивая: „есть ли воля Божія поступить ему и брату его, Николаю, въ монастырь?“ Не такъ ли и самъ о. Серафимъ, за нѣсколько лѣтъ назадъ, являлся въ Кіевъ къ затворнику Досиѳею? Отвѣчалъ же онъ послушнику такъ:

„Самъ спасайся и брата своего (роднаго) спасай“. Потомъ, подумавши немного, сказалъ: „помнишь ли житіе Іоанникія великаго? Странствуя по горамъ и стремнинамъ, онъ нечаянно уронилъ изъ рукъ жезлъ свой, который упалъ въ пропасть. Жезла нельзя было достать, а безъ него святый не могъ идти далѣе. Въ глубокой скорби онъ возопилъ къ Господу Богу—и Ангелъ Господень невидимо вручилъ ему новый жезлъ“.

Сказавъ это о. Серафимъ вложилъ въ правую руку послушника свою собственную палку и произнесъ:

„Трудно управлять душами человѣческими! Но среди всѣхъ твоихъ напастей и скорбей въ управленіи душами бра-

тій, Ангелъ Господень непрестанно при тебѣ будетъ до скончанія жизни твоей“.

Послѣ этого послушникъ рѣшился поступить въ монашество. При постриженіи ему дали имя Паисія и въ 1856 году онъ произведенъ во игумена къ Астраханскому Чуркинскому Николаевскому общежительному монастырю, а чрезъ шесть лѣтъ возведенъ въ архимандрита той же обители, сдѣлавшись такимъ образомъ, какъ предвидѣлъ старецъ Серафимъ, пастыремъ душъ человѣческихъ. Родной же братъ его, о которомъ о. Серафимъ говорилъ: *спасай брата,* поступилъ въ монашество подъ именемъ Назарія и окончилъ жизнь свою въ Козелецкомъ Георгіевскомъ монастырѣ, въ званіи іеромонаха.

„Давая наставленія начальствующимъ изъ монастырской братіи о. Серафимъ излагалъ и подчиненнымъ обязанности ихъ въ отношеніи къ начальникамъ.

„Стяжи смиреніе, послушаніе, повиновеніе — и спасешися, говорилъ онъ словами преподобнаго Варсонофія. И отнюдь не говори вопреки: что это? и для чего это? Но будь благопокорливъ, наипаче аввѣ твоему, который ради Бога печется о тебѣ и которому ввѣрена душа твоя (Варс. Отв. 242).

„Кто поистинѣ хочетъ быть ученикомъ Христовымъ, тотъ никакой не имѣетъ власти надъ собою, чтобы дѣлать что нибудь самому по себѣ, говоритъ тотъ же учитель. Ибо, что дѣлается по своему помыслу, то не угодно Богу, хотя бы казалось и хорошо. Если кто лучше знаетъ полезное для себя, нежели авва, то зачѣмъ и называть себя ученикомъ его?

„Повинующійся повинуется во всемъ и не печется о спасеніи своемъ, потому что печется о немъ другой, кому онъ подчинился и ввѣрился. Кто въ одномъ отсѣкъ волю свою, а въ другомъ не отсѣкъ, тотъ имѣлъ свою волю и въ томъ, въ чемъ отсѣкъ.

„Кто хочетъ узнать путь совершенно и нейдетъ съ знающимъ сей путь совершенно, никогда не достигнетъ града (совершен. безмолвія).

„Отвергни волю свою назадъ и блюди смиреніе во всемъ житіи твоемъ—и тогда спасешися. Смиреніе и послушаніе суть искоренителіе всѣхъ страстей и насадителіе всѣхъ добродѣтелей (Варс. Отв. 309, 357, 551, 618, 68, 226).

„Подчиненный долженъ умертвить свои страсти для жизни временной, чтобы имѣть жизнь вѣчную. Онъ долженъ быть какъ сукно на сукновальнѣ, по словамъ преподобнаго Антіоха. Ибо какъ сукно бѣлильникъ колотитъ, топчетъ, чешетъ, моетъ, и оно дѣлается бѣло, подобно снѣгу; такъ и послушникъ, терпя униженія, оскорбленія, поношенія, очищается и дѣлается какъ серебро чистое, блестящее, огнемъ разжженное (Ант. Сл. 113).

„Не должно входить въ дѣла начальническія и судить оныя: симъ оскорбляется величество Божіе, отъ Коего власти поставляются; ибо *нѣсть власть, аще не отъ Бога, сущія же власти отъ Бога учинены суть* (Римл. 13, 1).

„Не должно противиться власти во благое, чтобъ не согрѣшить предъ Богомъ и не подвергнуться Его праведному наказанію: *противляяйся власти, Божію повелѣнію противляется: противляющійся же себѣ грѣхъ пріемлютъ* (Римл. 13, 2).

„Послушливый много къ созиданію души преуспѣваетъ, кромѣ того, что онъ пріобрѣтаетъ чрезъ сіе понятіе о вещахъ и приходитъ въ умиленіе“.

Многіе изъ новоначальныхъ иноковъ спрашивали о. Серафима совѣтовъ и наставленія на счетъ того, какъ имъ спасти себя и присныхъ своихъ. О. Серафимъ отвѣчалъ на это слѣдующее:

„По совѣту ли, или по власти другихъ или какимъ бы то ни было образомъ пришелъ ты въ обитель,—не унывай: посѣщеніе Божіе есть. Аще соблюдеши, яже тебѣ сказую—спасешися, самъ и присные твои, о которыхъ заботишься: *не видѣхъ*, глаголетъ Пророкъ, *праведника оставлена, ниже сѣмене его просяща хлѣбы* (Псал. 36, 25). Живя же въ сей обители, сіе соблюдай: стоя въ церкви, внимай всему безъ опущенія, узнай весь церковный порядокъ, т. е. вечерню,

повечеріе, полунощницу, утреню, часы, выучись содержать въ разумѣ.

„Если находишься въ келліи, не имѣя рукодѣлія, всячески прилежи чтенію, а наипаче Псалтири; старайся каждую статью прочитывать многократно, дабы содержать все въ разумѣ. Если есть рукодѣліе — занимайся онымъ; если зовутъ на послушаніе—иди на оное. За рукодѣліемъ, или будучи гдѣ либо на послушаніи, твори безпрестанно молитву: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго. Въ молитвѣ внемли себѣ, т. е. умъ собери и соединяй съ душею. Сначала день, два и множае твори молитву сію однимъ умомъ, раздѣльно, внимая каждому особо слову. Потомъ, когда Господь согрѣетъ сердце твое теплотою благодати Своея и соединитъ въ тебѣ оную въ единъ духъ, тогда потечетъ въ тебѣ молитва оная безпрестанно и всегда будетъ съ тобою, наслаждая и питая тебя. Сіе-то самое есть реченное Пророкомъ Исаіею: *роса бо, яже отъ Тебе, исцѣленіе имъ есть* (26, 19). Когда же будешь содержась въ себѣ сію пищу душевную, т. е. бесѣду съ самимъ Господомъ, то зачѣмъ ходить по келіямъ братій, хотя кѣмъ и будешь призываемъ? Истинно сказую тебѣ, что празднословіе сіе есть и праздколюбіе. Аще себя не понимаешь, то можешь ли разсудить о чемъ и другихъ учить? Молчи, безпрестанно молчи; помни всегда присутствіе Божіе и имя Его. Ни съ кѣмъ не вступай въ разговоръ, но всячески блюдись осуждать много разговаривающихъ, или смѣющихся; будь въ семъ случаѣ глухъ и нѣмъ; что бы о тебѣ ни говорили, пропускай все мимо ушей. Въ примѣръ себѣ взять можно Стефана Новаго (Чет. мин. 28 ноября, въ житіи его), котораго молитва была непрестанна, нравъ кротокъ, уста молчаливыя, сердце смиренно, духъ умиленъ, тѣло съ душею чисто, дѣвство непорочно, нищета истинная и нестяжаніе пустынническое; послушаніе безропотиво, повиновеніе тщательное, дѣланіе терпѣливо и трудъ усерденъ.

„Сѣдя за трапезой, не смотри и не осуждай, кто сколько ѣстъ; но внимай себѣ, питая душу молитвою. За обѣдомъ ѣшь довольно, за ужиномъ повоздержись. Въ среду и пятокъ, аще можешь, вкушай по однажды. Каждый день

непремѣнно въ нощи спи четыре часа: 10-й, 11-й и 12-й и часъ за полунощь; аще изнеможешь, можешь, въ добавокъ, днемъ спать. Сіе держи несумнѣнно, до кончины жизни: ибо оно нужно для успокоенія головы твоей. И я съ молодыхъ лѣтъ держалъ таковой путь. Мы и Господа Бога всегда просимъ о упокоеніи себя въ нощное время. Аще тако будешь хранить себя, то не будешь унылъ, но здравъ и веселъ.

„Сказую тебѣ истинно, аще тако будешь вести себя, то неисходно пребудешь въ обители до скончанія своего. Смиряйся, и Господь поможетъ тебѣ, и *изведетъ яко свѣтъ правду твою, и судьбу твою, яко полудне* (Псал. 36, 6), *и просвѣтится свѣтъ твой предъ человѣки* (Мат. 5, 16)“.

Саровскій монахъ Кипріянъ былъ смущаемъ тягостію возложеннаго на него послушанія, пошелъ къ о. Серафиму въ келію за наставленіемъ. „Не успѣлъ я войти къ нему въ келію, ни сказать ни одного слова—говорилъ монахъ—встрѣтилъ онъ меня у двери и сказалъ: „радость моя! нѣтъ дороги отказываться отъ послушанія“.

Одинъ разъ пришелъ къ о. Серафиму монахъ изъ очень дальняго монастыря. Старецъ въ то время трудился у своего колодца. Подошедши къ нему, странникъ поклонился и просилъ благословенія, а о. Серафимъ, занимаясь трудами, не обратилъ на него никакого вниманія. Инокъ, постоявъ молча отошелъ восвояси безъ всякаго утѣшенія. Тогда о. Серафимъ, подошедши къ Дивѣевской сестрѣ, тутъ же неподалеку трудившійся, сказалъ: „вотъ, матушка, требуетъ благословенія, а самъ не знаетъ куда“. Такъ, разумѣется, понялъ поведеніе старца и самъ инокъ, неполучившій благословенія на дѣло, безъ разсужденія и сознанія задуманное. (Изд. 1893 г. стр. 140).

Не оставляя безъ духовнаго назиданія монашествующихъ, о. Серафимъ много поучалъ и мірянъ, обличая въ нихъ ложныя направленія ума и жизни и преподавая положительныя правила благочестія. Такъ, одинъ благоговѣйный священникъ привелъ съ собою къ о. Серафиму профессора, преподававшаго въ семинаріи одну изъ наукъ Богословія, который не только хотѣлъ слышать бесѣду старца, сколько

принять его благословеніе на вступленіе въ монашество. Старецъ благословилъ его по обычаю священства, но на счетъ его желанія вступить въ монашество не давалъ никакого отвѣта, занявшись бесѣдою со священникомъ. Профессоръ, стоя въ сторонѣ, внималъ ихъ бесѣдѣ. Священникъ, между тѣмъ, во время разговора часто наводилъ рѣчь на цѣль, съ которою пришелъ къ нему ученый. Но старецъ, намѣренно уклоняясь отъ сего предмета, продолжалъ свою бесѣду, и только разъ, какъ бы мимоходомъ, замѣтилъ о профессорѣ: „не нужно ли ему еще доучиться чему-нибудь?“ Священникъ на это рѣшительно объяснилъ ему, что онъ знаетъ Православную Вѣру, самъ профессоръ семинаріи и сталъ убѣдительнѣйше просить разрѣшить только недоумѣніе его на счетъ монашества. Старецъ на это отвѣчалъ: „и я знаю, что онъ искусенъ сочинять проповѣди. Но учить другихъ такъ же легко, какъ съ нашего собора бросать на землю камешки, а проходить дѣломъ то, чему учишь, все-равно, какъ бы самому носить камешки на верхъ собора. Такъ вотъ какая разница между ученіемъ другихъ и прохожденіемъ самому дѣла“. Въ заключеніе онъ совѣтовалъ профессору прочитать исторію св. Іоанна Дамаскина, говоря, что изъ нея онъ усмотритъ, чему еще надобно доучиться ему.

Въ 1831 году, 18 іюня, были въ Саровѣ и пришли въ пустынь къ о. Серафиму И. М. К. и жена его Ю. П. „Мы нашли старца—говорили они—на работѣ: онъ разбивалъ грядку мотыкою, и когда мы подошли къ нему и поклонились ему до земли, онъ благословилъ насъ и положивши на мою голову руки, прочиталъ тропарь Успенію Божіей Матери: *Въ рождествѣ дѣвство сохранила еси* и т. д.; потомъ онъ сѣлъ на грядку и приказалъ намъ также сѣсть, но мы невольно встали предъ нимъ на колѣни и слушали его бесѣду о будущей жизни, о жизни святыхъ, о заступленіи, предстательствѣ и попеченіи о насъ грѣшныхъ Владычицы Богородицы, и о томъ, что необходимо намъ въ здѣшней жизни, для вѣчности. Эта бесѣда продолжалась не болѣе часа: но такого часа я не сравню со всею прошедшею моею жизнію. Во все продолженіе бесѣды я чувство-

валъ въ сердцѣ неизъяснимую, небесную сладость, Богъ вѣсть, какимъ образомъ туда перелившуюся, которой нельзя сравнить ни съ чѣмъ на землѣ и о которой до сихъ поръ я не могу вспомнить безъ слезъ умиленія и безъ ощущенія живѣйшей радости во всемъ моемъ составѣ. До сихъ поръ я хотя и не отвергалъ ничего священнаго, но и не утверждалъ ничего: для меня въ духовномъ мірѣ все было совершенно безразлично и я ко всему былъ одинаково хладнокровенъ. Отецъ Серафимъ впервые далъ мнѣ теперь почувствовать всемогущаго Господа Бога и его неисчерпаемое милосердіе и всесовершенство. Прежде за эту хладность души моей ко всему святому и за то, что я любилъ играть безбожными словами, правосудный Господь допустилъ скверному духу богохульства овладѣть моими мыслями, и эти ругательныя мысли, о которыхъ до нынѣ я не могу вспомнить безъ особеннаго ужаса, цѣлые три года сокрушали меня постоянно, особенно же на молитвѣ, въ церкви, и болѣе всего, когда я молился Царицѣ Небесной. Уже я думалъ, въ отчаяніи, что никакія муки, по суду земному, недостаточны для моего наказанія и что только адскія вѣчныя муки могутъ быть праведнымъ возмездіемъ за мои богохуленія. Но о. Серафимъ въ своей бесѣдѣ совершенно успокоилъ меня сказавши съ свойственною ему неизъяснимо-радостною улыбкою: чтобы я не боялся этого шума мысленнаго; что это дѣйствіе врага, по зависти его, и чтобы я безбоязненно всегда продолжалъ свою молитву, какія бы врагъ не представлялъ скверныя и хульныя мысли.

„Съ тѣхъ поръ, дѣйствительно, этотъ шумъ мысленный началъ во мнѣ мало по малу исчезать, и менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ совершенно прекратился“. (Саровск. изд. 1893 г. стр. 142).

Однажды пришли къ нему четыре человѣка изъ ревнителей старообрядства, жители села Павлова Горбатовскаго уѣзда, спросить о двуперстномъ сложеніи, съ удостовѣреніемъ истинности старческаго отвѣта какимъ нибудь чудомъ или знаменіемъ. Только что переступили они за порогъ келіи, не успѣли еще сказать своихъ помысловъ, какъ старецъ подошелъ къ нимъ, взялъ перваго изъ нихъ за пра-

вую руку, сложилъ персты въ трехперстное сложеніе по чину Православной Церкви, и такимъ образомъ, крестя его, держалъ слѣдующую рѣчь: „Вотъ христіанское сложеніе креста! Такъ молитесь, и прочимъ скажите. Сіе сложеніе предано отъ св. Апостоловъ; а сложеніе двуперстное противно святымъ уставамъ. Прошу и молю васъ, ходите въ церковь грекороссійскую: она во всей славѣ и силѣ Божіей! Какъ корабль, имѣющій многія снасти, паруса и великое кормило, она управляется святымъ духомъ. Добрые кормчіе ея—учители Церкви, архипастыри—суть преемники Апостольскіе. А ваша часовня подобна маленькой лодкѣ, неимѣющей кормила и веселъ; она причалена вервіемъ къ кораблю нашей церкви, плыветъ за нею, заливаемая волнами, и непремѣнно потонула бы, если бы не была привязана къ кораблю“. (Стр. 142 изд. 1893 г.).

Въ другое время пришелъ къ нему одинъ старообрядецъ и спросилъ: „скажи, старецъ Божій, какая вѣра лучше: нынѣшняя церковная, или старая?“

— Оставь свои бредни, отвѣчалъ о. Серафимъ; жизнь наша есть море, св. Православная церковь наша—корабль, а кормчій—самъ Спаситель. Если съ такимъ кормчимъ люди, по своей грѣховной слабости, съ трудомъ переплываютъ море житейское и не всѣ спасаются отъ потопленія, то куда же стремишься ты съ своимъ ботикомъ и на чемъ утверждаешь свою надежду—спастись безъ кормчаго? (стр. 143 изд. 1893 г.).

Однажды зимою привезли на саняхъ больную женщину къ монастырской келіи о. Серафима и о семъ доложили ему. Не смотря на множество народа, толпившагося въ сѣняхъ, о. Серафимъ просилъ принести ее къ себѣ. Больная вся была скорчена, колѣнки сведены къ груди. Ее внесли въ жилище старца и положили на полъ. О. Серафимъ заперъ дверь и спросилъ ее:

„Откуда ты, матушка?“

— Изъ Владимірской губерніи.

„Давно ли ты больна?“

— Три года съ половиною.

„Какая же причина твоей болѣзни?“

— Я была прежде, батюшка, Православной вѣры, но меня отдали замужъ за старообрядца. Я долго не склонялась къ ихней вѣрѣ—и все была здорова. Наконецъ они меня уговорили: я перемѣнила крестъ на двуперстіе и въ церковь ходить не стала. Послѣ того вечеромъ пошла я разъ по домашнимъ дѣламъ во дворъ; тамъ одно животное показалось мнѣ огненнымъ, даже опалило меня; я, въ испугѣ, упала, меня начало ломать и корчить. Прошло не мало времени. Домашніе хватились, искали меня, вышли на дворъ и нашли—я лежала. Они внесли меня въ комнату. Съ тѣхъ поръ я хвораю.

„Понимаю... отвѣчалъ старецъ. А вѣруешь ли ты опять въ св. Православную Церковь?"

— Вѣрую теперь опять, батюшка, отвѣчала больная.

Тогда о. Серафимъ сложилъ по-православному персты, положилъ на себѣ крестъ и сказалъ:

„Перекрестись вотъ такъ во имя Святой Троицы".

— Батюшка, рада бы, отвѣчала больная, да руками не владѣю.

О. Серафимъ взялъ изъ лампады у Божіей Матери Умиленія елея и помазалъ грудь и руки больной. Вдругъ ее стало расправлять, даже составы затрещали и тутъ же получила совершенное здоровье.

Народъ, стоявшій въ сѣняхъ, увидѣвъ чудо, разглашалъ по всему монастырю, и особенно въ гостинницѣ, что о. Серафимъ исцѣлилъ больную.

Когда это событіе кончилось, то пришла къ о. Серафиму одна изъ Дивѣевскихъ сестеръ. О. Серафимъ сказалъ ей: „это, матушка, не Серафимъ убогій исцѣлилъ ее, а Царица Небесная". Потомъ спросилъ ее:

„Нѣтъ ли у тебя, матушка, въ роду такихъ, которые въ церковь не ходятъ?"

— Такихъ нѣтъ, батюшка, отвѣчала сестра, а двуперстнымъ крестомъ молятся мои родители и родные всѣ.

„Попроси ихъ отъ моего имени, сказалъ о. Серафимъ, чтобы они слагали персты во имя Святой Троицы".

— Я имъ, батюшка, говорила о семъ много разъ, да не слушаютъ.

„Послушаютъ, попроси отъ моего имени. Начни съ твоего брата, который меня любитъ: онъ первый согласится. А были ли у тебя изъ умершихъ родные, которые молились двуперстнымъ крестомъ?“

— Къ прискорбію, у насъ въ роду всѣ такъ молились.

„Хоть и добродѣтельные были люди, замѣтилъ о. Серафимъ, пораздумавши, а будутъ связаны: св. Православная Церковь не принимаетъ этого креста... А знаешь ли ты ихъ могилы?“

Сестра назвала могилы тѣхъ, которыхъ знала, гдѣ погребены.

„Сходи ты, матушка, на ихъ могилы, положи по три поклона и молись Господу, чтобы Онъ разрѣшилъ ихъ въ вѣчности“.

Сестра такъ и сдѣлала. Сказала и живымъ, чтобы они приняли православное сложеніе перстовъ во имя Святой Троицы и они точно послушались голоса о. Серафима: ибо знали, что онъ угодникъ Божій и разумѣетъ тайны св. Христовой вѣры. (стр. 145 изд. 1893 г.).

О православномъ сложеніи перстовъ и положеніи на чело крестнаго знаменія должнымъ образомъ о. Серафимъ очень заботился и приписывалъ крестному знаменію великую силу. Крестьянинъ Ардатовскаго уѣзда, села Автодѣева М. Б., собираясь въ Саровъ на богомолье, предъ самымъ выѣздомъ получилъ такой жестокій ударъ, что память совершенно потерялъ и его безъ сознанія привезли въ Саровскую пустынь. Здѣсь одинъ послушникъ, землякъ больному, привелъ его къ о. Серафиму. „Едва только стали подходить мы къ келіи старца—разсказывалъ послѣ М. Б. и бывшій съ нимъ послушникъ—какъ я уже почувствовалъ въ себѣ облегченіе. чувство памяти и пониманія понемногу снова начало возвращаться ко мнѣ, и я помню все, что о. Серафимъ говорилъ и дѣлалъ со мною въ то время. Сперва онъ благословилъ меня и начертилъ на челѣ моемъ крестъ масломъ изъ лампадки: потомъ далъ мнѣ двѣ пригоршни сухариковъ, наконецъ самъ показалъ мнѣ трехперстное сложеніе креста и сказалъ: „милостивъ Богъ! молись ему такъ: современемъ все это пройдетъ.“ И дѣйствительно, немного спустя, по

возвращеніи моемъ домой, я сдѣлался совершенно здоровъ, молитвами угодника Божія о. Серафима.“ (Стр. 145 изд. 1893 г.).

Часто старецъ Божій однимъ своимъ видомъ и простымъ словомъ приводилъ къ сознанію грѣшниковъ и они рѣшались исправиться отъ пороковъ. Такъ, въ одно время къ нему силился пройти сквозь толпу одинъ крестьянинъ, но всякій разъ какъ будто отталкиваемъ былъ кѣмъ-то. Наконецъ самъ старецъ обратился къ нему и спросилъ строго: „а ты куда лѣзешь?“ Крупный потъ выступилъ на лицѣ крестьянина и онъ съ чувствованіемъ глубочайшаго смиренія, въ присутствіи всѣхъ тутъ бывшихъ, началъ раскаяваться въ своихъ порокахъ, особенно кражѣ, сознаваясь, что онъ не достоинъ явиться предъ лице такого свѣтильника. Конечно, это сознаніе не могло не привести добрыхъ плодовъ въ жизни простосердечнаго крестьянина (стр. 145 изд. 1893 г.).

Иванъ Яковлевичъ Каратаевъ, относительно наставленій о. Серафима, лично ему данныхъ, разсказывалъ слѣдующее:

„Въ октябрѣ 1830 года я былъ посланъ изъ Курской губерніи, гдѣ квартировалъ нашъ полкъ, за ремонтомъ. Въ Курскѣ и дорогою много слышалъ о подвигахъ старцевъ Саровской пустыни Назарія, Марка и другихъ, въ особенности много разсказывали мнѣ о великомъ подвижникѣ той пустыни, затворникѣ и пустынникѣ іеромонахѣ Серафимѣ, о его святой жизни, о чудныхъ его предсказаніяхъ, о дарѣ врачеванія всевозможныхъ болѣзней, тѣлесныхъ и душевныхъ, и о необыкновенной его прозорливости. Эти разсказы до того разогрѣли мое сердце, что я рѣшился непремѣнно заѣхать по пути въ Саровъ. Но когда я былъ подлѣ самой почти Саровской пустыни, врагъ смутилъ меня страхомъ прозорливости старца Серафима. Мнѣ казалось, что старецъ торжественно обличитъ меня во всѣхъ грѣхахъ моихъ, особенно же въ заблужденіи касательно почитанія святыхъ иконъ. Я думалъ, что икона, писанная рукою человѣка, даже можетъ быть грѣшнаго, не можетъ быть угодна Богу, слѣдовательно не можетъ вмѣстить въ себя чудодѣйственной благодати Божіей, и поэтому не должна быть

предметомъ нашего почитанія и благоговѣнія. По слабости и малодушію, я совершенно покорился страху обличенія отъ прозорливаго старца и проѣхалъ мимо Саровской пустыни.

На слѣдующій годъ, въ мартѣ мѣсяцѣ, когда войска наши двинулись на польскую границу, я возвращался въ свой полкъ, по приказанію начальства.

Путь мой лежалъ опять мимо Саровской пустыни, и теперь уже рѣшился, по совѣту своего отца, побывать у о. Серафима. Когда я шелъ изъ гостинницы къ кельѣ старца, внезапно страхъ, до того времени владѣвшій мною, перемѣнился на какую-то тихую радость, и я заочно возлюбилъ о. Серафима. Околоего кельи уже стояло множество народа, пришедшаго къ нему за благословеніемъ. О. Серафимъ, благословляя прочихъ, взглянулъ и на меня, и далъ мнѣ знакъ рукою, чтобы я прошелъ къ нему. Я исполнилъ его приказаніе со страхомъ и любовію, поклонился ему въ ноги, прося его благословенія на дорогу и на предстоящую войну, и чтобы онъ помолился о сохраненіи моей жизни. О. Серафимъ благословилъ меня мѣднымъ своимъ Крестомъ, который висѣлъ у него на груди, и, поцѣловавъ, началъ меня исповѣдывать, самъ сказывая грѣхи мои, какъ будто-бы они при немъ были совершены. По окончаніи этой утѣшительной исповѣди, онъ сказалъ мнѣ: „не надобно покоряться страху, который наводитъ на юношей діаволъ, а нужно тогда особенно бодрствовать духомъ, и откинувъ малодушіе, помнить, что, хоть мы и грѣшные, но всѣ находимся подъ благодатію нашего Искупителя, безъ воли Котораго не спадетъ ни одинъ волосъ съ головы нашей“. Вслѣдъ за тѣмъ началъ онъ говорить и о моемъ заблужденіи, касательно почитанія св. иконъ: „какъ худо и вредно для насъ желаніе изслѣдовать таинства Божіи, недоступныя слабому уму человѣческому, напримѣръ: какъ дѣйствуетъ благодать Божія чрезъ святыя иконы, какъ она исцѣляетъ грѣшныхъ, подобныхъ намъ съ тобой, прибавилъ онъ, и не только тѣло ихъ, но и душу; такъ что и грѣшники, по вѣрѣ въ находящуюся въ нихъ благодать Христову, спасались и достигали царства небеснаго“. Затѣмъ въ подтвержденіе почитанія святыхъ иконъ, онъ приводилъ въ примѣръ, что, „еще въ Ветхомъ

Завѣтѣ, при кивотѣ завѣта, были золотые Херувимы; а въ церкви новозавѣтной Евангелистъ Лука написалъ ликъ Божіей Матери, и Самъ Спаситель оставилъ нерукотворенный Свой образъ“. Наконецъ, въ заключеніе, онъ сказалъ, что, „не нужно внимать подобнымъ хульнымъ мыслямъ, за которыя вѣчная казнь ждетъ духа лжи и сообщниковъ его въ день Страшнаго суда“.

„Много еще и другихъ душеспасительныхъ словъ говорилъ онъ тогда въ мое назиданіе; но я не припомню ихъ всѣхъ. Говорилъ онъ, что „искушенія діавола подобны паутинѣ; что только стоитъ дунуть на нее—и она истребляется; что такъ-то и на врага-діавола, стоитъ только оградить себя крестнымъ знаменіемъ — и всѣ козни его исчезаютъ совершенно“. Говорилъ онъ также, что „всѣ святые подлежали искушеніямъ; но, подобно золоту, которое, чѣмъ болѣе можетъ лежать въ огнѣ, тѣмъ становится чище, и святые отъ искушеній дѣлались искуснѣе, терпѣніемъ умилостивляли правосудіе Творца и приближались ко Христу, во имя и за любовь Котораго они терпѣли“. И наконецъ нѣсколько разъ повторялъ онъ, что: „тѣснымъ путемъ надлежитъ намъ, по слову Спасителя, войти въ царствіе Божіе“.

„Слушая о. Серафима, поистинѣ я забылъ о своемъ земномъ существованіи.

„Солдаты, возвращавшіеся со мною въ полкъ, удостоились также принять его благословеніе, и онъ, дѣлая имъ при этомъ случаѣ наставленія, предсказалъ, что ни одинъ изъ нихъ не погибнетъ въ битвѣ, что и сбылось дѣйствительно: ни одинъ изъ нихъ не былъ даже раненъ.

„Уходя отъ о. Серафима, я положилъ подлѣ него на свѣчи три цѣлковыхъ. Но врагъ діаволъ, завидуя тогдашнему спокойствію совѣсти людей, вложилъ мнѣ такую мысль: зачѣмъ святому отцу деньги? эта вражеская мысль смутила меня и я поспѣшилъ съ раскаяніемъ и съ просьбою о прощеніи за нее къ о. Серафиму. Но Богъ явно наказалъ меня за то, что я на минуту допустилъ къ себѣ такую нечестивую мысль. Ходя около кельи о. Серафима, я не могъ узнать ее и принужденъ былъ спросить шедшаго къ нему монаха: гдѣ келья о. Серафима? Монахъ, удивляясь, вѣроятно, моему

вопросу, указалъ мнѣ ее. Я вошелъ съ молитвою къ старцу, и онъ, предупреждая слова мои, сказалъ мнѣ слѣдующую притчу: „во время войны съ галлами надлежало одному военачальнику лишиться правой руки; но эта рука дала какому-то пустыннику три монеты на св. храмъ, и молитвами св. церкви Господь спасъ ее. Ты это пойми хорошенько и впредь не раскаявайся въ добрыхъ дѣлахъ. Деньги твои пойдутъ на устроеніе Дивѣевской общины, за твое здоровье". Потомъ о. Серафимъ опять исповѣдалъ меня, поцѣловалъ, благословилъ и далъ мнѣ съѣсть нѣсколько просфорныхъ сухариковъ и выпить святой воды, которую вливая мнѣ въ ротъ, сказалъ: „да изженется благодатію Божіею духъ лукавый, нашедшій на раба Божія Іоанна". Старецъ далъ мнѣ и на дорогу сухарей и св. воды и, сверхъ того, просфору, которую самъ положилъ въ мою фуражку.

„Наконецъ, получая отъ него послѣднее благословеніе, я просилъ его не оставить меня своими св. молитвами; на это онъ сказалъ: „положи упованіе на Бога и проси Его помощи; да умѣй прощать ближнимъ своимъ — и тебѣ дастся все, о чемъ ни попросишь".

„Въ продолженіе польской кампаніи я былъ во многихъ сраженіяхъ—и Господь вездѣ спасалъ меня за молитвы праведника Своего".

Одинъ генералъ пришелъ къ старцу и благодарилъ его за молитвы. „Вашими молитвами, говорилъ онъ, я спасся во время турецкой кампаніи. Окруженный многими полками непріятелей, я оставался самъ съ однимъ только полкомъ и видѣлъ, что мнѣ нельзя было ни укрѣпиться, ни двинуться куда нибудь, ни взадъ, ни впередъ. Не было никакой надежды ко спасенію. Я только твердилъ непрестанно: „Господи помилуй молитвами старца Серафима", ѣлъ сухарики, данные мнѣ вами въ благословеніе, пилъ воду святую — и Богъ охранилъ меня отъ враговъ невредимымъ". Старецъ отвѣчалъ на это: „великое средство ко спасенію — вѣра, особливо *непрестанная сердечная молитва;* примѣръ намъ св. Моvсей пророкъ. Онъ, ходя въ полкахъ, безмолвно молился сердцемъ, и Господь сказалъ Моvсею: *Моvсее, Моvсее, что вопіеши ко Мнѣ?* Когда же Моvсей воздвигалъ руки

свои на молитву, тогда побѣждалъ Амалика... Вотъ что есть молитва! Это непобѣдимая побѣда! Св. Пророкъ Даніилъ говоритъ: *Лучше мнѣ умрети, нежели оставить молитву на мгновеніе ока:* молитвою пророкъ Даніилъ заградилъ уста львовъ, а три отрока угасили пещь огненную" (стр. 147—9, изд. 1893 г.).

Когда о. Серафимъ говорилъ это, подошли къ нему два человѣка, одѣтые въ свѣтское платье. О. Серафимъ, обратясь къ одному изъ нихъ, сказалъ: „а наше дѣло съ вами учить дѣтей!" Удивленный такою рѣчью, этотъ отвѣчалъ искренно: „да, я пастырь западной церкви?" Послѣ бесѣды со старцемъ, этотъ пастырь обѣщалъ и, говорятъ, присоединился къ Православной Церкви.

Князь Н. Н. Г., проѣзжая изъ Москвы въ Пензу, по желанію принять благословеніе отъ о. Серафима, заѣхалъ въ Саровъ и, не нашедъ старца въ монастырѣ, поспѣшно пошелъ въ пустынь. На дорогѣ въ полуверстѣ отъ монастыря старецъ встрѣтился съ нимъ, къ величайшей его радости. Князь подошелъ къ нему и просилъ благословенія. Благословивши, старецъ спросилъ: „кто ты такой?" Князь, не назвавъ своей фамиліи, сказался просто проѣзжающимъ человѣкомъ. Тогда о. Серафимъ съ братолюбіемъ обнялъ его и, поцѣловавъ, сказалъ: *Христосъ воскресе!* Затѣмъ спросилъ: „читаешь ли ты святое Евангеліе?" Проѣзжавшій сказалъ, что читаетъ. „Читай почаще, отвѣчалъ старецъ, слѣдующія слова въ сей божественной книгѣ: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы. Возьмите иго Мое на себе и научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ. Иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть* (Мѳ. 11, 28—30). Сказавъ эти слова, старецъ опять со слезами обнялъ князя. Дорогою продолжалъ бесѣдовать съ нимъ о будущей жизни и о разныхъ испытаніяхъ, имѣющихъ съ нимъ случиться, которыя всѣ сбылись въ свое время. Пришедши въ монастырь, старецъ пригласилъ князя къ себѣ въ келію, далъ напиться св. воды и пожаловалъ горсть сухарей. Прощаясь же съ нимъ, онъ спросилъ у проѣзжавшаго человѣка: „долго ли намѣревается онъ пробыть въ монастырѣ?" Тотъ

отвѣтилъ, что предполагаетъ уѣхать на утро, послѣ ранней литургіи. Тогда о. Серафимъ съ невыразимою любовію сказалъ, что, полюбивъ его, онъ желаетъ еще видѣться съ нимъ завтра, послѣ ранней обѣдни, что поэтому собственно, ради его, онъ не пойдетъ завтра въ пустынь, и останется въ монастырѣ. На другой день старецъ вышелъ къ нему навстрѣчу на крыльцо своей келіи, благословилъ, обнялъ его и ввелъ въ келію. Здѣсь опять нопоилъ его св. водою, далъ сухариковъ и, благословляя въ путь, опять совѣтовалъ почаще читать прежде сказанныя слова изъ святаго Евангелія и еще *Символъ вѣры,* въ которомъ просилъ обращать особенное вниманіе на двѣнадцатый членъ. Къ сожалѣнію, другія бесѣды старца съ княземъ остались неизвѣстными; но для князя онѣ служили величайшимъ утѣшеніемъ и принесли много душевной пользы (изд. 1893 г., стр. 150).

Въ отношеніи къ родителямъ, о. Серафимъ внушалъ уваженіе даже и въ такомъ случаѣ, если-бы они имѣли слабости, унижающія ихъ. Такъ, одинъ человѣкъ пришелъ къ старцу съ своею матерью. Мать же его въ высшей степени предана была пьянству. Только-что хотѣлъ онъ изъявить о. Серафиму слабости своей матери... Старецъ мгновенно положилъ правую свою руку на уста его и не позволилъ промолвить ему ни одного слова. По ученію нашей Православной Церкви, мы не должны осуждать родителей своихъ, терять къ нимъ уваженіе и любовь изъ за недостатковъ ихъ. Отъ сына обратясь къ матери, о. Серафимъ сказалъ: „отверзи уста свои". И когда она открыла, дунулъ на нее трижды. Отпуская же ихъ отъ себя сказалъ: „вотъ вамъ мое завѣщаніе: „не имѣйте въ дому своемъ не точію вина, но ниже посуды винной, такъ какъ ты (обращаясь къ матери) не потерпишь болѣе вина" (стр. 150 изд. 1893 г.).

Къ послѣднимъ же годамъ жизни о. Серафима относятся замѣчательныя наставленія разнымъ лицамъ, въ свое время записанныя Саровскимъ инокомъ Сергіемъ, бывшимъ впослѣдствіи архимандритомъ Высоцкаго Серпуховскаго монастыря: о должностяхъ и любви къ ближнимъ; о неосужденіи ближняго и прощеніи обидъ; о терпѣніи и смиреніи; о

болѣзняхъ; о милостынѣ; о постѣ; о покаяніи; о слезахъ и о Святомъ Духѣ.

Были у старца Серафима на бесѣдѣ и такіе люди, которые не искали себѣ назиданія, а хотѣли лишь удовлетворить своей пытливости. Такъ, одному Саровскому брату подумалось, что уже близокъ конецъ міра, что наступаетъ великій день втораго пришествія Господня. Вотъ онъ и спрашиваетъ о семъ мнѣнія о. Серафима. Старецъ же смиренно отвѣчалъ: „радость моя! ты много думаешь о Серафимѣ убогомъ. Мнѣ ли знать, когда будетъ конецъ міру сему и наступитъ великій день, въ который Господь будетъ судить живыхъ и мертвыхъ и воздастъ каждому по дѣламъ его? Нѣтъ, сего мнѣ знать невозможно“. Братъ, въ страхѣ упалъ къ ногамъ прозорливаго старца. Серафимъ же ласково воздвигъ его и продолжалъ говорить такъ: „Господь сказалъ Своими пречистыми устами: *о днѣ томъ и часѣ никто же вѣсть: ни Ангели небесніи, токмо Отецъ Мой Единъ. Якоже бысть во дни Ноевы, тако будетъ и пришествіе Сына человѣческаго. Яко же бо бяху во дни прежде потопа: ядуще и піюще, женящеся и посягающе, дондеже вниде Ное въ ковчегъ, и не увѣдѣша, дондеже пріиде вода и взятъ вся: тако будетъ и пришествіе Сына человѣческаго* (Мѳ. 24, 37). При семъ старецъ тяжко вздохнулъ и сказалъ: „мы, на землѣ живущіе, много заблудили отъ пути спасительнаго; прогнѣвляемъ Господа и нехраненіемъ св. постовъ; нынѣ христіане разрѣшаютъ на мясо и во св. четыредесятницу и во всякій постъ; среды и пятницы не сохраняютъ; а Церковь имѣетъ правило: нехранящіе св. постовъ и всего лѣта среды и пятницы много грѣшатъ. Но не до конца прогнѣвается Господь, паки помилуетъ. У насъ вѣра Православная, Церковь неимѣющая никакого порока. Сихъ ради добродѣтелей Россія всегда будетъ славна и врагамъ страшна, и непреоборима, имущая вѣру и благочестіе въ щитъ и во броню правду: сихъ врата адова не одолѣютъ“ (стр. 152 изд. 1893 г.).

Видя, что о. Серафимъ такъ много подвизается въ наученіи другихъ, одинъ братъ рѣшился спросить его: „что ты всѣхъ учишь?“ На это достоблаженный старецъ отвѣт-

ствовалъ: „я слѣдую ученію Церкви, которая поетъ: *не скрывай словесъ Бога, но возвѣщай Его чудеса.* (Вторн. Страстн. седм. на вечерн. стихъ) (тамъ-же).

Въ другой разъ ему послано было сказать: зачѣмъ онъ приходящихъ къ нему помазываетъ елеемъ изъ лампады, горящей въ келіи его предъ иконой? О. Серафимъ отвѣчалъ посланному: „мы читаемъ въ Писаніи, что Апостолы мазали масломъ и многіе больные отъ сего исцѣлились. Кому же слѣдовать намъ, какъ не Апостоламъ?“ И обычай его помазывать приходящихъ безпрепятственно оставался за нимъ, потому что помазанные получали врачеваніе.

Духъ кротости и смиренномудрія, съ которымъ старецъ относился къ посѣщавшимъ его, весьма ясно отпечатлѣвается въ слѣдующемъ разсказѣ г-жи Е. Н. П., симбирской помѣщицы.

„Съ самаго ранняго дѣтства наслышалась я о прозорливости и святости саровскаго затворника и пустынника о. Серафима, и потому весьма хотѣлось мнѣ посмотрѣть на него и принять отъ него благословеніе. Желаніе мое исполнилось, наконецъ, по милости Божіей, въ 1830 году.

Въ Арзамасѣ, на пути въ Саровскую обитель, сказали мнѣ хозяева квартиры, гдѣ я остановилась, что если я не поспѣю въ Саровъ къ ранней обѣднѣ въ наступающее воскресенье, то не увижу уже о. Серафима, потому что онъ послѣ ранней обѣдни обыкновенно уходитъ въ свою пустыньку и остается тамъ до среды. Такъ какъ погода тогда была весьма тяжелая, а мое здоровье было плохо, то, чувствуя себя не въ силахъ искать о. Серафима въ его пустынькѣ, я тотчасъ же, не отдыхая въ Арзамасѣ, пустилась въ путь, что было въ субботу, послѣ обѣда; ѣхала всю ночь и на утро была въ Саровѣ. Первый вопросъ мой, при входѣ въ гостинницу, былъ: „не кончилась ли ранняя обѣдня?“ И когда монахъ, которому предложила я свой вопросъ, объявилъ мнѣ, что обѣдня уже кончена, я совершенно упала духомъ, потерявъ надежду увидѣть о. Серафима. Но Господу Богу угодно было утѣшить меня и не допустить до унынія. Я отправилась, на счастье, къ его келіи, вмѣстѣ со множествомъ другихъ посѣтителей Сарова, и мы нашли, что

дверь его келіи заперта была изнутри. Это было знакомъ, что старецъ остался дома, и мы рѣшились испросить у него благословеніе на то, чтобы видѣть его и утѣшиться его душеспасительнымъ словомъ. Но никто изъ насъ не смѣлъ первый сотворить молитву. Пробовали нѣкоторые, но дверь не отворялась. Наконецъ я обратилась къ стоявшей подлѣ меня, у самыхъ дверей, дамѣ съ маленькою дѣвочкою, чтобы она заставила малютку сотворить молитву, говоря, что она всѣхъ насъ достойнѣе. И только-что малютка сотворила молитву, какъ въ ту же минуту дверь отворилась. Но каковъ былъ общій нашъ испугъ, когда о. Серафимъ, отворивъ дверь, началъ опять закрывать ее! Я стояла ближе всѣхъ къ дверямъ и пришла въ совершенное отчаяніе, подумавши: „Господи! вѣрно я всѣхъ недостойнѣе, что онъ, увидѣвъ меня, рѣшился снова затвориться". Но едва подумала я это, какъ о. Серафимъ, стоя въ полузакрытой двери, обратился ко мнѣ и сказалъ: „успокойтесь, матушка, успокойтесь, потерпите немного", и вслѣдъ за тѣмъ, вторично отворивъ дверь, обратился ко мнѣ снова и спросилъ: „пожалуйте матушка; скажите мнѣ, какая вамъ нужда? что вамъ угодно?" Я заплакала отъ радости и сказала ему, что у меня одно желаніе—принять его благословеніе и испросить его св. молитвъ. Тогда онъ тотчасъ благословилъ меня и сказалъ: „Господь да благословитъ васъ, благодать Его съ вами!" И въ то же время онъ пожаловалъ мнѣ три частицы просфоры. Послѣ того началъ онъ благословлять и прочихъ подходившихъ къ нему, и каждому, по благословеніи, говорилъ: „грядите съ Богомъ". Мнѣ же не сказалъ этого и потому я осталась на своемъ мѣстѣ. Видя меня одну оставшуюся, по уходѣ всѣхъ, онъ сказалъ мнѣ милостиво: „послѣ вечерни, матушка, пожалуйте ко мнѣ", и затворился снова.

По возвращеніи въ гостинницу, я прежде всего приказала своей женщинѣ изрѣзать помельче частицы просфоры, данной мнѣ о. Серафимомъ. Я хотѣла, по пріѣздѣ домой, одѣлить ими всѣхъ усердствующихъ къ старцу. Потомъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ стала дожидаться вечерни, чтобы отправиться къ о. Серафиму и снести ему привезенный мною гостинецъ: немного домашняго полотна, масла и восковыхъ

свѣчъ. Но такъ-какъ оказалось, что человѣкъ, которому поручила я купить свѣчи и масло, забылъ исполнить мое порученіе, то я рѣшилась снести ему полотно и деньги, приготовленныя на покупку масла и свѣчъ. Меня увѣряли, что о. Серафимъ ни у кого не беретъ ничего; но я не перемѣнила своего намѣренія; думая, что, если онъ откажется взять эти вещи, то я отдамъ полотно въ монастырь, а на деньги на другой день куплю масла и свѣчъ.

Послѣ вечерни я нашла старца въ сѣняхъ его келіи, на колѣняхъ лежавшаго у гроба. Увидѣвши меня, онъ поспѣшно всталъ и, благословляя, сказалъ: „пожалуйте, матушка, пожалуйте ко мнѣ“. При этихъ ласковыхъ словахъ, колеблясь между страхомъ и надеждою, осмѣлилась я подать ему полотно, говоря: „св. отецъ! удостойте принять отъ истиннаго моего усердія это полотно“. И какова была моя радость, когда онъ, взявъ изъ рукъ моихъ полотно, сказалъ: „благодарю васъ, матушка, покорно; въ храмъ Божій все годится“. Тогда я осмѣлилась додать и деньги, сказавъ, что не успѣла купита масла и свѣчъ. Онъ принялъ и деньги съ благодарностію. Когда я разсказала потомъ объ этой радости моей о. Дамаскину, саровскому иноку, онъ не могъ надивиться такой особенной милости ко мнѣ о. Серафима.

Настоящая бесѣда моя съ старцемъ внушила мнѣ, между прочимъ, мысль на другой день исповѣдоваться у него; я сообщила объ этомъ желаніи о. Дамаскину. Но онъ сказалъ, что это желаніе рѣшительно неудобоисполнимо. Не смотря на то, я всю ночь продумала и просила Бога о томъ, чтобы онъ удостоилъ меня, грѣшную, исповѣдаться у святаго старца Серафима. Утромъ опять я отправилась къ нему, и когда слуга мой отворилъ дверь въ сѣни его кельи, я увидѣла старца опять подлѣ его гроба. Онъ ввелъ меня въ келью; приказалъ перекреститься и трижды далъ пить мнѣ св. воды, самъ поднося ее къ губамъ моимъ; потомъ просилъ мой платокъ. Я подала ему конецъ шали, которая была на мнѣ и онъ насыпалъ туда пригоршню сухарей, говоря: „вотъ, матушка, не хлопочите: это на раздачу, раздавайте усердствующимъ“. Я тотчасъ вспомнила о вчерашнемъ своемъ

поступкѣ съ тремя частицами просфоры, данными мнѣ старцемъ, и изумилась его чудной прозорливости. Послѣ того съ благоговѣніемъ и страхомъ, чтобы не оскорбить праведнаго старца, осмѣлилась я объявить ему о своемъ желаніи исповѣдоваться у него, говоря: „святый отецъ! позвольте мнѣ сказать вамъ одно слово“. Онъ отвѣчалъ: „извольте, матушка“; потомъ вдругъ, къ невыразимому удивленію и ужасу моему, а вмѣстѣ съ тѣмъ и радости, взялъ меня за обѣ руки и началъ читать молитву: „Боже, ослаби, остави, прости ми согрѣшенія моя, елика ти согрѣшихъ“ и т. д. Я повторила за нимъ эту молитву, громко рыдая, потомъ упала на колѣни, и онъ сталъ также на колѣни подлѣ меня, и во все время чтенія этой молитвы онъ держалъ мои руки. Послѣ отпуска, какой обыкновенно дѣлается послѣ исповѣди, далъ мнѣ приложиться къ мѣдному Кресту своему, и взявъ мою правую руку, сказалъ: „благодать Господа нашего Іисуса Христа, и любы Бога и Отца и причастіе св. Духа, буди съ вами во всю жизнь вашу, во время кончины и послѣ успенія вашего“. Я была внѣ себя отъ радости и цѣловала его руки.

Послѣ того благословивъ меня въ обратный путь, онъ сказалъ: „Господь вамъ поможетъ“. И дѣйствительно, святыми его молитвами Господь далъ мнѣ благополучно доѣхать домой, тогда какъ кругомъ меня повсемѣстно свирѣпствовала тогда сильнѣйшая холера.

Еще должна я сказать объ одномъ событіи, какъ Господь Богъ услышалъ молитву праведнаго старца Серафима. У одной женщины было много дѣтей, но всѣ они умирали на первомъ году своего возраста. Бѣдная мать просила меня убѣдительно взять ее, съ послѣднею новорожденною дочерью, вмѣстѣ съ собою въ Саровскую пустыню. Я обѣщала исполнить ея просьбу и въ первую свою поѣздку въ Саровъ взяла ихъ съ собою. Когда мать принесла дѣвочку къ о. Серафиму и стала просить его помолиться о ней, говоря, что всѣ дѣти ея умираютъ, не доживъ до году, онъ положилъ свою руку на голову дитяти и сказалъ: „Утѣшайтесь ею“. Дѣйствительно, за молитвы праведника, дѣвочка

эта осталась жива; а послѣ нея рождавшіяся у этой женщины дѣти опять умирали. (Стр. 129—32. Изд. 1893 г.).

Игуменъ Николо-Барковской пустыни Георгій, бывшій гостиникъ Саровскій—Гурій сообщилъ много случаевъ изъ жизни о. Серафима и изъ своихъ бесѣдъ: (тетрадь № 2). Такъ онъ пишетъ, что „старецъ, говоря объ имуществѣ Саровской пустыни сказалъ: „лѣса, земля и прочія имущества, это вѣчное достояніе обители; я, убогій Серафимъ, бдѣлъ двѣ недѣли, просилъ Матерь Божію, чтобы Она Своею милостію усвоила все имущество на вѣчныя времена обители и Матерь Божія не оставила меня убогаго и благословила мнѣ открыть, что Ей угодно, чтобы все имущество обители этой, вѣчно, неотъемлемо осталось за нею, до скончанія вѣка!“

„Многіе являлись къ о. Серафиму, говоритъ игуменъ Георгій, просить благословеніе удалиться для спасенія души на Аѳонъ, но старецъ никому благословенія не давалъ, говоря, что тамъ очень трудно, невыносимо скучно. Спасаться, по его мнѣнію, всего удобнѣе въ Православной Россіи. „Если мы здѣсь плачемъ, говорилъ о. Серафимъ, то туда идти—для стократнаго плача, а если мы здѣсь не плачемъ, то и думать нечего о св. обители“. Другіе приходили къ старцу просить благословенія быть юродивыми, на что нетолько онъ не давалъ совѣта, но съ негодованіемъ говорилъ: „кто беретъ путь юродства на себя, безъ особаго званія Божія, всѣ въ прелесть впадаютъ; изъ юродивыхъ, едва-ли одинъ отыщется, чтобы не въ прелести находился и погибали, или вспять возвращались. Старцы наши никому юродствовать не позволяли; при мнѣ только одинъ обнаружилъ юродство, запѣлъ въ церкви кошачьимъ голосомъ, старецъ-же Пахомій въ ту-же минуту приказалъ юродиваго вывести изъ церкви и проводить за монастырскія ворота. Три пути, на которые недолжно выходить безъ особаго званія: путь затворничества, юродства и путь настоятельства“.

Одному изъ Саровскихъ иноковъ о. Серафимъ открылъ великую тайну, какъ онъ сподобился быть восхищеннымъ въ небесныя обители. (Жизнь и подвиги о. Серафима. Спб. изд. 1849—56 гг.). Когда другой узналъ это, то тоже по-

желалъ выслушать старца и пришелъ къ нему. Но только онъ хотѣлъ открыть уста, какъ старецъ загородилъ ихъ своею рукою и сказалъ: „огради себя молчаніемъ“. Тутъ-же онъ началъ раскрывать предъ нимъ исторію пророковъ, апостоловъ, св. отцевъ и мучениковъ, съ свойственною ему простотою. Онъ описывалъ ихъ подвиги и страданія, твердую вѣру и пламенную любовь къ Спасителю, по стезямъ Котораго они неуклонно шли, неся каждый крестъ свой для полученія спасенія; вспоминалъ и разныя ихъ чудотворенія, которыя они производили благодатію Божіею, къ славѣ Господа. Описывалъ также многихъ подвижниковъ, въ иночествѣ прославившихся своими подвигами въ терпѣніи и непрестанномъ бдѣніи. Онъ говорилъ, что всѣ святые, которыхъ прославляетъ церковь Христова, оставили намъ, по своемъ успѣніи, жизнь свою, какъ примѣръ для подражанія; но исполненіемъ въ точности, отъ всей души, заповѣдей Христовыхъ, достигли совершенства и спасенія, обрѣли благодать и сподобились разнообразныхъ даровъ Духа Святаго. Исполненіе-же заповѣдей Христовыхъ для каждаго христіанина—есть бремя легкое, какъ сказалъ самъ Спаситель нашъ, только нужно всегда имѣть ихъ въ памяти; а для этого всегда нужно имѣть въ умѣ и на устахъ молитву Іисусову, а предъ очами представлять жизнь и страданія Господа нашего Іисуса Христа, который изъ любви къ роду человѣческому пострадалъ до смерти крестныя. Въ тоже время, нужно очищать совѣсть исповѣданіемъ грѣховъ своихъ и пріобщеніемъ Пречистыхъ Таинъ Тѣла и Крови Христовой.

„Радость моя, молю тебя, стяжи мирный духъ!“ сказалъ о. Серафимъ иноку и тутъ-же началъ объяснять что значитъ стяжаніе мирнаго духа. Это значитъ привести себя въ такое состояніе, чтобы духъ нашъ ничѣмъ не возмущался. Надобно быть подобно мертвому или совершенно глухому и слѣпому при всѣхъ скорбяхъ, клеветахъ, поношеніяхъ и гоненіяхъ, которыя неминуемо приходятъ ко всѣмъ, желающимъ идти по спасительнымъ стезямъ Христовымъ. Ибо многими скорбями подобаетъ намъ внити въ царство небесное. Такъ спаслись всѣ праведники и наслѣ-

довали Царство Небесное; а передъ Нимъ вся слава міра сего, какъ ничто; всѣ наслажденія мірскія и тѣни не имѣютъ того, что уготовано любящимъ Бога въ небесныхъ обителяхъ; тамъ вѣчная радость и торжество. Для того, чтобы дать духу нашему свободу возноситься туда и питаться отъ сладчайшей бесѣды съ Господомъ, нужно смирять себя непрестаннымъ бдѣніемъ, молитвою и памятованіемъ Господа.

„Вотъ я, убогій Серафимъ" сказалъ старецъ, для сего прохожу Евангеліе ежедневно: въ понедѣльникъ—читаю отъ Матѳея, отъ начала до конца; во вторникъ отъ Марка; въ среду отъ Луки, въ четвергъ отъ Іоанна; въ послѣдніе же дни раздѣляю Дѣянія и Посланія Апостольскія; и ни одного дня не пропускаю, чтобы не прочитать Евангелія и Апостола дневнаго и Святому. Чрезъ это не только душа моя, но и самое тѣло услаждается и оживотворяется, отъ того, что я бесѣду съ Господомъ, содержу въ памяти моей жизнь и страданіе Его, и день и ночь славословлю, хвалю и благодарю Искупителя моего за всѣ Его милости, изливаемыя къ роду человѣческому и ко мнѣ недостойному".

Вслѣдъ за этимъ, въ неизобразимой радости, онъ произнесъ: „вотъ, я тебѣ скажу объ убогомъ Серафимѣ! Я усладился словомъ Господа моего Іисуса Христа, гдѣ Онъ говоритъ: въ дому Отца Моего обители мнози суть (т. е. для тѣхъ, которые служатъ Ему и прославляютъ Его святое Имя). На этихъ словахъ Христа Спасителя я, убогій, остановился, и возжелалъ видѣть оныя небесныя обители и молилъ Господа моего Іисуса Христа, чтобы онъ показалъ мнѣ эти обители; и Господь не лишилъ меня, убогаго Своей милости; Онъ исполнилъ мое желаніе и прошеніе: вотъ я и былъ восхищенъ въ эти небесныя обители; только не знаю, съ тѣломъ или кромѣ тѣла, Богъ вѣсть; это не постижимо. А о той радости и сладости небесной, которую я тамъ вкушалъ, сказать тебѣ невозможно". И съ этими словами о. Серафимъ замолчалъ.... Онъ поникъ головою, гладя тихонько рукою противъ сердца, лице его стало постепенно мѣняться и наконецъ до того просвѣтилось, что невозможно было смотрѣть на него. Во время таинственнаго

своего молчанія, онъ какъ-будто созерцалъ что-то съ умиленіемъ. Потомъ о. Серафимъ снова заговорилъ":

„Ахъ, если-бы ты зналъ, сказалъ старецъ иноку, „какая радость, какая сладость ожидаетъ душу праведнаго на небеси, то ты рѣшился-бы во временной жизни переносить всякія скорби, гоненія и клевету, съ благодареніемъ. Еслибы самая эта келья наша (при этомъ онъ показалъ на свою келью) была полна червей и если-бы эти черви ѣли плоть нашу во всю временную жизнь, то со всякимъ желаніемъ надобно бы на это согласиться, чтобы только не лишиться той небесной радости, какую уготовалъ Богъ любящимъ Его. Тамъ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія; тамъ сладость и радость неизглаголанныя; тамъ праведники просвѣтятся, какъ солнце. Но если той небесной славы и радости не могъ изъяснить и самъ св. Апостолъ Павелъ (2 Корн. 12, 2—4), то какой же другой языкъ человѣческій можетъ изъяснить красоту горнаго селенія, въ которомъ водворятся души праведныхъ!?

Въ заключеніе своей бесѣды, старецъ говорилъ о томъ, какъ необходимо теперь тщательнѣйшимъ образомъ заботиться о своемъ спасеніи, пока не прошло еще благопріятное время.

Игуменъ Георгій (гостинникъ Гурій) сообщаетъ еще, что одинъ 20-ти лѣтній юноша явился къ о. Серафиму съ вопросомъ благословитъ-ли онъ его на поступленіе въ монастырь. Старецъ сказалъ: „не всѣ могутъ вмѣстить и на это принужденія отъ Господа нѣтъ, но все возможно вѣрующему... Останься въ мірѣ, женись, не забывайте съ сожительницею общенія, страннолюбія; держитесь тѣхъ добродѣтелей, которые будутъ поминаться на страшномъ судѣ Божіемъ, по св. Евангелію: „взалкалъ и дасте ми ясте, возжаждалъ и напоисте меня, нагъ бѣхъ и одѣясте мя...." вотъ въ чемъ ваше спасеніе и еще приложите чистоту, храните среды и пятки, и праздничные и воскресные дни. За нехраненіе чистоты, за несоблюденіе среды и пятки супругами, дѣти родятся мертвыми, а не храненіе праздниковъ и воскресныхъ дней жены умираютъ родами". Юноша воз-

вратился домой, но еще сильнѣ воспламенился къ иночеству и черезъ $1\frac{1}{2}$ года поступилъ въ Саровскую пустынь.

Архимандритъ Балаклавскаго монастыря Никонъ писалъ слѣдующее (тетрадь № 2): „въ молодости моей, предъ окончаніемъ семинарскаго курса въ 1827 году, я жилъ въ августѣ мѣсяцѣ, по приказанію старца Серафима въ Саровской пустынѣ до 3-хъ недѣль и въ теченіи этого времени неоднократно былъ удостоенъ келейной бесѣды о. Серафима, въ коей онъ говорилъ мнѣ: зачѣмъ ты хочешь идти въ монахи? Вѣроятно ты гнушаешся брака? Я на это отвѣчалъ: о св. таинствѣ брака я никогда не имѣлъ худыхъ мыслей, а желалъ-бы идти въ монахи съ тою цѣлью, чтобы удобнѣе служить Господу. Послѣ сего старецъ сказалъ: „благословенъ путь твой, но смотри напиши слѣдующія слова мои не на бумагѣ, а на сердцѣ: 1) учись умной, сердечной молитвѣ, какъ учатъ св. отцы въ Добротолюбіи, ибо Іисусова молитва есть свѣтильникъ стезямъ нашимъ и путеводная звѣзда къ Нему; 2) къ обыкновенной Іисусовой молитвѣ прибавляй: *Богородицей помилуй мя!* 3) одна молитва внѣшняя недостаточна; Богъ внемлетъ уму, а потому тѣ монахи, кои не соединяютъ внѣшнюю молитву со внутренной, не монахи, а черныя головѣшки; 4) бойся, какъ геенскаго огня, галокъ намазанныхъ (женщинъ) ибо онѣ часто изъ воиновъ царскихъ дѣлаютъ рабами сатаны; 5) помни, что истинная монашеская мантія,—есть радушное перенесеніе клеветы и напраслины: нѣтъ скорбей, нѣтъ и спасенія; 6) Все дѣлай потихоньку, полегоньку и не вдругъ: добродѣтель не груша: ее вдругъ не съѣсть“.

Затѣмъ авторъ письма сообщилъ нѣсколько случаевъ прозорливости о. Серафима.

ГЛАВА XV.

Прозорливость о. Серафима.

Прозорливость старца Серафима простиралась очень далеко. Онъ давалъ наставленія для будущаго, котораго человѣку обыкновенному никакъ не предусмотрѣть. Такъ, пришла къ нему въ келію одна молодая особа никогда не думавшая оставить міръ, чтобы попросить наставленія, какъ ей спастись. Едва только эта мысль мелькнула въ ея головѣ, старецъ уже началъ говорить: „много-то не смущайся; живи такъ, какъ живешь; въ большемъ Самъ Богъ тебя научитъ". Потомъ, поклонившись ей до земли, сказалъ: „только объ одномъ прошу тебя: пожалуйста, во всѣ распоряженія входи сама и суди справедливо: этимъ и спасешься". Находясь тогда еще въ мірѣ и совершенно не думая никогда быть въ монастырѣ, эта особа никакъ не могла понять, къ чему клонятся такія слова о. Серафима. Онъ же, продолжая свою рѣчь, сказалъ ей: „когда придетъ это время, тогда вспомните меня". Прощаясь съ о. Серафимомъ, собесѣдница сказала, что, можетъ быть, Господь приведетъ имъ опять свидѣться. „Нѣтъ—отвѣчалъ о. Серафимъ—мы уже прощаемся навсегда, а потому прошу не забывать меня въ святыхъ своихъ молитвахъ". Когда же она просила помолиться и за нее, онъ отвѣчалъ: „я буду молиться, а ты теперь гряди съ миромъ: на тебя уже сильно ропщутъ". Спутницы дѣйствительно встрѣтили ее на гостинницѣ съ сильнымъ ропотомъ за медлительность. Между тѣмъ слова о. Серафима не были произ-

несены на воздухъ. Собесѣдница, по неисповѣдимымъ судьбамъ Промысла, вступила въ монашество подъ именемъ Каллисты и, бывъ игуменіею въ Свіяжскомъ монастырѣ Казанской губерніи, помнила наставленія старца и по нимъ устрояла свою жизнь. (Изд. 1893 г. стр. 153).

Въ другомъ случаѣ посѣтили о. Серафима двѣ дѣвицы, духовныя дочери Стефана, Саровской пустыни схимонаха. Одна изъ нихъ была купеческаго сословія, молодыхъ лѣтъ, другая—изъ дворянъ, уже пожилая возрастомъ. Послѣдняя отъ юности горѣла любовію къ Богу и желала давно сдѣлаться инокинею, только родители не давали ей на то благословенія. Обѣ дѣвицы пришли къ о. Серафиму принять благословеніе и попросить у него совѣтовъ. Благородная, сверхъ того, просила благословить ее на вступленіе въ монастырь. Старецъ, напротивъ, сталъ совѣтовать ей вступить въ бракъ, говоря: „брачная жизнь благословлена самимъ Богомъ. Въ ней нужно только съ обѣихъ сторонъ соблюдать супружескую вѣрность, любовь и миръ. Въ бракѣ ты будешь счастлива, а въ монашество нѣтъ тебѣ дороги. Монашеская жизнь трудная, не для всѣхъ выносима“. Дѣвица же изъ купеческаго званія, юная возрастомъ, о монашествѣ не думала и слова о томъ о. Серафиму не говорила. Между тѣмъ, онъ, самъ отъ себя, благословилъ ее, по своей прозорливости, поступить въ иноческій санъ, даже назвалъ монастырь, въ которомъ она будетъ спасаться. Обѣ остались одинаково недовольны бесѣдою старца; а дѣвица пожилыхъ лѣтъ даже оскорбилась его совѣтами и охладѣла въ своемъ усердіи къ нему. Самъ духовный отецъ ихъ, іеромонахъ Стефанъ, удивлялся и не понималъ, почему, въ самомъ дѣлѣ, старецъ пожилую особу, ревностную къ иноческому пути, отвлекаетъ отъ монашества, а дѣву юную, нежелающую иночества, благословляетъ на путь сей? Послѣдствія, однако же, оправдали старца. Благородная дѣвица уже въ преклонныхъ лѣтахъ вступила въ бракъ и была счастлива. А юная—дѣйствительно пошла въ тотъ монастырь, который назвалъ прозорливый старецъ (стр. 154, изд. 1893 г.).

Ротмистръ Африканъ Васильевичъ Тепловъ, имѣвшій въ обычаѣ ежегодно посѣщать о. Серафима, сообщилъ о

дарѣ прозорливости его слѣдующіе случаи, лично къ нему относившіеся.

„Въ 1829 году, лѣтомъ поѣхалъ я въ Саровъ съ женою и дѣтьми. Дорогою жена моя, видя, что старшій сынъ нашъ, которому было около 10 лѣтъ отъ роду, занимается исключительно чтеніемъ священныхъ книгъ, не обращая никакого вниманія на окружающее, начала жаловаться, что дѣти наши слишкомъ уже привязаны къ однѣмъ только священнымъ книгамъ, и что они вовсе не заботятся о своихъ урокахъ, о наукахъ и о прочемъ, необходимомъ въ свѣтѣ. По прибытіи въ Саровъ, мы немедленно пошли къ о. Серафиму и были имъ приняты очень ласково. Благословляя меня, онъ сказалъ, чтобы мы пробыли здѣсь три дня; благословляя жену мою, произнесъ: „матушка! матушка! не торопись дѣтей-то учить по-французски и по-нѣмецки, а приготовь душу-то ихъ прежде, а прочее приложится имъ потомъ".

Благословляя же обоихъ дѣтей нашихъ, удостоилъ назвать старшаго „сокровищемъ своимъ". Такъ обличилъ праведный старецъ несправедливый ропотъ жены моей, да и потомъ, въ теченіе всей своей жизни, до самой кончины не переставалъ предупреждать меня всегда касательно всѣхъ обстоятельствъ радостныхъ и печальныхъ, случавшихся въ нашемъ семействѣ, подкрѣпляя слабый мой духъ отеческими своими совѣтами.

„Въ томъ же 1829 году я былъ свидѣтелемъ слѣдующаго обстоятельства изъ жизни о. Серафима. Одинъ господинъ имѣлъ намѣреніе жениться на такой особѣ, которая по званію своему никакъ ему не соотвѣтствовала, да и родители его не соглашались на этотъ бракъ. Но господинъ тотъ, зная, что родители его вполнѣ уважаютъ о. Серафима и не въ состояніи будутъ послѣ его одобренія противиться этому браку, хотѣлъ сначала преклонить старца на свою сторону. Для этого, приготовивъ предварительно доказательства на законность своего намѣренія, и даже тексты священнаго Писанія на случай несогласія о. Серафима, для его убѣжденія, прибылъ онъ къ этому праведному старцу. И вдругъ, къ величайшему своему изумленію, слышитъ онъ, что старецъ произноситъ имя и отчество той самой особы,

о которой онъ думалъ дѣлать ему свои запросы,—что онъ говоритъ ему далѣе и тѣ самыя доказательства, которыя онъ хотѣлъ ему представить, и наконецъ даже тѣ тексты св. Писанія, на которые онъ хотѣлъ упереться, въ случаѣ несогласія старца. Пораженный этимъ неожиданнымъ предупрежденіемъ своихъ мыслей, господинъ тотъ палъ безмолвно на колѣни предъ старцемъ. Отецъ же Серафимъ, поднимая его, сказалъ ему: „Богу и Божіей Матери и твоей матери не угодно твое намѣреніе—и его не будетъ". Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ до нынѣ, бракъ тотъ не состоялся. По возвращеніи отъ старца, этотъ господинъ самъ сознался, что онъ никогда прежде не вѣрилъ, чтобы могли быть праведники на землѣ; но что настоящій случай убѣдилъ его вполнѣ въ праведной жизни о. Серафима.

„Въ 1830 году, по случаю бывшей болѣзни жены моей, обѣщались мы съѣздить на богомолье въ Тихвинъ къ чудотворной иконѣ Царицѣ Небесной. Но въ тотъ самый день, когда намъ нужно было выѣхать, жена моя, сходя по лѣстницѣ со 2-го этажа споткнулась и вывихнула себѣ чашку у колѣна. Хотя же, при помощи костоправа, нога и была поправлена, но, при малѣйшемъ послѣ того движеніи, чашка сдвигалась опять съ своего мѣста, такъ-что, повидимому, невозможно было совсѣмъ намъ ѣхать. Однакожъ, имѣя полную вѣру къ молитвамъ о. Серафима, мы не хотѣли отлагать поѣздки до другаго времени и отправились въ путь тогда же, что было зимою. На пути боль ея усилилась, и это заставляло меня, при всемъ упованіи на милость Божію и молитвы о. Серафима, нѣсколько разъ предлагать женѣ совѣтъ о возвращеніи домой. Но она не соглашалась. А такъ какъ у насъ принято было за священное правило, не проѣзжать Саровской пустыни, не принявъ благословенія о. Серафима, то мы и на этотъ разъ повернули къ нему, съ большой дороги. Еще мы были далеко отъ обители, какъ вдругъ боль въ ногѣ жены моей начала уменьшаться, и по мѣрѣ приближенія нашего къ Сарову, становилась все слабѣе и слабѣе, и наконецъ, когда мы въѣхали въ самую пустынь, она прекратилась совершенно: чашка установилась на своемъ мѣстѣ и опухоль исчезла. Мы явились къ старцу въ келію для по-

лученія его благословенія, и онъ, благословивши насъ, приказалъ намъ придти къ нему въ пустыньку, къ источнику, куда мы и прибыли около полудня. Старецъ принялъ насъ очень милостиво, напоилъ водою изъ источника, далъ на дорогу въ Тихвинъ двѣ ржаныя корки и, благословляя на путь, сказалъ: „грядите, грядите, грядите! дорожка гладенькая".

„Послѣднія слова о. Серафима мы вспомнили на возвратномъ пути изъ Тихвина; потому что, хотя это было и въ январѣ мѣсяцѣ, но, въ ожиданіи проѣзда Государя Императора, дорогу такъ уравняли, что на ней не встрѣчали почти ни одного ухаба" (стр. 154—157 изд. 1893 г.).

Даромъ прозорливости своей о. Серафимъ приносилъ много пользы ближнимъ. Такъ, была въ Саровѣ изъ Пензы благочестивая вдова діакона, по имени Евдокія. Желая принять благословеніе старца, она въ средѣ множества народа пришла за нимъ изъ больничной церкви и остановилась на крыльцѣ его келіи, ожидая позади всѣхъ, когда придетъ очередь ея подойти къ о. Серафиму. Но о. Серафимъ, оставивши всѣхъ, вдругъ говоритъ ей: „Евдокія! поди ты сюда поскорѣе". Евдокія необыкновенно удивлена была, что онъ назвалъ ее по имени, никогда не видавши ее, и подошла къ нему съ чувствомъ благоговѣнія и трепета. О. Серафимъ благословилъ ее, далъ св. антидора и сказалъ: „тебѣ надобно поспѣшить домой, чтобъ застать дома сына". Евдокія поспѣшила и въ самомъ дѣлѣ едва застала сына своего дома: въ ея отсутствіе начальство Пензенской семинаріи назначило его студентомъ Кіевской академіи и, по причинѣ дальности разстоянія Кіева отъ Пензы, спѣшило скорѣе отправить его на мѣсто. Этотъ сынъ, по окончаніи курса въ Кіевской академіи, пошелъ въ монашество подъ именемъ Иринарха, былъ наставникомъ въ семинаріяхъ, въ настоящее время состоитъ въ званіи архимандрита и глубоко чтитъ память о. Серафима. (тамъ же).

Разъ пришли къ о. Серафиму въ монастырскую келію строитель Высокогорской пустыни іеромонахъ Антоній и пріѣзжій изъ Владимірской губерніи купецъ. Они вошли вмѣстѣ. Строителя о. Серафимъ попросилъ сѣсть и подождать, а съ купцомъ сталъ немедленно говорить. Милостиво

и ласково онъ обличалъ его въ порокахъ и дѣлалъ наставленія: „всѣ твои недостатки и скорби—говорилъ онъ—суть слѣдствія твоей страстной жизни. Оставь ее, исправь пути твои“. Пространная рѣчь его на эту тему проникнута была столь трогательною теплотою сердца, что и купецъ, къ которому она прямо относилась, и строитель, для котораго она была дѣломъ стороннимъ, тронуты были, въ буквальномъ смыслѣ, до слезъ. Въ заключеніе о. Серафимъ совѣтовалъ купцу поговѣть въ Саровѣ и причаститься св. Таинъ, обнадеживая, что Господь, въ случаѣ искренняго покаянія, не отниметъ отъ него Своей благодати и милости. По окончаніи бесѣды, купецъ, настроенный къ благочестію, поклонился старцу въ ноги, благодарилъ его отъ всей души за его душеполезную бесѣду, обѣщался исполнить, что слышалъ, и прося молитвъ о. Серафима, вышелъ изъ его келіи весь въ слезахъ.

Тогда строитель Высокогорской пустыни, много лѣтъ пользовавшійся вниманіемъ и уваженіемъ о. Серафима, осмѣлился спросить его:

— Батюшка! душа человѣческая предъ вами открыта, какъ лицо въ зеркалѣ: въ моихъ глазахъ не выслушавши духовныхъ нуждъ и скорбей бывшаго сейчасъ богомольца, вы все ему высказали.

О. Серафимъ не сказалъ ни слова.

Строитель продолжалъ:

— Теперь я вижу: умъ вашъ такъ чистъ, что отъ него ничто не сокрыто въ сердцѣ ближняго.

О. Серафимъ положилъ правую руку на уста своему собесѣднику и сказалъ:

„Не такъ ты говоришь, радость моя. Сердце человѣческое открыто одному Господу и одинъ Богъ сердцевѣдецъ, а *человѣкъ приступитъ и сердце глубоко*“ (Псал. 63, 7). За симъ разсказалъ онъ, какъ нѣкоторые укоряли св. Григорія Богослова за то, что приблизилъ онъ къ себѣ Максима циника. Но святитель сказалъ: „единъ Богъ вѣдаетъ тайны сердца человѣческаго, а я видѣлъ въ немъ обратившагося отъ язычества въ христіанство, что для меня велико“.

Строитель опять спросилъ: „да какъ же, батюшка, вы не спросили отъ купца ни единаго слова и все сказали, что ему потребно?“

О. Серафимъ, отверзши уста и распространивъ слово, началъ изъяснять:

„Онъ шелъ ко мнѣ, какъ и другіе, какъ и ты, шелъ, яко къ рабу Божію; я, грѣшный Серафимъ, такъ и думаю, что я грѣшный рабъ Божій, что мнѣ повелѣваетъ Господь, какъ рабу своему, то я передаю требующему полезнаго. Первое помышленіе, являющееся въ душѣ моей, я считаю указаніемъ Божіимъ и говорю, не зная, что у моего собесѣдника на душѣ, а только вѣрую, что такъ мнѣ указываетъ воля Божія, для его пользы. А бываютъ случаи, когда мнѣ выскажутъ какое либо обстоятельство, и я, не повѣривъ его волѣ Божіей, подчиню своему разуму, думая, что это возможно, не прибѣгая къ Богу, рѣшить своимъ умомъ, въ такихъ случаяхъ всегда дѣлаются ошибки.“

Весьма назидательную и многообъяснительную сію бесѣду старецъ заключилъ такъ:

„Какъ желѣзо ковачу, такъ я предалъ себя и свою волю Господу Богу: какъ Ему угодно, такъ и дѣйствую; своей воли не имѣю, а что Богу угодно, то и передаю.“

Эту бесѣду передалъ почтенный отецъ архимандритъ Антоній, бывшій въ то время строителемъ Высокогорскаго монастыря, а потомъ намѣстникъ Сергіевой Лавры. (Изд. 1893 г. стр, 159.).

Г. И. М. Кр. разсказывалъ о своей родственницѣ В. И. Бр., живущей въ Нижнемъ-Новгородѣ, слѣдующее обстоятельство. Вышла она въ замужество за вдовца, у котораго было двое дѣтей, и была въ своемъ бракѣ крайне несчастлива. Родственники пожелали, наконецъ, чтобы она оставила своего мужа. Но прежде начала дѣла, она поѣхала въ Саровъ посовѣтоваться съ отцемъ Серафимомъ. Старецъ сказалъ ей: „ты никакъ не оставляй своего мужа: усердно прошу тебя объ этомъ я, грѣшный монахъ Серафимъ; всѣ же претерпѣваемыя тобою непріятности скоро кончатся“. Дѣйствительно, не больше, какъ чрезъ полгода мужъ ея

умеръ, а сиротъ его Господь помогъ ей пристроить для воспитанія въ казенныя заведенія. (Изд. 1893 г.).

Одной благочестивой женѣ, бывшей въ Саровѣ, онъ открылъ, что наступаетъ голодъ и совѣтовалъ запастись хлѣбомъ, чтобы не терпѣть нужды. Жена же въ простой бесѣдѣ разсказала о семъ предсказаніи Саровскому іеромонаху о. Іакову, который былъ ея духовникомъ. Когда и братія за второю трапезою въ тотъ же день узнали о семъ отъ старца Іакова, то нѣкоторые изъ нихъ съ вѣрою приняли это извѣстіе, умоляя Господа Бога предотвратить Свой гнѣвъ, а маловѣрные и ропотливые стали порицать старца. Но обстоятельства оправдали слова его. Въ скоромъ времени, послѣ предсказанія, дѣйствительно начался голодъ. Цѣны на хлѣбъ съ каждою недѣлею возвышались. Изсякли самые источники, изъ которыхъ получался хлѣбъ для голодавшаго края. Цѣна за четверть хлѣба стояла между 20 и 24 рублями, по прежнему счету, на ассигнаціи.

Съ 1831 года старецъ Серафимъ опять возвѣщалъ многимъ о предстоящемъ голодѣ. Видаясь съ о. игуменомъ Нифонтомъ, онъ и ему твердилъ: „голодъ будетъ, голодъ будетъ!“ А для предотвращенія бѣдствій, онъ совѣтовалъ монастырскому начальству сдѣлать запасъ хлѣба въ *шесть* годовыхъ потребъ, замѣтивъ, что при его жизни уже въ четвертый разъ наступаетъ голодъ, а обитель Саровская никогда не терпѣла недостатка въ хлѣбѣ.

Пришелъ къ нему еще одинъ священникъ А. Н., впослѣдствіи о. протоіерей въ Арзамасскомъ Николаевскомъ женскомъ монастырѣ. Старецъ о. Серафимъ поздоровался съ нимъ по обычаю іерейскому. Затѣмъ, онъ между бесѣдою, предсказалъ ему, что онъ будетъ благочиннымъ, увѣщателемъ раскольниковъ и много потерпитъ въ жизнь свою отъ діаконовъ, недостойно имѣющихъ благодать сію. О. Авраамій уже видѣлъ на себѣ исполненіе сихъ словъ. Онъ подтвердилъ, что наставленія, которыя слышалъ отъ старца касательно обязанностей благочиннаго, весьма много способствовали ему къ должному прохожденію этого званія. (стр. 177 изд. 1893 г.).

Благочестивая вдова Пелагія Ивановна Шкарина, проживающая въ г. Арзамасѣ, свидѣтельствуетъ, что она имѣла желаніе смолоду поступить въ монашество. Но о. Серафимъ, знавши ее лѣтъ за пять до своей кончины, предсказалъ ей, что она будетъ сиротою, выйдетъ замужъ, будетъ имѣть семерыхъ дѣтей, назвалъ и имена всѣмъ имъ, потомъ лишится мужа. Какъ ни далеки были эти предсказанія, но по настоящее время они всѣ исполнились въ точности (тамъ же).

Была у о. Серафима также одна мѣщанка г. Балахны. по фамиліи Заяева. Старецъ совѣтовалъ ей непремѣнно поступить въ монастырь; та отказывалась. Онъ открылъ ей и причины своего совѣта: „ты будешь, говорилъ онъ, несчастлива замужествомъ, много будетъ у тебя дѣтей, а мужа лишишься, останешься вдовою, и будешь терпѣть еще большую бѣдность, чѣмъ при мужѣ.“ Заяева не послушала совѣтовъ старца, вышла замужъ, и послѣ горько жалѣла о томъ: ибо всѣ слова о. Серафима исполнились надъ нею. (стр. 177 изд. 1893 г.).

Въ другомъ случаѣ пришла къ нему изъ г. Арзамаса мѣщанская дѣвица Ножевникова. Она находилась въ большой бѣдности. О. Серафимъ, услышавъ жалобу на недостатки, сказалъ, что въ замужествѣ она будетъ богата, только послѣ того опять будетъ влачить жизнь исполненную многихъ скорбей. (тамъ же).

Въ Арзамасскомъ Николаевскомъ женскомъ монастырѣ проживали двѣ сестры, крѣпостныя дѣвушки. Увидивши ихъ, о. Серафимъ сказалъ: „чрезъ годъ господа возьмутъ васъ къ себѣ въ услуженіе на пять лѣтъ.“ Дѣвицы были у старца съ своимъ братомъ. Этому брату онъ сказалъ: „а тебѣ Господь продлитъ жизнь до 80 лѣтъ, что нынѣ рѣдкость, если только ты сохранишь себя отъ грѣховъ смертныхъ.“ Братъ ихъ, находящійся уже въ преклонныхъ лѣтахъ, доселѣ еще живетъ, а его сестры въ подмосковномъ имѣніи своихъ господъ, давно уже ими уволены, какъ предсказалъ о. Серафимъ. (Стр. 178 изд. 1893 г.).

Инымъ же старецъ предсказывалъ смерть, желая, чтобы они не перешли въ вѣчность безъ христіанскаго приготовленія. Такъ, пришелъ къ нему нѣкто Д. И., управляющій

заводомъ, находящимся въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ Пермской губерніи, съ женою и дѣтьми. О. Серафимъ, не зная никого и ни о комъ изъ нихъ не слыхавъ прежде, назвалъ всѣхъ ихъ по именамъ и каждому назначилъ годъ, мѣсяцъ и день смерти. Отцу сказалъ, что проживетъ 20 лѣтъ, а матери—12 лѣтъ. Послѣ извѣстно сдѣлалось въ Саровѣ, что она дѣйствительно умерла въ то самое время, какое предсказано было о. Серафимомъ. О самомъ управляющемъ свѣдѣній не имѣется. (Тамъ же).

Одному жителю заштатнаго города Кадома (Тамб. губ.) онъ предсказывалъ, для его исправленія, наказаніе Божіе, имѣвшее послѣдствіемъ своимъ его смерть. Пришла къ о. Серафиму жена этого человѣка. Старецъ принялъ ее съ отеческою любовію и, между прочими совѣтами и наставленіями, убѣждалъ ее поговорить своему мужу, избранному въ то время въ члены городскаго общества, чтобы онъ исправилъ себя отъ невоздержанія, дерзости, несправедливыхъ притѣсненій и немилосердія въ отношеніи другихъ. „Если мужъ твой не оставитъ этихъ страстей вкоренившихся въ немъ, говорилъ старецъ, то онъ непремѣнно будетъ за то наказанъ Богомъ.“ Говоря это, онъ взялъ съ печки пучокъ спичекъ, подалъ ихъ женщинѣ, и прибавилъ: „на, возьми эти спички, храни ихъ.“

Отеческое благословеніе о. Серафима видимо обрадовало ту женщину, а предсказанное имъ наказаніе ея мужу, въ случаѣ неисправленія его, сильно смутило ее. Не разъ послѣ того разсуждала она съ домашними и знакомыми своими о простомъ, но странномъ подаркѣ о. Серафима; но никто изъ нихъ не могъ растолковать его значенія. Наконецъ наступилъ страшный часъ, въ который, какъ значеніе подарка объяснилось, такъ исполнилось и самое предсказаніе о. Серафима. Въ одинъ день небо отовсюду начало покрываться страшными громовыми тучами, и къ вечеру собралась ужасная гроза. Весь народѣ въ Кадомѣ обратился съ молитвою къ Богу.

Стала молиться также вмѣстѣ съ своимъ мужемъ и женщина, бывшая у о. Серафима, между тѣмъ, какъ двое маленькихъ дѣтей ея спали въ это страшное время, одинъ

подлѣ окна, а другой нѣсколько подальше. Вдругъ сильный ударъ грома разразился надъ ихъ домомъ, и въ одно мгновеніе, вслѣдъ за сверкнувшей молніей, оторванъ былъ отъ окна деревянный карнизъ и расщепанъ въ мельчайшія *спички;* большая часть ихъ вонзилась въ лицо и бороду мужа этой женщины. Пораженный этимъ ударомъ, онъ жилъ очень недолго и вскорѣ скончался.

Между тѣмъ ни дѣти, спавшія почти близь самаго окна, ни опоры карниза въ окнѣ, ни мать, молившаяся возлѣ своего мужа, нисколько не были задѣты этимъ самымъ ударомъ. Послѣ того бѣдная женщина вспомнила слова о. Серафима и поняла все значеніе страннаго, повидимому, его подарка (стр. 179, изд. 1893 г.).

Строителю Высокогорской пустыни о. Антонію предсказалъ его неожиданное перемѣщеніе въ другой монастырь.

Въ январѣ 1831 года о. Антоній отправился къ о. Серафиму въ Саровъ для совѣта по случаю сильно смущавшихъ его неотвязчивыхъ мыслей о смерти. Пріѣхавши въ Саровъ вечеромъ и никуда не заходя, о. Антоній пошелъ прямо къ кельѣ о. Серафима. Не доходя до нея встрѣтилъ онъ нѣкоторыхъ изъ братій Саровской обители, которые сказали ему, что о. Серафимъ въ монастырь не возвратился еще изъ своей пустыни. Было уже близь 5-ти часовъ вечера и темнѣло. Пріѣхавшій остановился въ раздумьѣ: идти ли ему куда или тутъ дожидаться? Въ это время стоявшіе съ нимъ братія, завидѣвъ издали грядущаго старца, повѣстили: „вонъ о. Серафимъ идетъ“. Старецъ шелъ въ обыкновенной своей одеждѣ, съ мѣшкомъ за плечами, опираясь на топоръ. О. Антоній тотчасъ подошелъ къ нему и поклонился обычно.

„Что ты?“ спросилъ его старецъ.

„Къ вамъ, батюшка, съ скорбною душею“, отвѣчалъ о. Антоній.

„Пойдемъ, пойдемъ, радость моя, въ келью“, привѣтливо сказалъ старецъ.

Они вошли вмѣстѣ. Въ келіи наединѣ о. Антоній умолялъ старца Серафима сказать ему откровенно: „свершится ли съ нимъ то, что внушаютъ ему скорбные помыслы? Не приближается ли въ самомъ дѣлѣ смерть его?“.

„Сижу ли я въ кельѣ—говорилъ строитель Антоній — выйду ли на монастырь, мнѣ представляется, что послѣдній разъ я вижу обитель. Изъ сего я заключаю, что я скоро умру и потому указалъ уже и мѣсто могилы для себя“.

Строитель пріѣхалъ къ о. Серафиму за тѣмъ, чтобы, въ случаѣ приближенія его смерти, принять отъ старца благословеніе провести остающееся время въ безмолвіи и внимательномъ приготовленіи себя къ вѣчной жизни.

„Желаю знать о своей смерти“, заключилъ о. Антоній, „единственно для измѣненія моей жизни, чтобы, отказавшись отъ должности, посвятить остальные дни свои безмолвному вниманію“, прибавилъ къ сему, что извѣщеніе о смерти не будетъ для него страшно.

Отецъ Серафимъ слушалъ разсказъ, не измѣняя своего положенія и держа за руку строителя Антонія. Когда же сей окончилъ, блаженный старецъ, взирая на него съ любовію, сказалъ:

„Не такъ ты думаешь, радость моя, не такъ! Промыселъ Божій ввѣряетъ тебѣ обширную лавру“.

О. Антонію подумалось, что старецъ Серафимъ желаетъ развлечь его отъ скорбныхъ мыслей, посему, перерывая рѣчь его, онъ сказалъ:

— „Батюшка! это не успокоитъ меня, не усмиритъ моихъ помысловъ. Я умоляю васъ, скажите мнѣ прямо: мысли мои о смерти не служатъ ли отъ Бога указаніемъ на близкую мою кончину? и въ такомъ случаѣ я буду просить вашихъ молитвъ о душѣ моей и приму мирно и благодарно ваше слово. Мнѣ хочется встрѣтить часъ смертный съ должнымъ приготовленіемъ“.

О. Серафимъ съ ангельскою добротою отвѣчалъ:

„Не вѣрны твои мысли; я говорю тебѣ, что промыслъ Божій ввѣряетъ тебѣ лавру обширную“.

Строитель же отвѣчалъ на это: „гдѣ же Высокогорской пустынѣ быть лаврою? Дай Богъ, чтобы не сошла ниже, чѣмъ теперь стоитъ“.

Къ большому удивленію о. Антонія, старецъ Серафимъ, не перемѣняя своихъ мыслей, сталъ просить его милостиво

принимать изъ Сарова братію, кто придетъ въ Лавру или кого онъ пришлетъ.

Оставаясь въ прежнемъ впечатлѣніи, строитель продолжалъ:

„Батюшка! кто захочетъ изъ Сарова переходить въ скудную Высокогорскую пустынь? А если бы кто пожелалъ, или кого бы вы прислали, то вы знаете всегдашнюю мою готовность дѣлать все, что вамъ угодно; да на дѣлѣ сего не можетъ быть".

Отецъ Серафимъ, какъ будто идя по одной и той же дорогѣ, сказалъ: „не оставь сиротъ моихъ, когда дойдетъ до тебя время".

Не выдержалъ строитель, и, въ порывѣ безпредѣльной любви и уваженія къ старцу, бросился къ нему, обнялъ его и долго плакалъ. Не понимая значенія прежде сказанныхъ словъ, онъ остановился вниманіемъ своимъ на словѣ *сиротъ;* ему казалось, что старецъ говоритъ о скорой своей кончинѣ. Блаженный Серафимъ продолжалъ: „поминай моихъ родителей Исидора и Агафью". Затѣмъ сталъ совѣтовать: „покоряться во всемъ волѣ Господней, быть прилежну къ молитвѣ, строго исполнять свои обязанности, быть милостивымъ и снисходительнымъ къ братіи: *матерью будь*, говорилъ, *а не отцомъ къ братіи*, и вообще ко всѣмъ быть милостивымъ и по себѣ смиреннымъ. Смиреніе и осторожность жизни, говорилъ онъ, есть красота добродѣтелей". Потомъ о. Серафимъ нѣсколько разъ обнялъ строителя, благословилъ висѣвшимъ на его груди Крестомъ и сказалъ:

„Теперь гряди во имя Господне. Время ужъ тебѣ, тебя ждутъ!"

Выходя изъ кельи, строитель не могъ себѣ дать отчета: какое значеніе имѣли слова блаженнаго старца и съ чѣмъ онъ вышелъ изъ кельи. Однако же, какъ сокровище, онъ сложилъ сказанныя старцемъ слова въ сердцѣ своемъ. Мысль о смерти осталась какъ бы подавленною свѣжими впечатлѣніями, но еще не была разрѣшена.

По выходѣ о. Антонія изъ келіи, его встрѣтилъ посланный отъ саровскаго игумена о. Нифонта съ приглашеніемъ

зайти къ нему. Вотъ что значили слова старца: „время уже тебѣ: тебя ждутъ“.

Повидавшись съ игуменомъ Нифонтомъ, который отъ болѣзни лежалъ тогда въ постели, о. Антоній простился съ нимъ и по дѣламъ обители спѣшилъ въ свою пустынь. На гостинницѣ онъ нашелъ экипажъ свой уже готовымъ и съ неопредѣленнымъ впечатлѣніемъ выѣхалъ въ путь, чтобы наединѣ предаться размышленію.

Спокойно бѣжали лошади домой. Ничто, кажется, не мѣшало строителю о. Антонію углубиться въ занимавшія его дѣла, обстоятельства и помыслы. Вдругъ онъ слышитъ, что ѣдущій съ нимъ монахъ, сидя впереди, началъ плакать, не имѣя силъ удержать свой плачъ и совладать съ собою.

На вопросъ строителя, сказанный съ участіемъ: „о чемъ онъ плачетъ?“ инокъ отвѣчалъ: что, по пріѣздѣ въ Саровъ онъ встрѣтилъ о. Серафима, возвращавшагося изъ пустыни въ монастырскую свою келью, который сказалъ ему: „ну вотъ и вамъ предстоитъ разлука съ вашимъ строителемъ“. Болѣе не открылъ ничего, только прибавилъ: „поди же, зови его ко мнѣ“. Такъ опредѣлительно о. Серафимъ зналъ о предстоявшей перемѣнѣ въ жизни строителя Антонія.

Между тѣмъ время шло; прошелъ январь, февраль, насталъ мартъ и наступилъ Великій постъ. На 2-й день мѣсяца, въ понедѣльникъ первой недѣли поста, отправивъ чреду неусыпаемаго чтенія Псалтири, отправляемую каждымъ братомъ по два часа, строитель всталъ на свое мѣсто. Здѣсь подали ему письмо отъ митрополита Московскаго. О. Антоній вошелъ въ свою келью. Въ письмѣ высокопреосвященный Филаретъ приглашалъ строителя занять мѣсто намѣстника въ Троицко-Сергіевской лаврѣ, по случаю смерти архимандрита Афанасія. Тутъ же вложенъ былъ конвертъ къ Нижегородскому преосвященному Аѳанасію о скорѣйшемъ увольненіи о. Антонія отъ должности строителя Высокогорской пустыни въ Москву.

Съ этой минуты раскрылись о. Антонію всѣ слова старца Серафима, за два мѣсяца опредѣлившія перемѣщеніе его въ обширную лавру, когда былъ живъ и здоровъ прежній еще намѣстникъ и не было рѣчи о его замѣщеніи.

Сообщившій сей разсказъ присовокупилъ, что и событія, послѣдующія за перемѣщеніемъ о. Антонія въ Свято-троицкую Сергіеву лавру, предсказанныя старцемъ Серафимомъ, всѣ исполнились и выполняются съ величайшею точностію, какъ будто-бы о. Серафимъ читалъ въ книгѣ судебъ Божіихъ будущія опредѣленія людей. (Стр. 179—83 изд. 1893 г.).

Обители Саровской онъ дѣлалъ не разъ предсказанія о событіяхъ, съ какой-нибудь стороны ея касавшихся, ближайшихъ и отдаленныхъ. Когда напр. явилась первая холера въ Россіи, о. Серафимъ открыто предвозвѣщалъ, что ея не будетъ ни въ Саровѣ, ни въ Дивѣевѣ. Саровскіе старцы своими очами видѣвшіе о. Серафима и слышавшіе его одобрительныя бесѣды, были живыми свидѣтелями того, что предсказанія его исполнились во всей точности, такъ что отъ первой холеры ни въ Дивѣевѣ, ни въ Саровѣ не умерло ни одного человѣка. Такъ же разъ пришелъ къ нему генералъ-маіоръ А. Е. М., чтобы вмѣстѣ съ женою, имѣвшею вѣру къ старцу, получить благословеніе и наставленіе. О. Серафимъ, похристосовавшись, милостиво говорилъ съ нимъ. Это случилось въ пятницу. Старецъ спросилъ пришедшихъ: „долго ли они пробудутъ въ обители?“ и совѣтовалъ имъ не раньше, какъ въ воскресенье, послѣ поздней литургіи выѣхать: „въ воскресенье у насъ, въ обители, говорилъ онъ, будетъ торжество и молебствіе.“ Генералъ спрашивалъ о причинѣ этого торжества и молебствія у монаха на гостинницѣ, даже у строителя о. Нифонта. Всѣ отвѣчали: „никакого торжества не будетъ и не предвидится“. Но когда строитель говорилъ о семъ съ генераломъ, вошелъ монастырскій служитель и подалъ принятый съ почты пакетъ съ письмами. Между бумагами оказался, ни для кого неожиданно, указъ о рожденіи великой княжны, по которому на слѣдующій день, въ воскресенье, въ соборномъ Саровскомъ храмѣ предъ литургіею отправлено было торжественно Господу Богу благодарственное молебствіе и во весь день раздавался звонъ въ обители. Это сказаніе генералъ заключилъ тѣмъ, что и о. игуменъ Нифонтъ раздѣлялъ въ то

время съ нимъ удивленіе къ дару прозорливости о. Серафима.

Саровскій лѣсъ при игуменѣ Нифонтѣ приносилъ много пользы монастырю. Всѣ стали смотрѣть на него какъ на источникъ дохода для обители; между тѣмъ о. Серафимъ предусмотрѣлъ и предсказалъ за нѣсколько времени бурю, которая много поломала деревьевъ въ лѣсу, о чемъ крайне сожалѣло саровское начальство. (Стр. 184 изд. 1893 г.).

Алексѣю Гурьевичу Воротилову не разъ говорилъ о. Серафимъ, что нѣкогда на Россію возстанутъ три державы и много изнурятъ ее. Но за православіе Господь помилуетъ и сохранитъ ее. Тогда эта рѣчь, какъ сказаніе о будущемъ, непонятна была; но событія объяснили, что старецъ говорилъ это о крымской кампаніи (тамъ-же).

Однажды пріѣхалъ помѣщикъ, желая на обратномъ пути изъ Крыма, получить благословеніе о. Серафима. Онъ объяснилъ, что уже разъ былъ въ Саровѣ, но не сподобился видѣть старца. Всѣ видѣли, какъ онъ во время обѣдни, на колѣняхъ и со слезами молился предъ образомъ Божіей Матери, а потому предполагали, что этотъ помѣщикъ благочестивый человѣкъ. О. Серафимъ былъ въ пустынкѣ и помѣщику дали провожатымъ одного послушника, который подойдя и благословясь, доложилъ старцу, что такой-то помѣщикъ желаетъ его благословенія. Но о. Серафимъ, вмѣсто благословенія, отвѣтилъ: „я умоляю тебя, именемъ Господнимъ, чтобы ты и впредь бѣгалъ такихъ людей; этотъ человѣкъ—притворщикъ.... Онъ самый несчастный, самый потерянный человѣкъ“.... Нѣчего дѣлать, послушникъ вернулся къ помѣщику съ отказомъ и понемногу объяснилъ причину нежеланія старца видѣть его. Тогда помѣщикъ зарыдалъ и признался, что дѣйствительно его душа исполнена самыхъ нечистыхъ чувствованій.

Вскорѣ послѣ помѣщика пришелъ въ пустынь другой странникъ, изъ простаго сословія, съ этимъ же послушникомъ. Старецъ жалъ голыми руками осоку и какъ только услышалъ, что какой-то странникъ изъ Кіева желаетъ получить его благословеніе, тотчасъ-же сказалъ: „*Приведи его!*“ Когда они подошли, благословились и сѣли подлѣ о. Сера-

фима, старецъ началъ говорить страннику, чтобы онъ оставилъ избранный имъ путь, снялъ-бы съ себя вериги, обулся-бы и возвратился въ свой домъ, потому что тамъ жена, мать и дѣти очень тоскуютъ по немъ; а дома занялся-бы хлѣбною торговлею. „Мнѣ“ говорилъ старецъ,—„что весьма хорошо торговать-то хлѣбомъ; у меня же есть знакомый купецъ въ Ельцѣ; тебѣ стоитъ только прійти къ нему, поклониться и сказать, что тебя прислалъ къ нему убогій Серафимъ; онъ тебя и приметъ въ прикащики“. На обратномъ пути въ монастырь, этотъ странникъ разсказалъ послушнику, что дѣйствительно, онъ мѣщанскаго сословія, всегда занимался хлѣбною торговлею, чѣмъ и содержалъ свое семейство; но изъ любви Божіей, безъ разсужденія, безъ наставленія и старческаго благословенія, пожелалъ странствовать. И поэтому, оставивъ безъ всякой помощи свое семейство и выпросивъ отъ общества только годовой паспортъ, босикомъ и въ веригахъ, отправился въ Кіевъ на поклоненіе св. мощамъ (сказанія о подвигахъ о. Серафима, 1849 г. Спб. стр. 49).

Купчиха Елисавета Петровна Гусева (изъ г. Елатьмы. Тетрадь № 1) разсказывала, что она 24-хъ лѣтъ была у батюшки Серафима и онъ взялъ ее за руку, привелъ къ себѣ и поцѣловавъ въ голову сказалъ: „эта голова много горя увидитъ! Въ горести зачнешь и въ радости всѣхъ пожнешь!“ „Дѣтей у меня было много, говорила она, а онъ притчей предсказалъ мнѣ правду, потому что послѣ я зачала ихъ въ горѣ, а пожала въ радости, такъ какъ выростила ихъ, всѣхъ поженила и всѣхъ-же схоронила и сама осталась теперь одна на бѣломъ свѣтѣ“.

Разсказъ помѣщицы вдовы Анны Петровны Еропкиной полонъ интереса (тетрадь № 2 и № 6).

„Родителей своихъ, говорила она, я лишилась еще въ дѣтствѣ и получила образованіе въ Смольномъ монастырѣ въ Петербургѣ. Шестнадцати лѣтъ, я поступила жить къ моему родному дядѣ. Онъ, по добротѣ своей былъ для меня истиннымъ отцемъ; нисколько не стѣсняя моей воли для моего счастія, вскорѣ рѣшился устроить меня замужествомъ. Сама я, по правдѣ сказать, не лишена была пріятной на-

ружности; имѣла нужное образованіе и состояніе. Замѣтивъ въ окружающемъ обществѣ одного молодого человѣка со всѣми достоинствами, я прилѣпилась къ нему всѣмъ моимъ сердцемъ. Съ дѣтскимъ, живымъ воображеніемъ, я рисовала себѣ будущность въ прекрасныхъ чертахъ патріархальной семейной жизни. Молодой человѣкъ отвѣчалъ взаимностію. Наступилъ январь 1829-го года. Я тогда помѣщалась у дяди въ одной комнатѣ съ двумя его дочерьми и съ гостившей у насъ посторонней барышней. Естественно, что счастливая моя будущность была у насъ предметомъ всегдашняго разговора. Однажды вечеромъ, послѣ такихъ льстящихъ моему самолюбію занятій, всѣ мы легли спать. Не знаю какъ другіе, а я сама не могла крѣпко заснуть и оставалась въ дремотѣ. Вдругъ вижу, что дядя съ какимъ то старцемъ входитъ въ нашу спальню. Я тотчасъ постаралась прикрыть себя одѣяломъ съ головой. Слышу, что дядя подходитъ со старцемъ къ моей кровати и говоритъ: „вотъ она спитъ!“ А старецъ на его слова замѣчаетъ: „напрасно она идетъ замужъ; много, много два или три мѣсяца ея мужъ проживетъ; каково-же ей будетъ изъ сиротъ попасть во вдовы, вѣдь это все равно, что изъ огня, да въ полымя“. Затѣмъ, они ушли. Я боялась раскрыться, горько заплакала и стала подъ одѣяломъ-же горячо молиться Богу о помилованіи меня. Не долго я находилась въ такомъ положеніи; сильное душевное потрясеніе заставило меня проснуться, и когда я пришла въ полное сознаніе, тогда осѣнила себя крестомъ. Слёзы такъ и лились ручьемъ изъ моихъ глазъ. Тяжело мнѣ было дожидаться утра, пока не встали подруги. Одинъ Богъ знаетъ, что я тогда перечувствовала. Мое блѣдное и заплаканное лицо выдало меня и подруги заставили меня все имъ разсказать. Отъ нихъ тотчасъ узнали всѣ домашніе, которые старались разувѣрить меня въ истинѣ сна. Сначала я много возражала, но затѣмъ они все таки меня успокоили, такъ что я готова была даже смѣяться надъ своимъ легковѣріемъ. 8-го февраля 1829 года я вышла замужъ. Радости и удовольствію не было конца. Но черезъ нѣсколько недѣль мой мужъ началъ ощущать перемѣну въ своемъ здоровіи. Ослабѣвая въ силахъ, мало по

малу, онъ слегъ въ постель. Мы пригласили опытныхъ врачей, имѣли о немъ неусыпное попеченіе, а ему нисколько не становилось лучше; напротивъ, со дня на день онъ какъ будто увядалъ. Предложить ему приготовиться къ покаянію и принятію Христовыхъ Таинъ я боялась, чтобы не испугать его, а онъ, хотя былъ очень религіозенъ, вѣроятно боялся испугать меня, приглашеніемъ священника. 10-го мая, на другой день Святителя Николая, однако мужъ мой неожиданно скончался. Сначала я даже не хотѣла вѣрить своимъ глазамъ, но когда убѣдилась въ дѣйствительности совершившагося факта, то я сдѣлалась безъ памяти. Умереть безъ напутствованія Св. Тайнами—мнѣ казалось карою Божіею за грѣхи мои и мужа. Послѣ похоронъ, мои родные и близкіе не знали, что дѣлать, какъ успокоить меня; отъ скорби и отчаянія я доходила до сумашествія. Не знаю какъ и отъ кого мой дядя узналъ о подвижнической жизни и благодатныхъ дарахъ Саровскаго старца о. Серафима, но онъ нашелъ единственнымъ средствомъ къ моему избавленію отъ скорби и болѣзни,—ѣхать мнѣ въ Саровъ просить молитвъ и наставленій о. Серафима, не смотря на то, что обитель была отъ насъ въ 500-хъ верстахъ и приближалась весна. Собравшись поспѣшно я отправилась въ Саровъ, съ надеждою найти себѣ утѣшеніе и остановилась въ монастырской гостинницѣ. Отъ служащихъ при ней иноковъ я узнала, что къ счастію о. Серафимъ теперь въ обители и мнѣ можно къ нему идти. Не теряя ни минуты, я поторопилась видѣться съ нимъ и получить отъ него какое нибудь облегченіе въ своей скорби. Прежде всего меня поразило необыкновенное зрѣлище. Между Успенскимъ соборомъ и противоположнымъ одноэтажнымъ корпусомъ, точно волна двигалась густая масса народа. Изъ разспросовъ другихъ я узнала, что въ этомъ самомъ корпусѣ живетъ о. Серафимъ. Тогда я смѣшалась съ толпою и начала пробираться къ крыльцу, куда и всѣ также стремились. Съ большимъ трудомъ я проникла въ самую келію о. Серафима и по примѣру другихъ протянула руку для принятія его благословенія. Благословляя и вручая мнѣ сухарикъ, онъ сказалъ: „пріобщается раба Божія Анна благодати Божіей!“

Каково же было мое удивленіе, когда я услышала свое имя, а посмотрѣвъ о. Серафиму прямо въ лице, узнала въ немъ того самаго старца, который предостерегалъ меня во снѣ отъ несчастнаго замужества. Затѣмъ вытѣсненная въ сѣни, я около стѣны ощупала ногами нѣсколько полѣньевъ и приподнявшись на нихъ, стала сквозь дверь смотрѣть пристально на о. Серафима. Ангельскій его образъ, кротость въ обращеніи со всѣми, показывали въ немъ необыкновеннаго человѣка. Слѣдя за всѣми его движеніями, я вскорѣ замѣтила, что онъ какъ будто хочетъ прекратить пріемъ народа и услышала слова: идите съ миромъ! идите съ миромъ! Потомъ онъ взялъ одной рукой скобку двери, у которой я стояла, а другой совершенно неожиданно ввелъ меня въ келію и прямо сказалъ: „что сокровище мое, ты ко мнѣ убогому пріѣхала? Знаю, скорбь твоя очень велика, но Господь поможетъ перенести ее.“ Послѣ нѣсколькихъ утѣшительныхъ словъ, онъ велѣлъ мнѣ отговѣть у нихъ въ обители, исповѣдаться у о. Иларіона и пріобщиться. Все это было исполнено. Въ отношеніи-же покойнаго мужа батюшка мнѣ сказалъ: „не сокрушайся, что мужъ твой предъ смертію не пріобщился Св. Христовыхъ Таинъ, не думай, радость моя, что изъ этого одного погибнетъ его душа. Богъ можетъ только судить, кого чѣмъ наградить или наказать. Бываетъ иногда и такъ: здѣсь на землѣ пріобщается, а у Господа остается не пріобщеннымъ; другой хочетъ пріобщиться, но почему нибудь не исполнится его желаніе, совершенно отъ него независимо. Такой, невидимымъ образомъ сподобляется причастія чрезъ Ангела Божія.“ О. Серафимъ приказалъ мнѣ еще по пріѣздѣ домой въ теченіе 40 дней неопустительно ходить на могилу мужа и говорить: „благослови меня Господи мой и Отче! Прости мнѣ, елико согрѣшихъ предъ тобою, а тебѣ Господь Богъ проститъ и разрѣшитъ!“ Въ теченіе такъ же 40 дней велѣлъ брать изъ храма Божія, отъ совершающихся службъ пепелъ изъ кадила и послѣ, выкопавъ въ могилѣ ямку, глубиною двѣ четверти, высыпать въ нее пепелъ и прочесть три раза „Отче нашъ“, Іисусову молитву, Богородице и одинъ разъ Символъ вѣры. О своемъ намѣреніи ѣхать домой и опасеніи, какъ бы скоро не испорти-

лась дорога, я сообщила старцу, а онъ сказалъ мнѣ: „радость моя, не бойся ничего, Богъ дастъ тебѣ дорожку; снѣжокъ выпадетъ еще на полъаршина и ты поѣдешь лучше, чѣмъ пріѣхала, а въ Петровъ постъ опять будь здѣсь.“ Дѣйствительно, 17-го марта въ день Алексѣя Божія человѣка, выпалъ такой точно снѣгъ, какъ предсказалъ старецъ и я очень удобно совершила обратный путь. Послѣ исполненія приказаній старца, я какъ будто совершенно переродилась; въ душѣ моей водворилось такое спокойствіе, какого со смертію мужа я никогда не чувствовала. Такъ провела я въ деревнѣ два мѣсяца. Наступили Петровки и по назначенію о. Серафима я опять поѣхала къ нему. Весела мнѣ была тогда дорога; я думала, что ѣду къ родному отцу. По прибытіи въ обитель, какъ лань бросилась я къ нему въ лѣсъ, узнавъ, что онъ тамъ въ пустынѣ. Съ трудомъ я могла разсмотрѣть, что онъ копышется въ водѣ, вынимаетъ оттуда крупный булыжникъ и послѣ, выйдя изъ воды потащилъ его на берегъ. Въ эту минуту я сквозь народъ пробралась къ нему и лишь только онъ меня замѣтилъ, какъ съ веселымъ лицомъ привѣтствовалъ: „что сокровище мое, пріѣхала! Господь благословитъ тебя, погости у насъ?“ Вскорѣ онъ сталъ отсылать и меня и народъ въ монастырь, приказывая туда торопиться, но никому не хотѣлось съ нимъ разстаться. Къ тому же день былъ прекрасный и до вечера оставалось много времени. Промѣшкавъ довольно долго въ лѣсу, когда мы всѣ потянулись длинной, безпрерывной вереницей къ монастырской гостинницѣ, нашла страшная, громовая туча, и отъ проливнаго дождя ни на комъ изъ насъ не осталось ни одной сухой нитки. На другой день, какъ я пришла къ нему, онъ принялъ меня очень милостиво и съ ангельскою улыбкою сказалъ мнѣ: „что сокровище, каковъ дождичекъ, какова гроза? Не попала бы ты подъ нихъ, если бы послушала меня. Вѣдь я тебя заранѣе посылалъ отъ себя!“ Какъ теперь, такъ и послѣ о. Серафимъ неоднократно удостоивалъ меня бесѣдъ о разныхъ предметахъ въ теченіе 8 дней, кромѣ пятницы. Въ этотъ день онъ оставался въ безмолвіи и какъ надо полагать весь погружался въ размышленіе о страданіяхъ Христа. Когда

я увидала у него предъ св. иконами толстую восковую свѣчу, онъ спросилъ: „что ты смотришь? Когда ѣхала сюда, не замѣтила-ли у насъ бури? Она поломала много лѣсу, а эту свѣчу принесъ мнѣ, любящій Бога человѣкъ, во время грозы. Я, недостойный, зажегъ ее, помолился Господу Богу, буря и затихла; потомъ вздохнувъ, прибавилъ: „а то бы камень на камнѣ не остался, таковъ гнѣвъ Божій былъ на обитель.“ Впослѣдствіи нѣкоторые говорили, что монастырскій убытокъ простирался тысячъ до одиннадцати. Какъ-то въ другой разъ, по милости Божіей, я удостоилась услышать отъ него утѣшительный разсказъ о Царствіи Небесномъ. Ни словъ его всѣхъ, ни впечатлѣнія, сдѣланнаго на меня въ ту пору, я не въ силахъ передать теперь въ точности. Видъ его лица былъ совершенно необыкновенный. Сквозь кожу у него проникалъ благодатный свѣтъ. Въ глазахъ у него выражалось спокойствіе и какой то небесный восторгъ. Надо полагать, что онъ по созерцательному состоянію Духа, находился внѣ видимой природы, въ святыхъ небесныхъ обителяхъ и передавалъ мнѣ, какимъ блаженствомъ наслаждаются праведники. Всего я не могла удержать въ памяти, но знаю, что говорилъ мнѣ о трехъ святителяхъ: Василіи Великомъ, Григоріи Богословѣ, Іоаннѣ Златоустѣ, въ какой славѣ они тамъ находятся. Подробно и живо описалъ красоту и торжество св. Февроніи и многихъ другихъ мучевицъ. Подобныхъ живыхъ разсказовъ я ни отъ кого не слыхала, но онъ самъ какъ будто бы не весь высказался мнѣ тогда, прибавивъ въ заключеніе: „Ахъ, радость моя, такое тамъ блаженство, что и описать нельзя!“

ГЛАВА XVI.

Исцѣленія при посредствѣ молитвъ о. Серафима отъ тѣлесныхъ и душевныхъ недуговъ.

Въ 1830-мъ году прибыла въ Саровъ одна больная, бывшая впослѣдствіи игуменіею въ г. Слободскѣ, Вятской губерніи (см. Изд. 1893 г.). Она страдала водяною болѣзнію; тѣло у ней все опухло и пожелтѣло; разслабленіе чувствовалось въ такой степени, что она съ большимъ трудомъ достигла Сарова. На дорогѣ два раза останавливалась и однажды такъ была слаба, что въ Нижегородскомъ женскомъ монастырѣ ее уже напутствовали къ смерти. По прибытіи въ Саровъ, пришла она, въ числѣ другихъ посѣтителей, въ келейныя сѣни о. Серафима и сѣла позади другихъ. Старецъ-же, раздвинувъ толпу посѣтителей, подошелъ прямо къ ней, протянулъ ей руку, принявъ отъ нея полотенце ея рукодѣлья, трижды утерся имъ и, сказавъ: „иди, радость моя, за мною...“ привелъ ее въ свою келію. Здѣсь онъ благословилъ ее, далъ просфоры со св. водою и, отпуская отъ себя сказалъ: „завтра мы съ тобою увидимся“.

На другой день старецъ принималъ посѣтителей въ ближней пустынной келіи, около своего источника. Онъ вышелъ къ нимъ въ полумантіи съ зажженною въ рукахъ свѣчею, началъ благословлять всѣхъ, говоря каждому потребное на пользу души. Послѣ всѣхъ подошла къ нему и больная. Взглянувъ на нее, онъ сказалъ: „ты матушка, очень нездорова?“ и потомъ, благословляя, продолжалъ: „поди умойся въ ключѣ и напейся—и будешь здорова“. Больная отвѣчала:

„ужь я пила, батюшка, и умылась, когда пришла сюда“. Тогда онъ сказалъ опять: „возьми, матушка, возьми воды-то изъ ключа съ собой, пей и умывайся, и тѣло-то омой: Апостолы Христовы исцѣлятъ тебя, будешь здорова“. А какъ она сказала, что при ней нѣтъ сосуда, въ которомъ можно бы унести воды съ собою, то старецъ вынесъ ей изъ своей келіи небольшой кувшинчикъ и повторилъ какъ при семъ случаѣ, такъ и послѣ возвращенія съ водою, прежнія слова свои.

Возвратившись въ гостинницу, больная тотчасъ же исполнила во всей точности совѣтъ старца, не опасаясь употребленія воды въ водяной болѣзни и не слушаясь тѣхъ, которые, бывши съ нею, запрещали это; на другой день она встала съ постели совершенно здоровою. Вода изъ нея вытекла, опухоль уничтожилась, боль стихла, возвратилась крѣпость силъ; лицо покрылось естественною бѣлизною. Больная точно переродилась, и тѣ, которые видѣли ее еще наканунѣ, утромъ почти не узнавали.

Предъ отправленіемъ въ обратный путь отецъ Серафимъ прислалъ ей и двумъ ея спутницамъ, вмѣстѣ съ благословеніемъ: выздоровѣвшей — палочку съ клюкой, одной изъ спутницъ—палочку же съ четырьмя отростками, а другой—простую палочку. Послѣдствія показали, что съ каждымъ изъ этихъ знаковъ соединялось особое значеніе, котораго въ то время онѣ не поняли. Выздоровѣвшая, поступивъ въ монахини, подъ именемъ Пульхеріи, была игуменіею въ женскомъ монастырѣ города Слободска, Вятской губерніи. Первая изъ спутницъ съ тремя своими отростками (двумя сыновьями и дочерью) всѣ четверо приняли монашескій санъ; вторая спутница также поступила въ монастырь (стр. 159—61, изд. 1893 г.).

Въ предъидущемъ разсказѣ упомянуто объ источникѣ Серафимовомъ и его цѣлительной силѣ.

Вотъ что разсказывалъ объ этомъ событіи Саровскій іеромонахъ о. Анастасій. Разъ случилось ему быть у батюшки о. Серафима около его колодца. Старецъ между бесѣдою сказалъ ему: „вотъ, батюшка, я молился, чтобы вода сія въ колодцѣ была цѣлительною отъ болѣзней“. Этимъ

объясняются нынѣшнія свойства воды, текущей въ Серафимовомъ источникѣ, которыхъ прежде она не имѣла. Во-первыхъ, вода сія, какъ замѣчаютъ, никогда не портится, хотя бы много лѣтъ стояла въ незакупоренныхъ сосудахъ. Нѣкоторымъ хотѣлось бы объяснить это качество минеральными веществами, входящими будто бы въ составъ ея. Но извѣстно, что и минеральныя воды измѣняются и подвергаются порчѣ, даже очень скоро, при дурной укупоркѣ. Во-вторыхъ, водою изъ Серафимова источника во всякое время года многіе омываются, и здоровые и больные, и не только не получаютъ отъ этого вреда, а напротивъ, многіе, какъ видимъ, получали исцѣленіе. Такъ, послѣ смерти о. Серафима, княг. Е. И. Е. разсказывала относительно цѣлительныхъ свойствъ Серафимова источника слѣдующее: „двоюродная сестра моя В. Н. очень страдала припадками и боялась всякой святыни, съ которою подходили къ ней. Лекарства, какъ это часто бываетъ, не помогали ей. Нечего дѣлать, повезли ее въ Саровъ къ о. Серафиму. Старецъ далъ ей сухариковъ и велѣлъ умыться въ своемъ источникѣ. Съ той минуты болѣзнь ея совершенно прошла и она живетъ благополучно у дѣтей своихъ“ (стр. 161 изд. 1893 г.).

Вотъ что говорится еще въ письмахъ Маріи Кол., современницы о. Серафима, лично знавшей его, въ письмахъ, которыя писаны были къ затворнику Георгію, въ первое полугодіе послѣ кончины Саровскаго подвижника.

„Я опять перехожу къ о. Серафиму, какъ источнику моей радости. Мнѣ и въ присутствіи моемъ другимъ сказывала Мавра Львовна, генеральша Сипягина. Она была больна, чувствовала въ себѣ ужасную тоску, и отъ болѣзни не могла въ постные дни кушать пищи, положенной уставомъ Церкви. Когда она пришла къ о. Серафиму просить помощи, старецъ приказалъ ей напиться воды у его источника. Мавра Львовна напилась: вдругъ, безъ всякаго принужденія, изъ нея гортанью вышло множество желчи. И послѣ сего она стала здорова.

„Также Татьяна Васильевна Баринова, въ бытность свою у о. Серафима, жаловалась ему на свою болѣзнь; а у ней на рукѣ былъ непроходимый лишай и вся рука была

обвязана. Батюшка о. Серафимъ приказалъ ей вымыть руку водою изъ источника. Татьяна же Васильевна сперва подумала: „ахъ! какъ я это сдѣлаю, если и отъ малѣйшаго прикосновенія сырости болѣзнь руки усиливается?“ Однако же, на сей случай она не затруднилась оказать послушаніе и свою руку умыла. Тотчасъ же какъ бы чешуя слѣзла съ руки ея вмѣстѣ съ кожею, и съ тѣхъ поръ руки ея чисты“.

„Многимъ даже въ ранахъ о. Серафимъ приказывалъ окатиться водою изъ его источника. Всѣ получали отъ этого исцѣленіе—и въ различныхъ болѣзняхъ“.

Повѣствованія свои о цѣлительности источника Марія окончила такъ: „жизнь батюшки о. Серафима и чудныя дѣла Божіи въ немъ меня радуютъ. А какъ вспомню о его переселеніи отъ здѣшнихъ, и что я болѣе его не увижу, такъ сердце мое исполняется горести и глаза—слезъ. Я бы у него попросилась въ Дивѣевскую общину... Въ бытность у него я такъ была удивлена имъ, что нашлась мало чего поговорить съ нимъ о себѣ: только лились неудержимо мои слезы. Съ предсказаннымъ переворотомъ моей жизни мнѣ показалось, что все мое сердце превратилось въ плачъ. Но старецъ успѣлъ и здѣсь меня успокоить и покорить волѣ Божіей“ (стр. 161—62 изд. 1893 г.).

Случаевъ, въ которыхъ о. Серафимъ при жизни своей оказывалъ помощь больнымъ, было очень много. Такъ, инокъ Саровской обители, Александръ, разсказывалъ о себѣ многимъ боголюбивымъ особамъ слѣдующія обстоятельства:

„Будучи еще въ мірѣ, онъ страдалъ разслабленіемъ всѣхъ членовъ, особенно же его мучила нестерпимая боль въ одномъ ухѣ. Лекарства ему нисколько не помогали. Въ ухѣ, наконецъ, образовался завалъ. По совѣту добрыхъ людей онъ отправился въ Саровъ просить молитвъ и помощи о. Серафима. Когда больной, вошедши, упалъ ему въ ноги, то старецъ ни слова не говоря, подошелъ къ лампадѣ, горящей предъ образомъ Божіей Матери, омочилъ въ масло перстъ свой и помазалъ больное мѣсто уха. Больной въ ту-же минуту почувствовалъ облегченіе, а вскорѣ и вся боль прошла. Тутъ же старецъ, между прочимъ, сказалъ выздоровѣвшему: „ты будешь нашъ“, и онъ не смотря на

значительныя препятствія, дѣйствительно вступилъ въ Саровскую пустынь.

По вступленіи въ монастырь, у него чрезвычайно усилилось разслабленіе правой руки, и прежде ощущаемое. Инокъ не могъ ни креститься, ни кушать правою рукою безъ поддержки лѣвой. Опять пришедши къ старцу Серафиму, онъ бросился ему въ ноги, прося его благословенія и помощи св. молитвами. О. Серафимъ весьма милостиво благословилъ его и съ радостнымъ лицемъ сказалъ: „помолись Царицѣ Небесной и положи ей три поклона“. Инокъ тотчасъ же положилъ три поклона предъ образомъ Божіей Матери. Послѣ сего старецъ, взявъ сосудъ со св. водою, сталъ подавать ему въ больную руку. Но инокъ отвѣчалъ: „батюшка! не могу взять этою рукою: она у меня болитъ и вся разслаблена“. Тогда старецъ взялъ его за больную руку и, подавая сосудъ, сказалъ: „бери и пей“. Больной, хотя съ трудомъ и при поддержкѣ о. Серафима, напился. Старецъ, въ заключеніе, благословилъ его и съ миромъ отпустилъ въ келію. „Съ того времени, говорилъ инокъ Александръ, благодаря Бога, за молитвы о. Серафима, я не чувствую никакой боли въ рукѣ моей“ (стр. 163 изд. 1893 г.).

И въ Дивѣевѣ и въ Саровѣ занимались работами многіе изъ крестьянъ. Нѣкоторые изъ нихъ особенно близки были къ о. Серафиму; они питали къ старцу вѣру и любовь, какъ къ лицу, угодному Богу, и о. Серафимъ взаимно любилъ ихъ. Нѣкоторые изъ нихъ такимъ образомъ сдѣлались достовѣрными повѣствователями событій изъ жизни старца.

Такъ, Лихачевскій крестьянинъ Е. В. разсказывалъ, что онъ въ 1831 году, почувствовалъ въ себѣ признаки холеры, тотчасъ же побѣжалъ къ о. Серафиму просить помощи, и едва-едва могъ доползти до его келіи. Старецъ приложилъ его къ образу Божіей Матери Умиленія, напоилъ св. водою и далъ вкусить нѣсколько частицъ отъ просфоры. Больной немного поуспокоился. Потомъ старецъ велѣлъ ему обойти кругомъ монастыря и, зайдя въ соборъ, помолиться въ немъ. „Тамъ—сказалъ онъ—милосердіе Божіе исцѣлитъ тебя“. Крестьянинъ все это исполнилъ и, по милости Божіей, возвра-

тился въ гостинницу совершенно здоровымъ (стр. 164 изд. 1893 г.).

Ротмистръ Африканъ Васильевичъ Тепловъ, касательно помощи о. Серафима во время холеры, сообщилъ слѣдующее: „Въ началѣ 30-хъ годовъ появилась въ Екатеринославской губерніи холера и начала производить большую смертность въ имѣніи моемъ, находящемся въ тамошнемъ краю. У меня заболѣло вдругъ около 20 человѣкъ и уже двое изъ нихъ умерли. Судорожныя же корчи прочихъ, общій стонъ и плачъ раздирали мою душу. Въ столь крайнихъ обстоятельствахъ я припомнилъ, что о. Серафимъ нѣсколько разъ говорилъ мнѣ: „когда ты будешь въ скорби, то зайди къ убогому Серафиму въ келію: онъ о тебѣ помолится". Вспоминаніе это побудило меня съ женою обратиться заочно къ старцу Серафиму, чтобы онъ избавилъ насъ отъ пагубной болѣзни. И вотъ въ ту же ночь, въ сонномъ видѣніи, является старецъ женѣ моей и приказываетъ ей отправиться на родникъ, гдѣ нѣкогда явилась чудотворная икона Божіей Матери, взять оттуда воды, напиться и обмыться ею какъ намъ, такъ и всѣмъ людямъ. Этотъ родникъ, или источникъ, находится въ 12 верстахъ отъ моего имѣнія, и я немедленно по утру отправился туда со всѣмъ семействомъ, сохраняя въ душѣ полную увѣренность въ ходатайство за насъ угодника Божія Серафима.

По прибытіи на родникъ, мы погрузили въ него сначала крестъ, а потомъ напились и умылись изъ него, какъ сами, такъ и служившіе намъ. Въ то же время по моему распоряженію, привезли къ намъ изъ села нашего бочку, которую мы наполнили водою изъ родника и потомъ всѣ отправились домой. Въ селѣ я приказалъ собрать всѣхъ крестьянъ, пригласилъ священника и, по совершеніи торжественнаго водоосвященія, мы стали раздавать священную воду всѣмъ и отвезли часть ея въ больницу, гдѣ многіе были уже при смерти. Всѣ они, по милосердію Божію, выздоровѣли вскорѣ, пользуясь исключительно присланною имъ водою, и никто съ тѣхъ поръ не умиралъ въ моемъ имѣніи. Въ особенности удивило насъ всѣхъ и заставило возблагодарить милосердіе Божіе—выздоровленіе одной 70-лѣтней старухи.

Она также заболѣла холерою и находилась уже въ безнадежномъ состояніи. Но когда сосѣдъ ея, крестьянинъ, налилъ насильно въ ротъ воды, такъ какъ она была въ оцѣпенѣніи, и потомъ еще вылилъ на нее изъ бутылки остальную воду, она впала въ безчувственность; потомъ чрезъ нѣсколько минутъ выступилъ на ней обильнѣйшій потъ и чрезъ часъ, не болѣе, старуха была внѣ всякой опасности" (стр. 165 изд. 1893 г.).

По случаю этой смертоносной язвы многіе обращались къ о. Серафиму съ письмами, иные лично пріѣзжали просить его молитвъ и наставленія какъ предостеречь себя отъ опасности. Старецъ давалъ слѣдующее наставленіе:

„Призовемъ имя Господа—и спасемся. Когда у насъ имя Божіе будетъ на устахъ—мы спасены. Открой ко Господу путь твой и уповай на Него, и Той сотворитъ, помилуетъ тя, изведетъ, яко свѣтъ, правду твою, и судьбу твою яко полудне (Псал. 36, 5—6), только повинись Господу и умоляй Его". Къ продолженію сего пути онъ совѣтовалъ держать то молитвенное правило, которое еще прежде составилъ для простолюдиновъ и людей, часто неимѣющихъ достаточнаго досуга для молитвы. „Кто будетъ продолжать такъ, говорилъ онъ, тотъ не лишится милости Божіей. Молитва—путь ко Господу. Благоговѣйно причащающійся святыхъ Таинъ, и не однажды въ годъ, будетъ спасенъ, благополученъ и на самой землѣ долговѣченъ. Помните слова апостольскія: *всегда радуйтесь, непрестанно молитеся, о всемъ благодарите* (Солун. 5, 17). При такомъ блаженномъ и мирномъ состояніи души, вѣрую, что по великой благости Божіей, ознаменуется благодать и на родѣ причащающагося. Предъ Господомъ одинъ творящій волю Его — паче тьмы беззаконныхъ". (Стр. 165, изд. 1893 г.).

Что касается собственно до писемъ, то о. Серафимъ часто, не распечатывая, зналъ ихъ содержаніе и давалъ отвѣты, говоря, обыкновенно, такъ: „вотъ что скажи отъ убогаго Серафима и проч.". Въ этомъ удостовѣряютъ многія боголюбивыя особы, обращавшіяся съ отцемъ Серафимомъ лично или чрезъ письма. Послѣ смерти старца, въ келіи его нашли много нараспечатанныхъ писемъ, по которымъ

однако же, даны были въ свое время изустные отвѣты. (Тамъ-же).

Молитвы старца Серафима были такъ сильны предъ Богомъ, что есть примѣры возстановленія болящихъ отъ одра смерти. Такъ, въ маѣ 1829 года сильно заболѣла жена Алексѣя Гурьевича Воротилова, жителя Горбатовскаго уѣзда села Павлова. Воротиловъ же имѣлъ большую вѣру въ силу молитвъ о. Серафима, и старецъ, по свидѣтельству знающихъ людей, любилъ его какъ-бы своего ученика и наперстника. Тотчасъ же Воротиловъ отправился въ Саровъ и, не смотря на то, что пріѣхалъ туда въ полночь, поспѣшилъ къ келіи о. Серафима. Старецъ, какъ-бы ожидая его, сидѣлъ на крылечкѣ келіи и, увидавши, привѣтствовалъ его сими словами: „что, радость моя, поспѣшилъ въ такое время къ убогому Серафиму?“ Воротиловъ со слезами разсказалъ ему о причинѣ поспѣшнаго прибытія въ Саровъ и просилъ номочь болящей женѣ его. Но о. Серафимъ, къ величайшей скорби Воротилова, объявилъ, что жена его должна умереть отъ болѣзни. Тогда Алексѣй Гурьевичъ, обливаясь потокомъ слезъ, припалъ къ ногамъ подвижника, съ вѣрою и смиреніемъ умоляя его помолиться о возвращеніи ей жизни и здоровья. О. Серафимъ тотчасъ погрузился въ *умную* молитву минутъ на десять, потомъ открылъ очи свои и, поднимая Воротилова на ноги, съ радостію сказалъ: „ну, радость моя, Господь даруетъ супружницѣ твоей животъ. Гряди съ миромъ въ домъ твой“. Съ радостію Воротиловъ поспѣшилъ домой. Здѣсь онъ узналъ, что жена его почувствовала облегченіе именно въ тѣ минуты, когда о. Серафимъ пребывалъ въ молитвенномъ подвигѣ. Вскорѣ же она и совсѣмъ выздоровѣла. (Стр. 166, изд. 1893 г.).

Старецъ о. Серафимъ оказывалъ помощь скорбящимъ, пораженнымъ душевными недугами и одержимымъ злыми духами. Такъ, одинъ саровскій братъ, находяесь въ унынія, близкомъ къ отчаянію, просилъ другаго раздѣлить съ нимъ нѣсколько минутъ скорби. Вышли эти два брата изъ монастыря послѣ вечерни и пошли вокругъ ограды, утѣшаясь взаимною бесѣдою. Подошедши къ конному двору, около

котораго лежала дорожка къ Серафимову источнику, скорбящій братъ хотѣлъ своротить въ сторону, чтобы въ такомъ болѣзненномъ состояніи духа не повстрѣчаться ему съ о. Серафимомъ. Но прежде чѣмъ успѣли они отойти отъ дороги, вдругъ увидѣли вблизи себя старца, идущаго навстрѣчу имъ. Старецъ явился имъ въ довольно странномъ нарядѣ. Часть бѣлаго его балахона была поднята, по обычаю рабочихъ, подъ кушакъ, а полы опущены. На немъ былъ огромный зеленаго цвѣта левантиновый платокъ, у котораго одинъ конецъ тащился по землѣ, а другой обвивалъ шею. Два брата упали ему въ ноги. Старецъ же, какъ чадолюбивый отецъ, съ необыкновенною ласкою благословилъ ихъ, потомъ пропѣлъ слѣдующій стихъ 9-й пѣсни канона, *поемаго во всякой душевной скорби и обстояніи* (параклисиса): *радости исполни мое сердце, Дѣво, яже радости пріемшая исполненіе, грѣховную печаль потребляющи*. Потомъ, топнувъ ногою, старецъ сказалъ: „нѣтъ намъ дороги унывать, потому что Христосъ все побѣдилъ, *Адама воскресилъ, Еву свободилъ, смерть умертвилъ*“. Душевное состояніе старца какъ бы перелилось въ души скорбящихъ братій, и они, оживотворенные его радостію, возвратились въ обитель въ мирномъ и благодушномъ расположеніи сердца (стр. 167, изд. 1893 г.).

Одна вдова, имѣвшая троихъ маленькихъ дѣтей, тяготясь воспитаніемъ ихъ, очень роптала на свою горькую долю. Наслышавшись же о милосердіи о. Серафима, она рѣшилась обратиться къ нему, испросить благословеніе и повѣдать свое горе. Благословивъ ее, старецъ сказалъ: „не ропщи на свою участь, скоро кончится твое горе; одинъ будетъ твоимъ кормильцемъ“. Чрезъ недѣлю послѣ этого двое изъ дѣтей умерли. Мать поражена была неожиданною ихъ смертію и опять пошла къ о. Серафиму, ожидая, что онъ разрѣшитъ ей недоумѣнія, тревожившія душу. Старецъ, увидѣвъ ее и предваряя рѣчи ея, сказалъ: „молись Заступницѣ Пресвятой Богородицѣ и всѣмъ святымъ: клятвою дѣтей своихъ ты много оскорбила ихъ. Покайся во всемъ духовному отцу твоему и впередъ укрощай гнѣвъ свой, чтобы не быть великою грѣшницею. Въ послѣдній разъ бла-

гословляю тебя: только ты прости ихъ". Послѣ сихъ словъ старецъ благословилъ вдову, далъ ей поцѣловать Крестъ, который носилъ на груди, и ушелъ въ свою келію на другіе труды (стр. 168, изд. 1893 г.).

Бѣсноватыхъ о. Серафимъ исцѣлялъ своимъ присутствіемъ, Крестомъ и молитвою. „Я былъ свидѣтелемъ,—говорилъ Лихачевскій крестьянинъ, работавшій въ Саровѣ—какъ нѣсколько мущинъ привели съ величайшими усиліями къ сѣнямъ пустынной келіи о. Серафима одну бѣсноватую женщину, которая во всю дорогу упиралась, а у крыльца сѣней упала, и закинувши голову назадъ, кричала: „сожжетъ, сожжетъ!" О. Серафимъ вышелъ изъ келіи, и такъ какъ женщина не хотѣла открыть ротъ, насильно влилъ ей нѣсколько капель св. воды. Я и всѣ мы увидѣли, что въ ту же минуту изъ ея рта вылетѣло какъ бы дымное облако. Когда же старецъ, вслѣдъ за тѣмъ, оградилъ ее крестнымъ знаменіемъ и съ благословеніемъ сотворилъ надъ нею святую молитву, бѣсноватая очнулась и сама начала молиться. Впослѣдствіи, увидѣвъ ее въ Саровскомъ соборѣ совершенно здоровою, я спросилъ: „что она теперь чувствуетъ?" — „Слава Богу, отвѣчала она, теперь я не чувствую прежней болѣзни" (тамъ-же).

Съ совершеніемъ исцѣленій о. Серафимъ иногда соединялъ предсказанія о будущей судьбѣ получившихъ выздоровленіе, или тѣхъ, кто былъ при нихъ. Такой случай былъ съ о. Мельхиседекомъ, монахомъ Арзамасскаго Спасскаго монастыря. Будучи въ мірѣ, имѣя жену и дѣтей, онъ торговалъ рыбой, сложилъ для склада ея каменный подвалъ, но двери хорошей сдѣлать не успѣлъ. Сынъ его, 5-ти лѣтъ, играя съ другимъ мальчикомъ на лѣстницѣ подвала, задомъ упалъ внизъ и послѣ сего сталъ по ночамъ плакать и сдѣлалась въ домѣ ихъ грусть. У ребенка отнялись ноги; ни одинъ даже палецъ не дѣйствовалъ; тѣло все высохло, остались однѣ кости да кожа, и ноги мотались какъ плети. Если, бывало, станутъ сгибать ему ноги, то колѣни трещали какъ пружина; то же повторялось и при разгибаніи. Сколько ни лечили родители своего сына—лекарства не подѣйствовали, напротивъ, еще въ груди оказалась сильная ломота.

Наконецъ, поговоривши между собою, родители порѣшили ѣхать съ больнымъ въ Саровъ къ о. Серафиму. Дорогой черезъ гати и мосты переносили его на рукахъ и больной отъ нестерпимой ломоты въ груди все плакалъ и просился назадъ домой, гдѣ лежать ему было спокойнѣе; но родители, ни на что не взирая, пріѣхали въ Саровъ. Придя къ келіи отца Серафима и узнавъ, что онъ въ пустынѣ, они терпѣливо ожидали его прихода. Возвратившись въ монастырь, о. Серафимъ всѣхъ благословилъ, а больнаго ребенка, сверхъ того, поцѣловалъ въ голову. Родители объяснили о болѣзни сына. О. Серафимъ сказалъ: „не лечите ничѣмъ, а молитесь Богу", и далъ мальчику чего-то выпить и сухариковъ. При возвращеніи домой мальчикъ въ дорогѣ былъ спокойнѣе и родители, переставши лечить его, все молились о немъ Богу. Спустя нѣсколько времени матери больнаго привидѣлся сонъ, чтобы для исцѣленія сына, она взяла чудотворную икону Казанской Божіей Матери (икона эта въ г. Арзамасѣ въ церкви Казанской Божіей Матери) въ домъ. Точно, икону Божіей Матери взяли въ домъ, отслужили всенощную и молебенъ съ водоосвященіемъ. По окончаніи молебна, священникъ благословилъ больнаго мальчика крестомъ, далъ ему напиться св. воды, а потомъ онъ приложился къ чудотворной иконѣ Божіей Матери, которая осталась въ домѣ до утра. По утру же отслуживъ благодарственный молебенъ Божіей Матери, съ радостію и благоговѣніемъ отнесли ее въ церковь. По возвратѣ изъ церкви мать взяла больнаго на колѣни; въ это время ноги у него, до того времени неимѣвшія правильнаго движенія, вдругъ согнулись и опять вытянулись, еще разъ согнулись и снова вытянулись. Родители, увидѣвъ это, отъ удивленія и радости заплакали, а сынъ, вставъ на ноги, пошелъ нетвердымъ шагомъ и съ этого времени сталъ ходить лучше и лучше: ноги его окончательно исправились и онъ болѣе не страдалъ ими.

При томъ свиданіи, когда больнаго привозили къ о. Серафиму, старецъ, между прочимъ, сказалъ отцу его: „ты оставь міръ". Долго думалъ отецъ, чтобы это значило, а потомъ сталъ уговаривать жену свою идти съ дочерью въ

монастырь, съ тѣмъ, чтобы и ему самому идти въ монастырь же. Жена на это возразила: а родителей (которые при нихъ жили) ты куда думаешь дѣвать?—Для родителей, отвѣчалъ мужъ, надо поставить келію и дать на пропитаніе. Не видя съ этой стороны успѣха въ своихъ намѣреніяхъ, жена прямо отвѣчала, что у нея нѣтъ желанія идти въ монастырь. Дѣло на томъ и остановилось. Потомъ прошло нѣсколько времени; жена, отецъ и мать въ одинъ годъ померли, и отецъ съ сыномъ въ тотъ же годъ поступили въ Высокогорскую пустынь, а дочь была отдана въ Николаевскій Арзамасскій женскій монастырь. Такимъ образомъ сбылось предсказаніе о. Серафима, сказанное въ видѣ намека (стр. 169 изд. 1893 г.).

Г-жа М. В. Н. объ исцѣленіяхъ и предсказаніяхъ о. Серафима повѣствовала слѣдующее:

„Я и мужъ мой пожелали видѣть богоугоднаго старца Серафима и поѣхали въ Саровскую пустынь; но по пріѣздѣ туда, не застали о. Серафима въ монастырской его келіи; онъ былъ въ лѣсу, на пустынныхъ трудахъ. Мы пошли туда и вскорѣ самъ старецъ встрѣтился съ нами. Онъ тотчасъ обратился къ мужу моему съ словами: „вотъ что, батюшка, пророкъ Давидъ пишетъ: *Господи, возлюбихъ благолѣпіе дому Твоего, и мѣсто селенія славы Твоея*. Весьма хорошо, батюшка, украшать храмы Господни“. О. Серафимъ говорилъ это по дару прозорливости, провидя, какъ мужъ мой любилъ украшать храмы Божіи.

Послѣ того о. Серафимъ, приглашалъ насъ въ свою монастырскую келію, и мы стали у него просить благословенія на поѣздку въ Москву къ своему помѣщику, чтобы хлопотать объ отпущеніи на волю, или, по крайней мѣрѣ, о томъ, чтобы господинъ уволилъ мужа моего отъ должности управляющаго. Но о. Серафимъ, выслушавъ слова наши, взялъ моего мужа за руку и, подведя его къ иконѣ Умиленія Божіей Матери, сказалъ: „прошу тебя, ради Божіей Матери, не отказываться отъ должности. Твое управленіе— къ славѣ Божіей: мужиковъ не обижаешь. Не слушай, кто тебѣ будетъ говорить про тебя, или про твою супругу дурно, а въ Москву нѣтъ тебѣ дороги, а вотъ твоя дорога: я бла-

гословилъ одного управляющаго проситься на волю по смерти господина, который при жизни своей купилъ себѣ имѣніе на низу, и послалъ его принять оное и устроить. Когда господинъ тотъ скончался, госпожа отпустила управляющаго на волю и дала ему довѣренность на управленіе имѣніемъ такую, что только себя не вручила ему". О. Серафимъ говорилъ эту притчу о моемъ мужѣ, съ которымъ дѣйствительно все то случилось впослѣдствіи, что онъ предсказалъ за нѣсколько лѣтъ до исполненія.

У мужа моего была слѣдующая странная болѣзнь: едва только простудится онъ немного, какъ тотчасъ кровь бросается ему въ лицо, дѣлается напряженіе жилъ, нервы, особенно носовые, приходятъ въ необыкновенное раздраженіе и онъ сначала ощущаетъ странное щекотанье въ носу, а потомъ начинаетъ чихать безпрестанно. Это изнурительное чиханье продолжалось у него иногда цѣлый день, а иногда и два, и совершенно убивало его. Врачи Московскіе и Нижегородскіе совѣтовали ему непремѣнно лечиться отъ этой болѣзни, и предсказывали, что у мужа моего современемъ можетъ образоваться полипъ. Но такъ какъ мужу моему некогда было заняться серьезно своимъ леченіемъ, то болѣзнь вскорѣ очень усилилась. Тогда мы рѣшились ѣхать въ Саровъ къ о. Серафиму.

По пріѣздѣ нашемъ, старецъ, благословивши насъ, тотчасъ же взялъ съ печки бутылку съ водой, приказалъ мужу моему наклонить голову и началъ самъ поливать ее водою изъ бутылки; потомъ приказалъ ему умыться этою водою и подалъ ему съ своей шеи полотенце, чтобы онъ утерся имъ. Съ тѣхъ поръ болѣзнь моего мужа совершенно миновалась и онъ прожилъ еще семь лѣтъ.

О. Серафимъ, благословляя насъ однажды на возвратный путь изъ Сарова домой, сказалъ мнѣ: „вотъ, матушка, пришли ко мнѣ мущина и двѣ женщины и стали творить молитву: я ихъ не пустилъ; а когда они стали очень громко стучать въ дверь и мнѣ уже нечего было дѣлать, то я легъ спать;" и потомъ прибавилъ: „понимаешь ли ты это, матушка!" Послѣ того, по приходѣ нашемъ на гостинный дворъ, мы нашли тамъ какого-то чиновника Нижегород-

скаго, который пріѣхалъ въ Саровъ съ женою и началъ меня упрашивать сходить съ ними къ о. Серафиму, говоря что они одни не смѣютъ идти, и думаютъ, что о. Серафимъ не пуститъ ихъ. Мужъ мой также просилъ меня, чтобы я сходила съ ними.

Мы пошли и, по приходѣ на крыльцо келіи, услыхали, что о. Серафимъ что-то дѣлаетъ въ своихъ сѣняхъ. Я, по обыкновенію, сотворила молитву, но о. Серафимъ не отвѣчалъ обычнаго „аминь“ и не отпиралъ дверей. Спутники мои начали проситься съ усиліемъ, но онъ замолчалъ. Тогда мущина началъ громко стучать въ двери, и вотъ мы услыхали, что о. Серафимъ легъ спать у своихъ дверей, гдѣ мы стояли, и чрезъ нѣсколько минутъ захрапѣлъ. Тутъ только поняла я, о какомъ мущинѣ и двухъ женщинахъ говорилъ онъ мнѣ при прощаньи, и мы принуждены были отправиться домой въ гостинницу, не видавши старца.

Въ послѣдній годъ жизни моего мужа я была въ Саровѣ, въ пустынѣ о. Серафима. Я нашла тамъ его собиравшаго щепки у вала, на дорогѣ. Замѣтивши меня онъ подозвалъ меня къ себѣ и сказалъ: „вотъ, матушка, св. Отцы благословили меня собирать эти щепки для сиротъ Дивѣевскихъ; придетъ зима, нужно будетъ топить имъ печки“. Потомъ, взявъ меня за руку, довелъ по дорогѣ до своихъ градъ, гдѣ былъ посаженъ лукъ и картофель, и сказалъ: „а вотъ матушка, мое богатство; вотъ какъ я живу; богатство же муженька твоего пойдетъ въ другія руки; но ты не унывай о томъ“. Дѣйствительно чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ мужъ мой скончался; а остальное все случилось такъ, какъ предсказывалъ дивный старецъ.

Однажды я была очень больна желудкомъ и начала лечиться; но такъ какъ пользы никакой не было, то я пріѣхала къ о. Серафиму и разсказала ему о своей болѣзни. На это старецъ отвѣчалъ мнѣ такъ: „если ты, матушка, будешь лечиться, то скоро, скоро животъ свой кончишь. Болѣзнь сію молчаніемъ понеси—и пройдетъ, какъ перестанешь лечиться“. При этомъ онъ прибавилъ: „вотъ когда ты пойдешь къ Царицѣ Небесной, то какихъ ты тамъ не увидишь!“ По благословенію о. Серафима, я перестала ле-

читься и болѣзнь моя дѣйствительно миновалась. Послѣ того я поѣхала въ село Помецъ, гдѣ находится чудотворная икона Божіей Матери; и вотъ, на квартирѣ, гдѣ привелось мнѣ остановится, я увидѣла старшую, перевязывавшую свои раны, которыми было покрыто все ея тѣло. Поутру, идя къ обѣднѣ, я увидѣла новую страшную больную: вели одну дѣвушку, разслабленную, опухшую и трясущуюся всѣми членами. Тогда невольно вспомнила я слова о. Серафима, которыя сначала казались мнѣ непонятными: „когда ты поѣдешь къ Царицѣ Небесной, то какихъ ты тамъ не увидишь“.

Однажды я была у о. Серафима съ родной своей сестрою, которая была замужемъ за однимъ священникомъ, но овдовѣла. Старецъ, благословляя сестру мою, сказалъ ей: „и жизнь твоя, матушка, благословенна до самаго твоего успенія“. На это сестра моя отвѣчала ему: „простите меня, батюшка, Христа ради: я все грѣшу, ссорясь съ своимъ родителемъ за то, что онъ, сдавши свое мѣсто брату моему, самъ все живетъ у меня“. О. Серафимъ возразилъ ей: „съ кѣмъ же, матушка, и жить-то тебѣ, какъ не съ родителемъ?“ Сестра отвѣчала ему: „у меня есть, батюшка, сынъ: который оканчиваетъ нынѣ курсъ, и я на него имѣю надежду“. Но о. Серафимъ опять возразилъ ей: „никакой, матушка нѣтъ надежды, никакой нѣтъ“. И дѣйствительно, сынъ сестры моей вскорѣ умеръ.

Однажды, будучи въ Саровѣ, въ день воскресный, пошла я послѣ поздней обѣдни къ о. Серафиму, и онъ, благословивши меня, спросилъ: „ты, матушка, была у обѣдни?“ я отвѣчала: была, батюшка. Тогда онъ спросилъ: „видѣла ли ты тамъ, какъ мы соборомъ отпѣвали одну женщину? я только что пришелъ изъ церкви. Нашъ отецъ игуменъ сдѣлалъ ей хорошій гробъ. Понимаешь ли ты это, матушка?“ и онъ повторилъ свой вопросъ нѣсколько разъ. Я подумала, что вѣрно онъ предсказывалъ мнѣ близкую мою кончину, и съ этими мыслями отправилась домой. Дорогою заѣхала я въ деревню Соболеву, которая принадлежитъ къ Покровскому приходу, чтобы навѣстить свою родную тетку; но здѣсь, къ великому прискорбію, услышала я, что тетка моя

недавно умерла и ее похоронили въ тотъ самый воскресный день, послѣ обѣдни, въ который я была у о. Серафима, и онъ говорилъ мнѣ о покойницѣ. О. протоіерей сдѣлалъ ей, по усердію, на свой счетъ, гробъ и похоронилъ соборомъ. Тогда поняла я чудную прозорливость о. Серафима.

Этотъ самый протоіерей не имѣлъ прежде вѣры къ о. Серафиму; но когда я разсказала ему о послѣднемъ предсказаніи старца, то онъ пожелалъ лично видѣться съ нимъ. И вотъ, едва только, по пріѣздѣ своемъ въ Саровъ, вошелъ онъ въ келію о. Серафима, какъ старецъ встрѣтилъ его іерейскимъ лобзаніемъ, и словами: „да благословитъ тебя, батюшка (при этомъ онъ назвалъ его по имени), Господь Богъ и Покровъ Божіей Матери", и потомъ назвалъ всѣхъ тѣхъ угодниковъ, во имя которыхъ въ Покровскомъ храмѣ были устроены 7 придѣловъ. Съ того времени протоіерей питалъ всегда большую вѣру къ о. Серафиму (стр. 170—74, изд. 1893 г.).

Болѣзненная сестра Марія Иларіоновна, впослѣдствіи монахиня Мелитина разсказывала (тетрадь № 1), что при жизни батюшки Серафима она 30 недѣль лежала въ постели отъ нестерпимой боли въ головѣ и 13 недѣль была совершенно глуха. „Долго я страдала, говорила она, и находилась въ самомъ безотрадномъ положеніи; многихъ святыхъ угодниковъ Божіихъ я призывала на помощь и молила ихъ объ исцѣленіи моемъ. Также молилась усердно нашему отцу, батюшкѣ Серафиму, но время проходило, болѣзнь моя усиливалась день ото дня и я изнемогая душею и тѣломъ, предала себя окончательно одной волѣ Божіей. Однажды не помню въ какой день, глухая и слабая я, глубоко вздыхая, пролила горячія слезы. Вдругъ вижу, что въ келіи, гдѣ лежала, сдѣлалось свѣтло, входитъ батюшка Серафимъ и говоритъ: „ну вотъ, матушка, слезы и вопли твои заставили меня придти къ тебѣ; ты больна и не находишь ни въ чемъ утѣшенія, и вотъ я пришелъ!" „Ахъ, батюшка, отецъ нашъ, ты ли это?" А онъ говоритъ: „перекрестись и говори до трехъ разъ: во имя Отца и Сына и Св. Духа!" „Батюшка, я отъ слабости не могу и рукъ поднять, говорю ему, и онѣ у меня не владѣютъ!" Тогда онъ взялъ обѣими руками мою

больную голову, приподнялъ и перекрестилъ ее. „Ну вотъ, матушка, сказалъ онъ, я собственно для тебя и приходилъ, чтобы исцѣлить тебя. Головкѣ будетъ легче, но совсѣмъ невыздоровѣетъ....“ „Да какъ-же, батюшка, говорю я, нѣтъ ужъ исцѣли до конца!“ А онъ въ отвѣтъ: „нѣтъ, матушка, не на пользу намъ, все будетъ немножко болѣть!.... „Послѣ этого явленія ко мнѣ батюшки, я стала видимо поправляться, голова прошла, но изрѣдко болѣла.

ГЛАВА XVII.

Образъ жизни о. Серафима послѣ затвора, его молитвы за живыхъ и умершихъ. Стояніе на воздухѣ. Отношенія о. Серафима къ нѣкоторымъ архіереямъ и священникамъ. Смерть Елены Васильевны Мантуровой за послушаніе. Болѣзнь ея, видѣнія, кончина и похороны. Участь Елены Васильевны по словамъ о. Серафима. Пророчество его о нетлѣніи тѣлъ Маріи Семеновны и Елены Васильевны.

Послѣ затвора о. Серафимъ измѣнилъ свой образъ жизни и сталъ иначе одѣваться (стр. 185 и дальше изд. 1893 г.). Онъ вкушалъ пищу одинъ разъ въ день вечеромъ и одѣвался въ подрясникъ изъ чернаго, толстаго сукна. Лѣтомъ накидывалъ сверху бѣлый холщевой балахонъ, а зимою носилъ шубу и рукавицы. Въ погоду осеннюю и ранней весны носилъ кафтанъ изъ толстаго русскаго чернаго сукна. Отъ дождя и жара надѣвалъ полумантію, сдѣланную изъ цѣльной кожи съ вырѣзами для надѣванія. Поверхъ одежды подпоясывался бѣлымъ и всегда чистымъ полотенцемъ и носилъ мѣдный свой Крестъ. На труды монастырскіе лѣтомъ выходилъ въ лаптяхъ, зимою—въ бахилахъ, а идя въ церковь къ богослуженію надѣвалъ по приличію, кожанные коты. На головѣ носилъ зимою и лѣтомъ камилавку. Сверхъ того, когда слѣдовало по монастырскому уставу, онъ надѣвалъ мантію, и приступая къ принятію св. Таинъ, облачался въ эпитрахиль и поручи и потомъ, не снимая ихъ, принималъ въ келіи богомольцевъ. Одинъ богатый человѣкъ, посѣтивши о. Серафима и видя его убожество, сталъ говорить ему: „зачѣмъ ты такое рубище носишь на себѣ?“ О. Серафимъ отвѣтствовалъ: „Іоасафъ царевичъ, данную ему пустынни-

комъ Валаамомъ мантію счелъ выше и дороже царской багряницы (Четь-минея ноября 19 дня).

Противу сна о. Серафимъ подвизался очень строго. Извѣстно стало въ послѣдніе годы, что онъ предавался ночному покою иногда въ сѣняхъ, иногда въ келіи. Спалъ же онъ сидя на полу, спиною прислонившись къ стѣнѣ и протянувши ноги. Въ другой разъ онъ преклонялъ голову на камень, или на деревянный отрубокъ. Иногда же повергался на мѣшкахъ, кирпичахъ и полѣньяхъ, бывшихъ въ его келіи. Приближаясь же къ минутѣ своего отшествія, онъ началъ опочивать такимъ образомъ: становился на колѣни и спалъ ницъ къ полу на локтяхъ, поддерживая руками голову.

Его иноческое самоотверженіе, любовь и преданность къ Господу и Божіей Матери были столь велики, что когда одинъ господинъ, Иванъ Яковлевичъ Каратаевъ, бывши у него въ 1831 году на благословеніи, спросилъ: „не прикажетъ ли онъ сказать что-нибудь своему родному брату и другимъ родственникамъ въ Курскѣ?“ куда Каратаевъ ѣхалъ: то старецъ, указывая на лики Спасителя и Божіей Матери, съ улыбкою сказалъ: „вотъ мои родные, а для живыхъ родныхъ я уже живой мертвецъ“.

Время, которое о. Серафиму оставалось отъ сна и занятій съ приходящими, онъ проводилъ въ молитвѣ. Совершая молитвенное правило со всею точностію и усердіемъ за спасеніе своей души, онъ былъ въ то же время великимъ молитвенникомъ и ходатаемъ предъ Богомъ за всѣхъ живыхъ и усопшихъ православныхъ христіанъ. Для сего при чтеніи Псалтири, на каждой главѣ онъ неопустительно произносилъ отъ всего сердца слѣдующія молитвы:

1. *За живыхъ*. „Спаси, Господи, и помилуй всѣхъ православныхъ христіанъ и на всякомъ мѣстѣ владычествія Твоего православно живущія: подаждь имъ, Господи, душевный миръ и тѣлесное здравіе и прости имъ всякое согрѣшеніе, вольное же и невольное: и ихъ святыми молитвами и меня, окаяннаго, помилуй“.

2. *За усопшихъ*. „Упокой, Господи, души усопшихъ рабъ Твоихъ: праотецъ, отецъ и братій нашихъ, здѣ лежа-

щихъ и повсюду православныхъ христіанъ преставившихся: подаждь имъ, Господи, царствіе и причастіе Твоея безконечныя и блаженныя жизни, и прости имъ, Господи, всякое согрѣшеніе, вольное же и невольное.

Въ молитвѣ за усопшихъ и живыхъ особенное значеніе имѣли восковыя свѣчи, горѣвшія въ его келіи предъ святынею. Это объяснилъ въ ноябрѣ 1831 года самъ старецъ о. Серафимъ въ бесѣдѣ съ Н. А. Мотовиловымъ. „Я—расказывалъ Николай Александровичъ — видѣвши у батюшки о. Серафима много лампадъ, въ особенности многія кучи восковыхъ свѣчъ, и большихъ и малыхъ, на разныхъ круглыхъ подносахъ, на которыхъ отъ таявшаго много лѣтъ и капавшаго со свѣчъ воска образовались какъ бы восковые холмики, подумалъ про себя: „для чего это батюшка о. Серафимъ возжигаетъ такое множество свѣчъ и лампадъ, производя въ келіи своей нестерпимый жаръ отъ теплоты огненной?“ А онъ какъ-бы заставляя мои помыслы умолкнуть, сказалъ мнѣ:

„Вы хотите знать, ваше боголюбіе, для чего я зажигаю такъ много лампадъ и свѣчъ предъ святыми иконами Божіими? Это вотъ для чего. Я имѣю, какъ и вамъ извѣстно, многихъ особъ, усердствующихъ ко мнѣ и благотворящихъ мельничнымъ сиротамъ моимъ. Они приносятъ мнѣ елей и свѣчи и просятъ помолиться за нихъ. Вотъ когда я читаю правило свое, то и поминаю ихъ сначала единожды. А такъ какъ, по множеству именъ, я не смогу повторять ихъ на каждомъ мѣстѣ правила, гдѣ слѣдуетъ, тогда и времени мнѣ не достало бы на совершеніе моего правила, то я и ставлю всѣ эти свѣчи за нихъ въ жертву Богу, за каждаго по одной свѣчѣ, за иныхъ — за нѣсколько человѣкъ одну большую свѣчу, за иныхъ же постоянно теплю лампады; и гдѣ слѣдуетъ на правилѣ поминать ихъ, говорю: „Господи, помяни всѣхъ тѣхъ людей, рабовъ Твоихъ, за ихъ же души возжегъ Тебѣ азъ, убогій, сіи свѣщи и кандила (т. е. лампады). А что это не моя, убогаго Серафима человѣческая выдумка, или такъ, простое мое усердіе, ни на чемъ божественномъ не основанное, то и приведу вамъ въ подкрѣпленіе слова Божественнаго Писанія. Въ Библіи

говорится, что Моvсей слышалъ гласъ Господа, глаголавшаго къ нему: Моvсее, Моvсее! рцы брату твоему Аарону, да возжигаетъ предо Мною кандилы во дни и въ нощи: сія бо угодна есть предо Мною и жертва благопріятна Ми есть". Такъ вотъ, ваше боголюбіе, почему св. Церковь Божія пріяла въ обычай возжигать во св. храмахъ и въ домахъ вѣрныхъ христіанъ кандилы, или лампады, предъ святыми иконами Господа, Божіей Матери, св. Ангеловъ и св. человѣковъ, Богу благоугодившихъ". (стр. 187, изд. 1893 г.).

Молясь о живыхъ, въ особенности о требовавшихъ у него молитвенной помощи, о. Серафимъ поминалъ всегда усопшихъ и память о нихъ творилъ въ келейныхъ молитвахъ своихъ по уставу Православной Церкви.

Разъ самъ о. Серафимъ разсказывалъ слѣдующее обстоятельство. „Умерли двѣ монахини, бывшія обѣ игуменьями. Господь открылъ мнѣ, какъ души ихъ были ведены по воздушнымъ мытарствамъ, что на мытарствахъ онѣ были истязуемы и потомъ осуждены. Трое сутокъ молился я, убогій, прося о нихъ Божію Матерь. Господь, по своей благости, молитвами Богородицы, помиловалъ ихъ: онѣ прошли всѣ воздушныя мытарства и получили отъ милосердія Божія прощеніе". (Стр. 188, изд. 1893 г.).

Однажды замѣчено было, что во время молитвы старецъ Серафимъ стоялъ на воздухѣ. Случай этотъ разсказанъ княгинею Е. С. Ш.

Пріѣхалъ къ ней изъ Петербурга больной племянникъ ея г. Я. Она, не медля долго, повезла его въ Саровъ къ о. Серафиму. Молодой человѣкъ былъ объятъ такимъ недугомъ и слабостію, что не ходилъ самъ и его на кровати внесли въ монастырскую ограду. О. Серафимъ въ это время стоялъ у дверей своей монастырской келіи, какъ-бы ожидая встрѣтить разслабленнаго. Тотчасъ онъ просилъ внести больнаго въ свою келію и, обратившись къ нему, сказалъ: „ты, радость моя, молись и я буду за тебя молиться, только, смотри, лежи, какъ лежишь, и въ другую сторону не оборачивайся". Больной долго лежалъ, повинуясь словамъ старца. Но терпѣніе его ослабѣло, любопытство подстрекало его взглянуть, что дѣлаетъ старецъ. Оглянувшись же,

онъ увидѣлъ о. Серафима *стоящимъ на воздухѣ* въ молитвенномъ положеніи, и отъ неожиданности и необычайности видѣнія вскрикнулъ. О. Серафимъ, по совершеніи молитвы, подошедши къ нему, сказалъ: „вотъ ты теперь будешь всѣмъ толковать, что Серафимъ — святой, молится на воздухѣ.... Господь тебя помилуетъ.... А ты, смотри, огради себя молчаніемъ и не повѣдуй того никому до дня представленія моего, иначе болѣзнь твоя опять вернется". Г. Я. дѣйствительно всталъ съ постели, и хотя опираясь на другихъ, но уже самъ на своихъ ногахъ вышелъ изъ келіи. Въ монастырской гостинницѣ его осаждали вопросами: „какъ и что дѣлалъ и что говорилъ о. Серафимъ?" но, къ удивленію всѣхъ, онъ не сказалъ ни одного слова. Молодой человѣкъ, совершенно исцѣлившись, опять былъ въ Петербургѣ и снова чрезъ нѣсколько времени воротился въ имѣніе княгини Ш. Тутъ онъ свѣдалъ, что старецъ Серафимъ опочилъ отъ трудовъ своихъ и тогда разсказалъ о его моленіи на воздухѣ. Одинъ случай такой молитвы нечаянно былъ усмотрѣнъ, но, конечно, старецъ не одинъ разъ благодатію Божіею былъ воздвигаемъ на воздухъ во время своихъ продолжительныхъ молитвенныхъ подвиговъ (стр. 188—89, изд. 1893 г.).

Можно сказать безъ преувеличенія, что вся Россія въ то время знала и чтила о. Серафима; по крайней-мѣрѣ слухъ о великомъ подвижникѣ ходилъ повсюду. Извѣстные подвижники, одновременно съ нимъ желавшіе, по духу знавшіе старца Серафима, глубоко уважая его нравственное достоинство, другимъ дѣлали отзывы о немъ самые возвышенные, ибо всѣ смотрѣли на него, *яко на градъ, верху горы стоящій*. Священники и архіереи Православной Церкви, приводившіе жизнь духовную и святую, имѣли глубокое уваженіе къ Саровскому подвижнику, какъ и всегда въ чистомъ сосудѣ совѣсти хранятъ это уваженіе къ добрымъ и святымъ душамъ. Нѣкоторые изъ епископовъ писали письма къ о. Серафиму, спрашивали его совѣтовъ, хотя ни одного изъ нихъ не нашлось послѣ смерти старца. Антоній, архіепископъ Воронежскій, часто присылалъ ему даже подарки, особенно св. иконы, при полученіи которыхъ, о. Серафимъ, указывая на лики святыхъ, часто говаривалъ:

„вотъ какія особы показываютъ намъ путь къ вѣчности!“ На словахъ, можетъ быть даже и письменно, о. Серафимъ отвѣчалъ на запросы архипастырей. Нѣкторыя же письма ихъ оставлялъ и безъ отвѣта. Къ Антонію, архіепископу Воронежскому, питалъ особенную любовь и уваженіе, никогда его не видавши; и когда заходила рѣчь о семъ архипастырѣ, онъ называлъ его великимъ архіереемъ Божіимъ. Еще ничего не было слышно объ угодникѣ Божіемъ Митрофанѣ: не было еще никакихъ ни откровеній, ни явленій, а о. Серафимъ въ нѣскольких словахъ, собственноручно написанныхъ, поздравлялъ преосвящен. Антонія съ открытіемъ св. мощей угодника Божія Митрофана. Антоній показывалъ нѣкоторымъ эту записку, которая, какъ полагаютъ, и доселѣ сохраняется между его бумагами. По духу зналъ о. Серафимъ и многихъ современныхъ священниковъ, сіявшихъ благочестіемъ и святостію жизни, глубоко уважалъ таковыхъ и посѣтителей своихъ посылалъ къ нимъ для назиданія и руководства. Изъ числа такихъ извѣстенъ о. Алексѣй Гнавашевъ, священникъ села Басурманъ, Симбирской губерни, Курмышскаго уѣзда, умершій 85 лѣтъ отъ роду, 21 апрѣля 1848 года. О, Серафимъ считалъ его высокимъ подвижникомъ и часто говаривалъ о немъ такъ: „сей человѣкъ, по своимъ молитвамъ за души христіанскія, подобенъ свѣчѣ, возженной предъ престоломъ Божіимъ. Вотъ труженикъ, который, не имѣя обѣтовъ монашескихъ, стоитъ выше многихъ подвижниковъ. Онъ, какъ звѣда, горитъ на христіанскомъ горизонтѣ. (Стр. 189-90 изд. 1893 г.).

Въ жизни затворника Задонскаго Богородицкаго монастыря Георгія, изданный Григоровымъ, помѣщено одно обстоятельство, случившееся съ о. Георгіемъ и имъ разсказанное послушнику П. А., изъ записокъ котораго извлечено.

Однажды—говоритъ П. А.,—пришедши къ о. Георгію въ келью, увидѣлъ я на стѣнѣ незнакомый мнѣ портретъ и спросилъ: „чей это?“—„Развѣ ты не знаешь?“ отвѣчалъ Георгій, „это Саровской пустыни покойный о. Серафимъ! Богоугодная жизнь его всѣмъ была извѣстна“, и потому разговоръ продолжался о немъ. Между прочимъ Георгій,

подумавъ нѣсколько, сказалъ: „знаешь ли, что со мною онъ сдѣлалъ? Видно, сказать тебѣ. Долгое время мучился я помышленіемъ: перейти отсюда куда-нибудь въ другой монастырь, поуединеннѣе, а то здѣсь письма и посѣтители много меня развлекаютъ; отказывать иногда совѣстно, а иногда и нужно бываетъ отвѣчать: пишутъ дѣло. Около двухъ лѣтъ боролся я въ нерѣшимости съ этимъ помышленіемъ, никому этого ни говоря; между тѣмъ сильно этимъ смущался, перебирая въ памяти моей всѣ мѣста, куда бы удобнѣе удалиться. Однажды входитъ ко мнѣ келейный, извѣщая, что странникъ изъ Саровской пустыни отъ отца Серафима принесъ мнѣ поклонъ и благословеніе, и сверхъ того имѣетъ надобность сказать лично нѣсколько словъ по его порученію. Я благословилъ ему войти и онъ началъ: *отецъ Серафимъ приказалъ тебѣ сказать: стыдно де, столько лѣтъ сидѣвши въ затворѣ, побѣждаться такими вражескими помыслами, чтобы оставить свое мѣсто. Никуда не ходи. Пресвятая Богородица велитъ тебѣ здѣсь оставаться*. Сказавъ сіе, старикъ поклонился и вышелъ, а я стоялъ, какъ вкопанный, дивясь чудесному откровенію тайныхъ моихъ помышленій, и притомъ такому человѣку, который не только меня не зналъ, но и никогда не видывалъ, и даже никогда мы другъ къ другу не писали. Однако, скоро опомнившись, просилъ я келейнаго воротить ко мнѣ странника, надѣясь узнать отъ него что-нибудь болѣе: но его уже не могли отыскать ни въ монастырѣ, ни за монастыремъ. Съ тѣхъ поръ духъ мой успокоился и я пересталъ помышлять о переходѣ въ другое мѣсто“.

Изъ духовныхъ отношеній старца Серафима къ другимъ современнымъ подвижникамъ, изъ совмѣстныхъ дѣйствій ихъ, направляемыхъ къ одной цѣли, чрезвычайно замѣчателенъ слѣдующій случай. Одна томская мѣщанка, Марія Иконникова, странствовавши очень много по святымъ мѣстамъ, зашла въ г. Ачинскъ къ старцу Даніилу принять благословеніе на будущія странствія. Онъ встрѣтилъ ее, не допустивши до своей келіи, и, бросивши на нее самый гнѣвный видъ, началъ говорить громкимъ голосомъ:

„Что ты, пустая странница, пришла ко мнѣ? Я давно

тебя ожидалъ. Вотъ будешь меня помнить. Зачѣмъ ты бродишь по свѣту, да обманываешь Бога и людей? Тебѣ даютъ деньги на свѣчи и на молебны, а ты тратишь ихъ на свои прихоти: много станцій ѣхала на подводахъ, нанимала тратя деньги, Богу данныя; а въ такомъ-то мѣстѣ ты пила вино, и столько-то его купила, а въ такомъ-то мѣстѣ пустое празднословила. Теперь уже полно тебѣ ходить по свѣту. Ступай и живи въ Томскѣ. Питайся отъ своего рукодѣлья: чулки вяжи. А когда устарѣешь, тогда для пропитанія собирай милостыню. Да слушай же, больше не ходи по Россіи.“

Говоря эту поучительную рѣчь, старецъ грозилъ странницѣ палкой, и по окончаніи словъ своихъ, пошелъ въ келію. Странница же, поклонившись ему, безъ слова отправилась въ Томскъ, поселилась дома, стала заниматься рукодѣльемъ и рѣшилась впередъ не странствовать.

Только по прошествіи полугода родственники и знакомые, идя въ Кіевъ, упросили Марію Иконникову, какъ человѣка хожалаго, быть для нихъ вожатымъ. Сначала не соглашаясь, она потомъ пошла съ ними, и на дорогѣ, бывши въ Саровѣ, зашла къ о. Серафиму принять на дорогу благословеніе. Старецъ всѣхъ спутниковъ ея принялъ ласково, благословилъ, далъ сухариковъ, а ихъ вожатой, Маріи Иконниковой, ни слова не сказалъ, не благословилъ и даже отъ себя прогналъ. Чрезъ недѣлю Томскіе путешественники начали собираться въ путь, и Марія Иконникова, рѣшившись испросить у о. Серафима благословеніе въ путь, подошла къ дверямъ его келіи и со слезами кричала: „батюшка Серафимъ! благослови меня въ путь: товарищи мои хотятъ идти“: а о. Серафимъ, вышедши изъ келіи, сурово взглянулъ на нее и громко закричалъ:

„Зачѣмъ ты пошла по Россіи? Вѣдь тебѣ братъ Даніилъ не велѣлъ больше ходить по Россіи. Теперь же ступай назадъ, домой!“

— Батюшка! благослови меня сходить въ послѣдній разъ, сказала странница; больше ужъ ходить не буду.

„Я тебѣ сказалъ: ступай назадъ, а впередъ идти тебѣ нѣтъ благословенія!“ громко закричалъ опять старецъ.

— Батюшка, сказала странница, какъ же я пойду назадъ одна? Такой дальній путь, а денегъ у меня ни копѣйки нѣтъ.

„Ступай, ступай обратно! настаивалъ на своемъ о. Серафимъ: и безъ денегъ довезутъ на лошадяхъ до самаго Томска.

Послѣ сего старецъ благословилъ ее, далъ одинъ сухарикъ и затворилъ за собой двери. Странница простилась съ своими спутниками и воротилась домой. Въ Нижнемъ Новгородѣ нашлись ей спутники, Томскіе купцы, которые и довезли ее до самаго Томска. Такъ далеко видятъ по духу и слышатъ другъ друга рабы Божіи! (стр. 190—92 изд. 1893 г.).

Зная и уважая св. людей, дѣйствуя ко благу ближнихъ, согласно съ ними и въ духѣ и цѣлѣ вѣры Христовой, батюшка о. Серафимъ не упускалъ изъ виду и согрѣшающихъ братій. Въ келіи его, какъ уже сказано прежде, всегда горѣло многое множество свѣчъ предъ святынею. Посѣтители приходя къ старцу, приносили для сего свѣчи, масло и иногда полагали деньги на покупку ихъ, которыя о. Серафимъ не всегда принималъ. На счетъ этого множества свѣчъ о. Серафимъ говорилъ слѣдующее: „если кто имѣетъ вѣру ко мнѣ, убогому Серафиму, то у меня за сего человѣка горитъ свѣча предъ св. иконою. И если свѣчка падала, это было для меня знаменіемъ, что человѣкъ тотъ палъ въ смертный грѣхъ. Тогда я преклоняю свои колѣна за него предъ благоутробіемъ Божіимъ.“ Такъ говорилъ о. Серафимъ проживавшему въ г. Арзамасѣ крестьянину Василію Петровичу Вавилову, работавшему въ Дивѣевѣ и у о. Серафима пользовавшемуся особеннымъ его вниманіемъ и довѣріемъ. Вотъ и предстоялъ такимъ образомъ другому любимцу о. Серафима, г. Воротилову, случай пасть въ смертный грѣхъ. О. Серафимъ, видя то, началъ молиться, преклоняя колѣни, да спасетъ Господь душу его отъ погибельнаго грѣха. Господь милосердъ: спасъ его. Поэтому, при свиданіи, старецъ замѣтилъ Воротилову, что въ такое-то время и въ такомъ-то мѣстѣ мы, по милосердію Божію, избавлены отъ ада за молитвы убогаго Серафима. (Тамъ же).

О. Серафиму было суждено еще при своей жизни потерять любимую Дивѣевскую послушницу свою Елену Васильевну Мантурову, которую онъ горько оплакивалъ. Кончина и послѣдніе дни жизни этой великой рабы Божіей,— по истинѣ замѣчательны! (записки протоіер. Садовскаго, Н. А. Мотовилова, показанія сестры Ксеніи).

Елена Васильевна не задолго до своей смерти начала какъ бы предчувствовать, что батюшкѣ ѳ. Серафиму не долго осталось жить. Поэтому она часто говорила со скорбію окружающимъ: „нашъ батюшка ослабѣваетъ; скоро, скоро останемся безъ него! Навѣщайте сколь возможно чаще батюшку, не долго уже быть намъ съ нимъ! Я уже не могу жить безъ него и не спасусь; какъ ему угодно, не переживу я его; пусть меня раньше отправятъ!“ Однажды она высказала это и о. Серафиму. „Радость моя!“ отвѣтилъ батюшка, „а вѣдь служанка-то твоя ранѣе тебя войдетъ въ Царствіе-то, да скоро и тебя съ собой возьметъ!“ Дѣйствительно, любившая ее и не желавшая разстаться съ нею крѣпостная дѣвушка Устинья, заболѣла чахоткою. Ее мучило, что она по болѣзни занимаетъ мѣсто въ маленькой и тѣсной кельѣ Елены Васильевны и постоянно повторяла: нѣтъ, матушка, я уйду отъ тебя, нѣтъ тебѣ отъ меня покою!“ Но Елена Васильевна уложила Устинью на лучшее мѣсто; никого не допускала ходить за нею и сама служила ей отъ всего сердца. Передъ смертію, Устинья сказала Еленѣ Васильевнѣ: „я видала чудный садъ, съ необыкновенными плодами... Мнѣ кто-то и говоритъ: этотъ садъ общій твой съ Еленою Васильевной и за тобой скоро и она придетъ въ этотъ садъ!“ Такъ и случилось.

Михаилъ Васильевичъ Мантуровъ заболѣлъ въ имѣніи генерала Купріянова злокачественной лихорадкой и какъ говорилось уже, написалъ письмо сестрѣ Еленѣ Васильевнѣ, поручая ей спросить батюшку о. Серафима, какъ ему спастись. О. Серафимъ приказалъ разжевывать ему горячій мякишъ хорошо испеченнаго оржанаго хлѣба и тѣмъ исцѣлилъ его. Но вскорѣ, онъ призвалъ къ себѣ Елену Васильевну, которая явилась въ сопровожденіи своей послушницы и церковницы Ксеніи Васильевны и сказалъ ей: „ты всегда

меня слушала, радость моя, и вотъ теперь хочу я тебѣ дать одно послушаніе... Исполнишь-ли его, матушка? „Я всегда васъ слушала, отвѣтила она, и всегда готова васъ слушать!“ „Во, во, такъ радость моя!“ воскликнулъ старецъ и продолжалъ: „вотъ видишь-ли матушка, Михаилъ Васильевичъ, братецъ-то твой боленъ у насъ и пришло время ему умирать... умереть надо ему, матушка, а онъ мнѣ еще нуженъ для обители-то нашей, для сиротъ-то... Такъ вотъ и послушаніе тебѣ: умри ты за Михаила-то Васильевича, матушка! „Благословите, батюшка!“ отвѣтила Елена Васильевна смиренно и какъ будто покойно. О. Серафимъ послѣ этого долго, долго бесѣдовалъ съ ней, услаждая ея сердце и касаясь вопроса смерти и будущей вѣчной жизни. Елена Васильевна молча все слушала, но вдругъ смутилась и произнесла: „Батюшка! я боюсь смерти!“ „Что намъ съ тобой бояться смерти, радость моя! отвѣтилъ о. Серафимъ, „для насъ съ тобою будетъ лишь вѣчная радость!“

Простилась Елена Васильевна, но лишь шагнула за порогъ келіи, тутъ-же упала... Ксенія Васильевна подхватила ее, батюшка о. Серафимъ приказалъ положить ее на стоявшій въ сѣняхъ гробъ, а самъ принесъ святой воды, окропилъ Елену Васильевну, далъ ей напиться и такимъ образомъ привелъ въ чувства. Вернувшись домой она заболѣла, слегла въ постель и сказала: „теперь уже я болѣе не встану!“

По разсказамъ очевидцевъ ея кончина была замѣчательная. Въ первую же ночь она видѣла знаменательный сонъ. На мѣстѣ Казанской Дивѣевской церкви была какъ бы площадь или торжище и на ней великое множество народа... Вдругъ народъ разступился передъ двумя воинами, которые къ ней подошли. „Иди съ нами къ Царю!“ сказали они Еленѣ Васильевнѣ, — Онъ тебя къ себѣ призываетъ!“ Она повиновалась и пошла за воинами. Ее привели къ мѣсту на которомъ возсѣдали необычайной красоты Царь и Царица, которыя принявъ ея смиренный поклонъ, сказали: „Не забудь 25-го числа, мы тебя къ себѣ возьмемъ!“ Проснувшись, Елена Васильевна разсказала всѣмъ свой

сонъ и приказала записать число... Только тремя днями пережила она его.

За эти нѣсколько дней болѣзни Елена Васильевна особоровалась и насколько возможно часто пріобщалась Св. Таинъ. Духовникъ ея, о. Василій Садовскій, видя ея слабость, посовѣтывалъ было ей написать брату Михаилу Васильевичу, который ее сильно любилъ, но она отвѣтила: „нѣтъ, батюшка, не надо! Мнѣ будетъ жаль ихъ и это возмутитъ мою душу, которая уже не явится ко Господу такою чистою, какъ то подобаетъ!"

Трое сутокъ до смерти Елена Васильевна была постоянно окружена видѣніями и для непонимающихъ людей могло казаться, что она въ забытьи. „Ксенія! Гости будутъ у насъ!" вдругъ произнесла она, „смотри-же, чтобы у насъ все было здѣсь чисто!" „Да кто-же будетъ-то, матушка?" спросила ее послушница. „Кто!?... Митрополиты, Архіереи и весь духовный причтъ"... отвѣтила она удивленно. Въ день смерти Елена Васильевна опять повторила: „Ксенія! Не накрыть-ли столъ-то? Вѣдь гости скоро будутъ!" Ксенія Васильевна тотчасъ согласилась и исполнила желаніе умирающей, накрывъ столъ бѣлою, чистою скатертью. „Смотри-же Ксенія, твердила Елена Васильевна, чтобы все, все у тебя было чисто, какъ возможно чисто!" Когда-же она увидѣла, что все исполнено ея послушницей, поблагодарила и произнесла: „Ты Ксенія не ложись, а Агафьи Петровнѣ вели лечь... И ты не садись, смотри Ксенія, а такъ постой немного!" Умирающая была окружена образами. Но вдругъ вся измѣнившись въ лицѣ, радостно воскликнула она: „Святая игуменія!... Матушка, обитель-то нашу не оставь!.." Долго, долго со слезами молила умирающая все объ обители и много, но не связно говорила она, а затѣмъ совершенно затихла. Не много погодя, какъ-бы опять очнувшись, она позвала Ксенію, говоря: „Гдѣ-же это ты? Смотри, еще гости вѣдь будутъ!.." потомъ вдругъ воскликнула: „Грядетъ! Грядетъ!.. Вотъ и Ангелы!.. Вотъ мнѣ вѣнецъ и всѣмъ сестрамъ вѣнцы!.." долго еще говорила, но опять непонятно. Видя и слыша все это, Ксенія Васильевна въ страхѣ воскликнула: „матушка! Вѣдь вы отходите! Я по-

шлю за батюшкою!“—„Нѣтъ, Ксеньюшка, погодите еще, сказала Елена Васильевна, я тогда сама скажу вамъ!“ Много времени спустя она послала за о. Василіемъ Садовскимъ, чтобы еще въ послѣдній уже разъ особороваться и пріобщиться Св. Христовыхъ Таинъ. (Записки Н. А. Мотовилова и лѣтописныя сказанія обители).

Во время исповѣди, какъ собственноручно написалъ о. Василій,—умирающая повѣдала какого видѣнія и откровенія она была разъ удостоена.

„Я не должна была ранѣе разсказывать это, объяснила Елена Васильена, а теперь уже могу! Въ храмѣ я увидѣла въ раскрытыхъ Царскихъ дверяхъ величественную Царицу, неизреченной красоты, которая, призывая меня ручкой, сказала: „Слѣдуй за Мною и смотри, что покажу тебѣ!“ Мы вошли во дворецъ; описать красоту его, при полномъ желаніи, не могу вамъ, батюшка! Весь онъ былъ изъ прозрачнаго хрусталя и двери, замки ручки и отдѣлка — изъ чистѣйшаго золота. Отъ сіянія и блеска трудно было смотрѣть на него; онъ весь какъ-бы горѣлъ. Только подошли мы къ дверямъ они сами собой отворились и мы вошли какъ-бы въ безконечный корридоръ, по обоимъ сторонамъ котораго были все запертыя двери. Приблизясь къ первымъ дверямъ, которыя тоже при этомъ сами собой раскрылись, я увидѣла огромное зало; въ немъ были столы, кресла и все это горѣло отъ неизъяснимыхъ украшеній. Оно наполнялось сановниками и необыкновенной красоты юношами, которые сидѣли. Когда мы вошли, всѣ молча встали и поклонились въ поясъ Царицѣ. „Вотъ смотри, сказала Она указывая на всѣхъ рукою, — это Мои благочестивые купцы“... Предоставивъ мнѣ время разсмотрѣть ихъ хорошенько, Царица вышла и двери за нами затворились сами собой. Слѣдующая зала была еще большей красоты; вся она казалась залитою свѣтомъ! Она была наполнена однѣми молодыми дѣвушками, одна другой лучше, одѣтыми въ платья, необычайной свѣтлости и съ блестящими вѣнцами на головахъ. Вѣнцы эти различались видомъ и на нѣкоторыхъ было надѣто по два, и по три заразъ. Дѣвушки сидѣли, но при нашемъ появленіи всѣ встали молча, по-

клонились Царицѣ въ поясъ. „Осмотри ихъ хорошенько, хороши-ли они и нравятся-ли тебѣ, сказала Она мнѣ милостиво. Я стала разсматривать указанную мнѣ одну сторону залы и что-же, вдругъ вижу, что одна изъ дѣвицъ, батюшка, ужасно похожа на меня!“ Говоря это Елена Васильевна смутилась, остановилась, но потомъ продолжала: „Эта дѣвица улыбнувшись, погрозилась на меня! Потомъ, по указанію Царицы я начала разсматривать другую сторону залы и увидала на одной изъ дѣвушекъ такой красоты вѣнецъ, такой красоты, что я даже позавидовала!“ проговорила Елена Васильевна вздохнувъ... ...„И все это, батюшка, были наши сестры, прежде меня бывшія въ обители и теперь еще живыя, и будущія! Но называть ихъ не могу, ибо не велѣно мнѣ говорить. Выйдя изъ этого зала, двери котораго за нами сами-же затворились, подошли мы къ третьему входу и очутились снова въ залѣ, несравненно менѣе свѣтломъ, въ которомъ также были все наши-же сестры, какъ и во второмъ, бывшія, настоящія и будущія; тоже въ вѣнцахъ, но не столь блестящихъ и называть ихъ мнѣ не приказано. Затѣмъ мы перешли въ четвертое зало, почти полумрачное наполненное все также сестрами, но лишь настоящими и будущими, которые или сидѣли, или лежали; иныя были скорчены болѣзнью и безъ всякихъ вѣнцовъ съ страшно унылыми лицами и на всемъ и на всѣхъ лежали какъ-бы печать болѣзни и невыразимой скорби. „А это нерадивыя!“ сказала мнѣ Царица, указывая на нихъ. „Видишь-ли, продолжала она, какъ ужасно нерадѣніе! Вотъ онѣ и дѣвицы, а отъ своего нерадѣнія никогда не могутъ уже радоваться! „Вѣдь то-же все наши сестры, батюшка, но мнѣ запрещено называть ихъ! „объяснила Елена Васильевна и горько заплакала.

Какъ только ушелъ о. Василій изъ келіи, причастивъ Елену Васильевну, она сказала Ксеніи: „Ксенія! вынесите сейчасъ-же отъ меня икону Страстной Божіей Матери въ церковь! Это икона чудотворная!“ Она была на время перенесена въ келію изъ церкви. Сестры молча выслушали приказаніе, но оно показалось имъ страннымъ и онѣ не исполнили его, полагая, что Елена Васильевна говоритъ

въ бреду или въ забытьи, но умирающая быстро поднявшись и строго посмотрѣвъ на послушницъ, сказала съ упрекомъ: „Ксенія! Всю жизнь ты меня не оскорбляла, а теперь передъ смертію это дѣлаешь! Я вовсе не въ бреду, какъ вы это думаете, а говорю вамъ дѣло! Если вы икону теперь не вынесете, то вамъ не дадутъ уже вынести ее и она упадетъ! Вотъ вы не слушаете, а послѣ сами-же будете жалѣть! И едва успѣли вынести икону, какъ ударили къ обѣднѣ. „Сходи-ка Ксенія къ обѣднѣ...“ проговорила Елена Васильевна, „да помолись за всѣхъ насъ!“ Что это вы, матушка, испуганно сказала Ксенія Васильевна, а вдругъ... (умрете вы! хотѣла было сказать она). Но Елена Васильевна не давъ ей докончить произнесла: „ничего, я дождусь!“ И когда Ксенія вернулась послѣ обѣдни, то Елена Васильевна встрѣтила ее словами: „вотъ видишь-ли, я сказала, что дождусь и дождалась тебя!“ Потомъ обращаясь ко всѣмъ, продолжала она: „за все, за все благодарю васъ! И вы меня всѣ Христа ради простите!“ Ксенія, видя, что Елена Васильевна вдругъ вся просвѣтлѣла, и отходитъ, испуганно къ ней бросилась и стала молить ее еще сказать: „матушка,... тогда... нынче ночью-то, я не посмѣла тревожить и спросить васъ, а вотъ теперь вы отходите... скажите мнѣ, матушка, Господа ради скажите, вы видѣли Господа?!“ ...„Бога невозможно человѣкамъ видѣти, на Него-же... не смѣютъ чины ангельскіе взирати!“ тихо и сладко запѣла Елена Васильевна, но Ксенія продолжала молить, настаивать и плакать. Тогда Елена Васильевна сказала: „видѣла Ксенія“ и лицо сдѣлалось восторженное, чудное, ясное... „видѣла какъ неизрѣченный Огнь, а Царицу и Ангеловъ видѣла просто!“ „А что-же, матушка, спросила опять Ксенія, а вамъ-то, вамъ-то что будетъ?“ „Надѣюсь на милосердіе Господа моего, Ксенія, произнесла смиренная праведница, отходящая ко Господу, „Онъ не оставитъ!“ Затѣмъ она начала говорить о церкви, какъ и что должно дѣлать, чтобы она была всегда въ порядкѣ и заторопила послушницъ: „собирайте меня скорѣе, скорѣе, не отворяя двери!“ Выносите сейчасъ-же въ церковь! А то сестры вамъ помѣшаютъ и не дадутъ собрать!“ „Поздно, матушка, не успѣемъ до вечерни“ отвѣтила ей

Ксенія. „Нѣтъ, нѣтъ, успѣете еще!“ какъ-бы торопясь говорила Елена Васильевна... „какъ я говорю, такъ и дѣлайте! Слушайтесь, да скорѣе, а то Богъ накажетъ! Спохватитесь послѣ, да ужъ поздно будетъ, не воротите!“ И сестры стали ее спѣшно убирать. „Охъ! Ксенія! Ксенія! го это?“ вдругъ воскликнула она, испуганно прижавшись ь послушницѣ, „что это?! Какіе два безобразные; это раги!.. Ну да эти вражіе навѣты, уже ничего мнѣ не могъ теперь сдѣлать!“ Затѣмъ совершенно покойно она гянулась и скончалась.

Справедливо настаивала праведная, требуя запереть ри и чтобы ее живую уже совершенно приготовили въ бъ, а затѣмъ немедленно по смерти вынесли въ церковь, ому что, едва лишь успѣли это все исполнить, какъ ры, чрезвычайно любившіе ее, узнавъ о ея кончинѣ, ились съ страшнымъ воплемъ въ двери крошечной келіи, озволяя положить ее въ присланный за трое сутокъ шкой о. Серафимомъ гробъ, выдолбленный изъ цѣлаго Въ эту минуту начали звонить къ вечерни и поэтому несли въ церковь. На нее одѣли рубашечку о. Сераплатокъ и монатейную ряску. Обули въ башмаки, ки положили шерстяныя четки и сверхъ всего покрыли гъ коленкоромъ. Волосы ея всегда заплетенные въ были закрыты подъ платочкомъ шапочкою изъ батюкъ поручей, которую самъ старецъ надѣлъ ей послѣ кенія. Она скончалась 27-ми лѣтъ отъ рожденія, проь Дивѣевской обители всего семь лѣтъ. Елена Ваа была чрезвычайно красивой и привлекательной сти, круглолицая, съ быстрыми черными глазами и же волосами, высокаго роста.

тотъ-же часъ, батюшка о. Серафимъ, провидѣвъ поспѣшно и радостно посылалъ работавшихъ у него ѣ сестеръ въ Дивѣево, говоря: „скорѣе, скорѣе въ обитель, тамъ великая госпожа ваша отошла ко

это произошло 28 мая 1832 года, наканунѣ праздидесятницы, а на другой день, въ самую Троицу, заупокойной литургіи и пѣнія Херувимской пѣсни,

во очію всѣхъ предстоящихъ во храмѣ покойная Елена Васильевна какъ живая, три раза радостно улыбнулась въ гробу своемъ.

Ее похоронили рядомъ съ могилою первоначальницы матушки Александры, съ правой стороны Казанской церкви. Въ эту могилу не разъ собирались похоронить многихъ мірскихъ, но матушка Александра, какъ бы не желая этого, совершала каждый разъ чудо; могила заливалась водою и хоронить дѣлалось невозможнымъ. Теперь-же та же могила осталась сухою и въ нее опустили гробъ праведницы и молитвенницы Серафимовой обители.

На третій день по кончинѣ Елены Васильевны, Ксенія Васильевна пошла вся въ слезахъ къ батюшкѣ о. Серафиму. Увидѣвъ ее, великій старецъ, любившій покойную праведницу не менѣе всѣхъ сестеръ, невольно встревожился и сейчасъ же отсылая Ксенію домой, сказалъ ей: „Чего плачете? Радоваться надо! На сороковой день придешь сюда, а теперь иди, иди домой! Надо, чтобы всѣ 40 дней, ежедневно была бы обѣдня и какъ хочешь, въ ногахъ валяйся у батюшки о. Василія, а чтобы обѣдни были!“ Захлебываясь отъ слезъ ушла Ксенія Васильевна, а о. Павелъ, сосѣдъ по келіи съ о. Серафимомъ видѣлъ, какъ батюшка долго, долго ходилъ растревоженный по комнатѣ своей и восклицалъ: „ничего не понимаютъ! Плачутъ!.. А кабы видѣли, какъ душа-то ея летѣла, какъ птица вспорхнула! Херувимы и Серафимы разступились! Она удостоилась сидѣть не далеко отъ Святыя Троицы, аки дѣва!“

Когда Ксенія Васильевна пришла на сороковой день по смерти Елены Васильевны къ батюшкѣ о. Серафиму, по его приказанію, то старецъ, утѣшая свою любимую церковницу, сказалъ радостно: „какія вы глупыя, радости мои! Ну что плакать-то! Вѣдь это грѣхъ! Мы должны радоватся; ея душа вспорхнула какъ голубица, вознеслась ко св. Троицѣ. Предъ нею разступились Херувимы и Серафимы и вся небесная сила! Она прислужница Матери Божіей, матушка! Фрейлина Царицы Небесной она, матушка! Лишь радоваться намъ, а не плакать должно! Со временемъ ея мощи и Маріи Семеновны будутъ почивать открыто въ обители, ибо

обѣ онѣ такъ угодили Господу, что удостоились нетлѣнія! Во, матушка, какъ важно послушаніе! Вотъ Марія-то на что молчалива была и токмо отъ радости, любя обитель, преступила заповѣдь мою и разсказала малое, а все же за то, при вскрытіи мощей ея въ будущемъ, предадутся тлѣнію одни только уста ея!“ (Записки протоіерея Садовскаго и Н. А. Мотовилова, показаніе живой еще Ксеніи Васильевны).

Изъ образовъ Елены Васильевны осталось въ обители: а) икона Елецкой Божіей Матери 1773 года, въ серебренозолоченой ризѣ, родительское благословеніе ея б) икона Успенія Богоматери въ фольгѣ и в) икона Спасителя, несущаго крестъ, по воску, работана разноцвѣтнымъ бисеромъ самою Еленою Васильевной.

ГЛАВА XVIII.

Изнеможеніе о. Серафима. Еще примѣры прозорливости его и исцѣленія. Совѣты мірянамъ. Предсказанія о. Серафима о своей смерти. Посѣщеніе блаженнымъ старцемъ Тимономъ. Непріятности отъ бѣглой дѣвушки. Посѣщеніе архіепископомъ Тамбовскимъ Арсеніемъ.

За годъ до смерти, о. Серафимъ почувствовалъ крайнее изнеможеніе силъ душевныхъ и тѣлесныхъ. Ему было теперь около 72-хъ лѣтъ. Обыкновенный порядокъ жизни его заведенный съ окончанія затвора, неминуемо подвергся теперь измѣненію. Старецъ сталъ рѣже ходить въ пустынную келію. Въ монастырѣ также тяготился постоянно принимать посѣтителей. Народъ свыкшійся съ мыслію безпрепятственно видѣть о. Серафима во всякое время, скорбѣлъ, что теперь онъ началъ уклоняться отъ взоровъ. Однако же усердіе къ нему заставляло многихъ не малое время проживать на монастырской гостинницѣ, чтобы изыскать необременительный для глубокаго старца случай увидѣть его и выслушать изъ устъ его желаемое слово назиданія или утѣшенія.

Старецъ о. Серафимъ, какъ и въ прежніе годы, продолжалъ, хотя изрѣдка, наставлять людей, больнымъ подавалъ молитвами своими исцѣленія и предвозвѣщалъ будущія событія. Къ этому году относятся слѣдующіе замѣчательные случаи изъ отношеній его къ посѣтителямъ (стр. 197, изд. 1893 г.).

Рясофорный монахъ Нижегородскаго Печерскаго монастыря Василій разсказывалъ слѣдующее обстоятельство о свиданіи своемъ съ Саровскимъ подвижникомъ:

„Въ 1825 году, отецъ мой Владимірской губерніи, Муромскаго уѣзда, села Зяблицкаго погоста, крестьянинъ графини Юліи Самойловой, отправился съ двумя малолѣтными своими дѣтьми, мною, 6-ти лѣтнимъ Василіемъ, и братомъ моимъ Кирилломъ, въ Саровскую пустынь помолиться и принять благословеніе отъ о. Серафима. Мы прибыли туда наканунѣ праздника Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста Господня, и на другой день, послѣ ранней обѣдни, отправились къ о. Серафиму. Богоугодный старецъ благословляя насъ, сказалъ обо мнѣ отцу моему, что я не буду его кормильцемъ, и попросилъ его купить для меня Евангеліе; а о братѣ моемъ сказалъ, что онъ будетъ жить при родителяхъ и помогать имъ. Съ тѣхъ поръ отецъ и мать мои часто напоминали мнѣ объ этомъ предсказаніи.

На 14-мъ году возраста я пожелалъ самъ удостовѣриться въ словахъ прозорливаго старца и съ этою цѣлію испросилъ у своихъ родителей позволеніе побывать въ Саровской пустынѣ у о. Серафима: это было въ 1832 году. Когда я пришелъ къ старцу и хотѣлъ спросить его о будущей своей жизни, онъ самъ, предупреждая слова мои, сказалъ мнѣ: „радость моя, тебѣ слѣдуетъ поступить въ монастырь". Когда же я отвѣчалъ ему, что я человѣкъ господскій, онъ сказалъ: „гряди: Божія Матерь тебѣ поможетъ, и графиня, помѣщица твоя, чрезъ ходатайство великихъ людей, отпуститъ тебя на волю".

Съ этимъ утѣшительнымъ предсказаніемъ и съ благословеніемъ о. Серафима, я возвратился домой.

Достигши же 17-ти лѣтняго возраста, я получилъ, наконецъ, отъ своихъ родителей согласіе на поступленіе въ монашество, и будучи еще господскимъ человѣкомъ, поступилъ въ Саровскую пустынь. По прошествіи двухъ лѣтъ, игуменъ Саровскій, о. Нифонтъ, благословилъ меня, какъ оказавшагося, по искусѣ, способнымъ къ монастырскимъ послушаніямъ, хлопотать объ увольненіи изъ крѣпостнаго состоянія. Это побудило меня отправиться въ С.-Петербургъ, и здѣсь промыслъ Божій указалъ мнѣ обратиться съ просьбою объ исходатайствованіи столь желаемаго мною увольненія къ настоятелю Сергіевской пустыни, о. архимандриту Игнатію.

Добрый настоятель тотчасъ же согласился на мою просьбу, и вскорѣ дѣйствительно исхлопоталъ мнѣ это увольненіе. По представленіи его о. Нифонту, я былъ принятъ въ Саровской пустынѣ послушникомъ, а оттуда перешелъ въ Нижегородскій Печерскій монастырь, гдѣ и понынѣ нахожусь подъ покровомъ Царицы Небесной. Такимъ образомъ исполнилось въ точности предскасаніе о. Серафима (стр. 198, изд. 1893 г.).

Родныя сестры, изъ дворянъ, дѣвицы Екатерина и Анна Васильевны Ладыженскія *), находившіяся въ числѣ сестеръ Дивѣевской обители, повѣствовали слѣдующее: (стр. 199, изд. 1893 г.).

„Въ 1832 году, родной братъ нашъ О. В—чъ Ладыженскій, находящійся нынѣ предсѣдателемъ военной коммиссіи въ Оренбургѣ, былъ посланъ въ Китай, для сопровожденія духовной миссіи. Такъ-какъ дорога эта лежала черезъ Нижній-Новгородъ, гдѣ мы имѣли родную бабушку игуменью въ Крестовоздвиженскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ, то желая какъ посѣтить престарѣлую свою бабушку, чтимую всѣми, знающими ее, и даже отцемъ Серафимомъ, такъ равно и повидаться съ нами, сестрами своими, жившими тогда въ Пензѣ, еще въ мірѣ, братъ нашъ вызвалъ насъ въ Нижній-Новгородъ.

Самъ онъ прибылъ туда на страстной недѣлѣ Великаго поста, въ самую распутицу, и по необходимости долженъ былъ дожидаться здѣсь лучшаго пути, тѣмъ болѣе, что отъ дурной дороги занемогъ. Въ послѣднюю турецкую кампанію онъ былъ раненъ въ лѣвую руку, и теперь боль въ рукѣ возобновилась и заставила его лечиться и брать ванны.

Мы же, четыре сестры, имѣя счастіе знать и питая горячую вѣру къ молитвамъ преподобнаго о. Серафима, воспользовались этою невольною остановкою брата, и начали убѣждать его съѣздить съ нами въ Саровскую обитель, чтобы удостоиться видѣть и получить благословеніе о. Серафима на такой долгій и опасный путь.

---

*) Екатерина Васильевна Ладыженская была 15-ть лѣтъ настоятельницею Дивѣевской общины.

Послѣ многихъ усилій, онъ, наконецъ, склонился на нашу просьбу, но не по вѣрѣ въ святость жизни и прозорливость о. Серафима, котораго хотя и уважалъ, но далеко не раздѣлялъ къ нему нашихъ чувствъ, а единственно для успокоенія нашего, по любви къ намъ, такъ какъ мы твердили ему беспрестанно, что только тогда будемъ спокойны на его счетъ, когда онъ посѣтитъ съ благоговѣніемъ чтимаго нами старца.

Наканунѣ отъѣзда мы имѣли съ братомъ большой разговоръ и споръ о. св. иконахъ. Мы называли многія иконы чудотворными, а братъ опровергалъ насъ, говоря, что различать иконы и называть нѣкоторыя изъ нихъ чудотворными, есть дѣло суевѣрія, и что всѣ иконы одинаковы.

Поѣхали же мы въ Саровъ съ такимъ расчетомъ, чтобы пробыть тамъ воскресный, или какой-нибудь другой праздничный день; намъ хотѣлось, чтобы братъ увидѣлъ о. Серафима первый разъ въ церкви, когда онъ будетъ пріобщаться св. Таинъ.

По пріѣздѣ, мы всѣ отправились къ ранней обѣднѣ, за которою обыкновенно пріобщался о. Серафимъ; и когда она кончилась, братъ нашъ вошелъ въ алтарь, чтобы принять тамъ благословеніе отъ о. Серафима и передать ему нѣсколько словъ отъ бабушки нашей, игуменьи, и отъ преосвященнаго Аѳанасія, который управлялъ тогда Нижегородскою епархіею, а впослѣдствіи былъ переведенъ въ Тобольскъ, гдѣ и скончался; мы же возвратились въ занимаемую нами гостинную келію.

Вскорѣ возвратился и братъ нашъ, и мы замѣтили въ немъ большое измѣненіе. Первымъ словомъ его было сознаніе, что о. Серафимъ сотворилъ надъ нимъ чудо. Именно, онъ говорилъ: „пока я передавалъ о. Серафиму то, что поручили мнѣ передать бабушка и преосвященный, онъ взялъ меня за больную мою руку и такъ крѣпко сжалъ, что я только отъ стыда не вскрикнулъ; но теперь не ощущаю въ рукѣ рѣшительно никакой боли“.

Послѣ трапезы мы всѣ пошли въ лѣсъ, къ пустынѣ о. Серафима; увидавъ его издали, сидящаго противъ своего источника, предложили брату идти къ нему одному, а сами

остались вдали смотрѣть на нихъ. Братъ пошелъ и принятъ былъ о. Серафимомъ, повидимому, очень милостиво, потому что онъ благословилъ его и, посадивъ подлѣ себя, разговаривалъ съ нимъ съ полчаса времени. Наконецъ о. Серафимъ, поднявъ свою голову, сдѣлалъ намъ знакъ рукою, чтобы мы приблизились. Пока мы подходили, онъ уже всталъ съ своего мѣста и мы нашли его, съ заступомъ въ рукахъ, копавшаго свои грядки. Онъ былъ въ бѣломъ балахончикѣ и повязанъ тряпичкою; а плечи его были покрыты кожею. Мы получили его благословеніе, и когда братъ подошелъ къ нему также, онъ сказалъ ему: „подожди, батюшка, я сейчасъ выйду къ тебѣ". Съ этимъ словомъ онъ пошелъ въ пустынную свою келію и тотчасъ же вынесъ оттуда половину просфоры, и подавая ее брату, сказалъ ему съ любовію: „на тебѣ, отъ моей души". И потомъ прибавилъ какъбы съ грустію: „мы съ тобою болѣе не увидимся". Тронутый братъ отвѣчалъ ему: „нѣтъ, батюшка, я еще завтра приду къ вамъ; благословите". Но о. Серафимъ повторилъ: „мы съ тобою болѣе не увидимся". Братъ возразилъ еще: „батюшка, я и на возвратномъ пути заѣду къ вамъ"; но отецъ Серафимъ въ третій разъ повторилъ: „нѣтъ, мы съ тобою больше не увидимся".

Простившись съ о. Серафимомъ, мы отправились въ монастырь; сестры шли впередъ, а я, грѣшная Екатерина, съ братомъ, немного позади ихъ. Замѣчая въ братѣ большую перемѣну я спросила его о причинѣ, и онъ отвѣчалъ мнѣ такъ: „теперь я совершенно убѣжденъ въ святости и прозорливости этого дивнаго мужа. Все, что вы ни говорили о немъ — истинно и вы ничего не преувеличили". Прежде же онъ обыкновенно отзывался о немъ такъ: „я вѣрю, что онъ хорошей жизни, но вы слишкомъ все преувеличиваете".

Я попросила брата разсказать мнѣ все подробнѣе, и онъ разсказалъ слѣдующее: „когда я подошелъ къ нему подъ благословеніе и объяснилъ, что отправляюсь въ Китай, и потому нарочно заѣхалъ въ Саровъ, чтобы принять отъ него благословеніе и попросить его святыхъ молитвъ на такой дальній путь, тогда о. Серафимъ благословилъ меня, и посадивъ подлѣ себя, сказалъ: „что, батюшка, мое грѣшное

благословеніе? Проси помощи у Царицы Небесной; вотъ, въ тепломъ соборѣ у насъ икона Живоноснаго Источника: отслужи ей молебенъ; вѣдь она чудотворная, она тебѣ поможетъ". И потомъ съ улыбкою продолжалъ: „читалъ ли ты, батюшка, житіе Іоанникія Великаго? Я совѣтую прочесть. Это былъ военный, весьма добрый и хорошій человѣкъ, и сначала не то, чтобы онъ не былъ христіаниномъ; онъ вѣровалъ въ Господа, но въ иконахъ-то заблуждалъ такъ же, какъ и ты". И при этихъ словахъ онъ показалъ на меня рукою. Я былъ весьма пораженъ этими словами.

„Отецъ же Серафимъ продолжалъ послѣ того милостиво бесѣдовать со мною и давать мнѣ наставленія, особенно, чтобы я самъ былъ милосердъ, если хочу, чтобы Господь Богъ былъ ко мнѣ милосердъ. Въ заключеніе онъ предсказалъ, что я исполню возложенное на меня порученіе и возвращусь благополучно".

Изъ пустыни мы прошли прямо въ теплый соборъ, потому что братъ мой, воспламененный вѣрою и любовію къ о. Серафиму, пожелалъ немедленно исполнить его совѣтъ и отслужить молебенъ Царицѣ Небесной. Послѣ молебна онъ выпросилъ у знакомаго намъ іеромонаха Анастасія Читіюминею, отыскалъ тамъ житіе Іоанникія Великаго, и нашелъ что дѣйствительно Іоанникій былъ военный, добрый и сострадательный; что онъ вѣровалъ въ Господа, но заблуждалъ на счетъ иконъ, и наконецъ, что онъ нашелъ старца затворника, подобнаго о. Серафиму, который вывелъ его изъ заблужденія. Такимъ образомъ братъ нашъ выѣхалъ изъ Сарова съ полною вѣрою и любовію къ о. Серафиму. Онъ бросилъ всѣ свои лекарства, потому что уже не нуждался въ нихъ болѣе: онъ чувствовалъ себя исцѣленнымъ и душею и тѣломъ, и съ дороги писалъ намъ, что никогда не чувствовалъ себя столь здоровымъ.

Исполнивъ въ точности, по благодати Божіей и за молитвы праведника, порученіе, данное ему Августѣйшимъ Монархомъ, онъ возвратился въ отечество и хотѣлъ на возвратномъ пути еще разъ посѣтить о. Серафима; но мы увѣдомили его, что уже не стало дивнаго угодника Божія. И такимъ образомъ исполнилось его пророчество, которое онъ

говорилъ брату, при прощаніи: „мы съ тобою больше не увидимся.“

Считаемъ не лишнимъ помѣстить здѣсь еще одно обстоятельство, случившееся съ братомъ нашимъ и доказывающее благодатный даръ прозорливости въ отцѣ Серафимѣ.

Уѣзжая изъ Сарова, братъ нашъ поручилъ вышеупомянутому іеромонаху Анастасію доставить о. Серафиму отъ его усердія одну неважную вещь. Отецъ Серафимъ, принявши ее, изволилъ сказать о братѣ, что: „онъ опять здѣсь будетъ, но не одинъ; я—говорилъ онъ—приказалъ ему не оставлять жены.“ Отецъ Анастасій передалъ это извѣстіе мнѣ—говоритъ Екатерина Васильевна,—когда я пріѣхала въ Саровъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ отъѣзда брата; и я нисколько не сомнѣвалась въ истинѣ словъ праведника, хотя братъ и ничего не говорилъ намъ о намѣреніи своемъ вступить въ бракъ. Возвратившись домой, я написала о слышанномъ брату, и онъ отвѣчалъ намъ такъ: „дивный Серафимъ не ошибся и въ этомъ случаѣ: онъ проникъ въ тайну души моей; я избралъ себѣ по сердцу и положилъ твердое намѣреніе жениться на избранной мною“.

Екатерина Васильевна разсказываетъ еще слѣдующій случай объ о. Серафимѣ. „Въ одинъ изъ пріѣздовъ нашихъ въ Саровскую обитель, сестра моя пожертвовала на образъ Успенія Божіей Матери свои брильянтовыя серьги; и чтобы скрыть это дѣло, она вручила ихъ, въ коемъ присутствіи, знакомому намъ іеромонаху Дамаскину, съ просьбою передать ихъ настоятелю и никому не сказывать ничего.—Это происходило у крыльца кельи о. Серафима. Едва мы вошли вслѣдъ за тѣмъ къ старцу въ сѣни, какъ онъ встрѣтилъ сестру мою, сдѣлавшую пожертвованіе, съ самымъ радостнымъ видомъ и съ сими словами: „Божія Матерь вознаградитъ тебя за твою жертву и здѣсь и въ будущемъ.“ Мы остались послѣ нашихъ родителей совершенными по всему сиротами и утѣшались только тѣмъ, что старецъ, между прочими спасительными наставленіями, всегда говаривалъ намъ, что „онъ утѣшитъ насъ, что онъ будетъ за насъ молиться“.—И дѣйствительно, мы считаемъ себя теперь вполнѣ

утѣшенными, потому что Господь Богъ и Царица Небесная за молитвы о. Серафима сподобила насъ, двухъ сестеръ Екатерину и Анну, поступить въ число сестеръ Дивѣевской общины и принести хоть малѣйшую лепту нашего усердія въ пользу этой св. обители.

Особенно замѣчательна, по содержанію своему, бесѣда старца Серафима съ г. Богд—вымъ. Въ день Рождества Христова 1832 года, онъ удостоился видѣть о. Серафима въ Саровской пустынѣ. „Я, говорилъ г. Б , пришелъ въ больничную церковь къ ранней обѣднѣ еще до начатія службы и увидѣлъ, что о. Серафимъ сидѣлъ на правомъ клиросѣ, на полу. Я подошелъ къ нему тотчасъ подъ благословеніе, и онъ, благословивши меня, поспѣшно ушелъ въ алтарь, отвѣчая на мою просьбу побесѣдовать съ нимъ: „послѣ, послѣ“. По окончаніи же обѣдни, когда я снова подошелъ къ нему, онъ привѣтствовалъ меня словами: „молитвами Пресвятыя Богородицы все благо будетъ!“ Тогда я осмѣлился попросить его о назначеніи мнѣ времени для выслушанія отъ него спасительныхъ совѣтовъ. Старецъ на то отвѣчалъ мнѣ такъ: „два дня праздника. Времени не надо назначать. Св. Апостолъ Іаковъ, братъ Божій, поучаетъ насъ: аще Господь восхощетъ и живы будемъ, сотворимъ сіе и сіе“. Я поднесъ къ нему дочь свою Вѣру, и онъ, благословивши насъ, далъ намъ обоимъ сухарей.

Наконецъ, приготовивши заблаговременно вопросы, которые хотѣлъ я предложить старцу, я пришелъ къ нему въ келью. Онъ встрѣтилъ меня въ сѣняхъ, принялъ принесенныя мною, по порученію другихъ, свѣчи и масло, и благословилъ бесѣдовать съ собою.

Я спросилъ его: продолжать ли мнѣ мою службу, или жить въ деревнѣ? О. Серафимъ отвѣчалъ: „ты еще молодъ, служи.“ „Но служба моя нехороша“, возразилъ я; „это отъ твоей воли“, отвѣчалъ старецъ. „Добро дѣлай; путь Господень все равно! Врагъ вездѣ съ тобой будетъ. Кто пріобщается—вездѣ спасенъ будетъ; а кто не пріобщается—не мню. Гдѣ господинъ, тамъ и слуга будетъ. Смиряй себя, миръ сохраняй, ни за что не злобься“.

Я спросилъ еще: благополучно ли кончится мое дѣло?

Старецъ отвѣчалъ: „надобно полюбовно раздѣлиться съ родными, у кого есть что раздѣлить. Было у двухъ родныхъ братьевъ два озера; у одного все множилось, а у другаго нѣтъ. Тотъ и хотѣлъ завладѣть войною. Одному нивы надобно 12 саженъ, а другому болѣе. Не пожелай.“

Послѣ того я спросилъ: учить ли дѣтей языкамъ и прочимъ наукамъ? и онъ отвѣчалъ: „что же худаго знать что нибудь?“ Я же, грѣшный, подумалъ, разсуждая по мірскому, что нужно, впрочемъ, ему самому быть ученымъ, чтобы отвѣчать на это, и тотчасъ же услышалъ отъ прозорливаго старца обличеніе: „гдѣ мнѣ, младенцу, отвѣчать на это противъ твоего разума? Спроси кого поумнѣй.“

Вечеромъ, когда я пришелъ къ нему, первымъ его словомъ было: „бесѣду лучше оставить. За каждое праздное слово воздадимъ Богу отвѣтъ.“ Но я умолилъ его продолжить спасительную бесѣду и предложилъ ему слѣдующій вопросъ: скрываніе дѣлъ, предпринятыхъ во имя Господне, въ случаѣ, когда знаешь, что получишь за нихъ скорѣе осмѣяніе, нежели похвалу, не похоже ли на отверженіе Петра; и что дѣлать при противорѣчіяхъ? Старецъ на это отвѣчалъ мнѣ такъ: „Св. Апостолъ Павелъ въ посланіи къ Тимоѳею говоритъ: пей вино вмѣсто воды; а вслѣдъ за симъ слѣдуетъ: не упивайтесь виномъ. На это надо разумъ. Не воструби; а гдѣ нужно, не премолчи.“

Я спросилъ еще: что прикажетъ онъ мнѣ читать? и получилъ отвѣтъ: „Евангеліе по 4 зачала въ день, каждаго Евангелиста по зачалу, и еще жизнь Іова. Хотя жена и говорила ему: лучше умереть; а онъ все терпѣлъ и спасся. Да не забывай дары посылать обидѣвшимъ тебя.“

На вопросы мои: должно ли лѣчиться въ болѣзняхъ, и какъ вообще проводить жизнь, онъ отвѣчалъ: „Болѣзнь очищаетъ грѣхи. Однако же воля твоя. Иди среднимъ путемъ; выше силъ не берись—упадешь и врагъ посмѣется тебѣ; аще юнъ сынъ, удержись. Однажды діаволъ предложилъ праведнику прыгнуть въ яму, тотъ было согласился, но Григорій Богословъ удержалъ его. Вотъ что дѣлай: укоряютъ—не укоряй: гонятъ—терпи; хулятъ—хвали; осуждай самъ себя, такъ Богъ не осудитъ, покоряй волю свою волѣ Гос-

подней; никогда не льсти; познавай въ себѣ добро и зло: блаженъ человѣкъ, который знаетъ это, люби ближняго твоего: ближній твой—плоть твоя. Если по плоти поживешь, то и душу и плоть погубишь; а если по Божьему, то обоихъ спасешь. Эти подвиги больше, чѣмъ въ Кіевъ идти, или и далѣе, кого Богъ позоветъ.“ Послѣднія слова о. Серафима относились къ желанію моему отправиться на богомолье въ Кіевъ и далѣе, если благословитъ. Впрочемъ, я не открылъ ему еще этого желанія, и о. Серафимъ узналъ о немъ единственно по дару прозрѣнія, которое имѣлъ онъ по благодати Божіей.

Послѣ того я спросилъ старца: обязанъ ли человѣкъ, для поддержанія своего званія, вовлекаться въ издержки, превышающія его достатки и не составляющія у людей необходимости? Онъ отвѣчалъ: „кто какъ можетъ; но лучше, чѣмъ Богъ послалъ. Хлѣба и воды довольно для человѣка. Такъ было и до потопа.“

Еще спросилъ я; должно ли угожденіе людямъ простираться и на тѣ случаи, которые несогласны съ волею Божіею, напр. праздно проводить время и т. п.? На это о. Серафимъ возразилъ: „за эту любовь многіе погибли: аще кто не творитъ добра, тотъ и согрѣшаетъ. Надобно любить всѣхъ, а больше всего—Бога.“

Я попросилъ его помолиться обо мнѣ; онъ отвѣчалъ: „за всѣхъ молюсь всякій день. Устрой миръ душевный, чтобы никогда не огорчать и ни на кого не огорчаться: тогда Богъ дастъ слезы раскаянія,“ и опять подтвердилъ: „укоряютъ—не укоряй и т. д.“

На вопросъ мой: какъ сохранить нравственность людей, мнѣ подчиненныхъ, и не противны ли Богу законныя, повидимому, наказанія? Онъ отвѣчалъ: „милостями, облегченіемъ трудовъ, а не ранами. Напой, накорми, будь справедливъ. Господь терпитъ; Богъ знаетъ, можетъ быть и еще протерпитъ долго. Ты такъ дѣлай; аще Богъ прощаетъ и ты прощай. Сохрани миръ душевный, чтобы въ семействѣ у васъ ни за что не было ссоры; тогда благо будетъ. Исаакъ, Авраамовъ сынъ, не злобился, когда у него колодцы засыпали, и отходилъ; а потомъ его же стали просить къ

себѣ, когда Господь Богъ благословилъ его стократнымъ плодомъ ячменя".

Спрашивалъ я также о. Серафима на счетъ опасности нынѣшнихъ совѣтовъ, и можно ли ввѣриться ученію другихъ. Онъ отвѣчалъ: „это вамъ необновленнымъ", и улыбнулся. „Довольно одного Ангела-хранителя, отъ св. купели намъ даннаго. Если ярость въ коемъ есть—не слушай; если дѣвство кто хранитъ—Духъ Божій такихъ принимаетъ. Однако же самъ разумъ имѣй, и Евангеліе читай".

Я попросилъ о. Серафима растолковать мнѣ сонъ: я видѣлъ кого-то, который приказывалъ мнѣ выстроить церковь. О. Серафимъ сказалъ мнѣ: „это твое собственное желаніе, и если Богъ избралъ тебя на это и потребуетъ нужда, то съ Богомъ! Въ терпѣніи нашемъ стяжите души ваши, то и будете Богу подобны, а иначе я не мню, чтобы кто спасся".

Я спросилъ старца: нужно ли молиться Богу объ избавленіи отъ опасныхъ случаевъ? Старецъ отвѣчалъ: „въ Евангеліи сказано: молящеся не лишше глаголите: вѣсть бо Отецъ нашъ, ихже требуете, прежде прошенія вашего. Сице убо молитеся вы: Отче нашъ и проч., тутъ благодать Господня; а что приняла и облобызала св. Церковь, все для сердца христіанина должно быть любезно. Не забывай праздничныхъ дней: будь воздерженъ, ходи въ церковь, развѣ немощи когда; молись за всѣхъ: много этимъ добра сдѣлаешь; давай свѣчи, вино и елей въ церковь: милостыня много тебѣ блага сдѣлаетъ".

Когда я спросилъ о постѣ и бракѣ, старецъ сказалъ:

„Царство Божіе не брашно и питіе; но правда, миръ и радость о Дусѣ Святѣ; только не надобно ничего суетнаго желать, а все Божіе хорошо: и дѣвство славно и посты нужны для побѣжденія враговъ тѣлесныхъ и душевныхъ. И бракъ благословенъ Богомъ: и благослови ихъ Богъ, глаголя: раститеся и множитеся. Только врагъ смущаетъ все".

На вопросъ мой о духѣ мнительности и о хульныхъ помыслахъ, онъ отвѣчалъ: „невѣрнаго ничемъ не увѣришь.

Это отъ себя. Псалтирь купи: тамъ все есть. Три рубля стоитъ“.

Я спросилъ его: можно ли ѣсть скоромное по постамъ, если кому постная пища вредна, и врачи приказываютъ ѣсть скоромное? Старецъ отвѣчалъ: „хлѣбъ и вода никому не вредны. Какже люди по 100 лѣтъ жили? Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ; но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ. А что Церковь положила на семи Вселенскихъ соборахъ, то исполняй. Горе тому, кто слово одно прибавитъ къ сему, или убавитъ. Что врачи говорятъ про праведныхъ, которые исцѣляли отъ гніющихъ ранъ однимъ прикосновеніемъ, и про жезлъ Моvсея, которымъ Богъ изъ камня извелъ воду? Какая польза человѣку, аще міръ весь пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ? Господь призываетъ насъ: пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи и Азъ упокою вы: иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть: да мы сами не хотимъ“.

Чѣмъ, спросилъ я, истребить гордость и пріобрѣсть смиреніе? Онъ отвѣчалъ: „молчаніемъ. Богъ сказалъ Исаіи: на кого воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словесъ Моихъ“. Касательно духовной гордости онъ прибавилъ еще: „проси Бога, чтобы онъ продлилъ твои лѣта. Этого безъ труда не сдѣлаешь. Молчаніемъ же большіе грѣхи побѣждаются“.

Во все время нашей бесѣды о. Серафимъ былъ чрезвычайно веселъ. Онъ стоялъ, опершись на дубовый гробъ, приготовленный имъ для самого себя, и держалъ въ рукахъ зажженную восковую свѣчу. Начиная отвѣчать часто привѣтствовалъ меня словами: „ваше боголюбіе!“ О дочери моей сказалъ: „у нея путь трудный: выдетъ за такого мужа, что и Бога знать не будетъ“.

Прощаясь со мною, онъ благодарилъ меня за посѣщеніе его убожества, какъ самъ онъ выразилъ. Благословляя же, хотѣлъ даже поцѣловать мою руку, кланялся мнѣ все до земли и, надѣляя сухарями, приказывалъ раздѣлить ихъ съ моими подчиненными, и наконецъ, отпуская, сказалъ: „гряди съ Богомъ! Эти сухари свѣжіе: только-что изъ печки“. (Стр. 204—9 изд. 1893 г.).

„Къ большому прославленію чуднаго дара прозорливости въ благодатномъ старцѣ о. Серафимѣ, нужно объяснить, что я не имѣлъ возможности разспрашивать его такъ подробно и помнить всѣ его отвѣты. Притомъ же, онъ говорилъ чрезвычайно поспѣшно. Для этого всѣ свои вопросы я предварительно написалъ для памяти на бумагѣ и едва успѣвалъ я прочитывать ихъ предъ старцемъ, какъ тотчасъ же и получалъ на нихъ отвѣты".

Прозорливостію своею о. Серафимъ весьма много содѣйствовалъ къ счастію и благоустройству семейной жизни ближнихъ.

Пришелъ къ нему въ пустынь одинъ пріѣзжій офицеръ принять благословеніе на вступленіе въ бракъ. О. Серафимъ сказалъ, что его невѣста здѣсь, въ Саровѣ, на гостинницѣ. Чрезъ нѣсколько времени пришла дѣвица къ о. Серафиму и также повѣдала ему свое желаніе выдти въ замужество и виды, открывающіеся по сему предмету въ будущемъ. Старецъ сказалъ: „нѣтъ! твой женихъ здѣсь, въ Саровѣ." Оба приходившіе никогда не знали другъ друга и не видались. Простой случай, указанный Провидѣніемъ, свелъ ихъ между собою; молодые люди познакомились, съ участіемъ родныхъ рѣшили судьбу свою, вмѣстѣ пришли къ о. Серафиму и старецъ благословилъ ихъ къ вѣнцу. Вступивши въ бракъ, эти лица жили очень счастливо. (Стр. 209 изд. 1893 г.).

Это не былъ простой случай, а дѣло Божіе, совершившееся чрезъ старца. Дѣла Божіи всегда созидаются съ удивительною простотою: это ихъ особенность. Невниманіе къ совѣтамъ старца сопровождалось въ подобныхъ случаяхъ точнымъ исполненіемъ послѣдствій, имъ предвозвѣщаемыхъ. Такъ, одинъ Рязанскій помѣщикъ, будучи въ Саровѣ, просилъ молитвъ и благословенія о. Серафимъ на вступленіе въ бракъ. Старецъ указалъ ему невѣсту, Богомъ назначенную, въ лицѣ одной особы, жившей по имѣнію въ сосѣдствѣ съ просителемъ, называя ее по имени. Молодой человѣкъ отказался исполнить совѣтъ его, потому что онъ имѣетъ уже невѣсту изъ живущихъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ его полкъ. О. Серафимъ сказалъ: „тебѣ сія не принадлежитъ въ радость, но въ печаль и слезы."

Молодой человѣкъ женился, однакоже, по-своему, но жена его, не переживъ и года, умерла, и были мужу „печаль и слезы.“ Вдовцемъ онъ былъ опять у о. Серафима и, по вторичному его совѣту, взялъ ту, которую и прежде назначалъ старецъ. Послѣ брака жили они счастливо. (стр. 210 изд. 1893 г.).

Членовъ семейства, жившихъ врознь, о. Серафимъ соединялъ вмѣстѣ въ исполненіе Писанія: *яже Богъ сочета, человѣка да не разлучаетъ*. Господа Т-вы, Пензенской губерніи и изъ Таганрога, разошлись между собою по непріятностямъ и дѣтей развели. Мужъ проживалъ въ Пензѣ, а жена въ Таганрогѣ. Къ счастію обоихъ, г. Т-въ посѣтилъ Саровъ. О. Серафимъ только что взглянулъ на него, сталъ обличать его и грозилъ ему, говоря: „зачѣмъ ты не живешь съ женой? Ступай къ ней, ступай!“ Рѣчь старца привела заблудшаго въ сознаніе: онъ отправился изъ Сарова въ Таганрогъ, взялъ свою жену, съѣздилъ съ ней на богомолье въ Кіевъ и стали они жить съ тѣхъ поръ вмѣстѣ въ деревнѣ, близь Таганрога, благополучно и по закону Божію. „Я видала—пишетъ боголюбивая Марія къ затворнику Георгію—письма ихъ послѣ извѣстія о смерти старца: они исполнены горести, что умеръ отецъ ихъ и благодѣтель.“ (Тамъ же).

Одна мать очень скорбѣла о своемъ сынѣ, котораго совсѣмъ потеряла изъ виду. Съ растерзаннымъ сердцемъ припала она къ ногамъ о. Серафима и просила молитвъ его о томъ, кого считала она погибшимъ. Старецъ сказалъ въ отвѣтъ матери, чтобы она пожила въ Саровѣ на гостинницѣ и подождала своего сына. Она и ждала день, два, три, а наконецъ, недоумѣвая на счетъ отвѣта о. Серафима, пришла къ нему принять благословеніе, имѣя въ виду отправиться во свояси. Чтоже? Въ то время, какъ она пошла въ келію старца, у него былъ на благословеніи и сынъ ея. О. Серафимъ взялъ его за руку, подвелъ къ матери и поздравилъ ее съ возвращеніемъ къ ней сына. (Тамъ же).

Кромѣ предсказаній другимъ, старецъ началъ теперь предсказывать и о своей смерти.

Такъ, пришла разъ къ нему сестра Дивѣевской общины Параскева Ивановна съ другими сотрудницами изъ сестеръ

же. Старецъ началъ говорить имъ: „я силами слабѣю; живите теперь однѣ: оставляю васъ". Скорбная бесѣда о разлукѣ растрогала слушательницъ; онѣ заплакали и съ тѣмъ разстались съ старцемъ. Однакоже онѣ подумали, по поводу этой бесѣды, не о смерти его, а о томъ, что о. Серафимъ, по преклонности лѣтъ, хочетъ отложить попеченіе о нихъ, чтобы удалиться въ затворъ (стр. 211 изд. 1893 г.).

Въ другой разъ старца посѣтила одна Параскева Ивановна. Онъ былъ въ лѣсу, въ ближней пустынѣ. Благословивши ее, о. Серафимъ сѣлъ на отрубокъ дерева, а сестра около него стала на колѣни. О. Серафимъ повелъ духовную бесѣду и пришелъ въ необыкновенный восторгъ: всталъ на ноги, руки поднялъ горѣ, взоры—къ небу. Благодатный свѣтъ озарилъ его душу отъ представленія блаженства будущей жизни. Ибо старецъ бесѣдовалъ въ настоящій разъ собственно о томъ, какая вѣчная радость ожидаетъ человѣка на небѣ за недолговременныя скорби временной жизни. „Какая радость! какой восторгъ! говорилъ онъ, объемлютъ душу праведника, когда, по разлученіи съ тѣломъ, ее срѣтаютъ Ангелы и представляютъ предъ лице Божіе!" Раскрывая эту мысль, старецъ нѣсколько разъ спрашивалъ сестру: „понимаетъ ли она его!" Сестра же все слушала не говоря ни слова. Она понимала бесѣду старца, но не видѣла, чтобы рѣчь клонилась къ его кончинѣ. Тогда о. Серафимъ снова сталъ говорить прежнее: „я силами ослабѣваю; живите теперь однѣ, оставляю васъ". Сестра подумала, что онъ хочетъ опять укрыться въ затворъ, но о. Серафимъ на ея мысли отвѣтилъ: „искалъ я вамъ матери (настоятельницы), искалъ... и не могъ найти. Послѣ меня никто вамъ не замѣнитъ меня. Оставляю васъ Господу и Пречистой Его Матери". А сестра все еще не понимала, что старецъ говорилъ о своемъ успеніи и подумала про себя, что хотя батюшка о. Серафимъ вручаетъ ихъ Господу и Божіей Матери, но нельзя же обители остаться и безъ человѣка — духовнаго руководителя ко спасенію. Старецъ же отвѣтствовалъ: „человѣка-то, матушка, днемъ съ огнемъ не найдешь. Оставляю васъ Господу и Пречистой Его Матери". Тутъ онъ прямѣе выразился о своей кончинѣ. Тогда сестра,

припавши къ ногамъ старца, такъ горько зарыдала, что не могла ни сама говорить, ни слышать словъ его. О. Серафимъ началъ читать на память Евангеліе отъ Матѳея, зачало 11: *вы есть свѣтъ міра*, и когда кончилъ, перешелъ къ Евангелію отъ Іоанна, зачиталъ 14 главу: *Да не смущается сердце ваше*, прочелъ также главу 15 и кончилъ 55 зачаломъ 16 главы словами: *аминь, аминь, глаголю вамъ, яко елико аще просите отъ Отца во имя Мое, дастъ вамъ. Доселѣ не просите ничесоже во имя Мое: просите и пріимете, да радость ваша исполнена будетъ.* Здѣсь о. Серафимъ остановился и сказалъ: „что же ты, матушка, все плачешь? По времени и у васъ будетъ мать — праведница“. Послѣ сихъ словъ о. Серафимъ всталъ на ноги и сказалъ сестрѣ: „гряди, матушка, за мною“. Сестра, вся въ слезахъ, встала на ноги и послѣдовала за нимъ.

Когда другія сестры Дивѣевской обители посѣщали о. Серафима въ его келіи не за долго до его смерти, то онъ, обыкновенно, указывая на икону Божіей Матери Умиленіе, много разъ говаривалъ имъ въ утѣшеніе: „поручаю и оставляю васъ на попеченіе вотъ этой Царицѣ Небесной“. Это разсказываютъ даже до сего дня старицы Дивѣевской обители изъ современныхъ о. Серафиму (стр. 211—12 изд. 1893 г.).

За пять мѣсяцевъ до кончины была у о. Серафима Платонида, монахиня Симбирскаго монастыря Нерукотвореннаго Спаса. Она ѣхала въ Арзамасъ къ извѣстному въ то время врачу посовѣтоваться на счетъ ревматическихъ страданій головы, лица и уха въ одной половинѣ тѣла, но заѣхала напередъ въ Саровъ, чтобы отъ Серафима принять благословеніе на леченіе. Пять сутокъ прожила она въ Саровѣ, и хотя раза по четыре каждыя сутки приходила къ келіи старца, но не могла видѣть его. Старецъ, по изъясненнымъ выше причинамъ, рѣже принималъ посѣтителей. Наконецъ она была принята имъ въ пустынѣ наединѣ. Поклонившись о. Серафиму въ ноги, она просила благословенія лечиться. Старецъ на слова ея отвѣчалъ: „нѣтъ, не лечись“, и, показавъ рукою на небо, прибавилъ: „вотъ Кто (т. е. Богъ) тебя исцѣлитъ“. Затѣмъ онъ приказалъ ей умыться въ источ-

никѣ. Она же не умывалась во все продолженіе своей болѣзни, около трехъ лѣтъ, справедливо опасаясь, чтобы отъ прикосновенія къ водѣ не получить большой простуды. Но по вѣрѣ въ слова праведнаго старца, она ни мало не сомнѣваясь, умылась и отъ того не только облегченія не почувствовала, но напротивъ, почувствовала ужаснѣйшую боль. Потомъ старецъ приказалъ ей напиться этой воды, послѣ чего сдѣлались у ней мучительнѣйшія боли въ лицѣ и зубахъ. Наконецъ старецъ, приложивъ свою правую руку къ больной ея щекѣ, сказалъ: „до успенія Богъ успокоитъ тебя; гряди съ миромъ!“ Платонида тотчасъ же почувствовала, какъ стала утихать боль ея; она совершенно прошла и съ тѣхъ поръ не возвращалась. При отпускѣ, благословляя ее Крестомъ, висѣвшимъ у него на груди, о. Серафимъ сказалъ: „не скорби, что долго не видѣла меня: я номиновеніе творилъ о скончавшейся монахинѣ“. Платонида, съ своей стороны, спросила: „можетъ ли она надѣяться еще когда-нибудь увидѣть его?“ Старецъ, показывая рукою на небо, сказалъ: „тамъ увидимся: тамъ лучше, лучше, лучше“. Справедливо: больше она не видала его (стр. 212 изд. 1893 г.).

Въ этомъ же году посѣтилъ о. Серафима блаженный старецъ Тимонъ, жившій, какъ извѣстно, въ Надѣевской пустынѣ и невидавшій своего духовнаго наставника и учителя болѣе двадцати лѣтъ. Въ весеннее время пѣшій пришелъ онъ въ Саровскую пустынь и, добравшись до келіи о. Серафима, ожидалъ сладостной минуты увидѣть его. Но о. Серафимъ не допускалъ его до себя. На этотъ разъ онъ принималъ всѣхъ; безпрепятственно входили къ нему и мужи и жены: одному Тимону закрытъ былъ входъ, и онъ тщетно простоялъ у келіи до самаго вечера. Наконецъ было благословлено и ему взойти въ келію. „Азъ же—говорилъ старецъ Тимонъ—взошедши падохъ ему на ноги, и отъ радости много плакалъ, что чрезъ много лѣтъ сподобился видѣть еще его въ живыхъ и сказалъ ему: „отче святый! за что вы на меня, грѣшнаго, прогнѣвались и цѣлый день меня до себя не допускали?“ Онъ же меня посадилъ и началъ говорить: „нѣтъ, не тако, отче Тимоне! азъ тебя люблю; но это я сдѣлалъ потому, что ты монахъ, да еще и пустынножитель,

потому долженъ ты имѣть терпѣніе; да еще испытывалъ тебя, чему ты научился, живши столько лѣтъ въ пустынѣ: не пустой ли ты изъ нея вышелъ? А прочіе люди—мірскіе, да еще и больные: ихъ надобно прежде полечить и отпустить: ибо *здравіи врача не требуютъ, но болящіи,* какъ Господь сказалъ. А съ тобой надобно при свободномъ времени больше побесѣдовать". И тако съ нимъ всю нощь препроводили въ бесѣдѣ.

О. Серафимъ далъ ему, между прочимъ, слѣдующее наставленіе: „сѣй, отецъ Тимонъ, сѣй, всюду сѣй данную тебѣ пшеницу. Сѣй на благой землѣ, сѣй и на пескѣ, сѣй на камени, сѣй при пути, сѣй и въ терніи: все гдѣ-нибудь да прозябнетъ и возрастетъ и плодъ принесетъ, хотя и не скоро. И данный тебѣ талантъ не скрывай въ землѣ, да не истязанъ будеши отъ своего господина; но отдавай его торжникамъ: пусть куплю дѣютъ. Еще скажу тебѣ, отче Тимоне: не води дружбы и не имѣй союза, во-первыхъ, съ врагами Христовой Церкви, т. е. съ еретиками и съ раскольниками, во-вторыхъ, съ тѣми, которые святыхъ постовъ не соблюдаютъ, въ-третьихъ, съ женами: ибо онѣ много насъ, иноковъ, повреждаютъ. А въ своей новоустроенной (т. е. Надѣевской) обители положи и утверди уставъ совершеннаго общежитія, по правиламъ и по уставу св. Отецъ, чтобы никто не творилъ своей воли; виннаго питія и табаку отнюдь никому не позволяй; даже сколько возможно, удерживай и отъ чая: чревоугодіе—не монашеское дѣло". „Тако мене наставивъ—говоритъ старецъ Тимонъ—о. Серафимъ благословилъ въ путь. Азъ же паки возвратихся въ свою пустыню и живу въ ней, благодаря Господа моего Іисуса Христа и Пречистую Его Матерь Владычицу Богородицу Дѣву Марію („Путеш. Парѳенія" ч. I, стр. 196—197).

Отцу Серафиму пришлось потерпѣть въ этомъ году неудовольствія, въ которыхъ онъ видѣлъ признаки своего приближенія къ исходу изъ настоящей жизни. Одна бѣглая дѣвушка, чтобы глубже скрыть свое бродяжничество, остригла свои волосы въ кружокъ, надѣла на себя послушническое платье и такъ бродяжничала по міру. Полицейское начальство, предувѣдомленное о ея побѣгѣ, разыскивало и нако-

нецъ открыло ее. При допросѣ она показала, будто бы о. Серафимъ благословилъ ей такъ одѣваться. Но о. Серафимъ никогда не благословлялъ и по дару прозорливости, конечно, не могъ благословить ей скрывать, быть можетъ, свои злодѣянія. Между тѣмъ свѣтское начальство, слѣдуя своимъ порядкомъ, писало къ о. игумену Нифонту разыскать и о семъ. Оказалось, что бѣглая оболгала безвинно старца Божія, надѣясь, что, изъ снисхожденія къ распоряженію о. Серафима, ей простятъ укрывательство подъ одеждою послушника. Тѣмъ не менѣе обстоятельство это огорчило старца, и онъ на тотъ разъ цѣлыя сутки не выходилъ изъ келіи, проводя время въ молитвѣ. Другіе доблестные подвижники Сарова, напр. о. Иларіонъ и Никодимъ, горько сожалѣли объ огорченіи, которое испыталъ о. Серафимъ въ настоящемъ обстоятельствѣ.

Работавшій въ Саровѣ крестьянинъ Лихачевскій Е. В., разъ подходя къ пустынѣ о. Серафима, увидѣлъ издали, что съ нимъ сидитъ и бесѣдуетъ неизвѣстная ему молодая лѣтъ шестнадцати дѣвица, очень хорошо одѣтая. Какъ неопытный въ духовной жизни, онъ подумалъ: „о чемъ это батюшка такъ бесѣдуетъ съ нею? Какія еще наставленія идутъ къ ея возрасту?“ Только-что подошелъ онъ съ своими мыслями поближе, старецъ, указывая на признаки своей глубокой старости, сказалъ: „Я ко всему мертвъ, а ты что это думаешь?“ Тогда крестьянинъ упалъ ему въ ноги и покаялся въ своей винѣ. Отецъ же Серафимъ милостиво благословилъ его, отпустилъ ему вину его и сказалъ: „успокойся и больше не повторяй“. (Стр. 214 изд. 1893 г.).

Приходилось старцу испытывать въ этомъ году и другія огорченія безвинно и несправедливо. И онъ на счетъ всѣхъ ихъ сказалъ однажды слѣдующія слова: „всѣ сіи обстоятельства означаютъ то, что я скоро не буду жить здѣсь, что близокъ конецъ моей жизни“.

Предчувствуя свою кончину, усматривая въ самыхъ обстоятельствахъ ея приближеніе, о. Серафимъ въ это время приготовлялся и къ исходу. Онъ рѣже выходилъ теперь въ пустыню, менѣе принималъ и въ келіи приходящихъ, что бы безпрепятственнѣе заниматься окончательнымъ пригото-

вленіемъ себя къ вѣчности. Въ это время его нерѣдко видали въ сѣняхъ: старецъ сидѣлъ на своемъ гробѣ и предавался размышленіямъ о концѣ жизни, о загробной участи человѣка и своей собственной. Размышленія сіи нерѣдко сопровождались горькимъ плачемъ, а начинались и оканчивались они продолжительными молитвами.

За полгода до смерти о. Серафимъ, прощаясь со многими, съ рѣшительностію говорилъ: „мы не увидимся болѣе съ вами". Нѣкоторые просили благословенія пріѣхать въ Великій постъ поговѣть въ Саровѣ и еще разъ насладиться лицезрѣніемъ и бесѣдой его. „Тогда двери мои затворятся отвѣчалъ на это старецъ: вы меня не увидите". Стало очень замѣтно, что жизнь о. Серафима угасаетъ: только духъ его попрежнему, и еще болѣе прежняго, бодрствовалъ: „жизнь моя сокращается — говорилъ онъ нѣкоторымъ между братіею—духомъ я какъ бы сейчасъ родился, а тѣломъ по всему мертвъ."

За четыре мѣсяца до смерти, а именно, въ августѣ 1832 года, высокопреосвященный Арсеній, впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій, бывши епископомъ Тамбовскимъ и обозрѣвая въ первый разъ епархію, посѣтилъ и Саровскую обитель. Старецъ Серафимъ, несмотря на то, что былъ тогда въ пустынѣ, почелъ долгомъ придти въ монастырь единственно для того, чтобы вмѣстѣ съ братіею встрѣтить своего новаго архипастыря. По окончаніи встрѣчи, онъ снова возвратился въ пустынь. Преосвященный Арсеній, осмотрѣвъ внимательно и подробно всѣ церкви, братскія келіи и хозяйственныя постройки внутри монастыря, пожелалъ видѣть и всѣ принадлежащія къ монастырю заведенія и зданія, внѣ онаго находящіяся. Въ сопровожденіи Саровскаго казначея іеромонаха Исаіи и ключаря Тамбовскаго собора Никифора Телятинскаго, онъ посѣтилъ пустыни Серафимову и Дороѳееву. О. Серафимъ занимался укладываніемъ камней при берегѣ небольшаго ручейка, протекавшаго подлѣ его пустынной келіи. Но какъ скоро онъ увидѣлъ приближеніе архипастыря къ мѣсту своему, тотчасъ же оставилъ занятія и, повергшись къ стопамъ его, испросилъ себѣ и получилъ отъ него благословеніе.

„Что это такое ты дѣлаешь?“ благосклонно и съ участіемъ спросилъ его преосвященный Арсеній.

— А вотъ, святый владыко, отвѣчалъ старецъ: камешками берегъ выкладываю, чтобы вода-то не обмывала берега и не портила его.

„Доброе дѣло, старецъ Божій, сказалъ преосвященный. „Ну, покажи же ты мнѣ теперь свою пустыньку среди пустыни.“

— Хорошо, батюшка, отвѣчалъ онъ, и съ радушіемъ повелъ преосвященнаго въ келію.

По описанію лицъ, бывшихъ при семъ случаѣ, келія не имѣла въ себѣ ничего особеннаго: это обыкновенная деревянная изба съ небольшими сѣнцами. Мебель ея состояла вся изъ простаго липоваго некрашеннаго стола и двухъ такихъ же стульевъ. Въ переднемъ углу стояли св. иконы съ возженною передъ ними лампадою. Еще лежали двѣ богослужебныя книги. По входѣ въ келію, о. Серафимъ поднесъ преосвященному въ подарокъ: четки, пукъ восковыхъ свѣчъ, обернутыхъ холстиною, бутылку деревяннаго масла и шерстяные чулки. Преосвященный съ отеческимъ радушіемъ принялъ подарокъ. Потомъ онъ спросилъ о. Серафима:

„Гдѣ же у тебя въ этой пустынькѣ еще другая пустынька, другое еще болѣе уединенное мѣсто?“

Самъ же, зная, по разсказамъ, гдѣ находится это мѣсто и не дожидаясь отвѣта о. Серафима, пошелъ по направленію къ печкѣ. А о. Серафимъ, останавливая его, говорилъ простосердечно:

— Не ходи, батюшка, замараешься.

Но преосвященный, отворивъ дверь, закрывающую пустое пространство между стѣною келіи и печкою, увидѣлъ тамъ небольшое помѣщеніе, столь тѣсное, что едва одинъ человѣкъ можетъ войти туда и остаться тамъ въ стоящемъ или колѣнопреклонномъ положеніи, но присѣсть или облокотиться никакъ нельзя. И здѣсь, какъ въ первой келіи въ углу, между стѣною и дверным косякомъ, стоялъ небольшой образокъ съ горящею лампадою. Очевидно, старецъ повременамъ уединялся туда на бдѣніе и молитву. Отсюда преосвященный отправился въ Дороѳееву пустынь, имѣя въ

намѣреніи на возвратномъ пути опять зайти къ о. Серафиму. Старецъ, оставаясь съ ключаремъ о. Никифоромъ Телятинскимъ, ожидалъ его здѣсь, проводя время въ бесѣдѣ. Между разговорами онъ, указывая на владыку, сказалъ о. ключарю:

„Много, много будетъ ему трудовъ, но Богъ ему поможетъ."

Когда преосвященный опять воротился, то о. Серафимъ, взявъ его за руку, благоговѣйно обратился къ нему съ вопросомъ:

„Вотъ, батюшка, богомольцы приходятъ ко мнѣ, убогому Серафиму, и просятъ меня дать имъ что нибудь въ благословеніе; я и даю имъ сухариковъ чернаго или бѣлаго хлѣба и по ложкѣ краснаго церковнаго вина: можно ли мнѣ это дѣлать?"

На это преосвященный отвѣчалъ:

— Можно, можно, но только въ раздѣльномъ видѣ, такъ, что кому даешь сухариковъ, тому не давай уже краснаго вина. А то простолюдины, какъ слышалъ я, думаютъ, по простотѣ своей, и между другими разглашаютъ, будто ты причащаешь ихъ св. Таинъ. А и того лучше—прибавилъ далѣе преосвященный — вина вовсе не давать, давать же только сухарики.

„Хорошо, батюшка, отозвался на это старецъ, я такъ и буду поступать."

Послѣ замѣчено было, что о. Серафимъ такъ дѣйствительно и поступалъ до конца своей жизни.

Послѣ этого разговора преосвященный простился съ о. Серафимомъ. Со стороны блаженнаго старца прощанье это совершилось не совсѣмъ обыкновеннымъ образомъ. Принявъ отъ владыки послѣднее благословеніе, онъ поклонился въ ноги и, не смотря на то, что преосвященный поднималъ его и просилъ встать на ноги, старецъ Серафимъ, оставаясь на колѣняхъ, продолжалъ ему кланяться до тѣхъ поръ, пока преосвященный совсѣмъ не скрылся изъ виду.

Въ слѣдующую за симъ ночь о. Серафимъ, какъ-бы въ доказательство своего послушанія, самъ принесъ небольшой сосудъ церковнаго вина въ келіи, въ которой останавли-

вался преосвященный Арсеній, и, отдавая приношеніе келейнику его сказалъ:

„Отдай это батюшкѣ отъ Серафима грѣшнаго“.

По соображеніи сихъ обстоятельствъ съ послѣдствіями оказалось, что все это было предвѣстіемъ близкой кончины старца Серафима и относилось къ его просьбѣ о поминовеніи, которую онъ высказалъ преосвященному и словесно. Преосвященный Арсеній, съ своей стороны, въ точности исполнилъ желаніе о. Серафима: изъ его подарка—свѣчи, масло и вино, сохранившіяся въ цѣлости, были употреблены при служеніи преосвященнымъ заупокойной литургіи о вѣчномъ покоѣ блаженнаго старца Серафима. А четки, чулки и холстину преосвященный оставилъ у себя (стр. 216—19, изд. 1893 г.).

Въ томъ же году 13-го сентября, за три съ половиною мѣсяца до кончины о. Серафима, была у него Екатерина Егоровна Извольская съ четырехлѣтнею своею дочерью, Анною, у которой такъ болѣли глаза, что близкіе опасались, не сдѣлалась бы она въ дорогѣ совсѣмъ слѣпою. Мать привела ее къ батюшкѣ Серафиму. Онъ подалъ ей въ руки бутылку воды, которою приказалъ окропить глаза дочери и сказалъ, что „молитвами Пресвятыя Богородицы Живоноснаго источника она исцѣлится“. И дѣйствительно, на утро она встала съ здоровыми глазами. О. Серафимъ приказалъ имъ остаться въ Саровѣ, отстоять 14 числа раннюю обѣдню, позднюю и отобѣдать. Но какъ она послѣдняго приказанія не исполнила и выѣхала тотчасъ послѣ поздней литургіи, то, за ослушаніе, блуждала въ дорогѣ цѣлый день (стр. 219, изд. 1893 г.).

Послѣ сихъ обстоятельствъ, еще за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины, о. Серафимъ поручилъ послать нѣкоторымъ особамъ письма, призывая ихъ къ себѣ въ обитель, а тѣмъ изъ близкихъ, которые не могли быть у него, поручилъ послѣ смерти своей сказать, что нужно и полезно было для ихъ души, прибавляя объясненіе порученій: „сами-то они меня не увидятъ“.

Пришелъ къ нему одинъ изъ братій Саровской обители; старецъ, сдѣлавъ ему наставленіе, сказалъ: „дунь на свѣч-

ку". Братъ дунулъ—свѣчка погасла. Старецъ сказалъ: „вотъ такъ и меня не увидятъ". Своему келейному о. Павлу старецъ также говорилъ, что *скоро будетъ кончина;* а Павелъ, по простотѣ своей, недоумѣвалъ, о своей ли кончинѣ говорилъ старецъ, или о кончинѣ вѣка. Передъ новымъ же 1833 годомъ о. Серафимъ самъ отмѣрилъ себѣ могилу сбоку алтаря Успенскаго собора, на томъ самомъ мѣстѣ, которое, по выходѣ изъ затвора, отмѣтилъ, положивши на немъ камень.

Не задолго до кончины о. Серафима, видя его истинно подвижническую жизнь, одинъ братъ, въ назиданіе самому себѣ, спросилъ его: „почему мы, батюшка, не имѣемъ такой строгой жизни, какую вели древніе подвижники благочестія?" —„Потому, отвѣчалъ старецъ, что не имѣемъ къ тому рѣшимости. Если бы рѣшимость имѣли, то и жили бы такъ, какъ отцы, древле просіявшіе подвигами и благочестіемъ: потому что благодать и помощь Божія къ вѣрнымъ и всѣмъ сердцемъ ищущимъ Господа нынѣ та же, какая была и прежде: ибо, по слову Божію, Іисусъ Христосъ *вчера и днесь, той же и во вѣки* (Евр. 13, 8). Эта глубокая и святая истина, которую о. Серафимъ уразумѣлъ изъ опыта собственной жизни, была, такъ сказать, *заключительнымъ* словомъ его устъ и печатію его подвиговъ.

ГЛАВА XIX.

Послѣднія бесѣды о. Серафима съ Дивѣевскими сестрами, наставленія имъ, откровенія и прощаніе съ ними. Завѣщаніе о. Серафима переданное устно протоіерею о. Василію Садовскому, церковницѣ Ксеніи Васильевнѣ и Николаю Александровичу Мотовилову.

Старшая сестра въ мельничной обители Прасковья Степановна разсказала (тетрадь № 6, разск. № 3) слѣдующее о послѣднихъ дняхъ жизни о. Серафима: „батюшка, передъ смертію своей вручилъ насъ Царицѣ Небесной, говоря: послѣ меня отца уже не будетъ вамъ; вы останетесь совершенными сиротами и вотъ Самой Матери Божіей Царицѣ Небесной вручаю васъ; Она Сама все управитъ! Въ послѣдній-же разъ, когда я была у него за недѣлю до кончины его, много, много говорилъ онъ мнѣ утѣшительнаго и назидательнаго, а потомъ взялъ меня за руку, прочиталъ мнѣ разрѣшительную молитву и сказалъ: „вотъ, матушка, отъ самаго рожденія твоего и до успенія всѣ твои грѣхи я беру на себя! Теперь ты и всѣ вы, не имѣете нужды ни въ чемъ, а послѣ меня, много, много вамъ будетъ скорби, но что дѣлать,— потерпите, такой ужъ путь вашъ! Теперь только начало. Не я избралъ васъ, а Сама Царица Небесная избрала и дала мнѣ васъ, простыхъ дѣвушекъ; потомъ придутъ къ вамъ, матушка всякаго рода и званія и по мнѣ убогому Серафиму взыщутъ васъ большія лица! Будутъ спрашивать васъ тогда, все говорите, что слышали вы отъ меня, не убойтесь, такъ Господу будетъ угодно и не скрывайте ничего; теперь-же пока не пришло время, умолчите!“

Тоже самое повѣствуетъ старица Ксенія Ильинишна Потѣхина (монахиня Клавдія. См. тетрадь № 6, разск. 8): „батюшка, говоритъ она, вручилъ насъ послѣ себя только Господу и Его Пречистой Матери и всегда каждой изъ насъ, да и всѣмъ вмѣстѣ объяснялъ прямо: „кромѣ убогаго Серафима вамъ отца уже больше не будетъ!“ А мнѣ грѣшницѣ, когда я въ послѣдній уже разъ была у него, сказалъ: „вотъ, матушка, отецъ Иларіонъ и старецъ, да за васъ взяться не можетъ; также вотъ и батюшка Исаія, за васъ не возьмется, а могъ-бы за васъ взяться и быть всѣмъ отцемъ послѣ меня о. Савватій (схимникъ Стефанъ), но не хочетъ! И такъ скажу тебѣ, матушка, помни что послѣ меня у васъ отца уже болѣе не будетъ!“

Старица Прасковья Ивановна (впослѣдствіи монахиня Серафима) свидѣтельствуетъ въ какихъ отношеніяхъ былъ о. Серафимъ къ послушнику Ивану Тиханову до самой смерти. „Въ годъ смерти батюшки Серафима, повѣствуетъ она, была я у него въ монастырѣ и въ сѣнкахъ келіи его, гдѣ стоялъ гробъ. Долго мы съ нимъ духовно-бесѣдовали; батюшка такъ пріятно и утѣшительно говорилъ. Дверь на крыльцѣ была пріотворена.... Вдругъ измѣнившись въ лицѣ, такъ-то грустно, скорбно и какъ-бы испугано, воскликнулъ онъ: „идетъ! идетъ!“ Быстро поставилъ меня за дверь и пріотворилъ ее. „Кто-же это, батюшка, спросила я перепуганно?“ „Живописецъ!“ отвѣтилъ онъ. Вошелъ монахъ Иванъ Тихановъ. Я мысленно возроптала на него, что онъ прервалъ нашу бесѣду съ батюшкой. Поставивъ его спиною къ двери, батюшка Серафимъ утѣшалъ меня взглядомъ и затѣмъ сказалъ Ивану Тиханову что-то тихо, послѣ чего онъ и вышелъ“ (тетрадь № 6, разск. 12).

Своей избранницѣ Евдокіи Ефремовнѣ (матери Епраксіи), которая присутствовала при явленіи Божіей Матери въ день Благовѣщенія, о. Серафимъ много говорилъ на прощанье. Такъ онъ сказалъ (тетрадь № 6, разсказъ 17):

„Вотъ скажу тебѣ, говорилъ мнѣ батюшка Серафимъ, „будетъ у васъ два собора; первый мой-то соборъ холодный; куда лучше будетъ Саровскаго-то и будутъ они намъ завидовать! А второй-то соборъ, зимній Казанскій, вѣдь

церковь-то Казанскую намъ отдадутъ! Вы и не хлопочите, придетъ время еще поклонятся, да и отдадутъ ее намъ. И скажу тебѣ, вельми хорошъ будетъ мой соборъ, но все таки еще не тотъ это дивный соборъ, что къ концу-то вѣка будетъ у васъ. Тотъ, матушка, на диво будетъ соборъ! Подойдетъ Антихристъ-то, а онъ весь на воздухъ и поднимется и не сможетъ онъ взять его. Достойные, которые взойдутъ въ него, — останутся въ немъ, а другіе, хотя и взойдутъ, но будутъ падать на землю. Такъ и не сможетъ достать васъ антихристъ-то; все равно какъ въ Кіевѣ приходили разбойники, а церковь-то поднялась на воздухъ; достать-то они ее не могли. Такъ вотъ и соборъ вашъ и канавка поднимутся тоже до неба и защитятъ васъ и не сможетъ ничего вамъ сдѣлать Антихристъ! И при томъ соборѣ, время придетъ такое у васъ, матушка, что ангелы не будутъ поспѣвать принимать души, а васъ всѣхъ Господь сохранитъ, только три изъ васъ примутъ мученье, трехъ антихристъ замучитъ! Вѣдь Дивѣевъ-то, диво будетъ, матушка, четверо мощей въ Рождественской церкви у насъ почивать будутъ! И будетъ тутъ не село, а городъ, Мы то съ тобой не доживемъ, а другіе-то доживутъ и до этого!“

„Не хлопочите и не доискивайтесь и не просите монастыря матушка“, сказалъ о. Серафимъ Ксеніи Васильевнѣ (тетрадь № 6, разск. 30) — „придетъ время, безъ всякихъ хлопотъ сами прикажутъ вамъ быть монастыремъ; тогда не отказывайтесь!“

„Еще приказывалъ мнѣ, продолжаетъ Ксенія Васильевна, если кто изъ рода твоего, будетъ когда проситься въ обитель, и придетъ когда къ тебѣ матушка, не изжени вонъ, а непремѣнно пріими! Вѣдь у меня, убогаго Серафима, въ обители моей, Серафимовой-то пустыни, матушка, цѣлыми родами жить будутъ, такъ цѣлыми родами и лягутъ въ Дивѣевѣ“ (предсказаніе исполняется).

„Вотъ что завѣщалъ намъ батюшка Серафимъ, говорила Ксенія Васильевна (тетрадь № 6 разск. 34): „непрестанно молиться, за все благодарить Господа и всегда бодрствовать и быть радостною, дабы никогда не допускать духа унынія! Помни всегда, что послушаніе превыше всего,

превыше поста и молитвы и не только не отказываться, но бѣгомъ бѣжать на него! Переносить, не смущаясь и не ропщя всякія скорби отъ собратіи, ибо монахъ, говоритъ онъ, только тотъ и монахъ, когда какъ лапти будетъ всѣми отбитъ и отрепанъ! Кушать, не возбраняя благословилъ всегда въ волю, но вина, „чтобы и запаха его у меня въ обители не было!“ Запрещалъ строго жить по одной въ келіи или куда уходить. Если кто либо окажется подпавшемъ грѣху-*татьбы*, таковыхъ никогда не держать, немедленно высылать изъ обители. „Нѣтъ хуже вора! говорилъ батюшка, „отъ такого тьма грѣховъ! Лучше ужъ блудника держать, матушка, ибо тотъ свою губитъ душу и отвѣчаетъ самъ за нее, а тать—все, и себя и ближняго губитъ, матушка!“ Батюшка запретилъ кому либо говорить вы. „Это все нынѣшніе люди выдумали, матушка, должно всѣмъ ты говорить! „говорилъ о. Серафимъ“. И вы всѣмъ ты говорите. Самъ Господь намъ то указалъ, а кто умнѣе, святѣе и паче Бога! И если мы Господу глаголемъ Ты—Господи, то кольми-же паче должны мы такъ говорить ближнему человѣку!“ Также строго воспретилъ батюшка благодарить кого изъ благотворителей за благодѣянія, какъ-бы не великъ былъ даръ его, приказывая лишь всегда за него молиться. „Молитесь, молитесь паче всего за творящаго вамъ благо, говорилъ о. Серафимъ, но никогда словами его не благодарите, потому что не благодаря, онъ полную и всю мзду, и награду за добро свое получитъ; благодареніемъ-же вы за благо вамъ, окрадываете его, лишая его большей части, заслуженной добродѣтелью его награды. Кто приноситъ даръ, приноситъ его не вамъ, а Богу; не вамъ его и благодарить, а да возблагодаритъ онъ Господа, что Господь приметъ его даръ!“ По отношенію къ обители, батюшка Серафимъ запрещалъ брать что либо и отдавать на сторону, хотя-бы даже для родныхъ. „Нѣтъ паче грѣха, матушка! Нѣтъ паче грѣха! говорилъ о. Серафимъ“. Это какъ огнь вносимый въ домъ; кому дадите, онъ попалитъ все, и домъ раззорится и погибнетъ и родъ весь пропадетъ отъ того! Свое есть—дай, а нѣтъ, то приложи больше молитвы, сокрушеннымъ сердцемъ, не переступая заповѣдь эту, молись Господу и услышитъ

Онъ, если полезна молитва твоя и утѣшитъ васъ! Начальницу приказывалъ всегда избирать самимъ, — свою, а никакъ не чужую или изъ другой обители. Повиноваться имъ безъ прекословія и ропота и начальницу почитать, ибо она есть Намѣстници Матери Божіей, которую Царица-Небесная научаетъ и чрезъ нее Сама управляетъ обителью! „Нѣтъ пагубнѣе грѣха, какъ роптать, осуждать или неслушаться начальницы; человѣкъ этотъ погибнетъ!“ сказалъ батюшка. Заповѣдывалъ еще батюшка никогда, ни въ какія дѣла и суды не входить обители и намъ грѣшнымъ. „Пусть обижаютъ васъ, но вы не обижайте!“ говорилъ онъ, что вамъ пещися! Матерь Божія собрала васъ, Сама нареклась вамъ Игуменіею; Она все управитъ, защититъ, разберетъ и заступитъ; все Ей извѣстно и все Ей возможно! Ея Святая воля! Въ Ней и живете и только молитесь Ей и просите Ее; велика скорбь, велико горе, велико искушеніе… усугубьте просить и молить нашу Владычицу, вѣрою и любовію предоставивъ себя, все и всѣхъ… и Она дастъ все полезное, нужное и благое! Строго приказывалъ батюшка не допускать ни подъ какимъ предлогомъ и видомъ, какъ-бы благовидны не были къ тому причины, кого либо сторонняго, не обительскаго и не дозволять впутываться въ дѣла и распоряженія обители, ниже мужчинъ, ниже женскаго пола, ниже монаховъ, ниже монахинь, заповѣдуя такъ: „Матерь Божія, Единая вамъ Госпожа и Владычица, Она Сама избрала мѣсто сіе, взявъ въ удѣлъ его, какъ Аѳонъ, Она Сама собрала и собираетъ и избираетъ васъ, Единая Она вамъ Игуменія ваша, вѣчно Верховная, Игуменія же только намѣстница Владычицы, исполнительница воли Ея. Не подобаетъ поэтому никому входить въ ваши дѣла! Вы достояніе Самой Матери Божіей и Царицы-Небесной; Ей того не угодно!“ Такъ, разъ батюшка сказалъ одной нашей сестрѣ: „вотъ, матушка, Нижегородская-то Игуменія была у меня, да и говоритъ: отдайте мнѣ вашихъ дѣвушекъ, батюшка!“ Слышишь, матушка? А вѣдь того не понимаетъ, что только Матерь Божія васъ знаетъ и никому нѣтъ дѣла до васъ! „Что ты, что ты, говорю матушка, знай себя, Господь съ тобой, того никому не можно!“ и ото-

слалъ ее, матушка. Въ другой разъ приказалъ батюшка, для порядка ходить намъ благословляться къ матушкѣ Ксеніи Михайловнѣ; мы это исполняли, а она стала распоряжаться уже и дѣломъ; дѣлай такъ, да вотъ эдакъ... Скажи батюшкѣ, а онъ, родименькій какъ разгнѣвался! „Нѣтъ, говоритъ, нѣтъ матушка, этого никакъ нельзя, никакъ нельзя, матушка!“ Не должно это ей!—восклицалъ батюшка; вѣдь я только благословляться велѣлъ, но чтобы все шло, какъ велось, безъ дозволенія распоряжаться“. Если кто благорасположенъ къ вамъ, помогаетъ вамъ, и служитъ вамъ, чѣмъ можетъ и дары приноситъ,—не воспрещайте и не мѣшайте ему; пусть дѣлаетъ, пусть служитъ; вѣдь это онъ Матери Божіей Самой служитъ и дѣлаетъ; все его узрится и зачтется ему; но если за то онъ въ дѣла ваши впутаться захочетъ,—не дозволяйте того, не гнѣвите Пречистую, нарушая заповѣданное мнѣ убогому Серафиму, Ею Самой и отдайте ему все и жертву, и дары его!“

„Передъ своею кончиною, говорила Ксенія Васильевна, (тетрадь № 1, разск. 9),—„батюшка наказывалъ, какъ можно чаще ходить навѣщать его могилку: „когда меня не станетъ, сказалъ онъ, ходите матушка ко мнѣ на гробикъ; ходите, какъ вамъ время есть и чѣмъ чаще, тѣмъ лучше. Все что ни есть у васъ на душѣ, — все о чемъ не оскорбите, что ни случилось-бы съ вами, все придите, да мнѣ на гробикъ, припавъ къ землѣ, какъ къ живому и раскажите. И услышу васъ, и скорбь ваша пройдетъ! Какъ съ живымъ со мной говорите и всегда я для васъ живъ буду!“

Старица Домна Ѳоминишна (монахиня Дороѳея) такъ передала свое прощаніе съ о. Серафимомъ: (тетрадь № 6, разск. 37). „За три недѣли до кончины батюшки прихожу я къ нему, онъ и говоритъ мнѣ глубоко вздыхая: „Прощай радость моя! Скажу тебѣ: придетъ время, многіе захотятъ и будутъ называться вамъ Отцами, но прошу васъ, ни къ кому не склоняйтесь духомъ!“ Потомъ, смотря на свою чудотворную икону Божіей Матери „Всѣхъ радостей радости“, какъ называлъ ее, воздѣлъ онъ къ Ней руки и со слезами на глазахъ, скорбно такъ воскликнулъ мнѣ: „Каково, матушка, Иванъ-то Тихоновъ назовется вамъ отцемъ! Поро-

дилъ-ли онъ васъ? Породилъ-то васъ духомъ вѣдь убогій Серафимъ! Онъ же много скорби содѣлаетъ и вѣкъ холоденъ до васъ будетъ!“

Дарьи Ѳоминой о. Серафимъ сказалъ: (тетрадь № 6, разск. 39): „дивное Дивѣево будетъ, матушка! Одна обитель будетъ Лавра, а другая-то киновія! И есть тамъ у меня церковь, матушка, а въ церкви той четыре столба и у каждаго-то столба будутъ все мощи! Четыре столба и четверо мощей! Во, радость-то какая намъ, матушка!“

„Скоро, ужъ скоро никого у васъ не останется“ продолжалъ о. Серафимъ (разск. 41),—и какъ на Саровъ бури, такъ и на васъ еще хуже Сарова будутъ бури! Но я васъ поручаю Господу и Царицѣ-Небесной! Ничего не бойтесь, хотя-бы и всѣ на васъ, да Господь-то за васъ! Мать вамъ Сама Царица-Небесная, а по Ней всѣ управятъ!“.

Старицѣ Матренѣ Петровой, о. Серафимъ сказалъ: (разск. 43) „запомни, матушка, у васъ на 12-й начальницѣ устроится монастырь!“ Еще сказалъ онъ ей: (разск. 44): „Радость моя! Когда ты доживешь, не на все смотри что летитъ по воздуху и не все то лови, что плыветъ по морю! Готовьте вы и сумочки и лапотки, да они храпомъ-то берутъ вѣдь, матушка; такъ больше ихъ заготовляйте, не ровенъ вѣдь случай!“ (Впослѣдствіи эта притча объяснилась тѣмъ, что во время бури въ обители было много рѣчей, слуховъ и даже покачнулись многія столпы обители).

Старицѣ Агафьи Лаврентьевнѣ батюшка предсказалъ слѣдующее: (разск. 45): „вотъ доживешь ты, матушка, большое у васъ будетъ смятеніе, большое смятеніе, и многія разойдутся! Готовьте лаптей, больше храпомъ лапти берутся; одни на ноги, другіе за поясъ! Ты матушка это увидишь, только не надолго!“

„Видѣла-ли ты, матушка, коноплю? спросилъ о. Серафимъ сестру Варвару Ивановну (разск. 46). „Какъ, говорю, батюшка, не знать! Конопля вещь хорошая, преполезная конопля, матушка! Вотъ и у меня въ Дивѣевѣ-то дѣвушки, что конопля хорошая! А когда ее полятъ-то, радость моя, чтобъ лучше была, посконь-то и выдергиваютъ, матушка! Чай тоже знаешь, видѣла, радость моя? Какъ, говорю не-

видать, батюшка и сама дергала! Ну во, во, матушка! ответилъ батюшка, вотъ и помни; у васъ тоже будетъ. Какъ пополятъ, да выдернутъ всю посконь-то, матушка, а конопля-то моя Дивѣевская и загустѣетъ еще болѣе, еще выше поднимется, да краше зазеленѣетъ! Ты это помни, это я тебѣ говорю!.. (О. Серафимъ предсказывалъ все ту-же смуту въ обители и что нѣкоторые уйдутъ изъ монастыря, а тогда Дивѣево зацвѣтетъ).

„Кто васъ безъ меня будетъ кормить-то“ сказалъ о. Серафимъ Ксеніи Кузьминишнѣ, (разск. 47). Вручаю васъ Самой Матушкѣ Царицѣ-Небесной! Она одна васъ не оставитъ!“

Старица Матрена Игнатьевна пришла къ батюшкѣ, чтобы онъ облегчилъ ее тоску (разск. 48), а о. Серафимъ встрѣтилъ ее словами: „Во, радость моя, что это ты, что намъ скучать-то; земля, луга, лѣсъ, скотъ, все свое у насъ! А соборъ-то, соборъ-то какой у насъ матушка будетъ! Хоть пока онъ не отъ земли и не въ землю!“ (Впослѣдствіи стало понятно это предсказаніе; соборъ въ виду смутъ въ обители долго не достраивался).

„Разъ пришли мы съ сестрою къ батюшкѣ Серафиму, разсказываетъ старица Акулина Ивановна Малышева, (тетрадь № 6, разск. 62), а онъ намъ и говоритъ: „вотъ Марьюшка, ты-то не доживешь, а Акулинушка-то у насъ и до судовъ доживетъ!“ Мы глядимъ, что это говоритъ батюшка-то, да и испугались. „Ничего, ничего, не убойтесь матушка! сказалъ батюшка. „До судовъ доживешь Акулинушка! Пріѣдутъ суды къ намъ, станутъ судить, а чего судить?! Ха! ха! ха! Нѣтъ ничего!“ И опять до трехъ разъ повторилъ это батюшка; подожметъ ручки и заливается. А мы все глядимъ, ничего не поймемъ. „Вотъ, говоритъ, Акулинушка, ты тогда мою заповѣдь себѣ и запомни, такъ и скажи: я глупа, я глуха, я слѣпа! Такъ и говори Акулинушка“. „Слушаю, говорю, батюшка!“ Такъ и не поняли мы ничего въ ту пору, а затѣмъ сестрица Марьюшка померла. А когда впрямь пріѣхали суды, я и вспомнила слова прозорливца нашего, кормилица батюшки!“

Въ запискахъ протоіерея о. Василія Садовскаго помѣщены послѣднія посѣщенія его батюшки о. Серафима. Такъ онъ пишетъ: (тетрадь № 6, разск. 70) „предсказывая мнѣ будущія на обитель скорби и бури, убѣждалъ меня батюшка, ничего не бояться, говоря: „Убогій Серафимъ умолитъ за обитель, батюшка, а Царица Небесная Сама ей Игуменія; тутъ же только намѣстницы по Царицѣ-то Небесной, всѣ и управятъ батюшка!“

„Подружье-то твое, ранѣе тебя отойдетъ ко Господу! сказалъ мнѣ батюшка Серафимъ (разск. 76), чрезъ два года послѣ нее уйдешь и ты батюшка! (такъ и случилось!) Ты помни: двѣнадцать, а ты, батюшка тринадцатый! (Когда 12-ть первыхъ сестеръ скончались, умеръ и о. Василій тринадцатымъ). И вотъ, что заповѣдую тебѣ: какъ умирать-то будешь, то чтобы тебѣ лечь съ правой стороны алтаря Рождественской церкви, а Мишенька-то (Мантуровъ) ляжетъ съ лѣвой. Такъ и вели себя похоронить тутъ; вотъ хорошо и будетъ батюшка; ты-то съ правой, а Мишенька съ лѣвой, а я у васъ по середкѣ; вмѣстѣ всѣ и будемъ!“

Далѣе о. Василій перечисляетъ главныя правила, которыя заповѣдывалъ батюшка о. Серафимъ Дивѣеву. Объясненія о. Василія и великій смыслъ этихъ основныхъ правилъ, на которыхъ выросла дивная обитель Дивѣевская,— да проникнутъ въ сердца всѣхъ входящихъ и живущихъ въ святой обители, ибо завѣты даны самой Царицей Небесной и Она же избираетъ Своихъ сестеръ.

„Правила слѣдующія: дабы вѣчно, неугасимо горѣла свѣча передъ мѣстною иконою Спасителя въ верхней, Рождества Христова церкви, и вѣчно, неугасимая же лампада у храмовой иконы Рождества Богоматери, въ нижней Рождества Богородицы церкви.

„Въ этой же нижней Рождественской церкви, которую всегда батюшка называлъ усыпальницею мощей, предсказывая много разъ и мнѣ самому, что четверо мощей будутъ открыто почивать въ ней, завѣщалъ на вѣчныя времена читать денно и нощно неугасимую Псалтирь, по усопшимъ, начиная съ Царскихъ родовъ, іерарховъ православной цер-

кви, благотворителей обители и кончая всѣми просящими молитвъ о себѣ и присныхъ своихъ, говоря: „она будетъ вѣчно питать обитель батюшка! Также завѣщалъ на вѣчныя времена неопустительно, по воскреснымъ днямъ, передъ литургіею служить Параклисъ Божіей Матери, весь на распѣвъ, по нотѣ, оба канона попеременно, какъ въ Саровской пустынѣ. „Если это исполнятъ, никакія бѣды обитель не постигнутъ, если же не исполнятъ, Царица Небесная накажетъ и безъ бѣды бѣду наживутъ“ строго заповѣдывалъ мнѣ лично много расъ угодникъ Божій.“

„Батюшка Серафимъ неоднократно пробовалъ убѣждать матушку Ксенію Михайловну, зная будущее слабое время, слабыя силы и слабый народъ, оставить непосильный для женской немощи уставъ Саровской пустыни. „Мужчинѣ, батюшка и то съ трудомъ лишь въ моготу исполнить!“ сказалъ мнѣ батюшка Серафимъ. Однако онъ не могъ ее убѣдить. „Поэтому, объяснялъ онъ мнѣ, я и далъ, по приказанію, мнѣ убогому Серафиму, Самой Царицы Небесной, новый уставъ этой обители, болѣе легкій: три раза въ сутки прочесть: одинъ разъ Достойно, три раза Отче, три раза Богородице, Символъ вѣры, два раза Господи Іисусе Христе Сыне Божій помилуй мя грѣшную и одинъ разъ—Господи Іисусе Христе Сыне Божій помилуй насъ грѣшныхъ, съ поясными поклонами; два раза — Господи Іисусе Христе, Госпожею Дѣвою Маріею Богородицею помилуй мя грѣшную и одинъ разъ: Господи Іисусе Христе Госпожею Дѣвою Маріею Богородицею помилуй насъ грѣшныхъ; тоже съ поясными поклонами; двѣнадцать разъ Господи Іисусе Христе Боже нашъ помилуй насъ! и двѣнадцать разъ: Владычица моя Пресвятая Богородица спаси насъ грѣшныхъ!— тоже все съ поясными поклонами. Да вечернія и утреннія молитвы, да помянникъ съ 12-ю избранными псалмами святыхъ отецъ и сто земныхъ поклоновъ Іисусу и сто земныхъ же поклоновъ Владычицѣ. „Довлѣетъ имъ батюшка, сказалъ о. Серафимъ, „если только исполнятъ—спасутся! О сборномъ акаѳистѣ сказываю тебѣ, по времени—попомни и разъясни; никоимъ образомъ не долженъ онъ быть у меня для всѣхъ обязательнымъ, батюшка, а аще кто можетъ, дабы

тѣмъ самымъ не наложить лишней тяги грѣха на чью либо душу. Послушаніе, батюшка, паче поста и молитвы; помни и всегда имъ говори это и я всегда говорю и благословляю имъ, какъ отъ сна встаютъ—тутъ-же за работу, читая про себя, хотя бы и на ходу мое правильце; если такъ сотворятъ,—спасутся! Послушаніе паче молитвы и поста, батюшка! Пріобщаться святыхъ Христовыхъ Животворящихъ Таинъ заповѣдываю имъ батюшка во всѣ четыре поста и двунадесятые праздники, даже велю и въ большіе праздничные дни; чѣмъ чаще, тѣмъ и лучше. Ты духовный отецъ ихъ, не возбраняй—сказываю тебѣ, потому что благодать даруемая намъ пріобщеніемъ такъ велика, что какъ-бы недостоинъ и какъ-бы не грѣшенъ былъ человѣкъ, но лишь бы въ смиренномъ токмо сознаніи всегрѣховности своей приступить къ Господу, искупляющему всѣхъ насъ, хотя-бы отъ головы до ногъ покрытыхъ язвами грѣховъ и будетъ очищаться, батюшка, благодатію Христовою, все болѣе и болѣе свѣтлѣетъ, совсѣмъ просвѣтлѣетъ и спасется! Вотъ, батюшка, ты имъ духовный отецъ, и все это я тебѣ говорю, чтобы ты зналъ.“

„Приказывалъ батюшка, по освященіи Рождественскихъ церквей и поставивъ церковницами дѣвицу изъ дворянъ Елену Васильевну Мантурову, а также послушницу ея, крестьянскую дѣвицу же Ксенію Васильевну Путкову, чтобы на вѣчныя времена всѣ ризничія и церковническія должности, а также клироса, чтенія и пѣнія исполнялись бы только сестрами обители, избранными на то начальницами и непремѣнно лишь исключительно дѣвицами. „Такъ-то Царицѣ Небесной угодно, батюшка, говорилъ онъ, сама Матерь Божія мнѣ то приказала и вотъ я тебѣ говорю; смотри-же и помни это всегда и другимъ всѣмъ сказывай и послѣ себя накажи!“

„Исключительно только дѣвицъ заповѣдывалъ батюшка Серафимъ принимать въ обитель свою мельничную, почему и называлась она Мельнично-дѣвическая община, въ отличіе отъ такъ называемой старой церковной обители матушки Александры, куда благословлялъ принимать всѣхъ и вдовъ и дѣвицъ. „Какъ мать Александра была вдовица, говорилъ

о. Серафимъ, то у ней всѣ и вдовы и дѣвицы будутъ жить въ обители батюшки и будетъ тамъ Лавра, а у меня убогаго Серафима, какъ и самъ я дѣвственникъ, батюшка, будутъ жить въ канавкѣ-то одни лишь дѣвы; тутъ будетъ у меня Киновія, батюшка. Тогда будетъ у насъ общая всѣмъ начальница намѣстница, а въ Киновіи то еще и игуменія! Царица то Небесная все у насъ управитъ батюшка; Она вѣдь Сама игуменія ихъ настоящая, а здѣсь лишь намѣстница! Она все управитъ!" При этомъ, какъ духовнаго отца сестеръ обители, батюшка назидалъ меня, приказывая быть всегда сколь возможно снисходительнѣе на исповѣди, за что по времени меня многіе укоряли, осуждали, даже гнѣвались на меня и до сихъ поръ еще судятъ, но я строго блюду заповѣдь его и всю жизнь мою сохранялъ. Угодникъ Божій говорилъ: „помни, ты только свидѣтель батюшка, судитъ же Богъ! А чего, чего, какихъ только страшныхъ грѣховъ, аще и изрѣщи невозможно, прощалъ намъ всещедрый Господь и Спаситель нашъ! Гдѣ-же намъ человѣкамъ,—судить человѣки! Мы лишь свидѣтели, свидѣтели, батюшка; всегда это помни,—одни лишь только свидѣтели батюшка!" Затѣмъ батюшка объяснилъ мнѣ, какъ великъ, страшенъ и тягостенъ для монаха грѣхъ неповиновенія начальнику и тѣмъ болѣе хуленіе начальниковъ, ибо первое правило иноку, на этомъ все монашество зиждется,—послушаніе и полное отсѣченіе своей воли, вслѣдствіе неисполненія которыхъ возникъ первородный грѣхъ ветхаго Адама, все погубившій и чѣмъ только и спасенъ весь міръ, чрезъ человѣка-же, новаго Адама, Спасителя и Господа нашего Іисуса Христа, ибо: послушливъ бывъ даже до смерти! Поэтому и нынѣ не можетъ быть хуже грѣха! Творящій такъ непремѣнно погибнетъ! Батюшка въ виду этого строго на строго приказывалъ всегда говорить, всегда въ томъ вразумлять согрѣшающихъ, съ дерзновеніемъ остерегая ихъ и напоминая даже: „бойся оскорблять начальниковъ; повинуйтесь начальницѣ какъ самой Матери Божіей! Не послушаетесь—Богъ васъ накажетъ!"

„Всѣ начальническія должности въ обители, какъ настоятельницы, казначеи, благочинной и даже старшихъ по

послушаніямъ, не говоря уже о церковныхъ и клиросныхъ и псалтырныхъ послушаніяхъ, приказывалъ батюшка исключительно и всегда занимать лишь однимъ дѣвицамъ. Заповѣдывалъ онъ въ вѣчное правило для обители своей, въ начальницу и ни въ какія должности никогда никого не ставить чужаго или изъ другаго монастыря, а всегда изъ сестеръ же обители своей и строго, престрого грозя гнѣвомъ Царицы Небесной, завѣщалъ навѣки обители своей, не ради чего и не ради кого либо, ни подъ какимъ видомъ, какъ бы благовидны не казались предлоги и причины, къ тому, никого не допускать распоряжаться обителію, никому не дозволяя въ нее вмѣшиваться. Не только изъ свѣтскихъ лицъ, будь то мужскаго, либо женскаго пола, безразлично но даже и духовныхъ не своей общины лицъ. „Сама Матерь Божія обителію управитъ, сказалъ батюшка, всему Она Сама научитъ, все устроитъ и укажетъ, кого нужно изберетъ и призоветъ, кого нѣтъ, ими же вѣсть судьбами изженетъ изъ обители Своей; что полезное утвердитъ, не полезное раззоритъ и все, все, Сама совершитъ, какъ Ея токмо единой волѣ здѣсь то угодно! Вотъ на что я, батюшка, отцемъ называюсь имъ, гляди! Исповѣдую тебѣ и Богомъ свидѣтельствуюсь, что ни одного камешка, я по своей волѣ у нихъ не поставилъ, ниже слова единаго отъ себя не сказалъ имъ и не единую изъ нихъ не принималъ я по желанію своему, противъ воли Царицы-Небесной! А коли я убогій, которому Сама Матерь Божія поручила ихъ, не соизволилъ своего и своему, выполняя лишь только Святѣйшія приказанія Ея, кольми паче другимъ надлежитъ то, батюшка! Вотъ ты имъ духовный отецъ, Царица Небесная Сама тебя избрала имъ, тебѣ жить съ ними, то и долженъ ты все знать; вотъ я тебѣ все и сказываю... Снявъ при этомъ съ своихъ ручекъ надѣтыя поручи, самъ угодникъ Божій надѣлъ ихъ на меня и сказалъ: „Вотъ, батюшка, теперь все я сказалъ тебѣ и вотъ надѣваю тебѣ свои поручи, возьми и блюди ихъ! Блюди же обителя мою, тебѣ поручаю и молю: послужи ей всю жизнь твою, ради меня убогаго Серафима и чѣмъ можешь не оставь!“

Таково было завѣщаніе великаго старца, свято хранимое въ обители по нынѣ.

Каждая строка изъ воспоминаній сиротъ Серафимовыхъ должна быть драгоцѣнна для лѣтописи обители и живущихъ молитвами о. Серафима, а поэтому обратимся еще къ повѣствованіямъ старицъ.

Ксенія Кузминишна разсказываетъ: (тетрадь № 1) „все было у насъ отъ батюшки: хлѣбъ, дрова, соль, свѣчи, елей. Только давалъ все понемногу, что выйдетъ, опять идемъ къ нему или самъ накажетъ, чтобы пришли. Сестры роптали, говоря: „что это за батюшка! Чтобы намъ дать денегъ, мы всего себѣ купили бы, а то ходи, почитай всякій день, то за тѣмъ, то за другимъ, неужели у батюшки нѣтъ денегъ? Незадолго до своей кончины позвалъ онъ двухъ сестеръ, насыпалъ имъ денегъ въ фартуки, серебра и золота, да говоритъ: „Во, радости мои, купите всего себѣ на цѣлый годъ“ и назначилъ по скольку четвертей: крупъ, пшена, муки, „всего что вамъ нужно.“ Они дивились этому и не поняли къ чему это. Только уѣхали покупать, вдругъ вѣсть, что батюшка Серафимъ скончался! Значитъ онъ предвидѣлъ свою кончину, а потому и приказалъ имъ всего купить на годъ. Кто-де ихъ безъ меня кормить будетъ! Говорилъ сестрамъ: „вручаю васъ Самой Царицѣ Небесной Умиленію, (икона) Она васъ не оставитъ!“

Матрена Игнатьевна, поступившая въ обитель за два года до кончины о. Серафима, повѣствуетъ слѣдующее: часто я къ нему ходила, говоритъ она, онъ меня слабую подкрѣплялъ во всемъ. Въ послѣдній разъ, уже незадолго до его кончины, я прошусь въ Саровъ, а Прасковья Степановна говоритъ: „ты ужъ очень часто туда ходишь, всѣ тебя тамъ замѣчаютъ, но если хочешь,—иди! „Дали мнѣ огромныя мордовскія лапти, да коротенькій кафтанишко, пестрые рукава привязали кой чѣмъ. Я говорю: „во что хотите оденьте, только къ батюшкѣ меня пустите!“ Такъ и пошла я въ ночь; бѣгу одна и страху нѣтъ. Подходя къ Сарову,—слышу благовѣстъ къ утрени. Думаю: ну слава Богу! и караульныхъ солдатъ теперь нѣтъ у монастырскихъ воротъ. Дошла въ соборъ, сдѣлала три земные поклона,

да скорѣе спѣшу къ батюшкѣ въ келію. Тутъ только вспомнила, что забыла взять ключъ отъ келіи батюшкиной, который былъ всегда у насъ; кто идетъ въ Саровъ, брали его, а потому всегда невозбранно къ нему входили въ сѣнки, гдѣ стоялъ его гробъ. Взглянула я въ замочную скважину, вижу горятъ свѣчи, а ни батюшки Серафима, ни отца Павла не видать! Стою и боюсь, чтобы не увидали меня монахи, что я одна ночью стою у него на крылечкѣ. Не зная, что дѣлать, подняла я у дровъ прутикъ и вмѣсто ключа повернула имъ. О чудо! Дверь отворилась; вхожу тихо, смотрю батюшка лежитъ на полу, сумка его у него въ головахъ и онъ храпитъ. Боясь его напугать, какъ проснется и увидитъ меня,—прижалась въ уголъ за дрова. Батюшка проснулся, пошелъ въ келію, вынесъ большую книгу, поправилъ свѣчи и въ эту минуту увидалъ меня. „Кто ты?“ спросилъ онъ. Я отвѣтила:—Дивѣевская. Онъ опять спрашиваетъ тотъ же вопросъ; я говорю—Спасская Матрена. А онъ опять: „кто ты такая?“ Я очень смутилась и оскорбилась. Потомъ онъ спросилъ меня: „скажи мнѣ, что важнѣе,—утѣшеніе, молитва или бесѣда?“ Я отвѣтила: „не знаю, батюшка. Онъ повторилъ тотъ же вопросъ. Я подумала, да и говорю: „что можетъ быть выше молитвы!“ „Ты благоразумно отвѣчаешь,—сказалъ батюшка Серафимъ. Слышишь ударяютъ къ ранней обѣднѣ въ пещерахъ. „Ступай туда; тамъ никто тебя не узнаетъ!“ Отворилъ дверь, проводилъ до крыльца. Я отошла немного, да оглянулась на него, а онъ стоитъ точно въ какомъ то сіяніи боголѣпный! Вижу онъ до земли рукою мнѣ кланяется... Я отойду нѣсколько, да опять оглянусь и опять тоже, до трехъ разъ. Пошла въ пещеры, а послушники меня остановили, спрашиваютъ: „откуда ты?“ Я грубо отвѣтила: „Розодевская!“ „Вретъ, вретъ!“ кричатъ они, „она Дивѣевская! Я самъ видѣлъ ее у отца Серафима!“ Послѣ обѣдни иду, а они смѣются надо мною, какъ я одѣта, а батюшка Серафимъ отворилъ свою дверь и манитъ меня къ себѣ и говоритъ: „Радость моя! Я вѣдь тебя давеча не узналъ!“ Я ему все разсказала почему меня такъ одѣли, что я часто къ нему

хожу, а я на все согласилась, лишь бы его видѣть. Видно я уже предчувствовала, что не увижу его болѣе живаго.“

Старица Домна Фоминишна (мать Дорофея) свидѣтельствуетъ (тетрадь № 1), что „Батюшка разъ говоритъ:“ теперь скажи, „что тебѣ нужно?“ и все намекаетъ въ послѣднiй разъ, а я и не понимаю, что онъ говоритъ о своей смерти. Тутъ была и Ксенiя Васильевна, онъ ей тоже говоритъ: „скажи что нужно?“ Она отвѣтила: „у насъ большаго подсвѣчника нѣтъ, да чугунокъ нуженъ въ алтарь для жару!“ И она не поняла, что онъ намекаетъ, что не у кого будетъ безъ него намъ просить. Батюшка говорилъ сестрамъ: „радости мои! послѣ меня много будутъ называться вамъ отцами, но меня вамъ никто не замѣнитъ; я васъ породилъ духомъ, а другiе вамъ будутъ чужды!“

Отецъ Павелъ, сосѣдъ по кельямъ, служившiй о. Серафиму, сообщилъ, (тетрадь № 1, разсказъ А. И. Малышевой), что батюшка ему сказалъ: „тогда, батюшка, Дивѣево будетъ Дивѣевымъ и тогда только у нихъ все устроится, какъ должно, когда игуменьей будетъ Марiя, да еще по фамилiи Ушакова!“

„Не задолго передъ своей кончиной говоритъ мнѣ батюшка, разсказывала Акулина Ивановна Малышева (тетрадь № 1) „ну говоритъ, Акулинушка, теперь тебѣ будетъ съ землей то возиться, казачки будутъ пахать, а ты прошу тебя Царицей Небесной, Казанскую-то Божiю Матерь не оставь, Казанскую-то Божiю Матерь не оставь, матушка!“ три раза повторилъ батюшка „потому ты одна только можешь“ продолжалъ онъ, „больше никто не можетъ, а тутъ противъ Казанской, да Мишеньки у насъ святыя ворота будутъ; тамъ ты живи всегда у святыхъ-то воротъ, матушка! Пошелъ вдругъ батюшка и лице-то такъ и просiяло у него. А какъ царская фамилiя прiѣдетъ къ вамъ, матушка, то выйдете за святыя-то ворота, да распахните ихъ широко, широко, да низко, низко поклонитесь до земли, да и скажете: покорно проссимъ пожаловать, покорно просимъ... „и батюшка самъ три раза низко до земли поклонился. Такъ вотъ это еще не совсѣмъ сбылось, а вѣрую, что совершится, такъ никогда, ничего не говорилъ батюшка!“

Дивной старицѣ Прасковьѣ Степановнѣ Мелюковой, родной сестрѣ Маріи Семеновны или схимонахини Мареы, о. Серафимъ сказалъ на прощаніе передъ смертію (тетрадь № 6, разсказъ 4): „вотъ матушка упомни, какъ увидишь ты, что мой источникъ-то возмутится грязью, отъ кого онъ возмутится, тотъ человѣкъ всю обитель возмутитъ у васъ! Тогда матушка не убойся, и говори правду и всѣмъ говори правду! Это тебѣ заповѣдь моя! Тутъ и конецъ твой!“

Важное это предсказаніе не могло быть понятно въ то время. Сиротамъ своимъ о. Серафимъ строго приказалъ на прощаніе: „кромѣ Михаила Васильевича Мантурова, Николая Александровича Мотовилова и священника о. Василія Никитича Садовскаго, никого не слушать и самимъ правиться, никому не довѣряя, никого не допуская посторонняго вмѣшиваться въ дѣла обители. Кромѣ меня не будетъ у васъ отца! Вручаю васъ Самой Матери Божіей, Она Сама вамъ игуменія, а по Ней всѣ управятъ!“ (тетрадь № 6).

Многимъ сестрамъ говорилъ онъ также пророчески о будущемъ: „вы до антихриста не доживете, а времена антихриста переживете!“

Грозное и тяжелое будущее предстояло Дивѣевскимъ сестрамъ послѣ смерти ихъ отца, великаго праведника Серафима!

3-го сентября 1832-го года пріѣхалъ въ Саровъ опять заболѣвшій Николай Александровичъ Мотовиловъ. Объ этомъ онъ пишетъ самъ слѣдующее: (записка, достовѣрныя свѣдѣнія о двухъ Дивѣевскихъ обителяхъ) „когда въ маѣ мѣсяцѣ 1832 года поразила меня тяжкая душевная скорбь, то я снова подвергся болѣзни и отнятію попрежнему ногъ. Страдавши въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ, услыхалъ я объ открытіи въ Воронежѣ св. мощей Святителя Митрофанія и о святости жизни тамошняго епископа Воронежскаго Антонія; почему и пожелалъ я ѣхать туда, а хоть по совѣту родныхъ и ближе 200-тъ верстъ было-бы ѣхать мнѣ чрезъ Пензу изъ Симбирскаго имѣнія, но помня великія милости Господни, чрезъ великаго старца Серафима явленныя мнѣ,

велѣлъ я везти себя чрезъ Саровскую пустынь въ Воронежъ. Хотѣлъ прежде всего ему первому заявить о моемъ второмъ бѣдствіи, что и сдѣлалъ я пріѣхавъ 3-го сентября 1832 года въ Саровъ. Когда-же пришелъ къ нему, то онъ отечески принялъ во мнѣ участіе и нѣсколько побесѣдовавъ со мною сказалъ: „помолимся Господу, чтобы онъ возвѣстилъ намъ: мнѣ-ли по прежнему исцѣлить васъ или отпустить въ Воронежъ.“ И когда на другой день я опять принесенъ былъ къ нему, то онъ сказалъ мнѣ: „вотъ, батюшка, Господь и Божія Матерь въ нощь сію мнѣ всю вашу жизнь открыли отъ рожденія и до успенія вашего. „Тутъ онъ много и долго бесѣдовалъ со мною и предрекъ всю мою жизнь впередъ и о Россіи, и о прочемъ многомъ, что отчасти и сбылось уже, но подробное описаніе о семъ теперь считаю неумѣстнымъ, хотя и стремлюсь о томъ сказать въ болѣе подробномъ изложеніи, если Господь продлитъ дни жизни моей.“

Затѣмъ о. Серафимъ заповѣдывалъ Н. А. Мотовилову служеніе Дивѣевской обители (тетрадь № 6—предисловіе). Онъ призвалъ двухъ сестеръ мельничной общины Евдокію Ефремовну Аломасовскую, бывшую при явленіи Божіей Матери въ день Благовѣщенія 1831-го года, впослѣдствіи монахиня Евпраксія, и Ирину Семеновну Зеленогорскую, бывшую впослѣдствіи третьею начальницею, чтобы онѣ могли засвидѣтельствовать другимъ слова его. Вложивъ въ руки Н. А. Мотовилова правыя руки сестеръ и придерживая ихъ своими руками о. Серафимъ заповѣдывалъ, чтобы онѣ не только сами послѣ его смерти, обо всемъ подробно разсказали Николаю Александровичу, что и гдѣ и какъ Божія Матерь заводила чрезъ него, но чтобы всѣ сестры ничего отъ него не скрывали, потому что Божіей Матери угодно, дабы Николай Александровичъ былъ назначенъ *питателемъ* обители. Затѣмъ подтвердилъ, дабы по волѣ Царицы Небесной, Николай Александровичъ все зналъ объ обители также подробно, какъ извѣстно самому о. Серафиму. Обратясь-же къ Мотовилову батюшка приказалъ ему, чтобы онъ былъ въ свое время свидѣтелемъ всего, что дѣлалось въ Дивѣевѣ при „убогомъ Серафимѣ“ и засвидѣтельствовалъ, что даже

все строеніе найденное послѣ смерти старца, выстроено было имъ самимъ, по назначенію и указанію Царицы Небесной. „И камешка однаго, я убогій Серафимъ самопроизвольно у нихъ не поставилъ!“ сказалъ батюшка, оканчивая свою рѣчь.

Н. А. Мотовиловъ продолжаетъ въ запискѣ: „и давши мнѣ заповѣдь о служеніи своимъ мельничнымъ сиротамъ, отпустилъ меня съ миромъ въ Воронежъ, куда я прибылъ въ 19-й день сентября 1832 года, а потомъ въ ночь на 1-е октября и на праздникъ Покрова Божіей Матери получилъ я отъ этой вторичной болѣзни совершенное и скорое исцѣленіе, молитвами Антонія епископа Воронежскаго и Задонскаго“.

ГЛАВА XX.

Прощаніе о. Серафима съ игуменомъ Нифонтомъ и братіей Саровской пустыни. Кончина старца Серафима, открытая пожаромъ въ его келіи. Горе Дивѣевской обители. Стояніе гроба въ Соборѣ. Погребеніе. Пріѣздъ Н. А. Мотовилова. Явленіе о. Серафима Архіепископу Воронежскому Антонію въ ночь своей смерти. Критическій разборъ печатанныхъ разсказовъ послушника Ивана Тихонова. Пріѣздъ офицера Каратаева. О портретахъ о. Серафима. Судьба вещей о. Серафима.

За недѣлю до своей кончины, въ праздникъ Рождества Христова, въ 1832-мъ году, о. Серафимъ, по обыкновенію пришелъ къ литургіи, которую совершалъ о. игуменъ Нифонтъ. Онъ причастился св. Христовыхъ Таинъ и послѣ литургіи бесѣдовалъ съ о. игуменомъ. Между прочимъ, онъ просилъ игумена о многихъ, особенно о младшихъ изъ братій; незабылъ упомянуть и на этотъ случай въ послѣдній уже разъ о томъ, чтобы его, когда умретъ, положили въ его гробъ. (Жизнеоп. Саровскаго изд. 1893 г., стр. 220). Простясь съ игуменомъ и братіею, старецъ возвратился въ свою келію и одному изъ монаховъ, именно Іакову, нынѣ іеромонаху Толщевскаго монастыря, вручилъ финифтяный образъ Преп. Сергія—посѣщеніе его Матерью Божіею, съ такими словами: „сей образъ надѣньте на меня, когда я умру, и съ нимъ положите меня въ могилу: сей образъ—продолжалъ онъ—присланъ мнѣ честнымъ о. архимандритомъ Антоніемъ, намѣстникомъ св. лавры, отъ мощей преп. Сергія.“ Къ о. Антонію старецъ Серафимъ, какъ и прежде мы видѣли, питалъ особую любовь.

1-го января 1833 года, въ день воскресный, о. Серафимъ пришелъ въ послѣднiй разъ въ больничную церковь во имя свв. Зосимы и Савватiя, ко всѣмъ иконамъ поставилъ самъ свѣчи и приложился, чего прежде не замѣчали за нимъ; потомъ причастился, по обычаю, св. Христовыхъ Таинъ. По окончанiи же литургiи, онъ простился со всѣми здѣсь молившимися братiями, всѣхъ благословилъ, поцѣловалъ, и, утѣшая, говорилъ: „спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте: нынѣшнiй день намъ вѣнцы готовятся." Простившись же со всѣми, онъ приложился ко кресту и къ образу Божiей Матери; затѣмъ, обошедши кругомъ св. престола, сдѣлалъ обычное поклоненiе и вышелъ изъ храма сѣверными дверями, какъ бы знаменуя этимъ, что человѣкъ одними вратами— путемъ рожденiя, входитъ въ мiръ сей, а другими, т. е. вратами смерти, исходитъ изъ него. Въ сiе время всѣ замѣтили въ немъ крайнее изнеможенiе силъ тѣлесныхъ, но духомъ старецъ былъ бодръ, спокоенъ и веселъ.

Послѣ литургiи у него была сестра Дивѣевской общины, Ирина Васильевна. Старецъ прислалъ съ нею Параскевѣ Ивановнѣ 200 руб. ассигн. денегъ, поручая послѣдней купить въ ближней деревнѣ хлѣба на эти деньги, ибо въ то время весь запасъ вышелъ и сестры находились въ большой нуждѣ.

Въ тотъ же день, послѣ литургiи, былъ у о. Серафима Высокогорской Арзамасской пустыни iеромонахъ Ѳеоктистъ. О. Серафимъ, окончивъ бесѣду съ нимъ, сказалъ въ заключенiе: „ты ужо отслужи здѣсь". Но Ѳеоктистъ, поспѣшая домой, отказался служить въ Саровѣ. Тогда о. Серафимъ сказалъ ему: „ну, такъ ты въ Дивѣевѣ отслужишь". О. Ѳеоктистъ, разумѣется, и этого не понялъ и, получивши отъ старца благословенiе, отправился въ тотъ же день изъ Сарова.

Старица Матрена Игнатьевна разсказывала (тетрадь № 1), что наканунѣ кончины батюшки была у него одна изъ келейныхъ ихъ сестеръ. Онъ ей говоритъ: „матушка, какой нынче будетъ новый годъ, земля постонетъ отъ слезъ!" Она не поняла, что онъ сказалъ ей о своей кончинѣ. При ней онъ и скончался. Когда она возвратилась изъ Сарова, я ее

спрашиваю: что батюшка, здоровъ-ли?" Она молчитъ. Я опять повторяю. Она помолчавъ, тихо сказала: „скончался!„ Я закричала, заплакала, одѣлась наскоро, да какъ безумная безъ благословенія убѣжала въ Саровъ. И вотъ вамъ, какъ передъ Господомъ скажу, что когда я цѣловала ручки и ножки у батюшки Серафима, каждый разъ ощущался такое-же благоуханіе, какъ отъ св. мощей, а его нехоронили восемь дней. Сбылось его послѣднее слово, что воистину земля стонала отъ плача и рыданія „когда его погребали. И какое было стеченіе народа!"

Нужно замѣтить, что рядомъ съ кельею старца Серафима стояла келья монаха, о. Павла. Онѣ отдѣлялись одна отъ другой глухою стѣною, возлѣ которой была печь. Входы въ ту и другую келію были особые. Издавна въ Саровской обители принято за правило, чтобы иноки жили, каждый особо, по одному. Какъ учениковъ о. Серафимъ не имѣлъ у себя, такъ и келейника у него не было, а по сосѣдству обязанности келейнаго исправлялъ иногда братъ Павелъ. Старецъ отличалъ его довѣріемъ и говаривалъ: „братъ Павелъ *за простоту своего сердца* безъ труда войдетъ въ царствіе Божіе: онъ никогда никого не судитъ и не завидуетъ никому, а только знаетъ собственные грѣхи и свое ничтожество".

Старецъ Серафимъ имѣлъ обыкновеніе, при выходѣ изъ монастыря въ пустынь, оставлять въ своей келіи горящими, зажженныя съ утра предъ образами свѣчи. Братъ Павелъ, пользуясь его расположеніемъ, иногда говаривалъ старцу, что отъ зажженныхъ свѣчъ можетъ произойти пожаръ; но о. Серафимъ всегда отвѣчалъ на это: „пока я живъ, пожара не будетъ; а когда я умру, кончина моя откроется пожаромъ." Такъ и случилось.

Въ первый день 1833 года братъ Павелъ замѣтилъ, что о. Серафимъ въ теченіе сего дня раза три выходилъ на то мѣсто, которое было имъ указано для его погребенія, и оставаясь тамъ довольно долгое время, смотрѣлъ на землю. Вечеромъ же о. Павелъ слышалъ, какъ старецъ пѣлъ въ своей келіи пасхальныя пѣсни. (*Воскресеніе Христово видѣвше... Свѣтися, свѣтися новый Іерусалимѣ... О, пасха*

велія и священнѣйшая Христе...) и нѣкоторыя другія духовныя побѣдныя пѣсни.

Втораго числа января, часу въ шестомъ утра, братъ Павелъ, выйдя изъ своей келіи къ ранней литургіи, почувствовалъ въ сѣняхъ близъ келіи о. Серафима запахъ дыма. Сотворивъ обычную молитву, онъ постучался въ двери о. Серафима, но дверь извнутри была заперта крючкомъ и отвѣта на молитву не послѣдовало. Онъ вышелъ на крыльцо и, замѣтивъ въ темнотѣ проходившихъ въ церковь иноковъ, сказалъ имъ: „отцы и братія! слышанъ сильный дымный запахъ. Не горитъ ли что около насъ? Старецъ вѣрно ушелъ въ пустыню.“ Тутъ одинъ изъ проходившихъ, послушникъ Аникита, бросился къ келіи о. Серафима и, почувствовавъ, что она заперта, усиленнымъ толчкомъ сорвалъ ее со внутренняго крючка. Многіе христіане, по усердію, приносили къ о. Серафиму разныя холщевыя вещи. Эти вещи, вмѣстѣ съ книгами, лежали на этотъ разъ на скамьѣ въ безпорядкѣ, близъ двери. Онѣ-то и тлѣли, вѣроятно отъ свѣчнаго нагара или отъ упавшей свѣчи, подсвѣчникъ которой тутъ же стоялъ. Огня не было, а тлѣли только вещи и нѣкоторыя книги. На дворѣ было темно, чуть брезжилось; въ кельи о. Серафима свѣта не было, самого старца также не видно было и не слышно. Думали, что онъ отдыхаетъ отъ ночныхъ подвиговъ, и въ этихъ мысляхъ пришедшіе толпились у кельи. Въ сѣняхъ произошло небольшое замѣшательство. Нѣкоторые изъ братій бросились за снѣгомъ и погасили тлѣвшія вещи.

Ранняя литургія, между тѣмъ, безостановочно совершалась своимъ порядкомъ въ больничной церкви. Пѣли: *Достойно есть*.... Въ это время неожиданно прибѣжалъ въ церковь мальчикъ, одинъ изъ послушниковъ, и тихонько повѣстилъ нѣкоторыхъ о происшедшемъ. Братія поспѣшили къ келіи о. Серафима. Иноковъ собралось не мало. Братъ Павелъ и послушникъ Аникита, желая удостовѣриться, не отдыхаетъ ли старецъ, въ темнотѣ начали ощупывать небольшое пространство его келіи, и нашли его самого. Принесли зажженную свѣчку и увидѣли, что старецъ, въ обычномъ своемъ бѣломъ балахончикѣ, стоялъ на обыкновенномъ

мѣстѣ молитвы предъ малымъ аналоемъ на колѣняхъ, съ открытою головою; съ мѣднымъ Распятіемъ на шеѣ. Его руки, сложенныя крестообразно, лежали на аналоѣ, на книгѣ, по которой онъ совершалъ свой молитвенный трудъ предъ образомъ Божіей Матери Умиленія, а на рукахъ лежала голова ницъ лицемъ. Полагали, что онъ уснулъ; стали осторожно будить его — но отвѣта не было: старецъ окончилъ подвижническую жизнь свою.... Глаза его были закрыты, лице оживлено богомысліемъ и молитвою. Тѣло старца было тепло, какъ будто бы духъ его только еще сію минуту оставилъ храмину свою. Но его уже никто не могъ теперь пробудить къ жизни...

Такъ описываетъ авторъ жизнеописанія о. Серафима Саровскихъ изданій 1863 и 1893 годовъ. Но вопросъ: неописываетъ-ли онъ это со словъ очевидцевъ или смотря на изображеніе, которое было написано ошибочно, какъ говорятъ современники. Въ изданіи 1893 года — приложено не такое изображеніе, такъ что оно не соотвѣтствуетъ вовсе описанію. Н. А. Мотовиловъ въ запискѣ „достовѣрныя свѣдѣнія о двухъ Дивѣевскихъ обителяхъ“, опровергаетъ свѣдѣнія Саровскаго изданія. Такъ онъ пишетъ: „батюшка скончался на колѣняхъ въ молитвѣ, со сложенными крестообразно руками, а не поникши въ низъ и лежащимъ на книгѣ, какъ въ семъ изданіи 1863-го года изображено. А что онъ дѣйствительно стоя на колѣняхъ, въ такомъ положеніи скончался, слышалъ я тогда по пріѣздѣ моемъ изъ Воронежа лично отъ самого игумена Нифонта и жившихъ возлѣ батюшки, отца Серафима, — іеромонаха Евстафія и іеродіакона Нафанаила и которыхъ игуменъ Нифонтъ призвалъ къ себѣ при мнѣ для того, чтобы о немъ подробно сами мнѣ сказали.“

Иноки съ благословенія настоятеля, подняли на рукахъ тѣло старца Серафима и положили въ сосѣдней келіи іеромонаха Евстаѳія. Тамъ омыли ему чело и колѣни, одѣли по монашескому чину, положили въ извѣстный намъ дубовый гробъ и тотчасъ же вынесли въ соборный храмъ. Послѣ, когда утихло волненіе и безпокойство, когда стали разбирать вещи въ келіи почившаго, замѣтили, что и книга,

надъ которою онъ почилъ непробуднымъ сномъ, нѣсколько обгорѣла.

Вѣсть о кончинѣ старца о. Серафима быстро разнеслась повсюду. Вся Саровская окрестность быстро стеклась въ пустынь. Всѣ скорбѣли и горько плакали о смерти старца; въ особенности разлука съ нимъ тяжка была для Дивѣевскихъ сестеръ.

Дивѣевская сестра Прасковья Ивановна, которой о. Серафимъ предъ кончиною своею далъ деньги, купивъ хлѣба и возвращаясь въ Дивѣево, на дорогѣ услышала горестную вѣсть и, не заѣзжая къ себѣ, погнала лошадь въ Саровъ.

Бывшій наканунѣ іеромонахъ Ѳеоктистъ, выѣхавъ въ то же время изъ Сарова, ночевалъ въ деревнѣ Вертьяновѣ, а на другой день утромъ отправился дальше. На пути, безъ видимой причины, завертка у его саней оборвалась, лошадь выпряглась и онъ поставленъ былъ въ необходимость остановиться въ Дивѣевской общинѣ. Тамъ нашелъ всѣхъ сестеръ въ глубокой скорби и слезахъ: онѣ оплакивали кончину о. Серафима. Дивѣевскій священникъ былъ въ отсутствіи по должности благочиннаго. Сестры убѣдительно просили о. Ѳеоктиста отслужить панниxиду объ упокоеніи въ блаженныхъ обителяхъ души старца Серафима. Желаніе ихъ было исполнено и сбылись слова старца: „ну, такъ ты въ Дивѣевѣ отслужишь“.

Тѣло о. Серафима положено во гробъ, по завѣщанію его, съ финифтянымъ изображеніемъ Преп. Сергія, полученнымъ изъ Троицко-Сергіевской лавры. Могила блаженному старцу уготовлялась на томъ самомъ мѣстѣ, которое давно было намѣчено имъ самимъ, и его тѣло въ продолженіе восьми сутокъ стояло открытымъ въ Успенскомъ соборѣ. Саровская пустынь до дня погребенія наполнена была тысячами народа собравшагося изъ окрестныхъ странъ и губерній. Каждый наперерывъ тѣснился облобызать великаго старца. Всѣ единодушно оплакивали потерю его и молились объ упокоеніи души его, какъ онъ при жизни своей молился о здравіи и спасеніи всѣхъ. Въ день погребенія за литургіею

народа такъ много было въ соборѣ, что мѣстныя свѣчи около гроба тухли отъ жара.

Въ то время въ Глинской обители Курской губерніи подвизался іеромонахъ Филаретъ. Его ученикъ сообщилъ, что 2-го января, выходя изъ храма послѣ утрени, отецъ Филаретъ показалъ на небѣ необыкновенный свѣтъ и сказалъ: „вотъ такъ-то души праведныхъ возносятся на небо! Это душа отца Серафима возносится!“ (Сказанія о подвигахъ о. Серафима, стр. 34, изд. 1849).

Архимандритъ Митрофанъ, занимавшій должность ризничаго въ Невской Лаврѣ, былъ послушникомъ въ Саровской пустынѣ и находился при гробѣ о. Серафима. Онъ передалъ Дивѣевскимъ сиротамъ, что лично былъ свидѣтелемъ чуда. Когда духовникъ хотѣлъ положить разрѣшительную молитву въ руку о. Серафима, то рука сама разжалась. Игуменъ, казначей и другіе видѣли это и долго оставались въ недоумѣніи, пораженные случившемся. (Изд. 1893 г.).

Погребеніе о. Серафима совершено было о. игуменомъ Нифонтомъ. Тѣло его предано землѣ по правую сторону соборнаго алтаря, подлѣ могилы Марка-затворника. (Впослѣдствіи усердіемъ Нижегородскаго купца Я. Сырева надъ могилою его воздвигнутъ чугунный памятникъ, въ видѣ гробницы, на которомъ написано: „жилъ во славу Божію 73 года, 5 мѣсяцевъ и 12-ть дней).

Не было сказано при гробѣ о. Серафима рѣчей: воспоминаніе о его жизни и дѣлахъ, изустные разсказы о нихъ при гробѣ замѣчательнаго подвижника были самымъ лучшимъ назиданіемъ, замѣнявшимъ всякое другое слово. Но какой-то, неизвѣстный стихотворецъ, въ грустномъ одушевленіи смертію старца, тогда же, въ формѣ элегической пѣсни, воспѣлъ его жизнь, подвиги и кончину.

Саровскому пустыннику о. Серафиму.

(Изд. 1893 г. стр. 226).

Онъ былъ и именемъ и духомъ *Серафимъ;*
Въ пустынной тишинѣ весь Богу посвященный:
Ему всегда служилъ, и Богъ всегда былъ съ нимъ,
Внимая всѣмъ его моленьямъ вдохновеннымъ.

И что за чудный даръ въ его душѣ виталъ!
Какихъ небесныхъ тайнъ онъ не былъ созерцатель?
Какъ много дивнаго избраннымъ онъ вѣщалъ,
Завѣта вѣчнаго земнымъ истолкователь!
Куда бы свѣтлый взоръ онъ только не вперялъ—
Вездѣ туманное предъ нимъ разоблачалось,
Преступникъ скрытый вдругъ себя предъ нимъ являлъ—
Судьба грядущаго всецѣло рисовалась,
Въ часы мольбы къ нему съ лазурной высоты
Небесные друзья невидимо слетали
И, чуждые земной житейской суеты,
Его бесѣдою о небѣ услаждали.
Онъ самъ, казалось, жилъ чтобъ только погостить:
Въ дѣлахъ его являлось что то неземное.
Напрасно клевета хотѣла омрачить...
Въ немъ жизнь была чиста, какъ небо голубое.
Земнаго міра гость, святой и незабвенный,
Одной любовію равно ко всѣмъ горѣлъ:
Богачъ, бѣднякъ, счастливецъ и уничиженный
Равно одинъ привѣтъ у старца всякъ имѣлъ.
Несчастные-жъ къ нему стекалися толпой:
Онъ былъ для сердца ихъ отрадный утѣшитель.
Совѣтомъ мудрымъ онъ—безмездною цѣльбой,
Всѣхъ къ Богу приводилъ, святой руководитель.
Отъ подвиговъ уставъ, преклоншись на колѣни,
Съ молитвой на устахъ, бывъ смертнымъ, умеръ онъ.
По что же смерть его?—видъ смертной только сѣни,
Или, какъ говорятъ, спокойный тихій сонъ...
Теперь ликуетъ онъ въ семьѣ святыхъ родной,
Сіяньемъ Божескимъ достойно озаренный;
А мы могилу тихую кропимъ слезой,
И имя будемъ чтить во вѣкъ благословеннымъ.

11-го сентября прибылъ въ Саровъ исцѣленный Николай Александровичъ Мотовиловъ, въ отчаяніи, что онъ не засталъ даже похоронъ о. Серафима. Авторъ жизнеописанія о. Серафима Саровскаго изданія 1863 и 1893 годовъ, неизвѣстно отъ кого получившій свѣдѣнія о помѣщикѣ Мотови-

ловѣ, говоритъ что въ недавнемъ времени былъ исцѣленъ о. Серафимомъ помѣщикъ, страдавшій ногами и ходившій на костыляхъ. Послѣ исцѣленія о. Серафимъ приказалъ ему ѣхать въ Кіевъ поблагодарить Божію Матерь. Помѣщикъ съ радости предался утѣхамъ жизни, не исполнивъ словесъ старца. Тогда болѣзнь опять возвратилась къ нему. Снова больной обратился къ старцу, покрытый стыдомъ. О. Серафимъ велѣлъ ему ѣхать въ Воронежъ къ Святителю и чудотворцу Митрофану. Тамъ помѣщикъ не малое время жилъ у тогдашняго епископа Антонія, молился о своемъ здоровьѣ, но не получилъ чудеснаго исцѣленія. Наконецъ Святитель Митрофанъ явился во снѣ епископу Антонію, показалъ ему образъ св. Троицы и предстоящаго предъ Нею старца Серафима и сказалъ „скорѣе отпусти больнаго въ Саровъ: его можетъ исцѣлить одинъ Серафимъ“. Тотчасъ послѣ сего видѣнія, епископъ Антоній отправилъ больнаго въ Саровъ и съ нимъ послалъ пять большихъ свѣчъ о. Серафиму, приказывая, въ случаѣ смерти старца, поставить эти свѣчи за упокой его души. Больной очень спѣшилъ въ Саровъ. Отъ Тамбова, оставивши своихъ лошадей, онъ поѣхалъ на почтовыхъ; но поспѣлъ въ Саровъ только на другой день послѣ погребенія о. Серафима. Поставивъ свѣчи за упокой его души, онъ очень плакалъ о смерти старца, отъ котораго чаялъ исцѣленія. и скорбь свою разсказывалъ въ монастырѣ всей братіи.

Свѣдѣніе это о. Н. А. Мотовиловѣ спутаны и невѣрны, что свидѣтельствуетъ живая еще жена его, живущая нынѣ въ Дивѣевѣ, и наконецъ личная записка Николая Александровича. Кромѣ приведенныхъ выше выдержекъ изъ записки, онъ пишетъ: „я пробылъ въ Воронежѣ болѣе трехъ мѣсяцевъ, въ совершенномъ и полномъ здравіи. 2-го января 1833 года, въ этотъ же день вечеромъ услыхалъ я отъ Высокопреосвященнаго Антонія, что батюшка отецъ Серафимъ въ ночь на этотъ день, во второмъ часу за полночь скончался, о чемъ онъ самъ Ему явясь, очевидно, возвѣстилъ. Онъ по немъ самъ тотъ-же день соборно отслужилъ панихиду. А я 4-го января выѣхалъ изъ Воронежа и 11-го прибылъ въ Саровскую пустынь, черезъ два дня послѣ погре-

бенія о. Серафима. И вотъ какъ все дѣло, по истинѣ было, а не такъ какъ въ изданіи 1863-го года, на страницѣ 313 напечатано обо мнѣ (изд. 1893 г. стр. 227). Я напротивъ не только получилъ исцѣленіе но и столь чудное, что до сихъ поръ, 61-го года жизни моей, благодатію Божіею и общими молитвами великаго старца Серафима и трехъ святителей великихъ: Митрофана, Тихона и Антонія, пользуюсь въ теченіи 38-ми лѣтъ совершеннымъ здоровьемъ, о чемъ печатно свидѣтельствую во славу Господа и Пречистой Его Матери и великихъ угодниковъ Божіихъ. Что-же касается до явленія Святителя Митрофана, то онъ явился мнѣ, а не Преосвященному Антонію, чрезъ два года въ 1834 году. Въ Кіевѣ совѣтовалъ батюшка отецъ Серафимъ побывать, „ибо тамъ“ сказалъ онъ, „Господь много откроетъ вамъ!“ Какъ это совершенно не справедливо, такъ и многое другое, напримѣръ: кому не извѣстно, что великій старецъ Серафимъ никогда не имѣлъ у себя модной мебели и что келія его вся была завалена разными приносимыми ему предметами, имъ употребляемыми, въ мѣшкахъ и просто лежавшихъ. Впереди келія заставлена была вся большими бутылями и бутылками и штофами съ елеемъ и съ св. водою и съ церковнымъ виномъ въ боченкахъ и сотни свѣчь горѣли на двухъ мѣдныхъ, круглыхъ въ родѣ подносовъ съ мѣстечками для свѣчь, — подсвѣчникахъ, такъ что едва маленькій и узкій ходъ отъ двери его къ образамъ оставался. А на эстампѣ напримѣръ, при явленіи Божіей Матери съ двумя Апостолами, келія представлена пустая, а онъ самъ посреди лежащій на модной кушеткѣ, тогда какъ въ это время онъ лежалъ возлѣ передней стѣны, на простой скамьѣ, а подъ головой былъ камень, доставшійся послѣ него, въ послѣдствіи мнѣ. Да и Божія Матерь, обращаясь къ Апостоламъ, изволила сказать о немъ: „Сей отъ рода нашего есть!“ и не „Моего“ какъ напечатано о явленіи Ея на день Благовѣщенія съ 12-ю Святыми дѣвами и другими при томъ предстоящими. Не только во времени не соблюдено правды, ибо показано оно было не въ 1831-мъ году, а въ 1832-мъ, да и не въ деревянной его пустынной келіи, а въ монастырской каменной, гдѣ онъ и скончался на колѣнахъ въ молитвѣ, со

сложенными крестообразно руками... Въ большее утѣшеніе душевной скорби моей, что я не удостоился поспѣть къ погребенію о. Серафима, игуменъ Нифонтъ благословилъ меня тѣмъ самымъ Евангеліемъ, которое во вседневномъ употребленіи у великаго старца Серафима было въ теченіи трехъ съ половиною послѣднихъ лѣтъ жизни его, имѣющее сзади на переплетѣ обгорѣвшее немного мѣсто, въ день его кончины; также образомъ Божіей Матери Жизнодательницы, небольшой на кипарисѣ, тотъ самый, которымъ благословила его родительница его при дозволеніи ему остаться навсегда въ Саровѣ. Мнѣ отдали еще ту самую книжку Алфавитъ духовный, съ недостающими сначала нѣсколько листами, по которой онъ самъ великій старецъ Серафимъ учился духовной жизни и изъ двухъ крестовъ, всегда бывшихъ на немъ, маленькій кипарисный крестъ, вырѣзанный его руками и обложенный серебромъ, изъ того стариннаго рубля серебрянаго, который дала ему его матушка, отпуская на богомолье въ Кіевъ и который былъ на немъ. А мѣдный большой, другой крестъ осмиконечный, родительницы его благословеніе, сказалъ мнѣ тогда игуменъ Нифонтъ, „и образъ Божіей Матери Радости всѣхъ радостей, предъ которой онъ, стоя на колѣнахъ скончался, отдалъ я въ его дѣвическую Дивѣевскую обитель".

Каждая печатанная или рукописная строка, касающаяся памяти, подвиговъ и чудесъ великаго праведника отца Серафима, составляетъ нынѣ драгоцѣнный вкладъ въ исторію Дивѣевской обители и Саровской пустыни, но не смотря на это, авторъ жизнеописаній батюшки Серафима, между которыми первое мѣсто занимаютъ г. Елагинъ и Саровскіе иноки (изд. 1863 и 1893 гг.), не помѣстили въ своемъ трудѣ многихъ показаній послушника Ивана Тихонова, въ особенности касающихся лично его самаго. Это недовѣріе къ печатаннымъ разсказамъ о. Іоанна (впослѣдствіи іеромонаха Іосафа), нельзя не признать *характернымъ, вѣскимъ и конечно заслуженнымъ*, ибо кому лучше было знать своего послушника, какъ не инокамъ пустыни. Какъ мы вскорѣ увидимъ, они атестовали его весьма плохо и если помѣстили выдержки изъ изданныхъ этимъ послушникомъ книгъ въ 1849-мъ и

1856-мъ годахъ, подъ заглавіемъ „Сказаніе о подвигахъ и событіяхъ жизни старца Серафима“, то потому что разсказы эти сообщены Ивану Тихонову разными лицами, хорошо извѣстными Саровской обители, въ особенности Н. А. Мотовиловымъ и они достовѣрны, а что касается его лично, то пропущено Саровскими авторами, такъ какъ онъ приписывалъ въ этихъ повѣствованіяхъ себѣ то, что было сказано другимъ въ его присутствіи.

Однако, намъ кажется не труднымъ воспользоваться для исторіи и этими разсказами Ивана Тихонова, въ которыхъ такъ ясно проглядываетъ и правда и прикрасы.

Незадолго до кончины своей о. Серафимъ принялъ въ шестомъ часу пополудни Ивана Тихонова живописца. Старецъ имѣлъ такой обычай, что если желалъ усладить своего посѣтителя долгою бесѣдою, то запиралъ всегда дверь свою на крючекъ. Такъ сдѣлалъ и на этотъ разъ о. Серафимъ впустивъ къ себѣ о. Іоанна, который въ то время проходилъ послушаніе канонарха. О. Серафимъ обратился прямо къ вопросу: „такъ-ли я исполняю свою должность, какъ-бы слѣдовало?“ говоритъ Иванъ Тихоновъ. Если уже этими словами началъ бесѣду великой старецъ, то несомнѣнно Иванъ Тихоновъ отличался не исполненіемъ своихъ обязанностей, что было хорошо извѣстно старцу и впослѣдствіи письменно подтвердилъ весь монастырь. „Я думалъ, продолжаетъ послушникъ Иванъ, что онъ говоритъ о внѣшнемъ исполненіи и потому отвѣчалъ ему, что стараюсь, батюшка, исполнять все, какъ слѣдуетъ!“ Хорошо-же понималъ Иванъ Тихоновъ своего учителя, какъ онъ называлъ старца, и плохо-же воспользовался онъ духовными наставленіями его, если могъ на одну секунду подумать, что великій праведникъ и чудотворецъ, убогій Серафимъ будетъ заботиться о внѣшнемъ исполненіи имъ обязанностей?! Если такъ мыслилъ Иванъ Тихоновъ, то несомнѣнно внутренняго въ немъ ничего не было, а потому старецъ Серафимъ и повелъ рѣчь о необходимости ему внутренно работать надъ собой. „Но, говоритъ дальше Иванъ Тихоновъ, отецъ Серафимъ хотѣлъ, чтобы къ внѣшнему присоединялось и внутреннее, духовное основаніе, потому что Господу неугодна одна наружность. Онъ самъ говоритъ, что

проклятъ всякъ творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ. Потомъ, какъ-бы стороною, онъ и началъ изобличать меня, говоря, что вѣдь есть такіе, которые кажется хорошо читаютъ, но не понимаютъ смысла того, что читаютъ; вѣдь многіе есть и такіе, которые говорятъ, что были у обѣдни, или у заутрени, или у вечерни и льстятъ себя ложною надеждою, что они дѣйствительно были, а въ самомъ-то дѣлѣ, гдѣ скитался тогда умъ ихъ? Они только тѣломъ были въ храмѣ Божіемъ…“ И такъ, Иванъ Тихоновъ самъ признаетъ, что о. Серафимъ стороною началъ изобличать его т. е. все что говорилъ, то намѣкалъ на него и обвинялъ въ грѣховномъ стояніи въ храмѣ, въ безсмысленномъ чтеніи и въ отсутствіи молитвеннаге настроенія. „Вотъ, ты вѣдь былъ у ранней обѣдни? „спросилъ о. Серафимъ, какъ пишетъ о. Іоаннъ“, а какіе-же тамъ читались дневный Апостолъ и Евангеліе? Иногда, по невниманію, я дѣлался совершенно безотвѣтнымъ; тогда, *обыкновенно*, онъ самъ говорилъ, что именно читалось… Вслѣдъ за этими словами Иванъ Тихоновъ пишетъ: „по окончаніи“ всей сладкой бесѣды своей, онъ вдругъ говоритъ мнѣ: „а жизнь моя сокращается; духомъ я какъ-бы сейчасъ родился, а тѣломъ по всему мертвъ. И съ этимъ словомъ подаетъ мнѣ свертокъ желтыхъ полтинныхъ свѣчей, говоря, чтобы я взялъ *одинадцать*“. Спрашивается: для какой цѣли сообщилъ эту свою бесѣду со старцемъ послушникъ о. Іоаннъ? Онъ хотѣлъ разсказать, какъ старецъ предсказалъ ему свою кончину, а выяснилъ намъ, потому что это было дѣйствительно и оказалось труднымъ измѣнить смыслъ бесѣды, какъ о. Серафимъ еще разъ на прощаніе — уговаривалъ служить Господу внутренно, а не только наружно.

За тѣмъ слѣдуетъ повѣствованіе, какъ о. Серафимъ передавая ему свѣчи и уменьшая число ихъ съ каждымъ свиданіемъ, намѣкалъ этимъ на близость своей смерти. Современники великаго старца и живущіе еще въ Дивѣевской обители старицы, говорятъ, что не Ивану Тихонову довалъ такимъ образомъ батюшка свѣчи, но для исторіи интересенъ фактъ, а не подробность, ничего незначущая, и потому безразлично былъ ли Иванъ Тихоновъ участникомъ или сви-

дѣтелемъ непонятаго въ то время предзнаменованія о смерти старца. Иванъ Тихоновъ пишетъ, что послѣ послѣдней сладкой бесѣды, о. Серафимъ далъ ему одинадцать свѣчь и прибавляетъ, для подтвержденія нашего убѣжденія и вышеприведенаго мнѣнія: „отецъ Серафимъ, сдѣлавши мнѣ еще нѣсколько отеческихъ наставленій и прибивавши, что бы я *поспѣшилъ производить плоды духовные,* отпустилъ меня съ миромъ. Я же въ простотѣ, безъ всякаго вниманія, сжегъ тѣ 11 свѣчей. Чрезъ нѣсколько времени, когда я былъ у отца Серафима, онъ сдѣлавши мнѣ *много разнообразныхъ наставленій, необходимыхъ для жизни моей,* подъ конецъ опять повторилъ прежнія слова о сокращеніи его жизни и потомъ подалъ мнѣ девять свѣчей. Тоже повторилъ онъ и въ 3-й разъ, чрезъ нѣсколько времени и тогда подалъ мнѣ 6 свѣчей. На четвертый разъ, повторяя тѣже слова, онъ прибавилъ, чтобы *я поспѣшилъ* по возможности, *собирать духовные плоды* и подалъ мнѣ уже 3 свѣчи. Такимъ образомъ, въ пятый разъ онъ подалъ мнѣ одну, а въ шестый разъ только полсвѣчи. Но уже на четвертомъ разѣ я разсказалъ объ этихъ свѣчахъ одному брату и тогда по общему обсужденію, мы рѣшили, что старецъ этими свѣчами непремѣнно говоритъ намъ о своей кончинѣ, потому что еще прежде, въ своихъ наставленіяхъ, онъ уподоблялъ человѣка по тѣлу, свѣчѣ зажженой и мало по малу догорающей. Только мы не могли понять, что именно означало число свѣчь. Когда же я пришелъ къ нему въ слѣдующій 7-й разъ отецъ Серафимъ, между прочими наставленіями, опять повторилъ прежде сказанныя слова, съ глубокимъ вздохомъ и особеннымъ чувствомъ, что жизнь его сокращается. Послѣ того, старецъ началъ повторять и напоминать мнѣ все, что онъ *въ теченіе жизни сѣялъ на грѣшной душѣ моей.*

Ясенъ смыслъ словъ о. Серафима, который старался какъ нибудь спасти Ивана Тихонова и отстранить его отъ судьбы, которую зналъ впередъ великій старецъ и предсказалъ какъ ему, такъ и о. Василію Садовскому, М. В. Манторову и всѣмъ Дивѣевскимъ сестрамъ. Судьба его моглабы измѣнитьсья, если-бы онъ поработалъ надъ собою и духовно улучшился-бы.

Наступилъ страшный день 1-го января 1833-го года. Отецъ Серафимъ пришелъ въ послѣдній разъ къ ранней литургіи въ больничную церковь, во имя преподобныхъ Зосимы и Савватія Соловецкихъ чудотворцевъ, въ которой онъ обыкновенно пріобщался св. Тайнъ.

Иванъ Тихоновъ въ то время былъ голосовщикомъ на правомъ клиросѣ и засталъ о. Серафима сидящимъ здѣсь на откидной лавочкѣ. „Когда я пришелъ, разсказываетъ о. Іоаннъ, заблаговременно въ больничную церковь“ поклонился батюшкѣ въ ноги, прося его благословенія, онъ спросилъ: „кто это? потому что было еще темненько. Я отвѣчалъ ему, какъ и всегда: Тамбовскій убогій Іоаннъ. Тогда онъ всталъ, благословилъ меня, и поцѣловалъ отечески (?), посадилъ подлѣ себя, а самъ глубоко вздохнулъ и этимъ вздохомъ уже предсказалъ мнѣ что то страшное. Вслѣдъ затѣмъ онъ сказалъ:“ ну, возлюбленнѣшій (?!) отецъ Іоаннъ, прости; я съ тобой ужъ больше не увижусь! Пораженный совершенно этими словами, я упалъ въ колѣни отца Серафима (?) и весь залился слезами: „какъ-же это, батюшка?—могъ я только ему выговорить. Тогда онъ отвѣчалъ мнѣ: *я говорю это тебѣ по Богѣ: мы уже больше съ тобою неувидимся. Только ты всѣ убогаго Серафима слова постарайся запечалѣть на сердцѣ твоемъ?; съ ними всегда и ходи, и помни что вси своихъ си ищутъ, а не яже ближнихъ;* и это полѣднее онъ повторилъ нѣсколько разъ, и потомъ еще прибавилъ: *и не буди чуждъ посѣтитель!*“

Послѣднія слова, несомнѣнно, Иванъ Тихоновъ не понялъ, когда говорилъ ихъ ему о. Серафимъ, затѣмъ не уразумѣлъ ихъ и въ послѣдствіи, а потому рѣшился сообщить этотъ свой разсказъ. Между тѣмъ, все въ словахъ — *и не буди чуждъ посѣтитель!*— смыслъ всей рѣчи старца и характеристики отношеній его къ Ивану Тихонову до послѣдняго часа жизни его. О. Серафимъ зналъ, что будетъ дѣлать Иванъ Тихоновъ послѣ смерти его—въ дорогомъ, любимомъ Дивѣевѣ, гдѣ старецъ не позволялъ себѣ всѣмъ распоряжаться, въ виду того, что Царица-Небесная Сама назвала Себя Игуменію этой обители, и въ надеждѣ, что о. Іоаннъ можетъ еще исправиться, сказалъ ему: *и не буди чуждъ посѣтитель!* Видимо

о. Іоаннъ никогда не былъ знакомъ съ свѣщеннымъ писаніемъ и потому не позналъ смыслъ этихъ словъ. Св. Апостолъ Петръ, въ своемъ первомъ Посланіи (Гл. 4 стих. 15) учитъ, что христіане должны страдать плотію, потому что Самъ Христосъ пострадалъ за насъ плотію; страдающей-же плотію перестаетъ грѣшить. Апостолъ напоминаетъ, что близокъ всему конецъ, надо быть благоразумными, бодрствовать въ молитвахъ; болѣе-же всего имѣть усердную любовь другъ къ другу, потому что любовь покрываетъ множество грѣховъ. и. т. д. И прибавляетъ св. Апостолъ: „да не кто убо отъ васъ постраждетъ яко убійца, или яко тать, или яко злодѣй, или яко чуждопосѣтитель!“ т. е. только-бы не пострадалъ кто изъ васъ, какъ убіца, или воръ, и злодѣй, или какъ *посягающій на чужое!* И такъ, о. Серафимъ совѣтывалъ Ивану Тихонову не забыть его наставленія и не быть посягающимъ на чужое т. е. на должность отца и попечителя Дивѣевскихъ сестеръ, которыхъ онъ породилъ духомъ. Не понимая этихъ словъ, Иванъ Тихоновъ рѣшился напечатать свой разсказъ, будучи убѣжденъ, что предъидущіе повѣстовованіе убѣждаютъ въ дружбѣ, которую будто-бы питалъ къ нему великій старецъ. И вотъ, ослѣпленный невѣдѣніемъ и необразованіемъ Иванъ Тихоновъ самъ себя бичуетъ въ своихъ. разсказахъ, предназначенныхъ для своего прославленія. Рядомъ съ обвиненіемъ себя въ посягательствѣ на чужое онъ говоритъ: „старецъ началъ напоминать мнѣ все, особенно чтобы я не оставилъ сиротъ Дивѣевскихъ и устроилъ у нихъ все. Въ подражаніе онъ приводилъ мнѣ св, Аѳанасія Аѳонскаго, говоря такъ: ты всегда и во всемъ подражай ему. Какъ онъ устроилъ все въ Аѳонской горѣ, такъ и ты все устрой въ Дивѣевской обители. „И потомъ, посмотрѣвъ на меня съ особымъ чувствомъ, и покачавъ головою, прибавилъ: много тебѣ будетъ скорбей, но претерпи ихъ, Господи ради, съ благодареніемъ; и гдѣ-бы ты ни былъ, не оставляй сиротъ моихъ отечески. Матерь Божія не оставитъ васъ и я духомъ буду съ вами. Многія приближаются къ нимъ, но дороги имъ нѣтъ ни какой. Многіе пѣстуны, но не многіе отцы (1 Кор. 4, 15); терпѣть то имъ многіе совѣтуютъ, но за нихъ и съ ними

терпѣть не хотятъ.“ Мало этаго Иванъ Тихоновъ пишетъ, что о. Серафимъ отечески его поцѣловалъ назвалъ „возлюбленнѣйшимъ“, а онъ упалъ въ колѣни отца Серафима, полъ часа пролежалъ такъ рыдая, и. т. д. Я въ старцѣ терялъ друга, говоритъ онъ, наставника, нѣжнѣйшаго отца; на моемъ же попеченіи онъ оставлялъ сиротъ Дивѣевскихъ мнѣ казалось тогда, что онѣ всѣ разбредутся...“ И этимъ разсказамъ вѣрили въ Петербургѣ!...

Иванъ Тихоновъ не остановился на этомъ; нѣтъ, подъ его диктовку записано, что великій старецъ, еще безъ конца прощался съ нимъ, поклонился ему въ землю, обнялъ голову „своими преподобными руками“ и проч. На другое утро за ранней обѣдней, только онъ отпѣлъ *Достойно*, какъ бросилъ все, убѣжалъ изъ церкви и поспѣшилъ въ келью отца Серафима, въ которой нашелъ небольшое замѣшательство. Всѣ современники показываютъ, что дымъ первый замѣтилъ о. Павелъ его сосѣдъ, которому старецъ и предсказалъ, что его смерть узнается пожаромъ; онъ-же и нашелъ въ темнотѣ стоящаго на колѣняхъ о. Серафима и тотчасъ засвѣтилъ свѣчу. Но Иванъ Тихоновъ, хотя и признаетъ, что явился не первымъ, ибо засталъ въ сѣняхъ замѣшательство, и о. Павелъ съ братіей потушили пожаръ, однако повѣтствуетъ; что онъ первый бросился къ старцу и только хотѣлъ припасть къ нему, какъ онъ самъ палъ на его грудь, еще совершенно теплый, какъ будто духъ его въ это самое мгновеніе оставлялъ тлѣнную свою оболочку,— послѣдній дорогой подарокъ ему. По правдѣ,—и наше слово немѣетъ на устахъ, послѣ рѣшимости этого человѣка увѣрять, что даже прахъ великаго праведника о. Серафима, палъ въ его объятія, которыя должны были принять и сиротъ Дивѣевскихъ, Серафимовой пустыни. Еще такъ недавно передъ смертью старца, дивный священникъ, отецъ Василій Садовскій, вѣрный слуга Серафимовъ принялъ отъ него послѣднюю волѣ, святое завѣщаніе, въ которомъ приказывалось никого не допускать распоряжаться въ обители Царицы—Небесной. И какъ трупъ о. Серафима могъ пасть ему въ объятія, когда старецъ умеръ стоя на колѣнахъ, спиною къ входной двери и лицомъ въ уголъ?

30*

Но на 60-й страницѣ своихъ разсказовъ Иванъ Тихоновъ говоритъ, что батюшка Серафимъ, отходя въ вѣчное успокоеніе, совершенно предалъ ему окончательное и дивное устройство обители, приказавъ воздвигнуть въ ней Боголѣпные храмы, а также ограду, вырыть пруды, обсадить свободную землю деревьями, фруктовыми садами, за которыми съѣздить въ г. Курскъ и т. д. Это порученіе, будто-бы удивило и устрашило Ивана Тихонова вначалѣ, потому что обитель, въ то первоначальное время своего существованія, не имѣла еще никакого вида, ни устройства, ни даже прочнаго основанія, утвержденнаго на законныхъ актахъ.

Желаніе доказать, что о. Серафимъ все дѣлалъ чрезъ него, дошло у Ивана Тихонова—до безсмысленности. Такъ на стр. 62-й онъ повѣствуетъ: „заботясь о томъ, чтобы положить начало, старецъ далъ мнѣ собственными руками 100 р. на покупку у Г-на Жданова небольшаго лоскутка земли, близъ первоначальныхъ келій, говоря; вотъ, я положу начало, и ты докончи все и устрой!" Каждый читатель подумаетъ, что Иванъ Тихоновъ—отправился и исполнилъ порученіе старца, тѣмъ и конецъ. Но нѣтъ кряду онъ говоритъ слѣдующее: „И при этомъ о. Серафимъ избралъ изъ живущихъ въ обители двухъ сестеръ: старицу Ульяну Григорьевну и изъ дворянъ дѣвицу Елену Васильевну Мантурову, для того, чтобы онѣ съѣздили къ Г-ну Жданову и купили у него вышесказанный лоскутъ земли. Посланные, съ помощію Господа и Матери Божіей, и по молитвамъ о. Серафима, скоро и успѣшно исполнили свое порученіе. Онѣ купили у Г-на Жданова этотъ клочекъ земли и совершили законную купчую крѣпость въ городѣ Темниковѣ, Тамбовской губерніи. Спрашивается: зачѣмъ было старцу дать Ивану Тихонову собственными руками 100 р. на покупку земли, когда всѣ порученія исполняла образованная начальница общины Елена Васильевва и она ѣздила и заплатила не 100, а 300 рублей, данныя на это батюшкой, какъ и значится въ купчей? Обыкновенно поручаются дѣла тѣмъ, которые ихъ дѣлаютъ.

Нельзя не отмѣтить еще слѣдующаго факта. Иванъ Тихоновичъ тутъ-же пишетъ (стр. 62) „на этой-то первоначально

купленной землѣ Старецъ назначилъ самъ мѣсто для построенія священнаго собора и когда нѣкоторые изъ старицъ въ то время малодушествовали и говорили, что имъ не дожить до такой радости, то старецъ утѣшая ихъ, говорилъ имъ съ улыбкою. „а вы, матушки, будете камушки носить при постройкѣ Собора!“. Какъ мы увидимъ дальше, Иванъ Тихоновъ всѣми силами старался построить соборъ на иномъ мѣстѣ и доказывалъ Нижегородскому Архіерею, что старецъ никогда не приказывалъ строить на мѣстѣ, купленномъ у Г-на Жданова. Таковъ былъ мнимый ученикъ Серафимовъ, относившійся ко всему истинному „съ холоднымъ сердцемъ“, какъ характеризовалъ его самъ великій старецъ.

Хорошо извѣстно, что получивъ отъ генеральши Постниковой увѣдомленіе о пожертвованіи ею трехъ десятинъ земли Дивѣеву, батюшка о. Серафимъ приказалъ Е. В. Мантуровой написать благодарственное письмо и послалъ жертвовательницѣ въ благословеніе сухариковъ. Въ то время Иванъ Тихоновъ еще не смѣлъ дѣлать шагу и какъ свидѣтельствуетъ протоіерей о. Василій Садовскій усиленно просилъ М. В. Мантурова, выхлопотать ему у игумена дозволеніе посѣтить родсттенницу въ Дивѣевѣ и такимъ образомъ присутствовать при торжествѣ, по случаю окончанія дѣла съ генеральшею Постниковою. Въ 1849-мъ году Иванъ Тихоновъ, въ надеждѣ, что никто не будетъ опровергать его показаній, пишетъ (стр. 65), какъ о. Серафимъ призвалъ его къ себѣ, приказалъ написать генеральшѣ Постниковой покорнѣйшее письмо и послалъ при письмѣ нѣсколько сухариковъ, а затѣмъ послалъ его вмѣстѣ съ о. Василіемъ и Мантуровымъ въ Дивѣево, присутствовать при отводѣ земли.

Еще поразительнѣе разсказъ Ивана Тихонова о деревѣ преклонившемся по молитвамъ о. Серафима. Сестры Анна Алексѣевна и Ксенія Ильинична Потѣхина (бывшая впослѣдствіи начальницей) свидѣтельствують, что при нихъ пришелъ Иванъ Тихоновъ къ батюшкѣ Серафиму, и тогда старецъ началъ упрекать Саровскихъ иноковъ, причисляя къ нимъ и Ивана Тихонова; что они напрасно блазнятся на него за Дивѣевскихъ дѣвушекъ; ничего онъ не

дѣлаетъ отъ себя, и все по приказанію Самой Царицы—Небесной. „Мню, сказалъ о. Серафимъ, что этому дереву болѣе ста лѣтъ! Помолимся,—аще-же я творю послушаніе Царицы—Небесной, приклонится дерево сіе въ ихъ сторону“ (т. е. сторону стоявшихъ здѣсь Анны Алексѣевны и Ксеніи Ильиничны). Игуменъ Георгій, настоятель Николо-Барковской пустыни пишетъ, что будучи инокомъ Гуріемъ въ Саровѣ, онъ однажды пришелъ къ старцу Серафиму и нашелъ его перерубавшимъ сосну, преклонившуюся по его молитвамъ. „Вотъ я занимаюсь Дивѣевскою общиною,“ сказалъ о. Серафимъ, „вы и многіе меня за это укоряли: для чего я ими занимаюсь; вотъ я вчерашній день былъ здѣсь, просилъ Господа, для увѣренія вашего, угодно-ли Ему, что я ими занимаюсь? Если угодно Господу, то въ увѣреніе того, чтобы это дерево преклонилось“... Затѣмъ объяснивъ почему онъ занимается Дивѣевскою общиной, онъ прибавилъ, (слѣдовательно, на другой день паденія дерева!) съ негодованіемъ: вотъ и о. Іоаннъ (Иванъ Тихоновъ) проситъ благословеніе у батюшки Нифонта въ Дивѣево по близости; пріѣдетъ туда, говоритъ, что я его послалъ—Серафимъ; заводитъ у нихъ пѣніе партесное, вводитъ нѣкоторые обычаи; это имъ не нравится, приходятъ они ко мнѣ, жалуются со слезами; такъ не должно ему дѣлать и никому не распоряжаться ими и послѣ меня. И онъ будетъ все болѣе и болѣе къ нимъ учащать, будетъ говорить всѣмъ, что я то и то приказывалъ ему, будетъ заводить постройки.... но вотъ я тебѣ, батюшка сказываю, что я ничего этого не говорилъ“ и т. д.

Что-же печатно заявляетъ въ 1849-мъ году Иванъ Тихоновъ?! На стр. 85-й: „разныя послушанія, касательно устройства обители, онъ возложилъ на меня, также по особенному Промыслу Божію, и по особенному его ко мнѣ расположенію, что выражалъ онъ часто Апостольскими словими (Филип. 2, 2): *ни единаго бо имахъ равнодушна, иже приснѣ о васъ* (разумѣя сиротъ Дивѣевскихъ) *попечется*. Сначала онъ возложилъ на меня, несмотря на мою юность и неопытность, по благословенію о. игумена Саровскаго, послушаніе выучить сиротъ чтенію, пѣнію и порядку цер-

ковнаго устава, для того, чтобы онѣ сами, безъ помощи причетниковъ, съ однимъ служащимъ Іереемъ, могли отправлять всѣ церковныя службы. За такое участіе мое въ отеческомъ попеченіи о. Серафима о Дивѣевской обители, *врагъ-діаволъ воздвигалъ на старца и на меня грѣшнаго такія скорби и гоненія, что я нѣсколько разъ собирался выйти изъ Саровской пустыни, чтобы избѣжать всякой злобы и зависти* (!). Однажды, послѣ одного, сильнѣйшаго изъ подобныхъ оскорбленій я пошелъ къ старцу... Упавши ему въ ноги, *облобызавъ его стопы, священныя уста и руки, которыми онъ благословилъ меня милостиво, какъ отецъ* и въ тоже время спѣшилъ излить предъ нимъ всѣ свои скорби и смущенія".

Отецъ Серафимъ заградилъ его уста и сказалъ: „сколько я просилъ тебя, а ты все хромаешь и доселѣ, какъ младенецъ; а дороги-то нѣтъ никакой намъ хромать, *если мы* все терпимъ къ славѣ Божіей и Пречистой Его Матери, и *печемся* о сиротахъ Дивѣевскихъ, за которыхъ насъ укоряютъ, поносятъ, клевещутъ и осыпаютъ хульными словами".

Потомъ, какъ-бы скорбя на малодушіе Ивана Тихонова, онъ будто-бы сказалъ: „впрочемъ, посмотримъ, но справедливо-ли насъ отцы-то гонятъ, ибо всѣ святые отцы велятъ женъ-то бѣгать? Такъ, скажи мнѣ, угодно-ли это Господу, чтобы мы ихъ не оставляли и пеклись о нихъ? И по Бозѣ ли этотъ путь нашъ, докажи мнѣ?" Въ продолженіи этихъ словъ, о. Серафимъ, какъ будто-бы самъ будучи въ смущеніи, требовалъ отъ о. Іоанна послушника доказательства (!?) „я, пишетъ не смущаясь Иванъ Тихоновъ, съ вѣрою обратился къ Господу, премудрости Наставнику и смысла Подателю, чтобы Онъ просвѣтилъ меня свыше и далъ-бы мнѣ возможность успокоить моего отца и благодѣтеля!" Выслушавъ себѣ похвалу, о. Серафимъ, по свидѣтельству этого Ивана Тихонова, какъ бы измѣнился и сдѣлался спокойнѣе духомъ, но потомъ опять, попрежнему потрясая его за руку, *просилъ подробнѣйшаго объясненія* и чтобы о. Іоаннъ, въ доказательство истины пути *его*, привелъ какіе нибудь примѣры изъ св. отцевъ. Тогда я снова со смиреніемъ, пишетъ о. Іоаннъ, отвѣчалъ ему, что всѣ святые украсили жизнь

свою этими высокими добродѣтелями...“ Затѣмъ слѣдуютъ поученія Ивана Тихонова о Св. Николаѣ Чудотворцѣ, о. Пахоміи Великомъ, о Ѳеодосіи Печерскомъ, о Ѳеодосіи Великомъ, которые чтобы прочесть со смысломъ надо 20—30 минутъ и невольно всякій удивится знанію его житія святыхъ. Этого и добивался видимо, Иванъ Тихоновъ отъ о. Серафима и Петербургской публики, среди которой онъ дѣлалъ сборы на монастырь въ 1849 году! Что-же дѣлаетъ великій старецъ и прозорливецъ? „Когда я кончилъ, пишетъ о. Іоаннъ, о. Серафимъ, державшій во все это время меня за руку *и слушавшій меня со вниманіемъ*, вдругъ сдѣлался какъ ангелъ Божій и въ радостномъ духѣ взглянувъ на меня, сказалъ: „во, во, радость моя! *А мы съ тобою все хромаемъ* какъ младенцы (слѣдовательно и о. Серафимъ унывалъ и не собирался ли даже уйти вмѣстѣ съ о. Іоанномъ изъ Сарова?); а дороги то намъ нѣтъ никакой хромать, *если мы все творимъ къ славѣ Божіей*!“ Когда-же старецъ замолчалъ, Иванъ Тихоновъ повторилъ предъ нимъ еще слова святителя Дмитрія Ростовскаго: *отыми отъ Ангела крылья и онъ будетъ дѣва; дай крылья дѣвѣ и она будетъ ангелъ!*“ Выслушавъ еще поученіе, о. Серафимъ еще съ большимъ восторгомъ сказалъ: *„такъ вотъ, какая радость!* И потомъ вдругъ онъ обратился къ западу, и поднявъ правую руку, указательнымъ пальцемъ показалъ на одно огромное еловое дерево, сказавъ: „мню, что оно 50 лѣтъ растетъ; такъ *мы помолимъ* Господа, чтобъ онъ намъ показалъ чрезъ это древо знаменіе, угодно ли Его благости, чтобы *мы* пеклись о сиротахъ Дивѣевскихъ. Если это угодно будетъ Господу, тогда оное преклонится вотъ сюда...“ и т. д. Взглянувъ на Ивана Тихонова, старецъ будто бы еще прибавилъ: *„молюся о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя: это сказалъ Спаситель Петру!* Затѣмъ Иванъ Тихоновъ благословился, приложился къ мѣдному распятію, которое всегда носилъ старецъ, палъ ему въ ноги, просилъ св. молитвъ, въ укрѣпленіе грѣшной его душѣ, чтобы всегда быть въ мирномъ духѣ, не смущаться отъ скорбей, опять благословился, а о. Серафимъ продолжалъ кланяться ему вслѣдъ и что же? Иванъ Тихоновъ пишетъ: „возвратясь въ свою

келью, я совершенно забылъ о заповѣди старца, молиться о знаменіи древа, былъ въ развлеченіи, заснулъ и провелъ ночь во всякой безпечности. Поутру же послѣ ранней обѣдни, вдругъ родилось во мнѣ сильное желаніе быть въ пустынѣ о. Серафима".

Подходитъ онъ къ пустынкѣ и видитъ дивное чудо: дерево лежитъ. Подходитъ прежде или послѣ того, какъ о. Серафимъ показывалъ дерево иноку Гурію (будущему игумену) обвинялъ Ивана Тихонова и запрещалъ ему касаться Дивѣевской общины. Но о. Іоаннъ пишетъ: (стр. 93) „когда я началъ подходить, онъ не допустилъ меня до себя за нѣсколько саженъ и упалъ предо мною ницъ на землю. Я палъ му взаимно, со страхомъ и трепетомъ, прося благослове-ія. Тогда старецъ всталъ и взявъ меня за обѣ руки, съ ихою радостію и восторгомъ, поцѣловалъ, благословилъ и азалъ: что ты пришелъ ко мнѣ, убогому, возлюбленнѣй-й мой о. Іоаннъ?" Странный вопросъ, который не могъ дать старецъ, послѣ того, какъ наканунѣ выслушивалъ тавленія возлюбленнаго (?) послушника и просилъ его итвъ, чтобы дерево преклонилось! Но Иванъ Тихоновъ оритъ, что не могъ ничего отвѣтить и упалъ ему въ ноги. рецъ поднялъ о. Іоанна и подведя къ древу, съ востор-ь сказалъ: „вотъ, батюшка, Павелъ Апостолъ говоритъ: могу о укрѣпляющемъ мя Христѣ; *мы съ тобой* не Па-, а Богъ насъ слушаетъ!" Это знаменитое повѣствова-Иванъ Тихоновъ заключаетъ разсказомъ, что о. Сера-оградилъ его крестнымъ знаменіемъ и связалъ клят-что онъ никому до смерти его не скажетъ объ этомъ. ке видѣли, что о. Серафимъ всякому приходящему къ показывалъ дерево и объяснялъ причину совершивша-чуда, а Дивѣевскимъ торжественно приказалъ увезти домой, какъ преклонившееся ради ихъ.

[ч]резъ непродолжительное время послѣ смерти о. Сера-одинъ офицеръ, г. Каратаевъ, отправлявшійся въ ю губернію, въ свой полкъ, заѣхалъ въ Саровъ, чтобы, гдашнему обыкновенію своему принять благословеніе афима. Молодой человѣкъ очень скорбѣлъ, что не ь въ живыхъ блаженнаго старца. „Извѣстіе о кон-

чинѣ его, говорилъ онъ, возмутило всю мою душу; я принялъ его, какъ наказаніе за мои грѣхи; но, отслуживши панnихиду на его могилѣ, я почувствовалъ вдругъ такое спокойствіе души, что, казалось, будто чрезъ самаго старца получилъ прощеніе въ грѣхахъ и услышалъ обѣщаніе его молиться за меня у престола Божія".—Игуменъ Нифонтъ поручилъ г. Каратаеву въ Курскѣ заѣхать къ роднымъ о. Серафима, передать имъ отъ него просфору и благословеніе, и разсказать о кончинѣ блаженнаго ихъ сродника. По пріѣздѣ въ Курскъ, онъ тотчасъ же отправился къ роднымъ о. Серафима и нашелъ Алексѣя, брата его, уже умершимъ: онъ только что скончался. За нѣсколько дней до сего времени, этотъ братъ былъ совершенно здоровъ, только подвергался сильной тоскѣ, не вѣдая о кончинѣ брата и несознавая причинъ своей грусти. Скорбное состояніе духа расположило его искать себѣ утѣшенія въ молитвѣ: ежедневно ходилъ онъ въ церковь, наконецъ поговѣлъ, исповѣдался и причастился св. Таинъ. Въ это время изъ Сарова получено было письмо о кончинѣ о. Серафима и его портретъ. Тогда братъ сталъ окончательно готовиться къ смерти; надъ нимъ совершено было таинство св. Елеосвященія, послѣ котораго онъ и скончался. Мы заносимъ это обстоятельство въ жизнеописаніе о. Серафима потому, что, говорятъ, онъ, бывши разъ въ Курскѣ, предсказалъ брату о его кончинѣ въ такихъ, дошедшихъ до насъ, выраженіяхъ: „знай, что, когда я умру, и твоя кончина вскорѣ затѣмъ послѣдуетъ." (Изд. 1893 г. стр. 228).

Скоро послѣ погребенія родилась сама собою мысль о сохраненіи памяти о достоблаженномъ старцѣ Серафимѣ. Стали собирать и хранить его портреты, которые прежде были написаны. Извѣстно, что о. Серафимъ неохотно соглашался на то, чтобы писали съ него портреты. Такъ, мать Дивѣевской сестры Анастасіи Протасовой, имѣя большую приверженность къ о. Серафиму, просила разъ у него благословенія списать съ него портретъ. О. Серафимъ отвѣчалъ на это: „кто я, убогій, чтобы писать съ меня видъ мой? Изображаютъ лики Божіи и Святыхъ, а мы—люди, и люди-то грѣшные". То же самое повторилъ онъ въ отвѣтъ

при подобномъ случаѣ Саровскому иноку, прибавивъ въ поясненіе: „мы всегда и во всѣхъ случаяхъ должны стараться отсѣкать вины тщеславія въ самомъ началѣ“. Но мать сестры Анастасіи стала умолять его съ настойчивостью не отказать ей. Тогда только, изъ уваженія къ ея усердію, онъ уступилъ ея желанію и сказалъ: „это въ вашей волѣ, пусть будетъ по вашему усердію“. Благодаря такимъ убѣжденіямъ были собраны и донынѣ находятся въ Саровской обители въ квартирѣ настоятеля два вѣрныя изображенія старца Серафима. Одно написано въ то время, когда старцу было около пятидесяти лѣтъ. О. Серафимъ представленъ съ открытою главою; лице у него чистое, бѣлое; глаза голубые, носъ прямой, съ небольшимъ возвышеніемъ; волосы свѣтлорусые, густые съ просѣдью; усы и борода густые съ просѣдью; рука одна съ другою соединены на груди. Старецъ стоитъ одѣтымъ въ мантію. Этотъ портретъ написанъ академіи художникомъ Димитріемъ Евстаѳьевымъ для г-жи Анненковой и ею переданъ въ Саровскую пустынь. Другой портретъ, находящійся также въ келіи Саровскаго строителя, писанъ съ натуры лѣтъ за пять до кончины старца. О. Серафимъ изображенъ въ мантіи, эпитрахили и поручахъ, какъ онъ приступалъ къ причастію св. Таинъ. По этому портрету видно, что лѣта и иноческія подвиги имѣли вліяніе на внѣшній видъ старца. Здѣсь лицо представлено блѣднымъ, удрученнымъ отъ трудовъ; волосы и на головѣ и на бородѣ густые, но не длинные и всѣ сѣдые. Правая рука положена на эпитрахили у груди. Этотъ портретъ написанъ художникомъ Серебряковымъ, который послѣ былъ инокомъ Саровской обители и въ ней опочилъ вѣчнымъ сномъ. Художники Саровской пустыни, кромѣ портретовъ, написали на полотнѣ картину его смерти, снимокъ съ которой при жизнеописаніи прилагается съ немногими взятыми съ дѣйствительности дополненіями въ подробностяхъ. (Изд. 1893 г. стр. 229).

Въ Саровскій монастырь являлись послѣ смерти о. Серафима многія лица, свидѣтельствовавшія, кому какое благодѣяніе оказалъ славный подвижникъ, кто и какое получилъ отъ него исцѣленіе. Записки о такихъ событіяхъ до-

ставляемы были собственноручныя, или, по крайней мѣрѣ, засвидѣтельствованныя ихъ подписью. Заодно упомянемъ здѣсь, хотя нѣсколько забѣгаемъ впередъ, какая судьба постигла вещи о. Серафима.

Тѣ лица, у которыхъ были вещи о. Серафима, тщательно стали хранить ихъ у себя, а другія старались что нибудь пріобрѣсти изъ его вещей на память себѣ. По заведенному съ давнихъ поръ въ Саровской обители порядку, всѣ вещи послѣ смерти брата поступаютъ въ такъ называемую *рухальню* (кладовая рухляди) и дѣлаются общимъ достояніемъ обители. Всякій братъ, въ чемъ нуждается, то беретъ изъ рухальни и, износивши одну вещь, перемѣняетъ на другую. Вещи о. Серафима, поступившія въ то же хранилище, не остались тамъ, но, по усиленнымъ просьбамъ почитателей старца розданы были имъ старшими изъ братіи: о. Нифонтомъ и о. Ісаіею. Такъ и у инока Саровской пустыни Гавріила былъ портретъ о. Серафима. Счастливый владѣтель такъ дорожилъ имъ, что не хотѣлъ никому показывать, и если показывалъ самымъ близкимъ особамъ, то никакъ не выпускалъ его изъ своихъ рукъ. Крестъ мѣдный, который о. Серафимъ всегда носилъ на себѣ поверхъ одежды, по благословенію преосвященнаго Іереміи, бывшаго епископа Нижегородскаго, хранится въ Дивѣевѣ, въ церкви Преображенія Господня. Большой желѣзный крестъ, который носилъ старецъ подъ одеждою, на шеѣ, находится въ Саровской пустынѣ. Господа Тепловы, прослышавъ о смерти старца Серафима, прислали изъ Таганрога нарочнаго въ Саровъ получить что-нибудь изъ его келіи, и имъ посланы были два кувшина, въ которыхъ подвижникъ носилъ для себя воду; оба кувшина были наполнены водой изъ Серафимова источника. У одной изъ сестеръ Дивѣевской общины, а именно Параскевы Ивановны, остался топорикъ, которымъ работалъ о. Серафимъ въ пустынѣ. Сестра берегла его, еще при жизни старца, какъ необыкновенную драгоцѣнность; потомъ согласилась передать его своей начальницѣ для храненія въ пустынной келіи о. Серафима. Г-жа Марія Колычева, бывшая въ близкомъ духовномъ общеніи съ другимъ затворникомъ того времени, Георгіемъ, съ восторгомъ пи-

сала ему, что она послѣ смерти о. Серафима получила изъ его келіи бѣлый полотняный платокъ, лампаду и стаканчикъ; обѣ послѣднія вещи въ звѣздочкахъ. Двѣ ряски, изъ оставшихся послѣ смерти о. Серафима, переданы были сестрамъ Дивѣевской общины, изъ коихъ одну сестра носила на себѣ, а другую выпросила для себя г. Колычева. Волосы о. Серафима, два раза выпадавшіе, въ видѣ войлока, съ головы его послѣ двухъ болѣзненныхъ его страданій, хранились у Дивѣевской церковницы Ксеніи Васильевны и у Саровскаго старца о. Θеодосія. Камни, на которые старецъ, для умерщвленія искушеній врага, восходилъ молиться въ теченіи тысячи сутокъ, перенесены въ Дивѣевскую общину. Тотъ изъ нихъ, на которомъ онъ стаивалъ днемъ въ своей келіи, находится въ прежнемъ своемъ видѣ въ Преображенской церкви въ Дивѣевѣ. Отъ другаго изъ этихъ камней, на которомъ о. Серафимъ молился ночью предъ открытымъ небомъ, остался одинъ обломокъ: потому что благочестивые посѣтители Сарова, осматривая мѣста, на которыхъ о. Серафимъ подвизался, постоянно отбивали отъ него части и увозили съ собою. И этотъ остатокъ, имѣющій около аршина въ діаметрѣ, вскорѣ послѣ кончины старца также перевезенъ въ Дивѣево и положенъ въ той же Преображенской церкви. Келія, въ которой о. Серафимъ подвизался въ дальней пустынѣ, куплена Н. А. Мотовиловымъ и также перенесена въ Дивѣевскую обитель. Въ ней совершается теперь неусыпное чтеніе Псалтиря за упокой въ Бозѣ почившихъ лицъ Царскаго рода, пастырей церкви, о. Серафима, усопшихъ сестеръ обители и другихъ благодѣтельствовавшихъ ей при своей жизни особъ. А другая подвижническая келія о. Серафима въ Дивѣевѣ же, обращена въ алтарь въ храмѣ Преображенія Господня. Образъ Царицы Небесной Радости всѣхъ радостей, написанный на полотнѣ, натянутомъ на кипарисную доску, стоявшій въ монастырской келіи о. Серафима, находится теперь въ соборѣ Дивѣевской обители. Усердіемъ Наталіи Ивановны Богдановой, на немъ положена серебряная, вызолоченная риза. Предъ нимъ въ опредѣленный день недѣли поется акаѳистъ Спасителю и Божіей Матери. Благочестивые посѣтители

питаютъ особое усердіе къ иконѣ сей и, по своей вѣрѣ, получаютъ отъ нея духовное утѣшеніе. Особенно извѣстною сдѣлалась одна вещь, изъ оставшихся послѣ о. Серафима. Не задолго предъ кончиною своею, онъ благословилъ начальницу Дивѣевской обители Ксенію Михайловну Кочеулову полумантіею, которую самъ носилъ. Когда сестра обители, Елисавета Андреевна Татаринова, отправлялась въ Петербургъ, за сборомъ подаяній, ей дана была въ напутствіе и мантія о. Серафима. Эта мантія, въ послѣднее время, огласилась въ Петербургѣ даромъ исцѣленія надъ дитятей, которому искусство первыхъ въ столицѣ врачей отказывало въ помощи. Изъ Евангелій, которыя читалъ въ келіи о. Серафимъ, одно находится въ Саровѣ, а другое—въ Дивѣевской обители у Е. И. Мотовиловой. Послѣднее Евангеліе, въ кожаномъ переплетѣ, есть то самое, которое о. Серафимъ носилъ всегда съ собою въ сумочкѣ за плечами. Разсматривая его, мы увидѣли, что въ этомъ переплетѣ собраны были вмѣстѣ: Псалтирь, Евангеліе, книги Дѣяній и посланія святыхъ Апостолъ. Въ Дивѣевѣ же хранится малая часть книги Четьи-минеи первой трети, тлѣвшая при пожарѣ, бывшемъ при кончинѣ старца Серафима. Изъ этого перечня вещей, оставшихся послѣ старца Серафима, видно, что большая часть изъ нихъ пріобрѣтена Дивѣевской Общиной.

Затѣмъ послѣ смерти о. Серафима, за исключеніемъ немногихъ нераспечатанныхъ писемъ, ничего не осталось. Старецъ жилъ и умеръ, какъ выражено на его памятникѣ: „во славу Божію“.

Имя его до сихъ поръ ублажается по всей Россіи. Не въ одной Саровской пустынѣ или Дивѣевской обители служатъ теперь паннихиды о блаженномъ успеніи его, но и во многихъ другихъ мѣстахъ отечественной Церкви. Намъ приходилось слышать поминовеніе его въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, даже въ уѣздныхъ городахъ и селахъ отдаленныхъ мѣстъ нашего отечества. (Изд. 1893 г. стр. 232).

Благодѣтель Дивѣевскаго монастыря

Николай Александровичъ Мотовиловъ.

ГЛАВА XXI.

ивѣевская обитель въ 1833-мъ году. Жизнь въ обѣихъ общинахъ. Дружба любовь между сестрами; апостольскія времена. Вечернія бесѣды и раззы про батюшку о. Серафима. Увольненіе Прасковьи Степановны Шабгиной отъ начальствованія и выборъ Александры Ивановны Булгаковой. слѣдующія начальницы: Ирина Семеновна Лифанова, Прасковья Семезна Мелюкова и Ксенія Ильинишна Потѣхина. Болѣзнь и кончина Ксеніи кайловны Кочеуловой. Посягательства Ивана Тихонова Толстошеева и здка его въ Воронежъ къ Архіепископу Антонію. Интриги Ивана Тихоа противъ М. В. Мантурова и возвращеніе послѣдняго нищимъ въ Дизо чрезъ Москву. Поѣздка Н. А. Мотовилова въ Курскъ за собраніемъ ѣній о дѣтствѣ о. Серафима. Болѣзнь Мотовилова и исцѣленіе въ г. нежѣ отъ Архіепископа Антонія. Исцѣленіе болящихъ по молитвамъ батюшки Серафима послѣ его кончины.

Дивѣевская обитель въ 1833-мъ году представляла изъ двѣ разнохарактерныя общины, расположенныя на разніи 100—150 саженъ другъ отъ друга. Казанская общиноснованная матерію Александрою держалась строгаго вскаго устава и имѣла всего 1332 кв. сажени земли, оторыхъ было уже въ то время 17 келій и огородъ. управлялась начальницею, избираемою между своими ами и въ это время начальствовала все еще старица а Михайловна Кочеулова, извѣстная своею строгостію ровостію. Въ нее поступали, по выбору начальницы и и малые, и вдовы и дѣвицы. Въ 17-ти келіяхъ жили время до 113-ти сестеръ, между которыми находилась сеніи Михайловны—Ирина Прокофьевна и поступив 1840-мъ году—Елисавета Андреевна Татаринова и оду дѣвицы изъ дворянъ Пензенской губерніи Ека- и Анна Васильевны Ладыженскія.

Вторая общинка Серафимо-Дивѣевская или Мельнично-дѣвичья занимала принадлежавшую ей землю, пожертвованную генеральшею Постниковой въ количествѣ трехъ десятинъ, на которой стояло 19-ть келій. Къ ней принадлежало 60-тъ десятинъ земли, огородной и пахотной, купленной у г-на Жданова и пожертвованной М. В. Мантуровымъ и Н. А. Мотовиловымъ. Кромѣ дѣвицъ и малолѣтнихъ дѣтей никто сюда не принимался по заповѣди Царицы Небесной. Въ 19-ти келіяхъ жило въ то время до 125 дѣвицъ, въ числѣ которыхъ были великія рабыни Божіи Прасковья Степановна — старица, исправлявшая должность начальницы послѣ смерти Е. В. Мантуровой, блаженная Прасковья Семеновна Мелюкова, Евдокія Ефремовна—удостоенная видѣнія Царицы Небесной въ 1831-мъ году въ келіи о. Серафима въ день Благовѣщенія, Анна Алексѣевна, Ксенія Васильевна и другія, извѣстныя изъ ихъ собственныхъ повѣствованій въ предъидущихъ главахъ лѣтописи.

Между общинами и кругомъ ихъ были контора г-дъ Баташевыхъ, церковная земля, крестьянскія пашни и владѣнія еще многихъ помѣщиковъ. Службы и чтеніе Псалтири совершались въ Рождественскихъ церквахъ, по порядку заведенному самимъ батюшкой Серафимомъ. Убожество, бѣдность, плохая пища и глубокое горе въ потерѣ своего отца, великаго прозорливца, собесѣдника Царицы Небесной, составляли теперь отличительные черты обители. Однимъ утѣшеніемъ была молитва предъ образомъ Божіей Матери „Радость всѣхъ радостей“ о. Серафима, присланнымъ Саровскимъ игуменомъ Нифонтомъ и взаимная любовь между сестрами обители. Жизнь ихъ походила на апостольскія времена; все было общее и взаимное; ничто не запиралось и не пряталось. Убитыя горемъ сестры прилѣпились теперь еще больше къ своему духовнику о. Василію Садовскому, который какъ истинный пастырь и ученикъ Серафимовъ самъ жилъ любовію ко Христу, Царицѣ Небесной и точнымъ, сердечнымъ исполненіемъ завѣтовъ дивнаго старца. Невидимое присутствіе о. Серафима въ своей обители чувствовалось всѣми и старицы мысленно спрашивали во всемъ благословенія у него. Вообще всѣ стремились какъ можно

чаще посѣщать могилу его въ Саровѣ и въ слезахъ передавали ему тамъ, какъ-бы живому, всѣ свои горя, недоумѣнія, и невзгоды. Вечеромъ, за работой сестры вспоминали счастливые свои года жизни съ батюшкой, его наставленія, ласки, заповѣди и случаи прозорливости угодника Божія. Объ этомъ времени сохранились письменныя воспоминанія. Сестра Дарья Трофимовна разсказывала (тетрадь
№ 1), что когда она вступила въ обитель, то сестры каждый вечеръ садились за общую работу, въ кружокъ около горѣвшей лучины, такъ какъ тогда не было свѣчей, и кто что зналъ или слышалъ про батюшку Серафима, все разсказывали. „Я любила слушать, говорила она, и вотъ что осталось у меня въ памяти. Къ батюшкѣ Серафиму принесли на носилкахъ одну больную всю сведенную. Батюшка сказалъ ей: „я буду молиться за тебя, а ты не смотри на меня!“ Долго она сидѣла, поникнувъ головою, но потомъ взглянула на него и видитъ, что онъ съ аршинъ выше полу, на воздухѣ, стоитъ на колѣнахъ съ воздѣтыми ручками и молится. Онъ видно это почувствовалъ, обернулся и сказалъ: „вѣдь я тебѣ сказалъ, чтобы ты не смотрѣла на меня, а что видѣла, то до моей кончины никому того не повѣдай!“ Больная пошла отъ него совершенно исцѣленной. Другой разъ пришли къ батюшкѣ два купца, родные братья, просить у него молитвъ за усопшаго отца, который опился, но еще не успѣли ничего сказать батюшкѣ Серафиму, какъ онъ подошелъ къ нимъ и имъ вложилъ въ уста по просфорѣ, не приказавъ жевать ихъ, а такъ понемногу глотать пока размокнутъ. Самъ онъ ушелъ въ келію, а ихъ оставилъ въ сѣнкахъ у своего гробика. Долго не выходилъ батюшка, а когда вышелъ и взглянулъ на нихъ, они оба были почернѣвши и слезы катились ручьями по лицу. Онъ ихъ спросилъ: „трудно было?“ Они сознались, что такъ трудно, едва не задохлись. „Вотъ такъ-то трудно, сказалъ батюшка, вымолить душу изъ рукъ сатаны, опившагося вашего отца, когда церковь не принимаетъ молитвы за опоицъ!“ Видно все время батюшка за него молился. Затѣмъ батюшка Серафимъ приказалъ имъ вылить колоколъ за душу ихъ

отца. Они были поражены удивленіемъ, какъ батюшка все провидѣлъ, зачѣмъ они къ нему приходили, безъ ихъ словъ и просьбы.“

Прасковья Степановна Шаблыгина, начальница мельничной дѣвичьей обители была въ 1833-мъ году, послѣ кончины о. Серафима, уволена по старости лѣтъ на покой. Старшею она была всего 6 лѣтъ. При назначеніи ея о. Серафимъ сказалъ Ксеніи Васильевнѣ Путковой: „она хотя и малаго ума, матушка, хотя-бы и нужно вамъ изъ дворянъ, да словесную, да умную, но что-же дѣлать-то, никого еще нѣтъ, матушка; пускай пока послужитъ!“ На ея мѣсто, по выбору и желанію сестеръ была поставлена дворянка изъ города Уфы, дѣвица Александра Ивановна Булгакова. Кратковременное ея управленіе ничѣмъ особеннымъ не ознаменовалось; она была добрая, кроткая и хорошая. Черезъ одинъ годъ и нѣсколько мѣсяцевъ А. И. Булгакова упросила ее уволить по болѣзни отъ начальнической должности. Затѣмъ, временно были выбираемы двѣ начальницы: Ирина Семеновна Лифанова, крестьянская дѣвица села Тонайкова, Нижегородской губерніи и уѣзда, умершая менѣе чѣмъ черезъ годъ, и Прасковья Семеновна Мелюкова, благодатная раба Божія, которая начальствовала съ 1834-го года по 1837-й и потомъ сама отказалась отъ должности, вслѣдствіе непріятностей съ послушникомъ Иваномъ Тихоновымъ, вмѣшавшимся въ дѣла обители. Въ 1837-мъ году снова упросили Александру Иванову Булгакову быть начальницею, но она черезъ два года скончалась. Затѣмъ послѣднею начальницею была строгая и суровая Ксенія Ильинична Потѣхина, крестьянская дѣвица деревни Вилейки, Нижегородской губерніи, Ардатовскаго уѣзда.

Начальница Казанской общинки, которой о. Серафимъ предсказалъ, что она хоть передъ концемъ жизни, но непремѣнно посидитъ въ темницѣ, пришлось дѣйствительно пострадать. Будучи великой подвижницею и молитвенницею, она никогда во всю жизнь не пропускала церковной службы и какъ-то разъ, не взирая на страшную гололедицу, пошла въ церковь, поскользнулась, упала и сильно ушибла себѣ ногу. Внесли ее въ келію, положили, но она такъ страдала

отъ нестерпимой боли въ ногѣ, что не была въ состоянiи даже выносить дневного свѣта. Поэтому она нѣсколько мѣсяцевъ пролежала въ совершенно темной келiи, съ наглухо завѣшанными окнами, какъ-бы въ темницѣ. Предсказанiе о. Серафима сбылось и старица уразумѣла смыслъ батюшкиныхъ словъ.

Ее похоронили у Казанской церкви съ правой стороны, не далеко отъ матушки Александры. Старица Дарья Трофимовна свидѣтельствуетъ въ лѣтописномъ разсказѣ, что она была очевидицею слѣдующаго чуда (тетради № 1 и № 4). „При кончинѣ своей, говоритъ она, матушка Ксенiя Михайловна строго заповѣдывала исполнить ея завѣтъ, всѣ дней по ея смерти, принимать и кормить всѣхъ, сколько не пришлось, странныхъ и пришлыхъ, что въ точности было исполнено. Я тогда была въ стряпушечьемъ послушанiи при трапезѣ и самовидица совершившемуся въ тѣ чуду. До кончины матушки выходило каждодневно на дъ и ужинъ 8 караваевъ хлѣба, 1 мѣра крупъ и 1 мѣра на на кашу, на однѣхъ только сестеръ; въ продолженiе этихъ 40 дней, не смотря на то, что очень много или всякiй день странствующаго народа, вышло какъ только половина всей этой препорцiи, т. е. каждо по 4 каравая хлѣба, $^1/_2$ мѣры крупы и $^1/_2$ мѣры пшена тогда очень дивились этому.“

На память о Ксенiи Михайловнѣ Кочеуловой въ келiи и Александры остались: 1) икона древняя Скорбящей атери, родительское ея благословенiе, 2) иконы стра бичеванiя Спасителя; 3) начальническiй посохъ, деый, некрашенный и 4) часы съ боемъ привезенные е изъ Тулы.

атушка Ксенiя Михайловна 43 года начальствовала бщинкою.

осле кончины батюшки о. Серафима, послушникъ Тихоновъ не только не бросилъ своей мысли и цѣть покровителемъ и распорядителемъ въ Серафимоской обители, но, забывъ всѣ наставленiя и прикаарца, — рѣшился настойчиво требовать подчиненiя бщинъ, завѣщанныхъ ему и оставленныхъ будто на

его попеченіе самимъ великимъ старцемъ. Ему даже пришла странная мысль поѣхать въ Воронежъ подъ видомъ поклоненія мощамъ Святителя Митрофана,—къ архіепископу Антонію, также прозорливцу и святой жизни пастырю, чтобы „утѣшиться его бесѣдою". Желаніе-же бесѣды явилось вслѣдствіе будто-бы *недоумѣнія насчетъ ига, наложеннаго на него о. Серафимомъ, касательно Дивѣевской обители.* Спрашивается: если-бы дѣйствительно о. Серафимъ приказалъ ему заниматься Дивѣевымъ, зачѣмъ было ему *недоумѣвать* и спрашивать высокопреосвященнаго Антонія? Съ другой стороны, такъ какъ батюшка о. Серафимъ запретилъ ему вмѣшиваться въ Дивѣево и уговаривалъ не губить свою душу какъ чуждопосѣтителю, то могло-ли помочь ему даже благословеніе Антонія на покровительство общинѣ. Наконецъ, какъ благодатный прозорливецъ, познавшій духомъ часъ смерти о. Серафима, могъ-ли онъ остаться въ невѣдѣніи о волѣ великаго старца насчетъ Ивана Тихонова и затѣмъ какой смыслъ былъ благословить или совѣтывать заниматься женскою обителью канонарху—послушнику? Однако, Иванъ Тихоновъ испросилъ себѣ паспортъ и по благословенію игумена, отправился въ Воронежъ, а затѣмъ въ 1849 году напечаталъ объ этомъ разсказъ. (Сказанія о подвигахъ о. Серафима, стр. 109).

Для характеристики Ивана Тихонова, нельзя оставить безъ вниманія это его повѣствованіе, которому въ то время вѣрили и восторгались въ Петербургѣ.

Когда послушникъ—канонархъ Иванъ Тихоновъ, не повышенный до сихъ поръ и не удостоенный игуменомъ Саровскимъ даже сана іеродіакона, вошелъ къ высокопреосвященному архіепископу Воронежскому Антонію, то онъ встрѣтилъ его съ истинно отеческою любовію, говоря: *я тебя ожидалъ, я слышалъ, что ты пріѣдешь!* (?) Оживотворенный такимъ вниманіемъ, Иванъ Тихоновъ поблагодарилъ архіепископа. Тогда Антоній началъ говорить слѣдующее: „а объ о. Серафимѣ я тебѣ скажу, что у насъ еще ничего не было слышно объ угодникѣ Божіемъ Митрофанѣ; еще не было никакихъ откровеній, ни явленій, а о. Серафимъ вдругъ пишетъ мнѣ, не письмо, а нѣсколько строкъ соб-

ственными своими руками и пророческимъ духомъ поздравляетъ меня съ открытіемъ св. мощей угодника Божія Митрофана!“

„Послѣ такого сладкаго привѣтствія, пишетъ Иванъ Тихоновъ, я видѣлся съ архипастыремъ ежедневно въ продолженіе цѣлой недѣли. Лишь только ударялъ колоколъ къ вечернѣ, онъ *посылалъ за мною* для бесѣдованія (?) и въ теченіе трехъ или четырехъ часовъ сряду разспрашивалъ. Когда же я, между прочимъ, просилъ его, какъ великаго рхипастыря, разрѣшить мое недоумѣніе насчетъ ига, наложеннаго на меня отцемъ Серафимомъ, касательно Дивѣевкой обители, по причинѣ безмѣрныхъ скорбей, полученихъ мною при этомъ послушаніи, то высокопреосвященный вѣчалъ мнѣ на это: *я не только ничего не могу измѣнить з назначеннаго тебѣ отцемъ Серафимомъ, но еще и самъ ошу тебя, до послѣднихъ минутъ твоей жизни, не оставть сиротъ Дивѣевскихъ твоимъ попеченіемъ“ (??).*

Дѣйствительно, вернувшись изъ Воронежа, Иванъ Тихоъ началъ учащать свои посѣщенія родственницы, жившей въ занской общинкѣ, пріобрѣтать себѣ друзей между сестрами й обители и вкрадчивый, льстивый и нѣсколько начитанный, привлекъ нѣкоторыхъ на свою сторону. Этому способствоватарость и болѣзненность Ксеніи Михайловны, безхарактеръ ея дочери Ирины Прокофьевны и довѣрчивость нѣрыхъ сестеръ. Впрочемъ Иванъ Тихоновъ въ первое аніе производилъ удачное впечатлѣніе и многіе въ немъ ва ошибались. Собственно къ Серафимовой мельничобители ему было труднѣе прикасаться, чѣмъ къ Каой общинкѣ, сестры которой менѣе часто посѣщали рафима и не знали его завѣтовъ. Среди заботъ о остраненіи земельныхъ владѣній обители, онъ увичто его замысламъ будетъ всегда мѣшать Михаилъ ьевичъ Мантуровъ, пріобрѣвшій по приказанію о. Сеа 15 десятинъ. Эту землю, Мантуровъ не отдавалъ іи, такъ какъ батюшка приказалъ лишь передать ее ву послѣ смерти Михаила Васильевича, а теперь дери беречь какъ зѣницу ока. Наконецъ личное присут-Мантурова на этихъ 15-ти десятинахъ, пока земля въ

его рукахъ, парализовало-бы всѣ планы Ивана Тихонова, такъ какъ каждый зналъ, что Михаилъ Васильевичъ былъ единственный близкій и довѣренный ученикъ о. Серафима, который никогда-бы не призналъ Ивана Тихонова ученикомъ великаго старца и завѣщеннымъ попечителемъ Дивѣева. Напротивъ, о. Серафимъ запретилъ Михаилу Васильевичу видѣться и бесѣдовать съ Иваномъ Тихоновымъ. Несмотря на трудное разрѣшеніе такого вопроса, Ивану Тихонову представился удобный случай. Чтобы быть исторіи безпристрастной,—вернемся къ біографіи М. В. Мантурова, составленной Н. А. Мотовиловымъ и о. Василіемъ Садовскимъ.

„Въ 1833-мъ году, пишутъ они, еще въ пребываніе Михаила Васильевича въ Симбирской глуши у генерала Купріанова, 2-го января скончался батюшка Серафимъ, а по его кончинѣ вторгся насильственно въ Дивѣевъ, по предрѣченіи святаго, нѣкто—просто мѣщанинъ города Тамбова Иванъ Тихоновъ Толстошеевъ, такъ называемый живописецъ, послушникъ Саровской пустыни. Видя, зная и вполнѣ сознавая, какое имѣетъ значеніе Михаилъ Васильевичъ для Серафимовой Мельничной-дѣвической общинки, онъ понялъ, что въ задуманныхъ имъ планахъ своего честолюбія, главною помѣхою всему и всегда будетъ Мантуровъ, почему не задумываясь, при представившемся къ тому наиудобнѣйшемъ случаѣ, рѣшился или удалить его, отстранивъ отъ общины, или же того лучше, совсѣмъ погубить. Вотъ какъ это случилось:

„Увидясь съ пріѣхавшимъ послѣ войны въ Саровъ, генераломъ Купріановымъ, который прибылъ для поклоненія могилѣ великаго старца о. Серафима и чтобы поблагодарить святаго за его молитвы и заботы о приведеніи его имѣній и крестьянъ въ порядокъ, Иванъ Тихоновъ обратился къ нему съ просьбою. Подъ видомъ самаго смиреннаго, горячо преданнаго старцу и любимаго его ученика, которому будто-бы о. Серафимъ поручалъ печься о Дивѣевской общинѣ, онъ выставилъ Мантурова въ самомъ наипревратнѣйшемъ видѣ, какъ-бы явнаго притѣснителя и чуть не грабителя, прикрывающагося личиною безкорыстнаго благо-

желанія. Иванъ Тихоновъ молилъ генерала Купріанова именемъ почившаго старца, ради любезнаго дѣтища его Дивѣевской обители, уговорить Михаила Васильевича или продать 15 десятинъ земли, купленной имъ при Дивѣевѣ, или-же, если онъ на то добровольно не согласится, пригрозить ему и какимъ-бы то ни было насильственнымъ образомъ отнять землю у него для общины. Благодушный и довѣрчивый Купріановъ, подъ впечатлѣніемъ благодарной души своей къ почившему праведнику, обѣщался все непремѣнно исполнить. Почитая, что это ему возвѣстилъ какъ-бы самъ батюшка Серафимъ, генералъ Купріановъ принялся горячо за это святое, по его убѣжденію, дѣло. Такимъ образомъ настроенный, Купріановъ возвратился въ свои имѣнія и сталъ всячески уговаривать Михаила Васильевича отдать, или же продать для Серафимовой общины эту землю въ селѣ Дивѣевѣ, заповѣданную ему батюшкой Серафимомъ. Но Мантуровъ, свято помня завѣтъ отца Серафима: беречь ее какъ зѣницу ока, не поддаваясь никакимъ уговорамъ, не прельщаясь и деньгами, прямо отказался исполнить желаніе Ивана Тихонова и своего дорителя. Когда-же разгоряченный генералъ сталъ грозить у, говоря: „да знаешь-ли ты, что также просто, какъ пить стаканъ воды, я выпью всю твою кровь, за такое рямство?“ Михаилъ Васильевичъ отвѣтилъ: „хотя и сомъ убьете Вы меня, но я также просто не отдамъ Вамъ за что и ни за какія деньги эту землю, которую самъ но и наистрожайше, предвидя это, вѣроятно по проливости своей, заповѣдалъ мнѣ хранить до смерти самъ ошка Серафимъ и никогда, и никому, ни подъ какимъ мъ, ни за что не отдавать её и не продавать! Ничѣмъ ринудите меня нарушить этотъ завѣтъ святаго старца! хотите, то и дѣлайте со мной!“

„Увы! Въ то время много могъ сдѣлать важный генесъ своими связями и взбѣшенный несогласіемъ Манна, а также подстрекаемый письмами Ивана Тихонова, іановъ выгналъ отъ себя съ позоромъ честнаго упраля, самимъ о. Серафимомъ даннаго ему и даже прились къ какому-то нестоящему ни малѣйшаго внима-

нія пустяку, приказалъ отобрать у Мантурова все платье, даже—Анны Михайловны, подушки и выпроводить, безъ выдачи заслуженнаго имъ жалованья. И вышелъ, прибывшій къ Купріанову за святое послушаніе на подвигъ, истинно вѣрный и преданный даже до полнѣйшаго самоуничиженія, послушникъ и ученикъ святаго старца, совершеннѣйшимъ въ буквальномъ смыслѣ нищимъ, съ женою своею, изъ столь черно отблагодарившаго его дома богача генерала Купріанова. Они побрели почти Христовымъ именемъ, пѣшкомъ, въ указанный имъ и Богомъ назначенный, благословенный Дивѣевъ. Михаилъ Васильевичъ, радуясь тому, что сберегъ заповѣдь святаго отца своего, совершенно покойный въ совѣсти, не взирая на горечь этой скорби, съ удивительнымъ терпѣніемъ, бодро переносилъ испытаніе и старался поддерживать въ томъ-же настроеніи и жену свою Анну Михайловну. Но когда они дошли до Москвы и остановились въ городѣ, въ виду совершеннѣйшей уже невозможности слѣдовать далѣе, за буквальнымъ неимѣніемъ даже куска насущнаго хлѣба, Михаилъ Васильевичъ упалъ было духомъ. Жена его мучилась голодомъ и почти умирающая отъ истощенія, невольно роптала и тѣмъ еще болѣе увеличивала нравственныя муки Михаила Васильевича. Въ этомъ положеніи Мантуровъ стоялъ у Иверской часовни и предъ чудотворнымъ образомъ изливалъ свою скорбь Матери Божіей, ради славы Которой, онъ самопроизвольно обнищалъ и отдалъ Ей все свое земное благосостояніе. Величайшій подвижникъ не просилъ помощи ни у кого, кромѣ Царицы Небесной! Воистинну не напрасна была молитва и услышала его Матерь Божія! Возвращаясь изъ часовни, Михаилъ Васильевичъ по дорогѣ запнулся ногою за что-то и нашелъ кѣмъ-то разсыпанныя 60 коп. мелкими деньгами. Подумавъ не явится-ли владѣлецъ ихъ и не видя никого, онъ поднялъ деньги, считая ихъ за подаяніе отъ Самой Царицы Небесной и радостно возвратился къ женѣ, успокоилъ ее и накормилъ. Нѣсколько времени жили Мантуровы такимъ образомъ, получая почти каждодневно необходимую для пропитанія ихъ милостыню, чрезъ Михаила Васильевича, — отъ Иверской Царицы Небесной, до тѣхъ

поръ, какъ разъ кто-то совсѣмъ ему неизвѣстный, даже и не глядя на него, къ немалому удивленію Мантурова, сунулъ въ его руки какую-то бумажку и скрылся. Развернувъ бумажку, Михаилъ Васильевичъ увидѣлъ, что это деньги и въ несказанной радости возвратился домой, и разсказалъ се женѣ своей. Возблагодаривъ Господа за столь явное удо Матери Божіей, они тутъ-же собрались и двинулись ь путь, по направленію къ Дивѣеву. По дорогѣ они видѣли также не мало чудесъ съ собою и по свидѣтельству священника о. Василія Никитича Садовскаго, онъ ради илости и правоты ихъ, отдалъ Михаилу Васильевичу заиморазно, отъ своей собственной бѣдности, сбереженные на рный день, послѣдніе 75 рублей ассигнац. Купивъ на деньги маленькій срубокъ и построивъ домикъ, Мантуовъ поселился такимъ образомъ на столь дорого ему довшейся и заповѣданной батюшкой Серафимомъ землѣ, стѣ съ женою своею Анной Михайловной и жили они ь въ крайней бѣдности, питаясь отъ труда рукъ своихъ".

Николай Александровичъ Мотовиловъ, человѣкъ горя- и искренняго сердца, былъ въ то время холостъ и дѣйствительно послужить памяти о. Серафима и исить его заповѣдь относительно Дивѣева, рѣшился самъ ать на родину великаго старца въ Курскъ, собрать ѣнія о дѣтствѣ и юношествѣ его, а также посѣтить скій Флоровскій монастырь и разспросить о монашевавшей въ немъ Агаѳіи Семеновнѣ Мельгуновой, основьницѣ Казанско-Дивѣевской общинки. Въ Саровѣ Н. отовилову передали, что о. Серафимъ передъ кончириказывалъ многимъ писать, чтобы эти лица пріѣхали гься съ нимъ, но когда онъ узналъ, что они не буто передалъ нѣкоторымъ инокамъ предсказанія свои ровенія относящіяся до этихъ лицъ. Такъ Николаю андровичу было приказано сказать: „скажи, что чего могается (т. е. полученія руки Екатерины Михай- Языковой), это не для его, а ему готовится другая"... аю Александровичу, жившему большею частію въ его оскомъ имѣніи, не были извѣстны отношенья о. Сеа къ Ивану Тихонову; поэтому онъ легко поддался

вкрадчивому этому послушнику, который выдавалъ себя за любимѣйшаго ученика Серафимова и разсказами о батюшкѣ, предсказаніяхъ его, чудесахъ, своихъ бесѣдахъ съ нимъ, о прощаніи съ нимъ предъ кончиною и проч., приблизилъ Николая Александровича къ себѣ. Мотовиловъ всѣ добытыя свѣдѣнія о родителяхъ о. Серафима въ г. Курскѣ и о самомъ великомъ старцѣ—передалъ по возвращеніи изъ путешествія Ивану Тихонову, который и воспользовался этимъ, при изданіи сказаній о подвигахъ о. Серафима въ Петербургѣ въ 1849 и 1856 годахъ. За то эта поѣздка имѣла весьма дурныя послѣдствія для самого Николая Александровича; онъ безпричинно заболѣлъ сильнымъ нервнымъ и душевнымъ разстройствомъ. Такъ какъ лекарственныя средства не помогали ему, то Николай Александровичъ поѣхалъ опять въ Воронежъ къ Архіепископу Антонію, который призналъ, что болѣзнь произошла по попущенію Божію, отъ врага, излившаго на него свою месть, за трудъ, послужившій къ прославленію имени великаго угодника Божія отца Серафима. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ излѣчился совершенно, будучи часто причащаемъ Христовыхъ Таинъ святителемъ Воронежскимъ Антоніемъ.

Не прошло полугода послѣ кончины старца о. Серафима, какъ одна сестра Дивѣевской обители Варвара Кондратьевна подверглась неизвѣстно отчего припадкамъ бѣснованія. Въ этомъ состояніи, теряя разсудокъ, она билась о землю, въ изступленіи рвала на себѣ волосы, съ неимовѣрною силою порывалась бѣжать прочь отъ людей безъ опредѣленной цѣли. Въ одну ночь видитъ она себя въ Дивѣевской церкви, во имя Рождества Христова; тутъ была одна изъ сестеръ (Д. Ѳ.) и старецъ Серафимъ. Старецъ, взявъ ея руку, вложилъ въ свою, а подъ другую руку приказалъ взять сестрѣ, и введя больную въ алтарь, обошелъ съ нею кругомъ престола: она вдругъ почувствовала себя легко и хорошо. Проснувшись, она сотворила крестное знаменіе, осмотрѣлась кругомъ, ощупывала свою остриженную голову, все ясно понимая, и встала сама совершенно здоровою. Съ

тѣхъ поръ уже не подвергалась прежнимъ припадкамъ и доселѣ пользуется здоровьемъ. (См. изд. 1893 г.).

Въ іюнѣ 1833 года, г-жа Колычева писала къ Георгію, затворнику Задонскому, изъ Сарова: послушникъ Саровскій Ѳеодоръ, уроженецъ города Козлова, Тамбовской губерніи, живши въ мірѣ, былъ подверженъ бѣснованію и тяжко стра-ĳалъ. Испытавъ тщетно разныя средства лѣченія, онъ явился ;ъ игумену Саровской пустыни о. Нифонту и со слезами росилъ принять его въ обитель на жизнь покаянную, со-;навая, что Господь за грѣхи попустилъ ему нести страш-ɔе искушеніе отъ діавола. Внявъ убѣдительной просьбѣ, умень принялъ его въ обитель. Съ полнымъ усердіемъ ɪвоначальный инокъ исполнялъ возложенныя на него по-ушанія, а немногіе свободные часы отдыха употреблялъ молитву, оставляя для сна самое краткое время. Въ одинъ нь, послѣ слезной къ Богу молитвы, едва предался онъ ɪмотѣ, въ тонкомъ снѣ узрѣлъ предъ собою старца Се-ɔима въ той одеждѣ, какую обыкновенно онъ носилъ въ лѣдніе годы. Явившійся совѣтовалъ ему отслужить мо-энъ Божіей Матери и панихиду объ убогомъ Серафимѣ, ɔ исполненіи сего обѣщалъ ему выздоровленіе. Съ не-ɪѣнною вѣрою въ дѣйственность молитвы почившаго въ ѣ о. Серафима, молодой инокъ немедленно выполнилъ лѣнное старцемъ. По окончаніи молебнаго пѣнія Бого-цѣ, совершена панихида. Когда діаконъ началъ воз-ать: *во блаженномъ успеніи вѣчный покой подаждь Гос- усопшему рабу Твоему іеромонаху Серафиму,* Ѳеодоръ на землю и начался съ нимъ припадокъ, во время кое-ь ужасныхъ конвульсіяхъ, изъ рта его показался дымъ, енный всѣми тутъ находившимися. Послѣ сего онъ оста-около получаса въ безчувственномъ положеніи, и съ ɪоръ за молитвы старца Серафима, навсегда освободился ѣснованія (См. изд. 1893 г.).

ва года спустя послѣ кончины о. Серафима, сестра вской обители Наталья Кирилловна была больна го-›, и уже находилась при дверяхъ гроба, такъ что, шись во всѣхъ способахъ врачеванія, ее соборовали ɜемъ. Во время болѣзни она совершенно потеряла

владѣніе рукою и ее перекладывали на постели, подложивъ платокъ. Однажды видитъ она во снѣ о. Серафима.

Онъ говоритъ ей: „что ты, матушка, не придешь ко мнѣ на источникъ?“

Она отвѣчала;—я больна: у меня рука отнялась.

„Которая?“ спрашиваетъ старецъ.

— Правая.

Старецъ, взявъ ее за больную руку, поднялъ, повторяя: „приди ко мнѣ на источникъ.“

Проснувшись, она нашла руку свою исцѣленною и могла дѣйствовать какъ здоровою. Но, будучи слаба отъ бывшей горячки, не могла идти пѣшкомъ въ Саровъ: въ тотъ же день ее повезли туда, облили водою изъ источника о. Серафима—и она получила полное выздоровленіе и обновленіе силъ. (Разсказъ самой сестры, 1862 г. іюля 20 дня.) (См. стр. 235 изд. 1893 г.).

Сестра Дивѣевской обители Ѳ. В. сдѣлалась больна глазами. Наканунѣ новаго 1835 г. видитъ она сонъ, что находится въ церкви Тихвинской Божіей Матери. Отецъ Серафимъ выходитъ изъ царскихъ вратъ въ бѣлой ризѣ, подаетъ воздухъ и велитъ отереть имъ глаза, а самъ сталъ позади ея. Она спросила его: „ты ли это, батюшка?“ Серафимъ отвѣчалъ: „какая ты, радость моя, невѣрующая! Сама же просила меня, а не вѣришь, вѣдь я у васъ обѣдню совершаю.“ Послѣ сего Серафимъ сдѣлался невидимъ. Съ этого времени болѣзнь глазъ прошла у сестры. (Разсказъ самой исцѣлѣвшей, стр. 235 изд. 1893 г.).

Ив. Яковл. Карат—въ разсказывалъ о себѣ, что въ 1833 г., возвращаясь въ полкъ свой изъ домоваго отпуска, онъ, по молитвамъ старца Серафима, котораго призвалъ въ минуту опасности, былъ спасенъ отъ разбойниковъ, напавшихъ на него въ дорогѣ (тамъ-же).

Ротмистръ Африканъ Васильевичъ Тепловъ, питавшій особое уваженіе къ о. Серафиму и имъ любимый, въ 1834 г. пріѣхалъ въ Саровъ съ семействомъ, въ которомъ трехлѣтняя дочь болѣла ногами и почти не могла стоять. Отслуживъ панихиду на могилѣ почившаго старца, понесли дитя къ Серафимову источнику, твердо вѣруя, что Господь за

молитвы старца помилуетъ больную. Напоивъ дитя водою изъ сего источника и омывъ ноги, взяли этой воды въ монастырь съ намѣреніемъ отслужить надъ нею молебенъ съ водоосвященіемъ. При входѣ въ монастырь дитя вдругъ попросилось долой съ рукъ няньки, выражая стремленіе идти самой. Нянька, послѣ долгаго сопротивленія, наконецъ рѣшилась пустить и, взявъ за руки, повела ребенка: но дѣвочка выдернула свою руку и побѣжала впередъ сама, какъ здоровая. Обрадованные чудомъ сродники исцѣлѣвшей поспѣшили на могилу о. Серафима и со слезами благодарили его за милостивое ходатайство о нихъ.

Въ 1846 г. второй сынъ ротмистра А. В. Теплова вывихнулъ себѣ ногу и страдалъ отъ боли около 2-хъ лѣтъ. Между тѣмъ пришло время опредѣленія его на службу. Твердо уповая на предстательство и помощь о. Серафима, много являвшаго благодѣяній семейству его, А. В. Т. отправился въ Саровскую пустыню. Отслуживъ панихиду по старцѣ Серафимѣ, не смотря на холодъ (это было 21 декабря 1848 г.), онъ отправился на источникъ о. Серафима съ двумя сыновьями, и больной вымылъ водою изъ источника свою ногу. Чрезъ нѣсколько часовъ оба брата пошли опять на источникъ. Болящій изъ нихъ облился водою съ головы до ногъ, и потомъ на колѣняхъ предъ иконами, утвержденными на особомъ столбѣ въ часовнѣ у источника, долго молился вмѣстѣ съ братомъ, прося Бога помиловать его за молитвы о. Серафима. Возвратясь домой больной объявилъ, что не чувствуетъ уже боли въ ногѣ, и нынѣ, находясь въ совершенномъ здоровьи, служитъ въ кавалерійскомъ полку (стр. 236 изд. 1893 г.).

Іеромонахъ Іонатейный монахъ Саровской пустыни о. Кипріанъ писалъ въ 1840 году: „по смерти о. Серафима досталась мнѣ шапочка изъ черной крашенины, которую онъ обыкновенно нашивалъ на головѣ своей. Издавна я подверженъ былъ сильной и продолжительной головной болѣзни, отъ которой лежалъ по нѣсколько дней въ постели. Съ пріобрѣтеніемъ шапочки, я сталъ надѣвать ее на себя при появленіи болѣзни и мысленно просилъ молитвъ о. Серафима объ облегченіи меня отъ страданій. Съ возложеніемъ на себя

шапочки всякій разъ боль проходила. Такое же дѣйствіе въ зубной болѣзни приводилось мнѣ испытывать неоднократно отъ обломка того камня, на которомъ блаженный о. Серафимъ подвизался въ пустынѣ, когда я сей обломокъ клалъ на больные зубы" (стр. 236 изд. 1893 г.).

Нижегородской губерніи, Ардатовскаго уѣзда, села Большаго-Череватова, удѣльный крестьянинъ Г. Д. С., въ 1848 г. на дорогѣ въ село Окиль почувствовалъ припадки холеры. По вѣрѣ къ старцу Серафиму поѣхалъ онъ поспѣшно на источникъ о. Серафима: умылся, окатился и напился воды изъ источника—и отъ этого почувствовалъ такое облегченіе, какъ будто никогда боленъ не былъ (стр. 237 изд. 1893 г.).

Однажды привели къ источнику о. Серафима бѣсноватую женщину: несчастная драла себя за волосы, рвала свою одежду и ужасно кричала. На нее начали лить воду изъ источника, и она закричала: „пустите, пустите, замучилъ меня монахъ!“ Не смотря на то, на нее продолжали лить воду до тѣхъ поръ, пока она пришла въ спокойное состояніе и забылась. Придя въ себя чрезъ нѣсколько времени, она стала совершенно здорова, оградила себя крестнымъ знаменіемъ, сама напилась воды изъ источника—и съ того времени до нынѣ прежніе припадки не возвращались къ ней (тамъ-же).

Помѣщикъ Нижегородской губерніи Д. А. А., благотворитель Дивѣевской общины, объ упокоеніи души котораго ежедневно читается Псалтирь по правиламъ той обители, подъ старость лишился зрѣнія, такъ что ничего не могъ видѣть. Съ этою потерею онъ лишился и другаго наслажденія, которое чувствовалъ при чтеніи книгъ св. Писанія и отцевъ Церкви. Занятіе это было единственнымъ утѣшеніемъ его старости. Отягченный скорбію, онъ послалъ нарочнаго къ двоюродной сестрѣ своей, Е. А. Б., съ увѣдомленіемъ о своей печали и съ просьбою навѣстить его. Сестра, услышавъ отъ посланнаго о несчастіи брата, тотчасъ же послала ему воды изъ источника о. Серафима, которую она всегда имѣла у себя въ домѣ. Этотъ подарокъ очень утѣшилъ старца и онъ немедленно приступилъ къ исполненію переданнаго отъ сестры наставленія, какъ поступаютъ съ этою водою.

„Я приказалъ—говорилъ онъ—подать себѣ чистое полотенце, намочилъ его водою отъ источника Серафимова, и потомъ приложилъ его къ больнымъ своимъ глазамъ съ молитвою: *Господи Іисусе Христе Сыне Божій, молитвами угодника Твоего Серафима, исцѣли меня*. Я повторилъ это три раза. И вотъ, когда, чрезъ нѣсколько минутъ, я отнялъ въ первый разъ полотенце отъ глазъ своихъ, я увидѣлъ все, что меня окружало, какъ-бы въ какомъ то туманѣ, или какъ-бы сквозь самое частое сито. Во второй разъ я началъ уже азличать предметы, и, наконецъ, послѣ третьяго раза, я ь состояніи былъ даже читать; болѣзнь моя совсѣмъ минолась. Изумленный этимъ внезапнымъ и столь чудеснымъ цѣленіемъ, за молитвы угодника Божія Серафима, я поѣшилъ прежде всего въ Саровскую пустынь, чтобы отслуть здѣсь благодарственный молебенъ Господу Богу и Претой Его Матери и панихиду по о. Серафимѣ, а потомъ ожилъ себѣ за правило, ежегодно удѣлять часть своихъ одовъ Дивѣевской женской общинѣ, зная, какое отече- э попеченіе имѣлъ о ней благодѣтельный старецъ Сера- ъ (стр. 238 изд. 1893 г.).

Года за полтора до кончины о. Серафима, Н. М. К., ли со своею женою въ Саровѣ, въ бесѣдѣ съ старцемъ, чилъ отъ него одно приказаніе, въ родѣ заповѣди, для и супружеской. О. Серафимъ съ ангельскою улыбкою лъ: „если вы этого не исполните, то ты и она скоро е.“ Пока живъ былъ о. Серафимъ, съ помощію Бо- они соблюдали заповѣдь старческую; но потомъ, мало- іу, стали позабывать ее и нѣсколько разъ преступили. этого, внезапно Н. М. К. сдѣлался боленъ разслабле- всѣхъ членовъ и чѣмъ-то въ родѣ сильной горячки, го чрезъ двѣ недѣли послѣ того, какъ слегъ въ постель, шился голоса, губы его помертвѣли, и онъ былъ со- іно безнадеженъ. Въ тотъ самый день, когда уже смерть была взять свою жертву, утромъ приходитъ къ нему авшій его лекарь Д. А. В. и разсказываетъ окружав- больнаго свой сонъ; ему представилось, что онъ шелъ и вдругъ попался ему навстрѣчу сѣдой старичекъ, въ ь и въ рубищѣ, который остановилъ его и сказалъ: „ты

идешь лѣчить его? Ты его не вылѣчишь, и онъ долженъ умереть; но ты скажи ему, чтобы онъ далъ предъ Богомъ какой нибудь обѣтъ—и тогда онъ останется въ живыхъ." Больной слышалъ этотъ разсказъ лекаря, и по уходѣ его сталъ размышлять о слышанномъ. Тотчасъ понялъ онъ, что этотъ старичекъ былъ не иной кто, какъ отецъ Серафимъ, хотя уже скончавшійся, и что настоящая болѣзнь была слѣдствіемъ нарушенія заповѣди. Тогда К. началъ горько раскаяваться въ своемъ поступкѣ и далъ обѣтъ Богу, что если останется въ живыхъ, то возьметъ подъ свой покровъ одну изъ своихъ родственницъ, сироту дѣвицу Надежду. Только что онъ сдѣлалъ въ душѣ своей этотъ обѣтъ, какъ почувствовалъ мгновенно облегченіе болѣзни: чрезъ нѣсколько минутъ сѣлъ самъ собою на постели, и потомъ началъ звать жену обыкновеннымъ голосомъ здороваго человѣка, и вмѣстѣ съ нею изливалъ предъ Господомъ радостныя слезы о дивномъ, благодатномъ исцѣленіи, дарованномъ ему отцемъ Серафимомъ. На другой же день больной сталъ ходить по комнатамъ и вскорѣ совершенно выздоровѣлъ. (Стр. 239 изд. 1893 г.).

Извѣстный и всѣми уважаемый подъ именемъ *Святогорца* русскій подвижникъ Аѳона, іеромонахъ *Серафимъ*, въ схимѣ Сергій, въ своихъ келейныхъ запискахъ передаетъ слѣдующее обстоятельство. „Въ 1849 г., при моемъ отъѣздѣ изъ Вятки, я заболѣлъ. Болѣзнь моя была убійственна: я не думалъ, что останусь живъ, потому что врагъ сильно возставалъ на меня. Никакія средства обыкновенныя не могли меня возстановить и возвратить мнѣ силу и здоровье. Я отчаялся. Только въ первый вечеръ 1850 г. вдругъ какъ будто кто-то тихо говоритъ мнѣ: „завтра день кончины о. Серафима Саровскаго старца, отслужи по немъ заупокойную литургію и панихиду—и онъ тебя исцѣлитъ". Это меня сильно утѣшило. А надобно было сказать, что я хотя лично и не зналъ о. Серафима, но въ 1838 г., бывши въ Саровѣ, посѣщалъ его пустыньку, и съ той поры возымѣлъ къ нему вѣру и любовь. Эта сердечная привязанность и вѣра еще болѣе утвердились во мнѣ, когда въ 1839 году мнѣ снилось что я служу молебенъ о. Серафиму, отъ всей души и громко

воспѣвая: „Преподобне отче Серафиме моли Бога о насъ!“ Только по шестой пѣсни мнѣ нужно было читать Евангеліе, и меня затрудняла мысль, какое же читать Евангеліе—преподобнаго, такое-ли или другое какое? Вдругъ кто-то говоритъ мнѣ: читай отъ Матѳея 36-е зачало. При этихъ словахъ таинственнаго голоса я пробудился. Съ той поры и понынѣ я искренно вѣрую, что о. Серафимъ великій угодникъ Божій. Но обращусь къ начатому. По тайному внушенію, убѣждавшему меня къ поминовенію о. Серафима, я попросилъ, самъ будучи не въ силахъ, отслужить по немъ литургію и панихиду, и лишь только это сдѣлалъ—болѣзнь моя миновалась: я почувствовалъ чрезвычайное спокойствіе, избавился отъ насилія непріязненнаго. И съ той поры понынѣ благодатію Божіею здоровъ. (Соч. и письм. Святогорца. С.-П.Б. 1858, стр. 209).

Е. П. М. разсказывала такой случай съ своею теткою. Въ 1854 г. она пріѣхала въ Дивѣевскую обитель помолиться, и послѣ всенощной, вспотѣвши, выпила два стакана воды, отчего открылась въ ней сильная горячка. Три недѣли больная не пила, не ѣла и не спала; на четвертой недѣлѣ болѣзни сдѣлался обморокъ. На выздоровленіе не было надежды; больная была напутствована таинствами къ смерти. Но бывшая спутницею больной Смоленская инокиня, ѣздившая для сбора подаяній на свою обитель, повергшись предъ иконою Богоматери, молила о. Серафима испросить у Царицы Небесной продолженіе жизни болящей.

Однажды утромъ она подходитъ къ болящей и говоритъ:—какой я видѣла сонъ о васъ.

Больная съ трепетомъ сказала: „вѣрно о моей смерти?“

— Нѣтъ, вы будете живы и здоровы, о. Серафимъ мнѣ сказалъ.

Больная, неподнимавшая доселѣ головы съ подушки, встала и сѣла, говоря: „ну, разсказывай скорѣе!“

Та разсказала, что о. Серафимъ, успокоивая ее, сказалъ ей: „будь спокойна: раба Божія Евдокія будетъ жива. Я молилъ Господа и Пречистую Его Матерь.“

Потомъ видѣла во снѣ, что будто онъ взялъ больную, повелъ по канавкѣ, обвелъ кругомъ собора и привелъ къ

образу Умиленія Божіей Матери, вложенному въ стѣнѣ собора.

Выслушавъ сей разсказъ, больная почувствовала себя совершенно здоровою. На другой день, желая подышать свѣжимъ воздухомъ, велѣла кучеру везти себя куда нибудь, не назначая пути. Онъ повезъ ее по канавкѣ, потомъ обвезъ кругомъ собора и къ образу Божіей Матери Умиленія. Такъ исполнились слова старца Серафима, сказанныя въ сновидѣніи Смоленской инокинѣ. (Это исцѣленіе записано было рукою самой болящей подъ иконою, стоявшей на источникѣ). (Стр. 240 изд. 1893 г.).

Въ 1856 г. единственный сынъ вице-губернатора Костромской губерніи, дѣйств. стат. сов. А. А. Борз—ко, будучи восьми лѣтъ, началъ страдать спазмами въ желудкѣ. Болѣзнь эта, сначала довольно легкая, скоро превратилась въ сильную съ припадками. Спустя нѣсколько времени спазмы прекратились, замѣнясь тоскою, такъ что дитя, совершенно веселое и здоровое, вдругъ дѣлалось скучнымъ. Тоска усиливалась постоянно и припадокъ оканчивался слезами, а не рѣдко и появленіемъ пѣны изо-рта. Наконецъ явились спазмы въ дыхательномъ горлѣ. Припадки болѣзни обнаруживались въ день разъ по пяти, а ночью дитя спало спокойно, только въ послѣдній періодъ болѣзни припадки стали появляться и ночью. Медицинскія пособія мало приносили пользы и родители опасались уже лишиться своего сына, и только упованіе на милость Божію сохраняло въ нихъ еще нѣкоторую надежду. Въ это время, хорошо знакомая сему семейству рясофорная монахиня Костромскаго женскаго монастыря С. Д. Дав—ва, нынѣшняя игуменья той обители, отправляясь посѣтить нѣкоторые монастыри русскіе, подарила матери больнаго дитяти описаніе жизни и подвиговъ отца Серафима Саровскаго. Родители часто читали вмѣстѣ эту книгу, дивясь подвигамъ старца и дѣйствіямъ благодати Божіей, въ немъ открывшимся. Была половина сентября, а болѣзнь дитяти, начавшаяся въ іюлѣ, все продолжалась. Въ одну ночь ребенокъ видитъ во снѣ Спасителя въ красной одеждѣ, окруженнаго Ангелами, Который говорилъ ему: „ты будешь здоровъ, если исполнишь

то, что тебѣ приказано будетъ старцемъ, который къ тебѣ придетъ". Когда это видѣніе кончилось, явился старецъ и, назвавъ себя *Серафимомъ*, сказалъ дитяти: „если желаешь быть здоровымъ, возьми воды изъ источника, находящагося въ Саровскомъ лѣсу и называемаго Серафимовымъ источникомъ, и три дня утромъ и вечеромъ водою этою омывай себѣ голову, грудь, руки и ноги и пей ее". Этотъ сонъ ребенокъ разсказалъ нянѣ, которая передала родителямъ, передъ которыми и самъ онъ повторилъ свой разсказъ. Возблагодаривъ Бога за милость Его, родители недоумѣвали, какъ достать воды и предались волѣ Божіей, надѣясь, что Господь укажетъ имъ способы къ сему. На утро больной ребенокъ разсказалъ другой сонъ. Къ нему явилась Божія Матерь, окруженная Ангелами, и съ любовію приказывала исполнить непремѣнно то, что совѣтовалъ о. Серафимъ. Это второе видѣніе еще болѣе удостовѣрило родителей въ заступничествѣ отца Серафима и милосердіи Божіемъ къ больному. Тогда какъ они разсуждали о томъ, какъ достать воды, приносятъ записку отъ С. Д. Дав—вой, которая извѣщала мать больнаго о своемъ возвращеніи изъ путешествія. Первою мыслію родителей было просить Д—ву научить ихъ, какъ достать изъ Сарова воду изъ источника Серафима. Въ отвѣтъ на эту просьбу она прислала бутылку воды, почерпнутой въ источникѣ о. Серафима. Видя въ семъ особую милость Божію, возблагодаривъ Бога, начали употреблять воду по наставленію, данному во снѣ. Дитя, постепенно оправляясь, совершенно выздоровѣло. Тогда же родители, если не за себя, то за сына дали обѣтъ непремѣнно быть въ Саровѣ и помолиться на гробѣ отца Серафима. Обстоятельства службы и семейныя только въ 1860 г. іюля 14-го дали возможность г. В—ко вмѣстѣ съ сыномъ исполнить свое обѣщаніе—быть въ Саровѣ. И тогда онъ собственноручною запискою объявилъ настоятелю Саровской обители о исцѣленіи своего сына, по предстательству блаженнаго старца Серафима. (Стр. 242 изд. 1893 г.).

Тамбовской губерніи, Шацкаго уѣзда, помѣщикъ полковникъ В. А. Пан—въ страдалъ постоянно головною болью. Въ 1857 г. пріѣхалъ онъ къ 15 августа въ Саровъ, въ са-

мый праздникъ Успенія Пресвятыя Богородицы. Отстоявъ въ больничной церкви раннюю обѣдню, онъ пожелалъ до поздней сходить на источникъ отца Серафима. Но мысль, что жена будетъ дожидаться на гостинницѣ съ чаемъ, смущала его, и онъ уже направилъ шаги свои къ гостинницѣ, но вдругъ, самъ не зная какъ, очутился по дорогѣ къ источнику. Пришедши туда, онъ все боялся облить водою больную свою голову, чувствуя въ ней шумъ и ломоту, а утро было холодное, сырое и шелъ маленькій дождь. Здѣсь невидимая рука Божія устроила его исцѣленіе чудеснымъ образомъ. Нечаянно ноги его поскользнулись на мокрой глинѣ, и онъ упалъ у источника прямо головою подъ жолобъ: невольно облитъ онъ былъ весь цѣлительною водою. Не боясь болѣе простуды, больной, поднявшись на ноги, самъ нѣсколько разъ еще обливалъ голову и не чувствовалъ ни малѣйшей боли.

Когда полковникъ П—въ возвращался въ монастырь, съ нимъ встрѣтился крестьянинъ, который повѣдалъ, въ свою очередь, слѣдующее о своемъ исцѣленіи: „вотъ меня сегодня исцѣлилъ батюшка Серафимъ! У меня болѣла рука, распухла, рдѣлась и не поднималась, я и пришелъ въ Саровъ съ этою болѣзнію. Сегодня помочилъ ее два раза водою изъ источника и рука совершенно стала здорова.“ Пришедши на гостинницу полковникъ разсказывалъ всѣмъ объ этихъ двухъ исцѣленіяхъ (стр. 243, изд. 1893 г.).

1858 года сестра общины Дивѣевской Евдокія, въ среду на пятой недѣлѣ великаго поста, вмѣстѣ съ другими сестрами набивала льдомъ огромный общій ледникъ, глубиною въ три сажени. Нечаянно поскользнувшись съ доски, положенной надъ срубомъ, она упала на самое дно ледника, гдѣ было нѣсколько льду, набросаннаго острыми глыбами. Несчастная отъ сильнаго удара не испустила ни малѣйшаго стона. Прочія сестры въ это время всѣ были внѣ ледника, хлопотали около саней своихъ. Когда старшая замѣтила, что нѣтъ одной изъ нихъ, спросила: „гдѣ Евдокія?“ Никто не зналъ, что сказать. Взошедши въ ледникъ, онѣ на днѣ его, въ темнотѣ, увидѣли ее въ своей одеждѣ. Ужасъ поразилъ всѣхъ; полагали, что она уже мертвая. Двое мужчинъ, съ

помощію сестеръ, съ величайшимъ трудомъ вынули ее изъ ямы. Видя, что она жива еще, возблагодарили Господа, отнесли ее въ самую ближайшую келью, побѣжали за духовникомъ и, по благословенію настоятельницы, послали въ село Вертьяново за лекаремъ. Спустя нѣсколько часовъ, страдалица пришла въ чувство, исповѣдалась и пріобщилась св. Таинъ; жаловалась на смертельную боль въ боку и въ головѣ, на которой показалось много шишекъ. Пріѣхавшій лекарь сдѣлалъ необходимое кровопусканіе, но сказалъ, что ушибъ очень опасный. Весь бокъ разнесло опухолью: нельзя было узнать: нѣтъ ли перелома въ ребрахъ, а прикосновеніе къ нимъ повергало больную въ продолжительный обморокъ. Чрезъ четыре дня перевезли ее въ больницу, но и тамъ страдавшая вскрикивала и стонала, когда четверо едва могли взять ее, чтобы приподнять на подушки; лежала она все на одномъ правомъ боку. Спустя двѣ недѣли послѣ ушиба, въ теченіе которыхъ она почти не спала отъ боли, въ полночь на великій четвертокъ забылась она тонкимъ сномъ и видитъ, что батюшка Серафимъ, вошедши въ келію, гдѣ лежала больная, сказалъ: „я пришелъ навѣстить своихъ нищихъ; давно здѣсь не былъ“, и говоря это, подошелъ къ кровати больной. Она съ горькими слезами говоритъ ему: „батюшка, какъ у меня бокъ-то болитъ!“ Старецъ, сложивши три перста правой руки, крестилъ ея расшибленное мѣсто, говоря: „прикладываю тебѣ пластырь и обязанія“. Повторивши это три раза, онъ сталъ невидимъ. Евдокія открыла глаза — въ келіи была совершенная пустота и тишина. Она опять заснула скоро. Проснувшись въ 5 часовъ утра, увидѣла себя лежащею на больномъ боку, не чувствуя никакой боли. Припомнивъ явленіе къ ней батюшки Серафима, она говорила, что „я долго чувствовала, какъ будто пластырь лежитъ на ушибленномъ мѣстѣ“. Въ тотъ же день больная одна, безъ всякой помощи, встала съ кровати, прошла нѣсколько разъ по келіи и разсказывала всѣмъ о чудесномъ своемъ исцѣленіи, исповѣдалась и пріобщилась св. Таинъ, укрѣпляясь духомъ и тѣломъ за молитвы старца Серафима (стр. 244, изд. 1893 г.).

Рязанской губерніи и уѣзда крестьянская молодая женщина Ольга И. получила припадки мучительной болѣзни, которая сопровождалась икотою, зѣвотою, омраченіемъ зрѣнія и изступленіемъ. Она терзала себя, кричала, показывала неестественную силу и рвала въ лоскутья свою одежду. Страданія ея продолжались 8 лѣтъ. Въ 1858 году, съ тремя странницами, она пошла въ Саровъ и Дивѣево; дорогою чувствовала иногда припадки, но могла еще идти. По мѣрѣ приближенія къ Сарову, припадки ея усиливались, а увидавъ его, она легла на дорогѣ и рѣшительно не хотѣла идти далѣе. Съ большимъ усиліемъ привели страждущую въ Саровъ. Послѣ молебна Царицѣ Небесной и панихиды по отцѣ Серафимѣ отправилась она съ спутницами своими на его источникъ. Здѣсь припадокъ былъ необыкновенно сильный; она кричала: „что ты меня душишь! Я силенъ, что ты меня вяжешь? Я выйду, выйду!“ Ее ударяло нѣсколько разъ замертво о землю, часа два она была слѣпою и нѣмою. Наконецъ злой духъ закричалъ: „три вышло, одинъ остался.“ Спустя сутки, она пріобщилась въ Саровѣ св. Таинъ и отправилась въ Дивѣево. Не доходя же за полверсты до монастыря, она упала на землю. Нѣсколько разъ на дорогѣ перевертывало ее какъ колесо; съ большимъ усиліемъ довели больную къ вечеру до гостинницы; всю ночь больная провела въ безпокойствѣ и убѣжала бы, если бы ее не держали. Утромъ, не сказывая куда, повели ее въ церковь Преображенія Господня, гдѣ пустынька преподобнаго отца Серафима обращена въ св. алтарь и хранится вся его одежда. Неестественная сила противилась силѣ нѣсколькихъ человѣкъ, когда тащили ее въ церковь. Злой духъ кричалъ: „выйду, выйду, буду молчать“. Съ распростертыми руками, ногами и раздувшейся шеей и животомъ потащили ее къ камню Серафимову. Положивъ на него больную, накрыли ее мантіей, возложили на нее эпитрахиль старца: больная сильно кричала и послѣ того, какъ на руки надѣли ей рукавички отца Серафима, она сдѣлалась какъ бы мертвая. Мало по малу шея, животъ и всѣ члены начали приходить въ естественное положеніе; пробывъ безъ чувствъ часа полтора, больная совершенно пришла въ себя,

молилась со слезами, благодарила Господа и угодника Его за свое исцѣленіе, но была слаба, не могла говорить много, а все разсказываемое о ней спутницами подтверждала, подтверждала и то, что ей никогда не было такъ легко и покойно, какъ теперь. Настоятельница общины благословила ее на дорогу портретомъ отца Серафима и частичкой отъ его камня. На другой день, отстоявши обѣдню, молебенъ и панихиду, она отправилась въ Москву и доселѣ пребываетъ здоровою (стр. 245—46, изд. 1893 г.).

Города Пензы, мѣщанская жена Евдокія Очкина разсказывала слѣдующее: „въ 1843 году, ходила я въ саду съ трехлѣтнею дочерью моею Елисаветой; не знаю какъ къ бахромѣ моего платья присталъ репей. При снятіи его, вѣроятно, соринка отлетѣла и попала въ глаза дѣвочки. Елисавета моя вдругъ вскрикнула и, закрывъ оба глаза, стала плакать, проливая потоки слезъ. Я призывала старушекъ осмотрѣть, что съ нею; онѣ искали соръ языкомъ, выворачивали глаза на кольцо, но дочь моя окончательно лишилась зрѣнія. Прошелъ годъ; въ Пензу пріѣхалъ изъ Петербурга докторъ; я носила къ нему слѣпую, но ея глазъ невозможно было и ему разсмотрѣть: никакія средства не помогли ему открыть сжатыхъ и какъ бы сросшихся вѣкъ. Докторъ отказался отъ помощи. Еще годъ спустя, ослѣпшая дочь моя сидѣла около меня на полу; я положила ей на колѣни игрушекъ: она ощупью перебирала ихъ. Я плакала, глядя на нее, и говорила мысленно: „отецъ Серафимъ! помолись Господу, чтобъ открылись глаза слѣпой моей дочери; я къ тебѣ въ Саровъ пойду пѣшкомъ.“ Въ эту самую минуту она вспрыгнула на ноги и бѣгомъ побѣжала по комнатѣ. Съ тѣхъ поръ она стала видѣть, какъ и прежде; но, проживши около двухъ лѣтъ, скончалась; я же грѣшная совсѣмъ забыла о данномъ мною обѣщаніи на счетъ путешествія въ Саровъ и за это была вторично наказана. Другая дочь моя, Марія, будучи тоже трехъ лѣтъ, сильно заболѣла глазами; примочки и лекарства не помогали ей, тутъ-то и вспомнила, что обѣщалась идти въ Саровъ. Не мѣшкая ни мало, я отправилась въ путь и въ тотъ же самый день, какъ служила панихиду по батюшкѣ Серафимѣ, малютка

моя исцѣлилась. Только на одномъ глазу остался знакъ—не то, чтобы бѣльмо, но маленькое пятнышко, которое, впрочемъ, не мѣшаетъ ей видѣть, какъ бы въ память того, что мать забвеніемъ обѣщанія прогнѣвала человѣка Божія. Въ 1858 году она была въ Дивѣевѣ со своею 15-ти лѣтнею дочерью Маріею и все написанное разсказала сама (стр. 246, изд. 1893 г.).

Въ 1859 г. жена почтмейстера города Темникова, получивъ изъ Сарова портретъ старца Серафима, писанный на осколкѣ отъ камня, на которомъ старецъ стоялъ и молился, хотѣла послать его въ подарокъ своему благодѣтелю въ Тамбовъ. Съ этою мыслію, забывшись сномъ, она видитъ старца Серафима, который, строго взглянувъ на нее, сказалъ: „почему же ты не хочешь сама имѣть мой портретъ,“ и съ этими словами ударилъ ее по плечу. Проснувшись отъ сего, она почувствовала трясеніе во всемъ тѣлѣ; плечо, по которому сдѣланъ ударъ, и рука совершенно оцѣпенѣли, какъ бы разбитыя параличемъ. Она немедленно отправилась въ Саровъ, отслужила панихиду, съ усердіемъ молилась на могилѣ о. Серафима и тутъ же получила совершенное исцѣленіе отъ своей болѣзни (стр. 247, изд. 1893 г.).

Г-жа Ал—ва, будучи беременна, весьма боялась приближенія времени родить, такъ-какъ роды всегда были особенно тяжелы для нея и опасны. Въ это время зашелъ къ нимъ въ домъ странникъ, у котораго было описаніе жизни старца Серафима. Прочитавъ эту книгу, г-жа А. послѣ молитвы къ Господу Богу, положила свое упованіе на блаженнаго старца Серафима и просила его помощи. Послѣ этого она почувствовала себя гораздо лучше; всякій страхъ прошелъ уже, было что-то радостное на душѣ. Наступило время родовъ. Безъ всякой помощи отъ людей, призывая на помощь только Богоматерь и старца Серафима, А—ва родила безъ прежнихъ страданій сына, котораго назвала *Серафимомъ*. (Собственноручное письмо г-жи Алт—вой къ настоятелю Саровской обители). (Тамъ-же).

Блаженная старица Христа ради юродивая
Пелагея Ивановна Серебреникова.

ГЛАВА XXII.

Блаженная Пелагія Ивановна Серебренникова—въ Дивѣевѣ. (Жизнеописаніе. Тверь, 1891 г.).

Всѣ страданія, которыя переносила Пелагія Ивановна въ Арзамасѣ, приготовляли ее къ переходу въ Дивѣево, куда предназначилъ ее прозорливый о. Серафимъ, при первомъ еще свиданіи съ нею. „Иди, матушка, иди немедля въ мою обитель," сказалъ старецъ, „побереги моихъ сиротъ-то; и будешь свѣтъ міру; и многія тобою спасутся!" Много препятствій нужно было преодолѣть ей; много скорбей и истязаній нужно было претерпѣть страдалицѣ, чтобы наконецъ сами родные убѣдились въ томъ, что ее надо отпустить въ Дивѣево, гдѣ ей предназначено было просіять своими необычайными подвигами. Мать хлопотала о томъ, какъ-бы ее сбыть съ рукъ; даже предлагала за то деньги и говорила: „намаялась я съ нею—съ дурою." Но Пелагія Ивановна отказывалась идти въ предлагаемые монастыри и только твердила одно: „я Дивѣевская, я Серафимова и никуда не пойду." И слова ея исполнились. (Жизнеописаніе г. Тверь, 1891 г.). Въ 1837-мъ году сестра Ульяна Григорьевна, дивная старица, опытная въ духовной жизни и прозорливая, любвеобильная и страннопріимная, по какому-то дѣлу отправилась въ Арзамасъ съ двумя послушницами. Когда онѣ ѣхали городомъ,—вдругъ откуда ни возьмись бѣжитъ къ нимъ Пелагія Ивановна, влѣзаетъ въ ихъ повозку и зоветъ ихъ къ себѣ. „Поѣдемъ-те къ намъ чай пить. Отецъ-то хоть и неродной мнѣ и не любитъ меня, да онъ богатъ, у него довольно всего; поѣдемъ-те." Прибыли по

ея зову Дивѣевскія, и разсказали все домашнимъ. Ульяна Григорьевна, имѣвшая даръ прозорливости, сказала матери: „вы-бы отдали ее къ намъ; что ей здѣсь юродствовать-то?“ Возрадовалась, услышавши это, Прасковья Ивановна.—Да я бы рада-радехонька, если-бъ вы ее взяли, и если-бъ пошла она,—отвѣчала мать. Вѣдь намъ-то,—видитъ вотъ Царица небесная, — какъ надоѣла она; просто — бѣда. Возьмите, Христа ради; вамъ за нее мы еще и денегъ дадимъ.“

Ульяна Григорьевна обратилась ласково и къ самой Пелагіѣ Ивановнѣ: „полно тебѣ здѣсь безумствовать-то; пойдемъ къ намъ въ Дивѣево, такъ Богу угодно.“

Будто равнодушно все это слушала безумная и вдругъ при послѣднихъ словахъ Ульяны Григорьевны вскочила, какъ умница поклонилась ей въ ноги и сказала: „возьмите меня, матушка, подъ ваше покровительство.“ Всѣ изумились ея рѣчамъ; одинъ только деверь злобно усмѣхнулся и сказалъ: „а вы и повѣрили ей. Вишь какая умница стала! Какъ-бы не такъ! Будетъ она у васъ въ Дивѣевѣ жить? Убѣжитъ, и опять станетъ шататься.“ И еще болѣе удивились всѣ, когда на эти столь не добрыя рѣчи деверя своего, Пелагія Ивановна пресмиренно поклонилась и ему въ ноги, и совершенно здраво и разумно отвѣтила: „прости Христа ради меня; ужъ до гроба къ вамъ не приду я болѣе.“ Воистину пришло опредѣленное Богомъ время поступить Пелагіѣ Ивановнѣ въ Дивѣевскую общину, потому что и Ульяна Григорьевна пригласила ее въ Дивѣево единственно любви только Христовой ради, и сжалившись надъ несчастною страдалицею; да и сама страдалица безъ всякаго сопротивленія, съ полною охотою оставила кровъ родной матери своей и съ радостію отправилась въ Дивѣево. Полученныя за Пелагію Ивановну деньги 500 р., какъ взносъ въ обитель, Ульяна Григорьевна, тотчасъ по пріѣздѣ своемъ передала распоряжавшемуся тогда всѣмъ послушнику Ивану Тихонову.

Пелагія Ивановна еще по дорогѣ въ Дивѣево и при вступленіи въ обитель успѣла уже надѣлать по своему юродству множество несообразныхъ выходокъ, которыя поразили

келейницъ начальницы Ксеніи Михайловны. „Какую-то вовсе дуру привезли къ намъ,“ говорили онѣ.

— Знать, это дочь купчихи Прасковьи Ивановны Королевой, отвѣчала Ксенія Михайловна; она, бѣдная, вовсе изъ ума выжила.

Между тѣмъ Пелагія Ивановна взошла съ келейницами къ настоятельницѣ и, увидѣвъ простосердечную, молодую еще дѣвицу изъ села Кременокъ Ардатовскаго уѣзда, по имени Анну Герасимовну, стала предъ нею на колѣни, поклонилась до земли, и, воздѣвши руки свои, воскликнула: „Венедиктъ, Венедиктъ! Послужи мнѣ, Христа ради.“ Услышавши эти слова, матушка Ксенія Михайловна весьма растревожилась. „Вотъ такъ хорошо, — говорила она, — не успѣла еще носа показать, да ужъ и послушницу давай ей; вишь какая! Ты вотъ сама послужи сперва, а не то, чтобъ тебѣ еще служили.“ Молодая же дѣвушка, которой блаженная такъ усердно кланялась, подошла къ ней, и жалѣя ее бѣдную, погладила ее по головѣ; и видитъ, что голова-то у ней вся проломана, въ крови и кишатъ въ ней насѣкомыя. И такъ ей стало жаль ея; но сказать ничего не посмѣла. Этой-то сострадательной и простосердечной дѣвицѣ Аннѣ Герасимовнѣ Господь привелъ послужить впослѣдствіи во все пребываніе Пелагіи Ивановны въ Дивѣевѣ,—въ теченіе 45 лѣтъ, съ усердіемъ и преданностію подвижницѣ Божіей.

И зажила „безумная *Палага*“, какъ называли ее многіе въ Дивѣевѣ,—но не радостною жизнію... Приставили къ ней сначала молодую, но до крайности суровую и бойкую дѣвушку, Матрену Васильевну, впослѣдствіи монахиню Макрину, извѣстную своею строгостію и суровостію... Такъ она била ее, что смотрѣть нельзя было безъ жалости. А Пелагія Ивановна не только не жаловалась на это, но радовалась такой жизни. Она сама какъ бы вызывала всѣхъ въ общинѣ на оскорбленія и побои себѣ; ибо по прежнему безумствовала, бѣгала по монастырю, бросая камни, била стекла въ кельяхъ, колотилась головой своей и руками объ стѣны монастырскихъ построекъ. Въ кельѣ своей бывала рѣдко, а большую часть дня проводила на монастырскомъ

дворѣ, сидѣла или въ ямѣ, выкопанной ею же самою и наполненной всякимъ навозомъ, который она носила всегда въ пазухѣ своего платья или же въ сторожкѣ въ углу, гдѣ и занималась Іисусовой молитвою. Всегда лѣтомъ и зимою ходила босикомъ, становилась нарочно ногами на гвозди и прокалывала ихъ на сквозь, и всячески старалась истязать свое тѣло. Въ трапезу монастырскую не ходила никогда; питалась только хлѣбомъ и водою, да и того иногда не было. Случалось, что когда вечеромъ проголодается и пойдетъ нарочно по келіямъ тѣхъ сестеръ, которыя не были расположены къ ней, просить хлѣба, то вмѣсто хлѣба давали ей толчки и пинки, и выгоняли вонъ отъ себя. Возвращалась домой, а тутъ Матрена Васильевна встрѣчала ее побоями.

Когда, по кончинѣ матушки Ксеніи Михайловны, заступила мѣсто начальницы родная дочь ея кроткая, и словно младенецъ, простосердечная старица Божія Ирина Прокопьевна Кочеулова, тогда нѣкоторыя изъ сестеръ, уважавшихъ Пелагію Ивановну, стали говорить ей: „что это, матушка, возъимѣйте жалость, смотрѣть больно, какъ бьетъ Матрена-то Пелагію Ивановну; вѣдь собака—скотъ и ту жаль, а она хоть и дура, все же человѣкъ-то есть.“ И добрѣйшая матушка Ирина Прокопьевна взяла отъ Пелагіи Ивановны Матрену Васильевну и приставила къ ней другую молодую дѣвушку Варвару Ивановну; но не полюбилась эта дѣвушка блаженной. И стала Пелагія Ивановна сама уже бить ее, и всячески старалась отъ нея отдѣлаться, прогоняла ее и говорила ей въ глаза: „не люблю тебя, дѣвка, какъ ты ни служи мнѣ, лучше уйди отъ меня.“ Пробовали—пробовали и съ общаго наконецъ совѣта, сжалившись надъ безумною, порѣшили тѣмъ, что матушка Ирина Прокопьевна приказала келейницѣ своей привести къ ней для услуженія ту самую крестьянку Анну Герасимовну, которая тотчасъ по пріѣздѣ въ Дивѣево такъ возлюбила Пелагію Ивановну, что тогда же сердечно желала остаться при ней въ услуженіи, Христа ради.

Лишь только взошла съ матушкинаго благословенія Анна Герасимовна къ Пелагіи Ивановнѣ, она, будучи весьма сильною и мужественною, вскочила, схватила ее, какъ ма-

ленькаго ребенка въ охапку, поставила въ передній уголъ на лавку, поклонилась въ землю, и сказала: „отецъ Венедиктъ, послужи мнѣ Господа ради; а я тебѣ во всемъ послушна буду, все равно, какъ отцу."

И поселились онѣ всѣ три вмѣстѣ: Уліяна Григорьевна, Пелагія Ивановна и Анна Герасимовна въ кельѣ, которая по благословенію старца Серафима, построена была изъ Саровскаго лѣса на собственный счетъ Уліяны Григорьевны.

Анна Герасимовна, служившая Пелагіи Ивановны во всю ея жизнь въ Дивѣевѣ, оставила для насъ весьма подробное повѣствованіе о подвигахъ Пелагіи Ивановнѣ. Повѣствованіе это при всей подробности дышетъ такою искренностію, и задушевностію, такою простотою и безъискуственностію, и такъ прекрасно изображаетъ свѣтлую и великую личность подвижницы, что лѣтопись требуетъ помѣстить это повѣствованіе почти во всей его полнотѣ.

„Эхъ, матушка! Да кто же это зналъ, что все это объ ней занадобится;" такъ начинаетъ свое повѣствованіе Анна Герасимовна, „пріѣхала она *дурою*, и сама себя называла не иначе, какъ *безумною*, да *дурою*. И въ послѣдній разъ, когда къ намъ принесли Царицу небесную Оранскую, и поднесли ей приложиться, она говорила: „Царица небесная, ты вѣдь знаешь, что я—дура"; и приложилась. Такъ-то она сама себя величала; а о прочихъ и говорить нечего. Многія сестры уважали и почитали ее; а другія не только не ходили къ ней, но еще ругали ее всячески: „и безумная-то она баба; и бѣсъ-то въ ней прозорливый сидитъ",— и другими позорными словами.

„И чего-чего только не было? Всего и не припомнишь. Скажу только одно: много прожила я съ ней; много пережила,—много натерпѣлась; а теперь когда ея,—моей голубушки, уже нѣтъ, рада бы хоть взглянуть только на нее, а не то, что послушать ее; да гдѣ-жъ ее взять-то. А вѣдь все это она предвидѣла и предсказывала. Разъ не задолго до смерти своей, когда я, видя, что она все говоритъ, все говоритъ,—такъ вотъ и сыплетъ, разропталась на нее, да и говорю: „и въ правду ты—блаженная, ну что это ты все говоришь безъ умолку. Какъ это тебѣ не надоѣстъ? И какъ

не устанешь ты?“ — „Погоди, — говоритъ, батюшка (такъ всегда она звала меня), погоди, придетъ время, и сама рада будешь поговорить, да не съ кѣмъ будетъ?“ Вотъ и вправду пришло это время. Тоска на меня нападаетъ страшная; рада бы я хоть увидать бы только ее, а не то, что поговорить съ нею, — да вотъ ея уже нѣтъ.

„Да! странный она была человѣкъ и непонятный; мудрена-то, мудрена, — что и говорить! А я, хоть и долго жила съ нею, да что я? Я — неумѣлый, простой человѣкъ; гдѣ-жъ мнѣ было ее понимать? Что, бывало, вижу и пойму иной разъ, такъ страха одного ради, какъ ее, мою голубушку, судятъ, — все болѣе молчу. Много, много было всего прожито. А что знаю и упомню, — какъ лишь смогу да съумѣю, не взыщите, — все разскажу; а вы уже, — какъ вамъ Богъ велитъ, такъ и разсудите.

„Малое время пробыла она до меня въ общинѣ; и ровно 45 лѣтъ жила со мною.“

Ульяна Григорьевна имѣла, — какъ сказано было выше, — свою собственную келью, построенную по благословенію старца Серафима, изъ Саровскаго лѣса. Постройка эта совершилась вотъ по какому поводу: „Ульяна Григорьевна, — говоритъ Анна Герасимовна, — страсть какъ не любила Ивана Тихоновича и когда ухитрился онъ, хоть и насильственно учинить соединеніе у насъ двухъ обителей, матушки то Александры, да Мельничихи-то батюшки Серафима*), да какъ сталъ всѣмъ самовольно распоряжаться **), она и говоритъ: „что это? Не могу говоритъ, и не хочу этого терпѣть. Куплю, — говоритъ, себѣ мѣсто, и поставлю свою келью, чтобъ мнѣ никто не препятствовалъ. Пелагію Ивановну къ себѣ возьму; пусть живетъ; никто насъ тогда не

*) Матушка Александра (въ мірѣ Агаѳія Семеновна Мельгунова) была первою настоятельницей Дивѣевской общины, поставленная самимъ старцемъ Серафимомъ. *Мельничиха* — Гликерія поставленная въ настоятельницы Понетаевской общины по интригамъ Ивана Тихонова, не любимая въ Дивѣевѣ.

**) О самовольствѣ Ивана Тихонова и о другихъ его дурныхъ качествахъ см. письмо митр. Моск. Филарета къ высокопреосвящ. Исидору митр. С.-Петербургскому. Письма Филарета къ Высоч. особамъ стр. 25.

тронетъ; она защититъ насъ.“ И поставила она этотъ вотъ корпусъ, и стали мы въ немъ жить. Старинная-то Серафимовская келья теперь вотъ ужъ она одна только осталась у насъ въ обители. И Пелагія Ивановна точно защитила насъ. Вотъ разъ,—какъ сейчасъ помню,—послѣ бывшаго у насъ пожара, слышу я, что Иванъ Тихоновичъ въ корпусѣ рядомъ съ нами ходитъ, и у всѣхъ самовары отбираетъ да посуду бьетъ; и говорю: „вотъ Иванъ-то Тихоновичъ, слышь, все у всѣхъ колотитъ;—что и къ намъ за тѣмъ же придетъ.“ А Пелагія-то Ивановна сидитъ это на полу у печки, да и говоритъ: „а ты, батюшка, сиди-ка себѣ, да сиди; я его не боюсь, не смѣетъ; я *старичку*-то (такъ звала она всегда старца Серафима) поближе его; земля-то у меня своя да и корпусъ-то свой.“ Встала и ушла на лежанку. Какъ разъ и входятъ матушка и Екатерина Васильевна Ладыженская, за ними Иванъ Тихоновичъ, и ужъ было бы дѣло, да Пелагія-то Ивановна, пріотворивши дверь изъ чулана и говоритъ ему: „борода-то у тебя лишь велика; а ума-то вовсе нѣтъ; хуже ты бабы.“ Онъ такъ и засѣменилъ; весь растерялся. „Что это, что это, ты, раба Божья?!“ говоритъ. Больше ничего сказать-то и не посмѣлъ; ни чего не тронулъ, съ тѣмъ и ушолъ. И послѣ ужъ къ намъ не только никогда не ходилъ, а даже всегда Пелагію-то Ивановну обѣгалъ и боялся.

„Ужъ и любила же она за то Ульяну Григорьевну, и всегда чтила память ея.

„Разъ собралось много гостей къ Ульянѣ Григорьевнѣ; батюшки Василья дѣти и еще нѣкоторые. Пелагія-то Ивановна сидѣла-сидѣла; да и говоритъ: „чтожь? И у меня есть своя гостья; пойду, ее приведу.“ Встала и ушла. Смотримъ: идетъ и несетъ на рукахъ прехорошенькую черненькую собачку какую-то барскую. „Вотъ, говоритъ,—бабенька (такъ звала она Ульяну Григорьевну) тебѣ и моя гостья; она тоже кушать хочетъ; дай ей кусочекъ.“ И сѣла; а собачку-то на колѣни себѣ положила. Я такъ и залилась отъ смѣха; а Ульяна-то Григорьевна сердится. Пелагія-то Ивановна ей и говоритъ: „бабенька, а бабенька, ты не сердись; вѣдь и ей кушать хочется; не жалѣй; дай ей ку-

сочекъ-то? Я вотъ и говорю Полѣ-то: *) дай, говорю—собачкѣ-то кусочекъ; чтожъ не дать!“ Накормила собачку; и какъ накушалась, тутъ же она и пустила ее.—Что ужъ это значило, Богъ вѣсть; а что какая-нибудь въ этомъ притча была, я знаю; потому что этакой собачки и поискавши-то, тутъ взять было негдѣ. Да и безъ притчи, зря, такъ себѣ, ни когда и ни чего она не дѣлала. Ульяна Григорьевна всегда была такъ гостепріимна, страннопріимна да нищелюбива, что, бывало, никого-то не пропуститъ; и всякъ къ ней идетъ; и всякаго-то она привѣтитъ, и накормитъ, и напоитъ, такъ что все, что имѣла, въ это прожила; а умерла, такъ и похоронить почти было не чѣмъ.

„Разъ умерла у насъ одна сестра въ больницѣ; звали ее Агаѳьей Лаврентьевной. Ей еще батюшка Серафимъ такъ предсказалъ при жизни, когда она здорова и молода была: „Тебя матушка, на тотъ свѣтъ проводитъ апостолъ Петръ.“ Ужъ три года лежала она въ болѣзни; языкъ совсѣмъ отнялся; только, бывало, лепечетъ одно слово: „лѣта да лѣта.“ Намаялась; ну, и въ правду скончалась она въ одинъ часъ съ нашимъ священникомъ отцомъ Петромъ. И исполнилось батюшкино предсказаніе ей, что апостолъ Петръ проводитъ ее въ царство-то небесное. Вотъ когда хоронили ее, сестры смотрятъ, какъ ее понесли, да и говорятъ: „хорошо ей тамъ будетъ; настрадалась раба Божія.“ А Пелагія Ивановна, случившаяся тутъ, сдѣлала точно зонтикъ рукою-то надъ головою отъ солнца, поглядѣла вверхъ на небо, да и говоритъ: „раба-то Божія раба Божія, да не доспѣла того мѣста, какъ моя-то Ульяна.“

„Скончалась Ульяна Григорьевна въ день моихъ имянинъ въ день памяти Симеона и Анны. Вотъ, какъ бывало придутъ мои имянины-то, Аѳанасія Назарова **) на чай-то и позоветъ, и пирожекъ испечетъ. Я и начну тревожиться и роптать. „Вотъ,—говорю,—еще что выдумали? Имянины справлять? Къ чему это?“— А Пелагія-то Ивановна погро-

*) Поля—Пелагія Гавриловна была послушницей при Аннѣ Герасимовнѣ.

**) Аѳанасія Назарова (въ мірѣ Аграфена Николаевна) пребываетъ до нынѣ въ обители Дивѣевой.

зить, бывало,—и говоритъ: „Смотри, батюшка; ты у меня память бабушкину всегда твори. Никто кромѣ ея меня не взялъ, дуру.“ И очень, очень всегда любила и чтила она ее.

Первыя-то десять лѣтъ, если не болѣе, возилась она съ каменьями. Возьметъ это платокъ, салфетку или тряпку, всю-то наложитъ пребольшущими каменьями до верху; и знай таскаетъ съ мѣста на мѣсто; полную-то келью натаскаетъ ихъ; сору-то сору,—и не оберешься. Ужъ и бранилась-то я съ нею; и всячески старалась отучить ее отъ этого; не тутъ-то было; таскаетъ да таскаетъ. Бывало, себя-то самое въ кровь изобьетъ, даже жалость глядѣть. И чудное дѣло,—скажу вамъ; чего—то чего только съ этими съ каменьями она, бывало, не продѣлывала.

„Рядомъ съ нами послѣ пожара обители остались, и теперь еще видны, пребольшущія ямы, какъ всегда послѣ постройки бываетъ,—да отъ печей обгорѣлые кирпичи коегдѣ, не убранные въ грудахъ лежали. Вода лѣтомъ стояла въ этихъ ямахъ. Моя-то умница и добралась до нихъ. Что это, гляжу, какъ ни приду домой отъ службы, вся-то придетъ тина-тиной, грязная да мокрая. Допрашиваю, бранюсь; молчитъ. Погоди,—думаю; надо смотрѣть, гдѣ это она купается. Встала я это разъ, къ утренѣ собираюсь; она и не шелохнется; какъ будто и не думаетъ никуда идти; только глядитъ на меня. Вышла я и пошла будто въ церковь, а сама притаилась къ сторонкѣ. Дай, думаю, погляжу, что будетъ. Вотъ выждавъ не много, вижу: бѣжитъ такъ-то скорехонько; торопится; и прямехонько къ этимъ ямамъ. Наберетъ этого кирпича охапку,—грудищу цѣлую; станетъ на самомъ краю ямы, да изъ подола-то и кидаетъ по одному кирпичу изовсей, что есть, мочи въ яму, въ самую-то воду. Бултыхнется кирпичъ: да съ головы до ногъ всю ее и окатитъ; а она не шелохнется; стоитъ, какъ вкопанная; будто и впрямь какое важное дѣло дѣлаетъ. Повыкидавши собранные кирпичи, полѣзетъ въ самую-то воду чуть не попоясъ, выбираетъ ихъ оттуда. Выбравши вылѣзетъ; и опять ставши на краю, начинаетъ туже продѣлку. И такъ-то и дѣлаетъ все время службы въ церкви. Впрямь, — думаю себѣ,—дура; да разъ и говорю ей: „что это ты дѣлаешь?

И какъ тебѣ нестыдно! То съ каменьями возжалась; всю келью завозила; а теперь еще съ кирпичами связалась, да купаешься. Ты поглядика-сь на себя; вѣдь мокрехонька. Не наготовишься подола-то замывать.

— Я, — говоритъ, батюшка, на работу тоже хожу; нельзя,—говоритъ, надо работать, тоже работаю.

— Охъ, говорю, ужъ и работа! Ничего-то не дѣлаешь; что ужъ это за работа?!

„Она это установясь, прямо—прямо глядитъ на меня. Какъ,—говоритъ,—не работаю, ничего не дѣлаю? А камни-то. Нѣтъ, говоритъ, батюшка; вѣдь это я тоже свою работу дѣлаю.

„Э—эхъ! да, бывало, развѣ съ нею сговоришь? Ну вотъ такъ-то, бывало, всякую службу и отработываетъ себѣ. И многое множество лѣтъ работала она этакъ.

„Вотъ, когда ужъ она старѣть стала, — помню какъ сейчасъ,—иду я въ Благовѣщенье къ вечернѣ, гляжу: поднимается и она, и говоритъ: „Господи, вотъ ужъ и моченьки нѣтъ;“ — вздохнула; а слезы-то слезы у ней крупныя такъ и катятся по щекамъ. И такъ-то мнѣ ее, голубушку мою, жаль стало.

— Ну вотъ, полно ужъ, не ходи,—сказала я;—я пойду; никто тебя не неволитъ; лежи, да и все.

— Эхъ,—говоритъ,—батюшка; вѣдь ты ничего не знаешь; коли вѣдь ужъ взялась, такъ и возись. Надо, надо работать.

„И пошла бѣдная опять съ каменьями возиться; потому что ямы-то такъ и остались незарытыми; а кирпичи-то, за недосугомъ многихъ дѣлъ поважнѣе, не прибраны были. Да пожалуй и еще болѣе продолжалась бы эта ея работа, не взирая ни на старость ея, ни на немощь ея, если-бы жалѣя ея не упросила я свести эти кирпичи. Ну, какъ отвезла, такъ и перестала.

„И диковинное,—скажу вамъ,—дѣло! Бывало въ воду сама лѣзетъ за этими кирпичами; и вся-то съ головы до ногъ мокрехонька сдѣлается, и воды нисколько не боялась; а какъ стара-то стала, и бросила свою-то работу; то такъ стала бояться воды, что, бывало, нечаянно чуть обрызнешь

ее, она—моя голубушка, такъ и всполошится;—такъ вся и встрепенется;—отъ того, полагаю я по своему разуму-то глупому, что ужъ больно она доняла себя, столько лѣтъ водою-то окачиваясь. Господь вѣсть.

„А то придумала она еще и палками свою-то работу работать. Наберетъ это бывало большущее бремя палокъ, и колотитъ ими о землю изовсей-то мочи, пока всѣ ихъ не перебьетъ; да и себя-то всю въ кровь не разобьетъ.

„И чего только она не выдѣлывала? И ничего-то ей бывало не дѣлается, какъ вотъ прочимъ людямъ. Отпала у насъ однажды изгородная доска отъ прясла, да вверхъ и торчитъ большущимъ гвоздемъ. „Ахъ, грѣхъ какой! Не наткнулся-бы кто,—говорю; хотѣла убирать. А Пелагія Ивановна ужъ наскочила на нее; и что было мочи, босою-то ногою какъ ударитъ на гвоздь, такъ на сквозь ноги-то и выскочилъ. „Что это, говорю, — ты дѣлаешь?! Охъ, и впрямъ—то безумная ты;“ да бѣгомъ ужъ бѣгу въ келью-то, поскорѣе чѣмъ нибудь завязать ногу-то. Гляжу; а ея ужъ и слѣдъ простылъ. Постояла я, постояла, да такъ ни съ чѣмъ и ушла. Прибѣгаетъ вечеромъ. „Ну,—думаю, слава Богу!“—да къ ногѣ; перевязать-то, знаешь, хочу. Смотрю,— и глазамъ своимъ не вѣрю: пристало это землицы кое-гдѣ: а раны даже и знаку-то нѣтъ ни какого. Вотъ такъ-то всегда и бывало.“

„Бывало она цѣлыми днями и долгое-долгое время по обители ходитъ, по кельямъ, въ поле и село; дома никогда почти не лежала, развѣ ночью, и то самую-то малость. Возьметъ это Полю; съ нею и бѣгаетъ, куда ей только,— по ихнему, по блаженному-то, занадобится. Мы бывало знаемъ, что кромѣ ея не кому къ намъ придти, не боялись, и дверь на ночь никогда не запиралась. Днемъ бѣгаетъ да бѣгаетъ, бывало; захочетъ поѣсть,—меня дома не застанетъ къ покойницѣ Матренѣ Ѳедотьевнѣ *) прибѣжитъ; любила она ее очень.

---

*) Матрена Ѳедотьевна Дивѣевская старица; объ ней будетъ рѣчь впослѣдствіи.

— „Катенька, Катенька! (такъ звала она ее) дай мнѣ хлѣбца; поѣсть надо; а то отца-то дома у меня нѣтъ.“

„Ну, и покормитъ ее. Ѳедотьевна тоже чудной жизни была.

„Повадилась она вотъ этакъ постоянно бѣгать въ кабакъ къ цѣловальнику. Люди и рады; и по всячески судятъ и рядятъ ее, „и пьяница-то она; и такая и сякая.“ А она, — знай себѣ, ходитъ, да ходитъ. Вотъ разъ это ночью, гляжу, приноситъ моя Пелагія Ивановна нагольный тулупъ, да цѣлый-то пребольшущій узлище пряниковъ. „Поѣшьте, говоритъ, батюшка.“ Я такъ и обомлѣла; страхъ на меня даже напалъ: „Господи!—думаю;—гдѣ-же это она взяла столько, да ночью?“. Кто-же ихъ, этихъ блаженныхъ-то знаетъ? А она веселая, радостная такая, такъ вотъ и заливается, — приговаривая: „а вы кушайте, кушайте“..— Что же вышло? Какъ-бы вы думали? Кончилось тѣмъ, что она своими-то въ кабакъ хожденіями двѣ человѣческія душеньки спасла. Самъ цѣловальникъ это мнѣ разсказывалъ, прося у ней прощенья. Задумалось ему загубить жену свою; и вотъ разъ ночью порѣшилъ онъ покончить съ нею; завелъ ее въ винный погребъ; и уже занесъ—было руку,— какъ не замѣтно за бочками притаившаяся Пелагія Ивановна схватила его за руку, и закричала: „что ты дѣлаешь? Опомнись, безумный!“ И тѣмъ спасла ихъ обоихъ. Послѣ этого и хожденіе въ кабакъ прекратила. Какъ прознали про это,—многіе, понявши ея прозорливость, перестали осуждать ее, а стали почитать.“

„Жили мы съ ней, по смерти Ульяны Григорьевны долгое время въ страшной бѣдности; ну какъ есть въ нищетѣ. Не только заварить чайку не было; но и подолы ея за неимѣніемъ мыльца, бывало, глинкой кое-какъ позатрешь, да и замоешь. Родные-то ея, обрадовавшись, что избавились отъ нея, вовсе ее и бросили; боялись даже показаться, какъ-бы она къ нимъ не вернулась. Лѣтъ семь не только ни кого изъ нихъ не было у насъ, но и не слыхали-то мы объ нихъ ничего; наконецъ-то разъ вздумалось матери, Прасковьѣ-то Ивановнѣ, поглядѣть на дочь свою; ну и пріѣхала она съ падчерицею своею Авдотьею, да не къ намъ;

а остановилась у Настасьи Андреевны Прасоловой, что противъ насъ жила; и съ ихъ-то двора Пелагію Ивановну, бывало, и видно. Я ничего еще не знала, да Пелагія-то Ивановна такая-то скорбная, вижу, хоть будто шутитъ,— мнѣ и говоритъ: „Арзамасскіе пріѣхали,—батюшка; да сюда-то и боятся придти, чтобы я съ ними не поѣхала. Такъ вотъ что: какъ запрягутъ лошадей-то, пойдемъ съ тобой туда. Я въ ихъ повозку-то взойду, да и сяду, онѣ и подумаютъ, что я съ ними хочу.“ И такъ грустно улыбнулась,— точно сквозь слезы,—только не заплакала.—„Что-же?—говорю, пойдемъ“. А сердце у меня такъ и перевернулось отъ жалости, на нея глядя. Сказано—сдѣлано. Какъ заложили, да подали имъ лошадей, мы и приходимъ. Гляжу, — будто обрадовались. А Пелагія-то Ивановна такъ-то хорошо поздоровалась и разговорилась съ ними, будто вовсе умная. Да вдругъ какъ побѣжитъ, — прямо въ повозку-то и сѣла, да по лошадямъ то ударила, и за ворота выѣхала. Куда что дѣвалось? Обѣ, мать и сестра испугались, страшно разсердились и принялись ее бранить по всячески. Доѣхавъ до красильной, остановилась она и вылѣзла. „На-те,—говоритъ,—Богъ съ вами,—не бойтесь; до гроба я къ вамъ не поѣду.“—А сестрѣ-то не родной, Авдотьѣ, которая не любила ее очень и всегда бранила,—сказала: „ты вотъ хоть и не любишь меня и злилась на меня, Дуня, но Богъ съ тобой; только помни: хоть и выйдешь ты замужъ, а первымъ же ребенкомъ умрешь.“ И разбранила же за то ее Авдотья, и говорила матери: „дура-то твоя вотъ слышишь, что выдумала говорить.“ И не повѣрила; а какъ вышла замужъ, да и вправду первымъ ребенкомъ-то, дѣвочкой, умерла,— такъ и пришлось повѣрить.

„И стала мать ея Прасковья Ивановна, съ той поры бояться ея, такъ что разъ прислала фунтъ чаю, да въ сундучкѣ кое-какія платьишки ея мірскія, а она, моя матушка, и не поглядѣла даже, отворотилась и полою закрылась, такъ что я все кое-кому раздѣлила.

„Вскорѣ послѣ этого я какъ-то разболѣлась; пріѣхала къ намъ Глафира Семеновна, сноха вотчима Пелагіи Ивановны, которая была очень милостива, и еще въ дѣвушкахъ

въ Арзамасѣ Пелагію то Ивановну очень любила, чтила и вѣрила ея Божію пути и призванію; за что, по выходѣ замужъ, много приняла побоевъ отъ свекора своего. Пелагія-то Ивановна смотритъ на нее, да такъ-то ласково говоритъ: „не выпросишь-ли ты у матери-то моей какой-нибудь завалющій самоваръ; вотъ у меня батюшка-то все хвораетъ.“ Возвратясь въ Арзамасъ Глафира Семеновна и говоритъ Прасковьи-то Ивановнѣ, что самоварчикъ проситъ Пелагія Ивановна. „Вѣрьте Богу, маменька,—говоритъ, грѣхъ намъ будетъ, что мы вовсе ее бросили. Я была сама у ней и видѣла, она не то, что бѣднѣе всѣхъ, а живетъ въ сущей нищетѣ.“ И прислали намъ послѣ этого самоварчикъ да фунтъ чаю, съ этого только времени мы и стали кое-чѣмъ заводиться. Послѣ того,—совѣсти ради, кое-что и дѣлывали родные. Такъ, пріѣхалъ разъ братъ ея родной, Андрей Ивановичъ, и отдалъ мнѣ кожу; „сшей ты ей,—говоритъ, хоть коты какіе, вѣдь ужъ больно совѣстно.“ Ну, и сшила я; да она на силу-то ихъ надѣла и ушла; потомъ приходитъ безъ котовъ.

— „Куда же ты коты-то дѣвала?“

— „Тамъ,“ говоритъ.

А гдѣ *тамъ*, Господь ее вѣдаетъ.

Такъ и бросила; и никогда-то никакой обуви, ни чулокъ она не носила, и надѣвать не надѣвала. Такъ, бывало, босая и бѣгаетъ.

„Стали родные посѣщать насъ въ монастырѣ; и бывало всегда заранѣе Пелагія Ивановна это знаетъ; уйдетъ да залѣзетъ въ крапиву; и ничѣмъ-то ее оттуда не вызовешь.“ „О, батюшка,—скажетъ мнѣ, вѣдь они люди богатые, что намъ съ ними?!“

„Разъ пріѣхалъ къ ней сюда и мужъ; и это она провидѣла, и вотъ какимъ образомъ: встала, да мнѣ и говоритъ: „батюшка, нынѣ Арзамасскіе пріѣдутъ; я буду у церкви; тогда придешь за мною;“ и ушла. Было это лѣтомъ. Сижу я и вижу: кто-то идутъ—двое, будто какъ къ намъ, одинъ мужчина этакой хорошій, молодой да бравый и одѣтъ тоже хорошо. „Кто-бы это, думаю. Что-то вовсе я такого не видала, и не знаю.“

— Королева-то здѣсь?—спрашиваетъ.

А это фамилія отчима Пелагіи Ивановны.

— Здѣсь,—говорю. А вамъ что нужно?

— Нужно, говоритъ. Гдѣ она?

— А вотъ, говорю, пойдемте. А вы Арзамасскіе что-ль? Родные ей будете.

— Кажется, будто сродникомъ считался,—говоритъ.

„Приходимъ это мы, а она, какъ сказала, у Тихвинской-то и сидитъ, да улыбается. На одну ногу надѣла худой башмакъ, а на другую старую валенку; и палку въ руки взяла. Подошелъ онъ, посмотрѣлъ, да и говоритъ ей: „а ты полно дурить-то, будетъ; поѣдемъ-ка въ Арзамасъ.“ Я слышу, да и думаю: что это онъ ее въ Арзамасъ-то зоветъ? Кто-же это такое?

— Кто-же вы,—говорю,—ей будете?

— Я-то?—Мужъ ея,—отвѣчалъ онъ.

— А! вотъ что!—думаю себѣ.

— Что-же? Говорю. Если у васъ домъ хорошій да горницы чистыя,—такъ берите ее съ Господомъ; она вамъ ихъ отчиститъ съ камнями-то. А я радехонка буду; она мнѣ этимъ соромъ-то вотъ какъ надоѣла.

„Пелагія Ивановна, знай, молчитъ да улыбается.“

— А вы,—говоритъ онъ, думаете, и вправду, что она безумная дура? Вовсе нѣтъ; только такъ дуритъ, и просто— шельма.

„А прикащикъ-то пріѣхавшій съ нимъ, и говоритъ ему: „эхъ. Сергѣй Васильевичъ! Что вы говорите? Ну и стала-ли бы она,—если-бы и маленькій у ней былъ умъ,—терпѣть такіе побои, какъ вы ее били? А потому только и терпѣла, что безъ ума стала.

— Ну вотъ,—говорилъ мужъ,—что ей дѣлается? Вишь, какая она здоровая да гладкая!

„Пелагія Ивановна поклонилась, да и сказала: „не ходила я въ Арзамасъ, да и не пойду, хоть всю кожу сдери съ меня.“

„Услышавъ это, поклонился мужъ молча и пошелъ. И послѣ того ужъ никогда не былъ; и ничего не слышно было о немъ. Вотъ ужъ много лѣтъ спустя въ 1848 году,

когда у насъ соборъ закладывали лѣтомъ, вижу я разъ: моя Пелагія Ивановна вдругъ какъ вскочитъ, вся поджалась, скорчилась, взадъ и впередъ по комнатѣ ходитъ, да стонетъ и плачетъ.

— Что это съ тобою, матушка? Ужъ здорова ли ты? Аль что случилось?

— Охъ, — говоритъ, батюшка! Вѣдь вотъ ты какой! Умираетъ *онъ*, да умираетъ-то какъ!? Безъ причастія!

„Ужъ тутъ только я все поняла и замолчала. Немного времени спустя, бывшій-то съ нимъ прикащикъ въ ярмаркѣ, пріѣзжаетъ къ намъ и разсказываетъ, что Пелагія Ивановна своимъ видомъ и дѣйствіями показывала все то, что было съ Сергѣемъ Васильевичемъ. Его дѣйствительно схватило; онъ точно такъ корчился, бѣгалъ по комнатѣ, стоналъ и приговаривалъ: „Охъ, Пелагія Ивановна—матушка! Прости ты меня Христа ради. Не зналъ я, что ты терпишь Господа ради. А какъ я тебя билъ-то! Помоги мнѣ! Помолись за меня.“ Да безъ причастія такъ и умеръ. А тогда была страшная холера. И съ тѣхъ-то вотъ поръ до 25 сентября 1883 года никогда она не поминала о мужѣ; а тутъ это вижу: она будто пригорюнилась, подперлась рукой, и такая сидитъ скорбная да грустная.

— Что это, матушка,—говорю,—ты какая?

„А она какъ вздохнетъ это такъ тяжело, да и говоритъ: „охъ, Сергушка, Сергушка! По тебѣ и просфорки-то никто не подастъ.“

„Я это такъ и встрепенулась. Вѣдь это она мужа вспомнила, — говорю, вѣдь это она всегда его такъ называла. „Посмотрѣла въ календарѣ; анъ 25 сентября „преподобнаго Сергія“, имянинникъ былъ,—надо полагать.“

„Вотъ и мать-то ея, Прасковья Ивановна, какъ пріѣзжала къ ней въ послѣдній разъ,—„ну,—говоритъ, Пелагѣюшка, прости меня Христа ради; я тебя много била“.

— „Да,—говоритъ, маменька; много ты меня напрасно била; Богъ проститъ. А все-же о томъ надо просить Бога. А ужъ теперь, — говоритъ, въ остатки видимся, маменька; въ этой жизни мнѣ съ тобой болѣе ужъ не увидаться.“ Такъ

и случилось; не видалась она съ нею послѣ этого; и вскорѣ умерла Прасковья Ивановна.

„Временами пріѣзжалъ къ намъ изъ Арзамаса нѣкто бывшій военный, и тоже *блаженный*, Θедоръ Михайловичъ Соловьевъ, всѣмъ хорошо памятный и всѣмъ извѣстный даромъ прозорливости. Такъ ужъ тутъ и уму непостижимо, что только выдѣлывали они вмѣстѣ; страхъ возьметъ, бывало; незнаешь, куда и дѣться. Ульяну Григорьевну на что любила Пелагія-то Ивановна, а и та боялась ихъ. Волей-неволей приходилось мнѣ одной оставаться съ ними. Какъ поднимутъ, бывало, они эту свою войну, мнѣ ужъ ни какъ не унять. Придетъ Соловьевъ; принесетъ чаю, либо мяты, или звѣробою, что ни попало; да по военному „не досаждай, крикнетъ, — Анна! Ставь самоваръ, и пей съ нами“, да еще на грѣхъ въ самый-то чистый понедѣльникъ. Ну, и пьемъ, сидя на лавочкѣ въ уголочкѣ; сама тряской трясусь, потому что какъ лишь ни сойдутся у Рождества-ли на кладбищѣ, у насъ-ли въ келіи, оба большущіе да длинные, бѣгаютъ взадъ и впередъ; гоняются другъ за другомъ; Пелагія Ивановна съ палкою, а Θедоръ Михайловичъ съ полѣномъ, бьютъ другъ друга. „Ты, Арзамасская дура, на что мужа оставила? кричитъ Соловьевъ. „А ты зачѣмъ жену бросилъ; Арзамасскій солдатъ этакій? возражаетъ Пелагія Ивановна.

— „Ахъ ты, большой сарай, верста коломенская!“ Кричитъ Θедоръ Михайловичъ.

„И такъ-то идетъ безъ перерыву у нихъ своя, имъ лишь однимъ понятная перебранка и разговоръ. Я сижу еле жива отъ страху; грѣшница я, думаю себѣ: „ой убьютъ.“ Ходила даже нѣсколько разъ къ матушкѣ Иринѣ-то Прокопьевнѣ. „Боюсь,—говорю, матушка; души во мнѣ нѣтъ; пожалуй убьютъ.“ А матушка-то бывало и скажетъ: „терпи, Аннушка,—дитятко; не по своей ты волѣ, а за святое послушаніе съ ними, Божіими-то дурачками, сидишь. И убьютъ-то, такъ прямо въ царство небесное попадешь.“ Ну, и терплю, сижу. Бывало, сестры-то и тѣ говорятъ: „глядика-сь что дѣлаютъ! А Анна-то Кременковская съ ними, съ дураками возжается, изъ ума тоже выжила; совсѣмъ ду-

рою стала.“ Да что? съ Соловьевымъ-то бывало своя у нихъ, имъ лишь однимъ понятная да Богу, блаженная война идетъ. И помимо этого со всѣми она, Пелагія-то Ивановна воюетъ. Гдѣ тамъ, разумѣется, и кто ихъ пойметъ—этихъ *блаженныхъ-то*. По ихнему, по блаженному-то такъ и надо, только и слышишь: „возьми ты свой грѣхъ-то;“ либо: „уймите вы вашу дуру-то; что она у тебя озоруетъ, безумная-то дура; хоть бы привязывали вы ее, что-ли.“ Все это сама слышитъ бывало моя-то Пелагія Ивановна; молчитъ, и опять за свое. Что дѣлать? Стала я пробовать, какъ больно-то ужъ развоюется, запирать ее. Заперла это разъ; она—моя голубушка,—и заснула; а я-то позабыла, да и ушла. Проснулась; и подняла крикъ: слышатъ другіе: кричитъ кто-то, да непоймутъ съ разу-то. Вотъ и вылѣзла она въ окошко прямо на сложенныя дрова, да и кричитъ, съ нихъ-то значитъ слѣзть-то нельзя. И увидали; да кое-какъ на рукахъ ужъ и сняли. Въ другой разъ тоже до того расходилась; удержу нѣтъ; прибѣжали, сказываютъ: „возьмите свою-то дуру; больно озоруетъ; никакъ не сладишь; уйми ты ее.“ И заперла я ее въ чуланъ. Вотъ посидѣла она это маленько; „батюшка, отопри; кормилецъ, отопри.“—„Нѣтъ, говорю, не отопру.“ Она опять: „батюшка, отопри; соколикъ, отопри; надо.“ „Неотопру, говорю, всѣ вонъ на тебя жалуются; обѣщай, что не будешь; тогда отопру.“ Замолчала; да немного погодя говоритъ Полѣ: „дѣвка, отопри хоть ты; вѣдь песъ-то (я, значитъ) ни за что неотопретъ; и меня невыпуститъ.“—„Какъ же я безъ матушки могу отпереть?“ отвѣчаетъ Поля.

— „Погоди,—думаю, что дальше будетъ?“ Отперла я сама, да и говорю: „не ходи ты туда; а то болѣе ни когда выпускать не буду.“ Она какъ вскочитъ, схватила меня за плечи, перевернула, да ужъ и нѣтъ ея; убѣжала. Бѣда какая проказница была. И съ этихъ самыхъ поръ стала она бояться не только замка, а чуть бывало безъ умысла нечаянно дверь притворишь, задрожитъ это вся, даже вскочитъ, такъ что бывало ни днемъ, ни ночью мы ни какой двери уже не за-

нирали. А наружной-то двери такъ и не бывало до 1883 года, такъ цѣльные 22 года безъ двери и жили.

„Доходили и до начальства своеволія ея. Покойная матушка Ирина Прокопьевна нѣсколько разъ собиралась прогнать ее; и ко мнѣ объ этомъ многократно присылала. Разъ приходитъ ея келейница-то и говоритъ мнѣ: „приказала тебѣ матушка взять дуру-то твою и отправить, откуда взяли.“ И такъ-то мнѣ стало что-то скорбно. „Я не брала, и не повезу; какъ хотите, вы дѣлайте. Да и что гнать-то ее,—говорю. Ульяна-то Григорьевна не такъ ее приняла; а тоже 500 р. за нее Іоасафу-то отдала.“ А Пелагія-то Ивановна, какъ не до нея дѣло, сидитъ въ уголочкѣ въ чуланѣ, поглядываетъ; слушаетъ да молчитъ. „Вонъ слышишь? Что молчишь?—говорю я. Матушка хочетъ отсылать тебя дуру за то, что все дуришь.“

— „Да что она обо мнѣ говоритъ! — сказала, сама-то она еще не начальница; вѣдь еще сама-то, вотъ какъ я, въ уголкѣ посидитъ.“

— Слышишь, — говорю я келейницѣ-то Ирины Прокопьевны,—что она говоритъ? Поди да скажи матушкѣ-то.

„И ушла она, да все матушкѣ-то и пересказала. Зная прозорливость Пелагіи Ивановны испугалась матушка Ирина Прокопьевна, присылаетъ къ намъ келейницу кое съ чѣмъ съ гостинцами да и не велитъ ее трогать-то. Взошла келейница, даетъ ей что-то. „Матушка прислала.“ А она не унялась; знай себѣ, — говоритъ: „нѣтъ, вѣдь ей ужъ не долго начальницей-то быть.“ Какъ-бы вы думали? И въ правду чрезъ двѣ недѣли матушку-то, Ирину-то Прокопьевну тихомолкомъ отъ насъ, по Іоасафовой-то хитрости смѣнили, поставивъ начальницей Екатерину Васильевну Ладыженскую. Но когда приходили сестры къ Пелагіи Ивановнѣ и объ ней говорили: „вотъ у насъ новая матушка;“ — „нѣтъ, отвѣчаетъ она; это еще не коренная. Да еще смута-то, смута-то какая у насъ будетъ;“ и замолчитъ.

— Ну, говорю; у тебя видно всѣ не настоящія, да не коренныя.

„А вотъ когда матушку-то Елисавету Алексѣевну поставили начальницей, я опять такъ и говорю ей: „вѣдь новую матушку-то поставили намъ; что? И эта, — говорю, по твоему-то опять не коренная?“

— Нѣтъ,—говоритъ,—батюшка; вотъ это-то ужъ настоящая, какъ есть коренная. Ну ужь и впрямь настоящая да коренная вышла Елисавета Алексѣевна Ушакова, теперешняя наша матушка Марія.“

ГЛАВА XXIII.

Соединеніе Казанской общины и Мельнично-Дѣвичьей—въ одну Серафимо-Дивѣевскую общину, по замысламъ и хлопотамъ послушника Ивана Тихонова (1842 г.). Начало смутнаго времени въ Дивѣевской обители. Невозможность сопротивленія Ивану Тихонову со стороны М. В. Мантурова. Лживыя сообщенія Ивана Тихонова въ печати. Жизнь Н. А. Мотовилова въ Дивѣевѣ, болѣзнь и женитьба. Письменное опроверженіе Н. А. Мотовилова. Сборъ Иваномъ Тихоновымъ пожертвованій и его преступные замыслы. Построеніе деревяннаго храма въ честь Тихвинской иконы Божіей Матери. Запечатаніе Рождественскихъ храмовъ, разрушеніе прежнихъ келій и желаніе Ивана Тихонова превратить Дивѣевскую обитель въ свою собственную—Іоаннову.

До 1842 года обѣ женскія общинки, основанныя при селѣ Дивѣевѣ, хотя и разнохарактерныя, но самостоятельныя, нисколько не мѣшая другъ другу, жили въ совершенномъ мирѣ, любви и согласіи. Со смертію о. Серафима, послушникъ Иванъ Тихоновъ почти переѣхалъ на жительство въ общинку матери Александры, подъ предлогомъ заботы и попеченія о Серафимовскихъ сиротахъ и постепенно завладѣлъ ею. Утвердившись здѣсь, онъ началъ вмѣшиваться въ дѣла Мельничной дѣвичьей общинки, съ намѣреніемъ также совершенно подчинить ее себѣ, но сестры Серафимовскія всѣ, живо еще помня завѣты батюшки Серафима и приказаніе его никого не допускать чужаго въ управленіе обителью, единогласно заявили Ивану Тихонову свое несогласіе на его попечительство. Тогда озлобленный этотъ лжеученикъ Серафимовъ, которому уже удалось убѣдить многихъ въ несеніи имъ будто бы креста, возложеннаго на него отцемъ его и учителемъ батюшкой Серафимомъ (начиная

съ Тамбовскаго архіерея и кончая всѣми поклонниками отца Серафима), онъ рѣшился на смѣлый и важный шагъ: или сломить, сплотившихся противъ него старицъ дѣвичьей обители и опровергнуть распространяемый ими слухъ, что онъ никогда не былъ ученикомъ Серафимовымъ и что не только ему не поручено попечительствовать надъ ними, но о. Серафимъ запрещалъ пускать его въ обитель, или стереть съ лица земли эту обитель, выхлопотавъ соединеніе ея съ общинкою матери Александры. Этотъ ужасный и вражій планъ онъ привелъ въ исполненіе слѣдующимъ образомъ. Въ одинъ прекрасный день Иванъ Тихоновъ явился въ мельничную Серафимову общинку, въ сопровожденіи своего друга, Саровскаго іеромонаха Анастасія, приказалъ въ начальнической келіи поставить аналой съ евангеліемъ и крестомъ, пригласилъ духовника обѣихъ общинокъ отца Василія Садовскаго, котораго онъ болѣе не боялся и не стѣснялся вслѣдствіе расположенія къ нему Епархіальнаго начальства, и заставилъ всѣхъ Серафимовыхъ сиротъ подъ присягою и клятвою сказать, что, кому говорилъ батюшка Серафимъ о немъ. Сестры обители сперва единогласно заявили ему, что батюшка никогда, никому не говорилъ, что Иванъ Тихоновъ ученикъ его и потому они считаютъ, что онъ себя ложно называетъ ученикомъ батюшки и попечителемъ Дивѣева. Но единогласное заявленіе онъ отвергъ и потребовалъ одиночныхъ показаній. Тогда подвели къ аналою бывшую начальницу мельничной обители и уволенную за старостію Прасковью Степановну. Поцѣловавъ евангеліе и крестъ, она строго взглянула на Ивана Тихонова и сказала:

„Батюшка Серафимъ мнѣ говорилъ, какъ имъ-же поставленной въ то время старшей надъ своей новорожденной общиной: „Иванъ Тихоновичъ васъ у меня проситъ, да я ему не даю, потому что хотя и вызывается онъ послужить вамъ, но во всю жизнь свою холоденъ будетъ къ вамъ и хотя начнетъ хлопотать будто-бы изъ за васъ, но на васъ же весь міръ воздвигнетъ и мірскихъ и духовныхъ и ничего вамъ добраго не сдѣлаетъ!“ (Описаніе Дивѣевскаго монастыря 1886 г., составленное по указу преосвященнаго Модеста и хранящееся въ Нижегородской консисторіи).

Послѣ Прасковьи Степановны подошла дивная старица Евдокія Ефремовна, удостоенная присутствія въ кельѣ о. Серафима во время явленія Божіей Матери въ день Благовѣщенія въ 1831-мъ году. Какъ показываетъ она (тетрадь № 1, разск. ея 3), Иванъ Тихоновъ спросилъ ее: „не говорилъ вамъ что обо мнѣ батюшка Серафимъ?“ Старица отвѣтила: „батюшка велѣлъ тебѣ сказать, чтобы ты въ наши дѣла не входилъ и обители не мѣшалъ! Разъ батюшка мнѣ сказалъ въ келіи: „радость моя, я васъ духовно породилъ и во всѣхъ тѣлесныхъ нуждахъ не оставлю. А о. Іоаннъ проситъ, чтобы я васъ послѣ своей смерти отдалъ ему; нѣтъ, не отдаю! Онъ и его преданные будутъ сердцемъ холодны къ вамъ. Онъ говоритъ: ты батюшка старъ, отдай мнѣ своихъ дѣвушекъ, а самъ проситъ холоднымъ сердцемъ! Скажи ему матушка моимъ именемъ, что ему до васъ дѣла нѣтъ!“

Послѣ этого всѣ вторично и единогласно отказались отъ попечительства Ивана Тихонова. Тогда озлобившись до послѣдней крайности, онъ воскликнулъ тутъ же, стоя предъ аналоемъ:

„Клянусь послѣ этого, что моей ноги не будетъ здѣсь и что не почію до тѣхъ поръ, пока не истреблю до конца и не сотру съ лица земли даже память о существованіи мельничной обители! Зміею сдѣлаюсь, а вползу!“ (Описаніе монастыря, хранящееся въ консисторіи).

Сестра Евдокія Ефремовна свидѣтельствуетъ, что „Иванъ Тихоновичъ оскорбился, началъ говорить, будто видѣлъ меня во адѣ, угрожалъ, чтобы я молчала.“

Началось для Дивѣева то время, о которомъ предсказывалъ о. Серафимъ говоря сестрамъ въ прощальной бесѣдѣ: „до антихриста не доживете, но времена антихриста переживете!“ Эти времена не могутъ быть теперь выключены изъ лѣтописи монастыря, хотя уже давно главные участники и виновники этихъ смутъ почили вѣчнымъ сномъ! Да проститъ имъ Господь прегрѣшенія и увлеченія ихъ, совершенныя, несомнѣнно, по навѣтамъ врага человѣчества! Наконецъ, каждый изъ насъ, самъ отвѣтитъ Христу за свои проступки! И не съ этой точки зрѣнія смотритъ исторія на прошлыя событія въ жизни человѣчества, касаясь иногда

даже смутъ въ духовномъ мірѣ; нѣтъ, для исторіи важно указать поучительные примѣры, свидѣтельствующіе, что на землѣ за истину страдаютъ не только отдѣльныя лица, но цѣлыя обители, сотни людей, добывающіе себѣ право существованія и проповѣданія истины—долгою, сильною борьбою съ врагомъ человѣчества. Только этими смутами и тяжелыми испытаніями, могутъ отдѣльные люди и цѣлыя общества доказать, что они служили истинѣ, правдѣ и Евангелію. Тѣ лѣтописи монастырей, которыя полны разсказовъ о томъ съ какою быстротою возросли обители и какъ всегда благоденствовали,—или не правдивы, или того хуже, восхваляютъ разсадники добровольныхъ невольницъ и тщеславныхъ инокинь, а не духовныхъ, смиренныхъ, любвеобильныхъ невѣстъ и сестеръ Христовыхъ. Исторія-же Дивѣевской обители, созданной Царицей Небесной, чрезъ такихъ великихъ людей, какъ мать Александра и о. Серафимъ, особенно поучительна, съ одной стороны въ виду старанія врага человѣчества разрушить все и съ другой въ виду явной побѣды дивныхъ старицъ, претерпѣвшихъ, при помощи Царицы Небесной и праведнаго Серафима, всѣ испытанія и невзгоды до конца. Дивѣево было и всегда будетъ, по предсказанію о. Серафима,—разсадникомъ духовныхъ старицъ, блаженныхъ, Христа ради юродивыхъ и мѣстомъ истиннаго душевнаго умиленія и успокоенія для молящихся. Поэтому лѣтопись Дивѣевской обители требуетъ особо строгаго, правдиваго, истинно духовнаго взгляда на событія и изложеніе фактовъ.

Послѣ того, какъ Иванъ Тихоновъ обѣщалъ сдѣлаться зміею и всюду вползти, не могло быть сомнѣнія, что онъ этого достигнетъ. Тотчасъ онъ написалъ тайно въ Петербургъ къ лицамъ, относившимся съ особою любовію къ старцу Серафиму о положеніи дѣлъ въ Дивѣевѣ и просилъ о присоединеніи дѣвичьей общины къ обители матери Александры, подъ начальствомъ Ирины Прокофьевны, болѣзненной и слабой начальницы Казанской общинки. Многіе изъ этихъ лицъ, вѣрившихъ разсказамъ Ивана Тихонова, имѣли родныхъ при Высочайшемъ дворѣ и просьбы ихъ увѣнчались быстрымъ успѣхомъ. 28 іюля 1842 года былъ уже по-

лученъ указъ о соединеніи обѣихъ Дивѣевскихъ общинъ въ одну, Серафимо-Дивѣевскую съ полнымъ, абсолютнымъ подчиненіемъ начальницѣ общины матери Александры.

Поэтому поводу въ краткомъ официальномъ описаніи Дивѣевскаго монастыря, хранящемся въ Нижегородской консисторіи говорится слѣдующее:

„Горестное, никѣмъ неожиданное событіе это, доставя веліе ликованіе Ивану Тихонову съ избранницами его, прочихъ обоихъ общинокъ сестеръ повергло въ глубокую скорбь, печаль и сѣтованіе. Серафимовы сироты ужасались тому, что завѣты великаго старца, основателя ихъ попраны и отданы они въ руки страшнѣйшаго врага ихъ. Старицы-же матери Александры сокрушались, глядя на нововведенія, которыми нарушался ихъ исконно-заведенный порядокъ и принятый уставъ изъ Сарова. Но поправить дѣло было уже немыслимо и поздно. Такимъ образомъ прежде царившій миръ и покой Божіяго Дивѣева навсегда уже былъ нарушенъ и только плачь и рыданія, попущеніемъ Божіимъ, многія десятки лѣтъ раздавались во Святомъ мѣстѣ, избраннаго жребія Богоматери.“

Хотя Михаилъ Васильевичъ Мантуровъ жилъ въ это время въ Дивѣевѣ, но онъ, совершенно нищій и выгнанный отъ Купріанова управляющій, ничего не могъ сдѣлать. Священникъ о. Василій Садовскій и Н. А. Мотовиловъ, въ составленномъ ими жизнеописаніи Мантурова, пишутъ такъ: „видя вполнѣ водворившагося и самовольно всѣмъ уже распоряжавшагося въ Дивѣевѣ Ивана Тихонова и вполнѣ понимая, по нищетѣ своей, невозможность противустать ему и оградить Серафимову обитель, тихо жилъ Мантуровъ, терпя все, ради непоколебимой, твердой вѣры въ Бога, стараясь лишь, гдѣ было возможно встрѣчать Ивана Тихонова и дѣйствовать на него хоть словами страха Божія, но все было напрасно, ибо честолюбіе заглушило совѣсть его! И въ самомъ дѣлѣ, что-же могъ сдѣлать незамѣтный бѣдняга, нищій какой-то Мантуровъ, прогнанный управляющій генерала Купріанова, противъ возросшаго уже Ивана Тихонова, чрезъ всевозможныя хитросплетенія и интриги. Безграничное честолюбіе заста-

вляло его вымышлять, что онъ якобы любимый ученикъ праведнаго чудотворца Серафима и этимъ онъ себя всюду прославлялъ. Кромѣ того, онъ, начиная съ архіереевъ, рѣшительно всѣмъ выставлялъ себя за страдальца, который несетъ страшную Божію кару. Все это зная, Михаилъ Васильевичъ молча и терпѣливо переносилъ, взводимыя на него клеветы и продолжалъ подвигъ вѣрнаго служенія своего обители Богоматери. Онъ безбоязненно мѣшалъ, съ неудержимою энергіею, этому „чуждопосѣтителю" во всѣхъ его посягательствахъ на уничтоженіе заповѣданнаго Дивѣеву святымъ старцемъ. Вскорѣ Михаилъ Васильевичъ поплатился за это пожаромъ; его скромный домишко подожгли. Съ помощію добрыхъ людей, Мантуровъ выстроилъ себѣ другой, гораздо лучшій на принадлежащей ему землѣ, внѣ общины, противъ Казанской церкви, въ которомъ и жилъ до самой своей смерти."

Въ книгѣ, изданной Иваномъ Тихоновымъ въ 1849-мъ году, онъ разсказываетъ о соединеніи общинъ съ восторгомъ и подобающимъ вымысломъ. Онъ даже утверждаетъ, что „какъ дивенъ Богъ во святыхъ своихъ, служитъ доказательствомъ еще слѣдующее дивное исполненіе предсказаній отца Серафима относительно Дивѣевской обители." Въ 1842 году 27 іюля, полученъ былъ въ Дивѣевской общинѣ указъ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода, изъ Нижегородской духовной консисторіи, гдѣ изъявляется, что по Высочайшему соизволенію Государя Императора Николая Павловича, и по благословенію Св. Правительствующаго Сѵнода, сія общежительная Дивѣевская обитель утверждена, соединена и принята подъ покровительство духовнаго и гражданскаго начальства. На слѣдующій день, 28 іюля, указъ былъ прочитанъ по окончаніи литургіи. И все это совершилось, будто-бы, по особенному промыслу Божію, во исполненіе предсказаній о. Серафима! Тутъ Иванъ Тихоновъ безбожно измѣняетъ смыслъ предсказаній о. Серафима. Онъ говоритъ: старецъ говаривалъ многимъ благотворительнымъ особамъ, что утвержденіе обители послѣдуетъ именно въ 1842 году (?); а сиротамъ Дивѣевскимъ часто повторялъ: „терпите, терпите, Господа ради, всѣ болѣзни и скорби;

у васъ будетъ такая радость, что среди лѣта запоете Пасху!“ „И вотъ, пишетъ Иванъ Тихоновъ, теперь дивный во Святыхъ своихъ Господь и Царица Небесная, по молитвамъ праведника, внушили Государю Императору сдѣлать это утвержденіе именно въ 1842 году и среди лѣта и притомъ 28 іюля, въ такой день, когда церковь Православная совершаетъ празднество въ честь Божіей Матери Смоленскія, и св. апостола Прохора, Ангела о. Серафима, до вступленія его въ монашество. Столь многія радости, соединившіяся вмѣстѣ, были причиною, что когда прочитанъ былъ этотъ указъ въ Божественномъ храмѣ, изумленіе сиротъ было столь великое и столь живое, что въ этотъ мигъ онѣ забыли всѣ свои скорби, цѣловали другъ друга, плакали, смѣялись и каждая по своему изливала передъ Господомъ и Царицею Небесною свои благодарныя чувства за эти милости Божіи и Царскія; казалось всѣ онѣ тогда, какъ нѣкогда апостолы, во время сошествія на нихъ св. Духа, упились какимъ-то неизъяснимымъ утѣшеніемъ (?) Послѣ перваго момента радости, принесено было благодарственное молебствіе о здравіи Царской Всеавгустѣйшей Фамиліи, о. св. Правительствующемъ Сѵнодѣ, о пастыряхъ и вообще о всѣхъ благотворительныхъ особахъ, содѣйствовавшихъ благу обители. Затѣмъ, продолжаетъ свое повѣствованіе послушникъ Иванъ Тихоновъ, все общество сестеръ, состоявшее изъ 300 и болѣе, обратились съ чувствомъ благодарности и съ поздравленіемъ къ настоятельницѣ своей, такъ какъ по этому указу она сдѣлалась единственною начальницею соединившейся обители.

Мало этого было Ивану Тихонову, чтобы доказать необходимость соединенія, онъ прямо свидѣтельствуетъ, что о. Серафимъ не давалъ заповѣди о пріемѣ въ мельничную обитель однѣхъ дѣвицъ. Слѣдовательно, онъ уничтожаетъ основные завѣты общины, установленные Самой Царицей Небесной. Поэтому одному можно судить: былъ-ли онъ ученикомъ и другомъ о. Серафима! Такъ пишетъ онъ (стр. 103) что обѣ общинки „едва не раздѣлились на двѣ самостоятельныя обители, тѣмъ болѣе, что и *постороннія лица, вмѣшиваясь въ дѣла ея* (!) желали также этого раздѣленія и

хлопотали уже о томъ, чтобы въ одной части обители находились вдовствующія, а въ другой дѣвицы, каждая подъ управленіемъ особой настоятельницы. Но такъ какъ *на такое неосновательное раздѣленіе не было никакого благословенія отца Серафима,* то и высшее начальство, по промыслу Божію, не утверждало этого раздѣленія, но нашло полезнѣйшимъ и необходимымъ, соединить ихъ подъ единственною настоятельницею.“

Мы видѣли, какъ о. Серафимъ строго наказалъ священнику о. Василію, Мантурову, Ксеніи Васильевнѣ и другимъ сестрамъ—держаться этого раздѣленія и объяснялъ причину, говоря о различіи молитвы и духовнаго пути женщинъ съ дѣвицами и находя духовный вредъ въ совмѣстномъ жительствѣ ихъ въ обители. Дѣйствительно, о. Серафимъ предсказывалъ, что произойдетъ соединеніе, не смотря на его завѣщаніе, но выяснилъ какое будетъ различіе между Лаврой т. е. обителью матери Александры и киновіей, — своей обителью.

Далѣе Иванъ Тихоновъ описываетъ (стр. 108) торжество праздника 28-го іюля, которое можетъ быть и было въ его сердцѣ и у „Іоанновыхъ сестеръ“, какъ называлъ сторонницъ его о. Серафимъ, но не въ обители батюшки Серафима и матери Александры.

„Когда теперь всѣ сестры обратились къ начальницѣ съ поздравленіемъ, какъ къ своей матери, она, въ сознаніи своихъ недостоинствъ, отнесла всю свою и общую ихъ радость къ промыслу Божію, и къ предстательству Царицы Небесной, за молитвы о. Серафима и благословила сестеръ обратиться съ тѣми же чувствами благодарности и ко мнѣ грѣшному, какъ участвующему въ устройствѣ обители, по благословенію о. Серафима. Я же съ своей стороны, взаимно поздравлялъ ихъ съ милостію Божіею и Царскою, и напоминалъ имъ то, что *внушалъ мнѣ* (?) напоминать имъ великій старецъ, чтобы съ сихъ поръ всегда было у нихъ одно сердце, т. е. чтобы между ними царствовали миръ, любовь и согласіе и проч., что *мнѣ внушилъ Господь* (?) Послѣ того начальница, въ сопровожденіи всѣхъ сестеръ, отправилась въ трапезу. Многія изъ сестеръ, жившихъ при мель-

ничной обители, вспомнили въ это время, (?) какъ старецъ говорилъ имъ, что придетъ къ нимъ Ирина Прокопьевна и многихъ приведетъ съ собой. Такъ называлась теперь начальница и она дѣйствительно вела за собою цѣлое стадо сиротъ. Во все время трапезы, начальница и сестры были въ той-же, какъ и прежде, изумительной радости, и какъ-бы внѣ себя отъ избытка душевнаго утѣшенія. Онѣ только смотрѣли другъ на друга, плакали и улыбались, а не трапезовали. По окончаніи трапезы, и по молитвѣ, когда стали благодарить начальницу, одна изъ старицъ, уставщица лѣваго клироса (Агаѳья Егорова), вдругъ подошла къ ней и начала просить благословенія пѣть Пасху, по случаю этого торжества. Но начальница, хотя и раздѣляла ея восторгъ, однако со смиреніемъ отвѣчала ей, что вѣдь здѣсь о. Іоаннъ (Иванъ Тихоновъ), и чтобы она пошла и спросила у меня. Я между тѣмъ пришелъ къ концу трапезы, дабы видѣть, чѣмъ кончится все это радостное событіе. Когда она подошла ко мнѣ просить моего согласія на свое желаніе, я хотя и удивился вначалѣ ея просьбѣ, но потомъ нашелъ, что, *по случаю такого торжества и радости ихъ, по всему было прилично пѣть Пасху;* все, что я видѣлъ въ нихъ въ эти минуты, приводило меня въ восторгъ: я видѣлъ въ нихъ земныхъ ангеловъ; и отвѣчалъ старицѣ: Господь васъ благословитъ. Онѣ тотчасъ же и запѣли всѣ: Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его. Пасха священная намъ днесь показася и т. д. И когда начали пѣть: Сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь, *я, бывши до сихъ поръ самъ въ восторгѣ,* вдругъ вспомнилъ слова о. Серафима, что будетъ время, когда сироты отъ радости среди лѣта запоютъ Пасху; и, давши имъ кончить всѣ пѣсни, подозвалъ къ себѣ ту старицу, которая испрашивала моего согласія, и спросилъ у ней: „кто вразумилъ тебя пѣть Пасху?“ Она отвѣчала: — никто; мнѣ самой пришла эта мысль на сердце. Тогда я снова обратился ко всѣмъ сиротамъ и сказалъ: „слышите, сестры; вспомните слова о. Серафима, что онъ говорилъ вамъ: терпите, терпите, Господа ради, всѣ болѣзни и скорби; у васъ будетъ такая радость, что среди лѣта запоете Пасху!“

Какъ и во всѣхъ своихъ повѣствованіяхъ, Иванъ Тихоновъ, подбирая предсказанія о. Серафима къ создаваемымъ имъ теперь событіямъ, не чувствовалъ, до какой степени они неестественны. Могъ-ли говорить о. Серафимъ о пѣніи Пасхальныхъ пѣсней Дивѣевскими сестрами, когда настанетъ радостное соединеніе двухъ обителей въ одну. Эту радость, если бы она была дѣйствительно и имѣла бы какой нибудь смыслъ, о. Серафимъ могъ доставить Дивѣевскимъ ежедневно; стало только пожелать и приказать соединить. О какихъ болѣзняхъ и скорбяхъ предсказывалъ батюшка? До появленія Ивана Тихонова попечителемъ и соединенія обителей, не было ни скорбей, ни болѣзней; а когда онъ сталъ распоряжаться обителью Царицы Небесной явились скорби, которыя и предвидѣлъ о. Серафимъ. Вотъ эти скорби и просилъ великій старецъ терпѣть, Господа ради, обѣщая въ будущемъ радость такую, что среди лѣта запоютъ Пасху. Изъ показаній многихъ старицъ извѣстно, что о. Серафимъ предсказывалъ, что когда мощи его откроются въ Саровѣ (и при этомъ онъ не употреблялъ слова мощи, но называлъ ихъ плотію) и они невидимо перейдутъ въ Дивѣевъ, тогда будетъ такая радость, что среди лѣта запоютъ Пасху! Подобная радость и теперь понятна каждому! Если произойдетъ такое чудо въ наше время, оно обратитъ къ Богу маловѣрующихъ и произведетъ сильнѣйшее впечатлѣніе на всѣхъ, а не только для дѣтей, сиротъ и сестеръ Серофимовыхъ!

Извѣстно также, что съ устройствомъ мельничной обители, сестры общины матери Александры жили самостоятельно, батюшка о. Серафимъ ихъ не наставлялъ и онѣ рѣдко посѣщали Саровъ. Сестра Ирина Прокопьевна, дочь Ксеніи Михайловны Кочеуловой не была особенно близка къ о. Серафиму и поэтому великій старецъ, не могъ ей говорить, какъ будущей настоятельницѣ обители, что смѣло увѣряетъ и пишетъ Иванъ Тихоновъ. Такъ послѣдній пишетъ: „говорилъ онъ настоятельницѣ объ ея обязанности, какъ управлять сестрами, а та объясняла ему свою неопытность. Старецъ сказалъ ей: „матушка! заботы обременятъ васъ не будутъ; я оставляю вамъ по себѣ о. Іоанна, ко-

торый о всемъ отечески попечется и понесетъ тяготу ближняго, по заповѣди Спасителя. Все у васъ такъ устроится, что ты въ благодарности будешь только возносить свой умъ и сердце къ Господу, ручки воздѣвать на молитву и благословеніемъ своимъ только рѣшать; а способы, чѣмъ рѣшать, будутъ у тебя всѣ готовы."

Далѣе еще встрѣчаемъ такое изреченіе Ивана Тихонова: „Батюшка Серафимъ нерѣдко говорилъ настоятельницѣ: васъ матушка, не оставитъ и Царь земной своимъ благоволеніемъ; и вся Царская фамилія посѣтитъ васъ своею милостію!" Между тѣмъ о. Серафимъ предсказывалъ только о посѣщеніи обители Царскою фамиліею, когда онъ „перенесетъ плоть свою въ Дивѣево" и д. Вертьяново будетъ возведена въ городъ, а монастырь—въ Лавру.

Иванъ Тихоновъ не встрѣтилъ препятствія къ достиженію своего злобнаго плана, даже со стороны временнаго друга своего Николая Александровича Мотовилова и вотъ почему. Николай Александровичъ, какъ мы упомянули, довѣрился Ивану Тихонову, потому что въ Саровѣ ему не опровергли разсказовъ этого лже-ученика и онъ самъ видѣлъ, какъ Иванъ Тихоновъ часто посѣщалъ великаго старца. Съ другой стороны Н. А. Мотовиловъ жилъ преимущественно въ своемъ Симбирскомъ имѣніи, а послѣ смерти о. Серафима вскорѣ поѣхалъ въ Курскъ за собираніемъ свѣдѣній о батюшкѣ у его родственниковъ и чрезъ это поплатился жестокою болѣзнью, которую ему облегчилъ Архіепископъ Антоній Воронежскій. Послѣ перваго страданія, Николай Александровичъ захворалъ опять ногами и пролежалъ въ своемъ домѣ въ с. Дивѣевѣ около года. По выздоровленіи, въ 1840-мъ году Н. А. Мотовиловъ женился на Еленѣ Ивановнѣ Мелюковой и переселился въ Симбирское имѣніе. Въ то время Иванъ Тихоновъ ничего еще не разрушалъ въ обители о. Серафима и Николай Александровичъ продолжалъ быть съ нимъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Когда-же въ 1842-мъ году произошло соединеніе общинъ, Н. А. Мотовиловъ сразу прозрѣлъ насчетъ Ивана Тихонова, сильно огорчился и даже увѣрялъ, что—если-бы онъ не женился, то Иванъ Тихоновъ не могъ добиться та-

кого нарушенія завѣтовъ батюшки Серафима. Такъ въ своей запискѣ: „Достовѣрныя свѣдѣнія о двухъ Дивѣевскихъ обителяхъ“ Н. А. Мотовиловъ пишетъ: и не только при жизни великаго старца Серафима, обитель его съ самаго незабвеннаго дня основанія ея 25-го Ноября 1825-го года, до дня приснопамятнѣйшей кончины его 2-го Января 1833-го года, къ коему времени въ ней было уже 74 сестры, была управляема особою независимою ни отъ кого (кромѣ одного его, великаго старца Серафима) — начальницею дѣвицею Прасковьею Степановною, но и потомъ до самаго наибѣдственнѣйшаго дня соединенія общинъ 28-го Іюля 1842 года, имѣла всегда своихъ полновластныхъ, самостоятельныхъ начальницъ, изъ которыхъ послѣднею была дѣвица Ксенія Ильинична. День соединенія двухъ Дивѣевскихъ общинъ я называю наибѣдственнѣйшимъ, потому что творившееся до того въ тайнѣ беззаконное извращеніе смысла и толка, и сущности воли Божіей Матери и завѣщаній великаго старца, въ этотъ день обнаружилось во всей силѣ своей. Не смотря ни на какіе мои глубоко-уважительные доводы по закону Божіему и гражданскому, заключающіеся въ бумагахъ моихъ, свѣдѣнія о заведеніи обѣихъ Дивѣевскихъ обителей были представлены совершенно превратнымъ образомъ, а именно, что будто-бы въ Дивѣевѣ никогда не бывало двухъ самостоятельныхъ и совершенно другъ отъ друга независимыхъ общинъ, а была одна община, въ двухъ отдѣленіяхъ. Поэтому, представивъ сію святую дѣвическую обитель Божіей Матери и великаго старца Серафима лишь только младшимъ, непокорствующимъ отдѣленіемъ, повелѣно было начальницу оной Ксенію Ильиничну, со всѣми сестрами ея, подчинить начальству мнимо-старшей начальницѣ Иринѣ Прокопьевнѣ Кочеуловой. Но въ самомъ дѣлѣ, какъ та, такъ и другая общины, чрезъ соединеніе это подведены были лишь подъ полное владычество канонарха Саровскаго и мѣщанина Тамбовскаго Ивана Тихонова. Ирина Прокопьевна всегда подписывала на готовыхъ бумагахъ, не читавши ихъ или того хуже, давала ему бланки, будучи имъ и сотрудницами его завлечена въ дѣлѣ соединенія лестію. Злоба-же канонарха сего на обитель сію мельничную дѣ-

вическую, предвидѣна была еще самимъ великимъ старцемъ Серафимомъ, почему онъ умолялъ Господа сотворить чудо о паденіи древа, чтобы хоть тѣмъ уцѣломудрить его. Ненависть-же раскрылась вполнѣ только тогда, когда пріѣхалъ Иванъ Тихоновъ съ іеромонахомъ Саровскимъ Анастасіемъ въ мельничную сію дѣвическую обитель, къ начальницѣ Ксеніи Ильиничнѣ и, пригласивъ всѣхъ старшихъ этой обители, потребовалъ отъ нихъ, чтобы онѣ при семъ іеромонахѣ Анастасіи подтвердили и сами всѣ, его похваленія, приписуемыя самому себѣ, какъ будто-бы онъ первый и любимѣйшій ученикъ батюшки о. Серафима и единственный надъ ними имъ уполномоченный всегдашній попечитель или въ противномъ случаѣ сказали-бы что-же имъ говорилъ про него великій старецъ Серафимъ? Поставляя выше всего страхъ Божій и уваженіе къ словамъ отца своего Серафима, онѣ сперва не исполнили его перваго требованія, а по второму настоятельному желанію Прасковья Степановна, бывшая начальница, сказала, что батюшка о. Серафимъ про него говорилъ, что онъ Иванъ Тихоновичъ „хоть и вызывается вамъ послужить, но во всю жизнь свою холоденъ будетъ къ вамъ; и хоть начнетъ хлопотать будто-бы изъ за васъ, но на васъ-же весь міръ воздвигнетъ и мірскихъ и духовныхъ и ничего вамъ добраго не сдѣлаетъ.“ Да и то прибавилъ онъ: „по мнѣ, убогомъ Серафимѣ, другаго отца уже не будетъ вамъ!“ И всегда называлъ онъ ихъ своими сиротами. Иванъ Тихоновъ такъ на это озлобился, что выходя изъ келіи и изъ обители мельничныхъ дѣвицъ, поклялся съ тѣхъ поръ и ноги своей не накладывать въ оную и не почить до тѣхъ поръ, пока не истребитъ ее до конца, не сотретъ съ лица земли и не уничтожитъ память о ея существованіи. Что и могло-бы дѣйствительно воспослѣдовать можетъ быть, если-бы она была основана на пескѣ, а не на камнѣ. Камень-же бѣ воля Божіей Матери и святые труды великаго старца Серафима, положенный въ ея основаніе. За всѣми домогательствами Ивана Тихонова и сотрудницъ его, обитель сія однакоже не рушилась, да и самый духъ общества сихъ двухъ обителей сестеръ, насильственно смѣшанныхъ, однако не только не смѣшался и не слился въ одинъ духъ,

но что всего удивительнѣе это то, что изъ обѣихъ общинъ выдѣлились лишь только всѣ усердствовавшія къ дѣлу сего соединенія, сподвижницы Ивана Тихонова, сначала тайно, и потомъ уже явно образовали изъ себя третье общество, духомъ своего руководителя вполнѣ проникнутое и сколько вытерпѣли сироты батюшки отца Серафима послѣ этого соединенія своего, о томъ можно лишь то сказать, что если-бы не Господь былъ за нихъ, то живыхъ убо пожерли быша ихъ. Съ 1849-го года печатно ихъ выдали за мертвыхъ (Иванъ Тихоновъ писалъ, что большинство Серафимовыхъ старицъ перемерло). О пѣніи Пасхи, хотя въ сказаніяхъ Ивана Тихонова напечатано на стр. 105., что дѣйствительно сладкимъ радостямъ сиротъ, при этомъ воспоминаніи не было конца, но напротивъ того, лишь только слезамъ, да и не однихъ Серафимовыхъ сиротъ, но и сестеръ обители матушки Александры, не было конца. Сироты мельничной обители неутѣшно плакали о томъ, что завѣщаніе великаго старца Серафима—попрано и они отданы въ руки врага своего. А старушки плакали о томъ, что нововведеніями нарушалось ихъ старинное правило и уставъ, принятый ими отъ Сарова. Если и радовались иныя, то немногія, а именно только тѣ, ходатаи о семъ соединеніи, которыя не вѣдали, что творили. Изъ нихъ впослѣдствіи нѣкоторыя раскаялись о тогдашней своей радости, потому что послѣ того всѣ зданія, строенныя по указанію батюшки о. Серафима, начиная съ мельницы и всѣ кельи его переломали, по приказанію Ивана Тихонова или переставили за канавку, а оставленныя въ канавкѣ на новыхъ, произвольныхъ, безъ нужды выбранныхъ мѣстахъ переставили. Если что и осталось на своемъ прежнемъ мѣстѣ, то лишь одна канавка съ своимъ валомъ, но и чрезъ неё, вопреки завѣщаніямъ старца Серафима, сдѣланы мосты и переходы. Великій старецъ часто поминалъ объ ней, говоря, что одна канавка его останется и станетъ стѣною до небесъ за сиротъ его и что сироты его хотя до настоящаго антихриста и не доживутъ, но времена его переживутъ".

Вслѣдъ за соединеніемъ общинъ въ одну, Иванъ Тихоновъ выхлопоталъ книжку для сбора пожертвованій на

постройки, затѣянныя имъ въ Дивѣевѣ и отправилъ съ книжкой въ Петербургъ сестру обители Е. А. Татаринову, преданную ему. На стр. 107 своихъ повѣствованій Иванъ Тихоновъ говоритъ, что первыми жертвователями были Государыня Императрица, Наслѣдникъ Цесаревичъ, Цесаревна, Великіе Князья и Княжны. Потомъ подписались Высокопреосвященнѣйшій Митрополитъ Серафимъ и другіе высокіе благотворители. Съ одной стороны, это свидѣтельствуетъ какъ чтили память о. Серафима въ то время и съ другой—какъ сильны были покровители простого послушника Саровской пустыни, изъ мѣщанъ Ивана Тихонова. Повидимому свѣтскіе люди не задались вопросомъ: могъ-ли о. Серафимъ поручить цѣлую обитель руководству не старца, а простого послушника?

Иванъ Тихоновъ ободренный своей удачей и побѣдой надъ старицами и сиротами Серафимовыми принялся дѣятельно за работу. Вслѣдъ за утвержденіемъ общины, былъ полученъ изъ Сvнода указъ съ разрѣшеніемъ строить въ обители каменный соборъ, по представленному плану, въ честь того образа Умиленія Божіей Матери, предъ которымъ о. Серафимъ скончался. Такъ какъ въ душѣ Иванъ Тихоновъ не желалъ слѣдовать указаніямъ батюшки о. Серафима и теперь, ошеломленный успѣхомъ борьбы съ дѣвичьей общинкой, онъ возмечталъ о себѣ, то въ немъ родилось желаніе превратить Серафимову обитель, смѣшанную съ обителію матери Александры, — въ свою собственную. Подъ предлогомъ, что на каменный соборъ нужно много денегъ, онъ отложилъ эту постройку и затѣялъ возведеніе новаго деревяннаго храма на мѣстѣ мельничной общинки, какъ будто эта постройка не требовала никакихъ средствъ. Кромѣ того, въ то время, не было никакой нужды строить небольшой деревянный храмъ, когда имѣлись два каменныхъ Рождественскихъ храма, построенныя М. В. Мантуровымъ при батюшкѣ Серафимѣ. Если они казались тѣсными, при увеличивающемся числѣ сестеръ обители, то тѣмъ менѣе требовалось строить столь-же малый деревянный храмъ въ два этажа. Но какъ мы вскорѣ увидимъ, Иванъ Тихоновъ задумалъ построить свой храмъ и запеча-

тать храмы отца Серафима, что ему, къ удивленію всѣхъ, удалось. Каждымъ своимъ шагомъ и дѣйствіемъ онъ ясно доказывалъ, что никогда не былъ ученикомъ великаго Серафима и въ духовномъ смыслѣ—былъ одержимый прелестію т. е. гордостію и вражьимъ духомъ.

Въ печати (стр. 112) Иванъ Тихоновъ доказывалъ необходимость постройки деревяннаго храма,—лживыми довсдами и затѣмъ самое возведеніе храма обставилъ небывалыми чудесами и совпаденіями обстоятельствъ. Такъ онъ пишетъ: „при всей своей радости, сироты не имѣли у себя никакихъ средствъ къ построенію каменнаго собора, а между тѣмъ необходимость *собственнаго* (?) храма была *очевидна* (?). Общество сестеръ, посвятившихъ себя Господу, состояло тогда уже слишкомъ изъ 300 душъ, которыя за неимѣніемъ собственнаго храма, были принуждены выходить изъ ограды обительской въ приходскій храмъ и тамъ молиться со всякимъ поломъ мірскихъ людей. Такимъ образомъ, онѣ теряли тамъ спокойствіе духа и развлекались мысленно. Еще болѣе нарушали ихъ мирную и уединенную жизнь совершавшіяся въ этомъ храмѣ бракосочетанія прихожанъ и соединенныя съ ними шумныя празднества.“

Какъ извѣстно, именно по этой причинѣ о. Серафимъ и просилъ М. В. Мантурова построить при Казанской приходской церкви для общины два храма: Рождества Христа Спасителя и Рождества Богоматери. Служба совершалась въ нихъ приходскимъ священникомъ о. Василіемъ Садовскимъ.

„Поэтому, продолжаетъ Иванъ Тихоновъ, сироты (?) рѣшились просить Св. Правительствующій Сѵнодъ о разрѣшеніи построить у себя другой, *больничный* храмъ, деревянный на каменномъ фундаментѣ, въ честь Тихвинской иконы Божіей Матери.“

Слѣдовало-бы ожидать, что поэтому Иванъ Тихоновъ просилъ разрѣшенія построить *первый* храмъ, ибо по его словамъ, совсѣмъ церкви не существовало, но просьба сводится лишь на возведеніе *больничнаго* храма и при больницѣ слѣдовательно. Такимъ образомъ ложь сама помѣшала скрыть правду; Иванъ Тихоновъ упросилъ разрѣшить ему

строить — третій храмъ въ честь Тихвинской Божіей Матери и чтобы получить согласіе Сѵнода, онъ преднамѣренно назвалъ его *больничнымъ*. Что строился онъ не для болящихъ, а для всѣхъ, видно изъ обстановки дѣла. Такъ Иванъ Тихоновъ свидѣтельствуетъ (стр. 113) что „образъ Тихвинской Божіей Матери былъ пожертвованъ въ обитель въ самый день утвержденія ея, какъ-бы въ знаменіе того, что Она Сама, милосердая Мать сиротствующихъ, во исполненіе Своихъ обѣтованій о. Серафиму, и за его молитвы, пожелала въ этотъ день раздѣлить съ ними и еще болѣе усладить, ихъ духовную радость. Именно, когда одна изъ сиротъ Дивѣевскихъ, Елисавета Андреевна Татаринова, хлопотавшая въ то время въ С.-Петербургѣ объ устройствѣ обители, пришла въ этотъ день къ Г. Бартеневу Юрію Никитичу, имѣвшему къ о. Серафиму и къ обители весьма большое расположеніе, тогда онъ и супруга его, поздравляя ее съ великою радостію, недоумѣвали, чѣмъ-бы ознаменовать свою любовь къ обители въ такой великій день, и наконецъ рѣшились пожертвовать сиротамъ эту священную икону. Вскорѣ послѣ того, прислана была въ обитель генеральшею Маріею Петровною Купріяновою и другая икона Тихвинской Божіей Матери, копія съ той самой иконы Царицы—Небесной, которая находится въ Тихвинѣ.“

Характеренъ дальнѣйшій разсказъ Ивана Тихонова, изобилующій вездѣ и всегда лестью и своеобразнымъ подборомъ фактовъ. Въ это время, говоритъ онъ, его посѣтили въ Саровской обители двѣ Дивѣевскія сестры: казначея изъ дворянъ дѣвица Юлія Симеоновна Макавѣева и благочинная изъ купеческаго сословія дѣвица Татьяна Григорьевна Ненюкова (Бучумова), которыя особенно пеклись о благосостояніи и устройствѣ Дивѣевской общины. Почему это событіе начинается разсказомъ о посѣщеніи его сестрами въ Саровѣ, когда Иванъ Тихоновъ постоянно пребывалъ въ Дивѣевѣ,—трудно понять, но надо предполагать, что Иванъ Тихоновъ желалъ изобразить, какъ Дивѣевскія сестры пріѣзжали его просить помочь имъ въ устройствѣ церкви. Между прочими разговорами онѣ будто-бы начали говорить о храмѣ, какъ онъ необходимъ, какъ его жаждутъ всѣ сестры

и какъ въ тоже время недостатокъ средствъ не только уничтожаетъ сладкое ихъ намѣреніе и желаніе, но не позволяетъ даже и думать о немъ. Много при этомъ было излито будто бы воздыханій сердечныхъ и слезъ пріѣхавшими сиротами. Несомнѣнно казначея и благочинная были сторонницы Ивана Тихонова, какъ начальствующія лица. Онѣ будто бы привели себѣ въ примѣръ Саровскую обитель, которая такъ изобильна всѣмъ и въ которой такъ много храмовъ для славословія Господа, а онѣ такъ убоги, что едва имѣютъ мѣсто, гдѣ преклонить главу свою. При этой прискорбной жизни, у нихъ нѣтъ даже храма, въ которомъ бы онѣ могли, по званію своему, возносить молитвы Господу и прославлять Его святое имя и Пречистой Его Матери. Смотря на ихъ скорби и слезы, говоритъ онъ, совершенно справедливыя и я грѣшный смутился духомъ въ эти минуты и раздѣлялъ съ ними ихъ сокрушенія. Но вдругъ, *какъ-бы свѣтъ вѣры просіялъ въ душѣ его* и онъ спросилъ у нихъ: есть-ли у нихъ хоть что нибудь въ виду для начатія постройки храма? Кто это спрашивалъ?—попечитель и распорядитель обители у подчиненной ему казначеи? Но видимо, Иванъ Тихоновъ задался цѣлію увѣрить читателя его разсказа о постройкѣ Тихвинской церкви, что сестры обители заботились объ этомъ, а не онъ. Конечно казначея и благочинная должны были отвѣтить своему попечителю, что рѣшительно не имѣютъ ничего въ виду. Тогда Иванъ Тихоновъ сказалъ имъ въ утѣшеніе, что если онѣ не имѣютъ при себѣ ничего, чѣмъ-бы могли начать постройку храма, то у него въ кельѣ есть два серебряныхъ пятачка, которыми онѣ и начнутъ и онъ вѣруетъ, что Спаситель приметъ и отъ него грѣшнаго эти убогія двѣ монеты, какъ древле принялъ отъ вдовицы двѣ лепты. По окончаніи этихъ словъ, начальствующія сестры упали Ивану Тихонову въ ноги и сказали со слезами: „*мы вѣруемъ въ силу* Господа и Пречистой Его Матери и если угодно имъ наше желаніе и намѣреніе, то оно исполнится также, какъ и другія, касавшіяся обители. Вся она устраивается дивно, безъ всякихъ видимыхъ средствъ, единственно Промысломъ Божіимъ и предстательствомъ Царицы Небесной, по молитвамъ отца

Серафима, равно какъ и вашими, батюшка, попеченіями.“ Трогательно сказано! Такимъ образомъ, говоритъ Иванъ Тихоновъ, они положили въ основаніе только одну вѣру въ предстательство и помощь Матери Божіей и рѣшительно согласились приступить къ начатію храма. Имъ казалось, что при самомъ началѣ необходимо имѣть наличнаго капитала по крайней мѣрѣ 1000 рубл. асс., потому что требовалось дать около 300 руб. асс. рабочимъ за выемку земли (удивительно, что они рѣшили это сидя въ Саровѣ?!), да подрядчику каменнаго зданія въ задатокъ около 400 руб. и еще подрядчику деревяннаго зданія около 300 рублей. Искали они мысленно такихъ благодѣтелей, которые бы дали имъ на первый случай заимообразно 1000 р. асс. и не нашли никого ближе, по самому званію монашескому, кромѣ отца игумена Саровскаго, въ которомъ будто-бы думали найти отца. Поэтому, съ общаго согласія отправили къ нему письмо, въ которомъ излили всѣ свои скорби и слезныя моленія о помощи. Странно, что просили не лично, а написали письмо, когда игуменъ жилъ черезъ нѣсколько домовъ. Но, Иванъ Тихоновъ не любившій игумена за то, что онъ его дурно аттестовалъ, пишетъ будто-бы, сверхъ ожиданія получили отъ него рѣшительный отказъ. Даже Иванъ Тихоновъ счелъ приличнымъ и стоющимъ печатно (стр. 116) заявить объ отказѣ игумена и прибавилъ: „промыслъ Божій предусмотрительно затворилъ утробу отца игумена, да явится все богатство любви и попеченія Заступницы Небесной; но тогда никто изъ насъ не мыслилъ о томъ, яже суть Божія, но всѣ лишь скорбѣли о томъ, яже суть человѣческая.“ Это не вяжется съ заявленіемъ его, что они положили въ основаніе постройки храма—крѣпкую вѣру. Далѣе онъ говоритъ: „каждую минуту отказъ о. игумена представлялся воображенію сестеръ (?) и приносилъ имъ новыя, горчайшія слезы и стенанія, высказывая все ихъ убожество, до того, что онѣ не имѣютъ даже храма божественнаго (?), въ которомъ могли бы облегчить свои скорби и возносить молитвы и славословія къ Господу и Пречистой Его Матери, для чего и міръ оставили!“ Такъ играло воображеніе настойчиваго въ своихъ планахъ канонарха о. Іоанна!

По словамъ его, сестры провели весь тотъ день до глубокаго вечера въ душевной болѣзни, въ скорбяхъ, молитвѣ и не могли успокоиться даже ночью. Наконецъ, онѣ рѣшились совершенно положиться на Промыслъ Божій и на предстательство Царицы Небесной. Едва успѣли они утвердиться на этомъ упованіи, какъ вдругъ вошла въ келью гостинницы въ Саровѣ, одна изъ Дивѣевскихъ сестеръ, дѣвица изъ дворянъ Анна Васильевна Ладыженская, которая имѣла послушаніе ѣздить въ г. Арзамасъ на почту. Обѣ сестры Екатерина и Анна Васильевны Ладыженскія, поступили въ обитель въ 1842-мъ году, но до 1850-го года были постоянно въ разъѣздахъ. Какъ мы увидимъ впослѣдствіи онѣ не отличались твердостію характера и вначалѣ были преданы Ивану Тихонову. На этотъ разъ Анна Васильевна пріѣхала доложить Ивану Тихонову, что привезла съ почты 1000 рублей. Эта внезапная будто бы вѣсть совершенно поразила всѣхъ. Сначала, отъ изумленія и ужаса, онѣ только смотрѣли ей въ глаза, но затѣмъ стали сомнѣваться, не искушаетъ-ли она ихъ? Когда же Ладыженская вынула и подала деньги Ивану Тихонову, все обратилось теперь въ благоговѣйное удивленіе и наконецъ излилось обильнѣйшими и горячайшими слезами радости и благодарности. Сироты пали предъ Царицею Небесною и не находили словъ молитвенныхъ въ изъявленіи своей благодарности; онѣ только смотрѣли на образъ всѣхъ скорбящихъ Заступницы, плакали и молчали. За то говорили за нихъ ихъ сердца, увѣряетъ попечитель, и горячія слезы. Пріѣхавшая сестра также плакала и утѣшалась, смотря на нихъ т. е. казначею и благочинную и какъ пишетъ о. Іоаннъ: „хотя и не знала еще ничего.“ Вставши съ колѣня, но не переставая изливать радостныя слезы, сестры спросили у пріѣхавшей: что это такое она привезла въ ящикѣ, который поставила на столъ? Ладыженская вскрикнула: „Ахъ, я и забыла еще вамъ сказать о главной-то радости,—и при этихъ словахъ открыла ящикъ. Тамъ былъ образъ самой Царицы Небесной *Утоленія печали*. „Только что я стала подходить вчера къ почтовой конторѣ, продолжала Анна Васильевна, какъ вдругъ встрѣчается со мною какая то благочестивая жена и по-

даетъ мнѣ этотъ самый образъ, говоря, что она пожелала пожертвовать его въ Дивѣевскую обитель. Получивши это драгоцѣнное сокровище, я съ несказанною радостію отправилась съ нимъ на почту и спросила тамъ у одного чиновника: нѣтъ-ли чего нибудь въ обитель Дивѣевскую? Онъ отвѣчалъ, что въ вашу обитель есть 1000 р. асс. Эта вторая милость Божія и Царицы Небесной до того меня восхитила, что я, получивши деньги, какъ бы на крыльяхъ летѣла, а не ѣхала въ обитель цѣлую ночь.“ Дивное чудо, говоритъ Иванъ Тихоновъ, совершенное Царицею Небесною для утѣшенія сиротъ, было теперь совершенно открыто и ясно. Весь прошедшій день, ночь и самое утро, до пріѣзда Ладыженской, сестры утопали въ слезахъ скорбныхъ и молитвенныхъ и уже отчаявались въ исполненіи сладкаго желанія своего сердца—славословить Господа и Пречистую Матерь Божію въ собственномъ храмѣ; ибо всякая помощь человѣческая оставила ихъ. Послѣ еще многихъ черезъ чуръ сладкихъ словъ, Иванъ Тихоновъ описываетъ съ какимъ восторгомъ спѣшили теперь сироты въ Дивѣево обрадовать во Христѣ сестеръ своихъ и засвидѣтельствовать предъ ними о дивномъ чудѣ и о материнскомъ попеченіи Царицы Небесной.

Чудеса продолжаются! Имѣя теперь совершенно ясное доказательство благоволенія Божія и Царицы Небесной на сооруженіе у нихъ храма, говоритъ Иванъ Тихоновъ, и необходимый на первый случай капиталъ, сироты не знали вначалѣ, гдѣ положить основаніе этому храму; думали даже сломать мельницу и на этомъ мѣстѣ воздвигнуть его, какъ на мѣстѣ, избранномъ и благословенномъ самимъ о. Серафимомъ. Наконецъ, послѣ разныхъ недоумѣній, и въ этомъ случаѣ сестры, какъ дѣти, рѣшились испросить волю Самой высокой и милосердой Матери своей. Всѣ излили предъ Нею свои моленія, чтобы Она Сама благоволила показать угодное Ей мѣсто для сооруженія священнаго Своего храма. И вотъ, одна изъ сестеръ, именемъ Параскева, видитъ сонъ, что въ ворота обители шествуетъ необыкновенная священная процессія. Предшествуемые Небесными Силами, торжественно шли святители Божіи и несли двѣ иконы

Царицы Небесной: Тихвинской и Умиленія или всѣхъ радостей Радость; за ними шли преподобные отцы и жены и другіе святые Божіи. Остановившись на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь сооруженъ больничный храмъ, они начали совершать какое-то служеніе; но какое именно, и что пѣли, сестра не могла уразумѣть; изъ разсказа же ея понятно, что то была соборная литія, совершаемая во время крестнаго хода. Проснувшись, сестра передала это радостное видѣніе и знаменіе Владычицы прочимъ сестрамъ. По близости того самаго мѣста, которое она избрала себѣ для сооруженія храма, у сиротъ уже былъ приготовленъ заблаговременно почти весь матеріалъ. Тамъ было до 200,000 кирпичу, самый лучшій лѣсъ и нѣсколько саженъ песку и извести. Когда осмотрѣли мѣстность, говоритъ Иванъ Тихоновъ, то заготовленному матеріалу не было конца. Тутъ же нѣкоторые изъ работниковъ разсказывали, какъ очевидцы, что еще гораздо ранѣе они, работая по близости видѣли однажды, что вдругъ надъ ними какъ бы разверзлось небо и что-то блестящее упало оттуда на это самое мѣсто и что еще тогда же они передали объ этомъ дивномъ видѣніи многимъ.

Но спрашивается, что это за матеріалъ и откуда? Неожиданное появленіе его, по словамъ того-же Ивана Тихонова, поразило всѣхъ. Точно казначея и благочинная, плакавшія въ Саровѣ о неимѣніи храма, когда ихъ было два, могли не знать, что 200,000 кирпичу сложено въ монастырѣ? Какъ они расчитывали, что надо 1000 рублей на начало деревяннаго Тихвинскаго храма, когда на стр. 122 Иванъ Тихоновъ пишетъ: „какъ недавно Царица Небесная подвигнула одного боголюбиваго мужа Петра (въ г. Борисоглѣбскѣ, Тамбовской губ.) прислать въ обитель для утоленія печали сиротъ своихъ 1000 р., такъ зная *послѣдующую* (?) необходимость матеріаловъ въ обители для своего храма, Она же, Всевѣдующая, внушила благочестивое желаніе другому боголюбивому мужу Павлу (въ С.-Петербургѣ) вручить сиротѣ Дивѣевской, Елисаветѣ Андреевнѣ Татариновой, для нуждъ обители, приготовленный имъ капиталъ, который онъ самъ незналъ въ началѣ на какое употребить богоугод-

ное дѣло. На эти-то деньги и былъ приготовленъ весь матеріалъ.“

Ясно изъ этого одного, что былъ пожертвованъ капиталъ на постройку каменнаго собора, подъ который о. Серафимъ купилъ самъ земли у г-на Жданова и на эти деньги купленъ матеріалъ, сложенный за канавкою. Но жестокій по своему замыслу Иванъ Тихоновъ, рѣшился воспользоваться матеріаломъ для постройки своей Тихвинской церкви и вполнѣ нарушилъ этимъ волю и завѣтъ великаго старца Серафима. Безъ стѣсненія онъ заявляетъ на стр. 122 своей книги, что разсказъ рабочихъ о ниспаденіи блестящаго съ неба былъ принятъ съ благоговѣніемъ и всѣ не менѣе дивились и потому очевидному Промыслу Божію и Пречистой Его Матери, что Они внушили Ивану Тихонову (?) заблаговременно приготовить матеріалъ и свозить его именно на то самое мѣсто, которое угодно было Матери Божіей освятить для своего храма. „Здѣсь, пишетъ канонархъ, я снова видѣлъ въ себѣ только орудіе милосердія и любви Ея къ убогимъ сиротамъ; потому что все это есть дѣло прозорливыхъ людей, а не такого слѣпца немощнаго, какимъ я сознаю себя!“

Далѣе Иванъ Тихоновъ говоритъ, что работа весело закипѣла при готовомъ матеріалѣ, не смотря на всѣ препятствія со стороны недоброжелательствующихъ. Въ одно и тоже время, въ одномъ мѣстѣ работали каменьщики и закладывали фундаментъ, слишкомъ въ 5 аршинъ вышиною, а въ другомъ, поблизости, рубили лучшій лѣсъ, и выводили деревянный срубъ, для верхняго этажа храма. Такимъ образомъ черезъ 9 мѣсяцевъ, храмъ на 30 саженяхъ былъ уже готовъ въ чернѣ. При самомъ окончаніи храма, когда онѣ протратили весь капиталъ, присланный на соборъ изъ Петербурга, сироты, по словамъ ихъ попечителя, видѣли снова постоянное промышленіе о нихъ милосердой Матери Божіей. Во первыхъ пріѣхала одна боголюбивая госпожа, именемъ Марія и пожертвовала 300 рублей; во вторыхъ—когда, по окончаніи храма, потребовалось расплатиться съ

плотниками на сумму около 2000 руб., то мать благочинная предсказала по своему сну, что будетъ пожертвованіе въ день Знаменія Божіей Матери и дѣйствительно въ этотъ день пришелъ въ обитель крестьянинъ, по приказанію своего помѣщика и спросивши настоятельницу, вручилъ ей отъ имени своего господина 2000 руб. ассиг. Послѣ всего разсказаннаго, Иванъ Тихоновъ позволилъ себѣ утверждать (стр. 124), что храмъ его, начатый безъ всякихъ видимыхъ средствъ, по одной вѣрѣ въ Промыслъ Божій и предстательство Царицы Небесной, за молитвы о. Серафима, и котораго построеніе было сопровождаемо видимымъ содѣйствіемъ свыше, къ концу года былъ совершенно конченъ.

Дѣйствительно церковь во имя иконы Тихвинской Божіей Матери, весьма тѣсная, малая, всего 15 сажень длины, 9 сажень ширины и 7 сажень вышины, съ одной главой бѣлой жести, была освящена въ 1847 году 17 Іюня въ Бозѣ почившимъ Іаковомъ архіепископомъ Нижегородскимъ и Арзамасскимъ. Главный придѣлъ былъ Тихвинской Божіей Матери. Правый придѣлъ во имя Архангела Михаила и Силъ Небесныхъ былъ освященъ 4 Іюня 1848 года тѣмъ же архіепископомъ Іаковомъ. Лѣвый придѣлъ во имя всѣхъ Святыхъ освященъ въ 1848 году 4 Іюня протоіереемъ Нижегородскаго Кресто-Воздвиженскаго женскаго монастыря о. Алексіемъ. Въ нижнемъ этажѣ была устроена церковь въ честь Утоленія печали Божіей Матери, которую освятилъ въ 1850 году 13 Іюня протоіерей общины о. Василій Садовскій.

Архіепископъ Іаковъ, весьма умный и духовной жизни человѣкъ относился съ любовію къ памяти о. Серафима, но также по недоразумѣнію, вначалѣ, повѣрилъ разсказамъ Ивана Тихонова о себѣ и поддерживалъ его. Послѣ освященія храма, онъ не только обошелъ всю обитель и все тщательно осмотрѣлъ, но побывалъ и въ каждой кельѣ сиротствующихъ, вникая подробно въ ихъ положеніе и ни одной сестры не оставилъ безъ какого нибудь важнаго, отеческаго наставленія. Иванъ Тихоновъ, однако, успѣлъ

убѣдить его въ приказаніи о. Серафима, по его примѣру, прочитывать Евангеліе, по одному евангелисту въ день и преосвященный Іаковъ благословилъ совершать въ Тихвинской церкви, день и ночь чтеніе Евангелія и послѣ каждаго Евангелиста прочитывать Акаѳистъ страстямъ Христовымъ, а чтеніе Псалтыри прекратить въ Рождественской церкви.

Въ офиціальномъ описаніи монастыря, хранящемся въ Нижегородской консисторіи, такъ говорится объ этомъ ужасномъ времени, переживаемомъ Дивѣевскою обителію:

„При слабой настоятельницѣ, новообразовавшейся Серафимо-Дивѣевской общины,—Иринѣ Прокопьевнѣ Кочеуловой, все совершенно забравшій въ личное, насильственное и самопроизвольное распоряженіе свое, Иванъ Тихоновъ, всѣмъ чѣмъ лишь было возможно тѣснилъ и преслѣдовалъ Серафимовскихъ, постепенно стараясь, подъ всевозможно благовидными предлогами уничтожить все Серафимовское, святымъ старцемъ, по приказанію Матери Божіей заповѣданное, замѣняя то, лично своимъ, новымъ. Такъ мельницу-питательницу перенесъ онъ почти на версту въ поле съ прежняго, ей батюшкою Серафимомъ опредѣленнаго мѣста; затѣмъ, упросилъ Епархіальное начальство запереть и запечатать обѣ Рождественскія церкви, вмѣсто столь строго заповѣданнаго чтенія неугасимой Псалтыри, заставилъ читать Евангеліе въ Тихвинской новоотстроенной имъ церкви. Послѣ этого снесъ всѣ, по приказанію батюшки Серафима поставленные корпуса—келіи, построивъ свои, новые и всѣ заднимъ фасомъ къ святой, заповѣданной Царицею Небесною канавкѣ, съ твердо выраженнымъ намѣреніемъ постепенно засыпать ее всякимъ соромъ и впослѣдствіи совершенно заровнять. Эта всѣмъ извѣстная и столь многозначительная канавка, вырыта по приказанію Самой Матери Божіей, по той самой тропѣ, гдѣ, по глаголу св. старца: „Стопочки Царицы Небесной прошли!“ Она начата особо-чудеснымъ образомъ самимъ батюшкою Серафимомъ. При выкапываніи сестрами мельничной общинки,

Сама Она, Заступница всѣхъ христіанъ всегда невидимо присутствовала лично, благословляя трудъ послушанія ихъ, какъ то часто всѣмъ самъ говорилъ старецъ Божій. „Канавка эта одна всегда заступитъ васъ, ставъ огненною стѣною до неба! И даже Антихристъ и тотъ ее перейти не сможетъ!" говорилъ о. Серафимъ.

Понятно, что такому „чуждопосѣтителю" батюшка о. Серафимъ предсказалъ, что онъ не увидитъ лица Серафимова ни здѣсь, ни въ будущей жизни!

Протоіерей о. Василій Садовскій

съ Серафимовыми сиротами.

ГЛАВА XXIV.

Страданія Серафимовыхъ сиротъ. Чудеса по молитвамъ о. Серафима. Видѣніе Саровскому послушнику. Исполнившіяся предсказанія о. Серафима. Дурная атестація Саровской братіи, данная Ивану Тихонову. Рѣшеніе Ивана Тихонова покинуть Саровскую пустынь. Поступленіе въ Дивѣевскую обитель Е. А. Ушаковой. Стараніе Ивана Тихонова построить соборъ не на землѣ, купленной о. Серафимомъ. Дѣйствія преосвященнаго Іакова и донесеніе исправника Бетлина о неудобствѣ постройки собора на мѣстѣ выбранномъ Иваномъ Тихоновымъ. Закладка собора. Переводъ Ивана Тихонова въ Нижегородскую епархію, постриженіе въ монахи съ именемъ Іоасафа и посвященіе въ санъ іеромонаха. Отправленіе его сборщикомъ въ Петербургъ. Напечатаніе въ 1849 году разсказовъ о отцѣ Серафимѣ. Переводъ о. Іоасафа въ архіерейскій домъ и послѣдующая служба. Отказъ преосвященнаго Іакова на прошеніе о назначеніи о. Іоасафа попечителемъ Дивѣевской обители. Смѣна Ирины Прокопьевны по старости лѣтъ и назначеніе Е. В. Ладыженской. Удаленіе о. Іоасафа изъ Дивѣева преосвященнымъ Іустиномъ послѣ смерти преосвященнаго Іакова. Преосвященный Іеремія.

„Послѣ меня, говорилъ о. Серафимъ, прощаясь съ старшею сестрою Прасковьею Степановною, много, много вамъ будетъ скорби, но что дѣлать, потерпите, такой ужъ путь вашъ!“

И великія эти старицы и сироты Серафимовы истинно терпѣли и молчали, пока не пришла пора отвѣчать имъ на вопросы духовныхъ и свѣтскихъ слѣдователей. Что онѣ терпѣли и переносили можно себѣ представить! Достаточно было видѣть батюшкины храмы запечатанными, всѣ постройки сломанными, все завѣщанное великимъ старцемъ, по приказанію Царицы Небесной, уничтоженнымъ. Во главѣ стоялъ лже-ученикъ Серафимовъ, стремившійся стереть съ лица

земли юную обитель и ему поклонялись, думая служить истинѣ, не только безграмотныя, неразвитыя и слабыя духомъ крестьянки, но также дворянки, видимо образованныя, добродушныя, но конечно увлекавшіяся внѣшнимъ благочестіемъ окружающихъ. Настоящій ученикъ Серафимовъ М. В. Мантуровъ, отдавшій обители Дивѣевской все свое достояніе, былъ безъ всякаго вліянія и значенія, какъ бы уничтоженъ Иваномъ Тихоновымъ, прославленнымъ въ Петербургѣ среди великосвѣтскихъ дамъ, не имѣющихъ естественно ни опыта, ни знаній для отличія духовной истины отъ вражьей прелести. Не легко было смотрѣть на все это блаженнымъ, дивнымъ старицамъ Дивѣевскимъ и молча терпѣть скорби отъ врага человѣчества! Оставалось изливать свое горе на могилѣ батюшки Серафима, который невидимо укрѣплялъ ихъ и продолжалъ совершать чудеса.

Изъ числа совершенныхъ чудесъ съ пріѣзжими, записанныхъ своевременно, замѣчательны слѣдующія: (монастырскій архивъ, см. брошюру Дивѣевскаго изд. 1874 г. Москва).

Одинъ купецъ Костромской губерніи, Павелъ Михайловичъ Иконописцевъ, вродолженіи долгаго времени, каждый годъ, въ опредѣленный день, пріѣзжалъ въ Дивѣевскую обитель. Въ одно изъ своихъ посѣщеній онъ передалъ старшей сестрѣ въ гостинницѣ Аннѣ Захаровой (монахинѣ Ревеккѣ) слѣдующій разсказъ: въ первый пріѣздъ свой, когда онъ ѣхалъ съ своимъ приказчикомъ изъ Сарова домой, остановились они по дорогѣ въ Серафимо-Дивѣевѣ. Отстоявъ вечерню, собрались въ дальнѣйшій путь, но сестра обители, бывшая въ то время на гостинницѣ Агафія Иларіоновна, уговаривала ихъ остаться на ночь, чтобы утромъ осмотрѣть находящіяся въ обители вещи о. Серафима и еще потому, что ночь могла ихъ захватить въ дорогѣ. Однако уговоры сестры не подѣйствовали и думая себѣ, что достаточно поклониться на могилѣ о. Серафима въ Саровѣ, а потому не для чего уже останавливаться въ Дивѣевѣ, они поѣхали своей дорогой. Не успѣли они отъѣхать версты отъ Дивѣева, какъ вдругъ ихъ накрыла туча, непроглядной темноты,

такъ что отъ снѣга не бѣлѣла и не свѣтлѣла дорога. Затѣмъ поднялся такой страшный буранъ, что хотя они ѣхали и по большой дорогѣ, но совершенно потеряли слѣдъ, лошади стали, а ямщикъ прямо объявилъ, что не знаетъ куда ѣхать и окончательно замерзаетъ. Холодъ все крѣпчалъ и путники, сознавая, что не откуда получить помощь, начали отчаяваться въ спасеніи. Сколько они не молились, не призывали на помощь св. угодниковъ, положеніе становилось безотраднѣе и вскорѣ предстояла имъ ужасная смерть. Но вдругъ Иконописцевъ воскликнулъ, какъ-бы очнувшись: „Эхъ братцы, и мы-то хороши! Были мы на поклоненіи отцу Серафиму, а его помощи и не просимъ! Давайте, попросимъ его!“ Тогда всѣ трое, собравъ послѣднія силы, стали на колѣни и начали усердно молиться Богу и просить помощи о. Серафима, чтобы не умереть имъ безъ покаянія. Не успѣли они окончить своей молитвы, какъ вдругъ услышали, что возлѣ нихъ кто-то шаркаетъ по снѣгу и говоритъ: „Ей вы! что это гдѣ засѣли? Ну-ка вотъ ступайте за нами, мы васъ выведемъ на дорогу!“ Глядятъ, а мимо ихъ старичекъ и старушка везутъ салазки и оставляютъ по себѣ большой слѣдъ. „Поѣхали мы по слѣду“, говорилъ Иконописцевъ, „чудно да и только, слѣдъ виденъ, голоса покрикиваютъ: „сюда, сюда за нами!“ и видно то намъ ихъ, а захотимъ догнать и лошадей пустимъ,—никакъ не догонимъ, диво да и только! Цѣлая тройка, а простыхъ салазочекъ не догонитъ! Такъ вотъ мы по слѣду-то все ѣхали, да ѣхали и вдругъ точно упали въ какой-то оврагъ и застряли: ну, думаю,—бѣда! а голоса-то и кричатъ: „не бойтесь, не бойтесь, ничего, ступайте за нами!“ Дѣйствительно, преблагополучно выѣхали мы изъ оврага и снова поѣхали по слѣду, какъ вдругъ показались огни, слѣдъ и салазки и старикъ со старушкой пропали, а мы, выѣхавъ на огонь, очутились въ Елизарьевѣ селѣ, всю ночь проплутавъ. „Это старичекъ, со старушкой были несомнѣнно о. Серафимъ и мать Александра и потому вѣря, Иконописцевъ ежегодно пріѣзжалъ благодарить ихъ въ Дивѣево.

Монахиня Магдалина Тихвинскаго женскаго монастыря, изъ г. Нѣжина Черниговской губ. урожд. Марія Павловна,

Шахова, родившаяся въ Петербургѣ и жившая съ пятилѣтняго возраста въ монастырѣ, поѣхала по благословенію Черниговскаго епископа навѣстить сестру свою въ Троекуровскій женскій монастырь, которую не видала 30 лѣтъ. Проведя здѣсь нѣкоторое время, она поѣхала также въ Саровскую пустынь, согласно давнему желанію своему и остановилась въ монастырской гостинницѣ, называемой Черной, находившейся подъ вѣдѣніемъ о. Николая. Заболѣвъ здѣсь жестокой лихорадкой, она пролежала цѣлыя пять недѣль. О. Николай, гостинникъ, видя такую сильную болѣзнь, думалъ, что видно она пришла умирать къ нимъ. Во все время болѣзни матери Магдалины, онъ былъ весьма внимателенъ и добръ къ ней, самъ приносилъ чай, пищу и уходя, всегда запиралъ келію, чтобы никто изъ посторонних не безпокоилъ больную. И вотъ 2-го августа, когда мать Магдалина лежала въ запертой келіи, вдругъ вошелъ къ ней безъ молитвы и дозволенія какой-то монахъ въ шубѣ, съ сумою за плечами, въ лаптяхъ и въ кожанной полумантіи. Удивленная и недовольная мать Магдалина испуганно спросила: „Кто вы, батюшка? Какъ вы вошли, когда я лежу больная и дверь моя заперта? Что вамъ нужно?“—„Я Серафимъ, пребываю здѣсь! Ступай на источникъ!“ отвѣтилъ онъ. „Не могу батюшка, я очень слаба“, отвѣчала она. „Ступай!“ повторилъ о. Серафимъ нѣсколько разъ и затѣмъ удалился. Видя, что никого уже нѣтъ, мать Магдалина подошла къ двери, чтобы убѣдиться заперта ли она, отворила ее и спросила: „гдѣ монахъ, который сейчасъ былъ у меня?“ На это всѣ, находившіеся въ корридорѣ отвѣтили, что никакого монаха не было и вмѣстѣ съ тѣмъ сами спросили, съ кѣмъ она разговаривала, ибо слышали, что кто-то говорилъ съ нею. Изумленная мать Магдалина возвратилась въ келію. Нѣсколько часовъ спустя, опять явился ей батюшка о. Серафимъ въ суконномъ кафтанчикѣ, подошелъ къ постели, сѣлъ на край и приказалъ ей непремѣнно идти на источникъ, чтобы исцѣлиться тамъ. Но мать Магдалина боялась и подумать объ этомъ, такъ была слаба; вслѣдствіе того, она отговаривалась. На другой день, предъ ранней обѣдней, въ третій разъ явился ей батюшка въ бѣломъ балахонѣ и приподнявъ

ее съ постели, строго приказалъ идти къ источнику получить тамъ исцѣленіе. Тогда мать Магдалина побоялась ослушаться и не медля пошла на источникъ. Она все таки не раздѣлась, а стала подъ жолобъ въ юбкѣ и кофтѣ. Когда облила ее холодная, ключевая вода, то она услышала громогласный, выходящій какъ-бы изъ жолоба голосъ: „исцѣлена Магдалина!“ Ужаснувшись отъ этихъ словъ, она воскликнула: „вѣрую Господи, что я исцѣлена и благодарю Тебя!“ Осмотрѣвшись затѣмъ кругомъ, она убѣдилась, что никого нѣтъ вблизи. Взявъ съ собой въ бутылку воды, мать Магдалина возвратилась въ Саровъ. Удивился о. Николай этому чуду, ибо зналъ до какой степени она была слаба; а теперь она шла одна. Тутъ-же о. Николай разсказалъ, какъ онъ самъ получилъ исцѣленіе отъ лихорадки. Къ нему также явился о. Серафимъ и сказалъ: „развѣ ты не знаешь моего источника, ступай на него!“ Какъ только онъ искупался, совершенно выздоровѣлъ. Мать Магдалина возвратившись съ источника, напилась чаю и легла. Въ тонкомъ снѣ она вновь увидала о. Серафима, который сказалъ ей: „теперь иди въ Дивѣевъ!“ „Зачѣмъ же идти мнѣ туда; тамъ нечего дѣлать?!“ отвѣтила она. Но батюшка нѣсколько разъ повторилъ приказаніе идти въ Дивѣево и добавилъ: „все мое тамъ и я самъ постоянно и болѣе всего тамъ пребываю.“ Когда мать Магдалина проснулась, то все это передала Саровскому пещернику о. Парфенію, прося записать все случившееся. Онъ рѣшительно отказался, говоря: „ступайте въ Дивѣевъ, тамъ запишутъ; иди, иди въ Дивѣевъ; это великая благодать, тебѣ и самъ о. Серафимъ на то указалъ; тамъ запишутъ непремѣнно, потому что тамъ болѣе всѣхъ почитаютъ его! И Богъ знаетъ, что еще будетъ изъ насъ и изъ Дивѣева! У насъ вотъ три раза видѣли горящія свѣчи на могилѣ его, да и то мы не вѣримъ и ничему не повѣримъ, пока на гробѣ его развѣ что либо ясное случится.“

Монахиня Каллиста разсказывала (тетрадь № 1), что однажды (въ 1840 г.) ее послали съ матерью Ѳевроніей въ Арзамасъ на своей лошадкѣ. По дорогѣ онѣ встрѣтили молодаго послушника, взаимно поклонились другъ другу и спросили изъ какого онъ монастыря. „Саровскій, сказалъ

онъ, а вы?“ „Дивѣевскія,“ отвѣтили они. „А, родные наши!“ воскликнулъ послушникъ. Сѣли они отдохнуть и разговорились. Послушникъ передалъ имъ, что идетъ за бумагами, всего три года живетъ въ обители, служилъ смиренному іеромонаху *Іоанну* (Иванъ Александровичъ Коротаевъ), который скончался и былъ такой строгой жизни, что кромѣ храма и трапезы никуда не ходилъ и въ келіи даже не имѣлъ у себя ни куска хлѣба, ни кваса. Онъ былъ никому неизвѣстенъ своими высокими подвигами, жилъ въ униженіи; когда же умеръ, то у него нашли только три копѣйки денегъ. „Я скорбѣлъ на него“, говорилъ послушникъ, „служилъ ему три года такъ усердно, любилъ его и зналъ, что онъ меня любитъ и былъ мною доволенъ, а ничего мнѣ не оставилъ, ничѣмъ не утѣшилъ, но самъ за него молился и другихъ просилъ молиться. Разъ я вижу сонъ; за Сатисомъ (рѣка), гдѣ у насъ огороды, зеленый лугъ весь усыпанъ точно райскими цвѣтами. Я спросилъ, кому принадлежитъ этотъ дивный садъ или лугъ? Мнѣ сказали: это обитель батюшки Серафима. Смотрю, всѣ наши монахи идутъ встрѣчать, точно какъ Владыку; на одной сторонѣ братія, а на другой—монашенки, все толпами. Первыми, во множествѣ идутъ—Дивѣевскія, вторыми—Ардатовскія, а потомъ Ковыляевскія. Батюшка Серафимъ стоитъ на этомъ лугу, подлѣ него мой старецъ—Іоаннъ; всѣ такъ чинно подходятъ къ нему подъ благословеніе, а потомъ къ моему старцу. Я подхожу послѣ всѣхъ, какъ и всѣ подходили прежде къ батюшкѣ Серафиму, а потомъ къ отцу своему Іоанну. Онъ меня благословилъ, сжалъ мою руку, удержалъ меня и говоритъ: „чадо мое! не скорби на меня; я тамъ за все, за все тебѣ заплачу. Мы съ о. Серафимомъ тамъ вмѣстѣ на седьмой степени... А что такое седьмая степень?—Это гдѣ обитаютъ херувимы и серафимы; тамъ и мы съ нимъ!“ Я проснулся въ трепетѣ, да и смутился. Спрашивалъ старцевъ: не прелесть-ли это или бредъ? А они мнѣ отвѣтили: „нѣтъ, это тебѣ было откровеніе, чтобы ты не скорбѣлъ на своего старца и уповалъ на ихъ молитвы.“ Дивѣевскія сестры очень утѣшились разсказомъ Саровскаго послушника.

Одинъ іеромонахъ жилъ въ Сканской пустынѣ, близъ г. Краснослободскъ, который былъ ранѣе послушникомъ въ Саровѣ. Однажды онъ пришелъ къ о. Серафиму за благословеніемъ выйти изъ обители. Батюшка ему не препятствовалъ, а сказалъ: „иди въ Сканскую пустынь, но, радость моя, какія-бы не встрѣтились тебѣ скорби, никуда не выходи изъ обители.“ Такъ онъ, по благословенію о. Серафима и вступилъ въ Сканскую пустынь. Вскорѣ его постригли въ рясофоръ, потомъ въ мантію, посвятили въ іеродіаконы, наконецъ и въ іеромонахи. Много лѣтъ прошло, жилъ онъ въ Сканѣ, а скорби никакой не видѣлъ; наконецъ началъ сомнѣваться въ словахъ, сказанныхъ ему батюшкой Серафимомъ. Но вдругъ случилось слѣдующее обстоятельство: къ нему ходила прачка—старушка, любившая божественное и слушать житія святыхъ, которыя іеромонахъ ей изрѣдко читалъ. А братія, возмущаемая врагомъ, явилась къ игумену, прося выслать его изъ обители и говоря: „если его не вышлешь, мы всѣ разойдемся; онъ живетъ на соблазнъ всѣмъ!“ Игуменъ удивился, призвалъ іеромонаха къ себѣ и допросилъ. Послѣдній безъ смущенія сказалъ откровенно, что онъ читаетъ старушкѣ житіе святыхъ и толкуетъ ей священное писаніе. Игуменъ воспретилъ ему принимать старушку, но не выслалъ его изъ обители. Тутъ іеромонахъ вспомнилъ предсказаніе о. Серафима. Вскорѣ онъ сильно заболѣлъ и въ это время ему было откровеніе. Онъ увидалъ Господа въ славѣ, окруженнаго Царицей Небесной, Іоанномъ Богословомъ, Іоанномъ Предтечей, Сѵмеономъ Богопріимцемъ и батюшкой Серафимомъ. На о. Серафимѣ былъ блестящій вѣнецъ, а на вѣнцѣ нѣсколько крестовъ. Впослѣдствіи этотъ іеромонахъ со слезами убѣждалъ Дивѣевскихъ сестеръ не оставлять ни по какимъ скорбямъ святой обители, основанной такимъ св. праведникомъ, который имѣетъ подобное дерзновеніе у Господа. „Онъ и тамъ за васъ всѣхъ ходатайствуетъ у Престола Божія, говорилъ онъ, и я—убогій радъ-бы лечь хоть у вратъ вашей св. обители!“ (Монастырскій архивъ).

Великій старецъ о. Серафимъ приказалъ М. В. Мантурову, по возвращеніи его изъ имѣнія генерала Купріанова,

никуда не выѣзжать изъ Дивѣева, что онъ строго исполнялъ, не смотря на нравственныя муки, претерпѣваемыя имъ отъ вмѣшательства въ дѣла Дивѣева и уничтоженія завѣтовъ о. Серафима Иваномъ Тихоновымъ. Послѣдній весьма тяготился тѣмъ, что Саровскій Игуменъ и старшая братія не удостоивали его повышенія и все держали въ званіи послушника и канонарха, такъ какъ онъ не могъ ни благословлять, ни исповѣдывать своихъ Дивѣевскихъ сестеръ. Оставить и выйти изъ Сарова было страшно Ивану Тихонову, послѣ запрещенія о. Серафима и предсказанія, что въ случаѣ выхода онъ не узритъ лица Серафимова, ни тутъ, ни на томъ свѣтѣ и никогда уже не вернется въ Саровъ. Приказаніе великаго старца о. Серафима не покидать Сарова, однако стѣсняло его дѣйствія и парализовало-бы его вліяніе на Дивѣевъ, потому что кому-же лучше было знать всѣ недостатки Ивана Тихонова, какъ не Саровской братіи и они не дали-бы ходу его чрезмѣрному честолюбію. Строгія требованія Игумена, непрестанныя послушанія, въ концѣ концовъ смирили-бы Ивана Тихонова, но онъ рѣшился скинуть съ себя это необходимое для монашествующаго подчиненіе. Теперь онъ задумалъ сдѣлаться строителемъ, попечителемъ, духовникомъ и благочиннымъ Дивѣева. Петербургскіе покровители его поддержали и Св. Сѵнодъ запросилъ Преосвященнаго Епископа Тамбовскаго Николая: почему монахъ Іоаннъ Тамбовскій, находящійся въ Саровской пустыни, до сихъ поръ не посвященъ въ іеромонаха?

Въ отвѣтномъ рапортѣ игумена и братіи Саровской пустыни (монастырскій архивъ), посланномъ Его Преосвященству на тотъ-же запросъ говорится, что „въ пустынѣ у нихъ нѣтъ никакого монаха Іоанна, а есть только рясофорный послушникъ, канонархъ Иванъ Тихоновъ Тамбовскій, который такого самовольнаго поведенія, что если не перемѣнитъ образа жизни и характера своего, то по общепринятымъ, положеннымъ правиламъ и уставамъ оной пустыни, никогда не можетъ быть постриженъ въ монахи отъ общежительнаго пустыннаго братства.“

Этотъ самый „общебратственный“ Саровскій рапортъ, Преосвященный Николай отправилъ въ Сѵнодъ, вмѣсто

своего отвѣта на Указъ о немедленномъ посвященіи Ивана Тихонова въ іеромонахи. Тогда Св. Сѵнодъ объяснилъ лицамъ, которыя ходатайствовали о немъ, что если Иванъ Тихоновъ желаетъ быть іеромонахомъ, то долженъ выйти изъ Саровской пустыни. Узнавъ это лже-ученикъ Серафимовъ рѣшился ослушаться приказанія великаго старца не покинуть пустынь.

27-го декабря 1844-го года—прибыла въ Дивѣевскую обитель дѣвица Елисавета Алексѣевна Ушакова, помѣщица Тульской губерніи, 25-ти лѣтъ отъ роду. Благословенъ былъ Господомъ этотъ день, какъ для нее, такъ и для обители! Родившись 30-го Августа 1819-го года, она была въ числѣ двухъ сестеръ и четырехъ братьевъ въ семьѣ свѣтской, готовящейся для беззаботной мірской жизни. Веселая, любившая музыку, Елисавета Алексѣевна — послѣ чтенія книгъ Святителя Тихона Задонскаго, вдругъ измѣнилась совершенно и почувствовала призваніе къ духовной жизни. Трудно было рѣшиться покинуть родительскій домъ, склонить отца на благословеніе поступить въ монастырь, но при помощи Господа и Царицы-Небесной, судьба ея устроилась; родитель далъ свое благословеніе и Елисавета Алексѣевна, не имѣвшая понятія о монастырской жизни, но знавшая, по наслышкѣ, о Дивѣевской общинѣ и дивной жизни основателя ея о. Серафима, — направилась въ этотъ монастырь предназначенный ей для величайшихъ испытаній и трудовъ.

Какъ, извѣстно, въ это время была начальницею общины Ирина Прокопьевна. Сестры жили въ тѣсныхъ и маленькихъ кельяхъ, а за неимѣніемъ своего монастырскаго священника ходили къ обѣднѣ по праздникамъ въ свои Рождественскія церкви, а по буднямъ иногда и въ приходскую, Казанскую церковь. Какъ только Елисавета Алексѣевна была принята, ее поставили пѣть на клиросъ, что не мало удивило ее, а затѣмъ поручили ей письменную часть, веденіе совершенно незнакомыхъ отчетовъ. Кромѣ того Иванъ Тихоновъ заставилъ ее учиться живописи въ предназначенной ей келліи, гдѣ по многолюдству неудобно было работать. Ей пришлось трудиться, не отказываясь даже отъ черной работы, какъ возки въ поле навоза,

жнитва, косьбы и проч. Любовь къ о. Серафиму и стремленіе пріобрѣсти должное послушаніе и смиреніе, выучили нѣжныхъ и избалованныхъ барышень этимъ труднымъ работамъ. Елисаветѣ Алексѣевнѣ пришлось вести расчеты по пріемѣ дровъ для обители и часто крестьяне, являлись къ келліи, въ какое имъ заблагоразсудится время, стучали и говорили ей: „слышь, дровянная казначейша, принимай, да расчетъ подавай!“ И на разсвѣтѣ и во всякую погоду, приходилось Елисаветѣ Алексѣевнѣ, выходить на зовъ крестьянъ и исполнять многочисленныя свои обязанности.

Земля купленная отцемъ Серафимомъ—для лѣтняго собора, была безъ употребленія и весь матеріалъ, пріобрѣтенный для него, на пожертвованныя деньги, — истраченъ Иваномъ Тихоновымъ при постройкѣ Тихвинской церкви. Но наконецъ, насталъ день, опредѣленный Господомъ для разрѣшенія этого вопроса! Чтобы уничтожить современемъ память о мельничной обители о. Серафима и основать свой собственный монастырь, духовно-ослѣпленный Иванъ Тихоновъ хотѣлъ построить соборъ не на купленной батюшкой Серафимомъ землѣ, а въ трехъ верстахъ отъ обители, на пустоши „Ломовка“, гдѣ былъ небольшой лѣсокъ и рѣченка. Дабы склонить на это Преосвященнаго Іакова, который еще довѣрялъ Ивану Тихонову, онъ объяснилъ Владыкѣ будто-бы земля, ранѣе предназначенная подъ соборъ, вся изрыта „дудками“, изъ которыхъ добывали прежде желѣзную руду, и въ виду этихъ подземныхъ ходовъ немыслимо строить тяжелый, каменный соборъ; земля осядетъ и все зданіе можетъ разрушиться въ одинъ прекрасный день. На пустоши — Ломовки, можно устроить Дивѣевскій скитъ и тамъ гораздо лучше и безопаснѣе строить соборъ. Увѣренный въ успѣхѣ, Иванъ Тихоновъ даже очистилъ мѣсто подъ соборъ въ трехъ верстахъ отъ Серафимовой обители, но Преосвященный Іаковъ не согласился перенести весь монастырь съ мѣста первоначальнаго устройства. Тогда Иванъ Тихоновичъ выбралъ мѣсто не въ обители, а въ полѣ, дѣйствительно изрытомъ дудками и опять началъ готовить къ закладкѣ собора.

Для правильнаго обсужденія вопроса, въ 1848-мъ году преосвященный Іаковъ отнесся оффиціально къ мѣстному, Ардатовскому исправнику Павлу Логгиновичу Бетлингу, прося его осмотрѣть мѣстность выбранную Иваномъ Тихоновымъ и донести свои заключенія.

Для описанія событій, сопровождавшихъ закладку лѣтняго Дивѣевскаго собора, имѣется драгоцѣнный матеріалъ: 1) записка самаго исправника Бетлинга и 2) брошюра, неизвѣстно кѣмъ составленная, подъ заглавіемъ „Краткое повѣствованіе о Свято-Троицкомъ соборѣ Серафимо-Дивѣева монастыря“ (тетрадь № 15). Записка Бетлинга вшита въ слѣдующее его письмо къ игуменіи Маріи, отъ 15-го апрѣля 1889-го года, изъ сельца Ознобишина Ардатовскаго уѣзда: „Къ Вамъ, какъ къ современницѣ іеромонаха Серафима Саровскаго (?) препровождаю въ полное монастырское распоряженіе мои воспоминанія о начальномъ устройствѣ собора въ ввѣренномъ Вамъ монастырѣ. При семъ, на случай сомнѣній, прилагаю въ подлинникѣ и самое черновое мое письмо къ преосвященному Іакову, ветхость коего свидѣтельствуетъ о его неподдѣльности. Если-же Вы найдете, что эти воспоминанія мои ни для монастыря, ни для печати духовной или свѣтской не годны, то прошу возвратить ихъ мнѣ или о полученіи увѣдомить.“

Разслѣдовавъ вопросъ о удобствѣ или неудобствѣ постройки собора на землѣ, купленной о. Серафимомъ, исправникъ П. Л. Бетлингъ писалъ преосвященному Іакову:

Ваше Преосвященство,

Милостивый Архипастырь!

Исполняя, сдѣланное мнѣ Вашимъ преосвященствомъ порученіе, я обходилъ мѣстность, на которой предполагаются оградныя стѣны, корпуса, соборъ и вообще каменныя зданія Дивѣевской общины. По соображеніи мѣстности съ землемѣрнымъ планомъ, я нахожу необходимымъ донести Вашему Преосвященству слѣдующее: 1) землемѣрный планъ обозначаетъ много менѣе противу настоящаго, ту часть земли, которая занимается рудными дудками или под-

земными ходами. Отдѣльныя-же дудки вовсе не обозначены на планѣ, что и вѣроятно ибо сверху зарытыя ямы и подземные ходы, не дѣлая препятствія хлѣбопашеству, необращаютъ отъ того вниманіе землемѣра, но могутъ вредить тяжелымъ строеніямъ, 2) а потому, чтобы съ благонадежностью на будущее, отдаленное время распланировать на бумагѣ, а не прямо на рудной мѣстности, въ симметрическомъ порядкѣ, каменныя зданія, то необходимо имѣть самый вѣрный и подробный планъ мѣстности, въ коемъ съ математическою точностію, должны быть обозначены одною полосой сплошныя дудки, а сверхъ сего должны быть опредѣлены и дудки отдѣльныя, находящіяся иногда въ значительномъ разстояніи отъ прочихъ.“

„Положимъ, что надъ этими дудками или ходами лежитъ огромный слой земли, отъ 8 до 15, 20 и болѣе саженъ, но если были внизу постепенные обвалы или искусственные прорывы за рудой вверхъ, что слой этотъ утонился, а прорытая, отъ 2 до 3 аршинъ канава фундамента, отягощенная громадной тяжестью, напримѣръ собора, проляжетъ вдоль такого хода, то мнѣ кажется вѣроятнымъ, что строеніе на семъ мѣстѣ современемъ дастъ трещину или будутъ, чего Боже сохрани, еще худшія послѣдствія. При семъ, какъ я осмѣливаюсь полагать, воображая о будущемъ общины, о ея каменныхъ зданіяхъ, слѣдуетъ также имѣть въ виду, что въ матерьяльномъ отношеніи все пространство земли долженствующее вмѣстить оградныя стѣны и сохранить на себѣ милліонныя зданія временъ, цѣнится въ настоящее время менѣе 2000 рублей серебромъ, и такъ, 10-ти рублевый лоскутъ земли этой можетъ поглотить болѣе чѣмъ въ 100 тысячъ строеніе. Слѣдовательно, если въ 1000 удачь помѣстится одна тяжелая неудача, то и въ этомъ случаѣ будетъ пропорція невыгодна, а предположеніе рисковано. Къ тому же эта мѣстность не имѣетъ ни особой красоты, ни необходимости для постройки; а уважаемыя общинками мѣстечки могутъ и въ другихъ случаяхъ попасть въ ограду. Препровождая при семъ въ благоусмотрѣніе Вашего Преосвященства землемѣрный планъ, взятый изъ Дивѣевской общины, въ коемъ, по возможности, обозначены каранда-

шемъ мои замѣчанія, каковой, по минованіи надобности, не оставьте возвратить. По исполненіи отъ особы Вашего Преосвященства порученія, сколько позволяли мои понятія и возможность, я не считаю лишнимъ представить въ благоусмотрѣніе Ваше слышанное мною отъ жителя с. Дивѣева г-на Мантурова; онъ говорилъ, что будто бы г. Мотовиловъ желалъ предоставить общинѣ каменную церковь с. Дивѣева, около которой лежитъ прахъ первоначальницы общины, а въ замѣну, для прихожанъ выстроить въ с. Дивѣевѣ новую. Конечно слова эти требуютъ основательныхъ фактовъ.“

Но Иванъ Тихоновъ успѣлъ опровергнуть доводы исправника Бетлинга и преосвященный Іаковъ согласился все таки на предложеніе лже-ученика Серафимова. Въ концѣ января (30-го) казначея Дивѣевской обители Юлія Макавѣева писала исправнику Бетлингу: „По благословенію Преосвященнаго Владыки, спѣшу увѣдомить васъ, что планъ нашъ на Дивѣевскую дачу преосвященнѣйшій отъ васъ получилъ и за скорое исполненіе приноситъ вамъ благодарность и что преосвященнѣйшій Владыко на ваше письмо самъ будетъ отвѣчать. Планъ сей мы уже получили чрезъ батюшку Іоанна Тихоновича, который на ваши замѣчанія Владыку успокоилъ и батюшка свидѣтельствуетъ вамъ свое глубочайшее почтеніе.“

Поэтому поводу исправникъ Бетлингъ говоритъ въ своей запискѣ: „не смотря на такія разительныя доказательства въ моемъ письмѣ обозначенныя, о неудобствѣ избраннаго подъ соборъ мѣста, преосвященный Іаковъ, руководимый тогда монахомъ Иваномъ Тихоновичемъ вообще съ Арзамасскимъ помѣщикомъ Иваномъ Егоровичемъ Карауловымъ и какимъ-то съ ними еще гражданскимъ инженеромъ порѣшилъ приказаніемъ вырыть канавы подъ фундаментъ, на избранномъ ими мѣстѣ; а меня просилъ, чрезъ казначею общины прибыть на освященіе въ с. Дивѣево. Онъ поручилъ сказать мнѣ, что на рудныхъ колодцахъ предположено устроить кирпичные своды, что его и успокоило. Слѣдуетъ замѣтить, что это мѣсто было второе подъ соборъ, предположенное вопреки опредѣленію старца Серафима. Первое было назначено въ ближайшемъ къ с. Дивѣеву лѣску, куда

Иванъ Тихоновичъ предполагалъ перевезти всю тогдашнюю общину, а съ нею и постройку собора. Былъ слухъ, что общину онъ предполагалъ назвать „Ивановскою.“ Весьма красивый для сего планъ былъ имъ представленъ преосвященному Іакову, который мнѣ его показывалъ и утвердительно объяснилъ, что на переводъ собора и общины въ лѣсъ онъ не согласился. Планъ этотъ вѣроятно хранится въ Архіерейскомъ архивѣ.“

3-го іюня 1848 года въ Дивѣевскую обитель прибылъ преосвященнѣйшій Владыка Іаковъ, епископъ Нижегородскій и Арзамазскій для закладки собора, въ сопровожденіи протоіерея Нижегородскаго Крестовоздвиженскаго женскаго монастыря. Его встрѣтили: исправникъ Бетлингъ, помѣщикъ Карауловъ, инженеръ, Иванъ Тихоновъ, Н. А. Мотовиловъ и князь Ник. Алекс. Енгалычевъ и съѣхавшіеся на празднество гости. Преосвященный остановился въ домѣ Н. А. Мотовилова. Исправникъ Бетлингъ счелъ долгомъ еще разъ лично доложить епископу Іакову о неудобствѣ мѣстности, выбранной для собора. Видя, что Владыка упорствуетъ, Бетлингъ напомнилъ ему о волѣ о. Серафима, именемъ котораго устраивается и содержится община, но онъ отвѣтилъ:

„Отецъ Серафимъ человѣкъ неоффиціальный, а мы имѣемъ оффиціальный планъ.“

Этотъ разговоръ происходилъ утромъ 4 іюня. Раздосадованный Бетлингъ удалился, и, встрѣтясь на площадкѣ передъ домомъ съ упомянутымъ выше протоіереемъ, передалъ послѣднему о своемъ разговорѣ съ преосвященнымъ. Оба они пошли далѣе вмѣстѣ. На пути стояли артели разныхъ рабочихъ, собранныхъ для закладки. Бетлингъ подошелъ къ нимъ и сказалъ, что онъ одобряетъ выбранное архіереемъ мѣсто подъ соборъ, но есть и такіе люди, которые спорятъ съ нимъ, утверждая, что рудныя дудки будутъ опасны для строеній. Крестьяне усмѣхнулись и отвѣтили: „нѣтъ, баринъ, ты насъ изъ ума пытаешь; ты не хуже насъ знаешь, что дудки могутъ повредить строеніямъ.“ Бетлингъ сердечно поблагодарилъ рабочихъ за ихъ доброе о немъ мнѣніе.

Иванъ Тихоновъ употребилъ все свое краснорѣчіе, чтобы возстановить преосвященнаго Іакова противъ М. В. Мантурова и выставить его недоброжелателемъ возрастающей Дивѣевской обители. Утромъ же 4-го іюня Владыка поѣхалъ съ Иваномъ Тихоновымъ на приготовленное мѣсто для закладки собора, отстоявшее отъ обители на три версты. Дорога была ужасна, разрытое дудками поле привело въ ужасъ преосвященнаго Іакова. Пріѣхавъ на мѣсто закладки, онъ задумался и, вѣроятно осѣненный благодатіею Божіею, въ изумленіи произнесъ: „хорошо-то, хорошо, но если мы построимъ тутъ соборъ, чтобы служить въ немъ и молиться, то сюда-же должна будетъ перенестись и обитель. Гдѣ-же будетъ тогда начатая Серафимомъ и свыше ему указанная обитель?“

Иванъ Тихоновъ не нашелся что отвѣтить. Сказавъ это, епископъ Іаковъ возвратился въ обитель и вызвалъ къ себѣ помѣщика Караулова, инженера и Ивана Тихонова. Разсмотрѣвъ планъ, они назначили третье по счету мѣсто для закладки собора. Между тѣмъ, Иванъ Тихоновъ хорошо зналъ о настоящемъ мѣстѣ, предназначенномъ для собора о. Серафимомъ, ибо онъ въ слѣдующемъ 1849-мъ году печатно заявилъ, что мѣсто это было пріобрѣтено великимъ старцемъ у г-на Жданова и что деньги 100 р. ему лично вручилъ на покупку о. Серафимъ. Но теперь, недовольный неудачею своего замысла, Иванъ Тихоновъ все таки не вразумился всѣмъ случившимся и вознамѣрился расчистить и приготовить третье мѣсто въ полѣ, за добрую версту отъ обители.

Узнавъ объ этомъ, М. В. Мантуровъ, какъ вѣрный слуга и послушникъ о. Серафима, счелъ долгомъ своей совѣсти заявить Владыкѣ, что дѣйствія Ивана Тихонова не согласны съ волей и завѣтами великаго старца и основателя обители. Но въ виду недоброжелательства къ нему преосвященнаго, М. В. Мантуровъ обратился къ исправнику Бетлингу съ просьбою доложить истину преосвященному Іакову.

Бетлингъ съ протоіереемъ, сопровождавшимъ Владыку, наблюдали за работами и подготовкою закладки. Иванъ Тихоновъ, Карауловъ и инженеръ отправились съ планомъ на

мѣстность, выбранную ими въ третій разъ подъ соборъ, но увы, оказалось, что она завалена вся кирпичами, заготовленными къ стройкѣ, бутовымъ камнемъ и не было возможности успѣть перевезти матеріалъ на другое мѣсто. Время уже клонилось къ вечеру. Это проявленіе воли Божіей сильно поразило исправника Бетлинга и онъ сказалъ протоіерею: „Ну посмотримъ, какъ о. Серафимъ доведетъ соборъ до своего мѣста!“ „Да, это будетъ чудо, отвѣтилъ протоіерей, вы знаете какой характерный преосвященный!“

Эти трое строителей поспѣшили къ Владыкѣ заявить ему о невозможности воспользоваться избраннымъ имъ мѣстомъ. За ними медленно пошли Бетлингъ съ протоіереемъ и доложили заявленіе М. В. Мантурова. Пока Бетлингъ разговаривалъ съ преосвященнымъ Іаковомъ и затѣмъ вернулся къ рабочимъ, почти совершенно стемнѣло. Протоіерей опять пошелъ съ исправникомъ на площадь, гдѣ застали Караулова, инженера и рабочихъ. Теперь уже весьма недалеко отъ земли купленной подъ соборъ батюшкой Серафимомъ, строители начали разбивать линіи подъ стѣны собора, вѣшая на кольяхъ фуражки, потому что иначе за темнотою не было бы ихъ видно. Это было уже по счету четвертое мѣсто. Бетлингъ засталъ такую сцену: М. В. Мантуровъ горячился, почти кричалъ, что всѣ сторонники Ивана Тихонова не стоятъ Серафимова лаптя и только изъ одного упрямства дѣлаютъ на зло памяти великаго старца! Вскорѣ однако, Мантурова позвали къ преосвященному Іакову, который хотя уже поколебался довѣріемъ къ дѣйствіямъ Ивана Тихонова, но предубѣжденный противъ Мантурова, все еще упорствовалъ. Выслушавъ внимательно Михаила Васильевича Владыка спросилъ:

„Чѣмъ-же ты докажешь правоту своихъ словъ?“

„Господь вѣдаетъ, что я говорю вамъ истину, сказалъ Мантуровъ, но не знаю, чѣмъ увѣрить васъ въ томъ, развѣ вотъ что: призовите, святый Владыко, нѣкоего здѣсь плотника Ефима Васильева, находящагося въ дружбѣ съ Иваномъ Тихоновымъ, котораго онъ выучилъ живописи. Этотъ плотникъ еще при жизни о. Серафима часто работалъ въ Саровѣ. Знаю я, что батюшка часто и много говаривалъ

съ нимъ о Дивѣевѣ, говорилъ ему также и о соборѣ и если онъ не захочетъ связать свою совѣсть, то долженъ подтвердить вамъ правду!“

Отпустивъ Мантурова, Владыко призвалъ названнаго имъ Ефима Васильева и сталъ разспрашивать его, какъ онъ работалъ въ Саровѣ, знавалъ ли о. Серафима и не говорилъ ли ему что либо старецъ о соборѣ въ Дивѣевѣ?

— „Какъ не знать, много говаривалъ со мною батюшка, смѣло отвѣчалъ Ефимъ Васильевъ, а что собора-то касается, вѣдь онъ и мѣсто подъ него самъ купилъ. На счетъ собора-то вамъ всего лучше ужъ спросить Михаила Васильевича Мантурова, потому что ему все это поручилъ батюшка, что мнѣ хорошо и доподлинно извѣстно.“

Эта бѣсѣда вполнѣ удовлетворила и утвердила преосвященнаго Іакова.

На площади тѣмъ временемъ продолжалось объясненіе между строителями и пріѣхавшими на закладку собора разными лицами. Иванъ Тихоновъ ушелъ къ себѣ въ келію. Исправникъ Бетлингъ обратился тогда къ помѣщику Караулову съ вопросомъ: изъ за чего онъ упорствуетъ такъ? Карауловъ сослался на Ивана Тихоновича. Услыхавъ это, всѣ съѣхавшіеся на закладку толпою отправились къ Ивану Тихонову уговаривать его согласиться на избраніе мѣстности, указанной великимъ старцемъ, его учителемъ и отцемъ. Бетлингъ свидѣтельствуетъ, что Иванъ Тихоновъ на это отвѣтилъ такъ:

„Если мельничекъ сидитъ въ затворенной меленкѣ, развѣ онъ можетъ видѣть, что дѣлается снаружи мельницы?..“

Этимъ, говоритъ Бетлингъ, онъ хотѣлъ сказать о томъ, что о. Серафимъ будучи еще іеродіакономъ только однажды, и то проѣздомъ съ Саровскимъ игуменомъ былъ у первоначальницы общины, полковницы Мельгуновой, а больше не посѣщалъ Дивѣевъ и не могъ знать, гдѣ и что слѣдуетъ строить.

Эти слова—ясно изобразили внутренное, духовное состояніе Ивана Тихонова, отвергавшаго даже громогласно, предъ цѣлою толпою, даръ прозорливости въ о. Серафимѣ и завѣты, данные имъ многимъ изъ сестеръ преданныхъ ему

лицъ. Каково было это слышать, стоявшимъ здѣсь старицамъ о. Серафима, отцу Василію Садовскому и многимъ другимъ свидѣтелямъ отреченія его отъ отца Серафима! Бетлингъ и другіе отвѣтили Ивану Тихонову, что есть еще живые подрядчики, какъ Ефимъ Васильевъ, которые подтверждаютъ, что о. Серафимъ самъ купилъ землю г-на Жданова подъ соборъ!

Возбудившійся споръ и шумъ заставили помѣщика Караулова идти къ преосвященному Іакову и объяснить причину возмущенія. За Карауловымъ пошелъ народъ въ сопровожденіи Бетлинга. Михаилъ Васильевичъ и князь Енгалычевъ горячо отстаивали волю батюшки Серафима и такъ какъ Карауловъ доложилъ, что всего нѣсколько саженъ отдѣляютъ мѣсто, указываемое Мантуровымъ, отъ назначеннаго преосвященнымъ,—то владыка сказалъ:

„Ну, если такъ, то Господь васъ да благословитъ, стройте гдѣ указываетъ г. Мантуровъ!"

Вся собравшаяся толпа была видимо довольна этимъ рѣшеніемъ преосвященнаго Іакова.

„Но, спросилъ тогда владыка, какъ же вырыть канавы для фундамента, когда завтра въ 4 часа пополудни назначена закладка?"

„Насъ съѣхалось много тысячъ!" отвѣчалъ народъ, „никто не откажется отъ посильной работы!"

„Я оповѣщу всѣхъ съѣхавшихся!" добавилъ исправникъ Бетлингъ, горячо почитавшій покойнаго старца о. Серафима.

Преосвященный Іаковъ попросилъ Бетлинга помочь. Работа быстро закипѣла подъ руководствомъ дивнаго послушника о. Серафима,—Михаила Васильевича Мантурова. Иванъ Тихоновъ скрылся и занялся писаніемъ прошенія о переводѣ его изъ Сарова Тамбовской епархіи,—въ Нижегородскую, дабы согласно указанію св. Сѵнода, быть постриженнымъ въ монахи и посвященнымъ въ санъ іеромонаха. Онъ забылъ все и мучимый тщеславіемъ и гордостію,—добивался одной лишь земной славы.

Такимъ образомъ, 5-го іюня 1848-го года совершилась чудомъ закладка собора, предреченнаго великимъ старцемъ и основателемъ Дивѣева. Такое событіе не могло не ознаменоваться какимъ нибудь явнымъ проявленіемъ благословенія Божія и Царицы Небесной и дѣйствительно, когда преосвященный владыко возлагалъ первый камень, то какъ святой жизни старецъ, онъ вдругъ измѣнился въ лицѣ и во всеуслышаніе, громко воскликнулъ:

„Отъ утра и за утро сей храмъ воздвигается веліемъ чудомъ!“

Пророческія слова эти сбылись, ибо, не смотря на всѣ препятствія врага человѣчества, утвердилось святое мѣсто, самою Царицею Небесною избранное и купленное подъ храмъ о. Серафимомъ. 5-го іюня былъ первый радостный день сестрамъ и сиротамъ Серафимовымъ въ теченіе 15 лѣтъ послѣ смерти батюшки Серафима.

Преосвященный Іаковъ согласился на прошеніе Ивана Тихонова и принялъ его въ Нижегородскую епархію, зачисливъ въ Нижегородскій Печерскій монастырь. Тамъ его постригли въ монахи, съ именемъ Іоасафа, затѣмъ посвятили въ санъ іеромонаха и преосвященный Іаковъ далъ для сбора ему книжку, съ которой о. Іоасафъ немедленно и отправился въ Петербургъ. Посѣтивъ здѣсь всѣхъ лицъ, которыя ему до сихъ поръ покровительствовали заглазно, по письмамъ, и затѣмъ напечатавъ свои вымышленные разсказы въ 1849-мъ году о батюшкѣ отцѣ Серафимѣ и любви великаго старца къ нему,—о. Іоасафъ, пріобрѣлъ еще большую силу и вѣру среди придворныхъ дамъ, которыя какъ и многіе другіе, къ сожалѣнію, повѣрили ему, изъ уваженія къ памяти о. Серафима. Ходатаевъ за него прибавилось и пожертвованія на Дивѣевскую обитель лились золотою рѣкою, хотя о. Іоасафъ, недовольный неудачей закладки собора,—точно забылъ о немъ и мѣсто, освященное служеніемъ архипастыря и молитвами нѣсколькихъ тысячъ народа,—было заброшено. Увлеченный успѣхами, о. Іоасафъ конечно не могъ ужиться съ игуменомъ Печерскаго мона-

стыря и перевелся въ архіерейскій домъ. Но и тутъ не долго прослужилъ о. Іоасафъ и сталъ проситься въ Балахинскій Ѳедоровскій монастырь. Начальство послѣдняго монастыря не могло остаться равнодушнымъ къ самоуправству о. Іоасафа и послѣдняго перевели игуменомъ въ г. Вологду, гдѣ онъ прожилъ нѣкоторое время, занимаясь устройствомъ монастыря уже какъ начальникъ. Тутъ онъ посвятился въ схиму, подъ именемъ Серафима и поспѣшилъ перевестись въ Арзамасскій Высокогорскій монастырь. Просился онъ также въ Саровъ обратно, но братія пустыни отказалась его принять. Такъ исполнились всѣ предсказанія о. Серафима, что онъ отъ всякаго начальническаго слова будетъ переходить изъ монастыря въ монастырь (см. изд. 1849 г.) и не вернется болѣе въ Саровъ. Исправникъ Бетлингъ, свидѣтель всѣхъ смутъ, происшедшихъ въ Дивѣевѣ, по милости о. Іоасафа, говоритъ въ концѣ своей записки: „Схимонаха Серафима не слѣдуетъ смѣшивать со старцемъ Серафимомъ Саровскимъ; это хотя и одноименныя, но совершенно разныя личности.“ Слова эти доказываютъ только, что были люди, которые почитали схимонаха Серафима за великаго старца Серафима, когда Иванъ Тихоновъ изъ своихъ сторонницъ образовалъ Серафимо-Понетаевскую обитель.

Въ 1850-мъ году о. Іоасафъ, давъ, по обыкновенію, начальницѣ Дивѣевской общины Иринѣ Прокопьевнѣ подписать бѣлый бланкъ, составилъ безъ ея вѣдома прошеніе къ Нижегородскому преосвященному Іакову о томъ, чтобы въ виду ея преклонныхъ лѣтъ, назначили бы его попечителемъ, строителемъ, духовникомъ и благочиннымъ Дивѣевской общины. Архіепископъ Іаковъ, считавшій уже о. Іоасафа за человѣка не заслуживающаго довѣрія, положилъ рѣзкую и строгую резолюцію на этомъ прошеніи: „попечителей въ монастыряхъ не полагается, духовникъ и благочинный—есть, а строительницею должна быть начальница, которую за старостію лѣтъ смѣнить.“ Вознегодовавъ на это рѣшеніе, о. Іоасафъ сталъ хлопотать о выборѣ такой новой начальницы, которая бы была столь же не самостоятельна и предана ему какъ Ирина Прокопьевна. Сестры же общины, съ своей

стороны, большинствомъ голосовъ, избрали себѣ по духу въ начальницы кроткую и добрую Серафимову сироту 49-ти лѣтнюю крестьянскую дѣвицу Устинью Ивановну (впослѣдствіи монахиню Иларію), но о. Іоасафъ добился того, что Нижегородская консисторія отмѣнила единодушный выборъ сестеръ общины, будто бы за безграмотностію ея и назначила начальницею дворянку Екатерину Васильевну Ладыженскую, слѣпо преданную о. Іоасафу и довѣренную по его дѣламъ. Не получая долго отвѣта на это прошеніе, о. Іоасафъ послалъ Е. В. Ладыженскую въ маѣ 1850-го года въ Нижній Новгородъ. Тамъ она узнала, что архіепископъ Іаковъ на чредѣ въ Св. Сѵнодѣ въ Петербургѣ, но полученъ отвѣтъ съ отказомъ на прошеніе Ирины Прокопьевны. Думая повліять на владыку, Е. В. Ладыженская тотчасъ поѣхала въ Петербургъ, гдѣ застала высокопреосвященнаго Іакова больнымъ, за два дня до его смерти. Умирающій архипастырь сказалъ ей: „я молился и не нахожу полезнымъ ваше желаніе! Даю тебѣ заповѣдь: ты предана о. Іоасафу и потому ѣзди къ нему совѣтоваться, но чтобы его ноги не было въ Дивѣевѣ!“

О. Іоасафъ, какъ извѣстно, имѣлъ намѣреніе въ 3-хъ верстахъ отъ Дивѣевской обители, къ сторонѣ Саровской пустыни построить скитъ, съ тѣмъ, чтобы по подобію Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ, здѣсь была обитель о. Серафима и его о двѣнадцати вратъ, подобно небесной скиніи. Въ 1850-мъ году онъ выстроилъ тамъ келію для благочинной Татьяны Буржумовой, у которой о. Іоасафъ въ обители имѣлъ пребываніе, но Ладыженская признала эту келію неполезною и сломала. Въ этой же келіи жилъ зять о. Іоасафа—Мурановъ съ женою. Вскорѣ розыгралась исторія и одна изъ сестеръ Ѳомина была предана церковному покаянію за прелюбодѣяніе (см. т. V. мнѣній и отзывовъ м. Филарета стр. 194). Вслѣдствіе прошенія Ѳоминой, гражданскій губернаторъ просилъ преосвященнаго Іустина, временно управлявшаго Нижегородской епархіей за смертью преосвященнаго Іакова,—удалить Іоасафа изъ Дивѣевской обители, что преосвященнымъ и было исполнено. (Стр. 196).

Въ 1851-мъ году былъ назначенъ въ Нижній Новгородъ Полтавскій епископъ Іеремія, замѣчательный человѣкъ во многихъ отношеніяхъ и по вступленіи въ исправленіе должности, онъ приказалъ исполнить резолюцію архіепископа Іакова и выбрать Дивѣеву начальницу. Какъ сказано, консисторія утвердила Екатерину Васильевну Ладыженскую.

Михаилъ Васильевичъ Мантуровъ.

Родился 1796 года умеръ 1858 года іюля 7 дня въ селѣ Дивѣевѣ, гдѣ и похороненъ при устроенной имъ церкви для общины Рождества Христова и Рождества Богородицы.

Близскій сердцу отца Серафима.

ГЛАВА XXV.

Положеніе Дивѣевской общины при Е. В. Ладыженской. Слѣпой іеромонахъ Антоній. Назначеніе Е. А. Ушаковой казначеей общины. Обученіе сестеръ живописи въ Петербургской Академіи. Представленіе о. Іоасафа Царской Фамиліи. Покупка Зевакинской дачи, построеніе церкви Преображенія Господня, и вообще дѣла обители. Ходатайство объ учрежденіи монастыря и отвѣтъ преосвященнаго Іереміи. Прошеніе Петербургскихъ художницъ и запросъ Сѵнода. Донесеніе преосвященнаго Іереміи и распоряженіе о возвращеніи сестеръ обители изъ Петербурга. Интрига о. Іоасафа и удаленіе преосвященнаго Іереміи на покой. Преосвященный Антоній. Самовольный отъѣздъ сестеръ-художницъ въ Петербургъ. Сѣтованія М. В. Мантурова, сонъ его и кончина. Письмо о немъ Л. А. Михайловскаго-Данилевскаго. Дерзкія дѣйствія Назимова. Взысканіе Е. В. Ладыженской съ о. Іоасафа. Отказъ Ладыженской отъ управленія обителью. Положеніе казначеи Ушаковой и ея болѣзнь. Блаженная Наталья Дмитріева.

По вступленіи въ 1850-мъ году въ должность настоятельницы Серафимо-Дивѣевской общины Екатерины Васильевны Ладыженской всѣхъ сестеръ состояло 390. Серафимовы сироты снова очутились въ неутѣшномъ положеніи, находясь въ распоряженіи іеромонаха Іоасафа. Казначея Макавѣева отказалась отъ должности съ уходомъ Ирины Прокопьевны и Екатерина Васильевна уговаривала вступить на ея мѣсто Елисавету Алексѣевну Ушакову, исполнявшую столько порученій и монастырскихъ послушаній, что она пріобрѣла навыкъ и знанія по управленію хозяйственною частію. Но Елисавета Алексѣевна, стремившаяся лишь къ спасенію, а не къ управленію дѣлами общины, отнюдь не

хотѣла брать на себя отвѣтственность, тѣмъ болѣе, что вліяніе о. Іоасафа на настоятельницу и всю обитель было ей не по духу. Она пришла въ общину ради любви къ великому старцу и основателю ея, и каково было ей видѣть, что всѣ завѣты святаго старца попираются и поставленныя имъ сестры преслѣдуются. Словомъ, Елисавета Алексѣевна ни за что не соглашалась принять должность казначеи и имѣть дѣло съ о. Іоасафомъ. Между другими послушаніями она посылалась еженедѣльно на почту въ г. Ардатовъ и однажды, узнавъ, что въ этомъ городѣ пребываетъ теперь у г-жи Лихутиной извѣстный святостію жизни слѣпой монахъ Антоній, Елисавета Алексѣевна благословилась у Екатерины Васильевны зайти къ старцу и получить его наставленіе.

Но ранѣе изложенія бесѣды Антонія съ Елисаветой Алексѣевной слѣдуетъ ознакомиться съ жизнію этого праведнаго старца. Въ нашемъ распоряженіи (монастырскій архивъ, тетрадь № 18) есть краткая біографія его, составленная именно г-жей Лихутиной и переданная въ Дивѣевскую обитель. „Считаю полезнымъ, пишетъ г-жа Лихутина, обнародовать мои воспоминанія объ одномъ благочестивомъ старцѣ, нынѣ почившемъ отцѣ Антоніи, встрѣча съ которымъ составляетъ одно изъ счастливѣйшихъ событій въ моей жизни.“

Отецъ Антоній родился въ 1762-мъ году въ деревнѣ Ващихѣ, Владимірской губерніи, Муромскаго уѣзда. Съ юныхъ лѣтъ онъ чувствовалъ наклонность къ уединенію и благочестивымъ размышленіямъ и затѣмъ поступилъ въ Саровскую пустынь, гдѣ подвизался одновременно съ о. Серафимомъ, пребывая иногда въ его пустынкѣ. Но батюшка Серафимъ, провидя путь Антонія, послалъ его въ Воронежъ къ преосвященному Антонію, который и оставилъ его у себя въ послушаніи. Прозорливый преосвященный Антоній приказалъ ему, по внушенію свыше, идти въ Кіевъ, но не просто странникомъ, а въ чугунной шапкѣ Тамбовскаго Петерима, которая была 17 фунтовъ вѣса и внутри обшита бархатными шапочками святителя Митрофанія и великомученицы Варвары. Преосвященный приказалъ послушнику

Антонію идти всю дорогу не снимая шапки. Антоній исполнилъ это послушаніе съ усердіемъ, но когда вернулся, то преосвященный приказалъ ему вторично сдѣлать тоже путешествіе. По совершеніи этого вторичнаго подвига, у праведнаго Антонія лопнули глаза, но за то онъ прозрѣлъ духовно.

Г-жа Лихутина познакомилась съ о. Антоніемъ въ г. Муромѣ, гдѣ онъ 23 года жилъ въ домѣ одного купца, около мужскаго монастыря. Къ нему стекалось много народа со всѣхъ сторонъ, разнаго сословія и никто не уходилъ отъ него безъ духовнаго утѣшенія и добраго совѣта. Молва о благочестивой жизни о. Антонія и о прозорливости его, дошла конечно и до г. Ардатова, Нижегородской губ., мѣстожительства г-жи Лихутиной. Все слышанное про него возбудило въ ней пламенное желаніе увидѣть этого старца и наконецъ удалось г-жѣ Лихутиной добраться до Мурома, куда она поѣхала однажды съ своей 4-хъ лѣтней дочерью. По пріѣздѣ въ Муромъ, у нея сильно разболѣлась голова, да кромѣ того вообще г-жа Лихутина страдала женскою болѣзнью. „Эта болѣзнь мучила меня невыносимо,“ пишетъ она. Безуспѣшно испробовавъ всѣ роды леченія, не исключая магнетизма и электричества, я рѣшилась представить все на волю Божію. Едва я успѣла войти въ келію о. Антонія и испросилъ его благословеніе, какъ мнѣ сдѣлалось дурно; я поспѣшила лечь на скамью, чтобы не упасть. Саша, моя дочь, увидавъ меня больною, сильно расплакалась. Желая ее утѣшить, о. Антоній приказалъ своему послушнику и племяннику Андрею, принести ей клюквы съ медомъ. Малютка моя начала кушать и успокоилась. „Сашенька, матушка, возьми на ложечку ягодокъ,“ сказалъ старецъ, обращаясь къ моей дочери. Сколько взяла? спросилъ онъ,— пять? Пять, старичекъ! сказала дѣвочка. „Дай-ка ихъ сюда, голубушка!“ сказалъ о. Антоній и потомъ, прочитавъ молитву и перекрестя ложку, добавилъ: „Ну, теперь подай ихъ своей матери; можетъ быть, милостію Царицы Небесной ей отъ нихъ полегче станетъ. „Я съѣла предложенныя мнѣ ягоды и тотчасъ почувствовала облегченіе. И не только головная боль моя прошла, но даже спазмы съ этихъ поръ

прекратились. Съ того времени усердіе мое къ о. Антонію увеличилось. Въ свою очередь, онъ не оставлялъ меня своимъ духовнымъ вниманіемъ и не задолго до своей смерти пожелалъ пріѣхать умереть ко мнѣ. Я предложила ему выбрать себѣ комнату въ домѣ моемъ, но благочестивый старецъ, по своему смиренію, избралъ себѣ въ жилище отдѣльный флигель, гдѣ у насъ готовилось кушаніе."

Теперь г-жа Лихутина имѣла возможность ближе познакомиться съ образомъ жизни благочестиваго старца. По ея словамъ, о. Антоній большую часть ночи проводилъ въ молитвѣ и постоянно носилъ вериги. Во время чтенія своихъ дневныхъ правилъ и земныхъ поклоновъ онъ опоясывался колючимъ поясомъ изъ проволоки, вдѣтой въ ремень, въ видѣ щетки, шириною въ вершокъ, а на голову надѣвалъ терновый вѣнецъ и сверхъ него желѣзную шапку, отъ которой онъ ослѣпъ. Конечно о. Антоній хранилъ въ тайнѣ свои подвиги и г-жа Лихутина случайно узнала ихъ отъ послушника. Разъ, когда она встала ранѣе обыкновеннаго и, торопясь зачѣмъ-то видѣть старца, пошла къ нему, то сотворила молитву, но не дождалась обычнаго отвѣта „аминь", и отворила дверь. Отецъ Антоній молился Богу, стоя на колѣняхъ, а вокругъ него на полу были слѣды крови. „Батюшка, что съ тобой!" воскликнула Лихутина испуганно и бросилась къ нему. Вмѣсто объясненія, о. Антоній сказалъ ей, чтобы она больше никогда не входила къ нему безъ благословенія и отвѣта на молитву, словомъ „аминь." Онъ запретилъ ей говорить видѣнное при его жизни.

Изъ случаевъ прозорливости о. Антонія, г-жа Лихутина записала слѣдующіе. Одна Ардатовская купчиха Тихомірова пришла просить благословеніе купить себѣ домъ. „Не совѣтую тебѣ это дѣлать," отвѣтилъ о. Антоній, но когда она стала усиленно просить благословить покупку, то онъ сказалъ: „ворона не живетъ въ хоромахъ, а на волѣ летаетъ и попусту крылья обиваетъ. Если ты купишь, Настасья, то домъ твой обратится въ угли и ты ничего не получишь, да и прежде этого сойдешь съ ума и будешь сидѣть на цѣпи. За то просишь совѣта, а его не послушаешь! А когда тебя отпустятъ съ цѣпи, то тогда жди пожара."

Но Тихомірова не послушалась и купила домъ, въ которомъ она вскорѣ сошла съ ума и была привязана на цѣпь, а когда умопомѣшательство прошло, вскорѣ сгорѣлъ купленный ею домъ и она ничего не получила кромѣ углей.

Г-жа Карпицкая, отправляясь въ Саровскую пустынь заѣхала къ о. Антонію просить его благословенія. Старецъ долго бесѣдовалъ съ нею, такъ какъ любилъ ее за ея усердіе къ Богу и доброту и наконецъ, предъ прощаніемъ сказалъ ей: „Любовь, ты говѣй въ Саровѣ, приготовься въ путь.“ „Я давно готова, батюшка, къ переселенію въ вѣчную жизнь, да только мнѣ жаль троихъ дѣтей оставить!“ сказала она, показывая, что беременна третьимъ ребенкомъ. О. Антоній на это отвѣтилъ: „Царица Небесная за твою благочестивую жизнь, за терпѣніе, любовь къ бѣднымъ, не оставитъ ихъ сиротами... Послѣ твоей смерти къ 40 днямъ, они всѣ трое будутъ съ тобой на лонѣ Авраамовомъ и ты безъ трепета скажешь Господу: се—азъ! и дѣти мои!“ Предсказаніе о. Антонія исполнилось; она умерла черезъ мѣсяцъ послѣ этой бесѣды, а за нею и всѣ дѣти. Младшій умеръ чрезъ день послѣ рожденія и былъ положенъ съ нею въ гробъ, другой — къ 20-му дню, а третій наканунѣ 40-го дня.

Пришла къ о. Антонію горничная г-жи Лихутиной,— Елена, дѣвушка и стала просить, чтобы старецъ помолился, дабы ее отпустили на волю. О. Антоній сказалъ ей: „купи Елена сорокъ паръ лаптей, подавай каждый день по парѣ и вели поминать за здоровіе твоей барыни; ты выйдешь на волю и у тебя будетъ хорошій женихъ!“ Пока старецъ это говорилъ Еленѣ, вошла г-жа Лихутина и огорчилась словами батюшки, такъ какъ эта дѣвушка была нужна и любима. Она даже не скрыла своего неудовольствія. „Вѣра! сказалъ о. Антоній г-жѣ Лихутиной, Господь повелѣлъ мнѣ такъ сказать; ты не въ силахъ будешь удержать ее у себя! Какъ она послѣднюю пару подастъ, то и пойдетъ замужъ за жениха нетлѣннаго.“ Дѣйствительно, послѣ смерти о. Антонія горничная Елена купила 40 паръ лаптей и стала ихъ подавать за здоровіе своей госпожи. Двѣ пары она куда-то заложила и такимъ образомъ поѣхала въ Москву

съ г-жею Лихутиной, которая отправилась опредѣлять своихъ племянницъ сиротъ въ институтъ. Черезъ мѣсяцъ онѣ вернулись въ Ардатовъ и Елена въ тотъ-же день отыскала эти двѣ пары лаптей. Одну пару подала въ день пріѣзда, а вторую—на другое утро; затѣмъ захворала, пріобщилась и скончалась, вспоминая предсказаніе о. Антонія.

Сестра Серафимо-Дивѣевской общины Марія Васильевна Никашина сообщила слѣдующее воспоминаніе свое объ о. Антоніи (тетрадь № 1, разсказъ № 7): „хотя и была я уже въ общинѣ, говорила она, но много еще жениховъ сватали меня. Что-же думаю: не лучше ли въ самомъ дѣлѣ выйти замужъ? Съ этою мыслію и пошла я въ г. Ардатовъ, отстоящій въ 23 верстахъ отъ Дивѣева, навѣстить тамъ странника старца Антонія, слѣпаго, который жилъ на покоѣ у одной барыни, Вѣры Михайловны Лихутиной. Вошла я къ нему въ келью и вижу, что никого нѣтъ у него, а самъ онъ лежитъ на печкѣ... Мнѣ стало совѣстно, я остановилась, да и притаилась у порога; пусть, думаю, дождусь пока самъ слѣзетъ зачѣмъ нибудь. А онъ прямо началъ говорить оттуда: „что тамъ за сватья, какіе женихи, что за женихи, къ чему это замужъ! Не надо, не надо! А отецъ-то какой у васъ въ Дивѣевѣ, отецъ-то какой! Вѣдь Серафимъ-то къ вамъ въ мощахъ изъ Сарова въ Дивѣево почивать придетъ! Вѣдь вотъ какой отецъ-то у васъ, что за женихи, къ чему еще замужъ!" Увѣрившись сразу въ святости и прозорливости слѣпаго Антонія, я измѣнила совсѣмъ свои намѣренія и вернулась въ Дивѣево."

Когда вошла къ о. Антонію Елисавета Алексѣевна Ушакова, то онъ ей сказалъ: „а ты матери не слушаешься; она тебѣ назначаетъ послушаніе (т. е. назначеніе быть казначеей), а ты отпехиваешься! Тебѣ не долго быть на этомъ мѣстѣ; ты должна быть матерью! Вотъ тебѣ мое послѣднее слово: если не послушаешься, то Божіимъ велѣніемъ будешь изгнана изъ обители и нѣтъ тебѣ спасенія!" Болѣе страшнаго и угрожающаго не могъ никто сказать Елисаветѣ Алексѣевнѣ, которая, конечно, только ради спасенія покинула свѣтъ и вступила въ неустроенную Серафимову обитель.

Пока о. Антоній бесѣдовалъ съ Елисаветой Алексѣевной, мимо дома г-жи Лихутиной проѣхалъ Н. А. Мотовиловъ съ женой и увидя ихъ, хозяйка дома крикнула Николаю Александровичу, что о. Антоній живетъ у нее. Конечно было приказано экипажу остановиться и горячо любящій Господа Николай Александровичъ, поспѣшилъ испросить благословеніе у о. Антонія. Онъ вошелъ къ старцу въ ту минуту, какъ выходила Елисавета Алексѣевна и вѣроятно, чтобы и другіе знали волю Божію относительно Ушаковой, о. Антоній повторилъ Мотовиловымъ все сказанное Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Затѣмъ, о. Антоній предсказалъ Николаю Александровичу многое, касающееся его семейной жизни и предстоящихъ ему неудачъ и испытаній.

О. Антоній, какъ пишетъ г-жа Лихутина, просилъ казначею Ардатовскаго Покровскаго женскаго монастыря, чтобы она взяла его жить къ себѣ въ монастырь, въ новую келью. „Извольте, отвѣтила она (казначея Устинья Андреевна, впослѣдствіи игуменія Серафима), я вамъ выстрою келью на огородѣ нашемъ!“ „Не торопись, сказалъ ей старецъ, я поживу пока у Вѣры! Когда святыя ворота доложатъ, я тогда переѣду къ тебѣ на новоселье, а теперь стучатъ, а я не люблю стука!“ Вскорѣ послѣ этого разговора, пришелъ къ о. Антонію протоіерей Покровскаго монастыря о. Симеонъ, чтобы проститься по случаю отъѣзда на Выксенскій заводъ, по благочинію его. О. Антоній, обратясь къ г-жѣ Лихутиной, при этомъ протоіереѣ, сказалъ: „Вѣра! когда я умру, похорони меня въ монастырѣ!“ Потомъ онъ спросилъ о. Симеона: согласится-ли онъ похоронить его въ монастырѣ? „Съ удовольствіемъ, отвѣтилъ протоіерей, если только Вѣра Михайловна согласится внести 10 рублей серебромъ въ монастырскую церковь!“ Лихутина конечно съ радостію обѣщала все внести, что необходимо, такъ какъ въ Ардатовѣ было запрещено хоронить въ монастырѣ и требовалось особое разрѣшеніе Святѣйшаго Сѵнода. Слушая этотъ разговоръ о. Антоній молча помоталъ головой, а когда-же отецъ Симеонъ ушелъ и прощаясь съ послушникомъ Андреемъ, послѣдній ему пожелалъ прожить еще 20 лѣтъ, старецъ сказалъ: „послѣ моей смерти онъ проживетъ 14 недѣль и

два дня; въ день храмоваго праздника Знаменія Пресвятой Богородицы у него въ церкви отнимется языкъ и онъ не докончитъ обѣдни и будетъ 7 дней безъ языка. Онъ теперь много обѣщаетъ, матушка Вѣра, а когда-же я умру, первый откажется хоронить меня. Но ты, ангелуша моя, попроси письмомъ архіерея, онъ дозволитъ тебѣ похоронить меня около церкви монастырской и ты, матушка, много не трать, у тебя дѣти." Всѣ эти слова о. Антонія сбылись; преосвященный Іеремія разрѣшилъ его похоронить, а о. Симеонъ былъ лишенъ языка въ церкви, въ день праздника Знаменія Божіей Матери, во время благословенія народа чашей Св. Таинъ и семь дней прожилъ безъ языка.

Дня за четыре передъ смертію и отнятія языка у о. Антонія, пришла къ нему казначея Покровскаго монастыря и стала просить благословенія ѣхать въ Нижній къ архіерею, такъ какъ преосвященный Іеремеія только что прибылъ и вступилъ въ управленіе епархіей. „Поѣзжай съ Господомъ", отвѣтилъ о. Антоній, онъ приметъ тебя какъ отецъ. Но помни, матушка, что я къ тебѣ переѣду жить безъ тебя. А къ будущей Пасхѣ къ вамъ привезутъ въ монастырь колоколъ, который вамъ ничего не будетъ стоить. Онъ дивно будетъ перевезенъ чрезъ Оку. Слова его исполнились и колоколъ былъ привезенъ на страстной недѣлѣ, когда уже тронулся ледъ.

За пять дней до своей смерти о. Антоній пожелалъ собороваться и самъ стоялъ во время таинства на ногахъ и подпѣвалъ клиросным монахинямъ. На другой день послѣ соборованія, онъ приказалъ разбудить Лихутину рано и сказалъ ей: „теперь еще рано, ангелуша моя, я боялся чтобы ты не скушала что нибудь сегодня. Ты не кушай, вѣдь нынѣ пятница Успенія Божіей Матери." Я готова была исполнять его приказаніе, за его молитвы, пишетъ Г-жа Лихутина, и проговѣла. Отецъ Антоній заставилъ меня читать акаѳисты Іисусу, Богородицѣ, великомученицѣ Варварѣ, Николаю Чудотворцу, Утоленію печали Божіей Матери и каѳизму въ псалтырѣ. Потомъ велѣлъ мнѣ перестать читать и сталъ говорить. Онъ давалъ мнѣ духовные совѣты, предупреждалъ во всемъ меня и запретилъ мнѣ танцовать.

(Мнѣ было 25 лѣтъ и я очень любила танцовать). „Вѣрь! сказалъ онъ мнѣ, если ты будешь танцовать, то мы съ тобой будемъ судиться въ будущемъ. Я только спросила его, какъ же мнѣ не учить танцовать дѣтей? Онъ мнѣ отвѣтилъ: дѣтей учи, а сама не танцуй! По окончаніи нашего разговора, о. Антоній призвалъ къ себѣ моихъ дѣтей, благословилъ ихъ, сдѣлалъ разныя предсказанія, а старшему сыну Ивану отдалъ свою желѣзную шапку. Когда дѣти ушли и онъ остался со мною на единѣ, то сказалъ: „Послушай, послѣдній день я говорю съ тобой! Я просилъ Царицу Небесную, чтобы у меня за три дня до смерти отнялся языкъ. Теперь я все болтаю, а тогда стану лежать нѣмъ, какъ рыба. Въ день Успенія Божіей Матери, будетъ мнѣ рѣшеніе и я помру въ третій колоколъ, какъ ударятъ ко всенощной въ монастырѣ и тогда ты вели выставить всѣ рамы, а то тебѣ душно будетъ моя матушка; народу много найдетъ глядѣть на Антонія—грошовника, какъ будетъ помирать онъ!“ Въ эту минуту вошла къ о. Антонію моя горничная Лукерья просить благословенія идти на исповѣдь. Старецъ всталъ за нее на молитву. Тогда я сказала ему: „вотъ батюшка, ты за нее молишься, а я говѣю и намѣрена пріобщиться въ день Успенія Божіей Матери, а ты хочешь умереть въ этотъ день! Кто-же станетъ молиться за меня грѣшную?! Ты любишь меня меньше ихъ!“ Мнѣ стало грустно и я заплакала. О. Антоній взялъ мою голову, положилъ къ себѣ на грудь и произнесъ: „Вѣра, Вѣра! Если-бы ты могла знать, какъ я люблю тебя! Теперь я молюсь бреннымъ тѣломъ моимъ, а тогда пойду молиться за тебя ко Господу лицемъ къ лицу!“ За тѣмъ, обратясь къ образу Спасителя, онъ продолжалъ. „Господи! Если ей назначена вѣчная мука, то пошли меня, Царь Небесный въ мѣсто ея!!“ Потомъ сталъ молиться за весь домъ мой. По окончаніи молитвы, онъ сказалъ мнѣ: „когда тебѣ будетъ скучно, матушка, то ты уйди въ уголокъ и тяни голосокъ ко Господу; пой молитву: „молитву пролію ко Господу и Тому возвѣщу печаль мою и т. д.“ О. Антоній открылъ мнѣ, что онъ тайный схимонахъ, ему дано имя Арсеній, былъ постриженъ Курскимъ преосвященнымъ и отдалъ мнѣ въ

руки мантію и схиму. Только онъ передалъ мнѣ все это и я успѣла войти въ свой домъ, какъ прибѣжала за мной дѣвушка Авдотья, которая прислуживала ему, по личному его выбору изъ всѣхъ людей моихъ и сообщила, что батюшкѣ дурно, онъ упалъ на постель и не можетъ выговорить слова. Я же знала впередъ, что будетъ, такъ какъ о. Антоній самъ мнѣ все сказалъ. Вхожу къ нему и вижу его лежащаго безмолвно... Подхожу къ нему и говорю: „батюшка вставай, помолимся!“ Онъ сейчасъ-же всталъ, но былъ блѣденъ. Я его спросила: не послать-ли за священникомъ, чтобы его причастить? Онъ мнѣ отвѣтилъ на ухо: „хорошо... скорѣй!“ Такъ какъ его духовника не было въ городѣ, ибо онъ уѣхалъ по благочинію, то я послала за своимъ духовникомъ, Иваномъ Осиповичемъ Смирновымъ, который у о. Антонія никогда не былъ, потому что ему не вѣрилъ. Теперь же придя по обязанности исповѣдника, онъ думалъ, что ему придется получать вмѣсто отвѣтовъ, знаки и началъ читать молитву предъ исповѣдью, когда-же окончилъ, мы вышли въ сѣни. И что-же? Батюшка ему все сказалъ про его собственную жизнь, болѣзнь и что жена его и дѣти умрутъ, а дочери будутъ въ монастырѣ. Онъ вышелъ къ намъ со слезами и послѣ передалъ весь разговоръ свой съ о. Антоніемъ. Предсказанія исполнились, ибо жена умерла, дочери поступили въ Ардатовскій Покровскій монастырь, а самъ онъ болѣлъ 8 мѣсяцевъ ногами.

Такимъ образомъ о. Антоній пріобщился и на другой день самъ пожелалъ вторично пріобщиться обѣденными Дарами, послѣ чего не вкушалъ уже пищи и не пилъ даже воды. Четыре дня онъ прожилъ въ полной памяти, но безъ языка. Когда онъ сталъ отходить, г-жа Лихутина пошла въ церковь, такъ какъ въ соборѣ служили вечерню. Она подошла къ протоіерею о. Симеону и спросила: какъ одѣть о. Антонія, такъ какъ онъ тайный схимонахъ? О. Симеонъ сказалъ, что если она его одѣнетъ въ схиму, то онъ не станетъ его хоронить и что только въ утѣшеніе онъ говорилъ старцу, что похоронитъ его въ монастырѣ, но это невозможно. Лихутина объяснила, что о. Антоній впередъ зналъ все и не повѣрилъ его словамъ. Г-жа Лихутина пи-

шетъ въ запискѣ: „Я воротилась со скорбію на душѣ моей; подхожу къ умирающему моему старцу и говорю ему, что все данное мнѣ имъ на руки я зашью въ подушечку и положу ему въ гробъ подъ голову. Онъ все слушалъ молча. Я стала читать акаѳистъ Іисусу, Богородицѣ, молитву Нифонту Цареградскому, и когда ударили въ третій разъ въ колоколъ въ монастырѣ, онъ тихо и незамѣтно перешелъ въ вѣчную жизнь. Онъ скончался на 83-мъ году отъ рожденія въ 1851-мъ году 15 августа въ день Успенія Божіей Матери. Я его одѣла во все монашеское и положила схиму въ подушку подъ голову. Съ разрѣшенія епископа Іереміи, онъ былъ погребенъ, по собственному желанію, близъ церкви, напротивъ оконъ предѣла великомученицы Варвары, въ Ардатовскомъ Покровскомъ монастырѣ. На могилѣ лежитъ чугунная плита съ надписью его лѣтъ и дня кончины, пожертвованная маіоромъ Бренделемъ“.

Вернемся теперь къ тому времени, когда Елисавета Алексѣевна Ушакова, пораженная словами о. Антонія, прибыла съ почтой въ Дивѣевскую обитель. Настоятельница Е. В. Ладыженская спросила ее: была-ли она у старца и что онъ ей сказалъ? Нечего было дѣлать, Елисавета Алексѣевна передала строгія слова о. Антонія и обрадованная начальница воскликнула: „вотъ видите, я права была!“ Затѣмъ къ Елисаветѣ Алексіевнѣ пришла блаженная Пелагія Ивановна и сказала: „а ты знаешь-ли за что тебя сковали?“ „Вотъ, отвѣчала она, я глупа, ничего не знаю“.

„А стоять, такъ стоять!“ продолжала блаженная, чтобы не было—стоять“.

Такимъ образомъ состоялось назначеніе Елисаветы Алексѣевны Ушаковой—казначеею Дивѣевской общины. Трудно было ей работать, приносить истинную пользу и служить одновременно Господу, при слабости характера Ладыженской и самовольномъ вмѣшательствѣ во все о. Іоасафа. Вскорѣ настоятельница поѣхала въ Нижній Новгородъ представиться новому Владыкѣ—Іереміи и она взяла съ собою Елисавету Алексіевну.

О. Іоасафъ, какъ живописецъ, бывая часто въ Петербургѣ возъимѣлъ намѣреніе обучить нѣкоторыхъ преданныхъ ему сестеръ искусству живописи и съ помощію своихъ покровителей, получилъ дозволеніе отъ почетной Председательницы Академіи Художествъ Великой Княгини Маріи Николаевны,—учить ихъ въ Академіи. Тотчасъ было собрано цѣлое отдѣленіе монашествующихъ дѣвицъ и подъ начальствомъ самой преданной о. Іоасафу крестьянки Лукерьи Васильевны Занятовой, назначенной одновременно и сборщицей, ихъ отправили въ Петербургъ. Теперь о. Іоасафъ имѣлъ какъ-бы свой монастырекъ въ Петербургѣ и могъ развивать задуманный имъ планъ преобразованія обители въ Іоаннову пустынь. Петербургское отдѣленіе считало себя ядромъ обители. Что о. Іоасафъ успѣвалъ въ своихъ стремленіяхъ можно судить потому, что онъ удостоился даже пріема при Высочайшемъ Дворѣ. Въ краткомъ жизнеописаніи его, составленномъ священникомъ А. Братановскимъ (Ярославль, 1885 г. Схи-игуменъ Серафимъ, бывшій настоятель Павло-Обнорскаго монастыря о. Іоасафъ), на стр. 10 говорится: „за достовѣрное передавали, что онъ, бывая въ Петербургѣ по дѣламъ, одинъ разъ имѣлъ честь представиться въ Бозѣ почившей Государынѣ Императрицѣ по Ея желанію. Благословивъ Государыню, о. Іоасафъ сказалъ: „Да благословитъ тебя Господь отъ Сіона, благочестивѣйшая мать земли Русской!“ А когда были подведены подъ благословеніе дѣти, сказалъ: „Да будутъ благословенны Господомъ Августѣйшія дѣти Твои!“ Выходя отъ Государыни, батюшка встрѣченъ былъ фрейлинами Императрицы и благословляя ихъ, сказалъ: „вотъ вы удостоены великой чести служить Царицѣ земной; храните себя, чтобы удостоиться служить и Царицѣ Небесной!“

Пожертвованія присылались о. Іоасафу въ соотвѣтственномъ количествѣ, но заложенный соборъ былъ заброшенъ и забытъ. На частицу пожертвованныхъ денегъ, онъ пріобрѣлъ для обители отъ коллежскаго ассессора Симеона Симеоновича Зевакина, 304 десятины 1460 кв. саж. земли. Затѣмъ было куплено отъ мѣщанокъ г. Ардатова Даріи и Евдокіи Гавриловыхъ усадебно—огородной земли 1248 кв.

саженъ. Николай Александровичъ Мотовиловъ еще пожертвовалъ 433 десятины 658 кв. саж. земли. Изъ билетовъ пожертвованныхъ на вѣчныя времена для поминовенія, образовалась небольшая сумма въ 6430 р. 26½ к. Кромѣ того обители досталось по завѣщанію отставнаго капитана Баранова въ Нижнемъ-Новгородѣ два деревянныхъ негодныхъ дома, которые и послужили впослѣдствіи образованіемъ подворья. Двоюродная сестра настоятельницы общины, поступившая въ число сестеръ, Пензенская дворянка, вдова Дарья Михайловна Каменская построила церковь Преображенія Господня на кладбищѣ. Такъ было и предсказано о. Серафимомъ. По благословенію преосвященнаго Іереміи, пустынка о. Серафима была обращена въ алтарь церкви и кругомъ ея устроены вѣтрины для помѣщенія и храненія всѣхъ вещей батюшки Серафима. Кромѣ того за 8 лѣтъ начальствованія Ладыженской устроена одноэтажная каменная трапеза съ деревянною крышею и изъ добываемаго въ селѣ Дивѣевѣ извѣстковаго бѣлаго камня, выведено 364 сажени ограды. Не смотря на сборы, дѣлаемые въ Петербургѣ, дѣла обители такъ разстроились при управленіи Е. В. Ладыженской, что образовались значительные долги.

Какъ извѣстно о. Серафимъ запретилъ сестрамъ хлопотать объ учрежденіи монастыря, требуя чтобы онѣ жили, по примѣру основательницы матери Александры, — тихо, молча, въ трудахъ, а со временемъ безъ ихъ ходатайства будетъ обитель возведена въ монастырь, но о. Іоасафъ не исполнилъ и этого завѣта великаго старца. Сперва онъ потребовалъ, чтобы Е. В. Ладыженская возбудила ходатайство объ учрежденіи монастыря, что она и исполнила, но по прибытіи ея въ Нижній къ Владыкѣ, преосвященный Іеремія сказалъ ей, что онъ „трижды молился, но рано, погоди.“

Во время коронованія Ихъ Величествъ въ 1856-мъ году, о. Іоасафъ приказалъ своимъ Петербургскимъ художницамъ подать прошеніе, помимо настоятельницы Ладыженской, объ утвержденіи монастыря. Фрейлина Тютчева взялась помочь этому дѣлу. И дѣйствительно, вскорѣ преосвященный Іеремія получилъ изъ Сѵнода указъ, что по же-

ланію Государыни Императрицы Дивѣевская община должна быть возведена въ монастырь. Удивленный и нѣсколько разсерженный за хлопоты сестеръ общины по мимо его, Владыка потребовалъ къ себѣ настоятельницу Ладыженскую. Пока Екатерина Васильевна, измученная непріятностями и непосильными волненіями, собиралась ѣхать въ Нижній, Преосвященный Іеремія получилъ вторичный указъ изъ Сѵнода съ выговоромъ, что онъ мѣшаетъ распоряженіями относительно Дивѣевской общины. Тогда праведный Владыка, рѣшился самъ отвѣтить, не дожидаясь Ладыженской и написалъ въ Св. Сѵнодъ, что Дивѣевская община далеко еще не созрѣла, чтобы быть монастыремъ. Наконецъ, явилась къ нему Е. В. Ладыженская, ничего не знавшая о происходившемъ въ Петербургѣ. Екат. В. Ладыженская, чтобы окончательно выяснить былъ-ли о. Іоасафъ близокъ къ о. Серафиму и не состоялъ-ли его ученикомъ, рѣшилась обратиться къ игумену Саровской пустыни Исаію съ тайною просьбою—сказать это по совѣсти и чести, дабы снять съ нея недоумѣніе или грѣхъ, если дѣйствительно Іоасафъ получилъ приказаніе о. Серафима управлять Дивѣевымъ. О. игуменъ Исаія засвидѣтельствовалъ самымъ серьезнымъ и положительнымъ образомъ, что великій старецъ о. Серафимъ никогда не имѣлъ учениковъ и приказалъ Іоасафу отнюдь не вмѣшиваться въ дѣла Дивѣева. Тогда Е. В. Ладыженская окончательно рѣшила требовать удаленія о. Іоасафа, и прибыла съ этою цѣлью къ преосвященному Іереміи. Преосвященный просилъ ее объяснить, что значитъ запросъ, сдѣланный ему изъ Петербурга. Ни въ чемъ неповинная настоятельница сказала только, что она предполагаетъ въ данномъ случаѣ самоизвольныя распоряженія о. Іоасафа и художницъ, проживающихъ въ Петербургѣ. Потомъ она стала жаловаться Владыкѣ на свою жизнь и покаялась, что прежде дѣйствительно была предана о. Іоасафу, выдававшему себя за ученика отца Серафима и слѣпо вѣрила ему, вслѣдствіе чего онъ самовольно распоряжался дѣлами обители, но теперь рѣшительно отказывается отъ этого непрошеннаго попечителя обители и не согласна допускать его въ общину. Постоянныя непріят-

ности, благодаря дѣйствіямъ и выдумкамъ Лукерьи Занятовой и ея послушницъ довели Е. В. Ладыженскую до нервнаго разстройства. Преосвященный Іеремія посовѣтывалъ немедленно вернуть Лукерью Занятову и художницъ изъ Петербурга, что и было исполнено.

Въ оффиціальномъ описаніи монастыря, хранящемся въ Нижегородской консисторіи, говорится о Е. В. Ладыженской слѣдующее: „въ 1856-мъ году, наконецъ вполнѣ понявъ всю настоящую суть и вредъ отъ о. Іоасафа, сама-же Екатерина Васильевна не только отказалась отъ его самоуправства, но даже ходатайствовала у своего Нижегородскаго Епархіальнаго Начальства о совершенномъ воспрещеніи присутствія и вмѣшательства его въ дѣла ей ввѣренной Серафимо-Дивѣевской общины, что и было исполнено, хотя эта благая, но уже слишкомъ поздняя мѣра не могла привести къ желаемо-искомому результату, — миру и спокойствію, потому что многіе годы самопроизвольнаго Іоасафовскаго управленія, приводя все новыхъ и новыхъ, лично лишь имъ однимъ принимаемыхъ лицъ въ Серафимо-Дивѣевскую общину, породили въ ней еще какъ-бы совсѣмъ отдѣльное общество близкихъ ему приверженицъ его, ему во всемъ послѣдовавшихъ и проникнутыхъ духомъ его собственнаго ученія, которыя, не взирая на его отсутствіе, составляли какъ-бы душу его въ Серафимо-Дивѣевской общинѣ. Съ удаленія-же ихъ отца-руководителя, лишь болѣе и болѣе, гдѣ только было возможно, постоянно возмущали собравшееся уже многочисленное общество.“

Возвращеніемъ художницъ изъ Петербурга въ общину, былъ нанесенъ сильный ударъ всѣмъ замысламъ и стремленіямъ о. Іоасафа и его сестеръ. Во первыхъ почувствовали, что есть власть, которой онѣ должны подчиняться, тогда какъ до сихъ поръ всѣмъ руководились самостоятельно, а во вторыхъ личныя хлопоты въ Петербургѣ приносили плоды, а переписка ихъ съ высокопоставленными лицами, при малограмотности, — была всегда затруднительна и менѣе полезна. До крайности разсерженный и раздраженный этимъ распоряженіемъ преосвященнаго Іереміи, о. Іоасафъ — повелъ интригу противъ Владыки, котораго обвинили чуть

не въ сопротивленіи желанію Государыни Императрицы. Узнавъ, что его назначають на Алеутскіе острова, преосвященный Іеремія подалъ тотчасъ прошеніе объ увольненіи его на покой и переѣхалъ въ Печерскій монастырь.

Только успѣлъ водвориться въ Нижнемъ-Новгородѣ вновь назначенный преосвященный Антоній какъ получилъ письмо отъ фрейлины Великой Княгини Маріи Николаевны, графини Толстой, въ которомъ спрашивалось: не угодно-ли Дивѣевской общинѣ послать вновь художницъ въ Петербургскую Академію и дабы выборъ сестеръ былъ предоставленъ о. Іоасафу, такъ какъ ему знакомо искуство живописи и онъ имѣетъ вкусъ.

Преосвященный Антоній послалъ о. Іоасафа въ Дивѣево. Пріѣздъ его былъ неожиданный, послѣ объявленнаго настоятельницею нежеланія допускать его въ дѣла обители и произвелъ не малый переполохъ. Е. В. Ладыженская приняла его сухо въ своей келіи и сказала, что дастъ лично отвѣтъ преосвященному, а ему не разрѣшаетъ производить выборъ сестеръ. Не смотря на это, о. Іоасафъ составилъ свой списокъ сестеръ и представилъ его Владыкѣ. Когда Е. В. Ладыженская прибыла къ преосвященному Антонію, то былъ позванъ и о. Іоасафъ. На очной ставкѣ настоятельница Дивѣевской общины опять отказалась отъ попечительства и руководства о. Іоасафа, но живописицы, подъ начальствомъ Лукерьи Занятовой собрались и отправились въ Петербургъ безъ дозволенія Ладыженской. Дѣла обители такимъ образомъ пришли въ полный упадокъ.

Въ это время Михаилъ Васильевичъ Мантуровъ палъ совершенно духомъ и какъ бы внутренно упрекалъ батюшку отца Серафима, что онъ допускаетъ это дерзкое и пагубное самоволіе о. Іоасафа. Какъ говорится въ жизнеописаніи Мантурова, онъ за нѣсколько дней до смерти своей видѣлъ знаменательный сонъ. Ему представилось, что онъ съ женой идетъ Саровскимъ лѣсомъ и показываетъ ей то мѣсто, гдѣ часто съ нимъ бесѣдовалъ святой старецъ. Вдругъ его глазамъ открылась прекрасная зеленѣющая поляна, на которой было много крестьянъ, собиравшихъ мохъ. Одинъ изъ сборщиковъ говоритъ ему: „вы вѣдь Серафима ище-

те!!“ Помня во снѣ, что батюшка уже умеръ, Михаилъ Васильевичъ въ удивленіи спросилъ: „да гдѣ же онъ?“ „Да развѣ вы не видите его?“ переспросилъ крестьянинъ, „вонъ, смотрите туда; видите дымокъ бѣлѣется и выходитъ изъ его пещеры; это онъ ее топитъ!“ Пораженный этими словами Мантуровъ, разглядѣлъ бѣлый дымокъ, направился къ нему и дѣйствительно нашелъ пещеру. Вошли они и видятъ батюшку Серафима, который сперва скрылся отъ нихъ, но немного погодя,—вышелъ, неся въ рукахъ два только что испеченные, горячіе, бѣлые хлѣба. Подавая одинъ Михаилу Васильевичу, батюшка сказалъ: „вотъ этотъ хлѣбецъ тебѣ, кушай сколько угодно, а остальное раздай тѣмъ, кто насъ знаетъ!“ „А этотъ хлѣбъ тебѣ, матушка,“ сказалъ о. Серафимъ Аннѣ Михайловнѣ, отдавая ей другой хлѣбъ, „кушай сколько тебѣ нужно, что же останется раздай!“ Затѣмъ скрылся о. Серафимъ, но вскорѣ опять вышелъ, неся въ рукахъ большую просфору, величиною съ тарелку. Подойдя къ Михаилу Васильевичу онъ говоритъ: „вотъ, радость моя, гдѣ мы найдемъ такого человѣка, который бы былъ совершенно Боголюбивъ, а? Гдѣ мы его найдемъ, человѣка-то такого? Это надобно отдать ему!“ И помолчавъ немного, добавилъ грустно: „нѣтъ, радость моя, оставимъ, не найдемъ уже мы нынѣ такого человѣка!“ Это былъ какъ бы отвѣтъ Мантурову на внутренній его ропотъ, что святый старецъ не хочетъ найти человѣка полезнаго для Дивѣева и изгнать Іоасафа. Понявъ этотъ отвѣтъ, Михаилъ Васильевичъ не вытерпѣлъ и отъ всего сердца выразилъ батюшкѣ какъ возмущена его душа поступками Іоасафа. Молча выслушавъ его, о. Серафимъ сказалъ: „такъ, батюшка! Теперь благовѣстятъ, ступай къ обѣднѣ и жди меня; я приду за тобой скоро; ты меня тамъ найдешь и возлѣ меня станешь, мы помолимся съ тобою!“ „А ты, матушка, произнесъ старецъ, обратившись къ Аннѣ Михайловнѣ,—походи еще одна здѣсь!“ (Этими словами о. Серафимъ предсказалъ вдовство Аннѣ Михайловнѣ). Михаилъ Васильевичъ вышелъ изъ пещеры удивленный и недоумѣвая гдѣ церковь, ибо онъ хорошо зналъ, что по близости нѣтъ никакой церкви. Но дѣйствительно, до его слуха долетѣлъ благовѣстъ и онъ вскорѣ

увидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ прекрасную церковь, на подобіе Троице-Сергіевой Лавры. Оставивъ жену, онъ вошелъ въ церковь и видитъ, что какой-то юноша приготовляется къ службѣ. Идетъ далѣе и на правомъ клиросѣ стоитъ батюшка Серафимъ. Михаилъ Васильевичъ становится возлѣ, по его приказанію и они оба начинаютъ молиться. По окончаніи службы, при раздѣлѣ антидора старецъ вдругъ вынулъ изъ за пазухи бумагу, прочелъ ее, взглянулъ на Мантурова и молча спряталъ ее. Потомъ онъ вторично вынулъ бумагу, прочелъ ее и преспокойно посмотрѣвъ на Михаила Васильевича опять молча же спряталъ; наконецъ доставъ ее уже въ третій разъ и прочитавъ, сказалъ Мантурову: „потерпимъ еще батюшка, потерпимъ немного!“ Тутъ проснулся М. В. Мантуровъ, хорошо понимая отвѣтъ о. Серафима.

Черезъ нѣсколько дней Михаилъ Васильевичъ, наканунѣ праздника Казанской Божіей Матери, заказалъ обѣдню въ построенной имъ Рождественской церкви, за которою и пріобщился Св. Таинъ. По окончаніи службы, онъ началъ церковницѣ Ксеніи Васильевнѣ и сестрѣ Даріи Михайловнѣ Каменской объяснять, что батюшка о. Серафимъ приказывалъ ему не отдѣлывать церковь, а оставить такъ, ибо со временемъ, она должна быть вся росписана; показывалъ гдѣ и какъ слѣдуетъ росписать ее по приказанію батюшки. Потомъ, замѣтивъ, что печка попортилась, онъ приказалъ церковницѣ озаботиться, исправить ее. Все это произвело какое-то особенное впечатлѣніе на сестеръ и онѣ удивленные простились съ нимъ. Возвратясь домой, вмѣстѣ съ служившимъ священникомъ о. Петромъ Софійскимъ, женатымъ на дочери отца Василія Садовскаго и крестницѣ Мантурова, Михаилъ Васильевичъ напился съ нимъ чаю и поспѣшая съ обѣдомъ, торопилъ жену свою, говоря: „не успѣешь, поскорѣе, послѣ жалѣть будешь, да уже поздно!“ Михаилъ Васильевичъ вышелъ съ о. Петромъ въ садъ, чтобы набрать лучшихъ ягодъ и послать ихъ Е. В. Ладыженской. Пройдя немного, онъ вдругъ почувствовалъ необыкновенную усталость, сѣлъ на скамеечку и предалъ душу Богу. Предполагая, что съ нимъ дурно, о. Петръ прибѣжалъ къ Аннѣ Михайловнѣ и сейчасъ же послали въ мо-

настырь, откуда спѣшно явились Е. В. Ладыженская и казначея Е. А. Ушакова. Послали за докторомъ, а Михаила Васильевича уложили на кровать. Черезъ часъ явился врачъ и объявилъ, что Михаилъ Васильевичъ уже съ часъ какъ скончался. Онъ умеръ 60-ти лѣтъ, 7-го іюля 1858-го года наканунѣ праздника иконы Казанской Божіей Матери и похороненъ 9-го числа съ лѣвой стороны Рождественской церкви, подъ самымъ окномъ.

„Молись, батюшка, говорилъ ему о. Серафимъ, чтобы тебѣ лечь съ лѣвой стороны Рождественской церкви! Здѣсь земля святая; тутъ стопочки Царицы Небесной прошли!“

Михаилъ Васильевичъ Мантуровъ имѣлъ чрезвычайно открытую, пріятную наружность, съ круглымъ лицемъ, безъ бороды и усовъ. Онъ отличался веселостію, простотою сердца и необычайною добротою ко всѣмъ. Тихо и мирно прожилъ онъ, единственный, преданнѣйшій и достойный ученикъ батюшки Серафима, большую часть жизни своей въ Дивѣевѣ, хотя и міряниномъ, но сознательно принесшимъ жизнь въ жертву Богу, ради правды и истины. По письму извѣстнаго писателя Леонида Александровича Михайловскаго-Данилевскаго къ Дивѣевской сестрѣ Даріи Михайловнѣ Каменской, можно судить какое впечатлѣніе Михаилъ Васильевичъ производилъ на посторонняго, свѣтскаго лица. 25-го ноября 1858-го года онъ пишетъ изъ с. Чемодановки:

„Михаилъ Васильевичъ скончался! Два или три раза видѣлъ я М. В. Мантурова, но бесѣда съ нимъ была мнѣ очень впечатлительна. Кончина его безмятежная, мирная, уже доказываетъ жизнь его добродѣтельную. Нельзя ли собрать какія нибудь хотя краткія, но вѣрныя свѣдѣнія о его жизни. Вѣдь жизнь его протекла близъ Сарова и Дивѣева, хорошо бы собрать нѣкоторыя подробности о его жизни, о подвигѣ бѣдности Бога ради, о излѣченіи его о. Серафимомъ и наконецъ о его блаженной кончинѣ,—какъ вѣнецъ ему и награда земная. Я полагаю, если бы вы, или кто либо изъ вашихъ сестеръ, потрудились бы поразспросить и поузнать у жены покойнаго и у знавшихъ его, то я напечаталъ бы сіи свѣдѣнія въ одномъ изъ журналовъ. Право сіе было бы во 1) полезно для ближнихъ, ибо мо-

жетъ кто изъ читателей, прочтя о простотѣ жизни покойнаго и опомнился бы и 2) главное было бы многопорочному и грѣховному міру, какъ бы напоминаніемъ, что есть люди, принебрегшіе благами міра и что все таки свѣтъ ихъ не забылъ 3) и къ Михаилу Васильевичу это было бы отъ васъ и меня, знакомъ, что мы уважали покойнаго и за гробомъ когда обыкновенная, земная любовь отпадаетъ, вспомнили о немъ. Во всякомъ случаѣ, прошу васъ, милостивая государыня, простите если наскучилъ вамъ моимъ письмомъ, но написалъ я вамъ то, что Господь мнѣ на душу положилъ и кажется мнѣ, что напечатать хотя кратко о покойномъ М. В. Мантуровѣ будетъ полезно для ближняго, а польза ближнихъ есть любовь къ нимъ, а любовь ближняго есть Бога любить, чему вы высокою жизнію вашею подаете примѣръ намъ."

Въ 1885-мъ году положена была на могилу Михаила Васильевича простая деревянная доска съ крестомъ изъ чернаго дуба, предъ которой на стѣнѣ церкви прибита икона его Ангела, Архистратига Михаила.

Въ 1858-мъ году, о. Іоасафъ не имѣя права самъ пріѣхать въ Дивѣевскую обитель для переговоровъ съ своими ученицами, присылалъ офицера Назимова, который съ купчихою Таракановою усиливался войти въ церковь, но не былъ допущенъ. Онъ проклиналъ общину и начальницу за устраненіе Іоасафа. На другой день офицеръ перелѣзъ чрезъ ограду, вошелъ насильно въ церковь, заставлялъ сестеръ прикладываться къ принесенному имъ образу и возобновилъ свои ругательства. (Мнѣнія м. Филарета т. V стр. 196).

Взысканіе предъявленное Е. В. Ладыженской на о. Іоасафа—осталось тоже безъ послѣдствій. Она взыскивала съ него деньги за проданныя книги и напечатанныя въ пользу общины и билетъ въ 3000 р. с. пожертвованный г. Поповымъ на ограду. О. Іоасафъ книги и деньги за нихъ объявилъ своею собственностію, а о билетѣ сказалъ, что Поповъ, умершій, перемѣнилъ намѣреніе и билетъ отдалъ его прикащику.

Въ 1859-мъ году, выбившаяся изъ силъ въ борьбѣ съ о. Іоасафомъ и запутанными дѣлами Дивѣевской общины,

начальница ея, Е. В. Ладыженская, чрезвычайно слабохарактерная, ничего не понимавшая въ веденіи хозяйства и нервно больная, рѣшилась совсѣмъ покинуть Дивѣевъ, но прежде для вида, отпроситься въ Москву для поклоненія мощамъ преподобнаго Сергія и къ себѣ въ г. Пензу. Отъ казначеи Е. А. Ушаковой не могло скрыться, что Екатерина Васильевна собирается совсѣмъ, съ своимъ имуществомъ изъ обители и она въ ужасѣ и страхѣ просила объяснить намѣренія начальницы, заявляя при этомъ, что она отказывается отъ должности и исполненія обязанностей начальницы, по случаю ея отъѣзда. Сперва Ладыженская успокоивала Елисавету Алексѣевну, говоря, что она еще вѣроятно вернется, но потомъ сама была не въ силахъ скрывать истину и призналась въ рѣшеніи совсѣмъ покинуть обитель. Испуганная своимъ положеніемъ, Елисавета Алексѣевна заболѣла. Тринадцать дней она лежала безъ памяти, получивъ въ управленіе общину, въ которой ничего не было и даже нечѣмъ было замѣсить хлѣбы; духовная и нравственная сторона пошатнулась отъ раздвоенія сестеръ на два лагеря и на обители считалось 13 тысячъ долга. Твердая въ своемъ рѣшеніи удалиться, Е. В. Ладыженская уѣхала и изъ города Пензы подала прошеніе о увольненіи на покой. Когда Елисавета Алексѣевна нѣсколько оправилась, то поѣхала въ Нижній Новгородъ къ преосвященному Антонію отказываться отъ настоятельства. Владыка, видя положеніе дѣлъ общины, могъ только посовѣтовать одно: потерпѣть. Такимъ образомъ Елисавета Алексѣевна невольно поставленная Провидѣніемъ во главѣ Дивѣевской обители вернулась домой совершенно разбитая, больная; съ нею дѣлались безпрестанно дурноты и обмороки.

Съ 1842-го года въ Дивѣевѣ проживала, кромѣ Христа ради Юродивой Пелагеи Ивановны Серебренниковой, еще блаженная Наталья Дмитріевна. О ней имѣются весьма скудныя свѣдѣнія, такъ какъ она изъ смиренія никогда ничего не разсказывала о себѣ, но по собраннымъ показаніямъ отъ современницъ ея въ обители, была родомъ изъ Оренбургской губерніи, принадлежала къ крестьянамъ Казеннаго Вѣдомства и проживала по увольнительной бумагѣ

отъ своего общества на безсрочное время. Въ 1848 году, весной она пришла въ Дивѣевскую обитель на богомолье со странниками и осталась въ ней по благословенію начальницы Ирины Кочеуловой и съ согласія казначеи Юліи Макавѣевой и благочинной Татьяны Бучумовой. Ее помѣстили въ келіи Прасковьи Павловны Ерофѣевой. Нѣкоторыя странности ея, которыя присущи всѣмъ блаженнымъ, вначалѣ выводили изъ терпѣнія сестеръ и начальствующихъ въ обители, такъ что въ концѣ лѣта того-же 1848-го года, казначея Юлія Маказѣева хотѣла ее выслать за то, что она становилась въ церкви около клироса съ непокрытой головой и гримасничала. Не смотря на замѣчанія, она не слушалась, но когда былъ назначенъ день ея высылки, то въ эту ночь благочинная Татіана Бучумова видѣла сонъ, что будто-бы блаженная Пелагія Ивановна Серебренникова пришла къ ней въ келію и показала ей бумагу, на которой было написано крупными буквами: „не трогайте Наталью, ей назначено здѣсь жить!“ Съ тѣхъ поръ ее дѣйствительно не трогали и она до сего времени проживаетъ въ Дивѣевской обители.

Сначала своего вступленія, она, по показаніямъ Е. А. Ушаковой (впослѣдствіи игуменіи Маріи) знала всегда только одну церковь, въ которой находилась ежедневно у всякой службы; никогда не ходила по келіямъ, кромѣ своей и имѣла сестру для присмотра за ней. Послушаніе ее было: читать по ночамъ псалтирь и потомъ въ полночь ударять въ колоколъ на полунощницу. Какъ писала Елисавета Алексѣевна: „по своему блаженному пути Наталья имѣетъ свои странности, ходитъ бокомъ, не позволяетъ обходить кругомъ себя и тому подобное, но всѣ эти ея странности никому не вредятъ. Въ свободное, отъ молитвы время, она занимается чтеніемъ духовныхъ книгъ, но болѣе всего она любитъ читать Евангеліе. Преосвященный Іеремія, посѣщая нашу обитель, каждый разъ приказывалъ ей одѣться въ черное платье, чтобы быть въ числѣ сестеръ обители, но она не перемѣняла своего пути и говорила: „я отъ рожденія дурочька и недостойна носить, что монашки носятъ. Сестрами она уважаема, но всѣми-ли это,—неизвѣстно, потому что

она находится всегда въ церкви и нѣкоторымъ иногда дѣлаетъ замѣчанія. Странники-же ее уважаютъ, по ея назидательнымъ наставленіямъ."

При составленіи этой лѣтописи Серафимо-Дивѣевскаго монастыря, желательно было имѣть болѣе подробныя свѣдѣнія о Натальѣ Дмитріевой и поэтому мы обращались къ ней съ просьбою написать о себѣ, но она положительно нашла невозможнымъ что либо передать, что могло послужить къ ея земному прославленію. Намъ остается къ вышесказанному прибавить свои личныя наблюденія.

Какъ говорятъ она приняла тайный постригъ въ Кіевѣ, гдѣ получила весьма тяжелое послушаніе отъ старца, которое и исполняетъ свято по нынѣ. Можно догадываться, что обѣтъ данный ею чрезвычайно строгъ; судя по образу ея жизни, странностямъ и подвигамъ, это послушаніе состоитъ во первыхъ изъ обѣщаніе—имѣть въ жизни только „три порога" какъ выражаются ея послушницы: въ церковь, въ келью и трапезу. Нынѣ она по старости лѣтъ и истощенію силъ не въ состояніи ходить въ церковь ежедневно, но если рѣшится пойти, то живетъ въ ней почти безвыходно, во всякомъ случаѣ не возвращаясь въ келію, по недѣлямъ и даже мѣсяцамъ. Въ келіи своей она живетъ не всегда, а періодами; большею частію сидитъ въ сѣнкахъ (или родъ шалаша), подъ крышею, но на открытомъ воздухѣ, зимою, лѣтомъ, осенью и во всякую погоду и непогоду. Здѣсь она постоянно молится, исполняетъ монастырскія правила, бесѣдуетъ съ приходящимъ народомъ и по ночамъ читаетъ и пишетъ. Пища ея чрезвычайно скудная и въ постные дни совершенно ничего не вкушаетъ. Ежедневно она получаетъ послѣ поздней обѣдни частицу антидора съ теплотою, что и составляетъ ее отраду и пищу. Если-же она ѣстъ кашицу или молоко съ лепешкой, то разъ въ день до вечерни, но бываетъ такъ что народъ не даетъ ей пообѣдать до вечерни и тогда она уже не вкушаетъ вовсе въ тотъ день. Когда утомленіе ея доходитъ до крайности, потому что здѣсь подъ навѣсомъ она терпитъ стужу, сырость, морозы, то Наташа уходитъ въ свою келію, гдѣ уже затворяется и не принимаетъ никого. Въ то

время, когда она въ келіи, никто не имѣетъ права входить, а безъ нея—допускаются послушницы. По разсказамъ, ея келія никогда не убирается, не метется и стѣны закрыты образами и лампадами, а на полу помѣщаются два корыта, одно съ водою, а другое съ корками и остатками хлѣба, въ которыхъ предлагается пища для крысъ, дабы они были всегда сыты и ей не мѣшали заниматься или молиться. Для самоумерщвленія плоти ея послушаніе видимо обязываетъ не снимать бѣлья и платья до тѣхъ поръ, пока оно не истлѣетъ на ней и не спадетъ само. Также она никогда не умывается, не расчесываетъ волосы. Для того-ли, чтобы освѣжать свое тѣло или съ цѣлью причинить физическую боль, Наташа иногда въ ватномъ своемъ халатѣ выходитъ подъ проливной дождь и стоитъ такъ, пока не вымокнетъ до костей; потомъ это платье прѣетъ на ней и впивается въ тѣло. Говорятъ она смѣняетъ бѣлье разъ въ годъ на Покровъ Пресвятыя Богородицы. Затѣмъ она никогда не ложится и если дремлетъ то сидя; должно быть это самоистязаніе входитъ въ послушаніе, полученное ею отъ старца въ Кіевѣ. Часто видятъ, какъ она борится со сномъ и взирая на св. иконы, старается силою Божіею побороть въ себѣ дремоту. Весьма рѣдко она смотритъ на человѣка приходящаго къ ней и только на духовныхъ лицъ засматриваетъ иногда изъ подъ лобья. Обыкновенно она сидитъ согнутая въ таліи и облокотившись локтями о колѣни, чтобы не смотрѣть на людей и они не могли видѣть ея лица. Также рѣдко она допускаетъ подходить къ себѣ приходящихъ къ ней за совѣтомъ и благословеніемъ; большею частію народъ останавливается за 5—6 саженъ и слова Наташи, говорящей довольно тихо, передаетъ публикѣ послушница, стоящая на середи разстоянія отъ народа, до нея. Она никогда не беретъ ничего въ руки кромѣ священныхъ предметовъ, бумаги и карандаша; ее кормятъ послушницы и все дѣлаютъ за нее, перелистываютъ страницы книгъ, собираютъ деньги, оставляемыя народомъ, и проч. Въ послушаніе ея входитъ также тяжелая обязанность двигаться всегда бокомъ и непремѣнно по той-же дорогѣ или половицѣ пола и туда, и назадъ. Странности эти, непривычныя для свободныхъ лю-

дей, кажутся неразумными, скучными, пожалуй безсмысленными, но поэтому-то они и даны ей мудрымъ старцемъ, чтобы побороть въ человѣкѣ разумъ и волю и при помощи подобныхъ тяжелыхъ послушаній, даже невыносимыхъ для большинства, заставить отречься отъ міра, находящагося не въ окружающей человѣка обстановкѣ, а внутри его, въ сердцѣ. Не многіе бываютъ въ состояніи понять, по своему духовному развитію, истину тяжелыхъ подвиговъ, которые налагаютъ на себя добровольно праведники и свѣтскіе люди ужасаются нечистоплотности подвижниковъ, воображая, что это доставляетъ вѣроятно удовольствіе имъ. Но то, что рѣдко кто въ состояніи выдержать страданія нечистоплотности и всѣ ужасаются такого положенія, и составляетъ подвигъ, доказывающій, что праведникъ поборолъ духомъ свои плотскія мудрованія и торжествуетъ побѣду—сладчайшимъ чувствомъ любви ко Христу.

Къ затруднительнымъ и скучнымъ особенностямъ пріема посѣтителей у Наташи, относятъ ея принужденіе подходить къ ней не сразу, а постепенно, дѣлая нѣсколько шаговъ впередъ и назадъ и читая все время Богородицу. Нѣкоторыхъ она утомляетъ подобными хожденіями по 5 и 10 минутъ, пока начнетъ свою бесѣду. Однако причину такого хожденія не трудно разгадать; заставляя молиться входящаго и молясь въ свою очередь, она испрашиваетъ у Господа внушенія, что ей говорить на пользу души каждаго и пока такъ сказать, внутренній голосъ не отвѣтитъ ей, она продолжаетъ молиться и приказываетъ ходить и молиться требующему отвѣта и помощи.

Наташа обладаетъ даромъ совѣта. Рѣчь ея прямая, ясная, не иносказательная. Премудрость и начитанность ея велика и не лишена она прозорливости. Въ молодыхъ годахъ Наташа нѣсколько юродствовала, но подъ старость перестала.

ГЛАВА XXVI.

Возрожденіе Дивѣевской обители подъ управленіемъ Е. А. Ушаковой. Назначеніе въ Нижегородскую епархію преосвященнаго Нектарія и объясненіе его съ Ушаковой. Представленія ея объ утвержденіи монастыря. Смута и возмущеніе въ обители. Объясненіе невидимой, духовной стороны дѣла. Сонъ благодатной старицы Евдокіи Ефремовны. Поѣздка блаженной Прасковьи Семеновны Мелюковой въ Саровъ, возмущеніе источника, предсказаніе. Неожиданный пріѣздъ въ Дивѣево Мотовиловыхъ, объясненіе видѣнія Прасковьей Семеновной за семь лѣтъ до смуты. Юродство ея, видѣніе о. Серафима и предсказанія. Безпокойство блаженной Пелагеи Ивановны. Пріѣздъ въ обитель преосвященнаго Нектарія, объясненіе съ Ушаковой и возмущеніе сестеръ. Избраніе начальницей Лукерьи Занятовой. Всеобщее раздраженіе противъ преосвященнаго Нектарія, оскорбленіе его блаженными Пелагеею Ивановною и Прасковьею Семеновною.

Въ официальномъ, краткомъ описаніи Серафимо-Дивѣевскаго монастыря, хранящемся въ Нижегородской консисторіи, говорится слѣдующее:

„Когда слабохарактерная Екатерина Васильевна Ладыженская, не бывъ болѣе въ состояніи бороться съ желающимъ вопреки всему непремѣнно завѣдывать общиною, іеромонахомъ Іоасафомъ, отказавшись отъ настоятельства,— уѣхала даже изъ общины въ Троице-Сергіевскую Лавру, то мѣсто ея заняла, по единогласному избранію сестеръ, казначея ихъ общины дѣвица Елисавета Алексѣевна Ушакова, изъ Тульскихъ дворянъ, особа съ твердымъ характеромъ, вся проникнутая вѣрою къ основателю батюшкѣ Серафиму. Хорошо понимая всѣ лжеухищренія и козни чуждопосѣтителя и лже-ученика свято почитаемаго ею старца Серафима, она энергично начала возстановлять все, святымъ заведен-

ное и заповѣданное и столь-же энергично прекратила всѣ посягательства іеромонаха Іоасафа. Тогда отдохнули Серафимо-Дивѣевскія сироты, но тѣмъ не менѣе и наипаче отдѣлились отъ нихъ духомъ, не имѣющіе болѣе произвола и временно присмирѣвшія Іоасафовскія приверженницы.“

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1860 года въ Нижегородскую епархію былъ назначенъ преосвященный Нектарій. Елисавета Алексѣевна поѣхала въ Ноябрѣ мѣсяцѣ представиться къ нему. По обычномъ привѣтствіи, преосвященный Нектарій, указывая на цѣлую кипу бумагъ, лежащихъ предъ нимъ сказалъ: „вотъ это все ваши дѣла! Скажите, почему у васъ община, а не монастырь!“ Елисавета Алексѣевна объяснила Владыкѣ, что старцемъ Серафимомъ, основателемъ общины, заповѣдано не просить и не искать утвержденія монастыря и у нихъ кромѣ многолюднаго общества бѣдняковъ, живущихъ подаяніемъ и милостыней, ничего нѣтъ, никакихъ капиталовъ, обезпечивающихъ ихъ существованіе. „Сами виноваты! гнѣвно воскликнулъ преосвященный Нектарій,— если бы вы приняли о. Іоасафа въ строители собора, то ручаюсь, что и стѣны были бы золотыя!“ На это настоятельница общины отвѣтила отъ имени всѣхъ сестеръ обители, что они готовы ѣсть одинъ кусокъ хлѣба, но не примутъ о. Іоасафа. Тогда преосвященный Нектарій сказалъ: „если не хотите имѣть посторонняго человѣка, то тѣмъ болѣе просите скорѣй объ утвержденіи монастыря!“ Объясненіе ихъ на этомъ кончилось и Владыка приказалъ Елисаветѣ Алексѣевнѣ по пріѣздѣ въ обитель немедля подать ему прошеніе о возведеніи Серафимо-Дивѣевской общины въ монастырь, что въ декабрѣ мѣсяцѣ 1860 года и было исполнено настоятельницею. Указъ объ утвержденіи монастыря преосвященный Нектарій получилъ очень быстро въ январѣ 1861 года, но держалъ у себя до мая мѣсяца, когда самъ поѣхалъ въ Дивѣево.

Настало наконецъ то ужасное время для Дивѣева, о которомъ предсказывалъ о. Серафимъ! „Скоро, ужъ скоро никого у васъ не останется, говорилъ батюшка сестрѣ Дарьѣ Ѳоминой, и какъ на Саровъ бури, такъ и на васъ еще хуже Сарова будутъ бури! Но я васъ поручаю Господу и Царицѣ

Небесной! Ничего не бойтесь, хотя бы и всѣ на васъ, да Господь-то за васъ! Мать вамъ Сама Царица Небесная, а по Ней всѣ управятъ!"

Старицѣ Агафьѣ Лаврентьевнѣ о. Серафимъ сказалъ: „вотъ доживешь ты, матушка, большое у васъ будетъ смятеніе, большое смятеніе и многіе разойдутся!"

Дивной старицѣ Прасковьѣ Семеновнѣ Мелюковой о. Серафимъ пророчески сказалъ: „вотъ, матушка, упомни, какъ увидишь ты, что мой источникъ-то возмутится грязью, отъ кого онъ возмутится, тотъ человѣкъ всю обитель возмутитъ у васъ! Тогда, матушка не убойся и говори правду и всѣмъ говори правду! Это тебѣ заповѣдь моя! Тутъ и конецъ твой!"

Двадцать девять лѣтъ страдала Серафимова обитель отъ вмѣшательства въ ея дѣла и отъ попечительства отца Іоасафа! Въ эти долгія годы велась непрестанная борьба между осиротѣвшими сестрами, защищавшими завѣты своего отца и основателя о. Серафима и врагомъ человѣчества, который въ лицѣ соблазненныхъ имъ честолюбивыми замыслами о. Іоасафа и его поклонницъ мало развитыхъ умственно и ослѣпленныхъ духовно нашелъ себѣ усердныхъ бойцевъ. Только совершенно неразвитые духовно люди могли не видѣть въ Дивѣевскихъ смутахъ борющіяся стороны... Что такое былъ о. Іоасафъ? Простой мѣщанинъ города Тамбова, плохой живописецъ и онъ шелъ съ такою увѣренностію и силою противъ цѣлаго общества, имѣвшаго въ своей средѣ многихъ дворянъ, даже княжескаго рода, со связями и значеніемъ, противъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, поставленныхъ о. Серафимомъ на стражѣ у обители Царицы Небесной, противъ большой и единогласно неодобрявшей его Саровской пустыни, противъ всего епархіальнаго начальства, смѣняя чрезъ это преосвященныхъ одного за другимъ и наконецъ о. Іоасафъ имѣлъ противъ себя такихъ дивныхъ старицъ, блаженныхъ и молитвенниковъ, какъ Пелагея Ивановна Серебреникова, Прасковья Семеновна Мелюкова, благодатная за свою простоту Евдокія Ефремовна, Наталья Дмитріева, М. В. Мантуровъ, Н. А. Мотовиловъ, протоіерей о. Василій Садовскій и многихъ другихъ. Мѣщанинъ Иванъ

Тихоновъ—возмутилъ весь міръ, какъ предсказывалъ о. Серафимъ и возможно-ли ему одному приписать всю силу и значеніе въ такой неровной и несправедливой борьбѣ. Нѣтъ, эта смута была поднята противъ существованія истины въ такомъ огромномъ обществѣ людей, какъ Дивѣевская обитель, куда впослѣдствіи должно было собраться до тысячи человѣкъ. Врагъ человѣчества возбудилъ борьбу небесныхъ и земныхъ силъ и ни одна исторія не излагала и ни одна обитель не переживала такихъ потрясеній, такихъ событій, какъ Серафимова община! Благодатныя старицы исполнились духа пророчества, духа обличенія, соединились невидимо съ пришедшими къ нимъ на помощь небесными силами и защитили правду и завѣты своей матери игуменіи, Самой Царицы Небесной. Вся Россія изумилась произошедшему и одинъ только митрополитъ Филаретъ рѣшился доложить Государю Императору о событіяхъ небывалыхъ до сихъ поръ въ православномъ мірѣ, но произошедшихъ въ Дивѣевѣ, гдѣ руководили борьбою и средствами обороны великія старицы и блаженныя, находящіяся подъ благодатію, а не подъ закономъ. Не даромъ, не безъ основанія о. Серафимъ назвалъ время смуты—временами схожими съ пришествіемъ антихриста! До антихриста не доживете, но времена антихриста переживете!—предсказалъ онъ своимъ сиротамъ.

И вотъ настали эти времена.

Составитель лѣтописи для изложенія этого событія руководствовался слѣдственнымъ дѣломъ, а также бумагами и письмами митрополита Филарета напечатанными въ V томѣ.

Сама природа какъ бы участвовала въ борьбѣ, возбужденной въ Дивѣевѣ и по небу надвигались постоянно черныя тучи, которыя наводили страхъ сильными грозами.

Еще за двѣ недѣли до пріѣзда преосвященнаго Нектарія въ Дивѣево, старица Евдокія Ефремовна, которую о. Серафимъ называлъ Евдокіею глухенькою, удостоенная видѣнія Божіей Матери въ 1831-мъ году въ келіи батюшки, увидала во снѣ о. Серафима. Великій старецъ приказалъ ей передать начальницѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, чтобы она ничего не боялась и ни на какое назначеніе не соглашалась.

Евдокія Ефремовна на утро пришла испуганная къ княжнѣ Енгалычевой (матери Евпраксіи) и спросила ее и другихъ сестеръ: чего ждутъ въ обители, что должно произойти и начала упрекать, что отъ нее скрываютъ что-то. Сестры успокоили ее, говоря, что ровно ничего не знаютъ, но совѣтывали Евдокіи Ефремовнѣ сходить къ настоятельницѣ и разсказать ей свой сонъ.

Вскорѣ затѣмъ распространился слухъ, что въ серединѣ мая преосвященный Нектарій поѣдетъ въ г. Арзамасъ и затѣмъ въ Дивѣево, чтобы открыть утвержденный уже монастырь.

15-го мая (1861 года) Прасковья Семеновна Мелюкова отпросилась вмѣстѣ съ бывшей начальницей общинки Прасковьей Степановной въ Саровъ на могилку къ батюшкѣ о. Серафиму помолиться. Они довольно часто ѣздили въ Саровъ, такъ какъ батюшка передъ смертію приказывалъ имъ, говоря: „когда меня не станетъ, вы ко мнѣ на гробикъ то ходите! Какъ вамъ время, вы и идите, чѣмъ чаще, тѣмъ и лучше! Все что есть у васъ на душѣ, что бы не случилось съ вами, о чемъ бы не скорбѣли, придите ко мнѣ, да все, все съ собой то и принесите на мой гробикъ! Припавъ къ землѣ, какъ живому все и разскажите, и услышу я васъ, вся скорбь ваша отлетитъ и пройдетъ! Какъ вы съ живымъ всегда говорили, такъ и тутъ! Для васъ я живой есть, буду и во вѣки!“

Поплакавъ на могилкѣ, сестры прямо направились къ источнику. Здѣсь они и пили воду, и умывались ею, и съ завѣдующимъ источникомъ Саровскимъ монахомъ о. Иліею долго сидѣли и бесѣдовали, вспоминая про батюшку Серафима. Наконецъ собрались идти домой, налили себѣ воды въ посуду изъ чистаго всегда, свѣжаго и какъ зеркало покойнаго источника о. Серафима, какъ вдругъ показалась, проживавшая въ Петербургѣ съ сестрами художницами Лукерья Занятова. Появленіе ея невольно удивило остальныхъ сестеръ, такъ какъ они ее не видѣли въ обители, да и не слыхали, чтобы ее вызывали изъ Петербурга. Лукерья Васильевна поздоровалась, и только подошла зачерпнуть воды, какъ вдругъ весь источникъ возмутился, закипѣлъ и всѣ

камешки поднялись со дна къ верху, такъ что вода замутилась и стала совсѣмъ грязная и непрозрачная. Прасковья Семеновна сразу измѣнилась въ лицѣ...

„Кто подошелъ? Ради кого возмутился источникъ?!“ грозно спросила она. Всѣ въ страхѣ молчали...

„Лукерія!“ вдругъ громко воскликнула Прасковья Семеновна, обращаясь къ Занятовой,—„вѣдь ты всю обитель возмутишь!“ Прасковья Семеновна быстро вспомнила предсказаніе батюшки о возмущеніи источника, о заповѣди его всѣмъ говорить громко правду послѣ этого и о своей смерти.

Лукерья Васильевна тотчасъ ушла, а Прасковья Семеновна осталась и долго, долго, смотрѣла молча, тревожно и пристально въ источникъ, до тѣхъ самыхъ поръ, пока не успокоился онъ, не затихъ, не очистился совершенно и попрежнему не сдѣлался свѣжъ. Тогда она зачерпнула воды. „Ну, проговорила Прасковья Семеновна, теперь ничего, пойдемъ! Прощай Илія! Прощай, ужъ болѣе мы съ тобою въ этой жизни не свидимся!“

Монахъ изумленный, совершившимся на его глазахъ, отвѣтилъ успокоительно: „полно тебѣ старица, ужъ больно растревожилась! Ишь чего еще выдумала,—не свидимся, или умиратъ собираешься! Полно-ка, полно, еще на источникъ за водой прибѣжишь!“

„Ну нѣтъ, сказала Прасковья Семеновна, теперь ужъ прощай, воистину прощай! Батюшка Серафимъ мнѣ сказалъ: вотъ, матушка, упомни, какъ, увидишъ ты, что мой источникъ то возмутится грязью, отъ кого онъ возмутится, тотъ человѣкъ всю обитель возмутитъ у васъ! Тогда матушка, неубойся и говори правду и всѣмъ говори правду! Это тебѣ заповѣдь моя! Тутъ и конецъ твой! Такъ видишьли Илья, источникъ-то возмутился и Лукерья всю обитель возмутитъ у насъ! Пришло время, пойду воевать какъ мнѣ батюшка приказалъ! Прощай-же Илья, прощай! Болѣе мы съ тобой не увидимся! „А ты будь свидѣтелемъ—кто подошелъ!“.

Вернулись они въ Саровъ, опять поплакали на могилкѣ о. Серафима и поѣхали домой. Подъѣзжая къ воротамъ своей обители они встрѣтили экипажъ, въ тоторомъ сидѣли

Н. А. Мотовиловъ съ женою Еленою Ивановною, какъ извѣстно племянницею Прасковьи Семеновны, и съ двумя дочерями. Они ѣхали изъ Симбирскаго имѣнія въ Москву чрезъ г. Арзамасъ, чтобы опредѣлить дочь въ институтъ и по дорогѣ близь Арзамаса сломалось колесо, такъ что явилась необходимость остановиться. Въ Арзамасѣ они узнали что преосвященный Нектарій поѣдетъ въ Дивѣевъ—открыть монастырь. Это сообщила имъ Дивѣевская казначея. Само Провѣденіе распорядилось этимъ, дабы Н. А. Мотовиловъ сдѣлался свидѣтелемъ произсшедшей чрезъ три дня исторіи. Старицы повернули за экипажемъ Мотовиловыхъ и вошли къ нимъ въ домъ. Прасковья Семеновна, поразившая ихъ своимъ тревожнымъ видомъ, показала тотчасъ воду изъ батюшкина источника, благословила испить ее и сказала: „ну Елена, теперь вотъ уже и слушай, что буду тебѣ говорить!“

Эти же самыя слова Прасковья Семеновна говорила Еленѣ Ивановнѣ семь лѣтъ тому назадъ, когда ей было видѣніе въ Саровской пустынѣ. Но въ то время она никому не открыла, изъ смиренія, о видѣніи своемъ, боясь не прелесть-ли это. Видѣніе продолжалось полтора часа въ присутствіи пришедшей съ нею въ Саровъ слѣпой сестры Анны Алексѣевны, также дивной жизни. Анна Алексѣевпа только слышала отвѣты и рыданія Прасковьи Семеновны и благоуханіе. Послѣ этого видѣнія, Елена Ивановна неоднократно просила тетку Прасковью Семеновну разсказать ей какъ, что и когда будетъ, но старица отвѣчала ей: „когда придетъ время тогда и слушай!“ И вотъ чрезъ 7 лѣтъ пришло это время.

„Ты не забудь, сказала Прасковья Семеновна, что ты чудомъ сюда пріѣхала!“

Елена Ивановна удивленно смотрѣла на нее, замѣчая странность рѣчи. „Ты хотѣла прежде знать, теперь вотъ пришло это время и слушай!“ прололжала Прасковья Семеновна. (См. Дивѣевское изд. 1874 г. г. Москва). Она разсказала о бывшемъ ей видѣніи въ Саровѣ. Въ ночь явилась ей Божія Матерь и батюшка Серафимъ просто, очевидно, ясно. Царица Небесная сказала: „ты выправь дѣла моей обители, настой въ правдѣ, обличи!....“ Прасковья

Семеновна упала на колѣни, зарыдала и отвѣтила: „матушка, Царица—Небесная, прости меня, кто—я недостойная, грѣшная, да и безграмотная! Есть умнѣе, просвѣщеннѣе и словеснѣе меня!“ „Нѣтъ, тебѣ назначено это, иди за послушаніе старца!“ говорила Богоматерь, указывая на стоявшаго за Нею батюшку о. Серафима. Но Прасковья Семеновна опять начала со слезами просить освободить ее отъ этаго дѣла и послушанія, считая себя немощною и негодною, но Матерь Божія до трехъ разъ повторила ей Свое приказаніе. Разсказавъ это, старица опять произнесла, обращаясь къ Еленѣ Ивановнѣ.

„Чудо батюшка отецъ Серафимъ, угодникъ Божій сдѣлалъ, помни ты, ты чудомъ сюда пріѣхала!... Вотъ открытіе монастыря и постриженіе у насъ въ батюшкиной обители!....“

„Да и какое чудо, сказала перебивая сестра Прасковья Степановна, источникъ батюшки о. Серафима возмутился!“

Но Прасковья Семеновна остановила ее говоря:

„Нѣтъ, то другое, а вотъ батюшка о. Серафимъ здѣсь теперь!“

Она встала съ свѣжимъ, веселымъ лицомъ, всплеснула руками и произнесла: „батюшка Серафимъ, угодникъ Божій! Ты здѣсь, ты здѣсь явился, пришло то время, буде воля Господа и Матери Божіей!“ Потомъ, она сѣла и помолчавши сказала: „мнѣ-бы домой въ монастырь пора, я изнемогла!“

Мотовиловы упрашивали ее ночевать у нихъ, но Прасковья Семеновна не соглашалась. „Мнѣ нужно домой!“ говорила она. Это было 16-го мая. Пріѣхавъ въ обитель и войдя въ свою келію, Прасковья Семеновна начала юродствовать и воевать,—во второй разъ въ жизни; первый разъ съ нею это было во время похоронъ дивной сестры Маріи Семеновны, схимонахини Мареы. Она теперь надѣла балахончикъ батюшки о. Серафима который у нее хранился, разложила всѣ вещи его, бывшія у нея и сказала послушницѣ Феодорѣ: „собирайте и скорѣе прячьте всѣ вещи, владыка ѣдитъ не вѣрующій; онъ ихъ всѣ раскидаетъ!“

Въ эту-же ночь она сдѣлалась восторженная, слезы лились изъ ея глазъ и воздѣвши руки къ небу она говорила:" Дражайшій батюшка! Я не о томъ плачу, что ты меня благословилъ труднымъ жестокимъ путемъ, но плачу отъ радости теперь. Пасху пѣла-бы, да на память не умѣю. Христосъ Воскресе, батюшка! Воистину Воскресе! Помнишь, батюшка, какъ ты меня своими ручками со стога снялъ?!

По свидѣтельству Елены Ивановны Мотовиловой однажды на работѣ, снимая Прасковью Семеновну со стога сѣна, батюшка Серафимъ сказалъ ей: „Ты, радость моя, превыше меня!" А сестрамъ открылъ, что она будетъ юродствовать.

Въ ночь на 17-е мая Прасковья Семеновна курила ладономъ свою келлію и говорила: „не бойся Феодора (послушница), меня одолѣли (враги) въ окна лѣзутъ и въ двери толкаются!" (т. V митр. Филарета).

Утромъ 17-го пріѣхала къ ней Елена Ивановна. Старица сказала ей: „Скажи старшимъ всѣмъ, будетъ теперь верхъ Іоасафовыхъ, но они не смущались-бы, начальницу на время смѣнятъ и постриженіе будетъ Іоасафово, а батюшки о. Серафима и наше постриженіе будетъ послѣ."

Потомъ, говорила она: „это возмущеніе попущено къ смиренію нашихъ старшихъ; если и начальница не будетъ хранить всей обители заповѣди, Матери Божіей и батюшкиной, то недолго продержится она въ начальствѣ. А Николаю Александровичу скажи, дабы настаивалъ-бы, чтобъ переходовъ и мостовъ чрезъ канавку не было и строеніе было-бы внутри канавки ставлено; и все, какъ угодникъ батюшка о. Серафимъ заповѣдывалъ имъ дѣлать, такъ чтобы и исполняли!"

Много разъ повторяла она въ восторгѣ: „а что будетъ еще въ Дивѣевѣ, Боже мой!" Всѣ пророчества о. Серафима о будущей славѣ Дивѣева она предсказала опять. Предсказала она Еленѣ Ивановнѣ все относящееся до ея семьи; дала ключикъ отъ своего шкафа и произнесла: „не забывай что говорю, а теперь поди и посмотри, что у меня осталось тамъ!" Еленѣ Ивановнѣ сдѣлалось страшно, но она не могла ослушаться, подошла къ шкафу, горько и

долго плакала, сама не зная о чемъ, потомъ принесла ключъ и подала старицѣ. „Ну теперь простимся!“ сказала Прасковья Семеновна. Елена Ивановна упала ей въ ножки, говоря: „прости меня во всемъ, матушка!“ Старица простилась съ нею какъ-бы навсегда. „Ну теперь пойди, опять произнесла Прасковья Семеновна, да не забудь-же что говорила я, это нужно тебѣ! Да вотъ и св. артосъ тебѣ“ сказала она, подавая мѣшечекъ, „его возьми съ собой.“ Елена Ивановна отвѣтила ей: „вѣдь мы ѣдемъ въ Москву не на долго, а оттуда опять заѣдемъ сюда, тогда я и возьму мешечекъ домой!“ Старица строго посмотрѣла на Елену Ивановну и сказала: „вотъ я тебѣ кажется толкомъ говорила и говорю, что все у меня теперь пересмотри и это возьми сейчасъ-же, а ты ничего не понимаешь!“ Прасковья Семеновна положила ей въ руку мѣшечекъ съ артосомъ и отпустила въ домъ. Елена Ивановна и тутъ еще не поняла тогда ея предсказанья о своей кончинѣ. Николаю Александровичу старица прямо объявила, когда онъ пришелъ къ ней проститься предъ отъѣздомъ въ Москву: „ты не сказывай Еленѣ,—я скоро умру; она, узнавши это не поѣдетъ въ Москву, а Вамъ нужно быть тамъ, такъ съ Богомъ поѣзжайте!“

Въ ночь на 18-е мая Прасковья Семеновна начала читать Псалтирь. Прочитавъ двѣ славы, говоритъ она: „Федорушка! я было пріуныла, а батюшка Серафимъ мнѣ сказалъ: „что тебѣ матушка унывать, я самъ тебѣ избралъ истинную послушницу!“ Затѣмъ старица приказала своей послушницѣ Федорушкѣ сѣсть на полъ и молиться, а сама начала ставить всѣмъ образамъ зажженыя свѣчи. „Вотъ такъ горѣли свѣчи въ келліи батюшки Серафима, сказала она, онъ меня спросилъ: „видишь-ли ты, матушка, радость моя, какъ свѣчи горятъ? „Я отвѣтила: вижу батюшка! Тутъ одна свѣча упала, Онъ опять спрашиваетъ: а видишь-ли ты, что свѣча упала! Вижу, батюшка. „Вотъ такъ-то человѣкъ падаетъ.“

Послѣ этого разсказа, Прасковья Семеновна начала ставить зажженную большую свѣчу, которую ей еще при жизни своей пожаловалъ батюшка Серафимъ, но лишь

только поставитъ, сдѣлаетъ земной поклонъ и свѣча упадетъ; такъ было три раза. Тогда она сказала: „въ прошломъ году я была больна, но не умерла, а теперь уже умру,— вотъ кончина моя.“

12-го числа въ три часа утра, Прасковья Семеновна начала звать съ собою старицъ Евдокію Ефремовну и Прасковью Степановну, говоря: „пойдемъ-те мы три столпа на подкрѣпу къ матушкѣ; четвертый столпъ сама матушка,— мы устоимъ!“ Они ей отвѣтили: „ты не во время начала юродствовать!“ и не пошли съ нею. Тогда старица взяла камушекъ съ изображеніемъ батюшки Серафима и пошла одна къ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Видя старицу въ восторженномъ состояніи и думая, что необходимо сообщить ей матушкѣ важное извѣстіе, послушницы разбудили настоятельницу. Прасковья Семеновна вскорѣ вернулась назадъ въ свою келлію и объявила послушницѣ Федорушкѣ: „я спросила у матушки воды изъ источника батюшки Серафима, она мнѣ подала въ стаканъ, а я говорю: перекрести, матушка! Она отвѣтила мнѣ: нѣтъ, не могу такого Свѣтильника, какъ батюшка Серафимъ воду крестить. Вотъ она Федорушка, Богомъ избранная намъ истинная мать! Я ей отдала портретъ батюшки Серафима, да и сказала: крѣпись, матушка, мужайся! Царица Небесная и батюшка Серафимъ тебѣ помогутъ!“

Въ это время въ другомъ концѣ обители блаженная Пелагея Ивановна сильно скорбѣла, все ходила, металась, да бѣгала, приговаривая: „охъ, горе-то какое! Тоска-то, тоска какая!“

„Ну что еще за горе?“ говоритъ Анна Герасимовна, ея сожительница и послушница,—„вотъ Владыку всѣ ждутъ, а ты тутъ—„горе“. Дайка я лучше самоварчикъ поставлю!“

„Охъ! продолжала блаженная, какой это тебѣ—„самоваръ“! Горе-то какое?! Туча-то какая идетъ! Пойдемъ къ воротамъ!“

Пошли. На Пелагеѣ Ивановнѣ не было лица, точно она не своя была. Просидѣли они цѣлый день у воротъ и Пелагея Ивановна все время тосковала и металась. „Ка-

кой нынѣ громъ-то будетъ! восклицала она. Вѣдь, пожалуй кого и убьетъ; да, вѣрно убьетъ!“

„Что это ты говоришь, Господи помилуй!“ возразила испуганно Анна Герасимовна. Я такъ испугалась, что вся дрожу!“ Но про себя Анна Герасимовна думала, что будетъ непремѣнно бѣда, потому что блаженная измѣнилась, стосковалась и вся осунулась.

Настали сумерки. Съ самаго утра Елисавета Алексѣевна и всѣ сестры ждали Владыку у храма и гостинницы, въ которой приготовили ему помѣщеніе, но онъ не ѣхалъ. Когда начало темнѣть Пелагея Ивановна вдругъ вскочила и побѣжала прямо въ гряды, которыя были противъ воротъ и засѣла въ нихъ. Анна Герасимовна пошла за нею. Нашла туча съ большимъ громомъ и сильнымъ дождемъ, а блаженная съ своей подругой продолжала сидѣть въ огородѣ; сколько дождь не поливалъ ихъ, Пелагея Ивановна не двигалась съ мѣста и Аннѣ Герасимовнѣ не дозволяла. „Сиди!“ говорила ей блаженная. Промокшая Анна Герасимовна роптала: „что это? Господи помилуй! Дождь такъ вотъ и поливаетъ; тамъ всѣ Владыку съ фонарями ждутъ, а я тутъ и сиди съ тобой!“ Съ этими словами она встала и хотѣла уйти, но блаженная какъ вскочитъ, схватитъ ее за подолъ, да такъ грозно и гнѣвно прикрикнула: „такъ и сиди!“ Ужасъ напалъ на послушницу. „Что это, Господи, думала она, ужъ непремѣнно какая нибудь-да будетъ бѣда!“ Сидѣли они совершенно промокшія и издали смотрѣли, какъ собрались сестры ждать Владыку у воротъ, съ фонарями.

Въ полночь наконецъ пріѣхалъ преосвященный Нектарій, въ сопровожденіи протоіерея и писмоводителя, своего роднаго брата. Раздался звонъ. Прасковья Семеновна услышала звонъ и спросила: что звонятъ? Феодорушка объяснила ей, что Владыка пріѣхалъ, но старица ничего не сказала. Блаженная Пелагея Ивановна выскочила изъ грядокъ и бросилась къ воротамъ. Немного спустя она встала, оглядѣла себя и Анну Герасимовну и видя, что съ обѣихъ ихъ вода ручьемъ льется, произнесла; „ну, слава Богу! Теперь ничего не будетъ!“ Они пошли домой.

Елисавета Алексѣевна объяснила преосвященному Нектарію, что его весь день ждали и наконецъ рѣшили, что онъ пріѣдетъ не ранѣе утра, а потому сестры разошлись.

„Какъ благословите Владыко, службу завтра!“ спросила она.

„Пускай будетъ заутреня, а я за Вами пришлю“, отвѣтилъ преосвященный.

Елисавета Алексѣевна благословилась и ушла. Пелагея Ивановна, насквозь промокшая, всю ночь пробѣгала по монастырю и молилась. Старица Прасковья Семеновна опять въ три часа утра разбудила свою послушницу и сказала ей: „поди къ моей правдѣ и радости, поклонись въ ножки три раза, поцѣлуй три раза ручку, да скажи: Матушка крѣпись! Мужайся, стой за правду — бодрствуй! Вся сила Небесная сюда грядетъ! Царица Небесная и батюшка Серафимъ ей помогутъ!“ Елисавета Алексѣевна конечно не спала и приняла послушницу Федорушку. Недозволивъ ей кланяться въ ноги, но выслушавъ слова старицы, она сказала: „благодарю за подкрѣпленіе и за сестрины молитвы; я къ сердцу ничего не приняла!“ Федорушка вернулась и сообщила отвѣтъ матушки. Прасковья Семеновна на это сказала: „мнѣ только-то и нужно!“

19-го числа преосвященный Нектарій въ 9 ч. утра прислалъ за Елисаветой Алексѣевной. Благословивъ настоятельницу, Владыка сказалъ:

„Елисавета Алексѣевна! У меня до васъ есть просьба?“

„Мы привыкли къ приказаніямъ, Владыка, а не къ просьбамъ, отвѣтила она. Что Вамъ угодно?“

„Перейдите въ Давыдовскую пустынь начальницей!“ сказалъ Владыка. Елисавета Алексѣевна молчала въ удивленіи.

„Что-же вы молчите?“ спросилъ преосвященный Нектарій.

„Я Васъ не понимаю, Владыко!“ произнесла она.

„Я говорю Вамъ, повторилъ преосвященный, что вы должны перейти въ Давыдовскую пустынь, тамъ неустройство, вотъ Вы перейдете, чтобы тамъ завести порядокъ!“

„Не могу“, кротко отвѣтила Елисавета Алексѣевна.

„Какъ-же Вы здѣсь—начальницей?“ спросилъ Владыка.

„Я здѣсь по выбору сестеръ, сказала она, и только стараюсь поддержать заведенные порядки...“

„Въ такомъ случаѣ, объявилъ Владыка, я вамъ долженъ сказать, что вы здѣсь не можете быть начальницей!“

„Это ваша воля, какъ Вамъ угодно! сказала Елисавета Алексѣевна. Я поступала сюда по вѣрѣ въ силу молитвъ батюшки Серафима, а не въ начальницы и прошу только одной милости: не выгонять меня!“

Послѣ этого, преосвященный Нектарій посмотрѣлъ на часы. „Уже десятый часъ, уже пора въ церковь и Вы должны согласиться, сказалъ Владыка.

„Буду молить, лучше чтобы умереть, но не оставить обитель!“ рѣшительно отвѣтила Елисавета Алексѣевна, (т. V митр. Филарета).

Послѣ обѣдни, которую преосвященный Нектарій отстоялъ въ Тихвинской церкви, онъ вышелъ на солею и объявилъ сестрамъ, что пріѣхалъ сдѣлать миръ, открыть монастырь и потому они должны выбрать начальницу. Возбужденіе между сестрами было настолько уже сильно, что они въ одинъ голосъ объявили: „у насъ есть начальница!“

Постоявъ на солеѣ и видя, что никто изъ сестеръ не идетъ къ нему подъ благословеніе, преосвященный Нектарій вышелъ изъ церкви. По дорогѣ онъ встрѣтилъ Лукерью Занятову и сказалъ ей: „я буду у васъ!“

Въ келіи настоятельницы подали чай. Около владыки усѣлись протоіерей и письмоводитель. Обращаясь къ нимъ преосвященный Нектарій сказалъ:

„Еще называется монашенкой, а архіерея не слушаетъ! Я ей говорю, что надо перейти въ другой монастырь, а она не идетъ!“ Затѣмъ, онъ началъ укорять Елисавету Алексѣевну, что она во всемъ виновата, возбуждала Е. В. Ладыженскую противъ о. Іоасафа, борется противъ благодѣтеля обители и наставника, которому поручилъ своихъ сиротъ самъ о. Серафимъ и проч. Въ словахъ его заключались конечно наговоры о. Іоасафа, Лукерьи Занятовой и другихъ ихъ сторонниковъ.

Елисавета Алексѣевна съ спокойнымъ духомъ, смиренно отвѣчала напрасно разгнѣванному владыкѣ, повторяя только одно: „простите Христа ради!“ Оправдываться противъ такой клеветы не было посильно и пристойно матери Дивѣевскихъ сиротъ...

Послѣ чаю владыка пожелалъ посѣтить трапезу. Онъ всюду заходилъ, думая услышать отъ кого либо претензію или неудовольствіе, или жалобу на настоятельницу и воспользоваться этимъ обвиненіемъ для своихъ рѣшительныхъ дѣйствій, но угрюмыя, растроенныя, взволнованныя и заплаканныя сестры молча вставали, кланялись низко и прятались по кельямъ. Отпустивъ отъ себя Елисавету Алексѣевну, которая тотчасъ заперлась въ своей келіи, преосвященный Нектарій пошелъ въ гостинницу. Обозрѣвая разныя послушанія преосвященный Нектарій говорилъ всѣмъ: „пожалуйста не бойтесь Елисаветы Ушаковой и жалуйтесь, чѣмъ вы недовольны!“ Но жалобы никто не принесъ. (т. V митроп. Филарета). Слава о блаженной Пелагеи Ивановнѣ, конечно дошла до владыки еще въ Нижнемъ Новгородѣ, такъ какъ ее посѣщали много пріѣзжающихъ со всѣхъ концевъ Россіи; кромѣ того онъ слышалъ о ея прозорливости и отъ о. Іоасафа и Лукерьи Занятовой. Смущенный, возложенной на него обязанностію измѣнить порядокъ въ Дивѣевѣ и поставить въ игуменію Лукерью Занятову, Преосвященный Нектарій искалъ себѣ видимо внутренной поддержки, для правдиваго рѣшенія вопроса и пожелалъ сходить къ блаженной Пелагеи Ивановнѣ.

„На первый же день пріѣзда владыки, разсказывала послушница Анна Герасимовна (Тверь изд. 1891 г. стр. 66), вижу, жалуетъ къ намъ. Сердце у меня такъ и заныло. Что это? думаю; мы—дураки и никогда къ намъ такія лица не ходили!“

Преосвященный Нектарій вошелъ въ келію. Пелагея Ивановна сидѣла въ чуланѣ на табуреткѣ, поджавшись. Владыка взялъ также табуреточку и сѣлъ съ нею рядомъ, а Аннѣ Герасимовнѣ приказалъ помѣститься на лавкѣ.

„Ахъ, раба Божія! какъ мнѣ быть-то!“ сказалъ Владыка.

Посмотрѣвъ на него строго, ясно, такъ что видимо произведя сильное впечатлѣніе на преосвященнаго, своимъ свѣтлымъ, глубокимъ и чистымъ взоромъ, она громко отвѣтила:

„Напрасно, владыка, напрасно ты хлопочешь! Старую мать не выдадутъ!"

Пригорюнился преосвященный Нектарій, облокотился бородою на свой посохъ и сталъ покачивать головою изъ стороны въ сторону. „Ужъ и самъ не знаю, какъ быть!" сказалъ владыка, обращаясь къ Аннѣ Герасимовнѣ. Что-то мнѣ страшно!"

„Преосвященный владыка! вдругъ заговорила Анна Герасимовна, сдѣлавшись смѣлою и откровенною,—„Да зачѣмъ же смѣнять? Вѣдь она никого не обижаетъ!"

Едва договорила она это, какъ Пелагія Ивановна вскочила тревожная, страшная и начала воевать. Всѣ, кто были съ владыкой отъ испугу разбѣжались, кто куда могъ. Анна Герасимовна разсказывала (стр. 66)—что „осталась я съ нимъ одна одинешенька: тряской трясусь, да творю молитву: Господи только помози! Да кое какъ улучивъ минуту, владыку-то ужъ и выпроводила вонъ; а она-то воюетъ, что ни попало подъ руки, все бьетъ, да колотитъ. Ужасъ на всѣхъ, и на насъ-то напалъ. Къ вечеру, слышу, говорятъ: архіерей сказалъ какому-то съ нимъ прибывшему протоіерею, что „напугала меня Пелагія Ивановна; ужъ и не знаю, какъ быть!" „Охота вамъ, владыка, говоритъ протоіерей, безумную бабу слушать!"

Весь остальной день до всенощной, преосвященный Нектарій ходилъ по монастырю вмѣстѣ съ Лукерьей Занятовой. Дивная раба Божія Прасковья Семеновна была очень непокойна, разбила у себя въ келіи окна и кричала: „второй Серафимъ, Пелагія Ивановна! Помогайте мнѣ воевать! Наталья косматая, Евдокія глухинькая, помогайте мнѣ! Стойте за истинную правду! Николай Чудотворецъ, угодникъ Христовъ помогай за правду!" (т. IV митр. Филарета).

Эта война блаженныхъ производила сильнѣйшее впечатлѣніе и наводила ужасъ на всѣхъ. Вообще какъ мы слышали выше и изъ устъ самого о. Серафима, истинныхъ,

блаженныхъ и Христа ради юродивыхъ бываетъ мало; большинство ихъ, бродящіе по Россіи, взявшіе самопроизвольно на себя этотъ великій и тяжелый подвигъ, порочные люди, руководимые врагомъ человѣчества. Но истинные блаженные узнаются по необъяснимой на словахъ чистотѣ и святости взора, проникающаго въ сердце человѣка, по образу ихъ жизни и въ особенности по неподражаемой рѣчи, которая у всѣхъ одна. Они всѣ воюютъ одинаково. Непонятное на первый взглядъ это буйство, дѣлается совершенно понятнымъ, когда вспомнимъ, что блаженные имѣютъ уже на землѣ духовные очи, видящіе явно духовъ злобы и ангеловъ. Воеваніе это есть борьба съ духами злобы, являющимися смущать человѣчество, соблазнять и возбуждать вражду между людьми. Такъ Василій блаженный иногда воевалъ и бросалъ камни въ церковныя стѣны, пока внутри служилась обѣдня, видя что злые духи, располагаются снаружи, по невозможности стоять въ церкви и цѣловалъ стѣны домовъ, въ которыхъ были балы, танцы, кутежи, такъ какъ видѣлъ ангеловъ хранителей, удалившихся изъ нихъ, по невозможности присутствовать въ жилищахъ.

Блаженныя Пелагея Ивановна и Прасковья Семеновна весь день 19-го мая провели въ страшной войнѣ. Елисавета Алексѣевна вышла изъ келіи только ко всенощной. Послѣ всенощной протодіаконъ передалъ приказаніе владыки, чтобы всѣ сестры до одной шли въ трапезу. Было сестеръ около 500 и онѣ тѣсно размѣстились въ трапезѣ. Глубокое молчаніе и грустное выраженіе лицъ располагали къ ожиданію чего-то страшнаго. Когда всѣ были на мѣстахъ, вошелъ и преосвященный Нектарій.

— „Желающія Лукерью Васильевну, отдѣляйтесь!“ произнесъ владыка, стоя въ мантіи. „Становитесь впередъ, къ образамъ!“

Нѣкоторыя стали впереди, но сравнительно ихъ было очень мало, всего 40 человѣкъ. Видя это, и приписывая тому, что нѣтъ мѣста въ трапезѣ, преосвященный сталъ приказывать: „назадъ! назадъ!“

„Некуда назадъ!“ отвѣтили въ одинъ голосъ 400 сестеръ, преданныхъ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Многія изъ нихъ

на колѣняхъ, со слезами просили преосвященнаго оставить ее начальницей. „Отдѣляйтесь, отдѣляйтесь!“ приказывалъ опять владыка, но никто не двигался съ мѣста. Тогда онъ сказалъ: „я ее не оставлю! Избирайте три лица, а если вы не изберете, то я, кромѣ Елисаветы и Лукерьи изберу самъ третье лицо изъ среды Лукерьи Васильевны.“ „Завтра, если жребій падетъ на Лукерью Васильевну, то кто не повинуется всѣхъ вонъ!“

„Много будетъ всѣхъ вонъ!!!“ громко отвѣтили всѣ сестры.

Раздраженный и разгнѣванный неудачами, а также отвѣтами Серафимовыхъ сиротъ, преосвященный Нектарій сталъ нетерпѣливо подвигаться къ двери, но, по тѣснотѣ, сестры невольно запутались въ его мантію, а онъ желая освободиться, началъ ихъ толкать, отстранять ногами и вся эта сцена глубоко поразила и возмутила стоявшаго у дверей трапезы незамѣченнымъ Николая Александровича Мотовилова. (Т. V митр. Филарета).

Въ ночь на 20 мая, подлѣ старицы Прасковьи Семеновны сидѣли сестры Прасковья Степановна, Анастасія Михайловна и послушница Федорушка. Взявъ образокъ Казанской Божіей Матери, Прасковья Семеновна приложилась къ нему, потомъ надѣла на бывшую свою начальницу мельничной общинки Прасковью Степановну и сказала: „иди ты къ новой начальницѣ и скажи, чтобы она не бралась начальствовать, это не ее дѣло! Вотъ у меня три свидѣтельницы, но двѣ лживыя поколеблятся! Ты одна у меня будешь истинная свидѣтельница! Вспомни Прасковья Степановна, вспомни матушка, что тебѣ сказалъ батюшка Серафимъ: останешься ты какъ ракъ на мели!“

Но Прасковья Степановна не пошла къ Лукерьѣ Занятовой, опасаясь передать ей слова старицы, ибо архіерей долженъ былъ ее постригать на слѣдующее утро.

Преосвященный Нектарій служилъ обѣдню въ Тихвинской церкви и когда вышелъ на молебень, то приказалъ подать ему билеты, съ наименованіемъ кандидатокъ, избираемыхъ въ настоятельницы монастыря. Протодіаконъ вынесъ на блюдѣ три запечатанныхъ конверта. Владыка взялъ одинъ,

распечаталъ и передалъ для прочтенія протодіакону, а остальные два спряталъ себѣ въ карманъ. Протодіаконъ громко провозгласилъ:

„Господь Богъ выбираетъ начальницей Гликерію Занятову!"

Въ публикѣ произошло смятеніе, послышалось рыданіе, нѣкоторые изъ пріѣзжихъ упали въ обморокъ. Никто не повѣрилъ, что Богъ могъ избрать начальницею—преданную о. Іоасафу, который запечатывалъ храмы, попиралъ завѣты и заповѣди Царицы Небесной и о. Серафима. Возбужденіе народа противъ преосвященнаго дошло до крайнихъ предѣловъ. Въ виду того, что остальные конверты онъ взялъ себѣ въ карманъ, а не отдалъ по принадлежности сестрамъ обители или для храненія въ ризницѣ, владыку обвинили въ пристрастіи, въ допущеніи обмана. Присутствующіе были увѣрены, что во всѣхъ конвертахъ—заключалась записка одного содержанія о избраніи Лукерьи Занятовой. Можно себѣ представить какъ былъ отслуженъ молебенъ и что происходило въ это время въ церкви.

Одна-же, отличавшаяся кротостію Устинья Ивановна, не могла сдержать свою скорбь и сказала: „батюшка Серафимъ на тебѣ взыщеніе за насъ владыко, ибо онъ собиралъ насъ, а ты разгонять хочешь!"

Преосвященный Нектарій приказалъ отправить ее подъ начало, въ Ардатовскій монастырь.

Благодатная старица Евдокія Ефремовна, стоя предъ преосвященнымъ со слезами говорила ему: „Святый Владыко, пощади насъ, Іоасафъ гонитъ насъ 30 лѣтъ! И ты гонишь насъ! Намъ Лукерьи не нужно!"

„Іосафъ добрый человѣкъ!" отвѣтилъ владыка.

„Я, батюшка, живу 60 лѣтъ въ обители и мнѣ уже осьмой десятокъ, старшихъ насъ шесть сестеръ, на насъ обитель завелъ о. Серафимъ; мы съ нимъ трудились, ему служили!" продолжала дивная старица.

„Что мнѣ до того, что тебѣ 70 лѣтъ! воскликнулъ преосвященный Нектарій. Вы мнѣ не нужны! У меня и молодая будетъ начальницею!"

Сестры плакали и рыдали. (т. V Митр. Филарета).

Послѣ обѣдни Владыка кушалъ чай и обѣдалъ у новой начальницы Лукерьи Васильевой, гдѣ ликовали поклонницы о. Іосафа. Елисавета Алексѣевна совершенно покойно удалилась изъ церкви и поспѣшила переѣхать изъ начальнической келіи въ свою прежнюю казначейскую.

Серафимовы сестры провели день въ слезахъ и не выходили изъ келій. Только великія рабы Божія продолжали еще съ большею силою воевать со врагомъ, видя до какого забвенія довелъ онъ Іоасафовыхъ сестеръ. Сестра Аграфена Николаевна Назарова поспѣшила въ келію Пелагеи Ивановны разсказать ей, что происходило сегодня въ церкви и принесла съ собою ей въ подарокъ прехорошенькаго котенка, зная какъ блаженная любила ихъ. Пелагея Ивановна вскочила, выхватила котенка изъ рукъ Назаровой и такъ сильно ударила кулакомъ по головѣ его, что онъ и не пикнулъ. Никогда еще съ блаженной подобнаго не случалось.

„Полно озарничать-то!“ закрычала Анна Герасимовна.

„Нѣтъ не перестану!“ отвѣтила блаженная.

„Да вотъ, все такъ: ей всѣ равно, а я то причемъ? Только знай, чрезъ тебя все къ отвѣту иди!“ ворчала Анна Герасимовна.

„Нѣтъ! Что тебѣ? Я и помимо тебя выберу время!“ сказала Пелагея Ивановна. (Жизнеоп. Тверь 1891 г.).

„Второй Серафимъ—Пелагея Ивановна! Помогайте мнѣ воевать!“ кричала въ другомъ концѣ обители старица Прасковья Семеновна, „Наталья косматая, Евдокія—глухенькая помогите мнѣ, стойте за истинную правду! Николай чудотворецъ угодникъ Христовъ, помогай за правду!“

День 21-го мая былъ еще ужаснѣе! Въ виду напечатанныхъ уже отзывовъ приснопамятнаго митрополита Московскаго Филарета о Дивѣевскихъ смутахъ, о. Іоасафѣ, о Гликеріи Занятовой, объ оскорбленіи преосвященнаго Нектарія блаженною Пелагеею Ивановною, о разговорахъ митрополита по этому поводу съ Государемъ Императоромъ, а также въ виду напечатанія объ этомъ же писемъ митрополита Филарета къ митрополиту Петербургскому Исидору и оберъ-прокурору св. Сѵнодъ графу А. И. Толстому (См. Сборн.

мнѣніи и рез. м. Филарета т. V, № 606, 608 и др. письма Мит. Филарета I, 28 II 98, 99, 105, 226.); наконецъ въ виду напечатанія по этому дѣлу Указовъ Св. Сvнода и біографіи блаженной Пелагеи Ивановны, въ которой упоминается подробно объ оскорбленіи ею преосвященнаго Нектарія (стр. 70), мы излагаемъ въ лѣтописи событія со всѣми подробностями, несомнѣнно поучительными въ духовномъ смыслѣ.

21-го мая преосвященный Нектарій служилъ въ Тихвинскомъ храмѣ и покрывалъ въ рясофоръ сторонницъ Гликеріи Занятовой, которую, между прочимъ, многіе любили въ монастырѣ за ея доброту, но теперь обвиняли въ духовной слѣпотѣ и рѣшеніи служить не о. Серафиму, а чудопосѣтителю о. Іоасафу. Какъ только раздался звонъ, доказавшій, что владыко выходитъ изъ храма по окончаніи службы, старшая Прасковья Семеновна надѣла шубу въ верхъ мѣхомъ, выбѣжала изъ келліи и направилась къ колокольнѣ, крича: „Звони Ирина зря, зря! чтобы владыка испугался!“ (т. V М. Филар.).

„А вы сестры, сказала она подошедшимъ монашенькамъ, идите на канавку, становитесь рѣже, выше, выше! и кричите: „Канавка, канавка! Возопій за насъ до неба! А мы нейдемъ за канавку, земля наша!

Преосвященный Нектарій, видя это, прошелъ мимо, ничего не сказавъ. Тогда старица побѣжала на другой конецъ канавки и стала противъ сѣней начальницы. Когда владыка вошелъ въ келлію, она начала кричать: „вышлите ко мнѣ Лукерью съ владыкой!“

Преосвященный Нектарій вышелъ, благословилъ ее большой просфорой, какъ самую духовную, уважаемую и почтенную старицу въ обители. Она взяла, говоря: „идите владыко святый за тотъ столъ, гдѣ вы кушать будите!“ Они вошли всѣ вмѣстѣ въ начальническій корпусъ. Только усѣлись, Прасковья Семеновна размахнулась и бросила въ окно громадную эту просфору съ крикомъ: „вотъ такъ и Лушку выкину!“ Шумъ отъ разбитыхъ стеколъ произвелъ переполохъ, но всѣ боялись, не исключая и владыки, сказать ей слово, такъ какъ они страшились обличенія. За

столомъ, Прасковью Семеновну посадили рядомъ съ владыкой. Она спросила себѣ воды изъ батюшкина источника и когда ей подали, то выплеснувъ все на владыку, залила ему бокъ рясы, разбила стаканъ о полъ и сказала: „О судія! судія неправедный! Судія ложный! Судія денежникъ! О Господи, нѣтъ истинной правды! Святый владыко! Руби меня въ мелкія части, нѣтъ истинной правды! Святый владыко! что я шубу-то выворотила, такъ они всю обитель переворотили! Мнѣ батюшка Серафимъ сказалъ: „придетъ время, шуми матушка, не умолчи! Что я шумлю? Теперь въ Петербургѣ и въ Москвѣ шумъ! Шумъ! Съ сѣверной стороны вѣтеръ хладный далеко шумитъ! Владыка, гдѣ-же истинная правда?!“ (т. V Митр. Филарета.).

Тогда сестра Домна Алексѣевна подвела Лукерью Васильевну и говоритъ: „вотъ истинная правда,—наша матушка!“

Прасковья Семеновна вскочила, ударила вновь постриженную Лукерью Васильевну по камилавкѣ и сказала: „я возьму ножницы и ваши долгіе хвосты всѣ подрежу, а камилавки побросаю подъ лавки!“

„Тебѣ надо камилавочку!“ лстиво произнесла Лукерья Занятова. „Нѣтъ, не нужно!“ закричала старица,—„будетъ съ меня и того, что батюшка Серафимъ благословилъ! Это постриженіе не наше—Іоасафово, а наше постриженіе будетъ вторичное отъ Царя! Насъ самъ Царь пострижетъ, а мы къ Царю пойдемъ прямой дорогой, не такъ какъ Лукерья,—ши! ши! Царя позовемъ! Царь пріѣдетъ, мощи привезетъ; двое у насъ явятся!“ (т. V Митр. Филарета).

Замолчала старица и сидя рядомъ съ владыкой, черезъ нѣсколько минутъ спросила: гдѣ „владыко?“

Ей говорятъ, что преосвященный рядомъ съ ней. А она воскликнула: „нѣтъ, это не владыка! Вотъ онъ!“ и показала на архимандрита Іакима благочиннаго. „На немъ есть кресты, продолжала она, а на этомъ нѣтъ!“

Преосвященный Нектарій распахнулся и сказалъ: „вотъ смотри старица мои кресты!“

„Простите владыко! слѣповата стала Прасковья“ отвѣтила она.

Встали со стола; преосвященный вознамѣрился идти по кельямъ сестеръ, но Прасковья Семеновна легла на полъ подъ диванъ, потомъ быстро опять встала и бросившись предъ владыкой на колѣни, съ воздѣтыми руками, воскликнула:

„Святый владыко! Нейду изъ этой келліи; гдѣ благоволите мнѣ жить?“

„Гдѣ тебѣ благоволитъ новая начальница!“ отвѣтилъ онъ.

Но старица, обнявъ обѣими руками большой портретъ батюшки Серафима,—сказала: „батюшка Серафимъ! Нейду изъ этой келліи!“

Только владыка хотѣлъ выйти, она опередила его и пробѣжавъ на половину матушки Елисаветы Алексѣевны, начала стучать въ ея запертую дверь и кричать: „правда! отопрись, мнѣ нужно тебѣ сказать на подкрѣпу три слова!“

Но матушка Елисавета Алексѣевна никого болѣе не принимала, такъ какъ архіерею доносили, что у ней сговариваются сестры противъ о. Іоасафа и его сестеръ. Преосвященный Нектарій прислалъ ей строгое приказаніе ни во что не вмѣшиваться, если хочетъ остаться въ монастырѣ.

„Ступай Федорушка!“ сказала старица своей послушницѣ, и если въ мою келью владыка придетъ, покажи ему лычки батюшки Серафима!“

Ничего не разумѣвшая послушница побѣжала въ келію. Преосвященный былъ уже въ ихъ корпусѣ. Феодорушка стала просить его благословить келейку Прасковьи Семеновны.

„Старица дома?“ спросилъ владыка, „если дома я не пойду ее безпокоитъ!“.

Феодорушка отвѣтила, что старицы нѣтъ. Тогда преосвященный Нектарій вошелъ, благословилъ ее кровать, посмотрѣлъ спутанныя лыки батюшки Серафима, но не могъ получить объясненія ихъ отъ послушницы. Видя, что всѣ окна разбиты, онъ спросилъ: „какъ колотила она окна и что говорила? Давно-ли съ ней это сдѣлалось?“

Послушница на все дала точные отвѣты, выслушавъ которые владыко ушелъ.

Прасковья Семеновна этимъ временемъ стояла около келіи Елисаветы Алексѣевны и говорила сестрѣ Фіонѣ Васильевнѣ:" Фіена! поди, сходи къ нашей правдѣ! что правда дѣлаетъ?"

Фіена Васильевна удивленно смотрѣла на старицу, непонимая про что она говоритъ.

„Развѣ ты не знаешь, кто правда,? спросила старица. Наша мать, бѣлая Елисавета! Скажи ей, чтобы она меня къ себѣ пустила; я бы ей три слова сказала! Мнѣ нужно сказать ей три слова батюшки Серафима и Царицы-Небесной; ей будутъ въ поддержку и сестрамъ во подкрѣпленіе!"

„Матушка Елисавета Алексѣевна очень больна" отвѣтила Фіена Васильевна.

„Нужды нѣтъ! это ей на пользу! батюшка Серафимъ ее за плечики держитъ! мнѣ только нужно ей три слова сказать на подкрѣпленіе!"

„Нельзя матушка, войти нельзя, двери заперты!" сказала Фіена Васильевна.

„Напрасно заперли! продолжала Прасковья Семеновна. Пусть-бы они посмотрѣли на неё! это будетъ послѣ нужной! сестры собирай же обѣдать, теперь радость и веселіе, попразднуемъ! Елисавета всего наготовила! теперь воля наша, никого не боимся! Вотъ поѣхали во всѣ стороны парами, тройками, четверками! Пыль столбомъ! Пріѣхали,— нѣтъ тутъ ничего, никакихъ дѣлъ нѣтъ! Гони дальше въ Петербургъ, тамъ лучше дѣла разъищемъ! Лошади у насъ хорошія, Елисавета откормила! Совались, совались и туда и сюда, да и нѣтъ никуда! А придетъ время мы всю ложь выгонимъ, будемъ жить правдой и съ одной правдой!"

Никто не понималъ въ то время словъ великой старицы, но вскорѣ всѣ вспомнили ея предсказаніе. Поѣхали изъ Дивѣева свидѣтели смуты защищать правду; пріѣхали слѣдователи, искали, исками вину Серафимовыхъ сиротъ, но не нашли! Правда восторжествовала!

Затѣмъ Прасковья Семеновна вернулось въ свою келію, чтобы звать Феодорушку идти съ ней на канавку. Пошли.

„Принеси мнѣ малахай, Феодорушка!" сказала старица. Пока послушница ходила за малахаемъ, старица легла въ

канавку и стала кричать: „тутъ мощи явятся, тутъ мощи, мощи явятся!“

Феодорушка подала малахай. Она надѣла его, подняла къ верху и воскликнула: „въ послѣдній разъ пошумлю, чтобы больше, больше шумѣло! Ступай за топоромъ! Надо мостъ рубить, тутъ мощи явятся!“

Въ это самое время владыка шелъ изъ „живописной.“ Старица взяла большую жердь, переломила ее на три части и закричала: „святый владыко! Ложь и клевету выгоню отъ сюда, всю выгоню, выгоню!..

Преосвященный Нектарій не пошелъ ей на встрѣчу, а воротился назадъ и обошелъ стороною корпусъ начальницы. Съ этого мѣста сестры почти на рукахъ принесли Прасковью Семеновну въ ея келлію. Феодорушка сняла съ нея шубу, посадила на кровать.

„Пустите меня, Христа ради! просила старица,—Я провожу владыку, сяду на кочергу, хвостъ привяжу, владыку за ворота провожу!“ (Т. V митр. Филарета).

Но ее не пустили. Затѣмъ она совершенно изнемогла, легла въ постель и больше не вставала.

Блаженная Пелагея Ивановна, второй Серафимъ, поступила иначе. Предоставимъ слово Аннѣ Герасимовнѣ, которое напечатано въ біографіи этой великой рабы Божіей (стр. 60—70 изд. 1890 г. г. Тверь).

„Пришла ночь, сидитъ дома. На другой день расхорошая—хорошая встала, и пообѣдала съ нами. Отлегло у меня. „Ну, думаю, слава тебѣ Господи, угомонилась“. Да ужъ непомню за чѣмъ и вышла въ чуланъ. Прихожу; а ужъ ея и нѣтъ. Такъ во мнѣ сердце-то и упало. „Гдѣ она это? думаю; какъ бы еще чего не надѣлала“! Тороплюсь, собираюсь идти разъискивать, а ко мнѣ ужъ бѣгутъ на встрѣчу. „Что ты, — говорятъ, дѣлаешь-то? Что безумная-то твоя дура надѣлала? И не знаешь? Вѣдь она владыку-то по щекѣ ударила“. Такъ я обмерла. Ничего не соображу даже. „Вотъ,— говорятъ, теперь въ сумасшедшій домъ ее; да и тебѣ-то бѣда будетъ. И тебя къ отвѣту.

— „Господи! говорю; да я-то при чемъ съ ней? Вѣдь не пятилѣтняя, говорю, она, не на рукахъ мнѣ носить да

караулить ее". Горе страшное взяло меня; такъ-то мнѣ тяжело, да тошно; силъ моихъ нѣтъ. И горько, прегорько заплакала я. Она и идетъ.

— „Побойся ты Бога; что, говорю, надурила ты? Ну виданое ли дѣло? Вѣдь и вправду говорятъ: въ съумасшедшій домъ тебя засадятъ. Да и меня-то горькую задурь-то твою такъ не оставятъ".

— „Не была,—говоритъ, въ немъ съ роду, да и небуду. А такъ надо. Ничего и не будетъ.

— „Да,—говорю,—говори.

„Вотъ какъ все совершилось: ѣдетъ отъ службы владыка на дрожкахъ, а моя-то разумница на дорогѣ сидитъ, (и когда успѣла?), яица катаетъ, какъ разъ послѣ Пасхи вскорѣ все это было. Владыка-то, видно, хоть и послушалъ протоіерея то, да не былъ покоенъ, потому что (что правду-то таить?) не по божьему сдѣлалъ дѣло-то. Увидѣлъ Пелагію Ивановну, видно обрадовался и думалъ, не успокоитъ-ли она его совѣсть; слѣзъ съ дрожекъ-то, подошелъ къ ней, просфору вынулъ. „Вотъ, — говоритъ, раба Божья, тебѣ просфору моего служенія". Она молча отвернулась; ему бы и уйти; видитъ, — не ладно, прямое дѣло. Кто имъ, блаженнымъ-то законъ писалъ? На то они и блаженные. А онъ, знаешь, съ другой стороны зашелъ; и опять подаетъ. Какъ она это встанетъ, выпрямится, да такъ-то грозно, и ударила его по щекѣ, со словами: „куда ты лѣзешь". Видно, правильно обличила, потому что владыка не только не прогнѣвался, а смиренно подставилъ другу щеку, сказавши: „что-жъ? по евангельски, бей и по другой".

— „Будетъ съ тебя и одной, отвѣчала Пелагія Ивановна; и какъ-бы ничего не сдѣлала, словно не до нея дѣло, а такъ надо, — опять стала яица катать.

„Уѣхалъ владыка; а мать-то Пелагіи Ивановны, Прасковья Ивановна, услыхавъ всю эту исторію-то въ Арзамазѣ, перепугалась, пріѣхала къ намъ и говоритъ мнѣ: „въ сумасшедшій домъ, говорятъ, засадятъ; и вамъ-то съ ней бѣда, —говоритъ, будетъ. Ея-то мнѣ ужъ, — говоритъ, не жаль. Слыханое-ли дѣло? Что надѣлала! Богъ съ ней; туда ей и

дорога; а вотъ васъ-то, голубушка вы моя, ужъ больно жаль. За нею, за дурою, ходила да радѣла".

„Все это молча слушала Пелагія-то Ивановна, да на эти ея слова-то и сказала: „съ роду тамъ не была, да никогда во вѣкъ и не буду. Ничего не будетъ".

„Что-же? Ничего и вправду не было, а еще владыка-то, бывало, такъ почитаетъ ее, что всегда справлялся, живали она. И что еще? Присылалъ ей и свое благословеніе, и отъ нея просилъ себѣ святыхъ молитвъ ея даже и просфору разъ со странникомъ прислалъ ей и еще что-то въ гостинецъ. Видно уразумѣлъ онъ, что не по божески поступилъ онъ, и что справедливо, хотя безбоязненно и дерзновенно обличила его блаженная раба Христова".

Дивная старица Прасковья Семеновна, исполнившая заповѣдь Царицы-Небесной и батюшки о. Серафима, обличившая всѣхъ причастныхъ къ неправильному рѣшенію участи Дивѣева, — ждала теперь согласно предсказанію великаго старца дня своей кончины. Она послѣ отъѣзда преосвященнаго Нектарія прожила еще 9 дней, не принимая никакой пищи, кромѣ воды изъ источника о. Серафима и изрѣдка чаю. Дважды она исповѣдавалось, особоровалась и пріобщалась Св. Таинъ. Когда духовникъ о. Василій Садовскій прочиталъ ей отходную, то старица трижды сказала: „покорно благодарю батюшка!

Она скончалась 1-и Іюня въ праздникъ Вознесенія Господня въ 11 ч. вечера.

Вскорѣ послѣ похоронъ начальница Лукерья Занятова поѣхала въ Нижній Новгородъ къ преосвященному Нектарію и между прочимъ доложила ему о смерти старицы Прасковья Семеновны. Какъ свидѣтельствовала Лукерья Васильевна, владыка услыхавъ это, испугался, три часа былъ въ иступленіи, не могъ говорить и когда пришелъ въ себя, то произносъ: „великая раба Божія она!"

ГЛАВА XXVII.

Поѣздка Н. А. Мотовилова въ Москву и жалоба его митрополиту Филарету на дѣйствія преосвященнаго Нектарія. Исполненіе пророчества о. Серафима намѣстнику архимандриту Антонію. Докладъ митрополита Филарета Его Величеству Государю Императору. Назначеніе строжайшаго слѣдствія. Переписка митрополита Филарета съ графомъ А. П. Толстымъ, митрополитомъ Исидоромъ и намѣстникомъ о. Антоніемъ по поводу Дивѣевскаго дома.

Николай Александровичъ Мотовиловъ на другой день насильственнаго избранія Гликеріи Занятовой въ игуменіи Серафимо-Дивѣевскаго монастыря, поспѣшилъ въ Москву, благодаря Бога, что Онъ сподобилъ его, неожиданной потерей колеса, т. е. несомнѣннымъ чудомъ, заѣхать въ Дивѣево и присутствовать при разговорѣ преосвященнаго Нектарія въ трапезѣ съ сестрами. Преисполненный скорби и негодованія на дѣйствія владыки, Николай Александровичъ чувствовалъ, что настал тотъ часъ, когда онъ по заповѣди великаго старца Серафима до послѣдней капли крови долженъ бороться за обитель Царицы Небесной, взятой Ею Себѣ въ удѣлъ на землѣ.

По пріѣздѣ въ Москву, онъ узналъ, что особеннымъ довѣріемъ митрополита Филарета пользуется жена извѣстнаго русскаго литератора Наталья Петровна Кирѣевская, рожденная Арбенева и поспѣшилъ явиться къ ней за совѣтомъ, какъ лучше и гдѣ представиться ему владыкѣ, дабы доложить, произошедшее въ Дивѣевѣ. Оказалось, что Наталья Петровна хорошо знала въ молодости батюшку Серафима, дважды была въ Саровѣ, старецъ исцѣлилъ ее отъ серьезной болѣзни и она всею душою ужаснулась сообще-

нію его о беззаконныхъ дѣйствіяхъ Нижегородскаго архіерея. Дѣйствительно, въ ожиданіи пріѣзда въ Москву Государя Императора, митрополитъ никого не принималъ, но Наталья Петровна посовѣтовала Мотовилову все таки лично доложить дѣло владыкѣ, въ той-же формѣ и съ той-же откровенностію и обѣщала испросить ему аудіенцію. Но митрополитъ Филаретъ оказалось переѣхалъ въ Троице-Сергіевскую Лавру. Когда Николай Александровичъ собрался ѣхать въ Лавру, тамъ пребывали уже Государь Императоръ, Государыня Императрица и Великая Княгиня Марія Николаевна. Съ запиской, заготовленной для митрополита, Мотовиловъ явился къ намѣстнику Лавры, архимандриту Антонію, котораго такъ любилъ о. Серафимъ и благословилъ на принятіе назначенія въ Троицкую Лавру. Архимандритъ Антоній тутъ же вспомнилъ, что при прощаніи съ о. Серафимомъ, послѣдній поклонился ему въ землю со слезами и сказалъ: „не оставь моихъ сиротъ Дивѣевскихъ!“ Тогда онъ не понялъ этихъ словъ, но теперь, неожиданно пришло время исполненія ихъ. Горячо любившій батюшку Серафима о. Антоній, какъ бы лично оскорбился за Серафимовыхъ сиротъ и въ тотъ-же день выбралъ часъ, чтобы доложить записку Н. А. Мотовилова,—митрополиту Филарету.

Господь помогъ и митрополиту Филарету доложить Его Величеству столь небывалое дѣло, которое онъ положительно затруднялся высказать, въ особенности о нанесенномъ оскорбленіи, ударомъ по лицу преосвященному Нектарію. На другой день послѣ обѣдни, Ихъ Величества кушали чай въ митрополичьихъ покояхъ. За главнымъ столомъ сидѣла Царская Семья и митрополитъ, а въ нѣсколькихъ шагахъ, за другимъ столомъ свита и фрейлина Ея Величества, чрезъ которую и дѣйствовали покровители лже-ученика Серафимова — о. Іоасафа. Была минута, когда всѣ замолчали за царскимъ столомъ и ясно раздалась бесѣда свиты о батюшкѣ о. Серафимѣ и Дивѣевской обители. Вотъ къ этому неожиданному слову и рѣшился митрополитъ доложить Государю Императору положеніе дѣлъ въ Дивѣевѣ и дѣйствія преосвященнаго Нектарія.

„И Я сомнѣвался въ истинѣ словъ о. Іоасафа!“ сказалъ Государь Императоръ,—„когда Императрица просила за него.“

Его Величество выразилъ желаніе, чтобы было произведено самое строжайшее слѣдствіе.

Такъ Господь разрушилъ всѣ вражьи замыслы въ одинъ мигъ, когда пришло время облегчить страданія Серафимовыхъ сиротъ и восторжествовать истинѣ.

Митрополитъ Филаретъ писалъ оберъ-прокурору Св. Сѵнода, графу А. П. Толстому изъ Геѳсиманскаго скита 7 іюня 1861 г. (стр. 98):

„Когда Ихъ Величества посѣтили меня. случилось, что упомянуты были имена блаженнаго старца Серафима и Дивѣевскаго общежитія, и я предъ Ихъ Величествами изъявилъ сожалѣніе, что въ Дивѣевскомъ общежитіи есть несогласіе, по случаю особенной приверженности нѣкоторыхъ сестеръ къ наставленіямъ іеромонаха Іоасафа, тогда какъ большая часть полагаютъ себя слѣдующими первоначальнымъ наставленіямъ старца Серафима, и что недавно, когда епархіальнымъ преосвященнымъ предложена была въ начальницы общежитія одна изъ учеництъ Іоасафа, тогда 40 сестеръ пожелали имѣть ее, а 400 просили оставить имъ начальствующую у нихъ до нынѣ. Государь изволилъ замѣтить: неужели 400? Я отвѣчалъ, что всѣхъ сестеръ почти до 500. Есть свѣдѣніе, что назначаемая въ начальницы Лукерья еще не пострижена: слѣдовательно преосвященный долженъ представить о постриженіи ея Святѣйшему Сѵноду и тогда только она можетъ быть игуменіею. Итакъ вотъ рубежъ, на которомъ дѣло можетъ быть остановлено, чтобы разсмотрѣть, утвердить-ли желаніе 40 или 400. Но чтобы не было нужды направить дѣло оффиціально, думаю, ваше сіятельство могли бы съ пользою и успѣхомъ предложить преосвященному Нижегородскому, что болѣе надежды мира и благоустройства для общежитія, если 40 должны будутъ уступить мнѣнію 400, нежели когда было бы нужно преломлять мысли и волю 400 предъ мыслями и волею 40. Благоговѣніе къ памяти старца Серафима и желаніе мира приснымъ душамъ побудили меня написать сіе Вашему Сіятельству. Господь

да покажетъ Вамъ путь умиротворенія и да устроитъ все ко благу душъ, ищущихъ Его вѣрою и любовію.“

Еще три года назадъ, а именно 12 марта 1858 года писалъ митрополитъ графу Толстому о іеромонахѣ Іоасафѣ, слѣдующее (Мнѣнія и отзывы м. Филарета т. IV стр. 307):

„На добромъ основаніи созданное дивѣевское общежитіе колеблется. Преосвященный Іеремія устранилъ отъ него извѣстнаго іеромонаха Іоасафа. И преемнику его говорилъ я, что Іоасафъ, пользуясь довѣріемъ, слишкомъ расширилъ произволъ своего дѣйствованія, и едвали можетъ быть далѣе полезенъ обители. Но Іоасафъ подкрался къ нему, и получилъ вліяніе на общежитіе. Противъ воли настоятельницы беретъ сестеръ, и посылаетъ за сборомъ, или учиться живописи. Въ обители раздѣленіе: а въ раздѣленіи можетъ ли быть польза? Кажется, настоятельница, стѣсненная, помышляетъ уже о томъ, чтобы удалиться отъ своего мѣста, чтобы не пріобщаться чужимъ грѣхамъ. Мнѣ представляется вопросъ: не хорошо ли было бы оторвать Іоасафа отъ сего эксцентрическаго дѣйствованія, назначеніемъ его въ другую епархію, гдѣ онъ, можетъ быть, и пользу принесетъ? Вы можете быть ближе къ рѣшенію сего вопроса, нежели я.“

27 марта 1861 г. владыка Филаретъ, освѣдомленный о козняхъ о. Іоасафа, также писалъ графу А. П. Толстому (стр. 41 т. V мнѣній и отз. м. Филарета):

Вы имѣете попеченіе объ общежительныхъ монастыряхъ, особенно имѣющихъ доброе духовное устроеніе отъ добрыхъ старцевъ. Примите слово, тѣмъ же попеченіемъ вынуждаемое.

„Іеромонахъ Іоасафъ, управлявшій дивѣевскимъ общежитіемъ, но устраненный отъ сего Св. Сvнодомъ, принятъ въ особенную довѣренность преосвященнаго нижегородскаго и вновь распоряжаетъ дивѣевскимъ общежитіемъ, и приготовленный на построеніе церкви матеріалъ обращаетъ на возстановленіе скита, въ которомъ онъ прежде поселилъ было своихъ родственниковъ, и который потомъ былъ упраздненъ. Но не это важнѣйшій предметъ заботы, а слухъ, повидимому, неосновательный, что Іоасафъ сдѣлалъ проектъ перечислить Саровскую пустынь въ нижегородскую епар

хію, и сдѣлаться настоятелемъ ея. Онъ надѣется найти для сего сильное покровительство. Но еслибы сіе по несчастію сдѣлалось, то было бы сколько несправедливо, столько же и вредно. Саровская пустынь и Дивѣевское общежитіе находятся въ разстояніи немногихъ верстъ одна отъ другой. Хорошо, что онѣ въ разныхъ епархіяхъ, у разныхъ начальствъ, изъ которыхъ каждый охраняетъ свою сторону отъ неправильнаго, и могущаго подвергнуться нареканіямъ, сближенія съ другою. Это дѣло не моего вѣдомства; но оно касается благоустройства или нестроенія монашества и епархій; и потому нужно, чтобы вы благовременно знали возникающій замыслъ и могли остановить его, прежде нежели онъ поднялся высоко, прежде нежели нашло добрыя подпоры недоброе начинаніе."

Началось знаменитое слѣдствіе по Дивѣевскому дѣлу, которое можно назвать лишь „многострадальнымъ временемъ" для обители. Блаженный старецъ о. Серафимъ передъ кончиною много говорилъ сестрамъ о будущемъ судѣ, который пріѣдетъ въ общину и Акулинѣ Ивановнѣ Малышевой комически представляя этихъ судей.

„Вотъ, Марьюшка, говорилъ старецъ, ты не доживешь, а Акулинушка-то у насъ и до судовъ доживетъ! Ничего, ничего не убойтесь матушки! До судовъ доживешь Акулинушка! Пріѣдутъ суды къ намъ, станутъ судить, а чего судить? Ха, ха, ха!! Нѣтъ ничего! Вотъ Акулинушка ты тогда мою заповѣдь себѣ и запомни, такъ и скажи: я глупа, я глуха, я слѣпа!"

Преосвященный Нектарій, видя, что изъ несправедливаго его поступка возникаетъ цѣлое серьезное дѣло, задался цѣлію найти обвиненія противъ Елисаветы Алексѣевны Ушаковой и для этого отправилъ въ Дивѣево протоіерея Розова для производства дознанія. Такое появленіе благочиннаго о. Розова еще болѣе возбудило страсти ослѣпленныхъ духовно Іоасафовыхъ сестеръ и, разумѣется, малообразованныя и неразвитыя эти послушницы въ своихъ вымышленныхъ показаніяхъ перешли границу приличія, здравомыслія и возможности. Что должна была переиспытать дивная начальница ихъ Елисавета Алексѣевна, избранная Самой Бого-

матеріею, предсказанная батюшкой о. Серафимомъ и горячо любимая всѣми, кто разумѣли правду и держались истины, это покажутъ намъ письма митрополита Московскаго Филарета къ оберъ-прокурору Святѣйшаго Сѵнода графу А. П. Толстому, митрополиту Петербургскому Исидору, намѣстнику Троице-Сергіевой Лавры,—архимандриту Антонію и Указы Св. Сѵнода. Не будь уже отпечатаны эти документы, долгъ уваженія и приличія, заставляли бы умолчать до какой злобы дошли ученицы Іоасафа въ своихъ ложныхъ вымыслахъ на Елисавету Алексѣевну Ушакову, но теперь лѣтопись обязана включить и показанія обвиненной, но допрошенной Іоасафовой стороны въ виду того, что письма митрополита Филарета обнародованы. Требовались умъ достопамятнаго святителя московскаго, его сердце, а главное душа, просвѣщенная духомъ святымъ, чтобы заглазно обсудить дѣло, прочувствовать и познать духомъ истину и властно положить предѣлъ козням ъ врага человѣчества въ мѣстѣ освященномъ стопами Самой Богоматери.

Владыка Филаретъ митрополитъ Московскій писалъ послѣдовательно графу А. П. Толстому и архимандриту Антонію (Мнѣнія и отзывы м. Филарета т. V, ч. 1; письма митр. Филарета арх. Антонію ч. IV):

1) Графу Толстому отъ 3-го іюня 1861 г. (стр. 75):

О происходившемъ въ Дивѣевѣ и въ алексѣевскомъ общежитіи ко мнѣ приходятъ новыя свѣдѣнія, такъ же какъ прежнія, неожиданныя, которымъ желательно было бы не вѣрить, но трудно не вѣрить, по достовѣрности источниковъ. Въ алексѣевскомъ преосвященный убѣждалъ старшихъ по начальницѣ сестеръ подать голосъ о преобразованіи общежитія въ монастырь, внушая имъ, что онѣ имѣютъ на это право. Но онѣ отвѣчали: нашъ голосъ у матушки начальницы. Убѣждая ихъ къ монашеству, указывалъ, какъ вставить клинъ въ рукава нынѣшней ихѣ одежды, чтобы была ряса; хвалилъ благолѣпіе мантіи и проч. Идучи осматривать огороды велѣлъ 500 или 600 сестрамъ идти вслѣдъ за нимъ, говоря: зачѣмъ вамъ запрещаютъ?—Вотъ и здѣсь эмансипація и свобода.

Думаю (и со мною согласенъ мой намѣстникъ) ваше сіятельство доброе дѣло сдѣлаете, если напишите къ преосвященному Нектарію, чтобы онъ оставилъ алексѣевскихъ сестеръ въ томъ устроеніи послушанія, простоты и смиренія, въ которое онѣ поставлены, и въ которомъ утверждены благочестивыми предшественницами, и не принуждалъ ихъ принять монастырскія формы, которыя, можетъ быть, не возносятъ устроеніе, а только поколеблятъ старое новыми видами и заботами.

Господь да внушитъ вамъ и да устроитъ вами полезное.

2) Графу Толстому отъ 19 іюня 1861 г. (стр. 86).

Изъ конфиденціальнаго отношенія вашего сіятельства, отъ 14 дня сего іюня, (№ 3448), полученнаго мною 18 дня, съ прискорбіемъ узналъ я, что обстоятельства избранія начальницы въ новооткрытый дивѣевскій монастырь должны подвергнуться оффиціальному дознанію, и что такимъ образомъ подвергнется пересмотру дѣйствованіе преосвященнаго Нектарія, о которомъ я, узнавъ его по случаю проѣзда его чрезъ Москву, возымѣлъ добрую для церковнаго управленія надежду.

Но нельзя отрицать справедливости замѣчанія, сдѣланнаго въ письмѣ г. Карамзина, что при открывшейся уже неблагопріятной гласности о семъ дѣлѣ, оставленіе его безъ правильнаго дознанія представилось бы невнимательностію высшаго духовнаго начальства къ происходящему въ его вѣдомствѣ.

Сего требуетъ и самая справедливость, если подлинно 400 сестеръ, и въ числѣ ихъ первоначальницы сего учрежденія, и непосредственныя ученицы основателя его старца Серафима, довольны своею начальницею, и умоляли преосвященнаго не перемѣнять ее, а перемѣнить ее согласились только 40. А что это такъ было, о томъ трудно усомниться, потому что о семъ согласно говорятъ нѣсколько очевидцевъ. Положимъ, что нѣкоторыя обстоятельства записки г. Мотовилова не внушаютъ къ ней довѣрія, потому что представляютъ признаки неспокойнаго духа; но въ вышесказанномъ она согласна съ письмомъ г. Карамзина, которое пред-

ставляетъ признаки безпристрастнаго изложенія происшествія и обстоятельствъ, несомнительно извѣстныхъ.

Соглашаюсь съ мнѣніемъ, что дѣло это не такой степени, чтобы для изслѣдованія его нужно было послать архіерея и дѣйствительнаго статскаго совѣтника, управляющаго сѵнодальною канцеляріею; притомъ чрезъ сіе много увеличилась бы гласность.

Но какъ на дѣло сіе многіе благорасположенные къ дивѣевской обители обращаютъ вниманіе, съ противоположными возврѣніями и желаніями, то со стороны Святѣйшаго Сѵнода требуется особенное вниманіе, чтобы достовѣрность и несомнѣнность предполагаемаго обслѣдованія была обезпечена предварительнымъ распоряженіемъ. И потому нужно, чтобы къ назначенному для сего архимандриту присоединено было свѣтское довѣренное лице отъ Святѣйшаго Сѵнода или отъ вашего сіятельства.

Что касается до возлагаемаго на меня Святѣйшимъ Сѵнодомъ порученія назначить для сего архимандрита, для сего не имѣю въ виду многихъ кандидатовъ, частію потому, что нѣкоторые архимандриты крѣпко привязаны къ своимъ должностямъ какъ напримѣръ, къ училищнымъ, частію потому, что, по милости Божіей, московское духовенство, за немногили исключеніями, не склонно къ судебнымъ спорамъ и не представляетъ многихъ случаевъ къ образованію дѣлопроизводственной опытности. Полагаю назначить даниловскаго архимандрита Іакова *), уже не разъ исполнявшаго подобныя порученія правильно и безпристрастно.

Дѣло по отношенію г. министра императорскаго двора **), со всѣми полученными при немъ приложеніями, при семъ возвращаю

Къ письму этому приложены были два дополненія:

---

*) Архим. Іаковъ, впослѣдствіи епископъ муромскій, викарій владимірскій. Сконч. въ 1885 г. на покоѣ въ моск. донскомъ монастырѣ.

**) Адлербергъ, графъ Владиміръ Ѳедоровичъ, генер.-адъют., генер.-отъ-инфант., канцл. импер. и царскихъ орденовъ, министр. двора и удѣловъ; ум. 8 марта, 1884 г. (погреб. на волковомъ кладбищѣ, въ С.-Петербургѣ, въ родовомъ склепѣ гр. Адлербергов).

I. По уваженію къ сану преосвященнаго, желательно, чтобы архимандритъ слѣдователь не обращался къ нему ни съ какимъ вопросомъ по дѣлу.

Но можетъ случиться, что впослѣдствіи времени преосвященный представитъ дѣло съ такими обстоятельствами, по которымъ слѣдствіе окажется не полнымъ или неудовлетворительнымъ.

Посему, не признаетъ ли Святѣйшій Сѵнодъ нужнымъ, въ указъ преосвященному нижегородскому включить предписаніе, чтобы онъ съ ближайшею почтою донесъ, какимъ порядкомъ и съ какими обстоятельствами происходило открытіе дивѣевскаго монастыря, и избраніе въ оный начальницы?

Вопросы, какіе изъ сего донесенія могутъ родиться и потребовать дознанія, могли бы немедленно быть обращены къ назначенному слѣдователю.

Іюня 19, 1861 г.

II. *Конфиденціально.*

Писанное сего дня къ вашему сіятельству нужнымъ почитаю дополнить.

Имѣвъ случай примѣтить, какъ архимандритъ Іаковъ и г. Алферьевъ внимательно и согласно дѣйствовали по казанскому дѣлу, я пожелалъ бы соединенія ихъ въ порученіи дивѣевскомъ. Но вотъ обстоятельство, которое становится рѣшительною къ сему преградою. Княжна Аникѣева, которая есть главное лице стороны, по выраженію г. Карамзина, фантастической, оказывала нѣкогда попеченіе о воспитаніи г. Алферьева; и онъ называетъ ее матерью. Это я слышалъ отъ другихъ; а то знаю непосредственно изъ устъ его, что онъ прежде дознанія склоняется своимъ мнѣніемъ на сторону своей благодѣтельницы. Итакъ еслибы онъ употребленъ былъ по сему дѣлу, то могъ найтись въ затрудненіи предъ своею благодѣтельницею, въ случаѣ раскрытія дѣла, несогласнаго съ ея мыслями, а противоположная сторона имѣла бы поводъ наводить сомнѣніе на его безпристрастіе.

3) *Графу Толстому отъ 27 іюня 1861 г.* (стр. 94).

Секретно.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь.

Секретнымъ указомъ Святѣйшаго Сѵнода отъ 29 іюня сего 1861 года (№ 3) предписано мнѣ назначить архимандрита для обслѣдованія обстоятельствъ избранія настоятельницы въ дивѣевскомъ монастырѣ, вмѣстѣ съ чиновникомъ, по назначенію отъ вашего сіятельства.

Посему долгомъ поставляю покорнѣйше просить отъ вашего сіятельства увѣдомленія, кого благоугодно вамъ будетъ для сего назначить, и когда назначенный можетъ прибыть въ Москву, дабы сообразно съ симъ могъ я дать надлежащее предписаніе архимандриту.

4) *Графу Толстому отъ 30 іюля 1861 г.* (стр. 106).

Секретно.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь.

Вслѣдствіе секретнаго указа Святѣйшаго Сѵнода, коимъ предписано мнѣ назначить архимандрита для обслѣдованія обстоятельствъ избранія настоятельницы въ дивѣевскомъ монастырѣ, вмѣстѣ съ чиновникомъ по назначенію отъ вашего сіятельства, отношеніемъ, отъ 7 іюля сего года, № 72, я имѣлъ честь просить отъ вашего сіятельства увѣдомленія, кого благоугодно вамъ будетъ для сего назначить, и когда назначенный можетъ прибыть въ Москву, дабы сообразно съ симъ могъ я дать надлежащее предписаніе архимандриту.

Какъ отвѣта на сіе мною до сихъ поръ не получено, то нахожу нужнымъ вновь просить о семъ ваше Сіятельство, дабы указъ Святѣйшаго Сѵнода не остался неисполненнымъ.

5) Предписаніе митрополита Филарета архимандриту данилова монастыря съ наставленіемъ, какимъ порядкомъ производить ему изслѣдованіе обстоятельствъ избранія настоятельницы въ дивѣевскій монастырь отъ 2-го Августа 1861 г.

(стр. 113)

Члену консисторіи, данилова монастыря архимандриту Іакову.

Предписаніе.

Во исполненіе секретнаго указа Святѣйшаго Сѵнода, отъ 29 іюня, № 3, назначаетесь вы для приведенія въ извѣстность обстоятельствъ избранія настоятельницы въ дивѣевскій монастырь.

Консисторія дастъ вамъ списокъ съ сего указа.

Сотрудничествовать вамъ будетъ членъ общаго присутствія хозяйственнаго управленія при Святѣйшемъ Сѵнодѣ надворный совѣтникъ Барковъ.

При семъ передаются вамъ приложенія при означенномъ указѣ.

1) Отношеніе г. министра императорскаго двора.

2) Записка г. Мотовилова.

3) Письмо г. Карамзина.

4) Записка неизвѣстнаго лица.

5) Донесеніе преосвященнаго Нектарія, отъ 1/12 іюня, № 4454.

6) Выписка изъ опредѣленія Святѣйшаго Сѵнода, отъ 28 іюня, № 1408.

Приложенія сіи должны быть возвращены мнѣ по исполненіи порученія.

Подробности вашего дѣйствованія должны опредѣлиться по мѣрѣ открытія обстоятельствъ и свѣдѣній на мѣстѣ; но первыя правила могутъ быть слѣдующія:

I. Какъ нужно спросить сестръ, а ихъ много, то прежде всѣхъ можно спросить тѣхъ шесть, которыя первоначально поступили въ общежитіе при основателѣ онаго отцѣ Сера-

фимѣ; а потомъ обратиться къ 48 слѣдующимъ за первыми, какъ указано въ запискѣ г. Карамзина.

II. Спросить надобно:

1) Какимъ порядкомъ происходило избраніе, какъ подаваемы были голоса, просило ли большинство сестръ объ оставленіи настоящей начальницы?

2) По требованію преосвященнаго были избраны три кандитатки, кто именно? и, какъ извѣстно, что большинство назначало нынѣшнюю начальницу, а меньшинство Гликерію: то кѣмъ назначено было третье лицо?

3) Кто написалъ имена, и запечаталъ пакеты для жребія?

4) Когда преосвященный вскрылъ пакетъ, и въ немъ оказалось имя Гликеріи, были вскрыты и прочіе два пакета, для доказательства, что въ нихъ были другія имена, не получившія избранія?

5) За симъ, вѣроятно, окажется нужнымъ, спросить кого слѣдовать будетъ, о ближайшихъ къ дѣлу подробностяхъ, указанныхъ въ запискахъ.

6) Какъ большинство, желающее сохранить нынѣшнюю настоятельницу, не сдѣлало никакихъ показаній противъ Гликеріи, а опасается чрезъ нея видѣть на монастырѣ іеромонаха Іоасафа, который нѣкоторое время распоряжался дивѣевскимъ общежитіемъ, то нужно изъ письменныхъ документовъ общежитія и изъ безпристрастныхъ показаній составить свѣдѣніе, были ли его распоряженія полезны и благотворны для общежитія.

7) На случай, признается не излишнимъ предварить васъ, что немедленно по прибытіи на мѣсто вы должны обратить вниманіе на то, исполненъ ли указъ Святѣйшаго Сѵнода о томъ, чтобы монастырь оставался подъ управленіемъ нынѣшней настоятельницы, а не Гликеріи, и еслибы оказалось, что не исполненъ, то вы должны увѣдомить меня о семъ немедленно, не отлагая до конца вашего дѣла.

8) Для точности не излишне составить три именные реестра сестръ:

1) Объявившихъ желаніе имѣть прежнюю настоятельницу.

2) Параскеву.

3) Гликерію.

Реестры должны быть составлены въ присутствіи слѣдователя. Умѣющіе писать, могутъ написать свои имя и санъ.

6) Архимандриту Антонію 5-го Августа 1891 г. (стр. 302).

Къ графу въ другой разъ писалъ я о назначеніи чиновника для Дивѣевскаго дѣла. Наконецъ назначенъ. Между тѣмъ третьяго дня пришла ко мнѣ Дивѣевская казначея, не старыхъ лѣтъ, смѣлаго обращенія, въ изящной одеждѣ, въ камилавкѣ подъ тонкимъ покрываломъ.—Откуда?—Изъ Петербурга.—Для чего тамъ были?—Для начальницы. —Которая у васъ начальница?—Новоизбранная.—До сего говорятъ избрали только не многія?—Нѣтъ, уже 250; у меня реэстръ въ карманѣ.—Она пошла было въ карманъ: но я сказалъ, что мнѣ не нужно видѣть реэстръ; мой долгъ пожелать благоустройства ихъ обители.—Симъ я окончилъ сношеніе: потому что чувствовалъ себя нездоровымъ: а между тѣмъ ждали меня архимандриты по дѣламъ.

Св. Сѵнодъ предписалъ оставить прежнюю настоятельницу; и постриженіе отложить до усмотрѣнія: кажется, преосвященный Нектарій распорядился въ противность указу.

Призовемъ молитвы отца Серафима, чтобы изъ испытанія вышло сохраннымъ то, что наипаче достойно сохраненія.

7) Архимандриту Антонію 12-го Августа 1861 г. (стр. 303).

„Слѣдователи въ Дивѣево поѣхали. Но вотъ что странно: преосвященный Нектарій не исполнивъ указа Св. Сѵнода, донесъ, что назначилъ отъ себя слѣдствіе, и спрашивалъ, надобно-ли исполнить указъ. Св. Сѵнодъ подвердилъ исполнить указъ, оставивъ прежнюю начальницу, и остановить слѣдствіе неумѣстно начатое, когда Св. Сѵнодъ назначилъ слѣдствіе отъ себя. Меня увѣряли, въ томъ числѣ и графъ, что немедленно пришлютъ мнѣ о семъ указъ, нужный въ руководство слѣдователямъ: но въ продолженіи недѣли не получалъ его. Слѣдователи найдутъ начальницею Г. Я впрочемъ сказалъ имъ, что они должны дѣйствовать на осно-

ваніи опредѣленія Св. Сѵнода, и слѣдственно признавать начальницею прежнюю, а не Г. Не подъиметъ ли Г. войну съ слѣдователями?—

Такъ ведутся, или вѣрнѣе путаются дѣла.

Миръ вамъ о Господѣ.

8) Исправляющему должность оберъ-прокурора князю С. И. Урусову отъ 14-го Августа. 1861 г. (стр. 116)

Секретно.

Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь.

4 дня сего августа дано было знать въ Петербургѣ назначенному для изслѣдованія о дивѣевскомъ монастырѣ надворному совѣтнику Баркову, а 5 дня мнѣ, въ Москвѣ, что Святѣйшій Сѵнодъ слушалъ донесеніе преосвященнаго нижегородскаго о неисполненіи имъ указа Святѣйшаго Сѵнода и о сдѣланіи своего распоряженія, и что я немедленно получу по сему предмету предписаніе Святѣйшаго Сѵнода, нужное къ соображенію слѣдователей.

Прошло десять дней; но предписанія мною не получено.

Между тѣмъ преосвященный нижегородскій, отъ 11 іюля, писалъ къ вашему сіятельству, что, по секретному дознанію, настоятельница дивѣевская для спасенія ея души должна быть удалена изъ сего монастыря (а это значитъ, что она подвержена тайнымъ порокамъ), и въ то же время писалъ, что намѣренъ сдѣлать ее настоятельницею въ другой обители. Чтобы понять это противорѣчіе необходимо признать первое клеветою; ибо нельзя полагать, чтобы преосвященный рѣшился порочную женщину сдѣлать настоятельницею обители. Но теперь идетъ дѣло о томъ, чтобы клевету обратить въ истину. По распоряженію преосвященнаго, благочинный Розовъ спрашивалъ настоятельницу Елисавету (которую онъ въ противность указу Святѣйшаго Сѵнода называетъ *бывшею*), часто ли бываетъ у нея саровскій строитель и іеромонахъ Іаковъ, и часто ли посѣщалъ ея келью фельдшеръ Максимовъ. (Онъ отвѣчала, что строитель бывалъ у нея два или три раза въ годъ, по нуждамъ обители, и что фельдшеръ, честный человѣкъ, приглашенный еще предшественницею ея,

бываетъ провожаемъ въ келліи только по нуждамъ на короткое время).

Что будетъ, если сvнодальные слѣдователи начнутъ свое слѣдствіе, а благочинный Розовъ тутъ же будетъ продолжать свое!

Изъ сего изволите усмотрѣть, что такой незаконный ходъ ведетъ не къ открытію истины, но къ позору саровской и дивѣевской обители и монашества вообще.

Поелику Святѣйшему Сvнода благоугодно было вести сіе дѣло чрезъ меня, и требовать моего заключенія; то я не исполнилъ бы своей обязанности, еслибы не обратилъ вниманія вашего сіятельства на вышеизложенное, дабы впослѣдствіи не сдѣлалось неизбѣжнымъ заключеніе, что запутанность дѣла увеличена медленностію въ Святѣйшемъ Сvнодѣ.

9) Донесеніе митрополита Филарета Святѣйшему Сvноду по дѣлу объ избраніи начальницы въ дивѣевскій монастырь. отъ 18-го Августа 1861 г. (стр. 118).

Секретно.

Очень нужное.

Отъ Данилова монастыря архимандрита Іакова и надворнаго совѣтника Николая Баркова получилъ я свѣдѣніе, что они, на мѣсто слѣдствія въ Дивѣевъ монастырь прибывъ, въ 10 день августа, нашли, что монастырь находится подъ управленіемъ рясофорной монахини Гликеріи, а бывшая настоятельница, Елисавета Ушакова, устранена и остается въ числѣ сестеръ того же монастыря.

Изъ сего видно, что преосвященный нижегородскій не оказалъ повиновенія указу Святѣйшаго Сvнода, и что тѣмъ причиняется затрудненіе слѣдователямъ, которые по силѣ указа Святѣйшаго Сvнода должны признавать настоятельницу Елисавету, а встрѣчаютъ на дѣлѣ не признанную Святѣйшимъ Сvнодомъ начальницу Гликерію, что запутываетъ сношенія и можетъ отнять свободу сестръ въ показаніи истины.

Долгомъ поставляю донести о семъ Святѣйшему Сvноду и испрашивать въ разрѣшеніе указа.

10) Предписаніе митрополита Филарета члену московской духовной консисторіи, архимандриту Іакову, съ наставленіемъ по поводу безпорядковъ въ дивѣевскомъ монастырѣ отъ 23 Августа 1861 г. (стр. 121).

При указѣ Святѣйшаго Сунода, отъ 19 августа, за № 2603, препровождено было къ митрополиту Филарету представленіе преосвященнаго Нектарія, епископа нижегородскаго, отъ 3 того же августа, за № 13, о послѣдствіяхъ произведеннаго священникомъ Розовымъ изслѣдованія о безпорядкахъ въ дивѣевскомъ женскомъ монастырѣ, съ предписаніемъ передать сіе представленіе назначенному произвести по сему предмету изслѣдованіе лицу.

На этомъ указѣ митрополитъ Филаретъ написалъ: „*Августа 23 препровождается съ наставленіемъ.*"

Затѣмъ, митрополитъ Филаретъ далъ такое предписаніе архимандриту Іакову:

Секретно.

Члену московской духовной консисторіи, архимандриту Іакову.

Во исполненіе секретнаго указа Святѣйшаго Сvнода, отъ 19 дня сего августа, № 2.603, препровождаю къ вамъ донесеніе преосвященнаго Нектарія епископа нижегородскаго, отъ 3 августа, въ подлинникѣ, и предлагаю вамъ и сотруднику вашему;

I. Истребовать подлинное дѣло, на которомъ основано сіе донесеніе.

II. Обратить вниманіе на то, по чьему доносу начато сіе слѣдствіе, и въ чемъ онъ состоялъ.

III. По ссылкѣ ли отвѣтчицъ Ушаковой и Ильиной, или по чьей другой ссылкѣ, подъ присягою, или безъ присяги, и вообще на законномъ ли основаніи спрошены свидѣтели.

IV. Усмотрѣть въ дѣлѣ, объявлено ли слѣдствіе отвѣтчицамъ, для подписанія удовольствія или неудовольствія, и если сего не сдѣлано, то объявить имъ оное для сего

и спросить, не имѣютъ ли сомнѣнія въ правильномъ и безпристрастномъ производствѣ слѣдствія.

V. Такъ какъ преосвященный нижегородскій полагаетъ продолжать слѣдствіе, то и продолжать оное, и взять письменныя показанія отъ саровскаго строителя и іеромонаха Іакова по тѣмъ вопросамъ, которые до нихъ касаются въ донесеніи преосвященнаго Нектарія.

VI. Обратить вниманіе на то, лица, сдѣлавшія показанія противъ Ушаковой и Ильиной, принадлежатъ ли къ числу тѣхъ сестеръ, которыя избрали Гликерію, или къ числу тѣхъ, которыя не избрали ее.

VII. Какъ изъ числа сестеръ, простирающагося до 500, спрошенными въ донесеніи преосвященнаго нижегородскаго показано только до 68, то продолжить объясненіе дѣла вопрошеніемъ и другихъ сестеръ особенно старѣйшихъ по вступленію въ обитель, на которыхъ и прежде вамъ указано было, и тѣхъ, которыя преимущественно были одобряемы въ вѣдомостяхъ обители, и особенно на которыхъ ссылаются отвѣтчицы.

VIII. Обратить вниманіе на требованіе дополненій, сдѣланное въ донесеніи преосвященнаго нижегородскаго.

IX. Какъ предполагаемыя преосвященнымъ отношенія настоятельницы Ушаковой къ разнымъ лицамъ не иначе разумѣть можно, какъ отношеніями подозрительными, но это невѣроятно и въ отношеніи къ одному лицу, а предполагается развѣтить подозрительныя отношенія Ушаковой 1) къ саровскому строителю, 2) къ іеромонаху Іакову, 3) къ фельдшеру, 4) къ конторщику, 5) къ сельскому головѣ, что совершенно выходитъ изъ предѣловъ вѣроятія; то вопрошенія о семъ, по возможности, ограничить только лицами принадлежащими къ двумъ монастырямъ, и не расширять далѣе гласности, позорной для обоихъ монастырей, но основанной, вѣроятно, на клеветѣ.

X. Впрочемъ ходъ дѣла дастъ вамъ еще указанія къ законному открытію истины.

XI. Поелику слѣдствіе, производимое вами, донынѣ происходитъ о правильномъ или неправильномъ избраніи настоятельницы, а по донесенію преосвященнаго нижего-

родскаго должно происходить слѣдствіе о неблагоповеденіи Елисаветы Ушаковой и Евиміи Ильиной, и поелику законъ возбраняетъ во одномъ дѣлѣ смѣшивать двѣ разныя матеріи, то послѣднее слѣдствіе должно производить отдѣльно отъ перваго, а смотря по надобности, брать изъ перваго въ послѣднее копіи съ показаній или справки.

XII. Какъ указомъ Святѣйшаго Сѵнода, отъ 2 сего августа, № 2497, преосвященному Нектарію предписано, чтобы онъ въ точности исполнилъ указъ Святѣйшаго Сѵнода, отъ 29 іюня, объ оставленіи дивѣевской обители подъ управлечіемъ начальствовавшей въ общинѣ Елисаветы Ушаковой, а начатое по распоряженію его, преосвященнаго, слѣдствіе о дѣйствіяхъ Ушаковой прекратилъ; то, по полученіи сего, немедленно доставите вы мнѣ свѣдѣніе, исполненъ ли сей подтвердительный указъ Святѣшаго Сѵнода.

11) Архимандриту Антонію отъ 23 августа 1861 г.
(стр. 304).

По Дивѣевскому дѣлу долго медлили въ Петербургѣ, какъ будто давая время преосвященному Нектарію испортить оное, въ чемъ и успѣлъ довольно. Представилъ часть слѣдствія, видно спѣша не опоздать, и полагаетъ продолжать оное. Вотъ часть онаго: онъ доискивается неблаговременныхъ посѣщеній въ келліи У., и требуетъ дальнѣйшаго розысканія подозрительныхъ отношеній ея 1) къ Саровскому строителю, 2) къ іеромонаху Іакову, 3) къ фельдшеру, 4) къ конторщику, 5) къ сельскому головѣ: и не хочетъ видѣть, что нелѣпость подозрѣній сама собою опровергаетъ ихъ. Худыя показанія дѣлаетъ Васса, бывшая келейница У. Слово: бывшая, вѣроятно значитъ отставленная за что нибудь худое. И ее берутъ въ свидѣтельницы. Дѣло запутано, и не мало будетъ труда распутать оное.—

12) Святѣйшему Сѵноду отъ 16 Сентября 1861 г.
(стр. 134).

Секретно.

а) Указомъ Святѣйшаго Сѵнода, отъ 24 іюня, предписано было преосвященному Нектарію, епископу нижегород-

скому, оставить дивѣевскій монастырь подъ управленіемъ начальствовавшей въ дивѣевской общинѣ Елисаветы. Сіе не исполнено.

Указомъ Святѣйшаго Сvнода, отъ 2 августа, подтверждено исполнить сіе. И сей подтвердительный указъ Святѣйшаго Сvнода остается безъ исполненія, какъ видно изъ доставленнаго мнѣ производителями назначеннаго Святѣйшимъ Сvнодомъ слѣдствія, архимандритомъ Іаковомъ и надворнымъ совѣтникомъ Барковымъ, оффиціальнаго свѣдѣнія, отъ 6 дня сего сентября (№ 4), прилагаемаго при семъ въ подлинникѣ.

Чтя законность и достоинство Святѣшаго Сvнода, опасаясь затрудненія для слѣдователей, запутанности слѣдствія и дѣйствія вреднаго примѣра, не могу не донести о вышеизложенномъ Святѣйшему Сvноду.

Къ сему приложено донесеніе слѣдователей такого содержанія:

Во исполненіе XII пункта секретнаго предписанія вашего высокопреосвященства, отъ 23 августа, № 89, на имя перваго изъ насъ, которое получено нами 5 сентября, въ семь часовъ вечера, долгъ имѣемъ покорнѣйше донести вашему высокопреосвященству, что подтвердительный указъ Святѣйшаго Сvнода преосвященному нижегородскому Нектарію, отъ 2 августа, № 2497, объ оставленіи дивѣевской обители подъ управленіемъ начальствовавшей въ общинѣ Елисаветы Ушаковой, до сего 6 сентября не приведенъ въ исполненіе.

б) Симбирскій совѣстный судья г. Мотовиловъ обратился ко мнѣ съ письмомъ, отъ 4 сего сентября, о томъ, что госпожи Шубина и Копьева, угрозами и прещеніемъ новенькихъ сестеръ дивѣевскаго монастыря записавъ, вовлекли въ принужденно насильственную подписку подъ насильственно поставленную новую начальницу Лукерью, и пр.

Принявъ въ соображеніе, что по запискѣ Мотовилова начато Святѣйшимъ Сvнодомъ дѣло и назначено слѣдствіе о избраніи настоятельницы дивѣевскаго монастыря, долгомъ поставляю письмо г. Мотовилова представить Святѣйшему Сvноду въ подлинникѣ.

13) Святѣйшему Сѵноду отъ 29 Сентября 1860 г.

Секретно.

Отъ назначенныхъ Святѣйшимъ Сѵнодомъ слѣдователей по дѣлу дивѣевскаго монастыря, имѣю, отъ 19 сентября, новое свѣдѣніе, что и третій подтвердительный указъ Святѣйшаго Сѵнода, отъ 23 августа, объ оставленіи начальницею сего монастыря Елисаветы Ушаковой, въ исполненіе не приведенъ. Обителью распоряжается предназначаемая въ игуменіи Гликерія и въ ея духѣ новоизбранная казначея и благочинная. Призываемыя свидѣтелями для вопрошенія „страха ради могутъ показывать, измѣняя истинѣ, подобно тому, какъ прежде еще пріѣзда ихъ въ обитель, нѣкоторыя изъ старицъ и сестеръ подписывались, на изготовленномъ реестрѣ, носимомъ по келіямъ казначеею, о желаніи имѣть игуменіею Гликерію, а въ пріѣздъ ихъ отозвались, что онѣ подписывались страха ради, видя ее начальницею, но не желая имѣть ее начальницею. Большинство же столько имѣли духа, что не подписались."

Чтя законность и достоинство Святѣйшаго Сѵнода, при очевидной опасности, что дѣло запутано будетъ невѣрными показаніями, вслѣдствіе преобладающаго вліянія незаконной начальницы, не могу не донести о семъ Святѣйшему Сѵноду.

14) Графу Толстому отъ 29 Сентября 1861 г.
(стр. 143).

По извѣстному дѣлу дивѣевскаго монастыря и третій указъ Святѣйшаго Сѵнода остается безъ исполненія. Свѣдѣніе сіе имѣю отъ 19 сентября, то есть чрезъ 27 дней изданія указа. Было время исполнить. Очевидно, что не хотятъ. Не слыхивалъ я подобнаго рѣзкаго противленія Святѣйшему Сѵноду.

Доношу Святѣйшему Сѵноду о не исподненія троекранаго предписанія. Благоволите и вы обратить вниманіе на охраненіе достоинства Святѣйшаго Сѵнода, и на поддержаніе дисциплины въ церковномъ управленіи, въ такое время, когда неповиновеніе повсюду распространяется и уси-

ливается. Рече Господь: *аще свѣтъ, иже въ тебѣ тма, то тма кольми.* Если въ духовномъ вѣдомствѣ разрушится повиновеніе, это будетъ горше, нежели въ свѣтскомъ.

По молитвамъ о. Серафима, Господь да внушитъ полезное Святѣйшему Сѵноду, и вамъ, и преосвященному Нектарію.

15) Архимандриту Антонію отъ 7 октября 1861 г. (стр. 310).

Дѣло Дивѣевское, кажется, обращается на лучшій путь, Я написалъ къ преосвященному Нектарію, какъ полагалъ, съ малою впрочемъ надеждою, которая по отправленіи письма еще уменьшилась. Я узналъ, что преосвященный смотритъ на брошенный имъ жребій, какъ на волю Божію, и потому ставитъ свое дѣло выше рѣшенія Св. Синода. Не зная сего мнѣнія, я и написалъ противъ него; а говорилъ только противъ незаконности и неповиновенія. Въ Петербургѣ сказалась наклонность употребить строгую мѣру. Тогда я, доставлявшій прежде только свѣдѣнія, безъ рѣшительнаго мнѣнія, рѣшился предложить, и предложилъ мѣру болѣе скромную, именно: изъять впредь до усмотрѣнія Дивѣевскій монастырь изъ вѣдомства преосвященнаго Нектарія, и поручить вѣдомству сосѣдняго архіерея, дабы такимъ образомъ привести дѣло въ порядокъ, а преосвященному Нектарію сдѣлать чрезъ первенствующаго члена Синода вразумленіе и увѣщаніе. Не знаю, примутъ ли сіе. Не передавайте сего ничьему любопытству.

16) Архимандриту Антонію отъ 24 октября 1861 г. (стр. 313).

Прочитайте два письма при семъ прилагаемыя, и возвратите мнѣ. Что во второмъ отмѣчено карандашемъ: то буквально обращено Св. Синодомъ въ резолюціею указа его. Но странная судьба Дивѣевскаго монастыря! Вчера я послалъ слѣдователямъ сей указъ: а сего дня получилъ отъ нихъ извѣстіе, что они кончили дѣло, и возвращаются. Слѣдственно дѣло все произведено подъ властію новой не-

законной начальницы. Молитвы отца Серафима да устроять полезное обители.

17) Архимандриту Антонію отъ 30 октября 1861 г.
(стр. 313).

Возвратились Дивѣевскіе слѣдователи. Истина открылась достаточно, не смотря на то, что незаконная начальница, затрудняла слѣдователей, и поставила при нихъ свою повѣренную, чтобы не допускать къ нимъ сестеръ, а призываемыхъ подговаривать. Но вотъ что требуетъ предосторожности отъ новыхъ непріятностей. О казначеѣ, которая была при начальницѣ Елисаветѣ, и въ дѣлѣ, и кромѣ дѣла есть показанія, которыя подвергаютъ сомнѣнію ея нравственное достоинство; а между тѣмъ Елисавета сильно къ ней расположена, чему нѣкоторыя сестры дивятся. Если можно, не безполезно было бы предостеречь Елисавету, чтобы она прежнюю казначею (кажется Г.), не брала вновь въ казначеи, и не принимала ее въ особенную къ себѣ близость.

Нынѣшняя казначея, поставленная вмѣстѣ съ Г., говорятъ, прежде чуждалась партій, и уже въ новой своей должности прилѣпилась къ Г. Можетъ быть, она не сдѣлала бы затрудненія, если бы осталась въ должности и при Елисаветѣ. Или же пусть бы избрали въ казначеи ни бывшую, ни нынѣшнюю, а совсѣмъ новую, пользующуюся добрымъ мнѣніемъ въ обществѣ.

Преосвященный Нектарій, говорятъ, частію признаетъ, что погрѣшилъ, частію продолжаетъ утверждать Божественность своего жребія.

18) Митрополиту Исидору отъ 1-го ноября 1861 г.
(Письма м. Филарета ч. I, стр. 25).

Полагаю нужнымъ, чтобы Вы вскорѣ получили послѣднія свѣдѣнія о Дивѣевскомъ монастырѣ.

Слѣдователи возвратились и занимаются составленіемъ изъ дѣла донесенія.

Неправильное избраніе Гликеріи подтвердилось. Іоасафъ, открылся самымъ нелѣпымъ человѣкомъ. Въ обще-

ствѣ сестеръ простыхъ и скромныхъ онъ постепенно собралъ себѣ партію, главою которой теперь Гликерія, и произвелъ раздѣленія и смуты. Это между прочимъ ясно изъ показанія стараго и почтеннаго мѣстнаго священника.

Родственникъ Іоасафа жилъ близь монастыря, соблазнилъ одну сестру монастыря, она была изгнана и не допускаема въ обитель, но теперь, при Гликеріи, ходитъ въ монастырь, живя въ сосѣдствѣ.

Послѣ избранія Гликеріи одна живущая въ Дивѣевѣ и уважаемая юродивая при народѣ ударила преосвященнаго Нектарія въ щеку.

Но преосвященный Нектарій пишетъ ко мнѣ и проситъ моего ходатайства, чтобы сдѣланныя имъ распоряженія были утверждены. Слѣдственно онъ не убѣдился въ своихъ ошибкахъ: и, есть-ли получитъ опять Дивѣевскій монастырь въ управленіе, то воцарятъ въ немъ Іоасафовы нелѣпости.

Такимъ образомъ мысль, которую Ваше Высокопреосвященство изъявили, чтобы дать преосвященному Нектарію иную епархію, оказывается весьма убѣдительною.

19) Архимандриту Антонію отъ 4-го ноября 1861 г.
(стр. 315).

Преосвященный Нектарій, послѣ моихъ писемъ, послѣ представленныхъ ему разсужденій о жребіи, послѣ замѣчанія въ указѣ Св. Синода о неправильности употребленнаго имъ жребія, послѣ открытій сдѣланныхъ слѣдователями,— не смотря ни на что, пишетъ ко мнѣ, чтобы я споспѣшествовалъ утвержденію сдѣланныхъ имъ распоряженій. Не могу понять, какъ находитъ онъ правильнымъ такое свое требованіе.

20) Святѣйшему Сѵноду отъ 24 ноября 1861 г.
(стр. 171).

Указомъ Святѣйшаго Сѵнода, отъ 15 октября, 1861 года, за № 3250, поручено было митрополиту Филарету предписать слѣдователямъ, чтобы они, въ случаѣ надобности относиться къ начальницѣ дивѣевскаго монастыря,

относились къ Елисаветѣ, а не къ Гликеріи, и указъ о семъ Сѵнода также объявить монастырю.

На семъ указѣ митрополитъ Филаретъ написалъ собственноручно:

„Октября 22. Слѣдователямъ для нихъ собственно послать полный списокъ съ сего указа; а относительно объявленія монастырю въ особомъ предписаніи выписать изъ сего указа только то, что къ свѣдѣнію монастыря нужно".

Затѣмъ митрополитъ Филаретъ, вслѣдствіе сего указа, доносилъ Святѣйшему Сѵноду, отъ 24 ноября, 1861 года, слѣдующее:

Указомъ Святѣйшаго Сѵнода, отъ 15 октября, № 3250, предписано мнѣ между прочимъ, чтобы производители слѣдствія по дивѣевскому монастырю объявили означенный указъ Святѣйшаго Сѵнода объ оставленіи прежней начальницы Елисаветы въ сей должности. Но они отправились въ обратный путь, прежде нежели достигло до нихъ предписаніе о семъ. Отъ прибывшихъ въ Москву изъ саровской пустыни сдѣлалось извѣстнымъ, что и со стороны преосвященнаго тамбовскаго вышеозначенный указъ Святѣйшаго Сѵнода въ первыхъ числахъ сего ноября не былъ еще объявленъ, что неправильно назначенная начальница монастыря Гликерія выѣхала изъ него, и кто начальствуетъ въ немъ, неизвѣстно.

21) Архимандриту Антонію отъ 29 ноября 1861 г.

Въ Дивѣевѣ едва ли и теперь знаютъ, кто начальница. Г., конечно узнавъ рѣшеніе Св. Синода, уѣхала: а указъ Св. Синода не объявленъ, потому что посланный отъ меня не засталъ слѣдователей на мѣстѣ; а почему не спѣшитъ преосвященный Ѳеофанъ, неизвѣстно.

Мирствуйте о Господѣ, и помолитесь о мнѣ.

22) Мнѣніе митрополита Филарета по дѣлу о безпорядкахъ въ дивѣевскомъ женскомъ монастырѣ (стр. 187).
(1861 г., 27 декабря).

Секретно.

Секретнымъ указомъ Святѣйшаго Сѵнода, отъ 29 іюня сего 1861 года (№ 3), предписано, чтобы для приведенія

въ достовѣрную извѣстность обстоятельствъ, сопровождавшихъ избраніе настоятельницы въ дивѣевскій монастырь Гликеріи, произведено было обслѣдованіе по высочайшему повелѣнію сообщенныхъ свѣдѣній и донесенія преосвященнаго Нектарія, епископа нижегородскаго по сему предмету, (для чего назначены даниловскій архимандритъ Іаковъ и надворный совѣтникъ Барковъ), и чтобы исполнительное донесеніе Святѣйшему Сѵноду представлено было чрезъ меня, съ моимъ мнѣніемъ.

Таковое донесеніе съ дѣломъ на 245 листахъ, и съ описью дѣла, при сёмъ Святѣйшему Сѵноду представляю.

Обстоятельное изложеніе произведеннаго дѣла Святѣйшій Сѵнодъ изволитъ найти въ представляемомъ донесеніи.

Посему обязанностію моею остается изложить мое мнѣніе, съ указаніемъ обстоятельствъ дѣла и соображеній, которыя составляютъ основаніе моего мнѣнія, и дѣлаютъ его необходимымъ.

I. Избраніе въ настоятельницу Гликеріи надлежитъ признать неправильнымъ и не подлежащимъ утвержденію, по слѣдующимъ соображеніямъ.

1) Уже Святѣйшимъ Сѵнодомъ усмотрѣно, и въ указѣ 15 октября признано, что буквальный смыслъ указа Святѣйшаго Сѵнода не представлялъ основанія къ избранію, вмѣсто Ушаковой, новой настоятельницы, тѣмъ болѣе, что епархіальное начальство въ декабрѣ 1860 года о переименованіи общины въ монастырь ходатайствовало,—по уваженію къ внутреннему и внѣшнему благоустройству общины подъ управленіемъ Ушаковой,—что, и въ случаѣ надобности избранія новой настоятельницы, избраніе ея, по силѣ указа Святѣйшаго Сѵнода, принадлежитъ обществу сестръ; но преосвященный произвелъ сіе своимъ личнымъ настоятельнымъ дѣйствованіемъ, онъ не уважилъ мнѣнія большинства сестръ, и неправильно употребилъ жребій.

2) Ксенія Ильина, одна изъ сестръ, при началѣ общины подъ руководствомъ старца Серафима вступившая въ оную, по вѣдомостямъ за 1858, 1859 и 1860 свидѣтельствованная поведенія весьма хорошаго, показала ходъ избранія настоятельницы въ слѣдующемъ видѣ. Предъ литургіею въ церкви

преосвященный сказалъ: надо избрать начальницу. Сестры не отвѣчали. Послѣ обѣда къ больницѣ собралось ихъ около ста, и 20 упали въ ноги ключарю, чтобы просилъ преосвященнаго оставить начальницею Елисавету, а по выходѣ преосвященнаго изъ больницы, всѣ упали ему въ ноги съ тою же просьбою. Послѣ всенощной въ трапезѣ преосвященный велѣлъ сестрамъ, которыя были на сторонѣ Лукерьи, становиться впередъ къ образамъ, а прочимъ двинуться назадъ. (Размѣщеніе сіе знаменательное; оно выражало предпочтеніе лукерьиныхъ, и желаніе привлечь на сію сторону прочихъ, которымъ выражено неблаговоленіе отсылкою ихъ назадъ). Приверженныя къ Елисаветѣ, на колѣняхъ, со слезами просили преосвященнаго оставить ее начальницею; преосвященный сказалъ: „я ее не оставлю; избирайте три лица; а если вы не изберете, я, кромѣ Елисаветы и Лукерьи изберу самъ третье лицо изъ среды Лукерьи Васильевны; и если жребій вынется на Лукерью Васильевну, а вы не будете ей повиноваться, то я васъ вышлю вонъ.“ Мы сказали: „насъ 400“. Онъ на это сказалъ: „и 400 вышлю.“ Такимъ образомъ преосвященный отвергаетъ большинство;— не въ порядкѣ; входитъ самъ въ избраніе, желая самъ назначить кандидатку, и притомъ непремѣнно изъ партіи меньшинства. Избраніе въ отношеніи къ сестрамъ не свободное, а со стороны преосвященнаго не безпристрастное; и слѣдственно по справедливости не подлежащее утвержденію.

3) Евдокія Ефремова, также одна изъ первоначальныхъ сестръ обители, поведенія за 1858 и 1859 очень хорошаго, а за 1860 хорошаго, также показала, что преосвященный не желающимъ Лукерьи угрожалъ изгнаніемъ, и присовокупила: „я, Евдокія, стоя предъ нимъ со слезами говорила ему: святый владыко, пощади насъ, Іоасафъ гонитъ насъ 30 лѣтъ; и ты гонишь насъ; намъ Лукерьи не нужно“. Преосвященный отвѣчалъ: „Іоасафъ добрый человѣкъ“; а я продолжала: „я, батюшка, живу 60 лѣтъ въ обители, и мнѣ уже осьмой десятокъ; старшихъ насъ шесть сестръ; на насъ обитель завелъ о. Серафимъ; мы съ нимъ трудились; ему служили.“ Архіерей сказалъ: что мнѣ до того, что тебѣ 70

лѣтъ; вы мнѣ не нужны; у меня и молодая будетъ начальницею." Сестры плакали и рыдали".

4) Прасковья Иванова Пашина, (поведенія очень хорошаго) показала: въ трапезѣ братъ преосвященнаго сказалъ: избранницы проходите впередъ. Прошло впередъ, можетъ быть, человѣкъ 80; а 400 человѣкъ остались назади. Это желающія Елисавету.

5) Ксенія Иванова Муникова (за два года поведенія очень хорошаго, и за одинъ хорошаго) и согласно съ нею нѣсколько сестръ, показали, что по выходѣ преосвященнаго изъ больницы человѣкъ сто или полтораста со слезами поклонились ему въ ноги, и просили оставить Елисавету. А Варвара Абрамова показала, что она, и другія, человѣкъ 20, приходили къ преосвященному на гостинницу съ объявленіемъ, что избираютъ Лукерью. Вотъ сторона Лукерьи сама объявляетъ свое слабое меньшинство, предъ вышепоказаннымъ числомъ.

6) Прасковья Павлова Ерофѣева сама о себѣ свидѣтельствуетъ, что только 15 человѣкъ просили преосвященнаго ввести ее въ жребій. И, не смотря на сіе ничтожное меньшинство, она введена въ жребій.

7) Глафира Семенова Маккавеева показала, что написала письмо къ преосвященному, и подала по прибытіи его въ монастырь отъ 30 сестеръ, но за одною своею подписью, о избраніи Лукерьи. 25 согласныхъ на сіе письмо она наименовала. Изъ нихъ, по вѣдомости за 1858 годъ, только 4 показаны поведенія хорошаго, 3 изряднаго, одна неизвѣстнаго по новости, 17 неблагонадежнаго, и сама Глафира своевольнаго. Вотъ какіе люди избирали Гликерію! И слѣдственно вотъ какіе люди, одолживъ Гликерію своимъ избраніемъ, имѣли бы преимущественное вліяніе въ обществѣ!

8) Ефросинія Васильева, обстоятельно разсказывая о избраніи въ главныхъ чертахъ согласно съ тѣмъ, что показано выше подъ числомъ 2, говоритъ, между прочимъ, что избирающихъ Гликерію было не болѣе 40, а всѣ прочія были на сторонѣ Елисаветы, что желавшихъ выказать достоинство Елисаветы преосвященный не выслушалъ; что избраніе Гликеріи въ начальницу всѣми понято, какъ поко-

реніе Іоасафу; что жребій считают невѣроятным, потому что не было слухов при ком он писан. Въ самом дѣлѣ преосвященный не употребилъ достаточной предосторожности против сомнѣнія. Самъ написавъ и запечатавъ жребій и положивъ на блюдо въ извѣстномъ ему порядкѣ, онъ могъ взять тотъ, который желалъ; и подъ видомъ жребія исполнилъ свою волю.

9) О числѣ избиравшихъ Гликерію показали принадлежащія къ ея сторонѣ: двѣ—кажется, больше чѣмъ на Елисаветиной сторонѣ, 7—меньшая часть, 1—гораздо менѣе, 1—въ половину, 1—по равной части, 1—до 150, 9—до 100 или болѣе, 1—50 или 100, 2—70. Такимъ образомъ партія Гликеріи сама признаетъ болѣе или менѣе слабое меньшинство голосовъ въ пользу Гликеріи, кромѣ двухъ догадочно приписывающихъ Гликеріи большинство голосовъ, что очевидно, опровергается собственною ихъ партіею.

Находящіяся на сторонѣ Елисаветы о числѣ голосовъ въ пользу Гликеріи показали: 6—меньше, нежели на сторонѣ Ушаковой, 4—40 или 50, 1—слишкомъ 40, 1—быть можетъ 80, 21—40. Очевидно преобладаетъ число 40.

10) Слѣдователи, кромѣ спросовъ, составили еще избирательные списки. Въ списокъ избирающихъ Елисавету записалось 293, въ списокъ избирающихъ Гликерію 104, избирающихъ Параскеву 2. Осталось нейтральныхъ и не вписавшихся по болѣзни или отлучкѣ 63. Избирающихъ Елисавету и здѣсь втрое больше. Но если принять въ разсужденіе, что отъ стороны Елисаветы многія отвлечены, уже послѣ избранія Гликеріи начальническимъ усиліемъ ея и партіей ея, „на что есть въ дѣлѣ доказательства", то остается неопровержимымъ, что при первоначальномъ избраніи на сторонѣ Гликеріи было только около 40 сестръ, и слѣдственно на сторонѣ Елисаветы въ десятеро болѣе, и на сей сторонѣ старѣйшія и достойнѣйшія сестры.

11) Доказательствомъ усиленнаго отвлеченія сестеръ отъ стороны Елисаветы, къ сторонѣ начальствующей уже Гликеріи, служитъ показаніе благочинной Ерофѣевой, что Гликерія послала ее и Глафиру, начинательницу дѣйствовать въ пользу Гликеріи, по келіямъ и онѣ собрали под-

писку 230 сестеръ. Но при слѣдствіи объявили изъ нихъ: 40,—что подписались страха ради; 23,—что ихъ записали безъ ихъ согласія, и сей подлогъ обличается тѣмъ, что нѣкоторыя изъ нихъ, сами умѣя писать, записаны, какъ неумѣющія. Въ сей списокъ записаны 12 бывшихъ во время подписи въ отсутствіи, 1—выбывшая изъ обители еще въ великій постъ, 1—малоумная, 1—повредившаяся въ разсудкѣ. Ясно, что сей списокъ не заслуживаетъ довѣрія, и долженъ быть отверженъ какъ незаконный. Онъ доказываетъ только то, что управленіе Гликеріи неправдиво и притѣснительно.

12) Монастырскій духовникъ, священникъ Садовскій, показалъ, что на сторону Гликеріи отошло человѣкъ около 50, а около 200 единогласно упрашивали преосвященнаго о Елисаветѣ, какъ достойной. Священникъ Феликсовъ,—что малая часть сестеръ желала Гликерію. Священникъ Софійскій,—что на сторону Гликеріи отошло не болѣе 40 человѣкъ. Двѣ постороннія свидѣтельницы подъ присягою,—что на сторору Гликеріи отдѣлилась четвертая часть.

13) 10 сестеръ показали, что во время избранія въ трапезѣ третьяго лица никто не называлъ. Братъ преосвященнаго показалъ, что преосвященный самъ написалъ жребій для избранія. Новое доказательство неправильности введенія въ жребій Параскевы, и неправильности самого жребія.

14) Однимъ способомъ можно было бы объяснить усиленное дѣйствованіе преосвященнаго нижегородского для устраненія Елисаветы, если бы предположить, что онъ какимъ-либо образомъ дозналъ ее недостоинство; но сей мысли нельзя допустить, потому что онъ въ то же время предлагалъ ей быть начальницею Давидовой общины. Сіе подтверждаютъ г. Мотовиловъ, княжна Енгалычева, благочинный архимандритъ Іоакимъ, печерскій намѣстникъ, и самъ преосвященный. Нельзя предположить, чтобы онъ недостойной и порочной женщинѣ предложилъ быть настоятельницею обители.

II. Г. Мотовиловъ, приписывая преосвященному очень строгое обращеніе во время избранія, писалъ, что онъ пихалъ ногами лежащихъ предъ нимъ сестеръ.

Нѣкоторыя сестры показали, что онъ, проходя между ними, задѣвалъ нѣкоторыхъ ногою.

Обстоятельство сіе, какъ слѣдствіе тѣсноты, можетъ быть оставлено безъ вниманія.

III. Г. Мотовиловъ писалъ, что преосвященный назнаменовалъ къ изгнанію Устинью Иванову, за то, что она послѣ обѣдни сказала ему: грѣхъ вамъ, батюшка, обижать насъ.

Устинья призналась, что сказала чму: „батюшка Серафимъ насъ собралъ; а вы будете разговять; Богъ васъ накажетъ"; и показала, что она трижды просила простить ее и не исключать изъ обители, изъ которой не выходить далъ ей заповѣдь отецъ Серафимъ; но преосвященный выслалъ ее въ ардатовскій монастырь, гдѣ она уже и находится три мѣсяца. (Теперь уже шесть мѣсяцевъ).

Устинья одна изъ старѣйшихъ сестеръ обители дивѣевской. Она нѣкогда избрана была въ начальницы; но не утверждена потому, что писать не умѣетъ. Ардатовская начальница одобряетъ ее, какъ прилежную къ молитвѣ и церковному богослуженію.

Преосвященный Нектарій не оскорбилъ бы своего сана, еслибы поставилъ себя выше оскорбленія грубою простотою старухи. Но если и надлежало наказать ее, довольно шестимѣсячнаго изгнанія, и время возвратить ее туда, откуда не исходить заповѣдалъ ей отецъ Серафимъ.

IV. Поелику вмѣстѣ съ запискою г. Мотовилова о дивѣевскихъ происшествіяхъ, приложено было также къ слѣдствію письмо г. Карамзина, то необходимо было дознаніе и о предмѣтахъ сего письма, имѣющихъ важное значеніе въ настоящемъ дѣлѣ, и въ судьбѣ дивѣевскаго монастыря. Г. Карамзинъ писалъ: миѳическая община (такъ называетъ онъ партію Іоасафа и Гликеріи) затѣяла строить какой-то скитъ, цѣли и пользы котораго въ дѣйствительной общинѣ никто не знаетъ.

Начальница общины, что нынѣ монастырь, Елисавета показала слѣдователямъ, что іеромонахъ Іоасафъ имѣлъ намѣреніе въ 3-хъ верстахъ отъ сей обители, къ сторонѣ саровской пустыни, въ 2-хъ верстахъ отъ деревни построить

скитъ, съ тѣмъ чтобы, по подобію Антонія и Ѳеодосія печерскихъ, и здѣсь была обитель отца Серафима, и своя обитель ученика его, то есть Іоасафа, о 12 вратъ подобно небесной скиніи. Тамъ въ 1850 году выстроена была келія для благочинной Татьяны Буржумовой, у которой Іоасафъ въ обители имѣлъ пребываніе, но начальница Лодыженская признала сію келію неполезною и сломала.

Изъ сего видно, что предпріятіе скита исполнено странностей и несообразностей. Іоасафъ некстати сравниваетъ себя съ преподобными печерскими, до которыхъ онъ, конечно, не доросъ, и которые не строили двухъ женскихъ обителей. Строить скитъ еще ближе дивѣевскаго монастыря къ саровскому, неудобно въ предосторожность отъ нареканій. Строить обитель о 12 вратахъ по подобію скиніи небесной, есть мечта, выходящая изъ предѣловъ здравомыслія. Темное начало скита представляется и въ томъ, что Іоасафъ пребывалъ въ обители у благочинной Татьяны; потомъ для сей Татьяны построилъ въ пустомъ мѣстѣ келію; и потомъ на семъ мѣстѣ хочетъ строить скитъ.

Это начало скита становится еще болѣе темнымъ, по принятіи въ соображеніе выписки изъ журнала слѣдователя, исправника Бетлинга, 18 ноября 1861 года.

Надлежитъ признать справедливымъ мнѣніе саровскаго строителя, что благомыслящіе видятъ совершенную безполезность устройства скита; и что онъ могъ бы послужить причиною разстройства дивѣевской обители.

V. Г. Карамзинъ писалъ о дивѣевской общинѣ, что нынѣ монастырь: всѣхъ сестеръ теперь до 500. Въ бѣдности, постѣ и молитвѣ живутъ онѣ мало извѣстныя міру, подъ руководствомъ любимой, всѣми уважаемой начальницы, духовника стараго, почтеннаго, всѣми ими любимаго. Удалось одному монаху создать какую-то фантастическую миѳическую дивѣевскую общину. Много я о немъ разспрашивалъ, и ни единаго не встрѣтилъ человѣка, который бы замолвилъ о немъ доброе слово. Но въ миѳической дивѣевской общинѣ, имъ сочененной, этотъ монахъ святой человѣкъ, любимый ученикъ Серафима, поставленный имъ самимъ покровителемъ общины. Одно время онъ какъ-то *обошелъ*

и дѣйствительную общину, много у нихъ распоряжался, мутилъ, и наконецъ былъ изгнанъ оттуда, оставивъ въ массѣ сестеръ самое тяжелое воспоминаніе и замаравъ въ общемъ мнѣніи мірянъ всю общину. Съ тѣхъ поръ Іоасафъ насильственно отлученный отъ дѣйствительной общины, которая безъ него обрѣла опять миръ и тишину при большой бѣдности, перенесъ весь запасъ своихъ лжей и интригъ на миѳическую общину.

Слѣдователями о іеромонахѣ Іоасафѣ и объ отношеніяхъ его къ дивѣевской обители открыто слѣдующее:

1) Въ 1844 г. вслѣдствіе просьбы дивѣевскихъ (сестеръ) имѣть духовникомъ Іоанна (что нынѣ іеромонахъ Іоасафъ) и указа Святѣйшаго Сѵнода, преосвященный нижегородскій Іоаннъ *) отклонялъ сіе, представляя, между прочимъ молодость расофорнаго послушника Іоанна, но полагалъ допустить его содѣйствіе обители по внѣшней хозяйственной части.

2) Преосвященный тамбовскій Николай **) также не желалъ допустить духовничества Іоанна, котораго въ саровской обители и постриженія достойнымъ не признавали и свидѣтельствованъ, онъ былъ поведенія своевольнаго.

3) Въ 1846 г. благочинный монастырей доносилъ консисторіи, что въ дивѣевской общинѣ по постройкамъ распоряжается саровскій послушникъ Іоаннъ безъ участія больной начальницы, что Іоанномъ сломанъ деревянный корпусъ, и другой, очень прочный, назначенъ къ сломкѣ, что старшія сестры жаловались на неудовлетвореніе ихъ нѣкоторыми потребностями, между прочимъ, потому, что откладывались до пріѣзда Іоанна, причемъ объявили, что не просили Іоанна въ духовники, хотя впрочемъ на сіе возражала казначея Юлія (принадлежавшая къ партіи Іоасафа).

4) Въ мартѣ 1850 года, отъ имени больной и бездѣйственной начальницы Кочеуловой, рукою зятя Іоасафа на-

---

*) Съ 1847 г. архіепископъ донскій. Въ 1867 г. уволенъ на покой; † въ 1872 г.

**) Въ 1857 г. уволенъ на покой; † 21 окт., 1864 г.

писано прошеніе къ преосвященному Іакову *), чтобы іеромонаха Іоасафа утвердить духовникомъ, благочиннымъ и строителемъ храма. Прошеніе сіе оставлено безъ послѣдствій; но оно доказываетъ, что не общество довѣряло Іоасафу, а онъ самъ старался уполномочить себя.

5) Въ томъ же году, происходило тяжкое, извѣстное и Святѣйшему Сvноду, дѣло о дивѣевской послушницы Ѳоминой.

Вслѣдствіе прошенія Ѳоминой г. гражданскій губернаторъ просилъ преосвященнаго Іустина **) удалить Іоасафа изъ дивѣевской обители, что преосвященнымъ и исполнено.

6) Изъ дознанія протоіерея Милорадовскаго въ 1856 году и изъ резолюцій преосвященнаго Іереміи ***) видно, что Іоасафъ чрезмѣрно растянулъ ограду дивѣевской обители, несправедливо ссылаясь на преданіе о. Серафима и на планъ, якобы утвержденный преосвященнымъ Іаковомъ. Ограду полагалось растянуть на нѣсколько верстъ. Нѣкоторымъ сестрамъ въ трапезу и въ церковь понадобилось бы пройти около версты. Предпріятіе сколько самоничное, столько же и неразсудительное.

7) Въ мартѣ 1851 года отрѣшенный отъ дивѣевской обители іеромонахъ Іоасафъ, какъ доносила начальница Лодыженская, безъ вѣдома начальства пріѣхалъ въ Дивѣево. Начальница не пустила его въ монастырь, и запретила сестрамъ выходить къ нему въ гостинницу. Сіе нарушили двѣ: Глафира и сестра Іоасафа.

8) Въ 1858 году, какъ видно изъ объясненія начальницы Лодыженской, Іоасафъ присылалъ въ обитель офицера Назимова, который съ купчихою Таракановою усиливался войти въ церковь; но не былъ допущенъ. Онъ проклиналъ общество и начальницу за устраненіе Іоасафа. На другой день офицеръ перелѣзъ чрезъ ограду, вошелъ въ церковь;

*) Сконч. 20 мая, 1850 г.

**) Іустинъ (Михайловъ), епископъ владимірскій, по смерти преосвященнаго Іакова, временно управлялъ нижегородскою епархіею.

***) Іеремія (Соловьевъ), съ 19-го дек. 1850 г. епископъ нижегородскій; 17-го іюня 1857 г. уволенъ на покой; ум. 6 дек. 1884 г.

заставлялъ сестеръ прикладываться къ принесенному имъ образу; причемъ возобновилъ свои ругательства.

9) Въ 1857 году начальница Лодыженская искала съ Іоасафа денегъ за проданныя книги, напечатанныя въ пользу общины; и билета въ 3000 р. с., пожертвованнаго г. Поповымъ на ограду. Іоасафъ книги и деньги за нихъ объявилъ своею собственностію; а о билетѣ сказалъ, что Поповъ, умершій, перемѣнилъ намѣреніе, и билетъ отдалъ его прикащику. Это конечно, не показываетъ въ Іоасафѣ благотворителя обители.

10) Изъ списка зданій видно, что Іоасафъ многія зданія строилъ, ломалъ, переносилъ по безотчетному произволу, и одинъ жилой корпусъ сломалъ за то, что построенъ безъ его спроса.

11) Для объясненія отношенія Іоасафа къ обители, Ушакова ссылалась особенно на священника Садовскаго, служащаго при обители болѣе 30 лѣтъ, пользовавшагося одобреніемъ и довѣріемъ преосвященныхъ Іакова, Іереміи и Антонія *). Его показаніе достойно быть вполнѣ выслушано. Вотъ главное его содержаніе. Іоасафъ о. Серафимомъ духовнонапитанныхъ, отличавшихся монашескими добродѣтелями, презиралъ и уничижалъ; младшимъ оказывалъ особенное покровительство; подавалъ поводъ къ неповиновенію, требовалъ себѣ повиновенія болѣе, чѣмъ начальницѣ; приверженныхъ къ себѣ сестеръ по малу отдѣлялъ отъ начальницы и прочихъ, отчего при Екатеринѣ Ладыженской и Елисаветѣ Ушаковой произошло возмущеніе сестеръ противъ начальницы. По нѣскольку мѣсяцевъ сряду жилъ въ одномъ корпусѣ съ благочинной Татьяной и прочими сестрами, коихъ было до 15. Стоялъ на клиросѣ между сестрами. На работы ходилъ окруженный толпою сестеръ. Разрѣшеніе отъ преосвященнаго на пребываніе ему въ обители испрашиваемо было приверженными къ нему посредствомъ прошеній на бланкахъ, подписанныхъ начальницею Кочеуловою. Отъ

*) Антоній (Павлинскій), съ 20 іюля, 1850 до 29 авг., 1860 г. епископъ нижегородскій.

имени начальницы и старшихъ сестеръ, безъ вѣдома ихъ, подаваемы были прошенія объ опредѣленіи Іоасафа въ попечителя и духовника. Насильно посылали сестеръ исповѣдываться у Іоасафа.

12) Примѣчательно сказанное слѣдователямъ первоначальницею ардатовскаго монастыря, восьмидесятилѣтнею старицею, Евдокіею: по ученью Іоасафа и ложь во спасеніе; лжетъ на о. Серафима, и дивѣевскихъ—научилъ лгать. Увѣрялъ, будто бы батюшка возложилъ на него попеченіе о трехъ общинахъ: дивѣевской, ардатовской и зеленогорской. Это ложно. Іоасафа я не допустила мѣшаться въ наши дѣла, и обитель наша, за молитвы о. Серафима, утѣшилась. И въ Дивѣевѣ, если-бы не мѣшалъ Іоасафъ, давно бы устроилось и жили бы сестры спокойно, благодаря Бога и о. Серафима.

Что Іоасафъ объ о. Серафимѣ не всегда правду говорилъ, сіе можно усмотрѣть изъ разнорѣчій въ разныхъ его изданіяхъ житія о. Серафима. Отзывъ о семъ, почитателя о. Серафима, г. Бетлинга, достойный прочтенія, въ концѣ прилагаемый при семъ подъ буквою А *).

Изъ всего здѣсь изложеннаго необходимо заключить, что отношенія Іоасафа къ дивѣевской обители вредны въ отношеніи къ ея миру, благочинію, хозяйству, и къ духовному устроенію сестеръ **); и потому нужно пресѣчь оныя совершенно, и обратить на него бдительное вниманіе тамъ, гдѣ онъ нынѣ служитъ.

VI. За симъ необходимо слѣдуетъ вопросъ: какъ умиротворить раздѣленную обитель? Безъ сомнѣнія, надобно преимущественно поддержать ту сторону, которая представляетъ сильное большинство, и къ которой принадлежатъ первоначальныя ученицы о. Серафима, и привести ее въ безопасность отъ меньшей партіи, къ которой принадлежитъ много неодобренныхъ въ поведеніи, и неодобрительными оказавшихся по настоящему дѣлу.

---

*) Прил., подъ букв.: А и Б, хранятся въ дѣлѣ, лл. 103—105; 148.

**) *Сюда принадлежитъ отзывъ княгини Шахаевой, приложенный при семъ, подъ буквою Б.*

Прим. митр. Филарета.

Посему нужно удалить изъ обители благочинную Прасковью Павловну Ерофѣеву, которая принужденіемъ и страхомъ составляла по келіямъ списокъ избирающихъ Гликерію и внесла въ него отсутствующихъ и безумныхъ.

Глафиру Семенову Маккавееву, писавшую къ преосвященному письмо о Гликеріи, и сдѣлавшуюся предводительницею ея партіи.

Лукерью Васильеву Занятову, какъ сдѣлавшуюся главнымъ камнемъ претыканія и соблазна въ обители.

VII. Наконецъ предусмотрительности Святѣйшаго Сvнода предлежать будетъ найти исходъ изъ слѣдующихъ затрудненій.

Дивѣевскому монастырю неудобно оставаться долго въ вѣдѣніи тамбовскаго преосвященнаго, а тѣмъ менѣе быть причислену совсѣмъ къ тамбовской епархіи. Предѣлы епархій должны быть тверды. Притомъ гораздо полезнѣе, чтобы два монастыря мужскій и женскій, недалеко отстоящіе одинъ отъ другаго, надзираемы были двумя епископами двухъ епархій, дабы тѣмъ болѣе удовлетворительна была вѣрность надзора, въ предосторожность отъ нареканій, къ несчастію уже возникшихъ, хотя и неосновательно, какъ видно будетъ изъ другаго дѣла о дивѣевскомъ монастырѣ. Но обстоятельства сихъ дѣлъ показываютъ, что преосвященный нижегородскій самъ предубѣжденъ въ пользу партіи Іоасафа и Гликеріи, и съ необыкновеннымъ напряженіемъ поддерживаетъ оную; и неправильно употребленный жребій для избранія Гликеріи, кажется, донынѣ почитаетъ дѣломъ Провидѣнія. Посему трудно ожидать, чтобы онъ измѣнилъ свое воззрѣніе и направленіе, котораго нельзя согласить съ миромъ и благоустройствомъ дивѣевской обители.

23) Графу Толстому отъ 28-го Декабря 1861 г.
(стр. 202).

Конфидецiально.

Отправляя въ Святѣйшій Сvнодъ слѣдствіе о избраніи въ начальницу дивѣевскаго монастыря Гликеріи, нахожу нужнымъ обратиться къ вашему высокопревосходительству

съ нѣкоторыми дополнительными свѣдѣніями, относящимися къ сему дѣлу. Свѣдѣнія сіи неудобно было внести въ дѣло во первыхъ потому, что они собраны однимъ архимандритомъ Іаковомъ, отдѣльно отъ другаго слѣдователя, и не оффиціально, во вторыхъ потому, что нѣкоторыя свѣдѣнія о іеромонахѣ Іоасафѣ слишкомъ неблагообразны, и гласность ихъ подвергала бы монашеское званіе глумленіямъ, къ которымъ нынѣ многіе расположены. Нѣкоторыя дивѣевскія сестры архимандриту, какъ духовному лицу, открывали такія обстоятельства, о которыхъ не хотѣли говорить при другомъ слѣдователѣ, или лицѣ свѣтскомъ.

Посему препровождаю на усмотрѣніе ваше слѣдующія бумаги:

1) Донесеніе архимандрита Іакова отъ 17 ноября.

2) Выписку изъ сказанія жизни старца Серафима, съ замѣчаніями архимандрита Іакова.

3) О іеоромонахѣ Іоасафѣ.

4) Секретнѣйшую записку о іеоромонахѣ Іоасафѣ.

Что касается до упоминаемой въ донесеніи записки г. Бетлинга, она приложена къ моему донесснію въ Святѣйшій Сѵнодъ.

Секретнѣйшую записку нужно имѣть въ виду, чтобы знать съ какою осторожностію надобно смотрѣть на іеромонаха Іоасафа.

24) Донесеніе Святѣйшему Сѵноду митрополита Филарета съ заключеніемъ его по рапорту епископа Нектарія о поведеніи начальницы дивѣевскаго монастыря Елисаветы Ушаковой, отъ 30-го Декабря 1861 г.

(стр. 203).

Секретнымъ указомъ Святѣйшаго Сѵнода, отъ 19 дня августа, сего 1861 года, № 2665, предписано мнѣ донесеніе преосвященнаго Нектарія, епископа нижегородскаго, касательно дивѣевскаго монастыря, или точнѣе, о поведеніи начальницы его Елисаветы Ушаковой, передать для производства изслѣдованія назначеннымъ уже прежде слѣдователямъ.

Исполняя сіе предписаніе, я предложилъ слѣдователямъ, чтобы сіе дѣло, какъ имѣющее особый предметъ, произведено было отдѣльно отъ прежде назначеннего слѣдствія о избраніи начальницы.

13 дня сего декабря, слѣдователи представили мнѣ при своемъ донесеніи, представляемое при семъ слѣдственное дѣло, на 145 листахъ.

Епархіальное дѣло началось репортомъ эконома архіерейскаго дома, іеромонаха Ѳеодосія. 5 пунктовъ доноса всѣ падали на начальницу Елисавету. Въ доносѣ не наименовано ни одно лицо, отъ котораго доноситель получилъ свѣдѣнія: и такимъ образомъ скрыты извѣтчики, отъ которыхъ надлежало бы требовать доказательства доноса; и сбережены для того, чтобы извѣтчики могли превратиться въ свидѣтелей.

Доносъ отъ 29 марта до 19 мая оставался безъ дѣйствія. Изъ того что въ сей самый день преосвященный Нектарій предлагалъ Елисаветѣ быть начальницею въ другой обители, слѣдовало бы заключать, что онъ почиталъ доносъ не заслуживающимъ уваженія. Но въ сей самый день преосвященный поручилъ ключарю произвести по оному дознаніе. Если же сіе распоряженіе принять за признакъ, что преосвященный находилъ доносъ уважительнымъ; то не понятно, какъ онъ въ тотъ же день допустилъ Елисавету въ число кандидатокъ для избранія въ начальницы по жребію, а не отложилъ избранія, доколѣ объяснилось бы, справедливъ или ложенъ доносъ.

Въ репортѣ ключаря, отъ 31 мая, повторены тѣ же статьи доноса, сказано что однѣ сестры подтверждаютъ доносъ, а другія не подтверждаютъ; но опять ни одна изъ нихъ не названа по имени; и замѣчено, что въ пристрастныхъ свидѣтельствахъ неспокойныхъ въ то время сестръ трудно было найти правду.

Такимъ образомъ дознаніе было также явно неосновательно, какъ и предшествовавшій доносъ: однако преосвященный предписалъ благочинному Розову произвесть по нимъ строжайшее и подробное изслѣдованіе.

Доноситель простиралъ позоръ отъ дивѣевской начальницы Елисаветы до саровскаго настоятеля Серафима. Въ изслѣдованіи священника Розова Елисавета отвѣчала, что строитель посѣщалъ дивѣевскую обитель раза два или три въ годъ, по ея приглашенію по нуждамъ обители, также и іеромонахъ Іаковъ не болѣе двухъ разъ; что Саровскую обитель она посѣщала не болѣе трехъ разъ въ годъ для поклоненія гробу старца Серафима, и по дѣламъ обители съ сестрами и кучеромъ, но однажды по занятію рабочихъ людей и лошадей, ѣздила съ одною сестрою въ одну лошадь.

Свидѣтели по ссылкѣ Елисаветы подъ присягою.

Бывшая благочинная Ксенія Ильина, подтвердивъ показаніе Елисаветы, дополнила, что Іаковъ, какъ слышала, былъ для составленія описи церковныхъ имуществъ,—что онъ и строитель до поздняго вечера никогда не оставались.

То же показали 68 сестеръ.

Указанныя по списку Гликеріи, слѣдственно принадлежащія къ ея партіи, показали:

Прасковья Павлова начала порицаніемъ сестръ, давшихъ показаніе въ пользу Елисаветы. Приписываетъ имъ дерзость и ссылается на преосвященнаго, безъ сомнѣнія, въ отношеніи къ происшествію при избраніи Гликеріи, въ которомъ случаѣ отъ приверженныхъ къ Елисаветѣ была настоятельная просьба, а не дерзость. Затѣмъ говоритъ, что строитель и Іаковъ посѣщали начальницу и казначею первый раза три въ годъ, а второй однажды для писанія какихъ-то бумагъ, первый пробылъ сутокъ полтора, а второй по два дня; возвращались въ гостинницу въ 10 часовъ вечера.

Тоже показали 33 сестры.

Варвара Ивановна и съ нею 20—посѣщали часто.

Глафира и немногія,—что онѣ весьма соблазнялись.

Старшая на гостинной Матрона—строитель и Іаковъ бывали раза три въ годъ; послѣдній однажды ночевалъ на конномъ дворѣ.

Анастасія—не знаю.

Прасковья и Варвара—не знаютъ о безпорядкахъ, а слышали.

Прасковья Павлова и съ нею 57—начальница часто посѣщала саровскую пустынь.

14—гостила въ Саровѣ дней пять, чѣмъ онѣ весьма много соблазнялись.

(А когда Іоасафъ по цѣлымъ мѣсяцамъ жилъ въ кельѣ благочинной, онѣ не соблазнялись. Ясно, что не за нравственное достоинство ревнуютъ, а навѣтуютъ на начальницу не изъ ихъ партіи).

Наконецъ, по отобраніи показаній отъ всѣхъ сестръ, Глафира Васильевна припомнила, что бывшая начальница Елисавета, въ послѣднее время, предъ пріѣздомъ преосвященнаго, ѣздила въ саровскую пустынь раза три въ недѣлю, держала въ келліи и употреблять послушницамъ не запрещала хлѣбное вино и проч.

Священникъ Розовъ, представляя слѣдствіе преосвященному, самъ признался въ своемъ незаконномъ поступкѣ, что слѣдствіе не далъ прочитать отвѣтчицѣ Елисаветѣ, и подписать, довольна-ли она, или нѣтъ; это якобы для того, чтобы не возникла сильнѣйшая вражда между партіями.

Затѣмъ, слѣдователя, назначенные отъ Святѣйшаго Сѵнода, въ слѣдствіи священника Розова открыли слѣдующія незаконности: свидѣтели со стороны Елисаветы приведены къ присягѣ безъ нея; и притомъ самимъ слѣдователемъ; Елисавета не спрошена, не имѣетъ ли причинъ къ отводу свидѣтелей; отъ нея, какъ отвѣтчицы, оправданія не взято.

Итакъ слѣдствіе священника Розова вообще не имѣетъ законнаго достоинства,

Новыми слѣдователями слѣдствіе Елисаветѣ объявлено: и она осталась имъ недовольна, представивъ, между прочимъ, слѣдующее: слѣдователь не объявилъ ей лицъ, которыя допустилъ къ спросу противъ нея, которыхъ большая часть принадлежитъ къ враждебной партіи Іоасафа; приводилъ къ присягѣ безъ нея, и самъ, тогда какъ при обители есть два священника, принялъ противъ нея новые доносы, которые не были въ репортахъ ключаря и казначея; не спросилъ Гликерію, откуда она взяла списокъ сестръ, чрезъ которыя якобы ключарь и экономъ дѣлали дознаніе. (Здѣсь

замѣтить должно, что если этотъ списокъ справедливъ, то ясно, что бывшія доносительницами эконому въ слѣдствіи превращены въ свидѣтельницъ). Наконецъ, Елисавета почитаетъ невѣроятнымъ, чтобы Ѳеодосій могъ распрашивать 65 сестръ, судя по недолгому его прибыванію въ обители, при многихъ другихъ занятіяхъ. Елисавета просила изслѣдовать дѣло по правдѣ.

Во взятомъ отъ нея оправданіи она полнѣе и доказательнѣе подтвердила то, что прежде показала въ допросѣ.

Саровскій строитель объяснилъ, что въ дивѣевской общинѣ случалось ему быть раза два или три въ годъ, и заходитъ къ настоятельницѣ, на короткое время, при чемъ каждый разъ сопутствовалъ ему старецъ Евгеній; прошедшею зимою, не заставъ князя Шахаева, заѣхалъ въ дивѣевскую обитель; были у начальницы въ 4 часа по полудни; и по причинѣ вьюги остались ночевать на гостинницѣ. Настоятельница Елисавета бывала въ Саровѣ раза два, а иногда, можетъ быть, и три раза въ годъ, видѣлась съ нимъ въ церкви и на гостинницѣ, для принятія благословенія и для нужды обители. Въ маѣ нынѣшняго года она ни разу не была въ Саровѣ.

Монахъ Евгеній подтвердилъ показаніе строителя.

Глафира Васильева, спрошенная въ доказательство, показала, что не припомнитъ, когда послѣ Пасхи Елисавета ѣздила въ Саровъ. О неблагочинномъ обращеніи начальницы Елисаветы слѣдователю Розову не говорила, а говорила это про казначею Евѳимію.

Анисья Солдатова показала, что ѣздила съ Елисаветою за кучера въ Саровъ, но также и въ Арзамасъ; въ маѣ съ нею не ѣздила, а въ іюнѣ ѣздила по порученію Гликеріи просить лѣса.

Пелагія Гумиллевская, что послѣ пасхи Елисавета въ Саровъ не ѣздила.

Гликерія—о семъ не знаетъ, а слышала; а о поѣздкѣ въ іюнѣ подтвердила.

Свидѣтельница по ссылкѣ Елисаветы Ксенія Мусина показала, что строитель бывалъ въ дивѣевской обители два или три раза въ годъ, и въ келіи Елисаветы на часъ или

на два много на три, что пересуды о семъ отъ сестеръ Іоасафовой партіи она считала вражіимъ наученіемъ.

Прасковья Пашина—не знаетъ и не слыхала.

Анисья Солоатова—о пересудахъ не слыхала и не было ничего соблазнительнаго.

Дарья Каменская (построившая церковь)—что она постоянно находилась въ келіяхъ начальницы Елисаветы; при посѣщеніи строителя было одно назидательное и полезное для жизни духовной.

Екатерина Енгалычева—о пересудахъ не слыхала; строитель, по благочестивой жизни, заслуживаетъ полнаго уваженія,—въ Елисаветѣ всегда видѣла назидательный примѣръ духовной жизни.

Матрона Вобкова—о неприличіяхъ не слыхала; Елисавета для всѣхъ добрая мать; о строителѣ ничего, кромѣ хорошаго не знаетъ.

Дарья Мамонова—не находила ничего неприличнаго; строитель духовной жизни; Елисавета примѣрной жизни.

Марія Перова—то же.

Глафира Харкевичъ—обстоятельно и сильно выражаетъ довѣріе и уваженіе къ строителю и Елисаветѣ.

Екатерина Бурова—никто не соблазнялся посѣщеніемъ строителя и Іакова, а всѣ довольны были.

Безъ присяги, по уклоненіямъ отъ оной, Ксенія Пушкова—ничего соблазнительнаго не было; Елисавета ѣздила въ Саровъ рѣдко, когда для обители, и для поклоненія гробу старца Серафима.

Мавра Элькова, Прасковья Болдырева—то же.

Настасья Ворошилова ничего не знаетъ,—внимаетъ себѣ.

Пять сестеръ объявили, что онѣ при слѣдствіи священника Розова ничего не показывали противъ начальницы; и рѣшительно отказались отъ показаній, написанныхъ священникомъ Розовымъ.

Матрена Осипова объявила, что въ списокъ сестръ, дѣлающихъ показанія противъ Елисаветы, она внесена безъ ея вѣдома.

Почтенный священникъ Садовскій показалъ: строитель посѣщаетъ дивѣевскую обитель и начальницу два или три

раза въ годъ, на самое короткое время, и всегда сопровождаемый кѣмъ-либо изъ саровскихъ старцевъ. Посѣщенія его показывали въ немъ достоуважаемаго начальника. Елисавета вела и ведетъ жизнь смиренную и богоугодную; съ ввѣренными управленію ея сестрами обращается всегда съ материнскою любовію, кротко, духовно-благородно.

Бывшій ардатовскій приставъ 1 стана Колумбовъ говоритъ, что мнѣніе общества о Елисаветѣ было съ отличной стороны.

Княгиня Шахаева, по ссылкѣ Елисаветы, пишетъ, что Іоасафъ безсовѣстно заставилъ пострадать невинную г-жу Ушакову за то, что она ограждала монастырь отъ его безобразнаго владычества.

Начальницы общинъ ардатовской и алексѣевской, игуменія никольскаго арзамасскаго монастыря, благочинный монастырей архимандритъ Іоакимъ, всѣ отозвались о Елисаветѣ одобрительно.

Девять особъ дворянъ отозвались о Елисаветѣ, какъ отличной и примѣрной по жизни и управленію общиною.

Слѣдователи замѣчаютъ, что священникъ Розовъ свидѣтельницъ противъ Елисаветы спрашивалъ не по указанію старшихъ сестръ, но по списку, составленному Марьею Карауловою, въ который внесено 57 сестръ, избравшихъ Гликерію, то есть, составляющихъ ея партію. Изъ нихъ 26 въ вѣдомостяхъ за 1858 г. начальницею Лодыженскою показаны поведенія неблагонадежнаго, своевольнаго и дерзкаго, 10 такихъ, которыя до 1859 г. состояли въ неповиновеніи начальству, и отъ которыхъ, по отзыву Лодыженской, перемѣны къ лучшему не ожидалось. Въ семъ спискѣ записана также сестра Іоасафа, вдова Муранова, которой и въ спискахъ монастырскихъ нѣтъ. Напротивъ того, изъ числа сестеръ, свидѣтельствовавшихъ въ пользу Елисаветы, 30 за три года рекомендованы поведенія очень хорошаго и весьма хорошаго; а не одобренныхъ нѣтъ ни одной.

Еще замѣчаютъ слѣдователи, что священникъ Розовъ вписалъ въ слѣдствіе показаніе отъ имени Анны Юдиной: а оказалось, что въ бытность его въ Дивѣевѣ ея не было въ обители.

Еще замѣчаютъ, что во время выбора преосвященнымъ Нектаріемъ настоятельницы, когда большинство сестръ свидѣтельствовало о достоинствѣ Елисаветы, противная партія имѣла случай, свидѣтельствовать противъ Елисаветы, еслибы знали за нею худое; но тогда никто не изъявилъ сомнѣнія о честной ея жизни.

Вопросъ объ отношеніяхъ начальницы Елисаветы къ саровскому настоятелю отдѣленъ здѣсь отъ прочихъ частей дѣла, для того, чтобы множество разныхъ показаній, по многимъ разнымъ предметамъ не запутывало вниманія при разсмотрѣніи дѣла; и чтобы непрерывный рядъ показаній и соображеній по оному ясно и прямо велъ къ заключенію. Заключеніе же изъ всего выше изложеннаго, по моему мнѣнію, должно быть то, что строитель Серафимъ и начальница Елисавета суть почтенныя лица не подлежащія нареканію, и что извѣты на нихъ суть клевета отъ неблагонамѣренныхъ людей.

Не имѣю времени разбирать подобнымъ образомъ каждый изъ прочихъ пунктовъ доноса; но, прочитавъ донесеніе слѣдователей, полагаю, что разборъ оныхъ не приведетъ къ заключенію несогласному съ тѣмъ, которое теперь предложено, въ отношеніи къ начальницѣ Елисаветѣ.

Что касается до бывшей казначеи Евѳиміи, о ней свода доносовъ и показаній мною не сдѣлано по вышеизложенной причинѣ. Сіе предлежитъ сдѣлать канцеляріи Святѣйшаго Сѵнода.

При семъ прилагается также донесеніе слѣдователей.

25) Графу Толстому отъ 30 декабря 1861 г. (Письма Филарета ч. II. стр. 105).

О Дивѣевскихъ дѣлахъ одно донесеніе въ Св. Синодъ мною послано, другое подписано, и пошлется съ ближайшею почтою. Изслѣдованія показали, что избраніе Гликеріи не правильно; Іоасафъ вреденъ въ духовномъ и хозяйственномъ отношеніи; начальница Елисавета и строитель Серафимъ оклеветаны. Поспѣшите умиротворить обитель.

26) Архимандриту Антонію отъ 31 декабря 1861 г. (стр. 319).

„Два Дивѣевскія дѣла, одно на 240, а другое на 140 листахъ много дали дѣла и мнѣ. На сихъ дняхъ послалъ съ ними два донесенія, изъ которыхъ одно на 14 листахъ, а другое меньше. Заключеніе произошло такое, что избраніе Г. не правильно; I. вреденъ въ духовномъ и хозяйственномъ отношеніи; начальница Елисавета и строитель Серафимъ люди почтенные и оклеветаны неблагонамѣренно. Какъ посмотритъ на сіе Св. Сvнодъ, сіе вѣдаетъ онъ.

27) Графу Толстому отъ 8 января 1862 г. (Письма ч. II, стр. 106).

Преосвященный Өеофанъ писалъ ко мнѣ о Дивѣевскомъ монастырѣ. Я отвѣчалъ ему, что я исполнялъ только временное порученіе Св. Синода; и что оно уже кончено; и совѣтовалъ ему обратиться къ владыкѣ Новгорооскому и къ Вамъ. Но не отлагаю сказать Вамъ нужное изъ его письма.

Возстановленіе начальницы Елисаветы объявлено только 17 ноября.

Нѣкоторыхъ сестеръ нѣтъ въ обители, и предшествовавшія начальницы не объявляютъ, гдѣ онѣ. То есть: не повинуются, и скрываютъ посланныхъ для произсковъ, чтобы не помѣшали пронскамъ.

Сборщицы Гликеріины проживаютъ въ Петербургѣ, возмущаютъ благочестивыхъ, и монастырю не доставляютъ ничего изъ сбора.

Елисавета, принимая монастырь, не нашла денегъ ничего.

Строитель Саровскій, озабоченный клеветою, хотѣлъ прекратить всякія сношенія съ Дивѣевскимъ монастыремъ, и всякое пособіе ему, вслѣдствіе чего 500 сестеръ замерзли бы безъ Саровскихъ дровъ. Благодареніе преосвященному Өеофану, который присовѣтовалъ строителю не оставить безъ помощи бѣдствующихъ.

Вамъ покажется невѣроятно, что Гликерія и ея партія такъ не добросовѣстны. Но это видно было и при слѣдствіи.

Гликерія, не умѣя писать, и боясь, чтобы за это не быть отрѣшенною отъ начальства, не посовѣстилась подписаться подъ одною бумагою чужою рукою такъ, какъ бы сама писала. Слѣдователи открыли подлогъ.

Будьте, Св. Синодъ и Вы, человѣколюбивы; не умедлите умиротворить монастырь, чтобы не померли съ голода, и чтобы мятежная партія не произвела новаго позора.

Наконецъ, внемлите просьбѣ.

28) Архимандриту Антонію, отъ 8-го января 1862 г. (стр. 323).

„О Дивѣевѣ не помню, писалъ-ли я вамъ, что пишетъ преосвященный Өеофанъ. Елисавета возстановлена въ начальствѣ только 17 ноября. Денегъ не нашла въ монастырѣ ни копѣйки. Саровскій строитель хотѣлъ было отказать Дивѣеву во всякой помощи: но благодарность преосвященному Өеофану, онъ велѣлъ помогать. Нѣкоторыхъ сестеръ нѣтъ въ монастырѣ; начальствующія прежде, не называютъ куда отпущены. Изъ Петербурга слышу, что партія Г. успѣваетъ; и слѣдователи оклеветаны. Спаси насъ, Господи.

29) Архимандриту Антонію, отъ 17-го января 1862 г. (стр. 326).

Въ Дивѣевѣ продолжаются странности. Изъ Нижегородской Консисторіи полученъ указъ на имя настоятельницы Г., которой имя написано по чищеному.

30) Графу Толстому отъ 29 января 1862 г. (Письма Филарета ч. II, стр. 109).

Вотъ сдѣлавшіяся мнѣ извѣстными нѣкоторыя черты Дивѣевскаго дѣла, показывающія, гдѣ правда, и гдѣ неправда. Начальница Елисавета, принимая монастырь отъ Гликеріи, не нашла въ немъ ни копѣйки. Сборъ, производимый на монастырь, въ рукахъ партіи Гликеріи. Чѣмъ она будетъ содержать монастырь? Полученъ въ монастырѣ указъ изъ Нижегородской консисторіи на имя начальницы Гликеріи; но имя ея написано въ немъ по чищеному. Она показываетъ сей указъ единомышленнымъ съ нею, поддерживая въ нихъ увѣренность, что опять будетъ начальницею.

31) Архимандриту Антонію, отъ 16-го февраля 1862 г. (стр. 333).

Не безъ участія узнаете вы, отецъ намѣстникъ, что молитвы отца Серафима побѣдили. Св. Синодъ опредѣлилъ Дивѣевскую настоятельницу Елисавету постричь и произвесть въ игуменію. Г. и нѣкоторыхъ непокойныхъ удалить въ другой монастырь, старицу, высланную въ Ардатовъ, возвратить въ Дивѣевскій монастырь, скита не строить, І. обязать подпискою, чтобы не имѣлъ сношенія съ Дивѣевскими, потребовать отъ него отчета въ какихъ-то деньгахъ. Да примутъ Дивѣевскія и сохранятъ достойно даруемый миръ, чтобы не поколебалась побѣда; потому что побѣжденные, вѣроятно, не оставятъ оружія хитрости и навѣтовъ, которое употребляли до нынѣ.

Архимандритъ Даниловскій, пріѣхавъ въ Дивѣево безъ теплой одежды, и почувствовавъ въ ней нужду, купилъ въ Саровѣ овчинную шубу. Изъ сего сочинили сказку, что саровскіе подкупили его, подаривъ двѣ рясы.

32) Партія о. Іоасафа старалась всѣми силами отплатить клеветою Н. А. Мотовилову, за его заступничество и наговоры дошли до Петербурга. Такъ митрополитъ Филаретъ писалъ Архимандриту Антонію 20-го августа 1862 г. (стр. 357):

Непріятныя есть вѣсти о Дивѣевскомъ монастырѣ, въ отношеніи нравственномъ. Я, слыша сіе, сказалъ, что это, вѣроятно, относится къ партіи Г., но мнѣ отвѣчали: нѣтъ. Прибавляютъ, что М. личность сомнительная; но онъ близокъ къ монастырю, и будто читаетъ тамъ въ церкви проповѣди. Не безполезно было бы знать, есть ли сколько нибудь правды въ семъ послѣднемъ показаніи.

Между тѣмъ у роднаго брата и секретаря преосвященнаго Нижегородскаго живетъ Г. съ нѣсколькими сестрами, и на ярмаркѣ собираютъ пособія на изгнанныхъ, прибавляя въ оправданіе свое, что нынѣшняя начальница сама желаетъ, чтобы Г. возвратилась для управленія.

ГЛАВА XXVIII.

Переводъ Серафимо-Дивѣевскаго монастыря въ Тамбовскую эпархію и возвращеніе Е. А. Ушаковой начальницею обители. Критическая минута для обители въ хозяйственномъ отношеніи. Преосвященный Өеофанъ. Саровскій игуменъ Серафимъ. Указы Св. Сѵнодъ и рѣшеніе Дивѣевскаго дѣла. Постриженіе Е. А. Ушаковой въ монашество.

18-го Ноября прибылъ въ Серафимо-Дивѣевскій монастырь благочинный Тамбовской эпархіи, Архимандритъ Черняева монастыря съ указомъ, что обитель временно переведена въ вѣденіе преосвященнаго Өеофана и Елисавета Алексѣевна Ушакова возвращается начальницею. Въ какомъ положеніи оказался монастырь при управленіи Лукерьи Занятовой, было упомянуто въ письмахъ митрополита Филарета къ графу А. П. Толстому и намѣстнику Троице-Сергіевской лавры архимандриту Антонію. Если-бы не распорядительность епископа Өеофана, который уговорилъ Саровскаго игумена Серафима, помочь Дивѣевской обители, то сестрамъ пришлось-бы буквально голодать. Всѣ запасы, приготовленныя Ушаковой на зиму, были истрачены и долги на обитель увеличены.

Въ участіи такихъ благодатныхъ рабовъ Божіихъ, какъ митрополитъ Филаретъ, преосвященный Антоній Воронежской, преосвященные Іеремія и Іоаковъ, намѣстникъ лавры Антоній и теперь наконецъ преосвященный Өеофанъ, въ дѣлахъ Серафимо Дивѣевской обители нельзя не видить особой воли Божіей и Царицы-Небесной. Преосвященный Өеофанъ конечно всѣмъ сердцемъ расположился къ обители отца Серафима и быстро уразумѣлъ какого она духа и на-

правленія. Сердце его согрѣлось, невидимыхъ для многихъ другихъ, духовнымъ огнемъ, которымъ свѣтились лица старицъ и сиротъ Серафимовыхъ и взаимная братская любовь покрыла скорби, вражьи навѣты и испытанія, приходившія, по молитвамъ блаженаго старца Серафима, къ побѣдному концу.

Игуменъ Саровской пустыни Серафимъ, пострадавшій по наговорамъ сторанниковъ о. Іоасафа, былъ преемникомъ о. Исаіи, одинадцатымъ строителемъ и происходилъ изъ государственныхъ крестьянъ Пермской губ., въ міру его звали Спиридонъ Андреевъ Пестовъ. Онъ поступилъ въ Саровъ 14-ти лѣтъ въ 1823-мъ году, вмѣстѣ съ своимъ отцемъ Андреемъ (въ монашествѣ Арсеній) и долго находился послушникомъ при игуменѣ Нифонтѣ. Съ 1842-го по 1852-й годъ Серафимъ исполнялъ должность казначея и по кончинѣ о. Исаіи, по общему братскому избранію, опредѣленъ въ должность строителя. Въ нанесенной имъ невинно клеветы за участіе къ Дивѣевской обители, нельзя не видѣть промысла Божія. Будучи послушникомъ онъ особенно нападалъ на о. Серафима за заботы старца о Дивѣевскихъ сиротахъ и даже въ одинъ прекрасный день сломалъ отъ злобы печь въ Серафимовой пустынѣ, чѣмъ разумѣется заставилъ пострадать невинно блаженаго Серафима; теперь-же онъ самъ пострадалъ невинно за тѣхъ-же Дивѣевскихъ сиротъ, чѣмъ и искупилъ свой прежній грѣхъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1862-го года въ Дивѣевскую обитель былъ присланъ слѣдующій указъ Святѣйшаго Сѵнода о высылкѣ трехъ учениц о. Іосафа и опредѣленіе по дѣлу, возбужденному неправильнымъ избраніемъ Гликеріи Занятовой въ начальницы монастыря.

Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго изъ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода преосвященному Ѳеофану епископу Тамбовскому и Щацкому.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительсвующій Сѵнодъ слушили дѣло объ обстоятельствахъ избранія въ маѣ мѣсяцѣ 1861-го года настоятельницы для Дивѣевскаго общежительнаго монастыря и о внутреннемъ состояніи сей обители, приказали: Святѣйшій Сѵнодъ раз-

смотрѣвъ дѣло это во всей подробности, находитъ, что въ настоящее время подлежатъ въ немъ обсужденію слѣдующіе главные предметы: въ 1-хъ произведенное въ маѣ мѣсяцѣ 1861-и года, при объявленіи указа Святѣйшаго Сѵнода отъ 10-го февраля того года о переименованіи Дивѣевсккой общины въ общежительный монастырь, избраніе настоятельницы для этой обители и нѣкоторыя сопровождавшія это событіе обстоятельства; во 2-хъ внутренее состояніе сей обители и мѣры, которыя въ виду смущающихъ общество сестеръ несогласій, необходимо принять къ ея умиротворенію и въ 3-хъ, имѣющіяся въ дѣлѣ свѣдѣнія по предположенію касательно устройства близъ Дивѣевскаго монастыря особенаго скита; по соображеніи относящихся къ означеннымъ тремъ предметамъ свидѣтельскихъ показаній и другихъ собранныхъ слѣдователями свѣдѣній, Святѣйшій Сѵнодъ усматриваетъ:

I. По предмету избранія настоятельницы.

Упомянутымъ указамъ Святѣйшаго Сѵнода отъ 10-го феварала 1861-го года за № 473-мъ объявлено было преосвященному Нектарію Епископу Нижегородскому для надлежащаго съ его стороны къ исполненію распоряженія высочайше утвержденное, въ 24-й день января того же года опредѣленіе Святѣйшаго Сѵнода о возведеніи состоящей въ Ардатовскомъ уѣздѣ Дивѣевской женской Общины на степень третьеклассн аго общежительнаго монастыря съ предоставленіемъ сей Обители права избирать настоятельницъ всегда изъ сестеръ ея съ тѣмъ одакоже, чтобы какъ объ утвержденіи настоятельницы такъ равно и о постриженіи въ монашество сестеръ сей обители представляемо было Святѣйшему Сѵноду. Объявленіе изъясненнаго указа въ Дивѣевской общинѣ, что нынѣ монастырь—преосвященнымъ Нектаріемъ отложено было до личнаго посѣщенія имъ обители, въ которую онъ и прибылъ для сего по случаю обозрѣнія имъ епархіи вечеромъ 18-го мая 1861-го года. На другой день т. е. 19-го мая утромъ одною изъ послушницъ Глафирою Семеновою Маккавѣевою представлено было преосвященному

просительное письмо за одною ея подписью, въ которомъ изложено было отъ имени тридцати сестеръ ходатайство о назначенiи вмѣсто Елисаветы Ушаковой начальницею обители Гликерiй Васильевой и Парасковьи Павловой, или же въ случаѣ затрудненiя смѣнить Ушакову объ избранiи начальницы по жребiю. Ходатайство это, въ тотъ же день подкрѣплено было и словесными просьбами нѣкоторыхъ изъ сестеръ лично являвшихся къ преосвященному, впрочемъ вслѣдствiе уже выраженной имъ въ церкви предъ литургiю въ собранiи всѣхъ сестеръ мысли о предстоящемъ избранiи настоятельницы. Того же числа послѣ всенощнаго бдѣнiя всѣ сестры приглашены были въ трапезу, гдѣ преосвященный предложилъ имъ назначить три лица для избранiя изъ нихъ настоятельницы по жребiю; нѣкоторыя изъ сестеръ наименовали Гликерiю Васильеву Занятову. Число ихъ по преобладающему большинству свидѣтельскихъ показанiй простиралось до 40; изъ нихъ же нѣкоторыми названа была вмѣстѣ съ Гликерiю Парасковья Павлова Ерофѣева, чего впрочемъ большинство свидѣтелей не подтверждаетъ. Всѣ прочiя сестры числомъ до 400-тъ просили преосвященнаго оставить начальницею Елисавету Ушакову, объясняя, что обитель уже имѣетъ въ ней настоятельницу, и рѣшительно отвергая выборъ новой настоятельницы по жеребiю. На другой день 21-го мая предъ начатiемъ св. литургiи положены были на престолъ изготовленные и запечатанные самимъ преосвященнымъ три пакета, на блюдѣ подъ покровомъ, которое по окончанiи литургiи и по прочтенiи указа Святѣйшаго Сѵнода о переименованiи общины въ монастырь, поднесено было ключаремъ преосвященному, находившемуся среди храма на амвонѣ. Преосвященный вынулъ изъ подъ покрова одинъ изъ трехъ пакетовъ и передалъ протодiакону. По распечатанiи сего пакета протодiакономъ провозглашено; „въ игуменiи новоучрежденнаго Дивѣевскаго монастыря Господь Богъ избираетъ рабу свою Гликерiю Васильеву Занятову". Остальные два пакета, утромъ 22-го мая, преосвященный чрезъ своего письмоводителя, сдалъ запечатанными церковницѣ Ксенiи Васильевой Путковой, для храненiя въ монасырской ризницѣ. По вскрытiи ихъ слѣдователями оказа-

лось написаннымъ рукою преосвященнаго въ одномъ: въ игуменіи новоучрежденнаго Дивѣевскаго монастыря Господь Богъ избираетъ рабу свою Парасковью Павлову Ерофѣеву, а въ другомъ: начальницею остается Елисавета Алексѣевна Ушакова. По соображеніи таковыхъ обстоятельствъ избранія Гликеріи Занятовой настоятельницею Дивѣевскаго монастыря, Святѣйшій Сvнодъ находитъ: что выше изъясненный указъ Святѣйшаго Сvнода, отъ 10-го февраля 1861-го за № 473-мъ о переименованіи Дивѣевской общины въ монастырь, какъ уже объяснено Святѣйшимъ Сvнодомъ преосвященному Нижегородскому въ указахъ отъ 29-го іюня за № 2-мъ и отъ 15-и февраля за № 3251-мъ вовсе не представлялъ основанія къ избранію новой настоятельницы когда обитель уже имѣла единогласно избаранную и въ законномъ порядкѣ утвержденную настоятельницу Елисавету Ушакову по ходатайству которой послѣдовало и самое переименованіе общины въ монастырь и которая по сему вмѣстѣ съ усвоеніемъ обители званія монастыря получала званіе настоятельницы его, сохраняя тѣже права и обязанности въ отношеніи къ обители какія имѣла до переименованія послѣдней въ монастырь. На основаніи означеннаго указа сестры Дивѣевскаго монастыря, только тогда могли бы приступить къ избранію для себя настоятельницы когда бы настоятельское мѣсто сдѣлалось вакантнымъ; таковымъ же мѣсто настоятельницы монастыря дѣлается по случаю или смерти занимавшаго оное лица, или увольненія отъ должности по собственной просьбѣ, или наконецъ отрѣшенія отъ мѣста за обнаруженные безпорядки; но по Дивѣевскому монастырю ни одного изъ трехъ означенныхъ случаевъ не было. Хотя нѣкоторыя изъ сестеръ составляющія въ обители незначительное меньшенство и просили преосвященнаго Нектарія о перемѣнѣ начальницы, но въ основаніе сего ходатайства ни въ составленномъ отъ имени ихъ послушницы Глафирою Семеновою Маккавѣевою просительномъ письмѣ, ни въ словесныхъ просьбахъ объ этомъ, какъ видно изъ содержанія данныхъ ими при слѣдствіи показаній, не представляли противъ Ушаковой никакихъ подвергающихъ отрѣшенію отъ должности обвиненій, кромѣ только отзывовъ выражающихъ личное ихъ неудо-

вольствіе, объ ея недоступности и недостаткѣ въ ней материнской любви и попечительности объ ихъ нуждахъ. Во всякомъ случаѣ хотя бы даже всѣ сестры обители изъявили желаніе перемѣны начальницы и представили къ тому уважительныя причины, мѣсто настоятельницы не прежде могло бы быть признаваемо вакантнымъ и подлежащимъ замѣщенію инымъ лицемъ, какъ по надлежащимъ обслѣдованіи возбужденныхъ противъ наличной начальницы обвиненій и постановленій опредѣленія объ ея отрѣшеніи съ утвержденія притомъ собственно по Дивѣевскому монастырю Святѣйшаго Сѵнода, отъ котораго зависитъ окончательное опредѣленіе— настоятельницы для этой обители. Впрочемъ сопровождавшія избраніе новой начальницы обстоятельства показываютъ что преосвященный Нижегородскій не только не считалъ Елисавету Ушакову по изъявленнымъ противъ нея со стороны нѣкоторыхъ сестеръ неудовольствіямъ подлежащею отрѣшенія, или даже только временному устраненію отъ мѣста, но напротивъ того введя ее съ Занятовою и Ерофѣевою въ жребій, тѣмъ самымъ признавалъ ее достойною дальнѣйшаго прохожденія настоятельской должности. Въ этомъ мнѣніи утверждаетъ и то обстоятельство что преосвященный какъ предъ избраніемъ новой настоятельницы такъ и послѣ того неоднократно предлагалъ Ушаковой занять должность начальницы въ Давыдовской общинѣ. Наконецъ кромѣ несвоевременности назначенія для Дивѣевскаго монастыря, при существованіи въ немъ начальницы иной настоятельницы самый допущенный въ этомъ случаѣ образъ избранія ни въ какомъ отношеніи не соотвѣтствуетъ условіямъ свободнаго и правильнаго выбора. На основаніи указа Святѣйшаго Сѵнода отъ 10-го февраля 1861-го года за № 473-мъ въ случаѣ когда бы дѣйствительно открылась надобность въ назначеніи новой настоятельницы, избраніе ея принадлежало бы сестрамъ обители. Со стороны сестеръ могло послѣдовать или единогласное избраніе или раздѣленіе голосовъ. Въ послѣднемъ случаѣ преимущество принадлежало бы той сторонѣ, которая считаетъ большее число голосовъ, а если и можетъ быть допущенъ жребій то 1-е неиначе какъ съ общаго и добровольнаго согласія избиратель-

ницъ, и 2-е только въ видѣ мѣры къ достиженію соглашенія раздѣлившихся голосовъ въ избраніи одного лица, которому преимущественно предъ другими избирательницами желали бы предоставить настоятельство, а не въ смыслѣ окончательнаго назначенія настоятельницы, ибо за силою того же указа отъ 10-го февраля 1861-го года окончательное опредѣленіе избранной настоятельницы, принадлежитъ Святѣйшему Сѵноду отъ усмотрѣнія котораго при раздѣленіи голосовъ зависитъ или утвердить назначенную жребіемъ, или отвергнувъ ее отдать предпочтеніе другой, получившей избирательные голоса. Между тѣмъ обстоятельства избранія Гликеріи Занятовой показываютъ: въ 1-хъ что прежде собранія сестеръ въ трапезу, сильнѣйшее большинство сестеръ объявляло нежеланіе перемѣны начальницы, но возраженія ихъ не были уважены, и такимъ образомъ самое открытіе выборовъ, имѣло уже видъ нарушенія свободы избранія; въ 2-хъ что въ трапезѣ тоже большинство сестеръ настоятельно выражало желаніе оставаться подъ управленіемъ Ушаковой, но голоса ихъ и здѣсь не были приняты во вниманіе, и въ 3-хъ что жребій употребленъ былъ не по единогласному желанію сестеръ, но напротивъ того при положительно выраженномъ со стороны большинства несогласій на эту мѣру, и при томъ употребленъ не въ видахъ простаго соглашенія раздѣлившихся голосовъ къ избранію одного лица для представленія на утвержденіе высшаго начальства, но какъ рѣшительный способъ къ окончательному назначенію настоятельницы, уже не подлежащему отмѣнѣ и не требующему утвержденія, каковаго значенія жребій въ отношеніи избранія начальницы для Дивѣевскаго монастыря не могъ имѣть и потому что ни сами сестры ни епархіальное начальство не могли предоставлять случайности жребія такого обстоятельства, окончательное разрѣшеніе коего имъ самимъ не принадлежало. Всѣ сіи соображенія не посредственно приводятъ къ тому заключенію, что избраніе въ настоятельницы для Дивѣевскаго монастыря Гликеріи Занятовой какъ допущенное безъ всякой надобности на непраздное мѣсто, и кромѣ того неправильное и по самому способу избранія, подлежитъ уничтоженію; напротивъ же

того начальница обители Елисавета Ушакова,—возстановленію и утвержденію во всѣхъ правахъ съ званіемъ настоятельницы монастыря соединенныхъ. При разсмотрѣніи сопровождавшихъ избраніе настоятельницы обстоятельствъ, остановилъ на себѣ вниманіе Святѣйшаго Сѵнода, между прочимъ частный случай, именно поступокъ старицы Устиньи Ивановой Кузнецовой, дозволившей себѣ по собственному ея сознанію послѣ провозглашенія настоятельницею Гликеріи Занятовой, сказать преосвященному Нектарію при выходѣ его изъ церкви въ видѣ упрека: „Батюшка Серафимъ насъ собралъ а Вы будете разгонять! Богъ васъ накажетъ! и бывшее послѣдствіемъ этого поступка удаленіе Кузнецовой изъ Дивѣевскаго монастыря въ Ардатовскій Покровскій монастырь. Возвращеніе Кузнецовой въ свою обитель при иныхъ обстоятельствахъ, подлежало бы ближайшему усмотрѣнію и постановленію епархіальнаго начальства, тѣмъ болѣе что отъ сей старицы жалобы на означенное распоряженіе въ Святѣйшій Сѵнодъ не поступало. Но какъ нынѣ Кузнецова по мѣстоприбыванію въ Ардатовскомъ монастырѣ состоитъ въ вѣдѣніи Нижегородскаго епархіальнаго начальства, а Дивѣевская обитель указомъ Святѣйшаго Сѵнода отъ 15-го октября 1861-го года подчинена Тамбовскому епархіальному начальству, въ управленіи коего Святѣйшій Сѵнодъ признаетъ необходимымъ оставить ее и нынѣ впредь до усмотрѣнія и особаго распоряженія: то въ этомъ собственно вниманіи Святѣйшій Сѵнодъ, входя въ непосредственное разсмотрѣніе означеннаго обстоятельства, хотя и не можетъ оправдать поступокъ Кузнецовой, какъ несовмѣстный съ подобающимъ архипастырю и епархіальному начальству уваженіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ предполагаетъ въономъ скорѣе дѣйствіе простоты, чѣмъ духа противленія власти, и потому, а также и по уваженію къ преклонной старости Кузнецовой 43 лѣтнему пребыванію ея въ Дивѣевской общинѣ, и къ похвальному отзыву объ ней настоятельницы Ардатовскаго монастыря, признаетъ справедливымъ немедленно возвратить ее въ Дивѣевскую обитель.

II. Относительно внутренняго состоянія Дивѣевскаго монастыря и способовъ къ его умиротворенію.

Изъ соображенія представленія преосвященнаго Нижегородскаго Нектарія отъ 2-го іюня 1861-го года за № 4454-мъ о поступленіи Гликеріи Занятовой въ монашество и посвященіи въ игуменіи, равно имѣющихся при дѣлѣ: рапорта преосвященному Нектарію протоіерея Свѣтовидова отъ 31-го мая за № 27 и просительнаго письма на имя преосвященнаго Нектарія послушницы Глафиры Семеновой Маккавѣевой а также собранныхъ слѣдователями на мѣстѣ свѣдѣній и документовъ, Святѣйшій Сνнодъ съ прискорбіемъ усматриваетъ, что между сестрами Дивѣевскаго монастыря, особая враждебная сохраненію въ обители мира, единодушія и порядка партія издавна уже образовавшаяся изъ непокорныхъ постановленному въ обители начальству сестеръ, которая была главнѣйшею причиною смутъ и не порядковъ, проявившихся нынѣ при переименованіи общины въ монастырь. Въ убѣжденіи этомъ утверждаетъ Святѣйшій Синодъ, между прочимъ, и то обстоятельство, что какъ сама Гликерія Занятова, возведенія которой въ настоятельницы домогалась враждебная начальницѣ Ушаковой и большинству приверженныхъ къ ней сестеръ сторона, такъ и равно и Глафира Семенова Маккавѣева, представившая преосвященному Нектарію 19-го мая просительное письмо о перемѣнѣ начальницы и избраніи въ настоятельницу Гликеріи Занятовой или Парасковьи Ерофѣевой и потомъ въ іюлѣ избиравшая вмѣстѣ съ послѣднею отъ сестеръ по келліямъ вынуждаемую подписку о желаніи имѣть настоятельницею Занятову, а также означенная Ерофѣева и нѣкоторыя другія сестры приверженныя къ партіи, домогавшейся избранія Занятовой въ настоятельницы, еще въ 1858-мъ году были представляемы начальницею Ладыженскою преосвященному Антонію какъ не повинующіеся начальницѣ, отъ которыхъ она уже не ожидала перемѣны къ лучшему. Приверженныя къ порядку сестры, а также и стороннія лица приписываютъ образованіе означенной партіи равно какъ

и послѣдния смуты дѣйствію іеромонаха, что нынѣ игуменъ Павло-Обнорскаго монастыря Вологодской епархіи Іоасафа, выдающаго себя за назначеннаго Саровскимъ старцемъ Серафимомъ попечителя Дивѣевской обители. Если принять въ соображеніе имѣющіяся въ дѣлѣ свѣденія о прежнихъ отношеніяхъ Іоасафа къ Дивѣевской общинѣ, а также тѣ обстоятельства, что Занятова, Маккавѣева, Ерофѣева и другія единомышленныя съ ними сестры принадлежатъ къ числу приверженныхъ къ Іоасафу, изъ коихъ съ Занятовою онъ имѣлъ и переписку, что въ октябрѣ 1860-го года въ письмѣ въ общину адресованномъ на имя Татіаны Семеновой Никифоровой, Іоасафъ окончательно устраненный отъ дѣлъ общины въ 1856-мъ году по распоряженію преосвященнаго Іеремiи выражалъ надежду на скорое измѣненіе обстоятельствъ, что въ послѣднее посѣщеніе свое Дивѣевской общины въ мартѣ 1861-го года онъ ходилъ по келліямъ приверженныхъ къ нему сестеръ, и въ бесѣдахъ съ ними по свидѣтельскимъ показаніямъ предсказывалъ скорое возвышеніе Занятовой и свое возвращеніе изъ Вологодской епархіи и объяснялъ планъ предполагаемаго имъ къ устройству при Дивѣевской обители особаго скита. То означенное показаніе о вредномъ вліяніи Іоасафа на послѣднія смуты въ Дивѣевскомъ монастырѣ принимаетъ видъ полной достовѣрности. Въ виду таковыхъ обстоятельствъ къ умиротворенію Дивѣевскаго монастыря представляются ближайшими и необходимыми мѣрами: во 1-хъ удаленіе изъ обители Гликеріи Занятовой Парасковьи Ерофѣевой, Глафиры Маккавѣевой, а также и другихъ враждующихъ сестеръ преимущественно же тѣхъ, которыя начальницею Ладыженскою были не одобряемы въ поведеніи по ближайшему усмотрѣнію Вашему, къ чему какъ видно изъ отношенія Вашего на имя первенствующаго члена Святѣйшаго Синода преосвященнаго митрополита Исидора' Вами уже и сдѣланы предварительныя распоряженія и во 2-хъ пресѣченія всякихъ дальнѣйшихъ сношеній игумена Іоасафа съ Дивѣевскимъ монастыремъ.

III. Относительно предполагаемаго устройства близъ Дивѣевскаго монастыря особаго скита.

Предположеніе объ устройствѣ этого скита, какъ видно по дѣлу, принадлежитъ собственно Игумену Іоасафу, но не чуждо и Нижегородскому епархіальному Начальству, которымъ сдѣланы уже нѣкоторыя предварительныя распоряженія, а именно въ мартѣ 1861-го года былъ командированъ въ Дивѣевскій монастырь экономъ Нижегородскаго Архіерейскаго дома іеромонахъ Ѳеодосій для осмотра мѣста подъ устройство скита и для собранія свѣденій относительно способовъ пріобрѣтенія для него строительныхъ матеріаловъ. Между тѣмъ изъ собраныхъ слѣдователями свѣдѣній видно, что по обстоятельствамъ Дивѣевской обители, устройство этого скита благомыслящія и опытныя въ духовной жизни лица вообще признаютъ не полезнымъ. Если сверхъ того принять въ соображеніе, что, Дивѣевскій монастырь еще не достигъ желаемаго благоустройства, такъ напримѣръ и до нынѣ тамъ не воздвигнутъ соборный храмъ предположенный еще при жизни старца Серафима, что самое мѣство предназначенное для устройства скита омрачено прискорбнымъ для Дивѣевскаго монастыря событіемъ, а именно дѣломъ послушницы Ѳоминой и что при нынѣшнемъ несогласіи между сестрами Дивѣевскаго монастыря и при выраженномъ Іоасафомъ во время послѣдняго посѣщенія имъ сей обители предназначеннаго скита для сестеръ своей партіи, устройство скита было бы равно значительно учрежденію двухъ смежныхъ враждующихъ между собою обителей: то слѣдуетъ придти къ полному убѣжденію въ томъ, что вообще исполненіе этого предположенія имѣло бы вредныя послѣдствія. Сверхъ того, въ православной Церкви, ни въ Россіи ни на Востокѣ вообще учрежденіе женскихъ скитовъ никогда не было допускаемо. Въ виду всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній Святѣйшій Сѵнодъ опредѣляетъ 1) признавъ избраніе Гликеріи Занятовой на должность настоятельницы Дивѣевскаго женскаго монастыря не дѣйствительнымъ и утвердивъ въ этомъ званіи настоятельницу

сей обители Елисавету Ушакову представить Вашему Преосвященству согласно изъявленному Ушаковою въ декабрѣ 1860 года, желанію принять иноческій образъ постричь ее въ монашество и возвести въ званіе игуменіи, 2) представить настоятельницѣ Ушаковой войдти чрезъ васъ съ представленіемъ о постриженіи въ монашество тѣхъ изъ сестеръ обители, которыхъ она по благонравію равно готовности къ исполненію послушаній признаетъ достойными принятія въ чинъ иноческій 3). Предписать Нижегородскому епархіальному начальству, чтобы не медленно сдѣлано было распоряженіе о возвращеніи старицы Устиньи Ивановой Кузнецовой изъ Ардатовскаго Покровскаго монастыря въ Дивѣевскій монастырь 4). Для умиротворенія сей послѣдней обители поручить Вашему Преосвященству нынѣ же удалить изъ нея Гликерію Занятову, Парасковью Ерофѣеву, и Глафиру Маккавѣеву, по истребованіи отъ первой изъ нихъ надлежащаго отчета въ денежномъ и вещественномъ имуществѣ монастыря за время управленія ея обителью и представить Вашему Преосвященству предположеніе свое относительно удаленія изъ обители также и другихъ посѣвающихъ раздоры сестеръ, особенно же тѣхъ изъ нихъ, которыя начальницею Ладыженскою были не одобрены въ поведеніи привести въ исполненіе. 5) По вредному вліянію на Дивѣевскій монастырь бывшаго духовника Нижегородскаго архіерейскаго дома, что нынѣ игуменъ Павло-Обнорскаго монастыря Іоасафа, воспретить сестрамъ Дивѣевскаго монастыря всякое съ нимъ сношеніе, возложивъ наблюденіе за исполненіемъ сего на настоятельницу Елисавету Ушакову. 6) Обязать игумена Іоасафа подпискою съ строгимъ внушеніемъ, что бы онъ оставилъ всякое вмѣшательство въ дѣла Дивѣевскаго монастыря и прекратилъ всякія сношенія съ сестрами сей обители, а какъ слѣдствіемъ по настоящему дѣлу обнаружено: что Іоасафу къ коему поступили пожертвованія въ пользу Дивѣевской общины, между прочимъ передано было чрезъ помѣщика Караулова однажды 20 тысячъ рублей а въ другой разъ 18 тысячъ рублей и кромѣ того изъ свѣденій извлеченныхъ слѣдователями изъ дѣлъ касавшихся Дивѣевской общины, видно что Іоасафъ во время

пребыванія въ этой обители вопреки канонамъ церкви проживалъ въ одномъ корпусѣ съ сестрами помѣстилъ на жительство близъ общины въ принадлежащей ей келіи своего зятя чиновника Муранова, обвинявшагося потомъ послушницею Ѳоминою, затѣмъ по удаленіи въ 1850-мъ году преосвященнымъ Іустиномъ, по требованію гражданскаго начальства изъ общины, самовольно принималъ къ себѣ на исповѣдь сестеръ общины пріѣзжавшихъ къ нему въ Печерскій монастырь за полтораста верстъ наконецъ и за внушеніемъ ему по распоряженію преосвященнаго Іереміи, въ 1856-мъ году, чтобы онъ прекратилъ свое участіе въ дѣлахъ общины, продолжалъ свои сношенія съ общиною: то поручить преосвященному Вологодскому: во 1-хъ истребовать отъ Іоасафа и представить въ Святѣйшій Сѵнодъ объясненіе: на какой именно предметъ обращены имъ означенныя деньги и былъ ли имъ въ свое время представленъ епархіальному начальству отчетъ въ ихъ употребленіи? а между тѣмъ, 2) учредить за Іоасафомъ бдительный надзоръ. 7) Дать знать Нижегородскому епархіальному начальству и Вашему Преосвященству, что предположенія относительно устройства близъ Дивѣевскаго монастыря особаго скита Святѣйшій Сѵнодъ не одобряетъ и не благословляетъ. 8) О вышеизложенномъ дать знать указами, для зависящихъ къ исполненію распоряженій. Преосвященнымъ Вологодскому, Нижегородскому и Тамбовскому, а для свѣденія и преосвященному митрополиту Московскому; при чемъ Вашему Преосвященству добавить, что Святѣйшій Сѵнодъ одобряя всѣ изложенныя въ отношеніи вашемъ на имя первенствующаго члена Сѵнода преосвященнаго митрополита Исидора отъ 11-го января распоряженія по Дивѣевскому монастырю предоставляетъ вамъ принимать всѣ клонящіяся къ водворенію внутренняго благоустройства въ Дивѣевской обители мѣры и вмѣстѣ съ тѣмъ поручаетъ вамъ во вниманіе къ объясняемому вами стѣснительному положенію сестеръ Дивѣевскаго монастыря въ своемъ содержаніи предписать строителю Саровской пустыни оказывать Дивѣевской обители вспоможеніе отпускомъ лѣса и другихъ потребностей, а въ случаѣ надобности и деньгами изъ

монастырскихъ суммъ до 600 рублей. Февраля 5-го дня 1862 г.

5-го марта 1862-го года прибылъ въ Серафимо-Дивѣевъ благочинный монастырей Тамбовской епархіи Черняева монастыря архимандритъ Германъ съ объявленіемъ нижеслѣдующаго, вызваннаго вышеизложеннымъ Сѵнодскимъ указомъ указа Тамбовской духовной консисторіи.

Копія.

№ 1975-й.

Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всеросійскаго изъ Тамбовской Духовной Консисторіи Благочинному монастырей Шацкаго Черняева Николаевскаго монастыря Архимандриту Герману. По Указу Его Императорскаго Величества Тамбовская Духовная Консисторія слушали Указъ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода отъ 5-го февраля сего 1862 года за № 305-мъ, послѣдовавшій на имя Его преосвященства Преосвященнѣйшаго Θеофана Епископа Тамбовскаго и Шацкаго, коимъ по дѣлу объ обстоятельствахъ избранія, въ маѣ мѣсяцѣ 1861 года настоятельницы для Дивѣевскаго общежительнаго женскаго монастыря и о внутреннемъ состояніи сей обители Святѣйшій Сѵнодъ между прочимъ опредѣлилъ: 1) Признавъ избраніе Гликеріи Занятовой на должность настоятельницы Дивѣевскаго женскаго монастыря недѣйствительнымъ и утвердивъ въ этомъ званіи Начальницу сей обители Елисавету Ушакову, предоставить Его преосвященству согласно изъявленному Ушаковою въ декабрѣ 1860 года желанію принять иноческій образъ, постричь ее въ монашество и возвести въ званіе игуменіи. 2) Предоставить настоятельницѣ Ушаковой войдти чрезъ Его преосвященство съ представленіемъ о постриженіи въ монашество тѣхъ изъ сестеръ обители, которыхъ она по благонравію, равно готовности и способности къ исполненію послушаній, признаетъ достойными принять въ чинъ иноческій. 3) Предписать нижегородскому Епархіальному Начальству, чтобы немедленно сдѣлано было распоряженіе о возвращеніи старицы Устиньи Иваново

Кузнецовой изъ Ардатовскаго Покровскаго монастыря въ Дивѣевскій монастырь. 4) Для умиротворенія сей послѣдній обители поручить его преосвященству нынѣ же удалить изъ нея Гликерію Занятову, Парасковью Ерофѣеву и Глафиру Маккавѣеву по истребованіи отъ первой изъ нихъ надлежащаго отчета, въ денежномъ и вещественномъ имуществѣ, монастыря за время управленія ея обителью и представить его преосвященству предположеніе свое относительно удаленія изъ обители также и другихъ посѣвающихъ раздоры сестеръ, особенно же тѣхъ изъ нихъ, которыя начальницею Ладыженскою были не одобрены въ поведеніи привести въ исполненіе. 5) По вредному вліянію на Дивѣевскій монастырь бывшаго духовника Нижегородскаго Архіерейскаго дома, что нынѣ игуменъ Павло-Обнорскаго монастыря Іосафа, воспретить сестрамъ Дивѣевскаго монастыря всякое съ нимъ сношеніе, возложивъ наблюденіе за исполненіемъ сего на настоятельницу Елисавету Ушакову. 6) Обязать игумена Іоасафа подпискою съ строгимъ внушеніемъ, чтобы онъ оставилъ всякое вмѣшательство въ дѣла Дивѣевскаго монастыря и прекратилъ всякія сношенія съ сестрами сей обители; а какъ слѣдствіемъ по настоящему дѣлу обнаружено: что Іоасафу, къ коему поступили пожертвованія въ пользу Дивѣевской общины, между прочимъ передано было чрезъ помѣщика Караулова однажды 20-ть тысячь рублей а въ другой разъ 18-ть тысячь рублей и кромѣ того, изъ свѣдѣній, извлеченныхъ слѣдователями изъ дѣлъ, касавшихся Дивѣевской Общины видно, что Іоасафъ во время пребыванія въ этой обители вопреки канонамъ Церкви, проживалъ въ одномъ корпусѣ съ сестрами, помѣстилъ на жительство близъ общины въ принадлежащей ей келіи своего зятя чиновника Муранова, обвинявшагося потомъ послушницею Ѳоминою; за тѣмъ, по удаленіи въ 1850-мъ году преосвященнымъ Іустиномъ по требованію гражданскаго начальства изъ общины, самовольно принималъ къ себѣ на исповѣдь сестеръ общины, пріѣзжавшихъ къ нему въ Печерскій монастырь за полтораста верстъ, наконецъ и за внушеніемъ ему, по распоряженію преосвященнаго Іереміи въ 1856 году, чтобы онъ

прекратилъ свое участіе въ дѣлахъ общины, продолжалъ свои сношенія съ общиною: то поручить преосвященному Вологодскому во 1-хъ, истребовать отъ Іоасафа и представить въ Святѣйшій Сѵнодъ объясненіе: на какой именно предметъ обращены имъ означенныя деньги и былъ ли имъ въ свое время представленъ Епархіальному начальству отчетъ въ ихъ употребленіи, и между тѣмъ во 2-хъ, учредить за Іоасафомъ бдительный надзоръ. 7) Дать знать Нижегородскому Епархіальному Начальству и Его преосвященству Ѳеофану, что предположенія относительно устройства близъ Дивѣевскаго монастыря особенно скита, Святѣйшій Сѵнодъ не одобряетъ и не благословляетъ. 8) О вышеизложенномъ дать знать указами для зависящихъ къ исполненію распоряженій преосвященнымъ Вологодскому, Нижегородскому и Тамбовскому, а для свѣдѣнія и Митрополиту Московскому; при чемъ преосвященному Тамбовскому добавить, что Святѣйшій Сѵнодъ, одобряя всѣ изложенныя въ отношеніи Его преосвященства на имя первенствующаго Члена Сѵнода преосвященнаго Митрополита Исидора отъ 11-го января распоряженія по Дивѣевскому монастырю, предоставляетъ Его преосвященству принимать всѣ клонящіяся къ водворенію внутренняго благоустройства въ Дивѣевской обители мѣры, и вмѣстѣ съ тѣмъ поручаетъ во вниманіе къ стѣснительному положенію сестеръ Дивѣевскаго монастыря въ своемъ содержаніи, предписать строителю Саровской пустыни оказывать Дивѣевской обители вспоможеніе отпускомъ лѣса и другихъ потребностей, а въ случаѣ надобности и деньгами изъ монастырскихъ суммъ до 600 рублей. Приказали и его преосвященство утвердилъ съ прописаніемъ вышеизложеннаго Указа Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода благочинному монастырей Шацкаго Черняева монастыря настоятелю Архимандриту Герману послать Указъ и велѣть ему о содержаніи онаго объявить какъ Настоятельницѣ Дивѣевскаго женскаго монастыря Елисаветѣ Ушаковой, такъ и всѣмъ сестрамъ того монастыря съ подпискою, затѣмъ а) предписать ему, же Архимандриту Герману, настоятельницу Елисавету Ушакову постричь въ монашество; а по совершеніи обряда постриженія объявить ей съ подпискою не-

медленно явиться къ Его преосвященству преосвященнѣйшему Ѳеофану епископу Тамбовскому, для посвященія ея Ушаковой въ санъ игумении Дивѣевскаго женскаго монастыря. б) Объявить ей же настоятельницѣ Ушаковой, чтобы она вошла съ представленіемъ къ Его преосвященству Ѳеофану епископу Тамбовскому о постриженіи въ монашество тѣхъ изъ сестеръ обители, которыхъ она по благонравію равно готовности и способности къ исполненію послушаній, признаетъ достойными принять въ чинъ иноческій. в) Бывшую временно начальницею того монастыря Гликерію Занятову, Парасковью Ерофѣеву и Глафиру Маккавѣеву нынѣ же удалить изъ Дивѣевскаго монастыря для умиротворенія сей обители, выдавъ имъ виды ихъ, но по истребованіи предварительно отъ Занятовой должнаго отчета въ денежномъ и вещественномъ имуществѣ монастыря за время управленія ее обителью; по принятіи же Ушаковою отъ нея Занятовой всего того денежнаго и монастырскаго имущества по описи съ роспискою въ присутствіи Его Архимандрита Германа донесть консисторіи. г) А какъ въ Дивѣевской обители находятся и доселѣ многія сестры, посѣвающія раздоръ, особенно тѣ изъ нихъ, которыя начальницею Ладыженскою были не одобрены въ поведеніи, то предписать самой настоятельницѣ Дивѣевскаго монастыря Елисаветѣ Ушаковой о тѣхъ изъ нихъ, которыя не могутъ быть болѣе терпимы въ монастырѣ безъ опасенія за спокойствіе обители донесть Его Преосвященсву репортомъ съ объясненіемъ, по какимъ документамъ и съ какого времени онѣ проживаютъ въ Дивѣевской обители и гдѣ хранятся о званіи ихъ нынѣ тѣ документы. д) Объявить всѣмъ сестрамъ, чтобы онѣ съ игуменомъ Іоасафомъ прекратили всякое письменное сношеніе, возложивъ наблюденіе сего на настоятельницу Ушакову и ж) настоятелю же Саровской пустыни іеромонаху Серафиму съ братіею особо отъ сего распоряженія послать и (посланъ) Указъ и велѣть имъ согласно опредѣленію Святѣйшаго Сѵнода, оказывать Дивѣевской обители вспоможеніе отпускомъ лѣса и другихъ потребностей, а въ случаѣ надобности и деньгами изъ мо-

настырскихъ суммъ до 600 рублей серебромъ. Февраля 19 дня 1862 года.

Во исполненіе указа, архимандритъ Германъ постригъ Елисавету Алексѣевну въ монашество.

Какъ сказано въ офиціальномъ описаніи монастыря хранящемся въ Нижегородской консисторіи:

„Горькія слезы тяжелой скорби, столь уже много лѣтъ всего натерпѣвшихся, преслѣдуемыхъ, гонимыхъ, по истиннѣ многострадальныхъ сиротъ Серафимо-Дивѣевскихъ, превратилось въ слезы радованія и благодаренія. По высылкѣ-же вслѣдствіе указовъ трехъ главно-возмущавшихъ лицъ, изъ крестьянъ дѣвицы Гликеріи Васильевой Занятовой, дѣвицы изъ мѣщанъ Прасковьи Павловой Ерофѣевой, еще самимъ старцемъ Серафимомъ лично называемой „Ивановою (и это не моя, а Иванова сестра!") и дѣвицы изъ дворянъ Глафиры Маккавѣевой, которыя пріютившись на разстояніи 40 верстъ въ имѣніи дочери генералъ-маіора Елисаветы Алексѣевны Копьевой, покровительствомъ преосвященнаго Нектарія и посылаемыми пожертвованіями чрезъ о. Іоасафа, открыли при г. Полетаевкѣ женскій монастырь,—упрочилось наконецъ столь давно желаемое спокойствіе Серафимо-Дивѣевскаго монастыря."

Сбылись и слова блаженнаго старца о. Серафима, сказанныя сестрѣ Матренѣ Петровой: „запомни, матушка, говорилъ онъ, у васъ на 12-й начальницѣ устроится монастырь!"

„Видала-ли ты, матушка, коноплю?" спросилъ о. Серафимъ сестру Варвару Ивановну. „Конопля вещь хорошая, преполезная конопля, матушка! Вотъ и у меня въ Дивѣевѣ-то дѣвушки, что конопля хорошая! А когда ее полятъ-то, радость моя, чтобъ лучшая была, посконь-то и выдергиваютъ, матушка! Вотъ и помни, у васъ тоже будетъ! Какъ пополятъ, да выдернутъ всю посконь-то, матушка, а конопля-то моя Дивѣевская и загустѣетъ еще болѣе, еще выше поднимется да краше зазеленѣетъ! Ты это помни; это я тебѣ говорю!"

ГЛАВА XXIX.

Посвященіе Е. А. Ушаковой въ санъ игумени, съ именемъ Маріи. Приведеніе обители въ порядокъ. Поѣздка игумени Маріи въ Москву. Представленіе митрополиту Филарету и въ Петербургъ. Постройка и освященіе Собора. Исцѣленія по молитвамъ матери Александры и о. Серафима. Памятникъ и келлія первоначальницы матери Александры. Кончины старицъ Прасковьи Степановны, Евдокіи Ефремовны и протоіерея о. Василія Садовскаго.

Въ 1862 году Елисавета Аексѣевна Ушакова была посвящена въ санъ игумени преосвященнымъ Өеафаномъ въ г. Тамбовѣ. И только къ 1864-му году она успѣла привести въ порядокъ внутреній бытъ сестеръ и обезпечить нѣсколько ихъ продовольствіе. Важно было увеличить запашку, для посѣвовъ, пріобрѣсти лѣсъ для построекъ и отопленія монастыря и наконецъ приступить къ постройкѣ собора, заложеннаго въ 1849-мъ и заброшеннаго о. Іоасафомъ. За неимѣніемъ вблизи кирпичныхъ заводовъ и матеріаловъ для постройки пришлось устроить заводъ на монастырской землѣ и вырабатывать свой кирпичъ. Надѣясь вытребовать отъ о. Іоасафа, полученныя имъ деньги болѣе 40 тысячъ на соборъ, игумения Марія поѣхала въ 1864 году въ Москву и Петербургъ. Въ Москвѣ она имѣла радость быть представленной приснопамятному митрополиту Филарету и поблагодарила его отъ имени Серафимовской обители за отеческое участіе во время смуты и слѣдствія. Въ письмахъ митрополита Филарета къ оберъ-прокурору Алексѣю Петровичу Ахматову, напечатанныхъ архіепископомъ Саввою (подъ № 47-мъ) говорится о игуменіи Маріи слѣдующее:

„Письмо сіе представитъ вашему превосходительству Дивѣевская игуменія Марія старица, по выраженію апостольскому, кроткаго и молчаливаго духа. Удостойте ее Вашего вниманія.

Она хочетъ искать помощи христолюбивыхъ для построенія храма, начатаго прежнимъ руководителемъ сего общества Іоасафомъ въ размѣрахъ не по силамъ обители. Говорятъ, что въ рукахъ Іоасафа были для сего немалыя средства: но въ его рукахъ и остались. Сомнительно, чтобы игуменія Марія получила въ семъ дѣлѣ довольный успѣхъ: потому что благорасположенные къ прежней Дивѣевской начальницѣ Гликеріи предубѣждены противъ ея преемницы, не зная истины происшествія. Истина же въ томъ, что добрая Гликерія управляема была не мирными сестрами: а добрая Марія сохраняла положеніе спокойное, страдательное и терпѣливое.

Игуменія говорила мнѣ, нельзя ли просить для ихъ храма пожалованныхъ Государынею Императрицею нѣсколькихъ тысячъ рублей на построеніе женскаго при Дивѣевѣ скита, предположеннаго, но не состоявшагося. Я отвѣчалъ ей что сего предмета едва ли можно коснуться; и что даръ Ея Величества вѣроятнѣе можетъ обратиться въ пользу монастыря, который предполагаетъ устроить Гликерія. Вы лучше можете знать, какъ разсуждать о семъ.

Поѣздка эта игуменіи Маріи конечно не увѣнчалась особеннымъ успѣхомъ. Однако съ 1865-го года началась постепенная постройка собора, безъ пожертвованій особыхъ капиталовъ, на малые средства. Какъ тогда, такъ и до сихъ поръ Дивѣевскій монастырь живетъ чудесами, ибо нельзя указать на крупныхъ жертвователей, на постоянныхъ благодѣтелей, но между тѣмъ обитель понемногу растетъ, украшается зданіями, увеличивается въ числѣ сестеръ и терпитъ только по временамъ большіе недостатки, въ особенности въ голодные года и при бывшихъ пожарахъ.

Въ теченіи десяти лѣтъ соборъ былъ снаружи окончен, такъ что преосвященный Іанникій освятилъ его, но внутренняя отдѣлка продолжалась еще многіе годы. Не мало являлось чудесъ въ этомъ строющемся соборѣ, о красотѣ котораго

столько предсказывалъ батюшка о. Серафимъ. Сестры обители и окрестные жители свидѣтельствовали, что по временамъ въ этомъ дивнымъ соборѣ, еще полномъ лѣсовъ, являлся необыкновенный свѣтъ въ вечернее или нощное время и такой, что многіе, перепуганые, прибѣгали изъ села спросить не горятъ-ли лѣса.

Преосвященный Іеремія нашелъ лучшимъ опредѣлить этотъ соборъ въ славу святой, живоначальной и животворящей Троицы, и отмѣнилъ первоначальное нареченіе его во имя иконы Умиленія Божіей Матери. Что на это дѣйствительно было изволеніе Божіе, подтвердилось впослѣдствіи особеннымъ знаменіемъ, а именно въ 1864-мъ году, при воздвиженіи креста вверху собора преосвященнымъ Ѳеодосіемъ, епископомъ Тамбовскимъ и Шацкимъ; во время этого торжества, во очію всѣхъ бывшихъ духовныхъ монашествующихъ, свѣтскихъ властей и міранъ, надъ крестомъ вились три бѣлые голубя, въ вышинѣ едва досягаемой для глаза, а ниже ихъ летали три журавля, описывавшіе равномѣрные круги, вокругъ водружаемаго креста, которые, по постановкѣ знаменія Христовой славы, вмѣстѣ съ голубями полетѣли на востокъ.

Затѣмъ въ 1874-мъ году, почти всю зиму, когда соборъ стоялъ наглухо заколоченнымъ, въ немъ постоянно слышалось какъ-бы непрекращающаяся работа, чему были свидѣтелями всѣ живущіе въ обители и близъ нея. Эта таинственная работа на многихъ наводила страхъ и наконецъ объяснилась тѣмъ, что въ 1875-мъ году преосвященный Іоанникій рѣшилъ, неожиданно для монастыря освятить давно ожидаемый соборъ съ тремя лишь необходимыми иконами. День освященія совпалъ съ тѣмъ самымъ днемъ, въ который совершалось празднаваніе иконы Умиленія Божіей Матери, 28-го іюля.

Съ 1875-го года, за исключеніемъ зимы, стали непрерывно совершаться службы и одновременно соборъ началъ украшаться удивительною живописію, собственной монастырской работы, нигдѣ не встрѣчаемой въ другихъ обителяхъ по всей Россіи. По молитвамъ о. Серафима, Господь послалъ въ Дивѣевскую обитель нѣсколько сестеръ, одарен-

ныхъ талантомъ живописи, между которыми въ особенности отличалось и по нынѣ стоитъ во главѣ живописнаго послушанія, мать Серафима. Ея кисть чрезвычайно нѣжна, даетъ настоящій свѣтъ и выраженіе ликамъ святыхъ, праведниковъ и можетъ быть всегда отличена отъ встрѣчаемыхъ другихъ живописныхъ иконъ. Вообще художество Дивѣевскаго монастыря поражаетъ своими достоинствами, вкусомъ, обдуманностію и выдержанностію. При украшеніи собора весьма много потрудилась казначея монастыря мать Елена Николаевна Аненкова.

Главный престолъ собора Пресвятыя Троицы освященъ, какъ упомянуто въ 1875-мъ году 28-го іюля высокопреосвященнымъ Іоанникіемъ. Правый придѣлъ во имя иконы Умиленія Божіей Матери, освященъ былъ въ 1880-мъ году 2-го іюня преосвященнымъ Макаріемъ, лѣвый оставленъ не освященнымъ, въ ожиданіи открытія мощей батюшки отца Серафима. Наверху, на хорахъ съ правой стороны придѣлъ во имя Владимірско-Оранской Божіей Матери воздвигнутъ былъ усердіемъ Анатолія Дмитріевича Нарышкина о упокоеніи его матери Наталіи. Престолъ его освященъ въ 1884-мъ году 3-го іюня преосвященнымъ Макаріемъ и на другой день 4-го іюня освященъ владыкой и лѣвый придѣлъ во Имя Обрѣтенія главы Предтечи и Крестителя Іоанна.

Духовная сторона обители снова стала процвѣтать съ водвореніемъ въ ней тишины и порядка. Заявленія о исцѣленіяхъ на могилѣ первоначальницы матери Александры, по молитвамъ къ батюшкѣ Серафиму, отъ вещей великаго старца, даже отъ портрета его, а также отъ воды съ источника и отъ травки Дивѣевской канавки, продолжали поступать къ игуменіи Маріи.

Такъ въ 1861 году сельскій священникъ Вятской губерніи Гавріилъ Галицкій письменно засвидѣтельствовалъ слѣдующее:

„Въ 1861 году, въ августѣ мѣсяцѣ, я вслѣдствіе простуды, а всего болѣе вслѣдствіе грѣховъ моихъ, былъ пораженъ тяжкою тифозною горячкою. Живя въ уѣздномъ городѣ у своего двоюроднаго брата чиновника земскаго суда, я лѣчился, но отъ лѣкарствъ мнѣ нисколько не было легче.

Часъ отъ часу болѣзнь моя становилась сильнѣе, такъ что я отчаялся въ своемъ выздоровленіи; нельзя было мнѣ вслѣдствіе рвоты принимать никакого лѣкарства. Въ одну изъ безсонныхъ ночей я сталъ прощаться съ своей женой, потому что чувствовалъ приближеніе своей смерти, но жена напомнила мнѣ, о необходимости очистить свою совѣсть покаяніемъ и пріобщиться св. Таинъ. Мучимый уныніемъ и тоской, я велѣлъ пока (было 12 часовъ ночи) дать себѣ какую либо книгу, въ надеждѣ, что отъ чтенія пройдетъ скука. Жена подала мнѣ житіе пустынника Саровскаго іеромонаха Серафима. Почитавъ эту книгу, я тотчасъ-же рѣшилъ исповѣдываться и послалъ за мѣстнымъ протоіереемъ. Дня черезъ четыре послѣ причащенія я отправился въ г. Вятку для лѣченія, куда прибылъ въ 8 часовъ вечера. Это было въ первыхъ числахъ сентября мѣсяца. Утромъ, на другой день въ 7 ч. приходитъ на мою квартиру старушка и предлагаетъ мнѣ купить портретъ о. Серафима Саровскаго. Я взялъ у нее два портрета. Уходя отъ меня старушка сказала мнѣ: „батюшка, когда придетъ время, не забудь Агафіи!“ Считая оба эти случая за указаніе Божіе, я обратился съ молитвою къ угоднику Божію Серафиму и далъ обѣщаніе побывать въ Саровской пустыни и отслужить панихиду на могилѣ о. Серафима. Съ тѣхъ поръ мнѣ стало легче и чрезъ недѣлю лѣкарь позволилъ даже выѣхать въ городъ. Но затѣмъ я сталъ раскаяваться въ данномъ обѣщаніи и болѣзнь моя снова усилилась, такъ что приглашенные врачи отказались лѣчить. Послѣдній изъ нихъ, операторъ Ф. сказалъ мнѣ: „батюшка, ѣздить къ тебѣ я буду, но вылѣчить тебя не даю слова; ищите врача духовнаго.“ Тогда я снова далъ твердое обѣщаніе непремѣнно быть въ Саровской пустыни. И дѣйствительно, я молитвами преподобнаго о. Серафима исцѣлился отъ болѣзни и здоровъ до настоящаго времени. Будучи въ Саровской пустынѣ, я купилъ книгу житіе старца Серафима, изданіе 1863 года и читая оную узналъ, что первая настоятельница Дивѣевской обители была Агафія. Тогда я вспомнилъ послѣднія слова старушки, у которой я купилъ портреты о. Серафима и сталъ молиться

за нее Господу, понимая, что она, матушка, близка къ Господу."

По просьбѣ Феодота Никитича Сергѣева, священникъ Дивѣевскаго монастыря П. В. Яхонтовъ въ присутствіи игумени Маріи и многихъ другихъ лицъ записалъ за нимъ въ 1884-мъ году 26 мая слѣдующее:

„Я отставной поручикъ морской службы Ф. Н. Сергѣевъ получилъ исцѣленіе отъ первоначальницы матери Александры такимъ образомъ: 21-го декабря 1879 года со мною сдѣлался сильный ударъ, такъ что я пришелъ въ совершенно безсознательное состояніе, былъ безъ движенія и памяти. Призванный и меня пользовавшій докторъ г. Сердобска Александръ Николаевичъ Черногубовъ прямо объявилъ моимъ домашнимъ, что моей жизни осталось всего часа на два. Жена постаралась, по возможности, приготовить меня къ переходу въ иную, лучшую жизнь, но послѣ причастія Св. Христовыхъ Таинъ вдругъ совершенно сознательно представилось мнѣ, что я нахожусь въ Саровѣ, гдѣ никогда не бывалъ прежде, и обходя св. ворота и церкви кладу вездѣ по три земныхъ поклона. Дойдя до келліи о. Серафима и не видя никого въ ней,—я приложился къ его портрету, поклонился трижды въ землю и пошелъ на его источникъ. Приблизясь къ источнику, увидѣлъ я живаго батюшку Серафима наклоненнымъ надъ нимъ и глядѣвшимъ въ воду. Ходилъ я за батюшкой кругомъ источника и на каждой сторонѣ сруба дѣлалъ по три поклона, а затѣмъ о. Серафимъ ушелъ по направленію къ ближней пустынькѣ. Огорченный мыслію, что недостоинъ исцѣленія, я выпилъ немного воды изъ источника и пошелъ по тому-же направленію. Немного пройдя вижу я о. Серафима стоящимъ на камнѣ, молящагося съ воздѣтыми къ небу руками. Немного вдали отъ него стояли молчальникъ Маркъ и іеродіаконъ Александръ, какъ бы поджидающіе его. И вотъ іеродіаконъ Александръ говоритъ Марку: „пойдемъ о. Марко, старецъ то какъ видно промолится долго! Ушли они оба, а я, прождавъ еще довольно времени, подумалъ, что я совершенно недостоинъ по моимъ грѣхамъ получить его благословеніе и хотѣлъ было уже уйти, какъ вдругъ явственно

услышалъ говорящій мнѣ голосъ о. Серафима: „ты еще будешь въ Саровѣ, а теперь ступай скорѣе въ Дивѣево къ матери Александрѣ, она тебя исцѣлитъ!“ Торопливо возвратясь въ гостинницу, я сказалъ завѣдующему монаху: „о. Николай, пусть вещи мои остаются, здѣсь у тебя, а я иду въ Дивѣево! Тутъ-же будто я пришелъ въ Серафимо-Дивѣевскій монастырь и поспѣшно спросилъ старшую въ гостинницѣ, отошла-ли обѣдня? На ея вопросъ: что вамъ надо? — я отвѣчалъ прямо, что мнѣ нужно отслужить панихиду на могилѣ матери Александры и она меня исцѣлитъ! Придя на могилу ея и положивъ три земные поклона образу на памятникѣ, въ видѣ кирпичнаго столба, внутри котораго предъ иконою теплилась лампада, я увидѣлъ, что половина могилы обрушилась съ боку и отстала гробовая доска, сама мать Александра предстала предо мною, но безъ тѣла, а одинъ лишь совершенно цѣльный скелетъ ея, кости котораго походили на самый чистый янтарь, а изъ черепа струились три тока св. мѵра: одинъ по серединѣ лба, два другіе по бокамъ изъ глазныхъ впадинъ. Увидавъ все это, я воскликнулъ: „матушка Александра я болѣю, дозволь мнѣ грѣшнику помазаться мѵромъ твоимъ!“ При этомъ я взялъ немного мѵра пальцемъ и крестообразно помазалъ имъ свое чело, произнося: „во имя Отца, Сына и Св. Духа!“ Мѵро потекло съ чела моего по лицу и отъ чувства щекотанія, я очнулся. Тогда я всталъ самъ безъ помощи съ постели моей и къ удивленію всѣхъ домашнихъ пришелъ къ нимъ въ другую комнату. „Какъ мнѣ хорошо и легко стало!“ сказалъ я, „сейчасъ былъ въ Саровѣ, старецъ Серафимъ послалъ меня въ Дивѣевъ къ матери Александрѣ и вотъ тамъ она меня совсѣмъ исцѣлила!“ А пришедшему меня соборовать и глядѣвшему на меня въ изумленіи священнику, я сказалъ: „къ чему же мнѣ собороваться?“ Вы видите, я и такъ совершенно здоровъ!“ Но по совѣту священника я пособоровался и былъ такъ крѣпокъ, что во время соборованія стоялъ на ногахъ и самъ пѣлъ. Понятно, что докторъ уже былъ мнѣ не нуженъ и я совсѣмъ отказалъ ему. Давъ тутъ-же обѣщаніе сходить въ Саровъ и Дивѣевъ, я по причинѣ разныхъ обстоятельствъ, все откладывалъ и въ декабрѣ мѣсяцѣ 1884

года повторился со мною слабый ударъ. Но при немедленномъ уже рѣшеніи моемъ, во чтобы то ни стало отправиться по веснѣ въ Саровъ и Дивѣевъ, я тутъ же, безъ всякой медицинской помощи совершенно поправился. Вотъ почему нынѣ вы видите меня и передаю вамъ, произошедшее со мною чудесное исцѣленіе во всеобщую извѣстность.“

По невозможности воздвигнуть на могилѣ матери Александры памятникъ, съ давнихъ временъ находилась сложенная изъ обыкновеннаго кирпича гробница, наполовину обрушившаяся. Въ 1869-мъ году нашелся было и жертвователь, чтобы построить памятникъ-часовню на могилѣ первоначальницы, но видно то было ей не угодно. Въ виду того, что земля и кладбище приходскія, игуменія Марія должна была просить на то дозволеніе у мѣстнаго благочиннаго, священника села Кременокъ, который, на отношеніе ея отвѣтилъ отказомъ. Въ 1871-мъ году другой благочинный далъ полное разрѣшеніе и поэтому игуменія Марія построила сама, на подобіе часовни, маленькій кирпичный памятникъ.

Келія матушки Александры, впервые поставленная при церкви Казанской Божіей Матери, въ которой она жила и скончалась,—дабы сохранить ее на вѣки, была покрыта въ 1886 году деревяннымъ, на подобіе футляра двухъ этажнымъ корпусомъ. Въ ней теперь сосредоточили всѣ сохранившіяся вещи первоначальницы, какъ то явленная ей икона первомученика архидіакона Стефана, живописная икона Похвалы Божіей Матери, копія съ иконы Казанской Богоматери, живописный портретъ Саровскаго старца игумена Назарія, которому матушка Александра каждодневно и при всякомъ дѣлѣ кланялась, какъ-бы прося его мысленно на все благословеніе, фарфоровая бѣлая съ розами лампада, деревянный столъ ея, самый первый живописный портретъ матери Александры, сходство съ которымъ удостовѣряла ее послушница и сподвижница Евдокія Мартыновна и еще ея портретъ, скопированный Дивѣевскими монашенками, замѣчательный тѣмъ, что какъ сестры и обители, такъ и посторонніе лица видѣли какъ онъ по временамъ какъ бы оживаетъ, мѣняется цвѣтомъ лица, улыбается, глаза блестятъ или наоборотъ дѣлается суровымъ, грознымъ и тускнѣетъ. Это портретъ, по

бывшимъ при немъ исцѣленіямъ,—считается въ обители чудотворнымъ.

Не разъ творились чудеса и исцѣленія на могилѣ Елены Васильевны Мантуровой. Въ обители записаны эти случаи.

Анна Петровна Муратова, проживавшая въ Темниковскомъ уѣздѣ передала обители, слышанное ею отъ Маріи Николаевны Кадыковой, также проживавшей въ г. Темниковѣ о томъ, что въ 1869-мъ году пріѣзжала къ ней родственница изъ Тамбова и увидавъ гравированный портретъ батюшки Серафима просила достать ей подобный въ виду того, что она имѣла большую вѣру къ этому угоднику Божію. Г-жа Кадыкова обѣщала ей прислать, но затѣмъ вздумала подарить тотъ самый, который она чтила какъ священное изображеніе. Когда она сняла портретъ со стѣны и начала укладывать его въ ящикъ, то почувствовала ужасную боль въ рукѣ и потому поспѣшила упаковать его. Боль усилилась и когда посылку отправили на почту, то съ этой минуты болѣзнь сдѣлалась нестерпимою. Разныя пособія, мази и тому подобное не помогали; больная лишилась пищи и сна. Спустя нѣкоторое время она ночью задремала и видитъ въ тонкомъ снѣ, что къ ней подходитъ угодникъ Божій о. Серафимъ и говоритъ: „ты имѣешь вѣру къ портрету моему и не пожалѣла отдать меня; вотъ за это ты и наказана!“ Послѣ этого, больная сейчасъ пробудилась, ощутила нѣкоторое облегченіе и попросила немедленно написать въ Тамбовъ къ родственницѣ, чтобы какъ возможно скорѣе былъ ей возвращенъ портретъ батюшки Серафима. Съ первою почтою онъ былъ полученъ и лишь г-жа Кадыкова коснулась ящика, еще не раскрывая его, вдругъ стрѣльба и ломота прекратились.“

Въ 1864-мъ году въ мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ, я былъ боленъ 40 дней, пишетъ губернскій секретарь Алексѣй Николаевичъ Алышевъ, и лежалъ въ постели. Однажды ночью во снѣ пришелъ ко мнѣ старецъ о. Серафимъ, приложилъ руку къ моей спинѣ, такъ что я это чувствовалъ и тутъ же я проснулся. Съ этого дня я выздоровѣлъ и началъ ходить.“

Изъ Ставрополя написали въ Серафимо-Дивѣевскую обитель, что одна дѣвица очень болѣла глазами, такъ что

мать ея боялась, чтобы она не потеряла зрѣніе. Увидавъ у знакомой своей камешекъ батюшки Серафима, мать ея стала просить дать ей его на время съ тѣмъ, чтобы обливать камешекъ водою и примачивать глаза дочери, ибо медицинскія средства не помогали. Чрезъ недѣлю дѣвица не только выздоровѣла, но и могла работать. Вскорѣ послѣ этого заболѣлъ ребенокъ у ихъ родственницы; докторъ лечилъ, но безполезно. Тогда мать излеченной дѣвицы пошла домой и принесла воды отъ камешка о. Серафима, умыла ребенка и напоила его. Ребенокъ успокоился, заснулъ, а мать его увидала сонъ, что какой-то старецъ пришелъ къ ней и сказалъ: „сынъ твой исцѣленъ, но не отъ лекарства, а отъ воды, которою умыла его твоя родственница!“ На другой день ребенокъ былъ совершенно здоровъ.

1-го октября 1869-го года пріѣхала въ Дивѣевскій монастырь изъ Москвы, нѣкая Марія Ѳеодоровна Прудникова, на утро отслужила заупокойную обѣдню, панихиду по батюшкѣ о. Серафимѣ и молебенъ Царицѣ Небесной. Исполнивши это, она разсказала, что ея родственница, молодая женщина, А. И. У., живущая въ Москвѣ, поручила ей съѣздить въ Дивѣевскую обитель и помолиться по случаю исцѣленія шестимѣсячнаго ея сына отъ жестокихъ припадковъ. Врачи лечили, но не могли помочь и вотъ одна знакомая ея, встрѣтившись съ нею въ часовнѣ Иверской Божіей Матери, повела ее къ себѣ въ домъ, гдѣ несчастная эта женщина и увидала портретъ о. Серафима, о которомъ она не имѣла понятія. Знакомая посовѣтывала ей взять съ собой портретъ батюшки о. Серафима и положить его съ вѣрою на умирающаго ребенка. Дѣйствительно, какъ только она поставила портретъ въ кроватку сына, малютка затихъ и уснулъ. Двое сутокъ спалъ ребенокъ и врачи не могли понять, что съ нимъ дѣлается. Проснувшись, онъ оказался совершенно здоровымъ. Съ тѣхъ поръ портретъ о. Серафима мать держала всегда близъ исцѣлившагося сына, такъ что даже во время прогулки портретъ брался съ собой. Цѣлый годъ онъ былъ здоровъ, но лѣтомъ при переѣздѣ на дачу, въ первый же день съ ребенкомъ сдѣлался ужасный припадокъ. Тогда няня созналась, что она забыла

портретикъ въ Москвѣ. Во время этого припадка ребенокъ ударился головою объ ящикъ, выдвинутый изъ стола и вдругъ перестал метаться и кричать, даже заснулъ. Удивленная мать бросилась къ ящику и увидала лежащую въ немъ книгу съ жизнеописаніемъ батюшки о. Серафима, при которомъ былъ приложенъ гравированный портретъ его. Столъ принадлежалъ хозяйкѣ дома и ребенокъ съ того дня совершенно исцѣлился.

П. И. Архиповъ писалъ изъ Москвы 7-го октября 1869-го года: „приношу мою искреннюю благодарность за присылку женѣ моей Маріи Николаевнѣ образа на финифтѣ, съ изображеніемъ Богоматери и о. Серафима, молящагося предъ нею. Образъ этотъ врученъ былъ во время тяжкой болѣзни утромъ пришедшею монахинею. Жена моя за нѣсколько передъ симъ видѣла во снѣ, или даже на яву, ибо она была въ безпамятствѣ, что о. Серафимъ хлопоталъ и заботился около нея, обливая ее теплою водою; когда же она опомнилась, то вся была въ поту. Тутъ ей дали, присланный вами образъ, и съ сей минуты она начала выздоравливать, тогда какъ злая горячка, вмѣстѣ съ пузырчатою рожою, совершенно свели ее было въ могилу. Я и каждый изъ членовъ моего семейства свидѣтельствуютъ вамъ и передъ всею обителью вашею, что молитвы преподобнаго о. Серафима, созидавшаго сиротскую обитель, велика предъ Господомъ. Много, много было съ нами чудныхъ случаевъ, увѣрившихъ насъ въ его предъ Богомъ заступленіи.“

19-го октября 1869-го года пріѣхалъ въ Дивѣевскій монастырь Петръ Ивановичъ Ефремовъ изъ г. Краснослободска служить панихиду по отцѣ Серафимѣ. Онъ разсказалъ, что четыре года тому назадъ, будучи въ Дивѣевѣ, онъ получилъ исцѣленіе больной ноги, на которой сдѣлалась отъ ушиба неизлѣчимая рана и изъ нея постоянно текла кровь. Три врача пользовали больнаго, но безуспѣшно; цѣлый годъ онъ былъ безъ ноги. При жизни батюшки Серафима Ефремовъ бывалъ у него и пользовался его наставленіями. Однажды, во время сильнаго приступа боли П. И. Ефремовъ обѣщался побывать въ Дивѣевѣ и отслужить панихиду; послѣ этого онъ сейчасъ же почувствовалъ себя

лучше, началъ съ небольшимъ трудомъ вставать съ постели, а когда пріѣхалъ въ обитель отслужилъ панихиду, приложился къ одеждѣ батюшки Серафима, то исцѣлился и рана на ногѣ закрылась и совершенно зажила.

Марія Григорьевна Сабурова писала въ обитель:

„Во Имя Отца и Сына и Св. Духа, Аминь. Я удостоилась во время сильной тифозной горячки видѣть угодника Божія о. Серафима въ видѣніи: будто-бы я пришла въ Саровскую пустынь и старецъ о. Серафимъ послалъ меня въ Дивѣевскую обитель и когда въ видѣніи представилось пустынь въ ней, недоконченный храмъ, а на воздухѣ надъ храмомъ я увидѣла икону Божіей Матери, св. отецъ Серафимъ сказалъ мнѣ отъ имени Царицы Небесной, что я буду жива, что болѣзнь моя не къ смерти. Я въ это время молилась со слезами Царицѣ Небесной. Старецъ еще сказалъ: и нынче у васъ траура не будетъ, а въ будущемъ 1869-мъ году будетъ трауръ.“ Это видѣніе тутъ-же, не пришедши еще въ сознаніе, я разсказала всѣмъ присутствующимъ, а опамятовавшись опять повторила видѣніе. Все, что я видѣла, исполнилось и трауръ въ нашемъ семействѣ случился неожиданный чрезъ 10 мѣсяцевъ. Братъ моего мужа, молодой человѣкъ, камергеръ Николай Дмитріевичъ Сабуровъ, умеръ заграницей. Въ видѣнномъ мною подписываюсь: Марія Григорьевна Сабурова. Свидѣтельницами при этомъ видѣніи были: Александра Михайловна Языкова, Т. С. Узнанская, а также и я, Варвара Григорьевна Языкова.“

Анна Семеновна Рубцова писала въ Саровскую пустынь изъ г. Вильно 26-го іюня 1874-го года:

„Дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ, Богъ Израилевъ! И мнѣ недостойной грѣшницѣ явилъ милость свою, чрезъ великаго угодника Своего, пустынножителя Саровскаго, Іеромонаха Серафима. Да пройдетъ слава Его отъ края до края земли Русской!. Здѣсь на границѣ Россіи съ Польшей я пою ему панихиды со слезами сердечной благодарности, и васъ прошу ваше высокопреподобіе передать мою нижайшую просьбу кому либо изъ іеромонаховъ отслужить панихиду на гробѣ о. Серафима и благодарственный молебенъ Богоматери „Всѣхъ скорбящихъ“, на что прилагаю 2 рубля,

а остальные 8 рублей покорнѣйше прошу передать въ Дивѣевскую обитель, въ ту церковь, гдѣ угодникъ Божій завѣщалъ горѣть неугасимо предъ Спасителемъ и Богоматерью свѣчамъ и елею. Не осудите за скудость моего приложенія, не знаю и это дойдетъ ли до мѣста назначенія, потому что адреса не имѣю, а посылаю на угадъ, поручая благословенію о. Серафима. Простите дерзость, что осмѣливаюсь утруждать ваше высокопреподобіе, но безконечно бы обязали меня, приказавъ послушнику написать мнѣ два слова, что деньги дошли по назначенію; можетъ быть еще когда на свѣчи или просфору Господь удостоилъ бы меня прислать. Теперь не поставьте себѣ въ трудъ выслушать меня, какъ я узнала, живя за нѣсколько тысячъ верстъ, что пустынь святая ваша обладаетъ такимъ сокровищемъ. Бывая ребенкомъ въ монастырѣ у тетки моей я видала картину, писанную на полотнѣ маслянами красками чудной работы: „Кончина іеромонаха Серафима“ и тетка мнѣ много разсказывала о его высокой жизни и его неисповѣдимыхъ трудахъ. Прошли десятки лѣтъ, мужъ мой былъ назначенъ вице-губернаторомъ въ Ковно, на самую границу Польши и тутъ не знаю почему мнѣ стало часто приходить въ голову эта картина, а прежде я о ней никогда не думала. Спустя годъ, моего мужа перевели въ Вильно директоромъ канцеляріи Сѣверо-западнаго края, гдѣ мы теперь находимся. По пріѣздѣ въ Вильно я сдѣлалась тяжко больна и прохворала почти 4 года разными болѣзнями; наконецъ разболѣлся у меня носъ, такъ что въ лѣвой ноздрѣ сдѣлалась сильная опухоль и краснота. Восемь мѣсяцевъ лѣчили меня разные врачи, но ничего не помогли. Одни говорили, что полипъ, другіе — грозили еще болѣе серьезной болѣзней; наконецъ рѣшили дѣлать операцію весной, если наростъ не уступитъ лѣченію. Операція же для меня была очень опасна вслѣдствіе моего малокровія. Однажды, поплакавъ до сыта, ложусь спать и вижу во снѣ эту картину; такъ живо она осталась въ памяти, сейчасъ-бы могла нарисовать этого блѣднаго какъ воскъ старца съ сѣдыми волосами, стоящаго на колѣняхъ со сложенными на груди руками въ бѣломъ балахончикѣ и четками, съ опущенными глазами,

какъ-бы въ умной молитвѣ, совсѣмъ не похожаго на мертвеца. Смотря на него такъ и хочется сказать: „тише, не мѣшайте, онъ молится!“ Такъ эта картина охватила мнѣ мою душу, что долго не хотѣлось вставать; я все закрывала глаза и наслаждалась ею, сердечно сожалѣя, что ее теперь нельзя достать; неизвѣстно кому она досталась послѣ смерти тетки. Въ этотъ-же день (было воскресенье), я послала къ здѣшней игуменіи Флавіанѣ просить книгъ для чтенія и можете Вы представить мое удивленіе и радость: она присылаетъ мнѣ житіе іеромонаха Серафима съ шестью картинами, между которыми была его пустынка съ колодцемъ. Прочтя всѣ исцѣленія и явленія, какъ при жизни, такъ и по смерти, я приложила эту картинку къ лицу своему и заплакала, говоря: „счастливая эта крестьянка, она видѣла тебя, угодникъ Божій и чрезъ Твои молитвы и благословеніе получила исцѣленіе изъ этого источника, а я не могу никогда сдѣлать этого, будучи такъ далеко отъ святаго мѣста сего!“ Больная моя ноздря прижалась къ самому желобку книги и къ моему удивленію изъ нея показалась кровь. Затѣмъ, мнѣ какъ-бы стало чуть-чуть свободнѣе дышать; на другой день я опять повторила тоже и опять кровь пошла. Каждый разъ какъ я прикладывала книгу или картинку къ лицу,—показывалась изъ носа кровь, а потомъ опадала опухоль. Носъ мой пришелъ въ надлежащій порядокъ и вотъ, слава Бога, Который любя праведныхъ и милуя грѣшныхъ, помиловалъ и меня за заслуги преподобнаго Своего, я поспѣшила въ храмъ показаться Іереови и засвидѣтельствовать, что сотворилъ Господь. Ему-же слава и честь и слава во вѣки. Аминь.“

Стефанида Федоровна Казакова, крестьянка села Дубрава Тамбовской губ., 49 лѣтъ, послѣ горячки въ молодыхъ годахъ совершенно не владѣла правой рукой. 14-го іюля 1873 года, на пути въ Серафимо-Дивѣевскій монастырь, она въ 7 верстахъ легла отдохнуть и, заснувъ, услыхала, что кто-то дернулъ ее за больную руку, понуждая продолжать путь, отчего проснувшись она почувствовала, что въ парализованной рукѣ сталъ биться живчикъ. Прійдя въ Дивѣево, къ пустынкѣ о. Серафима, гдѣ читается не-

угасимая псалтирь, она приложилась къ иконамъ и тихонько положила больную свою руку на камень, на которомъ подвизался старецъ и вдругъ почувствовала во всемъ тѣлѣ жаръ, а въ больной рукѣ мурашки. Когда стали давать ей сухарики и приказали перекреститься, въ невѣдѣніи, что не владѣетъ рукой, то она начала сгибать руку и закричала отъ радости, что исцѣлилась. Монахиня, раздающая сухарики, старица Прасковья Пантелѣевна, велѣла ей подольше держать больную руку на камнѣ и она, просидѣвъ со слезами и молитвой нѣкоторое время, получила по своей вѣрѣ совершенное исцѣленіе."

Солдатка Ольга Ивановна Сизова, Рязанской губ. и уѣзда, села Мармина была мучима нечистымъ духомъ 11 лѣтъ.—Получивъ нѣкоторое облегченіе отъ иконы Божіей Матери Троеручицы въ концѣ 1864 года, она стала выкрикивать: „кромѣ Серафима никто меня не изгонитъ!" Въ томъ-же году на святкахъ, заѣхали къ ней, посланные по сбору Дивѣевскіе сестры—Агафья Илларіонова съ другими, которые ей дали просфору и кусочекъ дерева отъ пустынки батюшки Серафима, послѣ чего она стала еще болѣе мучуться, а вмѣстѣ съ тѣмъ пожелала непремѣнно побывать у о. Серафима. 5-го мая 1865-го года пріидя въ Саровскую пустынь, она была въ пещерахъ и услыхала въ одной изъ нихъ отъ проводника монаха, что тутъ часто бывалъ о. Серафимъ; отъ этихъ словъ ей уже сдѣлалось нехорошо, а когда начали служить панихиду на могилѣ старца Серафима она упала и лежала нѣсколько минутъ безъ памяти. Къ вечеру, достигнувъ съ трудомъ Дивѣева, она пришла въ батюшкину пустынку въ Преображенскую церковь, гдѣ приложившись къ одеждѣ старца, была накрыта Его эпитрахилію и три часа пролежала замертво. Съ тѣхъ поръ она совершенно исцѣлилась.

Крестьянинъ князя Енгалычева, Тамбовской губ. Темниковскаго уѣзда, села Токмакова Тимофей Степановъ 24 лѣтъ отъ роду, не владѣлъ правой рукой отъ рожденія. 24-го іюня 1873 года онъ пришелъ въ Серафимо-Дивѣевскій монастырь и въ пустынкѣ о. Серафима въ кладбищенской церкви, прикладываясь къ одеждѣ старца, надѣлъ на

больную руку—рукавицу батюшки Серафима и тотчасъ почувствовалъ сильный жаръ, вслѣдствіе чего закричалъ: „Преподобный о. Серафимъ исцѣли меня!“ Скоро эта невладѣвшая рука захрустѣла и онъ почувствовалъ облегченіе. 27-го іюня онъ въ другой пустынкѣ, въ которой читался псалтирь, подержалъ на камнѣ и лѣвую руку, у которой былъ сведенъ мезинецъ, затѣмъ помазалъ его елеемъ отъ лампады и согнутый мезинецъ выпрямился.

Мареа Тимофеевна Толстова, крестьянка Пензенской губ. и уѣзда села Заичнаго, 50 лѣтъ отъ роду, была совершенно слѣпая 14 лѣтъ и видѣла во снѣ старичка, повелѣвшаго ей побывать въ Саровѣ, гдѣ получитъ исцѣленіе. „Взгляни на меня!“ говоритъ онъ ей во снѣ и она ясно разсмотрѣла его. „Поди, приказалъ онъ, на Серафимовъ источникъ, умойся и взявъ изъ него воды, подымись на гору, дойдя до камня нагнувшись, помочи глаза и исцѣлишься отъ слѣпоты, которая у тебя за то, что ты послѣ родовъ не брала сороковой молитвы, которую по прозрѣніи и получи въ женскомъ Дивѣевскомъ монастырѣ!“ Проснувшись, она собралась въ путь въ Саровскую пустынь. 29-го іюня 1873 года она достигла Сарова, все исполнила сказанное старичкомъ во снѣ и совершенно прозрѣла. Вечеромъ прійдя въ Дивѣевъ она разсказала о совершившемся съ ней чудѣ, исповѣдывалась и получила сороковую молитву. На другой день она пріобщилась св. Таинъ и будучи въ пустынкѣ о. Серафима, гдѣ читался псалтирь, узнала по портрету о. Серафима — старичка, явившагося ей во снѣ.

Монахиня Казанскаго Касимова монастыря, мать Митродора разсказала, что она 6-го декабря 1871 года, не имѣя насущнаго хлѣба уже трое сутокъ, понесла продать свой апостольникъ, чтобы на эти гроши купить хлѣба. Не продавъ его разумѣется, она со скорбію возвратилась домой въ келлію, гдѣ припавъ къ изображенію на камнѣ батюшки Серафима говорила: „ты былъ 40 дней безъ пищи, а я только три дня, но пошли мнѣ, отче Серафиме, пищу, не ради меня, а ради престарѣлой столѣтней родительницы!“ Къ вечеру того-же дня, въ 8 ч. входитъ незнакомая дѣ-

вица съ просьбою погостить. „Я сначала оробѣла, разсказывала она, а потомъ согласилась. Она-же, видя меня въ недоумѣніи и испугѣ, просила успокоиться, напомнивъ, что въ третьемъ году, въ ярмарку она пила у меня подъ окномъ квасъ. Успокоясь, я благословила ей пріѣхать и она привезя съ собою 2 пуда муки, мѣру крупъ, мѣру картофеля, мѣру гороха,—прокормила насъ всю зиму. Послѣ февраля она уѣхала, а мы еще до марта кормились ея продовольствіемъ. Просила я о. Серафима въ первомъ часу дня и въ это-то самое время дѣвица эта Пересоева, дочь дьячка, села Лѣснаго вдругъ собралась и поѣхала ко мнѣ."

Въ 1872-мъ году 8-го ноября эта-же монахиня, будучи въ міру еще, ушибла ногу, отчего на ней образовалась рана величиной въ куриное яйцо. Доктора не помогли и вспомнивъ о своемъ помощникѣ батюшкѣ Серафимѣ, она затеплила ему лампадку, помолилась объ исцѣленіи и стала мазать елеемъ изъ горѣвшей лампады ужасную свою рану, которая въ три дня совершенно исчезла.

Сергѣй Алексѣевичъ Никитинъ въ 1875 году разсказывалъ въ Нижнемъ Новгородѣ на вокзалѣ, гдѣ устроена часовня Серафимо-Дивѣевскаго монастыря, завѣдующей Прасковьѣ Дмитріевнѣ Арвонатаки слѣдующее: „прихожу къ моему знакомому лютеранину и онъ въ отчаяніи, что сынъ его боленъ раздраженіемъ мозга и докторъ сказалъ, что больной безнадеженъ. Видя неутѣшимую скорбь отца, я говорю: „хочешь-ли чтобы сынъ былъ здоровъ? Вѣришь-ли о. Серафиму?" Хочу чтобы онъ былъ здоровъ и вѣрую! отвѣтилъ отецъ. Въ такомъ случаѣ вотъ образъ о. Серафима и надѣнь на сына. Онъ взялъ, надѣлъ и сынъ его выздоровѣлъ. Вотъ уже три года и онъ не снимаетъ образа съ сына и не отдаетъ мнѣ."

Крестьянинъ Василій Яковлевъ Шабаршевъ, проживавшій въ Тамбовской губ. Шацкаго уѣзда, въ с. Бѣлорѣчьи писалъ 27-го Сентября 1875 года: „въ прошломъ апрѣлѣ сего 1875 года родная дочь моя Татьяна, имѣя себѣ отъ роду 9 лѣтъ, сдѣлалась больна трясеньемъ головы и дерганьемъ рукъ и ногъ и качаніемъ всѣмъ корпусомъ, даже плохо говорила и кормилась изъ материнскихъ рукъ. Я отпра-

вилъ въ Саровскую пустынь жену свою Татьяну Александровну и эту дочь болящую, тоже Татьяну помолиться и попросить о такихъ скорбяхъ Бога и угодника Божія Серафима. Они были 26-го іюня мѣсяца въ предтеченской церкви у утрени и обѣдни и въ Дивѣевомъ монастырѣ тоже у утрени и обѣдни, а послѣ ходили купаться въ колодезь Саровской пустыни, служили въ келліи угодника Божія Серафима панихиду и ходили по пещерамъ и просили объ исцѣленіи дочери моей Татьяны. Потомъ, взявши воды изъ колодца, отправились ко двору въ село Бѣлорѣчье; дочь моя Татьяна начала говорить и своими руками ѣсть и такъ дня черезъ три совсѣмъ выздоровѣла."

24-го Октября 1874-го года было получено письмо отъ Нижегородской помѣщицы Екатерины Дмитріевны Каратаевой, въ которомъ она убѣдительно проситъ прислать изъ лампадки отъ образа о. Серафима чудотворнаго масла, привезеннаго съ собою изъ Дивѣева княгинею Чегодаевой и даннаго болящей двоюродной сестрѣ Каратаевой, у которой былъ сильнѣшій ревматизмъ. Никто, ничѣмъ не могъ излѣчить его, а онъ прошелъ отъ помазанія масломъ изъ лампады о. Серафима, что горитъ предъ изображеніемъ его въ келліи у игумени Маріи.

Княгиня Анна Степановна Кугушева, помѣщица Нижегородской губерніи писала игумени Маріи слѣдующее: „вы не можете себѣ представить какое страданіе я выносила: ухо мое и челюсть до того разболѣлись, что я не спала ночи и не могла уложить голову, чтобы успокоиться; одно благодѣтельное средство,—это полотенчико батюшки Серафима; едва уложу его на больное мѣсто, какъ успокоится боль и я засну.

Вотъ что писалъ также игумени Маріи генералъ Николай Степановичъ Волковъ: „дивенъ Богъ во святыхъ своихъ! 17-го числа сего мѣсяца въ семьѣ совершилось по молитвамъ батюшки о. Серафима чудное по мгновенію своему исцѣленіе трехълѣтней внуки моей Ольги, которая будучи весела и играя, вдругъ впала въ изнеможеніе, глаза ея помутились, она смотрѣла дико, какъ умалишенная, руки ея были сведены и на дѣлаемые ей вопросы по отнятію языка

не могла отвѣчать. Мать ея тотчасъ вложила въ ротъ больной маленькій кусочекъ просфоры, но она не могла съѣсть ее и какъ вложила, такъ и оставалась во рту. Видя безнадежность и боясь, потерявъ полтора мѣсяца тому назадъ пятилѣтняго сына, лишиться и послѣдней дочери, прибѣжала ко мнѣ въ слезахъ растерянная и какъ сумасшедшая, прося меня дать ей чего нибудь святаго. Я немедленно велѣлъ принести водицу изъ источника о. Серафима и полученные мною отъ васъ въ память его раздаваемые сухарики, далъ моей больной, которая, сдѣлавъ глотка три водицы, тотчасъ пришла въ себя и стала говорить, а когда съѣла три размоченные сухарика въ этой же водѣ, то глаза и руки приняли свой настоящій видъ и она начала смѣяться и играть и по сіе время здорова."

Въ 1879-мъ году 28-го мая жена мѣщанина Пензенской губ. г. Ломова,—Наталья Иванова Соколова отправилась съ тремя товарками на богомолье въ Саровъ и Дивѣевскій монастырь. Двое сутокъ они шли подъ сильнымъ дождемъ до г. Темникова, гдѣ въ женскомъ монастырѣ отстояли обѣдню. Во время обѣдни Наталья Ивановна вдругъ упала безъ чувствъ и когда пришла въ себя, то сказала, что ей сильно ударило въ голову. Товарки хотѣли ее оставить въ Темниковѣ и идти въ Саровъ, но больная упросила ихъ нанять лошадь и вести ее въ Саровъ. 25-го числа привезли ее въ Саровъ недвижимую никакимъ членомъ; въ Саровѣ она пролежала трое сутокъ и въ субботу вечеромъ ее пріобщили св. Тайнъ. Въ воскресенье послѣ ранней обѣдни она попросила товарокъ повести ее на источникъ батюшки о. Серафима. Двое едва ее подняли съ постели и довели до источника; тамъ она попросила облить водою ей голову изъ кувшина и когда это сдѣлали, то она почувствовала себя лучше, освѣжилась и попросила подвести ее подъ жолобъ, гдѣ она съ отдыхомъ нѣсколько разъ обливалось. Они пробыли на источникѣ съ ранней обѣдни и до вечерни, а вернувшись домой подкрѣпились пищею и въ самый звонъ къ вечерни отправились пѣшкомъ въ Дивѣевскую обитель. Въ Дивѣевѣ они прожили однѣ сутки. Наталья Ивановна свидилась тутъ съ своей род-

ной теткой М. Т., которую еще и не знала. Съ радостію разсказала она о своемъ исцѣленіи.

Евдокія Филиппова Кочелаевская, старица Дивѣевской общины, получила исцѣленіе отъ батюшки Серафима еще при начальницѣ Екатеринѣ Васильевнѣ Ладыженской исполняя послушаніе на огородѣ, она какъ-то оскользнулись, упала въ глубокій погребъ и сильно ударилось бокомъ о кадку между которыми ее нашли безъ всякихъ чувствъ. Ее вытащили съ большимъ трудомъ; она была какъ мертвая и пролежала въ келліи двѣ недѣли. Посылали въ Елизарьево за фельдшеромъ, онъ пустилъ ей кровь, ставилъ банки, но пользы не было. Затѣмъ ее перевезли въ больницу; по дорогѣ она все кричала отъ каждаго толчка, такъ какъ у нея было погнуто ребро. Можно себѣ представить какая это была боль! Когда ее поднимали или переворачивали на кровати четыре сестры, то она ужасно кричала и съ ней дѣлалось обмороки. И такъ съ первой недѣли поста она страдала до Страстной, когда въ четвергъ всѣхъ больныхъ пріобщилъ о. Василій Садовскій. Послѣ обѣда всѣ они легли отдохнуть. Кровать Евдокіи Филипповны была прямо къ двери, а рядомъ съ нею у окна лежала больная Вѣра, которая не рѣдко говаривала Евдокіи, чтобы она призывала въ молитвахъ батюшку Серафима. „Такъ, разсказывала Евдокія, я часто и призывала его, говоря: батюшка Серафимъ помоги мнѣ!“ Какъ я только заснула послѣ причастія,—вижу входитъ батюшка Серафимъ въ полумантіи и съ палочкой (какъ изображаютъ на картинахъ). Я закричала: батюшка Серафимъ, какъ я страдаю, помоги мнѣ, у меня болитъ очень бокъ! „Онъ отвѣтилъ: вотъ я и пришелъ къ вамъ убогимъ! Принесъ тебѣ пластырь и обязаніе! (слова изъ молитвы послѣ 9-й каѳизмы). Сѣлъ онъ у меня на кровати и такъ крѣпко сжалъ мнѣ бокъ, что я проснулась и долго чувствовала, точно у меня именно какъ пластырь лежалъ на боку мѣсяца три. Проснулась, а батюшки ужъ нѣтъ, а я его видѣла точно на яву. Чувствуя, что боль затихла, я попробовала повернуться сама; могла безъ боли шевелиться, тогда какъ меня четыре сестры поднимали и я кричала. Вѣрочка проснулась и говоритъ: „видно я крѣпко уснула и не слыхала, какъ тебя ворочали!“ Я

отвѣчаю, что я повернулась и сѣла на кровати сама. Она удивилась, но я ничего ей не сказала, а послѣ уже секретно передала все нашей старшей. Когда на Пасху пріѣхала къ къ намъ въ больницу матушка начальница Екатерина Васильевна, со всѣми больными христосоваться и ко мнѣ подошла, тогда наша старшая разсказала, какъ батюшка Серафимъ меня исцѣлилъ; она этимъ очень утѣшилась и все у себя записала.

Достопочтенная сестра обители Варвара Александровна Карамзина записала 24 февраля 1885 года слѣдующее:

„Сегодня меня Богъ сподобилъ пріобщиться святыхъ Таинъ и я была утѣшена въ этотъ важный и радостный для меня день извѣстіемъ, что къ одной изъ нашихъ больныхъ (Карамзина начальствовала въ больницѣ) пришли изъ Воронежской губ. два брата, пріобщились также и одинъ изъ нихъ получилъ исцѣленіе отъ батюшки Серафима, а потому и пришелъ сюда по обѣщанію, тѣмъ болѣе, что имѣлъ здѣсь больную сестру Ирину Илларіоновну и племянницу Машу въ живописномъ корпусѣ. Я пожелала ихъ видѣть и лично разспросить объ исцѣленіи. У Артемія было давно желаніе побывать въ Саровѣ и въ Дивѣевѣ, но все домашнія дѣла и заботы его отвлекали; наконецъ въ сентябрѣ прошедшаго 1884 года онъ сильно заболѣлъ и былъ близокъ къ смерти и всѣ родные приходили къ нему уже прощаться. Какъ только онъ мысленно, въ молитвахъ призвалъ батюшку Серафима и далъ обѣщаніе идти, если выздоровѣетъ, непремѣнно въ Саровъ, ему сдѣлалось лучше, онъ выздоровѣлъ, собрался въ путь, но родные и домашніе возстали, говоря: „какъ ты уходишь, когда сынъ у тебя на призывѣ?“ Подожди хотя, чѣмъ дѣло твое кончится; пойдетъ ли онъ въ солдаты, или останется?“ Такъ онъ и остался; сынъ не пошелъ въ солдаты и Артемій въ январѣ мѣсяцѣ снова заболѣлъ еще сильнѣе, такъ что не было уже никакой надежды на выздоровленіе. „Я опять повторилъ свой обѣтъ, разсказывалъ онъ, думая, что ужъ никакія дѣла не остановятъ и какъ только поправлюсь, то и пойду въ Дивѣевъ. Видно за молитвы батюшки Серафима Господь вторично исцѣлилъ меня. Но опять то же возстаніе! „Какъ, говорятъ, пойдешь

одинъ въ такую даль, да какъ оставишь домашнія дѣла? Я отвѣтилъ, что если бы я умеръ, вѣдь дѣла бы ваши шли и безъ меня! (Они кузнецы были). Жена у меня хвораетъ, вотъ уже лѣтъ 13 какъ у нея нога въ ранахъ; долго мы это скрывали отъ домашнихъ, чтобы они не помнили чего. Я уже пролѣчилъ на нее рублей семьдесять, а все пользы нѣтъ. Говорю ей: да оставь ты это лѣченіе, отдай себя въ волю Божію! Лучше обѣщайся сходить въ Саровъ къ батюшкѣ Серафиму и пойдемъ вмѣстѣ. Она отвѣчаетъ: да я молюсь батюшкѣ Серафиму, а все лучше нѣтъ. „Я ей отвѣчаю: да это потому Марія, что вѣра-то у тебя холодная, какъ-бы ты съ горячей вѣрой молилась, повѣрь что получила бы исцѣленіе.“ Какъ-то мы съ женою были въ сосѣднемъ селѣ на праздникѣ у родныхъ. Возвращаясь домой, Марія говоритъ: „что это Артюша, нога то у меня точно горитъ, никогда этого не было!“ Какъ пріѣхали, я снялъ съ нея сапогъ, а нарочно заказывалъ очень широкій; оказалось онъ полонъ крови и не менѣе, я думаю, пяти чашекъ вылилось чистой крови. Она словно мертвая покатилась, мы всѣ напугались; опомнится на мгновеніе, да и снова покатится... Значитъ съ ней дѣлались обмороки. Мы ее пріобщили, пособоровали; я ужъ такъ и думалъ, что она умираетъ... А что же? Послѣ того, какъ кровь, видно дурная, вся стекла, ей стало лучше, да лучше, раны на ногѣ стали затягиваться и нога заживать. Идти зимою, она конечно, побоялась, а я уже послѣ этого рѣшился, не откладывать своего обѣщанія и идти одинъ. На мое счастіе, видно уже Богъ внушилъ старшему брату идти со мною. „И самъ дивлюсь, говоритъ Григорій, до того мнѣ никогда и мысль не приходила идти въ Саровъ и сами дивимся, какъ наши жены и дѣти, никто ни слова, словно съ такою любовію насъ провожаютъ!“ Далѣе Артемій предполагалъ весною опять прійти съ женою, да еще съ родственницей, которая тоже получила исцѣленіе въ Саровѣ на источникѣ батюшки Серафима. У нея болѣла рука въ кисти; была большая рана.“

Одна странница сообщила слѣдующее чудо. „Есть у меня, говорила она, сынъ и единственный; пилъ онъ ужасно и горе мнѣ было страшное; такое горе, что и разсказать

не умѣю. Что ни дѣлала я съ нимъ, ничто не брало, ничѣмъ не могла отвадить отъ вина. Слыхала я о батюшкѣ Серафимѣ; кой какъ, насилу достала бумажный образочекъ его, картинку, повѣсила его у себя и стала ему постоянно и сердечно молиться: „Батюшка, отвади сына моего пить!“ Вотъ разъ сижу я и вдругъ вбѣгаетъ ко мнѣ сынъ-то, лица на немъ нѣтъ, весь трясется; я надо перепугалась... Что ты?, говорю, что ты?! Маменька, говоритъ, прости мнѣ, Христа ради, никогда пить не буду, капли вина въ ротъ не возьму! Сейчасъ я хотѣлъ напиться, вдругъ вижу старикъ-то съ палкой, что у тебя повѣшенъ въ рамкѣ, зашевелился, сталъ больше, да больше и совсѣмъ вышелъ изъ рамки живой, подошелъ ко мнѣ суровый, да грозный такой, поднялъ на меня дубину и говоритъ: перестань мать огорчать и не смѣй болѣе пить вина!“ Такъ вотъ родимая, съ тѣхъ самыхъ поръ Богъ хранитъ: вылѣчился сынъ-то и капли въ ротъ вина не беретъ. Вонъ онъ какой милостивецъ у васъ, батюшка!“

Родственница игумeніи Маріи, помѣщица Нижегородской губ., Лукояновскаго уѣзда—Александра Николаевна Юферова (въ замужествѣ Ленина) случайно узнавъ о томъ, что Елисавета Алексѣевна Ушакова—игуменія въ Дивѣевѣ, поѣхала навѣстить ее и ознакомилась съ монастыремъ. Тутъ она выслушала разсказъ о канавкѣ батюшки Серафима и что этимъ мѣстомъ шла Сама Царица Небесная, и пожелала тоже прогуляться по ней и сорвать травку, которая цѣлебна отъ всѣхъ болѣзней. Прошло много времени и Александра Николаевна забыла о Дивѣевской травкѣ, какъ вдругъ сдѣлалась больна. Страшный нарывъ на нёбѣ грозилъ задушить ее, и выписанный, превосходный докторъ изъ имѣнія гр. Кочубея, Иванъ Дмитріевичъ Соломонъ, осмотрѣвъ больную сказалъ, что пока будетъ назрѣвать нарывъ, она промучается двѣ недѣли и не ручается, что нарывъ этотъ назрѣетъ, а скорѣе задушитъ больную. Когда докторъ уѣхалъ, Александра Николаевна предалась отчаянію, какъ вдругъ спасительный лучъ свѣта озарилъ ее, она вспомнила Дивѣевскую травку. Нашли ее и подали ей. Больная раскрыла ротъ, насколько то было возможно, чтобы хотя самая малость попала этой,

травки... Помявъ во рту лепестокъ, она заснула и проспала 20 часовъ къ ужасу окружающихъ. На другой день она встала съ постели радостно покойно и нарыва какъ-бы и и не бывало въ горлѣ. Пріѣхавшій докторъ Соломонъ такъ удивился, что когда узналъ причину, не смотря на то, что былъ лютеранинъ, воскликнулъ, перекрестившись: „ну такъ воистину великъ-же вашъ Серафимъ!“ Вслѣдствіе этого Соломонъ самъ поѣхалъ въ Саровъ и Дивѣевъ.

Протоіерей Благовѣщенскаго собора г. Арзамаса Ѳеодоръ Свѣтозарскій писалъ монахинѣ матери П. Д. Арванитаки:

„Со второй недѣли минувшаго поста, постигло меня посѣщеніе Божіе тяжкою простудою, отъ которой возникла нестерпимая боль внутри, на четвертой недѣлѣ усилилась до такой степени, что ожидалъ себѣ конца, но Предстательница теплая, Небесная Царица вмѣстѣ съ праведникомъ о. Серафимомъ умолили о мнѣ сладчайшаго Іисуса Христа пожить на земномъ поприщѣ для улучшенія моей настоящей ветхой жизни сей. Съ 16-го марта на 17-е, въ часу первомъ пополуночи самъ предсталъ угодникъ Божій видимо предъ мою кровать и на колѣночкахъ питалъ меня какою-то сладкою пищей, въ родѣ пирожковъ, съ тарелочки подавалъ мнѣ съ вилочки, приказалъ мнѣ сейчасъ-же читать акаѳистъ Божіей Матери, который я знаю изустно, я читалъ твердо, а о. Серафимъ продолжалъ свое дѣло меня кормить и вдругъ исчезъ, послѣ чего въ одинъ моментъ болѣзнь во мнѣ уничтожилась. Съ великой субботы свободно служилъ и всю св. Пасху теперь милостіею Божіею сталъ здоровъ. 26-го апрѣля 1873 года.“

Болящая монахиня Мелетина сообщила о бывшемъ видѣніи съ нею. „Въ 1867 году зимою, говорила она, не припомню въ какой день явился ко мнѣ свѣтлый юноша и говоритъ: „слѣдуй за мной!“ Я повиновалась, долго мы шли, подошли къ святымъ воротамъ, я увидѣла на нихъ святое изображеніе Спасителя и Божіей Матери во весь ростъ, сопровождавшій юноша приказалъ мнѣ поклониться и приложиться. Подошли мы этими воротами къ дому. Я была поражена блескомъ и великолѣпіемъ его; онъ былъ весь

хрустальный. Вмѣстѣ съ прекраснымъ юношей мы прошли домомъ, вышли въ другія ворота и тамъ оказалась домовая церковь. Я снова была поражена и съ трепетомъ усмотрѣла огненный престолъ... Совершалась божественная литургія, дивно пѣли херувимскую и какой-то угодникъ Божій въ блестящей ризѣ, съ воздѣтыми руками предстоялъ святому престолу и совершалъ службу. Въ страхѣ и умиленіи, я стояла и не имѣла силъ отъ внутренняго восторга души моей спросить, но наконецъ, ободрившись, я спрашиваю юношу: кто это? Онъ отвѣчаетъ: это угодникъ Божій Серафимъ! Я хотѣла было броситься, до того забылась отъ радости видѣть нашего батюшку въ такой славѣ, но юноша удержалъ меня, говоря: „видишь, поютъ Херувимскую, теперь не время, совершается литургія, а придетъ время, всѣ увидите его! Мы воротились назадъ тѣмъ-же путемъ, прошли опять весь домъ и когда вышли въ ворота обратно, тутъ-же въ глазахъ моихъ свѣтлый юноша скрылся, я закричала и проснулась.“

Балаклавскій архимандритъ Никонъ, тотъ самый, который жилъ нѣсколько недѣль лѣтомъ въ Саровѣ предъ окончаніемъ семинарскаго курса и получилъ наставленіе для монашества отъ о. Серафима, писалъ 17 декабря 1865 года о всемъ видѣнномъ имъ въ 1827 году и слышанномъ отъ великаго старца.

„Во второй бесѣдѣ, писалъ о. Никонъ, батюшка Серафимъ сказалъ: „я знаю твоего отца, селеніе ваше и двѣ церкви съ колокольнями сгорятъ, а отцу твоему суждено выстроить новый каменный храмъ съ колокольнею и двумя флигелями; къ западной сторонѣ будетъ флигель для бѣдныхъ, а послѣ вторичнаго пожара и ему самому придется въ одномъ изъ нихъ пожить. Все предсказаніе старца Божія сбылось: селеніе и церкви Божіи сгорѣли въ 1828 году, а въ 40-хъ годахъ былъ вторичный пожаръ, въ которомъ сгорѣлъ домъ родителя моего, Колабѣевскаго протоіерея и онъ вынужденъ былъ долгое время проживать въ выстроенномъ флигелѣ церковномъ. „Да у тебя есть двоюродный братъ?“ спросилъ о. Серафимъ. Я отвѣчалъ — есть. Онъ учится въ академіи. „Онъ родился съ мѣшкомъ, онъ будетъ солить, да солить до самой своей смерти!“ Это предска-

заніе относилось къ Филарету Черниговскому. „У тебя есть больная племянница съ тобою, приведи ее завтра ко мнѣ.“ На другой день, я взялъ съ собою племянницу, дѣвицу 14-ти лѣтъ и ввелъ ее въ келію о. Серафима, и онъ взялъ сосудецъ съ елеемъ, помазалъ у нее чело, глаза, уши, руки, говоря: „помазуется раба Божія монахиня.“ Сія дѣвица пострижена въ монахини въ Тамбовскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. „Прощай, чрезъ 9 дней приходи ко мнѣ!“ Это время было для меня скорбное, потому что напали богохульныя мысли, такъ что нельзя было войти въ церковь; хотѣлъ было уйти изъ пустыни, да держалъ меня іеромонахъ Илларіонъ, говоря: „старецъ знаетъ, что дѣлаетъ!“ По истеченіи 9 дней, измученный прилогами вражьими, я едва могъ войти въ сѣни, и подойдя къ его келіи, не успѣлъ сотворить молитву, какъ о. Серафимъ отворилъ дверь, упалъ ко мнѣ въ ноги, говоря: „прости меня, за искушеніе, коимъ ты страдалъ; оно для того, чтобы ты зналъ, что таковыя скорби будешь имѣть, поступя въ монахи, но не унывай!“ Послѣ сего, надѣвъ эпитрахиль, исповѣдалъ меня и приказалъ у поздней литургіи пріобщиться св. Таинъ, а по принятіи ихъ тотчасъ все темное удалилось отъ меня во тьму. Въ третьей прощальной бесѣдѣ о. Серафимъ изволилъ говорить: какъ пойдешь въ монахи, то прійдется тебѣ качать съ матерней колыбельки, съ своей епархіи, а потомъ уже тебя махнутъ въ дальнюю сторону; но не унывай, а съ веселымъ духомъ пой: Господня земля и исполненіе ея!“

Проживя три недѣли, я имѣлъ случай замѣтить въ о. Серафимѣ необыкновенную прозорливость. Одинъ нижегородскій чиновникъ въ чинѣ генерала съ семействомъ пріѣхалъ принять благословеніе отъ старца. Нѣсколько разъ, бывши у двери, онъ не былъ впущенъ, не смотря на то, что семейство его было принято, а онъ самъ только черезъ дверь слышалъ голосъ и слова о. Серафима: „меня дома нѣтъ, мнѣ не время!“ Чиновникъ, удивляясь словамъ и не понимая ихъ, усердно желалъ разъясненія. Видя-же, что я часто хожу къ нему, просилъ меня идти съ нимъ вмѣстѣ, и когда мы сотворили молитву, то о. Серафимъ отворилъ намъ двери и принялъ чиновника радушно и на его слова,

что я былъ 5 разъ и не удостоился принять благословенія. о. Серафимъ сказалъ: „вотъ почему я васъ не принялъ; я говорилъ вамъ чрезъ двери, что ваши-то люди и говорятъ приходящимъ къ вамъ по нуждамъ своимъ: „барина дома нѣтъ, ему не время!“ Вѣдь этимъ отказомъ прогнѣвляя ближнихъ, вы прогнѣвляете самаго Бога!“ Генералъ, принявъ наставленіе, съ христіанскимъ смиреніемъ поклонился ему въ ноги и обѣщался впредь никогда сего не допускать.“

Напечатать выдержки изъ всѣхъ писемъ, разсказовъ и сообщеній о излеченіяхъ водою изъ источника о. Серафима, молитвами къ праведному старцу и отъ прикосновенія къ вещамъ его и т. д.,—не представляется возможнымъ. Чудеса по молитвамъ о. Серафима и по вѣрѣ въ его предстательство, совершаются постоянно, по всей Россіи. Въ домѣ ученика и любимца о. Серафима, Михаила Васильевича Мантурова неоднократно видѣли дѣти и взрослые приходящаго батюшку Серафима, что свидѣтельствовала Анна Михайловна Мантурова.

Съ годами обитель лишалась и дивныхъ старицъ батюшки Серафима. Первая начальница мельничной обители Прасковья Степановна передъ смертію попросила къ себѣ игуменію Марію и передала ей *параментъ* о. Серафима, говоря, что батюшка Серафимъ приказалъ хранить его до смерти, а когда будетъ умирать, то отдать отъ его имени „первой у васъ Игуменіи!“ Предсказаніе это сбылось. Она скончалась 16-го апрѣля 1868 года.

Благодатная старица Евдокія Ефремовна, въ монашествѣ мать Евпраксія, скрывавшая при жизни отъ сестеръ, по своему смиренію, что она была у батюшки Серафима въ 1831-мъ году, когда явилась ему Царица Небесная съ 12-ю дѣвами и св. апостолами, умерла въ 1865 г. 28 марта.

Наконецъ всѣми горячо любимый духовникъ обители и ученикъ Серафимовъ, протоіерей о. Василій Садовскій, скончался въ 1884 году, 14-го іюня.

ГЛАВА XXX.

Жизнь блаженной Пелагеи Ивановны послѣ водворенія порядка въ Дивѣевской обители. (Тверь изд. 1891 г.).

Всѣ шесть мѣсяцевъ въ продолженіи которыхъ начальствовала Лукерья Васильевна, блаженная Пелагея Ивановна все ломала, била и воевала. Кромѣ Назаровскаго котенка, она убила и своего. Анна Герасимовна разсказывала такъ: (жизнеоп. 1891 г. г. Тверь):

„Что это, говорю, Пелагея Ивановна, будетъ тебѣ! Все-то бьешь, да убиваешь; кажется, сама кошекъ-то любила, а тутъ, глядько-сь, другаго котенка ужъ убиваешь. Какъ это не жалко тебѣ?—говорю, вѣдь тварь чѣмъ-же виновата!.

— „Такъ-то такъ, батюшка,—отвѣчаетъ, да что-же дѣлать-то, когда такъ надо.

„Вотъ тебѣ и толкуй съ ними,—съ блаженными-то.“

„Гляжу разъ: бѣжитъ откуда-то и несетъ прехорошенькаго котенка; гдѣ взяла, ужъ и не знаю. Принесла она его, да въ переднiй-то уголъ на лавку и посадила; гладитъ да приговариваетъ: „Ну вотъ двухъ я убила; а ты ужъ теперь поживи и у меня.

— „Ну, говорю; одного убила, да еще мало, и другаго; а теперь своего принесла; пусть-же этотъ вотъ и живетъ.

„Къ вечеру, слышу, пріѣхалъ къ намъ Тамбовскій архимандритъ (неправильное-то Нектарьевское дѣло въ Святѣйшій Синодъ поступило, временно, вишь, и перевели насъ

къ Тамбовскому архіерею) Іоакимъ для того, чтобы матушку-то Елизавету Алексѣевну, не по божьему-то у насъ отнятую, намъ возвратить и опять поставить начальницею; тутъ-то ужъ и поняла я всѣ ея продѣлки. Вотъ почему котенка-то сама принесла. Эхъ, Пелагія Ивановна, Пелагія Ивановна! и чудна только она была.

„Ну, съ тѣхъ вотъ поръ какъ возвратили намъ матушку-то, Елизавету Алексѣевну, все по прежнему стало у насъ покойно; перестала озарничать и моя Пелагія Ивановна. Вмѣсто камней да палокъ, съ матушкинова игуменства цвѣты полюбила; цвѣтами заниматься стала. Сидитъ-ли, ходитъ-ли, сама, знай, ихъ перебираетъ; и сколько, бывало, ей нанесутъ ихъ! Цѣлые пуки. Всю-то келію затравнятъ ими. Тутъ вотъ она и бѣгать почти перестала; все больше въ келіи, бывало, сидитъ. Любимое ея мѣсто было на самомъ-то на ходу, между трехъ дверей, на полу, на войлочкѣ у печки. Повѣсила тутъ батюшки Серафима портретъ, да матушкинъ; съ ними, бывало, все и ночью-то разговоры ведетъ, да цвѣтовъ имъ даетъ.

„Спать она почти не спала; развѣ такъ сидя тутъ-же или лежа, немного задремлетъ; а ночью, случалось, посмотришь, ея ужъ и нѣтъ; уйдетъ, бывало, и стоитъ гдѣ нибудь въ обители, не взирая ни на дождь, ни на стужу,— обратясь къ востоку; полагать надо,—молится. Больна никогда не бывала. Разъ только за три года до смерти вотъ этакъ-то ночью ушла она. Я нездорова была; Маша стирать въ лѣсъ ушла; а буранъ страшнѣйшій реветъ. Слышу я: бьетъ десять, одиннадцать, двѣнадцать часовъ; наконецъ часъ; а ея все нѣту.

— „Полинька,—говорю; ты бы сходила, посмотрѣла Пелагію-то Ивановну; съ четырехъ часовъ нѣтъ; а на дворѣ-то что? Вѣдь пожалуй убьетъ.“ Взяла фонарь Поля;—задуваетъ; такъ въ потемкахъ-то и вышла. Искала, кричала; не нашла. Ну-ка, взбудоражили всѣхъ. А какъ есть, зги не видать; Пелагіи Ивановны нѣтъ, какъ нѣтъ. „Ступайте,— говорю,—по ямамъ“—и тамъ нѣтъ. „Идите,—говорю, въ міръ; ищите и тамъ ужъ ее“. Пять часовъ утра. „Господи!— говорю, что-же это!“—Часовъ этакъ въ шесть пошла Маша

въ обитель; глядитъ: покажись ей, будто Пелагіи Ивановны рубашка-то на грядкахъ противъ собора бѣлѣетъ; подошла Маша; а она сидитъ въ грядкахъ-то, не шелохнетъ; ужъ совсѣмъ почти замерзла; и такъ-то Машѣ обрадовалась,— такъ къ ней и прижалась. Вишь, въ грядки то какъ залѣзла она мокрая,—вѣтеръ-то и сшибъ ее, повалившись она сѣла,—выбившись изъ старыхъ немощныхъ-то силъ; сарафанъ-то тѣмъ временемъ примерзъ къ землѣ; ей и не выбиться. Скричала Маша сестеръ; принесли ее на рукахъ; положили, напоили чаемъ съ виномъ; стала отходить по немножку; и разсмѣялась. „Развѣ,—говоритъ, вамъ меня жаль?

— „Жаль—не жаль,—говорю; а какой-бы выговоръ-то я приняла.

— „Да вотъ я, Симеонъ, (послѣднее-то время все Симеономъ меня звала), заплуталась; дороги-то не нашла; меня сшибло, я путь-то ужъ совсѣмъ потеряла.

„Я-то ворчу,—знаешь; а самой вотъ какъ ея жаль, и сказать не съумѣю; отвернулась да заплакала. Увидѣла она это, да сестрамъ-то и показываетъ. „Охъ, песъ какой батюшка-то; говоритъ „*не жаль*“, а смотрите-ка, плачетъ“. На силу-то на силу мы тогда ее отходили. Судите сами: старухѣ, ночью, девять часовъ къ ряду, на страшнѣйшемъ буранѣ, чуть не хуже зимы, просидѣть въ одномъ сарафанишкѣ съ рубашкою—какъ не умерла—диво! Вотъ лишь съ тѣхъ-то поръ стала она чулки надѣвать; и до самой смерти никуда ужъ изъ кельи не выходила.

„Даръ слезъ былъ у Пелагіи Ивановны замѣчательный; но прежде она плакала болѣе тайкомъ, скрытно. Помню, разъ схватилась я ее; ужъ очень долго ея не было; искали искали; нигдѣ не нашли. Пошла я въ поле; и вижу: сидитъ она у кирпичныхъ сараевъ, и такъ-то горько плачетъ,— словно рѣка льется. Надорвалось даже у меня сердце, на нее глядя.—„Охъ, думаю, что это какъ она плачетъ! Ужъ не побилъ-ли кто ее!“ Такъ думаю съ малаго-то моего разума;—глупаго:—а она, моя голубушка, мнѣ и говоритъ; „нѣтъ, батюшка; это я такъ; надо мнѣ ужъ такъ-то плакать; вотъ я и плачу“. А года вотъ за четыре до смерти

своей, какъ слышно стало, что у насъ творится на Руси; какія пакости, да беззаконія;—то ужъ какъ она—сердечная, бывало, плакала-то; ужъ и не скрывалась; и почти не переставала плакать. Глаза даже у ней загноились и даже заболѣли отъ этихъ слезъ.

— „Что это значитъ, матушка,—говорю я,—что ты все такъ страшно плачешь?

— Эхъ, Симеонъ,—говоритъ она; если бы ты знала это! Весь бы свѣтъ теперь заставила плакать.

„А какъ она была покорна и послушлива,—скажу вамъ! Настоящихъ послушницъ не найдешь такихъ; даромъ, что *блаженная*. Какъ привели ее къ намъ, она хоть и бѣгала, а всегда бывало сказывалась. А прошлою вотъ осенью, незадолго до смерти,—стала Поля на ней сарафанъ перемѣнять: она и заупрямься,—и ее бить. Поля мнѣ и сказала.—Да ты что же это, говорю,—озоруешь!—И ударила ее платкомъ по спинѣ. Она такъ и затряслась; такъ было ко мнѣ и бросилась. „Маменька,—говоритъ,—ты меня за что,—за что бьешь? За что бьешь?

— За Полю,—говорю; ты ее заколотила.

— Да вѣдь я за дѣло,—говоритъ. Ну да что же? Прости меня Христа ради.

„И такъ-то хорошо поклонилась мнѣ въ ноги.

„Бывшая въ то время монахиня Есѳирь крайне удивилась. „Вотъ,—говоритъ, матушка—то Пелагія Ивановна какъ смиренію-то учитъ насъ! Какая послушная.

— Охъ,—говорю, матушка; это точно. Вотъ первыя-то лѣтъ десять какъ она, моя голубушка, меня слушалась.—Поглядѣли бы вы.

— Ужъ и десять лѣтъ?.. А какъ побольше... Улыбаясь сказала Пелагія Ивановна.

— Кто же это знаетъ, говорю; можетъ и больше. Ужъ не помню.

— Нѣтъ, ужъ другой Палашки у васъ не будетъ; вамъ другой такой не найти;—задумавшись отвѣтила она.

„Въ прежнее то время у насъ не было послушницы; однѣ жили. Придетъ бывало лѣтняя пора, всѣ на работу уйдутъ. Вотъ бывало и за нею то гляди; и стряпай, и все

прибирай; а положено еще кромѣ того всякой изъ насъ свой урокъ. Свитку принесетъ монахиня Александра; ее обязательно надо сшить въ положенный срокъ; вотъ бывало вижу: мнѣ некогда; сила не беретъ. И скажу ей, какъ есть умному человѣку: „матушка, Господа ради, пособи мнѣ; мнѣ не досугъ, а спрашиваютъ; слышишь: „къ сроку надо". И подвяжетъ она фартучекъ; надѣнетъ наперсточекъ, не говоря ни слова. Гляжу: шьетъ хорошохонько. Ужъ такая-то послушная была! Въ другой же разъ, если забывшись оставлю я свитку, она нарочно такъ-то напутаетъ, что и распутать не возможно. Однажды такимъ-то вотъ родомъ все такъ перепутала, что и поправить было нельзя. И бѣжитъ къ намъ мать-то Александра, выговариваетъ, „Такъ,—говоритъ, нельзя; знаете, что нужно, а портите. Что это,—глядите;—Господи помилуй. Какъ это можно такъ шить!

— Не меня,—говорю, вини; вонъ дура-то сидитъ; на ней,—говорю, взыскивай.

„И такъ мнѣ что-то это пришлось больно, что вотъ каюсь вамъ, согрѣшила,—по головѣ-то этой самой свиткой ее и ударила. Она и не тряхнулась. „Чтожъ,—говоритъ,—глядя на мать Александру, что на мнѣ возьмешь? Я безумная".

„Нитки даже пряла у меня она; и по своей охотѣ. „Дай-ка, скажетъ, мнѣ батюшка, гребень-то; я попряду".— Подамъ я гребень; ну и сидитъ да прядетъ съ лучиною; свѣчей и лампъ тогда и въ заводѣ-то не было... Напрядетъ толстыхъ нитокъ; у меня Ладыженскіе бывало и разберутъ.

„Что и говорить? Воевать по своему, *по блаженному*, воевала; а ужъ терпѣлива и смиренна была; удивляться лишь надо. Бывало, таракашка зря ни сама не тронетъ, ни другимъ не дастъ. Не только кого обидѣть; на ногу наступятъ бывало ей; раздавятъ вовсе; да еще стоятъ на ней; а она ни пикнетъ; лишь поморщится только. Волосы даже разъ загорѣлись отъ неосторожности на ней; и тутъ молчитъ. И какъ хочешь, бывало, ее унижай, поноси, ругай ее въ лицо; она еще рада,—улыбается. „Я вѣдь,—говоритъ,—вовсе безъ ума,—дура". А кто должную лишь честь воздастъ ей за ея прозорливость, да назоветъ ее, бывало,

святой или праведницей; пуще всего растревожится. Не терпѣла почета; а напротивъ, поношеніе любила больше всего.

„Никогда ничего ни у кого Пелагія Ивановна не искала, не просила и не брала; она была совершеннѣйшимъ образомъ нестяжательна; отъ того у ней ничего своего и не было, кромѣ двухъ столовыхъ серебряныхъ ложекъ; да и тѣ матушкѣ нашей отдала. Я разскажу вамъ, какъ это было. За свое-то добро на семейныхъ скорбѣла; разъ вотъ и говоритъ матери: „вѣдь Палага-то безумная; куда хотятъ,— и мытарятъ серебро-то ея“. А мать, услышавши это, и зная ея прозорливость за послѣднее-то время, боялась ее; и привезла ей эти двѣ ложки.

— А чтожъ мой жемчугъ не привезла? спросила Пелагія Ивановна.

— Я его внучкѣ Надѣ отдала,—отвѣчала Прасковья Ивановна.

— Напрасно, говоритъ, я и сама бы нашла, куда его помѣстить-то.

„Послѣ этого пришла какъ-то матушкина келейница, Орловская Катя. Пелагія Ивановна, ни говоря никому, взяла одну изъ этихъ ложекъ, сунула ей въ колѣни и говоритъ: „отдай матушкѣ“. А спустя не много времени и говоритъ мнѣ: „Симеонъ, а Симеонъ! Мы съ тобой люди-то кой-какіе; къ чему намъ это?“ и подаетъ мнѣ другую-то ложку. „Отошли;—говоритъ, матушкѣ“. Такъ изъ всего ея добра единственно уцѣлѣвшія и ей доставшіяся эти двѣ столовыя серебряныя ложки находятся теперь у матушки.

„Въ другой разъ, вскорѣ послѣ смерти деверя ея, пріѣзжаетъ къ намъ братъ ея. Какъ всегда все впередъ зная, передъ самымъ пріѣздомъ его, Пелагія Ивановна сѣла прясть;—сидитъ и прядетъ. „Ахъ,—говоритъ онъ,—вотъ такъ хорошо,—отъ пера да за прялку“. Присрамить захотѣлъ.

— Чтоже? Отвѣчаетъ она; вѣдь мы люди бѣдные; богатымъ до насъ нѣтъ и дѣла; они насъ знать не хотятъ; дѣлятся;—а насъ даже и неспросятъ.

— Это что значитъ?—говоритъ братъ.

Анъ и вышло, что значило; недовольна была она; и выговаривала очень, зачѣмъ въ здѣшнюю-то обитель менѣе на поминъ дали. И вотъ такъ-то часто она имъ выговаривала за свои-то вещи да за свою обитель.—А то, что дадутъ, то и есть; что надѣнутъ, то и носитъ; а ничего не дадутъ, даже и не проситъ.

„Все она и пила, и ѣла, и носила, что подавали ей ея почитатели ради Христовой милостыни. Изъ платья кто что принесетъ: сама не брала, бывало; мнѣ подадутъ: сарафанъ-ли, рубашку-ли, или платокъ. Мы бывало на нее и надѣнемъ, да и то не всегда дается надѣть-то; а какъ ей Богъ велитъ. Гостинцевъ какихъ принесутъ: конфектъ, пряниковъ, или просфору; она не отъ всякаго возьметъ. А что ужъ возьметъ, то *въ свою житницу*,—такъ мы прозвали ея пазуху, — положитъ. И была у ней эта житница словно большущій какой мѣшокъ, за шею привязанный; такъ бывало будто съ цѣлымъ мѣшкомъ и ходитъ вездѣ. И Боже упаси, какъ тревожится; не коснись никто этой житницы!

„Въ послѣдніе-то годы ей приносили все изъ матушкиныхъ комнатъ; очень любила она эту матушкину пищу и называла ее *своею* да *Божіею*. „Царица небесная, — говорила, мнѣ это прислала“. А то: „ну-ка подай-ка мнѣ,— тамъ есть моя-то пища“. Бывало не ѣстъ другой-то; своей дожидается. И страшно растревожится, если что изъ принесенной этой пищи кто тронетъ.

„Денегъ ни отъ кого никогда не брала. Такъ разъ одна бѣдная барышня была у ней; Пелагія Ивановна страхъ— какъ хорошо приняла ее. Полагая, какъ всегда мірскіе-то люди думаютъ, что надобно что-нибудь дать блаженной, она подала ей рубль мѣдными деньгами. „Оставь,—заговорила Пелагія Ивановна; у тебя у самой—это послѣднее“. Какъ бы вы думали? Вѣдь и вышла правда; послѣдній вѣдь рубль былъ въ карманѣ у барышни-то, хоть и хорошо была одѣта она.

„Никого ничѣмъ никогда она не отличала; ругалъ ли кто ее; ласкался ли кто къ ней—для нея всѣ были равны. Всякому говорила она лишь то, что по ихъ, по блаженному-то,

самъ Господь укажетъ и кому что надо было для душевнаго спасенія: одного ласкаетъ, другаго бранитъ, кому улыбается, отъ кого отворачивается, съ однимъ плачетъ, а съ другимъ вздыхаетъ, кого пріютитъ, а кого отгонитъ; а съ инымъ, хоть весь день просиди, ни полслова не скажетъ, точно будто и не видитъ. Съ ранняго утра и до поздней ночи, бывало, нѣтъ намъ покоя; такъ совсѣмъ замотаютъ: кто о солдатствѣ, кто о пропажѣ, кто о женитьбѣ, кто о горѣ, кто о смерти, кто о болѣзни и скота, и людей;—всякъ съ своими горями и скорбями, съ своей сухотой и заботой идетъ къ ней бывало, ни начто безъ нея не рѣшаясь. Сестры, у кого лишь чуть что, все къ ней же летятъ; почтой, бывало, и то все ее же спрашиваютъ. Какъ есть, нѣтъ отбою. И всѣ говорятъ: что она имъ скажетъ, такъ все и случится; самъ, значитъ, уже Богъ такъ, людямъ на пользу, жить указалъ. Какъ же ихъ погонишь-то?! И ее прогнѣвать не хочется; да и Бога-то боишься. Бывало съ утра и до поздней ночи и тормошишься; иной разъ какъ тошно; а терпишь, да молчишь;—дѣлать нечего. Старухъ и молодыхъ, простыхъ и важныхъ, начальниковъ и не начальниковъ никого у ней не было; а всѣ безразличны. Любитъ особенно, Богъ ее вѣдаетъ, любила ли кого; я не замѣтила. Меня любила, кажется; да и то какъ-то по своему. Разъ, напримѣръ, отпустила я жать Полю; одна и осталась. Пелагія Ивановна у меня убѣжала; а я заболѣла, да и не мало; вовсе свалилась; такъ другой день и лежу. Прибѣжала она и говоритъ: „что это вы батюшка“?

— Да? Вотъ теперь,—говорю, *батюшка*! Батюшка-то небось, пять разъ на день въ караулку-то да въ поле за тобой бѣгаетъ! А вотъ какъ батюшка-то другой день боленъ лежитъ; такъ ты и не заглянешь, не навѣстишь его! Не подойдешь сказать: не хочешь ли, батюшка, испить, или чего“... Глядитъ, слушаетъ молча; нагнулась, поцѣловала меня въ лобъ;—и ушла. Ужъ не знаю, спросила ли у кого, или кто ей далъ; только приходитъ это вскорѣ; въ одной рукѣ бѣлый хлѣбъ несетъ; въ другой зачерпнула въ этомъ старинномъ котлѣ (ужъ лѣтъ 50 ему,—что подъ

лавкою у насъ нарочно для того и стоитъ) воды ковшикомъ; да ко мнѣ и подходитъ.

— Не хочешь ли поѣсть-то, батюшка? Вотъ и водичка; на-ка попей.

„А еще захворала я; тоже лежу; она и бѣжитъ; увидала.

— Знать ты, батюшка хвораешь.

— Да, хвораю.

— Ахъ, кормилецъ ты мой! Что это у тебя? Голова чтоли болитъ?

„Схватила въ охапку меня на руки, и тащитъ на дворъ.

— Что ты, говорю, — безумная, выдумала? Оставь! Поля!—кричу, не давай ей.

„А она, знай, свое; вытащила меня на воздухъ; сѣла да на колѣнкахъ-то меня и держитъ; качаетъ, да дуя въ лицо, цѣлуетъ меня, и приговариваетъ: „охъ, батюшка! Экой ты у меня плохой!

„Имянинница я, знаете, на Симеона и Анны; вотъ послѣдніе-то годы все звала она меня Симеономъ; и всегда-то по разному. Какъ бывало назоветъ; я уже и знаю, ласкаетъ, или за что бранитъ — и сердится; привыкла, знаете къ этому. Когда была довольна, — все „Симеонъ“, да „Симеонъ-батюшка“, а какъ сердита; ни за что такъ не скажетъ, а все „Семка“ да „Семка“—А растревожусь, разсержусь я, бывало, и начну кому выговаривать что; она сейчасъ возьметъ меня за руку; гладитъ руку-то; въ глаза такъ и глядитъ, такъ и ласкается. „Вѣдь ты у меня Симеонъ—Богопріимецъ, батюшка; вѣдь онъ такъ прямо на ручки-то Господа и принялъ; да былъ хорошій, да кроткій такой. И тебѣ такъ-то надо“.

„По всему вотъ по этому-то и думаю я, что она любила меня. Ульяну Григорьевну покойную вотъ тоже любила она; даже плакала, какъ хоронить ее понесли.

„Еще матушку нашу Марію она очень любила; и рѣдкій-то день, бывало, не вспомнитъ объ ней. И съ портретомъ ея цѣлыми часами разговариваетъ; и всякой-то отъ ней посланной обрадуется; и все „Машенька да Машенька“, другаго названія и не было. И какъ ей все было извѣстно:

и заботы, и нужды обители; и какъ имъ начальницамъ-то трудно. Все бывало объ ней вздыхаетъ, да охаетъ. „Машеньку-то мнѣ жаль! Ахъ, какъ Машеньку-то жаль! Бѣдная Машенька“! Такъ что если въ обители, или у матушки непріятности какой быть, ходитъ моя Пелагія Ивановна,— и не подходи къ ней, растревоженная, разстроенная; ничѣмъ въ ту пору ей не угодишь. „Машенькѣ-то, поди, какъ трудно; никто ее не жалѣетъ“;—скажетъ она, ну, ужъ и знай, что уже что-нибудь да не ладно.

„Обитель она очень хранила, называя всѣхъ въ ней *своими дочками*. И точно была она для обители *матерью*; ничего безъ нея здѣсь и не дѣлалось. Въ послушаніе ли кого посылать, принять-ли кого въ обитель, или выслать, ничего безъ ея благословенія матушка не дѣлала. Что Пелагія Ивановна скажетъ, то свято; такъ тому уже и быть. И какъ, бывало, она скажетъ; такъ все и случится. Разъ приходитъ къ намъ которая-то изъ нашихъ сборщицъ; сидитъ вотъ да и ропщетъ: „батюшка-то Серафимъ, слышь, предсказывалъ, говорятъ, что чрезъ ометъ намъ деньги-то бросать будутъ, — только возьмите. А ужъ гдѣ же бросаютъ-то“?!—Вздохнетъ, да охнетъ. „Такъ-то просить, ничѣмъ не выпросишь“. Пелагія Ивановна и говоритъ ей: „у Бога милости много; а нашу обитель,—знай,—Онъ никогда не оставитъ“.

„А нынѣ вотъ осенью, какъ покража-то у насъ въ трапезѣ случилась, и приказано было все запереть, да построже держать; вотъ и затолковали у насъ: „бойтесь пожара; поподожгутъ“. Я слышу, да сестрамъ-то и говорю: „вы, сестры, смотрите; не больно крѣпко спите; насъ, говорятъ всѣ, — поджечь собираются“. — Пелагія-то Ивановна слушаетъ, да и говоритъ: „Полно! Ложитесь-ка себѣ, да покрѣпче спите. Обитель наша никогда ничѣмъ не повредится; и никогда въ ней ничего не случится; потому что тѣ, кому поручено, караулятъ“.—Въ это самое время, на эти слова ея, караулъ поставленный у собора изъ церковницъ, и забилъ въ доску. „И впрямь—говорю,—слышь: караульщицы-то наши пошли“.

— Эхъ, Симеонъ! Перебила она меня; ничего-то ты не понимаешь. Да вѣдь не эти караульщики. Что эти-то?! *Тотъ* караулитъ,—говоритъ,—кому поручено караулять обитель“.

„Должно быть разумѣла старица Серафима.

„А вотъ 1882 году всѣ затолковали у насъ, что скоро мощамъ быть, я и говорю разъ Пелагіи-то Ивановнѣ: „слышишь, что говорятъ? Мощи будутъ“.

— Будутъ,—отвѣчаетъ.

— Скоро ли? спрашиваю.

— Нѣтъ, говоритъ, еще не скоро.

„Мнѣ стало досадно.

— А ты-то, говорю, почемъ знаешь!

— Да я-то, говоритъ, хоть и не знаю; а только не скоро.

„А вотъ весною въ 1883 году, сидитъ она въ чуланѣ у открытаго окошка, да и говоритъ мнѣ: „Симеонъ, да поди-ка ты ко мнѣ, поговоримъ-ка немножко.

— Чтоже,—говорю; давай поговоримъ.

„Подошла, знаешь, я; и сѣла возлѣ нея на лавку.

— Гляди, говоритъ, Симеонъ! Какъ хорошо разцвѣло. А сама такъ и трепещетъ вся, такъ вотъ и ликуетъ. А я-то, знаешь, взглянула, вижу и вправду сирень разцвѣла, да и говорю: „матушка, гляди-ка какъ хорошо сирень-то разцвѣла“.

— Охъ, говоритъ, Симеонъ! какая же ты глупенькая! Ничего не понимаешь!

„И взяла меня за руку, крѣпко ее сжала, и говоритъ: „чрезъ шесть-то лѣтъ что въ обители разцвѣтетъ“! А сама такъ вотъ вся и трепещетъ. Тутъ только я поняла, что она, что-то видитъ, чего намъ не видно, и что-то хорошее обители предрекаетъ.

„Забѣгали къ Пелагіи Ивановнѣ и прочія, бывавшія въ обители, блаженныя рабы Божіи, — такія же, какъ и она дурочки, какъ себя они величали. Разъ напримѣръ зашла, такъ всѣми называемая *блаженная Паша Саровская*. Она потому и называлась *Саровскою*, что нѣсколько лѣтъ спасалась въ Саровскомъ лѣсу. Взошла, — и молча сѣла возлѣ

Пелагіи Ивановны. Долго смотрѣла на нее Пелагія Ивановна, да и говоритъ, „да! вотъ тебѣ-то хорошо; нѣтъ заботы, какъ у меня: вонъ дѣтей-то сколько“! Встала Паша, поклонилась ей низехонько и ушла, не сказавши ни слова въ отвѣтъ.—Спустя много лѣтъ послѣ того, сестра обители нашей Ксенія Кузьминишна, — старица прежнихъ Серафимовскихъ временъ, однажды во время обѣдни осталась одна съ Пелагіей Ивановной и сидя на лавкѣ у окна, тихонько расчесывала у ней голову, а Пелагія Ивановна спала. Вдругъ Пелагія Ивановна вскочила,—точно кто ее разбудилъ, такъ что старицу Ксенію испугала,—бросилась къ окну, открыла его и высунувшись на половину, стала глядѣть въ даль, и на кого то грозить. „Что такое? — подумала старица Ксенія, и подошла къ окну поглядѣть; и видитъ отворяется обительская калитка, что у Казанской церкви и въ нее входитъ блаженная Паша Саровская съ узелкомъ за плечами, направляется прямо къ Пелагіи Ивановнѣ, и что-то бормочетъ про себя. Подойдя ближе, и замѣтивъ, что Пелагія Иванавна ей что-то таинственно грозитъ, Паша остановилась и спросила: „что, матушка, или нейти!

— Нѣтъ,—говоритъ Пелагія Ивановна.

— Стало быть, рано еще? Не время?

— Да; подтвердила Пелагія Ивановна.

„Молча на это низко поклонилась ей Паша и тотчасъ же, не заходя въ обитель, ушла въ ту самую калитку. И послѣ этого года полтора не была у насъ.

„Вотъ онѣ, блаженныя-то, какъ разговариваютъ; поди и понимай ихъ, какъ хочешь... А онѣ, дурочки-то, все знаютъ лишь другъ на друга только взглянутъ, все и понимаютъ.

„Что-же, вы думаете, значили эти таинственные ихъ разговоры?—А вотъ что: лѣтъ за шесть до смерти Пелагіи Ивановны явилась къ намъ опять Паша съ какой-то дѣтскою куклою, а потомъ еще не много погодя и со многими куклами; нянчится, бывало, съ ними, ухаживаетъ за ними, называя ихъ *дѣтьми*. И стала Паша по нѣскольку недѣль, а потому ужъ и по нѣсколько мѣсяцевъ проживать у насъ въ обители гдѣ день, гдѣ ночь. За годъ до кончины Пела-

гіи Ивановны почти весь годъ прожила у насъ. А какъ скончалась Пелагія Ивановна, то осталась даже и совсѣмъ въ нашей обители.—Была нѣсколько разъ она у меня; и я пробовала предложить ей остаться.

— Нѣтъ, нельзя,—говоритъ; вонъ маменька-то невелитъ,—отвѣчаетъ мнѣ, показывая на портретъ Пелагіи Ивановны.

— Что это,—говорю; и невижу.

— Да ты-то, говоритъ, не видишь; а я-то вижу, не благословляетъ.

„Такъ и ушла; я поселилась у клиросныхъ въ корпусѣ.

„Точно также хаживали къ намъ и почитали Пелагію Ивановну и наши блаженныя: покойная сестра *Прасковья Семеновна*, тоже еще Серафимовская старица называвшая ее всегда: *Пелагія Ивановна—второй Серафимъ;* — также покойная же сестра *Прасковья Яковлевна*, называвшая ее *маменькой*.

„А вотъ, когда предъ самою смертію пришла къ намъ въ послѣдній разъ нѣкая *блаженная Евгенія Θеофановна*, не изъ нашей обители, а только бывавшая у насъ,—тутъ-то что было! Вотъ какъ теперь гляжу, и никогда не забуду: приходитъ она къ намъ, и два узла тащитъ всякихъ махровъ *) „Вотъ, Герасимовна сухоребрая,—кричитъ, никому не вѣрю; а тебѣ все имѣніе тащу."

—А ты полно дурить-то,—говоритъ ей Пелагія Ивановна, лучше о смерти поговоримъ".

„Θеофановна-то услышавши эти слова, какъ вскочитъ, подбѣжала къ ней, пала къ ногамъ ея и стала обнимать ихъ. „Ты меня проводи,—говоритъ; и такъ-то обѣ плакали, что жалость было смотрѣть на нихъ. Чрезъ нѣсколько дней,—не болѣе,—заболѣла Евгенія Θеофановна, 4-го февраля; стужа была страшная. Ужъ какъ и откуда она очутилась, не знаю. Просилась и билась подъ окномъ у дьякона Ивана Никитича Садовскаго, что въ приходѣ роднаго брата батюшки Василія,—да никто тамъ не впустилъ ее, зная, какъ

*) Клочковъ, тряпокъ.

бушуетъ блаженная. Вѣдъ ни угомонъ, ни законъ для нихъ не писанъ; не всякій терпѣть то ихъ можетъ. Такъ совсѣмъ было она и замерзла; да возлѣ колокольни-то жили Хохловскіе старикъ со старухой; тѣ и услыхали ея стоны; сжалились надъ ней, взяли къ себѣ въ избу, да мнѣ и сказали. Пришла я, вижу: лежитъ; и жалко мнѣ ея стало... Какъ быть? На ту самую пору Агаѳія Лаврентьевна, — нашей-же обители сестра говоритъ мнѣ: „жалко мнѣ тебя Герасимовна; будетъ съ тебя и одной; дай-ка я ее къ себѣ возьму“. И перенесли мы ее къ Агаѳьѣ-то Лаврентьевнѣ. Надругой день Пелагія-то Ивановна мнѣ и говоритъ: „Поди къ Евгеніи-то; захвати, пока жива“. Пошла я, а она лежитъ, какъ бы и не было ничего съ ней; и все бранится да блажитъ. Меня, — говоритъ, пріѣдутъ провожать-то съ колоколами“. Такъ и случилось. За батюшкой Васильемъ пріѣхали съ колокольчиками свадьбу вѣнчать; а Евгенія-то отходитъ; онъ на этихъ лошадяхъ съ колокольчиками и пріѣхалъ ее пріобщать. Тутъ и умерла она.

„И много ихъ хаживало къ намъ.

„Съ тѣхъ поръ, какъ Пелагія Ивановна поселилась съ обители, она ужъ никогда и никуда изъ нея невыходила. Разъ я начала упрашивать ее и говорить: „что бы намъ въ тобою въ Саровъ-то къ батюшкѣ Серафиму сходить, Пелагія Ивановна“.

— Пойдемъ, говоритъ; ну я и обрадовалась; наняла лошадь; собрались и отправились мы съ ней; да доѣхали до нашей монастырской-то гостинницы, — за ворота-то она и не ѣдетъ. „Зачѣмъ, — говоритъ, я поѣду. Чай не съума сошла. Онъ (то-есть, батюшка Серафимъ) всегда здѣсь. Не надо; не поѣду“.—Тѣмъ и окончилась Саровская наша поѣздка. Въ другой разъ вотъ помню Понетаевскія-то наши сосѣдки *), всегда очень ее любили, да и попробовали ее разъ позвать къ себѣ. „Какъ ты насъ обрадуешь-то, — говорили онѣ. Какъ тебѣ хорошо-то будетъ у насъ! Въ эки-

*) Понетаевская обитель находится недалеко и отъ Сарова, и отъ Дивѣева, Понетаевскія сестры выдѣлились изъ Дивѣева, и долго между собою соперничали, —безъ сомнѣнія по злобѣ врага спасенія нашего.

пажѣ тройку пришлемъ за тобой,—только поѣдемъ“. Она все молчала, да отворачивалась, а онѣ-то все, знай, къ ней лѣзутъ. „Хоть на недѣльку, на денекъ пріѣзжай“. — Наплевать вамъ, чай не вовсе я съума-то сошла?; отвѣчала имъ;—и ушла.

„Такъ весь вѣкъ свой и прожила, голубушка моя, у любимой своей печки на полу между тремя дверми.

„А вотъ еще скажу вамъ: съ грѣшными людьми часто бываетъ, что они за собою ничего не видятъ, а на другихъ укзываютъ. Что дѣлать, на то они и грѣшные люди. Вотъ такъ-то и у насъ было. Стали соблазняться тѣмъ, что Пелагія Ивановна не исповѣдуется и Святыхъ Таинъ не причащается. Вотъ приказали нашему батюшкѣ отцу Ивану Феминину (изъ сосѣдняго прихода, потому что своихъ священниковъ тогда еще не было)—исповѣдать ее. Пришолъ онъ; и долго—долго они пробыли вмѣстѣ наединѣ. Смотрю: выходитъ батюшка такой-то взволнованный, и пошелъ прямо къ матушкѣ настоятельницѣ; слышимъ: объяснилъ онъ ей, что Пелагія Ивановна великая раба Божія, и что она прямо высказала ему всѣ потаенные грѣхи его. И на счетъ Святыхъ Таинъ всегда хлопотали наши сестры-хлопотуши, обзывая ее испорченною, да меня за нее укоряли. А дѣло-то въ томъ, что она пріобщалась Святыхъ Таинъ, только не часто. Разболѣлись у ней какъ-то ноги; я и говорю: „не пріобщить ли тебя, Пелагія Ивановна“.

— Что-жъ? говоритъ, батюшка, хорошее дѣло.

„И пріобщилъ ее батюшка о. Василій. — точно также какъ-то разъ въ великій постъ, предложила я ей пріобщиться и она не только рада была, но даже сама все и правило-то къ прачащенію вычитала.—и пріобщилась. Разъ сестры такъ доняли меня, что не въ терпежъ мнѣ стало, я и говорю ей: „что это ты не пріобщишься? Вѣдь всѣ сестры говорятъ, что ты порченая.

— Ахъ, нѣтъ,—говоритъ, батюшка; старикъ-то батюшка Серафимъ вѣдь мнѣ разрѣшилп отъ рожденія до успенія.

„Что значили эти слова святаго старца, не знаю я, а думаю по моему глупому разуму, не указалъ ли онъ ей и тутъ путь высочайшаго самоотверженія. Что можетъ быть выше, радостнѣе и блаженнѣе пріобщенія святыхъ таинъ Христовыхъ? А онѣ,—эти блаженныя-то, добровольно осуждаютъ себя и на это лишеніе. А впрочемъ Богъ ихъ знаетъ! Съ ними бываютъ такія чудныя событія.

„Вотъ я вамъ еще скажу: разъ сестры тоже пристали ко мнѣ и укоряютъ, что не причащу Пелагію Ивановну. Вотъ пошла я и сказала о томъ батюшкѣ; а онъ мнѣ отвѣтилъ: „нечего слушать ихъ! Что онѣ понимаютъ? Когда она сама пожелаетъ; а этакъ ты, Герасимовна, за мной и не ходи. Знаю я Пелагію Ивановну, какая она раба Божія. Она съ такимъ благоговѣніемъ, съ такимъ смиреніемъ, съ такимъ страхомъ и трепетомъ принимаетъ святыя Христовы тайны, что вся даже просвѣтлѣетъ; и такъ вся ликуетъ отъ духовнаго восторга, что даже на меня самаго страхъ нападаетъ отъ этого ея просвѣтленія. Потому сама она лучше и насъ съ тобою знаетъ, когда Господь благословитъ ее пріобщиться". Съ тѣмъ я и ушла. А разуму-то, грѣшница, все еще не научилась. Такъ разъ вотъ въ 1882 году въ Петровки больно ужъ доняли меня опять сестры за то, что не пріобщила-то я ее. Собралась я сама пріобщиться, да все и приговариваюсь къ ней о томъ-же; а она все молчитъ. Я уже больно раздосадовалась. Пріобщиться-то я пріобщилась; да ее и выбранила за то, что она-то не пріобщилась; а она все молчитъ. Заснула я это ночью, и вижу: входятъ къ намъ священникъ и діаконъ съ чашею, и пріобщили ее. Проснувшись я, уже не во снѣ, а на яву слышу: отворилась дверь, и уходятъ; шаги мужскіе. „Поля, Поля! кричу соскочивши; кто у насъ былъ? кто сейчасъ вышелъ"? Проснулась Поля, и говоритъ: „никого не было". А Пелагія-то Ивановна вижу, молча сидитъ на любимомъ своемъ мѣстѣ, на полу у печки на войлочкѣ; и такая-то веселая, свѣтлая да румяная;—точно вся помолодѣла. Увидавъ ее такою, я стала просить у ней прощенія. „Ахъ матушка! Вѣдь ты святая; ты вѣдь молилась да"... Я не успѣла договорить; а она мнѣ: „что ты просишь у меня

прощенія; вѣдь я не то, что ты говоришь; я великая грѣшница".—Такъ и залилась я слезами, что оскорбила ее; а она, увидавши мои слезы, улыбнулась, да и простила. И вотъ съ этихъ-то уже поръ, что бывало ни говорятъ мнѣ, какъ ни досаждаютъ, никого я не слушалась; а какъ самой ей угодно;—какъ Господь ей укажетъ,—такъ и дѣлала.

„И частенько таки бывали ей подобныя посѣщенія свыше. Вотъ ужъ въ 1884 году не задолго до смерти, по обыкновенію лежу я на лежанкѣ ночью и не сплю; она тоже по обыкновенію своему всегда не спать ночи, сидитъ на любимомъ своемъ мѣстѣ, на полу у печки. Вотъ слышу я: пришелъ къ ней батюшка Серафимъ; слышу я голоса его и ея; и долго такъ говорили они. Я все слушаю, да слушаю; хочется, знаешь, узнать; а всего-то разслушать не могу; только понимаю, что все объ обители толкуютъ. И нашу матушку настоятельницу помянули; это-то я хорошо разобрала. Вотъ когда уже все стихло, и неслышно стало голосовъ ихъ, я и выхожу къ ней. „Это вѣдь у тебя, Пелагея Ивановна, батюшка Серафимъ былъ? Я его голосъ слышала; и вы съ нимъ все объ обители толковали, и матушку поминали: Вѣдь такъ? Что-жъ это значитъ? не случится ли—говорю, у насъ чего?"

— Мало-ли,—отвѣчала она, у насъ дѣлъ.

„Такъ и не добилась я у ней ничего.

„А вотъ также за 12 дней до смерти ея, лежу я на лежанкѣ ночью, а она на своемъ полу на войлочкѣ сидитъ,—вдругъ,—и никогда еще этого не было—слышу я: она запѣла, всего-то ужъ не упомню; а вотъ эти слова хорошо поняла: „ангели удивившая, какъ Дѣва восходитъ отъ земли на небо." Ахъ,—думаю, что это съ ней? Никогда еще такъ-то не бывало; какъ-бы чего не случилось?... И прошло мало; этакъ дня чрезъ два,—ночью опять слышу, что кто-то говоритъ съ нею; и такимъ какимъ-то страннымъ голосомъ, а она точно съ нимъ споритъ. „Это еще что? Кто это?—думаю; да не вытерпѣла и окликнула: „Маша! это ты что-ли?" А послушница Маша мнѣ и отвѣчаетъ: „Нѣтъ, матушка, не я; а должно быть не Пелагія-ли Гавриловна." А Поля-то крѣпко на крѣпко спитъ. Тутъ не выдержала я, вскочила

да и вхожу; вижу: сидитъ она на своемъ мѣстѣ. „Да что же это за странности?—говорю. Третьяго дня ты пѣла; и я очень хорошо это слышала да промолчала; сейчасъ опять кто-то страннымъ такимъ голосомъ разговаривалъ тутъ съ тобою. Хочу я знать, кто это былъ. Ужъ что нибудь это да значитъ"... Поглядѣла она на меня да развела руками.

— А вотъ тебѣ, говоритъ, и не узнать.

— Какъ, говорю я съ досадою, не узнать? Мало ли кто приходитъ! Кто тебя знаетъ! Можетъ, не воръ ли какой.

— Воръ и есть, говоритъ она,—тотъ самый, который души воруетъ.

„Поняла я тутъ страшный голосъ, что напугалъ меня;— и замолчала.

1884-й годъ былъ тяжелымъ для Серафимовой обители; настало время разстаться ей со „вторымъ Серафимомъ," дивной блаженной Пелагіей Ивановной, которой дѣйствительно „спаслись много душъ," какъ предсказалъ батюшка Серафимъ.

Монахиня Анна Герасимовна передала о послѣднихъ дняхъ жизни Пелагіи Ивановны слѣдующее: (Жизнеоп. г. Тверь. 1891 г.).

— Дня за два до того, какъ ей совсѣмъ слечь, говоритъ она мнѣ: „Охъ, Симеонъ, Симеонъ! Какъ мнѣ жаль матушку-то; да дѣлать-то нечего." Въ то время вся Царская Фамилія здѣсь ожидалась.

— Чтожъ, говорю, развѣ бѣда какая случилась?

— Да бѣда-то не очень велика,—говоритъ, а матушку-то мнѣ жаль." Тутъ какъ разъ я и разнемоглась; и затолковали у насъ въ кельѣ-то, какъ бы мнѣ не умереть.

— „А я-то съ кѣмъ-же останусь,—говоритъ Пелагея Ивановна, и подошла ко мнѣ."—Нѣтъ, маменька, вставай; мы съ тобой поживемъ еще маленько.

— Ну, говорю; когда мы другъ друга такъ любимъ, что ты безъ меня не хочешь оставаться, а я безъ тебя; такъ, давай кинемъ жребій, кому выйдетъ прежде умереть, тебѣ или мнѣ.

— Ну, говоритъ, давай. Не успѣла я сказать, какъ наши келейницы притащили намъ длинную предлинную бичевку. Пелагія Ивановна прехорошо стала перехватывать рукой. Вышло мнѣ прежде умереть. Увидя это, Пелагія Ивановна огорчилась, пригорюнилась, вздохнула и говоритъ: „Охъ, Господи! Да кого-же мнѣ искать-то еще. Нѣтъ, уже лучше я прежде умру!“ 11-го января, вставши съ мѣста, направилась она къ двери на дворъ, и говоритъ: „Охъ, Маша. Что-то у меня, какъ голова болитъ! Пойду-ка я въ остаточки на звѣзды-то небесныя погляжу.“ Не дойдя до двери, вдругъ упала; дурнота сдѣлалась съ ней; подняли мы ее; спрыснули святою водою; она чуточку очнулась, да и говоритъ: „что это, Господи, какъ бы не умереть! Симеонъ, Симеонъ, мнѣ матушку да тебя только жаль.“

— Полно-ка, говорю я; можетъ кого и еще?—Такъ-то такъ,—отвѣчаетъ; да матушку-то больше всѣхъ.

— Да,—говорю,—пожалѣешь вотъ ты. Нѣтъ, видно небольно жаль; коли не слушаешь никого, да рвешься къ двери-то. Вотъ какъ ужъ слаба: да принуждаешь меня вотъ тутъ на полу-то возлѣ тебя сидѣть да караулить.

„А она-то, моя голубушка, слушаетъ да вдругъ какъ поднялась, да такъ-то было скоро попыталась выдти; а ужъ не смогла; въ сѣняхъ-то опять было упала.

— Ой, Маша! Какъ меня тошнитъ,—говоритъ; и сѣла на лавкѣ.

„Подержали мы ей голову; водицей святой попоили, и повели въ келью. А она и мои-то руки цѣлуетъ, и Машины то, и даже у тутъ бывшей своей племянницы,—молодой клиросной Паши,—все и цѣлуетъ. Ей не даемъ мы: а она такъ и хватаетъ, и такъ-то цѣпко ловитъ руки-то, да все и цѣлуетъ, цѣлуетъ; такъ и уложили мы ее. Чрезъ нѣсколько этакъ дней гляжу какъ-то: поднялась моя Пелагія Ивановна, да прямо къ Машѣ; поклонилась ей въ ноги. Я что-то проворчала; смотрю, говоритъ; „прости меня Машенька, Христа ради.“ И мнѣ тоже въ ноги.

— Ужъ ты и въ правду не собираешься-ль умирать, Пелагія Ивановна—говорю; не полюбилось мнѣ это; что ужъ это за смиреніе такое напало. Вотъ всѣмъ въ ноги кла-

няется, да у всѣхъ руки цѣлуетъ; точно отблагодарить всѣхъ хочетъ.

— Да кто же знаетъ, матушка; вѣдь пожалуй умрешь,— говоритъ.

— На дняхъ вотъ и ко мнѣ подошла, да поклонилась въ ноги тоже,—замѣтила мнѣ Пелагія Гавриловна.

Она молчитъ.

— Ну, думаю; ужъ если такъ ласкается да смиряется, видно въ правду умереть собирается; всѣхъ, значитъ, и благодаритъ.—И сжалось у меня сердце-то.

„20-го января подала ей Маша чаю; а она и не встаетъ.

— Что это вы, матушка, спрашиваю я.

— Положи-ка меня хорошенько, Марья; я больно хвораю, сказала она.

„Такъ и не пила ничего, и не ѣла; и молчитъ.

— Матушка,—говоритъ мнѣ Маша-то; вотъ Пелагія-то Ивановна очень захворала.

— Что это съ тобою, матушка? подошла я къ ней и спросила.

— Да вѣдь я, маменька, захворала, говоритъ.

— Чтожъ. Послать, что-ли сказать. Пріобщиться надо. Да—говоритъ.

„А глаза веселые—развеселые; и сама вся радостная; и всѣхъ-то креститъ, кто ни приди.

„23-го ночью былъ громъ и молнія; а утромъ какъ разъ пришелъ съ обѣденными дарами священникъ нашъ Иванъ Доримедонтовичъ Смирновъ пріобщить ее; сталъ возлѣ ея кровати на колѣни и поднесъ святую чашу; но блаженная тихонько отодвинула ее отъ себя; и такъ нѣсколько разъ дѣлала. Бывшая тутъ м. Аѳанасія Назарова насильно скрестила было ей руки, говоря: „пріобщайте, батюшка"; но Пелагія Ивановна съ необыкновенной силой оттолкнула ее, и опять тихонько отодвинула святую чашу.

— Оставьте ее, не насилуйте,—сказалъ батюшка; и сталъ уговаривать ее.

— Развѣ другой-то разъ можно? проговорила блаженная.

„Батюшка приказалъ всѣмъ выдти. Всѣ и ушли; остались только мы съ батюшкой. Тишина была мертвая. Пелагія Ивановна какъ должно пріобщилась и запила теплотою.

„Вечеромъ просили мы того же батюшку Смирнова особоровать ее.

— Не достоинъ я, говоритъ; но мы уговорили его. Особоровавшись она была веселая, хорошая такая; и на другой день въ понедѣльникъ веселая же была всѣхъ встрѣчала, привѣтствовала и провожала глазами, кто бы ни приходилъ къ ней; а приходило много прощаться.

„25-го января, не предупредивъ меня о томъ, пришли читать ей отходную. Я какъ батюшку-то увидѣла; такъ, знаете, потревожилась.

— Кто это догадался?—говорю.—А она мнѣ: „полно,—говоритъ, маменька, не тревожься. Вѣдь это ничего; молитва Богородицѣ только.“ Прочелъ батюшка отходную; а у меня вотъ такъ сердце-то и разрывается.

— Что это, Пелагія Ивановна, видно ты ужъ и вправду умереть хочешь?

— Умру, маменька,—отвѣчаетъ. И кто меня помнитъ, того и я помню; и если буду имѣть дерзновеніе, за всѣхъ буду молиться.

— А матушку-то,—говорю,—такъ и оставишь?

— Нѣтъ, говоритъ, маменька; я тамъ ей еще больше помогу; буду Господа за нее просить.

„Съ этихъ самыхъ словъ, съ середы вечера она совсѣмъ умолкла. Съ субботы же 28-го января совсѣмъ даже и глазъ не раскрывала. И когда пріѣхали къ ней въ этотъ день два племянника ея проститься съ нею; то одного изъ нихъ, Николая Андреевича, она только перекрестила.

„Съ субботы на воскресенье ночью она крѣпко, и будто такъ спокойно спала; что мы съ матушкой благочинной говорили, что можетъ быть, судя по такому сну, она и поправится.

„Въ воскресенье, 29-го января къ вечеру сдѣлался съ блаженною сильный жаръ, такъ что она не могла уже совсѣмъ спать, а въ 12 часовъ ночи на понедѣльникъ, 30-го января, вдругъ успокоилась совершенно; тихо, крѣпко и такъ глубоко заснула. И вотъ въ этомъ-то послѣднемъ земномъ снѣ своемъ она ко второму часу, стала дышать все какъ-то глубже и рѣже; и ровно въ четверть втораго часа на понедѣльникъ 30-го января—(въ праздникъ трехъ святителей и день кончины родной ея матери) Пелагіи Ивановны не стало. Чистая, многострадальная душа ея отлетѣла ко Господу.

„Убрали блаженную въ бѣленькую рубашку, въ сарафанъ, положили большой сѣрый шерстяной платокъ на плеча повязали голову бѣлымъ шелковымъ платочкомъ; однимъ словомъ нарядили такъ, какъ она и при земной жизни своей наряжалась. А такъ какъ она любила цвѣты, то въ правую ея руку дали ей букетъ цвѣтовъ; на лѣвую надѣли шелковыя черныя четки, потому что батюшка Серафимъ, благословляя ее на ея подвигъ юродства Христа ради, самъ далъ ей четки.

„Лишь только убрали ее совсѣмъ,—ударили въ большой колоколъ; и такъ какъ это было два часа ночи, то колокольный звонъ напугалъ многихъ сестеръ; думали не пожаръ ли. Блаженная Паша Саровская, пріютившаяся въ то время у насъ,—сказала: „какой пожаръ?! Вотъ глянуло солнышко; ну, маленько снѣжокъ-то и растаялъ; теперь въ обители-то у васъ темно будетъ.“

„Такъ и стояла Пелагія Ивановна три дня въ крошечной, тѣсной келейкѣ своей. Здѣсь биткомъ былъ набитъ народъ, ни на минуту не выходившій; здѣсь все время зажигались и горѣли свѣчи, непрестанно совершались паннихиды, и вслѣдствіе того жара была нестерпимая; — и не смотря на все это она лежала во гробѣ,—моя красавица, точно живая, точно вся просвѣтлѣвшая.

„На третій день вечеромъ,—какъ и говорила она, что сдѣлаютъ ей гробъ не въ примѣръ другимъ, и вправду положили ее въ прекрасный кипарисный гробъ, весь укра-

шенный херувимами, со словами: *Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный, помилуй насъ*; на крышкѣ и на гробѣ: *со святыми упокой* выкаленными словами. А на внутренней сторонѣ гробовой крышки была привинчена дощечка съ надписью: „проходившая путь Христа ради юродства раба Божія блаженная Пелагея 30-го января 1884 года отошла ко Господу". Перенесли ее въ теплую зимнюю Тихвинскую церковь, гдѣ и простояла она до девятаго дня, въ которой и схоронили ее. Это промедленіе произошло вотъ по какому особенному случаю: пожелали похоронить ее въ склепѣ новаго собора и матушка послала просить разрѣшенія Нижегородскаго Преосвященнаго Макарія. Всѣ эти дни стояла она въ теплой зимней церкви Тихвинской Божіей Матери. Здѣсь по окончаніи церковныхъ богослуженій ни день ни ночь неумолкало чтеніе псалтири по усопшей; здѣсь непрестанно совершались по ней панихиды, числомъ отъ 30 до 40 въ теченіи дня, здѣсь постоянно горѣли вокругъ гроба свѣчи; сюда кромѣ монастырскихъ стекались со всѣхъ епархій цѣлыя тысячи міранъ, которые благоговѣли предъ ней, которые и уважали ее всегда и во всемъ къ ней прибѣгали; а также при гробѣ гробѣ ея скорбѣли и плакали, что они лишились въ ней своей матери, утѣшительницы и молительницы. И все это, вмѣстѣ взятое, невольно производило какой то благоговѣйный трепетъ въ душѣ всякаго, здѣсь находившагося, трогало всѣхъ до глубины души, умиляло даже и жестокія сердца. Народу не только не убывало, но напротивъ, прибывало съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, такъ что матушка игуменія, снисходя къ слезной ихъ просьбѣ, а равно и по благоговѣнію къ почившей рабѣ Христовой нашлась вынужденной—дать дозволеніе и ночи проводить имъ у гроба. Вслѣдствіе этого церковь не только днемъ, но и ночью была наполнена все прибывавшимъ народомъ. Жара стояла въ храмѣ такая, что со стѣнъ потекли потоки воды, и даже на холодныхъ папертяхъ было такъ тепло, какъ въ кельяхъ. И не смотря на это, почившая раба Христова лежала во гробѣ своемъ, какъ будто только лишь забыв-

шаяся сладкимъ сномъ, ничего не являла въ себѣ мертвеннаго, лежала какъ живая, даже не холодная, а теплая, и непрестанно мѣнялась въ лицѣ своемъ, не имѣя ни малѣйшаго мертвеннаго безобразія; а напротивъ,—сіяла какою-то духовною красотою. Вся она съ головы до ногъ осыпана была свѣжими цвѣтами, которые и при жизни такъ любила; цвѣты эти непрестанно замѣнялись новыми, и тотчасъ же нарасхватъ разбирались массами народа, уносившаго ихъ домой съ благоговѣніемъ.

Въ девятый день послѣ кончины блаженной т. е. седьмаго февраля 1884 г. совершено отпѣваніе ея при громадномъ стеченіи народа. Когда послѣ отпѣванія и продолжительнаго послѣдняго прощанія понесли многострадальное тѣло подвижницы Христовой къ нарочито—приготовленному мѣсту упокоенія у Свято-Троицкаго собора противъ главнаго алтаря, и когда стали закрывать крышкой гробъ; то и тогда прощавшіеся съ нею свободно брали ея ручки, которыя были такъ гибки, мягки и теплы, какъ у живой.

Могила ея первоначально обнесена была деревянною рѣшеткою и обсажена кустами сирени, жимолости и цвѣтами. На самомъ мѣстѣ, гдѣ въ каменномъ склепѣ поставленъ гробъ ея, первоначально положена была простая дубовая доска съ крестомъ на ней изъ чернаго дуба—частью по неимѣнію тогда средствъ, частью по уваженію къ тому убогому ложу ея, которое она такъ любила во всю свою земную жизнь.

Къ этому простосердечному, искреннему и задушевному повѣствованію достопочтенной Анны Герасимовны мы прибавимъ еще нѣсколько свѣдѣній, собранныхъ отъ другихъ лицъ, близкихъ къ подвижницѣ Христовой.

Художникъ *М. П. Петровъ*, нынѣ здравствующій, пользовался особеннымъ расположеніемъ Пелагіи Ивановны и нареченъ ею *духовнымъ ея сыномъ*. Онъ представляетъ собою живой примѣръ того поразительнаго благодатнаго дѣйствія, посредствомъ котораго она обращала на путь спасенія сердца человѣческія. Вотъ что онъ разсказываетъ о первомъ своемъ посѣщеніи Пелагіи Ивановны: „послѣ бур-

ной моей жизни, побывъ на Аѳонѣ и въ Іерусалимѣ, я не зналъ, на что мнѣ рѣшиться, идти ли въ монастырь или жениться. На возвратномъ пути изъ этого благочестиваго путешествія заѣхалъ я въ Саровъ и въ Дивѣево; это было въ 1874 году. На второй день по пріѣздѣ въ Дивѣево, меня свели въ келью къ юродивой Пелагіи Ивановнѣ о которой много давно я слыхалъ; когда взошелъ въ ея келью, меня такъ поразила ея обстановка, что я сразу не могъ понять, что это такое; на полу на войлокѣ сидѣла старая, скорченная и грязная женщина, съ огромными ногтями на рукахъ и босыхъ ногахъ, которые произвели на меня потрясающее впечатлѣніе. Когда мнѣ сказали, что это и есть Пелагія Ивановна, я нехотя поклонился ей и пожалѣлъ, что пошелъ къ ней; она не удостоила меня отвѣтомъ на поклонъ мой, и съ полу пересѣла на лавку, гдѣ и легла. Я подошелъ къ ней и спросилъ: „идти ли мнѣ въ монастырь или жениться“? Она ничего на вопросъ мой не отвѣтила; и только зорко на меня смотрѣла своими быстрыми блестящими глазами. Я повторилъ раза три тотъ же вопросъ, и не получая отъ нея отвѣта, ушелъ отъ нея раздосадованный и разочарованный, рѣшившись къ ней ужъ болѣе не ходить. Проживъ цѣлый мѣсяцъ въ Дивѣевѣ въ монастырской гостинницѣ и занимаясь живописью въ соборномъ храмѣ, я часто слышалъ упреки отъ монахинь и отъ начальницы гостинницы въ томъ, что я не вѣрю благодатнымъ дарамъ Пелагіи Ивановны, и по настойчивой просьбѣ начальницы гостинницы рѣшился еще разъ зайти въ ея келью; и съ большею неохотою пошелъ, лишь бы только болѣе мнѣ ею надоѣдали. Когда взошелъ я въ келію Пелагіи Ивановны, я нашелъ ее по прежнему сидящею на полу на войлокѣ; но она немедленно по приходѣ моемъ встала и выпрямилась предо мною во весь ростъ. Это была женщина красиво сложенная, съ необыкновенно живыми, блестящими глазами. Постоявъ предо мною, она начала бѣгать по комнатѣ и хохотать, затѣмъ подбѣжала ко мнѣ, ударила по плечу и сказала: „ну, что?“. У меня давно болѣла эта рука отъ паралича, но послѣ этого ударенія Пелагіи Ивановны боль въ ней мгновенно и совершенно

прошла. На меня напалъ какой то паническій страхъ; и я ничего не могъ ей сказать; молчалъ и весь трясся отъ испуга. Потомъ она начала разсказывать мнѣ всю мою прошедшую жизнь съ такими поразительными подробностями, о которыхъ никто не зналъ, кромѣ меня,—и даже разсказала содержаніе того письма, которое я въ этотъ день послалъ въ Петербургъ. Это меня такъ поразило, что у меня волосы стали дыбомъ на головѣ; и я невольно упалъ предъ ней на колѣни и поцѣловалъ ея руку. И съ этого разу сталъ я,—продолжаетъ достопочтенный М. П. Петровъ,—усерднымъ ея посѣтителемъ и почитателемъ, неотступно надоѣдалъ ей своими просьбами и вопросами и удостоился такого ея расположенія, что она не только на личные мои вопросы, но и письма мои всегда охотно и прозорливо отвѣчала или краткими записочками или чрезъ добрыхъ знакомыхъ. Я часто къ ней ѣздилъ и проживалъ подолгу въ Дивѣевѣ собственно для того, чтобы видѣть и слышать дивную старицу. Она меня вытащила со дна ада.

„Сестрѣ моей,—говоритъ онъ, Пелагія Ивановна предсказала смерть за два года.

„Со мною самимъ,—продолжаетъ онъ,—было такое обстоятельство: я собирался съѣздить въ Бологое, гдѣ жилъ тогда извѣстный о. Николай, бывшій миссіонеръ, котораго почитали за великаго мужа. Мнѣ хотѣлось съ нимъ повидаться и побесѣдовать; но я не рѣшался ѣхать безъ позволенія Пелагіи Ивановны. Я написалъ къ ней письмо и просилъ у ней позволенія на эту поѣздку. Письмо было готово; я одѣлся и хотѣлъ уже идти на почту. Въ это время входитъ почтальонъ, и подаетъ мнѣ письмо отъ Пелагіи Ивановны. Къ удивленію моему она мнѣ пишетъ, чтобы я не ѣздилъ къ о. Николаю; это меня чрезвычайно удивило; прежде. чѣмъ я послалъ письмо съ моимъ вопросомъ, я получаю уже отъ нея отвѣтъ.

Въ 1881 году я былъ боленъ дифтеритомъ,—говоритъ тотъ же Петровъ;—пять сутокъ лежалъ я совершенно безъ чувствъ, на шестые сутки стало мнѣ полегче; и я взглянувши на портретъ Пелагіи Ивановны, сказалъ: „чтожъ

ты меня не навѣстишь? Когда ты была больна, я нарочно къ тебѣ ѣздилъ". И немного погодя заснулъ; и что же? Вижу во снѣ, что Пелагія Ивановна стоитъ около меня и говоритъ: „вотъ я и пришла къ тебѣ навѣстить тебя; не бойся, не умрешь". И михаилъ Петровичъ выздоровѣлъ.

„Однажды Пелагея Ивановна пила чай,—говоритъ онъ еще,—и ей налили чашку сладкаго чая. Вдругъ она вскочила съ полу, схватила чашку и побѣжала съ нею на улицу, и вылила эту чашку по направленію къ одной деревнѣ. На другой день приходитъ къ ней женщина изъ этой деревни, бросается къ ней; благодаритъ ее, и разсказываетъ, что у нихъ вчерась былъ пожаръ въ ихъ деревнѣ. „Ужъ началъ загораться и мой амбаръ съ хлѣбомъ,—говорила она сквозь слезъ; я упала на колѣни и закричала: „матушка Пелагея Ивановна! спаси" и тотчасъ вѣтеръ подулъ въ другую сторону, и огонь сталъ потухать". По разсказу этой женщины вѣтеръ перемѣнился, а огонь сталъ утихать въ ту самую минуту, когда Пелагея Ивановна вылила чашку чаю въ ту сторону, гдѣ стояла эта деревня.

„Благодарю Бога, — говоритъ въ душевномъ умиленіи М. П. Петровъ, что Господь удостоилъ меня видѣть такую рабу Божію; и не только я удостоился видѣть ее, но и сподобился называться духовнымъ сыномъ ея.

Говоря далѣе о разныхъ обстоятельствахъ жизни Пелагеи Ивановны и о разныхъ духовныхъ дарованіяхъ ея, достопочтенный М. П. Петровъ разсказываетъ слѣдующій случай: однажды по возвращеніи ея изъ Сарова въ Арзамазъ, она встрѣтилась съ одной дѣвицей и говоритъ ей: ты выйдешь замужъ вотъ за этого молодаго человѣка; и указа на шедшаго мужчину. Эти два семейства были во враждѣ; и нельзя было ожидать согласія на бракъ отъ родителей; а между тѣмъ чрезъ мѣсяцъ дѣвица вышла именно за этого человѣка.

Въ Дивѣевѣ къ ней сталъ стекаться со всѣхъ сторонъ народъ, — люди разныхъ званій и состояній; всѣ спѣшили увидѣть ее и услышать отъ нея мудрое слово назиданія,

утѣшенія, совѣта духовнаго, или обличенія и укора, — смотря каждый по своей потребѣ. И она, обладая даромъ прозорливости, говорила каждому, что для него было нужно и душеспасительно,—съ инымъ ласково, а съ инымъ грозно; иныхъ же вовсе отгоняла отъ себя и бросала въ нихъ камнями; другихъ жестоко обличала; причемъ голосъ ея, какъ нѣкогда у блаженнаго, Христа ради юродиваго, Андрея подобно колоколу звучалъ сильно и благодатно, такъ что кто его слушалъ, во вѣкъ не могъ забыть потрясающаго дѣйствія ея словъ. А говорила она почти не умолкаемо, то прямо и ясно, смотря по душевной потребѣ слушавшихъ.

„Послѣ 20-лѣтняго подвижничества въ Дивѣевѣ Пелагея Ивановна вдругъ рѣзко измѣнила образъ своей жизни. Однажды сказала она своей сожительницѣ, Аннѣ Герасимовнѣ: „сейчасъ былъ у меня батюшка Серафимъ, велѣлъ молчать и находиться болѣе въ кельи, чѣмъ на дворѣ“. — И она зомолчала, и рѣдко кого удостоивала своимъ разговоромъ, говорила мало, отрывистыми фразами; болѣе сидѣла въ келіи и подобно преподобному Арсенію Великому, стала избѣгать людей и болѣе внимать себѣ. Въ это время духовные подвиги ея были самые разнообразные“.

Объ умерщвленіи плоти мы уже знаемъ довольно подробно изъ разсказовъ Анны Герасимовны, напр., о ношеніи камней, о бросаніи кирпичей въ воду, о палкахъ и пр.; но кромѣ этихъ подвиговъ были и другіе; именно: та цѣпь желѣзная, которою нѣкогда приковывалъ ее мужъ ея, и которую она принесла съ собою въ Дивѣево, служила и теперь ей подъ часъ изголовьемъ. Спала она и сидѣла всегда на полу, и непремѣнно около входной двери въ келію, такъ что проходящіе нерѣдко наступали на нее, или обливали ее водою, — что видимо доставляло ей удовольствіе. Какъ только всѣ въ келіяхъ улягутся на ночь спать, Пелагея Ивановна, тоже притворившаяся, что ложится спать, вставала, становилась на молитву, и молилась почти всегда до утра, тихо плакала и вздыхала на молитвѣ и иногда въ восторгѣ духовномъ громко восклицала, — чѣмъ и будила бывшую около ней келейницу Анну Герасимовну, причемъ

притворилась спавшею и восклицавшую во снѣ. Пищу принимала умѣренно и питалась преимущественно чернымъ хлѣбомъ, который носила всегда за пазухой, и изъ котораго катала шарики. Эти шарики служили ей вмѣсто четокъ при совершеніи молитвы Іисусовой. И это было почти постояннымъ ея занятіемъ.

„Любила она очень цвѣты,—говоритъ М. П. Петровъ,—подтверждая разсказъ Анны Герасимовны — и если имѣла ихъ въ рукахъ, задумчиво перебирала ихъ, тихо нашептывая молитву. Въ послѣднее время живые цвѣты почти всегда имѣлись у ней въ рукахъ, потому что ихъ приносили ей тѣ, кто желалъ сдѣлать ей удовольствіе; и эти цвѣты видимо утѣшали ее. Перебирая ихъ и любуясь ими, она и сама дѣлалась свѣтлою и радостною, точно витала уже умомъ своимъ въ иномъ мірѣ. Ногтей своихъ Пелагея Ивановна никогда не обрѣзывала, и никогда не ходила въ баню. Вообще тѣло свое видимо истязала и угнетала.

„Такіе подвиги Пелагеи Ивановны стали привлекать къ ней вниманіе Дивѣевскихъ монахинь; и прежнее нерасположеніе къ ней у многихъ изъ нихъ смѣнилось уваженіемъ. Въ келью къ ней стали ходить многія изъ нихъ или для того, чтобы посмотрѣть на подвижницу, или послушать ее, или получить отъ нея что-нибудь; потому что мірскіе люди приносили ей разныя приношенія, которыя она раздавала монахинямъ. Но были между сестрами и такія, которыя упорно продолжали преслѣдовать подвижницу Божію своею ненавистью и всячески осуждали ее и укоряли. Такихъ особенно любила Пелагея Ивановна, и всячески старалась платить имъ за зло добромъ. Инокини, привязанныя къ подвижницѣ, глубоко вѣровали въ силу ея молитвы, искали у ней наставленій духовныхъ и обрѣтали ихъ въ ея краткихъ, прозорливыхъ рѣчахъ. Такъ одна благочестивая монахиня Дивѣевская, сильно къ ней привязавшаяся, видя ея подвиги, дерзнула просить у Господа, чтобы Онъ открылъ ей, вѣренъ ли тотъ путь, по которому идетъ эта подвижница Божія, и ведетъ ли ее ко спасенію, потому что часто прихо-

дилось ей слышать разнорѣчивые толки другихъ монахинь объ этомъ; и у ней самой сердце иногда колеблется по этому поводу. Господь услышалъ ея молитву. Она увидѣла во снѣ, что Пелагея Ивановна идетъ по двору монастырскому, и два ангела ведутъ ее подъ руки. Когда проснувшись монахиня эта пошла къ Пелагеѣ Ивановнѣ, разсказать ей свой сонъ; та предварила ея разсказъ строгимъ запрещеніемъ, никому не говорить о томъ, что она видѣла во снѣ.

Игуменія Серафимо-Дивѣевскаго монастыря

Мать Марія.

Портретъ къ 50-ти лѣтнему ея юбилею.

ГЛАВА XXXI.

Двадцатипятилѣтній юбилей игумени Маріи. Саровскій игуменъ Рафаилъ. Комиссія по разслѣдованію чудесъ о. Серафима.

Чтобы судить къ чему привели труды достоуважаемой игумени Маріи и какъ обставилась жизнь Серафимовыхъ сиротъ и сестеръ чрезъ 25 лѣтъ управленія монастыремъ, по завѣтамъ Царицы Небесной и заповѣдямъ батюшки о. Серафима,—ихъ первой игумени, исторія должна обратиться къ записямъ и указаніямъ сестеръ, сдѣланныхъ по случаю двадцатипятилѣтняго юбилейнаго торжества игуменіи Маріи. Въ 1887-мъ году была напечатана въ Нижнемъ-Новгородѣ слѣдующая брошюра о вышеупомянутомъ юбилеѣ:

1887-го года 14-го марта, въ день празднованія Божіей Матери Θеодоровской, исполнилось 25 лѣтъ со дня служенія настоятельницы монастыря въ санѣ игуменіи.

День празднованія юбилея игуменіи Маріи совпалъ со днемъ ея поступленія въ обитель и днемъ празднованія иконы Θеодоровской Божіей Матери, которою она была благословлена родителемъ ея при поступленіи въ обитель, какъ иконою древне-родовою въ семействѣ Ушаковыхъ, изъ рода которыхъ она происходитъ.

Наканунѣ этого дня, 13-го марта было совершено торжественно всенощное бдѣніе, во время котораго, по прочтеніи каѳизмъ, священно-іерей монастыря произнесъ слѣдующее слово, составляющее краткій очеркъ жизни и дѣятельности игуменіи:

Возлюбленныя сестры о Христѣ! Нынѣ совершилось двадцатипятилѣтнее служеніе достоуважаемой нашей игуме-

ніи. И вотъ, по влеченію духа любви и признательности къ ней, собрались мы нынѣ сюда всѣ, чтобы освятить день сей благодарственнымъ Господу Богу моленіемъ и изъявленіемъ взаимнаго сорадованія и соутѣшенія при поднесеніи ей св. Креста.

Всѣмъ вамъ, достоуважаемыя старицы и сестры, болѣе или менѣе извѣстны жизнь и дѣятельность вашей настоятельницы на пользу обители, но позвольте и мнѣ вмѣстѣ съ вами вспомянуть главнѣйшія ея заслуги предъ обителью, что хорошо извѣстно мнѣ со словъ уважаемаго вами покойнаго протоіерея о. Василія. Обитель наша несомнѣнно процвѣтаетъ по молитвамъ Царицы Небесной, взявшей ее подъ свое покровительство, а также и о. Серафима, какъ ея основателя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и по неусыпнымъ заботамъ и трудамъ настоящей вашей игуменіи, которая трудится на пользу обители въ должности начальницы не 25, — а двадцать семь лѣтъ уже, включая два года ея начальствованія до смутнаго, тяжелаго времени въ обители. Кромѣ того, она служила еще 8 лѣтъ и въ должности казначеи, въ самое трудное для монастыря время, когда, кромѣ долговъ, у монастыря ничего не было; не было даже въ довольствѣ и насущнаго хлѣба. До нея начальствовавшая Екатерина Васильевна Ладыженская, по великому стѣсненію отъ вмѣшательства въ монастырское управленіе іеромонаха Іоасафа, сочла за лучшее удалиться на покой. Въ такомъ-то плачевномъ состояніи, при крайней матеріальной скудости и при разстройствѣ въ управленіи, настоящая ваша игуменія Марія приняла обитель на свое попеченіе. За два года своего начальствованія, при помощи Божіей, при неусыпныхъ трудахъ, она значительно было упрочила благосостояніе обители, пріобрѣтши благодѣтелей; но врагъ рода человѣческаго, не терпящій ничего добраго, сталъ и на этотъ разъ препятствовать всѣмъ благимъ ея начинаніямъ и достигъ того, что въ короткое время, по наущенію и коснямъ его, начальница ваша, чрезъ злыхъ людей, была оклеветана въ небывалыхъ проступкахъ и безвинно была удалена отъ должности, къ общему огорченію всѣхъ васъ. Господу неугодно было, чтобы она безвинно терпѣла по-

ношеніе и позоръ: Онъ устроилъ такъ, что Марія, утвердившись въ терпѣніи на дальнѣйшіе подвиги, черезъ полгода была оправдана и не только возстановлона въ своей должности—начальницы, но возвышена возведеніемъ въ санъ первой игуменіи обители, основанной старцемъ Серафимомъ; и вотъ, по милости Божіей, двадцатипятилѣтіе служенія ея въ этомъ высокомъ санѣ мы нынѣ празднуемъ.

Всѣмъ вамъ, возлюбленныя сестры, я думаю, памятна тяжелая година испытанія и неустройства въ обители, когда у васъ безвинно отняли любимую настоятельницу, и вопреки вашего желанія, поставили новую начальницу. Всѣ вы навѣрно скажете, что это тяжелое испытаніе васъ не разлучило, но еще болѣе соединило съ нею по духу любви христіанской. Всѣ вы свидѣтельницы, что, принявъ вновь начальство въ разстроенной обители и твердо надѣясь на промыслъ Божій, игуменія Марія еще съ большимъ трудомъ, съ большею ревностію и усердіемъ стала заниматься благоустройствомъ обители во всѣхъ отношеніяхъ. Духовный союзъ вашъ сталъ крѣпокъ взаимной любовію. Въ это время, по ходатайству Царицы Небесной и по молитвамъ почившаго основателя ея Серафима, Господь помогалъ вамъ невидимо: неожиданно нашлись щедрые благодѣтели и въ короткое время отстроился благолѣпный соборъ нашъ, который до того времени строился медленно. За симъ, въ скоромъ времени, по ходатайству и усиленнымъ хлопотамъ вашей настоящей игуменіи, нарѣзаны были отъ казны въ разное время два лѣсныхъ участка въ вѣчное пользованіе, и пріобрѣтена была ею еще одна лѣсная дача; потомъ пріобрѣтено было и Каратаевское имѣніе. Послѣ пріобрѣтенія лѣсныхъ дачъ игуменія Марія занялась устройствомъ обители внутри и возведеніемъ новыхъ построекъ и корпусовъ, которые, появляясь одинъ за другимъ, въ скорое время украсили обитель и доставили большія удобства для вашего помѣщенія. Ею же украшены и ремонтированы и прочіе храмы, и заведено и партесное пѣніе; ею же устроенъ и свѣчной заводъ, а также усовершенствовано живописное искусство; улучшено скотоводство и полевое хозяйство. Вообще, весь монастырь своимъ благолѣпіемъ и благо-

устройствомъ обязанъ хлопотамъ и неусыпнымъ долголѣтнимъ трудамъ настоящей игуменіи вашей, за которые мы и приносимъ ей теперь искреннюю благодарность.

Не забудемъ также, что она увеличила и число сестеръ въ обители, не взирая на трудное время по содержанію и вздорожанію хлѣба и всѣхъ съѣстныхъ припасовъ. Не оставимъ также безъ вниманія и отличительную черту ея характера—безпристрастности, по которой она ко всѣмъ одинаково добра и милостива, какъ къ старшимъ, такъ и къ младшимъ, какъ къ богатымъ, такъ и къ бѣднымъ, какъ истинная мать,—для которой всѣ дѣти одинаковы любезны. Къ себѣ она только строга; но болѣе снисходительной начальницы къ немощамъ и слабостямъ подчиненныхъ и найдти трудно. Никому она не хочетъ погибели, а всѣмъ желаетъ дѣлать одно только добро. Не полагаетъ она достоинства въ дерзости сужденія,—не находитъ и удовольствія въ многорѣчіи; не оскверняютъ языка ея насмѣшка и злорѣчіе, и никто не видѣлъ, чтобы она предалась необузданному гнѣву: здравый умъ и доброе сердце отверзаютъ уста ея только для слова дѣльнаго, полезнаго и чистаго.

Послѣ сего краткаго обзора дѣятельности вашей настоятельницы на пользу обители, и еще болѣе кратчайшей характеристики ея, на которую я осмѣлился, достоуважаемыя сестры, будемъ молить Господа, чтобы Онъ, Милосердый, укрѣпилъ ее силами и продлилъ ея жизнь для блага обители на многія лѣта, укрѣпивъ въ васъ взаимную любовь какъ незыблемое основаніе всякаго благоустроеннаго общества. Аминь.

На слѣдующее утро, 14-го марта, при многолюдномъ стеченіи въ обитель прибывшихъ богомольцевъ, предъ литургіею, положительно переполненный храмъ обитательницами многолюднаго монастыря, представлялъ собою необычно величественно - торжественное зрѣлище: коврами была застлана паперть, двумя сплошными живыми стѣнами отъ самаго входа до игуменскаго мѣста, въ благоговѣйномъ ожиданіи радостно любовію всѣхъ приготовленной встрѣчи, стояли монашествующія общежитія; у самаго входа во храмъ держала маститая восьмидесятилѣтняя Серафимовская ста-

рица монахиня Дорофея (Өомина), весь снизу до верха украшенный ландышами, посохъ игуменіи, а надъ празднично убраннымъ игуменскимъ мѣстомъ находился роскошный вѣнокъ изъ ландышей со словами изъ незабудокъ: „14-е марта 1887 года, 25-лѣтіе игуменіи Маріи“.—Все это невольно пріуготовляло и предрасполагало душу къ чему-то высокоторжественному.

Въ половинѣ девятаго часа, при красномъ звонѣ сопровождаемая казначеей Еленою игуменія Марія была встрѣчена соборомъ священнослужителей монастыря въ полномъ составѣ, со св. крестомъ, приложившись къ которому, при пѣніи: „Достойно есть“ игуменія прикладывалась къ мѣстнымъ иконамъ, такъ какъ готовилась быть причастницею св. Тѣла и Крови Христовыхъ, въ этотъ многознаменательный день своей жизни.

Смиренно всѣмъ поклонившись, игуменія стала на мѣсто: посохъ ея принятъ былъ другою восьмидесяти-трехълѣтнею старицею, самимъ еще приснопамятнымъ основателемъ обители старцемъ Серафимомъ поставленною ризничею монастыря, монахинею Капитолиною (Путковою), и началась литургія.

Послѣ прекрасно выполненнаго на причастномъ концерта Бартнянскаго: —„Да воскреснетъ Богъ“, мѣстный іерей Петръ Васильевичъ Яхонтовъ сказалъ прочувствованное къ чествуемой игуменіи слово:

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

По закону любви Христіанской, мы обязаны молиться за всѣхъ и особенно за тѣхъ, кои близки къ намъ и заботятся о нашемъ благосостояніи. Вотъ и вы, сестры обители блаженной памяти великаго подвижника Серафима, собрались всѣ нынѣ въ храмъ этотъ, чтобы сугубо помолиться о вашей общей духовной матери игуменіи Маріи; честно и свято вотъ уже 25 лѣтъ руководствующей васъ въ вашемъ высокомъ назначеніи—жить для Бога и для неба. Съ точки зрѣнія высоконравственнаго-христіанскаго смысла тотъ только и человѣкъ, кто въ кругѣ, предназначенномъ

ему промысломъ Божіимъ, недаромъ жилъ на свѣтѣ, кто честно и свято исполнялъ свои обязанности, про кого безъ лести и пристрастія можно сказать, что онъ сдѣлалъ все, что могъ и долженъ былъ сдѣлать. Всѣ Вы единодушно согласны и убѣждены, что это назначеніе выполняла и выполняетъ ваша мать и руководительница духовная. Высокое назначеніе и трудная обязанность! Трудъ, который пришлось поднять ей, есть трудъ не только великій, но, по временамъ, и тяжелый. Если каждому человѣку при его невысокомъ положеніи о своемъ частномъ дѣлѣ приходится испытывать затрудненіе, препятствія, тревоги, огорченія: то сколько всего этого приходится переиспытать тому, на комъ лежитъ великое дѣло служенія цѣлому большому обществу. Конечно, не разъ, а много разъ вашей духовной матери, въ ея трудахъ и заботахъ о нуждахъ обители, приходилось мучиться тревогами за успѣхъ замышляемыхъ дѣлъ, и смиряться и трепетать въ сознаніи великой отвѣтственности за вѣрность и неуклонность своего служенія... По истинѣ для добраго и достойнаго совершенія этого служенія мало силъ человѣческихъ, а нужна высшая благодатная сила Божія. Не даромъ и Апостолы велѣли молиться прежде всего о тѣхъ, яже во власти суть (Г. 2, 12). Господь облекъ ее властію не съ тѣмъ, чтобы господствовать надъ другими, а съ тѣмъ, чтобы служить для другихъ и носить на себѣ всѣ ихъ немощи. Но трудно управлять и одною душею христіанскою, а тѣмъ болѣе труднѣе управлять цѣлыми сотнями душъ, различныхъ по уму и образованію, по характеру и наклонностямъ. Здѣсь, очевидно, требуется нетолько знаніе души человѣческой, а и особенное благоразуміе во обхожденіи. Что нравится одной, то не нравится тогда другой. Чего желаютъ однѣ, того не хотятъ другія. Какъ-же, послѣ этого, угодить всѣмъ сестрамъ начальственными распоряженіями? Какъ вести ихъ по одному пути и къ одной цѣли? Да и самый духъ нынѣшняго времени, неблагопріятствующій монашеству, требуетъ какой-то свободы и самоуправленія ни отъ однихъ мірскихъ, но и отъ живущихъ въ обителяхъ. И если взвѣсить на вѣсахъ всю тяжесть возложеннаго на нее управленія, то не легкимъ, тяжелымъ

долженъ быть врученный ей жезлъ. А потому-то что жезлъ этотъ только видимо переданный ей руками Архипастыря двадцать пять лѣтъ тому назадъ, а не видимо врученный ей отъ Самого Спасителя въ самый нынѣшній день, легокъ только по вѣсу и по виду, а по соединенной съ нимъ обязанности долженъ почитаться тяжелымъ и не для всѣхъ удобоносимымъ. Вы всѣ и собрались сюда, чтобы, съ одной стороны, поблагодарить Господа, и вмѣстѣ съ вашей духовной матерью за Его всесильную помощь ей въ дѣлѣ ея двадцатипятилѣтняго честнаго служенія святой обители въ санѣ еще первой игуменіи вашей, а съ другой, вмѣстѣ съ тѣмъ, и умолить Господа, чтобы Онъ на будущее время не оставлялъ ея Своимъ всесильнымъ руководствомъ ко благу и преуспѣянію вашей родной обители! Я не упоминалъ ни о ея духовной мудрости и опытности, ни о ея всегдашне-ровномъ и добромъ сердечномъ расположеніи ко всѣмъ вамъ:—все это вамъ извѣстно даже болѣе моего; благоустройство же обители, со всѣми ея добрыми учрежденіями и послушаніями доведено ею до возможно полнаго усовершенствованія и порядка, словомъ, она всегда подвизалась подвигомъ добрымъ. Съ вашей же стороны за все это доброе требуется только общая ваша молитва за нее и тоже самое доброе расположеніе и любовь, которую вы и питали къ ней, какъ къ своей доброй и мудрой матери. Но какая мать не любитъ дѣтей своихъ и не желаетъ имъ добра? И какія дѣти не любятъ и не слушаютъ своихъ матерей? Та не должна называться и матерію, которая не любитъ своихъ дѣтей. А тѣ не имѣютъ права называться и дѣтьми, кои не слушаются матери. Но чтобы эти взаимныя отношенія пребывали къ васъ навсегда и выражались не на словахъ только, а самымъ дѣломъ, всѣ вы должны просить Господа Бога, чтобы Онъ, по молитвамъ Своей Пречистой Матери, выну хранилъ вашу обитель отъ всякаго зла и водворилъ между вами миръ, любовь и согласіе. Нагляднымъ же знакомъ, сестры, вашей дѣйствительной любви къ вашей матери духовной и того, что вы цѣните ея материнскія заботы о васъ, служатъ (сей) поднесенный (вами) Крестъ и молитвенникъ. Ты же, честнѣйшая

и достоуважаемая игуменія Марія, пріими сей даръ, отъ души всей обители тебѣ принесенный, какъ знакъ любви ея къ тебѣ, какъ крѣпкое звено, соединяющее тебя съ обителью. Любовь сестеръ избрала тебя, любовь поддержитъ твои упадающія силы и облегчитъ самую трудность въ управленіи. При взаимной любви и непріятное въ жизни дѣлается пріятнымъ. Въ этой самой любви заключается законъ счастія и спокойствія для всѣхъ обществъ, а тѣмъ болѣе для иноческихъ обителей, гдѣ нѣтъ и причинъ къ враждѣ и раздѣленію. Но самое вѣрное и надежное облегченіе всѣхъ нашихъ трудовъ зависитъ отъ Бога. Онъ одинъ возлагаетъ на насъ обязанности и даруетъ силы къ исполненію ихъ. Онъ возбудилъ любовь и расположеніе къ Тебѣ въ сестрахъ; Онъ и сохранитъ это въ нихъ навсегда. А потому изъ глубины сердца твоего воззови къ Нему: „Господи Іисусе Христе, Едине Истинный и вѣчный Пастыреначальниче душъ и сердецъ! Въ благоговѣніи къ непостижимымъ судьбамъ Премудрости Твоея, по которой Ты саномъ игуменства почтилъ меня недостойную, повергаюсь предъ величіемъ человѣколюбія Твоего и умоляю любвеобильную благость Твою: содѣлай меня и впредь неукоризненной руководительницей душъ, обрекшихъ себя на служеніе Тебѣ; умудри и даруй помнить, что ввѣренные мнѣ люди суть овцы пажити Твоея, искупленныя безцѣнною Твоею кровію; наставляй меня и впредь, какъ утверждать слабыхъ въ исполненіи Твоего закона. Сподоби меня во всю жизнь мою подвизаться подвигомъ добрымъ, и по скончаніи жизни сей, съ дерзновеніемъ сказать предъ Тобою на страшномъ судѣ эти радостныя слова: Се азъ и дѣти: ихъ-же далъ Еси мнѣ, сохранихъ и никто-же отъ нихъ погибе". Аминь!

По заамвонной молитвѣ Іерей монастыря Іоаннъ Феофановичъ Гусевъ привѣтствовалъ торжество Обители Серафимовой слѣдующимъ словомъ:

„Се нынѣ благословите Господа вси раби Господни, стоящіи въ храмѣ Господни (Пс. 133). Особенно вы, бого-

любивыя матери и сестры, должны восхвалить и возблагодарить Господа, пришедшія сюда, кромѣ молитвы, и еще съ особою цѣлію—воздать подобающую честь поднесеніемъ видимыхъ знаковъ вашей любви достоуважаемой и благопопечительнѣйшей матери нашей игуменіи Маріи. Нынѣшній день исполнилось 25-ть лѣтъ полезному служенію ея обители въ санѣ игуменіи; 25 лѣтъ въ санѣ игуменіи, 12 лѣтъ въ званіи казначеи и настоятельницы, а всего въ начальственныхъ должностяхъ 37 лѣтъ; 37 лѣтъ службы не мало,—много времени! Для Васъ, честныя матери и сестры, нынѣшній день, есть день радости и торжества, и потому не омрачу вашей радости какимъ либо воспоминаніемъ пережитыхъ житейскихъ треволненій. А этихъ треволненій за 37 лѣтъ жизни было много для всѣхъ, жившихъ въ обители, и для вашей игуменіи. Слава и благодареніе Богу! Все кончилось благополучно. Умнымъ и мудрымъ правленіемъ настоятельницы вашей обители монастырь нашъ процвѣтаетъ, а вы, матери и сестеры, спокойно и безмятежно проходите свое жизненное поприще. Пусть и впередъ иноческое житіе ваше не смущаетъ и не тревожитъ васъ. Вы имѣете надежду въ трудную, скорбную минуту жизни прибѣгать къ материнскому сердцу вашей настоятельницы, изъ котораго, какъ любящаго всѣхъ своихъ дщерей о Христѣ, обильно вы почерпали доселѣ и будете почерпать, каждая по своей нуждѣ и потребѣ, утѣшеніе, подкрѣпленіе, вразумленіе, совѣтъ и все полезное для земной, а паче для вѣчной жизни. А ты, благостная и всечестная игуменія Марія, пріими благосклонно приносимыя Тебѣ посильно отъ усердія всѣхъ сестеръ и священнослужителей монастыря Святой Крестъ, украшенный драгоцѣнными камнями, благоукрашенный молитвенникъ, и хлѣбъ и соль. Милосердый Господь да продолжитъ въ благоденствіи и крѣпости тѣлесныхъ и душевныхъ силъ твою драгоцѣнную жизнь для блага св. обители еще на многія лѣта! Аминь".

Начался молебенъ, и по возгласѣ: „Благословенно Царство", іерей Петръ Васильевичъ Яхонтовъ, въ сопровожденіи сослужащихъ, вынесъ на блюдѣ украшенный дорогими каменьями Крестъ, а діакономъ обители Иваномъ

Петровичемъ Фигуровымъ прочтенъ былъ указъ Нижегородской духовной консисторіи отъ 3-го дня марта 1887 года, за № 1489-мъ, на имя матери игуменіи Маріи, слѣдующаго содержанія: По указу Его Императорскаго Величества, Нижегородская Духовная Консисторія слушала резолюцію его преосвященства, послѣдовавшую на прошеніе священно-церковнослужителей, казначеи, благочинной и старшихъ монахинь ввѣреннаго вамъ монастыря о дозволеніи имъ поднести вамъ въ 14 день марта сего года наперстный крестъ съ драгоцѣнными украшеніями, по случаю имѣющагося исполниться двадцатипятилѣтія служенія вашего въ должности настоятельницы сего монастыря, таковую: По случаю 25-лѣтія игуменскаго служенія игуменіи Маріи благословляется означенному здѣсь духовенству и сестрамъ обители поднести отъ обители сей крестъ, украшенный драгоцѣнными камнями.

Послѣ указа іереемъ о. Іоанномъ Гусевымъ прочитано было полное отеческой любви письмо Нижегородскаго архипастыря:

Высокопреподобнѣйшая

Мать, Игуменія Марія!

14-го сего марта совершилось 25-лѣтіе вашего служенія Серафимо-Дивѣевской обители въ санѣ настоятельницы игуменіи обители.

Въ продолженіе этого времени вы много принесли обители пользы. Вы положили начало монастырю. Вы—первая игуменія монастыря. Вы, вмѣстѣ съ другими сестрами, содѣйствовали устройству храма и того состоянія, въ какомъ теперь находится обитель. Поздравляю васъ съ 25-лѣтіемъ вашего игуменства, испрашиваю вамъ отъ Господа Бога благословенія за ваши труды. Да сохранитъ васъ Господь въ здравіи и благоденствіи для пользы св. обители на слѣдующіе годы не только до 50-лѣтія игуменства, но 100-лѣтія жизни, во славу Божію!

Да сохранитъ Господь и превознесетъ и вами управ-

ляемую обитель въ пользу спасающихся тамъ сестеръ и св. церкви.

Разрѣшивъ поднести вамъ изготовленный отъ любящаго васъ духовенства и сестеръ обители крестъ святый, украшенный камнями, благословляю вамъ—носить его.

Модестъ Епископъ Нижегородскій и Арзамасскій.

4-е марта 1887 года.

Послѣ сего священнослужители возложили на высокопреподобнѣйшую юбиляршу самый крестъ.

Слѣдовавшая за священнослужителями казначея монастыря, вмѣстѣ и ризничая собора Св. Троицы, монахиня Елена (Анненкова), сказавъ: „Благословеніе Преподобнаго Основателя Дивѣевскія обители Св. Троицы да почіетъ на Тебѣ отъ нынѣ и во вѣки!“—Поднесла прекрасной работы, въ древне-церковномъ стилѣ, въ бархатъ обдѣланный, Акаѳистъ *) Преподобному; Серафимовская-же восьмидесяти трехъ лѣтняя ричничая монастыря монахиня Капитолина (Путкова) со старшею пономаркою обители, Серафимовскою-же старицею монахинею Еванфіею, привѣтствуя юбиляршу словами: „Да дастъ ти Господь по сердцу твоему и вся моленія твоя исполнитъ!“ — поднесли ей изящной работы оправленный слоновою костію Молитвенникъ **) со

---

*) На верхней дскѣ его надпись: «Молитвъ ради Преподобнаго Основателя Обители Старца Серафима за двадцатипятилѣтіе усердіемъ Твоимъ подъятыхъ трудовъ, да сохранитъ Игуменство Твое сама Милость Божія на многая и премногая лѣта!» И на нижней дскѣ: «Свято-Троицкія Дивѣевскія Обители Преподобнаго Серафима первой Ея Игуменіи Маріи Ушаковой 14 марта 1887 года».

**) Надпись на немъ: «Да въ мирѣ и радости славословиши Господа еще на премногія многая лѣта!» и еще: «Свято-Троицкаго Дивѣевскаго монастыря Серафимовой пустыни 14-е марта 1887 года, въ достопамятный день двадцатипятилѣтія истинно материнскихъ заботъ и праведныхъ трудовъ Игуменства Первой Монастыря Игуменіи Маріи Ушаковой усердіемъ благодаренія любви Сестеръ Обители». Въ немъ приложенъ печатный списокъ священства монастыря, 55-ти послушаній обители, и полный перечень именъ всѣхъ сестеръ общежитія.

спискомъ всѣхъ послушаній монастыря и всѣхъ священнослужащихъ и сестеръ обители.

Виновница совершившагося торжества, въ слезахъ, до глубины души разстроенная, могла лишь только проговорить: „я глубоко цѣню любовь Вашу; я вовсе того не заслуживаю, ничего не имѣя, кромѣ грѣховъ; даже не могу придумать, чѣмъ мнѣ воздать за все это?“...

По пѣніи солистами пѣвчими: „О Всепѣтая Мати!“ и возглашеніи многолѣтія Государю Императору, всему Царствующему Дому, Св. Правительствующему Сѵноду, Преосвященнѣйшему Модесту Епископу Нижегородскому и Арзамасскому и монастыря первой Игуменіи Маріи, по цѣлованіи Креста, у ея игуменскаго мѣста въ лицѣ благочинной монастыря, монахини Михаилы, старѣйшей монастыря Серафимовскихъ старицъ монахини Дорофеи (Ѳоминой) и старшей хранительницы житницы монахини Нафанаилы, на прекраснѣйшей работы серебряномъ блюдѣ съ надписью: „Свыше благословенную хлѣбъ-соль Дивѣевской обители Преподобнаго Серефима просимъ вкушать еще на долгія лѣта!“ поднесли юбиляршѣ хлѣбъ и соль.

Пѣвчіе запѣли: „Тебе Бога хвалимъ“, и затѣмъ вся масса тысячнаго общежитія, смотря по старшенству, начиная съ монахинь, попарно, каждая съ просфорою о добромъ ея здравіи, подходила привѣтствовать дорогую мать свою.

Дѣйствительно, тутъ была вся обитель, какъ едина душа и едины уста! Восторгъ единодушной любви руководилъ всѣми до такой степени, что невольно увлекъ собою и множество при этомъ торжествѣ присутствовавшихъ странныхъ богомольцевъ, которые, при выходѣ изъ храма высокопочтенной игуменіи, всѣ привѣтствовали ее, какъ одинъ человѣкъ, земнымъ поклоненіемъ.

Но этимъ не все еще было окончено.

У крыльца игуменскаго корпуса высоко всѣми почитаемая и любимая юбилярша, встрѣченная цѣлымъ полкомъ всѣхъ трудящихся рабочихъ и мастеровыхъ, должна была принять хлѣбъ-соль и ихъ усердія, равно хлѣбъ и соль почитанія ея болѣе 20 лѣтъ возводящаго съ своею артелью рабочихъ всѣ монастырскія постройки, подрядчика Ефима

Яковлева Фурманова, на деревянномъ, самодѣльной работы блюдѣ, съ слѣдующею рѣчью: „Поздравляемъ васъ, матушка, съ благополучнымъ достиженіемъ двадцатипятилѣтія трудовъ вашихъ обители, которыхъ всѣ мы, тутъ находящіеся, свидѣтели. Просимъ принять и отъ нашего уваженія къ вашей честности нашу хлѣбъ-соль и жить еще многая и многая лѣтъ!"

При пѣніи, шпалерами стоящихъ съ крыльца и до самой двери игуменскихъ келій, Соборныхъ пѣвчихъ Тропаря Св. Троицы: „Благословенъ Еси, Христе Боже нашъ!" вступила игуменія въ пріемное зало, гдѣ, выслушавъ краткую эктенію, приложившись къ Св. Кресту, приложилась также и къ громадной живописнымъ ей послушаніемъ поднесенной картинѣ изображенія Богоматери, какъ Верховно-Святѣйшей Дивѣевской обители игуменіи, съ предстоящими Ей Св. Маріею Магдалиною, и основателями обители матерію Александрою и старцемъ Серафимомъ, купно съ блаженною, въ Бозѣ почившею, достопамятною старицею обители Пелагіею.

Принявъ просфору отъ нарочито ради того пріѣхавшей сестры Нижегородскаго Серафимо-Дивѣева подворья, Игуменія выслушала привѣтствіе на покоѣ живущей бывшей казначеи монастыря, монахини Магдалины (Харкевичь).

„Высокопреподобнѣйшая матушка игуменія! Единодушно празднуемъ 25-лѣтіе вашего игуменства. Смиреніе ваше, кротость обращенія со всѣми нами выше всякой похвалы!

А любовь материнская, попеченіе ваше о внѣшнемъ удобствѣ и спокойствіи внутреннемъ выше всякаго слова благодарности! Мы усердно молимъ Господа, чтобы продлилъ Онъ управленіе ваше обителію, въ томъ мирномъ строѣ, которымъ имѣемъ счастіе пользоваться. 14-е марта 1887 года."

Послѣ всего этого, угощались до полутораста человѣкъ, включая и свѣтскихъ прибывшихъ гостей, чаемъ и за нимъ прекрасною трапезой въ такъ называемыхъ Архіерейскихъ покояхъ.

Тутъ же были прочитаны изъ разныхъ мѣстъ полученныя поздравительно-привѣтственныя телеграммы, числомъ до

15-ти, равно какъ письма на покоѣ живущаго Преосвященнаго Епископа Феофана, 25 лѣтъ тому назадъ посвящавшаго во игуменство мать Марію:

Ваше Высокопреподобіе

Достопочтеннѣйшая Матушка!

Слышу, что у васъ въ завтрешній день собирается праздникъ. Чтущіе и любящіе васъ хотятъ почтить ваше двадцатипятилѣтіе игуменствованіе въ Дивѣевской обители.

Достойно и праведно! Благослови, Господи, дѣло сіе и васъ въ день сей паче другихъ дней.

Предпострадавши, какъ угодно было сіе Господу, потрудились Вы потомъ благоплодно въ устроеніи обители и по внѣшности и по внутреннему чину. И Господь благословилъ и благословляетъ труды сіи. Слава и благодареніе богатому Его милованію Васъ!

Даруй Господи Вамъ еше пожить и дожить до другаго двадцатипятилѣтія, для блага обители и всѣхъ въ ней спасающихся.

Вы—обожженный вначалѣ кирпичъ. А такіе кирпичи долго лежатъ, хоть бы пришлось имъ лежать въ водѣ. Поминаю объ этомъ, что надежда на долголѣтіе не безнадежна. Чего вамъ пожелать!

Желаю паче всѣхъ, чтобъ вы прочее насладились покоемъ и миромъ душевнымъ, смотря на то, какъ преуспѣваетъ подъ вами обитель ваша, по причинѣ установившихся при васъ порядковъ и правилъ.

Господь да будетъ съ вами и покровъ Матери Божіей да осѣняетъ васъ и обитель вашу.

Прошу и вашихъ молитвъ.

Вашъ усердный богомолецъ *Е. Ѳеофанъ.*

Письмо преосвященнаго Макарія епископа Вятскаго и Слободскаго, съ присланною въ благословеніе Св. иконою Николая Чудотворца Великорѣцкаго на чеканкѣ:

Ваше Высокопреподобіе

Высокопреподобнѣйшая Игуменія Марія!

Берусь за перо и отъ всего сердца приношу вамъ усерднѣйшее поздравленіе съ двадцатипятилѣтіемъ вашего игуменства. Много было пріятнаго и непріятнаго для васъ въ продолженіе этого времени. Особенно бурно было начало вашего игуменства. Но это бурное время утвердило и укрѣпило вашъ духъ къ перенесенію всякихъ непріятностей. Я не буду раскрывать всю исторію вашего прошедшаго двадцатипятилѣтія. А благодарю вмѣстѣ съ вами Господа Бога, что Онъ Милосердый, по молитвамъ Владычицы, *умиляющей* насъ и надъ нами, не оставлялъ васъ безъ своей небесной помощи и являлъ надъ вами и надъ вашимъ мѣстомъ *дивную* силу, обѣщанную праведнымъ Старцемъ Серафимомъ. Да продлитъ Онъ ваши старческія лѣта во второмъ двадцатипятилѣтіи въ мирѣ, спокойствіи и тишинѣ! Въ память этого благожеланія благословляю васъ иконою святителя Николая Великорѣцкаго, покровителя нашей Вятской области. Да хранитъ Онъ и васъ со всѣми вашими сестрами отъ нападеній вражіихъ и отъ всякихъ золъ и напастей.

Испрашивая благословеніе Божіе на васъ съ вашею казначеею и со всѣми сестрами остаюсь навсегда преданный вашъ слуга и благожелатель Вятскій епископъ Макарій.

Письмо высокоуважаемаго маститаго восьмидесятилѣтняго старца Петра Александровича генерала Брянчанинова, роднаго брата въ Бозѣ почившаго всѣмъ извѣстнаго епископа Игнатія:

Ваше Высокопреподобіе

Глубокочтимая Матушка Игуменія Марія!

Съ искреннимъ и глубокимъ сочувствіемъ поздравляю васъ, достоуважаемая матушка игуменія съ совершившимся двадцатипятилѣтіемъ настоятельства вашего въ Серафимо-

Дивѣевскомъ монастырѣ, которому вы многополезно послужили съ самаго поступленія вашего въ эту святую обитель, что Господь, за молитвы великаго угодника Его, Преподобнѣйшаго батюшки отца Серафима благоизволилъ поставить васъ „на свѣщницѣ“, первою игуменіею этой лавры Россійскихъ дѣвичьихъ монастырей, какъ по множеству подвижницъ, собравшихся въ ней для служенія Богу, такъ и по обилію благодати, которою духовно обновляются православные христіане, съ вѣрою притекающіе въ нее искать благословеніе духоноснаго основателя ея чрезъ святыя молитвы ваши и старицъ—подвижницъ, руководимыхъ вашимъ духовно-мудрымъ опытомъ къ Богоугожденію въ духѣ единой святой православной церкви.

„Свѣтите же,“ Богомъ избранная, первопоставленная матушка игуменія Марія, многія и многія лѣта—свѣтомъ истины, свѣтомъ Евангельскаго добра, „яко да видятъ всѣ ваши добрыя дѣла и прославятъ—о васъ—отца вашего, иже на небесѣхъ!“

Вотъ уже болѣе 30-ти лѣтъ, какъ знаю васъ, знаю теченіе дней вашихъ въ трудахъ, скорбяхъ, лишеніяхъ, гоненіяхъ—и въ глубинѣ души дивлюсь истинности слова Божія, и имъ только объясняю себѣ то дивное явленіе, которое прочитываю во всей многосторонне-страдальческой и духовно-славной жизни вашей. Господь сказалъ: „на кого воззрю?—токмо на кроткаго, смиреннаго и трепещущаго словесъ моихъ.“ Въ этихъ словахъ вижу тотъ источникъ милости, доброты, духовной твердости и мужества безбоязненнаго, которыми побѣждали вы всѣ козни врага князя тьмы и его сподвижниковъ.

Смотря на васъ съ той точки зрѣнія, съ которой Господь сподобилъ меня знать васъ и близко слѣдить за событіями жизни вашей—невольно вынуждаешься славословить Господа, Дивнаго во святыхъ своихъ, славословить духоноснаго угодника Его, преподобнѣйшаго старца отца Серафима, и, благоговѣйно взирая на васъ, избранницу ихъ, молить Господа: да продлитъ Онъ дни жизни вашей и служенія вашего во славу Его имени, на благопоспѣшеніе ввѣренной вамъ духовной паствы вашей.

Испрашивая вашихъ святыхъ молитвъ и благодатнаго благословенія вашего, съ глубокимъ сердечнымъ уваженіемъ остаюсь всегда вамъ неизмѣнно преданный. Слуга и послушникъ *Петръ Брянчаниновъ*.

Письмо Нижегородско-Похвалинской церки священника отца Доримедонта Покровскаго:

Ваше Высокопреподобіе

Всечестнѣйшая Матушка Игуменія!

Прошу ваше высокопреподобіе отъ имени моего и Екатерины Васильевны и всего глубокоуважающаго васъ нашего семейства принять искреннія привѣтствія и благожеланія, которыя мы всегда питаемъ касательно драгоцѣнныхъ дней вашихъ и вашего благополучія. Считаемъ себя счастливыми, что можемъ въ настоящія минуты подтвердить наши чувства по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія служенія вашего Серафимо-Дивѣевской святой обители въ санѣ Игуменіи.

Много трудовъ и заботъ несетъ лично каждый инокъ, а тѣмъ болѣе тотъ, кто облеченъ властію; много скорбей и печалей бываетъ у каждой инокини, а тѣмъ болѣе является ихъ у тѣхъ, на кого десницею Всевышняго возложено попеченіе о спасеніи другихъ, потому что таковые избранники живутъ не столько для себя, сколько для другихъ, дабы непостыдно предстать предъ Лице Праведнаго Мздовоздаятеля и съ дерзновеніемъ сказать: Се азъ и дѣти, коихъ вручилъ Ты мнѣ, Господи!

Не душистыми цвѣтами устлано было и пройденное вами двадцатипятилѣтнее служебное поприще, на процвѣтаніе ввѣренной вамъ обители, на спасеніе другихъ... Были очевидные случаи, когда врагъ нашего спасенія, какъ бы воплотившись въ непотребные сосуды, готовъ былъ поглотить васъ, но Господь поддерживалъ васъ во всѣхъ напастяхъ и искушеніяхъ, и сохранилъ вашу драгоцѣнную жизнь, какъ нѣкогда св. праведнаго пророка Даніила, брошеннаго по навѣту клеветниковъ въ ровъ голодныхъ львовъ...

Привѣтствуя васъ съ настоящимъ великимъ событіемъ въ жизни и дѣятельности многознаменательнаго пройденнаго вами поприща, молимъ Господа, да продлитъ Онъ Милосердый многополезную жизнь вашу на многіе и многіе годы; да ниспошлетъ Онъ вамъ крѣпость силъ тѣлесныхъ и миръ душевный на долгіе дни. Господь Богъ, положивый въ своей власти времена и лѣта, да будетъ съ вами всегда въ неистощитыхъ щедротахъ милости своей, а по отшествіи изъ сего міра, да вселитъ васъ въ небесныя своя обители и вѣнчаетъ васъ вѣнцемъ небеснымъ.

Вашего высокопреподобія слуга и Серафимо-Дивѣевской обители послушникъ священникъ Нижегородской Похвалинской церкви, Доримедонтъ Покровскій.

Закончилась трапеза слѣдующею юбиляршѣ сказанною матерью казначеею Еленою рѣчью:

Высокопочитаемая

Всечестнѣйшая и крѣпколюбимая

Мать Игуменія Марія!

Зачиная и устрояя обитель Дивѣевскую, приснопамятный основатель ея старецъ Серафимъ говорилъ приснымъ своимъ; „На двѣнадцатой только начальницѣ дѣвицѣ Елизаветѣ Ушаковой устроится все, и будетъ монастырь въ Дивѣевской обители моей Серафимовской пустыни“. И—не идетъ мимо глаголъ Святаго!

Пятьдесятъ три года прошло со блаженнаго успенья основателя старца, и, неисповѣдимыми судьбами никогда непреходящаго Божія опредѣленья, не только во очію всѣхъ исполнилось предрѣченіе святаго, но нынѣ даже срѣтаемъ, торжествуемъ и празднуемъ мы двадцатипятилѣтіе свыше благословенныхъ праведныхъ трудовъ игуменства Твоего; изъ токмо малаго числа убогихъ келій, умиленно зримъ воистинну величественное возникновеніе обширной тысячисонмной обители, всеполно разцвѣтшей благоустроеніемъ своимъ, велелѣпотою храмовъ и служеній своихъ въ прославленіе Пресвятыя Троицы!

Дивятся чуждіи, не зная что добре вѣдомо всѣми нами; и, въ сознаніи всеполнѣйшаго токмо убожества нашего, благоговѣйно чудяся, вопрошаемъ смиреніе твое: Како возмогла ты веліе сіе устроити?!—непрестающими скорбями, безропотно крѣпкимъ терпѣніемъ, непрерывною молитвою, безустаннымъ трудомъ твоимъ и, достойно чрезъ то заслуженнымъ, благословеніемъ благодати Богоматерней!

Что же возможетъ немощь сиротъ Серафимовыхъ, въ трапезѣ уваженія заслугамъ твоимъ и немолствованіи благоговѣнія—любви Святыни твоея, изрещи тебѣ, достодолжно воздавъ смиренномудрію твоему!

Да украситъ тя Господь отъ Сіона за благоукрашеніе обители сея!—Да превознесетъ и возвеличитъ онъ смиреніе твое и да укрѣпитъ силою правящей благодати своея праноправящую мышцу игуменства твоего на премного многая лѣта!

Да дастъ ти по сердцу твоему, да исполнитъ вся прошенія твоя, и да возрадуется и лишше—вѣчно отъ нынѣ да радуется душа твоя о Господѣ! и да будеши ты день отъ дне и лѣта въ лѣта благословенна!

Со Христомъ ты мать наша нынѣ и присно!—съ Нимъ да будеши и во вѣки!

Надежда на скорое открытіе мощей о. Серафима и исполненіи всѣхъ его предсказаній по этому случаю, составляла всегда и составляютъ тѣмъ болѣе нынѣ,—тайную радость монашествующихъ въ его Дивѣевской обители и безошибочно можно сказать, что вся молящаяся Россія трепетно ожидаетъ этого дня... Всѣмъ кажется, что ежедневныя чудеса, явныя и тайныя, на могилѣ о. Серафима, въ Дивѣевѣ и повсѣду отъ изображеній его, отъ цѣлебнаго источника, свидѣтельствуютъ о прославленіи Господомъ угодника своего. Съ назначеніемъ игуменомъ Саровской пустыни монашествующаго на Аѳонѣ и возведеннаго въ санъ архимандрита о. Рафаила,—вопросъ объ обслѣдованіи чудесъ, совершеныхъ по вѣрѣ къ молитвамъ о. Серафима тотчасъ былъ возбужденъ. Онъ-же устроилъ на могилѣ великаго старца часовню составилъ проэктъ постройки церкви у келліи о. Серафима, и построилъ также часовню на источникѣ и купальню.

Комиссія по обслѣдованіи чудесныхъ событій, совершавшихся по молитвамъ блаженной памяти о. Серафима Саровскаго закончила свои работы въ 1894-мъ году и представила ихъ въ Тамбовскую Духовную Консисторію. Члены этой комиссіи должны были убѣдиться, что вѣра въ молитвенное къ нему обращеніи и благоговѣйное почитаніе его памяти, служитъ продолженіемъ того глубокаго уваженія и благоговѣйнаго почитанія, которыми о. Серафимъ пользовался даже и среди невѣрующихъ русскаго общества, при жизни своей, такъ и по своемъ преставленіи. Въ духовной литературѣ шестидесятыхъ годовъ говорится, что и имя о. Серафима еще при жизни его пріобрѣло такую извѣстность, какой въ то время никто не достигалъ между подвижниками благочестія въ нашемъ отечествѣ; его знала почти вся Россія и тысячи народовъ всѣхъ концовъ земли русской приходили въ Саровскую пустынь для того, чтобы принять благословеніе ея смиреннаго старца; изображеніе убогаго, согбеннаго лѣтами старца, въ убогомъ бѣломъ балахончикѣ на колѣнахъ, предъ иконою Богоматери или съ топоромъ и мотыкой въ рукахъ и т. п. можно было видѣть повсюду: и въ бѣдной хижинѣ селянина и въ лучшихъ эстампныхъ магазинахъ.

„По прошествіи 30 лѣтъ послѣ блаженной кончины великаго старца премудрому промыслу Божію не угодно было еще явить въ немъ церкви своего святаго угодника торжественнымъ прославленіемъ его, но уваженіе, какое питали къ нему современники, нисколько не уменьшилось; толпы народа по прежнему собираются въ Саровскую обитель на могилу старца, какъ прежде собирались къ его келліи и молитвы о его упокоеніи въ ликѣ святыхъ возсылаются не въ одномъ только Саровѣ, но и въ разныхъ концахъ Россіи.“ (Церковная лѣтопись духовной бесѣды 1865 г.). Въ „Душеполезномъ чтеніи“ за 1870 годъ А. Ковалевскій удостовѣряетъ что о чудной жизни и подвигахъ старца Серафима знаетъ вся Россія. Свѣйскій архимандритъ Іероѳей свидѣтельствуетъ, что рубища и простота св. старца Серафима, какъ полуденный свѣтъ солнца сіяли и просіяли для міра. (Домашняя бесѣда, 1865 г.). Составитель брошюры, „Три слова о монашествѣ“. С. Петербургъ 1867 года, говоритъ, что въ Возѣ

почившій Саровскій старецъ іеромонахъ Серафимъ „преизлихъ удостовѣряетъ насъ въ томъ, что и въ наши дни не изсякъ благодатный, живой потокъ разнообразныхъ исцѣленій и даровъ всѣмъ съ вѣрню прибѣгающимъ къ святымъ угодникамъ."

Наконецъ, сами подвижники благочестія того времени были возвышеннаго понятія о жизни и подвигахъ о. Серафима. Такъ Антоній, архіепископъ Воронежскій говорилъ объ о. Серафимѣ, какъ великомъ всемірномъ молитвенникѣ, стяжавшемъ даръ прозорливости и. т. д. (Душеполезное чтеніе 1868 г.) Справедливость этихъ свидѣтельствъ объ о. Серафимѣ какъ нельзя лучше удостовѣрена церковію тѣмъ, что около того же времени въ исторіи русской церкви о. Серафимъ занесенъ съ именемъ самаго великаго подвижника благочестія и при томъ въ ряду такихъ подвижниковъ, среди которыхъ стоитъ имя уже проставленнаго церковію святителя Задонскаго Тихона. (Исторія русской церкви Филарета Черниговскаго. Москва 1859 г.)

Почитаніе о. Серафима такъ ярко обрисованное въ шестидесятыхъ годахъ, не только не уменьшилось въ настоящее время, но, напротивъ, даже увеличилось и приняло до сего времени не употреблявшуюся форму. Отца Серафима почитаютъ и молитвенно къ нему обращаются, какъ-бы уже къ канонизованному святому, хотя даже и вопроса о канонизаціи памяти о. Серафима въ подлежащихъ учрежденіяхъ греко-Российской церкви доселѣ не возбуждалось. Изображенія о. Серафима называютъ и считаютъ „иконами", помѣщаютъ ихъ въ кіотахъ въ ряду другихъ иконъ съ изображеніемъ Спаса, Богоматери и святыхъ, уже прославленныхъ церковію; зажигаютъ предъ ними лампады, творятъ крестное знаменіе и земные поклонъ и цѣлуютъ эти изображенія. Въ шестидесятыхъ годахъ почитаніе изображеній о. Серафима за „икону", за образъ встрѣчалось единичными случаями, какъ исключеніе (Душеполезное чтеніе 1867 г.). Въ настоящее же время стоитъ только побывать на могилѣ о. Серафима, на источникѣ дальней пустынки, чтобы убѣдиться, что не только массы простаго народа, но и лица повидимому интеллигентныхъ сословій, взирая на

изображенъ о. Серафима, полагаютъ на себѣ крестное знаменіе, кланяются въ землю и цѣлуютъ эти изображенія. Между распространенными изображеніями о. Серафима есть поясное, такъ называемое Серебряковское, гдѣ о. Серафимъ изображенъ въ мантіи и эпитрахили, со сложенными на груди руками, въ поручихъ; это изображеніе совершенно иконнаго типа и только отсутствіе нимба, не всегда и не для всякаго замѣтное, указываетъ на то, что это изображеніе еще непрославленнаго церковію святаго. Молятся и молитвенно призываютъ о. Серафима какъ святаго. Читаются, хотя келейно, а не за церковно общественнымъ богослуженіемъ, рукописные акаѳисты Преподобному и Богоносному отцу нашему Серафиму, Саровскому чудотворцу.

Источникъ благодатныхъ даровъ, чудесъ источаемыхъ всѣмъ молитвенно прибѣгающимъ къ о. Серафиму, отнюдь не изчерпывается жизнеописаніями 5-ти изданій, ибо въ нихъ заносится далеко не весь даже и печатный матеріалъ, разбросанный по всѣмъ періодическимъ и по временнымъ изданіямъ, какъ свѣтской, такъ и духовной литературы (Русск. Вѣстникъ 1880 г. Русское Старина 1880 г. Духовная бесѣда 1872 г. Душеполезное чтеніе 1867 г. 1864 г. и. т. д.)

„Сборникъ чудесныхъ событій" составленъ игуменомъ Саровскимъ о. Рафаиломъ, который отъ предшественниковъ своихъ не получилъ въ этомъ смыслѣ никакого наслѣдія и ограничился тѣснымъ кругомъ собиранія свѣдѣній, а именно Саровскою пустынью и Дивѣевскимъ монастыремъ; даже онъ не могъ собрать и все то, что имѣется въ Саровѣ и Дивѣевѣ, не говоря уже о болѣе обширномъ и повсѣмѣстномъ собраніи всѣхъ сказаній и записей о чудесахъ о. Серафима. Въ одномъ архивѣ концеляріи игумена можно видѣть сотни писемъ съ денежными пожертвованіями въ благодарность за благодѣянія, получаемыя чрезъ молитвенное обращеніе къ о. Серафиму. Всѣ они свидѣтельствуютъ о томъ, что православный русскій народъ глубоко вѣритъ въ силу молитвъ и предстательство предъ Богомъ о. Серафима и благоговѣйно чтитъ его память. Въ самое послѣднее время замѣчается особенно напряженное вниманіе къ дѣлу прославленія имени о. Серафима. Въ письмахъ къ о. настоятелю Саровской пустыни,

спрашиваютъ, скоро-ли послѣдуетъ открытіе мощей о. Серафима, просятъ отслужить молебенъ съ акаѳистомъ о. Серафиму, полагая, что онъ уже прославленъ церковію; справляются объ открытіи мощей даже телеграммами.

Въ заключеніе приведемъ исцѣленіе г-на Засухина, о которомъ было напечатано въ октябрьской книжкѣ *приложенія* къ журналу Гражданинъ 1884 г. Авторъ статьи пишетъ такъ:

„Желаю описать одинъ замѣчательный случай, бывшій съ однимъ моимъ духовнымъ сыномъ, муромскимъ купцомъ Иваномъ Ивановымъ Засухинымъ въ 1882 и 1883 годахъ.

Вышепоименованый муромскій купецъ Иванъ Ивановъ Засухинъ 1882 г., марта 21-го дня, пріѣхалъ въ Муромъ, въ свой домъ изъ станицы Урсанина, земли войска Донскаго, очень больнымъ. По его словамъ, онъ заболѣлъ тамъ брюшнымъ тифомъ 3 марта. Мѣстный докторъ станицы Урсанина, лечившій его тамъ, нѣсколько ослабивши болѣзнь, посовѣтовалъ ему ѣхать на родину, что онъ и сдѣлалъ. Дорога утомила его очень сильно, и онъ прибылъ въ Муромъ очень слабымъ. Позванъ былъ докторъ, нѣкто вольнопрактикующій Ив. С. Стабровскій. Г. Стабровскій принялъ болѣзнь тоже за брюшной тифъ и противъ него сталъ лечить; болѣзнь ослабѣла и, по замѣчанію г. Засухина, температура жара $40^{1}/_{10}$ ослабѣла до $37^{1}/_{2}$; прошло немного дней—больной сталъ поправляться. При болѣзни у него образовалась опухоль за ушами, а потомъ въ правомъ паху; г. Стабровскій нашелъ нужнымъ опухоль въ паху прорѣзать, чтобы дать исходъ скопившейся тамъ матеріи. Но прорѣзъ вышелъ неудаченъ, матерія не шла, а опухоль стала развиваться болѣе и болѣе. Впрочемъ, несмотря на подобное неблагопріятное условіе, вообще здоровьѣе больнаго стало замѣтно поправляться. Явился аппетитъ, и больной безъ особенныхъ усилій могъ въ постели сидѣть. Г. Стабровскій, не находя ничего серьезнаго, по своимъ надобностямъ отправился въ Москву, не считая даже нужнымъ передать больнаго кому-либо изъ муромскихъ врачей. Но къ прискорбію больнаго, вскорѣ по отъѣздѣ Стабровскаго, болѣзнь усилилась, и больной принужденъ былъ обратиться къ другому врачу. Былъ пригла-

шенъ военный врачъ г. Карповъ. Карповъ призналъ болѣзнь за пораженіе кишекъ и сталъ лечить противъ этой болѣзни, а на прорѣзъ опухоли вниманія не обратилъ.

Болѣзнь не унималась, и больной вызвалъ изъ Москвы опять г. Стабровскаго; больной, чувствуя невыносимую боль въ паху, просилъ доктора обратить на это вниманіе.

При внимательномъ осмотрѣ доктора оказалось: опухоль въ паху усиливалась, а прорѣзъ уже закрывался; расширить прорѣзъ г. Стабровскій не находилъ удобнымъ, по слабости больнаго, потому что отъ изнурительной болѣзни силы больнаго очень ослабѣли. Больной, видя, что болѣзнь не поддается усиліямъ г. Стабровскаго, просилъ его для совѣта пригласить другаго врача, но г. Стабровскій не согласился на подобный совѣтъ и оставилъ больнаго своего паціента. Былъ приглашенъ муромскій земскій врачъ г. Розовъ; по словамъ г. Розова, больной былъ въ такомъ состояніи: значительная опухлость, крайне болѣзненная, правой тазовой области, распространенная и на правое бедро, такъ что движеніе въ правомъ тазо-бедренномъ суставѣ было совершенно невозможно. Въ правомъ паховомъ сгибѣ находилось отверстіе свищеваго хода, идущаго къ правой тазовой области; изъ отверстія этого постоянно выдѣлялось значительное количество гноя. Больной былъ крайне истощенъ и на столько слабъ, что не могъ приподняться въ постели. Однако послѣ разнаго рода мѣропріятій и употребленныхъ докторомъ средствъ, къ октябрю мѣсяцу состояніе больнаго улучшилось до такой степени, что онъ могъ даже нѣсколько ходить съ помощью костыля, припухлость таза и бедра и болѣзненность въ нихъ значительно уменьшилась. Силы больнаго окрѣпли, но свищевое отверстіе не закрывалось и, кромѣ того, на бедрѣ появился новый нарывъ, послѣ котораго остался опять свищевой ходъ. Въ виду таковаго состоянія больнаго, г. Розовъ предложилъ больному отправиться въ Петербургъ, разсчитывая, что можетъ быть тамъ найдутъ возможнымъ помочь ему оперативнымъ путемъ. Больной такъ и сдѣлалъ и, вмѣстѣ съ г. Розовымъ, отправился въ Петербургъ. Консиліумъ петербургскихъ профессоровъ Богдановскаго и Мултановскаго,

нашелъ операцію невозможною, и только было сдѣлано расширеніе свищевыхъ ходовъ и вставленъ былъ дренажъ. По словамъ больнаго, онъ желалъ остаться въ С.-Петербургѣ для окончательнаго излеченія; но доктора посовѣтовали ѣхать домой, и такъ какъ онъ былъ очень слабъ, то посовѣтовали ѣхать (домой) непремѣнно съ докторомъ (3-го ноября). По возвращеніи въ Муромъ, въ болѣзни Засухина появилось новое осложненіе; по словамъ г. Розова, развилось воспаленіе легочной плевы, къ которому присоединился поносъ; больной ослабѣлъ окончательно. Для совѣта были приглашены еще другіе врачи: гг. Доброхотовъ и Лутновскій. Приглашенные врачи сознали положеніе больнаго безнадежнымъ и опредѣлили даже день его смерти.

Послѣ подобнаго опредѣленія гг. врачей, больной сталъ уже готовиться къ переходу въ вѣчность. Тутъ былъ приглашенъ я, какъ уже врачъ духовный. Больнаго я нашелъ очень слабымъ, но въ памяти. Какъ истинный христіанинъ, онъ сердечно исповѣдывался и удостоился святаго причащенія. Прошло немного дней, опять зовутъ меня къ больному. Прихожу и вижу, что больной хотя и въ сознаніи, но силы его ослабѣли окончательно. И вотъ его первыя слова ко мнѣ: „батюшка, мнѣ доктора сказали, что болѣзнь моя безнадежна, а потому, пока я въ памяти, прочитайте мнѣ отходныя молитвы". Съ истиннымъ сокрушеніемъ сердца, что такъ рано кончается жизнь еще молодаго человѣка, оставляющаго послѣ себя жену и пятерыхъ малютокъ, я приступилъ къ чтенію отходныхъ молитвъ,—больной ослабѣлъ. Жизнь осталась только въ глазахъ, но и они, по сознанію больнаго, стали плохо видѣть. Кончивши молитвы и благословивъ его, я уже не имѣлъ надежды на благополучный исходъ для больнаго, ждалъ часъ за часомъ, что скоро опять позовутъ меня къ нему, но уже умершему. Но проходитъ день, меня не зовутъ, проходитъ другой—тоже, а на третій слышу, что больному стало лучше. По истинѣ удивительный случай! На третій день иду къ больному и къ радости своей вижу разительную перемѣну въ больномъ. Хотя лежитъ еще въ постели, но покоенъ; жизнь, такъ сказать, возвратилась; любопытствую: отъ чего такая перемѣна?—и узнаю слѣдую-

щее отъ жены больнаго. Въ сосѣдствѣ съ ними живетъ одна почтенная г-жа М. Ѳ. Бычкова; какъ сосѣди, они хорошо знакомы; М. Ѳ. очень жалѣла, что такъ рано умираетъ хорошій сосѣдъ. По доброму христіанскому чувству кто не поспѣшитъ или дѣломъ, или словомъ помочь безнадежному больному? Такъ сдѣлала и г-жа Бычкова. Какъ сосѣдкѣ, ей было извѣстно все положеніе больнаго сосѣда, и она даже слышала, что доктора его признали безнадежнымъ. Изъ жалости къ умирающему, она, какъ истинно вѣрующая, осмѣливается предложить женѣ умирающаго новое лекарство, но уже не человѣческое, а божеское. Она, какъ только я вышелъ, прочитавши отходныя молитвы умирающему, принесла женѣ умирающаго воды, взятой изъ источника отца Серафима, подвижника Саровской пустыни, и просила ее дать умирающему выпить этой воды. По словамъ жены, она, взявши эту воду, поднесла къ больному, чтобы дать ему выпить, но больной уже почти не могъ открыть ротъ, только съ чайной ложки она могла влить ему въ ротъ нѣсколько капель, а остальную воду вылила ему на голову. Здѣсь надобно замѣтить, что больной принимать пищи уже не могъ, желудокъ не работалъ, и принятое что-либо больнымъ безъ всякаго процесса — изливалось вонъ. Но какое удивительное дѣйствіе оказала эта вода изъ источника отца Серафима! Жена умирающаго такъ разсказываетъ: съ того момента какъ она влила ему въ ротъ нѣсколько капель и намочила голову, больной совершенно затихъ, такъ что она подумала, не умираетъ ли ужь онъ, и стала внимательно слѣдить. Но больной, къ удивленію ея, заснулъ тихимъ сномъ. Въ такомъ состояніи прошло нѣсколько часовъ. Затѣмъ больной просыпается и проситъ пить; она отъ такой неожиданности совершенно растерялась и не знаетъ, чего бы дать ему, чтобы было не вредно; ей пришло на мысль дать молока, что она и сдѣлала; но потомъ вспомнила, что молоко было ему запрещено, поэтому очень опасалась дурныхъ послѣдствій; — больной выпилъ и чувствуетъ, что ему хорошо. Желудокъ пришелъ въ дѣйствіе и прежняго не повторялось. Съ этихъ минутъ (16 ноября) ему стало лучше. На другой день г. Розовъ слушалъ его

грудь и нашелъ переворотъ къ лучшему. Больной, какъ говоритъ г. Розовъ, вновь оправился. Однако бедро оставалось по-прежнему болѣзненнымъ и припухшимъ, свищевые ходы не закрывались, движеніе въ тазобедренномъ суставѣ было крайне ограничено, хотя больной чувствовалъ себя довольно хорошо, имѣлъ хорошій аппетитъ, и силы вновь возстановились. Въ такомъ положеніи г. Розовъ передалъ больнаго въ мартѣ мѣсяцѣ другому врачу (17 марта). Приглашенъ былъ г. Анерикъ. Г. Анерикъ, разсмотрѣвши болѣзнь, счелъ необходимымъ расширить проходы матеріи и вставить новые дренажи, что и сдѣлалъ при тщательномъ стараніи; но болѣзнь не ослабѣвала, больной не могъ спокойно сидѣть отъ боли, а если когда выходилъ, чтобы подышать воздухомъ, то этотъ подвигъ былъ дѣлаемъ съ крайнимъ усиліемъ. Жена, слуги и два костыля были необходимыми ему помощниками. Въ концѣ мая г. Анерикъ, видя, что болѣзнь упорна и нисколько не ослабѣваетъ отъ его усилій, сталъ предлагать больному, вызвать изъ Москвы опытнаго хирурга и сдѣлать рѣшительную операцію — проникнуть въ полость живота, но при этомъ все-таки надежды на полный и вѣрный исходъ не подавалъ. Больной, пролежавши уже цѣлый годъ подъ разными операціями гг. врачей, безъ всякой пользы, потерялъ уже вѣру въ помощь ихъ и, помня, что онъ теперь живъ единственно потому, что передъ смертью напоили его водою изъ источника отца Серафима, возымѣлъ желаніе, не смотря на крайнюю невозможность по случаю болѣзни, — самолично поклониться сему угоднику Божію, и сталъ собираться въ Саровскую пустынь. Г. Анерикъ удерживалъ его, представляя всѣ неудобства, при такомъ здоровьи, дальняго путешествія, 130 верстъ, и говорилъ, что больной умретъ дорогой. Трудность путешествія увеличивалась еще тѣмъ, что нужно ѣхать непремѣнно на лошадяхъ, дорога непокойная, много нужно ѣхать лѣсомъ, а лѣсная дорога, по причинѣ корней, всегда бываетъ очень тряска. Но, несмотря на все сіе, желаніе больнаго было твердо, и онъ поѣхалъ. Жена больнаго, внимая словамъ врача, на всякій случай взяла съ собою все нужное для погребенія. Взяты были также всѣ дѣти,

чтобы не лишить больнаго, въ случаѣ печальнаго исхода, утѣшенія, видѣть въ послѣднія минуты своихъ дѣтей.

Положеніе больнаго было очень тяжелое: сидѣть въ экипажѣ онъ не могъ, потому что больная нога была согнута, а сотрясеніе отъ ѣзды производили нестерпимую боль въ паху, и, по словамъ жены, онъ слабѣлъ все болѣе, и она уже боялась какъ бы опасенія врача не сбылись. При каждой остановкѣ, изъ экипажа былъ выносимъ на рукахъ. И въ такомъ болѣзненномъ состояніи больной прибылъ въ Серафимо-Дивѣевъ монастырь, на пути къ Саровской пустыни, въ 12-ти верстахъ отъ Сарова. Здѣсь больной намѣренъ былъ нѣсколько отдохнуть отъ тяжкаго пути и пробыть сутки. Это было 5-го іюня, въ день праздника Святой Троицы. Наступило время всенощнаго бдѣнія, и больной, не смотря на сильную боль въ паху, рѣшается быть при богослуженіи. Съ помощію жены и своихъ служителей, онъ на носилкахъ принесенъ изъ гостинницы къ церкви и почти на рукахъ внесенъ былъ въ церковь къ богослуженію. Что было потомъ, больной такъ говоритъ: „Тяжело мнѣ было сидѣть, но хотѣлось пробыть въ церкви все время службы. Служба тамъ очень продолжительная и, особенно по случаю праздника, очень торжественная, пѣніе стройное, чтеніе внятное, и я, внимая чтенію и пѣнію духовныхъ пѣсенъ, какъ будто забылъ свою болѣзнь; было пропѣто величаніе предъ иконой праздника, и молящіеся пошли прикладываться къ этой иконѣ праздника и получать св. елеепомазаніе. Когда приложился весь народъ, пошелъ и я съ большимъ усиліемъ съ помощію жены и другихъ на своихъ костыляхъ приложиться къ иконѣ праздника и получить св. помазаніе елеемъ. Когда я приложился къ иконѣ и получилъ помазаніе, глаза мои невольно обратились на стоящую въ иконостасѣ святую икону Божіей Матери, которая прежде была въ кельѣ старца Серафима, и предъ которой онъ такъ пламенно молился, и въ этотъ моментъ я почувствовалъ, что больная нога моя твердо стала на полъ и безъ боли для меня. Не помня, что дѣлаю, я приподнялъ свои костыли и, безъ помощи ихъ, при удивленіи всѣхъ предстоящихъ, пошелъ на свое мѣсто. Жена въ недоумѣніи спѣшитъ поддер-

жать меня, но мнѣ помощь ея уже не нужна. Душевное состояніе мое было необъяснимо, и въ такомъ состояніи я былъ до самаго конца службы. Когда служба кончилась, я смѣло всталъ на ноги и вышелъ изъ церкви, гдѣ дожидались меня мои служащіе съ носилками; но я, не нуждаясь въ ихъ помощи, отдалъ даже и костыли, и до самой гостинницы (разстояніе 1/4 версты) шелъ безъ всякой помощи".

„Радость моя была радостію неописанною. Я чувствовалъ какъ бы свое возрожденіе. Хотя по случаю утомленія силы мои были еще слабы, но я уже не чувствовалъ той тяжкой боли въ ногѣ, какую испытывалъ въ продолженіе полутора года. Впрочемъ стали укрѣпляться и силы. На другой день я уже пѣшкомъ опять пошелъ въ церковь, гдѣ и пріобщился Святыхъ Тайнъ и въ тотъ же день поспѣшилъ въ Саровъ, и прямо на могилу отца Серафима, гдѣ и отслужилъ панихиду. На утро, послѣ богослуженія, я поспѣшилъ къ тому цѣлительному источнику, водой изъ котораго я такъ былъ чудесно спасенъ отъ смерти; разстояніемъ этотъ источникъ отъ монастыря болѣе 3-хъ верстъ. Но для меня, какъ будто нѣтъ утомленія. Прежде безъ посторонней помощи я не могъ пройти по комнатѣ, а теперь легко иду это немалое для больнаго разстояніе. Источникъ этотъ вытекаетъ изъ горы и вѣрующіе подходятъ подъ эту цѣлительную струю раздѣвшись до нага, и подходъ довольно трудный по мѣстоположенію. Дорогой я раздумывалъ, вынуть или не вынимать мнѣ изъ больнаго мѣста дренажи. Многіе совѣтовали, чтобы не трогать,—такъ я и сдѣлалъ; нѣкоторые изъ богомольцевъ, не имѣя силъ сами подойти подъ струю источника, окачиваются этою водою изъ ведра;—нѣкоторые изъ братій монастыря (о. Германъ) совѣтовали и мнѣ такъ сдѣлать, потому что видѣли меня довольно слабымъ. О. Германъ обѣщалъ принести и самое ведро. Но я уже у источника, а о. Германа съ ведромъ нѣтъ. (Онъ впослѣдствіи объяснилъ, что не принесъ ведра потому, что вдругъ дорогой заболѣлъ и возвратился назадъ). Не долго думая, я раздѣваюсь до нага и иду подъ самый источникъ; какъ только почувствовалъ на себѣ холодную струю источника, замѣчаю,

что эта холодная струя возбудила въ моемъ организмѣ какой-то облегчительный жаръ, и у меня силы стало больше. Выхожу изъ источника и вижу, что одного изъ дренажей нѣтъ при мнѣ, и куда исчезъ—неизвѣстно, а другой вынулъ самъ; только поверхъ воды плаваетъ одинъ шелковый снуръ, которымъ онъ былъ привязанъ. Обратный путь, отъ источника до монастыря, я былъ несенъ на носилкахъ, опасаясь много себя изнурять,—монастыремъ шелъ пѣшкомъ,—на другой день за обѣдней пріобщился св. Христовыхъ Тайнъ. Въ этомъ монастырѣ я прожилъ нѣсколько дней въ смиренныхъ моихъ молитвахъ, благодаря милосерднаго Бога за Его святую помощь, чрезъ угодника Его Серафима".

Въ настоящее время бывшій больной совершенно здоровъ, больная нога все болѣе и болѣе укрѣпляется, хотя на дальній путь онъ имѣетъ при себѣ костыль, но ступаетъ на больную ногу смѣло, и боли не чувствуетъ никакой. Гдѣ была опухоль, то мѣсто пришло въ нормальное состояніе. На мѣстѣ, гдѣ были дренажи, имѣются небольшія язвины, изъ которыхъ иногда вытекаютъ капли матеріи, какъ будто бы для постояннаго напоминанія ему, чтобы онъ не забывалъ милость Божію, оказанную ему въ жизни его. Боли же и ломоты не чувствуетъ никакой. Медицинскихъ средствъ по сіе время не употребляетъ.

Справедливость писаннаго утверждаю своимъ подписомъ: города Мурома, Николо-Побережской церкви священникъ Іоаннъ Чижевъ.

„Воду отъ источника отца Серафима я женѣ умирающаго дѣйствительно приносила, и все вышеписанное, что касается меня, вѣрно.

„Удостовѣряю, жена поручика
Марія Θеодоровна Бычкова."

На рукописи-подлинникѣ рукою Засухина прибавлено: „Съ января 1884 г. выдѣленія гноя совершенно прекратилось. 6 марта купался въ источникѣ о. Серафима въ Саровѣ, чему свидѣтель бывшій со мною іеромонахъ Германъ, 8-го марта 1884 г. Иванъ Ивановъ Засухинъ, муромскій купецъ."

„Все вышеписанное справедливо, описанный священникомъ Чижевымъ случай какъ моей болѣзни, такъ и исцѣленія, описанъ вполнѣ вѣрно, въ чемъ удостовѣряю своимъ подписомъ: муромскій 2 гильдіи купецъ Иванъ Ивановъ Засухинъ.“

„Какъ свидѣтельница болѣзни моего мужа и его исцѣленія, вполнѣ утверждаю все вышеписанное священникомъ Іоанномъ Чижевымъ, жена Ив. Ив. Засухина Прасковья Никифоровна Засухина.“

„Я, нижеподписавшійся, удостовѣряю, что вышеозначенныя подписи на семъ документѣ признаны предъ мною, Василіемъ Михайловичемъ Русаковымъ, муромскимъ нотаріусомъ, въ конторѣ моей, находящейся по Касимовской ул. въ собственномъ домѣ, подъ № 681, священникомъ муромской Николо-Побережской церкви Іоанномъ Давыдовичемъ Чижевымъ, женою поручика Маріею Ѳедоровною Бычковою, муромскимъ 2-й гильдіи купцомъ и женою его Прасковьею Никифоровною Засухиными, жительствующими въ городѣ Муромѣ, лично мнѣ извѣстными, сдѣланными ими собственноручно 1883 г., декабря 3 го дня. По реэстру № 847.

Нотаріусъ Василій Русаковъ.“

„Къ совершившемуся надо мною во очію всѣхъ вышеизложенному чуду Божіей благодати и милости, считаю святымъ долгомъ совѣсти моей помѣстить еще два факта непрерывающагося милосердія Божія, съ вѣрою къ Нему прибѣгающимъ.

1882 года, въ октябрѣ мѣсяцѣ, ради безвыходнаго состоянія болѣзни моей, сопровождаемый муромскимъ, меня пользовавшимъ врачемъ г. Розовымъ, поѣхалъ я въ Петербургъ, взялъ съ собою и сына моего Сергія, мальчика восьми лѣтъ, у котораго, вся покрытая струпьями, голова сильно болѣла. Жена моя, Прасковья Никифоровна, сама возила къ извѣстному профессору накожныхъ болѣзней г. Полотебнову, который, осмотрѣвъ мальчика, назначилъ привезти его въ клинику, и по тщательномъ докторскомъ осмотрѣ охарак-

теризовалъ болѣзнь паршею, притомъ высказавъ и рѣшенія науки, что ранѣе двухъ лѣтъ немыслимо прервать болѣзнь эту ужасную, и все же съ непремѣннымъ условіемъ, что на мѣстахъ струпьевъ никогда уже не можетъ появляться волосъ, а должны остаться плѣши; назначивъ лѣкарства, передалъ онъ самъ весь способъ лѣченія врачу нашему г. Розову, что тщательно и исполнялось нами безъ малѣйшаго упущенія, но также и безъ наималѣйшаго же признака улучшенія болѣзни, что крайне обоихъ насъ печалило.

Совсѣмъ приговоренный къ смерти, рѣшился я, наконецъ съ полною вѣрою въ милосердіе Божіе, оставляя все, ѣхать въ Саровъ къ извѣстному всей Руси въ Бозѣ тамъ почивающему подвижнику, чудному старцу Серафиму, прося его намъ, несчастнымъ, помощи. Рѣшивъ это, я и сынъ съ 1 іюня 1883 года, дня нашего изъ дому выѣзда, отдавшись въ волю Божію, бросили всѣ медицинскія средства.

По пути въ Саровскую пустынь, 5 іюня, въ день св. Троицы, остановились мы отдохнуть отъ столь для моей болѣзни мучительной дороги въ Серафимомъ же устроенной и, такъ сказать, его духомъ порожденной Серафимовой—Дивѣевской обители, и тутъ узналъ о заповѣди старца съ умственною молитвою проходить, по вырытой, по его указанію, трудами сестеръ обители, канавкѣ въ память прохожденія, по его же Серафимовымъ словамъ, этого мѣста Самою Матеріею Божіею. Пошли и мы всею семьею нашею исполнять святымъ старцемъ заповѣданное. Больной мой сынъ Сергій, по совѣту насъ сопровождавшей монахини, опускаясь въ самую глубь канавки, срывалъ траву и цвѣты, раскладывая ихъ все время на свою больную голову. Пріѣхавъ въ Саровъ, какъ я, купался и онъ въ источникѣ Серафимовомъ и, по возвращеніи 13 іюня, домой, въ Муромъ, голова мальчика не только совершенно очистилась, но густо заросла прекрасными волосами безъ наималѣйшаго даже признака какой либо болѣзненности.

Третіе знаменіе милосердія Божія съ вѣрою къ Нему прибѣгающимъ, случилось въ нашей семьѣ слѣдующимъ обра-

зомъ: по пути изъ Сарова домой, не доѣзжая нѣсколько верстъ до города Ардатова, на мосту, дочь моя Надежда, 12 лѣтъ, желая опустить поднятую и забытую желѣзную подножку тарантаса, не успѣла во время отнять руку, такъ что желѣзомъ срѣзало и оторвало у нея весь верхъ по первый суставъ большаго пальца правой руки съ ногтемъ и поврежденіемъ кости; сильно огорченные и напуганные этимъ несчастнымъ приключеніемъ, не зная чѣмъ помочь, кое-какъ наложили мы ей оторванный ноготь на окровавленный и обезображенный палецъ, и цѣлыя четверо сутокъ пути примачивали его водой изъ Серафимова источника взятой. Пріѣхавъ домой въ Муромъ, тотъ же часъ пригласили доктора, который началъ лечить большой палецъ дочери, и видя, что нисколько не улучшается отъ имъ прилагаемыхъ медицинскихъ пособій, онъ объявилъ намъ необходимость прибѣгнуть къ операціи, отнять палецъ несчастной дѣвочки. Жена моя ушла пѣшкомъ въ Саровъ и принесла елея изъ лампады, горящей на могилѣ старца Серафима, съ вѣрою приложила тряпочку, въ этомъ елеѣ пропитанную, къ гніющему обезображенному пальцу дочери, и сказала ей: „съ вѣрою молись, Надя, милосердому Господу и проси батюшку Серафима, чтобы онъ исцѣлилъ тебя!“ Дѣвочка заснула, а на утро пріѣхавшій докторъ развязалъ больной палецъ и удивился, не только не видя признака гноя, но найдя и самую-то рану затянувшеюся, и излишнею оказалась прежде неизбѣжная операція. Мы же пораженные всѣмъ случившимся, возблагодарили Господа и благодѣтеля нашего батюшку Серафима, продолжали прикладывать привезенный елей къ больному мѣсту пальца дочери моей. Палецъ не только совершенно оздоровѣлъ, но даже и все оторванное само собою заросло, образовавъ, какъ и должно, обыкновенный палецъ съ малымъ рубцомъ признака бывшей болѣзни, и, не взирая на увѣренія доктора, что ногтя не будетъ, потому что ноготь былъ снятъ съ корнемъ совершенно, какъ и должно образовался ноготь, и палецъ свободно можетъ все дѣлать какъ и прежде, и во время всей болѣзни, которая продолжалась съ 13-го іюня по 20-е іюля, приходъ

жены, и съ этого дня оставлено было леченіе доктора, а продолжали мазать елеемъ и водой примачивали все время болѣзни, и она не чувствовала, во все время болѣзни, боли. 15-го августа она уѣхала учиться въ Нижній, въ институтъ Маріинскій, и тамъ у ней выросъ ноготь, въ чемъ удостовѣряю своимъ подписомъ, отецъ ихъ, Иванъ Ивановъ Засухинъ, муромскій купецъ. Все вышеписанное удостовѣряю своимъ подписомъ мать ихъ, Прасковья Никифоровна Засухина.

ГЛАВА XXXII.

Жизнеописаніе блаженной Прасковьи Ивановны, такъ называемой Паши Саровской. Современное состояніе Серафимо-Дивѣевскаго монастыря.

Монахиня Анна Герасимовна, прожившая 45 лѣтъ вмѣстѣ съ Христа ради юродивой Пелагеей Ивановною Серебренниковой, разсказывала о общеніи ея съ другими юродивыми такъ:

„Забѣгали къ Пелагіи Ивановнѣ и прочія, бывавшія въ обители, блаженныя рабы Божіи,—такіе же, какъ и она дурочки, какъ себя они величали. Разъ напримѣръ зашла, такъ всѣми называемая блаженная Саша Саровская. Она потому и называлась Саровскою, что нѣсколько лѣтъ спасалась въ Саровскомъ лѣсу. Взошла—и молча сѣла возлѣ Пелагіи Ивановны. Долго смотрѣла на нее Пелагія Ивановна, да и говоритъ: „да! вотъ тебѣ-то хорошо, нѣтъ заботы, какъ у меня: вонъ дѣтей-то сколько!“ Встала Паша, поклонилась ей низехонько и ушла, не сказавши ни слова въ отвѣтъ. Спустя много лѣтъ послѣ того, сестра обители нашей Ксенія Кузьминишна, старица прежнихъ Серафимовскихъ временъ, однажды во время обѣдни осталась одна съ Пелагіей Ивановной и сидя на лавкѣ у окна, тихонько расчесывала у ней голову, а Пелагія Ивановна спала. Вдругъ Пелагія Ивановна вскочила, точно кто ее разбудилъ, такъ что старицу Ксенію испугала, бросилась къ окну, открыла его и высунувшись на половину, стала глядѣть въ даль и на кого-то грозить. „Что такое?“ подумала старица Ксенія и подошла къ окну поглядѣть; и видитъ отворяется

обительская калитка, что у Казанской церкви и въ нее входитъ блаженная Паша Саровская съ узелкомъ за плечами, направляется прямо къ Пелагіи Ивановнѣ и что-то бормочетъ про себя. Подойдя ближе и замѣтивъ, что Пелагія Ивановна ей что-то таинственное говоритъ, Паша остановилась и спросила: „что, матушка, или нейти?“ „Нѣтъ, говоритъ Пелагія Ивановна. „Стало-быть, рано еще? Не время?“ „Да, подтвердила Пелагія Ивановна.“ Молча на это низко поклонилась ей Паша и тотчасъ же, не заходя въ обитель, ушла въ ту самую калитку. И послѣ этого года полтора не была у насъ.“

„Вотъ онѣ, блаженные-то какъ разговариваютъ“ говорила Анна Герасимовна,—„поди и понимай ихъ, какъ хочешь... А онѣ, дурочки-то, все знаютъ лишь другъ на друга только взглянутъ, все и понимаютъ. Что-же, вы думаете, значили эти таинственные ихъ разговоры? А вотъ что: лѣтъ за шесть до смерти Пелагіи Ивановны явилась къ намъ опять Паша съ какою-то дѣтскою куклою, а потомъ еще не много погодя и со многими куклами; нянчится бывало съ ними, ухаживаетъ за ними, называя ихъ *дѣтьми*. И стала Паша по нѣсколько недѣль, а потомъ ужъ и по нѣскольку мѣсяцевъ проживать у насъ въ обители, гдѣ день, гдѣ ночь. За годъ до кончины Пелагіи Ивановны почти весь годъ прожила у насъ. А какъ скончалась Пелагія Ивановна, то осталась даже и совсѣмъ въ нашей обители. Была нѣсколько разъ она у меня и я пробовала предложить ей остаться. „Нѣтъ, нельзя, говоритъ; вонъ маменька-то не велитъ,—отвѣчаетъ мнѣ, показывая на портретъ Пелагіи Ивановны. „Что это, говорю, я не вижу!“ „Да ты-то говоритъ, не видишь, а я-то вижу, не благословляетъ!“ Такъ и ушла, и поселилась у клиросныхъ въ корпусѣ...“

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что Пелагія Ивановна, поставила на свое мѣсто—Прасковью Ивановну съ тою же цѣлію, какъ о. Серафимъ послалъ ее въ Дивѣевъ. Ихъ назначеніе въ обители: спасать души монашествующихъ отъ натисковъ врага человѣческаго и отъ искушеній и страстей, имъ вѣдомымъ, по прозорливости. Если дивная и блаженная раба Божія Прасковья Семеновна, шумѣвшая въ дни

неправильныхъ дѣйствій въ Дивѣевѣ преосвященнаго Нектарія,—называла Пелагію Ивановну—вторымъ Серафимомъ, то мы не ошибемся, если скажемъ, что за вторымъ—сталъ въ Дивѣевѣ и третій, по духу и страданіямъ, Серафимъ, испытавшій въ теченіи 30 лѣтъ пустынножительство въ Саровскомъ лѣсу, строжайшее постничество, наконецъ тѣлесныя истязанія въ міру, какъ Пелагея Ивановна и избіеніе какъ о. Серафимъ врагомъ, который вооружилъ противъ нее разбойниковъ съ цѣлью ограбленія, передъ приходомъ на жительство въ обитель, проломилъ блаженной голову и оставилъ жертву свою плавающую въ крови. Таковы были ученицы великаго старца и блаженнаго Серафима! Какъ же не сказать, что счастливы мы, живя одновременно съ такими людьми на землѣ и имѣя ихъ предъ глазами себѣ въ назиданіе!

Блаженная Прасковья Ивановна, всѣмъ извѣстная по данному ей прозвищу „Паша Саровская“ и почитаемая въ обители за „маменьку,“ родилась въ Тамбовской губерніи, Спасскаго уѣзда, въ селѣ Никольскомъ, въ помѣстьи г-дъ Булыгиныхъ, отъ крестьянина Ивана и жены его Дарьи, которые имѣли трехъ сыновей и двухъ дочерей. Одну изъ дочерей звали Ириной,—нынѣшнюю Пашу. Господа отдали ее 17-ти лѣтъ, противъ желанія и воли замужъ за крестьянина Ѳеодора. Ирина жила съ мужемъ хорошо, согласно, любя другъ друга и мужнина семья очень уважала ее, потому что Ирина хо[illegible] работала, ходила на барщину, любила церковныя службы, усердно молилась, избѣгала гостей, общества и не выходила на деревенскія игры. Такъ прожила она съ мужемъ 15 лѣтъ и Господь не благословилъ ее дѣтьми. По прошествіи этихъ годовъ, г-да Булыгины продали ихъ другимъ помѣщикамъ нѣмцамъ, господамъ Шмидтъ, въ село Суркотъ. Чрезъ пять лѣтъ послѣ этого переселенія, мужъ Ирины заболѣлъ чахоткой и умеръ. Тогда господа ее взяли въ кухарки и экономки. Нѣсколько разъ они пробовали вторично [illegible] выдать замужъ, но Ирина рѣшительно сказала: „хо[illegible] меня, а замужъ больше не пойду!“ Такъ ее и оста[illegible] вотъ чрезъ 1½ года стряслась бѣда, надъ усадьбой Шмидта, обнаружилась покража

двухъ холстовъ... Прислуга показала, что ихъ украла Ирина. Пріѣхалъ становой съ своими солдатами и помѣщики упросили его наказать виновную. Солдаты звѣрски ее били, истязали, пробили ей голову, порвали уши... Ирина продолжала говорить, что она не брала холстовъ. Тогда господа призвали мѣстную гадалку, которая сказала, что холсты украла дѣйствительно Ирина, да не эта и опустила ихъ въ воду т. е. въ рѣку. На основаніи словъ гадалки, начали искать холсты въ рѣкѣ и нашли ихъ.

Послѣ пересоленнаго истязанія, невинная Ирина не была въ силахъ жить у господъ „нехристей" и въ одинъ прекрасный день ушла. Помѣщикъ подалъ заявленіе о ея пропажѣ. Черезъ полтора года ее нашли въ Кіевѣ, куда она добралася Христовымъ именемъ на богомолье. Схватили несчастную Ирину, посадили въ острогъ и затѣмъ, конечно не спѣша, препроводили по принадлежности къ помѣщику. Можно себѣ представить, что она испытала въ острогѣ, сидя съ арестантами, мучимая голодомъ и обращеніемъ конвойныхъ солдатъ! Помѣщики чувствуя свою вину и какъ они жестоко отнеслись къ ней,—простили Ирину, желая опять пользоваться ея услугами и стараніями исполнять свои послушанія. Господа сдѣлали Ирину огородницей и болѣе года она прослужила имъ вѣрою и правдою, но ее возвратили изъ Кіева уже не той, какая она была ранѣе, Въ ней произошла перемѣна—внутренняя, которая явилась вслѣдствіе испытанныхъ страданій, несправедливости и полученія сердечной теплоты и свѣта у старцевъ въ Кіевѣ. Могла-ли она ждать впереди что-либо отъ людей, когда вся честная и добрая жизнь ея, даже не увѣрила никого въ порядочности и справедливости! Теперь въ сердцѣ ея жилъ одинъ Богъ, единый любящій, нелицепріятный, милосердный Христосъ и она поняла въ Кіевѣ къ чему должны стремиться люди и единственно чѣмъ могутъ усладить свое сердце на землѣ... Ирина жила, работала, услуживала господамъ, но сердце ее укрѣплялось одними воспоминаніями о Кіевѣ, о пещерахъ, угодникахъ Божіихъ и о своемъ духовномъ отцѣ-старцѣ. Видно было, что горѣло и билось въ ней сердце любовію ко Христу и духовной жизни, если

она, не смотря на всѣ ужасы—ареста въ острогѣ и шествія по этапу,—не вытерпѣла и убѣжала вторично отъ своихъ господъ.

Чрезъ годъ, по объявленію, ее опять нашли въ Кіевѣ и арестовали. Снова ей пришлось перетерпѣть страданія острога, этапнаго препровожденія къ помѣщикамъ и наконецъ къ довершенію всѣхъ испытаній, господа не приняли ее и выгнали раздѣтую, безъ куска хлѣба на улицу деревни. Идти ей теперь въ Кіевъ конечно было непосильно и даже безполезно въ духовномъ смыслѣ; участь ея рѣшилась и при помощи прозорливыхъ подвижниковъ Кіевской Лавры она знала волю Божію... Несомнѣнно эти духовные отцы благословили ее на юродство ради Христа.

Пять лѣтъ она бродила по селу какъ помѣшанная, служа посмѣшищемъ не только дѣтей, но и всѣхъ крестьянъ. Тутъ она выработала привычку жить всѣ четыре время года на воздухѣ, голодать, терпѣть стужу и затѣмъ пропала.

За неимѣніемъ личныхъ свѣдѣній отъ блаженной Паши, мы не можемъ сказать, гдѣ она жила до переселенія въ Саровскій лѣсъ или она прямо удалилась туда изъ господской деревни. Несомнѣнно одно: что въ Кіевѣ она приняла тайный постригъ, съ именемъ Параскевы и отъ того называетъ себя Пашей.

Въ Саровскомъ лѣсу она пребывала, по свидѣтельству монашествующихъ въ пустынѣ, около 30 лѣтъ; жила въ пещерѣ, которую себѣ вырыла. Говорятъ, что у нея было нѣсколько пещеръ, въ разныхъ мѣстахъ обширнаго непроходимаго лѣса, переполненнаго хищными звѣрьми и медвѣдями. Ходила она временами въ Саровъ, въ Дивѣевъ и ее чаще видѣли на Саровской мельницѣ, куда она являлась работать на живущихъ тамъ монаховъ.

Она обладала всегда удивительно пріятною наружностію. Во время своего житья въ Саровскомъ лѣсу, долгаго подвижничества и постничества, Паша имѣла видъ Маріи Египетской. Худая, высокая, совсѣмъ сожженая солнцемъ и поэтому черная, страшная, носила въ то время короткіе волосы, такъ какъ всѣ поражались ее длинными до земли волосами, придававшими ей красоту, которые мѣшали ей

теперь въ лѣсу и несоотвѣствовали тайному постригу. Босая, въ мужской монашеской рубашкѣ, свиткѣ, растегнутой на груди, съ обнаженными руками, съ серьезнымъ выраженіемъ лица, она приходила въ монастырь и наводила страхъ на всѣхъ, незнающихъ ее.

За четыре года до переѣзда въ Дивѣевскую обителъ она временно проживала въ одной изъ деревень. Ее уже считали тогда блаженной и прозорливостію своею она заслужила всеобщее уваженіе и любовь. Крестьяне и странники давали ей деньги, прося ея молитвы, а исконный врагъ всего добраго и хорошаго въ человѣчествѣ, вселилъ разбойникамъ напасть на нее и ограбить несуществующее богатство, чѣмъ уподобилъ ея страданія,—страданіямъ батюшки о. Серафима. Негодяи избили ее до полусмерти и блаженную Пашу нашли всю въ крови. Она болѣла послѣ этого цѣлый годъ и совершенно уже никогда не оправлялась. Боли проломленной головы и опухоль подъ ложечкой мучаютъ ее постоянно, хотя она повидимому, не обращаетъ никакого вниманія и только изрѣдко говоритъ себѣ-же: „Ахъ, маменька, какъ у меня тутъ болитъ! „Что не дѣлай маменька, а подъ ложечкой не пройдетъ!“.

Живя уже въ Дивѣевѣ, она позднею осенью 1884 года, шла мимо ограды кладбищенской церкви Преображенія Господня и ударивъ палкой объ столбъ ограды сказала: „вотъ какъ этотъ столбъ-то повалю, такъ и пойдутъ умирать; только поспѣвай могилы капать!“ Слова эти скоро сбылись: какъ повалился столбъ—блаженная Пелагія Ивановна, за нею умеръ священникъ Феликсовъ, потомъ столько монахинь, что сорокоусты не прекращались цѣлый годъ и случалось, что двухъ за разъ отпѣвали.

Когда скончалась Пелагія Ивановна, то въ 2 часа ночи ударили въ большой монастырскій колоколъ и всѣ клиросныя, у которыхъ жила въ это время блаженная Паша, переполошились, поскакали съ постелей, думая, что это не пожаръ-ли. Паша встала вся сіяющая и начала всюду у иконъ ставить и зажигать свѣчи. „Ну вотъ, сказала она, какой тутъ пожаръ, вовсе нѣтъ, а просто теперь это у васъ снѣжокъ маленько разстаялъ, а теперь темно будетъ!“

Паша-блаженная поселилась временно въ клиросномъ корпусѣ у Татьяны Никифоровны Сахаровой, хотя прежде всегда отказывалась, когда ее звали къ себѣ монашенки. Но чрезъ недѣлю, послѣ смерти Пелагіи Ивановны, она стала роптать, что ей холодно спать у двери, у порога, гдѣ было единственное для нея свободное мѣсто „Вы попросите матушку игуменію“ сказала ей Татьяна Никофоровна,—„вѣрно вамъ не откажутъ дать болѣе покойное мѣсто!“ „Что-же, отвѣтила Паша-блаженная, коли милость ихъ будетъ!“ На этихъ словахъ поймали ее клиросныя сестры, боявшіеся, что она все-таки уйдетъ и не станетъ жить въ Дивѣевѣ, да и доложили по начальству ея желаніе. Видно пришелъ часъ воли Божіей! Матушка Игуменія Марія весьма обрадовалась, сейчасъ-же распорядилась перемѣстить клиросныхъ, дабы дать ей свою собственную маленькую келію. Келію убрали, оклеили, устроили; поставили постель, комодикъ, столъ и сундукъ. Развѣшили иконы, лампаду и подарили ей подушку, одѣяло, самоваръ, чай, сахаръ, чашку и все необходимое. Паша-блаженная еще на крыльцѣ встрѣтила посланныхъ съ вещами келейницъ, со словами: „милости просимъ!“ Ужъ такъ она была рада, когда ей совсѣмъ убрали и устроили келію! Она стала весело распѣвать и восторгаться, что теперь у нее „свой чуланчикъ!“.

Послѣ побоевъ и подъ старость Прасковья Ивановна начала толстѣть. Типичная наружность ея бываетъ весьма разнохарактерна, смотря по настроенію внутренняго духа, то чрезмѣрно строгая, сердитая и грозная, то ласковая и добрая, то горько, горько грустная. Но отъ добраго взгляда ея—каждый человѣкъ приходитъ въ невыразимый восторгъ. Дѣтскія добрые, свѣтлые глубокіе и ясные глаза ея—поражаютъ настолько, что исчезаетъ всякое сомнѣніе въ ея чистотѣ, праведности и высокомъ подвигѣ. Они свидѣтельствуютъ, что всѣ эти странности ея, иносказательный разговоръ, строгіе выговоры и выходки,—лишь наружная оболочка, преднамѣренно скрывающая величайшее смиреніе, кротость, любовь и состраданіе. Тому, кто испытаетъ ея

взоръ на себѣ, такъ и хочется броситься, обнять и расцѣловать ее.

Облекаясь въ сарафаны, она какъ превратившаяся въ незлобивое дитя, — любитъ яркіе, красные цвѣта и иногда одѣваетъ на себя нѣсколько сарафановъ сразу,—какъ напр. когда встрѣчаетъ почетныхъ гостей или въ предзнаменованіе радости и веселія для входящаго къ ней лица. На головѣ носитъ обыкновенный старушичій чепецъ и крестьянскій платокъ. Лѣтомъ она ходитъ въ одной рубахѣ.

Чрезвычайно чистоплотная, порядочная, она любитъ, чтобы въ ея келіи было опрятно. Со дня смерти блаженной Пелагеи Ивановны она уже перемѣнила нѣсколько помѣщеній и нынѣ живетъ у воротъ съ монахинею Анною Ивановною, завѣдующею монастырской лавочкой, въ которой продаются образа, крестики, пояски и проч. Въ клиросномъ корпусѣ одно время она жила у монахини Александры Ивановны, къ которой по временамъ продолжаетъ ходить и теперь, называя ее Александръ Ивановичъ. Обстановка келіи несравненно лучше, чѣмъ была у блаженной Пелагеи Ивановны, сидѣвшей на полу у печки между тремя дверьми. Несомнѣнно, что у каждой блаженной имѣются свои особенности. Деревянная, прочная кровать блаженной Паши, съ громадными подушками рѣдко занимается ею, а больше на ней покоются куклы. Да и нѣтъ времени ей лежать, такъ какъ ночи на пролетъ она молится предъ большими образами, поставленными въ кивотахъ какъ въ правомъ, такъ и въ лѣвомъ углахъ; изнемогая подъ утро, блаженная Паша—ложится и дремлетъ, но чуть брежжетъ свѣтъ,—уже моется, чистится, прибирается или выходитъ на прогулку для молитвы. Отъ живущихъ съ нею и отъ тѣхъ, у кого она ночуетъ иногда въ клиросномъ корпусѣ, по старой привычкѣ, она непремѣнно требуетъ, чтобы въ полночь они встали помолиться и если кто не исполняетъ этого монашескаго правила, то начинаетъ на столько шумѣть, воевать и браниться, что по неволѣ всѣ встаютъ ее унимать. Строго слѣдитъ она также, чтобы сестры ежедневно ходили за службы въ церковь. Если блаженная Паша остается въ келіи, то напившись чаю послѣ обѣдни, садится за работу,

вяжетъ чулки или дѣлаетъ пряжу. Это занятіе—сопровождается конечно, внутренной Іисусовой молитвой и потому Пашина пряжа такъ цѣнится въ обители, что изъ нее дѣлаютъ пояски и четки. Въ иносказательномъ разговорѣ своемъ она называетъ вязаніе чулокъ—упражненіемъ въ непрестанной Іисусовой молитвѣ. Такъ однажды пріѣзжій подошелъ къ ней съ мыслію, не переселиться ли ему поближе къ дивному въ духовномъ отношеніи Дивѣеву и она сказала ему въ отвѣтъ на мысли его: „Ну чтожъ? — Пріѣзжай къ намъ въ Саровъ, будемъ вмѣстѣ грузди собирать и чулки вязать! „т. е. нагибаться при собираніи грибовъ, — класть земные поклоны и чулки вязать—учиться Іисусовой молитвѣ.

Привычка ея жить съ природой, въ лѣсу, заставляетъ блаженную Пашу иногда лѣтомъ и весной удаляться въ поле, въ рощи и тамъ проводить въ молитвѣ и созерцаніи по нѣсколько дней. Не забываетъ она и тѣ монастырскія послушанія, которыя отдалены на нѣсколько верстъ отъ обители; познавая по прозорливости духовныя потребности монашествующихъ, но живущихъ на большой дорогѣ, въ соблазнѣ, она стремится туда бороться и со врагомъ и для наставленія сестеръ. Конечно, вездѣ ее принимаютъ съ радостію, особымъ удовольствіемъ и упрашиваютъ пожить подольше. Къ особенностямъ ея пути относится стремленіе постоянно переходить съ мѣста на мѣсто. Еще прежде, когда мать-игуменя предлагала ей сама и чрезъ другихъ поселиться въ монастырѣ, она всегда отвѣчала: „нѣтъ, никакъ нельзя мнѣ, ужъ путь такой, я должна всегда переходить съ мѣста на мѣсто!“ Поэтому и теперь подъ старость она все странствуетъ изъ келіи въ келію, отъ монастыря — въ дальнее послушаніе или въ Саровъ, на прежнія свои излюбленныя мѣста. Этимъ не мало смущаются живущія съ нею монахини, которыя по величайшей любви къ ней скучаютъ, тоскуютъ въ дни ея отсутствія и еле справляются съ народомъ, пріѣзжающимъ и приходящимъ къ блаженной за совѣтомъ и наставленіемъ.

Во время своихъ странствованій она имѣетъ простую палочку, которую называетъ тросточкой, узелокъ съ разными вещами, серпъ на плечѣ и нѣсколько куколъ за па-

зухой. Этотъ видъ,—блаженной Паши, съ вьющимися сѣдыми кудрями и чудными голубыми глазами, въ ея преклонные года нынѣ,—невольно приковываетъ вниманіе каждаго человѣка. Тросточкой своей она пугаетъ иногда простой народъ, пристающій къ ней и виновныхъ въ какихъ-нибудь проступкахъ. „А гдѣ моя тросточка! Ну-ка я возьму ее!“ говоритъ она, когда ее растревожатъ. Всѣ боятся этой тросточки и бываютъ случаи, что она немилосердо бьетъ ею, когда никакими словами нельзя вразумить человѣка. Такъ, однажды, пришелъ странникъ и пожелалъ, чтобы его впустили въ келію, а блаженная Паша въ это время была чѣмъ-то занята и монахиня Анна Ивановна не рѣшалась ее тревожить. Но странникъ дерзко настаивалъ на своемъ и наконецъ сказалъ Аннѣ Ивановнѣ: „передайте ей, что я такой же, какъ она!“ Удивилась Анна Ивановна словамъ, доказывающимъ, что въ немъ нѣтъ ничего духовнаго, но все-таки сочла нужнымъ передать блаженной Пашѣ о приходѣ столь мало смиреннаго странника. Анна Ивановна вошла въ келію смѣясь и говоритъ: „маменька хорошая! Тамъ къ тебѣ пришелъ странникъ и велѣлъ передать, что онъ такой-же какъ ты! Велишь пустить?“ Блаженная Паша ничего не отвѣтила, но вскорѣ взяла свою тросточку и вышла внаружу. Пока странникъ кланялся ей, она начала бить ею изо всѣхъ силъ тросточкой, восклицая: „ахъ ты душегубецъ, обманщикъ, воръ, притворщикъ!“ и т. д.

Трудно удержаться отъ смѣха, когда Прасковья Ивановна, развертываетъ свой узелокъ, съ которымъ путешествуетъ всюду. Чего только въ немъ нѣтъ: и корки и горохъ вылущенный, и огурцы, и травки и рукавички дѣтскіе, вязаные, въ первомъ пальцѣ которыхъ завязаны деньги и разныя тряпочки и деревянные крестики, закрытые безчисленнымъ числомъ платковъ. Все это перепутано, смѣшано и часто она, будучи въ веселомъ настроеніи, сама дѣтски хохочетъ, перебирая свое имущество.

Серпъ имѣетъ большое духовное значеніе. Она имъ постоянно жнетъ травку и подъ видомъ этой работы—кладетъ поклоны Христу и Богоматери. Если кто придетъ къ ней изъ гостей, въ особенности изъ дворянъ и почетныхъ лю-

дей, съ которыми она не считаетъ себя достойной сидѣть въ компаніи, то блаженная Паша распорядится угощеніемъ, чаемъ, а сама поклонившись гостю въ ноги, — идетъ жать травку, т. е. молиться за этого человѣка. Нажатую травку она цѣнитъ и никогда не забудетъ въ полѣ или на дворѣ монастыря, а всегда заберетъ уже къ вечеру и отнесетъ или отошлетъ на конный дворъ. Въ предзнаменованіе неприятностей она жнетъ приходящимъ—лопухъ, подавая колючіе шишки и т. д.

О происхожденіи ея куколъ сообщила намъ Анна Герасимовна, жившая съ покойной Пелагеей Ивановною. Она ими занимается съ усердіемъ и не мало предсказываетъ, приходящимъ къ ней, примѣрно показывая на куклахъ. Блаженная Паша моетъ ихъ, кормитъ, укладываетъ на постель, а сама ложится на край кровати. Нельзя, повидимому, ничѣмъ такъ утѣшить Прасковью Ивиновну, какъ подаривъ ей куклу. И куклы ея замѣчательныя! Наприм., есть одна кукла, которой она отмыла всю голову и какъ только приходитъ время кому-нибудь умереть въ монастырѣ, Паша вынимаетъ ее, убираетъ и укладываетъ. Между куклами есть любимыя и нелюбимыя, что выражается ея ласкамя, играми съ ними и проч.

У нее любимое занятіе, по старой привычкѣ,—полоть огородъ и поливать, но теперь она соединяетъ съ непрестанной Іисусовой молитвой, произнося ее съ выдергиваніемъ каждой травки. Когда она говоритъ: „ужъ я полола, поливала, вездѣ полола!“—означаетъ, что она повѣствуетъ о своихъ молитвахъ за того, о комъ говорятъ. „Никто не полетъ, никто не поливаетъ, все я одна работаю!“ жалуется она иногда, объясняя этимъ, что не можетъ она одна за всѣхъ успѣвать молиться, должны обратиться и къ другимъ. Вообще блаженная Паша постоянно бываетъ занята и въ работѣ и сильно ворчитъ на молодыхъ, если они проводятъ время праздно. „Вы вотъ все пьете, да ядите, а нѣтъ того, чтобы пойти дѣло подѣлать!“ Бранитъ всѣхъ за нечистоту, нечистоплотность. „Это что?! кричитъ она иногда монашенькамъ, - „это что!? Надо взять тряпочку, либо щеточку, да все и вымыть, да вытерѣть!“

Любитъ Прасковья Ивановна, также по старой привычкѣ, иногда печь булки и пироги, которые всегда посылаетъ въ подарокъ матушкѣ — игумени и другимъ. Но въ разговорѣ о семейной жизни, часто уподобляетъ ее — приготовленію кушаній. „А ты знаешь, скажетъ она, какъ надо варить супъ? Сперва очистить коренья, скипятить воду, потомъ поставить на плиту, наблюдать за всѣмъ этимъ, повременамъ охлаждать, отставлять кастрюльку, а то подогрѣвать...“ и пойдетъ скороговоркой объяснять, какъ необходимо женатымъ людямъ соблюдать нравственную чистоту, охлаждать горячность характера и подогрѣвать холодность и не спѣша, съ умомъ и сердцемъ устраивать свою жизнь.

Прасковья Ивановна рѣдко ходитъ теперь въ церковь, лишь посылаетъ своихъ сожительницъ къ каждой службѣ. Молится она своими словами, какъ малое дитя, но знаетъ наизустъ и нѣкоторыя молитвы. Любовь у нее къ Богу и Святымъ,—своеобразная; такъ она кладетъ къ нимъ любимыя свои вещи, украшаетъ ихъ цвѣтами. Богородицу она часто называетъ: „маменькой за стеклышкомъ!“ Если она упрекаетъ людей за проступки, то часто выражается такъ: „зачѣмъ обижаешь Маменьку!“ т. е. Царицу Небесную. Некогда Прасковья Ивановна идетъ въ церковь, то еще наканунѣ особенно омывается и приготовляется къ такой радости. Въ храмѣ становится у двери или на крыльцѣ, чинно съ благоговѣніемъ и трепетомъ. Пріобщается она сравнительно рѣдко и очень любитъ Саровскаго духовника. Иногда всю службу въ церкви стоитъ на колѣнахъ. Она вообще любитъ все дѣлать не въ опредѣленное время, а по внушенію сердца; такъ иногда вдругъ становится какъ вкопанная передъ образомъ и молится или станетъ гдѣ ни попало на колѣни, въ полѣ, въ горницѣ или среди улицы и усердно со слезами молится. Бываетъ, что и ночью вскакиваетъ вдругъ, скажетъ себѣ: „молись!“ Другой разъ въ церковь войдетъ и начнетъ тушить свѣчи и лампады у образовъ или не позволяетъ зажигать въ келліи лампадки. Съ иконами, Господомъ, Богоматерію и святыми, она разговари

ваетъ по своему. Испрашивая на каждый шагъ и дѣйствіе—благословеніе у Господа, она иногда громко разговариваетъ и тутъ-же громко отвѣчаетъ себѣ. „Надо мнѣ идти? Или погодить? Иди, иди скорѣй глупенькая!“ и пойдетъ. „Еще молишься? или кончить? Николай чудотворецъ батюшка, хорошо-ли прошу? Не хорошо говоришь? Уйти мнѣ? Уходи, уходи скорѣй маменька!“ „Ушибла я пальчикъ Маменька! Полѣчить что-ли? Не надо? Самъ заживетъ!“ и т. д. Дѣйствительно, кажется, что блаженная Паша—разговариваетъ съ невидимымъ для насъ міромъ. Поднося гостинцы къ Божіей Матери, она лепечетъ: „матушка! Царица-Небесная! Какой младенецъ-то у Тебя—Батюшка! На, на, на вотъ возьми, покушай нашъ дорогой!“. Обыкновенно она говоритъ про себя въ третьемъ лицѣ: „Иди Прасковья! Нѣтъ, не ходи! Бѣги Прасковья, бѣги!“.

Любитъ Прасковья Ивановна также посѣщать окрестныя деревни и села; иногда она ночуетъ у крестьянъ, къ несказанной ихъ радости.

Случаевъ прозорливости Прасковьи Ивановны невозможно собрать и описать. Положительно она знаетъ каждую мысль, обращающагося къ ней человѣка и всего чаще отвѣчаетъ на мысли, чѣмъ на вопросы. Въ дни, безпокойные для нее, несомнѣнно вслѣдствіе борьбы ея съ врагомъ человѣчества, она безъ умолку говоритъ, но невозможно ничего понять, ломаетъ вещи, посуду, точно борется съ духами, волнуется, кричитъ, бранится и бываетъ вся внѣ себя. Такъ однажды она встала съ утра вся разстроенная и растревоженная, послѣ полудня къ ней подошла пріѣзжая госпожа, поздоровалась и хотѣла побесѣдовать, но Прасковья Ивановна закричала, замахала руками: „уйди, уйди! Неужели не видишь вонъ діаволъ! Топоромъ голову отрубили, топоромъ голову отрубили!!“. Посѣтительница перепугалась, отошла, ничего не понимая, но вскорѣ ударили въ колоколъ, оповѣщая, что сейчасъ скончалась въ больницѣ монахиня во время припадка падучей болѣзни; тогда стали понятны слова блаженной Паши.

Крестьянская дѣвица изъ села Рузина, по имени Ксенія, пришла къ Прасковьи Ивановнѣ просить благословенія

на переѣздъ въ монастырь. „Братья мнѣ келью поставятъ!“ сказала она. Но на эти слова какъ вскочитъ блаженная и закричитъ: „что ты говоришь дѣвка! Надо прежде въ Петербургъ сходить, да всѣмъ господамъ сперва послужить, тогда дастъ мнѣ Царь денегъ, я тебѣ какую поставлю!“ Чрезъ нѣкоторое время братья Ксеніи стали дѣлиться и она опять смутилась своего участію; приходитъ она къ Прасковьѣ Ивановнѣ и говоритъ: „вотъ братья дѣлиться хотятъ, а ты не благословляешь! Какъ хотите, а ужъ не послушаю я васъ и поставлю келлію! Блаженная Паша опять вскочила, растревожанная ея словами и сказала:“ экая ты дочька глупая! Ну можно-ли! Вѣдь ты не знаешь сколько младенецъ то превше насъ!“ Сказавъ это, блаженная легла и вытянулась. Ушла бѣдная Ксенія ничего не понявъ, но осенью умерла ея сноха и осталось на ея рукахъ дѣвочка, круглая сиротка.

Однажды, бѣгая по селу Аламасову, блаженная Паша зашла къ священнику, у котораго былъ въ то время по дѣламъ дьячекъ ихъ. Подошла она къ дьячку и стала ему говорить: „Господинъ! Прошу тебя, возьми или пріищи хорошую кормилицу или няньку какую, потому тебѣ надо, никакъ нельзя, ужъ я тебя прошу возьми кормилицу-то!. Священникъ услыхавъ эти слова огорчился, вообразивъ что его беременная жена умретъ родами. Прожилъ онъ въ большомъ страхъ, пока Богъ не послалъ ему ребенка совершенно благополучно, но дьячекъ лишился своей жены, которая, не смотря на силы, здоровье и молодость, скончалось отъ родовъ.

Крестьянинъ сосѣдней деревни ѣздилъ однажды Саровскимъ лѣсомъ за монастырской известкой и встрѣтилъ блаженную Пашу, шедшую не смотря на морозъ босою, въ одной рубашкѣ. Покупая известку, ему предложили взять нѣсколько лишнихъ пудовъ безъ денегъ; онъ подумалъ, да и взялъ по искушенію. Ѣдетъ онъ обратно домой, а ему опять встрѣчается блаженная Паша. Поравнявшись съ нимъ она и говоритъ: „аль богаче отъ этого будешь, что бѣса-то слушаешь! А ты лучше-ка живи той правдой, которой жилъ!.

Дивной Дивѣевской обители и ея досточтимой игуменіи Маріи пришлось еще пережить не малыя бѣды. Въ 1890 г. 21 января сгорѣла трапеза, въ 1891 г. 3 октября сгорѣли

дома священниковъ и діаконовъ и въ 1893 году - былъ голодъ, отразившійся окончательно непосильно на средствахъ монастыря. Пережила игуменія Марія и эти бѣды, даже вновь выстроила каменную, прекрасную трапезу, каменные дома для священнослужителей, но какъ и чѣмъ? Несомнѣнно чудесами! Для пропитанія 900 сестеръ требуется прикупать до 15,000 пудовъ хлѣба; своя же запашка—кормитъ обитель всего два мѣсяца въ году. Пространство занимаемое монастыремъ такъ велико, что преосвященный Іоанникій, нынѣшній кіевскій митрополитъ, говорилъ, смотря на обитель: „это область, а не монастырь!“ Число построекъ, мостовъ, заборовъ и проч. настолько значительно, что требуетъ ежегодно большой ремонтъ и все это дѣлается, исправляется, поддерживается, безъ средствъ и капиталовъ. Какъ не признать, что эта громадная обитель живетъ чудесами батюшки о. Серафима!

Кто не имѣтъ истиннаго представленія о средствахъ Серафимо-Дивѣевскаго монастыря, тотъ войдя въ него и любуясь соборомъ, трапезой, мастерскими — несомнѣнно рѣшитъ, что это богатый монастырь, но если-бы посѣтители спросили какъ строился соборъ, сколько лѣтъ, кто писалъ образа и картины, а главное, какъ живутъ сестры обители, какова ихъ трапеза и проч., чрезъ что познается истина, то они навѣрное удивились бы всему видѣнному и познанному. Соборъ строился изъ собственнаго кирпича съ 1849 по 1875 годъ, картины писали сами монашествующія, живутъ сестры на свои собственныя средства въ далеко неприглядныхъ деревянныхъ домикахъ, въ нуждѣ и нѣкоторыя въ большой бѣдности, питаются самой скудной, грубой пищей, которую только и въ состояніи имъ предложить монастырь за неимѣніемъ капиталовъ и по многолюдству въ обители, какъ напр. пустые щи и огурцы, а каша бываетъ только по праздникамъ. Обитель о. Серафима существуетъ съ 1825 года и только теперь приступили къ постройкѣ каменной колокольни. Этотъ бросающійся въ глаза контрастъ, это несоотвѣтствіе большаго красиваго собора, прекрасной трапезы и превосходныхъ мастерскихъ, не исключая живописной и фотографіи,—съ жилыми деревянными по-

мѣщеніями, съ нуждою и бѣдностію сестеръ, со скудною ихъ пищею,—и свидѣтельствуетъ, что въ Серафимо-Дивѣевскомъ монастырѣ, основанномъ такими великими подвижниками, какъ о. Серафимъ и мать Александра и избранномъ себѣ въ земной удѣлъ Царицею Небесною,—живетъ истина, правда, любовь ко Господу и Его Пречистой Матери, здѣсь сохранились въ прежней силѣ и въ полномъ значеніи слова—духовность! Посѣщающіе и познающіе эту рѣдкую нынѣ сторону Серафимовой обители, стремятся скорѣе вернуться туда и искренно благодарятъ Богоматерь, произнося: „Спаси ихъ Господи!“